

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Годъ седьмой.

СЕНТЯБРЬ.

1876 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Вѣсты императрицы Ематерины II съ Далеки 1772—1777 гг. Сообщ. П. П. Фонтъ-Годцъ.	1	VIII. Война Россіи съ Турціей въ 1858—1854 гг. планы и предначертанія о войнѣ; донесенія и записки кн. Паскевича и кн. М. Д. Горчакова	145
II. Ематерина II и кн. Потемкинъ: подлинная переписка, 1788—1789 гг.	21	IX. Листки изъ записной книжки «Русской Старини»: 1) О портретѣ Пугачева. Сообщ. Н. В. Губерти (171). 2) Расправа съ Пугачевцами. Народный рассказъ (Сообщ. Д. Садовникова) (172). 3) Зубовы. Сообщ. Л. Р. (173). 4) Годлевскіе. Сообщ. А. С. Дамачевскій (174). 5) Повелѣніе императора Николая о цѣтѣ за могилы. 1826 г. (175). 6) Свадьба Н. М. Карамзина, 1801 г., съ прилѣт. А. Д. Галахова (176). 7) Промѣна ичмана Кропотова, 1808 г. (181).	
III. Кн. Платовъ Александровичъ Зубовъ. Биографическій очеркъ, 1768—1822 гг. Гл. III.	39		X. Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ. Замѣтки профес. В. С. Изюмникова.
IV. Главныя пособники Емальяна Пугачева. Очерки и рассказы по подлинному о нихъ дѣлу. 1773—1774 гг.	53		
V. Григорій Андреевичъ Глума, наставникъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича, въ 1816—1818 гг. Сообщ. В. Г. Глужина-Мавринъ	75		
VI. Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ, акад., строитель Храма Спасителя. Его автобиографія, событія 1824—1834 гг.	109		
VII. Записки Ивана Степановича Мирявнича. 1795 — 1848 гг. Сообщ. С. Д. Карповъ. Гл. XV—XVI	127		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Къ этой книгѣ прилагается: портретъ Алексѣя Петровича Ермолова, гравированный на кѣди М. П. Помалестиницъ и отпечатанный въ Парижѣ.

Продолжается подписка на «Русскую Старину» 1876 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

Находится въ продажѣ и можно получить третье изданіе «Русской Старини» 1870 г. (первый годъ). Цѣна за 12 книгъ, въ трехъ томахъ, съ портретами и снимками 8 руб. съ пересылкой.

Открыта подписка на «Русскую Старину» 1877 г. Цѣна 8 руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, № 90—1.

1876.

IX-я книга „Русской Старини“ вышла 1-го сентября.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Ивана Забѣлина. Ч. I, XII + 647. Москва. 1876. Ц. 4 р.

Въ русской исторической литературѣ давно чувствовался недостатокъ въ исторіи внутренней жизни русской страны, въ исторіи культуры. Попытки и опыты въ подобномъ родѣ были у насъ: но авторъ названнаго сочиненія задался цѣлью представить обзоръ русскои исторіи (съ означенной точки зрѣнія) до ближайшихъ къ намъ временъ. Это право волюй принадлежитъ автору, известному уже въ литературѣ такими капитальными трудами, какъ «Домашній бытъ царей и царицъ», также изслѣдованія по исторіи московскихъ древностей и древнему русскому искусству, археологическія изысканія, давшія возможность автору лично ознакомиться съ значительными запасами вещественнаго матеріала и т. п. Известно, что этотъ матеріалъ до послѣдняго времени не занималъ въ нашихъ историческихъ трудахъ выдающагося мѣста. Но, какъ справедливо замѣчаетъ известный знатокъ сѣверныхъ древностей, г. Ворсо: «если Россія не займется изученіемъ своей древнѣйшей старины, то она не исполнитъ своей задачи, какъ образованнаго государства. Дѣло это уже перестало быть народнымъ: оно дѣлается общечеловѣческимъ». Наши археологическія и археографическія общества собрали достаточное количество матеріала, требующаго надлежащей оцѣнки и переработки. Появились и отдѣльныя изслѣдованія въ этомъ направленіи...

«Исторія русской жизни» состоитъ изъ 5-ти главъ и 4-хъ приложений. Въ первой изъ нихъ авторъ разсматриваетъ «природу русской страны», куда входятъ не только общія климатическія и географическія условія жизни, но и вся совокупность частныхъ особенностей, носящихъ у автора оригинальныя заглавія: русскій видъ-ландшафтъ, русскій морозъ, лѣсъ, поле-степь; народные пути-дороги и т. д., вліяніемъ которыхъ объясняются дальнѣйшія историческія послѣдствія: постоянное движеніе въ этой области, равная колонизація, смѣшеніе племенъ, направленіе торговли, политическая централизація и т. п. Вторая глава посвящена изслѣдованію происхожденія имени Руси. Этому вопросу авторъ отвѣлъ весьма большое мѣсто (37—20½ стр. и три приложения), не только потому, что этотъ вопросъ обыкновенно ставится въ русской исторіи «во главу угла», но также и потому, что въ самой обработкѣ его выразилось множество культурныхъ жизненныхъ отношеній. Самъ авторъ стоитъ безусловно на анти-норманской точкѣ зрѣнія. Онъ подробно разбираетъ происхожденіе норманской теоріи, находи

чяну ея торжества въ національности первыхъ русскихъ ученыхъ по этому вопросу, нашедшихъ потомъ поддержку въ лицѣ такихъ историковъ, какъ Кирмазянъ, Погodinъ и др., которые не рѣшились стать противъ доводовъ, удачно приведенныхъ въ систему, а это окончательно утвердило торжество послѣдней. Варяговъ и Русь авторъ находитъ на Балтійскомъ поморьѣ, среди славянъ, объясняя въ такомъ смыслѣ и древнѣйшія свидѣтельства русскихъ летописей, и показанія другихъ историковъ. Въ частности же имя Руси онъ выводитъ отъ славянскои Руги, въ подтвержденіе чего ссылается, между прочимъ, на одну древнюю карту, на которой въ Балтійскомъ поморьѣ можно найти множество соответственныхъ названій, и на рядъ названій въ области нынѣшней Россіи. Замѣчательно однако, что авторъ оставляетъ етнологическую сторону вопроса, нѣтъ, быть можетъ, въ виду коснуться ея въ ближайшей части своего труда, въ которой ему придется говорить о начальномъ періодѣ русской исторіи. Во всякомъ случаѣ ее не счесть возможнымъ обойти такой горячій противникъ норманства, какъ Д. И. Иловайскій.

Не менѣе подробно разсматриваетъ авторъ древнѣйшую этнографію русской области (гл. III, 202—421). Здѣсь онъ слѣдитъ за судьбами послѣдней со времени Геродота, находя какъ въ мѣстной номенклатурѣ древнихъ писателей, такъ и въ ихъ описаніи быта народовъ, дополненномъ свѣдѣніями изъ средневѣковыхъ историковъ, болѣе или менѣе ясное присутствіе славянскаго элемента и полагая на этомъ основаніи пребываніе его тамъ болѣе древнимъ, чѣмъ думалъ Шварцъ. Такимъ образомъ, великое переселеніе народовъ представляется автору совершенно въ иномъ свѣтѣ, и въ самыхъ именахъ и бытѣ описываемыхъ народовъ (даже Унновъ) онъ открываетъ нѣрѣдко черты чисто-славянскія. Это даетъ ему право отвергать сложившееся представленіе о славинахъ, какъ народѣ несклонномъ къ военнымъ предпріятіямъ и морскому искусству. Слѣдовательно, за долго до начала русской исторіи мы встрѣчаемъ уже съ славинами, какъ народомъ, занимающимъ известное мѣсто въ исторіи. Первые византійскія извѣстія о славяноменахъ русскихъ съ грехами подтверждаютъ доводы автора противъ того «пустаго мѣста» въ русской исторіи, какое обыкновенно оставляется въ ней, при иномъ взглядѣ на исторію славянъ и которое авторъ старался заполнить съ помощью новаго освѣщенія данныхъ (глава IV). Послѣдняя глава (V) этого труда касается первыхъ лѣтописныхъ извѣстій и гражданскаго строя русскаго общества въ началѣ его исторіи (родоваго

РУССКАЯ СТАРИНА

РЮРИКОВИИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XVII.
1876.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Сочин. И. Шараван.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1876.

Александр Суворов

ВЕСЪДЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II СЪ ДАЛЕМЪ

1772—1777.

Германъ Юрьевичъ фонъ-Даль, въ 1786 г. дѣйств. статск. совѣтникъ, совѣтникъ для таможенныхъ дѣлъ въ с.-петербургской казенной палатѣ, кавалеръ ордена св. Владиміра 3-й степени, въ 1772 — 1777 гг. былъ рижскимъ таможеннымъ инспекторомъ. Даль имѣлъ въ Петербургѣ домъ на Большой Морской, кажется, тотъ самый, нынѣ казенный, домъ, въ которомъ живетъ министръ внутреннихъ дѣлъ; скончался 67-ми лѣтъ, 21-го іюля 1789 года.

Предлагаемая статья есть переводъ съ нѣмецкой полуистребленной, собственноручной, рукописи Даля, принадлежащей собранію П. П. фонъ-Геца и имъ сообщенной «Русской Старинѣ».

Ред.

I.

26-го января 1772 г.

Императрица. — «Я нарочно вызвала васъ сюда, для того, чтобы вы поставили мнѣ торговлю¹⁾ въ новыхъ провинціяхъ и городѣ Ригѣ въ такое положеніе, которое вполне удовлетворяло бы моихъ тамошнихъ подданныхъ. Мое довѣріе къ вамъ велико. Я уже десять лѣтъ знаю васъ за человѣка честнаго, способнаго и прилежнаго къ дѣлу. Я надѣюсь, что вы поважите себя таковымъ и въ настоящемъ случаѣ».

На мой отвѣтъ, что уже положено хорошее начало дѣлу и что я не могу предложить лучшаго основанія для устройства коммерціи, какъ то, которое уже принято, государыня обнаружила удовольствіе и сказала:

¹⁾ Императрица въ подлинникѣ употребляетъ слово *Commerciën* во множественномъ числѣ.

— «Вы сняли тяжкій камень съ моего сердца, Даль. Я поручаю вамъ приложить всевозможное стараніе, чтобы освободить меня отъ заботы и объ остальномъ».

За тѣмъ послѣдовалъ вопросъ: «отчего въ нынѣшнемъ году въ Ригѣ не заключено контрактовъ съ полявами?»

Я отвѣчалъ, что сенатъ посылалъ къ намъ подь секретомъ указъ, а, между тѣмъ, еще до полученія его, онъ не былъ у насъ секретомъ ни для кого; этимъ указомъ полявамъ и другимъ воспрещалось ввозить товары во вновь прибрѣтенныя области, и черезъ такое воспрещеніе они были отстранены отъ заключенія контрактовъ.

— «Достаньте мнѣ этотъ указъ, съ большею горячностію повелѣла государыня. Надобно мнѣ на этотъ счетъ d.... E...¹⁾ еще кое-что такое сказать, чего я имъ еще не говорила; впрочемъ, прошу васъ, принесите мнѣ торговый уставъ, которымъ я чрезвычайно интересуюсь. А что это у васъ съ рукой?»

— Да такъ, въ дорогѣ не посчастливилось; я пріѣхалъ даже больной, но теперь ничего, я здоровъ, особенно послѣ того, какъ отъ господина тайнаго совѣтника Теплова я слышалъ такіа дѣльныя замѣчанія, которыя имѣютъ цѣлю прямыя выгоды коммерціи и, въ то же время, исполняютъ меня увѣренности въ успѣхѣ моихъ плановъ.

Императрица.— «Вотъ это меня очень радуетъ; мое хорошее мнѣніе о васъ все болѣе и болѣе возрастаетъ».

II.

4-го февраля 1772 г.

Императрица.— «Я слышу, что у вашей комиссіи хотять отнять торговлю иностранною солью?»

Я отвѣчалъ, что это большой ущербъ для торговли, но еще хуже, когда принимаютъ запретительныя мѣры касательно предмета, о которомъ не имѣютъ понятія. Затѣмъ я подробно изложилъ дурныя послѣдствія, истекающія отъ запрещенія продажи иностранной соли. Это побудило государыню сказать:

— «Вы мнѣ говорите о вещахъ, о которыхъ я никогда прежде не слыхала. Я вижу, что вы хотѣли-бы еще распространиться

¹⁾ У Дали стоятъ въ подлинникѣ буквы d.... E..., означающія: *damme Esel*; нѣмецъ не хотѣлъ приводить рѣзкаго выраженія императрицы. Г.

объ этомъ предметѣ, но теперь мнѣ недосугъ, и такъ, приходите завтра въ 8 часовъ».

Я вручилъ государынѣ доставленный мнѣ отъ начальства, пока секретный, сенатскій указъ, съ нѣкоторыми примѣчаніями, особенно противъ самыхъ строгихъ его пунктовъ. Она приняла это милостиво.

5-го февраля приходилъ, какъ мнѣ приказано было; однако, тайный совѣтникъ Кузьминъ просилъ меня придти на другой день утромъ, потому что въ этотъ день, 5-го февраля, у императрицы было очень много дѣла. Того-же числа подписано мое повышение чиномъ.

III.

8-го февраля 1772 г.

— «Извините меня, что не могла вчера васъ принять, я очень была занята», — такъ встрѣтила меня государыня; затѣмъ, продолжала: «Я прочла докладъ вашей комисіи и осталась имъ чрезвычайно довольна; я вполне одобрила его, какъ вы, вѣроятно, слышали. Теперь вы можете возвратиться въ Ригу; я должна слушаться генераль-губернатора, который такъ настаивалъ на вашемъ скоромъ возвращеніи».

Я принесъ должную благодарность за оказанную мнѣ незаслуженную милость: чинъ, аренду и высочайшее благоволеніе за представленія нашей комисіи; послѣ чего продолжалось разсужденіе по предмету торговли солью. Мнѣ приказано изложить на бумагѣ всѣ высказанные мною доводы и представить ихъ государынѣ чрезъ Эка (Eck) для того, «чтобы свѣтлѣйшій сенатъ еще болѣе просвѣтился»¹⁾.

— «Не правда-ли, вы называете сенатъ свѣтлѣйшимъ?»

— Да, — отвѣчалъ я, — это принадлежитъ къ нашимъ формальностямъ.

— «Такъ точно, но совершенно лишнее. А я вамъ ручаюсь, что такъ какъ для казны нѣтъ ни малѣйшей выгоды отъ запрещенія на соль, то она будетъ въ вашемъ полномъ распоряженіи, и на этотъ счетъ будьте совершенно покойны».

Я поблагодарилъ за такое заявленіе, которымъ было дано

¹⁾ Здѣсь въ подлинникѣ игра словъ, трудно переводимая: den erlauchteten Senat noch mehr zu erlauchten.

основаніе выгодной торговлѣ, и просилъ смотрѣть на нее, какъ на драгоценнѣйшій камень въ нашемъ уборѣ. Я также убѣдительно просилъ объ уменьшеніи пошлины на русскую рожь, пошлины, превышающей всякую мѣру и составляющей скорѣе ошибку, нежели точный расчетъ. Чрезмѣрность этой пошлины доказывается тѣмъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Рига стоитъ, отъ нея ни единая копѣйка не попала въ казну ея императорскаго величества; только въ прошломъ (1771) году въ первый разъ она принесла доходъ, и то вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ Германіи, по минованіи которыхъ, т. е., по прекращеніи голода, и доходъ этотъ долженъ былъ прекратиться. Если цѣна на четверть была три рубля, то поляки и курляндцы получили-бы эту цѣну вполнѣ, русскимъ пришлось-бы по два рубля, такъ какъ третій рубль пошелъ-бы на уплату пошлины.

— «Ну, и будетъ съ нихъ,—возразила императрица,—у нихъ довольно; давать имъ слишкомъ много не слѣдуетъ, такъ пусть и останется. Я не хочу,—продолжала она,—дѣлать много шума изъ всего этого. Прежде нежели издерживаться, надобно чтобы сперва всѣ были сыты. Вотъ видите,—тутъ императрица карандашомъ начертила на бумагѣ гавань, затѣмъ хлѣбородную мѣстность, орошаемую многими рѣками по направленію къ гавани, а противъ этой мѣстности бесплодный край, лишенный водяныхъ сообщеній,—если хлѣбородный край станетъ подвозить свой хлѣбъ въ гавань, лишая тѣмъ бесплодную страну своей помощи, то этотъ вывозъ причинитъ мѣстное оскуднѣіе, и вотъ причина, не позволяющая способствовать увеличенію отпуска хлѣба за границу».

— А если,—возразилъ я,—хлѣбородная мѣстность подвозомъ ржи къ приморской гавани способствуетъ улучшенію своего хозяйства и каждый увеличиваетъ свое богатство, то примѣръ этотъ можетъ послужить урокомъ для бѣднаго края, побудивъ жителей его приложить болѣе старанія къ обработкѣ, такъ чтобы не только устранить отъ себя нужду, но еще нажить избытокъ?

— «Хорошо, я согласна съ этимъ предположеніемъ, смотря по тому каковъ этотъ край. Если-же мѣстность болотиста, то что вы съ нею подѣлаете и что выйдетъ изъ вашей обработки?»

Я высказалъ мнѣніе, что нѣтъ такихъ препятствій, даже величайшихъ, которыхъ человѣкъ не въ состояніи былъ-бы преодо-

лѣтъ, если только онъ усматриваетъ возможность извлечь чрезъ то выгоды; такъ точно можно сдѣлать удобнымъ для обработки даже бесплодный край, который тогда для владѣльца будетъ столь-же полезенъ, сколь прежде былъ безвыгоденъ.

— «Я съ вами не спорю, — отвѣчала государыня; если же нельзя будетъ совершенно отмѣнить пошлину, то я, по крайней мѣрѣ, буду стараться сравнивать ее (въ Ригѣ) съ прочими русскими городами; надобно поговорить объ этомъ съ тайнымъ совѣтникомъ Тепловымъ».

— «Данцигскія затрудненія вѣроятно принесутъ выгоды рижской торговлѣ?» встала императрица вопросъ.

Я отвѣчалъ: едва-ли Рига воспользуется чѣмъ-нибудь отъ стѣсненныхъ обстоятельствъ данцигской торговли, но тѣмъ болѣе выиграетъ городъ Кенигсбергъ.

— «Вы правы. За то, когда заключенъ будетъ миръ, я открою Украинѣ торговлю на Дону, по Черному морю и далѣе. Если-бы у меня была карта подъ рукою, я доказала-бы вамъ это нагляднѣе. Знаете-ли вы въ Лифляндіи людей, знаемыхъ съ леннымъ правомъ?»

Я отвѣчалъ, что есть въ Лифляндіи люди, знающіе ленное право и общіе законы, но что я не могу догадаться, кого именно ея величество съ этой точки зрѣнія считаетъ искуснымъ въ этой наукѣ?

— «Надобно вамъ сказать, — возразила императрица, — что какой-то лифляндецъ, фамилію его не припомню, поднесъ мнѣ трактатъ о ленномъ правѣ. Я его не читала, да и самый предметъ представляется мнѣ столь незначущимъ, что мнѣ смѣшно становится, и ходатаемъ по этому дѣлу я, конечно, не буду. Что вы на это скажете?»

Я смолчалъ, находя вопросъ слишкомъ неопредѣленнымъ, а государыня продолжала:

— «Повторяю, дѣло такъ ничтожно, что я смѣюсь надъ нимъ и отстаивать его не хочу; я исправила уже нѣсколько ленныхъ помѣстьевъ, а въ Россіи ихъ не перечесть, какъ вы думаете?»

Я началъ съ того, что просилъ всемилостивѣйшаго снисхожденія, если отвѣтъ мой будетъ не подходящій, и продолжалъ: я нахожу, что Лифляндія счастлива и тѣмъ, что ея величество удостоиваетъ ее улыбкою въ ея печали.—На это не послѣдовало

ни слова въ отвѣтъ, и даже ничѣмъ не обнаружено, впопадъ-ли я сказалъ свое мнѣніе.

— «Я понимаю,—сказала императрица,—доводы, которые вы приводили въ пользу свободной торговли солью, убѣдительно; запрещеніе влечетъ за собою несчастье многихъ людей, которые, по бѣдности или по другимъ обстоятельствамъ, принуждены тайнымъ образомъ ввозить иностранную соль, и для поляковъ и для литовцевъ, пойманныхъ въ контрабандѣ, и за то подвергнутыхъ наказанію,—это поводъ избѣгать Риги, а это обстоятельство заслуживаетъ вниманія, особенно потому, что отъ дороговизны мѣстной соли очень мало выгоды для казны».

Я воспользовался случаемъ, и убѣдительно просилъ предоставить торговлѣ солью полную свободу, такъ какъ отъ того зависѣло вообще процвѣтаніе всей торговли.

— «Хорошо,—сказала императрица,—если ужъ вы такъ настаиваете, то пусть будетъ по вашему: я издамъ объ этомъ указъ; но я жду вашей записки черезъ Эка, какъ уже говорила».

Я выразилъ всю свою благодарность, присовокупивъ къ ней желаніе, чтобы хозяйственная часть во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ (т. е. въ Бѣлоруссіи) процвѣтала въ такой же мѣрѣ, въ какой выиграли уже таможенные и коммерческія дѣла, чему надобно ожидать въ послѣдствіи и доказательствъ.

— «Я должна вамъ сказать,—отвѣчала императрица,—что экономическія дѣла представляютъ изъ себя тяжелое тѣло, которое трудно поворачивать. Рижскія экономическія дѣла въ застоѣ, также и русскія, и въ новыхъ областяхъ (т. е. въ Бѣлоруссіи) не лучше. Графъ Чернышевъ ¹⁾ принимаетъ быстрыя мѣры и его легко направить какъ слѣдуетъ; когда это будетъ сдѣлано, то онъ всѣ улучшенія припишетъ себѣ, и пусть его тѣшится. Вы знакомы съ вице-президентомъ Бемеромъ? Я назначила ему хорошее жалованье, прибавивъ къ нему окладъ гвардейскихъ аудиторовъ въ 600 руб. Домъ его снабженъ со всѣмъ избыткомъ, какого онъ не имѣлъ въ Германіи. Были вы у него? Я считаю его за свѣдущаго законовѣда; онъ съумѣетъ и прочихъ членовъ коллегіи направить на здравыя мысли, а изъ молодыхъ людей, принятыхъ имъ въ коллегію, подготовить со временемъ искусныхъ

¹⁾ Гр. Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, р. 1722, † 1784, былъ первымъ, по времени, генералъ-губернаторомъ Бѣлоруссіи.

дѣльцовъ. Какъ были вы имъ довольны въ Лифляндіи? Я надѣюсь, что онъ честный человѣкъ; хочю его впредь награждать»¹⁾.

— «Съ герцогомъ Курляндскимъ,—продолжала императрица,—я заключила торговый договоръ; съ этимъ государемъ я считаю дружескія отношенія необходимыми. Я отошлю этотъ договоръ къ генераль-губернатору, который обязанъ увѣдомить меня въ случаѣ неисполненія договора со стороны Курляндіи. Генераль Эльмптъ на первый разъ откомандированъ въ Финляндію, гдѣ менѣе представляется случаевъ подавать дурные примѣры по таможеннымъ дѣламъ, о чемъ я и впредь позабочусь для него. Кланяйтесь генераль-губернатору. Желаю вамъ счастливаго пути».

IV.

31-го декабря 1774 г.

Главные предметы бесѣды, которой удостоила меня ея императорское величество въ продолженіе болѣе часа.

О губернаторѣ.

Освѣдомившись сперва о его здоровьѣ, о числѣ его дѣтей отъ послѣдняго брака, о томъ, какъ и гдѣ воспитывается его сынъ, государыня замѣтила, что губернаторъ очень честный человѣкъ, какихъ она желала-бы имѣть поболѣе. Она любила и уважала его особенно за рѣдкій характеръ; весьма было бы ей пріятно, если-бы онъ на обратномъ пути изъ Москвы заѣхалъ ее навѣстить; она будетъ непремѣнно поджидать его около этого времени. Если-бы, въ послѣдствіи, его духовникъ ему не понравился, то можетъ онъ выбрать другаго изъ ея бѣлорусской колоніи. Онъ не только пріобрѣтетъ въ немъ отличнаго человѣка, но еще и ее одолжитъ особенно.

¹⁾ Императрица выписала прусскаго тайнаго юстицъ-совѣтника Бемера (Behmer) и назначила его вице-президентомъ юстицъ-коллегіи по лифляндскимъ и эстляндскимъ дѣламъ. На самомъ-же дѣлѣ произошла ошибка: императрица воображала, что имѣеть дѣло съ извѣстнымъ Геннингомъ Бемеромъ (Behmer). Впрочемъ, и онъ былъ отличный юристъ и честный человѣкъ. Свои резолюціи по дѣламъ юстицъ-коллегіи онъ всегда составлялъ на лативскомъ языкѣ.

О губернаторѣ на островѣ Эвехѣ.

Пожимая плечами, государыня замѣтила, что сенатъ поступилъ круто въ этомъ дѣлѣ, тогда какъ она, если-бы ей представили дѣло, готова-бы распорядиться надлежащимъ образомъ. Но она и тѣмъ осталась-бы довольна, еслибы губернаторъ уладилъ дѣло по соглашенію съ сенатомъ.

О хлѣбѣ.

— «Если я не запрещу вывозить хлѣбъ изъ завоеванныхъ областей,—сказала императрица,—то онѣ за то обязаны доставить его мнѣ столько, сколько его нужно для Петербурга. У меня нѣтъ намѣренія причинять этимъ кому-либо стѣсненіе; какъ частное лицо, я хочу только купить и исправно заплатить за хлѣбъ, но чтобы съ меня не брали лишняго. Я хотѣла было произвести доставку отчасти на судахъ адмиралтейства, отчасти на ластовыхъ судахъ, возвращающихся изъ Архипелага, но въ обоихъ случаяхъ встрѣтила столько затрудненій, что отказалась отъ этого намѣренія. Я хотѣла бы найти подрядчика, который взялъ бы на себя транспортъ сюда хлѣба и при томъ на свой собственный страхъ; объ этомъ будетъ безъ замедленія написано генераль-губернатору. Мнѣ сдѣлано было предложеніе предоставить въ мое распоряженіе въ Митавѣ и Либавѣ извѣстное количество ржи, но я отъ того отказалась, полагая, что это затруднить обыкновенный ходъ торговли рожью между Курляндіею и Ригею. Въ разоренныхъ областяхъ нужда очень велика; никто такъ не знаетъ этого, какъ я; такова ужъ ихъ участь, и я сочувствую имъ болѣе чѣмъ кто-либо. Я выбрала самыя лучшія мѣры для устранения зла; только крайность, т. е. если я не получу необходимый запасъ ржи, заставить меня наложить запрещеніе на вывозъ хлѣба, о чемъ сенатъ уже входилъ ко мнѣ съ докладомъ, и что вы изъ письма моего къ генераль-губернатору, надѣюсь, ясно усмотрите».

Я выразилъ ей величеству мою благодарность за то, что она всемилостивѣйше сохраняла за городомъ Ригею свободу торговли; я находилъ, что это—настоящее средство никогда не нуждаться въ достаточномъ запасѣ, такъ какъ сосѣдняя Курляндія весь свой запасъ, превосходящій все, что можетъ произвести Лифляндія, отправляетъ на рижскій рынокъ; и это надежный источникъ, изъ

котораго можно помочь мѣстному недостатку даже такому, который происходитъ отъ неурожая. При такихъ обстоятельствахъ,—продолжалъ я,—ваше величество можете безошибочно ожидать, что этотъ сосѣдній край сохранить на ваше распоряженіе свои послѣдніе запасы, тѣмъ болѣе, что, такъ какъ суммы для закупки находятся на лицо, то дѣло теперь только въ томъ, чтобы приобрести хлѣбъ легчайшимъ и выгоднѣйшимъ способомъ, а на этотъ способъ, по моему мнѣнію, указываетъ благоразуміе въ торговлѣ; такимъ образомъ, право производить закупку, какъ частное лицо, должно сообразоваться съ правиломъ торговли, а именно извѣстить, подъ секретомъ, генераль-губернатора: какое именно количество хлѣба нужно приобрести, и предоставить ему, посредствомъ закупки у немногихъ лицъ, собрать большое количество хлѣба. Этимъ способомъ устранится повышение цѣны и положенъ будетъ предѣлъ лихоимству. Если же, напротивъ, въ публикѣ распространится слухъ о продажѣ большихъ партій хлѣба, то уже купцы, безъ сомнѣнія, разными спекуляціями подымутъ цѣны до-нельзя, во вредъ покупателя и, въ настоящемъ случаѣ, въ убытокъ казнѣ.

На это государыня отвѣчала:—«Ваши замѣчанія мнѣ нравятся, они основательны, и я постараюсь воспользоваться ими. Признаюсь вамъ, я не знала всѣхъ этихъ продѣлокъ торговли; я всегда думала, что невозможно дѣйствовать скрытно, и что подобнаго рода закупка должна непременно происходить не иначе какъ на глазахъ cadaго».

Приведенные мною примѣры купцовъ, никогда не объявляющихъ о данныхъ имъ коммисіяхъ и закупавшихъ товаръ тѣмъ дешевле, чѣмъ искуснѣе они могли притворствовать и скрывать свои намѣренія, удостоились благосклоннаго вниманія государыни, которая и заключила бесѣду словами:

— «Я тоже давно уже купецъ, но, какъ вижу, не изъ числа хитрыхъ, а такую надо мнѣ сдѣлаться, если хочу вести мою торговлю съ пользою».

О Западной Двинѣ.

Императрица.—«Я надѣюсь, что рижскій форватеръ находится теперь въ наилучшемъ состояніи, особенно такъ какъ большія трехмачтовые суда подходятъ къ самому городу, а новыя плотины такъ хорошо устроены, что служатъ не только для

пользы торговли, но и для пріятной прогулки обывателей, благодаря насаженнымъ на нихъ деревьямъ».

Такъ какъ я ни слова не отвѣчалъ, то государыня спросила, какая причина моему молчанію, и приглашала подробно описать ей состояніе рѣки Двины. На это я доложилъ, что свѣдѣнія мои объ этомъ предметѣ очень неудовлетворительны, такъ что я не могу говорить о немъ съ увѣренностью. Всякій, конечно, желаетъ наилучшаго; выгоды всѣхъ, и обывателей и иностранцевъ, замѣшаны въ дѣлѣ; особенно если сообразить и тѣ большіе расходы, которые употреблены на постройку, такъ какъ и то, что ея императорское величество принимаетъ всеилостивѣйшее участіе въ успѣхѣ этого дѣла. Между тѣмъ, я не могу скрыть истины и не сказать, что по бѣльшей части не возлагаютъ большихъ надеждъ на успѣхъ, а, напротивъ, предвидятъ невозможность приведенія дѣла къ концу, основываясь на поврежденіяхъ рѣки, оказавшихся со времени построенія на ней. Я соглашался, что въ настоящее время трехмачтовья суда подходят на парусахъ къ городскому мосту, слѣдовательно, глубина форватера въ этой мѣстности для такихъ судовъ достаточна. Еще менѣе можно что-либо сказать противъ новыхъ построекъ и плотинъ по обѣимъ берегамъ рѣки, доставляющихъ городу украшеніе и удовольствіе. Но вѣрно также и то, что до устройства плотинъ, къ городу подходили суда еще большихъ размѣровъ и въ бѣльшемъ числѣ, нежели теперь. Вообще, воды убыло, а не прибыло, и это объясняется очень просто тѣмъ, что по временамъ плотины прорываются и милліонами возовъ песку засыпаютъ Двину. Превжнія глубокія мѣста изъ широкихъ стали гораздо болѣе узкими; отмели образовались особенно при устьѣ рѣки, такъ что отъ этихъ нагроможденныхъ на днѣ холмовъ песку, близъ глубокихъ мѣстъ, при ледоходѣ или бурѣ, и все устье могло бы быть загорожено, тѣмъ болѣе, что русло, сѣзвившись, тѣмъ легче допускало это печальное засореніе.

— «Въ этомъ описаніи,—отвѣчала императрица,—я вижу мало утѣшительнаго для моихъ ожиданій и усматриваю совершенно противоположное тому, что представлено мнѣ было на бумагѣ. Впрочемъ, я еще допущу продолженіе работъ исподволь, а потомъ увижу при чемъ я.—А Вейсманъ-то женился, да уже и отецъ! Нѣтъ, такіе примѣры можно объяснить только слабостью

нашего пола. Ни за что я не повѣрила бы, что Вейсманъ женится! Ну, возможно ли это! (и императрица отъ чистаго сердца разсмѣялась). Какого вы были мнѣнія о его братѣ, генералѣ? Фельдмаршалъ (Румянцевъ), отправляя его ко мнѣ, отзывался о немъ съ величайшею похвалою; но, поговоривъ съ нимъ, я ровно ничего не нашла въ немъ и позвала его къ себѣ во второй разъ, потому что многое я отнесла къ его застѣнчивости. Я нашла въ немъ тоже самое, что и прежде — ни болѣе, ни менѣе какъ въ самомъ ограниченномъ человѣкѣ. Въ третье мое свиданіе съ нимъ, я убѣдилась, что онъ прямой простофія, не имѣющій никакихъ познаній въ своемъ дѣлѣ, съ понятіями и разсужденіями непримѣрно слабыми. Одно его достоинство, видите ли, заключалось въ томъ, что онъ въ точности исполнялъ ему данныя приказанія; онъ былъ ни что иное какъ послушное орудіе, какъ простой рядовой солдатъ. Если представлялось обстоятельство, не упомянутое въ данномъ ему приказаніи, или такое, которое по послѣдовавшей переменѣ въ ходѣ дѣла не могло быть ему указано, то онъ уже не способенъ былъ разрѣшить недоумѣніе собственнымъ разумомъ, такъ какъ, въ сущности, онъ разума не имѣлъ. Таковъ былъ генералъ Вейсманъ, и кто коротко его знаетъ, тотъ другаго мнѣнія о немъ не можетъ имѣть. Не смотря на то, я отличила его, какъ примѣчательнаго человѣка, какъ значущее лицо, и какъ такового наградила его, но сдѣлала это, конечно, для свѣта, а не по личной моей оцѣнкѣ¹⁾. Его братъ, тотъ, что живетъ у васъ, будетъ поумнѣе. Я разумѣю мужа и отца семейства, о которомъ я передъ этимъ говорила».

¹⁾ Мнѣніе императрицы о Вейсманѣ ошибочно. Это былъ одинъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ русской арміи.

Вейсманъ убитъ при Кучукъ Кайнарджи, 22-го іюня 1773 г. Смиттъ, въ своей біографіи Суворова, называетъ Вейсмана Ахилломъ русской арміи. Smitt, Suvoroff und Polens Untergang, 1. 136.

Вотъ что говоритъ Смиттъ о геройской смерти Вейсмана (Томъ I, стр. 139): «Ниманъ-паша находился съ 20,000 человѣкъ у Кучукъ Кайнарджи, откуда онъ хотѣлъ напасть на русскихъ при ихъ переправѣ черезъ Дунай. Румянцевъ рѣшился предварительно прогнать его оттуда и дѣло это поручилъ отважному Вейсману. 21-го іюня (2-го іюля) Вейсманъ съ 5,000 человѣкъ двинулся на непріятеля. Ночь провелъ онъ въ Кучукѣ и 22-го іюня, рано утромъ, сошелся съ турками, которые стояли лагеремъ, оковавшись, и занимали выгодную позицію на двухъ горахъ. Чтобы дойти до непріятеля, было необходимо

О бѣлорусской торговлѣ.

— «Вы хорошо дѣлаете,—сказала императрица,—что основываете торговлю на основаніяхъ справедливыхъ, и скорѣе склонны хорошимъ приѣмомъ привлекать къ себѣ бѣлорусскихъ жителей, нежели предлагать суровыя и понудительныя мѣры. Этотъ народъ вовсе не такъ бѣденъ, и, по отзыву губернатора, они довольно трудолюбивы; край же, болѣею частію, плодоносный; все это вмѣстѣ со временемъ сдѣлаетъ приобрѣтеніе это очень выгоднымъ для меня. Я надѣюсь, что вы относительно коммерціи будете исполнять все къ моему удовольствію; я вполне на васъ полагаюсь. Удивляюсь рижскому магистрату, который не перестаетъ противодѣйствовать торговлѣ. Я усмотрѣла это изъ дѣла уѣзднаго судьи; тоже самое вижу изъ дѣла Татова, которому у васъ отказываютъ въ правѣ гражданства. Ни одну націю, какая бы она ни была, не отстраняютъ отъ полученія права гражданства; каждый воленъ прибрѣсть его; одна русская нація (въ Лифляндіи) исключается¹⁾. Я не могу довольно надивиться этому. (Тутъ императрица даже руки подняла). Очевидно, что я вполне отношусь столько же терпѣливо и снисходительно къ магистрату, сколько этотъ магистратъ осмѣливается раздражать меня до крайней степени! Я дамъ имъ почувствовать ту же жестокость, съ которою во времена шведскаго владычества часто съ ними обращались, и отложу въ сторону снис-

пройти черезъ узкій проходъ, который турки, по безпечности, оставили безъ наблюденія. Выбравшись оттуда, русскіе образовали два каре и подъ пушечными выстрѣлами двинулись на непріятеля. Они поднялись до середины покатости, когда турки бросились на нихъ изъ лагеря и съ ожесточеніемъ напали на оба каре. Янычарамъ удалось съ саблями въ рукахъ ворваться въ одинъ уголъ лѣваго каре. Вейсманъ былъ тутъ и немедленно двинулъ въ эту брешь резервъ, находившійся внутри каре. Въ этотъ моментъ одна янычаръ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Пуля прошла черезъ руку и попала генералу въ грудь; онъ упалъ, успѣвъ только сказать: «не говорите ничего ljudямъ», и тотчасъ же умеръ. Его покрыли шинелью и скрыли отъ солдатъ его смерть; но когда они о томъ узнали, то ничто не могло сравниться съ ихъ горестію, съ ихъ яростію; опрокидывая все штыками, они не давали никому пощады; даже плѣнныхъ они умертвляли. Произведя страшное кровопролитіе между турками, они обратили ихъ въ бѣгство и завладѣли ихъ обозомъ, лагеремъ и артиллеріей, но эта побѣда была куплена дорогою цѣною: мы потеряли Вейсмана».

¹⁾ Эти строки подчеркнуты въ подлинникѣ.

сходительность! Они давно заслужили это и могутъ пенять только на себя, когда это съ ними сбудется».

Объ отдачѣ на откупъ.

— «Я довольна доходами Петербурга, а вашими тѣмъ болѣе. Мой первый торговый городъ Петербургъ, а за нимъ Рига. Я отказалась отъ отдачъ на откупъ, и пока доходы пойдутъ такимъ образомъ, нѣтъ надобности принимать предложенія откупщиковъ».

О таможенныхъ служителяхъ.

— «Благодарю губернатора за предложеніе, въ городахъ Ревелѣ и Нарвѣ, опредѣлять на таможенную службу также и русскихъ, и воспользуюсь имъ согласно его видамъ».

О мирѣ.

— «Что вы думаете о мирѣ (съ Турціей)? Онъ состоялся совершенно противъ ожиданія, въ такое время, когда и мечтать о немъ нельзя было. Я одна его подготовила, и безъ чьего-либо содѣйствія. Въ немъ заключаются весьма значительные предметы. Богъ даровалъ мнѣ его; теперь мнѣ предстоитъ приступить къ очень важнымъ распоряженіямъ, которыя, вѣроятно, въ Москвѣ повончу. Можете мнѣ повѣрить, что мнѣ очень много нужно устроить».

О ревельскихъ и другихъ городовъ комисіонныхъ дѣлахъ.

— «Эти дѣла должны оставаться у васъ до моего возвращенія. Тогда напишу генералъ-губернатору, и затѣмъ съ вами поработаю, какъ тогда, за рижскимъ комисіоннымъ дѣломъ, о которомъ вы, вѣрно, помните».

О прусскомъ королѣ ¹⁾.

— «Какое ваше мнѣніе о прусскомъ королѣ?»

Я отвѣчалъ, что имѣю такія ограниченныя понятія о сильныхъ міра сего, что не могу позволить себѣ о нихъ ни малѣйшаго сужденія.

— «Однако,—наставляла государыня,—скажите хоть то, что думаете».

Я полагаю, отвѣчалъ я, что прусскій король—великій государь; только въ отношеніи своихъ финансовъ онъ могъ бы стать выше.

¹⁾ О Фридрихѣ Великомъ.

Этотъ отвѣтъ, повидимому, согласовался съ мыслями императрицы. Она замѣтила:

— «Онъ заинтересованъ во всякаго рода торговлѣ, и получаетъ свою долю наравнѣ съ своими товарищами; онъ не пренебрегаетъ даже мелочною торговлею. Онъ тянется за большимъ, и не отказывается отъ малаго».

Я отвѣчала, что, слѣдуя именно этимъ началамъ, онъ и не успѣваетъ осчастливить ни страну, ни народъ свой; въ его государствѣ царствуетъ скорѣе какое-то отчаяніе, нежели бѣдность; такъ что, если-бы онъ не преслѣдовалъ строго эмиграціи, то нѣтъ сомнѣнія, что каждый мѣсяцъ по крайней мѣрѣ сто семействъ выходили-бы искуать счастья въ спокойной, кротко управляемой Россіи, гдѣ, начиная съ главы правительства, все старается увеличить, а не уменьшать благоденствіе подданныхъ. Государыня отвѣчала:

— «Неприлично государю быть мелочнымъ торговцемъ. Это у него не больше какъ слабость, въ которой онъ слишкомъ поздно убѣждается, а именно, когда все уже впало въ бѣдность и вредъ оказывается неисправимымъ. Предложеніемъ торговли соли хотѣли вовлечь меня въ торговлю. Ко мнѣ очень приставали, и въ представленіяхъ приводили сильные и убѣдительные доводы, однако я не поддаюсь, и буду всегда держаться этой системы безъ перемѣны».

О крестьянахъ, по порученію губернатора.

Склонивъ голову на руку и съ озабоченнымъ видомъ, императрица сказала:

— «Да, дѣло не легкое, оно не мало меня озабочиваетъ, и все-таки оно остается въ одинаковомъ положеніи. Я боюсь, не вышло-бы изъ этого что-либо въ родѣ американскаго колоніальнаго дѣла¹⁾, если только я его затрону. Гдѣ только начнутъ его трогать, оно нигдѣ не поддается. Императрица-королева (Марія-Терезія), при всемъ своемъ стараніи, не подвинулась ни на шагъ. И мнѣ предстоятъ тѣже трудности; онѣ окажутся еще большими, когда только примусь дѣйствовать. Однако, какъ знать! Удалось же мнѣ окончить многія другія дѣла. Я надѣюсь, что обстоя-

¹⁾ Вѣроятно, императрица имѣла въ виду отложеніе англійскихъ колоній Сѣверной Америки отъ Великобританіи, въ то время начавшееся.

тельства сложатся такъ, что не пойдутъ на переборъ моимъ на-
мѣреніямъ.»

Объ англійскихъ купцахъ.

— «Торговля съ Англіей для меня самая выгодная. Какъ смотрите вы на нее?»—спросила меня императрица.

Я отвѣчалъ въ такомъ смыслѣ, что торговля тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ болѣе удастся сдѣлать ее общюю. Англія естественно нуждается въ здѣшнихъ произведеніяхъ, и покупкою ихъ столько-же выигрываетъ, сколько мы сбытомъ ихъ. Выгоды вполне взаимныя. Но необходимо стараться привлечь къ себѣ и другія націи, и чѣмъ болѣе мы въ этомъ успѣемъ, тѣмъ менѣе мы будемъ подвергаться деспотическимъ требованіямъ англичанъ, въ отношеніи облегчен-ныхъ пошлинъ, и т. д., что не безъ причины дастъ другимъ націямъ поводъ къ зависти. Рынокъ, который посѣщаютъ многіе купцы, находится въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ тотъ, которымъ пользуется только одинъ торговецъ. Первому и надо споспѣшествовать, а не послѣднему, и въ этой системѣ я полагаю всю выгоду коммерціи.

Эти замѣчанія были выслушаны весьма милостиво.

О рижской торговлѣ.

— «Я надѣюсь, что Рига процвѣтаетъ и никто не имѣетъ причины жаловаться?»

Я отвѣчалъ, что всѣ весьма довольны милостивыми распоряженіями ея величества въ пользу города, и, какъ очевидно, всѣ счастливы.

— «Но я вамъ однимъ обязана этими хорошими распоряженіями, я участвовала въ нихъ только чрезъ ваше посредство», сказала императрица и продолжала: «Желаю вамъ счастливаго пути и скорого возвращенія, особенно имѣя въ виду опасности на многихъ рѣкахъ, которыя вамъ предстоитъ переѣзжать; тутъ вы можете подвергнуться опасности или по крайней мѣрѣ испугаться».

Между всѣми другими милостивыми рѣчами, это заключеніе было высшею для меня наградою.

V.

4-го февраля 1777 г.

4-го февраля 1777 года я имѣлъ счастье докладывать ея императорскому величеству о слѣдующихъ предметахъ и выслушать отвѣты на докладъ.

1. Докладывалъ о данномъ мнѣ генераль-губернаторомъ Броунномъ (Brownе) порученіи просить разрѣшенія дѣла о лифляндской ревизіи, такъ какъ ревизію положено производить каждыя шесть лѣтъ, а между тѣмъ ее не производили цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ къ ряду; дальнѣйшая отсрочка можетъ повредить казеннымъ доходамъ, а, съ другой стороны, губернаторъ опасается, чтобы дѣло, въ случаѣ могущей постигнуть его смерти, не сошло еще болѣе, чрезъ разныя толкованія, съ надлежащаго пути, особенно потому, что будущій его преемникъ, не посвященный въ суть дѣла, можетъ сдѣлаться доступнымъ къ такимъ лифляндскимъ внушеніямъ, которыя не всегда соображаются съ истиннымъ общественнымъ интересомъ. Императрица отвѣчала:

— «Неважное дѣло, если помѣщики, благодаря нѣкоторой снисходительности, добудутъ кое-что такое, что имъ не слѣдуетъ; они заплатили мнѣ турецкій налогъ, который я имъ снова отпустила; я отмѣнила также много другихъ поборовъ прежняго времени и все это—согласно съ моимъ обѣщаніемъ. Если подданный и пользуется иногда лишнимъ, хотя-бы изъ принадлежащаго казнѣ, то казна отъ этого не теряетъ: оно вернется къ ней, только попадетъ въ другой карманъ, а въ этомъ небольшая разница. Въ новыхъ намѣстничествахъ я назначила ревизію черезъ 20 лѣтъ, и, какъ я сказала, не понесу отъ этого убытка. Всмотриваясь ближе, я нахожу дѣло лифляндской ревизіи очень своеобразнымъ. Въ бытность мою, въ 1764 г., въ Ригѣ, генераль-губернаторъ говорилъ мнѣ, что нельзя ничего сказать противъ Штапельберговой методы ревизіи, и что жалобы на нее со стороны мѣстныхъ обывателей не заслуживаютъ вниманія. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ и дошедшихъ до меня разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ, я нашла, что генераль-губернаторъ не только отступился отъ своего прежняго мнѣнія, но еще и сталъ противорѣчить самъ себѣ. Такія вещи мнѣ не нравятся. Впрочемъ, я еще разъ вникну въ дѣло и постараюсь найти какое либо средство положить ему конецъ».

2. Докладывалъ о томъ, что въ Лифляндіи возникаетъ такъ много тяжбъ по поводу земельныхъ споровъ между сосѣдями, что необходимо, для прекращенія этого распространяющагося зла, установить законъ для присутствующихъ, какъ для отсутствующихъ, а именно: для первыхъ на одинъ годъ и шесть недѣль, а для вторыхъ на два года, и по истеченіи этихъ сроковъ не давать хода никакимъ притязаніямъ, а право на имѣніе признать прочнымъ и неоспоримымъ.

На это императрица сказала:

— «Въ новыхъ намѣстничествахъ я назначила для того вообще двухлѣтній срокъ при продажѣ помѣстьевъ; по истеченіи этого срока всѣ претензіи, какого-бы рода онѣ ни были, прекращаются, и съ этихъ поръ право собственности утверждается навсегда. Я не прочь ввести этотъ законъ и въ Лифляндію. Я все-таки не вижу, что можно выиграть отъ уничтоженія одного зла, когда кромѣ его существуютъ еще сотни другихъ. Вообще очень предосудительна эта страсть лифляндцевъ къ тяжбамъ. Они вредятъ своему имени, наносятъ ущербъ своему благосостоянію и развиваютъ только вражду и ненависть другъ къ другу. Ихъ запутанныя дѣла затрудняютъ даже мѣстные суды; они пользуются дружбою и родствомъ съ ними судей, и вредятъ себѣ болѣе всего соревнованіемъ при подкупѣ ихъ. Мнѣ извѣстны многія ихъ продѣлки по здѣшнимъ коллегіямъ, и онѣ весьма мнѣ не нравятся. Въ этомъ отношеніи Эстляндія имѣетъ надъ ними не малое преимущество: тамъ нравы и образъ мыслей лучше лифляндскихъ. Въ теченіи 14-ти лѣтъ у нихъ не было ни одного уголовного дѣла, и то, что было, касалось ничтожнаго иностранца. Споры у нихъ стараются покончить полюбовно, а если это не удается, то дѣло идетъ въ обыкновенные суды, не состоящіе на казенномъ жалованьи и все-таки рѣшающіе такъ справедливо, что апелляціи очень рѣдки. Многое изъ этихъ порядковъ я позаимствовала для моихъ намѣстничествъ и ожидаю величайшей отъ того пользы. Неудобно было-бы составить изъ Лифляндіи и Эстляндіи одно намѣстничество, а для двухъ отдѣльныхъ провинцій онѣ слишкомъ малы. А между тѣмъ, многое изъ моего наказа о губерніяхъ могло-бы быть съ пользою примѣнимо къ Лифляндіи. Напримѣръ, тамъ у меня учрежденъ судъ, не припомню теперь его названія ¹⁾. Это

1) Императрица говоритъ о совѣстномъ судѣ.

тотъ судъ, который старается уладить всевозможные споры полюбовно. Для ябеды—это просто гибель. А въ сутяжническомъ краѣ, какъ Лифляндія, такая мѣра была бы не бесполезна и, пожалуй, навела бы жителей на лучшія мысли».

3. Касательно двинскаго моста, приказано поручить казенному прокурору заявить по этому предмету права казны.

4. — «Дарованными городу сборами за ввозимый портвейнъ (?) (Porturinzölle) генераль-губернаторъ имѣетъ располагать согласно назначенію; сверхъ того, ему слѣдуетъ требовать подробный отчетъ обо всѣхъ городскихъ доходахъ; предоставить городу то, что требуется для покрытія необходимыхъ расходовъ, а надъ остальнымъ имѣть строгое наблюденіе въ предотвращеніе растраты».

5. — «Жалованье казначея (Рентмейстера) въ Лифляндіи, конечно, не велико; въ новыхъ намѣстничествахъ я назначила казначею 400 р.; до такого-же размѣра я увеличу окладъ лифляндскаго казначея. Невозможно принять за основаніе жалованье шведскихъ временъ, нельзя также не увеличить его согласно съ требованіями настоящихъ обстоятельствъ, такъ какъ нынѣшніе частные расходы каждаго лица не могутъ идти въ сравненіе съ прежними».

6. «На мѣсто вице-губернатора лифляндскаго есть очень много желающихъ, а я еще не остановилась ни на какомъ выборѣ. Пока тамъ есть генераль-губернаторъ, должность вице-губернатора представляется совершенно лишнею».

7. — «Торговля съ Бѣлоруссіею, вѣроятно, не принесла выгоды прусскому королю. Онъ все еще продолжаетъ торговать, за то тѣмъ менѣе печется о своихъ подданныхъ. Онъ да его откупщики только и думаютъ, что о собственной наживѣ; нѣтъ, такой политикѣ я никогда не послѣдую».

8. — «Удивительно, откуда у такого небольшого города, какъ Рига, столько доходовъ и приходныхъ статей, а еще удивительно, куда всѣ эти деньги дѣваются и отчего капиталы города до такой степени истощены? Куда дѣваете вы ваши деньги? Распорядители городскихъ суммъ достаточные ли люди? Посылаете ли вы сюда и теперь деньги, какъ это дѣлалось прежде? Скажите мнѣ все, я спрашиваю изъ одного любопытства, это не будетъ для васъ имѣть никакихъ послѣдствій. Нужно, чтобы генераль-губернаторъ построже ихъ держалъ; это необходимо: они люди

очень упрямые, едва-ли они черезъ 50 лѣтъ исполняютъ приванія правительства, и доказательство тому—анбары».

По окончаніи этой бесѣды, ея величество вышла въ другую комнату, куда и я за ней послѣдовалъ. Тутъ я нашелъ множество придворныхъ лицъ, смотрѣвшихъ на меня съ удивленіемъ. Я располагалъ удалиться; тогда императрица, обратившись ко мнѣ, приказала мнѣ придти въ среду, такъ какъ она имѣла еще многое, о чемъ поговорить со мною. Это еще больше изумило господъ придворныхъ.

VI.

8-го февраля 1777 г.

— «Я повторю вамъ только то, о чемъ говорила съ вами въ субботу. Полковнику Вейсману непременно слѣдуетъ награда отъ имени города; вѣдь онъ дѣйствительно исправилъ рѣку. Трехмачтовья суда подходятъ къ самому городу, чего прежде не бывало. Весь округъ пришелъ въ лучшее состояніе. Магистратъ не вправѣ требовать, чтобы все это было сдѣлано безвозмездно. Что касается коммисіонскихъ дѣлъ городовъ Ревеля и Пернова, то вамъ надобно будетъ для доклада о нихъ выбрать такое время, которое позволить вамъ оставаться здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ такъ устроить рижскія дѣла, чтобы они не пострадали отъ вашего отсутствія. Я полагаю, что вы еще нынѣшнею зимою могли бы съѣздить туда и постараться уладить споры между земствомъ и городомъ, а также и тѣ, которые происходятъ въ городскомъ обществѣ; и я тѣмъ болѣе надѣюсь на успѣхъ вашъ въ этомъ дѣлѣ, что уже неоднократно вы улаживали спорныя дѣла; но если вы находите, что можно отложить поѣздку и отправиться туда въ другое время, болѣе удобное, то и я не прочь. Словомъ, я полагаюсь на васъ, и мое довѣріе къ вамъ побуждаетъ меня къ тому. Прошлогодняя рижская торговля шла хуже прежнихъ лѣтъ. Но въ этомъ отношеніи я нисколько васъ не обвиняю, а приписываю неуспѣхъ многимъ очевиднымъ причинамъ и, въ особенности, неблагоприятной зимѣ. Тѣмъ не менѣе, доходы поступали въ болѣшемъ количествѣ, нежели прежде въ хорошіе годы, т. е. до изданія послѣдняго постановленія. Благодарю васъ за ваши услуги и труды. Я вамъ неоднократно повторяла, что я весьма вами довольна. Я еще въ долгу у васъ,

но вы въ накладѣ не останетесь. Развѣ нѣтъ у васъ какой-нибудь личной просьбы до меня?»

Я воспользовался случаемъ доложить о своемъ процессѣ по имѣнію. Мнѣ казалось, что само Провидѣніе печется о моей пользѣ. На основаніи правъ, присвоенныхъ всѣмъ дворянскимъ имѣніямъ въ Лифляндіи, я купилъ помѣстье Аахавенъ на 23-хъ лѣтній срокъ. 12 лѣтъ пользовался я своимъ имѣніемъ, какъ пользовались имъ и прежніе владѣльцы, спокойно и безъ вмѣшательства магистрата; но когда при послѣдней торговой комисіи оказалось, что я не могу раздѣлять видовъ магистрата, да и впредь Господь не допустить меня до этого, магистратъ вздумалъ поджигать бюргеровъ или компанію пивоваровъ, чтобы они оспаривали мое право варить пиво и сбывать его на суда. Противъ этихъ враждебныхъ дѣйствій я приводилъ рѣшенія шведскихъ и русскихъ временъ и исходатайствовалъ еще третье рѣшеніе въ юстиць-коллегіи; всѣ они были въ томъ смыслѣ, чтобы оставить имѣніе мое со всѣми оспариваемыми нынѣ его правами за мною, а ихъ оставить безъ уваженія. Но компанія пивоваровъ подала аппеляцію въ сенатъ, а здѣсь не только, по видимому, на нее смотрѣли благопріятнѣе, чѣмъ на меня, но, благодаря разногласію между сенаторами, это дѣло, само по себѣ маловажное, оказалось столь значительнымъ, что о немъ опредѣлено представить на разрѣшеніе ея императорскаго величества. Вотъ почему припадаю къ стопамъ вашего величества съ просьбою сохранить за мною мои права и мою собственность.

Ея величество изволила на это объяснить:—«Такъ какъ, по вашимъ словамъ, я буду вашимъ судьей, то я поступила бы неосторожно, еслибы,—какъ ни кажется мнѣ, что вы правы, судя по вашему разсказу,—обѣщала-бы вамъ заранѣе выигрышъ дѣла. Законы предписываютъ рѣшать дѣло не прежде, какъ по выслушаніи обѣихъ тяжущихся сторонъ. Но я вамъ всетаки скажу (и при этомъ лицо императрицы приняло самое милостивое выраженіе), будьте спокойны и вѣрьте, что ваше дѣло находится въ хорошихъ рукахъ, волю скоро оно у меня.—Ну, теперь, мнѣ кажется, мы довольно наговорились. Отдохните еще нѣсколько времени, а потомъ отправляйтесь въ путь. Кланяйтесь отъ меня генералъ-губернатору (Броуну), когда вы его увидите».

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II и КН. ПОТЕМКИНЪ.

Подлинная переписка.

(Изъ сборника профессора Николаевской Акад. Ген. Штаба П. С. Лебедева)

1788 г. ¹⁾).

Ноября 27-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ, письма твои отъ 17-го ноября вчерашній день я получила, и изъ оныхъ вижу, что у васъ снѣгъ и стужа, какъ и здѣсь. Что вы людей стараетесь одѣвать и обувать по зимнему, что весьма похваляю. О взятіи Березани усмотрѣла съ удовольствіемъ; молю Бога, чтобъ Очаковъ скорѣе сдался; кажется, теперь, когда флотъ турецкій уѣхалъ, уже имъ ждать нечего.

Плѣнному въ Березани взятому двубунчужному Османъ-пашѣ жажду свободу и всѣмъ тѣмъ, кому ты обѣщалъ; прикажи его съ честью отпустить. Изъ Цареграда друзья капитанъ-паши домогаются изъ плѣна нашего освободить какого-то турецкаго корабельнаго капитана, какъ увидишь изъ рескрипта, о томъ къ тебѣ писаннаго; за него бы требовать Ломбарда, который съ ума сходитъ и зарѣзался было. Желаю весьма получить добрыя вѣсти о Текелиѣ.

Ненависть противу насъ въ Польшѣ возстала великая и горячая; любовь, напротивъ, къ его королевскому прусскому величеству, сія, чаю, продлится, дондеже соизволитъ ввести свои непобѣдимыя войска въ Польшу и добрую часть оной займетъ. Я же, не то чтобъ сему препятствовать, и подумать не смѣю, чтобъ его королевскому прусскому величеству мыслями, словами или дѣломъ можно было въ чемъ поперечить, его всевысочайшей волѣ вся вселенная покориться должна.

Ты мнѣ повторяешь совѣтъ, чтобъ я скорѣе помирилась съ шведскимъ королемъ, употребляя его королевское прусское величество, чтобъ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 33—58; 239—262; 441—478; 571—590.

онъ убѣдилъ того въ миру, но если бы его королевскому прусскому величеству сіе угодно было, то бы соизволилъ шведскаго недопустить до войны. Ты можешь быть увѣренъ, что сколько я ни стараюсь сблизиться въ сему всемогущему диктатору, но лишь бы я молвила чтобъ-то-ни-было, то завѣрно уничтожится мое хотѣніе, а предпшутся мнѣ самыя легонькія кондиціи, какъ, напримѣръ: отдача Финляндіи, а, можетъ быть, и Лифляндіи—Швеціи; Бѣлоруссіи—Польшѣ; по Самару рѣку—туркамъ; а есть-ли сіе не приму, то войну имѣть могу; стиль ихъ, сверхъ того, столь грубъ, да и глупъ, что и сему еще примѣру не бывало, и турецкой—самой мягкой въ разсужденіи ихъ.

Я всемогущимъ Богомъ клянусь, что все возможное дѣлаю, чтобъ сносить все то, что эти дворы, наипаче же всемогущій прусской, дѣлаютъ; но онъ такъ надулся, что еслии лобъ не расшибеть, то не вижу возможности, чрезъ посрамленіе, на всѣ его хотѣнія согласиться; онъ же донинѣ самъ не вѣдаетъ, чего хочетъ, либо не хочетъ.

Теперь англійской король умираетъ, и еслии онъ околѣветъ, то авось либо удастся съ его сыномъ (который Фокса и патріотической англійской партіи донинѣ слушался, а не Ганноверцевъ) установить ладь, а вѣдаю, что лигѣ нѣмецкой очень не нравились поступки прусскіе въ Даніи.

Позволь сказать, что я начинаю думать, что намъ всего лучше не имѣть никакихъ союзовъ, нежели переметаться то туда, то сюда, какъ камышь во время бури; сверхъ того, военное время не есть періодъ для сведенія связей.

Я ко мщенію несклонна, но что чести моей имперіи и интересамъ ея существеннымъ противно, то ей и вредно;—провинци за провинціею не отдамъ, законовъ себѣ предписать—кто даетъ—они дойдутъ до посрамленія, ибо никому подобное никогда еще не удавалось; они позабыли себя и съ кѣмъ дѣло имѣютъ, въ томъ и надежду, дураки, владутъ, что мы уступчивы будемъ!

Возьми Очаковъ и сдѣлай миръ съ турками, тогда увидишь, какъ осядутся, какъ снѣгъ на степи, послѣ оттепели, да поползутъ, какъ вода по отлогимъ мѣстамъ. Прощай, Богъ съ тобою, будь здоровъ и благополученъ.

О Максимовичѣ я жалѣю очень.

Ноября 28-го ч. ¹⁾.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ.—Поздравляю тебя со взятіемъ Березани, дай Боже тебѣ всякіе успѣхи, здоровье и силы тѣлесныя и душевныя. У насъ вѣстей теперъ иныхъ нѣтъ кромѣ бо-

¹⁾ Прѣжде было 27, но рукою императрицы переправлено 28.

лѣзни короля англійскаго, о которой говорятъ розное, но всё въ томъ согласны, что онъ безнадеженъ, и съ часу на часъ ждутъ смерти его.

Прощай мой другъ, Богъ съ тобою.

Донесеніе кн. Потемкина о взятіи Очакова.

Очаковъ.—Декабря 7-го ч. 1788 г.

Всемилоствѣйшая государыня. Всевышній даровалъ свою помощь овладѣть Очаковымъ, который взятъ штурмомъ сего мѣсяца шестаго дня. Войско вашего императорскаго величества поступило съ неопысаннымъ мужествомъ и порядкомъ.

Непріятель потерялъ множество; съ нашей стороны, по пропорціи, благодаря Бога, мало. Большая потеря состоитъ въ офицерахъ, которые, подавая собою примѣръ, первыми вездѣ находились. Ген.-маіоръ кн. Волконской и бригадиръ большой Горичъ убиты. Сіи достойные и храбрые офицеры первою были жертвою: одинъ взопедъ на ретраншантъ, а другой—на крѣпостную стѣну.

Я приказалъ вести атаку вдругъ на ретраншантъ, Гассанъ-пашинскій замокъ и на крѣпость. Она я произведена была шестью колоннами и все взято въ часъ съ четвертью.

Трехъ-бунчужной Гусейнъ-паша взятъ въ плѣнъ со многими чиновниками. Собравъ обо всемъ точныя свѣдѣнія, не умедлю я всеподданнѣйше представить вашему императорскому величеству. Себя же, со вѣреннѣмъ мнѣ воинствомъ, приемлю смѣлость повергнуть чрезъ сіе къ освященнымъ вашимъ стопамъ.

Въ представленіи за штурмъ Очакова:

Александръ Суворовъ. Командовалъ въ Кинбурнѣ и подъ Очаковымъ; во время же пораженія флота участвовалъ не мало дѣйствіемъ артиллеріи съ своей стороны.—....Перо въ шляпу.

Императрица — кн. Потемкину.

Декабря 16-го ч.

За уши взявъ обѣими руками, мысленно тебя цѣлую, другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ, за присланную съ полковникомъ Бауромъ вѣсть о взятіи Очакова; всё люди вообще чрезвычайно симъ счастливымъ произшествіемъ обрадованы, я же почитаю, что оно много послужитъ къ генеральной развязкѣ дѣлъ; слава Богу, а тебѣ хвалу отдаю и весьма тебя благодарю за сіе важное для Имперіи приобрѣтеніе въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Съ величайшимъ признаніемъ принимаю рвеніе и усердіе предводимыхъ вами

войскъ, отъ вышняго до нижнихъ чиновъ. Жалѣю весьма о убитыхъ храбрыхъ мужахъ; болѣзнь и раны раненныхъ мнѣ чувствительны; желаю и Бога молю о излеченіи ихъ. Всѣмъ прошу сказать отъ меня признаніе мое и спасибо; жадно ожидаю отъ тебя донесенія о подробностяхъ, чтобы щедрою рукою воздать кому слѣдуетъ по справедливости. Труды арміи въ суровой зимѣ представить себѣ могу, и для того не въ зачетъ надлежитъ ей выдать полугодовое жалованье изъ экстраординарной суммы. Располагай смѣло армію на зиму въ Польшѣ; хотѣніе поляковъ тѣмъ самымъ скорѣе паки возьметъ естественное свое теченіе, à une armée de conquérant l'on n'a encore jamais refusé de quartier ¹⁾). Теперь мириться гораздо стало ловчѣе, и никакихъ не пропущу мѣръ, чтобы скорѣе къ тому достигнуть. Всѣмъ, другъ мой сердечной, ты ротъ закрылъ, и симъ благополучнымъ случаемъ доставляется тебѣ еще способъ оказать великодушіе слѣпо и вѣтренно тебя осуждающимъ.

Прощай, мой другъ; до свиданія, будь здоровъ и благополученъ.

Извѣстно тебѣ, я чаю, что король англійскій съума сошелъ такъ совершенно, что четыре человекъ насилу его держать могутъ, когда приходитъ на него ражъ.

Я ожидаю завѣрно, что, по распоряженіи нужнаго по твоей арміи, я буду имѣть удовольствіе тебя видѣть здѣсь, какъ я о семъ уже въ предыдущихъ моихъ письмахъ къ тебѣ писала и теперь повторяю.

1789 г.

Января 21-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ! Полковникъ Бауръ вчерашній день привезъ ко мнѣ твое письмо изъ Кременчуга, отъ 15-го января, изъ котораго увидѣла съ удовольствіемъ, что ты уже къ намъ приближаешься, и сколько ни желаю тебя видѣть послѣ столь долгой разлуки, однако я весьма тебя хвалю, во-первыхъ, за то, что ты не отлучился, пока всѣ нужныя и надобныя распоряженія не окончили. Что пишешь о Херсонскомъ и Лиманскомъ флотѣ, также и отправленіи корабля „Владимира“ въ Севастополь—служить мнѣ новымъ доказательствомъ о твоёмъ попеченіи о сей части. Добъжай до насъ съ покоемъ, побереги свое здоровье и будь увѣренъ, что принять будешь съ радостію, окончивъ столь славно и благополучно толь трудную кампанію.

Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою.

¹⁾ Побѣдоносной арміи не отказываютъ въ квартирахъ.

Февраля 2-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Сей часъ получила я твое письмо изъ Дубровны отъ 31-го января; радуюсь весьма, что къ намъ приближаешься и съ удовольствіемъ узнала, что корабль „Владиміръ“ благополучно прибылъ въ Севастополь, а что графъ Войновичъ ушибся—о семъ сожалѣю; льды вездѣ толсты, даже въ гаваняхъ Средиземнаго моря, какъ сказываютъ, а правда или нѣтъ—не вѣдаю, понеже сама не мѣрила; переѣздъ твой изъ Кременчуга въ Могилевъ былъ подобенъ птичьему перелету, а тамъ дивишься, что усталъ; ты никакъ не бережешься, а унимать тебя некому; буде пріѣдешь сюда больной, то сколько ни обрадуюсь твоему пріѣзду, однако, при первомъ свиданьи, за уши подеру, будь увѣренъ, морщись, какъ хочешь, а здоровьемъ не шути; вотъ какая у насъ готовится встрѣча побѣдителя!

Прощай, до свиданья, Богъ съ тобою ¹⁾.

Безъ числа, карандашомъ.

Пуще всего остерегайся, чтобъ язву не навезли, а впрочемъ сіи (?) суда могутъ иногда быть полезны для скорѣйшей пересылки, и какъ султанъ умеръ, то думать надлежитъ, что дѣла иной оборотъ возьмутъ.

Безъ числа.

Je crois que Choiseul a envoyé ce bâtiment exprès pour nous faire savoir que le Sultan est mort ²⁾.

Безъ числа.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ.

Вчерашній день я получила письма твои изъ Великихъ Лукъ и изъ Смоленска, ты летаешь, а не ѣдишь; жаль мнѣ только то, что не наблюдаешь моего предписанія касательно сбереженія твоего здоровья, а пріѣдешь на мѣсто, буде не совсѣмъ болѣнъ, по крайней мѣрѣ замученъ. Что часто началъ писать, за то благодарю тебя, также за добрыя вѣсти, присланныя изъ Севастополя о крейсерахъ, видно, что люди храбрые. Что у Каменскаго люди безъ обуви и рубахъ, сіе не хорошо, старайся скорѣе довести инымъ путемъ, нежели пресѣченнымъ врагами нашими, въ угодность капризамъ прусскимъ. Безъ конвоя же везти полякамъ на грабежъ, чего, можетъ быть, и желаютъ, никакъ неудобно, кажется. Авось либо рѣки скорѣе придутъ въ свои границы; здѣсь время сухое и холодное. При семъ при-

¹⁾ 4-го февраля 1789 г. кн. Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и пробылъ здѣсь до 6-го мая того-же года. П. Л.

²⁾ Я думаю, что Шуазель послалъ это судно нарочно, чтобы извѣститъ насъ о смерти султана.

лагаю письмо къ тебѣ, которое показать можешь графу и графинѣ Потоцкимъ. Недостатокъ въ чинахъ для кораблей Черноморскихъ стараться станемъ наполнять волико возможно; отставные флотскіе уже начали являться.

Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою, будь счастливъ, здоровъ и благополученъ.

Апрѣля 22-го ч.

Рукою Потемкина: Добивался цесарской посоль имѣть число нашихъ войскъ, не прикажите ему давать, а сказать, что я сообщу, будучи самъ на мѣстѣ. Здѣсь Сегюръ узнаеть, а они все туркамъ ради показать, лишь бы списать ихъ милость.

Рукою Екатерины: Да и агличане и пруссаки не менѣе же намъ враждуютъ, да сіи сверхъ того нынѣ, наипаче же пруссаки, враги особы Екатерины II, и гдѣ могутъ умалить ея славу и честь и отвратить отъ нея умы и сердца—тутъ не оставяютъ приложить труда, и если сыскать могутъ, кто бы ее убилъ, то и сіе не оставяютъ.

Рукою Екатерины II. (Другая записка): Что ты пишешь отъ усердія, о томъ спора нѣтъ, но какъ мною слѣдано все возможное, то мнѣ кажется, что съ меня и болѣе требовать нѣтъ возможности, не унижая достоинства, а безъ сего ни жизнь, ни корона мнѣ не нужны.

Кой часть обѣщать Польшѣ что ни есть изъ земель турецкихъ, нынѣ тотъ часть же его королевское прусское величество намъ о семъ прещеніе съ угрозами непремѣнно чинить будетъ, съ принятымъ съ нами грубымъ тономъ, который либо глотать должно будетъ, либо отмщать, и для того полагаю избѣгнуть лучше, не обѣщая полякамъ ничего и давая имъ блажить, дондеже престануть, то есть у себя въ Польшѣ пусть портятъ и дѣлаютъ что хотятъ, но къ себѣ ихъ не пушу, и для того полки, кои къ Лубнамъ обращены, пусть пойдутъ къ Бѣлоруссіи.

Мое мнѣніе есть фельдмаршала Румянцова отозвать отъ арміи и поручить тебѣ обѣ арміи, дабы согласно дѣло шло.

Я гнѣвныхъ израженій, мой другъ, съ тобою, кажется, не употребляла, а что оскорбленія короля прусскаго принимаю съ нетерпѣніемъ и съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ прилично, за сіе прошу меня не осуждать, ибо я-бъ недостойна была своего мѣста и званія, еслибы я сіе чувство въ душѣ не имѣла.

Все, что пишешь о операціи арміи, весьма хорошо и мое мнѣніе было всегда, чтобъ Бендеры и Бессарабія были предметомъ сей кампаніи, а на Ольгу не зачѣмъ.

Примѣчаніе. Предъидущія двѣ записочки и письмо отысканы нами въ другомъ портфельѣ, но по числамъ и содержанию относятся къ началу 1789 г.

II. Д.

à Czarsko Çelo, ce 13 May.

Je vous prie, mon Prince, d'assurer le general de l'artillerie Comte Potosky, quand vous le verrés, de toute l'estime que m'a inspiré la conduite vraiment patriotique, de meme que son caractère ferme et inébranlable; ce vertueux citoyen peut être persuadé, que je n'oublierai jamais les sentimens qu'il a temoigné pour moi et mon Empire, et que je saisirai en verité avec empressement les occasions, où je pourrai lui temoigner à lui meme, à mad. son epouse (que vous saluerés aussi de ma part) et à ses enfans ma reconnaissance, leurs interets me sont devenus chers, et je ne demande pas mieux que de pouvoir leur donner des preüves du desir que j'ai de leur être utile. Catherine.

Переводъ. Прошу васъ, князь, увѣрить артиллерію генерала графа Потоцкаго, когда вы его увидите, въ полномъ моемъ уваженіи—за его истинно-патріотическія дѣйствія, а также за твердый и непоколебимый характеръ; этотъ добродѣтельный гражданинъ можетъ быть увѣренъ, что я никогда не забуду чувствъ, выраженныхъ имъ мнѣ и моей Имперіи, и что я поспѣшу воспользоваться случаями, когда могу доказать ему, его супругѣ (которой поклонитесь отъ меня) и дѣтямъ мою признательность. Ихъ интересы сдѣлались мнѣ дороги и я не прошу ничего болѣе, какъ возможности дать доказательства моего желанія быть имъ полезною.

Мая 16-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Письмо твое изъ Дубровны отъ 11-го числа мая и прочія твои письма отъ того же числа съ приложеніемъ отъ Каменскаго, я вчерашній день получила и вижу, что хлопоты у васъ безъ счета по причинѣ прокормленія арміи, однако надѣюсь, что ты изъ оныхъ выпутался. Не диво, что ты дорогою измучился, по твоей вѣдѣ; молю Бога, чтобъ ты былъ здоровъ. Преображенскаго полку капитанъ Уваровъ ко мнѣ написалъ письмо, жалуясь на выпускъ младшаго его; я призвала Татищева и отдала ему то письмо съ тѣмъ, чтобъ онъ Уварову оное возвратилъ и написалъ бы къ нему, что и я, и предки мои выпускали изъ гвардіи и опредѣляли въ оную по своей волѣ, чего никогда и никому обидно быть не можетъ, а ему тѣмъ менѣе, что его рота трижды нашлась не въ лучшемъ порядкѣ. Также ротмистръ Олсуфьевъ вездѣ ходитъ, жалуется на сдѣланную ему обиду, но до меня какъ дойдетъ, то свою правду не отдамъ въ обиду; дураки вздумали сами свои достоинства выхвалять тогда, когда не имъ о томъ судить.

Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою, спасибо тебѣ, что часто пишешь.

Мая 31-го ч.

Другъ мой сердечный, князь Григорій Александровичъ. Письма твои отъ 22-го и 23-го мая, изъ Кременчуга, я получила вчера и третьяго дня, и за оныя тебя благодарю. Что ты усталъ, о

томъ весьма жалѣю; изъ оныхъ вижу, что ты жителей переводишь въ Городище, а правленіе въ Екатеринославль. Морскихъ офицеровъ къ тебѣ отправляютъ, но мѣрѣ какъ оныхъ доставятъ. Наша гребная флотилія поплыла въ Кронштадтъ и оттуда пойдетъ сутки черезъ двое; есть извѣстія, будто шведскій флотъ будетъ крейсировать въ близости Карльскроны; Ревельской и Кронштадской—соединились.

Дай Боже королямъ шведскимъ и прускимъ ноготѣдицу на каждомъ пальцѣ, а чтобъ твои пальцы перестали болѣть. Не опасайся, не забуду тебя. Что часто пишешь—тѣмъ самымъ успокоивается мой духъ.

Поляки успокоятся и жалѣть будутъ, когда увидятъ, что не черезъ Польшу, а мимо ихъ все веземъ, и свою дорогу имѣемъ; накажи ихъ тѣмъ, чтобъ некупить у нихъ ничего. Прощай, мой другъ, Богъ съ тобой; люблю тебя какъ душу.

Іюня 2-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Посоль цесарской, получа (получилъ?) отъ императора повелѣніе домогаться о продолженіи договора, въ 1781 году сдѣланнаго,—я оный письмомъ къ императору въ равной силѣ, какъ его ко мнѣ, продолжила безъ дальнаго формалитета и оныя письма размѣнены, безо всякой огласки, въ прошедшій четвергъ.

Іюня 2-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Сей часъ получила я отъ графа Пушкина увѣдомленіе, что отъ Веккера Михельсонъ пошелъ 31-го мая въ Шведскую Финляндію, гдѣ разбилъ неприятельской постъ изъ шестисотъ человѣкъ, огражденныхъ ретраншаментомъ, завладѣлъ онымъ, взялъ двѣ пушки, двухъ маіоровъ, 4 оберъ-офицера и немало рядовыхъ, и Михельсонъ идетъ впередъ къ Христинѣ. Нассау пришелъ въ Кронштадтъ съ гребною флотилією, откуда пойдетъ черезъ 3 дня.

Вотъ вамъ наши вѣсти, при желаніи всякаго благополучія.

Іюня 20-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Письма твои отъ 10-го дня іюня я получила, тому нѣсколько дней назадъ; жалѣю очень, что ты замучился ѣздя повсюду; молю Бога о твоёмъ здоровьѣ, и надѣюсь, что, по твоему благому обыкновенію, преодолѣешь всѣ затрудненія; желаю тебѣ вездѣ счастье и удачу. Изъ рапортовъ князя Репнина видѣла я состояніе Украинской арміи; непохвально съ нею поступилъ фельдмаршалъ Румянцовъ, тѣмъ паче, что ничего не исполнилъ, что приказано было. Касательно Очакова я все того мнѣнія, что дондеже не устроена новая граница, его не разрывать, ради безопасности лимана и вывода кораблей; однако готова принять, во вся-

кое время, убѣдительныя доказательства противу, ибо польза дѣль.....
.....единственное мое желаніе. Прощай, мой другъ, будь здоровъ.

Іюня 29-го ч.

Письма твои, другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ, отъ 19-го іюня, изъ Олвіополя, третьяго дня до моихъ рукъ доставлены. Я вижу, что ты о моемъ здоровьѣ безпокоился, но я нынѣ здоровѣе, нежели я давно была, и, противу прошлогодняго, не въ примѣръ покойнѣе: съ одной стороны, полагаюсь на милость Божію, и въ прочемъ уповаю, что ты не пропустишь ничего того, что дѣлать возможно для разрушенія вражескихъ затѣй; здѣшнія дѣла идутъ хотя не совсѣмъ еще такъ, какъ-бы желалось, но однако непріятель не можетъ хвалиться успѣхомъ и надѣюсь, что вскорѣ лучше пойдетъ. Что ты въ своемъ здоровьѣ поправляешься, тому я весьма рада. У насъ лѣто прекрасное и воздухъ теплый, и я безъ выѣзда въ городѣ живу.

Естьли твои совѣты цесарцамъ не помогли, то уже не знаю, какъ имъ съ турками управляться, а думаю, что въ нѣмцахъ *tegeur rapique* ¹⁾ противу турокъ, равной силы, какъ прусаки въ Семилѣтнюю войну имѣли противу насъ, по собственному призванію умершаго короля прусскаго въ его сочиненіи, напечатанномъ посреди Берлина.

Указы о погонщикахъ давно посланы. Прощай, мой другъ, да будетъ тебѣ самъ Богъ помощникъ, будь здоровъ, и счастливъ, и благополученъ.

Іюля 6-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Письма твои отъ 25-го іюня, изъ Олвіополя, я получила, и, касательно дѣль, сей курьеръ везетъ къ тебѣ мои отвѣты и резолюціи. Что ты польскаго или, лучше сказать, прусскаго либела ²⁾ пренебрегаешь—о семъ нимало не сомнѣваюсь. Голцу я сдѣлала приѣмъ ласковой и онъ скромнѣе предмѣстника своего. Гр. Салтыковъ пріѣхалъ въ Москву, я его оттудова пошлю понувать. По мѣрѣ, какъ Нассау съ галернымъ флотомъ впередъ идетъ, шведы назадъ отступаютъ; дней чрезъ шесть, думаю, что флоты съѣдутся. Михельсонъ, поссорясь съ Денисовымъ, сказался больнымъ, а мой гренадерской полкъ такъ воля на Михельсона, что его называютъ измѣнникомъ.

Графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, женился въ воскресенье на княжнѣ Щербатовой, отъѣхалъ въ понедѣльникъ съ своею супругою къ своимъ родителямъ, и естьлибъ тебѣ разказать все, что было и происходило чрезъ двѣ недѣли, то ты скажешь,

¹⁾ Паническій страхъ.

²⁾ Libelle—пасквиль.

что онъ совершенно съума сошелъ, даже да (?) и другъ его и конфидентъ Рибопьеръ, и тотъ говорить, что онъ аки съумашедшій. . .

и несообразимое поведеніе, такъ что самыя его ближніе его не оправдываютъ. При семъ прилагаю къ тебѣ письмо рекомендательное самой невинной души, которая въ возможно лучшемъ расположеніи, съ добрымъ сердцемъ и пріятнымъ умоначертаніемъ. Я знаю, что ты меня любишь и ничѣмъ меня не оскорбишь . . .

Adieu mon Ami. Приласкай насъ, чтобъ мы совершенно были веселы. Анна Никитишна (Нарышкина) дружески со мною очень поступила и до вчерашняго дня не покинула.

Царское Село.—Іюля 11-го ч.

Другъ мой сердечный, князь Григорій Александровичъ. Замѣш-кался сей мой отвѣтъ на твое письмо отъ 29-го мая, за тѣмъ, что у меня былъ жаръ и бредъ три дни и горло болѣло, а теперь я выздоровѣла, мнѣ кажется, совершенно отъ той сильной простуды, и сверхъ того имѣю къ тебѣ сообщить вѣсти отсель пріятныя; а именно, генераль-поручикъ Михельсонъ занялъ Христину; потомъ пошелъ къ Сентъ-Михелю, но тутъ ему не посчастливилось какъ-то, а сію ночь получила извѣстіе, что, 8-го іюня, все сіе поправилось дѣйствительнымъ его, Михельсона, вступленіемъ въ Сентъ-Михель, гдѣ завладѣли наши—шведскимъ магазиномъ хлѣбнымъ и амуничнымъ, а порохъ шведы подорвали; сказываютъ, что шведы уныли и сами говорятъ, что за симъ отъ нихъ обороны мало будетъ.

Шульцъ по другой дорогѣ идетъ туда же, и также ретраншментъ и обозъ взялъ. Нассау въ морѣ; о шведскомъ флотѣ ничего не слышать. Когда вице-канцлеръ—Келлеру ¹⁾ сказалъ, что ты всѣ транспорты и магазины выводишь изъ Польши, тогда онъ деkonte-нансировался ²⁾ до того, что скрыть не могъ, колико ему непріятна была сія вѣсть.

Лордъ Стормоттъ, который при многихъ дворахъ былъ министромъ, въ англійскомъ парламентѣ публично говорилъ рѣчь, доказывая, что прусской союзъ для Англии не токмо вреденъ, но и разорителенъ быть можетъ, и сказываютъ, будто Питтовъ кредитъ въ націи начинаетъ упадать.

Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою, будь здоровъ, счастливъ и благополученъ.

¹⁾ Баронъ Келлеръ, посланникъ прусскій при петербургскомъ дворѣ.

²⁾ Не совладалъ съ собою.

Юля 14-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Письма твои отъ 5-го юля, изъ Олвіополя, я получила вчерась. Любопытна я знать, какія вѣсти получишь отъ известной особы, чрезъ посланнаго отъ тебя къ нему въ Польшу? Касательно короля прусскаго, вѣжется, все возможное дѣлается, чтобы его удержать, и гнѣвъ его умягчить. Какъ выведешь магазины изъ Польши, то ему уже надлежитъ выдумывать новыя лжи и клеветы, чтобы поджигать поляковъ.

Теперь шведы до Аньялы прогнаны, осталось ихъ выжить изъ Ки-меногродскаго поста.

На второе письмо твое, полученное чрезъ Н. И. Салтыкова, я тебѣ скажу, что я всѣ твои слова, и что ты мнѣ говорилъ зимой и весной, приводила на память, но признаюсь, что тутъ есть много несообразнаго¹⁾. Рибопьеръ о всемъ зналъ, онъ и братъ его жены сосватали; говорилъ ли онъ тебѣ или нѣтъ о семъ чистосердечно, не вѣдаю, но помню, что ты мнѣ однажды говорилъ, что Рибопьеръ тебѣ сказалъ, что другъ его достоинъ быть выгнанъ отъ меня, чему я дивилась. Если зимой тебѣ отъкрылись, для чего ты мнѣ не сказалъ тогда? много бы огорченія излишняго тѣмъ прекратилось и давно уже онъ (т. е. Мамоновъ) женатъ былъ.

Я ничей тираннъ никогда не была и принужденія ненавижу, *est il possible que vous m'avez mesconnu jusqu'à ce point! et que dans votre esprit la generosité de mon caractère vous ayez échappé et que vous m'avez cru un vilain égoïste, vous m'auriez guéri tout d'un coup en me disant la verité*²⁾!

Правду говоришь, когда пишешь, что ты у меня въ милости ни по какимъ обстоятельствамъ, кои вреда тебѣ причинить не могутъ; прошу сохранить ко мнѣ сію довѣренность, она мнѣ драгоценна и я ее заслуживаю; злодѣи твои, конечно, у меня успѣха имѣть не могутъ, *mais mon ami ne soyez pas aussi ombrageux sans aucune raison et mettez vous au dessus des ombrages minutieux*³⁾.

Отъ досадъ, конечно, колико только можно, тебя избавлю. Утѣшь ты меня, приласкай насъ.

NB. У насъ сердце доброе и нравъ весьма пріятный, безъ злобы

¹⁾ Дѣло идетъ объ отзывѣхъ Потемкина о Мамоновѣ и о удаленіи послѣд-
няго отъ двора. П. Д.

²⁾ Возможно-ли, чтобы вы меня не знали до такой степени, и что изъ го-
ловы вашей исчезло великодушіе моего характера и вы считали меня дрянною
эгоисткою? Вы изцѣлили-бы меня въ минуту, сказавъ правду.

³⁾ Но, мой другъ, не будьте безъ причины такъ подозрительны и станьте
выше мелочныхъ подозрѣній.

и коварства... четыре правила имѣемъ, кои сохранить стараніе будетъ, а именно: быть вѣренъ, скромнъ, привязанъ и благодаренъ до крайности ¹⁾

Я приказала гр. Безбородко выжить фельдмаршала Румянцова изъ Яссы, они лучше знаютъ какъ—нежели я; это второй томъ его житія въ Данцигѣ.

Прощай, мой другъ, извини буде я тебѣ симъ письмомъ и чтеніемъ его причинила скуку.

Іюля 24-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Письмо твое отъ 9-го іюля, съ приложенной запискою, я получила исправно; что враги Россіи и мои равнохѣрно и тебѣ ищутъ дѣлать досады—сему дивиться нечего, ибо ты имъ опаснѣе всѣхъ по своимъ качествамъ и моей къ тебѣ довѣренности. Авось-либо Богъ намъ будетъ заступникомъ. Не упущу случая, будь увѣренъ, гдѣ только можно будетъ, выводить на бѣлый свѣтъ коварства прусскаго двора. Охранительной, отъ тебя обѣщанной, планъ ожидаю теперь, и что скорѣе пришьешь, то лучше.

Богъ да будетъ тебѣ помощникомъ, будь здоровъ и веселъ, а мы ждемъ отъ тебя отвѣта на посланныя отселъ предъ симъ письма.

Здѣсь слухъ носится, будто графъ Мамоновъ съ женою изъ Дубровицы отправился въ Рязанскую деревню и сему ищутъ резонъ, какъ будто бы графинѣ его тамо способіе родить, но я симъ слухамъ не вѣрю. *Il ne faut croire que la moitié de ce qu'on dit. Adieu mon ami, je vous aime de tout mon coeur* ²⁾.

Кн. Потемкинъ — Императрицѣ.

(При представленіи реляціи о сраженіи при Фокшанахъ).

Іюля 30-го ч.

Всемиловѣйшая государыня! Подносителъ сего—генералъ, преисполненный усердія и достоинствъ военныхъ; отдавая ему справедливость, не могу умолчать о состояніи его. Онъ, имѣя сельцо, котораго самъ основатель и хотя награжденъ деревнями, но скуденъ доходами; вы, по евангелію: „насыпайте мѣру благу и переливающуюся“, поставьте и его въ изобиліе.

¹⁾ Говорится о Платонѣ Зубовѣ.

П. Д.

²⁾ Надобно только на половину вѣрить тому, что говорятъ. Прощайте, мой другъ, я люблю васъ отъ всего сердца.

Царское Село.—Августа 5-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ! изъ рескрипта, мною сегодня подписаннаго, увидишь положеніе дѣлъ по войнѣ финляндской.

Письмомъ твоимъ отъ 18-го іюля, изъ Ольвіополя, я весьма довольна, разсужденія твои справедливы; теперь жду нетерпѣливо твои отвѣты на посланное мое письмо сей (Зубовъ) уже несказанно обрадованъ тѣмъ, что ты большаго его брата взялъ къ себѣ въ дежурные; онъ пишетъ и хвалится ласкою твоихъ племянниковъ; есть у него меньшей братъ, который здѣсь на караулѣ теперь, на мѣсто его, сущій ребенокъ, мальчикъ писанной, онъ въ конной гвардіи поручникомъ, помоги намъ современемъ его вывести въ люди

Я здорова и весела, и какъ муха ожила; мы ждемъ теперь отовсюду вѣстей и вскорѣ, надѣюсь, что дѣла получатъ оборотъ, такой, которымъ будешь доволенъ. Дай и тебѣ Богъ здоровье и всякое счастье, удовольствіе и по сердцу твоему. Прощай, мой другъ, люблю тебя какъ душу и знаю, что и ты меня любишь.

Генералъ Миллеръ пріѣхалъ и привезъ мнѣ твое письмо, также и Измаиль-бей, и для нихъ сдѣлала по твоимъ представленіямъ.

С.-Петербургъ.—Августа 12-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Курьеромъ твоимъ, отъ 30-го іюля, изъ Ольвіополя, я весьма была обрадована и тотчасъ назначила молебень пѣть, въ четвергъ, то есть черезъ день отъ полученія курьера, и сама пріѣхала въ городъ, прямо къ Казанской, гдѣ съ колѣнопреклоненіемъ приносили Богу благодареніе за дарованную побѣду при Фокшанѣ, и всѣ люди несказанно обрадованы сею побѣдою. Дай Боже тебѣ вездѣ успѣха и побѣды, чего заслуживаешь своими качествами, усердіемъ ко мнѣ и къ общему дѣлу, своимъ рвеніемъ и трудами; будь здоровъ и благополученъ, вотъ чего я тебѣ отъ искреннѣйшаго сердца желаю.

Вложенное твое письмо отвѣтное я немедленно вручила кому надлежало, и оно принято было огненными и радостію наполненными глазами, а какъ сердце и умъ весь составленъ изъ чувствъ, то и благодарность и искренность за долгъ почитается; самъ оной изъяснить не оставитъ¹⁾.

О интригѣ, коя продолжалась цѣлый годъ и кончилась свадьбою, уже упоминать нечего; я нарочно сберегла послѣднія его письма о сей

¹⁾ Говорится о Платонѣ Зубовѣ.

матеріи, гдѣ суды Божіи кладетъ на людей, доведшихъ его до того, и гдѣ онъ пишетъ, какъ въ умѣ смѣшавшійся; да Богъ съ нимъ; жалѣю о томъ только, что не открылся ранѣе¹⁾. Благодарствую за прекрасную печать, которую мнѣ отъ тебя вручилъ Платонъ Александровичъ; я сіе письмо черезъ него къ тебѣ посылаю. Сержантъ Берингъ отъ меня пожалованъ въ армію капитаномъ. Твоими распоряженіями я весьма довольна; я здорова и гораздо веселѣе, нежели ты меня оставилъ, хотя здѣшнія дѣла еще не такъ идутъ, какъ бы желательно было, однако худаго нѣту. Прощай, Богъ съ тобою, я тебя люблю всемъ сердцемъ, какъ искреннѣйшаго друга.

Аннѣ Никитишнѣ (Нарышкиной) я сказала твой поклонъ и она тебѣ кланяется.

Le 12 d'août.

Je suis bien aise mon ami, que vous soyés content de moi et du petit noiveaux, c'est un enfant fort aimable.... il ne manque point du tout d'esprit, il a coeur très bon et j'espère qu'il ne se gatera pas.

Il vous a fait aujourd'huy d'un trait de plume une belle lettre, dans laquelle il s'est peint au naturel. Adieu, je vous embrasse de tout mon coeur²⁾.

Августа 15-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Сейчасъ получила я отъ принца Нассау извѣстіе, что онъ 13-го ч. сего мѣсяца разбилъ совершенно шведской галерной флотъ, между острововъ Котка и Кутцалмулинъ и у шведовъ взялъ адмиральское судно, пять большихъ судовъ и одинъ куттеръ, а пропало у нихъ двѣ трети, а одна треть едва осталась; съ сей вѣстью приѣхалъ гвардіи подпоручикъ графъ Штапельбергъ, а подробности послѣ будутъ; у насъ двѣ галеры взорвало, плѣнныхъ шведовъ, офицеровъ и рядовыхъ, весьма много.

Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою. Будь здоровъ и веселъ.

Августа 17-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Вчерашній день и получила отъ принца Нассау курьера, съ которымъ пишетъ, что онъ еще обстоятельнаго рапорта прислать не можетъ для того, что ежедневно еще приводятъ къ нему суда и плѣнныхъ, кои за островами

¹⁾ Намекъ на графа Дмитріева-Мамонова.

²⁾ Мнѣ очень пріятно, мой другъ, что вы довольны мною и маленькимъ новичкомъ; это довольно милое дитя: не глупъ, имѣетъ доброе сердце и, надѣюсь, не избалуется.

Онъ сегодня, однимъ почеркомъ пера, сочинилъ вамъ милое письмо, въ которомъ обрисовался, какимъ его создала природа. Прощайте, обнимаю васъ отъ чистаго сердца.

спрятались; что судовъ у него уже девять шведскихъ, 1,200 плѣнныхъ и до сорока офицеровъ; что онъ рѣшился сдѣлать десантъ, и короля атаковать. При чемъ ко мнѣ прислалъ приложенное къ тебѣ письмо, и такъ ожидать имѣемъ слѣдствій его предпріятія; я писала къ графу Пушкину, чтобъ онъ сими обстоятельствами воспользовался и старался Кюмень перейти. Я спѣшу, мой другъ, тебя увѣдомить о семъ и о добрыхъ аспектахъ на сей сторонѣ, зная, что они тебѣ обезпечили; дабы твой духъ могъ быть спокойнѣе.

Я здорова и весела, въ недѣлю мы пѣли два благодарственные молебна; дай Богъ тебѣ здоровья и всякое добро.

Le noiveau est rempli de la meilleur volenté du monde, et quand il a l'occasion de Vous écrire il le fait avec un empressement bien marqué Adieu mon cher Ami, je Vous aime de tout mon coeur ¹⁾.

Августа 23-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Отвѣтствуя на письмо твое отъ 10-го августа, я съ нуждою пишу, ибо меня вѣтреная колика замучила, сему сегодня шестой день, а со вчерашняго вечера стало лучше, и сегодня такъ слаба, что ни на что мочи нѣтъ, да и не велятъ имѣть аппликаціи.

Усердность грековъ мнѣ весьма пріятна; что здѣсь происходило на водахъ финскихъ, усмотришь изъ подробностей, сегодня къ тебѣ отправленныхъ. Прощай, мой другъ, болѣе писать сегодня мнѣ трудно было; желаю тебѣ здоровья и во всемъ успѣхъ; съ часу на часъ жду курьера о высадкѣ Нассау за Гекфорсомъ.

Августа 24-го ч.

Замучена я съ недѣлю, мой другъ, вѣтреною коликою, и ни писать, ни читать почти не могу и не велятъ; при томъ изъ Финляндіи добрыя вѣсти однѣ за другими; шведы выгнаны изъ Гекфорса, о чемъ я приказала Платону Александровичу къ тебѣ написать; я имъ и брата его поведеніемъ весьма довольна: сіи самыя невинныя души и ко мнѣ чистосердечно привязаны; большой очень неглупъ et l'autre est un enfant interessant; le Papa est arrivé de Moskow pour les voir, je crois qu'il a de l'esprit Adieu mon Ami, je Vous aime de tout mon coeur ²⁾.

¹⁾ Новичекъ весьма усерденъ, и когда приходится ему вамъ писать, онъ это дѣлаетъ съ замѣчательною готовностью. Прощайте, дорогой другъ, я люблю васъ всѣмъ сердцемъ.

²⁾ Другой—интересное дитя; папа пріѣхалъ изъ Москвы, чтобы ихъ видѣть; полагаю, что онъ уменъ. Прощайте, мой другъ, я васъ люблю всѣмъ сердцемъ.

Сентября 6-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Письма твои отъ 21-го и 24-го августа изъ Дубоссаръ я получила; они меня застали еще не много слабою отъ спазматической колики, которая продолжалась цѣлыя двѣ недѣли; теперь я совершенно выздоровѣла, что приписываю много подушкамъ съ ромашкою, кои С.-Петербургскій митрополитъ мнѣ совѣтовалъ обложить около всего тѣла.

Сказавъ о себѣ, теперь буду отвѣтствовать на твои письма. Чему удивишься, что тебѣ Богъ опредѣлилъ готовить или приготовить для всѣхъ? для тебя ниже переправы не изготовили; въ тебѣ одномъ болѣе ревности къ общему дѣлу и къ моей службѣ, нежели въ прочихъ, и ты же замысловатѣе. Помогли тебѣ Богъ во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ; я, съ вашей стороны, весьма покойна, ибо прошлогодняя кампанія оправдала совершенно мои о тебѣ мысли и довѣренность; ты же ко мнѣ пишешь часто и подробно *et par consequant je suis sans inquietude de Votre coté* ¹⁾! Что Кобургъ послѣ побѣды храбрится—тому не дивлюся, имъ (т. е. австрійцамъ) удача не въ привычку, *ils ressemblent en cela aux parvenus, qui sont étonnés de se voir des beaux meubles et qui ne cessent d'en parler et de les admirer* ²⁾.

Говорятъ, будто турецкой флотъ слабъ людьми, также будто Булгаковъ освобожденъ, но ни то, ни другое, можетъ статься, не справедливо. Желаю тебѣ отъ всего сердца преодолѣнія надъ врагомъ и надъ всѣми препятствіями. Пакоости поляковъ вытерпѣть должно до времени. Я думаю писать къ Румянцову, что его присутствіе въ Молдавіи подаетъ случай къ слухамъ, моимъ и общимъ нашимъ дѣламъ вреднымъ, и что я желаю и требую, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Молдавіи. Мысли твои по дѣламъ теперь ожидаю, ты знаешь мои правила: что полезно—всегда не отрекусь дѣлать, лишь бы сходно было съ честью и достоинствомъ имперіи. Французскія суда перестанутъ ходить къ намъ, Моңморинъ писалъ къ Шуазелю, чтобъ пересталъ онѣя посылать. Французскія безпокойства переносятся въ Брабандію и въ Голландію и озабочиваютъ уже Берлинской дворъ; услышите вскорѣ, что онѣ окажутся и въ областяхъ прусскихъ, ибо народъ голъ, а войска чужестранныя.

Что ты нашей галерной побѣдѣ радъ былъ, сіе я себѣ представить могу; ты увидишь изъ посланныхъ подробностей, что наша потеря менѣе, нежели съ горяча думали; изъ Гекфорса и Кюменгрота

¹⁾ И, разумѣется, я за васъ спокойна.

²⁾ Въ этомъ отношеніи они похожи на выскочекъ, которыя двяются своей хорошей мебели и безпрестанно говорятъ о ней и удивляются ей.

шведы вышли; по сей часъ Пушкина ничѣмъ принудить не можно было воспользоваться симъ случаемъ, чтобы нанести шведамъ наибольшій вредъ. Сей мѣшокъ нерѣшимой мнѣ весьма надоѣлъ, и во истину онъ командовать не умѣетъ. Преображенскаго полка капитана Черткова да прапорщика Сизирева и Терскова приказала послать къ тебѣ, чтобы ты ихъ притравилъ. либо изъ полку выгналъ.

За ласку къ Платону Александровичу и его брату тебѣ спасибо; я не знаю брата, который у васъ, а онъ самъ себя ведетъ такъ, какъ только желать можно: *il est d'une humeur egale et tres aimable*¹⁾, а сердце предоброе и благородное, *en un mot, il gagne a etre connu.*

*Adieu mon Ami, portés Vous bien et soyés assuré de toute mon amitié*²⁾.

Сентября 6-го ч.

Другъ мой любезной; князь Григорій Александровичъ. Платонъ Александровичъ очень скромнень, которое качество однако я нахожу достойнымъ награжденія, какъ самъ скажешь: ты шефъ Кавалергардскаго гвардейскаго корпуса, не нуженъ ли тебѣ корнетъ? помнится ты запискою о семъ докладывалъ; прежде сего не пришлешь ли чего подобнаго. Дитяти же нашему не дать ли конвой гусарской? Напиши какъ думаешь, но тутъ достойной теперь человекъ, котораго обижать никакъ не хочу. Дитяти нашему 19 лѣтъ отъ роду и то да будетъ вамъ извѣстно. *Mais j'aime beaucoup cet enfant et il m'est fort attaché, pleurant comme un enfant*³⁾, естли его ко мнѣ не пустятъ. Воля твоя, во всѣхъ сихъ распоряженіяхъ, окромѣ тебя, никому не вѣрюсь. О графѣ М а м о н о в ѣ слухъ носится, будто съ отцомъ розно жить станеть, и старики невѣсткою недовольны. На сихъ дняхъ Марія Васильевна Шкурина отпросилась отъ двора и я ее отпустила; они, сказываютъ, ее пригласили жить съ ними. *Adieu mon Ami, portés Vous bien et aimés moi comme je Vous aime.*

Сентября 7-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Посылаю къ тебѣ медали три, кои нынѣ лишь посилѣли; я въ нихъ любовалась какъ на образъ твой, такъ какъ и на дѣла того человекъ, въ которомъ я никакъ не ошиблась, зная его усердіе и рвеніе ко мнѣ и къ общему дѣлу, совокупно съ отличными дарованіями души и сердца. Благослова Богъ всѣ твои добрыя начинанія, а я непрестану быть, какъ и всегда, къ тебѣ непремѣнна. Екатерина.

¹⁾ Характера ровнаго и пріятнаго.

²⁾ Словомъ, онъ выигрываетъ по мѣрѣ того, какъ его знаемъ. Прощай, мой другъ, будьте здоровы, и увѣрены въ моей дружбѣ.

³⁾ Но я сильно люблю это дитя; оно ко мнѣ привязано и плачетъ какъ дитя.

Сентября 17-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Письма твои отъ 31-го августа изъ Дубоссаръ я получила; они меня извѣщаютъ, что все въ движеніи, и что ты самъ до Прута объѣзжалъ всѣ мѣста, и нашелъ землю разоренною болѣе своими, нежели турками. Графа Румянцова всячески стараюсь вывести изъ Молдавіи и естли инако нельзя, то напишу къ нему письмо, чтобъ непременно выѣхалъ, а команду завѣрно ему не поручу; молю Бога, да поможетъ тебѣ во всякомъ благомъ предпріятіи. Графомъ Валентиномъ Платоновичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ я весьма недовольна по причинѣ нерѣшительности его и слабости: онъ никакимъ авантажемъ не умѣетъ воспользоваться, en un mot c'est une bete; между генералами его завелись кабалы такія, по слабости его, кои общему дѣлу вредны; однимъ словомъ, его и всему его генералитету смѣна неминуемо предлежитъ; на будущій годъ, либо Миллера, либо Долгорукова ¹⁾ пришли сюда, а прочихъ перетасовать нужно, о чемъ заранѣе подумать нужно.

Дитя наше, Валеріана Александровича, я выпустила въ армію подполковникомъ и онъ жадно желаетъ ѣхать къ тебѣ въ армію, куда вскорѣ и отправится, и я ему дамъ особое къ тебѣ рекомендательное письмо.

Je suis persuadée que Vous dirés tout comme moi que c'est un enfant interessant et qui meurt d'envie de bien faire²⁾.

Пожалуй, люби его; оба брата сердца предобраго и наполнены благодарностію и любезными качествами. Прости, мой другъ, я здорова и тебѣ того же желаю и милость Божию.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Меллеръ-Закомельскій и кн. Юрій Владиміровичъ Долгорукій.

²⁾ И увѣрена, что ты, подобно мнѣ, скажешь, что это занимательное дитя, умирающее отъ желанія все хорошо дѣлать.

КНЯЗЬ ПЛАТОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ

1767—1822.

III ¹⁾.

Чувства преданности Потемкина и Зубова къ императрицѣ не только удерживали обоихъ враговъ въ предѣлахъ благоразумія, но побудили ихъ даже, разумѣется наружно, обходиться одного съ другимъ со взаимною любезностью и внимательностью. Потемкинъ, въ бесѣдахъ своихъ съ Зубовымъ, умѣралъ обычное высокомеріе и говорилъ съ этимъ юношей, какъ съ человѣкомъ, посвященнымъ въ государственныя дѣла и въ нихъ опытнымъ. Со своей стороны, Зубовъ, осыпая Потемкина восторженными похвалами за его недавніе подвиги, старался всѣми силами выказать себя предъ княземъ Таврическимъ именно тѣмъ „скромнымъ, благонравнымъ и любезнымъ“ юношей, какъ о немъ отзывались. При подобныхъ условіяхъ явная борьба стараго баловня счастья съ новымъ — была немислима. Изъ записокъ А. В. Храповицкаго видимъ, что въ теченіе пяти мѣсяцевъ пребыванія Потемкина въ Петербургѣ (съ февраля по іюль 1791 г.), у него были довольно частые одиночные разговоры съ императрицею, нерѣдко оканчивавшіеся слезами со стороны государыни, а для Потемкина мрачнымъ и ожесточеннымъ расположеніемъ духа: несомнѣнно, что предметомъ разговоровъ былъ Зубовъ, высокое положеніе котораго не давало покоя князю Таврическому, по собственному его выраженію: „какъ больной зубъ“. О значеніи Платона Александровича при дворѣ ежеминутно напоминало Потемкину равнодушіе вельможъ лично къ нему и чуть ли раболѣпная ихъ угодливость Зубову. Интересныя свѣдѣнія о натаютости отношеній Таврическаго къ Платону Александровичу находимъ въ Запискахъ Державина ²⁾.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 591—606.

²⁾ Сочиненія Державина, изд. Акад. Наукъ, томъ VI; Записки, стр. 614—622.

Авторъ „Фелицы“, еще недавно воспѣвшій подвиги русскаго оружія при взятіи Измаила, пользовался, какъ мы уже говорили, благо-расположеніемъ Платона Александровича и его отца — Александра Николаевича Зубова. По приѣздѣ Потемкина, Державинъ однимъ изъ первыхъ явился въ пріемной прежняго своего милостивца, и, обласканный княземъ Таврическимъ, посѣщалъ его, иногда одновременно съ Зубовымъ. Въ одно изъ подобныхъ посѣщеній (разсказываетъ Державинъ), „при множествѣ предстоящихъ предъ княземъ поклонниковъ, вбѣжалъ, какъ бѣшенный, Бехтѣевъ и закричалъ громко: „помидуйте, ваша свѣтлость, обороните отъ Александра Николаевича Зубова, который, надѣясь на своего сына, ограбилъ меня!“ Князь, увидѣвъ столь азартнаго человѣка, произносящаго жалобу на человѣка приближеннаго ко двору и, изъ осторожности, можетъ быть, чтобъ не произнесъ еще какихъ язвительныхъ словъ на столь знаменитаго обидчика, или чтобъ не подать поводу мыслить о не весьма хорошемъ его расположеніи къ фавориту (ибо между ими не хорошо было), всталъ стремительно съ мѣста и, взявъ Бехтѣева за руку, увелъ къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ, съ добрыя полчаса бывъ наединѣ, что они говорили — неизвѣстно. Но только когда вышли, то, спустя нѣсколько, стали предстоящіе перешептывать, что старикъ Зубовъ отнялъ у Бехтѣева наглѣмъ образомъ деревню; что, не смотря на случай (сына), отдадутъ грабителя подъ судъ. Впродолженіе дня говорили о семъ во всѣхъ знатныхъ домахъ, какъ-то: у графовъ Безбородко, Воронцова, князя Вяземскаго и прочихъ, для того, что отецъ фаворитовъ своимъ надменнымъ и издоннымъ поведеніемъ уже всѣмъ стаговился несносенъ“.

Дѣло Бехтѣева, къ удовольствію князя Потемкина, набрасывало неблагоприятную тѣнь на семейство Зубовыхъ. Смѣлый истецъ законныхъ своихъ правъ убѣдительно просилъ Державина, чтобы тотъ былъ съ его стороны посредникомъ въ совѣстномъ судѣ, куда подалъ прошеніе на старика Зубова. Но осторожный поэтъ, „сколько могъ, отговаривался отъ этой чести, извинялся, что онъ не можетъ идти противъ отца того, который оказываетъ ему свое благорасположеніе“, и, на другой же день, поѣхалъ къ молодому Зубову, передалъ ему жалобу Бехтѣева Потемкину, городскіе слухи о неблагоприятномъ и противозаконномъ поступкѣ А. Н. Зубова, испрашивая при этомъ у своего милостивца, какъ ему быть съ Бехтѣевымъ, такъ какъ, по закону, Державинъ не имѣлъ права отказываться отъ предложеннаго Бехтѣевымъ посредничества. Платонъ Зубовъ, выслушавъ въ чемъ состояла сущность дѣла, нѣсколько минутъ молчалъ, потомъ произнесъ сквозь

зубы: „не можно-ли безъ дальней огласки миролюбіемъ кончить сію тяжбу?“

Посредникомъ между тяжущимися былъ тотъ же Державинъ: Бехтѣевъ требовалъ возврата деревни, А. Н. Зубовъ соглашался, съ условіемъ, чтобы прежній владѣлецъ заплатилъ ему 16,000 р. Платонъ Зубовъ сначала обѣщалъ, тайно отъ отца, выдать эту сумму Бехтѣеву; потомъ, разубѣжденный Александромъ Николаевичемъ, самъ принялъ его сторону. Настойчивый Бехтѣевъ, приступая къ Державину, грозилъ подать письмо императрицѣ съ жалобой на Зубовыхъ, „чего недоброжелатели Зубова“, говоритъ Державинъ, „только и ждали, чтобъ подвергнуть его отвѣту“. Тогда поэтъ убѣдилъ Платона Александровича покончить дѣло безъ дальнѣйшихъ увертокъ и кляузъ. Бехтѣеву возвратили деревню безъ всякой уплаты денегъ дерзкому похитителю. Развязка дѣла, набрасывавшаго неблаговидную тѣнь на семейство Зубовыхъ, была, конечно, не безъизвѣстна при дворѣ, но благосклонность къ Платону Александровичу нисколько не уменьшилась, холодность-же къ Потемкину замѣтно усилилась. Измѣнились и отношенія Державина къ князю Таврическому: поэтъ, въ былыя времена заискивавшій милостей могучаго вельможи, теперь относился къ нему чуть не съ пренебреженіемъ, говоря въ своихъ Запискахъ, что Потемкинъ за нимъ, „такъ сказать—волочился“. Но самъ Державинъ усердно ухаживалъ тогда за Зубовыми и всячески угождалъ имъ. Достоинъ вниманія, что и самый домъ Державина, у Измайловскаго моста, находился между домами одного изъ братьевъ Зубовыхъ¹⁾ и Гарновскаго,

¹⁾ Еще въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія домъ Зубовыхъ, между Обуховымъ и Измайловскимъ мостами (нынѣ принадлежавшій купцу Тарасову), привлекалъ вниманіе петербургскихъ жителей своимъ обширнымъ садомъ, занимавшимъ пространство четверо болѣе нынѣшняго. Въ немъ было тогда нѣсколько навильоновъ, были пригорки, лужайки, на которыхъ рѣзвились и играли дѣти сосѣднихъ обывателей. Домъ Зубовыхъ занималъ участокъ, отъ угла Обухова проспекта до нынѣшняго зданія римско-католической духовной консисторіи — бывший домъ Г. Р. Державина; рядомъ съ нимъ громадные дома Гарновскаго, отстроенные этимъ «барскимъ баринномъ» князя Таврическаго, въ казарменномъ стилѣ, какъ будто строитель предчувствовалъ ихъ грядущую участь, сказанную Державинымъ въ его стихахъ «Ко второму съѣду» — (Соч. Державина, томъ I, стр. 436 — 443), которые, впрочемъ, были написаны осторожнымъ пѣвцомъ «Фелицы» въ 1792 году, когда онъ могъ безнаказанно нападать на Гарновскаго, утратившаго, съ кончиною Потемкина, всякое значеніе:

Кто вѣсть, что рокъ готовитъ намъ?
 Быть можетъ, что сіи чертоги,
 Назначены тобой царямъ,

покорнѣйшаго слуги князя Таврическаго. Мѣстоположеніе дома поэта „Фелицы“ напоминало его неудобную позицію между двухъ огней, одинъ изъ которыхъ, впрочемъ, пригрѣвалъ Державина, озаряя выгоднымъ свѣтомъ его служебное поприще. Однажды Платонъ Зубовъ, призвавъ его къ себѣ, сказалъ ему отъ имени императрицы, чтобы онъ писалъ для Потемкина, что онъ прикажетъ, „но отнюдь бы отъ него ничего не принималъ и не просилъ; что онъ и безъ него все имѣть будетъ, прибавя, что императрица назначила его быть при себѣ статсъ-секретаремъ по военной части“. За эту щедрую благодѣтельность и лестныя надежды въ будущемъ, поэтъ измѣнилъ князю Таврическому; однако, выигрывая по службѣ, Державинъ, можетъ быть и самъ того не замѣчая, приносилъ въ жертву свое человѣческое достоинство и авторское самолюбіе. Оду „На взятіе Измаила“ онъ написалъ если не по заказу, то по желанію Валеріана Зубова. За нее онъ удостоился благосклоннаго отзыва императрицы, похвалъ Зубовыхъ и всего двора; а, между тѣмъ, Зубовы, принимая у себя Державина, потѣшались надъ нимъ, какъ бывало, при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, знатные господа издѣвались надъ Тредьяковскимъ. Платонъ и Валеріанъ Александровичи на ряду съ Державинимъ ставили бездарнаго, завистливаго Н. Ѳ. Эмина, который, по праву прихлебателя въ барскомъ домѣ, позволялъ себѣ подшучивать надъ Державинимъ, критиковать его стихи, спорить съ нимъ. И Зубовы забавлялись этой устной полемикой, которая напоминала имъ пререканія Триссатена и Вадюса въ „Ученыхъ женщинахъ“ Мольера. Потемкинъ, гордый, надменный, всегда, однако же, на столько уважалъ себя, что ласково, почти дружески обходился съ поэтами и художниками: фонъ-Визинъ, Костровъ, Петровъ, Березовскій, Сарті — нашли въ немъ истинно просвѣщеннаго покровителя: Потемкинъ вызвалъ изъ ничтожества и придалъ истинную цѣну безпутному, но талантливому Ермилу Кострову; Зубовы — своимъ покровительствомъ только унижали Державина, не умѣя цѣнить этого мощнаго, по своему времени, дарованія.

Натянутость отношеній Потемкина къ Зубовымъ, хотя и прикрываемая личною свѣтскою любезности, была, разумѣется, понятна императрицѣ лучше нежели кому-либо другому. „Надобно знать, — говорить Державинъ въ своихъ Запискахъ, — что въ сіе время крылося какое-то тайное въ сердцѣ императрицы подозрѣніе противъ фельд-

Жестоки времена и строги
Во стоиля конскіи обратять...

Черезъ пять лѣтъ послѣ сочиненія Державинимъ его вѣщаго посланія къ Гарновскому, дома потемкинскаго управителя были отобраны въ казну и, на первый же случай, въ нихъ были помѣщены конногвардейскія конюшни.

маршала (Потемкина), по истиннымъ политическимъ кажимъ, замѣченнымъ отъ двора, причинамъ, или по недоброжелательству Зубова, какъ носился слухъ тогда, что князь, побѣдивъ изъ арміи, сказалъ своимъ приближеннымъ, что онъ нездоровъ и ѣдетъ въ Петербургъ зубы дергать. Сіе дошло до молодого вельможи и подкрѣплено было, сколько извѣстно, разными внушеніями истиннаго сокрушителя Измаила, пріѣхавшаго тогда изъ арміи. Великій Суворовъ, но, какъ человекъ съ слабостями, изъ честолюбія или зависти, или изъ истинной ревности ко благу отечества, но только примѣтно было, что шелъ тайно противъ неискускаго своего фельдмаршала, которому, со всѣмъ своимъ искусствомъ, долженъ былъ, единственно по волѣ самодержавной власти, повиноваться. Державинъ, въ таковыхъ мудреныхъ обстоятельствахъ, не зналъ что дѣлать и на которую сторону искренно (?) предаться, ибо отъ обоихъ былъ ласкаемъ“.

Весною 1791 года никто изъ явныхъ и тайныхъ враговъ Потемкина не отваживался вступить съ нимъ въ открытую борьбу: для этого его еще слишкомъ боялись; но добровольные челядинцы и приспѣшники Зубовыхъ не могли отказать себѣ въ удовольствіи безнаказанно язвить князя Таврическаго, оказывая предупредительность, внимательность, уваженіе его врагу — Платону Зубову. Ненависть послѣдняго къ Потемкину не исчезла съ годами и до самой своей кончины Зубовъ высказывалъ ее своимъ приближеннымъ. Такъ, въ 1819 или въ 1820 году, проживая въ обширномъ своемъ помѣстьѣ Виленской губерніи, Шавельскаго уѣзда, Зубовъ разсказывалъ управляющему своему Михаилу Братковскому ¹⁾ слѣдующее:

„Хотя я побѣдилъ его на половину, но окончательно устранить съ моего пути никакъ не могъ, а устранить было необходимо, потому что императрица всегда сама шла на встрѣчу его желаніямъ и просто боялась его, будто выскательнаго супруга. Меня она только любила и часто указывала на Потемкина, чтобы я бралъ съ него примѣръ. При томъ, Потемкинъ — главная причина тому, что я не вдвое богаче. Дѣло вотъ въ чемъ: однажды императрица объявила мнѣ, что за мои заслуги дарить мнѣ имѣніе въ Могилевской губерніи, заселенное 12,000 душъ крестьянъ, находящееся на Днѣпрѣ, съ обширными дубовыми лѣсами, всякими угодами и проч., но потомъ она спохвати-

¹⁾ Устныя воспоминанія Братковскаго, записанныя К. А. Богусевскимъ, весьма обязательно сообщенныя Н. К. Богусевскимъ редакціи «Русской Старины», послужили намъ интереснымъ матеріаломъ при составленіи біографіи П. А. Зубова, въ особенности же при описаніи послѣднихъ лѣтъ его жизни. При семъ, долгомъ поставляемъ выразить гг. Богусевскимъ за ихъ сообщенія признательность.

лась, узнавъ, что имѣніе это уже подарено ею князю Потемкину. Чтобы не нарушить, однако, даннаго мнѣ обѣщанія, государыня, при первомъ же своемъ свиданіи съ княземъ Таврическимъ, за параднымъ обѣденнымъ столомъ, сказала:

— „Свѣтлѣйшій, у меня къ тебѣ просьба: продай мнѣ твое могилевское имѣніе, что на Днѣпрѣ.

„Потемкинъ, покрасивъ до ушей, быстро оглянувшись, отвѣчалъ, что исполнить желаніе ея величества, къ несчастью своему, не можетъ, такъ какъ оно вчера продано—„вотъ ему!“ и онъ указалъ на стоявшаго за его креслами молодого камеръ-юнкера Голынскаго.

„Императрица, сильно смутилась, догадываясь, что Потемкинъ проникъ ея намѣреніе, обратилась къ Голынскому и спросила его съ замѣшательствомъ: „какъ же это ты купилъ имѣніе у свѣтлѣйшаго?“ Потемкинъ, упрямая отвѣтъ, метнулъ мнимому покупщику выразительный взглядъ, и догадливый Голынский глубокимъ поклономъ подтвердилъ выдумку князя Таврическаго. Поэтому,—заключилъ Зубовъ свой рассказъ,—можно судить, каковъ для меня злодѣй былъ Потемкинъ, когда съ такою наглостью лишилъ меня 12,000 душъ“.

Но беззащитную ложь, которую позволилъ себѣ князь Таврическій, было необходимо превратить въ сущую правду. Голынский, невольный и случайный соучастникъ Потемкина, былъ еще смѣтливѣе, нежели чѣмъ отзывался о немъ Зубовъ въ своемъ рассказѣ. Позднимъ вечеромъ того же дня, по отъѣздѣ императрицы, двора и всѣхъ гостей, Голынский возвратился въ Таврическій дворецъ и немедленно былъ допущенъ къ свѣтлѣйшему.

— „Ну Голышъ... или, какъ тебя тамъ зовутъ? встрѣтилъ его Потемкинъ,—ты самъ сумѣлъ схватить на лету свое счастье, Богъ же съ тобою. Василій Степановичъ (Поповъ) завтра же выдастъ тебѣ купчую крѣпость; но ты долженъ заплатить мнѣ 50,000 р. асс., которые получишь завтра изъ сохранный казны, гдѣ заложишь свою покупку“.

Такимъ образомъ восемнадцатилѣтній юноша, еще наканунѣ небогатый, незначительный дворянинъ, сдѣлался однимъ изъ первѣйшихъ богачей-помѣщиковъ, единственно благодаря обоюдной ненависти князя Потемкина и Зубова¹⁾.

¹⁾ Записывавшему воспоминанія М. М. Братковскаго случилось въ 1841 году познакомиться въ С.-Петербургѣ съ могилевскимъ помѣщикомъ Голынскимъ, пріѣзжавшимъ въ столицу ходатайствовать въ сенатѣ по дѣлу, производившемуся въ одной изъ экспедицій третьяго департамента, гдѣ записывавшій воспоминанія находился на службѣ. Тутъ онъ имѣлъ случай узнать, со словъ самого Голынскаго, что имѣніе, ему принадлежавшее, въ количествѣ тысячи душъ,

Будучи примодушнѣе своего противника, князь Таврическій, безъ всякаго разбора гдѣ и кому говорить, высказывалъ кому ни попало изъ приближенныхъ, на сколько признаетъ для себя опаснымъ совмѣстничество Зубова. „Князь сердить на Мамонова (отмѣтилъ А. В. Храповицкій въ своемъ дневникѣ, 17-го марта 1791 г.), зачѣмъ, обѣщавъ, его не дождался и оставилъ свое мѣсто гнуснымъ образомъ“. Всякое противорѣчіе его мнѣніямъ о государственныхъ дѣлахъ, хотя-бы выражаемое самою императрицею, Потемкинъ почиталъ слѣдствіемъ происковъ Зубова; спорилъ, сердился, выходилъ изъ себя. На Страстной недѣлѣ (въ 1791 году Пасха была 18-го апрѣля) князь говѣлъ въ большой придворной церкви; въ великій четвергъ (10-го апрѣля) приобщался Св. Таинъ вмѣстѣ съ Платономъ Зубовымъ¹⁾, но и предъ чашею причащенія враги не могли примириться между собою. Торжественный день свѣтлаго праздника былъ ознаменованъ событіемъ, крайне неприятнымъ для князя Таврическаго. Вотъ что рассказываетъ по этому случаю Державинъ въ своихъ Запискахъ²⁾.

„Въ Свѣтлый праздникъ Христова воскресенія, какъ обыкновенно и нынѣ бываетъ, (былъ) съѣздъ къ вечернѣ, послѣ которой императрица жаловала дамъ къ рукѣ, въ присутствіи всего двора и имѣющихъ къ оному вѣвадъ кавалеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и Державинъ³⁾. Вышедъ изъ церкви, повела она всѣхъ съ собою въ эрмитажъ. Лишь только вошли въ залу и сдѣлали, по обыкновенію, кругъ, то императрица съ свойственнымъ ей величественнымъ видомъ прямо подошла къ Державину и велѣла ему за собою идти. Онъ и всѣ удивились, недоумѣвая что сіе значить. Пришедъ въ отдаленныя эрмитажа комнаты, остановилась въ той, гдѣ стоятъ нынѣ бюсты Руманцева, Суворова, Чичагова и прочихъ; начала приказывать тихо, какъ бы какую тайну, чтобъ онъ сочинилъ Чичагову надпись на случай мужественнаго его отраженія въ прошедшемъ году, въ Ревелѣ, сильнѣйшаго въ три

составляетъ двѣнадцатую часть того мнѣнія, которое досталось родному дѣду его по покупкѣ отъ князя Потемкина. На спросъ же: правду-ли говорилъ князь Зубовъ своему управляющему, что дѣдъ Голынскаго, тогда камеръ-юнкеръ, былъ очень смѣтливый молодой человѣкъ и проч.—я получилъ въ отвѣтъ, что все сказанное кн. Зубовымъ—совершенная правда и, въ дополненіе разсказа М. М. Братковскаго, внукъ Голынскаго передалъ мнѣ подробности объясненія Потемкина съ импровизированнымъ покупщикомъ.

Прим. г. **Волгушевскаго.**

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIV, октябрь, стр. 242 и примѣчаніе внизу страницы.

²⁾ Сочиненія Державина, томъ VI; Записки, стр. 617—619.

³⁾ Въ своихъ Запискахъ Державинъ говоритъ о себѣ постоянно въ третьемъ лицѣ.

раза противъ россійскаго, флота шведскаго, которая была-бы сколько возможно кратка и непремѣнно помѣщены бы были въ ней слова сего морехода („Богъ милостивъ, не проглотятъ“). Державинъ, принявъ повелѣніе, не могъ, однако, отгадать, къ чему было такое ничего не значущее порученіе, и, что при толь великомъ собраніи отведенъ былъ тайственно съ важностію въ толь отдаленные чертоги, тѣмъ паче, что на другой день, истоща всѣ силы свои, а въ поэзін искусство, принесъ оиъ сорокъ надписей и представилъ чрезъ любимца государынѣ, но ни одна изъ нихъ ею не апробована; а написала она сама провою, которую и нынѣ можно видѣть на бюстѣ Чичагова:

Съ тройною силою шли шведы на него;
Узнавъ, оиъ рекъ: «Господь защитникъ мой,
Они насъ не проглотятъ».
Отразилъ, плѣвилъ и побѣду получилъ ¹⁾.

Опослѣ сіе объяснилось и было ничто иное, какъ поддерживаніе, или толчекъ Потемкину, что императрица, противъ его воли, хотѣла сдѣлать своимъ докладчикомъ по военнымъ дѣламъ Державина, и для того его толь отличительно показала публикѣ. Князь, узнавъ сіе, не вышелъ въ собраніе и, по обыкновенію его, сказавшись больнымъ, перевязалъ себѣ голову платкомъ и легъ въ постель ²⁾.

Вскорѣ послѣ этого, князь Таврической приступилъ къ приготовленіямъ пышнаго праздника, даннаго имъ въ его дворцѣ 28-го апрѣля 1791 года ³⁾. Программа торжества была составлена самимъ Потемкинымъ; въ нѣкоторыхъ хорахъ и пѣсняхъ, сочиненныхъ Державинымъ, кромѣ напоминаній о заслугахъ свѣтлѣйшаго, были намеки на его тогдашнее положеніе при дворѣ, на переиъну отношеній къ нему императрицы. Между украшеніями въ гостиной, по стѣнамъ размѣщены были гобелены съ изображеніями изъ исторіи Мардохея и Амана: олицетвореніе торжества невинности и добродѣтели надъ клеветою. Воображая себя Мардохеемъ, жертвою зависти и гнусныхъ происковъ. Потемкинъ желалъ, чтобы въ Аманѣ императрица и весь дворъ узнали Зубова. Непримиримая ненависть князя Таврическаго къ его завистнику и врагу внушила ему сдѣлать это неловкое уподобленіе, и, сверхъ того, нарушить самыя правила вѣжливости и общежитія: ни одинъ изъ Зубовыхъ не былъ приглашенъ на праздникъ. Суворовъ за два дня былъ удаленъ Потемкинымъ изъ Петербурга, подъ благовиднымъ предлогомъ командировки для осмотра шведской границы.

¹⁾ Это четверостишіе начертано на памятникѣ Чичагова, на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

²⁾ Описаніе этого праздника см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., октябрь, томъ XIV, стр. 243—246.

Праздникъ былъ прощальною улыбкою счастья своему прежнему любимцу, но далеко не достигъ тайной цѣли, съ которою его давалъ Потемкинъ: императрица почтила его вниманіемъ; во всеуслышаніе двора заявила князю, что присутствіемъ своимъ доказываетъ какъ мало вѣрить возводимымъ на него напраслинамъ и клеветамъ..., но Зубовъ по прежнему остался на своемъ мѣстѣ и далеко былъ отъ участи Амана, которую сулилъ ему князь Таврическій; тогда Потемкинъ понялъ и созналъ, что значеніе его при дворѣ утрачено невозвратно, и окончательно упалъ духомъ. Желая выяснить значеніе праздника, какъ лицамъ на немъ присутствовавшимъ, такъ и не видавшимъ этого торжества, съ цѣлію напомнить жителямъ столицы и всѣмъ своимъ соотечественникамъ о своихъ заслугахъ, Потемкинъ, лаская Державина, просилъ его составить описаніе праздника и Державинъ обѣщаль исполнить просьбу князя.

— „Безъ сумнѣнія, говоритъ маститый поэтъ въ своихъ Запискахъ, князь ожидалъ себѣ въ томъ описаніи великихъ похвалъ, или, лучше сказать, обыкновенной отъ стихотворцевъ сильнымъ людямъ лести. Вслѣдствіе чего въ маѣ, или въ началѣ іюня, какъ жилъ князь въ Лѣтнемъ дворцѣ (на его мѣстѣ нынѣ Михайловскій), когда Державинъ по-утру принесъ ему то описаніе, просилъ Василія Степановича (Попова) доложить ему объ ономъ, князь приказалъ его просить къ себѣ въ кабинетъ. Стихотворецъ вошелъ, подалъ тетрадь, а князь, весьма учтиво поблагодаря его, просилъ остаться у себя обѣдать, приказавъ тогда же нарочно готовить столъ. Державинъ пошелъ въ канцелярію къ Попову, дожидался, не прикажетъ-ли чего князь, гдѣ свободный имѣлъ случай и довольно время объяснять, что мало въ томъ описаніи на лицо князя похвалъ; но скрылъ прямую тому причину, боясь неудовольствія отъ двора¹⁾, а сказалъ, что какъ отъ князя онъ никакихъ еще благодарній личныхъ не имѣлъ, а коротко великихъ его качествъ не знаетъ (?), то и опасался быть причтенъ въ число подлыхъ и низкихъ ласкателей, каковымъ никто не даетъ истиннаго вѣроятія; а потому и разсудилъ отнестъ всѣ похвалы только къ императрицѣ и всему русскому народу, яко при его общественномъ торжествѣ, такъ какъ и въ одѣ на взятіе Измаила; но ежели князь приметъ его благосклонно и позволитъ впредь короче узнать его превосходныя качества, то онъ обѣщаль превознести его, сколько его дарованія достанетъ. Но такое извиненіе мало въ пользу автора послужило, ибо князь, когда прочелъ описаніе и увидѣлъ, что въ немъ отдана равная съ нимъ честь Румянцеву и Орлову, его сопер-

¹⁾ Вѣрнѣе, отъ Платона Александровича Зубова.

никамъ, то съ фурією выскочилъ изъ своей спальни, приказалъ подать коляску и, несмотря на шедшую бурю, громъ и молнію, ускакалъ. Богъ знаетъ куда. Всѣ пришли въ смятеніе, столы разобрали и обѣдъ исчезъ. Державинъ сказалъ о семъ Зубову и не оставилъ, однако, въ первое воскресеніе при переѣздѣ князя въ Таврической его домъ, засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Онъ принялъ его холодно, однако не сердито. Князю при дворѣ тогда очень было плохо. Злоязычники говорили, что будто онъ часто пьянъ напивается, а иногда какъ бы сходитъ съ ума; заѣзжая къ женщинамъ, почти съ нимъ не знакомымъ, говоритъ несвязно всякую нелѣпицу. Но Державинъ, несмотря на то, и къ Зубову и къ нему ѣздилъ. Въ сіе время безъ его (Потемкина) согласія княземъ Репнинымъ съ турками миръ заключенъ¹⁾. Это его еще больше убило. Передъ отъѣздомъ въ армию, когда онъ былъ уже на пути, въ Царскомъ Селѣ, по пріѣздѣ съ нимъ откланялся. Спрашивалъ еще Поповъ Державина, чтобъ онъ открылся, не жадаеть-ли онъ чего—князь все сдѣлаеть; но онъ, хотя имѣлъ великую во всемъ тогда нужду, однако, слышавъ запрещеніе, чрезъ Зубова, императрицы ни о чемъ его не просить, сказалъ, что ему ничего не надобно. Князь, получивъ такой отзывъ, позвалъ его къ себѣ въ спальню, посадилъ наединѣ съ собою на софу и, увѣривъ въ своемъ къ нему благорасположеніи, съ нимъ простился“.

Императрица и весь дворъ тяготились присутствіемъ Потемкина въ столицѣ и удаленіе его было дѣломъ крайне щекотливымъ, а для него лично—прямою гибелью. Прекращеніе военныхъ дѣйствій въ Молдавіи давало князю Таврическому полное право не слѣзнуть отъѣздомъ; но дальнѣйшее пребываніе его въ Петербургѣ, опасное властолюбивымъ замысламъ Зубова, было непріятно двору: оно казалось ему дерзкою назойливостью человѣка лишняго, уже не нужнаго ни въ совѣтѣ, ни въ дѣлахъ военныхъ. Намековъ на отъѣздъ Потемкинъ не понималъ, или не хотѣлъ понимать; рѣшено было объявить ему повелѣніе: ѣхать въ Молдавію... На объявленіе опальному герою монаршей воли не отважился никто изъ вельможъ и тогда сама государыня взяла на себя трудъ объясниться съ Потемкинымъ. Еще недавно раздражительный, озлобленный, грозный князь Таврической смирился предъ волею обожаемой имъ монархини, съ кротостью выслушалъ ея повелѣніе и безропотно покорился своему жребію: 24-го іюля 1791 года онъ навѣки выѣхалъ изъ Петербурга.. 12-го октября полу-

¹⁾ Не миръ, но предварительныя его условія, къ которымъ приступили вскорѣ послѣ битвы при Мачинѣ, бывшей 28-го іюня 1791 г. Миръ былъ заключенъ 31-го іюля того же года, когда Потемкинъ находился въ дорогѣ изъ Петербурга въ Яссы.

чено государынею извѣстіе о кончинѣ Потемкина, послѣдовавшей 5-го октября. Эта горестная вѣсть поразила императрицу: она слегла въ постель и весь слѣдующій день провела въ огорченіи и въ слезахъ...

Можно сказать, безъ всякаго преувеличенія, что никто въ Россіи не умѣлъ цѣнить по достоинству Потемкина, какъ его цѣнила Екатерина II и никто, кромѣ государыни, не былъ такъ искренно оплакать этотъ замѣчательный человѣкъ и вполне историческій достопамятный дѣятель. Грусть ея временно набросила покровъ унынія на весь дворъ; самые Зубовы не позволили себѣ выказывать нескромную радость по поводу давно желанной кончины Потемкина. Радость эта была тѣмъ бѣльшая, что въ тотъ же годъ, въ годъ кончины Потемкина, грудь Платона Зубова была украшена орденами св. Александра, св. Анны и польскими: Бѣлаго Ора и св. Станислава...

Державинъ, своимъ неподражаемымъ „Водопадомъ“, въ которомъ воспѣлъ смерть Потемкина, отчасти смылъ съ своей памяти, въ глазахъ потомства, тѣ пятна, которыя набросилъ на себя въ послѣдній годъ жизни князя Таврическаго непочтительнымъ съ нимъ обхожденіемъ въ угоду Зубовымъ. Однако, угодливость эта не принесла Державину никакихъ существенныхъ выгодъ: Платонъ Александровичъ, обѣщая многое низкопоклонному поэту, не дѣлалъ для него ничего. Раздосадованный Державинъ, въ началѣ 1792 г., написалъ оду „На умѣренность“¹⁾, въ которой затронулъ нѣкоторыя характеристическія черты вельможъ вообще, и — впервые — Зубовыхъ въ особенності. Примѣчанія, которыми Державинъ снабдилъ свое произведеніе, пополняютъ нравственный очеркъ Платона Александровича и выясняютъ его отношеніе къ поэту. Приводимъ исключительно тѣ стрфы, которыя касаются Зубова:

Крезъ завладѣлъ чужой деревней...

Намекъ на А. Н. Зубова, присвоившаго себѣ деревню Бехтѣева.

Смотри и всякъ, хотя-бъ чрезъ шашни (а)
 Фортуны сталъ кто впереди,
 Не сплешь спускай златыхъ змѣй съ банни (б),
 И глядя въ небо, не пади...
 Хоть чья душа честна, любезна (в).
 Хоть безкорыстенъ кто, уменъ;
 Но коль умѣренность полезна
 И тѣмъ, кто славою плѣненъ!

(а) „Т. е., по замѣчанію Державина, и ты, который по любовнымъ шашнямъ сдѣлался великимъ человѣкомъ“.

¹⁾ «Сочиненія Державина», изд. Акад. Наукъ, томъ I, стр. 489—490.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, томъ XVII, 1876 г., сентябрь.

(б) Зубовъ, потомъ бывшій графъ и князь, любимецъ императрицы, иногда послѣ обѣда занимался сей дѣтскою игрою, спуская бумажные змѣи съ царско-сельскихъ башень. Сія дѣтская игра, по наивному замѣчанію Державина, была ничто иное, какъ опыты Зубова надъ извлеченіемъ воздушнаго электричества, производимые — по примѣру Франклина, Беккарія, Пристлея и др., — посредствомъ бумажныхъ змѣевъ оклеенныхъ паталю. Изъ всѣхъ развлеченій Платона Александровича въ досузія минуты, которыхъ у него было гораздо болѣе нежели занятыхъ, „сія дѣтская игра“ была едвали ни самымъ безвреднымъ занятіемъ, которое въ рукахъ, болѣе искусныхъ, могло быть и полезнымъ.

(в) „Всѣ сія любезныя качества“, замѣчаетъ Державинъ, „имѣлъ въ себѣ неоспоримо князь Зубовъ, но былъ неумѣренно гордъ и такъ скромнень (скрытенъ?), что поручая иногда самъ дѣла — когда ихъ къ нему приносили, то онъ ни говорилъ о нихъ ни слова по цѣлому году, хорошо-ли они сдѣланы, или худо“.

Потемкинъ умеръ — и всѣ должности, которыя онъ занималъ одинъ, достались въ наслѣдіе нѣсколькимъ лицамъ: Платонъ Зубовъ получилъ участіе въ верховномъ управленіи всѣми дѣлами государства; Безбородко — внѣшнія сношенія; Н. И. Салтыковъ — военную часть, готова при этомъ, въ особѣ юнаго Валеріана Зубова, чуть-ли ни будущаго фельдмаршала. Недавніе дѣятели на поприщахъ военномъ и гражданскомъ — Румянцевъ, кн. Репнинъ, Суворовъ, какъ бы отодвинулись на второй планъ.

Зубовъ, при всей самонадѣянности, не отваживался при жизни Потемкина противорѣчить мнѣніямъ князя Таврическаго, съ которыми въ большинствѣ случаевъ соглашалась императрица. Голосъ Потемкина умолкъ на вѣки и въ совѣтъ Екатерины раздался голосъ Зубова. Окинувъ политическій горизонтъ быстрымъ, но далеко не глубокомысленнымъ взглядомъ, юный государственный мужъ быстро рѣшилъ въ какія отношенія должна быть поставлена Россія къ европейскимъ государствамъ и какія мѣры должны быть приняты по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія къ устраненію духа революціи, бывшей тогда въ полномъ разгарѣ. Самый тѣсный, дружественный союзъ со Швеціею и Пруссіею, покровительство и субсидіи французской королевской фамилии и эмигрантамъ, угрожающее, высокоумное отношеніе къ Англіи — такова была, въ немногихъ словахъ, политическая система Платона Александровича. Внутри государства — преслѣдованіе подозрительныхъ личностей, перелюстраціи, шпионство, извѣты и доносы — были, по его мнѣнію, надежнѣйшими охранами внутренняго спокойствія и благосостоянія Россіи. Легкость, съ которою Зубовъ относился къ самымъ сложнымъ вопросамъ внѣшней и

внутренней политики, его убѣжденіе въ удоборазрѣшимости нѣкоторыхъ баснословныхъ, исполнскихъ проектовъ, имъ измышленныхъ, возбуждали улыбку чуть не презрѣнія въ даровитыхъ нашихъ дипломатахъ того времени, каковыми были графъ С. Р. Воронцовъ и Н. П. Румянцевъ—близистели интересовъ Россіи при дворахъ лондонскомъ и берлинскомъ. Питтъ и Гренвиль, по мнѣнію Зубова, были ему по плечу и онъ могъ сноситься съ ними какъ съ президентами какой-нибудь петербургской коллегии. Переписка графа С. Р. Воронцова съ графомъ Ѡ. В. Ростопчинымъ ¹⁾ даетъ возможность прослѣдить почти день за день ходъ государственныхъ дѣлъ въ Россіи съ того времени, когда они были доверены неопытнымъ и совершенно неумѣлымъ рукамъ Платона Зубова.

„Вамъ уже должно быть извѣстно, графъ,—писалъ, между прочимъ, Ростопчинъ 8-го іюля 1792 г.,—какую важную роль играетъ г. Марковъ.... Необходимость имѣть совѣтника и набросить покровъ на довольно извинительное невѣжество побудили избрать его для г. Зубова. Они, какъ говорятъ, работаютъ вмѣстѣ.... Зубовъ слышетъ за главнаго двигателя во всѣхъ дѣлахъ и даетъ чувствовать свое всемогущество самымъ возмутительнымъ образомъ; онъ отъ природы глупъ, но память замѣняетъ ему здравомысліе; его болтовня, то умная, то таинственная, и техническія слова придаютъ ему вѣсъ и значеніе. Онъ рѣзко высказываетъ грубую и возмутительную гордость; дѣйствія его обнаруживаютъ дурное воспитаніе, имъ полученное; униженіе—вотъ пріемъ, который у него находятъ. Такъ какъ есть много людей, у которыхъ есть желаніе, но нѣтъ души—то и прихожая Зубова биткомъ набита презрѣнною толпою, которая чтитъ занимаемое имъ мѣсто и вымаливаетъ себѣ милостей отъ его значенія. Онъ скромень, или, вѣрнѣе,—скрытенъ; боится связей и окруженъ шушерой, каковы Державинъ или Грибовскій, когда-то писарь у Попова, его приспѣшникъ, а теперь подполковникъ и кавалеръ; и нѣкій Альтести—грекъ, котораго г. Булгаковъ прогналъ отъ себя за то, что онъ его предалъ и выдалъ его бумаги“.

Въ томъ же письмѣ Ростопчинъ, между прочимъ, замѣтилъ, что примѣръ графа Безбородки доказалъ какъ опасны продолжительныя отсутствія отъ двора; это замѣчаніе требуетъ поясненія, которое съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ служить дополненіемъ характеристики Платона Зубова.

„Отправляясь въ Яссы для заключенія мира съ Турціею (говорить Гельбигъ въ извѣстной своей книгѣ ²⁾), графъ А. А. Без-

¹⁾ «Архивъ князя Воронцова» книга VIII, Москва, 1876 г., часть I.

²⁾ Helbig. Die Russische Günstlinge. Ss. 402—404.

Безбородко, для обезпеченія успѣха дѣла, предложилъ на свое мѣсто, во время отсутствія Зубова. Этого только и желали и, по обсужденіи дѣла съ Зубовымъ и Марковымъ, императрица приняла это предложеніе. Миръ былъ заключенъ. Безбородкѣ было пожаловано богатое помѣстье, объявлена благодарность особымъ манифестомъ и поднесена драгоценная миртовая вѣтвь, осыпанная брилліантами. Но, съ другой стороны, онъ испыталъ чувствительную обиду, ибо по возвращеніи своемъ, по желанію императрицы, долженъ былъ свое президентское званіе въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ окончательно уступить Зубову^а.

Такимъ образомъ, въ полное вѣденіе Платона Александровича перешли дѣла внѣшней политики и всѣ сношенія Россіи съ европейскими дворами, и съ 1792 года по 6-е ноября 1796 г.—спокойствіе Россіи, миръ или война, разрывъ или сближеніе имперіи съ которымъ либо изъ иностранныхъ дворовъ—зависѣли отъ молодаго чело-вѣка, о которомъ въ послѣдствіи Суворовъ писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графу Хвостову:

„К. П. А. (князь Платонъ Александровичъ)—добрый чело-вѣкъ: тихъ, благочестивъ, безстрастенъ по природѣ, какъ будто изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи; знаетъ намѣку, загадку и украшается какъ угодно-съ; что называется въ общенародѣ лукавымъ, хотя царя въ головѣ не имѣетъ“.

П. П.

ПОСОБНИКИ и СТОРОННИКИ ПУГАЧЕВА.

Очерки и рассказы.

VIII¹⁾.

Мамаевъ²⁾.

Иванъ Васильевъ сынъ Мамаевъ былъ солдатъ сначала Великолуцкаго пѣхотнаго полка, а потомъ 3-го Московскаго баталіона.

Мамаевъ бѣжалъ изъ Смоленска въ Саратовъ къ коменданту Бошняку, которымъ былъ посаженъ въ острогъ; послѣ того какъ по резолюціи Астраханской комендантской канцеляріи Мамаева наказали батогами, его, по четырехъ мѣсячномъ содержаніи въ Саратовскомъ острогѣ, отправили, вмѣстѣ съ другими бѣглецами солдатами, черезъ Симбирскъ и Казань, въ Москву. Когда онъ содержался въ Казанскомъ острогѣ, то въ тоже самое время былъ тамъ, только въ другой казармѣ, донской казакъ Емельянъ Пугачевъ; острожнне колодники, которыхъ было около ста человекъ, называли Пугачева изъ почтенія „Емельяномъ Ивановичемъ“, потому что онъ,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 479—508; 607—626.

²⁾ Мамаевъ давалъ три показанія объ участіи въ дѣлѣ Пугачева: первое Державину, второе въ Казанской секретной комисіи и третье въ Оренбургской секретной комисіи. Первое, очень пространное, было имъ дано, какъ будетъ указано, подъ страхомъ подвергнуться еще болѣе усиленнымъ истязаніямъ, чѣмъ тѣ, которыя дѣлалъ ему Державинъ; второе чрезвычайно кратко и потому меньше имѣетъ значенія для характеристики отношеній Мамаева къ Пугачеву; третье же, заключающее въ себѣ не только рассказъ о жизни Мамаева, но и признаніе его въ чемъ именно онъ прежде Державину лгалъ, имѣетъ несомнѣнный интересъ, такъ какъ имъ вполне опровергается то «высокое» мнѣніе, какое Державинъ имѣлъ о Мамаевѣ, называя его «тайнымъ кабинетскимъ секретаремъ Пугачева».

выдавая себя за раскольника, показывалъ передъ ними набожность и молился, какъ ходилъ слухъ по острогу, очень часто по ночамъ. Мамаевъ пробылъ вмѣстѣ съ Пугачевымъ мѣсяцъ съ небольшимъ; въ продолженіи этого времени они часто играли на острожномъ дворѣ въ карты въ пять и въ семь листовъ, по полущкѣ листъ; однажды Пугачевъ проигралъ двумъ колодникамъ мѣдными пятаками рубля полтора въ такую игру: дѣлается черта и изъ-за нея бросаются играющими пятаки; кто бросалъ свой пятакъ на разстояніе не болѣе пядени отъ пятака его предшественника, тотъ и выигрывалъ этотъ послѣдній. Передъ побѣгомъ Пугачева, недѣли за полторы, кто-то украсть у него восемь рублей серебряными деньгами; Пугачевъ совсѣмъ не старался ихъ отыскивать, говоря:

— „Ну, Богъ де съ нимъ, кто взялъ эти деньги!“

Колодники удивлялись его набожности и заключали по этому его равнодушію къ потерѣ, что у него, конечно, и осталось еще много денегъ. Мамаеву не приходилось видѣть, чтобы ктонибудь изъ благодотворителей подавалъ особо Пугачеву, но подавали вообще на всѣхъ колодниковъ, иногда по денежкѣ, а иногда и по копѣйкѣ; больше всего эти подаванія совершали раскольники, между которыми ему часто приходилось слышать имя Щелочкова, жителя города Казани; впрочемъ, Щелочковъ самъ никогда въ острогъ не приходилъ, а только присылалъ черезъ другихъ. Передъ тѣмъ, какъ Пугачевъ бѣжалъ, его отпускали за карауломъ изъ острога съ колодникомъ Дружининымъ въ городъ; но куда и кто отпускалъ—Мамаеву неизвѣстно; черезъ нѣсколько времени они возвратились назадъ, а потомъ, въ третьемъ часу по полудни, опять были отпущены, съ двумя солдатами въ баню; въ этотъ разъ они въ острогъ уже не возвращались, слышно же было, что они съ однимъ солдатомъ бѣжали, а другаго напоили до пьяна и оставили гдѣ-то спящимъ. Послѣ этого Мамаевъ никакого извѣстія о Пугачевѣ не имѣлъ до тѣхъ поръ, пока не совершилъ побѣга изъ Москвы, въ августѣ мѣсяцѣ 1773 года, съ своимъ товарищемъ бѣглымъ же солдатомъ Петромъ Деревягинимъ. Они явились около Покрова въ Яицкій городокъ, гдѣ и услышали, что Пугачевъ принялъ имя покойнаго императора Петра III-го и подходилъ съ своею шайкою къ городку, но тутъ его отбили пушками, вслѣдствіе чего онъ направился вверхъ по Яику къ Илеку; слышно было потомъ, что онъ побралъ многія крѣпости и дѣлалъ приступъ къ Оренбургу. Всѣ казаки войсковой стороны почитали его за настоящаго государя, но съ послушной стороны называли его самозванцемъ донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ; такого же мнѣнія о немъ былъ и Мамаевъ, такъ какъ ему сообщили примѣты самозванца,

совершенно подходившія къ Пугачеву, съ которымъ онъ сидѣлъ въ Казанскомъ острогѣ.

Живя въ Яицкомъ городкѣ, Мамаевъ сидѣлъ въ лавкѣ приишника Федора Павлова; разъ какъ-то онъ пропилъ изъ выручки полтора рубля и ушелъ на хуторъ къ яицкому казаку Ивану Макарову, гдѣ тогда жилъ его товарищъ по бѣгству Деревягинъ; тутъ Мамаевъ написалъ одному бѣглому крестьянину фальшивый паспортъ, взявъ за труды рубль, который тоже былъ имъ пропить. Потомъ, боясь попасть въ тюрьму за поддѣлку этого документа, онъ хотѣлъ пробраться на Узени въ такое мѣсто, гдѣ, какъ ходили слухи, скрывается много бѣглецовъ. Но ему не пришлось туда добраться; на Красномъ Уметѣ онъ былъ пойманъ казаками и привезенъ, 20-го ноября, обратно въ Яицкій городокъ къ коменданту Симонову; предъ нимъ Мамаевъ назвался Глуховскаго баталіона погонщикомъ Петромъ Ивановымъ сыномъ Богомоловымъ; однако комендантъ посадилъ его подъ караулъ и содержалъ тамъ по 23-е декабря; въ это число Мамаевъ былъ освобожденъ, такъ какъ слышно было, что шайка самозванца приближалась къ городку. Спустя немного времени, Симоновъ вошелъ съ вѣрными ему людьми въ ретраншментъ и для пораженія самозванцевой толпы былъ высланъ имъ отрядъ войска, но онъ былъ совершенно уничтоженъ Пугачевымъ. Много казаковъ изъ отряда Симонова перешло на сторону самозванца, который обложилъ ретраншментъ и дѣлалъ къ нему частые приступы. Скоро обнаружился недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ отрядѣ Симонова, потому что не только хлѣбъ, но и всѣхъ лошадей переѣли, такъ что дошло дѣло до лошадиныхъ кожъ, которыхъ стали давать по фунту на день. Мамаевъ не могъ вытерпѣть такого крайняго голода и принужденъ былъ бѣжать куда нибудь на хуторъ; но увидя на рѣкѣ Старицѣ рыбаковъ и зная, что они принадлежатъ къ бунтующей сторонѣ, онъ пришелъ къ нимъ и сказалъ, что бѣжалъ изъ ретраншмента съ намѣреніемъ служить государю Петру Федоровичу. Рыбаки взяли его и привели къ злодѣйскому своему атаману Никитѣ Каргину.

— Что ты за человекъ и какъ твое имя? спросилъ Каргинъ.

„Я погонщикъ, — отвѣчалъ Мамаевъ, — а зовутъ меня Иваномъ Васильевымъ сыномъ Мамонтовымъ, у коменданта-же я назывался Петромъ Богомоловымъ“.

— Для чего-же это ты имя переимѣнилъ?

„Для того, что сперва еще намѣренъ былъ къ вамъ бѣжать“.

Каргинъ не повѣрилъ этому и приказалъ обыскать Мамаева, нѣтъ-ли при немъ какихъ писемъ. Когда же ничего не нашли, кромѣ раскольничьяго катихизиса, то Каргинъ сталъ допрашивать: сколько въ ре-

траншаментъ пороху, артиллерія и что ѣдятъ, нѣтъ ли тамъ голода? Мамаевъ передалъ ему все, что самъ видѣлъ, да къ тому еще совралъ, что будто-бы многіе хотятъ сдаться, но другіе тому препятствуютъ; все это было имъ сдѣлано въ виду того, чтобы его не повѣсили и не сочли бы за шпіона. Потомъ онъ изъявлялъ свое усердіе служить самозванцу, называя его императорскимъ титуломъ и выражалъ свое желаніе исповѣдывать ихъ старую вѣру.

— Хорошо, другъ мой,—сказалъ Каргинъ,—послужи государю царю вѣрою и правдою, онъ тебя безъ награжденія не оставитъ.

Потомъ поднесли Мамаеву чарку вина и вручили ему суконный зеленый старый кафтанъ съ золотымъ шнуркомъ, говоря:

— Этимъ кафтаномъ жалуетъ тебя батюшка царицы Устиньи Петровны.

Потомъ казаки заставили Мамаева подойти къ ретраншменту и показаться тамъ бывшимъ казакамъ, приговаривая слѣдующее:

— Вотъ смотрите, братцы, я не только не повѣшенъ, но и пожалованъ еще!

Все это требованіе Каргина съ казаками было въ точности исполнено Мамаевымъ; таковымъ путемъ они поступили, думая, что изъ ретраншамента потому не выходятъ, что боятся висѣлицы. Каргинъ потомъ всетаки не вполне довѣрялъ Мамаеву и потому, боясь, чтобы онъ не ушелъ, оставилъ пока подъ присмотромъ. Черезъ нѣсколько времени явилось еще два казака къ Каргину, которые совершенно подтвердили показаніе Мамаева относительно положенія ретраншамента. Удостоверившись такимъ образомъ, что Мамаевъ ничего не солгалъ, Каргинъ приказалъ его освободить и, призвавъ въ войсковую канцелярію, заставилъ его читать манифесты самозванца передъ сидящими тутъ другими старшинами.

— Не бывалъ-ли ты при письменныхъ дѣлахъ? спрашивали его старшины, видя, что онъ читалъ хорошо.

„Да, я былъ подъячимъ“, отвѣчалъ Мамаевъ.

— Ну такъ смотри же ты, поправляй за нашими писарями (Петръ Живетинъ и Иванъ Карчагинъ) наши увѣщанія къ коменданту и придумывай, какъ-бы лучше уговорить его въ подданство нашему батюшкѣ государю.

Мамаевъ поправилъ два такихъ увѣщательныхъ письма, изъ которыхъ одно сочинено было Живетинымъ, а другое какимъ-то предшшимъ съ Иргиза раскольническимъ старцемъ Гуріемъ; кромѣ правокъ разныхъ выраженій, Мамаевъ дѣлалъ отъ себя вставки относительно того, что Пугачевъ истинный государь. Въ письмѣ Гурія находились поносительныя слова касательно имени ея императорскаго

величества, а потому Мамаевъ, зачеркнувъ ихъ, выговаривалъ писарямъ и старцу, что это не только дурно, но и противно Богу ¹⁾).

Пробывъ въ толпѣ Каргина шестнадцать дней, Мамаевъ бѣжалъ изъ Яицкаго городка на Иргизъ, потому что въ это время разнесся слухъ, что подошелъ очень близко къ городку генераль-маіоръ Мансуровъ; всѣ бунтовавшіе казаки обробѣли и только и думали о своемъ спасеніи. Добравшись до Мечетной слободы, Мамаевъ объявилъ одному крестьянину, что онъ былъ въ толпѣ Пугачева и спрашивалъ этого же крестьянина: „можно-ли теперь пробраться черезъ Волгу въ Сызрань?“

— Нѣтъ, нельзя! Тебя тамъ непременно поймають; явись лучше самъ; такихъ теперь безъ всякаго наказанія освобождаютъ и отправляютъ по домамъ съ билетами.

„Да къ кому же мнѣ здѣсь явиться? спрашивалъ Мамаевъ“.

— У насъ тутъ есть повѣренный сыщикъ поручика Державина Серебряковъ, — отвѣчалъ крестьянинъ; такъ ты къ нему и явись.

Мамаевъ отправился къ Серебрякову и назвался дворовымъ чело-вѣкомъ помѣщика маіора Ржевскаго, Нижнеомовскаго уѣзда, Николаемъ Смирновымъ; далѣе показалъ, что будто бы жилъ въ Илекѣ у казака Никиты Рыбинскаго въ работникахъ, но былъ оттуда высланъ въ то время какъ приближался генераль Мансуровъ. Серебряковъ немедленно отправилъ Мамаева въ Малыковку къ поручику (Гаврилѣ Романовичу) Державину, который сдѣлалъ ему слѣдующій допросъ:

— Вѣдь твой хозяинъ былъ у Пугачева? спросилъ Державинъ.

„Былъ“.

— Ну, такъ какъ же, и ты поэтому былъ съ нимъ?

„Нѣтъ, не былъ“.

Державинъ, не довѣряя его показанію, сталъ бить его по головѣ палкою, чѣмъ достигъ того, что Мамаевъ сталъ на себя лгать, какъ будто бы былъ подѣ Татищевой крѣпостью и послѣ разбитія злодѣйской толпы прибѣжалъ сюда; пока онъ былъ посаженъ только подѣ караулъ. На другой день Державинъ опять призвалъ его къ себѣ и сталъ продолжать допросъ.

— Скажи-тка ты мнѣ правду, не былъ ли ты дѣйствительно употребленъ Пугачевымъ въ какую-нибудь писарскую должность? Нельзя чтобъ ты былъ тамо простымъ казакомъ! Видишь ты какой писачка!

„Нѣтъ, ни въ какой должности я у него не бывалъ,“ — отвѣчалъ Мамаевъ.

¹⁾ На одномъ изъ допросовъ Мамаеву представлено было письмо, взятое изъ канцеляріи Пугачева на Яикѣ; писано оно было, по признанію Мамаева, старцемъ Гуріемъ, а между строкъ былъ его собственныя поправки.

Тогда Державинъ сталъ бить его по щекамъ. Поэтому Мамаевъ, желая избѣжать на будущее время побоевъ, попросилъ себѣ бумаги и на ней написалъ „всю правду“, что онъ бѣглый солдатъ, былъ подъячмъ, содержался въ Казани, и, будучи отосланъ въ Москву, бѣжалъ оттуда на Яикъ, гдѣ былъ у Симонова въ ретраншментѣ, наконецъ, бѣжалъ оттуда и находился у атамана Каргина, для котораго писывалъ къ Симонову увѣщательныя письма.

— Э! братъ, какъ ты напуталъ; это все, я вижу, бредни. Нѣтъ! другъ мой, теперь ты долженъ сказать мнѣ правду! Конечно, ты былъ у Пугачева секретаремъ; да къ тому, мнѣ кажется, ты и изъ Казани съ нимъ бѣжалъ? Скажи-теа ты мнѣ, какимъ образомъ вы тамо съ Пугачевымъ соглашались и кто вамъ оттуда помочь уйдти? выпытывалъ Державинъ.

„Ничего этого знать не знаю“, отвѣчалъ Мамаевъ.

Державинъ приказалъ его сѣчь батогами, а самъ при этомъ приговаривалъ:

— Сважи, ваялъя, правду, такъ тебѣ лучше будетъ! Избавишься отъ наказанія.

Не вынесши страшной боли, Мамаевъ завопилъ:

„Виновать Богу и всемилостивѣйшей государынѣ! Я бѣжалъ изъ Казани вмѣстѣ съ Пугачевымъ и былъ у него тайнымъ кабинетскимъ секретаремъ подъ именемъ Ивана Соколова“.

— Ну, вотъ, дуракъ! давно бы тебѣ правду сказать, такъ и щелука не увидѣлъ бы.

Державинъ сталъ записывать породу Мамаева, службу, побѣги его и, наконецъ, содержаніе въ Казани съ Пугачевымъ.

— Не прихаживали ли къ Пугачеву въ Казани какіе нибудь раскольники? спросилъ Державинъ.

„Прихаживали“.

— Какъ же ихъ зовутъ и съ какими они примѣтами?

На это Мамаевъ отвѣчалъ какъ на умъ тогда ему взбрело, пере-сказать же потомъ въ Оренбургской секретной комисіи сказаннаго имъ Державину онъ не могъ, помнить только, что говорилъ о троихъ, включая въ число ихъ и Щелокова, отъ котораго, онъ слышалъ, приносили милостыню.

— Не подхаживали ли эти раскольники подъ окошко къ Пугачеву и не совѣтовали ли ему чего нибудь? спросилъ Державинъ.

„Да, приходили и что-то тихо съ нимъ разговаривали“, лгалъ умышленно Мамаевъ.

— Когда же тебя Пугачевъ сталъ подговаривать къ побѣгу и что онъ намѣренъ послѣ того быть сдѣлать?

„Послѣ совѣтовъ съ раскольниками, Пугачевъ такъ сталъ мнѣ говорить: „уйдемъ-де на Яикъ, я тамъ назовусь государемъ Петромъ Федоровичемъ, а ты-де будешь моимъ секретаремъ“.

— Ну, а что же ты его спрашивалъ, какъ онъ можетъ назваться государемъ, не будучи подлинно таковымъ и кто же его прійметъ?

„Какъ не спросить! Онъ на это мнѣ сказалъ: „не сомнѣвайся-моль! Намъ всё тамъ согласны и пріймутъ насъ съ честью“.

— Какимъ же образомъ вы изъ тюрьмы ушли, кто вамъ въ этомъ помогалъ, не раскольники ли, и кто васъ выпустилъ? спросилъ Державинъ.

„Раскольники намъ точно помогли, а выпустилъ караульный офицеръ“.

— Ну, скажи ты мнѣ теперь, что же, вы его подкупили, что ли? Сколько вы ему дали? Кто таковъ онъ и съ какими примѣтами?

„Мы его подкупили за четыре червонца, — отвѣчалъ Мамаевъ, назвавъ имя, какое ему взбрело на умъ, а какъ на примѣту указалъ на то, что офицеръ былъ хромоногимъ“, — такъ какъ въ это время ему пришло на память, что такого караульнаго офицера онъ видѣлъ въ Саратовѣ.

— Черезъ кого же онъ васъ выпустилъ и подъ какимъ видомъ? допрашивалъ Державинъ, вполне довѣряя измышленіямъ Мамаева.

„Черезъ сержанта Сосновскаго, въ баню, за карауломъ двухъ солдатъ“.

— Какъ же вы отъ солдатъ-то ушли?

„Да мы одного напоили пьянымъ, а другаго, Алексѣя, изъ малороссіянъ, высокаго ростомъ, подговорили вмѣстѣ бѣжать“.

Это Мамаевъ показывалъ на основаніи слуха, который въ Казани былъ распространенъ о способѣ побѣга Пугачева съ Дружининымъ.

— Куда же вы ушли? Какъ отправились, пѣшкомъ или на лошадахъ и гдѣ ихъ взяли?

„Раскольники подговорили, — лгалъ Мамаевъ, — извощика за двадцать рублей“.

— Какъ же того извощика зовутъ и съ какими онъ примѣтами?

„Зовутъ его Андреемъ“, — отвѣчалъ Мамаевъ, наговоривъ при этомъ такихъ примѣтъ, какія ему случайно приходили въ голову.

— Скажи-тка мнѣ, не былъ ли еще въ тюрьмѣ ктонибудь съ вами согласенъ?

„Былъ согласенъ съ нами попъ Марисевскій Симеонъ Ивановъ, онъ про все зналъ“.

Такой попъ дѣйствительно содержался въ Казанскомъ острогѣ; онъ былъ въ числѣ каторжныхъ и съ рваными ноздрями.

— Для чего же вы его съ собою не взяли?

„Да для того, что у него были поздри рваны“.

— Куда же вы поѣхали?

„На Яикъ“.

— Черезъ Иргизъ? Не заѣзжали ли по дорогѣ къ кому-либо? Вѣдь вы, я чаю, заходили въ раскольничій монастырь къ старцу Филарету, ѣхали вѣдь также и черезъ Малыковку, такъ къ кому же вы заходили здѣсь?

„Въ Малыковкѣ были у одного мужика, имени его не знаю, а мѣста дома его не припомню, такъ какъ дѣло было ночью,—отвѣчалъ Мамаевъ. (Онъ показывалъ неопредѣленно въ виду того, чтобы Державинъ не могъ справиться есть ли такой человѣкъ въ Малыковкѣ; въ случаѣ несуществованія такового, Мамаевъ подорвалъ бы довѣріе къ своему показанію). А потомъ,—продолжалъ онъ,—мы проѣхали къ Филарету въ монастырь“.

— Сколько же времени вы жили у Филарета? Объявляли-ль вы ему о своемъ намѣреніи и не прихаживалъ ли тутъ еще кто къ вамъ?

„Жили мы у игумена двое или трое сутокъ,—глаголъ Мамаевъ; Пугачевъ же открылъ Филарету свое намѣреніе и просилъ помолиться за него Богу, говоря, что когда будетъ время, такъ васъ-де не оставлю; приходили также къ намъ два монаха, именъ которыхъ я не припомню“.

— Куда же поѣхали изъ монастыря, черезъ Мечетное, что ли? Вѣдь, я чаю, тутъ заѣзжали къ кому нибудь?

„Да, черезъ Мечетное, но ни къ кому не заѣзжали“.

— Какъ не заѣзжали? Что ты тайшь? Вѣдь тутъ васъ и ловили!

„Да, да заѣзжали“, — поправился Мамаевъ, совсѣмъ сбиваясь придумывать подходящіе отвѣты.

— Къ кому же? Къ какому либо раскольнику, что ли?

„Да, къ раскольнику Алексѣю“, — отвѣчалъ Мамаевъ, приведя также кое-какія примѣты.

— Что же у васъ тутъ было?

„Насъ ловили, но мы ушли въ Уметъ къ мужику Ереминой Курицѣ“.

Такое показаніе далъ Мамаевъ потому, что слышалъ такъ еще на Яикѣ и видѣлъ, что этотъ Уметъ былъ разоренъ.

— Какъ же вы отъ Ереминой Курицы поѣхали на Яикъ и гдѣ тамъ остановились?

„Онъ доставилъ насъ на своихъ лошадяхъ въ зимовье Обюмово, въ тридцати верстахъ отъ городка“.

Это зимовье было хорошо извѣстно Мамаеву, такъ какъ онъ тамъ одно время жилъ.

— Что же вы намѣрены были тутъ дѣлать и какъ положили пріѣхать въ Яицкій городокъ?

„Къ намъ уже пріѣзжали яицкіе казаки толпами и совѣтовали какъ бы отереть Пугачева императоромъ Петромъ Третьимъ“.

— Да какъ же они узнали, что вы пріѣхали и тутъ находитесь?

„Они давно уже его ожидали, — выдумывалъ Мамаевъ, — и съ радости, что увидѣли, дѣлали попойки“.

— Какія же вы приготовленія тутъ дѣлали? сколько тутъ жили? въ какомъ числѣ собралась ваша толпа? сколько у васъ было пушекъ и откуда вы ихъ взяли?

„Шили мы здѣсь знамена и хоругви, — отвѣчалъ Мамаевъ, одно по наслышкѣ, а другое выдумывая; исправляли также ружья и копья, а казаки привезли съ собою четыре пушки“.

— Гдѣ же они ихъ взяли?

„У нихъ были уже заготовлены“, — нашелся Мамаевъ, не зная чѣмъ болѣе правдоподобное придумать.

— Долго ли вы тутъ жили и куда потомъ направились?

„Жили мы тутъ недѣли полторы и, собравъ челоуѣкъ до трехъ сотъ, подступили къ городу; оттуда на встрѣчу намъ вышло большое число казаковъ и всѣ они признали Пугачева за государя, а комендантъ Симоновъ съ немногими казаками убрался въ ретраншанментъ и отъ городка насъ отбили. Потомъ мы пошли въ Илецкую крѣпость“.

— Какъ же васъ тутъ приняли? Указъ что ли имъ объявили и кто его писалъ?

„Да, тутъ въ первый разъ былъ объявленъ указъ для преклоненія; писали же его я и мой товарищъ Волковъ, отъ имени Петра Третьяго“, — такъ продолжалъ лгать Мамаевъ, даже на себя.

— Чтѣ же вы тутъ дѣлали и куда изъ Илеа пошли?

На это Мамаевъ отвѣчалъ все, что только ему приходилось слышать отъ другихъ въ то время, когда онъ находился въ ретраншанментѣ.

— Но вѣдь для вашей огромной толпы нужно же было брать откуда-нибудь жалованье, такъ скажи-тка: съ какихъ заводовъ привозили къ вамъ деньги и какою монетою — золотою или серебряною?

„Съ одного какого-то завода привезено золота червонными, десяти и тридцати рублевыми имперіалами, скринка и боченокъ; а съ другихъ заводовъ привозили серебряною и мѣдною монетою“.

— Да съ котораго же времени ты началъ отправлять должность

кабинетскаго секретаря, а также, скажи-тка, какіе ты писывалъ манифесты и письма?

„Съ самаго Обоюмага зимовья я отправлялъ эту должность и писалъ всё манифесты, называясь при этомъ не Мамаевымъ, а Иваномъ Соколовымъ“.

— Значить, ты писалъ и къ башкирцамъ и киргизамъ?

„Всё я писалъ“.

— Скажи же теперь, Мамаевъ, всю правду; вѣдь ты былъ тайнымъ секретаремъ Пугачева, то долженъ знать о всѣхъ тайныхъ его предпріятіяхъ: не имѣлъ ли онъ какого злаго намѣренія противъ высочайшей ея императорскаго величества особы и ихъ высочествъ?

„Да, имѣлъ“, — отвѣчалъ Мамаевъ, желая скорѣе покончить свое показаніе и отдѣлаться отъ истязаній.

— Какой же?

Мамаевъ не могъ сразу отвѣчать и потому немного призадумался.

— Что же ты не говоришь? Сказывай правду, не имѣли-ль вы какого злаго намѣренія къ истребленію ея величества и ихъ высочествъ? Не посылали-ль кого съ отравою въ Петербургъ? Бога ради, не утай, скажи правду, ежели знаешь, а напрасно не сказывай!

„Посылали“, — робко отвѣчалъ Мамаевъ, находясь подъ вліяніемъ сильнаго страха.

— Кому же вы поручили сіе зло исполнить? Кто они такіе и когда послали?

„Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года Пугачевъ послалъ двухъ яицкихъ казаковъ“.

— Какъ ихъ зовутъ и съ какими примѣтами?

На это Мамаевъ отвѣчалъ такъ, какъ ему въ голову пришло; потому онъ помнилъ, что назвалъ при этомъ случаѣ одного казака Степаномъ Баженовымъ, зная раньше въ Волоколамскѣ бургомистра Федора Баженова, подъ руку котораго онъ дважды подписывался на фальшивыхъ паспортахъ.

— Что же имъ приказано было дѣлать по пріѣздѣ въ Петербургъ?

„Пугачевъ приказывалъ имъ какъ можно стараться, черезъ какіе бы то ни было способы, чрезъ ядъ или другое что, самимъ или подкупивъ кого, умертвить всемилостивѣйшую государыню и государя цесаревича съ супругою, чтобы такимъ способомъ можно скорѣе было ему завладѣть государствомъ и сдѣлаться самодержавнымъ“.

— Что же, тѣ казаки долго-ли были въ Петербургѣ и возвратились ли назадъ?

„Нѣтъ, не возвратились“.

— Что же вы думали, почему они не возвращаются, и не посылали-ль кого въ другой разъ съ такимъ же злымъ намѣреніемъ?

„Не дождавшись тѣхъ посланныхъ, — отвѣчалъ Мамаевъ, — и не слыжавъ ничего объ нихъ, послали вторично въ декабрѣ мѣсяцѣ двухъ же лицкихъ казаковъ, но и эти еще не возвратились“.

— Такъ поэтому, не вы ли уморили и генерала Бибикова, такъ какъ вдругъ въ Богудьмѣ занемогъ, не посылали-ль кого на истребленіе его?

„Посылали“.

— Куда — въ Казань или въ Богудьму?

„Когда онъ былъ еще въ Казани; самъ Пугачевъ приготовилъ ядъ, чтобы скорѣе извести Бибикова“.

— Кого же вы послали?

„Казака“, — отвѣчалъ Мамаевъ, назвавъ какую-то фамилію и объяснивъ его примѣты такъ, какъ на языкъ попало.

— Что же о Бибиковѣ вы слышали?

„Слышали отъ калмыковъ и другихъ казаковъ, что онъ въ бытность свою въ Богудьмѣ вдругъ занемогъ; тогда Пугачевъ говоритъ мнѣ: „ну, Иванъ, знать то, что нашъ злодѣй познаетъ мать сыру землю“.

— Скажи, пожалуй, посланные въ Петербургъ казаки какое обѣщаніе дали Пугачеву въ исполненіи своихъ злодѣйскихъ намѣреній, какую надѣялись они тамъ получить себѣ помощь и отъ кого?

„Тѣ казаки, — лгалъ Мамаевъ, — стоя на колѣняхъ предъ Пугачевымъ, дали клятву, что они возложенное на нихъ дѣло исполнять“.

— Не надѣялись-ли также на раскольниковъ?

„Да, я слышалъ, что они хотѣли въ Москвѣ захватить къ раскольникамъ, а къ кому именно — не знаю, и съ ними о томъ совѣтоваться, а потомъ съ помощью ихъ совершить это предпріятіе“.

— А если бы ихъ поймали, то что на такой случай Пугачевъ имъ приказывалъ.

„Онъ приказывалъ никакъ не открывать объ ихъ умыслѣ, а сказать что-нибудь другое“.

— Не писывалъ-ли кто изъ московскихъ раскольниковъ къ Пугачеву писемъ?

„Да, получили одинъ разъ, — лгалъ Мамаевъ, — письмо изъ села Покровскаго“.

— Отъ кого же, и что въ немъ писано?

„Отъ Михаила Игнатьева“, — отвѣчалъ Мамаевъ, вспомнивъ имя и фамилію одного солдата 6-й роты С.-Петербургскаго пѣхотнаго полка; „въ этомъ письмѣ — продолжалъ онъ, — Игнатьевъ писалъ, чтобы какъ

возможно скорѣе стараться восходить на царство и возстановить старую вѣру, а новую искоренять.

— Поэтому раскольники желаютъ, чтобы у нихъ былъ царь раскольникъ и съ бородою?

„Такъ точно, они единодушно того добиваются“.

— Какимъ же образомъ Пугачевъ разбитъ въ Татищевой и какъ ты оттуда и куда бѣжалъ?

Мамаевъ разсказалъ объ этомъ такъ, какъ слышалъ на Яикѣ, а потомъ сообщилъ о своемъ побѣгѣ и приходѣ на Иргизъ. Мамаевъ заключилъ свое показаніе тѣмъ заявленіемъ, что онъ готовъ изобличать всѣхъ замѣшанныхъ людей на очныхъ ставкахъ; такъво было требованіе Державина. Когда же весь допросъ Державинъ написалъ, то приказалъ Мамаеву переписать и приложить свою руку.

На другой день по утру пришелъ къ Державину пріѣхавшій съ Яика купецъ, по имени Иванъ Григорьевъ, который тамъ сидѣлъ за пряниками, почему и былъ знакомъ Мамаеву; онъ прибылъ къ Державину, чтобы явиться съ билетомъ, при чемъ положительно сообщилъ на распросы Державина, что знаетъ Мамаева.

— Знаешь-ли ты этого купца? обратился Державинъ къ Мамаеву.

„Знаю“.

— Ну, а ты вотъ его? спросилъ онъ купца.

„Какъ-же, это Иванъ Васильевъ, который сидѣлъ за пряниками и былъ въ ретраншанментѣ у Симонова“.

— Для чего-же ты на себя въ допросѣ-то напуталъ?

„Виновать, — отвѣчала Мамаевъ; все солгалъ напрасно“.

Потомъ Державинъ повелъ его въ свою горницу и велѣлъ въ концѣ допроса приписать послѣднія слова.

— Смотри же, ты напиши и причину, для чего это ты навралъ.

Мамаевъ написалъ въ свое оправданіе, что былъ тогда въ крайнемъ отчаяніи, когда еще Державинъ записывалъ его слова, и помышлялъ отречься отъ Всевышняго Творца и отдаться дьяволу, подражалъ при этомъ пану Твардовскому, о которомъ онъ давно уже читалъ басню, и думая, по своему легкомыслію, что дьяволъ будетъ ему во всемъ помогать; а если бы этого не случилось, то желалъ скорѣе лишиться жизни, потому что она ему была въ то время въ тягость, а почему — онъ и самъ того не можетъ себѣ объяснить.

Державинъ, желая удостовѣриться, не было-ли и въ самомъ дѣлѣ такого рода происшествія, о которомъ разсказывалось въ показаніи, призвалъ какого-то раскольничьяго старца и сказалъ Мамаеву:

— Ну вотъ, ты показывалъ, будто-бы все навралъ на себя напрасно, а вѣдь вотъ это (указывая на старца) отецъ Филаретъ;

онъ самъ говоритъ, что ты съ Пугачевымъ къ нему прїѣзжалъ; такъ для чего-же ты меня обманываешь?

„Нѣтъ, я его не знаю“, отвѣчалъ Мамаевъ.

— Какъ! такъ вы не прїѣзжали ко мнѣ? спросилъ старецъ, уставля на Мамаева глаза; побойся ты Бога! лучше, дуракъ, скажи правду, такъ тебѣ ничего не будетъ.

„Виновать передъ Богомъ! завопилъ Мамаевъ; такъ и было, мы съ Пугачевымъ прїѣзжали къ нему“.

— Ну такъ врешь же, дуракъ! разсмѣявшись замѣтилъ Державинъ; теперь я вижу, что ты все тутъ перепуталъ; чуть было я не послалъ твоего вранья въ Петербургъ!

Потомъ Державинъ отправилъ его въ Казанскую секретную комисію, въ которой нѣсколько разъ увѣщевали его, выспрашивая не было-ли дѣйствительно такого злодѣйскаго предпріятія, какое въ допросѣ показано; а потомъ „слегка его сѣкли плетями и водили для страха въ застѣнокъ“. Но Мамаевъ одно только отвѣчалъ, что все взвелъ на себя напрасно отъ одного только страха и отчаянія.

IX.

Бугурусланскій депутатъ Давыдовъ ¹⁾.

Данила Давыдовъ былъ яснымъ крестьяниномъ Бугурусланской слободы Ставропольскаго уѣзда Оренбургской губерніи и состоялъ депутатомъ отъ всего Богумлинскаго вѣдомства въ комисію для составленія Уложенія.

До появленія еще самозванца онъ зналъ о кончинѣ императора Петра III, а когда пронеслась молва около Бугуруслана, что императоръ живъ и явился на Ливъ, то въ это время дошли до него и указы императрицы о томъ, что появившійся—никто иной, какъ бѣглый съ Дону казакъ Емельянъ Пугачевъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1773 года въ Бугурусланскую слободу прїѣхало 100 человекъ калмыковъ съ начальникомъ своимъ Өомою Алексѣевымъ; разграбили всѣ обывательскіе дома, а потомъ собрали весь народъ на улицу и спрашивали, кому онъ служить?

— Прежде служили государынѣ, — отвѣчали старики и Давыдовъ, — а нынѣ желаемъ служить государю Петру Өеодоровичу.

— Ну, когда вы желаете ему послужить, — прибавилъ калмыцкій

¹⁾ На основаніи неизданныхъ (какъ и предыдущія) показанія Давыдова, мнѣнія секретной комисіи и повелѣнія императрицы генералъ-майору Павлу Потемкину.

старшина, — то выберите отъ себя нѣсколько человѣкъ, пошлите къ самому государю для поклона и объявите самолично вѣрноподданническое свое усердіе.

Обыватели этой слободы тотчасъ-же выбрали изъ среды себя двухъ лучшихъ человѣкъ — Давыдова и Ивана Захлыстова. Эти два представителя отправились вмѣстѣ съ калмыками къ Оренбургу; изъ Бугурусланской слободы былъ взятъ калмыками сержантъ Зыковъ, командиръ слободы; его они закололи не доѣзжая до Кирюшкиной деревни. Когда они всѣ прибыли въ деревню, то ея жители прислали Давыдову и Захлыстову хлѣбъ и пироги для поднесенія императору. По приѣздѣ въ Бердинскую слободу, Давыдовъ съ Захлыстовымъ были представлены Пугачеву, но хлѣба и пирога не представили, такъ какъ лошади все дорогою помяли.

— Что вы за люди? спросилъ Пугачевъ.

— Крестьяне, ваше величество, приѣхали отъ народа Бугурусланской слободы вамъ поклониться.

— Ну, хорошо, братцы. Мнѣ сказывали, — продолжалъ Пугачевъ, обращаясь къ Давыдову, — что ты былъ депутатомъ и хочешь просить, чтобы вашу слободу не разоряли; такъ вотъ я тебѣ велю дать указъ, чтобы никто вамъ никакой обиды не чинилъ, а ты бы самъ розыскалъ у кого изъ вашей слободы что и кѣмъ пограблено.

Давыдовъ пробылъ въ Бердѣ четыре дня и видѣлъ тамъ большія силы Пугачева, а также нѣсколько пушекъ и очень много пороку; главные при немъ были яцкіе казаки, а иностранныхъ никого не было. Такъ какъ въ это время распространился слухъ, что злодѣйскій предводитель, называющійся графомъ Чернышевымъ, во многихъ мѣстахъ всѣхъ разбиваетъ, а кто не повинуется ему — казнить смертью, то Давыдовъ съ Захлыстовымъ стали разсуждать, ужъ не подлинный-ли это государь Петръ Фёдоровичъ? Зная же изъ манифеста, что онъ бѣглый казакъ, они не рѣшались признать его императоромъ, хотя называли таковымъ, такъ какъ думали, что ему удастся съ громадными силами завладѣть Московскимъ царствомъ.

Затѣмъ Давыдовъ былъ призванъ въ военную злодѣйскую коллегію къ секретарю ея, Горшкову, который вручилъ ему указъ Пугачева, гдѣ было прописано, что Давыдову поручается изслѣдовать о пограбленномъ и донести въ коллегію что окажется; а также поручалось ему увѣщевать народъ въ вѣрности государю, набирать къ нему въ службу и защищать всѣми силами какъ Бугурусланскую слободу, такъ и ближайшія къ ней деревни отъ вѣрныхъ ея величеству войскъ. Изъ Берды дано было Давыдову тридцать человѣкъ казаковъ.

Возвратившись домой, Давыдовъ созвалъ жителей слободы и объ-

явилъ имъ указъ; а послѣ того собралъ пятьсотъ человѣкъ какъ изъ годныхъ людей въ Бугурусланѣ, такъ и изъ окрестныхъ деревень; во многихъ мѣстахъ разставилъ пикеты; потомъ истребовалъ отъ всѣхъ обывателей вѣдомости что у кого дограблено. Когда всѣ эти свѣдѣнія были готовы, то Давыдовъ приказалъ своему писарю, экономическому крестьянину Якову Калугину, написать рапортъ въ военную коллегію, въ которомъ Пугачевъ именовался императорскимъ титуломъ. Удовлетворенія же по всѣмъ жалобамъ никакого не восплѣдовало. Не смотря на это, Давыдовъ очень часто рапортовалъ въ коллегію обо всемъ, что только въ его округѣ происходило. Спустя мѣсяць, къ нему былъ присланъ отъ атамана Арапова попь изъ чувашской деревни Стюхиной, съ повелѣніемъ приводить народъ къ присягѣ, при чемъ приложены были и присяжные листы.

На основаніи этого повелѣнія, мѣстный попь Максимъ Петровъ привелъ къ присягѣ всѣхъ обывателей Бугуруслана и самого Давыдова, а попь стюхинскій приказалъ государнию изъ эктеніи исключить и нигдѣ имени ея величества не упоминать, подѣ страхомъ смертной казни, а упоминать Петра Федоровича и супругу его Наталью Алексѣевну.

Въ то время произошла битва между татаринимъ Размаметевымъ и капитаномъ Шишковымъ. Размаметевъ просилъ помощи у Давыдова; но тотъ пришелъ къ нему очень поздно, почему татаринъ жаловался на него Пугачеву. Приказано было отобрать у Давыдова команду, а самому ему явиться въ Берду, куда тотчасъ онъ и отправился; Пугачева тамъ не засталъ, а секретари его прочли Давыдову обвиненіе Размаметева. Давыдову однако удалось оправдаться тѣмъ, что во время самой битвы онъ содержалъ очень важный постъ въ деревнѣ Маклаушахъ.

— Такъ поѣзжай же ты, — сказалъ Максимъ Григорьевъ, одинъ изъ начальниковъ войскъ Пугачева, — обратно на свой постъ, а указъ какъ тебѣ поступать придется потомъ.

Недоѣзжая 70-ти верстъ до Бугуруслана, Давыдовъ встрѣтилъ команду своихъ казаковъ, которые ему передали, что московская сила, подѣ командою князя Голицына, вступила въ Бугурусланъ, а мѣстная команда вся разбѣжалась. Поэтому Давыдовъ, остановясь въ деревнѣ Ягуновой, собралъ мѣстныхъ обывателей человѣкъ до семидесяти, посредствомъ которыхъ по прежнему содержалъ въ важныхъ мѣстахъ пикеты, а главная квартира его находилась въ деревнѣ Суровцовой; татарскіе старшины Моисей Мустафинъ съ командою находился въ татарскомъ Кандызѣ, Сейтангулъ Имайкайкай — въ Шарыповой деревнѣ. Всѣ они находились въ постоянномъ сношеніи другъ съ другомъ

и подавали одинъ другому помощь въ случаѣ нападенія командъ вѣрныхъ войскъ. Давыдовъ нигдѣ не сражался, а большею частью ловилъ на дорогахъ и пикетахъ вѣрныхъ ея величеству солдатъ, бралъ ихъ подъ караулъ и отсылалъ въ Берду, а крестьянъ оставлялъ у себя въ казакахъ; онъ также никого не лишилъ жизни, но случалось, что взятыхъ въ плѣнъ, по данной ему власти, наказывалъ „слегка палками и батошьемъ“, вывѣдывая сколько и гдѣ находится команды, пушекъ и пороху. Татарскіе же старшины Размаметевъ и Мустафинъ, какъ слышно было Давыдову, безпощадно вѣшали своихъ противниковъ; пушекъ у Давыдова совсѣмъ не было, а ружей только пятнадцать, вся же команда его была вооружена копьями. Наконецъ, 6-го апрѣля, слыша отовсюду, что команды Пугачева разбиты и считая свое дѣло проиграннымъ, ночью скрылся и хотѣлъ было бѣжать, но былъ задержанъ стоящимъ на пикетѣ крестьяниномъ Синеврюховымъ. Схватившіе Давыдова ограбили все его имѣніе, депутатскій знакъ и сорокъ семь рублей денегъ. Когда же его привезли обратно въ селеніе Суровцово, то вся команда его укорала:

— Ты де собралъ насъ за тѣмъ, чтобы погубить, такъ пронадежь же вмѣстѣ и не уйди тебѣ никуда теперь.

Какъ скоро узнали о намѣреніи Давыдова татарскіе старшины, тотчасъ явились въ Суровцово и сказали, что получили указъ отъ Петра Федоровича о занятіи Бугуруслана по прежнему; Давыдовъ, повѣря этому, хотѣлъ было тотчасъ собрать свою команду для соединенія съ ними; но старшины, съ крикомъ „вяжи всѣхъ“, бросились прежде всего на Давыдова, связали его и семнадцать человекъ приближенныхъ; остальные же изъ его команды, между которыми былъ и Захлыстовъ, увидя, что дѣло худо, разбѣжались кто куда могъ. Такимъ образомъ Давыдовъ привезенъ былъ въ Казань.

Тайная коммисія, въ которой присутствовали гвардіи поручикъ Николай Горчаковъ, гвардіи поручикъ Василій Собакинъ и гвардіи капитанъ Семень Володкій, въ своемъ мнѣніи признала виновнымъ депутата Давыдова въ слѣдующемъ: онъ былъ у Пугачева въ Бердинской слободѣ на поклонѣ; получа отъ него лжесоставленный манифестъ, сдѣлался усерднымъ исполнителемъ его злодѣйскихъ приказаній, хотя и зналъ, что государь Петръ III скончался, а что это никто иной, какъ бѣглый казакъ Емельянъ Пугачевъ; ложный манифестъ самозванца публиковалъ въ Бугурусланской слободѣ, самъ присягалъ ему и другихъ заставлялъ тоже дѣлать; а потомъ набралъ пятьсотъ человекъ для пикетовъ; о всѣхъ происходившихъ случаяхъ часто рапортовалъ въ злодѣйскую военную коллегію и разсылалъ ордера, именую Пугачева императоромъ; когда узналъ, что на Бугурусланъ на-

паль Голицынъ, то не сдался ему, а, напротивъ того, еще собралъ до семидесяти человѣкъ и по прежнему содержалъ шкеты; а на сраженіи потому только не былъ, что не выпадалъ такой случай; захваченныхъ солдатъ ея императорскаго величества бралъ подъ караулъ и многихъ билъ батожемъ; подъ конецъ же хотѣлъ бѣжать, когда узналъ о неудачахъ Пугачева, но былъ схваченъ и выданъ правительству.

Имѣя въ виду всѣ эти преступленія, секретная коммисія заключила, что съ Давыдовымъ слѣдуетъ поступить по всей строгости государственныхъ законовъ, т. е. „лиша его депутатскаго достоинства, учинить смертную казнь—повѣсить на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ своимъ усердіемъ въ самозванцу ввергъ многихъ въ ровъ погибели“, т. е. въ Бугурусланской слободѣ, для того, чтобы симъ казнились жители, доврившіеся самозванцу, и, страшась подобнаго же жребія, пребыли вѣрными ея императорскому величеству.

На это воспослѣдовало такое рѣшеніе императрицы, высказанное въ повелѣніи генералъ-маіору Павлу Потемкину:

„Хотя Давыдовъ за свои злодѣянія достоинъ жестокой казни, но какъ мы уже единожды навсегда торжественно всѣхъ депутатовъ отъ смертной казни освободить обѣщали, то и сей клятвопреступникъ, хотя по злодѣянιάмъ своимъ и не достоинъ бы освобожденъ быть отъ поносной казни, однакожъ, по сему нашему обѣщанію, освобождается; при семъ повелѣваемъ: приведа его со всѣми обрядами для осужденнаго на смерть къ висѣлицѣ, лишитъ депутатскаго званія и потомъ, прочтя ему сентенцію коммисіи во всей ея силѣ и не чиня ему казни, тутъ же заковать въ кандалы и послать подъ крѣпкимъ карауломъ на каторгу въ Ригу, гдѣ всю жизнь его употреблять въ тяжкихъ на Двинѣ работахъ“.

Х.

Петръ Емельяновъ.

Въ Голубенской станицѣ на Дону, въ февралѣ мѣсяцѣ 1774 года, былъ пойманъ крестьянинъ адмиральши вдовы Марьи Головиной, изъ вотчинъ Московскаго уѣзда, Петръ Емельяновъ съ находившимися при немъ работниками; онъ былъ въ этой станицѣ для продажи мѣдныхъ образцовъ и разныхъ другихъ вещей. Бывши 10-го февраля въ домѣ старшины этой станицы Попова, Емельяновъ въ разговорѣ о разныхъ предметахъ, между прочимъ, сообщилъ:

— У насъ-де въ Москвѣ нынѣ большая помутка; развѣ у васъ тутъ не слышно, что государь Петръ Ѳедоровичъ явился въ Орен-

бургъ и, набравъ войска до семидесяти тысячъ, пишетъ, чтобъ государыня не дожидалась бы его, шла бы въ монастырь; а крестьянъ всѣхъ государь хочетъ отъ бояръ отобрать и имѣть ихъ только за своимъ именемъ; колибъ то намъ Богъ далъ, хотя одинъ годъ на волѣ пожить, ибо теперь всѣ мы помучены; а вотъ и теперь изъ Москвы день и ночь противъ государя къ Оренбургу везутъ пушки и всякіе припасы, Томскій же полкъ, что изъ Москвы повезли на подводахъ, уже покорился государю. Да какъ же у васъ не слышно было обо всемъ этомъ? Государь-то былъ и въ Дубовкѣ подъ карауломъ, его тамъ мучили, въ водѣ хотѣли потопить; онъ и самъ объ этомъ не скрываетъ, а пишетъ; что же касается до того, что будто это вашъ казакъ Пугачевъ, то не вѣрьте тому, съ его ли разумомъ такія дѣла дѣлать!

На допросѣ въ канцеляріи войсковыхъ дѣлъ Емельяновъ показалъ, что все это рассказывалъ по слуху, носящемуся въ народѣ, безъ всякаго умысла, а съ простоты, слыша о томъ въ разныхъ мѣстахъ, а гдѣ—точно показать не можетъ.

XI.

Іовъ Масякинъ ¹⁾.

Іовъ Макаровъ сынъ Масякинъ, сорока лѣтъ отъ роду, былъ дворовымъ крестьяниномъ села Кирсанова, Тамбовскаго уѣзда. (Кирсаново въ 1779 году сдѣлано уѣзднымъ городомъ Тамбовскаго намѣстничества, а въ 1796 г. той же губерніи).

Въ 1774 году 21-го августа, въ четвергъ, пріѣхалъ къ нему изъ села Никольскаго однодворецъ Лаврентій Угловъ и просилъ его помочь сыну Науму отъ ломотной болѣзни. Масякинъ согласился и они вмѣстѣ въ тотъ же день отправились; леченіе состояло въ томъ, что онъ наговаривалъ воду и умывалъ ею сына Углова два раза, вечеромъ и утромъ. На слѣдующій день, въ пятницу, Масякинъ вышелъ изъ Никольскаго и одинъ пришелъ пѣшкомъ въ село Подвигаловку, Шацкаго уѣзда; попросилъ позволенія въ одномъ домѣ переночевать и когда его впустили, то въ разговорѣ съ хозяиномъ проговорился, что умѣетъ отъ всякихъ болѣзней врачевать; услышалъ объ этомъ попъ того села и обратился къ нему съ просьбою вылечить его жену. Масякинъ отправился въ домъ попа, наговорилъ опять воду и приказывалъ больной умываться ею, а затѣмъ тотчасъ же и возвратился въ тотъ домъ,

¹⁾ На основаніи: показанія Масякина, ордера Панина къ Шетневу, письма императрицы къ Вяземскому и резолюціи князя Вяземскаго отъ 11-го декабря 1774, утвержденной собственною рукою императрицы.

гдѣ въ первый разъ остановился. Войдя въ избу въ то время, когда хозяева ужинали, онъ подошелъ къ стѣнѣ, снялъ съ нея мѣдный поклонный крестъ, поцѣловалъ его, потомъ помолился Богу и сказалъ:

— Что-же вы не встанете? Вѣдь я не простой мужикъ, а царь Петръ Федоровичъ! Вотъ, глядите, и крестные знаки на тѣлѣ около висковъ; это кресты природные у всѣхъ, кто царскаго поколѣнія. А вотъ, смотрите, на спинѣ крестъ прощенный: если кто его поцѣлуеъ, то Богъ помилуеъ и царь проститъ.

Присутствующіе всѣ тотчасъ же повалились ему въ ноги и стали прикладываться ко всѣмъ крестнымъ знакамъ на его тѣлѣ.

— А какъ тебя зовутъ?—обратился Масякинъ къ хозяину.

— Отставной капраль Данило Іевлевъ, ваше величество, — отвѣчалъ тотъ.

Жена Іевлева, Евфросинья Федорова дочь, просила Масякина, чтобы онъ ее вылечилъ отъ порченой болѣзни; тогда онъ принялся за единственное свое средство — наговаривалъ воду и приказывалъ ея мыться. Какъ въ послѣдствіи времени оказалось на допросѣ, Масякинъ свои крестные знаки получилъ чрезъ надавливаніе мѣднаго креста на вискахъ, а на рукахъ и спинѣ такой же выпуклый мѣдный крестъ привязывался чрезвычайно туго платкомъ. На другой день Масякинъ просилъ Іевлева, чтобы тотъ отпустилъ своего двороваго человѣка сопровождать его по тѣмъ селамъ, гдѣ онъ будетъ называться царемъ; „а если не дашь,—приговаривалъ Масякинъ,—то смотри! Силы мои уже скоро придутъ сюда; тогда тебѣ не одобровать съ женою и дѣтьми повѣсимъ“.

Іевлевъ согласился отпустить своего двороваго Родіона, который, по приказанію Масякина, долженъ былъ ту воду выпивать, которою онъ мылся, такъ какъ такую воду отъ умыванья царя на землю выливать нельзя. Потомъ Масякинъ ходилъ въ домъ другаго однодворца того же села, Федора, гдѣ тоже выдавалъ себя за царя, показывалъ вышеупомянутые знаки на тѣлѣ и заставлялъ хозяина, жену, дочь дѣвицу и пасынка прикладываться къ нимъ, что тѣ съ благоговѣніемъ и исполняли. По возвращеніи въ домъ Іевлева, Масякинъ послалъ Родіона въ деревню Березовку Шацкаго уѣзда къ крестьянину Ивану, у котораго раньше онъ лечилъ дочерей и забылъ тамъ свой сермяжный кафтанъ. Черезъ нѣсколько времени поѣхалъ туда же въ Березовку и самъ Масякинъ; здѣсь онъ тоже выдавалъ себя за царя, почему всѣ тутъ присутствовавшіе кланялись ему въ ноги, а онъ ихъ благословлялъ рукою на подобіе священника; жители этой деревни въ своихъ избахъ разстилали ему на полу подъ ноги холсты и цѣловали у него на рукахъ, груди и спинѣ кресты. Масякинъ про-

былъ въ той деревнѣ два дня. Потомъ его отвезли въ село Прибылки, того же уѣзда, откуда съ Родіономъ онъ пошелъ пѣшкомъ въ деревню князя Гагарина Арнѣшску, гдѣ оставался два дня. Тутъ онъ тоже называлъ себя Петромъ Ѳедоровичемъ, а о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ выражался такъ:

— Чадо мое милое и возлюбленное, Павелъ Петровичъ! Велитъ ли Богъ мнѣ съ тобою видѣться? Я его посадилъ въ Петровъ день на царство, а только никто того не знаетъ, кромѣ его.

Разсказывалъ также Масякинъ, что у него силъ очень много, которыми недавно два человекъ повѣшены; „да вотъ и вамъ,—грозишь онъ жителямъ сель,—того не миновать, если ко мнѣ не будете добры“.

Въ этихъ же селахъ по ночамъ онъ малывался Богу и вслухъ, къ прельщенію народа, приговаривалъ:

— „Пошли Господи увидѣть возлюбленнаго сына моего, государя Павла Петровича“. Потомъ приказывалъ жителямъ встрѣчать его войска съ положеннымъ на голову хлѣбомъ и становясь на колѣни; разсказывалъ онъ также, что войска его никому никакой обиды не дѣлаютъ, а ежели нужно кого повѣсить или пожаловать, то это совершается по его приказанію намѣстниками. По его словамъ, войска идутъ къ Тамбову пятью дорогами, гдѣ и сойдутся; тутъ воспослѣдуетъ свиданіе его съ любезнымъ сыномъ Павломъ Петровичемъ. Своими командами онъ называлъ всѣ тѣ шайки, которыя предавали грабежу окрестныя мѣстности. Все это имъ совершалось, какъ въ послѣдствіи онъ признался, въ виду того, чтобы побольше набрать съ народа денегъ и возвратиться домой. Когда же онъ былъ въ домѣ сотскаго села Никольскаго, Завидова, то потребовалъ себѣ чернильницу и бумагу и, такъ какъ не зналъ ни читать ни писать, начертя какія-то баракули, показывалъ видъ, что написалъ отпускную своему спутнику Родіону, а другую бумагу, также точно измаранную, вручилъ сотскому, какъ повелѣніе о томъ, чтобы войска его встрѣчали съ хлѣбомъ да солью. По выходѣ изъ села Никольскаго, Масякинъ съ Родіономъ были схвачены и присланы въ Тамбовскую провинціальную канцелярію. Тутъ Масякинъ показалъ, что прежде этого никакого злодѣяства не дѣлалъ и въ воровствахъ и разбояхъ не участвовалъ.

Изъ ордера графа Петра Панина къ генераль-поручику Воронежскому губернатору Шетневу отъ 13-го октября 1774 года видно, что Тамбовской канцеляріи предложено было отъ имени графа, „подъ надзираніемъ и отвѣтомъ собственною жизнію тамошняго воеводы“, содержать втораго самозванца прикованнымъ къ стѣнѣ до полученія повелѣнія объ немъ ея императорскаго величества. Недолго однако оставался Масякинъ въ Тамбовской провинціальной канцеляріи; его

отправили вмѣстѣ съ замѣшанными въ этомъ дѣлѣ личностями въ Воронежскую губернскую канцелярію. По этому случаю графъ Панинъ прислалъ Шетневу слѣдующаго рода предписаніе:

„Тамбовскаго уѣзда села Кирсанова крестьянина Юва Макарова сына Масякина, пригнотови по христіанскому закону къ смерти, казнить на площади города Воронежа отрубленіемъ напередъ обѣихъ рукъ и ногъ, а потомъ головы, и положить его злодѣйскій трупъ тутъ же на колесѣ, а голову, руки и ноги, отославъ въ село Кирсаново, велѣтъ на сдѣланномъ же колесѣ воткнуть на спицы и въ обѣихъ мѣстахъ прибить объявленіе о злодѣйскомъ дѣйствиіи.

„Шацкаго уѣзда въ селѣ Подвигаловкѣ жительствующаго отставнаго капрала Даніила Іевлева за непредъявленіе Масякина начальству, а тѣмъ болѣе за признаніе его Петромъ III, висѣчь, вмѣсто заслуженной смертной казни, кнутомъ, давъ семьдесятъ пять ударовъ, и отрѣзать оба уха.

„Родіона Алексѣева, сопричастника злодѣяніямъ самозванца, который былъ ему провожатаемъ, если онъ негоденъ въ службу, наказать кнутомъ, давъ пятьдесятъ ударовъ, и отрѣзать одно ухо, а если годеиъ къ службѣ, то наказать жестоко подъ висѣлицею плетьюи.

„Однoдворца Ѳедора, въ домѣ котораго былъ Масякинъ принимаемъ за государя, равно какъ трехъ человекъ, приведенныхъ Родіономъ изъ деревни Орлова, Шацкаго уѣзда, села Прибыткава: однoдворца Ѳедора, деревни Ариюшки крестьянина Захара и однoдворца Самуила Проворотова, однимъ словомъ, всѣхъ, на кого показывалъ Масякинъ, какъ на соучастниковъ его замысловъ, наказать также какъ вышеовначеннаго Родіона Алексѣева.

„Попа Ѳедора села Подвигаловки, Шацкаго же уѣзда, у котораго Масякинъ лечилъ попадью наговоренною водою, отослать къ духовному суду и наказанію за то, что онъ, вмѣсто того, чтобы по своей пастырской должности другихъ отвращать, дерзалъ впадать въ таковое демонское суевѣрство. Если же кто изъ этихъ лицъ будетъ оправданъ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ дѣла, то таковыхъ не наказывать, а тотчасъ донести объ этихъ обстоятельствахъ графу. Тѣмъ же однoдворцамъ, которые злодѣя Масякина поймали и къ начальству представили, въ награжденіе за ихъ вѣрность къ государынѣ и отечеству раздѣлить прилагаемые сто рублей“.

Этотъ ордеръ графа Панина былъ посланъ Воронежскому губернатору Шетневу съ капитанъ-поручикомъ л.-гв. Новосильцевымъ, который и долженъ былъ отпрапортовать графу о точномъ всего этого исполненіи.

Но изъ письма Екатерины II къ князю Александру Алексѣевичу

Вяземскому видно, что императрица нашла эту сентенцію графа Панина весьма жестокою; а потому повелѣла князю Вяземскому послать предписаніе къ Воронежскому губернатору объ отиѣвѣ сентенціи графа Панина и „чтобъ вмѣсто жестокой таковой казни, есть-ли онъ убивству не производилъ, его сѣкли внѣдомъ, а естли убивства дѣлалъ, чтобъ повѣсили его просто, не дѣлавъ никакихъ мученій“.

Относительно же наказанія сообщниковъ Масыкина и здѣсь значительное отступленіе сдѣлано отъ сентенціи графа Панина. Изъ повелѣнія генераль-прокурора князя Вяземскаго, подписаннаго Екатериною II-й, отъ 11-го декабря 1774 года, видно, что воспослѣдовало въ отношеніи ихъ слѣдующее рѣшеніе:

„Главнѣйшее преступленіе сообщниковъ самозванца состоитъ въ томъ, что они, повѣря ложнымъ словамъ того злодѣя, почитали его за истиннаго государя, покойнаго императора Петра III-го, кланялись ему въ ноги, цѣловали руки, за что и достойны по силѣ государственныхъ законовъ не только тяжкому тѣлесному наказанію, но и лишенію живота; но какъ они въ сіе преступленіе впали единственно по обольщенію того злодѣя, отъ сущаго своего невѣжества, умысла ихъ къ каковому важному преступленію и склонности къ злодѣяніямъ совѣмъ не открывається, то въ разсужденіе этого, а паче изъ единаго ея императорскаго величества милосердія, всѣхъ сихъ людей отъ положеннаго законами осужденія избавить. Но дабы они впредь таковымъ ложнымъ обольщеніямъ не вѣрили и на всю жизнь оставались въ вѣрности къ свой самодержицѣ, то изъ нихъ капрала Данилу Левлева, а равно его человѣка Родіона Алексѣева, однодворца Федора и крестьянъ: Петра Андреева, Ивана Раева, Аввакума Жаркова и Якова Севастьянова высѣчь плетьюми и написать въ солдаты; крестьянъ же: Андрея Алексѣева, Захара Жаркова и однодворца Самойла Проворотова, замѣняя имъ долговременное подъ карауломъ содержаніе въ наказаніе, а паче по старости ихъ лѣтъ, никакого наказанія имъ не дѣлать, но освободя какъ ихъ, такъ и привлеченныхъ къ оному слѣдствію женокъ, дѣвокъ и малолѣтнихъ, отпустить по прежнему въ ихъ жителства; при этомъ привести ихъ вновь къ присягѣ, истолковавъ имъ всѣмъ важность учиненнаго ими преступленія, въ которое столь пагубно ввергла ихъ глупость и безразсудность, равно пояснить какому бы они наказанію были достойны, есть ли бы не особливое человѣколюбіе и щедроты ея императорскаго величества“.

ГРИГОРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ГЛИНКА.

состоявшій кавалеромъ (наставникомъ)

при Великихъ Князяхъ Николаѣ Павловичѣ и Михаилѣ Павловичѣ.

Род. 1776, † 1818 г.

Григорій Андреевичъ Глинка род. 22-го февраля 1776 г., Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда, въ сельцѣ Закупѣ въ имѣніи отца своего Андрея Ильича, отставнаго подпоручика л.-гв. Преображенскаго полка¹⁾. Послѣдній былъ женатъ на баронессѣ Шар-

¹⁾ Фамилія Глинка, — древняго польскаго происхожденія, — причислена къ гербу Тржаска (обломокъ), изображающему на лазуревомъ щитѣ золотой полу-мѣсяцъ рогами вверхъ, на которомъ упираются въ столбъ два обломанныхъ серебряныхъ меча. Гербу этотъ былъ пожалованъ королемъ Болеславомъ Храбрымъ (царствовавшимъ съ 999-го по 1025 годъ) рыцарю, обломавшему въ бою, защищая особу его, короля, два меча, одинъ свой, а другой самого короля. Гербу Тржаска именуется также Бяла и Любева; послѣднимъ именемъ названъ въ память основаннаго выпепомянутаго рыцаремъ въ Великой Польшѣ Любенскаго монастыря. Въ актахъ архива ссазаннаго монастыря изъ древнихъ предковъ рода этого упоминаются: Морха, графъ изъ Бялы въ 1091-мъ, и Мстигеній, графъ изъ Бялы, въ 1180 году.

Въ XIV столѣтіи одна отрасль рода Тржаска приняла фамилію Глинка, по имени родового имѣнія Глинки. Въ XV столѣтіи Николай Глинка былъ кастеляномъ земли Визской, а Матвѣй Глинка—бургграфомъ Островскимъ. Грамотою, пожалованною Іоанномъ, княземъ мазовецкимъ, Руси и проч., въ 1490 году, Іоанну и Стефану изъ Глинокъ, родовое ихъ помѣстье Глинки перенесено изъ подъ польскаго права подъ право тевтонское, называемое холмскимъ, во всѣхъ статьяхъ, условіяхъ и частностяхъ (по праву тевтонскому имѣніе освобождалось отъ всѣхъ повинностей). Грамотою, пожалованною Іоанномъ Альбертомъ, королемъ польскимъ, въ 1499 году Якову изъ Глинокъ, старостѣ*) Гостыньскому, королевскія имѣнія, въ княжествѣ

*) Въ древней Польшѣ, выраженіе стардство было тождественно выраженію графство.

Коронныя земли или стардства, очень многочисленныя и обширныя, заключавшія въ себѣ города и деревни, должны были раздаваться польскими королями въ пожизненное владѣніе по заслугамъ. Получившій стардство магнатъ удерживалъ всѣ свои прежнія должности и званія, и получалъ право верховнаго суда въ городахъ стардства и право пожизненнаго владѣльца въ принадлежавшихъ стардству имѣніяхъ и деревняхъ. Но, разъ получивъ стардство, магнатъ смотрѣлъ на него какъ на свою полную собственность, продавалъ его, завлаживалъ, или передавалъ своимъ дѣтямъ, наравнѣ съ своими вотчинными имѣніями.

лотъ Антоновъ Платенъ, находившейся въ близкомъ свойствѣ съ д. т. с. Василиемъ Михайловичемъ Ребиндеромъ, состоявшимъ при дворѣ Еватерины II въ званіи шталмейстера. Со стороны Ребиндера и его двухъ свояченицъ, бывшихъ въ замужствѣ за лицами, занимавшими тогда въ обществѣ видное положеніе, а именно: за графомъ Владиміромъ Орловымъ и за графомъ Тизенгаузенъ — жена Андрея Ильича Глинки Шарлота Антоновна встрѣтила то сродъствіе, въ которомъ она нуждалась для своихъ дѣтей. Сынъ ея Григорій поступилъ на службу пажомъ императрицы Екатерины II — 3-го апрѣля 1782 года, на седьмомъ году отъ рожденія. Камеръ-пажомъ пожалованъ 24-го февраля 1796 года. Изъ камеръ-пажей выпущенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ поручикомъ 25-го декабря 1796 года, а въ капитанъ-поручики произведенъ 22-го апрѣля 1797 г. Бывъ еще молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, Григорій Андреевичъ чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ наукамъ, занимался ими усленно, и, наконецъ, при желаніи согласовать свои занятія съ призваніемъ, оставилъ въ 1799 году военную службу, поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ за тѣмъ занялъ должность цензора, сначала въ Кронштадтѣ, потомъ въ Петербургѣ. Въ 1802 году было приступлено къ учрежденію Дерптскаго университета, въ которомъ всѣ

Мазовецкомъ состоявшія, а именно: замокъ Визненскій (Визскій), вмѣстѣ съ городами Визною, Вонсожъ и Радловымъ, со всѣми деревнями, къ означенному замку и городамъ причисленными, означенному Якову изъ Глинокъ вѣчною продажею уступлены, съ условіемъ однако же выкупа (видеркауфъ).

Грамотою, пожалованною Александромъ, королемъ польскимъ, въ 1502 году, тому же Якову изъ Глинокъ, старостѣ Визскому, королевскія имѣнія, въ княжествѣ Мазовецкомъ и въ землѣ Плоцкой находившіяся, именно: городъ Млава съ деревнями, къ нему приписанными, означенному Якову изъ Глинокъ вѣчною продажею уступлены, съ условіемъ однако же выкупа (видеркауфъ).

Въ 1641 году, для обороны Сѣверскихъ городовъ, Владиславомъ IV, королемъ польскимъ, были жалованы въ Смоленскомъ воеводствѣ во время бытія его за нимъ, королемъ, имѣнія Викторіку-Владиславу Глинкѣ, который былъ выѣзжій изъ короны польской и принадлежалъ къ древнему дворянскому роду Глинка въ Визской землѣ. По отвоеваніи же Смоленска у Польши, сказанный Глинка принялъ православіе, нареченъ въ св. крещеніи Яковомъ Яковлевичемъ и былъ пожалованъ отъ цари Алексѣя Михайловича, въ 1655 году, за его службу помѣстьями; этотъ Яковъ Глинка и есть родоначальникъ русской вѣтви Глинокъ Смоленской губерніи, къ которой сопричисленъ былъ и Григорій Андреевичъ Глинка. См. Высочайше пожалованную, 6-го декабря 1873 г., генералъ-адъютанту Б. Г. Глинкѣ-Маврину — грамоту на соединенный гербъ родовъ Глинка и Маврина, а также «Русскую родословную книгу», томъ II, стр. 22 и 216, изданіе «Русской Старины».

В. Г. М.

предметы должны были преподаваться на нѣмецкомъ языкѣ; такимъ образомъ, за исключеніемъ небольшого числа лицъ изъ Прибалтійскаго края, профессора въ этотъ университетъ были вызваны изъ Германіи; но, какъ исключеніе, для русскаго языка и русской словесности, былъ нуженъ русскій человекъ, и на сдѣланное ему предложеніе, Григорій Андреевичъ поступилъ туда 20-го марта 1803 года профессоромъ по этимъ двумъ предметамъ.

Въ тогдашнее время, русское дворянство, почти всецѣло посвящавшее себя государственной службѣ, какъ военной, такъ и гражданской, и въ средѣ котораго было не малое число людей образованныхъ и даже ученыхъ, — смотрѣло однако на поприще образовательное съ какимъ-то предубѣжденіемъ; но Глинка этому взгляду не подчинился; онъ первый изъ русскихъ дворянъ съ независимымъ состояніемъ вступилъ на кафедру преподавателемъ. На это событіе было указано Карамзинымъ въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ, въ особой небольшой статьѣ подъ заглавіемъ „Феноменъ“. Въ университетскую среду влекла его главнымъ образомъ надежда найти въ обществѣ ученыхъ и при томъ благовоспитанныхъ и добродушныхъ нѣмцевъ возможность къ удовлетворенію, при самой пріятной обстановкѣ, своей любознательности. Но надеждѣ этой не суждено было осуществиться. Ученость не оградила нѣмецкихъ профессоровъ отъ мелкихъ житейскихъ страстей; съ самаго пріѣзда въ Дерптъ Григорія Андреевича, отношенія его къ послѣднимъ явились натапнутыми, а въ послѣдствіи сдѣлались даже непріязненными. Такого рода отношенія вліяли на него нравственно и побудили его оставить Дерптскій университетъ; по его прошенію бывъ уволенъ отъ должности профессора этого университета 30-го іюня 1810 года, онъ удалился въ имѣніе свое въ Смоленской губерніи, гдѣ съ полнымъ увлеченіемъ предался сельскому хозяйству. Въ бытность свою въ Дерптѣ Григорій Андреевичъ женился, 25-го мая 1806 года, на Юстинѣ Карловнѣ Кюхельбекеръ, дочери Карла Ивановича, бывшаго первымъ, по времени, директоромъ г. Павловска (до 1789 г.). Въ продолженіи всей своей 87-ми-лѣтней жизни, Юстина Карловна пользовалась всеобщимъ къ ней уваженіемъ и любовью за ея высокую добродѣтель. Она переселилась въ вѣчность въ 1871 году, въ имѣніи Закупѣ, оплаканная родными и всѣмъ окрестнымъ населеніемъ, о которомъ она не переставала имѣть самое заботливое попеченіе.

Съ 1797 по 1810 годъ Григорій Андреевичъ издалъ въ свѣтъ слѣдующіе труды:

— Риторика въ пользу молодыхъ дѣвицъ, которая равнымъ образомъ можетъ служить и для мужчинъ, любящихъ словесныя науки. Соч. Гальера, переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ. 1797 г.

- Дочь любви—сѣмейственная картина въ 4-хъ дѣйствіяхъ С.-П.-Б. 1801 г.
- Лѣтописи царствованія Екатерины II. Соч. Шторха, часть 1-я С.-П.-Б. 1801.
- Императоръ Александръ въ Ригѣ 24, 25 и 26-го мая 1802 года. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-П.-Б. 1802.
- Россійская Исторія. Соч. Девека, част. 1-я, перев. съ франц., 1802.
- Древняя религія славянъ. Митава. 1804.
- Учебная книга Россійскаго языка для употребленія въ лифляндскихъ, эстляндскихъ и курляндскихъ школахъ. Митава. 1805.
- Тоже на нѣмецкомъ языкѣ. 1806.
- Современныя записки о Россіи въ историческомъ, политическомъ и военно-дѣйственномъ отношеніяхъ. Соч. Христофора Манштейна. Двѣ части. Переводъ съ французскаго. Дерптъ. 1810¹⁾.

Непродолжительно было пребываніе Григорія Андреевича въ деревнѣ. Въ 1811 году воспитаніе молодыхъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича было возложено императрицею Маріею Ѳеодоровною на Ламсдорфа, при участіи въ томъ, подъ его руководствомъ, нѣсколькихъ лицъ, носившихъ названіе кавалеровъ. При увольненіи отъ этой должности одного изъ нихъ, Дивова, по указанію другаго кавалера, Саврасова, бывшаго товарищемъ Григорія Андреевича Глинки по пажескому корпусу, мѣсто это было предложено послѣднему, которымъ оно и было принято. Отзывъ, въ которомъ заключалось это предложеніе, былъ полученъ въ деревнѣ въ почтовой сумкѣ съ другими пакетами въ то именно время, когда Григорій Андреевичъ занимался насажденіемъ въ саду плодовыхъ деревьевъ. Не подозрѣвая важности той новости, которая содержалась въ сумкѣ этой, онъ положилъ ее въ сторону и вскрылъ не прежде, какъ по окончаніи садовой своей работы.

Въ маѣ 1811 года Григорій Андреевичъ прибылъ въ Петербургъ и вступилъ въ исправленіе своихъ новыхъ служебныхъ обязанностей, оставивъ жену и дѣтей въ деревнѣ до осени.

До того времени здоровье его было весьма удовлетворительное; но, въ одной изъ своихъ поѣздокъ изъ Петербурга въ Павловскъ, онъ сильно простудился и схватилъ ревматизмъ, отъ котораго онъ уже никогда не оправился, и который былъ началомъ аневризма въ сердцѣ, причинившаго преждевременную его кончину.

Кромѣ обязанностей по званію кавалера, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ угодно было возложить на Григорія Андреевича порученіе чи-

¹⁾ Объ этомъ первомъ, по времени, переводѣ на русскій языкъ весьма замѣчательныхъ Записокъ Манштейна см. въ приложеніяхъ къ новѣйшему переводу этого историческаго памятника, изд. «Русской Старины» 1875 г. Подлинникъ соч. Манштейна принадлежитъ библіотекѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, въ Павловскѣ.

тать русскую словесность великой княжѣ Аннѣ Павловнѣ; когда же, въ послѣдствіи, по неимѣнію времени, онъ этого преподаванія исполнять не могъ, то, по его же указанію, оно было возложено, по волѣ императрицы, на нашего извѣстнаго писателя В. А. Жуковскаго, бывшаго въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Григоріемъ Андреевичемъ.

Съ дальнѣйшими выдающимися чертами жизни Григорія Андреевича можно ознакомиться по помѣщаемымъ ниже выдержкамъ изъ писемъ его къ женѣ своей, а также изъ писемъ къ нему и женѣ его, писанныхъ августѣйшими особами императорскаго дома.

Выдержки изъ писемъ Григорія Андреевича съ 1811 по 1815 годъ указываютъ на нѣкоторые существовавшіе тогда порядки при дворѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Дальнѣйшія же такыя выдержки относятся исключительно до путешествій, совершенныхъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ съ мая по сентябрь 1816 года по Россіи и съ того же сентября по апрѣль 1817 года за границей, а также до путешествія, совершеннаго великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ по Россіи съ августа 1817 по февраль 1818 года.

Въ этихъ путешествіяхъ сопровождали в. к. Николая Павловича: по Россіи — генераль Голенищевъ-Кутузовъ и кавалеры Саврасовъ и Глинка, а за границей, — кромѣ этихъ лицъ, и генераль Ламсдорфъ; великаго же князя Михаила Павловича сопровождали по Россіи—генераль Паскевичъ и кавалеры Алединскій и Глинка.

Достойно замѣчанія, что выборъ генерала Паскевича для этого порученія послѣдовалъ вслѣдствіе указанія императрицъ Маріи Ѳеодоровнѣ на эту особу Глинкою, который былъ его товарищемъ по пажескому корпусу.

Григорій Андреевичъ Глинка скончался скоропостижно 9-го февраля 1818 года въ Москвѣ, къ концу путешествія великаго князя Михаила Павловича по Россіи.

Предсмертныя минуты жизни Глинки описаны яркими красками, въ трогательныхъ выраженіяхъ, въ двухъ собственноручныхъ письмахъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, ниже помѣщенныхъ.

Только два мѣсяца не дожилъ Григорій Андреевичъ до того радостнаго дня, когда вся Россія привѣтствовала рожденіе нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Однако, земное поприще Г. А. Глинки не прошло бесслѣдно по важности лежавшаго на немъ, въ послѣдніе семь лѣтъ его жизни, призванія, а также и по тому событію, что, при его посредствѣ, были впервые приближены ко двору императрицы Маріи Ѳеодоровны двѣ достопримѣчательныя въ послѣд-

стві личности: Василій Андреевичъ Жуковскій и Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ.

Помѣщаемыя въ концѣ этой статьи письма отъ августѣйшихъ особъ императорскаго дома служатъ указаніемъ милостиваго ихъ расположенія къ Григорію Андреевичу.

Письма отъ императрицы Маріи Ѳедоровны, оказывающіяся въ болѣшемъ противъ другихъ писемъ числѣ, свидѣтельствуютъ также о высокихъ качествахъ ея величества.

I.

Выдержки изъ писемъ Г. А. Глинки къ его женѣ¹⁾.

1811 — 1818.

С.-Петербургъ.—22-го мая 1811 г.

14-го мая я благополучно прибылъ въ Гатчино и на слѣдующій день былъ представленъ вдовствующей государынѣ. Она приняла меня въ высшей степени милостиво; въ тотъ день, который я провелъ въ Гатчино, меня призывали къ ней три раза и она всякій разъ подолгу весьма милостиво разговаривала со мною. Въ тотъ день я обѣдалъ и ужиналъ у нея; она сама провела меня къ великимъ князьямъ, которые чрезвычайно понравились мнѣ, такъ какъ они обладаютъ, повидимому, прекраснѣйшимъ въ мірѣ характеромъ и отнеслись ко мнѣ съ такимъ вниманіемъ и предупредительностью, которыми по истинѣ тронули меня. Покуда ты не пріѣдешь изъ Закупа, я рассчитываю обѣдать почти ежедневно у великихъ князей, у которыхъ не чувствуешь ни малѣйшаго стѣсненія; служба кавалеровъ не имѣетъ въ себѣ ничего непріятнаго; напротивъ того, всѣ мои товарищи исполняютъ свою обязанность съ истиннымъ удовольствіемъ. Я нахожусь въ настоящее время въ Петербургѣ, гдѣ ожидаю прибытія вдовствующей государыни, которая представитъ меня императору, а 24-го мая мы отправимся въ Павловскъ, гдѣ я вступлю въ должность.

Занимаемое мною теперь мѣсто было предложено мнѣ по ходатайству моихъ знакомыхъ изъ лицъ приближенныхъ къ императрицѣ Маріи и самъ императоръ убѣдилъ свою родительницу отдать мнѣ предпочтеніе предъ другими соискателями, отозвавшись обо мнѣ самымъ лестнымъ образомъ.

Императрица проводитъ въ Гатчино семь, восемь мѣсяцевъ въ году; остальное время она живетъ въ Павловскѣ и только время отъ

¹⁾ Большая часть писемъ Григорія Андреевича писаны на французскомъ языкѣ, которымъ онъ, равно какъ и нѣмецкимъ, владѣлъ въ совершенствѣ. Но мы выдержки эти, для удобства читателей, помѣстимъ въ переводѣ.

времени возить великихъ князей на нѣсколько дней въ Петербургъ. Въ Павловскѣ, и въ особенности въ Гатчино, мы имѣемъ при дворѣ прекрасную квартиру, совершенно меблированную, такъ что изъ мебели ничего не нужно покупать или вести изъ Закупа. Никто изъ насъ не держитъ лошадей, такъ какъ, въ случаѣ надобности, мы можемъ пользоваться экипажемъ отъ двора; точно также намъ не нужно имѣть квартиры въ Петербургѣ, но въ Гатчино и Павловскѣ мы имѣемъ свой столъ, а туалетъ также будетъ порядочно стоять намъ обимъ, въ особенности же тебѣ, такъ какъ въ Павловскѣ каждое воскресенье бываетъ парадный балъ для лицъ высочествовавшихъ, прѣзжающихъ туда обыкновенно изъ Петербурга и на эти балы всегда приглашаются жены кавалеровъ. Всѣ радуются здѣсь нашему счастью и шлютъ тебѣ самый искренній привѣтъ. Ты увидишь сама, что нигдѣ не живетъ такъ хорошо во всѣхъ отношеніяхъ, какъ намъ будетъ въ Павловскѣ и Гатчинѣ.

Гатчино:—24-го мая 1811 г.

.....Вчера окончились всѣ обряды и порядки, сопряженные съ поступленіемъ моимъ въ новую должность; вчера же я былъ представленъ вдовствующей государыней императору, который обошелся со мною не какъ монархъ, но скорѣе какъ старшій знакомый, а сама государыня—воплощенная доброта. Покуда день проходитъ у меня слѣдующимъ образомъ: я встаю въ 5 или 6 часовъ и выхожу гулять въ прекрасный гатчинскій паркъ, а если погода неблагопріятствуетъ, то занимаюсь чтеніемъ; въ 10 часовъ спускаюсь завтракать къ великимъ князьямъ и до 12-ти часовъ присутствую при ихъ урокахъ. Съ 12-ти до 2-хъ я сижу у себя или гуляю въ паркѣ съ великими князьями; послѣ обѣда ихъ высочества играютъ съ нами въ билліардъ, по 30 коп. сер. партія; въ 4 часа я опять присутствую при ихъ урокахъ; въ 6 часовъ мы пьемъ у нихъ чай, послѣ чего я гуляю съ ними, и послѣ двухъ-часоваго занятія, во время котораго великіе князья остаются одни съ своими дежурными кавалерами, я иду во дворецъ ужинать, а въ 10 часовъ всякій удаляется къ себѣ.

Великіе князья съ нами въ высшей степени вѣжливы и предупредительны и окружающіе ихъ кавалеры ¹⁾ вполне честные люди, такъ что наша будущая жизнь представляется мнѣ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ...

¹⁾ Состояли при ихъ императорскихъ высочествахъ кавалерами: Аледисскій, Саврасовъ, Ушаковъ, Ахвердовъ, Вульфъ и Глинка.

Павловскъ.—14-го іюня 1811 г.

.....Что касается до нашего туалета, то я позабочусь о немъ, но все же я желалъ бы, чтобы ты заранѣе извѣстила меня, когда именно думаешь предпринять путешествіе въ Петербургъ; вдовствующая государыня уже два раза спрашивала меня объ этомъ и великая княжна Анна, при свиданіи со мною, всякій разъ освѣдомляется о тебѣ и о времени твоего приѣзда.

Ты писала, что очень желала бы знать, кому я обязанъ своимъ мѣстомъ? г. Ламсдорфу говорилъ обо мнѣ кавалеръ ихъ высочествъ г. Саврасовъ, а императоръ самъ посоветовалъ вдовствующей государынѣ отдать мнѣ предпочтеніе передъ другими; подумай, что императоръ безъ моего вѣдома хотѣлъ назначить меня директоромъ лицея; императрица Марія высказала это въ обществѣ; но я предпочитаю занимаемое мною теперь мѣсто...

Павловскъ.—24-го іюня 1811 г.

Дней 8 тому назадъ, за отсутствіемъ кавалера ихъ высочествъ, генерала Ахвердова, вдовствующая государыня поручила мнѣ замѣнить его при урокахъ великихъ князей по исторіи, географіи и статистикѣ Россіи, а равно и по русскому языку и литературѣ, и мнѣ кажется, что ея величество осталась довольною моимъ изложеніемъ этихъ предметовъ¹⁾.

Вчера императрица поручила мнѣ вычеркнуть и замарать чернилами все то, что бесполезно или вредно читать великому князю Николаю въ исторіи Россіи, написанной г. Левекомъ (Lesvesque) и представить эту книгу, прежде нежели великому князю, самой императрицѣ, съ указаніемъ зачеркиваемыхъ мѣстъ. 20-го числа этого мѣсяца дворъ отправится въ Петергофъ, гдѣ мы проведемъ, вѣроятно, съ недѣлю или двѣ; я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы посѣтить моихъ кронштадтскихъ знакомыхъ, и буду также нѣсколько разъ у княгини Шаховской²⁾, которая живетъ въ 6-ти верстахъ отъ Петергофа.

С.-Петербургъ.—19-го мая 1814 г.

....Вчера поутру я прибылъ въ Петербургъ, сегодня былъ представленъ ея императорскому величеству, которая приняла меня чрезвычайно милостиво и съ полчаса бесѣдовала со мною въ своемъ кабинетѣ; великая княжна была также весьма добра ко мнѣ и отъ

¹⁾ Великій князь Михаилъ Павловичъ имѣлъ обыкновеніе передавать нѣкоторые изъ его учебныхъ книгъ, становившихся ненужными, Григорію Андреевичу, для его дѣтей. У послѣднихъ и понынѣ хранится азбука, по которой учился его высочество.

²⁾ Бабка графовъ Андрея и Петра Павловичей Шуваловыхъ. В. Г. М.

избытка вниманія даже поцѣловала меня. Представь себѣ, что она успѣвшила къ графинѣ Ливенѣ лишь только послѣдняя увѣдомила ее, что я нахожусь у нея; сегодня я приглашенъ на обѣдъ къ вдовствующей государынѣ. 22-го мая дворъ отправляется въ Павловскъ, куда и я поѣду нѣсколько времени спустя...

Гатчино.—20-го сентября 1814 г.

....Все лѣто проходитъ у насъ въ разъѣздахъ, поэтому мнѣ удастся писать тебѣ только урывками и когда дозволяетъ время...

Вотъ уже три недѣли какъ возобновились занятія ихъ высочествъ, но въ настоящее время неизвѣстно какъ долго они продлятся. Точно также еще ничего неизвѣстно о судьбѣ великой княжны Анны.

....16-го сентября мы переѣхали въ Гатчино, гдѣ проживемъ до 16-го октября....

Павловскъ.—9-го августа 1815 г.

Спѣшу увѣдомить тебя, что путешествіе мое совершилось благополучно.... Въ Павловскѣ я былъ весьма милостиво принятъ императрицей, и великая княжна была со мною также чрезвычайно любезна. Окончивъ уроки у в. к. Анны, я поѣду въ Петербургъ, гдѣ думаю остаться до воскресенья.... По извѣстію, полученному отъ государя, все августѣйшее семейство здорово, но время отъѣзда ихъ изъ Парижа еще не опредѣлено. Бонапарта отвезутъ, по всей вѣроятности, на островъ Св. Елены; въ Плимутѣ всѣ сбѣжались поглядѣть на него, точно такъ, какъ въ Петербургѣ всѣ стремятся увидѣть слоновъ.... Я забылъ тебѣ сказать, что ея императорское величество, и въ особенности великая княжна, очень интересовались тобою и дѣтьми, и я долженъ былъ подробно разсказать объ ихъ образѣ жизни въ деревнѣ; разсказъ тотъ чрезвычайно заинтересовалъ ее; она увѣраетъ меня, что какъ нельзя лучше помнитъ нашего Митиньку¹⁾.

Павловскъ.—23-го августа 1815.

....Я начну съ вещей крайне для насъ интересныхъ: ея высочество в. к. Анна Павловна помолвлена за сына голландскаго короля, принца Оранскаго, о которомъ всѣ отзываются самымъ лестнымъ образомъ. Великая княжна сама мнѣ о томъ объявила и показала принцессо письмо, къ государю императору по сему случаю писанное. Только не говори о бракѣ семъ никому; государь того требуетъ, хотя всѣ въ городѣ о томъ публично говорятъ. Великіе князья, вѣроятно, не такъ-то скоро прибудутъ въ Петербургъ; а между тѣмъ, какъ государыня сама мнѣ изволила говорить, воспитаніе ихъ высочествъ съ

¹⁾ Старшій сынъ Григорія Андреевича Глинки.

пріѣздомъ ихъ туда еще не кончится. Императрица, какъ говорятъ, проживетъ въ Павловскѣ до половины сентября; когдажъ погода будетъ стоять хорошая, то и долѣе здѣсь пробудетъ; на другое ли время поѣдетъ въ Гатчино, сказать не умѣю....

Павловскъ.—13-го сентября 1815 г.

....8-го числа этого мѣсяца, отославъ мои письма къ тебѣ и кончивъ урокъ съ великой княжной, я воспользовался прекрасной погодой, чтобы совершить прогулку; дойдя до моста, близъ Елисаветинскаго павильона, я увидѣлъ на берегу кучку женскаго платья. Подстрекаемый непреодолимымъ и вовсе несвойственнымъ мнѣ любопытствомъ, я захотѣлъ узнать: что это была за купальщица въ такую холодную пору; заглянувъ черезъ перила моста, я увидѣлъ только темя этой женщины; встревоженный этимъ, я начинаю кричать, — отвѣта нѣтъ и не замѣтно ни малѣйшаго движенія. Не имѣя возможности вытащить тѣло несчастной, вслѣдствіе глубины Славянки, и такъ какъ ово было довольно далеко отъ берега, я громко звалъ на помощь; на мой крикъ прибѣжалъ сторожъ и мы во-время успѣли вытащить тѣло утопленницы; въ ней тогчасъ же былъ призванъ докторъ Ритмейстеръ и, благодаря его попеченіямъ, молодая дѣвушка находится теперь внѣ опасности, хотя страдаетъ еще сильной лихорадкой. Это дочь павловскаго садовника, г. Э....., которая, вслѣдствіе крайне жестокаго обращенія злой матихи, рѣшила покончить свое жалкое существованіе. Впрочемъ, сама она въ высшей степени кроткая и одарена прекрасными качествами, такъ что объ ней относятся вообще съ величайшей похвалой. Всѣ поздравляютъ меня съ тѣмъ, что на мою долю выпало счастье спасти жизнь этой несчастной дѣвушки; императрица каждый день увѣдомляетъ меня о состояніи здоровья дѣвицы Э....., и я, желая составить счастье желодаго существа, порученнаго мнѣ Богомъ и которая при томъ можетъ быть намъ весьма полезна при дѣтяхъ, желалъ бы только знать, одабриваешь ли ты мое намѣреніе. Дѣвушкѣ этой около двадцати лѣтъ, она отлично говоритъ по нѣмецки, и, по видимому, весьма годится въ няньки. До твоего пріѣзда она будетъ помѣщаться въ домъ нашей павловской сосѣдки, г-жи Гельмштадтъ. Я далъ 25 р. на содержаніе ея у вдовы одного пастора, куда помѣстила ее императрица, и придется сдѣлать для нея еще нѣкоторыя затраты¹⁾. Завтра (14-го) мы ѣдемъ въ городъ, а оттуда отправимся 16-го или 17-го въ Гатчино, гдѣ императрица думаетъ пробыть нѣсколько недѣль....

¹⁾ Дѣвица Э..... поступила въ домъ Григорія Андреевича Глинки на должность няньки, и послѣ нѣкотораго времени возвратилась въ домъ своего отца.

С.-Петербургъ.—3-го декабря 1815 г.

.....Вчера государь императоръ прибылъ сюда, а императрица прѣехала 30-го ноября; сегодня я представлялся ей и былъ ею принятъ какъ нельзя милостивѣе. Воспитаніе ихъ высочествъ, вѣроятно, еще на годъ времени продолжится, то есть до бракосочетанія в. к. Николая Павловича. Императрица приказала мнѣ проходить съ нимъ руссійскую словесность. Принцессу Шарлоту, дочь короля прусскаго, также мнѣ назначено обучать русскому языку; кажется, что мнѣ суждено заниматься и съ тѣми, о которыхъ я и во снѣ не мечталъ.

.....Такъ какъ ты меня просишь о сообщеніи тебѣ любопытныхъ новостей, то, сказавши тебѣ, — что уже извѣстно по вѣдомостямъ, — что в. к. Анна Павловна и Екатерина Павловна выходятъ замужъ, что принца Оранскаго ждутъ сюда въ первой половинѣ декабря мѣсяца, что принцесса Шарлота прѣбудетъ, вѣроятно, въ Петербургъ въ сентябрѣ будущаго года, а вѣнчаніе и свадьба ихъ будетъ, — я, право, на сей разъ не знаю иныхъ новостей.

С.-Петербургъ.—13-го декабря 1815 г.

Сегодня наконецъ прѣехалъ принцъ Оранскій — личность весьма пріятной наружности и пользующійся хорошею славой, какъ военный и какъ принцъ. При дворѣ будетъ много празднествъ...

13-го числа, какъ я уже говорилъ тебѣ, благополучно прибылъ сюда принцъ Оранскій, чтобы осуществить тѣ ожиданія, которыя мы всѣ, и я въ особенности, имѣемъ касательно великой княжны. Знаешь ли, на прошлой недѣлѣ она звала меня непременно посѣтить ее въ Брюссель, и когда я возразилъ ей, что если бы я захотѣлъ даже совершить путешествіе изъ Любека въ Брюссель пѣшкомъ, то все же оно потребовало бы значительныхъ издержекъ, то она прервала меня, сказавъ, что еще до отъѣзда своего изъ Петербурга позаботится объ устраненіи этого препятствія. Хотя бы слова эти не повели ни къ чему, но все же надобно сознаться, что подобное вниманіе съ ея стороны весьма пріятно для меня...

С.-Петербургъ.—12-го января 1816 г.

.....Сегодня, т. е. 12-го января, бракосочетаніе в. к. Екатерины Павловны, а 28-го обрученіе в. к. Анны Павловны; — она, кажется, наисчастливѣйшая изъ всѣхъ своихъ сестеръ...

С.-Петербургъ.—1-го февраля 1816 г.

.....Обрученіе в. к. Анны Павловны благополучно совершено, и вѣроятно, что до великаго поста и свадьба будетъ, а послѣ брака съ мужемъ своимъ проживуть здѣсь до іюня мѣсяца...

28-го апрѣля 1816 г.

..... 9-го мая его высочество великій князь Николай отправится путешествовать. Вдовствующая государыня объявила мнѣ на прошлой недѣлѣ, что Государь одобрилъ ея выборъ, и меня назначили сопровождать его высочество въ обоихъ путешествіяхъ...

Могилевъ-Бѣлорусскій.—23-го мая 1816 г.

..... Путешествіе наше по сей часъ ничего не представляло для меня неприятнаго; вездѣ насъ, кавалеровъ, принимаютъ съ особенною пріязнью и уваженіемъ; здѣсь, въ Могилевѣ, жена фельдмаршала Барклай-де-Толли обласкала меня какъ своего родственника. Сегодня я писалъ большой рапортъ къ императрицѣ Маріи Федоровнѣ, также къ в. к. Маріи Павловнѣ.

Черниговъ.—29-го мая 1816 г.

..... До Малороссіи путешествіе наше представляло мало интереснаго; всюду видна одна только бѣдность и беспорядокъ; даже самая мѣстность не имѣетъ ничего привлекательнаго. Теперь она принимаетъ мало по малу болѣе красивый видъ.

Завтра мы выѣдемъ въ Кіевъ. Всѣ мы страдаемъ немного отъ жары...

Крыловъ (Херсон. губ.).—6-го іюня 1816 г.

Вотъ мы и въ Херсонской губерніи, гдѣ растительность прекрасная, климатъ очень хорошій, но человекъ не умѣетъ и не хочетъ воспользоваться щедрыми дарами природы; поэтому ничто не обрабатывается здѣсь какъ слѣдуетъ; зерно даетъ не болѣе какъ самъ 8—12; садоводство находится также во младенчествѣ; словомъ, эта страна не такая, въ которой я желалъ бы поселиться. Въ хижинѣ у малоросса опрятно, но нигдѣ не замѣтно слѣдовъ благосостоянія или достатка, разлитаго въ тамошнемъ высшемъ сословіи. Путешествіе наше довольно пріятно, но мы страдаемъ отъ чрезмѣрной жары: иногда въ тѣни бываетъ до 28° тепла. Кіевъ—интересный городъ по историческимъ воспоминаніямъ и какъ христіанская столица нашей родины; мѣстоположеніе его живописное, но самый городъ нельзя назвать красивымъ. Повѣришь ли ты, что Смоленскъ до сихъ поръ самый красивый изъ всѣхъ видѣнныхъ мною городовъ. Меня интересуютъ Севастополь и Одесса, которые, по рассказамъ, должны быть весьма красивы, но болѣе всего я желаю видѣть прелестный южный берегъ Крыма.

Я написалъ сегодня очень длинное посланіе великой княгинѣ Маріи; оно наполнено только подробнымъ описаніемъ Кіева. Сегодня мы переночуемъ въ Кременчугѣ, а завтра, или послѣ завтра, отправимся въ Полтаву...

8-го іюня мы прибыли въ Полтаву... Сегодня и завтра мы употребимъ на осмотръ Полтавы; и въ настоящую минуту я долженъ написать и отправить отчетъ вдовствующей государынѣ.

Одесса.—22-го іюня 1816 г.

.....Провождая теперь весь день въ поѣздкѣ и присутствуя при празднествахъ, устраиваемыхъ въ честь великаго князя, я не могу даже послать рапорта государынѣ. Пишу тебѣ эти нѣсколько строкъ въ два часа пополудни, а завтра мы выѣдемъ отсюда въ 5 часовъ утра.

Деревня Саблы, близъ Бакчисарая.—26-го іюня 1816 г.

..... Мы въѣхали въ полуденную часть Крыма, и хотя климатъ и мѣстоположеніе прекрасныя, но не удобно здѣсь искать людей и просвѣщенія. Въ Одессѣ, однакожъ, я прожилъ четыре дня пріятно, посѣщая ежедневно Джемса *) домъ, гдѣ мнѣ рады все были какъ самому близкому родному. Я довольно здоровъ; не безъ удовольствія нахожусь въ семъ путешествіи нашемъ; но съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаю возвращенія нашего въ Павловскъ въ 15-ю августа...

Таганрогъ.—10-го іюля 1816 г.

Третьяго дня мы окончили наше путешествіе по Азовскому морю и хотя перевѣдь этотъ не представлялъ никакой опасности и путешествіе продолжалось, въ счастіи, не болѣе двухъ дней, но вѣтеръ былъ до того яривый, что мы все страдали отъ сильной качки...

Вчера я удостоился получить весьма милостивое письмо отъ вдовствующей государыни, по поводу моихъ отчетовъ....

Императрица писала мнѣ, что ты здорова и она рассчитываетъ имѣть удовольствіе видѣть тебя въ тотъ же день, 16-го іюня.

Орелъ.—24-го іюля 1816 г.

.....Мы уже послѣднюю 7-ю тысячу ѣдемъ и, кажется, что 11-го или 12-го августа будемъ въ Павловскѣ; который на сей разъ для меня любезнѣе, нежели когда либо былъ. За недосугомъ я ничего не могу тебѣ писать о нашемъ путешествіи; одно лишь скажу тебѣ, въ совершенному удивленію твоему на счетъ своего муженька, что по сіе мѣсто не найдешь почти трекъ красивыхъ женщакъ лицъ между россиянами; столько мало Россія богата красавицами! послѣ чего не имѣешь надобности, кажется, проводить ночи въ бессонницахъ....

Тула.—27-го іюля 1816 г.

.....Благосклонный приемъ, оказанный тебѣ великою княгиней Маріей, чрезвычайно порадовалъ меня; восемь дней тому назадъ, она прислала мнѣ письмо, которое носитъ отпечатокъ ея благоволенія. Ты будешь, быть можетъ, огорчена, узнавъ, что это императорское вели-

*) Англійскій консулъ въ Одессѣ.

чество предлагает великому князю Николаю отправиться 14-го или 16-го августа въ Клинь, чтобы сопровождать его въ Москву, откуда его высочество отправится въ Петербургъ, по всей вѣроятности, не рапѣе 4-го или 5-го сентября.

Клинь.—10-го августа 1816 г.

.....Мы пробудемъ въ Клину до 14-го; я полагаю, что его высочество остановится въ Москвѣ не болѣе какъ дней на восемь, но, впрочемъ, срокъ пребыванія великаго князя въ Москвѣ будетъ опредѣленъ императоромъ; все же въ началѣ сентября мы возвратимся въ Павловскъ.....

Берлинъ.—22-го сентября 1816 г.

Послѣ совершенно благополучной и даже пріятной съ старикомъ Ламсдорфомъ поѣздки, сентября 21-го дня, около полуночи, мы прибыли вмѣстѣ съ великимъ княземъ въ Берлинъ. Берлинъ прекрасный городъ; вчера, кромѣ обѣда у короля прусскаго, я весь день провелъ на улицахъ, и любовался городомъ какъ нельзя больше; и сегодня располагаю ходить по городу. Мы живемъ въ Королевскомъ замкѣ весьма просторно и все придумано королею, чтобы сдѣлать пребываніе наше въ Берлинѣ наипріятнѣйшимъ. Легко можетъ быть, что когда великій князь доѣдетъ дней на 8 или на 10 въ Шарлотенбургъ, я постараюсь на это время побывать въ Дрезденѣ. Ламсдорфъ самъ мнѣ совѣтуетъ не пропускать сего случая видѣть Дрезденъ, менѣе нежели въ 150-ти верстахъ отсюда отстоящій; къ тому же, великій князь будетъ жить въ Шарлотенбургѣ, вѣроятно, съ однимъ лишь Ламсдорфомъ, и мы будемъ оставаться въ Берлинѣ одни. Вообще я ожидаю большаго для себя удовольствія отъ сего путешествія. Ты его сдѣлаешь для меня еще болѣе пріятнымъ, писавши ко мнѣ почаще черезъ императрицу и извѣщая обстоятельно о всемъ, касающемся до семейства нашего и до тебя, любимый другъ!....

Берлинъ.—10-го (22-го) октября 1816 г.

.....Я провелъ восемь дней въ Дрезденѣ самымъ восхитительнымъ образомъ, и не понимаю, чтобы тамъ можно было чувствовать что-либо кромѣ удовольствія, если человекъ не относится совершенно равнодушно къ красотамъ природы. Это самая прелестная изъ видѣнныхъ мною до селѣ странъ и я чрезвычайно доволенъ, что съумѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы посѣтить прелестную Саксонію. Король прусскій, желая доставить мнѣ всё удобства, благоволилъ дать мнѣ изящный и легкій экипажъ.

.....15-го (27-го) этого мѣсяца мы выѣдемъ изъ Берлина, или, точнѣе говоря, изъ Шарлотенбурга, откуда я пишу тебѣ въ настоящую минуту, и отправимся черезъ Лейпцигъ въ Веймаръ, а затѣмъ въ Брюссель. Оттуда черезъ сѣверную Францію въ Лондонъ.....

Веймаръ.—24-го октября (2-го ноября) 1816 г.

Пробывъ въ Веймарѣ две сутокъ съ удовольствіемъ, обласканный какъ нельзя больше любовною катюхою великою княгинею Марією Павловною, завтра рано поутру отправляемся ми въ Кассель (Гессенскій), а оттуда уже въ Брюссель, гдѣ, впрямую, великій князь пробудеть съ недѣлю времени. Хотя мы и ѣздимъ по Германіи большею частию по курьерски, однакожъ, я вседѣ старался навѣдываться и видѣть все любознательнаго достойное; сейчасъ, напримѣръ, я обозрѣвалъ университетъ Бонскій и самый городъ, куда сама великая княгиня меня послала, доставивъ мнѣ способы ознакомиться съ учеными сего города. Отсюда Германія еще болѣе становится занимательною по многимъ отношеніямъ.... При прощаніи съ великою княгинею, она, по добротѣ души своей, желала мнѣ доставить всевозможное удовольствіе, давши пріятныя для меня препорученія въ Брюссель; а между прочимъ обѣщала писать къ тебѣ, извѣщая обо мнѣ....

Брюссель.

И сдѣлалъ уже планъ моего путешествія вдоль по Рейну, и хотя оно продлится не болѣе какъ дней десять, но я ожидаю отъ него большое для себя удовольствіе; вообще, я не падѣлся прежде сего, чтобы поѣздка сія столько могла быть для меня интересна. Отъ государыни императрицы я получилъ три милостивыхъ рескрипта и пріятное со стороны ея величества обнадеживаніе, что она довольна мною какъ нельзя больше; также два любовныхъ для меня письма отъ великой княгини Маріи Павловны. Ея высочество Анна Павловна обходится здѣсь въ Брюсселѣ съ прежнею благосклонностію...

Лондонъ.—10-го (22-го) ноября 1816 г.

.....Мы теперь проживаемъ въ Лондонѣ, но онъ такъ огроменъ что съ нимъ не прежде какъ недѣли черезъ три познакомиться можно. На первый разъ великій князь пробудеть здѣсь 7 или 8 дней, то-есть по 13-е (25-е) ноября, потомъ осмотритъ Великобританію, а на возвратномъ уже пути проживетъ въ Лондонѣ 3 или 4 недѣли... Очень почтаю себя счастливымъ, обозрѣвая столько любопытныя земли, но, какъ передъ Богомъ, желаю скорѣе возвратиться въ Петербургъ, къ близкимъ моему сердцу. Это чувство, кажется, будетъ послѣднимъ въ жизни моей...

Клермонъ (загородный дворецъ принц. Шарлоты).—17-го (29-го) ноября 1816 г.

Я пишу къ тебѣ письмо сіе изъ прекраснаго загороднаго дворца принцессы Шарлоты, куда великій князь для гощенія прѣхалъ вчера съ графомъ Ливеномъ, генераломъ Кутузовымъ и со мною (въ 20-ти вер-

стахъ отъ Лондона) ¹⁾. Дворецъ отнюдь не огромный, не столько даже великолѣпный, какъ напримѣръ, дворецъ Павловскій, но, удивительною опрятностью и совершенствомъ отдѣлки всѣхъ въ домѣ частей и вещей, въ немъ находящихся, далеко превосходитъ все видѣнное нами въ Россіи. Паркъ здѣшняго дворца очень выквально; но я постараюсь увидѣть лежащій близко отсюда Richmonds' Hill, столько всѣми прославленный. Здѣсь ощутительнѣе сырой климатъ; туманы бывають почти всякій день; но отъ 11-ти до 4-хъ часовъ небо проясняется и всѣ адѣсь гудяють во фразакъ: столько здѣсь тепло въ ноябрѣ мѣсяцѣ; все имѣеть видъ глубокой осени, а приближенія зимы я

¹⁾ Здѣсь уместно будетъ помѣстить слѣдующее извлеченіе изъ статьи: Le médecin de la Reine Victoria (Stockmar). «Revue des deux mondes», 1-er Janvier 1876, page 79.

«Un personnage bien plus considerable de la société russe a aussi un souvenir dans ces notes, c'est le grand duc Nicolas, le futur empereur, qui, au mois de novembre 1816, visita le prince Léopold et la princesse Charlotte dans leur résidence de Claremont-Esher. Il était accompagné du général Kutusof et d'un conseiller d'état (Glinka). Stockmar en parle avec admiration. «Au diner, dit-il, le grand duc était placé entre la princesse et la duchesse d'York, précisément en face de moi, de sorte que j'ai pu l'examiner à loisir». Et il en trace un portrait enthousiaste. C'est un magnifique jeune homme d'une vingtaine d'années, extraordinairement beau et séduisant. Il le compare à Léopold son maître et le trouve encore plus beau, plus grand, droit comme un chêne. Son teint juvenil, ses traits réguliers, son large front, ses yeux, son nez, sa bouche, son menton finement dessiné, il passe tout en revue, comme un peintre qui saisit l'ensemble et le détail. La beauté du prince était relevée par la simplicité de son costume; il portait l'uniforme des chasseurs à cheval, la tunique de drap vert garnie de lisérés rouges, les épaulettes d'argent, une petite étoile sur la poitrine, une casquette blanche, un sabre sans ornement avec le porte-épée en cuir. Stockmar ajoute: «Son maintien est vif, sans embarras, sans gaucherie, mais toujours convenable. Il cause beaucoup et parle parfaitement le français, en accompagnant ses paroles de gestes naturels et justes. S'il n'y avait rien de remarquable dans ce qu'il a dit, l'agrément n'y manquait pas et il paraît avoir un vrai talent dans l'art de faire sa cour... Il mangea très modérément pour un homme de son âge et ne but que de l'eau. Après le dîner, lorsque la comtesse Lieven eut joué du piano, il lui baisa la main, ce qui parut très étrange aux dames anglaises, mais en même temps très digne d'envie. Mistress Campbell (la terrible mistress Campbell, si exigeante, si sévère dans sa façon de juger les hommes de tout rang), ne tarissait pas en éloges sur le compte du grand duc. «Ah! quelle aimable créature! Il est diaboliquement beau; ce sera le plus bel homme de l'Europe». Le prince et sa suite ne devaient quitter Claremont que le lendemain matin; lorsque chacun se retira pour se coucher, le grand duc alla dans une écurie, où ses gens lui avaient préparé un sac de cuir rempli de foin. C'était son lit habituel. «Nos anglais, ajoute simplement Stockmar, virent là une affectation». Nos anglais, c'étaient surtout la princesse Charlotte et les personnes de sa maison».

по чему замѣтить не можно. Однакожь, Лондонъ въ особенностяхъ только богачамъ можетъ нравиться. Необходимѣйшія для жизни вещи здѣсь почти втрое дороже противъ петербургскаго и самые жители лондонскіе находятъ городъ сей скучнымъ для жизни. Кажется, что главнѣйшее удовольствіе обоего пола состоитъ здѣсь въ прогулкѣ; съ полудня видишь на улицахъ всѣхъ красавицъ лондонскихъ, а ихъ здѣсь великое множество. Показишь я купить здѣсь прекрасныя карманные часы за 40 фун. стерл., что составитъ ассигнаціями ровно 1,000 рублей... 20-го ноября (1-го декабря) мы отправимся путешествовать по Англии, Шотландіи и части Ирландіи, что продолжится, вѣроятно, не болѣе шести недѣль; недѣли три пробудеть потомъ великій князь въ Лондонѣ, а оттуда будетъ заѣзжать въ Мобежъ, Брюссель, Штутгардъ, Веймаръ и Берлинъ, такъ что мы возвратимся въ Петербургъ несомнѣнно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Во все мое пребываніе въ Лондонѣ, несмотря, что климатъ здѣсь особенный и что мы иногда встаемъ изъ-за обѣденнаго стола въ 10-мъ и 11-мъ часу вечера, я былъ совершенно здоровъ.

Эдинбургъ.—5-го (17-го) декабря 1816 г.

Вотъ мы и прибыли благополучно въ Эдинбургъ, но такъ какъ въѣхали въ него вечеромъ, то я ничего не могу сказать тебѣ объ этомъ городѣ; но, говоря вообще, всѣ города Великобританіи понравились мнѣ, въ особенности я могу сказать это о второстепенныхъ и маленькихъ городкахъ, которые несравненно красивѣе германскихъ или тѣхъ, которые я видѣлъ въ сѣверной Франціи. Вообще я полагаю, что цивилизація нигдѣ не процвѣтаетъ такъ какъ здѣсь. Зимы до того бываютъ теплы въ Англии, что въ это время года всѣ ходятъ въ сюртукахъ, безъ мѣха, или просто во фракѣ. Словомъ, страна эта чрезвычайно нравится мнѣ, хотя языкъ жителей, ихъ характеръ, нравы и обхожденіе не симпатичны мнѣ.

Въ Эдинбургѣ мы проведемъ 3 или 4 дня, а затѣмъ отправимся въ Глазговъ, откуда уже вернемся обратно. Благодаря Бога, я чувствовалъ себя все время довольно хорошо. Я надѣюсь, мой другъ, здѣсь получить отъ тебя вѣсточку, что касается меня; то я подумаю отсюда мои счета и отчетъ вдовствующей государынѣ и общалъ также вел. вн. Маріи сообщить ей извѣстія о великомъ князѣ...

Глазговъ.—16-го (28-го) декабря 1816 г.

.....Въ Эдинбургѣ мы прожили 6 дней. Городъ обширный, выгодное имѣеть мѣстоположеніе, содержанъ отменно въ чистотѣ и порядкѣ и наилучшимъ образомъ отстроенъ, такъ что Эдинбургъ понравился мнѣ болѣе всѣхъ городовъ въ Великобританіи. Не могу того сказать и о вѣдшемъ городѣ Глазговѣ, въ которомъ число жителей

еще болѣе, нежели въ Эдинбургѣ, но онъ, несприятностью своею и свудною одеждою вѣстаетъ народа, болѣе походить на нѣмецкіе и французскіе города, нежели на англійскіе. Отсюда мы уже не поѣдемъ лагѣе, а приближаемся, хотя и не иначе какъ путешественники, въ предѣлаи нашего отечества. Чтобъ сообщить тебѣ понятіе о адѣшнемъ климатѣ, скажу только то, что сегодня, точно какъ и всю зиму насквозь, одни лишь старіе люди надѣваютъ сверхъ фразовъ холодныя сюртуки, а мы теперь почти въ самой сѣверной части Великобританіи; каковое же благообразіе воздуха въ полуденныхъ ея странахъ!

Клермонъ.—15-го (27-го) января 1817 г.

Вторично пишу тебѣ изъ прекраснаго замка принцессы Шарлоты, куда мы прибыли вчера на весьма короткое время. Такъ какъ г. Саврасовъ снова занемогъ, то я заѣхалъ его въ небольшихъ поѣздахъ великаго князя; что доставляетъ мнѣ большое удовольствіе.

Мы провели какъ нельзя лучше пять дней въ Брайтонѣ, у прива-регента,—безъ малѣйшаго стѣсненія, пользуясь вниманіемъ и расположеніемъ принца; погода стояла прекрасная, устраивались прогулки и балы, на которыхъ являлись первѣйшія красавицы въ мірѣ и гремѣла превосходная музыка; я думаю, что воображеніе представить мнѣ однажды это время, какъ рядъ волшебныхъ явленій. Въ Лондонѣ мы проводимъ утро въ осмотровѣ всего, что городъ представляетъ особенно замѣчательнаго для путешественника, а послѣобѣденное время проходить или на зимнихъ вечерахъ (что въ Лондонѣ не особенно интересно) или въ театрѣ и итальянской оперѣ, что я гораздо болѣе предпочитаю. Свободное время я употребляю обыкновенно или на изученіе англійскаго языка, занятіе которымъ буду продолжать и по приѣздѣ въ Петербургъ, или пользуюсь имъ для прогулокъ.

Я уже говорилъ тебѣ, что, пробывъ здѣсь нѣсколько недѣль, т. е. до половины февраля, великій князь поѣдетъ на двѣ недѣли въ южныя провинціи Англій.

Въ началѣ марта мнѣ пересправимся въ Па-де-Кале, чего всѣ ожидаемъ съ большимъ или меньшимъ нетерпѣніемъ, несмотря на все удовольствіе, доставляемое намъ путешествіемъ.

Лондонъ.—1-го (13-го) февраля 1817 г.

.... Наше пребываніе въ Англій продолжится еще мѣсяць времени, такъ что мы выѣдемъ изъ нея 6-го или 7-го марта ст. стили. Земля чрезвычайно любима для просвѣщеннаго путешественника; я о ней не иначе буду вспоминать, какъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Сегодня еду я съ генераломъ Кутузовымъ и старикомъ Смирновымъ смотрѣть верстахъ въ 70-ти отъ Лондона, знакомаго г. Смир-

нову фермера или англійскаго кортомщика; что, еслибъ поѣздка въ Англiю предпринята была гѣтому! польза и наслажденiе всѣмъ истинно прекрасныя. въ этой землѣ несравненно бы усугубились. Погода въ теперешнее зимнее пору такъ тепла, что рѣдко настоятъ надобность даже и въ холодномъ сюртукѣ, а прелестныя здѣшнія женщины одѣваются флорами. Черезъ 10 дней мы отправимся въ западныя провинцiи Англiи, гдѣ пребудемъ ровно двѣ недѣли. Вчера получилъ я очень милое письмо отъ императрицы Марiи Федоровны, а къ ней съ неизменною почтою отправляю рапортъ объ великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ.

Лондонъ.—6-го (18-го) февраля 1817 г.

Мы продолжаемъ вести жизнь нашу въ Лондонѣ по прежнему, то есть веселимся по волѣ и по неродѣ и будучи вездѣ принимаемы какъ нельзя лучше. Забывши даже, что наступилъ мостъ, мы почти всякой день ѣздимъ на балы, даваемые министрами и знатнѣйшими англійскими вельможами въ честь великаго князя, и ничуть о томъ не заботимся, что святыя наши оцды за то пугаютъ страшною отвѣтственностію. 9-го числа сего мѣсяца мы отправимся осматривать югозападныя провинцiи Англiи; поѣздка эта, продлится 10 дней, а тамъ, проживъ съ недѣлю въ Лондонѣ, пустимся въ Россiю, куда вѣроятно будемъ въ концѣ апрѣля мѣсяца, да и нельзя быть прежде, потому что великій князь заѣзжаетъ въ Мобезъ, въ Стутгардъ, и проживетъ почти по недѣлѣ въ Брюсселѣ и въ Веймарѣ, а въ Берлинѣ, можетъ, и долѣе пробудеть. Я во все это время очень доволенъ состояніемъ моего здоровья; правда и то, что мы здѣсь въ безпрестанномъ движенiи и у насъ нѣтъ другихъ заботъ, какъ веселиться; но всего болѣе доставляетъ мнѣ здоровья здѣшній теплый климатъ и въ зимнее годовое время: всю зиму насквозь можно проходить въ одномъ лишь фракѣ.

Wilton House.—12-го (24-го) февраля 1817 г.

9-го (21-го) февраля великій князь Николай Павловичъ предпринялъ путь для обзоренiя западныхъ провинцiй Англiи, и такъ какъ погода здѣсь теперь совершенно весенняя, то и самое путешествiе наше отъменно приятно; въ тому при-эдакой погодѣ здоровье мое самое лучшее; давно уже я не чувствовалъ себя такъ хорошо. Поѣздка сія продолжится всего 12 дней, послѣ чего, проживъ 8 дней въ Лондонѣ, отправимся, черезъ Мобезъ, въ Брюссель. Я буду стараться осматривать вдоль Рейна леманцiи мѣста, отпустивъ великаго князя въ Стутгардъ дней на восемь, куда съ нимъ ѣдутъ генераль Кутузовъ и Саврасовъ, а прибуду въ одно время съ его влчествомъ въ Веймаръ; въ Россiю мы возвратимся, по всей вѣроятности, къ концѣ

апрѣля мѣсяца. Молю Господа Бога моего, чтобъ я всѣхъ васъ, милыхъ моему сердцу, нашелъ совершенно здоровыми; а до того времени искреннѣйше желаю, чтобъ ты проводила время свое сколько можно пріятнѣе, и тѣмъ бы замѣняла нашу съ тобою разлуку, которая, при всѣхъ моихъ удовольствіяхъ въ Англіи, тяготитъ меня по временамъ. Путешествіе для образованнаго путешественника по разнымъ отношеніямъ занимательно, но оно отнюдь не естественно для его души, особливо когда онъ покинулъ дома жену и дѣтей, въ счастіи которыхъ исключительно находятъ и себя счастливымъ. Въ здѣшнемъ замкѣ лорда Пемброка, за которымъ въ замужствѣ дочь бывшаго въ Лондонѣ посланника нашего, графа Воронцова, мы приняты какъ нельзя лучше; здѣсь жѣ находится чрезвычайное и при томъ огромное собраніе древнихъ статуй, барельефовъ и бюстовъ, также и картинная галлерей славнѣйшихъ живописцевъ, что все отменно нравится и не для знатоковъ; садъ въ замкѣ семь прекрасный, и я уже дважды въ немъ гулялъ съ удовольствіемъ; розы и лилии начинаютъ развѣтываться на открытомъ воздухѣ и въ грядкахъ вдоль дорожекъ, а у насъ всѣ еще тонутъ въ снѣгу. Я никогда не воображалъ себѣ Англію столько предѣстнымъ краемъ; жаль, что мы не видимъ ее лѣтнею порою.

Бристоль.—20-го февраля (4-го марта) 1817 г.

Трудно подѣлиться съ тобою тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на меня видъ столькихъ городовъ, замковъ и живописныхъ мѣстностей, ибо мы ведемъ чисто кочевую жизнь, быстро переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Такъ, напримѣръ, чѣмъ бы остановиться на нѣсколько дней для подробнаго осмотра Бристоля и Бата, двухъ большихъ городовъ, представляющихъ много интереснаго, мы проведемъ тамъ лишь по нѣсколько часовъ. Однако я стараюсь на сколько возможно извлечь пользу изъ этого путешествія, такъ какъ я далеко не знаю Англіи удовлетворительнымъ образомъ. Благодаря постоянно хорошей погодѣ, которой мы здѣсь пользуемся, здоровье мое значительно улучшилось. Мы прибудемъ послѣ завтра въ Лондонъ, съ тѣмъ, чтобы остановиться тамъ дней на десять, и выѣдемъ оттуда около половины марта по нашему стилю, рассчитывая прибыть въ Петербургъ къ концу апрѣля или въ началѣ мая. Когда его высочество поѣдетъ на свиданіе съ своей сестрою Елизаветой въ Штутгардъ, то я думаю остаться во Франкфуртѣ, чтобы совершить отсюда небольшія поѣздки по Рейну и увидѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣста, которыми я мысленно такъ восхищался; въ сожалѣнію, мнѣ удастся пробыть тутъ не болѣе какъ дней восемь. Съ нѣкоторыхъ поръ мы рѣдко получаемъ письма изъ Петербурга, что часто случается въ этой странѣ по

причинѣ неблагопріятныхъ вѣтровъ, замедляющихъ переѣздъ черезъ каналъ. Тѣмъ не менѣе, письма твои, доставлявшія мнѣ всюду большое удовольствіе, въ Англіи составляютъ положительную необходимость, ибо меня отдѣляетъ отъ тебя такое громадное пространство, не говоря о морѣ.

Дождень.—27-го февраля (11-го марта) 1817 г.

Теперь мы живемъ въ послѣдній разъ въ Лондонѣ, больше для того, чтобъ откланяться и благодарить за сдѣланный великому князю дружескиѣйшій отъ всѣхъ пріемъ и оказанное всѣми доброхотство угождать и предупреждать всѣ желанія и мысли высокаго посѣтителя. Всюю день всѣхъ насъ приглашаютъ на обѣды и вечера, которые вслѣдствіи стараются сдѣлать пріятными. Въ будущую пятницу, т. е. 3-го (15-го) марта, великій князь выѣдетъ изъ Лондона. Переѣхавъ каналъ, буду къ тебѣ писать изъ Кале; мы ѣдемъ на большой яхтѣ, которою командуетъ опытѣйшій морской офицеръ, командоръ Ойнъ, и которому Балтійское море знакомо какъ нельзя лучше; и хотя нѣтъ примѣра, чтобъ суда этого разбора разбивало въ Pas-de-Calais, но въ послѣдній нашъ переѣздъ изъ Кале въ Дувръ, такая поднялась буря, что инымъ мглобъ она показаться страшною... Отъ государыни императрицы я сряду получилъ два милостивыхъ рескрипта; также и отъ великой княгини Маріи Павловны по временамъ получаю очень пріятныя для меня письма. Вчера великій князь распорядилъ экипажами своими такъ, что изъ Брюсселя самъ онъ отправится съ двумя колясками въ Стутгардъ, гдѣ проживетъ дня четыре или пять, а я останусь во Франкфуртѣ съ тѣмъ, чтобъ дней 7 или 10 употребить на обозрѣніе лежащихъ вдоль Рейна примѣчательнѣйшихъ мѣстъ, а потомъ пріѣхать въ Веймаръ къ тому времени, какъ и великій князь туда изъ Стутгарда будетъ. Зная, съ какимъ удовольствіемъ я всегда читалъ описаніе сей прелестной страны, ты можешь посудить сколь я доволенъ таковымъ вниманіемъ ко мнѣ в. к. Николая Павловича.

Кале.—5-го (17-го) марта 1817 г.

Совершивъ сего 5-го (17-го) числа благополучно плаваніе наше черезъ Британскій каналъ или Pas-de-Calais, я счелъ себя обязаннымъ извѣстить тебя о томъ. Я оставилъ Англію не совсѣмъ равнодушно, и кажется, что на всю жизнь буду вспоминать объ этой землѣ не иначе, какъ съ особеннымъ удовольствіемъ; все, что было всегда пищею воображенія моего, то все нашелъ въ самомъ очаровательномъ видѣ въ Англіи. Во Франціи я проѣхалъ прежде, и теперь приводится ѣхать въ сѣверную ея часть, дня на два ѣзди; но что вижу здѣсь, то большею частію не удовлетворяетъ ни глазъ, ни чувствъ:

ведѣ: одна лишь нечистота, неопрятность и безобразіе въ вещахъ и людяхъ; все имѣетъ здѣсь видъ безпечнаго правительства, не радующаго нисколько о благѣ ввѣреннаго ему народа; все показываетъ разстройство или состояніе немощи въ главнѣйшихъ началлахъ народообразованія. Большой уже сдѣлали мы шагъ къ приближенію нашему въ Россію и ведѣль черезъ восемь всѣ мы надѣмся быть порадованы на родинѣ любезнѣйшимъ для сердца. Курьеръ Вильсонъ прибылъ черезъ Паризъ въ Лондонъ 3-го (15-го) марта и онъ рассказываетъ мнѣ, что видѣлъ тебя, тещу и дѣтей вохлѣ здоровыми, займать въ тебѣ въ воскресенье, когда вы сидѣли за обѣдненнымъ столомъ... Вещи наши всѣ уже отправлены на російскій фрегатъ, который ввѣроятно, прибудетъ, если Богу угодно, надѣли: двѣ послѣ вѣсь, то есть въ послѣдней половинѣ мая мѣсяца.

Гейдельбергъ. — 25-го марта (6-го апрѣля) 1817 г.

24-го марта (5-го апрѣля) прѣхалъ я въ Гейдельбергъ, и какъ сей, такъ и высоконенитый день Свѣтлаго Христова Воскресенія провелъ я въ семь городѣ; я не могши помолиться Всевышнему въ храмѣ исповѣданія греческаго, я съ неменьшимъ усердіемъ выполнилъ христіанскій долгъ въ здѣшней церкви лютеранъ. По прежнему моему письму ты знаешь, что я изъ Франкфурта не слѣдовалъ за великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ въ Стутгартъ, а пребылъ слишкомъ сутки во Франкфуртѣ для обозрѣнія его и съ окрестностями. 23-го марта (4-го апрѣля) въ 4 часа утра отправился изъ сего города чрезъ Дармштадтъ къ Гейдельбергу пѣшкомъ; но прошедъ до Вейнгейма (семь нѣмецкихъ миль), очень усталъ и при томъ натеръ себѣ ноги до пузырей; отъ чего самаго имѣлъ ночлегъ въ Вейнгеймѣ; а на другой день, вставши рано по утру, пошелъ съ провожатымъ осматривать прилежащія къ городу сему красивѣйшія мѣста. Изъ развалинъ Випдекъ, построенной на высокой горѣ, виноградникомъ засаженной, открывається взору прелестный видъ на весьма дальнее пространство. Верстахъ въ четырехъ отъ Вейнгейма деревня Биркенау и другая, на востокъ отъ города, Горксгеймъ, красуются своими уединенными сельскими видами; сія послѣдняя лежитъ въ столько прославленномъ Оденскомъ лѣсу (Odenwald), хотя онъ для меня столько же красотою своею ниже Саксонской Швейцаріи, сколько всѣ нѣмецкіе, мною видѣнные города, не исключая и Гейдельберга, должны уступить преимущество Дрездену и Касселю. На пути изъ Вобленца въ Франкфуртъ я прѣбывалъ чрезъ пѣлѣбныя воды Эмскія, Швальбахскія и Висбаденскія; Эмсъ и Висбаденъ имѣютъ самое счастливое мѣстоположеніе:

первыя осматривалъ я слегка, а въ Висбаденѣ, взявши верховую лошадь, объѣзжалъ всѣ примѣчательныя въ немъ и около него мѣста, съ семи часовъ утра до пяти часовъ вечера. Но я не смѣю воспользоваться подробностей оныхъ поѣздокъ, а безъ того вмѣсто писемъ надлежалобъ посылать къ тебѣ цѣлныя тетради. Нѣкогда, на досугахъ, располагаю написать для себя и дѣтей моихъ журналъ нѣкоторымъ моимъ поѣздамъ въ чужихъ краяхъ, смотря и судя обо всемъ безъ всякаго предубѣжденія. Не могу однакожъ не замѣтить, что спасительныя Висбаденскія воды всѣми въ Германіи уважаются по ихъ высокому достоинству, и вѣра къ нимъ больныхъ такъ велика, что въ прошломъ, напримѣръ, году было у сихъ водъ разными болѣзнями одержимыхъ, а особливо ревматизмомъ и подагрой въ злѣйшей степени страждущихъ, девять тысячъ особъ обоого пола, а содержаніе и пользованіе больнаго, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ обыкновеннаго на водахъ курса, не болѣе какъ около тысячи рублей на банковця наши ассигнаціи.

Лейпцигъ.—1-го (13-го) апрѣля 1817.

Осматривая вдоль Рейна примѣчательнѣйшія мѣста, и смотря по обстоятельствамъ, совершая путешествіе сіе иногда пѣшкомъ, а иногда верхомъ, или въ нанятой коляскѣ, особенно мнѣ понравился правильными и красивыми строеніями своими Мангеймъ, въ которомъ наблюдается порядокъ и чистота городовъ англійскихъ. Не въ дальнемъ разстояніи отъ Майнца столько превозносимые Костгеймъ и Гохгеймъ въ самомъ дѣлѣ очень красивы по своему положенію; но окружавшія ихъ обширныя поля, засаженныя виноградомъ и старинными фруктовыми деревьями лучшихъ сортовъ, и которыя совершенно походили на огромные сады, посреди которыхъ Костгеймъ и Гохгеймъ, вновь нынѣ выстраивающіеся, стояли какъ бы увеселительныя дома,—теперь всѣ порублены нашихъ временъ вандалами. Въ этихъ мѣстечкахъ я видѣлъ большую бѣдность, и всѣ вообще дѣти просить у проѣзжающихъ милостыню. Въ Веймарѣ мы пробыли четверо сутокъ, въ Лейпцигѣ я прожилъ съ барономъ Николаи полторы сутокъ, а въ Берлинѣ приѣдемъ 3-го (15-го) апрѣля, откуда и письмо сіе отправлено будетъ.

15-го августа 1817 г.

Съ небольшимъ въ 500 верстахъ отъ Петербурга, въ Весегонскъ прибыли мы благополучно. Поѣздка наша общаетъ быть очень приятною, благодаря любезности великаго князя (Михаила).

Ярославль.—18-го августа 1817 г.

Мы прибыли сюда вчерашняго дня, совершивъ поѣздку нашу весьма благополучно: дорога довольно хороша, погода самая благоприятная, а поведеніе и обращеніе съ нами великаго князя соотвѣт-

ственны любезности его права. Ярославская губернія очень полюбилась мнѣ благосостояніемъ ея жителей; крестьянскія избы здѣсь лучше домовъ мелкопомѣстныхъ дворянъ смоленскихъ; богатыхъ церквей во множествѣ; уѣздный городъ Рыбинскъ есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ красивѣйшихъ городковъ въ Россіи; въ Ярославлѣ, хотя и видишь много развалившихся и опущенныхъ домовъ, но вообще въ немъ очень много каменнаго строенія, улицы хорошо вымощены, и въ нѣкоторыхъ частяхъ городъ даже красивъ; жаль, что какой-то, всѣмъ почти російскимъ городамъ свойственный, беспорядокъ и неопрятность обезображиваютъ его. Сегодня былъ я на здѣшной полотняной фабрикѣ.

Нижній-Новгородъ.—24-го августа 1817 г.

Я предполагаю, что письмо сіе найдетъ уже тебя въ Закупѣ; дай Богъ, чтобъ, при полученіи его, всѣ вы были здоровы. На прошлой недѣлѣ писалъ я къ тебѣ въ Петербургъ черезъ государыню императрицу, воображая, что ты не успѣла еще выѣхать. Вотъ уже пятая часть путешествія нашего по Россіи совершена, и при томъ очень благополучно, и безъ всякихъ неприяностей; погода большею частію также намъ благопріятствуетъ; не знаю, что ожидаетъ насъ впереди. Ярославская губернія очень мнѣ понравилась по имѣющейся въ ней большой промышленности, доставляющей жителямъ всеобщее благосостояніе; но я не желалъ бы проводить мой вѣкъ подъ ярославскимъ небомъ; Нижегородская губернія несравненно уже счастливѣе первой мѣстоположеніемъ своимъ, больше занимаются земледѣльствомъ, которое здѣсь совсѣмъ иного вида, нежели въ Ярославской или Костромской губерніяхъ; впрочемъ, поѣздка наша въ Россіи совершенно курьерская: многое видишь, и любопытство отчасти удовлетворено, но мало приобрѣтешь основательныхъ о Россіи свѣдѣній...

Воронежской губерніи село Хрѣновое.—13-го сентября 1817 г.

.....Со вчерашняго дня мы гостимъ у графини Анны Алексѣевны Орловой; только милой ховяйки нѣтъ дома; завтра же мы будемъ въ землѣ Донскихъ казаковъ. Погода опять наступила очень хорошая, и путешествие для всѣхъ насъ отъѣнно пріятно...

Новочеркасскъ.—17-го сентября 1817 г.

.....На будущей недѣлѣ мы вѣѣдемъ въ Крымъ. Изъ Одессы прибылъ сюда графъ Ланжеронъ, и общаетъ намъ, что мы въ городѣ семъ проведемъ нѣсколько дней самыхъ пріятныхъ. Теперь мы ровно совершили половину дороги, и я не могу пожаловаться на мое здоровье, а и того еще мнѣе на скуку или на каковыя-либо неприяности въ дорогѣ.... Мы спѣшимъ на балъ казачій; жены здѣшнихъ казацкихъ генераловъ и чиновниковъ похожи какъ нельзя больше на кормилицъ....

Севастополь.—3-го октября 1817 г.

По случаю сдѣланнаго нами путешествія по Крыму, я пишу къ тебѣ позже того, нежели какъ я хотѣлъ. 27-го сентября мы отправились изъ Феодосіи для обозрѣнія южной полосы полуострова Крыма. День выѣзда былъ самый ненастный, и первый переѣздъ подъ дождемъ и по грязной дорогѣ на 50 верстѣ разстоянія былъ утомителенъ для верховой нашей ѣзды; на горахъ же чрезъ цѣлыя пятеро сутокъ мы любовались красивыми видами края сего при ясной и теплой погодѣ, и только въ день прибытія въ Балаклаву, ночью, поднялась буря, каковой здѣсь давно не запомнить. Впрочемъ, всѣ мы были во все это время веселы и здоровы. Послѣ завтра мы выѣдемъ изъ Крыма, а октября 11-го числа прибудемъ въ Одессу....

Одесса.—15-го октября 1817 г.

....Путешествіе наше по Россіи совершенно для всѣхъ пріятное; любезныя качества милого Михаила Павловича всѣхъ насъ расположили смотрѣть на сію поѣздку съ одной лишь хорошей стороны. Теперь пріятнѣйшее у меня въ виду: вскорѣ по прибытіи въ Москву, отпросится на мѣсяцъ въ домовый отпускъ, желая видѣть тамъ всѣхъ васъ совершенно здоровыми и благополучными. Здѣсь провожу я время мое очень пріятно, обѣдая и просиживая почти по цѣлому дню у Джемса ¹⁾, которые мнѣ обрадовались какъ бы близкому родному свѣому, да и я ихъ отъ всей души люблю; знакомства и связи, въ молодости нами сдѣланныя, могутъ почестъся самыми прочными, и не перестаютъ таковыми быть на всю жизнь. Сегодня получилъ я третье письмо отъ государыни императрицы Маріи Феодоровны, весьма благосклонное, и одно изъ нихъ писано собственною ея рукою на французскомъ языкѣ. Завтра же отправляю къ государынѣ рапортъ о великомъ князѣ.

Полтава.—22-го октября 1817 г.

....Прибывъ въ Полтаву третьяго дня ввечеру, я къ совершенному моему порадованію нашелъ здѣсь брата Владимира ²⁾, который для свиданія со мною нарочно пріѣхалъ съ зимней квартиры своей, г. Переяславля.... Дай Богъ мнѣ слышать объ васъ все доброе, пріѣхавъ по новому маршруту 8-го или 9-го ноября въ Москву. Завтра мы будемъ въ Харьковѣ. Братъ Владиміръ на ученіи съ великимъ княземъ, а я сиѣшу отправить письмо на почту.... Государыня Марія Феодоровна изволила меня увѣдомить о помѣщеніи директоромъ въ Павловскѣ В. Ив. Ребиндера, чему я очень радъ.

¹⁾ М-г James, англійскій консулъ въ Одессѣ.

²⁾ Владиміръ Андреевичъ Глинка, служившій тогда въ артиллеріи, въ чинѣ подполковника.

Тула.—2-го ноября 1817 г.

.....Путешествіе наше идетъ довольно благополучно; намъ не докучала слишкомъ ни грязь, ни дурная погода; съ тѣхъ поръ какъ мы вѣхали въ Тульскую губернію, мы ѣдемъ довольно порядочно, въ саняхъ, и 8-го числа этого мѣсяца рассчитываемъ прибыть въ Москву; если императрица дастъ мнѣ отпускъ на 28 дней, то я не замедлю какъ можно скорѣе прибыть въ Закупъ. Я получилъ сегодня весьма милостивое письмо отъ ея величества, которая соблаговолила писать мнѣ въ августѣ мѣсяцѣ четыре раза. Великій князь, а равно и вся свита, пользовались довольно хорошимъ здоровьемъ и время проходило чрезвычайно весело, и отличный характеръ нашего дорогаго Михаила дѣлаетъ путешествіе особенно пріятнымъ.

Сегодня великій князь испросилъ у князя Яшвила трехнедѣльный отпускъ для моего брата, который намѣренъ посѣтить тебя въ Закупѣ. Я навѣстилъ семейство Моренгеймъ; тамъ всѣ здоровы, одна только г-жа Боде страдаетъ глазами, но эта болѣзнь не серьезная. Всѣ посылаютъ тебѣ сердечный поклонъ. Ребиндеръ находится уже въ Павловскѣ управителемъ.

Калуга.—6-го ноября 1817 г.

Здѣсь въ Калугѣ нашелъ я Лаврентія Константиновича Криштафовича, который обошелся со мною какъ человѣкъ, желающій моего знакомства, и котораго знакомствомъ я тѣмъ болѣе дорожу, что всѣ его уважаютъ за его добрыя качества.... Г. Криштафовичъ, конечно, самъ къ тебѣ завѣдетъ для отдачи сего письма, то и прошу тебя, какъ изъ вѣжливости, такъ и для сдѣланія съ женою его знакомства, съѣзди къ нимъ съ визитомъ, а я непременно познакомлюсь съ нимъ, пріѣхавъ въ Закупъ. Я покамѣстъ довольно здоровъ, и очень доволенъ великимъ княземъ и вообще сею поѣздкою, самая же пріятная теперь для меня та мысль, что я надѣюсь вскорѣ увидѣться съ ближайшими моему сердцу людьми....

Москва.—17-го декабря 1817 г.

Я прибылъ въ Москву 13-го числа сего мѣсяца благополучно, а 14-го Алединскій отправился въ С.-Петербургъ по 15-е января; и такъ, я всѣдневно на дежурствѣ; только грѣхъ сказать, чтобъ дежурство это было для меня тягостно.... О предстоящемъ путешествіи нашемъ на сей разъ не скажу тебѣ ни слова, потому что еще не рѣшено откуда и долго-ли продлится путешествіе; извѣстно только то, что отправятся въ путь не прежде, какъ въ февралѣ мѣсяцѣ.... Императрица по прежнему обходится со мною милостиво.

Москва.—19-го декабря 1817 г.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1818 года (сіе будетъ тебѣ отъ меня сказано по секрету) императрица Марія Федоровна пріѣдетъ въ Германію для

свиданія, между прочимъ, съ дочерьми своими, и великій князь Михаилъ Павловичъ пробудеть вмѣстѣ съ императрицею 6 недѣль; въ это время я постараюсь отпроситься на воды, недѣль на шесть времени, которая всѣ будутъ подъ рукою у меня; а государыня, безъ сомнѣнія, дозволить мнѣ полечиться у какихъ Гуфеландъ предпишетъ цѣлебныхъ водъ.....

Москва.—1-го января 1818 г.

.....По 15-е число сего мѣсяца я безсмѣнно дежурю при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, а съ приѣзда Алединскаго дежурство мое будетъ весьма не тяжелое. Мы отправимся изъ Москвы черезъ Смоленскъ на Варшаву, Берлинъ, Веймаръ, Кассель (Гессенскій) и Брюссель; въ Англію въ началѣ марта мѣсяца, если не выйдетъ новой перемѣны, а въ Россію возвратимся въ апрѣлѣ 1819 года.

Москва.—14-го января 1818 г.

.....Я было собирался похвастать тебѣ моимъ здоровьемъ; но 11-го числа сего мѣсяца, въ 8 часовъ вечера, я имѣлъ пароксизмъ около трехъ часовъ, и притомъ весьма сильный; но искусствомъ и стараніемъ г. Штофрегена, пролечившись три дни, да одинъ просидѣвъ дома для отдыха и подкрѣпленія силъ, завтра я выхожу въ дежурство, чувствуя восстановленнымъ свое здоровье. Великій князь Михаилъ Павловичъ всякій день просиживаетъ у меня часа по два, хотя и живу я не близко отъ его комнатъ; Ламсдорфъ также навѣщаетъ меня вседневно, Шторхъ и Штофрегенъ равнымъ образомъ приходили часто дѣлать со мною время.....

Москва.—7-го февраля 1818 г.

Мы выѣдемъ изъ Москвы 3-го или 5-го марта, слѣдовательно, 4-го или 6-го марта мы съ тобою и со всѣми дѣтьми увидимся въ Смоленскѣ, если государыня не отложитъ еще на нѣсколько дней сію поѣздку великаго князя. Его высочество, слыша, что я къ тебѣ пишу, препоручилъ мнѣ кланяться тебѣ отъ его имени.... Сегодня обѣдалъ я у государя императора съ его высочествомъ великимъ княземъ и императрица Елисавета Алексѣевна, стоя подлѣ императора, совѣтовала мнѣ, по окончаніи путешествія великаго князя, полечиться цѣлебными водами Баденъ-Баденскими, мысль, которая занимаетъ всего меня, и которую постараюсь привести въ дѣйство, если только болѣзнь моя не пройдетъ во время путешествія; впрочемъ, я думаю, что она изволила мнѣ говорить слышанное отъ доктора Штофрегена.

Примѣчаніе. Письмо это отъ Григорія Андреевича Глинки последнее, и было написано за два дня до его кончины. Вслѣдъ за симъ помѣщаемъ письма Августѣйшихъ Особъ, относящіяся къ кончинѣ Г. А. Глинки; прочія же письма особъ Царской Фамиліи, именно императрицы Маріи Ѳеодоровны и Великой Княгини Маріи Павловны (1816 — 1817 гг.), въ самому Г. А. Глинкѣ — прилагаемъ до слѣдующей книги «Русской Старины». В. Г. М.

II.

Письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны ¹⁾.

Письмо къ г-жѣ Брейткопфъ.

Москва.—10-го февраля 1818 г.

Искренно сожалѣю, добрѣйшая Брейткопфъ ²⁾, что мнѣ придется огорчить васъ печальнымъ извѣстіемъ, но, опасаясь, чтобы оно не дошло до васъ и до госпожи Кюхельбекеръ, матери госпожи Глинки, слишкомъ неожиданно, я рѣшила сама сообщить вамъ о случившемся, прося васъ употребить всѣ старанія, чтобы это извѣстіе не слишкомъ поразило бѣдную тещу. Нашего добраго, достойнаго и уважаемаго Глинки не стало; онъ окончилъ свое поприще, захворавъ скоростижно; пообѣдавъ у меня, онъ былъ еще съ моими сыновьями въ манежѣ графини Орловой, откуда возвратясь съ ними въ одиннадцатомъ часу, легъ спать, но вскорѣ всталъ, жалуясь на стѣсненіе въ груди; тотчасъ послали за медикомъ моихъ сыновей и за г. Рюль ³⁾; первый, жившій рядомъ, поспѣшилъ къ нему и засталъ его расхаживающимъ, жалуясь, что ему мало воздуха; медикъ пощупалъ ему пульсъ; Глинка опирается на него и врачъ чувствуетъ, что ноги у него подкашиваются; ему пустили кровь; въ это время входитъ Рюль и прибѣгаетъ Алединскій; оба были свидѣтелями его послѣдняго вздоха: такимъ образомъ въ 4 минуты онъ перешелъ отъ жизни къ смерти. Потеря эта весьма прискорбна для насъ, такъ какъ мы всѣ любили и уважали его и онъ унесъ съ собою въ могилу сожалѣнія наши и всѣхъ кто его зналъ. Генераль Ламсдорфъ оплакиваетъ его какъ роднаго сына: мое семейство и я сама глубоко чувствуемъ эту потерю и память объ немъ будетъ для насъ всегда священна, ибо она снована на признательности. Я обратилась къ Смоленскому губернатору г. Ашу съ просьбою сообщить, какъ можно осторожнѣе, это извѣстіе его несчастной супругѣ, которой я писала сама, но мое письмо

¹⁾ Помѣщаемые здѣсь въ переводѣ съ французскаго документы, драгоценные для біографіи Г. А. Глинки, писаны собственноручно Императрицей Маріей Ѳеодоровной и ея августѣйшими дѣтьми. Подлинники напечатаны вслѣдъ за переводомъ.

²⁾ Начальница Екатерининскаго института.

³⁾ Рюль—медикъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

В. Г. М.

будеть передано ей лишь тогда, когда она узнает уже о своемъ несчастіи. Васъ это также огорчить, дорогая Брейткопфъ, и не напрасно, такъ какъ онъ былъ весьма расположенъ къ вамъ. Сообщите мнѣ что-нибудь о бѣдной тещѣ и скажите ей, что императоръ обѣщаль мнѣ позаботиться о судьбѣ вдовы и дѣтей. Прощайте, добрѣйшая Брейткопфъ; да избавить Господь насъ всѣхъ отъ столь скоростижной смерти; будьте здоровы и рассчитывайте на всегдашнее мое къ вамъ расположеніе. Марія.

Письма къ Ю. К. Глинкѣ.

9-го февраля 1818 г.

Несчастіе ваше слишкомъ велико, добрѣйшая госпожа Глинка, чтобы допустить возможность утѣшенія: поэтому я пишу эти строки лишь съ тѣмъ, чтобы раздѣлить ваше горе и увѣрить васъ, что я сочувствую ему очень, очень глубоко. Дѣти проливаютъ со мною искреннія слезы о вашей потерѣ, которая можетъ назваться и нашею, такъ какъ мы понимаемъ всю ея глубину; но за то вдова и дѣти добраго нашего Глинки всегда будутъ имѣть священныя права на нашу благодарность. Пути Всевышняго неисповѣданы; мы должны принимать ихъ и покоряться имъ, и находить силу, мужество и покорность въ надеждѣ на жизнь вѣчную. Вы, госпожа Глинка, воспитанная въ правилахъ совершенной покорности волѣ Божьей, оплакивайте вашего супруга какъ христіанка. Вспомните, что вы мать и что это имя налагаетъ на васъ обязанности, усложнившіяся еще болѣе съ вашей тяжелой потерей, поэтому поберегите себя. Вы имѣете единственное утѣшеніе, возможное въ горѣ: это общее сочувствіе къ нему. Императоръ искренно сожалеетъ о покойномъ и обѣщаль мнѣ позаботиться о судьбѣ вашей и дѣтей вашихъ. Очень сожалею, что лично не могу смягчить то ужасное впечатлѣніе, которое произведетъ на васъ это извѣстіе, и съ нетерпѣніемъ буду ожидать вѣсти отъ васъ.

Прощайте, добрѣйшая госпожа Глинка, да поддержать и подкрѣпить васъ Господь; будьте увѣрены во всегдашнемъ къ вамъ моемъ участіи и полномъ уваженіи. Марія.

Москва.—4-го апрѣля 1818 г.

Госпожа Глинка! Я имѣла удовольствіе получить ваше письмо отъ 25-го марта и была весьма тронута выраженными въ немъ чувствами. Съ искреннимъ удовольствіемъ я узнала о выздоровленіи вашихъ дѣтей и молю Бога о ихъ благополучіи и вашемъ здоровьѣ, а равно о счастливомъ освобожденіи вашемъ отъ бремени. Будьте вполне

увѣрены въ неизмѣнномъ участіи и благоволеніи, съ которыми пребываю къ вамъ благосклонною. Марія.

Заочно благословляю вашихъ дѣтей.

Павловскъ.—16-го августа 1819 г.

Госпожа Глинка! Съ истиннымъ удовольствіемъ я отдавала постоянно полнѣйшую справедливость усердію и преданности, выказаннымъ вашимъ достойнымъ и уважаемымъ супругомъ при исполненіи его обязанностей при моихъ возлюбленныхъ сыновей; теперь же, совершеннѣе великаго князя Михаила, окончившаго свое воспитаніе, болѣе чѣмъ когда либо напомнило мнѣ заслуги г. Глинки и я сочла долгомъ доказать вамъ вновь насколько я умѣла цѣнить его достоинства. Я полагаю въ тоже время, что вамъ будетъ утѣшительно носить знаки моеї памяти объ немъ и, въ этомъ смыслѣ, я прошу васъ принять прилагаемый при семъ уборъ, который будетъ служить вамъ порукой того участія и благоволенія, съ которыми пребываю къ вамъ благосклонною. Марія.

Письмо в. к. Николая Павловича къ Ю. К. Глинкѣ.

Москва. — 14-го февраля 1818 г.

Милостивая государыня! Глубоко тронутый тою невозвратимою потерей, которую мы понесли, я считаю долгомъ выразить вамъ искреннее сожалѣніе, внушаемое мнѣ этимъ печальнымъ событіемъ, и увѣрить васъ въ полнѣйшемъ съ моей стороны участіи къ вамъ. Память супруга вашего всегда будетъ дорога мнѣ по той дружбѣ, которая постоянно существовала между нами.

Мнѣ было бы весьма пріятно знать, что вамъ угодно будетъ получать ту-же пенсію, какою пользовался покойный супругъ вашъ, и которую я почту за удовольствіе утвердить за вами съ этого же дня.

Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ какимъ я имѣю честь быть вашимъ, милостивая государыня, покорнѣйшимъ слугою. Николай.

Письмо в. к. Михаила Павловича къ Ю. К. Глинкѣ.

Москва. — 22-го февраля 1818 г.

Милостивая государыня! Не могу выразить вамъ то участіе, которое я принимаю въ постигшей васъ ужасной потерѣ; вамъ извѣстна, конечно, моя привязанность къ вашему супругу, которая можетъ окончиться лишь съ моею смертью, и смѣю васъ увѣрить, что память его всегда будетъ для меня священна. Будьте увѣрены, милостивая государыня, что я почту себѣ за счастье быть полезнымъ вамъ или дѣтямъ вашимъ. Прошу васъ принять увѣреніе и проч. Михаилъ.

Письмо великой герцогини Марии (Веймарской) къ Ю. К. Глинкѣ.

Веймаръ. — 22-го апрѣля (4-го мая) 1818 г.

Милостивая государыня! Съ истиннымъ прискорбіемъ узнавъ о внезапной кончинѣ супруга вашего, г. Глинки, я не могу не высказать вамъ моего искренняго сочувствія по этому поводу. Надѣюсь, вы не упрекнете меня за изъявленіе моего участія въ первыя минуты вашего горя, вспомнивъ, что я привыкла уважать покойнаго не только во время его пребыванія при моихъ братьяхъ, но что и я лично была обязана ему; мнѣ кажется, что я исполню долгъ признательности увѣривъ васъ, что я искренно сочувствую вашему горю и всегда готова высказать вамъ тѣ чувства уваженія, съ каковыми пребываю къ вамъ благосклонно. Марія, русская великая княгиня.

Lettre de S. M. l'Impératrice Marie à madame de Breitkopf.

Moscou, ce 10 février, 1818.

Je suis bien au regret, ma bonne Breitkopf ¹⁾, de devoir vous affliger par la triste nouvelle que j'ai à vous donner, mais la crainte qu'elle ne parvienne inopinément à vous et à madame Kuchelbecker, mère de madame de Glinka, m'engage à vous la donner moi-même pour vous prier de donner vos soins à ce que la pauvre belle-mère ne soit trop éprouvée. Notre bon, digne et estimable Glinka n'est plus; il a fini sa carrière par un mal subit, après avoir diné chez moi et avoir accompagné encore mes fils au manège de la Comtesse Orlof; il est revenu avec mes fils après les 10 heures; il s'est couché, mais s'est relevé, se plaignant d'oppressions de poitrine; on est allé chercher le chirurgien de mes fils et M-r Ruhl ²⁾; le premier, qui était son voisin, est accouru chez lui; il l'a trouvé marchant, se plaignant de n'avoir pas assez d'air à respirer; il lui tâta le pouls; Glinka s'appuie sur lui; le chirurgien sent que les genoux lui manquent; on lui ouvre la veine; Ruhl entre, M-r d'Alédinsky accourt, et les deux sont témoins de son dernier soupir: donc, à près de 4 minutes, il a passé de la vie à la mort. Sa perte nous est bien douloureuse, car chacun de nous l'aimait et l'estimait, et il emporte au cercueil nos regrets, mais aussi ceux de tous ceux qui le connaissaient. Le général Lamsdorf le pleure comme un fils: les miens, tout comme moi, sentons profondément la perte et vouons un souvenir éternel à sa mémoire, parce qu'il est fondé sur la reconnaissance. Je me suis adressée au Gouverneur de Smolensk, à M-r d'Asch, pour donner cette triste nouvelle, avec tous les ménagemens possibles, à sa malheureuse femme, à laquelle j'ai écrit moi-même; mais la lettre ne lui sera rendue que lorsqu'elle saura déjà son malheur. Vous serez bien affligée aussi, chère Breitkopf, et avec justice, car il vous était très attaché. Donnez moi des nouvelles de la pauvre belle-mère et dites lui que l'Empereur m'a promis de soigner le sort de la veuve et des enfans. Adieu, ma bonne Breitkopf; que Dieu nous épargne à tous une mort aussi subite; portez-vous bien et comptez sur mes sentimens qui vous sont voués pour la vie. Marie.

¹⁾ Directrice de l'Institut de S-te Catherine.

²⁾ Médecin de S. M. l'Impératrice mère.

Lettres de S. U. l'Impératrice Marie à madame de Glinka.

Ce 9 février, 1818.

Votre malheur est trop grand, ma bonne Madame de Glinka, pour admettre aucune consolation: aussi je ne vous trace ces lignes que pour venir partager votre douleur et vous assurer que je la sens bien, bien profondément. Mes enfans et moi versons des larmes sincères sur votre perte et sur la nôtre, car nous apprécions toute son étendue, mais aussi toujours la veuve et les enfans ¹⁾ de notre bon Glinka auront des droits sacrés à notre reconnaissance: les décrets de la Providence sont impénétrables; nous devons les accepter et nous y soumettre, et trouver force, courage, résignation dans notre espoir dans la vie éternelle. Vous, ma bonne Madame de Glinka, élevée dans les principes d'une résignation parfaite à la volonté Divine, pleurez votre époux en chrétienne. Vous vous souviendrez que vous êtes mère et que ce titre vous impose des devoirs, devenus plus grands encore après la cruelle perte que vous venez de faire; ainsi donc veillez à votre conservation. Vous avez la seule consolation admissible à la douleur, celle de la voir partagée généralement: l'Empereur donne des regrets sincères au défunt et m'a promis de soigner votre sort et celui de vos enfans. Je suis au regret de n'être pas à même d'adoucir par mes soins personnels l'impression affreuse que cette nouvelle vous donnera, et j'attendrai de vos nouvelles avec impatience. Adieu, ma bonne Madame de Glinka, que Dieu vous soutienne, vous fortifie; comptez à jamais sur tout l'intérêt sincère que je vous porte et ma parfaite estime. Marie.

Moscou, ce 4 avril, 1818.

Madame de Glinka. J'ai eu le plaisir de recevoir Votre lettre du 25 mars et suis bien sensible aux sentimens que vous m'y exprimez. J'ai appris avec une satisfaction véritable le rétablissement de vos enfans et fais des vœux sincères pour leur conservation et votre bien-être, ainsi que pour votre heureuse délivrance. Soyez toujours bien assurée des sentimens invariables d'intérêt et de bienveillance, avec lesquels je suis Votre affectionnée Marie.

Ma bénédiction à vos enfans.

Pavlovsk, ce 16 août, 1819.

Madame de Glinka. C'est toujours avec un plaisir bien véritable que j'ai rendu justice au zèle et au dévouement dont feu Votre digne et estimable époux a fait preuve dans l'exercice de ses fonctions auprès de Mes très chers fils; mais l'époque de la majorité du Grand Duc Michel, qui a terminé Son éducation, Me rappelant encore plus particulièrement les services de M-r de Glinka, Je me suis fait un devoir de témoigner d'une manière ostensible, combien j'ai su apprécier son mérite. J'ai pensé en même temps, que Vous trouveriez

¹⁾ После Григорія Андреевича Глинки осталось шестеро дѣтей: 1) Дмитрій Григорьевичъ—нынѣ тайный совѣтникъ и посланникъ въ Лиссабонъ, 2) Борисъ Григорьевичъ (Глинка-Мавринъ)—нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи, генер.-адъют., 3) Николай Григорьевичъ—капитанъ генеральнаго штаба, умеръ въ 1839 г. отъ ранъ, полученныхъ на Кавказѣ, 4) Наталья Григорьевна † 1864 г., бывшая въ замужствѣ за артиллерійскимъ генералъ-лейтенантомъ Ф. В. Одынецъ (сконч. въ 1874 г.), 5) Александра Григорьевна, и 6) Юстина Григорьевна (сконч. въ 1874 г.)

une douce consolation à porter les marques du souvenir que je lui conserve, et c'est sous ce rapport que je Vous prie de considérer l'ornement ci-joint, qui Vous servira de garant de l'intérêt que je Vous porte et des sentimens de bienveillance avec lesquels je suis Votre affectionnée Marie.

Lettre de Son Altesse Impériale le Grand Duc Nicolas, adressée à madame de Glinka.

Moscou, ce 14 février, 1818.

Madame! Vivement touché de la perte irréparable que nous venons de faire, je me fais un devoir de venir vous exprimer les vifs regrets que ce triste événement me cause, et vous assurer de toute la part que je prends à tout ce qui vous regarde. La mémoire de votre époux me sera toujours chère par l'amitié que nous nous portions et qui n'a jamais discontinué.

Il me serait très agréable de savoir qu'il vous convient d'accepter toujours la pension, que recevait feu M-r votre époux, et que je me fais un plaisir à vous assurer dès ce moment.

Agréer, je vous prie, Madame, l'assurance de l'estime parfaite, avec laquelle j'ai l'honneur d'être, Madame, votre très humble et très obéissant serviteur Nicolas.

Lettre de Son Altesse Impériale le Grand Duc Michel, adressée à madame de Glinka.

Moscou, ce 22 février, 1818.

Madame! Je ne puis Vous exprimer la part que je prends à la perte terrible que Vous venez de faire; Vous connaissez, j'espère, l'attachement que je portais à M-r Votre époux et qui ne finira qu'avec ma vie, et je Vous supplie d'être persuadée que je porterai une reconnaissance éternelle à sa mémoire. Je vous prie, Madame, de croire que je me compterai trop heureux de pouvoir Vous être utile, ainsi qu'à Vos enfans.

Je Vous supplie, Madame, d'agréer l'assurance de ma plus profonde estime avec laquelle j'ai l'honneur d'être Votre très humble serviteur Michel.

Lettre de Son Altesse Impériale la Grande Duchesse Marie (de Weimar) adressée à madame de Glinka.

Weimar, ce 22 avril (4 mai), 1818.

Madame! Ayant appris avec une vive peine la mort inopinée de M-r de Glinka, Votre époux, je ne puis me défendre de Vous faire passer l'expression de ma sensibilité à ce sujet. J'espère que vous ne me taxerez pas d'indiscrétion en vous offrant ces témoignages de mes regrets dans les premiers momens de Votre douleur, quand vous vous rappellerez, que j'avais non seulement appris à estimer le défunt dans son emploi auprès de mes Frères, mais qu'encore je lui avais personnellement des obligations; il me semble que je remplis un devoir de reconnaissance en vous assurant, que je partage sincèrement Votre affliction et que je serai toujours disposée à Vous marquer les sentimens d'estime, avec lesquels je suis, Madame, Votre affectionnée Marie, Grande Duchesse de Russie.

АЛЕКСАНДРЪ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ ВИТБЕРГЪ.

Академикъ, строитель храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Род. 1787, † 1855 г.

«Записки Витберга», составленныя съ его словъ однимъ изъ его друзей въ Виткѣ, въ 1836 г., и напечатанныя нами съ подлинной рукописи въ «Русской Старинѣ» (1872 г. т. V, стр. 16—32; 159—192; 519—577), обнимаютъ періодъ юности знаменитаго художника, пребываніе его въ академіи, и лучшую, блестящую эпоху въ его жизни: время созданія проекта храма Христа Спасителя и начало приведенія его въ исполненіе; рассказы доведенъ до учрежденія комисіи по сооруженію храма, т. е. до 1820 года¹⁾.

Нынѣ предлагаемыя бумаги принадлежатъ болѣею частью перу самого Витберга: въ первой изъ нихъ, повторяя въ началѣ вкратцѣ то, что читателямъ уже извѣстно, авторъ излагаетъ ходъ интриги, его погубившей. Изъ этого рассказа читатели до нѣкоторой степени ознакомятся съ сущностью экономической и хозяйственной стороны построения храма и, вмѣстѣ съ сямъ, узнаютъ, что главнымъ наукомъ, соткавшимъ паутину, въ которую запутался Витбергъ, — былъ никто другой, какъ Аракчеевъ. Оказывается, что Витбергъ былъ жертвою борьбы двухъ партій: вн. А. Н. Голицына, съ одной стороны, и гр. Аракчеева, съ другой.

Предлагаемая записка обнимаетъ время съ 1817 по 1826 годъ; документъ видимо написанъ для подачи кому либо изъ вліятельныхъ лицъ, у котораго Витбергъ надѣялся найти защиту. Время написанія между 1836 и 1840 гг.

Вслѣдъ за этимъ рассказомъ мы передаемъ вкратцѣ главнѣйшіе факты дальнѣйшей борьбы Витберга съ его противниками, извѣстія о пребываніи его въ ссылкѣ, переписку съ однимъ изъ лучшихъ его друзей, съ которымъ онъ сблизился въ Виткѣ, и, наконецъ, подробности послѣдующей его жизни, по возвращеніи изъ изгнанія, до кончины; эти подробности, равно и прочія замѣтки, мы извлекаемъ изъ обширнаго собранія бумагъ А. Л. Витберга, сообщенныхъ «Русской Старинѣ» однимъ изъ его сыновей, Федоромъ Александровичемъ, а также изъ рукописныхъ статей, замѣтокъ и устныхъ сообщеній дѣтей Витберга: Федора Александровича, Любови Александровны и Софьи Александровны Казначеевой, академика архитектуры И. П. Свѣзева, художника Д. Я. Чарушина и В. П. Булгакова.

¹⁾ Портретъ Витберга и рисунокъ его проекта Храма Спасителя въ Москвѣ приложены при «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V.

I.

Автобіографія А. Л. Витберга.

Благочестивый обѣтъ императора Александра Благословеннаго — воздвигнуть храмъ Христу Спасителю, памятникъ великихъ событій 1812 года, долженствовавшій свидѣтельствовать позднѣйшему потомству благодарность Россіи къ Богу, — одушевилъ меня пламенною любовью, сильною и высокою идеею къ славному дѣлу, которому я посвятилъ себя всего.

Наименованіе храма, новое въ лѣтописи, свидѣтельствовало о глубокѣмъ чувствѣ вѣры, какимъ государь проникнуть былъ въ годину великаго испытанія Россіи.

Читая какъ бы въ душѣ императора, я въ духѣ возгорѣлъ желаніемъ осуществить для такого храма слѣдующія главнѣйшія мысли: 1-е, чтобы онъ колоссальностью соотвѣтствовалъ величію Россіи; 2-е, чтобы, свободно отъ рабскаго подражанія, имѣлъ въ характерѣ нѣчто самобытное, стиль строгой оригинальной архитектуры; 3-е, чтобы всѣ части храма составляли не произвольныя только формы архитектурной потребности, не мертвую массу камней, но выражали-бы духовную идею живаго храма-человѣка, по тѣлу, душѣ и духу — слѣдуя изреченію Христову: „не вѣдаете бо, что храмъ Божій есте и духъ Святый въ васъ обитаетъ“; 4-е, чтобы, независимо идеи храма, сей памятникъ отечественной войны въ приличныхъ мѣстахъ заключалъ въ себѣ нѣкоторые доблестные подвиги изъ исторіи своего времени.

Требованіе большое. Данте, Мильтонъ, Клопштокъ и нашъ творецъ неподражаемой оды „Богъ“ выражали свою духовную поэзію чрезъ слово, а здѣсь это требовалось отъ формъ бездушнаго камня.

Много потребно было условій, приготовленій и усилій, чтобы такую идею осуществить и выразить въ вѣрной формѣ; часто одно мгновеніе разрушало многотрудныя изысканія. Иногда высокая идея непреложныхъ истинъ дѣлалась жертвою строгихъ правилъ классической, въ то же время изучаемой, архитектуры и на оборотъ.

Всѣмъ пожертвовалъ я для этого дѣла: выгодами состоянія, прежними занятіями, обѣщавшими мнѣ блестящую будущность, даже удостоеннымъ отъ академіи художествъ вояжемъ въ Италію, который столь пламенно мною желаемъ былъ и отвергнуть для того, чтобы доказать, что талантъ и въ Россіи — у себя на родинѣ!

Прошло два года въ неусыпныхъ трудахъ, доводившихъ меня до изнеможенія, такъ что, можетъ быть, они остановились бы и совсѣмъ, еслибъ не одобрили меня къ новымъ усиліямъ: въ Москвѣ — архіепископъ Августинъ съ находившимся при немъ духовенствомъ и быв-

шій министрѣ юстиціи И. И. Дмитріевъ; одинъ, какъ добрый архипастырь, благоговѣя и радуясь славѣ церкви—благословлялъ; другой, какъ поэтъ, одушевляясь—одушевлялъ; въ Петербургѣ—министръ просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій и бывшій тогда синодальнымъ оберъ-прокуроромъ князь А. Н. Голицынъ, по совѣту котораго я составилъ еще другой проектъ, въ меньшемъ размѣрѣ. Оба, вмѣстѣ со многими другими, отъ извѣстнѣйшихъ архитекторовъ нашихъ и иностранныхъ, были подвергнуты на высочайшее разсмотрѣніе императора Александра I-го. Его величество, обративъ все вниманіе на большой проектъ, прослезившись при выслушаніи идеи храма, сказалъ мнѣ:

— „Вы угадали мои мысли, мое желаніе для этого храма, которое я тайно хранилъ въ себѣ, не предполагая, чтобы архитекторы удовлетворили меня; вы отгадали, вы заставили камни говорить“¹⁾.

Свидѣтелемъ сихъ словъ былъ князь А. Н. Голицынъ, который здравствуетъ²⁾.

Я былъ причисленъ въ вѣдомству кабинета его величества, съ годовымъ окладомъ трехъ тысячъ рублей и съ выдачею въ разныя времена до 12 т. р.

Слеза, скатившаяся по ланитамъ вѣнчаннаго, была высокою, полною наградою для меня. Но я еще болѣе, еще сверхъ того, былъ обильно награжденъ. Я былъ осчастливленъ вниманіемъ всей императорской фамилии. Изъ устъ нынѣ достославно царствующаго государя императора³⁾ слышалъ я самые лестные отзывы о проектѣ моемъ и его величеству (тогда великому князю) благоугодно было имѣть непремѣнно мои идеи для мраморнаго придѣла, съ золотомъ и серебряною утварью, построенаго въ Ново-іерусалимскомъ монастырѣ въ память рожденія Его Высочества Наслѣдника, за исполненіе чего я имѣлъ счастье получить два брилліантовые перстня. Императрица Марія Феодоровна интересовалась имѣть рисунки этой церковной утвари.

Я удостоился также изустной похвалы и вниманія короля прусскаго и наслѣднаго принца (нынѣшній король Фридрихъ Вильгельмъ IV), въ бытность его величества въ Москвѣ. Принцъ Оранскій (нынѣшній король нидерландскій Вильгельмъ II) удостоилъ своимъ посвѣщеніемъ чертежную мою. Я наперерывъ получалъ личныя одобренія

¹⁾ Государю угодно было имѣть нѣкоторый обзоръ исторіи жизни съ дѣтства моего. А. В.

²⁾ Писано въ концѣ 1830-хъ годовъ.

³⁾ Писано въ царствованіе Николая Павловича.

и похвалы отъ полномочныхъ представителей почти всѣхъ европейскихъ державъ и многихъ знаменитыхъ путешественниковъ, неговоря уже о благосклонномъ приѣмѣ достопочтенныхъ соотечественниковъ. Проектъ мой называли: „небывалою архитектурною поэзіею“, „поэмою храма“. Правитель Греціи, графъ Каподистрія, графъ Воронцовъ (нынѣшній Новороссійскій генераль-губернаторъ) и нѣкоторые другіе желали способствовать къ изданію онаго въ свѣтъ и перевода на греческій языкъ. Но имѣя въ виду еще многое усовершенствовать, я не могъ воспользоваться лестнымъ предложеніемъ.

Извѣстный мюнхенскій инженеръ Вибекингъ, въ первомъ своемъ изданіи „Исторіи архитектуры“, писалъ о заложенномъ на Воробьевыхъ горахъ храмѣ, какъ о величайшемъ зодческомъ произведеніи новѣйшихъ временъ, по смѣлости и колоссальности идеи. Наша Императорская академія художествъ, въ отчетѣ своемъ за 1835 г., назвала проектъ мой трудомъ, достойнымъ своего назначенія. Болѣе наградъ художникъ не можетъ желать; онѣ впередъ выкупаютъ много несчастій и гоненій.

Между дорогою пришествія въ Москву и изгнанія изъ нея не-пріятели (Смоленской и Калужской), на томъ самомъ мѣстѣ Воробьевыхъ горъ, гдѣ арьергардъ французскій имѣлъ послѣдній ночлегъ 12-го октября, — торжественно и всенародно совершена была закладка храма, 12-го же октября 1817 года. Изъ Тарутина доставленный военный понтонъ, служившій въ походѣ 1812 года, накинутый чрезъ Москву рѣку къ мѣсту закладки, служилъ и здѣсь императору Александру I-му шествовать къ исполненію своего обѣта¹⁾.

При избраніи Воробьевыхъ горъ, которыя столь поэтически названы были его величествомъ „короною Москвы“, принимались въ соображеніе не только единственная въ своемъ родѣ красота мѣстоположенія и торжествующая надъ городомъ открытая возвышенность, соотвѣтственно важности предмета и дѣйствию на зрителя, какое производитъ долженъ величественный храмъ Божій, не только историческіе факты, соотвѣтствующіе назначенію этого отечественнаго памятника, — но и сбереженіе нѣсколькихъ милліоновъ рублей отъ находящихся на мѣстѣ въ достаточномъ количествѣ матеріаловъ: кирпичной глины и рѣчнаго песку. Касательно достоинства грунта, то извѣстно, что, при сообразныхъ мѣстности мѣрахъ, строить можно

¹⁾ Подробности событія напечатаны въ изданной 1818 г. книжкѣ, подъ заглавіемъ: «Историческое описаніе торжества, происходившаго при заложеніи храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ». А. В.

Книга эта, довольно рѣдкая, подарена въ нашу бібліотеку покойнымъ А. Я. Буторовымъ. Ред.

на всякомъ грунтѣ; и если бы здѣсь потребовалось даже значительное углубленіе фундамента, то это нисколько не увеличивало бы сумму государственныхъ расходовъ и имѣло бы только влияніе на нѣкоторое продолженіе времени. Распоряженіе, для этого сдѣланное, объясняется ниже.

Императору благоугодно было поручить мнѣ исполненіе проекта, не смотря на то, что, награжденный славой сочинителя, я отрицался отъ онаго—изъ опасенія интригъ, всегда неразлучныхъ съ великимъ предпріятіемъ и отъ которыхъ защититъ недовольно сильна самая власть монарха. — Объ этомъ отрицаніи его величество изволилъ отзываться въ весьма лестныхъ для меня выраженіяхъ, за большимъ обѣдомъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, 1818 года, о чемъ, того же дня, на балѣ благороднаго собранія, я имѣлъ счастье слышать изъ устъ царствующаго августѣйшаго брата его (т. е. Николая Павловича).

Имѣя высочайшее соизволеніе на усовершенствованіе проекта до возможнѣйшей степени, я неутомимо продолжалъ этотъ трудъ, который уже по важности идеи обѣщаль торжество Россійской церкви, хотя и въ практическомъ отношеніи; не касаясь огромности зданія вообще, колоссальность кунола (особой желѣзной конструкціи) должна была превзойти размѣръ римскаго Св. Петра. Но я не ограничился и этимъ: боясь заслужить упрекъ, что ввелъ казну въ непомѣрныя издержки, я считалъ себя обязаннымъ обратитъ вниманіе и на средства исполненія столь великаго предпріятія и съ тою же пламенною любовью къ дѣлу, съ помощью людей опытныхъ, обработалъ хозяйственный проектъ, котораго цѣль состояла въ томъ, чтобы 1-е, умѣренными средствами протѣвствъ большое дѣло; 2-ое, чтобы сколько возможно избѣгать разорительныхъ подрядовъ, чтобы никакъ не зависѣть отъ неограниченной корыстной воли подрядчиковъ, имѣя средства—цѣны удерживать въ неизмѣнимыхъ предѣлахъ умѣренности; 3-е, чтобы, въ случаѣ войны или другаго затрудненія въ финансахъ отъ неотпуска суммы не могла бы сдѣлаться остановка въ работахъ храма.

Для всего этого, единовременный отпущекъ десяти милліоновъ рублей (былъ) достаточенъ на пріобрѣтеніе главнѣйшихъ матеріаловъ и работниковъ, независимо отъ количества первыхъ, ни времени производства работъ послѣдними, и, сверхъ того, капиталъ этотъ возвращался назадъ, по окончаніи строенія храма. Средства сін состояли въ слѣдующемъ:

Въ Московской или близь лежащихъ губерніяхъ, изобилующихъ камнемъ, известью и лѣсомъ, (положено было) купить помѣщичьихъ имѣній съ крестьянами до 4,250 душъ, не свыше (какъ по) 1,000 руб.,

а въ отдаленныхъ отъ Москвы губерніяхъ 14,350 душъ, не свыше 400 руб. за каждую, что составляло 18,600 душъ. Сіе число душъ раздѣлить на тягла, коихъ полагается 9,000. Изъ нихъ 3,500 употребятся на строеніе храма ежегодно въ продолженіе шести лѣтнихъ мѣсяцевъ, а 2,000 тяголъ на поставку матеріаловъ.

Остающіяся дома тягла вносятъ на продовольствіе работниковъ пищею по 35 руб. (ассигнац.) на каждого. По представленному расчету, каждое тягло, употребляемое при строеніи, заработаетъ, по справочнымъ цѣнамъ, на 370 руб.; а употребленное для доставленія матеріаловъ — на 320 руб. Такимъ образомъ всѣ они въ 12 лѣтъ заработаютъ 23.220,000 руб. А какъ 12 лѣтъ не есть срокъ строенія, а только принятая мѣра для опредѣленія расчета, то и выведенная здѣсь значительная польза должна увеличиваться во столько, сколько болѣе 12-ти лѣтъ продолжится строеніе. Всѣ имѣнія, поступившія въ вѣденіе комисіи храма, по окончаніи строенія войдя въ общій составъ государственныхъ крестьянъ, возвращаютъ казнѣ употребленный на ихъ приобрѣтеніе капиталъ — десять милліоновъ рублей.

Таковъ былъ трудъ мой, въ хозяйственномъ отношеніи, для возведенія великаго памятника Россіи. Только желѣзо, чугуны, предметы украшенія и изысканныхъ искусствъ не входили въ расчетъ этого распоряженія.

Герцогъ Девоширскій, съ тѣмъ глубокимъ познаніемъ финансовъ, которое свойственно англичанину, вполне одобряя этотъ экономическій проектъ, сказалъ: „единственно Россія еще имѣетъ такіа средства“.

По волѣ государя императора, я долженъ былъ объяснить мои предположенія министру финансовъ Дн. Ал. Гурьеву. Министръ, внимательно разсмотрѣвъ проектъ мой, вникая во всѣ подробности и одобрявъ его совершенно, сказалъ мнѣ; „Вы такъ много вывели пользы для казны, что стыдно бы было не сдѣлать нѣкоторую прибавку къ 35 руб. на продовольствіе рабочаго (при этомъ находился директоръ канцеляріи Як. Ал. Дружининъ).

Вскорѣ за симъ воспослѣдовало и высочайшее одобреніе хозяйственнаго проекта и я, съ причисленными мнѣ въ помощь чиновниками, былъ откомандированъ съ высочайше возложеннымъ порученіемъ приступить къ опыту для отысканія матеріаловъ и приобрѣтенія работниковъ. Но когда, по успѣшномъ исполненіи сего дѣла, министру финансовъ надлежало къ открытію комисіи храма заготовить отпускъ 10 мил. руб., — тогда подалъ онъ мнѣ мое противъ меня. Вслѣдствіе этого, высочайше повелѣно мнѣ было сдѣлать объясненіе противъ возраженія министра. Его величество ос-

тался доволенъ поданнымъ мною объясненіемъ, тѣмъ болѣе, что оно подкрѣплялось исполненными уже на опытѣ фактами, чего министр не предполагалъ.

Въ концѣ 1820 года была открыта высочайше утвержденная коммисія для сооруженія храма.

Митрополитъ московскій Серафимъ, военный генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ и, въ послѣдствіи, сенаторъ С. С. Кушниковъ были первенствующими, а я, въ качествѣ директора строенія и экономической части, и два совѣтника — непремѣнными членами. Для практической искусственной части былъ въ штатѣ архитекторъ съ помощниками, каменный мастеръ и инженеръ-механикъ, а по экономической части инспекторъ съ помощниками и надлежащее число чиновниковъ по канцеляріи вообще.

Коммисія состояла подъ непосредственнымъ вѣденіемъ его императорскаго величества, а о дѣлахъ ея докладывалъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ. По важности хозяйственнаго предмета, коммисіи предоставлены были нѣкоторыя особыя права.

Успѣхъ въ исполненіи экономического проекта превзошелъ ожиданіе, такъ что въ 1822 году коммисія имѣла уже столько приобретенныхъ мѣстъ, что приступлено было къ землянымъ работамъ, коими надлежало прежде всего огромные холмы и овраги дикаго косягора привести въ горизонтальную линію нижней площади, нужной для распредѣленія дальнѣйшихъ работъ фундамента и размѣщенія складки матеріаловъ.

На берегахъ Оки и верховьяхъ Москвы рѣки отысканы мною были новыя каменоломни, изъ коихъ въ послѣднемъ мѣстѣ добывался камень въ большомъ уже количествѣ, а для доставленія его изъ Рузскаго и Верейскаго уѣздовъ въ Москву учреждалось мною же открытое судоходство — даръ храма для древней столицы, успѣвшей уже воспользоваться построеніемъ нѣсколькихъ тротуаровъ изъ новаго камня.

Приобрѣтено потребное количество лѣснаго матеріала: для всѣхъ жилыхъ и хозяйственныхъ строеній (большею частію построенныхъ); для работъ судоходства и построенія барокъ; дамбы набережной, плотины; кирпичныхъ заводовъ и прочихъ хозяйственныхъ заведеній. Все это сдѣлано съ значительнымъ противъ справочныхъ цѣнъ пониженіемъ. Построена также водоподъемная машина, первая въ Россіи по смѣлости, для поднятія водянаго столба на 32 саж. вышины ¹⁾.

¹⁾ Машину для московскихъ фонтановъ, Мытищенскаго водопровода, построилъ тотъ же англійскій механикъ Музрай, уже послѣ этого удачнаго, на Воробьевыхъ горахъ, примѣра.

Наконецъ, и самый экономическій проектъ, при исполненіи, улучшенъ еще тѣмъ, что, вмѣсто предложенныхъ 18,600 душъ, на ту же сумму приобрѣтено до 24,000; слѣдовательно, вмѣсто 4,500—6,000 работниковъ, что составляло для казны пользы слишкомъ на 2¹/₂ милліона руб., за что и былъ я всемілостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени.

Казалось, Господь благословлялъ высокую мысль царя, все шло благоуспѣшно; оставалось только совокупными силами благонамѣренныхъ, одушевленныхъ святою любовію къ вѣрѣ, царю и отечеству, сотрудниковъ, — совершенствовать и приводить въ исполненіе предназначенное.

Но чистое стремленіе, мысль высокая—всегда встрѣчаетъ противудѣйствіе. Съ отбытіемъ въ Петербургъ преосвященнаго Серафима, желавшаго успѣха этому дѣлу, вліяніе нѣкоторыхъ лицъ, замѣшавшихся съ черною цѣлью въ святое дѣло, увлекши другихъ, не благонамѣренныхъ, но слабыхъ, привело меня въ необходимость стать въ противоположность съ комиссіею: эта противоположность была въ самой сущности дѣла. Я одинъ жертвовалъ собою, моя слава, все мое существованіе было тѣсно соединено съ исполненіемъ проекта. Другіе или искали обмененныхъ выгодъ или исполняли вседневную обязанность, принося и въ это дѣло то холодное равнодушіе, съ которымъ они привыкли заниматься.

Чтобы сколько-нибудь сдѣлать понятнымъ: отчего высокое чувство, которымъ я съ такимъ самоотверженіемъ одушевленъ былъ для великаго памятника славы Россіи, и тѣ многотрудныя изысканія, которыми столь явную я принесъ пользу казѣ, могли перетолкованы быть столь превратно, такъ что правда моя, талантъ и вѣроподобническое усердіе угнетены до величайшей крайности, а ложь и клевета нашли свободный путь для сокрытія своихъ зловредныхъ дѣлъ,— чтобы сколько-нибудь, говорю я, сдѣлать это понятнымъ, то надо обратить вниманіе на обстоятельство, послужившее поводомъ къ такимъ дѣйствіямъ. Тогда графъ Аракчеевъ простиралъ свое сильное вліяніе почти на всѣ дѣла, и онъ не могъ не желать перемѣны и въ дѣлѣ комисіи храма, уже по одному тому, что она составлена была подъ прямымъ вліяніемъ князя А. Н. Голицына; чтобы дать другой ходъ отъ своего имени, — надо было опорочить прежній. Сенаторъ Кушниковъ, въ это самое время поступившій въ члены комисіи, сдѣлался органомъ желаній графа и, побывавъ нѣсколько разъ въ засѣданіяхъ, не разсудивъ за благо узнать соображенія мои прямо лично отъ меня, отъѣхалъ въ Петербургъ и поднесъ государю императору записку, въ которой дѣйствія экономической и строительной

части, бывшія до вступленія его въ комиссію, представлялись въ опочиваеомъ видѣ и ходатайствовалося о преобразованіи ¹⁾. До какой степени основательна записка, можно видѣть изъ того, что въ ней между прочими Сергѣй Сергѣевичъ (Кушниковъ) заботился открыть источники и способы приобрѣтенія песку; а какъ государь императоръ, при избраніи Воробьевыхъ горъ, имѣлъ въ виду, что кирпичная глина, песокъ и вода, какъ предметы, составляющіе для колоссальнаго зданія расходъ многихъ милліоновъ рублей, имѣются тутъ на мѣстѣ, такъ сказать, подъ руками,—то и не удивительно, что записка, заключавшая въ себѣ столь явную погрѣшность, не была уважена, кромѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, вѣроятно, изъ снисхожденія къ лицу, какъ напримѣръ, внесеніе въ засѣданіе комиссіи плана храма. Да и тутъ я долженъ былъ (повторить) г. министру духовныхъ дѣлъ извѣстную ему волю государя императора, дозволявшую мнѣ заниматься усовершенствованіемъ проекта этого до возможной степени, для славы Россіи, и именно до окончанія огромныхъ земляныхъ работъ, долженствовавшихъ продолжаться еще два года: вслѣдствіе чего министръ объявилъ мнѣ, что его величеству угодно, чтобы я непремѣнно продолжалъ трудъ мой надъ проектомъ, и внесеніе его въ засѣданіе комиссіи оставить до открытія въ ней предполагаемаго мною совѣта по искусственной части ²⁾. Засимъ, подъ вліяніемъ Кушникова, сдѣланъ

¹⁾ Содержаніе этой записки оставлено было для меня и дѣлъ комиссіи въ безгласности и потому оставалось безъ надлежащаго съ моей стороны поясненія до 1828 года, гдѣ при чтеніи экстракта уголовной палаты сдѣлалось (содержаніе записки Кушникова) мнѣ извѣстнымъ изъ прилож. совѣтн. Рунча. А. В.

²⁾ Въ объясненіяхъ, данныхъ Витбергомъ статсъ-секретарю Муравьеву въ маѣ 1828 года, Витбергъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: «Когда все, что до первыхъ работъ касается, было уже въ подлежащемъ ходу и между тѣмъ, какъ долженствовали продолжаться земляныя работы, я предполагалъ заняться детальными изображеніями самаго храма, приготовленіемъ потребныхъ чертежей и другими распоряженіями по искусственной части, которая, по предъидущимъ заботамъ и разнородности предметовъ, совершенно ей противоположныхъ, неминуемо должна была оставлена быть. Но развлеченный слишкомъ много вышеприведенными трудами и чувствуя необходимость въ нѣкоторомъ отъ нихъ отдыхѣ, чтобы, подкрѣпясь, такъ сказать, надлежащимъ духомъ, можно было обрабатывать предметъ, требующій соображеній необыкновенныхъ,—находилъ нужнымъ и полезнымъ сдѣлать годовой вояжъ въ чужіе края, который бы вмѣстѣ съ отдохновеніемъ доставилъ возможность видѣть превосходное достоинство зодчества и подать бы случай ознакомиться съ искусными по сей части людьми, воспользоваться ихъ совѣтами, приобрѣсть образованнаго потребнымъ науками каменныхъ дѣлъ мастера, о каковомъ, хотя и имѣлъ я тогда сношеніе съ Страсбургомъ, но требовались личныя объясненія и удостовѣренія, ибо истинно свѣдущіе по сей части люди не легко соглашаются на отъѣздъ,—

былъ доносъ отъ подчиненнаго моего, каменныхъ дѣлъ мастера 14-го класса Кошелевскаго, противъ самаго проекта храма, съ представленіемъ плана своего сочиненія для построенія на Воробьевыхъ горахъ церкви съ семью главами, съ тремя придѣлами, съ конною и пѣшею гауптвахтами, съ пустынькою, пирамидами, нѣсколькими корпусами и тому подобною галиматьею, оговариваясь, что если это покажется худо обдуманнѣмъ (въ чемъ никто и не усомнится), то можетъ онъ переимѣнить, можетъ прибавить или убавить, отчего ущерба никакого не будетъ, и что все сіе берется выстроить въ шесть лѣтъ ¹⁾).

Министръ, на вопросъ мой—должно-ли мнѣ убивать время на поясненія нехѣностей Кошелевскаго, и безъ того довольно очевидныхъ, отовзался: что, „по собраннымъ свидѣніямъ доноситель извѣстенъ за человѣка безпкойнаго, нигдѣ не уживавшагося, и потому считаетъ лучшимъ, при первомъ случаѣ, объяснить объ этомъ изустно его ве-

и, наконецъ, проежектъ храма предать безпристрастному сужденію и апробаціи иноземныхъ ученыхъ сословій просвѣщенной Европы; ибо, благоговѣя къ священнои особѣ монарха, я тшился, чтобы его величество утвердилъ проектъ, не подверженный никакому сомнѣнію въ исполненіи. Все сіе я имѣлъ счастье представить государю императору въ Москвѣ 28-го августа 1823 года....»

Государь одобрилъ это представленіе и приказалъ Витбергу для объясненія о вояжѣ и о распоряженіяхъ, на время его отсутствія, по сооружеію храма—явиться въ Петербургъ весной 1824 года. Но тутъ уже начались распри съ членами по комисіи.

¹⁾ После удаленія Витберга были подаваемы разные проекты. Одинъ изъ нихъ — поданный неизвѣстнѣмъ составителемъ въ маѣ 1836 г. императору Николаю — особенно курьезенъ: «Умудряющій слѣпцовъ внушилъ мнѣ, — пишетъ, между прочимъ, авторъ проекта: внушилъ мнѣ, не сущу архитектуру, мысль составить планъ храму совершенно въ новыхъ значеніяхъ, основанныхъ на сумволахъ видѣнія Св. Іоанна Богослова, въ Апокалипсисѣ изложенныхъ, который можетъ соответствовать цѣли созиданія и плѣнять рѣзкою, прекрасною формою своею каждаго посѣтителя...» Въ храмѣ, по предположенію неизвѣстнаго прожектера, должно было быть семь престоловъ; во внутренности храма назначаются только четыре столпа — знаменіе четырехъ силъ природы и четырехъ евангелистовъ; вмѣсто оконъ, храмъ освѣщается семью прорѣзами — эмблемы семи свѣтильниковъ предъ Господомъ; куполъ освѣщается 4 дугами изъ цвѣтныхъ стеколъ—эмблемы радуги. По стѣнѣ, вокругъ верхней части храма, назначаются 24 престола и на нихъ 24 старца съ златыми вѣднцами, съ арфами хваленія и фіалами возношенія Господу въ рукахъ; на храмѣ, вмѣсто обыкновенной главы — долженъ быть поставленъ агнецъ съ крестомъ и кингою, съ 7-ю печатями; на наружныхъ стѣнахъ храма изображаются разныя битвы съ французами; въ приличныхъ мѣстахъ поставятся, въ соразмѣрной величинѣ, бюсты императоровъ: Александра I, Николая I, Франца (австрійскаго) и короля прусскаго... При каждой колокольнѣ—«поставить по двѣ пушки изъ французскихъ, австрійскихъ и другихъ народовъ, дабы въ главные праздники и приличные торжественные дни можно было изъ нихъ палить», и т. д.

личеству и тогда только подать на бумагѣ, если послѣдуетъ высочайшая воля“.

Между тѣмъ, Кушниковъ, по запискѣ своей, въ началѣ 1824 г., исходатайствовалъ нѣкоторые новыя постановленія, изъ которыхъ два, объявленныя министромъ высочайшія повелѣнія измѣняли коренное учрежденіе комисіи, за собственноручнымъ высочайшимъ подписаніемъ изданное въ 6-й день октября 1820 года; и третье, непосредственное его, министра, предложеніе измѣняло высочайшее повелѣніе, объявленное комисіи отъ 18-го октября 1821 г.; почему, за точною силою общаго учрежденія министерствъ, части 2-й, главы 4-й § 259 и 260, по тѣмъ новымъ постановленіямъ и нельзя было чинить исполненія. Но Кушниковъ, вопреки сего закона и основаннаго на ономъ моего мнѣнія, склонилъ членовъ комисіи принять ихъ къ неотложному исполненію, и такимъ образомъ сдѣлалось невозможнымъ руководствоваться воплѣтъ ни тѣмъ, ни другимъ, не подвергаясь за исполненіе ответственности; и я, предвидя отъ этого неминуемую въ дѣлахъ запутанность, принужденъ былъ остановиться въ производствѣ предположеній моихъ, ограничиваясь только продолженіемъ начатыхъ, полагая въ Петербургѣ, на пріѣздъ куда имѣлъ высочайшее соизволеніе, испросить для дѣйствій моихъ необходимое наставленіе. Въ это самое время поступилъ въ комисію, на вакансію совѣтника по части текущихъ дѣлъ, коллежскій ассесоръ Дмитрій Масловъ, которому (какъ дозналъ я уже въ Петербургѣ 1825 года) тайно поручено было дѣйствовать въ поддержаніе записки Кушникова. Вскорѣ потомъ упразднилось министерство духовныхъ дѣлъ и комисія храма лишилась своего представителя въ лицѣ князя А. Н. Голицына, который хотя былъ замѣненъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ княземъ Мещерскимъ, но дѣла доходили до высочайшаго разсмотрѣнія чрезъ графа Аракчеева, что, однако, не было официально. Такимъ образомъ я поставленъ былъ въ самое затруднительное положеніе: графъ хотѣлъ мощною своею силою заставить меня склониться на его сторону, а я считалъ несообразнымъ долгу и чести входить въ сношенія съ нимъ, не имѣя на то прямыхъ повелѣній.

При такомъ-то направленіи дѣлъ, желалъ воспользоваться смутностью обстоятельствъ подчиненный мой, чиновникъ особыхъ порученій, надворный совѣтникъ Никаноръ Балкашинъ. Казавшись сначала распорядительнымъ исполнителемъ приказаній для пользы коронной службы, вскорѣ началъ выказывать своекорыстныя цѣли пріятіемъ на себя подрядовъ подъ чужими именами.

Находя въ экономической части, завѣдываемой мною, сильное прпятствіе своимъ видамъ и сблизившись съ Масловымъ, посредствомъ

котораго до того увлекъ въ свою пользу первенствующихъ членовъ, что тайно предпринято было уничтоженіе экономической части, для управленія которою составлено было новое положеніе, гдѣ заготовленіе матеріаловъ комиссія предоставляла уже непосредственному своему распоряженію, и, не выжидая высочайшаго утвержденія, котораго и не послѣдовало, самовластно пустила оное въ ходъ и успѣшно послала во всѣ сельскія конторы управляющихъ чиновниковъ, принятыхъ на службу безъ жалованья, съ обѣщаніемъ будущихъ благъ. Полагая, что первенствующіе члены по чему-нибудь сомнѣваются въ чистотѣ моихъ дѣйствій по управленію надъ крестьянами комиссія, я считалъ неумѣстнымъ противиться временной мѣрѣ, черезъ которую могли-бы они дознать истину и убѣдиться въ ошибочности своего мнѣнія. Впрочемъ, журналъ о самовластной командировкѣ не былъ мною подписанъ. Какія же, между прочимъ, были виды Маслова въ этомъ отношеніи, о томъ яснѣе покажетъ дѣло о порученіи возмутить до трехъ тысячъ крестьянъ на Воробьевыхъ горахъ; а до чего простирается потворство въ пользу домогательствъ Балкашина, и какъ великъ вредъ, отъ того происшедшій — это обнаружится нижеслѣдующими дѣлами:

1-е. Лѣтомъ 1824 года, во время бытности моей въ С.-Петербургѣ, казенныя барки съ камнемъ, успѣшно, по полою водѣ, сдѣлавшія четыре сплава въ одно лѣто, безъ всякой причины отняты отъ завѣдывавшаго ими чиновника Глотова (бывшаго прежде въ морской службѣ) и переданы въ вѣденіе Балкашина, и данныя мною Гловову строгія правила о приѣмѣ камня, сплавѣ и храненіи барокъ — устранены и составлены для Балкашина другія, не только слабыя, но и съ предоставленіемъ этого дѣла его произвольному устройству. Послѣдствія доказали, что Балкашинъ, домогаясь перевозку камня взять себѣ на подрядъ и для того затруднить и показать невыгодными хозяйственныя казенныя распоряженія, — произвелъ то, что на другое лѣто барки ни разу не были сплавлены, а далѣе преданы злонамѣренному разрушенію, стоившія казнѣ до трехъ сотъ тысячъ рублей.

2-е. Въ тоже время моего отсутствія, комиссія безъ надобности и безъ мнѣнія директора строенія, единственно по прошенію каменоломного подрядчика (которымъ, какъ оказалось, былъ Балкашинъ), распорядилась складывать на каменоломнѣ известковыя печи, и это поручила также Балкашину, — чѣмъ онъ и получилъ возможность затмить учетъ камня. Известь сія показана въ послѣдствіи по 67 руб. за бочку, тогда какъ она должна была стоять не дороже 3 р. 60 к., и представленіе мое о истребованіи по сему предмету отчетности остав-

лено безъ вниманія и уже генералъ-адъютантъ Стрекаловъ изслѣдованіемъ своимъ понудилъ исполнить оное.

3-е. Въ тоже время, Балкашинъ ходатайствовалъ передъ комиссіею о постройкѣ при деревнѣ Григоровой разныхъ заведеній для казенно-рабочихъ по сплаву барожъ, на сумму 47 т. р., назначивъ для оныхъ мѣсто въ смежности съ своими каменоломными заведеніями, изъ чего ясно было, особливо имѣя въ виду жалобы казеннорабочихъ, что такое предположеніе Балкашина имѣло цѣлью соединить подрадное хозяйство съ казеннымъ для извлеченія изъ того своихъ выгодъ. А когда я отзывался въ общемъ засѣданіи, что Балкашинъ своими видами вовлечетъ комиссію въ отвѣтственность, тогда—можно-ли повѣрить—о неисполненіи мною означенныхъ предположеній Балкашина доведено было до высочайшаго свѣдѣнія!

4-е. Около того же времени моего отсутствія, отправлены были къ Балкашину, въ деревню Григорову, находившіяся на Воробьевыхъ горахъ для земляныхъ работъ лошади (которыя, какъ ниже показано будетъ, въ подрядѣ были отъ него же); но показанное Балкашинимъ употребленіе лошадей для подвозки, будто, камня къ известковымъ печамъ и вытаскиванія барожъ на берегъ—совсѣмъ не нужно было, ибо печи складывались на мѣстѣ, гдѣ камень находился у рабочихъ подъ руками, а баржи могли быть введены по осенней прибылой водѣ и, по сбытіи оной, остаться на берегу сами собою.

5-е. Для земляныхъ работъ 1824 года, 150 лошадей съ телегами общимъ засѣданіемъ положено было нанять съ торговъ, и 25 лошадей завести казенныхъ, для соображенія о выгодѣ того и другаго способа. Вслѣдствіе чего оказалось, что потребныя для 1825 года 300 лошадей, по экономическому распоряженію, будутъ стоить 115,685 р., а по подряднымъ цѣнамъ минушаго года стоили бы 207,000 руб., слѣдовательно, пользы для казны 91,315 руб. Но Масловъ сидѣлся опровергнуть экономическій расчетъ, для подряда въ пользу Балкашина, который уже запасалъ потребное число телегъ и коего слѣдующій смѣлый отзывъ экзекутору мнѣ уже былъ извѣстенъ: „Прошлаго года ты жаловался директору на неисправность лошадей; я и нынѣшній годъ подряжаюсь; ты и комиссаръ мнѣ нужны: мы будемъ для виду ссориться, а между тѣмъ дѣлать свое дѣло. Теперь я надѣюсь повернуть дѣла свои уже не тамъ. Директоръ хочетъ распорядиться экономически, намѣреніе, вѣроятно, доброе, но согласись: гдѣ пятьдесятъ зажигають, одному тушить трудно“. Такія слова открываютъ уже многое.

При производствѣ торговъ Балкашинъ старался, хоть безъ дальнихъ барышей, удержать за собою подрядъ; но экономическій ра-

счетъ всетаки оставался выгодище и потому общимъ засѣданіемъ опредѣлено было исполнить. Но послѣ комиссія, въ отрицну собственнаго своего опредѣленія (въ совершенную противность законовъ), вытребовала лошадей отъ подвѣдомственныхъ ей крестьянъ (противно учрежденію ея), которыхъ принималъ Масловъ не видно по какому праву. Послѣдствіемъ этого было, что лошади пришли поздно и, сверхъ того, малосильныя и тощія, которыхъ надо было откармливать на счетъ казны долгое время; работали же онѣ, вмѣсто шести, только три мѣсяца. Вредъ этого распоряженія, кажется, довольно ясенъ.

6-е. Теперь слѣдуетъ дѣло, столь важное своими послѣдствіями, что до невѣроятія будетъ изумлять каждаго благомыслящаго человѣка. Когда, весной 1825 года, 105 казенныхъ барокъ, нагруженныхъ камнемъ, на верховья Москвы рѣки, для сплава своего, ожидали спуска воды, обѣщаннаго инженеръ-маіоромъ Сомовымъ, изъ Полецкаго и Тростенскаго озеръ,—тогда совѣтники Руничъ и Масловъ представляли общему засѣданію объ отдачѣ перевозки камня на подрядъ. Первенствующіе члены согласились съ мнѣніемъ, что подрядъ не прежде можно допустить, какъ по окончаніи г. Сомовымъ гидравлическихъ работъ, когда отъ періодическаго въ продолженіе лѣта сплава можно будетъ опредѣлить, во что обойдется доставка камня; ибо за немнѣніемъ въ новомъ дѣлѣ справочныхъ цѣнъ, которыми велѣно руководствоваться, легко можно сдѣлать важную передачу въ ущербъ казнѣ. Впрочемъ, полагалось безполезнымъ сдѣлать вызовъ для узнанія только цѣнъ, въ руководство къ будущему времени. Въ другое засѣданіе совѣтники представляли, что, по произведеннымъ ими торгамъ на доставленіе камня, послѣдняя цѣна осталась за повѣреннымъ Федоровымъ ¹⁾, по 44 руб. съ кубической сажени, и, называя эту цѣну дешевою, ходатайствовали объ утвержденіи, въ совершенную противность впрошедшаго опредѣленія. Первенствующіе члены согласились утвердить, но я, удержавъ руку совѣтника, поспѣшно хотѣвшаго уже свѣрнуть журналъ, замѣтилъ, что цѣна высока и, сколько на первый случай сообразить могу, во крайней мѣрѣ на сто тысячъ рублей можно надѣяться понизить подрядную сумму, если вновь опубликовать, хотя и самыя кондичіи подлежали бы исправленію. Вслѣдствіе этого замѣчанія, опредѣлено было сдѣлать вновь торги. Совѣтники же, чтобы отклонить новыхъ торговцевъ, употребили хитрость: въ субботнихъ вѣдомостяхъ вызывали на торгъ въ понедѣльникъ. Оставляя то, что въ эти два дни закрыты присутственныя мѣста,

¹⁾ Федоровъ былъ повѣреннымъ Балкашина по каменоломному подряду.

гдѣ совершаются законные акты по залогамъ и выдаются свидѣтельства на право торговли, безъ чего нельзя явиться на торги,—но нельзя также въ двое сутокъ ознакомиться съ новымъ дѣломъ, коего операціонная линія растянута слишкомъ на сто верстъ. И дѣйствительно: наканунѣ торга инспекторскій помощникъ надворный совѣтникъ Милюковъ донесъ мнѣ, что московскій купецъ Завьяловъ согласился бы за перевозку камня взять по 34 руб. за сажень (что въ подрядной суммѣ составляло уже 300 т. р. пониженія), а въ случаѣ упорнаго торга и еще ниже,—но что, за краткостью времени для заготовленія залоговъ, не можетъ явиться на торги. Тогда поручилъ я чиновнику Милюкову доставить Завьялову 10 т. р. (казенной суммы, выданной мнѣ въ томъ прошедшемъ засѣданіи на предметъ построенія судовъ), съ тѣмъ, чтобы Завьяловъ, предъявивъ оныя залогомъ, вошелъ непремѣнно въ торги. Еще витебскій мѣщанинъ, котораго имени не помню, спрашивавшій: можетъ ли, по мѣрѣ своего капитала, принять часть подряда, былъ также мною посланъ на торги; и кромѣ его съ сыномъ и Завьялова—никого не оказалось. Да и тутъ истощены были всевозможныя притѣсненія, чтобы и мнѣ помѣшать торговаться съ Федоровымъ, но агентъ казенныхъ дѣлъ, надворный совѣтникъ Сиверсъ, благородно поддерживалъ всю законную справедливость моихъ замѣчаній на новомъ торгу, и—Федоровъ отъ прежней своей цѣны 44 руб. понижился до 33 р. 90 к., а Завьяловъ объявилъ 33 р. 50 к. При этомъ совѣтникъ Масловъ совершенно вышелъ изъ предѣловъ благопристойности въ оскорбленіи Завьялова (о чемъ подробно изъяснено въ запискѣ, о которой сказано будетъ ниже), и я, чтобы скорѣе прекратить неприличные въ присутственномъ мѣстѣ поступки, объявилъ цѣны все еще высокими, положивъ на присутственный столъ бумагу, въ которой экономическая цѣна опредѣлялась въ 31 р. По назначенному въ кондиціяхъ сроку пяти лѣтъ, количество доставляемаго ста барками камня простиралось до 30,000 сажень, что, по первой цѣмѣ Федорова, представленной совѣтниками на утверженіе, составляло 1.320,000 руб.; по цѣнамъ того же Федорова на второмъ торгу—1.017,000 р. и такъ передача, согласованная совѣтниками,—803,000 р., цѣною Завьялова 1.005,000 руб. и того разницы по первой цѣмѣ Федорова: 315,000 руб., раздѣлкою же, опредѣленною мною по экономическимъ соображеніямъ,—930,000 руб. Итого разницы противъ первой цѣны Федорова — 390,000 руб.

Послѣ всего этого, совѣтники натурально должны были опасаться, что въ первомъ общемъ засѣданіи мною обличены будутъ въ умышленной передачѣ 300,000 руб. въ ущербъ казны, и потому рѣшились беззаконно утаить отъ меня назначеніе этого засѣданія; но явись въ

него по праву моему, я нашелъ ихъ до того озлобленными мщеніемъ, что, не гнушаясь ни ябедъ, ни клеветы, они ложнымъ докладомъ вооружали противъ меня первенствующихъ членовъ, которые, забывъ, что артистъ, одушевленный высокимъ — и еще религіознымъ — предметомъ своимъ, не можетъ унизиться въ угодность тѣхъ людей, у коихъ нѣтъ ничего святаго для достиженія корыстныхъ расчетовъ ихъ матеріальной потребности, забывъ, что въ распрѣ столь противуположныхъ побужденій, по крайней мѣрѣ по теоріи вѣроятности, предполагать надо, что правда на сторонѣ перваго, — увлекались въ пользу неправой стороны, такъ что мнѣ ничего болѣе тутъ не оставалось, какъ открыто объявить имъ (можетъ быть, и преждевременно) о незаконныхъ дѣйствіяхъ Балкашина, угрожающаго своими подрядными видами свергнуть въ отвѣтственность всю комиссію по вреднымъ связямъ его съ совѣтниками, которые употребляютъ во зло довѣренность первенствующихъ членовъ, вовлекая ихъ чрезъ фальшивые доклады подписывать неосновательныя опредѣленія, и что я, имѣя высочайшее соизволеніе на приѣздъ въ Петербургъ, обязаннымъ себя считаю отправиться немедленно и обо всемъ этомъ довести до свѣдѣнія государя императора. Въ заключеніе же всего представлялъ я первенствующимъ членамъ въ предостереженіе, что не лучше-ли будетъ между тѣмъ приостановиться дѣйствіями комисіи, впредь до высочайшаго разрѣшенія о должномъ направленіи дѣлъ. На это князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ съ благороднымъ жаромъ сказалъ: „что ежели дѣйствительно это все такъ, какъ говоритъ г. директоръ, то, конечно, лучше приостановиться до времени, чѣмъ отвѣчать намъ послѣ за чьи-нибудь дурныя дѣла“. (Къ сожалѣнію, князь не устоялъ въ этой благонамѣренной настоятельности, ибо во время моего отсутствія онъ съ прочими членами подписывалъ все, что ни представляли совѣтники, и въ томъ числѣ выдачу Балкашину 115 т. руб. за противозаконно въ чужомъ владѣніи выломанный камень и высвобожденіе залоговъ его по каменоломному подряду, какъ то видно будетъ изъ дальнѣйшихъ фактовъ.

Затѣмъ, отбѣжавъ въ Петербургъ, я всеподданнѣйше поднесъ государю императору письмо, въ которомъ объяснялъ: что различные виды людей и вредныя вліянія на дѣла комисіи храма, похищая время и здоровье, отдаляли высочайше соизволенный приѣздъ мой; и не въ силахъ больше противоборствовать я, и теперь вынужденъ былъ прибыть экстренно для испрошенія высочайшаго повелѣнія на приостановленіе совершаемаго комиссіею подряда, заключающаго въ себѣ умышленную передачу болѣе 300 т. руб., доказанную мною на вторично сдѣланномъ торгу. Его величеству благоугодно было имѣть отъ меня

записку, объясняющую дѣло, и потомъ назначить вечеръ передъ отъѣздомъ своимъ въ Таганрогъ, 5-го сентября, для личнаго объясненія; но задержанный иѣкоторыми прощальными свиданіями, изволилъ повелѣть мнѣ объяснить все дѣло графу Аракчееву, къ которому по этому-жъ предмету поступили и бумаги отъ комисіи, старавшейся представить присутствіе мое въ Москвѣ какъ-бы необходимымъ.

Графъ достигъ своей цѣли: высочайшимъ рескриптомъ на его имя, того-жъ числа послѣдовавшимъ, повелѣно мнѣ остаться въ Петербургѣ и обще съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода княземъ Мецкерскимъ заняться пересмотромъ тѣхъ правилъ, коими комисія храма руководствуется, и по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, до управленія ея относящихся, и тѣхъ усовершенствованій въ распоряжкахъ, которыя время могло открыть, составить общія правила и представить оныя на высочайшее благоусмотрѣніе.

По дѣлу же о перевозѣ камня и изложеннымъ въ докладѣ оберъ-прокурора предметамъ—получить ему отъ меня полное объясненіе и оное, съ полученными отъ комисіи бумагами, представить въ комитетъ министровъ на разсмотрѣніе.

Изъ давно желаннаго графомъ свиданія моего съ нимъ, гдѣ былъ и князь Мецкерскій, я могъ замѣтить, что Аракчеевъ очень хорошо знаетъ дѣла комисіи и правильность моихъ дѣйствій, ибо мѣры, которыя въ угожденіе ему принималъ противъ меня Кушниковъ, теперь онъ же оуждалъ, называя ихъ опрометчивыми; относительно-жъ понесенныхъ мною несправедливостей, сказалъ: „ну, ужъ что же дѣлать, за то вѣрно государь императоръ наградитъ васъ“. Такимъ образомъ графъ, завязавшій интригу, хотѣлъ ее и развязать наилучшимъ образомъ въ пользу великаго памятника Россіи. Но обстоятельства и послѣдствія оказались совсѣмъ другія: онъ вскорѣ сдѣлался боленъ, остался отстраненнымъ отъ дѣлъ; а черезъ два мѣсяца Россія оплакивала кончину императора Александра. Воцарившемуся государю не могли еще быть извѣстны дѣла комисіи,—и я остался одинъ противъ нѣсколькихъ лицъ съ сильными связями и неутомимою дѣятельностью для достиженія своей цѣли, т. е. на гибель мою.

На этомъ мѣстѣ оканчивается записка Витберга, могущая служить дополненіемъ его мемуаровъ. Мы могли бы изложить весь ходъ дальнѣйшей его тяжбы съ противниками, но это увлекло бы въ хаосъ дразгъ, привязокъ и прицѣпокъ къ знаменитому художнику со стороны его сочленовъ по комисіи; пришлось бы вѣдаться въ изложеніе разныхъ строительно-хозяйственныхъ подробностей, едва ли для кого

нибудь интересныхъ. Поэтому напомнимъ лишь главнѣйшіе фазисы его борьбы, кончившейся полнымъ его поражениемъ.

Дѣло Витберга съ комиссіей уже въ 1825 г. восходило до комитета министровъ. Александръ Лаврентьевичъ, отбиваясь отъ нападеній, былъ въ Петербургѣ (съ іюля 1825 г.), когда комиссія вошла къ императору Николаю съ докладомъ, въ которомъ повторяла прежнія обвиненія противъ строителя храма¹⁾. Государь поручилъ статсъ-секретарю Николаю Назаровичу Муравьеву отобрать отъ Витберга объясненія.

6-го мая 1826 г. Муравьевъ пригласилъ Александра Лаврентьевича для подачи объясненій, а 13-го мая имъ уже была представлена цѣлая тетрадь (38 стр. въ листъ), подъ заглавіемъ: „Краткое обзореніе теченія дѣлъ по сооруженію храма и объясненія на всеподданнѣйше поднесенный отъ комисіи по сему предмету докладъ“.

„Сооружаемаго въ Москвѣ храма директоръ и экономическій членъ коллежскій совѣтникъ Витбергъ“ съ полною обстоятельностью отразилъ всѣ обвиненія комисіи, при чемъ изложилъ сущность той экономической системы построенія, которую онъ руководствовался и то зло и тѣ убытки для казны, какіе происходили отъ „подрядной системы“, которой упорно держались его сочлены по комисіи.

Переписка и взаимныя объясненія шли,—между тѣмъ 16-го апрѣля 1827 г. состоялось высочайшее повелѣніе: „комиссію о сооруженіи въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя закрыть, а дѣла ея, чиновниковъ, строенія, заготовленные матеріалы и все казенное, вѣдомства ея, имущество,—передать въ вѣденіе московскаго военнаго генералъ-губернатора и дѣйств. тайнаго совѣтника кн. Юсупова“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Между прочимъ, въ этомъ докладѣ,—если вѣрнѣе ему,—есть нѣсколько любопытныхъ цифръ, выражающихъ стоимость затратъ, сдѣланныхъ на работы по постройкѣ храма. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ отъ государственнаго казначейства поступило — 2.053,000 руб.; съ купленныхъ вѣннѣй собрано 968,800 руб. И такъ, 3.021,800 руб. Изъ этихъ суммъ: куплено лѣсу и досокъ—на 1.000.000 руб., желѣза—206,063 руб.; на разныя постройки на Воробьевыхъ горахъ издержано 351,986 руб.; на устройство сплава и взводку барокъ до 300,000 руб. Главнѣйшіе пункты обвиненія состояли въ томъ, что Витбергъ по нѣкоторымъ изъ построекъ не представилъ отчетовъ; въ теченіи двухъ лѣтъ не представлялъ комисіи плана и смѣтъ на расходы по сооруженію храма; обвинялся въ значительности запаса остающагося безъ употребленія лѣснаго матеріала; въ разныхъ ошибкахъ по устройству судоходства въ верхней части Москвы рѣки и сооруженію барокъ; также по дѣлу о подрядѣ доставки камня и проч.

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕЦАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА

1789 — 1848.

XVI ¹⁾.

Ревизія по артиллерійскому департаменту. — Заказы орудій для крѣпостей Царства Польскаго. — Столкновение съ начальствомъ. — Письмо къ в. в. Михаилу Павловичу.

1824—1826.

Когда Гогель изъявилъ свое намѣреніе испросить мнѣ окладъ жалованья, то на другой день явился ко мнѣ, въ отдѣленіе, Горева и, заведя сперва разговоръ о совмѣстныхъ дѣлахъ, обратился потомъ въ просьбѣ—смягчить мое вниманіе по дѣламъ Швензона, который уже такъ запутался, что никакихъ средствъ не видитъ какъ выйти въ отставку, и что, будто бы, въ этомъ всѣ меня одного обвиняютъ. Окончилъ тѣмъ, что если я не хочу и не буду ладить съ другими, то, несмотря на то, что Гогель «наружно» будетъ дѣйствовать въ мою сторону, я рѣшительно никогда и ни въ чемъ не успѣю. Такая откровенность заставила меня невольно улыбнуться, а на третій день я уже удостовѣрился въ справедливости словъ Горева. Министръ мнѣ отказалъ не только въ жалованьѣ, но даже не изъявилъ своего согласія на мое утвержденіе въ должности начальника отдѣленія.

Между тѣмъ, полковникъ Жуковскій уже восьмой мѣсяцъ продолжалъ свою ревизію по департаменту и, сидя въ одной комнатѣ со мной, часто обращался ко мнѣ съ вопросами о моихъ критическихъ разборахъ на его замѣчанія; во многомъ соглашался со

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648.

мною, повторяя, что во многомъ отдаеть мнѣ справедливость, ибо онъ дѣло свое дѣлаеть какъ судья, а я поступаю какъ благородный адвокатъ департамента, и часто, къ его (Жуковскаго) невыгодѣ, весьма краснорѣчиво и дѣльно.

Въ сихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ дѣйствуя съ чистой совѣстью и благонамѣренностью, въ текущихъ дѣлахъ я соблюдалъ строгость и справедливость. О прошедшемъ заботясь со всевозможною снисходительностью, стараясь всячески прикрыть зло, нежели вполнѣ выставить его наружу, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ дѣламъ, зашедшимъ уже далеко, не могъ не согласиться съ мнѣніемъ и замѣчаніями Жуковскаго. Кромѣ дѣлъ Швензона, важнѣе прочихъ обратили (на себя) вниманіе дѣла Девеля по заготовкѣ лѣса для лафетовъ и чугунныхъ колесъ подъ нихъ же. Въ первомъ дѣлѣ Девель, испрося дозволеніе на вырубку казенныхъ дачъ около Бобруйска, рубилъ и опустошалъ ихъ по произволу, рабочими крѣпостнаго штата, выдавая, или, справедливѣе сказать, выводя на нихъ заработную плату, но въ сихъ порубкахъ ни одно бревно не пошло въ дѣло, и весь лѣсъ оказался негоднымъ, а приказано потомъ ему же: необходимый лѣсной матеріалъ заготовить «хозяйственнымъ способомъ». Во второмъ дѣлѣ, еще въ началѣ постройки Бобруйской крѣпости, изъ видовъ предусмотрительности, въ 1809 или въ 1810 году, состоялось высочайше утвержденное положеніе — подъ орудія не имѣть чугунныхъ колесъ, видимо съ цѣлью, въ случаѣ оставленія крѣпости, изрубивъ деревянные колеса, хотя временно уничтожить дѣйствіе крѣпостныхъ орудій. Вслѣдствіе забывчивости или умысла, въ 1820-хъ годахъ, по вошедшему представленію отъ Девеля, департаментъ разрѣшилъ подъ орудія имѣть чугунныя колеса, для чего велѣлъ отлить оныя на Луганскомъ заводѣ, издержавъ на это около 80 тыс. руб., а доставка ихъ въ Бобруйскъ обошлась въ 120 т. р. Девель нашелъ всѣ колеса негодными, представилъ на образецъ два или три разбитыхъ и въ нихъ оказался не оправленный металлъ въ туляхъ и въ кускахъ, и все сіе дѣло, какъ ничтожное, оставлено, безъ ходу, по департаменту, и вся переписка по нему прекратилась. По замѣчаніямъ Жуковскаго, подать я о сихъ дѣлахъ докладныя записки, болѣе двухъ мѣсяцевъ лежавшія безъ движенія, выжидая, что разсудитъ присутствіе. Секретарь принесъ мнѣ записки обратно, сказавъ: «Иванъ Гри-

горьавичъ (Гогель) приказалъ ихъ отдать вамъ». Я рѣшился спросить Гогеля, что ему угодно приказать по запискамъ? «Ничего!» отвѣчалъ онъ хладнокровно, «я дѣло это знаю и вы не хлопчите объ нихъ!» Въ послѣдствіи открылось, чтобы оправдать себя, а вину сложить на меня, при вторичной ревизіи, произведенной Жуковскимъ, Гогель далъ отзывъ, что «моихъ записокъ онъ вовсе не видалъ или, по крайней мѣрѣ, не читалъ, а что переписка по этимъ дѣламъ не только не прекращалась, но, напротивъ, весьма дѣятельно производилась и по сіе время идетъ по его канцеляріи».

Изъ этого краткаго разсказа, можно судить каково было мое положеніе. Съ 8-ми часовъ утра до 4-хъ по полудни въ департаментѣ; съ 6-ти ч. до 11-ти ч. вечера разбиралъ я старыя дѣла и замѣтки Жуковскаго; съ 4-хъ час. до 8-ми час. утра отписывался по текущимъ дѣламъ, и такъ постоянно, въ будни и праздники, — я не столько упалъ духомъ, какъ ослабѣлъ физическими силами. Въ награду за труды, вмѣсто 2,500 р., я получилъ окладъ только въ 900 р. Тогда я рѣшился во чтобы ни стало бѣжать изъ этого ада и съ этою цѣлью подалъ рапортъ, прося, по слабости здоровья и по семейнымъ обстоятельствамъ, перевода себѣ въ Московское артиллерійское депо. Сегодня я подалъ, а завтра записка была въ докладѣ у великаго князя. Когда что нужно, какъ скоро (у насъ) дѣлаются дѣла!

Сверхъ всякаго ожиданія, на другой день я получилъ письменный запросъ отъ Перрена, что его высочеству угодно знать, что дѣйствительно вынуждаетъ меня оставлять департаментъ, гдѣ бы ему очень желательно было удержать меня. Чтобы показать вполне враждующимъ противъ меня разницу въ моихъ и ихъ дѣйствіяхъ, я отвѣчалъ только, что при настоящемъ жалованьи невозможно жить въ столицѣ, и (вотъ) чрезъ два дня военный министръ, по представленію великаго князя, примѣняя ко мнѣ тѣ же самыя правила, по которымъ прежде отказалъ, разрѣшилъ мнѣ дать настоящій окладъ и даже удовлетворить за прежнее время, а Гогель былъ такъ милостивъ и внимателенъ, что, призвавъ казначея, велѣлъ ему лично, сейчасъ же отвезти деньги и книгу ко мнѣ на домъ, ибо я, отозвавшись нездоровымъ, для подачи рапорта, пересталъ ходить въ департаментъ. Когда я, изъ приличія, явился къ Гогелю благодарить его, онъ сказалъ мнѣ:

— «Вы видите, что не я одинъ отдаю вамъ должную справедливость; я уже вторично представилъ васъ объ утверженіи вашемъ въ настоящей должности».

Горевъ, въ тотъ же самый день, пришелъ ко мнѣ въ отдѣленіе и, поздравя меня съ «неожиданною милостью», улыбаясь сказалъ: «ей, ладыте съ нами, увидите, что все пойдетъ хорошо, а нѣтъ — такъ и не хлопчите объ утверженіи: не выйдетъ!» Пророчество Горева не совсѣмъ въ точности исполнилось: утверженіе мнѣ вышло, но только на другой день послѣ моего увольненія изъ департамента, ровно чрезъ 10 мѣсяцевъ послѣ выдачи мнѣ овлда жалованья.

Теперь для меня пошли еще труднѣе занятія. Всѣ докладныя записки мои, особенно по тѣмъ дѣламъ, о которыхъ великій князь дѣлалъ замѣчанія въ меморіяхъ, въ присутствіи почти всѣ задерживались по мѣсяцу и болѣе, затѣмъ возвращались ко мнѣ для исправленія и передѣлокъ и для сего всегда былъ назначаемъ Воронинъ, который, руководствуясь форменностью, ласково и тихо доказывалъ мнѣ мою виновность въ ошибкахъ и недоразумѣніяхъ. Великій князь началъ уже давать предложенія департаменту, указывая на свои повторенія объ одномъ и томъ же дѣлѣ, и хотя я видѣлъ, что его высочество догадывается, что меня хотятъ подвести подъ его гнѣвъ, но желаетъ и въ этомъ случаѣ показать мнѣ свое милостивое снисхожденіе, а раза два или три намекалъ уже, чтобы ему донести, кто виноватъ въ замедленіяхъ? Отвѣты на подобные вопросы писалъ я, и одинъ разъ, выйдя изъ терпѣнія, заготовлялъ къ подписи донесеніе, что виноватъ — начальникъ отдѣленія, т. е. я, но «великодушный» Гогель не рѣшался подписать этого, а своею рукою исправя, давалъ таковой же уклончивый отвѣтъ, какъ и по всѣмъ прочимъ.

Въ 1821 году правительство предположило вооружать въ Царствѣ Польскомъ крѣпости Замостье и Ченстоховъ и потребовало отъ артиллерійскаго департамента соображеній: откуда, какими средствами доставить въ обѣ крѣпости орудія и снаряды и во что, приблизительно, могутъ обойтись таковыя? Дѣло сіе, особенной важности, какъ видно изъ переписки, было два раза въ докладѣ у государя, чрезъ начальника штаба Дибича. Департаментъ представилъ, что онъ не находитъ другихъ средствъ какъ взять что нужно изъ Кіева и Риги, ибо нигдѣ нѣтъ въ запасѣ орудій

тѣхъ калибровъ, которые требуются, а если, при этомъ, необходимо сохранить Кіевскую и Рижскую крѣпости въ оборонительномъ положеніи, то уже необходимо будетъ отливать новыя орудія на Луганскомъ заводѣ и въ Петроваводскѣ. На перевозку же этихъ орудій въ Польшу, въ самое удобное время, нельзя ожидать цѣны менѣе 6 р. 50 к. съ нуда, а, можетъ быть, потребуются и болѣе.

Чтобы избѣгнуть сухопутной перевозки, зашла переписка между начальникомъ главнаго штаба Дибичемъ и морскимъ министромъ Моллеромъ—какъ удобнѣе перевести орудія водою? Моллеръ отзывался, что военныя суда въ тому не могутъ быть употреблены, да едва ли можно будетъ принести къ тому средства и на частныхъ вѣнеческихъ судахъ. Нѣсколько разъ приглашаемъ былъ, для совѣщаній по саму предмету, биржевой гофъ-маклеръ и, по его соображеніямъ, положили, что доставка водою невозможна. По раскладѣ, перевозка должна была приблизительно обойтись слишкомъ 400 тысячъ рублей и даже назначены были къ тому, изъ суммъ Царства Польскаго, 250 тысячъ, но весь этотъ проектъ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, былъ приостановленъ и дѣло сіе, какъ не влекущее за собой существенныхъ расходовъ, при ревизіи не подпало никакимъ замѣткамъ и для меня было вовсе неизвѣстно. Внезапно военный министръ потребовалъ, въ ноябрѣ 1825 года, обстоятельную изъ него выписку—когда велась переписка и на чемъ остановилось все дѣло? Выписка эта съ фельдъегеремъ отправлена была въ Тагаарогъ, гдѣ тогда находился государь Александръ Павловичъ, и, около 15-го того-же мѣсяца, департаментъ получилъ чрезъ военнаго министра высочайшее повелѣніе немедленно распорядиться къ проектированной перевозкѣ, не упуская удобнаго зимняго времени.—Дѣло пло съ такой быстротой и настоятельностью, что для производства торговъ въ Кіевѣ и въ Ригѣ, совокужно съ торгами, имѣющими быть въ департаментѣ, посланы были туда эстафеты. Однимъ словомъ, съ перваго приступа къ сему дѣлу, я не имѣлъ возможности не только опомниться, но даже оглянуться. Сдѣлавъ всѣ скоростѣйшія распоряженія и выполнивъ высочайшую волю, я призадумался: какимъ образомъ состоялся отказъ въ возможности доставить орудія водою?

Изъ историческихъ фактовъ старыхъ временъ звалъ я, что, по

крайней мѣрѣ, до Плоцка отъ Данцига ходили плоскія суда и что и теперь они продолжаютъ ходить также благополучно какъ и прежде. Если одна перевозка изъ Кіева и Риги до упомянутыхъ крѣпостей обойдется до полъ милліона рублей, то во что станетъ, если надобность востребуеть, отливка новыхъ орудій и снарядовъ, съ пересылкой ихъ до послѣднихъ мѣстъ? Предъ самымъ симъ временемъ, случайно былъ я въ арсеналѣ и увидѣлъ множество чугунныхъ орудій, лежащихъ на стелажахъ, которыхъ я считалъ всѣхъ негодными въ употребленію, соболѣвнуя сколь много государство несетъ напрасныхъ убытковъ, отливая орудія безъ нужды и потомъ оставляя ихъ безъ употребленія, пока ржавъ и соръ, такъ сказать, ихъ не уничтожатъ. Такихъ орудій, правда, малаго калибра, я насчиталъ до трехъ тысячъ штукъ. Заинтересовавшись узнать, что это за орудія, когда и для чего заготовлены, я, придя въ департаментъ, перебралъ всѣ вѣдомости о количествѣ крѣпостныхъ орудій, т. е. о тѣхъ, кои считались и вѣдались по I-му отдѣленію, но, прорывшись въ нихъ болѣе двухъ сутокъ, ничего не нашель. Обратился къ правителю дѣлъ канцеляріи—и тамъ ничего; наконецъ, рѣшился заглянуть въ живой архивъ, т. е. обратиться къ Воронину (что, впрочемъ, избѣгалъ, по возможности, дѣлать, зная его хитрость), и онъ навель меня на мысль разобратъся съ третьимъ отдѣленіемъ, временнымъ — Горева. Тамъ нашлось особое дѣло, которое заключалось въ слѣдующемъ: еще въ шведскую кампанію, для снабженія и устройства пограничныхъ крѣпостей и укрѣпленій, отлито было болѣе трехъ тысячъ орудій въ Петроваводскѣ; оттуда доставлены въ Петербургъ водою и какъ благополучное окончаніе шведской войны, расширивъ предѣлы Россіи, не только устранило потребность новаго вооруженія и устройства крѣпостей, но даже дало возможность оставить вовсе безъ обороны многія прежнія крѣпости и укрѣпленія, откуда въ 1812 году были вывезены орудія въ Кронштадтъ, Ревель и Ригу,—поэтому всѣ заготовленные вновь орудія остались въ арсеналѣ на стелажахъ; они-то обратили на себя мое вниманіе, а по вѣдомостямъ рѣшительно нигдѣ не показывались отъ начала учрежденія департамента—по обыкновенному уже тамъ порядку, т. е. по упущенію, съ оговоркой, что первое и третье отдѣленія знать ихъ не хотять: первое потому, что они лежатъ въ арсеналѣ, а третье—потому, что они заготовлены для

вѣрностей. Разсмотрѣвъ калибръ орудій, я открылъ, что потребность снабженія Замостья и Ченстохова можетъ удовлетвориться семи орудіями съ небольшою добавкой другихъ орудій, а именно десяти коронадъ, двухъ или трехъ мортиръ большихъ размѣровъ и, затѣмъ, всетаки двѣ трети всего числа остались бы въ запасѣ. Обстоятельство это я почелъ долгомъ немедленно доложить Гогелю и спросить его совѣта, какъ поступить въ семь случаевъ?

Онъ хладноврочно отвѣчалъ мнѣ: «дѣло уже сдѣлано и намъ остается только буквально исполнить волю государя», потомъ присовокупилъ: «если государь прикажетъ дуву доставать зубами, мы должны хоть лопнуть, а всетаки доставать!...»

Императоръ Александръ Павловичъ, въ томъ-же ноябрѣ 1825 г., скончался, и по вступленіи на престолъ Николая Павловича, для извѣщенія общихъ милостей, военный министръ потребовалъ отъ всѣхъ подчиненныхъ ему вѣдомствъ валовыхъ вѣдомостей къ наградамъ чиновниковъ. Вице-директоръ далъ предложеніе всѣмъ начальникамъ отдѣленій въ такомъ же смыслѣ. Работая усердно и съ натяжкой, я налицыхъ чиновниковъ, буквально, заваливалъ работою; но какъ стодоначальники и ихъ помощники, привыкшіе прежде, до меня, работать машинально, не обдумывая и не разбирая ничего, то я работой ихъ не всегда былъ вполне доволенъ, то представленіе такихъ сотрудниковъ къ знакамъ отличія я не считалъ приличнымъ, а потому представилъ ихъ всѣхъ къ усиленной денежной наградѣ. Дня чрезъ три, призвалъ меня Гогель и спросилъ, что за причина, что я представляю къ деньгамъ, а къ ордену ни одного, тогда какъ въ другихъ отдѣленіяхъ представлены и къ той и къ другой наградамъ? Я объяснилъ ему мой взглядъ на награды со всею откровенностью, но прибавилъ, что, если ему угодно, чтобы я измѣнилъ свое представленіе, согласуюсь съ представленіями прочихъ начальниковъ отдѣленій, то я готовъ тотчасъ исполнить. Выслушавъ мое объясненіе, онъ назвалъ его основательнымъ, но просилъ, ради единообразія, измѣнить мое представленіе и тутъ же при всѣхъ засвидѣтельствовалъ, что физически работаютъ у меня въ отдѣленіи больше всѣхъ. Представленіе я перемѣнилъ и оно со всѣми другими пошло по назначенію. Награды вышли къ новому году. Въ департаментѣ, безъ исключенія, были награждены всѣ. Четверо отлич-

чїями, другіе деньгами; только по первому отдѣленію ни я, ни одинъ чиновникъ, не получили никакой награды.

Озлобленный сею явною и обидною несправедливостію, въ пылу душевнаго негодованія, я въ тотъ же день написалъ рапортъ Гогелю и послалъ его. Въ этомъ рапортѣ я изложилъ съ чувствомъ всѣ мои прїямныя и доброжелательныя дѣйствія относительно его, Гогеля, личности, причемъ указывалъ на многіе примѣры; гдѣ я невинно, единственно изъ сожалѣнія, сталъ соучастникомъ и виновнымъ тѣхъ беспорядковъ, которые были допущены еще до меня, что, можетъ быть, настоящій поступокъ, т. е. неполученіе мною награды, приписываютъ какому-нибудь другимъ, особымъ видамъ, но что я самъ знаю, что это вадоръ и что одно только великодушіе его, Гогеля, замѣнило лишеніе награды другимъ чѣмъ-либо болѣе тяжкимъ изысканіемъ, за всю виновность, совершенную до меня. Но что я требую одного, чтобы служащіе чиновники подъ моимъ вѣденіемъ были бы уравнены въ наградахъ съ прочими, иначе я дѣло тавъ не оставлю, а пойду выше. Затѣмъ, окончивъ письмо тѣмъ, что прошу его доставить мнѣ средство выйти изъ-подъ его начальства, что сочту себя вполне вознагражденнымъ не только за настоящіе мои труды, но и за всю мою прежнюю службу. Рапортъ этотъ Гогель получилъ 2-го января (1826 г.) утромъ.

Придя по обыкновенію въ тотъ день въ департаментъ утромъ въ 8 ч. утра, удержавъ въ душѣ моей тревожившее меня волненіе, но съ наружнымъ хладнокровіемъ, я ожидалъ что будетъ? Всѣ, кромѣ моихъ, встрѣтили вице-директора съ благодареніями и я нарочно пошелъ съ ними въ присутственную залу. Хладнокровіе Гогеля, въ этотъ разъ, превзошло мое. Ни улыбки за благодарность, ни вида огорченія за сатиру, и все пошло по обыкновенію. Одно замѣтилъ я, что рапортъ мой содержался въ большомъ секретѣ.

Прошло дней семь и, не вида никакихъ результатовъ начатому, я рѣшился, заставъ Гогеля одного, спросить: что мнѣ дѣлать и что онъ полагаетъ учинить съ моимъ рапортомъ? Вотъ его буквальный отвѣтъ:

— «Вы считаете, что вы хорошо сдѣлали, подавъ мнѣ рапортъ, я этого у васъ не оспариваю. Чтоже я буду дѣлать съ нимъ— предоставьте мнѣ уже на мою волю!»

Когда я ему возрадилъ, что не хотѣлъ бы самъ просить великаго князя, но теперь вынужденъ къ тому и съ терпѣніемъ буду ждать еще недѣлю—Гогель добавилъ:

— «Зачѣмъ же ждать? Вы великаго князя могли просить вчера, сегодня можете, завтра, наконецъ, сейчасъ, если угодно,— это ваше дѣло, а не мое!»

Возвратясь домой, я написалъ частное письмо на имя его высочества, и на другой день утромъ отправился къ нему во дворецъ, гдѣ отыскалъ шталмейстера Дивова, сослуживца моего по гвардіи и у котораго я прежде ни разу не былъ. Я просилъ его, чтобы онъ мнѣ сказалъ, кто домашній секретарь у его высочества, ибо я хочу ему подать частное письмо. Дивовъ отвѣчалъ: «Я! Но отъ тебя частнаго письма принять не могу. Тебѣ должно его передать чрезъ Перрена». Удостоверивъ Дивова, что въ моемъ вопросѣ не было умысла, что я точно не зналъ и не могъ вообразить, чтобы шталмейстеръ и домашній секретарь его высочества было одно лицо, объявилъ, что чрезъ Перрена идти не хочу и, не взирая на угрожающее мнѣ бѣдствіе, предпочитаю его уничтожить. Дивовъ принялъ во мнѣ самое искреннее и непритворное участіе, какъ старый товарищъ; сталъ меня расспрашивать, что такъ сильно меня огорчаетъ и почему не довѣряюсь я Перрену? Сорвавъ печать съ приготовленнаго письма, я прочелъ его Дивову. Тамъ я излагалъ вкратцѣ, не касаясь никакихъ дѣлъ, всѣ перенесенныя мною огорченія и просилъ великаго князя быть ко мнѣ милостиву—употребить меня на службу, куда ему будетъ угодно, но только, не отлагая, выпустить изъ департамента; въ дополненіе рассказалъ я другія подробности, меня тяготившія.

— «Письма твоего я принять никакъ не могу,—отвѣчалъ Дивовъ,—но его высочество такъ ко всему внимателенъ и справедливъ, что, если случай дозволить, я могу передать ему разговоръ нашъ вполне, согласенъ ли ты на это?»

Слезы на глазахъ были моимъ отвѣтомъ.

Едва я вернулся домой, какъ прискакалъ изъ дворца верховой, съ требованіемъ, чтобы я немедленно прибылъ къ Дивову. Предчувствуя въ чемъ дѣло, я захватилъ съ собою гербовую печать, поѣхалъ къ Дивову и вотъ что онъ мнѣ передалъ: едва я вышелъ отъ него, въ другую дверь вошелъ къ нему великій

князь и Дивовъ, находясь подъ впечатлѣніемъ моего разсказа, не преминулъ ему тотчасъ передать, но передать въ совершенствѣ. Его высочество похвалилъ Дивова, что онъ отказалъ мнѣ въ приѣмъ письма, какъ жалобы, которую не иначе онъ можетъ принять, какъ въ форменномъ порядкѣ; приказалъ ему однакоже объявить мнѣ, что если я частно хочу писать къ его высочеству, то могу сіе не только теперь, но и всегда дѣлать, но только простымъ письмомъ и съ обыкновеннымъ адресомъ и чтобы Дивовъ такія письма, какъ частныя, сейчасъ-бы, не распечатывая, передавалъ по адресу.

Растроганный до глубины души такимъ снисхожденіемъ, не выходя изъ покоевъ, у Дивова, я написалъ нѣсколько строкъ, смыслъ которыхъ заключался въ слѣдующемъ: что въ департаментъ привела меня воля его высочества и она только, до сего времени, одна меня тамъ удерживала. Мои правила такъ несообразны съ укоренившимся образомъ дѣйствія еще до меня, что для настоящаго времени и для будущности, кромѣ непріятнаго, я ничего не вижу и не ожидаю, а потому прошу одной милости—освободить меня отъ сего рода службы... Передавъ это письмо запечатаннымъ Дивову, я прибавилъ: если это письмо попадетъ къ Перрену, то это уже будетъ для меня послѣднее несчастье, и просилъ такъ передать его высочеству.

На слѣдующій день, въ мое отдѣленіе пришелъ Перрень и я тотчасъ догадался, что виною тому. Вынувъ изъ-за мундира письмо мое, сказалъ: «его высочество изволилъ лично подчеркнуть карандашомъ непріятности и приказалъ сейчасъ же мнѣ отправиться къ вамъ, распросить лично о непріятностяхъ и завтра, по утру, передать ему что вы скажете, ничего не утаивая».

Множество случаевъ въ жизни моей служатъ доказательствомъ, что при всякомъ кризисѣ, вмѣсто робости, въ душѣ моей возрождается какая-то самоувѣренность, твердость, доходящая почти до дерзости, и тогда обиліе словъ вырывается изъ души моей. Первыми словами, которыми я встрѣтилъ привѣтствіе Перрена, были: я просилъ великаго князя мое письмо не отдавать вамъ въ руки. Мои дѣла и ссора идутъ съ тѣми, которые всегда пользовались и пользуются вашимъ покровительствомъ. Но дѣло сдѣлано, а потому, извольте, разскажу все, что у меня на душѣ. Разговоръ нашъ, въ которомъ нѣсколько разъ задѣвалось самолюбіе Перре-

на, продолжался около двухъ часовъ и онъ его закончилъ слѣдующимъ:

— «Вы, Иванъ Степановичъ, говорили съ такимъ жаромъ и такъ много на мой счетъ, что еслибы я и желалъ передать всѣ ваши слова его высочеству, — ей-Богу, не былъ бы въ состояннн, да и сомнѣваюсь, чтобы онъ тогда повѣрилъ точности словъ и выраженнй вашихъ. Не смѣю васъ затруднять, ибо выполняю волю великаго князя переговорить съ вами, но вы бы меня облегчили, да и себя успокоили, если бы составили записку, въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ шелъ нашъ разговоръ и я бы ее прочелъ его высочеству, безъ утайки».

— Согласенъ, — сказалъ я, и, въ 10 часовъ вечера, записка моя пошла къ Перрену.

Когда я пришелъ на другой день въ департаментъ, то узналъ отъ преданнаго мнѣ чиновника, что уже въ общемъ присутствнн сидятъ Гогель и всѣ начальники отдѣленнй. Рапортъ мой и еще какая-то записка (какъ я послѣ узналъ, копія съ данной Перрену, ночью снятая, а въ утру доставленная Гогелю) находятся тамъ же, и приказано никого не впускать въ залу безъ доклада; а если можно, то всѣмъ отказывать. Конклавъ просидѣлъ до 4-хъ часовъ и разошелся пасмурно. На другой день, съ утра таже самая исторія, но въ 2 часа вызываютъ меня въ присутствнн и Гогель, держа въ рукахъ мой рапортъ, сдѣлалъ мнѣ пять вопросовъ, — съ видимою цѣлью смѣшать меня, — но которые только дали мнѣ возможность удостовѣриться, что если не подлинная моя записка, то точная съ нея копія — въ рукахъ его. Получивъ отъ меня короткій отвѣтъ, разрѣшилъ выйти и, на слѣдующій день, онъ по всѣмъ предметамъ моего рапорта, кромѣ пяти словесно отобранныхъ отвѣтовъ, потребовалъ дать дополнительные объясненія. Въ этотъ день всѣ чиновники моего отдѣлення, по особому представленню военнаго министра, получили денежное вознагражденнн и съ привнательностью благодарили меня «за жертву собою». Зная всю хитрость и злобу враждующихъ ко мнѣ, я взялъ предосторожностъ, при объясненняхъ на письмѣ, присовокупить и данные мною отвѣты на словесные вопросы...

Прошло еще нѣсколько дней. Общее присутствнн собиралось ежедневно, чего прежде не было. Горевъ, которому поручена была редакція по составленню противъ меня обвинительнаго акта, по-

слѣ каждого присутствія бѣгалъ съ бумагою въ рукавъ къ Перрену и всегда возвращался съ пасмурнымъ видомъ, привѣтствуя меня каждый разъ, ибо нельзя было миновать того мѣста, гдѣ я занимался. Я видѣлъ приближающуюся грозу, и ожидалъ только съ которой стороны грянетъ громъ. Наконецъ, по прїѣздѣ въ Петербургъ герцога Веллингтона ¹⁾, его высочество приказалъ обоимъ директорамъ артиллерійскаго и инженернаго департаментовъ прибыть на квартиру герцога для представленія и передъ выходомъ подошелъ ко мнѣ адъютантъ его высочества, вскормленникъ и ученикъ мой, сослуживецъ по гвардіи, князь Долгоруковъ, который сказалъ мнѣ въ полголоса:

— «Ну, батюшка Иванъ Степановичъ! Сегодня читали мы съ его высочествомъ рацею противъ васъ на 16-ти листахъ! Признаюсь, было что читать, а еще болѣе писать это! Но не опасайтесь ничего. Его высочество вполне оцѣнилъ клеузы и не выдастъ васъ!...»

Когда же великій князь вышелъ въ залу съ герцогомъ, то, приближаясь къ намъ, сказалъ по французски: «вотъ артиллерійскій департаментъ», и, какъ будто не замѣтивъ Гогеля, стоявшаго съ прочими начальниками отдѣленій, въ головѣ линіи, началъ съ меня:

— «Подполковникъ Жиркевичъ.—Я, въ видѣ опыта, началъ съ него, чтобы преобразовать совершенно этотъ департаментъ, находя, что гражданскіе чиновники не всегда понимаютъ и (не всегда) ведутъ дѣла какъ слѣдуетъ»—и на меня взглянулъ съ особеннымъ одобрительнымъ взглядомъ...

Черезъ два дня послѣ этого, опять явился ко мнѣ въ отдѣленіе Перренъ и съ пасмурнымъ видомъ сказалъ мнѣ: «что его высочество, получивъ отъ меня записку и въ то же время противъ меня рапортъ Гогеля, прислалъ мнѣ сказать, что ему очень хотѣлось бы прекратить эту распрю и въ особенности избѣжать малѣйшей о томъ переписки. Кромѣ того, не согласусь ли я на посредничество? Онъ выбралъ къ тому извѣстнаго добрѣйшаго чловѣка генераль-лейтенанта Ѳедора Ивановича Апрѣлева, состоящаго при его высочествѣ. Но если я не согласенъ на сіе лицо, то чтобы самъ указалъ, кого желаю имѣть посредникомъ».

¹⁾ О прїѣздѣ герцога Веллингтона или Уелингтона въ Петербургъ въ 1826 г. см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 546.

Не знаю, можетъ ли вниманіе и милость простираться далѣе и могъ ли я отказать въ согласіи на это?

Федоръ Ивановичъ Апрѣлевъ, предъ которымъ я почиталъ себя ребенкомъ, ибо едва ли онъ ни былъ уже тогда генераль-майоромъ, когда я только, только лишь поступалъ въ корпусъ, прислалъ за мной, обошелся со мной необыкновенно ласково, усадилъ меня и спросилъ:

— Скажите, одѣлайте милость, что у васъ за исторія съ Гогелемъ? Его высочество поручилъ мнѣ разобратъ и, буде можно, помирить васъ обоимъ. Я васъ знаю и почитаю какъ благороднѣйшаго человѣка и Гогеля уважаю тоже, но только не предвижу, что я могу тутъ сдѣлать? На словакъ Гогель закидываетъ меня своими сужденіями, а писать—онъ поведетъ такъ, что и концовъ не найдець, да и великій князь запретилъ мнѣ принимать что-либо писанное. Признаюсь вамъ, это дѣло для меня совершенная коммисія! Что вы ссоритесь съ Гогелемъ, меня это нисколько не удивляетъ; но вы задѣли въ запискѣ вашей Церрена. Въ его рукахъ, такъ сказать, участь и будущій ходъ службы основной моихъ. Если я возьму вашу сторону, посудите сами, чего ждать должно для нихъ. Ради Бога, научите меня какъ-бы все кончить и свести васъ съ Гогелемъ? я безъотговорочно все одѣлаю, что вы ни укажете!»

— Попросите его высочество, чтобы онъ выпустилъ меня изъ департамента,—сказалъ я,—и съ моей стороны все дѣло кончено.

— Нѣтъ,—возразилъ Апрѣлевъ,—единственное условіе великаго князя, чтобы вы непременно остались въ департаментѣ».

— Вотъ одинъ случай, гдѣ для меня воля его высочества имѣетъ свой предѣлъ,—отвѣчалъ я. Я долженъ выйти изъ департамента для чести своей—въ настоящемъ чинѣ или даже солдатомъ, видно уже такова судьба моя.

Этимъ разговоромъ окончилось предложенное мнѣ посредничество...

XVII.

Пронски чиновниковъ.—Дѣло о перевозкѣ орудій.—60,000 р. вмѣсто 700,000 р.—
Швензонъ.—Рѣшеніе дѣла по жалобамъ на начальство.—Смѣна Гогеля.

1826.

Время шло своимъ порядкомъ. Я продолжалъ работать и трудиться съ усиленною энергіею. Насталъ февраль. По дѣлу о вооруженіи польскихъ крѣпостей на торги, въ департаментъ, никто не явился. Въ Ригѣ и въ Кіевѣ выпросили цѣны громадныя: въ Ригѣ болѣе 10-ти р., а въ Кіевѣ 12 р. съ пуда и еще съ оговоркой, что если торги не будутъ сейчасъ утверждены, то они отказываются, потому что путь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе портится. По расчету моему, вся операція по перевозкѣ обходилась бы казнѣ свыше 700 т. р. Ко мнѣ явился на квартиру какой-то еврей, но мной не былъ принятъ, а на другой день въ отдѣленіе пришелъ еврей, украшенный 4-мя или 5-ю медалями, объявилъ, что онъ подрядчикъ, за которыми остались торги въ Кіевѣ; что время не терпитъ, что для большихъ орудій нужно устраивать особаго рода повозки, могущія служить для зимней и лѣтней перевозки, что отъ этого цѣны немного высоки и если я потороплюсь этимъ дѣломъ, то ему и мнѣ будутъ выгоды. Тутъ же явился гофъ-маклеръ Краммеръ, получавшій за каждый подрядъ свои куртажныя по 2 копейки съ рубля, и вѣжливо просилъ меня объявить ему какъ идетъ и какъ я полагаю разрѣшить это дѣло? Мнѣ ему объяснилъ, что это вполне будетъ зависеть отъ военнаго министра, которому я уже готовлю докладъ и они, раскланявшись со мной, ушли, въ полной увѣренности, что я не отказываю въ своемъ согласіи на ихъ дѣло. Но въ тотъ же самый день я изготовилъ записку и отослалъ готовую, для подписи, въ Гогелю, гдѣ, повторяя вкратцѣ прежнюю переписку, прибавилъ, что въ то время, когда началась переписка, департаментъ не могъ распорядиться еще запасными орудіями, предназначенными для финляндскихъ крѣпостей, ибо хотя и предвидѣлось уничтоженіе нѣкоторыхъ, но положительно ничего еще о томъ нельзя было сказать, ибо зависѣло совершенно и единственно отъ воли государя. Но что теперь открывается возможность, не разоруживая Кіева и Риги, взять орудія на берегу Невы изъ

арсенала, и хотя морской министр Моллеръ и находилъ затрудненія въ дачѣ военныхъ судовъ для перевозки, но русское купечество, вѣроятно, найдетъ свои выгоды перевезти орудія и снаряды до Данцига. Далѣе же департаментъ предположенія свои простираетъ не можетъ, но что положительнo извѣстно, что плоскодонныя суда легко ходятъ вверхъ по Вислѣ до Плоцка и если правительство признаетъ возможнымъ испросить отъ прусскаго — согласіе на дальнѣйшій пропускъ орудій, то, вѣроятно, съдутся въ Данцигъ желающіе поднять тяжести по крайней мѣрѣ до Плоцка, а можетъ быть, и до Варшавы; между тѣмъ, какъ бы департаментъ ни спѣшилъ операцію, зимній путь пропадетъ, а съ полученія разрѣшенія и совсѣмъ уже провадетъ и орудія принуждены будутъ ожидать другой зимы. На вооруженіе вновь Риги и Кіева потребуется вновь болѣе милліона руб. Готель подписалъ и записла въ тотъ же вечеръ пошла въ министру, но разошлась съ предложеніемъ отъ него, въ коемъ говорилось: «что хотя частнымъ образомъ, но извѣстно, что торги по сей операціи кончены, министръ требуетъ рѣшительно, чтобы это дѣло было кончено не теряя минуты времени, ибо уже на все состоялась положительная высочайшая воля».

На другое утро прибѣжалъ ко мнѣ Крамеръ и удивился, что я не предварилъ его о придуманной мною перемиѣнѣ, утверждая, между прочимъ, что новое предположеніе ни къ чему не поведетъ, такъ какъ такихъ тяжелыхъ какъ 36-ти фунтовыхъ чугунныхъ орудій нельзя поднимать на плоскихъ судахъ по Вислѣ, и что все это одна химера, воображеніе, ибо уже объ этомъ прежде обсуждали Дибичъ, Моллеръ и онъ, — Крамеръ! Кончилось тѣмъ, что орудія и снаряды, ровно чрезъ годъ послѣ сего, водой, какъ мною было указано, перевезены до Варшавы и вся доставка обошлась казнѣ только около 60 тыс. руб.

Заваривши кашу, я не заботился нисколько кому придется хлебать оную и въ мартѣ, за нѣсколько дней до родовъ жены моей, когда я въ работахъ семейныхъ предположилъ отдохнуть нѣсколько дней, пославши рапортъ, что я нездоровъ, — внезапно вошелъ ко мнѣ прямо въ спальню полковникъ Швензонъ, въ отставномъ уже костюмѣ, и удивилъ меня, объявляя — «что онъ чувствуетъ самъ, что поступилъ дерзко, войдя ко мнѣ безъ доклада, но онъ зналъ, что я не приму его. Но какъ судьба его совер-

шею въ моихъ рукахъ, то онъ на все рѣшился, даже быть выгнаннымъ, просить только его выслушать и затѣмъ пускай рѣшится его участь. Онъ не проситъ совершеннаго помилованія, ибо знаетъ, что дѣла слишкомъ далеко зашли, но проситъ одного: великодушно нейти и не разрывать далѣе! Знаетъ, что я уважу его просьбу...» Поблагодаривъ его за столь хорошее мнѣнiе обо мнѣ, я сказалъ, что вовсе никогда не желалъ и не думалъ дѣлать не только ему зла, но даже и тѣмъ, что явно враждуютъ противъ меня, но что правила мои таковы, что я всегда борюсь со зломъ и стараюсь если не могу его совсѣмъ уничтожить, то по крайнѣ мѣрѣ на столько ограничить, чтобы оградить окружающее отъ тлетворнаго его дѣйствiя, и что теперь я только хлопочу объ одномъ, чтобы развязаться съ департаментомъ и ничту себя имѣть, Швензономъ, облагодѣтельствованнымъ, если онъ къ тому будетъ содѣйствовать. Тутъ онъ объявилъ мнѣ новость, «что дѣло мое уже не у Апрѣлева, а у К. И. Оппермана, что первый отказался отъ посредничества, объявъ великому князю, что Гоголь считаетъ его своимъ личнымъ врагомъ и потому неприлично ему судить дѣйствiя Гоголя; что Опперманъ честный и благородный вельможа, старѣе Гоголя чиномъ, пользуется довѣрiемъ у государя и такимъ образомъ все дѣло мое теперь зависить отъ Оппермана, что всѣ бумаги по этому предмету находятся теперь у правителя дѣлъ Оппермана и по нимъ ему докладываетъ и по его-то, правителя, совѣту онъ, Швензонъ, прiѣхалъ въ Петербургъ, чтобы тоже какъ нибудь похлопотать замѣть относищiяся до него дѣла. Распространяясь далѣе, признался мнѣ, что, конечно, во многомъ виноватъ, самъ знаетъ и сознается въ этомъ и что на все на это есть документъ, находящiйся въ моихъ рукахъ (его письмо, писанное ко мнѣ), но что, со всѣмъ тѣмъ, онъ проситъ пощады. Сознался, что отъ одной постройки сарая около Гельсингфорса получилъ выгоды болѣе 20 тыс. руб., но готовъ пожертвовать этой суммой съ 0/0, только чтобы далѣе не рылся». Вынувъ изъ пшатулки письмо Швензона, я спросилъ его, показывая ему, не это ли его беспокоить? Съ смущенiемъ онъ началъ меня увѣрять, что знаетъ очень хорошо въ какихъ «благородныхъ» рукахъ оно находится и потому оно не можетъ его тревожить, а что онъ пришелъ ко мнѣ единственно моля о пощадѣ и что если я ему дамъ слово, то онъ будетъ совершен-

но спокоенъ... Тогда я разорвалъ это письмо на мелкіе куски, отдалъ ему, прибавя: «вамъ будетъ стоить не болѣе 2 тыс. руб. уладить, чтобы меня выпустили — и, мнѣ кажется, я въ правѣ просить васъ объ этой жертвѣ». Признаюсь — я увидѣлъ слезу на лицѣ Швензона. Тронутый, какъ мнѣ казалось, моимъ поступкомъ, онъ началъ меня благодарить, сказавъ: «Иванъ Степановичъ, мнѣ нечего теперь ташься передъ вами; я предлагалъ 20 тыс. руб. съ $\frac{0}{10}$, слѣдовательно, дѣло не о двухъ тыс. руб., но въ томъ, что всѣ хлопочуть васъ спихнуть и не то, чтобы за деньги, а сами бы рады дать, но все истощено! Великій князь слышать ничего не хочетъ. Богъ знаетъ, какъ все это окончится!»

По уходѣ его, крѣпко я задумался. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. «Съ сильнымъ не борись» говоритъ пословица и пожалуй, что она и права, какъ увидимъ далѣе...

Послѣ этого я уже ничего не слыхалъ о своемъ дѣлѣ, не видалъ ни Оппермана, ни его правителя дѣлъ, ни Перрена, ни Швензона, ни даже самого Гогеля. Въ послѣднихъ числахъ марта, въ одно прекрасное утро, входитъ во мнѣ въ отдѣленіе секретарь Павловъ, объявляя, что мени Гогель приглашаетъ въ присутствіе. Я немедленно пошелъ и увидѣлъ весь ареонагъ, съ важной осанкой выдающій на меня взгляды. На поклонъ мой никто не отвѣчалъ, кромѣ Трохимовича, и Гогель, съ улыбкой обратясь къ Павлову, сказалъ: «Г. секретарь, прочтите указъ!» Въ указѣ я утверждался начальникомъ отдѣленія.

— «Это я хлопоталъ, — прибавилъ Гогель, — а теперь прочтите предложеніе великаго князя, которое Иванъ Степановичъ самъ выпросилъ!»

Въ этомъ предложеніи, которое начиналось по водсвобкѣ: «По доносу подполковника Жиркевича», и проч. «Я въ подробности вникнулъ въ дѣло и нашель: во 1-хъ, что Жиркевичъ поступилъ весьма неосмотрительно и даже неосторожно, дѣлая свои натяжные по дѣламъ сужденія, какъ показано по прилагаемой выпискѣ. Во 2-хъ, рапортъ къ вице-директору написанъ въ неприличныхъ выраженіяхъ, — но, съ другой стороны, я нахожу, что Жиркевичъ былъ вынужденъ нѣкоторымъ образомъ на такой поступокъ, ибо, вопреки всѣхъ законовъ, его не допускали въ общее присутствіе и засѣданіе съ другими членами департамента и тѣмъ лишали его средствъ дѣлать справедливыя возраженія въ закон-

номъ порядкѣ, въ чемъ я даже вижу умыселъ, а потому предлагаю: Жиркевичу, въ общемъ присутствіи, объявить мою резолюцію, по каждому предмету въ выпискѣ изложенную, и вице-директору Гогелю дѣлаю за всѣ безпорядки строжайшій выговоръ и что одна его прежняя и долговременная служба изъясляетъ его отъ дальнѣйшаго строжайшаго взысканія. Жиркевичъ съ симъ вмѣстѣ назначается, по его собственному желанію, въ Московское артиллерійское депо».

Въ выпискѣ же было написано въ слѣдующемъ порядкѣ: въ одной графѣ «Жиркевичъ показываетъ», во второй графѣ «Гогель объясняетъ», въ третьей «Жиркевичу за незнаніе дѣла и за видимую натажку сдѣлать выговоръ, но дѣло привести къ тому концу, какъ онъ предполагаетъ» (?). Когда все это прочли, я спокойно попросилъ позволеніе самому прочесть, чтѣ противъ меня сказалъ Гогель, ибо я хорошо не слышалъ. Когда я удовлетворилъ свое любопытство, то я всю эту комедію окончилъ словами: «Благодарю ваше пр-во за одно только добро, которое вы въ два года для меня волею или неволею сдѣлали. Вашихъ замѣчаній не опровергаю и опровергать не стану, ибо почитаю себя счастливымъ, что все оканчивается давнишнимъ моимъ желаніемъ выйти изъ департамента, а еще болѣе, что постороннія лица, замѣшанные по сему дѣлу, благодаря Бога, не пострадаютъ отъ меня, ибо зла никому не желаю»—и съ тѣмъ, раскланявшись, вышелъ.

Не знаю, долго ли продолжалось торжество Гогеля, ибо на встрѣчу миѣ внесли въ присутствіе департамента о смѣнѣ Гогеля; состоявшейся того же самаго числа. Это, кажется, онъ тоже самъ себя вынудилъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЙНА РОССИИ СЪ ТУРЦІЕЙ

1853—1854 ¹⁾.

Письмо кн. Паскевича — Императору Николаю Павловичу.

Варшава. — 14-го ноября 1853.

Письмо В. И. В. отъ 7-го (19-го) ноября имѣлъ счастье получить. Нельзя, конечно, предвидѣть, что́ готовить намъ влоба Англіи и Франціи. Сборъ резервовъ обезпечить насъ въ будущемъ и покажетъ союзникамъ, что они нашли бы у насъ надежную опору. Жаль, что болѣзнь князя Воронцова помѣшала ему заняться самому дѣлами. Съ его средствами, онъ могъ бы, обезпечивъ свой правый флангъ и центръ, послать отрядъ къ Байзету, а съ остальными 20,000 или 25,000 и съ осадной артиллеріею начать дѣйствіе противу Карса, что, вѣроятно, теперь имъ уже сдѣлано.

Получивъ извѣстіе о переходѣ турками Дуная, я въ мысляхъ соображалъ разныя случайности войны и даже взятіе турками Букареста. Притовляясь на все, я думалъ какъ бы возстановить наши дѣла въ теченіе зимы. Мнѣ пришла мысль воспользоваться зимними мѣсяцами, но вмѣстѣ избѣжать неудобства зимней кампаніи, т. е. недостатка фуража и подножнаго корма и дурныхъ дорогъ, непроходимыхъ для тягостей, что́ всегда было причиною нашего бездѣйствія зимою, а при разливѣ Дуная—даже до іюня мѣсяца. Для сего я думалъ устроить на Дунаѣ, посредствомъ флотиліи и судовъ, пловучій магазинъ, съ запасами всѣхъ родовъ, военными и продовольственными. Затѣмъ, переправить войска между 1-мъ и 15-мъ февраля на правый берегъ Дуная, противъ Исакчи, дѣйствовать вверхъ по тече-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 671—708.

«РУССКАЯ СТАРИНА», ТОМЪ XVII, 1876 г., СЕНТЯБРЬ.

нѣю рѣки, имѣя съ собою на судахъ запасы и мостъ и забирать одну за другою турецкія крѣпости, начиная съ Исакчи. Тѣмъ самымъ обезпечить свой лѣвый флангъ, даже на случай чьей либо высадки, и очищать берега Дуная, какъ главнаго пути нашихъ транспортовъ къ центру и правому флангу. Такимъ образомъ у насъ не пропадетъ зимнее время, мы укрѣпимъ лѣвый флангъ, очистимъ взятіемъ крѣпостей Дунай и приготовимъ все къ весенней кампаніи.

Нынѣ сообщенъ мнѣ планъ дѣйствій противъ Турціи. Почитаю себя счастливымъ, что мои мысли сходствуютъ съ симъ планомъ и могутъ служить предварительными дѣйствіями до открытія весенней кампаніи. Мысли мои на сей счетъ осмѣливаюсь при семъ представить.

Здѣсь все спокойно и благополучно. Трудно только мнѣ одно: заготовленіе провіанта, который въ Польшѣ вздорожалъ до невѣроятности. Я утверждаю цѣны только по май мѣсяцъ, намѣреваясь весною сдѣлать перевозку хлѣба водою изъ-за Днѣпра; но и тогда я не совсѣмъ буду обезпеченъ, по невозможности перевезти болѣе и по малой, отъ дороговизны, покупки провіанта, теперь мною сдѣланной.

Въ сообщенномъ мнѣ планѣ военныхъ дѣйствій противъ Турціи съ европейской стороны главная мысль заключается въ томъ, чтобы, дѣлая демонстраціи на лѣвомъ нашемъ флангѣ и центрѣ, настоящую переправу черезъ Дунай сдѣлать противъ Видина.

Мысль новая и блестящая. Она вводитъ насъ въ непосредственныя сношенія съ самыми воинственными племенами Турціи: сербами, болгарами и, далѣе, черногорцами. Обращая противъ Турціи ея собственное населеніе, она сохраняетъ наши силы и сберегаетъ русскую кровь.

Привести въ исполненіе сей планъ можно только весною, какъ по недостатку подножнаго корма, такъ и потому, что для исполненія плана потребуется перевозка на оконечность праваго нашего фланга осадной артиллеріи съ запасами, продовольственными и военными, чего въ зимнее время, по распутицѣ, сухимъ путемъ сдѣлать невозможно. Чтобы, между тѣмъ, не пропали въ бездѣйствія зимніе мѣсяцы и чтобы, однако, избѣжать неудобствъ зимней кампаніи, наконецъ, чтобы связать наши дѣйствія съ планомъ будущей кампаніи, представляется слѣдующая мысль:

Кампанія зимою невозможна или, по крайней мѣрѣ, затруднительна:

- по недостатку подножнаго корма для лошадей;
- по распутицѣ и бездорожью, отчего перевозка сухопутно артиллеріи и необходимыхъ для войскъ запасовъ и тягостей дѣлается трудною.

Въ настоящемъ случаѣ Дунай даетъ возможность отвратить сіи неудобства. Рѣка сія должна составлять главнѣйшій путь всѣхъ нашихъ транспортовъ къ центру и правому нашему флангу. Имѣя флотилію, суда перевозочныя и свободное плаваніе по Дунаю, мы можемъ имѣть всегда подъ рукою, тамъ гдѣ нужно, и артиллерію, и запасы для войскъ, и овесъ для лошадей и дѣйствовать, не смотря на распутицу, даже въ зимнее время.

Притомъ, предназначая главныя военныя дѣйствія на правомъ нашемъ флангѣ, необходимо прежде всего обезпечить свой лѣвый флангъ и центръ.

Для достиженія всѣхъ сихъ цѣлей, предполагается въ Измаилѣ приготовить осадную артиллерію, запасы въ хлѣбѣ и овсѣ (для войскъ и лошадей, сколько по расчету потребуется) и вообще всѣ тяжести, и погрузить ихъ на суда Дунайской флотиліи и транспортныя, имѣя съ собою также пловучій мостъ.

Устроивъ такимъ образомъ заблаговременно пловучій магазинъ, съ приходомъ на мѣсто резервовъ и двухъ дивизій 3-го пѣхотнаго корпуса — перейти, между 1-мъ и 15-мъ февраля, съ тремя пѣхотными дивизіями (двѣ дивизіи 3-го и одна дивизія 5-го пѣхотнаго корпуса) и кавалеріею, на правый берегъ Дуная и подыматься вверхъ по рѣкѣ, наравнѣ съ флотиліею, такъ, чтобы имѣть все подъ рукою и быть всегда въ возможности поставить мостъ для сохраненія соединенія съ нашимъ берегомъ. На пути взять Исакчу и оставить въ ней достаточный гарнизонъ (1 т. или болѣе человекъ), изъ резервовъ. Слѣдуя далѣе, взять Мачинъ и Гирсово и также оставить въ нихъ гарнизоны (по 500 человекъ и болѣе), изъ резервовъ.

Засимъ, подымаясь вверхъ, дойти до Силистріи.

Войска 4-го пѣхотнаго корпуса, стоя между тѣмъ около Букареста, наблюдаютъ до Слободзен и правый флангъ. Съ приближеніемъ отряда къ Силистріи, изъ 4-го пѣхотнаго корпуса присоединить еще одну дивизію. Тогда, имѣя осадную артиллерію съ большимъ числомъ зарядовъ и четыре дивизіи пѣхоты, можно надѣяться на скорое взятіе Силистріи.

Если бы непріятель хотѣлъ помѣшать намъ и для того вышелъ и собрался въ полѣ — тѣмъ лучше: мостъ и сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ Дуная должны дать возможность разбить его.

Тогда, по обстоятельствамъ, если бы непріятель, притянувъ прежде къ себѣ войска изъ Шумлы, былъ потомъ разбитъ и разсѣянъ такъ, что много войскъ въ Шумлѣ ожидать было бы нельзя, то можно бы идти и къ Шумлѣ; но движеніе сіе не должно входить въ наше предположеніе, — ибо оно отдалило бы насъ отъ главнаго предмета и

отъ запасовъ въ то время, когда, по бездорожью, перевозка запасовъ сухопутно будетъ трудна до невозможности.

Предположивъ затѣмъ, что Силистрія будетъ взята,—оставить въ ней достаточный гарнизонъ.

Въ это время, отъ 4-го корпуса можно бы отправить одну дивизию въ Малую Валахию — остальные же войска, по взятіи Силистріи, слѣдовали бы по прежнему, съ своимъ пловучимъ магазиномъ, къ Туртукаю и Рущуку.

Туртукай и Рущукъ также должны быть взяты и въ нихъ оставлены гарнизоны.

Такимъ образомъ, очистивъ берега Дуная и открывъ свободный путь для всѣхъ нашихъ запасовъ съ низоваго рѣки, мы подвинулись бы къ Малой Валахиі (1).

На всемъ теченіи Дуная, мы могли бы обогнуть всѣ суда и лодки и, тѣмъ самымъ увеличивая свои перевозочныя средства, отняли бы у неприятеля возможность къ переправѣ, если бы даже онъ, приди въ значительныхъ силахъ, хотѣлъ бы форсировать переправу.

Когда бы пловучаго моста не было или было нужно оставить его гдѣ либо, напримѣръ, въ Силистріи, то можно замѣнить его пароходами и судами, которыми скоро перевозить войска съ одного берега на другой, куда укажетъ необходимость. Подходя же къ Видину, будемъ посредствомъ сихъ судовъ имѣть возможность тотчасъ устроить переправу тамъ, гдѣ обстоятельства потребуютъ.

Между тѣмъ, согласно сообщенному мнѣ плану кампаніи, сербы и болгары могутъ быть приготовляемы къ возстанію и съ весною (2) кампанія откроется по предначертанному плану, совершенно новому, который можетъ повести къ разрушенію Турецкой имперіи. До сихъ поръ Сербы бывали въ войнахъ поддерживаемы только незначительными частями нашихъ войскъ; нынѣ же, когда флотилія, осадная артиллерія и цѣлый корпусъ войскъ будутъ ихъ поддерживать, то не только Видинъ, но можетъ быть взять и Бѣлградъ, — и тогда Сербы почувствуютъ возможность быть независимыми отъ ига турецкаго.

Приготовивъ предположеніе сіе къ отправленію, я получилъ отъ князя Горчакова (въ отвѣтъ на увѣдомленіе мое о посылкѣ къ нему двухъ дивизій 3-го корпуса), между прочимъ, копію со всеподданнѣйшей записки его, отъ 7-го ноября, о настоящемъ положеніи дѣлъ въ томъ краѣ.

1) Весь 4-й корпусъ былъ бы свободенъ для дѣйствій противъ Видина; войска же 5-го и 3-го корпусовъ оставались бы для наблюденія лѣваго фланга и центра.

Примѣч. кн. Паскевича.

2) Т. е. съ 15-го апрѣля, съ появленіемъ подножнаго корма.

Опасаясь за свой правый флангъ и Малую Валахію, князь Горчаковъ полагаетъ, не останавливая 8-й и 9-й дивизій въ Фокшанахъ, придвинуть ихъ въ Валахію и размѣстить войска слѣдующимъ образомъ:

10-ю дивизію, съ бригадою кавалеріи, въ Малой Валахіи;

12-ю дивизію и одинъ кавалерійскій полкъ — противъ Турно, Систо и Рушукъ;

четыре баталіона 11-й дивизіи и кавалерійскій полкъ—противъ Туртукая;

остальные 13 баталіоновъ 4-го корпуса — въ резервъ между Будешти и Букарестомъ;

одну бригаду 3-го корпуса и одинъ кавалерійскій полкъ—противъ Силистріи и Гирсово, въ Каларашъ и Слободзеѣ;

затѣмъ, остальные три бригады 3-го корпуса — выше Букареста, Плоешти и Терговисту;

у Браилова и ниже по Дунаю — войска 5-го корпуса.

Изъ записки князя Горчакова, я вижу, однако, что онъ почти увѣренъ, что турки ничего серьезнаго не предпримуть.

Посему объясненія князя Горчакова, кажется, не могутъ препятствовать исполненію моего предположенія, съ нѣкоторыми только измѣненіями, какъ въ размѣщеніи войскъ, такъ и въ моемъ предположеніи.

Размѣщеніе войскъ я для того только предполагалъ бы нѣсколько измѣнить, дабы войскамъ не дѣлать большихъ передвиженій раннею весною, на случай переправы около Исакчи, — и потому думалъ-бы:

4-й пѣхотный корпусъ, по мнѣнію князя Горчакова, расположить въ Малой и Большой Валахіи, до Бухареста и Ольгеницъ;

3-го корпуса 8-й дивизіи одну бригаду—противъ Туртукая; другую противъ Силистріи и Гирсово, около Слободзеи;

9-ю же дивизію держать по возможности вмѣстѣ, ближе къ переправѣ, для дѣйствій противъ Исакчи, напрямѣръ, въ Фокшанахъ, что во всякомъ случаѣ дѣлаетъ до 150 верстъ (дурной дороги) разницы противъ предположенія князя Горчакова.

Измѣненіе же въ моемъ предположеніи будетъ состоять въ томъ, чтобы переправить къ Исакчи не три, а только двѣ дивизіи: одну 3-го и одну 5-го пѣхотнаго корпуса.

Наконецъ, еслибы и 7-ю дивизію придвинуть для дѣйствій за Дунаемъ, то можно бы почти ручаться за успѣхъ.

По всей вѣроятности, турки, узнавъ о нашей переправѣ, не посмѣютъ дѣйствовать наступательно и не замедлятъ поспѣшить къ Силистріи. Но если бы и пришлось намъ временно очистить Малую Ва-

лахію, то и тогда опасаться нечего, ибо у князя Горчакова соберется весь 4-й корпусъ; когда же бы турки подошли, какъ онъ полагаетъ, къ Питешти, то, будучи въ 150 верстахъ отъ Дуная, могутъ быть разбиты.

Между тѣмъ, когда двѣ дивизіи подвинутся къ Силистріи, то князь Горчаковъ смѣнилъ бы войсками 4-го корпуса бригаду 8-й дивизіи, расположенную противъ Туртукая, такъ чтобы вся 8-я дивизіи могла участвовать въ осадѣ Силистріи.

Нельзя, кажется, притомъ сомнѣваться, что турки соберутся на защиту Силистріи и оголятъ берега Дуная. Тогда отрядъ противъ Силистріи можно бы усилить еще дивизіею 4-го корпуса. Съ четырьмя дивизіями, флотиліею и большимъ запасомъ зарядовъ при осадной артиллеріи, можно надѣяться и взять Силистрію, и разбить турокъ.

Къ выгодамъ движенія вмѣстѣ съ судами и мостомъ, въ заключеніе, присовокупить можно, что и разливъ Дуная не сдѣлаетъ никакой остановки. Въ 1809 году, недостатокъ моста остановилъ наши дѣйствія; въ 1810 году, мы имѣли—мостъ—и наводненіе не препятствовало нашимъ движеніямъ.

Обдумывая окончательно сіе предположеніе, я убѣждаюсь въ необходимости двинуть вмѣстѣ же и 7-ю пѣхотную дивизію, такъ чтобы она къ концу февраля могла придти прямо для дѣйствія противъ Силистріи,—съ тѣмъ, чтобы, съ одной стороны, было еще болѣе ручательствъ въ успѣхѣ, а съ другой—чтобы 4-й корпусъ оставить свободный для дѣйствій по своему назначенію.

Генераль-фельдмаршалъ князь Варшавскій.

Предположенія князя М. Д. Горчакова о военныхъ дѣйствіяхъ въ Европейской Турціи въ 1854 году ¹⁾.

Изъ Бухареста.—21-го ноября 1853 года.

Судя, съ одной стороны, по весьма усиленнымъ приготовленіямъ турокъ, съ другой, по направленію, какое берутъ дѣла наши съ приморскими державами, кажется не подлежащимъ сомнѣнію:

а) Что турки при открытіи кампаніи 1854 года будутъ имѣть въ Европѣ по меньшей мѣрѣ отъ 120,000 до 150,000 войска, б) что морскія державы будутъ съ ними за одно, и не только вступать въ Черное море, но, можетъ быть, помогутъ имъ десантнымъ корпусомъ, или у Константинополя, дабы остановить насъ, если мы перейдемъ

¹⁾ Эти записки были сообщены княземъ М. Д. Горчаковымъ князю И. Ѳ. Паскевичу и суть копии съ его доклада Императору Николаю Павловичу.

Балканы, или же у Варны, дабы воспрепятствовать намъ перейти эти горы.

И такъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, мы не будемъ владѣть Чернымъ моремъ; оборонѣ Варны будутъ содѣйствовать соединенные непріятельскіе флоты, наконецъ, не доходя Константинополя, или даже по сію сторону Балкановъ, мы встрѣтимъ, можетъ быть, вспомогательный туркамъ корпусъ европейскихъ войскъ.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, кажется, предпринимать въ 1854 году наступательную кампанію за Дунаемъ было бы невыгодно и лучше съ этой стороны оставаться въ оборонительномъ состояніи, доколѣ тройной союзъ Турціи, Англіи и Франціи не рухнетъ: ибо изъ княжествъ, при рѣшенномъ уже государемъ императоромъ движеніи въ направленіи къ онымъ 3-го корпуса, насъ никакая сила не выбьетъ, тогда какъ успѣхъ наступательной кампаніи, во время существованія помянутаго союза, былъ бы подверженъ большимъ случайностямъ.

Не вѣроятно, чтобы подобный союзъ могъ долго продолжиться. Будетъ одно изъ двухъ: или турки увидятъ тягость покровительства морскихъ державъ и сами убѣдятся въ необходимости примиренія съ Россією, дабы избавиться отъ сего покровительства, неминуемо ведущаго къ разрушенію Турецкой имперіи въ Европѣ; или-же Англія и Франція — временно забывши вѣчное соперничество свое, и нынѣ соединенныя одною страстію вредить Россіи—восчувствуютъ, что выгоды ихъ противоположны, послѣдствіемъ чего будетъ разрушеніе тройнаго союза и доставленіе намъ случая предпринять за Дунаемъ наступательную войну, при гораздо выгоднѣйшихъ условіяхъ, чѣмъ теперь. Время за насъ: надобно стараться выиграть сколь можно болѣе онаго, съ наименьшимъ по возможности рискомъ.

Но иное не предпринимать до поры рѣшительнаго наступленія и иное оставаться въ совершенно пассивномъ оборонительномъ положеніи. Среднее и самое выгодное въ настоящемъ положеніи было бы, кажется, въ 1854 году не ограничиваться однимъ отставаніемъ нашей дунайской границы и княжествъ; но, поколику возможно, перенести военныя дѣйствія за Дунай, съ одной стороны, дабы озаботить турокъ, съ другой—дабы возбудить возстаніе православныхъ племенъ, которыя не примутся за оружіе доколѣ мы не перейдемъ Дунай.

Вотъ, сколько я понимаю, основныя мысли начертанія, препровожденнаго мнѣ отъ 3-го ноября. Справедливость оныхъ, по моему мнѣнію, разумительна.

Относительно подробностей исполненія, я осмѣлюсь изложить, что хотя наступленіе съ обохъ фланговъ нашихъ на Бабадагъ и на Ви-

динь общаетъ большіе результаты, но за то успѣхъ можетъ подвергнуться случайностямъ, которымъ, кажется, лучше бы не подвергаться.

Въ особенности можно опасаться чтобы по форсированіи переправы Дуная на флангахъ нашихъ,—въ то время когда лѣвый отдѣлъ будетъ въ Бабадагской области, а правый приступитъ къ осадѣ Видина,—турки не двинулись большою массою къ Букаресту отъ Рущува, Туртукая и Силистріи, и не овладѣли Валахією. Въ ней будутъ только двѣ пѣхотныя дивизіи и одна кавалерійская; этихъ силъ недостаточно для отпора турокъ, ибо симъ послѣднимъ будетъ возможность предпринять наступленіе болѣе чѣмъ 80,000: подобному сосредоточенію ихъ не воспрепятствуетъ ни прибытіе нашего праваго отдѣла къ Видину, потому что онъ будетъ тамъ занятъ осадюю, ни появленіе нашего лѣваго отдѣла у Траянова вала, потому что въ этомъ направленіи туркамъ нечего опасаться: ихъ правый флангъ и тылъ будутъ укрыты Варною, Силистрією, Рущукомъ и Шумлою.

Полагая даже, что войска, въ Валахіи оставленныя, и отобьются отъ подобнаго сильнаго наступленія, не менѣе того большая часть Валахіи всетаки будетъ довольно продолжительное время въ рукахъ непріятеля; а это возымѣетъ то важное послѣдствіе, что корпусу, у Видина стоящему, придется поспѣшно возвратиться въ Валахію, дабы не быть совершенно лишеннымъ продовольствія, коего онъ не можетъ получать ни откуда кромѣ Валахіи. Ни на Сербію, которая бѣдна, ни на Австрію, которая даже во время войны въ Венгріи дала намъ во всю кампанію, сколько мнѣ помнится, не болѣе какъ на 8 дней хлѣба, — рассчитывать невозможно. Вообще, кажется, выгоднѣе дать 4-му корпусу направленіе, сколь можно менѣе его удаляющее отъ нашихъ ресурсовъ; перейдя же Дунай выше Видина, онъ не будетъ имѣть никакого базиса.

Другое обстоятельство, заслуживающее вниманія, заключается въ крайнемъ затрудненіи, которое мы встрѣтимъ при переправахъ черезъ Дунай, и учрежденіе мостовъ на сей рѣкѣ. Понтонны наши таковы, что одни только отдѣленія Бираго могутъ, по нуждѣ, служить для перевозки войскъ на противный берегъ, и вообще ихъ конструкція не такова, чтобы изъ нихъ могъ быть устроенъ мостъ на столь большой и быстрой рѣкѣ какъ Дунай; мы имѣемъ готовый мостъ у Измаила, но мимо Исакчи его провести нельзя¹⁾; у Галаца или Браилова мы можемъ устроить другой, но на верхнемъ Дунаѣ всѣ суда въ

¹⁾ Отмѣтка: «Затѣмъ желательно овладѣть какъ Исакчей, такъ и Мачинымъ и Гирсовымъ, начавъ переправу отъ нижняго Дуная, дабы овладѣть и уничтожить оборону праваго берега до Силистріи».

рукахъ турокъ, и выше Видина нѣтъ ни одной рѣки, владающей въ Дунай, гдѣ можно бы безопасно строить суда: и такъ, пришлось бы ихъ строить въ виду непріятеля, что крайне невыгодно.

Третье обстоятельство, равномѣрно заслуживающее вниманія, есть то, что доколѣ не просохнуть дороги и не появится подножный кормъ, т. е. до половины или конца апрѣля, важныхъ военныхъ дѣйствій въ здѣшнемъ краю предпринимать нельзя.

Взявъ все это въ соображеніе, я полагаю, что основную мысль препровожденнаго мнѣ начертанія всего удобнѣе было бы исполнить слѣдующимъ образомъ:

1) До началія войны ограничиться выбитіемъ турокъ изъ Малой Валахія и овладѣніемъ Калафата, если это окажется возможнымъ. Если же укрѣпленія при Калафатѣ столь сильны, что успѣхъ штурма сомнителенъ, или повлечъ бы за собою большой уронъ, то, не предпринимая штурма, вогнать непріятеля въ его укрѣпленія и обнести сіи послѣднія редутами, дабы туркамъ нельзя было изъ нихъ дебушировать. Это предполагаю я по слѣдующимъ причинамъ. Дунай у Видина течетъ между вѣрпостью и островомъ, который находится подъ ближайшимъ огнемъ ея веревовъ; рукавъ же, отдѣляющій островъ отъ Валахія, весьма узокъ и даже часто проходитъ въ бродъ. Слѣдовательно, выйдутъ ли турки изъ Калафата или нѣтъ, во всякомъ случаѣ нужно держать непосредственно противъ этого пункта довольно значительный отрядъ, иначе, съ удаленіемъ нашимъ на нѣсколько маршей, непріятель опять его займетъ и снова укрѣпится. При числѣ войскъ, нынѣ въ Валахія находящихся, я не могъ тамъ имѣть отряда: турки отрѣзали бы его, переправясь чрезъ Дунай у Рахова; но иное будетъ послѣ прибытія 3-го корпуса; Малая Валахія будетъ сильно занята, имѣя авангардъ близъ Калафата. Признавъ же необходимымъ держать тамъ постоянно сей отрядъ, кажется, выгоднѣе не подвергаться безъ нужды большому урону и случайностямъ штурма, для предмета менѣе чѣмъ второстепеннаго, коего можно будетъ достигнуть расположивъ наши войска на выгодной, нѣсколькими редутами усиленной позиціи: ибо противъ подобной позиціи турки или не посмѣютъ дебушировать, или будетъ легко ихъ отбивать¹⁾.

2) Теперь же заняться устройствомъ моста близъ Галаца, къ чему, имѣя разрѣшеніе, я нынѣ же приступаю, и раннею весною начать демонстрацію переправы у Сатунова и Мачина или Гирсова, а по об-

¹⁾ Сколько извѣстно, турки весьма сильно укрѣпились у Калафата и имѣютъ тамъ до 50-ти орудій и выбить ихъ оттуда можно будетъ развѣ во время наводненія, которое—когда оно сильно—почти совсѣмъ наводняетъ островъ, впереди Видина лежащій.

стоятельствамъ, и исполнить оную, дабы развлечь вниманіе непріателя и, если можно, овладѣть Тульчею, Исакчею, Мачиннымъ и Гирсовымъ.

3) Какъ скоро Малая Валахія будетъ упрочена за нами—что, вѣроятно, послѣдуетъ вскорѣ по прибытіи сюда двухъ пѣхотныхъ дивизій 3-го корпуса,—приступить къ заготовленію судовъ въ верховьяхъ рѣки Жіо или рѣки Ольты, для переправы чрезъ Дунай.

4) Если турки предпримутъ наступательныя дѣйствія на нашу сторону Дуная, въ Валахіи, то разбить ихъ.

5) Послѣ сего, или если непріатель не предприметъ вовсе наступательныхъ дѣйствій въ Валахію, то, улучивъ выгоднѣйшее по обстоятельствамъ время, перейти самимъ Дунай выше Рушчука въ числѣ, примѣрно, 40,000 для дѣйствій въ Западной Булгаріи и возбужденія возстанія въ семь краѣ и въ Сербіи. Подобный корпусъ, имѣя за собою хорошее мостовое укрѣпленіе, можетъ разбить въ полѣ турецкую армію, въ какой бы силѣ она ни появилась. Онъ будетъ совершенно обезпеченъ въ отношеніи продовольствія, имѣя Валахію непосредственно за собою. Я полагаю, что ему можно будетъ даже предпринять осаду Рушчука и взять эту крѣпость. Зимовать же ему равномѣрно можно будетъ въ Западной Булгаріи. Зимовка его тамъ будетъ имѣть самое выгодное вліяніе на возстаніе православныхъ племенъ.

Для исполненія сего начертанія, я полагаю, что лучшее распределеніе войскъ было бы слѣдующее:

14-я пѣхотная дивизія, для обороны Крыма и прибрежной части Херсонской губерніи.

15-я пѣхотная дивизія, одна пѣхотная дивизія 3-го корпуса и одна бригада 3-й легкой кавалерійской дивизіи, для охраненія нашей дунайской границы, Галаца и Бранлова, а потомъ для демонстраціи или дѣйствій въ Бабадагской области.

4-й корпусъ, 5-я легкая кавалерійская дивизія, четыре пѣшихъ и одна конная бригада 3-го корпуса—въ княжествахъ, съ тѣмъ чтобы изъ числа этихъ войскъ назначены были для перехода за Дунай у Рушчука 5 пѣхотныхъ бригадъ 4-го корпуса, 4-я легкая кавалерійская дивизія и одна бригада 5-й легкой кавалерійской дивизіи.

Остальныя затѣмъ пять бригадъ пѣхотныхъ и двѣ кавалерійскихъ оставить въ Большой и Малой Валахіи доколѣ обстоятельства не разъяснятся, имѣя въ виду усиленіе, по обстоятельствамъ, частію этихъ войскъ или лѣваго фланга, или отдѣла, за Дунай перешедшаго.

Кажется, что при подобныхъ дѣйствіяхъ мы не только достигнемъ отстаиванія русской дунайской границы и княжествъ, не подвергаясь никакимъ случайностямъ, но и возбудимъ возстаніе православныхъ

племенъ: а если они примутся за оружіе, то положеніе турокъ будетъ въ высшей степени трудно. Двойная цѣль эта будетъ достигнута, можно сказать, безъ риска; ибо всѣ 3 отдѣла наши, находясь въ ближайшей связи между собою, будутъ имѣть возможность поддерживать и усиливать во всякое время другъ друга¹⁾. Одно весьма трудное будетъ переправа черезъ Дунай, въ особенности выше Рущука, такъ какъ противъ устья рѣкъ Ольты и Жію турки настроили много батарей и укрѣпленій. Но это надобно будетъ во что бы то ни стало преодолѣть. Я думаю, что вывозъ судовъ нашихъ въ Дунай всего удобнѣе будетъ сдѣлать во время полноводія.

Генераль-адъютантъ князь Горчаковъ.

По соображеніи указаній В. И. В., выраженныхъ въ письмахъ отъ 12-го и 15-го настоящаго мѣсяца, и болѣе зрѣломъ обдуманіи дѣла, я считаю долгомъ, относительно наступательныхъ дѣйствій будущаго года, представить новую докладную записку къ военному министру для всеподданнѣйшаго вамъ, всемилостивѣйшій государь, доклада.

Повидимому, турецкая армія вступила на зимовья квартиры.

Истребленіе турецкихъ лодокъ и дѣланіе поисковъ съ какою либо опредѣленною цѣлью—у меня безпрестанно въ головѣ. Но трудно сдѣлать что либо важное, потому что непріятель имѣетъ суда главнѣйше выше Гирсова, т. е. внѣ круга дѣйствій нашей флотилии, и на томъ пространствѣ, гдѣ мы почти не имѣемъ никакихъ перевозныхъ способовъ. На дняхъ будетъ предпринятъ нашей флотиліею поискъ къ Мачину,—тамъ до 30 турецкихъ судовъ. Противъ судовъ Рущука, подъ прикрытіемъ сильныхъ батарей крѣпости стоящихъ, готовятся попытки пустить брандеры. Что же касается до судовъ у Силистріи, то, по свойству мѣстности, до нихъ добраться нельзя.

Турки не забирали австрійскихъ пароходовъ.

Формированіе волонтерныхъ ротъ—какъ уже я прежде докладывалъ вашему императорскому величеству—было отложено мною до времени, пока не разъяснится, предпримутъ ли турки наступленіе до зимы. Теперь можно рѣшительно полагать, что сего не будетъ. Но агенты, коимъ поручены предварительныя мѣры вербовки, просятъ еще отсрочку. Дней черезъ 10, лучшій изъ агентовъ общаетъ, что все будетъ готово для вербовки отъ 1,000 до 2,000 болгаръ; если на первый разъ соберется ихъ 500, то и это будетъ хорошо.

¹⁾ Отмѣтка: «Если лѣвый отдѣлъ будетъ въ Бабадагской области, то мостъ, построенный въ Галацѣ, надобно будетъ имѣть въ Гирсовѣ».

На здѣшнюю милицію я жаловаться не могу. Граничары служатъ отлично; безъ нихъ казакамъ не было бы возможности охранять огромное пространство, Дунаемъ образуемое. Граничары, гдѣ только могутъ, дерутся противъ турокъ; я поощрю ихъ денежными наградами. Ослушаніе нѣсколькихъ драбанцевъ Малой Валахіи важно только тѣмъ, что послѣдовало, вѣроятно, если не по внушенію, то по недоброхотству ихъ начальника (нынѣ умершаго). Теперь люди являютъ на службу охотно: словомъ, дѣло это почти кончено и слажено хорошо. Не менѣе того, какъ Малая Валахія богѣе заражена дурнымъ духомъ, чѣмъ прочія части края, я послалъ временно въ Краіово графа Анрепа, чтобы руководить Фишбакомъ. Турецкія партіи не показываются далѣе одного перехода отъ Калафата; на дняхъ казаки имѣли съ ними довольно удачную сшибку.

Полкъ 4-й легкой кавалерійской дивизіи будетъ смѣненъ и присоединенъ къ корпусу немедленно по прибытіи въ Фокшаны 1-й бригады 3-й дивизіи.

Относительно перемирія, если бы такое было мнѣ предложено, я буду имѣть въ виду указанія вашего императорскаго величества. Но развѣ какое либо непредвидѣнное и особенно важное обстоятельство,—мнѣ кажется, что въ столь щекотливомъ дѣлѣ лучше не торопиться, а испросить предварительно высочайшее повелѣніе ваше. Перемиріе, сколько я понимаю дѣло, можетъ быть выгодно однимъ туркамъ: оно успокоило бы ихъ на зиму и дало бы имъ возможность лучше сберечь войска.

Вы изволите спрашивать меня, всемилостивѣйшій государь, можно ли бы намъ дѣйствовать зимою? Я полагаю, что ваше императорское величество весьма справедливо изволите быть того мнѣнія, что намъ нельзя дѣлать зимней кампаніи. И лѣтомъ содержать и довольствовать войска за Дунаемъ есть дѣло не легкое; зимою же, безъ подножнаго корма, при дорогахъ, по коимъ невозможно двигать обозовъ, предпринимать что-либо серіозное — значило бы подвергать войска опасности уничтоженія. Конечно, это встревожило бы турокъ; но они убрались бы въ свои крѣпости, въ Шумлу и заднія, неугрожаемыя части края, и потеря ихъ при семъ была бы, безъ сомнѣнія, меньше, чѣмъ та, которой мы бы подвергнулись. Притомъ мы имѣемъ мостъ только въ Измаилѣ; какъ переправить и въ другомъ мѣстѣ? На замерзаніе Дуная рассчитывать нельзя; оно случается не каждый годъ, и продолжается недолго. Если Дунай станетъ, я предполагаю, по обстоятельствамъ и удобству, дѣлать малыя экспедиціи летучими отрядами, дабы тревожить непріятеля въ его зимовкѣ.

По свѣдѣніямъ изъ Константинополя, благоразумные турки начи-

науть бояться войны, но не смѣютъ высказывать своихъ опасеній. Болѣзни, которыя, какъ утверждаютъ, начинаютъ довольно сильно развиваться въ ихъ арміи, и славная побѣда вашего флота при Синопѣ, вѣроятно, придадутъ болѣе смѣлости приверженцамъ мира. Но не менѣе того, на успѣхъ новыхъ переговоровъ, кажется, рассчитывать трудно. Весьма можетъ быть, что морскія державы поддаются на подобныя переговоры для того только, чтобы сколько можно долѣе оставить насъ въ недоумѣніи, а къ весѣ объявить себя совершенными врагами Россіи.

Обсудивъ снова предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ будущаго года и сообразивъ ихъ съ высочайшими указаніями, выраженными въ собственноручныхъ его императорскаго величества письмахъ отъ 12-го и 15-го сего мѣсяца, считаю долгомъ изложить слѣдующее:

1) Наши понтоны таковы, что изъ нихъ нельзя устроить прочнаго моста на столь большой и быстрой рѣкѣ какъ Дунай, равноѣрно они не могутъ почитаться удобнымъ средствомъ для перевозки войскъ при форсированіи переправы; нужны особыя суда, а для самыхъ мостовъ или суда или плоты.

Въ Галацѣ и Бранловѣ найдется нѣсколько судовъ подъ мостъ и нѣсколько для переправы; но всетаки въ добавокъ, для мѣста, нужно сдѣлать много плотовъ. Для моста же на верхнемъ Дунаѣ годныхъ судовъ въ здѣшнихъ рѣкахъ нѣтъ и можно будетъ имѣть только нѣкоторое число мелкихъ лодокъ для переправы людей; слѣдовательно, придется для сего послѣдняго моста построить почти всю принадлежность—посланы офицеры для собранія точнѣйшихъ свѣдѣній, какъ и гдѣ удобнѣе производить эту постройку.

2) Я не полагаю, чтобы, въ случаѣ переправы нашего праваго фланга выше Видина, можно было ожидать значительныхъ пособій отъ австрійцевъ, и опасаясь, что Австрія, избѣгая, чтобы морскія державы не приняли подобное пособіе за нарушение нейтралитета—не окажетъ намъ никакого содѣйствія ¹⁾.

Относительно Сербовъ я также не увѣренъ, чтобы—не взирая на дѣйствительную преданность народа государю императору,—они могли оказать намъ дѣйствительныя въ этомъ отношеніи пособія. Весьма быть можетъ, что теперешнее сербское правительство парализируетъ стремленіе народа въ нашу пользу, доколѣ мы не будемъ уже за Дунаемъ.

¹⁾ Объ этомъ можно будетъ судить довольно скоро съ нѣкоторою положительностію. Я спросилъ секретно барона Мейендорфа, полагаетъ ли онъ, что, въ случаѣ закупки мною якорей и каната въ Банатѣ, австрійское правительство не воспрепятствуетъ доставленію сихъ предметовъ въ Валахію? Отвѣтъ ожидаю на дняхъ.

3) Форсированіе переправы на верхнемъ Дунаѣ, и въ особенности охраненіе потомъ моста будутъ затруднены тѣмъ, что на этомъ пространствѣ у насъ нѣтъ военныхъ судовъ, тогда какъ турки имѣютъ на немъ одинъ военный пароходъ и 7 канонерскихъ лодокъ. Я распоряжаю подробное обозрѣніе, дабы увѣриться: нельзя ли будетъ во время полноводія Дуная провести мимо Силистріи и Рушуга нѣсколько канонерскихъ лодокъ или даже пароходъ. Если это окажется возможнымъ, то въ свое время исполню. Между тѣмъ, я пользуюсь имѣющимися здѣсь четырьмя 4-хъ фунтовыми очень хорошими турецкими пушками, чтобы вооружить пми 4 лодки, приспособивъ ихъ для дѣйствія.

4) Отъ Тирасполя, гдѣ находятся ближайшія 2 осадныя отдѣленія, до Видина 52 дня марша, считая днѣвки черезъ 2 и 3 перехода. Дороги начнутъ дѣлаться удобопроходимыми для воловъ только въ апрѣлѣ, слѣдовательно, полагая, что движеніе помянутыхъ отдѣленій начнется 15-го апрѣля, осадная артиллерія можетъ прибыть къ Видину не прежде какъ около половины іюня. Чтобы имѣть ее на верхнемъ Дунаѣ ранѣе, надобно бы везти ее лошадьми и для сего приступить теперь же къ покупкѣ лошадей.

5) Равномѣрно нужно будетъ теперь же приступить къ покупкѣ лошадей подъ осадный инженерный паркъ, находящійся равномѣрно въ Тирасполѣ.

6) Какъ уже изъяснено мною, наступательныя дѣйствія нашего праваго фланга, кажется, выгоднѣе вести отъ стороны Никополя¹⁾, чѣмъ отъ стороны Видина: а) потому что въ первомъ случаѣ войска будутъ имѣть свой операціонный и продовольственный базисъ (Валахию) позади себя, тогда какъ, во второмъ случаѣ, базисъ этотъ, находясь на ихъ флангѣ, будетъ безпрестанно угрожаемъ непріателемъ; на полученіе же продовольствія изъ Сербіи или изъ Австріи рассчитывать никакъ нельзя; б) потому что дѣйствія отъ Видина гораздо болѣе разобщаютъ правый флангъ отъ центра и лѣваго крыла, чѣмъ дѣйствія отъ Никополя.

7) Хотя разобщеніе наступательныхъ дѣйствій нашихъ будетъ гораздо меньше при направленіи праваго фланга отъ Никополя, а не отъ Видина, но не менѣе того, кажется, несравненно вѣрнѣе или не предпринимать вовсе наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ флангѣ, ограничиваясь только одною демонстраціею переправы черезъ Дунай, или же произвести наступательныя дѣйствія съ обоихъ фланговъ не

¹⁾ Въ семь случаевъ, выгоднѣйшій пунктъ переправы, кажется, будетъ противъ селенія Челей, что въ 30-ти верстахъ выше Никополя. Кн. М. Г.

одновременно, а последовательно. Въ семь послѣднемъ случаѣ дѣйствующій фланговый отдѣлъ будетъ сильнѣе, и центръ будетъ обезпеченъ, потому что можно будетъ временно усилить тотъ и другой частію войскъ противоположнаго фланга. Не говоря уже о гибельныхъ послѣдствіяхъ прорыва непріателемъ нашего центра въ то время, когда оба фланга наши будутъ заняты форсированіемъ переправъ черезъ Дунай, замѣчу только, что однихъ сильныхъ демонстрацій непріателя въ это время отъ Силистріи, Туртукая и Журжи ¹⁾ будетъ достаточно, чтобы парализовать наступленіе нашего праваго фланга, ибо идти ему за Дунай въ то время, когда непріатель можетъ ворваться въ Валахію, было бы крайне опасно.

8) Согласно тому, что выражено въ собственноручномъ его императорскаго величества письмѣ отъ 15-го ноября, будутъ находиться на югѣ слѣдующія войска:

а) 10-я, 11-я и 12-я пѣхотныя и 4-я легкая кавалерійская дивизіи, нынѣ въ Валахіи находящіяся.

б) 15-я пѣхотная дивизія и 2-я бригада 14-й, находящіяся нынѣ частію въ Валахіи, частію въ Бессарабіи.

в) 8-я и 9-я пѣхотныя дивизіи, имѣющія прибыть: 8-я дивизія въ окрестности Букареста между 21-мъ декабря и 7-мъ января; 9-я дивизія въ окрестности Букареста, Каларашъ и Слободзею—между 6-мъ января и 1-мъ февраля.

г) Первая бригада 3-й легкой кавалерійской дивизіи, имѣющая прибыть въ Фокшаны между 13-мъ и 15-мъ февраля.

д) 7-я пѣхотная дивизія, прибывающая въ Бессарабію въ концѣ декабря, и 2-я бригада 3-й легкой кавалерійской дивизіи, находящаяся нынѣ въ Винницѣ и въ Меджиборжѣ, коимъ предположено прибыть къ Измаилу, Рени и (примѣрно) въ Бѣлградъ для составленія тамъ резерва.

е) Резервы 14-й и 15-й пѣхотныхъ дивизій, расположенные теперь: 14-й дивизіи въ Одессѣ и Николаевѣ, 15-й — въ Бессарабіи.

ж) Резервы 10-й, 11-й и 12-й пѣхотныхъ дивизій, имѣющіе прибыть: 11-й бригады—въ Каменецъ-Подольскъ, 12-й бригады—въ уѣзды Балтскій, Ольгопольскій, Тираспольскій и кр. Бендеры 10-й—по близости первыхъ двухъ.

з) Резервы 13-й пѣхотной дивизіи—въ Севастополѣ и Евпаторіи.

и) 16-я пѣхотная дивизія съ 2-й бригадою 6-й легкой кавалерійской дивизіи, имѣющія прибыть къ Одессѣ въ мартѣ мѣсяцѣ.

¹⁾ Напримѣръ, овладѣніе лѣвѣмъ берегомъ рѣки, противъ двухъ изъ этихъ пунктовъ, и возведеніе тамъ предмостныхъ укрѣпленій. Кн. М. Г.

к) 17-я пѣхотная дивизія съ первой бригадою 6-й легкой кавалерійской дивизіи, имѣющія прибыть въ мартѣ мѣсяцѣ въ Крымъ.

л) 1-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи, нынѣ въ Крыму находящаяся, которая по смѣнѣ войсками, помянутыми въ предыдущемъ пунктѣ, присоединится къ 2-й бригадѣ своей, и, наконецъ, м) Драгунскій корпусъ, имѣющій прибыть на Прутъ къ маю мѣсяцу.

Сообразивъ все вышензложенное, мнѣ кажется, что исполненіе высочайшихъ начертаній для дѣйствій будущаго года всего бы вѣрнѣе произвести на слѣдующихъ основаніяхъ, если особня обстоятельства или дѣйствія непріятели не потребуютъ чего инаго:

1) До весны выгнать турокъ изъ Калафата, или, если нельзя сего предпринять не подвергаясь случайностямъ штурма, то вогнать въ укрѣпленія, и потомъ сернировать системою редутовъ.

2) Какъ скоро дороги сдѣлаются проходимы и появится подножный кормъ, т. е. въ апрѣлѣ, начать наступательныя дѣйствія на лѣвомъ флангѣ, а именно 15-й пѣхотною дивизіею, 2-й бригадою 14-й и одной бригадою 3-й легкой кавалерійской дивизіи форсировать переправу у Галаца, Мачипа или Гирсова, гдѣ то окажется удобнѣе; при чемъ для большей вѣрности успѣха сдѣлать одновременно сильную демонстрацію противъ Тульчи или Исакчи 7-ю пѣхотною дивизіею.

По переправѣ 15-й пѣхотной дивизіи, 2-й бригады 14-й и 1-й бригады 3-й легкой кавалерійской дивизіи, этимъ войскамъ заняться: а) взятіемъ Гирсова, Исакчи и Тульчи, б) устройствомъ въ Гирсовѣ двухъ предмостныхъ укрѣпленій и занятіемъ края по Траяновъ валъ.

Для вѣрности успѣха усилить, буде нужно, эти войска 7-ю пѣхотною дивизіею, а если необходимо, и 9-ю.

Примѣчаніе. Чтобы исполнить эти дѣйствія, нужно постропть заблаговременно мостъ въ Галацѣ, потому что Измаильскаго моста поднять мимо Исакчи нельзя.

Во время помянутыхъ дѣйствій лѣваго фланга, имѣть 4-й корпусъ, 8-ю и 9-ю пѣхотныя дивизіи и 5-ю легкую кавалерійскую въ готовности, съ одной стороны, для подкрѣпленія лѣваго фланга черезъ Гирсово, съ другой—для отраженія наступленія непріятели въ Валахія, если бы турки на это покусились.

3) По окончаніи помянутыхъ дѣйствій лѣваго фланга, примѣрно къ концу іюня, приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ праваго фланга и для сего:

а) Оставить на лѣвомъ флангѣ только 7-ю дивизію, 2-ю бригаду 14-й

(буде другая не успѣла бы еще къ ней присоединиться) и одну бригаду 3-й легкой кавалерійской, съ тѣмъ чтобы эти войска держались у Трайнава вала столь долго, сколь могутъ не подвергаясь большой опасности; а въ противномъ случаѣ—отступили бы за Дунай, но, во всякомъ случаѣ, не отдавали бы неприятелю предмостнаго укрѣпленія у Гирсова, а буде можно, и Тульчи и Исакчи.

b) Остальныя войска, бывшія на лѣвомъ флангѣ за Дунаемъ, перевести черезъ Гирсовъ въ Валахію для усиленія сего края.

c) Затѣмъ, предоставить 8-й, 9-й и 15-й пѣхотнымъ дивизіямъ съ двумя бригадами 3-й и 5-й легкихъ кавалерійскихъ охраненіе Валахіи.

d) 4-му пѣхотному корпусу и одной бригадѣ 5-й легкой кавалерійской дивизіи перейти Дунай около Никополя, овладѣть симъ пунктомъ, вступить въ Западную Бугарію, распространять поиски до Сербіи и Балкановъ; возбуждать возстаніе православныхъ племенъ и, буде встрѣтится случай, то разбить неприятельскую армію; къ этимъ дѣйствіямъ присовокупить, если будетъ къ тому удобство, и осаду Русска, на каковой конецъ притянуть къ себѣ и одну пѣхотную дивизію 3-го корпуса.

Примѣчанія: 1) 4-му корпусу нужно будетъ оставить временно отрядъ въ Малой Валахіи до смѣны его войсками 3-го корпуса; 2) для исполненія упомянутыхъ дѣйствій, необходимо заблаговременно устроить всѣ мостовыя принадлежности въ рѣкѣ Жію или въ рѣкѣ Ольгѣ.

e) Зимовку назначить для 4-го корпуса въ Западной Бугаріи.

Въ случаѣ если бы признано было за выгоднѣйшее ограничиться на лѣвомъ флангѣ одною демонстраціею, то для исполненія оной и для охраненія нашей Дунайской границы всего бы удобнѣе было, кажется, назначить 7-ю пѣхотную дивизію и 2-ю бригаду 3-й легкой кавалерійской. А для охраненія Валахіи 8-ю, 9-ю и 15-ю пѣхотныя дивизіи и двѣ бригады 3-й и 5-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій, присоединивъ къ нимъ 1-ю бригаду 14-й дивизіи¹⁾.

Представляя всѣ соображенія сіи, прошу покорнѣйше ваше сіятельство увѣдомить: какое благоугодно будетъ государю императору опредѣлить начертаніе для дѣйствій будущаго года, дабы приступить немедленно къ соотвѣтственнымъ распоряженіямъ по заготовленію продовольствія.

Генераль-адъютантъ князь Горчаковъ.

¹⁾ При благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно будетъ ввести въ Валахію и 14-ю дивизію: это дастъ возможность безъ риска усилить 4-й корпусъ за Дунаемъ.

Донесенія кн. М. Д. Горчакова—императору Николаю Павловичу.

Позвольте имѣть счастье принести всеподданнѣйшее повдравленіе съ днемъ ангела вашего императорскаго величества и, вмѣстѣ, съ блистательною побѣдою флота вашего подъ Синопомъ. Дѣло сіе, въ которомъ, въ часъ времени, истреблена неприятельская эскадра, въ его портъ, подъ картечнымъ огнемъ его береговыхъ батарей, напоминаетъ славнѣйшія морскія баталіи. — Письмо вашего величества отъ 21-го ноября (3-го декабря) имѣлъ счастье получить. Предположеніе на счетъ военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи, предвидя всѣ случайности войны, даетъ возможность дѣйствовать сообразно съ оними. Между тѣмъ, изъ газетъ я вижу, что 4 державы дѣлаютъ новыя предложенія: прекратить войну и возстановить дѣла въ томъ видѣ, какъ было до войны. Если Турки не примутъ предложенія, то для Англіи и Франціи не было бы и предлога обвинять кого либо, кромѣ Турціи; но враждебное ихъ расположеніе къ намъ такъ сильно, что, особенно послѣ Синопской побѣды, они, можетъ быть, захотятъ поддержать турокъ и для того сдѣлать въ Варнѣ десантъ тысячъ въ 30 или 40, съ тѣмъ, чтобы, имѣя въ своихъ рукахъ Силистрію, прорвать нашъ центръ. Сіе новое, возможное, однако, обстоятельство родило во мнѣ мысль, что для отвращенія сей опасности,—до открытія дѣйствій по плану кампаніи,—было бы намъ необходимо обезпечить свой лѣвый флангъ и центръ взятіемъ малыхъ крѣпостей и даже Силистріи раннею весною, т. е. пока турки не въ состояніи еще, по распутицѣ и недостатку подножнаго корма, ни собраться въ значительныхъ силахъ, ни имѣть съ собою много артиллеріи. Тогда мы будемъ безопасны на лѣвомъ флангѣ и центрѣ и дѣйствовать по принятому плану. Мысли сіи, родившіяся во мнѣ по случаю новаго предположенія десанта европейцевъ, осмѣливаюсь повергнуть на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества.

Въ Азіятской же Турціи дѣла наши, благодаря Бога, поправляются.

Изъ записки моей военному министру, ваше императорское величество усмотрѣтъ изволите, что свѣтлая мысль ваша, въ собственноручномъ письмѣ отъ 1-го (13-го) сего мѣсяца выраженная — вторичную переправу черезъ Дунай сдѣлать нѣсколько ниже Силистріи,—отстраняетъ всѣ дѣйствительно большія трудности форсированія перехода черезъ Дунай выше Рущука, при невозможности намъ подкрѣплять тамъ наши дѣйствія флотиліею.

Относительно распредѣленія войскъ по главнѣйшымъ отдѣламъ и по эпохамъ, я старался по возможности избѣгать раздробленія частей, но вполне сего достигнуть не могъ при первоначальныхъ дѣйствіяхъ.

Въ какой силѣ имѣтъ весною отрядъ въ Малой Валахіи, теперь опредѣлить невозможно, но вообще я думаю, что онъ долженъ быть значительнѣе: во 1-хъ, этотъ край болѣе другихъ зараженъ революціоннымъ духомъ и ваше императорское величество изволите усмотрѣть изъ военнаго журнала, что валахскіе выходцы уже успѣли возмутить нѣсколько жителей около Калафата. Теперь это легко потушить, но при удаленіи главныхъ силъ нашихъ къ востоку съ начатіемъ наступательныхъ дѣйствій, подобныя попытки могутъ имѣть вредныя послѣдствія, если отрядъ мало-валахскій будетъ слабъ; 2-е, весьма быть можетъ, что, по ходу дѣла весною или лѣтомъ, окажется полезнымъ послать русскій отрядъ въ Сербію; подобный отрядъ можно будетъ взять только изъ войскъ Малой Валахіи. Высылка его въ Сербію можетъ сдѣлаться нужною, если сербы сами собою начнутъ возстаніе противъ турокъ. Въ такомъ предположеніи посылка нашихъ войскъ въ Сербію не будетъ противна основной мысли вашего императорскаго величества—сдѣлать отъ имени вашего воззваніе къ возстанію единовѣрнымъ племенамъ, съ объявленіемъ, что мы идемъ для избавленія ихъ отъ турецкаго ига—только въ концѣ 1854 года, если до того турки не смиратся: ибо весьма можетъ быть, что и прежде племена эти возмущаются за оружіе. Я думаю, что русскій отрядъ, посланный въ Сербію подъ предлогомъ собственно противъ турокъ военныхъ операцій, много къ тому способствовалъ бы: увидя русскій мундиръ у себя, сербы бросятся на турокъ, и тогда наше дѣло будетъ ихъ къ сему поощрять, не дѣлая, впрочемъ, никакихъ преждевременныхъ воззваній отъ имени русскаго правительства, дабы не компрометировать его напротивъ нейтральныхъ европейскихъ державъ, напротивъ самыхъ возставаемыхъ племенъ, если бы между тѣмъ обстоятельства указали пользу мира съ турками, безъ изгнанія ихъ изъ Европы.

Въ то время, когда я готовилъ настоящее письмо къ отправленію прибылъ въ Бухарестъ вытребованный мною по особому важному дѣлу, изъ Яссъ, грекъ князь Мурузи, и я остановилъ на сутки отправленіе фельдъегера, чтобы представить по сему дѣлу отчетъ. Отчетъ посылаю къ графу Нессельроде, для всеподданнѣйшаго доклада. Предметъ весьма важный. Греческая этерія проситъ соизволенія В. И. В. и пособій, чтобы сдѣлать возстаніе въ ближайшихъ къ Греціи провинціяхъ. Присланное ко мнѣ отъ этеріи лицо (адвокатъ Мано)—человѣкъ вовсе ненадежный, по словамъ даже Мурузи, который совмѣстно съ Мано назначенъ делегатомъ для сношеній со мною.

Я испрашиваю какое благоугодно вашему императорскому величеству дать этому дѣлу направленіе. Кажется, что подобнаго возстанія—хотя бы все, что Мано утверждаетъ, и было справедливо—теперь поощрять еще рано, потому что вы изволите полагать, что время для воззванія отъ Россіи къ единовѣрнымъ племенамъ должно послѣдовать только въ исходѣ будущаго года. Притомъ, въ настоящее время возстаніе этеріи на югѣ — и противъ воли греческаго правительства—могло бы имѣть послѣдствіемъ занятіе Греціи или турками, или англичанами, или французами.

Кн. М. Д. Горчаковъ — кн. И. О. Паскевичу.

Въ собственноручномъ ко мнѣ письмѣ отъ 1-го (13-го) декабря государь императоръ изволилъ выразить, что форсированіе переправы Дуная выше Руцука, равно какъ послѣдующія отсюда дѣйствія, были бы сопряжены съ большими трудностями и въ замѣнъ сего его императорскому величеству благоугодно было начертать слѣдующій операціонный планъ: 1) форсировать переправу на нижнемъ Дунаѣ; 2) овладѣть Тульчею, Исакчею, Мачиномъ и Гирсовымъ, и выдвинуть нашъ лѣвый флангъ до Траянова вала; 3) послѣдующую затѣмъ переправу сдѣлать ниже Силистріи; 4) по исполненіи сего, пройти правымъ берегомъ Дуная въ Западную Булгарію; по прибытіи нашемъ по правому берегу къ Руцуку, строить новый мостъ на Дунаѣ, выше Руцука, осадить и взять эту крѣпость, стараться разбить непріятеля въ полѣ и распространить поиски въ направленіи Балкановъ и Сербіи, дабы возбудить и поддержать возстаніе тамошнихъ православныхъ племенъ.

Что форсированный переходъ Дуная выше Руцука былъ бы сопряженъ съ большими трудностями, въ этомъ и я былъ убѣжденъ, — какъ ваше сіятельство, конечно, усмотрѣли изъ записокъ моихъ отъ 21-го и 29-го ноября, — но я считалъ преодоленіе сихъ трудностей неизбѣжнымъ. Свѣтлая мысль государя императора — произвести вторую переправу ниже Силистріи и потомъ достигнуть Западной Булгаріи правою стороною Дуная — отстраняетъ всѣ неудобства форсированія переправы близъ Никополя, столь справедливо его императорскимъ величествомъ замѣченныя, и мнѣ остается только развить подробности исполненія высочайшихъ указаній, здѣсь вкратцѣ изложенныхъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ сему, считаю долгомъ объяснить: а) что поелику вторая переправа близъ Силистріи послѣдуетъ, вѣроятно, во время самаго полноводія Дуная, то, можетъ быть, нельзя будетъ тамъ навести постоянного моста. Впрочемъ, это обстоятельство сущности дѣла не измѣняетъ; пребываніе наше у Силистріи будетъ весьма

кратковременное, т. е. лишь необходимое для взятія провіанта и перевозки на правый берегъ нѣкоторыхъ войскъ. Для этой цѣли достаточно имѣть перевозныя суда и флотилію для прикрытія ихъ. Поднять же суда и флотилію отъ низовьевъ Дуная будетъ весьма легко; в) пройдя Силистрію, лучше будетъ устроить мостъ у Туртукад, когда мы овладѣемъ симъ пунктомъ съ праваго берега. Тутъ мы будемъ имѣть ближайшее сообщеніе съ центромъ Валахіи и доставленіе продовольствія къ задунайскимъ войскамъ весьма облегчится. Потомъ отъ меня будетъ зависѣть, по обстоятельствамъ, или поднять мостъ ближе къ Рущуку во время осады этой крѣпости или же оставить его на мѣстѣ до взятія оной и послѣ того поднять къ Никополю. Для устройства моста у Туртукая нужно будетъ построить суда и приготовить всѣ мостовыя принадлежности въ рѣкѣ Аржисѣ.

Для исполненія же плана кампаніи я полагаю, что всего удобнѣе принять слѣдующія основанія:

1-я эпоха.

Зимою, коль скоро окажется къ тому удобство, не подвергая войскъ большому изнуренію отъ холода или ненастія.

Усиленіе Краіовскаго отряда 12-ю пѣхотною дивизіею; движеніе къ Калафату; овладѣніе этимъ пунктомъ или вогнаніе непріятеля въ окопы и потомъ сернированіе его редутами.

2-я эпоха.

Когда появится подножный кормъ и дороги сдѣлаются удобопроходимыми, примѣрно, 15-го апрѣля.

Генераль-адъютантъ Лидерсъ съ 8-ю пѣхотною дивизіею, 2-ю бригадою 14-й, всею 15-ю и 1-ми бригадами 3-й и 5-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій форсируетъ переправу на нижнемъ Дунаѣ; ему содѣйствуютъ со стороны Сатунова 7-я пѣхотная дивизія и 2-я бригада 3-й легкой кавалерійской, которыя поступаютъ временно подъ его начальство. Относительно подробностей форсированія прилагается здѣсь особая записка.

По переходѣ за Дунай, генераль-адъютантъ Лидерсъ беретъ Исакчу, Тульчу, Мачинъ и Гирсово; приспособляетъ укрѣпленія Тульчи и Исакчи для обороны правой стороны Дуная. Гирсовымъ онъ старается овладѣть сколько можно скорѣе, возводитъ тамъ мостовое укрѣпленіе и поднимаетъ къ этому пункту ближайшій изъ мостовъ нижняго Дуная, дабы учредить кратчайшее сообщеніе съ Валахіею. Потомъ генераль-адъютантъ Лидерсъ выдвигается до Траянова вала.

Въ продолженіе всего времени генераль-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ охраняетъ нашу западную границу до устья рѣки Буга 16-ю дивизією и резервами 10, 11, 12, 14 и 15-й дивизій; генераль Даненбергъ—Большую и Малую Валахію съ 9-ю пѣхотною дивизією, 4-мъ корпусомъ и 2-ю бригадою 5-й легкой кавалерійской дивизіи, имѣя въ Малой Валахіи отъ этихъ войскъ отрядъ, коего сила опредѣлится обстоятельствами. Между тѣмъ, 1-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи, смѣненная въ Крыму 17-ю дивизією, присоединяется ко 2-й бригадѣ своей.

Примѣчаніе. Бригадѣ сей сухимъ путемъ изъ Крыма до Рени 36 переходовъ, или 50 дней марша. Посему весьма бы желательно, чтобы она перевезена была изъ Крыма до Одессы или до Авермана нашимъ флотомъ; кажется, этой перевозкѣ неприятелю будетъ трудно воспрепятствовать.

3-я эпоха.

Примѣрно съ 15-го іюня.

Генераль-адъютантъ Лидерсъ переходитъ въ окрѣстности Силистріи съ 8, 14 и 15-й дивизіями и 1-ми бригадами 3-й и 5-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій. Къ его приходу должны туда быть подняты: большая часть нашей флотиліи и мостъ или перевозныя суда. Во время пребыванія его тамъ, генераль Даненбергъ остается въ Валахіи съ прежними войсками, кромѣ 9-й дивизіи, которую переводитъ на правый берегъ Дуная у Силистріи. У Траянова вала останутся 7-я дивизія и 2-я бригада 3-й легкой кавалерійской дивизіи. Къ нимъ присоединится и 14-я дивизія, коль скоро 9-я переправится на правый берегъ. Эта эпоха продолжится, примѣрно, 10 дней.

4-я эпоха.

Примѣрно съ 25-го іюня.

Генераль-адъютантъ Лидерсъ переходитъ къ Туртукаю. Генераль Даненбергъ устраиваетъ мостъ противъ сего пункта и тутъ дѣлается обмѣнъ войскъ; 6-я, 9-я пѣхотныя дивизіи, 1-я бригада 5-й легкой кавалерійской дивизіи и весь 4-й корпусъ (кромѣ отряда Малой Валахіи) предназначаются для дѣйствій за Дунаемъ—подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Даненберга.

Генераль-адъютанту Лидерсу съ 7, 14 и 15-ю пѣхотными дивизіями, 1-ми бригадами 3-й и 5-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій и Маловалахскимъ отрядомъ предоставляется охраненіе Валахіи и линіи Траянова вала.

Я полагаю, что мнѣ нужно будетъ лично присутствовать при войскахъ, которыя будутъ форсировать переправу черезъ Дунай, и потому дѣйствовать на правомъ берегу сей рѣки, исключая того случая, если бы турки предприняли сильное наступленіе въ Валахію, во время первыхъ дѣйствій нашего лѣваго фланга.

Примѣчанія: 1) Если послѣ движенія къ Силистріи будетъ опасно оставить войска у Траянова вала, то генералъ-адъютантъ Лидерсъ приказываетъ 14-й дивизіи отступать къ Гирсову и занимаетъ ею тамошнее мостовое укрѣпленіе, равно какъ Галацъ и Браилловъ; а 7-ю пѣхотную дивизію и 2-ю бригаду 3-й легкой кавалеріи, отсылаетъ къ Рени и Измаилу подъ начальство генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена; отъ сихъ войскъ занимаются Исакча и Тульча для прикрытія моста у Сатунова, передъ которымъ нужно заблаговременно устроить мостовое укрѣпленіе.

2) Въ продолженіе осады Рушукъ, можно будетъ присоединить къ 4-му корпусу войска, въ Малой Валахіи отъ онаго оставленныя, замѣнивъ ихъ отрядомъ отъ войскъ 3-го корпуса.

3) Само собою разумѣется, что изъясненное выше распредѣленіе войскъ подчиняется обстоятельствамъ и дѣйствіямъ непріятеля. Быть можетъ, что во вторую эпоху нужно будетъ имѣть для форсированія переправы и дѣйствій въ Бабадагской области болѣе войскъ, чѣмъ предположено, а въ Валахіи менѣе. Равномѣрно можетъ статься, что по обстоятельствамъ будетъ полезно въ четвертую эпоху усилить войска за Дунаемъ частію тѣхъ, которыя предполагается оставить въ Валахіи.

Кн. М. Д. Горчаковъ — императору Николаю Павловичу.

Позвольте повергнуть къ стопамъ В. И. В. поздравленіе войскъ вашихъ по случаю наступающаго новаго года.

Въ письмѣ отъ 9-го сего мѣсяца, В. И. В. благоугодно было выразить, что время для переправы черезъ Дунай на лѣвомъ флангѣ было бы, кажется, въ половинѣ марта. Мысль эта совершенно справедлива; чѣмъ ранѣе мы подыдемся, тѣмъ лучше для насъ и тѣмъ хуже для турокъ. Но вопросъ трудный: какъ за Дунаемъ кормить лошадей прежде чѣмъ на полѣ будетъ достаточно травы, а безъ прокорма лошадей и люди останутся безъ довольствія, потому что не на чемъ будетъ подвозить провіанта. На мѣстныхъ средства рассчитывать нечего. Если что и есть, то турки при отступленіи истребятъ, подвозить же изъ за Дуная сѣно, для большаго числа войскъ и на большое разстояніе, невозможно. Чтобы осуществить мысль В. В., мы ломали себѣ три дня голову съ генералъ-интендантомъ, и, наконецъ, придумали слѣдующее. Заготовивъ заранѣе сѣно на нѣсколькихъ пунктахъ лѣваго берега Дуная, будетъ возможность прокормить войска за рѣкою и до времени появленія хорошей травы, при слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы число войскъ за Дунаемъ не

превышало первоначально двухъ съ половиною пѣхотныхъ дивизій съ тремя донскими полками; и 2) чтобы войска эти не удалялись отъ Дуная болѣе какъ на три марша.

Для овладѣнія крѣпостцами Бабадагской области, помянутаго числа войскъ будетъ достаточно: ибо раннею весною, вѣроятно, турецкой арміи тамъ не будетъ. Поэтому я приступаю теперь же къ заготовленіямъ для форсирования нижняго Дуная въ половинѣ марта. Но далѣе Гирсова, къ Черноводамъ и Силистріи, кажется, со столь малымъ числомъ войскъ, идти впередъ будетъ трудно, и потому, вѣроятно, придется начать движеніе отъ Гирсова къ Силистріи въ маѣ, когда можно будетъ уже косить траву. Впрочемъ, нужно будетъ-соображаться съ обстоятельствами, имѣя въ виду, что чѣмъ ранѣе дойдемъ до Рушукъ, тѣмъ лучше. Въ послѣдней запискѣ моей я вездѣ выставилъ дальнѣйшіе, по вѣроятности, сроки различныхъ эпохъ, въ томъ вниманіи, что при движеніи по правому берегу Дуная мнѣ будутъ часто встрѣчаться остановки, ибо я буду идти поддавая лѣвый флангъ непріятельской арміи и обходя его крѣпость; исполняя такое движеніе, при коемъ турки насъ будутъ тревожить, надобно будетъ имѣть всѣ запасы при самыхъ войскахъ, и съ огромнымъ обозомъ идти сомкнуто—какъ въ ящикѣ — т. е. медленно.

Непокорныя деревни Малой Валахіи усмирены, и замѣчательно, что напредъ сего ослушныя драбанцы приняли въ этомъ усмиреніи похвальное участіе. Не междѣ того, какъ выходцы стараются мутить край, я разрѣшилъ графа Анрепа выдвинуться до Бойлешти, въ 35-ти верстахъ отъ Калафата. Это выгодно тѣмъ, что успокоитъ край и стѣснить непріятеля; невыгоды двѣ: одна—близость непріятеля, но отрядъ уже усиленъ 4-мя баталіонами; другая, что войска нашего отряда будутъ тѣсно расположены по безлѣснымъ деревнямъ, гдѣ, можетъ быть, потерпятъ отъ холода. Я приказалъ графу Анрепу быть крайне осторожнымъ и если усмотритъ, что настоящее расположеніе отряда въ какомъ-либо отношеніи невыгодно, то возвратиться къ Краіову, и ожидать тамъ прибытія остальныхъ полковъ 12-й дивизіи, приходящихъ въ Краіово въ послѣднихъ числахъ декабря и началѣ января. Я самъ тогда приѣду въ Малую Валахію, чтобы ближе видѣть положеніе дѣлъ. Известно, что турки столь сильно укрѣпились, что предпринимать штурмъ Калафата было бы невыгодно, и это меня мало озабочиваетъ; но опасаясь другаго, что сернировку непріятельской позиціи редутами нельзя будетъ начать прежде какъ тогда, когда будетъ возможность держать войска въ лагерѣ: примѣрно, въ концѣ февраля, ибо около Калафата нѣтъ селеній, гдѣ бы укрыть

войска отъ холода. Впрочемъ, ежели бы до этого времени пришлось имѣть авангардъ не ближе Бойлешти, то и въ семь бѣды мало.

Сейчасъ возвращаюсь отъ осмотра первыхъ двухъ баталіоновъ 3-го корпуса (Кременчугскаго егерскаго полка), которые вступили въ Букарестъ. Люди отлично сбережены и бодры; во взводахъ по 32 ряда.

Вчера и сегодня прослѣдовалъ черезъ Букарестъ Алексопольскій егерскій полкъ (8-й пѣхотной дивизіи); и нашелъ его въ большомъ порядкѣ.

Вашему императорскому величеству извѣстно, что, не ожидая прибытія сюда 8-й дивизіи, я направилъ въ Малую Валахію сперва одинъ полкъ 12-й, а потомъ и остальные три.

Войска эти придутъ около 6-го января въ окрестности Бойлешти, гдѣ останутся на тѣсныхъ квартирахъ. Между 10-мъ и 15-мъ я полагаю подойти съ ними къ Калафату, дабы рѣшить что предпринять. По всѣмъ извѣстіямъ, турки готовятся къ отпору, имѣя болѣе 50-ти орудій въ укрѣпленіяхъ. Но есть слухи, что между пашами раздоръ, и я не теряю надежды, что, можетъ быть, турки уберутся за рѣку, когда увидятъ, что имъ угрожаютъ большія силы. По сіе время сближеніе отряда графа Анрепа, усиленнаго уже однимъ полкомъ, въ окрестности Бойлешти для стѣсненія турокъ имѣло хорошіе результаты.

По собраніи потребныхъ свѣдѣній отъ лицъ, предлагавшихъ услуги для сбора волонтеровъ, я отправляю теперь генерала Салоса въ Браиловъ, для набора нынѣ же, въ видѣ опыта, одного баталіона волонтеровъ, съ платою каждому рядовому ежедневно: по 15-ти копѣекъ серебромъ на жалованіе, и по 11-ти копѣекъ на продовольствіе; каждому человѣку будетъ отъ насъ выдано ружье съ патронами, къ чему добавятся тесаки и пистолеть, какъ скоро таковыя будутъ доставлены. Одежда людей собственная. Условія эти для насъ выгодны. Обѣщаютъ, что вербовка пойдетъ успѣшно.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр. Князь Горчаковъ.

Донесеніе кн. Паскевича императору Николаю Павловичу.

Вчера изъ депеши Мейендорфа, сегодня изъ газетъ, видно, что флоты Англій и Франціи получили приказаніе войти въ Черное море. Намъ, слѣдовательно, надо ожидать всего и ко всему приготовляться. Для этого необходимо прежде всего укрѣпиться на лѣвомъ флангѣ и особенно въ центрѣ. Кн. Горчаковъ сообщилъ мнѣ предположенія свои на счетъ будущихъ дѣйствій противъ Турціи. Давно уже думавъ о семъ предметѣ, я приготовилъ было ему отвѣтъ; но въ то же время получилъ, по высочайшему повелѣнію В. В., отъ военнаго министра копію съ записки кн. Горчакова (см. выше).

Не зная будутъ ли мысли мои сходны съ предначертаніями В. И. В., я не отослалъ отвѣта кн. Горчакову, а осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить проектъ моего письма, въ томъ видѣ, какъ я приготовилъ было его частнымъ образомъ для кн. Горчакова.

Примѣчаніе. Упоминаемый здѣсь проектъ письма князя Варшавскаго на имя князя Горчакова былъ уже напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1876 года, подъ заглавіемъ: «Мысли кн. Паскевича о планѣ военныхъ дѣйствій» (томъ XV, стр. 181—191).

На этомъ проектѣ письма императоръ Николай сдѣлалъ, 6-го января 1854 г., слѣдующую собственноручную отмѣтку:

«Почти все согласно съ моимъ мнѣніемъ, кромѣ того, что князь считаетъ важнѣе взять Силистрію, чѣмъ Русуку; быть можетъ, что такъ; пусть князь Горчаковъ рѣшить по обстоятельствамъ. Перевозка осадной артиллеріи водою не представитъ затрудненій, когда уже овладѣемъ низовьемъ Дуная».

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Одинъ изъ портретовъ Пугачева.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о довольно замѣчательномъ портретѣ Пугачева, мною пріобрѣтенномъ. Гравюра вырѣзана на стали и оттиснута черною манерой; высота ея съ подписью $10\frac{1}{4}$ вершковъ, ширина 7 вершковъ; поля обрѣзаны и потому имя гравера неизвѣстно. Но, судя по орфографически неправильной русской подписи, также подписи и дубоватымъ виршамъ на нѣмецкомъ языкѣ, весьма вѣроятно, что настоящая гравюра есть произведение иностраннаго художника, и была, можетъ быть, приложена къ какому-нибудь нѣмецкому изданію, котораго предметомъ были рассказы о самозванцѣ. Онъ изображенъ на портретѣ: въ тулупѣ, съ довольно широкою мѣховою оторочкою, изъ-подъ котораго видна рубашка съ высокимъ воротомъ; лицо продолговатое, худощавое съ выдавшимися скулами, уши большія ¹⁾, волосы назади довольно длинныя, спереди падаютъ на лобъ, подстрижены по-русски; носъ длинный и тонкій съ широкими ноздрями, и между рѣзко очерченными бровями, немного выше переносья—бородавка; глаза, которыхъ наружные углы нѣсколько приподняты къ вискамъ, выражаютъ энергическую волю и неумолимую жестокость; надъ тонкими сжатыми губами большіе усы, соединяющіеся съ небольшою, но густою лопатовидною бородою, покрывающей только одинъ подбородокъ. Обѣ руки опущены, за правую руку преступникъ прикованъ къ стѣнѣ цѣпью съ большими и плоскими звеньями. Выраженіе лица вполне звѣрское.

¹⁾ Считаю необходимымъ замѣтить, что на описываемомъ портретѣ фигура обращена болѣе вправо, потому и видна вполнѣ лѣвая сторона лица, такъ, что лѣвая пола тулупа закрываетъ правую сторону; на портретѣ, приложенномъ къ «Русской Старинѣ» 1870 г., (изд. третье, томъ II) выходитъ наоборотъ, такъ какъ фигура обращена влѣво.

Подъ описанною нами гравюрою, слѣдующіе подписи и стихи:
Поллинное изображение буншовщика и обманщика Емельяна Пугачева.

Betrachtet dieses Bild, lernet wohl bedencken wie mancher Mensch auf Erd
sich laest vom Teufel lencken.

Lass er selbst Teufel wird de menschliche Geschlechte
U. thut wass wieder Gott u. wieder desse Rechte,
Schaut aber nur aufs End. der gross u. klein Rebelle
So wird sich jeder Zeit euch solches End darstelle.
Wo Schauder, Furcht u. Qual durch alle Adern dringen

Wahre Abbildung des Rebellen und Betrügers Iemelka Pugatsew.

Drum lasst Euch Pugatschew jetzt zur Entschliessung bringen;
An Gott u. seine Word, zu werden ein Rebelle
Denn, bleibt die Straf nicht aus, bey Menshe auf d. Stelle
So muss der Schöpfer selbst, weit strenger sich erzeuge
Damit das G'schöpffe lernt sich vor sein'm
Richter beugen.

U. dieses wohl bedenckt dass der so andern schadt
Am meist sich selbste schadt, mit jeder bösse That.

Примѣчаніе. Смыслъ нѣмецкихъ вѣршей состоитъ въ поученіи, чтобы вслѣдъ, смотря на изображеніе Пугачева, размыслилъ о бѣдственномъ концѣ, къ которому приходитъ человѣкъ, поддавшійся дьявольскому искушенію; возставая противу Бога и Его законовъ, дѣлается самъ дьяволомъ человѣческаго рода, и, вредя другимъ, каждымъ преступленіемъ своимъ устраиваетъ свою собственную гибель.

Сообщ. Н. В. Губертн.

Расправа съ Пугачевцами.

(НАРОДНЫЙ РАЗСКАЗЪ).

Пугачевъ былъ схваченъ и отправленъ въ Москву, но Пугачевщина, если понимать ее въ смыслѣ ожесточенія одного сословія на другое, воровой, безпощадной рѣзни,—еще не кончилась. Мощная волна народнаго недовольства улеглась не сразу; буря была сильна, но для ея усмиренія требовались уже не такія экстренныя мѣры какъ послышка даровитыхъ полководцевъ: то, что начато было правительствомъ, могло быть довершено владѣльцами безчисленныхъ помѣстій. Помѣщики, опасаясь за свою жизнь, явились мстителями за прежнія бѣды, во всеоружіи своей власти. Многія усадьбы стали мѣстомъ пытокъ и казней. Пугачевцамъ рѣзали уши; ихъ били плетми и вѣшали, какъ въ былое время Разинцевъ. Пощадъ не было и высшіе классы не отстали въ жестокости отъ низшихъ. По всей Волгѣ Сызранцы до сихъ поръ слывать подъ именемъ ухорѣзовъ. Характерное при словье...

Прошло болѣе ста лѣтъ со времени Пугачева и его «мужицкаго царства». Память о жестокой расправѣ успѣла сложиться въ рассказъ о казни двороваго Оома. Рассказъ этотъ я слышалъ на Волгѣ, въ Сибирской губерніи.

Оома дворовый былъ пугачевецъ и его рѣшили повѣсить. Поставили рѣми, вздернули Оому, только веревка подъ нимъ оборвалась... Упалъ Оома съ рѣлей,

а баринъ подошелъ и спрашиваетъ: «Что, Гома, горька смерть?»—Охъ, горька! говоритъ. Всѣ думали, что баринъ помируетъ, потому что видимо Божья воля была на то, чтобы крѣпкая веревка да вдругъ оборвалась. — Нѣтъ: не помиловалъ, велѣлъ другую навязать. Опять повѣсили,—и на этотъ разъ Гома сорвался. Баринъ подошелъ къ нему, опять спрашиваетъ: «Что, Гома, горька смерть?» Охъ, горька,—чуть слышно прохрипѣлъ Гома.—«Вздернуть его въ третій разъ! Нѣтъ ему милости!» И такъ, счетомъ, повѣсили барскаго человѣка три раза.

Народъ, по всей вѣроятности, былъ пораженъ тѣмъ, что во время описанной казни нарушена была не одна человѣческая, но и Божья правда. Вотъ почему приведенный рассказъ такъ памятенъ ему.

Сообщ. Д. Садовниковъ.

Зубовы.

Списокъ членовъ семейства Александра Николаевича Зубова (см. «Русскую Старину», томъ XVI, стр. 593 — 594) несовсѣмъ полонъ и точенъ, такъ какъ основанъ на «Родословной книгѣ», изд. кн. Долгоруковыми, заключающей въ себѣ, какъ оказывается, не совсѣмъ вѣрныя свѣдѣнія о происхожденіи этой фамиліи. На основаніи болѣе точныхъ данныхъ, сообщенныхъ редакціи однимъ изъ нашихъ трудолюбивыхъ изслѣдователей отечественной генеалогіи, дополняемъ родословіе семейства Зубовыхъ слѣдующими свѣдѣніями.

Сами Зубовы вели свое происхожденіе отъ одного родоначальника, какъ и Баскаковы, именно отъ татарскаго баскака Амрагана, во св. крещеніи Захарія, бывшаго во второй половинѣ XIII вѣка намѣстникомъ въ Владимірѣ (См. о немъ Исторію Карамзина, изд. Эйверлинга, VI, 65).

Отецъ Александра Николаевича Зубова былъ женатъ два раза: 1) на Татьянѣ Алексѣевнѣ Трегубовой (въ мартѣ 1790 А. Н. Зубовъ ходатайствовалъ о возведеніи дяди своего Трегубова въ княжеское достоинство, см. «Русскую Старину» томъ XVI, стр. 603), и 2) на Агафинѣ Ивановнѣ Наумовой—бывшей, какъ есть основаніе предполагать, камеръ-юнгферой императрицы Елисаветы Петровны. Кроме сына Александра, у Николая Зубова (дѣда Платона) былъ еще сынъ Василій (неизвѣстно, отъ перваго или отъ втораго брака).

Александръ Николаевичъ Зубовъ и всѣ его сыновья (за исключеніемъ Валеріана) начали служебное свое поприще въ Конной гвардіи, въ чемъ удостоверяютъ подлинныя патенты, выданные упомянутымъ лицамъ въ царствованіе императрицъ Елисаветы и Екатерины.

Александръ Николаевичъ произведенъ изъ вахмистровъ въ корнеты 26-го мая 1751 г., изъ поручиковъ Конной гвардіи уволенъ за болѣзнію подполковникомъ въ Ландмилицкій корпусъ — 25-го ноября 1758 года. Сыновья его: Николай — изъ вахмистровъ въ корнеты 1-го января 1783 года (патентъ за собственноручною подписью императрицы выдавъ 9-го марта 1784 г.), изъ подпоручиковъ въ поручики 1-го января 1786 г. (патентъ 9-го іюля 1786 г.). Дмитрій — изъ секундъ-ротмистровъ въ камеръ-юнкеры ранга сухопутнаго бригадира — 31-го октября 1789 года (патентъ 31-го октября 1793 года). Платонъ — изъ вахмистровъ въ корнеты — 1-го января 1784 года (патентъ 9-го августа того-же года), изъ корнетовъ — въ подпоручики 1-го января 1785 г. (патентъ 16-го октября), въ

поручики 1-го января 1786 г. (патентъ 10-го февраля), въ секундъ-ротмистры— 1-го января 1789 г. (патентъ 20-го декабря). Валеріанъ—какъ значится въ подлинномъ патентѣ (16-го октября 1785 г.) на производство изъ вахмистровъ въ корнеты Коннаго полка—службу свою началъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку, изъ котораго перешелъ въ Конный. Изъ корнетовъ въ подпоручики онъ былъ произведенъ 1-го января 1788 года (патентъ 10-го февраля).

Годлевскіе.

Въ Запискахъ Т. П. Пассекъ («Русская Старина», 1876, томъ XVI, стр. 325) помѣщено письмо К. Годлевскаго къ Богдану Васильевичу Пассеку о геройской кончинѣ Діоміда Васильевича Пассека.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ авторѣ этого письма, генералъ-маіорѣ Кириллѣ Осиповичѣ Годлевскомъ, обратившемъ на себя вниманіе кн. Воронцова тѣмъ, что при чтеніи проекта реляціи объ одномъ крупномъ дѣлѣ, ему доложили, что Годлевскій напуталъ въ своемъ донесеніи, такъ какъ, во время сраженія, въ горной батареѣ Годлевскаго, дѣйствовавшей съ разныхъ пунктовъ, въ ней насчитывалось, вмѣсто 8-ми, 9 орудій. Долго добивались отъ командира батареи, отчего произошла эта ошибка, наконецъ, Годлевскій вспомнилъ, что у него на этотъ разъ былъ съ собою запасный горный единорогъ ¹⁾, который, въ случаѣ нужды, вмѣсто лафета, прикрѣпился обыкновенно къ дрожечному ходу и дѣйствовалъ не хуже остальныхъ 8-ми орудій. Князь улыбнулся и замѣтилъ: «видно, что К. Годлевскій русскій человекъ и далеко не хвастуны; пусть бы и другіе такъ путали, какъ онъ. Передайте ему мое спасибо».

Зимой 1811 года, покойный государь Александръ I, подъѣзжая къ манежу, гдѣ приготовленъ былъ разводъ, замѣтилъ въ толпѣ молодаго красавца необыкновенно высокаго роста, на костыляхъ, съ бумагою въ рукавѣ. Подойдя къ нему и принявъ просьбу штабъ-капитана Ивана Годлевскаго, государь внимательно прочиталъ ее.

Просьба эта заключалась въ томъ, что Иванъ Годлевскій, узнавъ, что отецъ его, Кузнецкаго уѣзда (Томской губерніи) исправникъ, попалъ безъ суда ²⁾ въ ссылку, въ каторжныя работы,—съ согласія двухъ старшихъ братьевъ ³⁾, умолялъ государя освободить 67-ми лѣтняго отца, замѣнивъ его сыновьями, которые, не смотря на ихъ тяжелыя раны, въ состояніи болѣе старика принести пользы въ Сибири.

— «Онъ, можетъ быть, преступникъ,—сказано было въ заключеніи просьбы,—но онъ нашъ отецъ! Возьмите, государь, наши чины, наши ордена и пенсіи и позвольте цѣною этой жертвы искупить вину нашего родителя!»

— «Отецъ такихъ честныхъ дѣтей не можетъ быть негодяемъ», сказала императоръ, передавая просьбу дежурному генералъ-адъютанту; потомъ, обращаясь къ просителю, милостиво добавилъ: «явитесь къ военному министру; онъ объявитъ вамъ мою волю».

¹⁾ Случайно найденный при преслѣдованіи одной изъ разбитыхъ шаекъ Шамля.

²⁾ По анонимному доносу въ принятіи подарка 2-хъ рублей (!?) по какому-то дѣлу.

³⁾ Израненные и утѣшанные орденами подполковники: Осипъ Осиповичъ—Нейшлотскаго, и Петръ Осиповичъ Минскаго пѣхотныхъ полковъ.

Старикъ Годлевскій не захотѣлъ, однакожъ, воспользоваться монаршемъ милостію. Онъ требовалъ и добился строжайшаго слѣдствія и суда, который исполнѣ оправдалъ его и возвратилъ къ прежней должности.

Старикъ и всѣ три сына его, о которыхъ здѣсь говорится, давно уже въ землѣ, а самый младшій сынъ ссыльнаго, другъ и еслуживецъ Пассека, Кирилъ Осиповичъ Годлевскій, доживавшій послѣдніе годы на родинѣ, въ Кузнецкѣ, скончался недавно и погребенъ рядомъ съ могилкою отца.

А. С. Ламачевскій.

Повелѣніе императора Николая о цѣнѣ за могилы.

1826 г.

Милостивый государь мой, князь Петръ Сергѣевичъ! ¹⁾ Государь императоръ, усмотрѣвъ изъ представленнаго гофъ-маршаломъ Нарышкинымъ отчета въ употребленныхъ на погребеніе тѣла покойной камеръ-фрейлины ихъ императорскихъ величествъ графини Протасовой издержкахъ, что въ Александро-Невскую лавру заплачено 8 т. р., по поданному впередъ еще отъ ризничаго іеромонаха Рафаила счету, Высочайше отозваться соизволилъ, что сумму таковую находить чрезмѣрною и выходящею изъ всякаго приличія; притомъ Его Величество видитъ въ толь огромномъ на монастырь сборѣ за исправленіе необходимыхъ духовныхъ требъ—вовсе не соответствующій лицамъ священнаго и монастырскаго сана поступокъ, предосудительный для христіанства вообще, ибо изъ сего выходитъ какъ-бы нѣкоторый торгъ. По уваженію таковыхъ причинъ, Его Императорское Величество указать изволилъ, чтобы впередъ за мѣста для погребенія въ Александровской лаврѣ принимаемо было въ уплату: если въ самой церкви, то не болѣе 1000 р., а внѣ оной—200 р. (ассигн.).

О таковой высочайшей волѣ, къ должному оной отъ кого слѣдуетъ исполненію, сообщая чрезъ сіе вамъ, милостивый государь мой, съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. князь Ал. Голицынъ.

Читано государю императору въ Царскомъ Селѣ 31-го мая 1826 года.

¹⁾ Мещерскій, оберъ-прокуроръ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ.

Описаніе его бракосочетанія.

1801 г.

Помѣщаемое ниже описаніе свадьбы Н. М. Карамзина есть шутка-пародія составленная, изъ разныхъ строкъ соч. самаго Карамзина, однимъ изъ его литературныхъ противниковъ въ 1801 г. Ред.

Кажется, вся природа брала участіе особенное въ свадьбѣ Б.....; церемоніаль ея заслуживаетъ особеннаго вниманія. Заря утренняя начала уже красить восточное небо и розовый свѣтъ сыпался на бѣлые граниты, но солнце не выказывало еще лица своего, когда начался благовѣсть вздохами чувствительныхъ сердець; онъ продолжался до тѣхъ поръ, пока

Солнце красное явилось
На лазури неба чистаго,
И лучами злата яркаго
Освѣтило рошу тихую.....

Въ эту минуту стenanія престаи, потому что она была назначена для бракосочетанія. Здѣсь опишу я мѣсто, на которомъ должно было ему совершиться. Въ тѣни липовой роши возвышается небольшой ходникъ, розмаринами увѣнчанный; внизу разстилаются тучные густозеленые, бѣлыми, синими и красными цвѣточками распещренные луга, за которыми по желтымъ пескамъ журчитъ кристалльный ручеекъ; далѣе пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнью деревъ, поютъ простыя пѣсни и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни. На верху холмика стоитъ миртовая бесѣдка съ надписью: храмъ любви; въ ней все просто, но все дышетъ любовью. Простой деревный жертвенникъ, украшенный ландышами и васильками, сооруженъ посреди ея; на жертвенникѣ статуя божества, которому посвященъ храмъ сей. По стѣнамъ видны изображенія Геркулеса, сгорающаго отъ любви къ Амфалии; Венеры, млбующей въ объятіяхъ Марса; Пенелопы съ ея безконечною тканью и проч. Входъ стерегутъ два купидона съ язвительными своими стрѣлами. Здѣсь-то долженъ былъ Карамзинъ получить руку своей любезной; минута соединенія ихъ наступила, и

Улыбнулось все твореніе,
Воды съ блескомъ заструилися,
Травки, ночью освѣженны
И цвѣточки благовонны
Растворили воздухъ утренній

Сладкимъ духомъ, ароматами.
 Всѣ кусточки оживилися
 И пернатая малюточка,
 Ковопляночка съ малиновкой,
 Въ нѣжныхъ пѣсняхъ славить начали
 День, безпечность и спокойствіе.

Однимъ словомъ,

Никогда въ Россійской области
 Не бывало утро лѣтнее
 Веселѣе и прекраснѣе.

Страстные любовники выступили изъ мирныхъ своихъ шалашей, чтобъ идти ко храму; самые жители Олимпа осчастливили своимъ присутствіемъ чувствительныхъ любовниковъ; вотъ порядокъ ихъ шествія:

- 1) Аполлонъ впереди.
- 2) За нимъ 9 музъ со своими атрибутами.
- 3) Невзвезданный Пегасъ.
- 4) Три Граціи.
- 5) Игры, смѣхи и веселости, съ корзинами фіалокъ и незабудочекъ, которыми усыпали путь любовниковъ.
- 6) Новобрачные въ бѣлыхъ одеждахъ съ распущенными по плечамъ волосами и препоясанные розовыми гирляндами.
- 7) Вторая половина игръ и смѣховъ.
- 8) Три купидона, навьюченные твореніями жениха.
- 9) Маршъ заключался толпою чувствительныхъ писателей разныхъ лѣтъ и состояній, съ заплаканными глазами, съ воздымающеюся отъ вздоховъ грудью и съ бѣлыми платками въ рукахъ.

Въ такомъ точно порядкѣ пришла процессія въ храмъ, гдѣ жрецъ природы, въ одеждѣ небснаго цвѣта, ожидалъ ихъ; на правомъ крилосѣ пѣли соловьи, а на лѣвомъ—желтобокіе чижики.

Обрядъ бракосочетанія.

Новобрачные имѣли въ рукахъ по букету ландышей. Жрецъ природы, предшествуя имъ, пѣлъ съ обоими ликами слѣдующій псаломъ съ пригѣвомъ: „лишась способности грѣшить“:

И другу, недругу закажемъ
 Кого-нибудь въ соблазнъ вводить,
 Лишась способности грѣшить.
 Прямымъ раскаянемъ докажемъ,
 Что можемъ праведными быть,
 Лишась способности грѣшить.
 Отнынѣ будетъ все пное,

Чтобъ строгимъ людямъ угодить,
 Лишась способности грѣшить.
 Мужей оставимъ мы въ покоѣ,
 А женъ начнемъ добру учить,
 Лишась способности грѣшить.
 Среди собраній свѣтскихъ будемъ
 Ругать какъ можно злѣе свѣтъ.
 Лишась способности грѣшить.

Послѣ сего жрецъ природы говорилъ краткое поучительное слово, слѣдующаго содержания: „Именемъ природы заклинаю васъ любить другъ друга; именемъ той, которая велика въ трескѣ громовъ и бурь, въ дыханіи зефира и ревѣ борей“. (Въ это время сильно подулъ вѣтеръ). По окончаніи же слова, жрецъ спросилъ: „Кроткій юноша! Хочешь-ли ты соединить судьбу свою съ судьбой этой дѣвицы?“ — На что К.... отвѣчалъ:

«Чиномъ я не генералъ
 И богатства не имѣю.
 Но любить тебя умѣю!...»

Потомъ жрецъ спросилъ о томъ же и невѣсту.

Тутъ прекрасная вздохнула,
 На любезнаго взглянула
 И сказала: «я твоя!...»

Послѣ того жрецъ читалъ слѣдующія воззванія къ купидону:
 Жрецъ. Воззовемъ къ природѣ!
 Ликъ. Мать любезная природа!

Жрецъ.

Очарованъ я тобою,
 Богъ, играющій судьбою;
 Богъ, коварный купидонъ,
 Ядовитою стрѣлою
 Ты лишилъ меня покоя.
 Какъ ужасенъ твой законъ,
 Мудрыхъ мудрости лишая....

Хоръ.

Священная природа!...
 Твой вѣрный другъ и сынъ
 Невиненъ предъ тобою,
 Ты сердце мнѣ дала!
 Твои дары благіе
 Украсили ее....
 Природа! ты хотѣла,
 Чтобъ я ее любилъ....

По окончаніи воззванія, двѣ горлицы принесли вѣнки для новобрачныхъ, которые жрецъ принялъ и, возложивъ на новобрачныхъ, говорилъ: „Сплетенный вамъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ туберозъ, изъ свѣжихъ ландышей, изъ юныхъ алыхъ розъ, для васъ однихъ сплетенъ онъ чистою рукою“.

Такъ же прокимень, гласъ 1:

Простите, скромные диваны,
Свидѣтели нескромныхъ сценъ!...

Стихъ къ Д.

Простите хитрости, обманы,
Бѣда мужей, забава женъ!...

и чтеніе

къ другу моего сердца, единственному, безцѣнному (А. Петрова).

Посланія чтеніе:

„Мы живемъ въ печальномъ мірѣ и кто имѣетъ друга, тотъ падн на колѣни и благодари! Мы живемъ въ печальномъ мірѣ, гдѣ часто страдаетъ невинность, гдѣ часто гибнетъ добродѣтель; но человѣкъ имѣетъ утѣшеніе — любить—сладкое утѣшеніе!... любить друга, любить добродѣтель!... любить и чувствовать, что мы любимъ!...“

Любезная! сіи двѣ слезы, которыя выкатились изъ глазъ моихъ, тебѣ посвящаю.

Чтеніе произнесла Любовь—Малиновка.

Тоже.

Второе чтеніе:

„Ты молчишь, прекрасная!... пожимаешь руку мою и слезы блистаютъ въ черныхъ глазахъ твоихъ. Ахъ! онѣ каплютъ на мое сердце, подобно перламъ нѣжнаго дождя, падающимъ сквозь солнце. Бѣлый флёръ подымается на груди твоей, сердца наши разумѣютъ другъ друга и я также могу плавать вмѣстѣ съ тобою.... Вотъ слеза моя!...“

Абіе малая ектенія и Граціи приносятъ со слезами чашу чувствительности. Жрецъ природы подноситъ ее трижды, сперва къ мужу, а потомъ женѣ, въ которую нѣжныя ихъ сердца прибавляютъ еще по нѣсколько капель сего небснаго дара. Граціи отдаютъ чашу зефирамъ, которые и относятъ ее во святилище.

Посемъ жрецъ ведетъ ихъ вокругъ жертвенника и поетъ настоящіе тропари, а за нимъ и оба лика:

Тропарь, гласъ А. (вмѣсто Исаія ливуй):

<Пора, друзья, за умъ намъ взяться:
Безпутство кинуть, жить путемъ:
Не вѣкъ за бабочкой гоняться,
Не вѣкъ быть рѣзвымъ мотылькомъ!>

Иной тропарь, гласъ Д. (вмѣсто Слава тебѣ и проч.):

«Какой законъ святѣ
Врожденныхъ сердца чувствъ?
Какая власть сильнѣ
Любви и красоты?»

Иной тропарь, гласъ 2 (вмѣсто Святыхъ мученицы):

«Я не воленъ,
Но доволенъ
И желаю плѣннымъ быть.
Милы узы
Ваши, музы,
Ихъ не тягостно носить!»

Музы сняли съ нихъ вѣнки.

Аполлонъ и вся процессія привѣтствовала ихъ.

А жрецъ говорилъ еще краткое поученіе:

«Любовь и дружба, вотъ чѣмъ можно,
Себя подъ солнцемъ утѣшать!
Искать блаженства намъ не должно,
Но должно менѣ страдать».

Новобрачные, ревностные послѣдователи своего исповѣданія, читали послѣ сего акафистъ природѣ, съ припѣвомъ:

«Мать любезная природа, улыбнись»,

по окончаніи котораго жрецъ благоволилъ имъ учинить обычный отпущкъ. Страстные любовники повторили клятвы свои ужъ въ шалашахъ своихъ и, запечатлѣвъ ихъ пламенными поцѣлуями, навонецъ,

«Небо на землѣ вкуспил!!!...»

Кайсаровъ

Примѣчаніе. Помѣщенное выше описаніе бракосочетанія Н. М. Карамзина найдено въ одномъ изъ обширныхъ сборниковъ перваго десятилѣтія XIX в. Описаніе, очевидно, есть ничто иное, какъ забавная шутка-пародія, которою одинъ изъ литературныхъ противниковъ Карамзина хотѣлъ осмѣять какъ слогъ послѣдняго, такъ и сентиментальное его направленіе. Эту задачу составитель шутки выполнилъ посредствомъ того, что подобралъ подходящія къ предмету фразы и стихи изъ сочиненій Карамзина, сгруппировалъ ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, и такимъ образомъ составилъ послѣдовательный рассказъ о свадьбѣ нашего знаменитаго историка ¹⁾.

Остроуміе составителя описанія выразилось не только въ удачной выборкѣ прозаическихъ мѣстъ, но и стиховъ, взятыхъ изъ стихотвореній Карамзина.

¹⁾ Описаніе бракосочетанія относится, вѣроятно, къ первой женитьбѣ Карамзина (апрѣль, 1801 г.) на Елисаветъ Ивановну Протасову, родной сестрѣ Настасьи Ивановны Плещеевой, которой посвящена «Аглая».

Такъ, по Смирдинскому изданію сочиненій Карамзина (въ 3-хъ ч., 1848 г.), оазывается:

1) Первые три строфы описанія: «Солнце красное явилось», «Улыбнулось все твореніе» и «Никогда въ Россійской области» — взяты изъ сказки «Илья Муромецъ» (ч. I, стр. 259).

2) Четвертая: «И другу, недругу закажемъ» — изъ пьесы «Исправленіе» (I, 174).

3) Пятая и шестая: «Чпномъ я не генераль» и «Гуть прекрасная вздохнула» — изъ пьесы: «Выборъ жениха» (I, 161, 162).

4) Седьмая, стихи жреца: «Очарованъ я тобою» и проч. — изъ пьесы: «Странность любви» (I, 54, 55).

5) Восьмая, стихи хора: «Священная природа» и пр. — изъ повѣсти: «Островъ Борнгольмъ» (III, 150).

6) Девятая и десятая: «Простите, скромные диваны» и «Простите хитрости, обманы» — изъ пьесы: «Исправленіе» (I, 174).

7) Одиннадцатая: «Пора, друзья, за умъ намъ взяться» — изъ «Исправленія» (I, 174).

8) Двѣнадцатая: «Какой законъ святѣ» и проч. — изъ повѣсти: «Островъ Борнгольмъ» (III, 149).

9) Тринадцатая: «Я не воленъ» и проч. — изъ прозаической статьи: «Аэни-ская жизнь» (III, 425).

10) Четырнадцатая: «Любовь и дружба, вотъ чѣмъ можно» и проч. — изъ «Посланія къ Дмитріеву» (I, 41).

11) Пятнадцатая: «Мать любезная природа» — начало «Молитвы о дождѣ» (I, 25).

А. Д. Галаховъ.

Мичманъ Кропотовъ и его прошенія.

1808.

Мичманъ Кропотовъ — личность не вымышленная и прошенія его — отнюдь не плоды досужей фантазіи какого-нибудь писателя балагура. Кропотовъ — первообразъ гоголевскаго капитана Копѣйкина, дѣйствительно служилъ во флотѣ, въ первые годы царствованія Александра I. Уволенный начальствомъ и снабженный не совсѣмъ одобрительнымъ аттестатомъ, бѣдный мичманъ, безъ всякихъ средствъ къ существованію, пустился странствовать по приемнымъ министерствъ и другихъ вліятельныхъ лицъ, испрашивая ихъ покровительства и содѣйствія къ опредѣленію его въ какое-либо вѣдомство. На многочисленныя прошенія Кропотовъ получалъ отказъ, либо неутѣшительное, стереотипное обѣщаніе, что его «будутъ имѣть въ виду». Крайность изобрѣтательна: Кропотовъ, видя, что ему не удается растрогать лицъ власти имѣющихъ, вздумалъ смѣшивать ихъ, и вмѣсто прошеній по общепринятой канцелярской формѣ, принялся составлять просьбы совершенно въ новомъ родѣ, излагая ихъ вычурнымъ, цвѣтистымъ слогомъ, украшеннымъ смѣлыми метафорами и затѣйливыми уподобленіями. Этотъ приемъ, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, оказался успѣшнымъ: военный министръ сжалился надъ чудачкомъ и Кропотовъ получилъ какое-то мѣсто въ военномъ вѣдомствѣ. Примѣры подобнаго чудачества бывали въ царствованіе императора Павла I: нѣкто Лузинъ, отставной крѣпосъ-коммисаръ, подалъ на высочайшее имя

прошеніе въ стихахъ, очень нескладныхъ, но гѣмъ не менѣе государь повелѣлъ: «выдать ему, дураку, двѣ тысячи рублей». Въ 1800 году, священникъ Сущинскій подавалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ прошеніе, писанное кнховарью, славянскими буквами, иллюстрированное рисункомъ, изображавшимъ самого просителя и его дочерей ¹⁾.

Списки съ прошеній Кропотова, въ свое время, во множествѣ ходили по рукамъ и нѣкоторыя изъ нихъ донынѣ сохранились. Изъ десятка списковъ, сообщенныхъ «Русской Старинѣ», мы выбрали и печатаемъ списокъ современный самому Кропотову, святой, очевидно, съ подлинныхъ прошеній ²⁾.

е д.

I.

Въ лѣсной департаментъ, графу Орлову.

Сіятельныйшій графъ! Неудоборазуму воображаемая ученость ваша не открыла ли сама по себѣ питаться воздухомъ! а я, за такой спасительный секретъ, обязуюсь передъ трономъ Аполлона всякую патнищу созидать вамъ похвальный мадригаль. Десять лѣтъ болтался я плавая на днѣ между водяными пузырями, наконецъ, пузырь моего счастья лопнулъ; я всплылъ на верхъ моего злополучія, нашелъ себя изъ водяныхъ выключеннымъ. Прикажете, ваше сіятельство, помѣстить меня въ лѣсныя; крайность моего положенія превосходитъ мѣры, я хотѣлъ къ какому-нибудь помѣщику въ домовые, но мнѣ всѣ говорятъ, что по аттестату моему не гоюсь и въ лунатики. Сіятельныйшій графъ! рассмотрите благочестиво чертежъ судьбы моей; защитить гонимаго судьбою — есть дѣло великое души, а ваша, по чину, должна быть преогромная.

II.

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Если бы вы взяли на себя трудъ анатомировать и раскрыть порученную вамъ внутренность, сколько бы вы нашли въ нѣдрахъ ея испорченныхъ, силою несправедливости, кишокъ. Вы бы увидѣли, что иной тощій желудокъ третья сутки страждетъ спазмами; сколько бы вы обрѣли попорченныхъ нервъ, могущихъ въ порученной вамъ внутренности служить для варенія пици всеобщаго благоденствія. Но угнетеніе остановило въ нихъ кровь патріотическаго усердія. Я увѣ-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 590—592.

²⁾ Списки съ этихъ курьезныхъ прошеній сообщили намъ между другими: С. И. Гуляевъ, Ард. Ивановъ, М. П. Розенгеймъ и друг. Сколько помнимъ, прошенія Кропотова были напечатаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ цовременныхъ изданій; но въ виду того интереса, какой возбудили они въ русскомъ обществѣ начала текущаго столѣтія, интереса очевиднаго изъ того, что почти въ каждомъ частномъ собраніи бумагъ, относящихся къ тому времени, попадаются замысловатая челобитья Кропотова, мы даемъ имъ мѣсто на страницахъ «Русской Старины».

Р е д.

рень, что ваше превосходительство, прочитавъ сіе письмо, въ предложеніи вашемъ департаменту пришлете мнѣ спасительную микстуру. Впрочемъ, если вы сіе письмо примете въ противномъ смыслѣ, то для меня все равно. Въ Сибири тоже солнце свѣтитъ; здѣсь кровь леденѣетъ отъ всеобщей холодности, тамъ она согрѣвается землянымъ соучастіемъ страждущихъ несчастныхъ.

III.

Министру юстиціи.

Тебѣ Фемида вручила вѣсы, яко мудрому патриоту, везущему тяжесть истины! прикинь, справедливый мужъ, въ чашу правосудія хотя драхмы три твоего вниманія; да сильною тяжестію твоего состраданія исторгнешь жребій мой изнутри злословія. Десять лѣтъ служба моя висѣла на конкордѣ морскаго флота, во все сіе время никакое пятно не припутано моей участи. Наконецъ, капитанъ Митковъ въ данномъ мнѣ аттестатѣ прибавилъ золотниковъ семь невыгоднаго мѣннѣя. Проклятые эти семь золотниковъ перетянули десять фунтовъ моей прошедшей службы. Меня отставили, и вотъ уже десять мѣсяцевъ выдумываю я способъ питаться воздухомъ. Да не тщетно прибѣгаю къ вашей свѣтлости! Призри, почтенный мужъ, оставленнаго судьбою. Богъ наградитъ добродѣтельную старость.

IV.

Министру народнаго просвѣщенія.

Тебѣ премудрая Минерва вручила факель просвѣщенія, дабы посредствомъ онаго невѣжество наше обращалъ ты въ пепель и озарялъ истинные таланты, въ которыхъ у меня грѣшнаго крайняго недонка. Воспитанъ я въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, учили меня всему, и не хочу обманывать, чтобъ я чего не понималъ, но только множество приобретенныхъ мною наукъ при настоящихъ обстоятельствахъ столько же дѣлаютъ пользы, сколько голодному запахъ баранины. Я всѣмъ логически доказывалъ, что мнѣ надобно дать пропитаніе, надобно дать мѣсто,—мнѣ философически отвѣчаютъ: „положди до завтра“. Я посредствомъ математическихъ истинъ для убѣжденія нашего безсознательнаго откупщика въ просьбѣ моей къ нему послалъ пропорцію, что тощій мой желудокъ къ толстому его брюху содержится такъ, какъ пустой мой кошелекъ—къ его кошельку. Невѣжда натурально мое предложеніе отвергъ какимъ-то парадоксомъ скупости. Я физически докладывалъ, что безъ пропитанія долженъ умереть съ голоду!

миѣ метафизически отвѣчали: „умирай! Это обыкновенное дѣло—смерть есть общій удѣлъ человѣковъ“. Одного богатаго доктора, который за самый пустой рецептъ не беретъ менѣе пяти рублей, я старался посредствомъ химіи убѣдить: что голодь есть такая пища, которую желудокъ не варить. Онъ, чтобъ миѣ не дать ни копѣйки, помощію медицины доказалъ, что нѣтъ ничего для здоровья полезнѣе, какъ строгая діета. Приходскій нашъ протопопъ, котораго тощая наружность представляетъ точную копию первой недѣли Великаго поста, и который имѣетъ безстыдное терпѣніе всякій праздникъ кричать съ кафедры: „Міряне! уподобьтесь великодушному вашему Спасителю, пострадавшему за васъ, утѣшите несчастнаго, накормите алчущаго, напоите жаждущаго, помогите вдовамъ, не оставьте сиротъ“. Вотъ истинный символъ вѣры!... Къ сему то праведнику прибѣгъ я повѣдать мое отчаяніе, и не ошибся: онъ, пошаривъ въ глубинѣ души свой, вытащивъ изъ нея пуда два запаснаго благословія и нагрузивъ меня онымъ, велѣлъ толстому дьячку проводить меня до воротъ, и впредь къ нему не впускать.

V.

Министру морскихъ силъ.

Десять лѣтъ плавалъ я по морю, аки по суку, во все сіе время дулъ для меня чистый фордевиндъ; наконецъ, въ послѣдніе три мѣсяца нашелъ шквалъ—съ бурю. Молва аттестаціи бросила на мель отставки, теперь десятый мѣсяць безъ руля, безъ мачты, безъ провіанта, безъ такелажа и, что всего печальнѣе, безъ экстра-ординарной копѣйки; въ семъ критическомъ положеніи, неоднократно заводилъ я верфь, въ намѣреніи притянуть къ какому-нибудь департаменту; но въ абшидѣ моемъ грунтъ коллежскаго мнѣнія такъ невыгоденъ, что якорь самой снисходительной довѣренности не можетъ задержаться; камень отчаянія у меня подъ носомъ; въ пространномъ океанѣ свѣта не осталось никого, кто бъ подалъ миѣ буксиръ состраданія. Цѣлый годъ лавирую при сильномъ вѣтрѣ. Заслуживаю-ли еще далѣе продолжать сіе крейсерство? не знаю! Не хочу также себя и оправдывать, ибо потеря моя невозвратна; десять мѣсяцевъ терпя бѣдствіе, сигналомъ симъ принимаю смѣлость извѣститъ васъ о близкой моей опасности. Соблаговолите, ваие превосходительство, изъ состраданія, сроднаго душѣ великаго флагмана, позволить войдти миѣ въ ближайшій портъ какой-нибудь службы.

VI.

Министру военныхъ сухопутныхъ силъ.

Цѣлые шесть мѣсяцевъ капитанъ Митьковъ бомбардировалъ меня въ укрѣпленіи моего поведенія, начиненнымъ злостію и протестами. Я по возможности отпаливался добрыми аттестатами десятилѣтней службы. Наконецъ, онъ выбилъ меня изъ моихъ ретраншаментовъ; я, по необходимости, ретировался въ отставку, въ намѣреніи въ столицѣ новья найти укрѣпленія; но ужасная бѣдность атакуеть меня на каждомъ шагу. Я, по возможности, отпаливался равнодушіемъ до тѣхъ поръ, пока изошелъ весь порохъ моего терпѣнія; тогда я рѣшился направить мои марши во всѣ департаменты, и вездѣ прокомандовали мнѣ: весь —гомъ! Я скорымъ маршемъ отправился въ вашу переднюю въ надеждѣ получить сигурсъ великодушнаго вашего благоволенія.

Страшный мой непріатель голодь, чувствуя превосходство силъ своихъ, штурмуеть мой желудокъ, и предвидя скорую свою побѣду, ворчитъ ежеминутно: ура! Если ваше превосходительство не подадите мнѣ скорой помощи, то отчаяніе приметъ меня въ штыки.

Примѣчаніе 1808 г. Вопль Кропотова былъ услышанъ военнымъ министромъ и онъ принялъ просителя на службу.

**Принимаются пожертвованія въ пользу жертвъ борьбы южныхъ
Славянъ съ Турками.**

Поступило: 6-го іюля отъ М. С. — 100 руб.; отъ Тани и Насти С—хъ — 50 руб.; въ іюлѣ и августѣ отъ П. К. — 2 руб., крестьянина Скороспѣхова — 40 коп., г. Венденштрауха—3 руб., Н. К. Богушевскаго—10 руб., г. Собенникова—3 р. 80 к., К. Кармалиной—1 р. 20 к., Н. П. В—ва—1 руб., Н. В. Шишкина (изъ Рыбинска)—1 руб., Н. М. В—ва — 1 руб., г. Э—ра—1 руб. 60 коп., г. Бальцера 4 р. 40 к., Е. И. Васильевой—3 р., изъ г. Новочеркаска отъ семейства гг. Тракиныхъ: отъ дѣтей Михаила, Владиміра и Петра по 50 коп., отъ гимназистки Маріи—ея именная подарокъ—1 р. 50 коп., отъ Ф. и О. Тракиныхъ — 2 руб.; отъ Руфинони — 1 р. 74 коп.; г. Конева — 2 руб.; отъ Николаева — 2 руб.; отъ Н. Н. — 3 руб.

Пріемъ пожертвованій продолжается и деньги передаются въ Славянскій благотворительный комитетъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА МАМОНТОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПРОСП., ПРОТИВЪ ГОСТИННАГО ДВОРА, Д. № 46.
МОСКВА, КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ, Д. ФЕРСАНОВА.

Книжные магазины Н. И. Мамонтова снабжены всѣми сколько-нибудь заслуживающими вниманія русскими книгами, публикованными книгопродавцами и издателями.

Гг. городскіе, постоянные покупатели могутъ получать книги по требованіямъ, высылаемымъ чрезъ городскую почту, причемъ деньги уплачиваются нашему разсмыльному, подъ его росписку, на приложенномъ при книгахъ счетѣ.

По требованіямъ частныхъ лицъ, неизвѣстныхъ магазинамъ, книги высылаются не иначе, какъ на наличныя деньги.

По форменнымъ требованіямъ казенныхъ и общественныхъ библиотекъ, а также лицъ, извѣстныхъ магазинамъ, книги высылаются и безъ денегъ, съ тѣмъ, чтобы уплата была произведена немедленно по полученіи книгъ и счета. Вообще, постоянныхъ покупателей, исправно производящихъ расчеты, магазины не стѣсняють условіями кредита, надѣясь своимъ довѣріемъ и исправностью вызвать довѣріе и исправность со стороны гг. покупателей.

Книжные магазины сдаютъ въ почтамтъ посылки, для отправки своимъ иногороднымъ покупателямъ, ежедневно, а потому задержен въ исполненіи требованій могутъ произойти лишь тогда, когда требуютъ рѣдкія книги или книги, которыхъ иногда нѣтъ у столичныхъ книгопродавцевъ и которые нужно выписывать изъ другихъ городовъ. Вообще же книги посылаются на другой или на третій день по полученіи требованія.

Выписывающіе книги или учебныя пособія, вѣсомъ не менѣе одного пуда, могутъ высылать при требованіи всего $\frac{1}{2}$ стоимости заказа, а остальные $\frac{2}{3}$ уплачиваютъ желѣзнодорожной или транспортной конторѣ при полученіи посылки.

Всѣ высылаемыя покупателямъ книги заносятся въ «журналъ» подъ №№; тѣ же №№ обозначаются на сохраняемыхъ магазинами письмахъ покупателя и подъ тѣми же №№ прилагаются и подробные счета къ каждой посылкѣ. На счетахъ и въ «журналѣ» обозначены стоимость каждой посылаемой книги, об-

щая стоимость всей посылки, сумма полученных денег и (если случится) сумма денег, оставшихся в долгу за покупателем или за магазинами. Таким образом, магазины всегда в состоянии дать самый полный отчет каждому покупателю по всем вопросам, касающимся его сношений с магазинами за все время, в течение которого существовали эти сношения, чѣмъ устраняется возможность какихъ бы то ни было недоразумѣній.

Въ случаѣ если какой-либо изъ потребованныхъ книгъ нѣтъ болѣе въ продажѣ, то на счетѣ обозначается, что «изданіе этой книги распродано», т.-е., что книги этой нѣтъ въ продажѣ не только въ магазинахъ Н. И. Мамонтова, но и у самого издателя.

Желающіе получать книги переплетенными, благоволятъ обозначать въ своихъ требованіяхъ стоимость переплетовъ, отъ 15 коп. и дороже (скидки съ переплетовъ не полагается). Посылки съ переплетенными книгами не могутъ быть отправляемы съ вышеупомянутой послѣдностью, такъ какъ для переплетенія ихъ требуется нѣсколько дней времени.

Магазины принимаютъ подписку на всѣ русскіе журналы и газеты по цѣнамъ, сообщеннымъ конторами редакцій, только на наличныя деньги. Немедленно по полученіи денегъ, магазины сдаютъ ихъ въ редакціи или конторы и получаютъ редакціонный билетъ на имя подписчика, и затѣмъ разсылаютъ №№ производится отъ самихъ редакцій чрезъ газетную экспедицію почтамта, и потому за исправность доставки отвѣтственности на себя не принимаютъ, а только содѣйствуютъ удовлетворенію подписчика. Въ случаѣ прекращенія какого-либо журнала, магазины содѣйствуютъ возвращенію подписныхъ денегъ, но отвѣтственности за исполненіе редакціями своихъ обязательствъ на себя также не принимаютъ. Желающимъ (за приложенную иногородную марку) высылаются редакціонные билеты, причемъ, въ случаѣ неаккуратной высылки номеровъ, при перемѣнѣ адреса, подписчики обращаются непосредственно въ редакціи.

Въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова принимается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1876 г. Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1877 г. Цѣна 8 р. съ пересылкой. Тамъ же продаются:

Русская Родословная книга. Изд. „РУССКОЙ СТАРИНЫ“. Сиб. Тома I и II. Цѣна за обѣ книги 5 руб. съ пересылкой.

Записки князя Я. П. Шаховскаго. Цѣна 1 руб. 25 коп. съ пересылкой.

Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія. Цѣна 1 руб. 25 коп. съ пересылкой.

быта, устройства городовъ, первой религиозной общины въ Киевѣ и т. п.). Авторъ возражаетъ противъ мнѣнія о древнихъ русскихъ городахъ, высказаннаго въ последнее время г. Самовиасовымъ и полагаетъ, что русскій городокъ явился въ началѣ какъ родовое — волостное гнѣздо, когда родъ разросся; потомъ онъ является какъ городъ дружины; промыслъ и торговля даютъ дальнѣйшее развитіе городу. По мнѣнію автора, древнѣйшія бытныя воспоминанія этотъ древнѣйшій, дружинный бытъ городовъ, при чемъ самъ столичный киевскій князь Владиміръ, есть только эпическій образъ столярнаго города.

Авторъ вездѣ въ своемъ трудѣ старается дать объясненіе и отвѣтъ, съ которыми не всегда можно согласиться, но которые заслуживаютъ полнаго вниманія. При томъ, не смотря на массу специальныхъ и мелочныхъ вопросовъ, авторъ далъ своей книгѣ такой общедоступный характеръ, что она, безъ сомнѣнія, прочтется съ полнымъ вниманіемъ и, конечно, съ пользою. Замѣтимъ еще автору, что онъ напрасно вынесъ описаніе скыескихъ древностей въ особое приложеніе. При указанномъ направленіи его труда, подробное описаніе результатовъ скыеской археологій, поставленное въ ближайшее отношеніе къ мѣстной этнографіи, могло бы дать болѣе полную картину доисторическаго быта Руси.

Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Ч. I. Киевскій періодъ. Москва. 1876 г. VIII+333. Ц. 1 р. 50 к.

Въ последнее время русская историческая литература обогатилась нѣсколькими трудами по общей исторіи Россіи, отличныхъ какъ по своему плану, такъ и по характеру обработки. Многоотомный трудъ С. М. Соловьева, совершившій недавно свое 25-лѣтіе, но далеко еще неоконченный, долженъ былъ удовлетворять насущной потребности науки — разобратъ матеріалъ и дать возможно-полную обработку его, и, въ этомъ отношеніи, особенно въ новомъ періодѣ исторіи, трудъ г. Соловьева нерѣдко замѣняетъ его, сообщая массу новыхъ данныхъ и неизданныхъ матеріаловъ. Между тѣмъ, новая потребность науки заявляютъ свои права: является потребность переработки накопившихся матеріаловъ, сообразно съ успѣхами литературы за последнее время и новымъ освѣщеніемъ нетронутыхъ прежде вопросовъ. Такъ появился почтенный трудъ г. Бѣлзевъ, къ сожалѣнію, неоконченный, но замѣчательный по своей попыткѣ уяснить особенности мѣстной исторіи (Новгорода, Пскова, Полоцка); Русская исторія Е. Н. Бесгушева-Рюмина, представляющая первый полный очеркъ русской исторіографіи и по возможности полный сводъ результатовъ научной дѣятельности по каждому вопросу. Этотъ трудъ, безъ сомнѣнія, сдѣлается настоящею книгою важнаго интересующаго отечественною исто-

рією и надолго останется незамѣненнымъ руководствомъ для университетскихъ слушателей. За изложеніе русской исторіи въ популярныхъ біографическихъ очеркахъ принялся Н. П. Костомаровъ. Обработка культурной исторіи Россіи выпала на долю такого знатока русскаго быта, какъ И. Е. Забѣлинъ. Наконецъ, появился и трудъ Д. П. Иловайскаго, приобретающаго столь заслуженную извѣстность какъ въ области специальныхъ изслѣдованій, такъ и прекрасно составленными учебниками русской и всеобщей исторіи.

Первый томъ «Исторіи Россіи» начинается съ того момента, когда начались постоянныя сношенія Руси съ Византією. На эти отношенія авторъ обращаетъ постоянно свое вниманіе и въ дальнѣйшемъ разсказѣ, придавая такимъ образомъ ея значенію новаго государства большую лѣность и определенность. Событіями, предшествовавшими появленію татаръ, и влѣтѣмъ Константинополя латинами заканчиваетъ авторъ этотъ томъ исторіи. Простота и художественность изложенія, свойственныя вообще трудамъ автора, и строго-научное направленіе — отличительныя качества и его новаго сочиненія. Въ примѣчаніяхъ авторъ сообщаетъ частныя подробности болѣе важныхъ или спорныхъ вопросовъ. Такъ здѣсь мы находимъ обстоятельный сводъ возраженій противъ Нестора, какъ автора лѣтописи, и доказательствъ въ пользу игумена Сильвестра. Судя по плану сочиненія, описаніе общественнаго строя въ киевскій періодъ отложено авторомъ до слѣдующей части; но, намъ кажется, не лишне было бы въ началѣ исторіи представить этнографическій очеркъ страны, такъ какъ самъ авторъ своему «введенію», вышедшему особымъ томомъ (Розысканія о началѣ Руси. Москва, 1876, 466. Ц. 2 р.), придаетъ чисто-спеціальныя черты. Въ указанное введеніе вошли извѣстныя уже статьи автора, напечатанныя прежде въ періодическихъ изданіяхъ. Замѣтимъ при этомъ, что, доказывая славянство Руси, авторъ, въ противоположность г. Забѣлину, признаетъ въ варягахъ норманскій элементъ, но самую легенду о призваніи варяговъ считаетъ сложившеюся въ XI — XII вв., подъ вліяніемъ позднѣйшихъ сношеній съ ними (при Владимірѣ, Ярославлѣ и др.) и родственныхъ связей русскихъ князей съ норманскими государями.

Относительно общаго характера своего труда авторъ выражается, что до сихъ поръ историческими народами являются тѣ, которые усвоили государственную форму князя; но эту жнзнь народъ проявляетъ въ своихъ представителяхъ, представляя собою только этнографическую почву. Правильное освѣщеніе этихъ элементовъ исторіи и должно составлять задачу современнаго историка (Предисловіе къ «Исторіи Россіи»). В. И.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкой.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая **Ив. Мамонтова**, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные имѣютъ присылать свои требованія, адресуя такъ: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Надеждинская улица, д. № 42, кв. 12.

Въ „Русской Старинѣ“, помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библиографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года, цѣна **ВОСЕМЬ** рублей безъ переплета и 11 руб. въ хорош. переплетѣ, съ пересылкой.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ седьмой.

ОКТАВРЬ.

1876 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Москва въ 1770 — 1771 гг. Статья Акад. С. М. Соловьева	189	IX. Война Россіи съ Турціей въ 1853—1854 гг. планы и предначертанія о войнѣ; донесенія и записки кн. М. Ѡ. Паскевича и кн. М. Д. Герцагова	343
II. Екатерина II и кн. Потемкинъ: подлинная переписка, 1790 г.	205	X. Вой на рѣкѣ Черной, 4-го августа 1855 г. Сообщ. И. И. Красовскій.	363
III. Григорій Андреевичъ Глинка, 1811—1818 гг. Сообщ. В. Г. Глинка-Маврицъ	217	XI. Вѣнскія совѣщанія и Парижскій трактатъ 1856 г. Статья М. И. Богдановича	365
IV. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, 1777—1861 гг.	225	XII. Листки изъ записной книжки «Русской Старинѣ»: 1) Колоколъ въ Полтавѣ XVII-го в. Сообщ. С. П. Стоблякиъ-Кажеможскій. (389). 2) Вещи Петра Вятскаго въ Ревелѣ. Сообщилъ г. Возжовъ. (390). 3) Увѣщаніе Вятскаго епископа Варсонодея во время Пугачевщины, 1774 г. Сообщ. о Воскресенскій. (392).	
V. Записки Ивана Степановича Мирюшова, 1795 — 1848 гг. Гл. XVIII—XIX. Сообщ. С. Д. Карповъ и В. И. Жирновичъ	251	XIII. П. Я. Петровъ, профессоръ-ориенталистъ, † 1875 г. Сообщ. Н. В. Вергъ.	394
VI. Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ, акад., строитель храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ: главы II и III: въ Вяткѣ и переписка съ друзьями	267	XIV. Библиографическій листокъ новыхъ русск. книгъ. Замѣтки В. И.	
VII. Архимандритъ Фотій, настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря: главы I—VI. Сообщ. о. Я. Д. Морозовскій.	297		
VIII. Николай Петровичъ Момблантъ: Закавказье въ 1855 г. Сообщ. Ад. П. Верже.	317		

Открыта подписка на «Русскую Старину» 1877 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

Находится въ продажѣ и можно получить третье изданіе „Русской Старинѣ“ 1870 г. (первый годъ). Цѣна за 12 книгъ, въ трехъ томахъ, съ портретами и снимками 8 руб. съ пересылкой.

Продолжается подписка на «Русскую Старину» 1876 г. Цѣна 8 руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскія и Марининскія мостами, № 90—1.

1876.

X-я книжка „Русской Старинѣ“ вышла 1-го октября.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. 18—25. 1868—75 гг. Москва. 362+322+484+379+346+372+441+377.

Съ выпускомъ 25-го тома Исторіи Россіи С. М. Соловьева исполнилось двадцатипятилѣтіе этого труда. Изданіе его началось въ 1851 году и такимъ образомъ ежегодно, до настоящаго времени, появлялся новый томъ; но дѣятельность автора, какъ ученаго, началась еще ранѣе, а именно съ 1845 г., когда авторъ представилъ свою первую диссертацию: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» (напеч. въ Чтен. М. Общ. Ист. 1846 г.), за которую ровно черезъ годъ последовала его докторская диссертация: «Исторія отношеній между русскими князьями Юрикова дома». Независимо отъ своего главнаго труда: «Исторіи Россіи», которой предана затѣмъ С. М. Соловьевъ, онъ знакомилъ русскую публику въ повременныхъ изданіяхъ съ отдѣльными эпохами русской исторіи.

По обширной эрудиціи и самой длинѣ своего труда (дать полную обработку исторіи Россіи), г. Соловьевъ является примымъ продолжателемъ Карамзина. Но если, въ обработкѣ древняго періода русской исторіи, этотъ послѣдній могъ оказывать автору значительное пособіе своимъ капитальнымъ произведеніемъ и образцовою классификаціею матеріала, то и успѣхи науки, и научныя средства, требовали отъ новаго историка значительной переработки самаго матеріала. Дѣйствительно, новый трудъ былъ построенъ уже на совершенно новыхъ началахъ. Затѣмъ чтѣмъ далѣе оставался въ собою авторъ древній періодъ, тѣмъ болѣе приходилось ему становиться самостоятельнымъ изслѣдователемъ. Преслѣдуя цѣль систематической исторіи Россіи, авторъ въ то же время даетъ рядъ обширныхъ изслѣдованій по каждой эпохѣ. Такъ, XVII вѣкъ занимаетъ X—XIII томы; эпоха Петра Великаго XIV—XVIII т.; время до Елисаветы Петровны XIX и XX т.; царствованіе Елисаветы Петровны XXI—XXIV т. Съ XXV-го т. авторъ вступилъ въ вѣкъ Екатерины II, которому, безъ сомнѣнія, будетъ посвящено также нѣсколько томовъ. При такомъ характерѣ сочиненія, заслуга автора тѣмъ болѣе увеличивается, что наша отечественная историографія пока бѣдна монографическими работами. Самый трудъ Устрялова по исторіи Петра Великаго остался далеко не оконченнымъ; а издательская дѣятельность по части матеріаловъ XVIII вѣка и описаніе архивовъ только въ послѣдніе годы получили широкое развитіе.

Между тѣмъ, начиная съ X тома, авторъ Исторіи Россіи сталъ все болѣе сообщать архивный матеріалъ. Уже въ исторіи XVII вѣка многія главы его труда были написаны цѣлкомъ по этому матеріалу; далѣе присутствіе послѣдняго становится еще болѣе ощутительнымъ. Для послѣднихъ томовъ своего труда авторъ воспользовался документами государственнаго архива, московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, архива министерства юстиціи, сенатскимъ и синодальнымъ архивами, архивомъ главнаго штаба, рукописами Императорской публичной бібліотеки, эрмитажа, академіи наукъ и т. п. Такимъ образомъ, самый трудъ все болѣе приобретаетъ интересъ и значеніе, служа не рѣдко источникомъ первой руки. И если Пушкинъ былъ правъ, сказавъ, что Карамзинъ былъ Колумбомъ нашей древней исторіи, то вполне справедливо сказать тоже объ авторѣ «Исторіи Россіи» въ отношеніи къ ея новому періоду, который, какъ ни близко къ намъ, но, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, былъ знакомъ менѣе всего, или въ превратномъ свѣтѣ, нерѣдко со словъ пристрастныхъ иностранцевъ. Понятно, что, при указанномъ характерѣ работы и состояніи обработки этого періода въ нашей литературѣ, политическая исторія въ трудѣ С. М. Соловьева должна была выступить на первый планъ. Дѣятельность собственно правительства и дипломатическія сношенія занимаютъ въ немъ наиболѣе мѣста; самое изложеніе событій часто представляется лѣтописнымъ, погоднымъ разсказъ (напр., царств. Елисаветы Петровны). Но слѣдуетъ принять во вниманіе, что изданіе матеріаловъ, касающихся внутренней жизни общества и изслѣдованіе частныхъ сторонъ этой послѣдней только едва начались. Авторъ даетъ по крайней мѣрѣ общіе очерки того, что до сихъ поръ представляетъ наша литература.

Уваженіе историка къ факту, какъ онъ есть, предохранило его отъ всякихъ предвзятыхъ толкованій и тенденцій въ изображеніи событій и характеровъ. Въ то время, когда писались авторомъ многія страницы его труда, толки о родовомъ и семейномъ бытѣ, о родѣ и общинѣ у славянъ вообще и русскихъ въ особенности, о значеніи древней Руси и реоріи Петра Великаго и т. п.—имѣли своихъ горячихъ противниковъ и защитниковъ и составляли неизбѣжный элементъ въ литературной и исторической полемикѣ—и нашему историку пришлось не разъ отстаивать высказанныя имъ мнѣнія. Но вотъ какъ выражается онъ о началѣ новаго періода рус-

МОСКВА въ 1770 и 1771 гг. ¹⁾

Еще въ 1769 году между русскими войсками, воевавшими съ турками въ Дунайскихъ княжествахъ, появилась чума; въ концѣ лѣта 1770 года она перешла русскія границы, быстро распространилась по Малороссіи, начала появляться и въ великороссійскихъ городахъ, по большой дорогѣ съ юга на сѣверъ. Московскую губернію съ юга окружили заставами, приняли обычныя карантинныя мѣры; велѣно было оцѣпить и самую Москву.

Въ этой столицѣ съ 1763 года было два департамента правительствующаго сената, пятый и шестой, которымъ принадлежало принятіе мѣръ въ важнѣйшихъ случаяхъ, и московскіе сенаторы рѣшили доложить императрицѣ, что нельзя было исполнить предписаній на счетъ того, какъ содержать Москву во время чумы; исполненію препятствуютъ: положеніе города, состояніе домовъ, жителей, ихъ нравы, обычаи. Екатерина не согласилась съ этимъ представленіемъ, и 9-го сентября написанъ былъ отвѣтъ московскимъ сенаторамъ: «Мы вѣдаемъ изъ опытовъ, что безспорно великою препоною быть можетъ скорому учрежденію нашихъ предписаній обширность города; но мы притомъ же вѣдаемъ, что весьма вредно оставлять полезное учрежденіе для того, что трудно оное учредить. Состояніе домовъ, нравы, застарѣлыя обычаи приумножаютъ трудностей по причинѣ той, что надлежитъ входить въ подробности, дабы сравнивать, съ одной стороны, выгоды и покой жителей, съ другой—ненарушимость

¹⁾ Уже нѣсколько разъ, въ прошломъ и настоящемъ столѣтіи, страшное время, пережитое Москвой въ 1770 и 1771 годахъ, было описано; но внимательный читатель не могъ не замѣтить, что во всѣхъ этихъ описаніяхъ чего-то недоставало; думаемъ, что въ настоящей статьѣ донесеніями гр. Салтыкова, Бахметева и нѣкоторыми другими документами эти пробѣлы восполнены.

того, что установить желается. Но какъ для порока или слабости, какого-бы онъ званія ни были, не должно отставлять, а еще менѣе уничтожать доброе и полезное учрежденіе, то и въ нынѣшнемъ случаѣ надлежитъ преодолѣвать, а не устрашаться оныхъ».

Но съ мнѣніемъ сенаторовъ былъ совершенно согласенъ и главнокомандующій въ Москвѣ, фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, знаменитый старикъ, побѣдитель Фридриха II-го. Пока начальствующія лица разсуждали, какъ тяжело будетъ исполнить предписаніе, да и какая будетъ отъ этого польза, черная гостыя уже явилась въ отдаленной части Москвы, въ Лефортовѣ, въ большомъ госпиталѣ, и, какъ видно, преимущественно въ отдѣленіи его, маломъ госпиталѣ, находившемся подале, на Введенскихъ горахъ. Главный докторъ госпиталя, Шафонскій, далъ знать медицинской конторѣ объ опасной болѣзни, далъ знать и оберъ-полиціймейстеру Бахметеву, а тотъ донесъ Салтыкову, что, по словамъ доктора, съ 17-го декабря въ госпиталѣ умерло 14 человекъ опасною болѣзнію и двое больныхъ остается. 22-го декабря Салтыковъ писалъ императрицѣ: «Имѣющій дирекцію надъ госпиталю, генералъ-маіоръ Фаминцынъ пріѣхалъ только сегодня поутру и подалъ репортъ ничегозначущій и что у нихъ ничего опаснаго нѣтъ. Ваше императорское величество изволить усмотрѣть изъ репортовъ оберъ-полицейстера, да и отъ медицинской конторы, что зараза уже началась въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Фаминцынъ все знаетъ, и для чего таилъ? Господинъ оберъ-полицейстеръ человекъ весьма проворный и рачительный: я бы желалъ, чтобъ всѣ здѣшніе правители такъ были исправны и мнѣ въ такихъ нужныхъ обстоятельствахъ помогали».

Въ тотъ же самый день, 22-го декабря, собрался совѣтъ изъ медиковъ—Эразмуса, Швиадана, Кульмана, Мертенса, фонъ-Аша, Веніаминова, Зыбелина и Ягельскаго; единогласно было рѣшено, что болѣзнь должна почитаться за моровую язву. Тоже самое докторъ Мертенсъ подтвердилъ Салтыкову и совѣтовалъ ему оцѣпить госпиталь, что и было исполнено. 25-го декабря, донося объ этомъ распоряженіи, Салтыковъ писалъ императрицѣ: «Не надѣясь на себя, призывалъ я доктора Мертенса и требовалъ его совѣту, который мнѣ и далъ на все то, что уже сдѣлано; кромѣ того;

онъ требуетъ, чтобъ въѣздъ въ Москву всѣмъ запретить, что никоимъ образомъ сдѣлать не можно: въ такомъ великомъ городѣ столько людей, кои питаются привознымъ харчемъ, кромѣ помѣщиковъ, и тѣ получаютъ изъ своихъ деревень; товары къ портамъ везутъ чрезъ Москву, всѣ мяса, рыба и прочее все черезъ здѣшній городъ идетъ; низовые города, Украина—со всѣхъ сторонъ ѣдутъ, воспретить невозможно. Изъ Украины же проѣзды, кажется, необходимы: кромѣ курьеровъ, армія требуетъ многого, необходимо посылать должно кого для подрядовъ и приему вещей въ полки».

Наступилъ 1771 годъ. Изъ Москвы стали приходять успокоительныя извѣстія; 4-го января Салтыковъ писалъ: «Нынѣ оная болѣзнь утихаетъ, холодное время не мало тому способствуетъ; уже нѣсколько дней на Введенскихъ горахъ болѣе о ней не слышно. Приѣзжающихъ изъ опасныхъ мѣстъ велѣно вездѣ гвардіи офицерамъ накрѣпко осматривать; но изъ ѣдущихъ ни одинъ не имѣетъ ни малаго виду, хотя бы билетъ или паспортъ; здѣсь же около Москвы отъ полиціи заставы, а какъ нынѣ зима—всѣ рвы снѣгомъ занесло, то вездѣ переѣзды, а коннаго разѣзда учредить не изъ чего, ибо и послѣдній полкъ почти весь въ расходѣ». 15-го января главнокомандующій доносилъ: «Въ госпиталѣ на Введенскихъ горахъ (т. е. въ маломъ госпиталѣ), гдѣ было оказалась язва, и тамъ все кончилось. О болѣзни же прямо донести не могу—тамъ была или нѣтъ, пока-же кромѣ двухъ подлѣкарей, кои и нынѣ тамъ заперты, никто тамъ не бывалъ. Главнаго госпиталя докторъ просилъ медицинскую контору, чтобы освидѣтельствовать, но ни одинъ докторъ не поѣхалъ, и разсуждали заочно. Нынѣ я призывалъ здѣшняго физикуса (Риндера) и посылалъ туда; онъ ѣздилъ, но только съ госпитальнымъ докторомъ черезъ огонь говорилъ, и тотъ его упрекалъ, что по многимъ посылкамъ ни одинъ не былъ».

Холода прекратили болѣзнь; но вотъ уже февраль; начинается таять, съ тепломъ язва можетъ вернуться, и Салтыковъ предлагаетъ мѣры. 7-го февраля онъ пишетъ императрицѣ: «Весна приближается: не изволите ли приказать всѣхъ больныхъ изъ Москвы вывезть по разнымъ монастырямъ, верстъ отъ 15-ти до 50-ти, по малому числу въ каждый, отрядивъ лѣкарей, что монастырямъ никакой тягости не учинить, ибо малое число больныхъ будетъ и

на чистомъ воздухѣ; а Москва и безъ госпиталей довольно нечистотъ имѣеть, оный же госпиталь весьма не въ удобномъ мѣстѣ, въ верху Яузы, откуда нечистота идетъ въ городъ. Не худо бы и праздношатающихся изъ города къ веснѣ убавить: городъ людной, строеніе мелкое и тѣсное». Императрица не согласилась на перемѣщеніе больныхъ въ окрестные монастыри, и Салтыковъ, отъ 28-го февраля, даль знать, что главный госпиталь отъ караула освобожденъ и больныхъ туда принимать велѣно, въ маломъ же госпиталѣ на Введенскихъ горахъ два покоя, гдѣ была заразительная болѣзнь, и съ прочими, находящимися въ той же связи ветхими и почти ничего не стоющими покоями со всѣмъ, что въ нихъ было, сожжены, по совѣту генераль-кригсъ-коммисара Глѣбова и оберъ-полицѣймейстера Бахметева.

Въ то время, какъ огонь истреблялъ ветхое строеніе малаго госпиталя на Введенскихъ горахъ, язва уже два мѣсяца похищала свои жертвы въ самой срединѣ Москвы. 13-го марта Салтыковъ донесъ: «Сего марта 10-го получилъ я отъ доктора Ягельскаго репортъ о оказавшейся въ большомъ суконномъ дворѣ, что близъ Каменнаго моста, на берегу Москвы рѣки, прилипчивой болѣзни, коею померло съ генваря мѣсяца по нынѣшнее число 123 человекъ, да больныхъ осталось 21». Салтыковъ послалъ туда пять лѣкарей, которые, по осмотру, заключилъ, что болѣзнь есть гніющая, прилипчивая и заразительная и очень близко подходитъ къ язвѣ. Главновомандующій созвалъ всѣхъ сенаторовъ и рѣшили: 1) хотя больныхъ по монастырямъ развезти указомъ ея императорскаго величества и не позволено, однако, по крайней нуждѣ, надобно всѣхъ больныхъ вывезть изъ суконнаго двора въ Угрѣшскій монастырь (на что согласился и архіепископъ Амвросій). 2) Здоровыхъ всѣхъ вывезть въ наемный домъ за Мѣщанскою улицею въ полѣ, опредѣля въ немъ лѣкаря, и оцѣпить ихъ. 3) Повинутый суконный дворъ оцѣпить. Но прежде чѣмъ были приняты эти мѣры, около 2,000 фабричныхъ съ суконнаго двора разбѣжались и стали жить по всему городу, вслѣдствіе чего уже поднято было на улицахъ нѣсколько труповъ.

Салтыковъ продолжалъ твердить, что карантинъ не нужно. 4-го апрѣля онъ писалъ: «Въ установленіи карантина для всѣхъ выѣзжающихъ, кажется, надобности нѣтъ, а болѣе въ томъ неудобства; также въѣздъ въ Москву запретить весьма опасно: поч-

ти весь городъ питается покупнымъ хлѣбомъ; ежели привозу не будетъ, то будетъ голодъ, всѣ работы стануть, за семь же верстъ никто не пойдетъ покупать, а будетъ грабить; и безъ того воровства довольно. Москву запереть способу нѣтъ, городу нѣтъ, Бѣлый разломанъ, войска нѣтъ, кѣмъ окружить? Лучше, чтобы разѣзжались по деревнямъ на чистый воздухъ, въ городѣ тѣсноты менѣе будетъ».

Почли за нужное облегчить старика, силы котораго не были въ уровень съ опасностью и чрезвычайностію положенія; поручили исполненіе всѣхъ мѣръ предосторожности сенатору генераль-поручику Еропкину. Салтыковъ обидился, какъ видно изъ письма его отъ 21-го апрѣля: «Какъ по повелѣнію вашего величества все оное поручено господину генераль-поручику сенатору Еропкину, предосторожности же всѣ сначала взяты, кажется, больше нечего дѣлать, только ему остается наблюдать учрежденное, того ради все отъ меня ему попеченіе поручено, только чтобы меня увѣдомлялъ въ извѣстіе». Но и послѣ назначенія Еропкина, донесенія о состояніи Москвы посылались Салтыковымъ. 7-го апрѣля онъ писалъ, что, кромѣ Угрѣшскаго и Симонова монастырей, умершихъ и больныхъ нѣтъ. 18-го апрѣля доносилъ, что выведено изъ Москвы фабричныхъ въ Симоновъ, Даниловъ и Покровскій монастыри 943 человекъ обоюга пола. 30-го мая Салтыковъ прислалъ утѣшительное извѣстіе, что въ карантинныхъ монастыряхъ умершихъ и вновь заболѣвшихъ никого нѣтъ, только въ Угрѣшскомъ 9 человекъ больныхъ. Но съ двадцатыхъ чиселъ іюня въ Симоновѣ монастырѣ опять появилась язва, умерло 10 фабричныхъ, заболѣло 6. Съ этихъ поръ болѣзнь начала все болѣе и болѣе усиливаться. Мы не станемъ здѣсь повторять извѣстій о распоряженіяхъ Еропкина, которыя не уменьшали, а увеличивали зло, вслѣдствіе тупаго, какъ говорятъ, противодѣйствія народа, не могшаго выносить ихъ тягости. Салтыковъ имѣлъ печальное удовольствіе заявить императрицѣ о тяжести этихъ мѣръ и даже о вредѣ отъ нихъ, въ то же время великодушно свидѣтельствуя о ревности Еропкина. 30-го августа онъ писалъ: «Карантинныя нынѣ учреждать нужды не видится, да уже и поздно: изъ Москвы почти всѣ выѣхали, да и подлость вся бѣжить, маркитантовъ и хлѣбниковъ мало осталось, и всѣ боятся карантинновъ, магазейновъ запасныхъ нѣтъ, никто въ городъ не ѣдетъ, не безъ опас-

ности голоду, зима приходитъ, дровъ не везуть, народъ уже и такъ унылъ и обрѣлъ, карантинны здѣшнему народу всего тяжелѣ, уже нѣсколько и грозилсь на заставы». Отъ 14-го сентября отчаянное донесеніе: «Болѣзнь уже такъ умножилась и день ото дня усиливается, что никакого способу не остается оную прекратить, кромѣ чтобы всякъ старался себя охранить. Мретъ въ Москвѣ въ сутки до 835 человекъ, выключая тѣхъ, коихъ тайно хоронятъ, и все отъ страху карантинныхъ, да и по улицамъ находятъ мертвыхъ тѣлъ по 60 и болѣе. Изъ Москвы множество народу подлаго побѣжало, особливо хлѣбники, калачники, маркитанты, квасники и всѣ, кои съѣстными припасами торгуютъ, и прочіе мастеровые; съ нуждою можно что купить съѣстное, работъ нѣтъ, хлѣбныхъ магазиновъ нѣтъ; дворянство все выѣхало по деревнямъ. Генераль-поручикъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ старается и трудится неуспѣшно оное зло прекратить, но всѣ его труды тщетны, у него въ домѣ человекъ его заразился, о чемъ онъ меня просилъ, чтобы донести вашему императорскому величеству и испросить милостиваго увольненія отъ сей коммисіи. У меня въ канцеляріи также заразились, кромѣ что кругомъ меня во всѣхъ домахъ мрутъ, и я заперъ свои ворота, сижу одинъ, опасаясь и себѣ несчастія. Я всячески генераль-поручику Еропкину помогалъ, да уже и помочь нечѣмъ, команда вся раскомандирована, въ присутственныхъ мѣстахъ всѣ дѣла остановились и вездѣ приказные служители заражаются. Приемлю смѣлость просить мнѣ дозволить на сіе злое время отлучиться, пока оное, по наступающему холодному времени, можетъ утихнуть. И коммисія генераль-поручика Еропкина нынѣ лишняя и больше вреда дѣлаетъ, ибо всѣ тѣ частные смотрители, посылая отъ себя и сами ѣздя, болѣе болѣзнь развозятъ. Нынѣ фабриканты дѣлаютъ свои карантинны и берутъ своихъ людей на свое смотрѣніе. Купцы также соглашаются своихъ больныхъ содержать, раскольники выводятъ своихъ въ шалаши».

Императрица съ самаго начала была недовольна московскими сенаторами и Салтыковымъ, которые не сочувствовали предпріятіямъ, приславшимся изъ Петербурга, противорѣчили имъ. Послѣ Екатерина такимъ образомъ описывала дѣло кн. Волконскому: «Болѣзнь таковая вкралась въ сей городъ не отъ чего

инаго, какъ отъ послабленія тѣхъ, коимъ поручена была безопасность города. Не упоминая объ лейбъ-гвардіи майорѣ Шиповѣ съ командою, которому поручены, тому уже другой годъ, всѣ пограничныя кордоны и барантины, довольное число лейбъ-гвардіи нашей офицеровъ съ командами въ прошломъ году отправлены къ фельдмаршалу графу Салтыкову и поставлены были, начиная отъ Серпухова, на всѣхъ дорогахъ, откуда можно имѣть нѣкоторое опасеніе для столичнаго города. Сверхъ того, окромѣ Кіева, Нѣжина и нѣсколькихъ мелкихъ деревень въ Украинѣ, кои заперты были и гдѣ уже болѣзнь отчасти пресѣклась, когда ея не слышно было, тогда въ декабрѣ мѣсяцѣ 1770 года она оказалась стала по Москвѣ между госпитальными служителями. Мы предписали фельдмаршалу графу Салтыкову всѣ тѣ способы, кои только придумать можно было для скорѣйшаго пресѣченія сего зла въ самомъ его началѣ: но какъ въ госпиталѣ и его служителяхъ сіе зло скоро прекратилось, то по Москвѣ заблаго-разсуждено изъ предписаннаго отселѣ ничего или мало и то съ крайнимъ разслабленіемъ приводить въ исполненіе, отдавая такимъ образомъ единственно на удачу и полагаясь токмо на милость Всевышняго: но, бывъ по согрѣшеніямъ нашимъ часто оныя недостойны, дожили до весны, а тогда болѣзни стали оказываться на большой суконной фабрицѣ по привозѣ изъ Серпухова шерсти. Сіи вѣсти дошли до насъ въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, и отъ насъ стражаѣ прежняго посланы повелѣнія, а все, что до болѣзни и карантиновъ касательно было, мы тогда поручили нашему генералу поручику Еропкину, которому справедливость отдать должно, что онъ ревностно и неослабно производилъ въ дѣйство ему порученное; но точное исполненіе въ одной части тогда, когда во всѣхъ другихъ издавно видѣрилось послабленіе со стороны начальства и начальниковъ, а непослушаніе и своевольство со стороны подчиненныхъ и подвластныхъ, служить въ семь случаѣ поводомъ къ тому, чтобъ у безразсудной черни, оставленной безъ призрѣнія отъ своихъ хозяевъ, кои, страшась единого имени язвы, разбѣжались по своимъ деревнямъ, навящше приводить въ омерзеніе все то, что дѣлалось къ ихъ безопасности и спасенію. Тоже неудовольствіе Екатерины видно изъ ея письма къ Никитѣ Ивановичу Панину: «Состояніе Москвы меня очень беспокоитъ, ибо тамъ, кромѣ болѣзни и пожа-

ровъ, глупости много. Все это отзывается бороною нашихъ предковъ (tout cela tient à la barbe de nos ancêtres).

Салтыковъ съ своими выходками противъ карантинновъ давалъ право Екатеринѣ смотрѣть на него, какъ на старика, считавшаго все новое, пустымъ, бесполезнымъ; дѣйствительно, въ донесеніяхъ Кунерсдорфскаго побѣдителя сильно высказывалось то, что мы называемъ патриархальностію, а Екатерина называла бороною предковъ; для насъ теперь это можетъ имѣть особенную привлекательность, но императрицу, чрезвычайно озабоченную состояніемъ Москвы, должно было очень раздражать. Мы не знаемъ, во сколько можно поставить въ вину Салтыкову и другимъ начальствующимъ лицамъ (губернатору Юшкову и оберъ-полиціймейстеру бригадиру Бахметеву) сопротивление жителей мѣрамъ, которыя принималъ Еропкинъ; но Салтыковъ позволилъ себѣ такой поступокъ, въ которомъ ему нельзя было оправдаться: того же 14-го сентября, когда онъ послалъ просьбу объ отпускѣ, онъ уѣхалъ въ подмосковную на два дня; разумѣется, таже патриархальность объясняетъ и этотъ поступокъ: что я одинъ сдѣлаю, чѣмъ помогу? распоряжается всѣмъ Еропкинъ, онъ останется, а я вздохну два дня на чистомъ воздухѣ. Разумѣется, его двудневное отсутствіе не было бы замѣчено, если бы на другой же день его отъѣзда, 15-го сентября, не произошелъ—бунтъ.

Этотъ бунтъ сопровождался страшнымъ, отвратительнымъ, небывалымъ явленіемъ—убійствомъ архіерея.

Въ 1767 году умеръ московскій митрополитъ Тимоѣей, принадлежавшій къ числу людей, которыхъ называютъ добродушными и этимъ словомъ отдѣлываются отъ болѣе точнаго опредѣленія характера. При добродушномъ митрополитѣ—сильная власть у консисторіи, злоупотребленія консисторіи, поваровка явленіямъ непозволеннымъ, понаровка изъ-за взятокъ. Преемникомъ Тимоѣея былъ архіепископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, человекъ съ противоположнымъ характеромъ. Энергическій Амвросій, знавшій хорошо московскіе безпорядки, потому что передъ этимъ былъ архіереемъ Крутицкимъ, слѣдовательно, жилъ въ Москвѣ, рѣшился искоренить эти безпорядки, дать силу регламентамъ, указамъ: предпріятіе трудное, потому что источникомъ

безпорядковъ была крайняя бѣдность бѣлаго духовенства. Обязательная женитьба въ ранней молодости условливаетъ многочисленное семейство, обезпечить безбѣдное содержаніе котораго задача крайне трудная и для государства побогаче нашей Россіи; отсюда — исканіе средствъ жизни съ ущербомъ достоинства, отсюда та алчба, которую издавна такъ легкомысленно и несправедливо порицали, надъ которою такъ жестоко смѣялись въ литературѣ. Амвросій ввелъ порядокъ въ консисторіи, ибо за нарушение порядка предстоялъ «штрафъ цѣпью, скованіемъ въ желѣзы и вычетъ жалованья безъ всякаго послабленія»; кто не хотѣлъ подчиняться новымъ порядкамъ, того немедленно удаляли. Амвросій запретилъ вступать въ бракъ молодымъ людямъ духовнаго званія, не кончившимъ богословскаго курса, не выдержавшимъ экзамена у преосвященнаго; запретилъ духовенству мѣняться домами и переходить отъ церкви къ церкви, исходатайствовалъ у синода возобновленіе указа Петра Великаго, чтобъ духовенство не тратилось на покупку своихъ домовъ, а имѣло дома церковныя. Особенно остался памятенъ Амвросій своимъ гоненіемъ на такъ называемыхъ крестцовыхъ поповъ въ Москвѣ: онъ усмотрѣлъ, «что въ Москвѣ праздныхъ священниковъ и прочаго духовнаго причта людей премногое число шатается, которые, къ крайнему соблазну, стоя на Спасскомъ Крестцѣ для найму къ служенію по церквамъ, великія дѣлаютъ безобразія, производятъ между собою торгъ, и, при убавѣ другъ передъ другомъ цѣны, вмѣсто надлежащаго священнику благоговѣнія, произносятъ съ великою враждою сквернословную брань, иногда же дѣлаютъ и драку. А послѣ служенія, не имѣя собственнаго дому и пристанища, остальное время или по казеннымъ питейнымъ домамъ и харчевнямъ провождаютъ, или же, напившись до пьяна, по улицамъ безобразно скитаются». Старики передавали намъ, что у этихъ крестцовыхъ поповъ былъ таковой обычай: стояли они съ калачомъ въ рукахъ, и когда нанимающій служить обѣдню давалъ мало, то они кричали ему: «не торгуйся, а то сей часъ закушу» (т. е. калачъ, и тѣмъ лишушь способности служить обѣдню).

Легко понять, что таковой архіерей какъ Амвросій не могъ приобрѣсти расположенія въ низшихъ слояхъ народонаселенія, среди которыхъ, съ одной стороны, явленія, имъ гонимыя, не

производили большаго соблазна, а съ другой стороны, среди этихъ именно слоевъ накоплялись жалобы на строгаго архіерея и принимались съ сочувствіемъ, по самой близости обиженныхъ къ этимъ слоямъ. Амвросій долженъ былъ хорошо знать, что его не любятъ, и кто собственно не любитъ, и нерасположеніе естественно вызывало нерасположеніе. При такихъ-то отношеніяхъ Амвросію доносятъ, что у Варварскихъ воротъ на площади происходитъ безобразное явленіе, противъ котораго такъ гремитъ регламентъ, такъ вопіетъ просвѣщенный вѣкъ. У Варварскихъ воротъ на стѣнѣ былъ давно образъ Боголюбской Богородицы; вдругъ сначала сентября начались предъ нимъ безпрестанныя молебны и всеночныя. Какой-то фабричный рассказывалъ, что видѣлъ во снѣ Богородицу, которая сказала ему: «такъ какъ 30 лѣтъ уже у ея образа никто не только не отпѣлъ молебна, и свѣчи не поставилъ, то за это Христосъ хотѣлъ наслать на Москву каменный дождь, но она упросила замѣнить каменный дождь трехмѣсячнымъ моромъ». Мы, впрочемъ, приведемъ слова племянника архіерейскаго, Бантыша - Каменскаго, ибо въ его рассказѣ видно, сколько жолчи накипѣло во время борьбы съ беспорядками и злоупотребленіями: «Праздность, корыстолюбіе и проклятое суевѣріе прибѣгло къ вымыслу. Въ началѣ сентября поплъ у Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкахъ, выдумалъ чудо съ помощью фабричнаго (слѣдуетъ рассказъ о снѣ фабричнаго). Мерзкіе козлы (и попами ихъ грѣхъ назвать!), оставивъ свои приходы и церковныя требы, собирались тутъ съ налоями, дѣлая торжище, а не богомоліе». Замѣтимъ одно, что доказательствъ, что выдумалъ чудо священникъ, а не самъ фабричный, нѣтъ, обвиненіе остается голословнымъ, и думаемъ, что какъ бы ни былъ необразованъ священникъ, все, если уже выдумывать, то выдумалъ бы что-нибудь поблагообразнѣе.

Бантышъ-Каменскій вѣрно описываетъ первое впечатлѣніе, произведенное на архіепископа извѣстіемъ о событіяхъ у Варварскихъ воротъ: суевѣріе, ложное видѣніе, все это запрещено регламентомъ, указами,—надобно прекратить: «Онъ (Амвросій) почиталъ за долгъ, и регламентомъ, и монаршими указами предписанный, пресѣчь сіе позорище. Первое его по сему дѣлу было намѣреніе удалить оттуда поповъ и икону перенести (ибо въ воротахъ ни проходу, ни проѣзду не было по причинѣ при-

ставленной лѣстницы) во вновь построенную ея величествомъ тутъ же у Варварскихъ воротъ Кира и Іоанна церковь ¹⁾), и собранныя тамъ деньги употребить на богоугодныя дѣла, а всего ближе отдать въ воспитательный домъ, въ коемъ онъ опекуномъ былъ. Требуемые въ консисторію попы не только отреклись идти, но еще и угрожали присланнымъ побитіемъ ихъ каменьями». Здѣсь оканчивается первая часть разсказа Бантышъ-Каменскаго о мѣрахъ Амвросія, который поступаетъ какъ архіерей, обязанный прекращать суевѣрныя явленія и поступаетъ по своимъ средствамъ: священники требуются въ консисторію отдать отчетъ въ своемъ поведеніи. Священники ослушались и тѣмъ отняли у архіерея средства вести дѣло надлежащимъ порядкомъ. Жаль, что Бантышъ-Каменскій примѣшиваетъ чисто полицейское побужденіе: архіерей хотѣлъ икону «перенести, ибо въ воротахъ ни проходу, ни проѣзду не было по причинѣ поставленной лѣстницы».

Когда ослушаніе священниковъ не дало возможности производить церковныя изслѣдованія и распоряженія, Амвросій взглянулъ на дѣло съ другой точки зрѣнія, именно съ санитарной: «Между тѣмъ, говоритъ Бантышъ-Каменскій, язва такъ усилилась въ градѣ, что по 900 слишкомъ въ день умирало; и какъ по предписанію довторскому запрещено было прикосновеніе и тѣсныя между народомъ всякія сборища, то и не могъ обойтись преосвященный, чтобы о способахъ къ прекращенію у Варварскихъ воротъ народнаго сходбища не посоветоваться съ г. Еропкинымъ, который одинъ только въ городѣ и былъ начальникъ. Страхъ, дабы не обратитъ на себя простолюдиновъ, произвелъ у нихъ таковое по сему дѣлу рѣшеніе: чтобъ оставить до времени перенесеніе иконы; а дабы собираемыя у Варварскихъ воротъ деньги чрезъ фабричныхъ не могли быть расхищены, то приложить къ ящикамъ консисторскую печать; для безопаснѣйшаго же исполненія сего дѣла, обѣщалъ г. Еропкинъ

¹⁾ Архіепископъ не хотѣлъ перенести икону въ ближайшую церковь Всѣхъ Святыхъ, а въ нѣсколько дальнѣйшую—Кира и Іоанна. Последняя была построена «ея величествомъ». Построена она была тамъ на иждивеніе императрицы, ибо св. Киру и Іоанну празднуется 28-го іюня, день восшествія на престолъ Екатерины. Теперь эта церковь, какъ безприходная, отдана подъ Сербское подворье.

прислать отъ себя нѣсколько солдатъ». По свидѣтельству Еропкина, Амвросій прїѣзжалъ къ нему 14-го сентября и говорилъ, что намѣрень деньги у Боголюбской запечатать въ томъ разсужденіи, что явленіе образа вымышлено отъ священниковъ, которые за молебны начали пріобрѣтать великую прибыль. Это несчастное распоряженіе на счетъ денегъ и было причиною бунта.

По донесенію фельдмаршала Салтыкова, основанному на рапортѣ оберъ-полиціймейстера Бахметева, 15-го сентября, въ четвергъ, въ 8 часовъ пополудни, раздался городской набатный бой и при рогаточныхъ караулахъ на улицахъ бой трещетовъ. Оберъ-полиціймейстеръ послалъ узнать, чтѣ такое, и получилъ донесеніе, что у Варварскихъ воротъ великое множество черни производитъ шумъ и драку. Бахметевъ, въ сопровожденіи троихъ драгуновъ и двоихъ гусаръ, поѣхалъ самъ и нашель, что отъ Ильинскихъ до Варварскихъ воротъ, по обѣ стороны стѣны, стоитъ множество народа, тысячъ до десяти, изъ которыхъ большая часть была вооружена дубьемъ. На вопросъ, зачѣмъ сбѣжался народъ, оберъ-полиціймейстеру отвѣчали, что народъ сбѣжался по набатному бою, а набатъ произошелъ оттого, что шестеро солдатъ съ архіерейскимъ подъячимъ пришли для вынутія изъ ящичковъ денегъ, подаваемыхъ богомольцами образу Боголюбской Богородицы. Около ящичковъ стоялъ караулъ отъ московскаго гарнизона; эти караульные объявили, что не позволяютъ распорядиться ящичкомъ безъ позволенія собственнаго командира (плаць-маіора); отъ этого сначала произошелъ шумъ, а потомъ драка¹⁾: злодѣи побиты, которые хотѣли образъ ободрать и казну, принадлежащую Богоматери, покрасть, а народъ собрался стоять за мать Пресвятую Богородицу до послѣдняго издыханія. Видя, что со своимъ конвоемъ изъ пяти человекъ онъ не въ состояніи ничего сдѣлать, Бахметевъ

¹⁾ Въ запискѣ о бунтѣ неизвѣстнаго автора (приложенной къ дѣлу) говорится: «Брать денегъ не дали караульные, поставленные самимъ народомъ изъ себя (но оберъ-полиціймейстеръ утверждаетъ рѣшительно, что караулъ состоялъ изъ солдатъ московскаго гарнизона); подъячаго прибили и взяли подъ свой караулъ, а съ командою начали драку». Составитель записки человекъ ученый; такъ, говоря объ отъѣздѣ сенаторовъ изъ Москвы, употребляетъ выраженіе: «отцы спосажденные (т. е. patres conscripti) сами разѣхались по деревнямъ». О распоряженіи Амвросія относительно денегъ, авторъ записки говоритъ: «Правда, что нѣсколько грубо пресвященный въ семь случаевъ и неосторожно поступилъ».

поѣхалъ къ Еропкину, который жилъ въ своемъ домѣ на Стоженѣ¹⁾. Въ Воскресенскихъ воротахъ онъ встрѣтилъ толпу, тысячу до трехъ, бѣгущую съ дубьемъ по Тверской, Моховой и изъ Охотнаго ряда, подъ предводительствомъ мужа съ бороною, въ синемъ китайчатомъ балахонѣ, который постоянно кричалъ что есть мочи: «ребята, поспѣшайте постоять за Мать Пресвятую Богородицу и не допустите быть ограбленной Божіей Матери!» Бахметевъ успѣлъ остановить толпу, человекъ двадцать или больше изъ нея стали на сторону оберъ-полиціймейстера и сдѣлались совершенно ему послушными, такъ что съ ихъ помощію схватили «синій балахонъ» и посадили его въ будку; на Моховой схватили также другаго горлана, съ помощію господскихъ людей. Приѣхавши къ Еропкину, Бахметевъ услышалъ отъ него: «Дѣлайте все то, что предусмотрите къ лучшему; а я вамъ ни команды, ни способовъ дать не могу». Бахметевъ поѣхалъ назадъ; заѣхалъ въ будку, гдѣ посадилъ «синій балахонъ», но вмѣсто него нашелъ въ будкѣ только изувѣченныхъ людей, караулившихъ «балахонъ». Еще прежде, отправляясь къ Еропкину, Бахметевъ послалъ полицейскаго маіора къ народу съ требованіемъ, чтобъ отдали подъ полицейскій караулъ архіерейскаго подъячаго и команду, пришедшихъ къ образу за деньгами, потому что такіе злодѣи должны быть наказаны публично, а что прибиты народомъ—этого мало. Теперь маіоръ явился къ Бахметеву и донесъ, что народъ не только согласенъ, но и самъ проситъ объ этомъ, только караульные московскаго гарнизона, стоящіе у Варварскихъ воротъ, говорятъ, что сдѣлать этого не смѣютъ безъ своего командира, т. е. плацъ-маіора. Бахметевъ послалъ донести объ этомъ Еропкину, тотъ приказалъ какъ можно скорѣе сыскать плацъ-маіора или губернатора Юшкова; но въ то время, какъ происходили эти пересылки и рассылки, разнеслись слухи, что толпа черни въ Кремлѣ, грабятъ въ Чудовѣ монастырѣ архіерейскій домъ, ищутъ убить самого хозяина.

Какъ скоро начались перекоры между караульными московскаго гарнизона и архіерейскимъ подъячимъ относительно денегъ, въ толпѣ, вмѣшавшейся въ споры, уже слышались выходки противъ архіерея: «Архіерей, кричали, ни одинъ разъ. должнаго

¹⁾ Гдѣ теперь домъ коммерческаго училища.

почтенія Божіей Матери съ служеніемъ по своему чину не сдѣлалъ, а какъ свѣдалъ, что можно взять 1000 рублей, которую добротные датели, нѣкоторые почти изъ послѣдняго имѣнія своего, сложили, то уже взять деньги безо всякихъ замедлительствъ себѣ готовъ; онъ безбожникъ, надлежитъ предать его смерти передъ этимъ самымъ образомъ!» Амвросію, какъ видно, дали знать объ этихъ выходкахъ и угрозахъ; онъ, переодѣтый, уѣхалъ изъ Чудова монастыря въ Донской, откуда собирался ѣхать далѣе, въ Воскресенскій монастырь. Толпа, ища его въ Чудовѣ монастырѣ, въ неистовствѣ все переломала, перебила, исковеркала; большой винный погребъ, снимаемый въ Чудовомъ монастырѣ купцомъ Птицынымъ, остановилъ разрушителей: вино было разграблено и началась пирушка... Но на другой день, 16-го сентября, вспомнили, зачѣмъ пришли въ Кремль, въ Чудовъ, кто-то разсказалъ, что архіерей въ Донскомъ монастырѣ, и толпа въ 300 человекъ двинулась туда. Амвросій, слышавъ о приближеніи бунтовщиковъ, спрятался было на хорахъ сзади иконостаса, но это убѣжище было открыто; несчастнаго вытащили изъ церкви, изъ монастыря, и передъ задними воротами умертвили самымъ варварскимъ образомъ: били въ 8 коловъ цѣлые два часа, такъ что, говорить очевидецъ, «ни виду, ни подобія не осталось».

Между тѣмъ Еропкинь весь этотъ день, пятницу 16-го числа, собиралъ у себя на Стоженкѣ кусочками команду и на силу къ вечеру собралъ 130 человекъ, соединя съ гвардейскими командами 50 человекъ Великолуцкаго полка ¹⁾; но главную силу этого маленькаго отряда составляли двѣ пушки. Въ половинѣ шестаго часа пополудни Еропкинь съ своею командою двинулся въ Кремль, на улицѣ поймалъ священника съ крестомъ и заставилъ идти съ собою. При входѣ въ Кремль, чрезъ Боровицкія ворота, отрядъ былъ встрѣченъ дубьемъ и кирпичами; Еропкинь послалъ увѣщевать мятежниковъ оберъ-коменданта царевича Грузинскаго, но увѣщатель былъ встрѣченъ камнями. Той же участи подвергся бригадиръ Мамоновъ, который, по доброй волѣ, явился

1) Этотъ Великолуцкій полкъ составлялъ главную военную силу, которою располагало московское начальство; но весь полкъ состоялъ изъ 350 человекъ, и изъ нихъ 300 человекъ расположены были въ 30-ти верстахъ отъ Москвы, для безопасности отъ чумы, и только 50 человекъ находилось въ Москвѣ въ распоряженіи Еропкина.

въ Чудовъ монастырь со своими людьми и началъ уговаривать мятежниковъ: ему разбили голову и лицо. Видя, что увѣщаніе не помогаетъ, Еропкинь велѣлъ стрѣлять въ толпу изъ пушекъ и ружей: не менѣе ста человекъ бунтовщиковъ пало отъ этой стрѣльбы, 249 человекъ взято подъ караулъ, остальные разбѣжались. Это былъ первый и послѣдній подвигъ Еропкина: раненый въ двухъ мѣстахъ — шестомъ и камнемъ — истомленный, въ лихорадочномъ припадкѣ, онъ принужденъ былъ лечь въ постель и не принималъ участія въ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ.

На другой день, въ субботу, 17-го сентября, на разсвѣтѣ, толпы начали ломиться въ Кремль, въ Спасскія ворота, въ которыхъ стоялъ губернаторъ Юшковъ. Толпа требовала, чтобъ ей отдали всѣхъ товарищей, захваченныхъ войскомъ наканунѣ; чтобъ бани были распечатаны; карантинны уничтожены; лѣкарей къ ихъ должности не употребляли. Наканунѣ, 16-го числа, Еропкинь увѣдомилъ Салтыкова о бунтѣ, и въ 9 часовъ утра 17-го числа фельдмаршалъ былъ уже въ Москвѣ; одновременно съ нимъ, по его распоряженію наканунѣ, вступилъ въ Москву и Великолуцкій полкъ. Салтыковъ поручилъ начальство надъ полкомъ оберъ-полицеймейстеру Бахметеву и велѣлъ ему вести солдатъ на Красную площадь, чтобъ прекратить бунтъ. Бахметевъ, выстроивъ полкъ на площади, сказалъ окружающимъ толпамъ: «Совѣтую вамъ расходиться по домамъ: въ противномъ случаѣ всѣ побиты будете». Черезъ полминуты площадь опустѣла, и этимъ бунтъ кончился. Причина печальныхъ событій 15-го и 16-го сентября была для всѣхъ очевидна: ничтожность военныхъ силъ, — и потому старикъ фельдмаршалъ, въ донесеніяхъ императрицѣ, не переставалъ жаловаться на недостаточность своихъ средствъ и опасность положенія. «Кажется, все утихло, писалъ онъ 19-го сентября, однако на сіе надежду полагать не можно: народъ пьяный, раскольщики, подъячіе, холопы господскіе; сами всѣ разбѣжались по деревнямъ, людей оставили, кои, по ихъ празднои жизни, непрестанно на кабакахъ. Я нашелъ Чудовъ монастырь въ жалкомъ состояніи: окна всѣ выбиты, пуховики распороты и улица полна цуху, образа расколоты. Бунтовщики грозятся на многихъ, а паче на лѣкарей, и хотя на многихъ злятся и грозятъ убить, въ томъ числѣ и меня, а перваго Петра Дмитріевича Еропкина, но главный пунктъ карантинны: сего имени народъ терпѣть не можетъ. Въ сенатъ никто не ѣздитъ, только были мы двое. Графъ Воронцовъ пишетъ, что въ его деревнѣ люди заразились, для чего онъ и поѣхалъ въ другую, дальшую; князь Козловскій

уволенъ; Похвисневъ боленъ, Еропкинь заболѣлъ и лежитъ въ постелѣ. Господа президенты (коллегіи), не спрѣсясь никого; такъ какъ ихъ члены и прокуроры, разѣхались по деревнямъ. приказать некому; по кого ни пошлю, отвѣчаютъ—въ деревнѣ, Мнѣ одному, не имѣя ни одного помощника, дѣлать нечего: военная команда малая, городъ великъ, подлости еще для зла довольно. Между пойманными злодѣями множество подъязычнхъ, почти изо всѣхъ коллегіи, и ихъ солдаты. Старики отставнаго батальона гвардіи, кои содержатъ караулъ въ Кремлѣ, болѣе всѣхъ бунтовали и воровали, чему свидѣтель архитекторъ Баженовъ: онъ все видѣлъ изъ модельнаго дома и многія рѣчи слышалъ. Сейчасъ получена вѣдомость, что на Пахрѣ собирается много всякаго народа и хочетъ идти въ Москву со всякимъ оружіемъ, и разбѣжавшіеся отсель по деревнямъ пьяные грозятся все разорять. Я одинъ въ городѣ и въ сенатѣ, помощниковъ нѣтъ, команды военной не достаетъ, окруженъ заразительною болѣзною, подверженъ ей болѣе другихъ, всѣ ко мнѣ пріѣзжаютъ, принужденъ пустить, всякому нужда, помочь мнѣ некому. Одинъ оберъ-полицмейстеръ вездѣ бѣгаетъ, всего смотритъ, спать время не имѣетъ. Я не въ состояніи вашему величеству подробно донести, слышу и вижу все разное; народъ такой, съ воинъ, кромѣ всякой строгости, въ порядокъ привести невозможно.

21-го сентября Салтыковъ писалъ: «Нельзя быть безъ начальника, ибо не токмо въ Москвѣ, но по уѣзду нѣсколько тѣхъ злодѣевъ, нарядясь въ солдатской мундиръ, ходятъ по дворцовымъ и экономическимъ вотчинамъ, показывая указы, якобы изъ губернской канцеляріи посланы, и велятъ попамъ передъ народомъ читать, старость и выборныхъ принуждаютъ подписываться въ томъ, что какъ скоро услышатъ въ Москвѣ набатъ или пушечную стрѣльбу, то-бы всѣ въ Москву бѣжали съ дубинами и рогатинами. Я оставилъ (т. е. въ Москвѣ) Великолуцкій поле; главный постъ на Красной площади, съ пушками, и въ нужныхъ мѣстахъ пикеты; ежелибъ команды было довольно, особенно конницы для разѣздовъ, то-бъ можно оное зло скорѣе искоренить. Наставникъ долженъ быть изъ раскольщиковъ, потому что они всегда противились карантину, да и то примѣчанія достойно, что церковь архіерейская вся разорена и утварь разбита и разметана». Такъ какъ главный недостатокъ былъ въ военной силѣ, то, по предложенію президента главнаго магистрата Протасова, составлена была стража изъ купцовъ. Но скоро въ ней не оказалось нужды: въ Москву пріѣхалъ гр. Г. Г. Орловъ съ полномочіемъ и съ войскомъ.

С. Соловьевъ.

ИМПЕРАТРИЦА КАТЕРИНА II И КН. ПОТЪМКИНЪ.

. Подлинная переписка.

(Изъ сборника профессора Николаевской Акад. Ген. Штаба П. С. Лебедева).

1789 г. ¹⁾.

Сентября 22-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ.

Вручитель сего, подполковникъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, желая служить въ арміи, просилъ быть отправленъ къ тебѣ; въ молодыхъ его лѣтахъ, я должна ему отдать справедливость, что, сколько я примѣтить могла, онъ въ самыхъ добрыхъ расположеніяхъ и полонъ усердіемъ выполнить все ему порученное; онъ отнюдь не желалъ здѣсь жить празденъ и спѣшить теперь къ тебѣ застать осеннія военныя дѣйствія; я совершенно увѣрена, что ты сего молодого чело-вѣка будешь жаловать, *il me paraît à moi que c'est vraiment un enfant interessant* ²⁾, братъ же его чрезвычайно любитъ и всю свою надежду на тебя кладетъ, что его не оставишь, въ чемъ, надѣюсь, и не обманется. Третьягоднишней курьеръ твой привезъ намъ добрую вѣсть,—за что тебя весьма благодарю,—что бригадиръ Орловъ разбилъ авангардъ Гассанъ-паши и что князь Репнинъ идетъ къ Измаилу.

Помоги тебѣ Богъ во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ и да дастъ тебѣ здоровье и силы душевныя и тѣлесныя; я совершенно здорова, и своимъ нынѣшнимъ состояніемъ довольна и ничѣмъ не могу жаловаться, кромѣ глупымъ, унылымъ и слабымъ поведеніемъ графа Пушкина и его интригантнаго генералитета, который перетасовать надобно; какъ я къ тебѣ уже писала, ему, Пушкину, впредь не командовать, понеже не умѣетъ; но полно о сей скучной матеріи говорить,

¹⁾ См. «Русскіи Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 33—58; 239—262; 441—478; 571—590; томъ XVII, стр. 21—38.

²⁾ Мнѣ кажется, это интересное дѣтя.

я хочу, чтобъ ты былъ въ веселомъ расположеніи, и не смотрѣлъ сентябрь; вѣдь ты не любишь, какъ я нахмурюсь, также и я не люблю, когда морщишься. Съ будущими твоими именинами тебя поздравляю и посылаю къ тебѣ съ Валерьяномъ что онъ тебѣ вручитъ, по прочтеніи сего письма.

Прощай, мой другъ, Бога прошу да поможетъ тебѣ.

(Безъ числа, но вѣроятно, въ исходѣ сентября).

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ. Письма твои, отъ 10-го сентября, изъ Кишенева, и отъ 16-го, изъ Каушанъ, я получила одни за другими; послѣднія меня много обрадовали, понеже я, къ удивленію моему, увидѣла, что тутъ не одна, но множество побѣдъ. Еслибы ты былъ здѣсь, то бы я, взявъ тебя за уши, поцаловала, а теперь заочно премного тебя благодарю, и я, и вся публика чрезвычайно обрадована; сегодня у насъ былъ молебень и пушечная пальба—101 выстрѣлъ. Подарокъ одинъ посланъ къ Кобургу, а шпаги для него и для Суворова дѣлаются.

Подробностей жду нетерпѣливо, только ты, право, умница, спасибо, мой фельдмаршалъ, что дѣла ведешь умно и съ успѣхомъ.

Съ пруссакомъ употребляется что возможно; но съ врагами вообще ничего нѣтъ исцѣлительнаго, какъ ихъ бить. Напиши ко мнѣ именно кто битой визирь, ибо, по нашимъ вѣстямъ, Юсуфъ-паша смѣненъ и на его мѣсто кто сдѣланъ—тотъ умеръ. Помоги тебѣ Богъ достать Бендеры даромъ.

Прощай, мой другъ, будь здоровъ; курьера твоего я пожаловала полковникомъ. *Adieu mon Ami; je Vous aime de tout mon coeur et je Vous trouve tout-à-fait charmant de m'avoir envoyé tant de bonnes nouvelles à la fois* ¹⁾.

Октября 4-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. За поздравленіе твое со днемъ моей коронаціи благодарю тебя. Жаль, что штормъ препятствіе сдѣлалъ нашему флоту. Успѣхами арміи, подъ твоимъ предводительствомъ находящейся, всѣ много обрадованы и ждемъ подробностей нетерпѣливо. Бога прошу, да благословитъ твои предпріятія на Бендеры и повсюду. Пруссакаго Геркулеса либо дубину его стараемся уgomонить всевозможной ласкою, а Англію также. Отъ мира я не токмо не прочь, во всякое время, но онаго сердечно желаю. Изъ рескрипта увидишь, что я Суворова пожаловала графомъ Суворовымъ-Рымникскимъ. Касательно финляндскихъ дѣлъ я жду отвѣтъ

¹⁾ Прощайте, мой другъ, я люблю васъ всѣмъ сердцемъ, и нахожу васъ чудеснымъ за то, что разомъ послали мнѣ столько хорошихъ новостей.

твой на мое письмо, въ которомъ тебѣ писала о Миллерѣ либо Долгорукомъ, но и наипаче перваго я-бъ охотнѣ хотѣла, нежели Салтыкова, которой ссоръ между генералами не укротить, но при томъ глупъ и упрямъ, и не сдѣлаетъ, опасаясь, ничего, какъ Пушкинъ; сему остаться никакъ невозможно, его наипаче гвардія бранить; я чаю, также и казаки, и самъ Денисовъ.

Корнетъ (П. А. Зубовъ) въ кавалергардскомъ корпусѣ сдѣланъ.

Касательно же Валеріана, то сей уже выпущенъ прежде и, чаю, уже къ тебѣ пріѣхалъ.

Графа же Гуровскаго я въ полковники пожаловала, о чемъ свѣдаешь съ симъ же курьеромъ.

Прощай, мой другъ, будь здоровъ и помоги тебѣ Богъ.

Новой твой корнетъ кавалергардской—человѣкъ обстоятельной, которой донинѣ не балуется; я имъ очень довольна, сей аттестатъ я ему должна. Будь милостивъ къ дитятѣ и наставъ его на путь истинной, у него сердце доброе и воля добрая.

Октября 5-го ч.

Здѣсь по городу слухъ идетъ, будто графъ Мамоновъ съума сошелъ на Москвѣ; но я думаю, что солгано: дядя его о семъ ничего не знаетъ, у него спрашивали. Если это правда, то Бога благодарить надобно, что сіе не сдѣлалось прошлаго года; конфузій въ рѣчахъ я, въ самой день свадьбы, примѣтила, но сіе я приписывала странной его тогдашней позиціи. Извини меня, мой другъ, что я тебя утруждаю чтеніемъ сихъ строкъ, при твоихъ прочихъ заботахъ, но, разсуди самъ, еслибъ ты былъ здѣсь, то бы мы о семъ поговорили же. Покои твои я приказала убирать почище, я по нихъ проходила и нашла, что они такъ замараны и такъ гадки, что полководцу прославившемуся—въ оныя ввести непристойно, а полюбится-ли тебѣ, какъ я ихъ прибрать велѣла—не вѣдаю; для меня недурно, по, зная твой вкусъ, опасаясь, что тебѣ не понравится; но, какъ-бы то ни было, они красивѣе землянки либо палатки.

Бнѣзь Г. А. Потемкинъ — Императрицѣ.

Рапортъ о сраженіи при Римникѣ.

Бѣлградъ на Днѣстрѣ.—Октября 6-го ч. 1789.

Всемиловѣйшая государыня. Объ одержанной союзными императорскими войсками надъ верховнымъ визиремъ при рѣчкѣ Римникѣ. 11-го минувшаго сентября, побѣдъ присланное ко мнѣ отъ генерала Суворова обстоятельное донесеніе съ планомъ баталіи¹⁾ имѣю счастье

¹⁾ Плана баталіи въ нашемъ сборникѣ не имѣется.

всеподданнѣйше представить вашему императорскому величеству чрезъ полковника Золотухина, который, бывъ при немъ дежурнымъ, можетъ подробно донести вашему величеству, колико ознаменовалъ себя въ тотъ день господинъ Суворовъ. Его искусствомъ и храбростію приобрѣтена побѣда и я приѣмлю смѣлость повергнуть его чрезъ сіе, съ храбрымъ воинствомъ, къ освященнымъ вашего императорскаго величества стопамъ.

Реляція на 12-ти страницахъ писана вся рукою Суворова; въ ней замѣчательно слѣдующее мѣсто:

Сего мѣсяца 6-го числа, въ ночи, получилъ я письмо отъ принца Кобурга, въ которомъ увѣдомляетъ, что великій визирь съ многочисленнымъ войскомъ отъ стороны Браилова переправился чрезъ рѣку Бузео и сталъ лагеремъ при деревнѣ Градешти; что онъ ждетъ отъ него нападенія и я бы не медлилъ ни часу для соединенія съ нимъ корпуса команды моей; чрезъ сутки другое письмо равнаго содержания, съ прибавленіемъ, что визирь лагерь свой перенесъ впередъ 4 часа и расположился при Мартинешти, лежащей отъ него 4 же часа, и что онъ на завтра ожидаетъ отъ него атаки.

Соображая сіи обстоятельства, не можно было медлить; я выступилъ въ ночь на 8-е число изъ подъ Пудени съ батальонами двумя егерскими, четырьмя гренадерскими, четырьмя мушкатерскими и легкимъ сформированнымъ (sic) изъ мушкатеръ на шесть кареевъ въ двѣ линіи, — при нихъ въ 1-й генераль-маіоръ и кавалеръ Позняковъ, во 2-й бригадиръ Вестфаленъ, на сей случай дѣла прикомандированный, — 12-ю карабинерными эскадронами, при сихъ бригадиръ Буришевъ, — прочій генералитетъ за болѣзнію остался назади, — двумя казачьими полками и арнаутами.

Императрица — кн. Потемкину.

Октября 10-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Пишетъ ко мнѣ генераль графъ Николай Петровичъ Салтыковъ, что бригадиръ Селимъ-Гирей ушелъ къ туркамъ и живетъ теперь у Калги-султана въ турецкомъ войскѣ; сей неблагодарный человекъ доказалъ, сколь мало на магометанскую къ намъ вѣрность считать можно. Voilà un vilain Monsieur de plus et puis c'est tout, а со временемъ у турокъ будетъ безъ головы, какъ Шагинъ-Гирей. Сіе письмо отдастъ тебѣ Николай Александровичъ Зубовъ, который обратно къ тебѣ ѣдетъ и весьма хвалится твоею къ нему ласкою, за что братъ его премного тебя благодарить; они всѣ люди добросердечные, mais la perle de la

famille, selon moi, c'est Platon lui même, qui est d'un caractère vraiment aimable et ce caractère ne se dement dans aucune occasion ¹⁾).

Я здорова и тебѣ желаю того же, и чтобы самъ Богъ тебѣ помогалъ и поддерживалъ во всѣхъ случаяхъ. Прощай, мой другъ.

Октября 18-го ч.

Поздравляю тебя, другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ со взятіемъ Бѣлграда на Днѣстрѣ; сія вѣсть къ намъ пришла въ самый день молебна за взятіе Бѣлграда на Дунаѣ, и такъ, молебенъ пѣли здѣсь за оба Бѣлграда совокупно. Знато, что имя твое уже страшно врагамъ, что сдались на discreцію, что лишь показася. Спасибо тебѣ и преспасибо, кампанія твоя нынѣшняя щегольская! Бога прошу, да увѣнчаетъ ее Бендерами и да дастъ намъ чрезъ тебя полезный и честный миръ.

Прости, мой другъ, я здорова и весела и тебя очень, очень люблю.

Къ вещамъ для Суворова я прибавила еще перстень, буде вещи тебѣ покажутся не довольно богаты.

Октября 18-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Описание, которое дѣлаешь Днѣстровскому Бѣлграду въ твоемъ письмѣ отъ 2-го октября, показываетъ, что туркамъ сіе наше нынѣшнее приобрѣтеніе важно было. Подробности о баталіи, выигранной Суворовымъ и Кобургомъ надъ визиремъ, еще не привезены; я думаю, что курьеръ занемогъ на дорогѣ, тотъ, котораго ты обѣщалъ отправить 4-го октября. Каковы цесарцы бы ни были и какова ни есть отъ нихъ тягость, но оная будетъ несравненно менѣе всегда, нежели прусская, которая совокуплена, сопряжена со всѣмъ тѣмъ, что въ свѣтѣ можетъ только быть придумано поноснаго и неспособнаго. Mon cher ami, je parle d'experience, j'ai vu ce joug malheureusement de fort près et j'ai sauté de joie, vous en êtes témoin, lorsque j'ai aperçu seulement une petite lueur pour en pouvoir sortir ²⁾). Постарайся, мой другъ, сдѣлать полезный миръ съ турками, тогда хлопоты многія исчезнутъ и будемъ почтительны,—послѣ нынѣшней твоей кампаніи сіе ожидать можемъ.

Помоги тебѣ Господь Богъ самъ взять Бендеры. Посылаю тебѣ гравированный портретъ съ рѣзнаго камня Очаковского побѣдителя; и камень и портретъ вырѣзаны у меня въ эрмитажѣ. Александру Ва-

¹⁾ Но, по мнѣ, перлъ семейства — Платонъ, который по истинѣ имѣетъ прекрасный характеръ и не измѣняетъ себѣ ни въ какомъ случаѣ.

²⁾ Мой дорогой другъ, я говорю по опыту, я, къ несчастію, близко видѣла это ярмо, и вы свидѣтель, какъ я прыгала отъ радости, едва только завидѣла надежду выйти изъ этого положенія.

Сильевичу Суворову посылаю: орденъ, звѣзду, эполетъ и шпагу брилліантовую весьма богатую; осыпавъ его алмазами, думаю, что казистъ будетъ. А что тунейдцевъ много, то правда, я давно сего мнѣнія. Что ты замучился, о томъ жалѣю, побереги свое здоровье, ты знаешь, что оно мнѣ и государству нужно. Adieu, mon ami, Христосъ съ тобою, будь здоровъ и счастливъ.

Мы Пруссаковъ ласкаемъ, но каково на сердцѣ терпѣть ихъ грубостію и ругательствомъ наполненные слова и поступки, одинъ Богъ вѣсть. Я жду твоего отвѣта на мое письмо о перемѣнѣ команды въ Финляндской арміи, и хотя ты писалъ о графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ, но нельзя-ли, чтобъ чаша сія шла мимо Финляндской арміи; тутъ паки, кромѣ упрямства и глупости, ничего не выйдетъ, мнѣ кажется; а, право, уже двѣ кампаніи потеряны, и не дай Боже видѣть третью, наполненную упрямою глупостію.

Октября 18-го ч.

Третье письмо, мой другъ сердечной, сегодня я къ тебѣ пишу; по написаніи двухъ первыхъ, пріѣхалъ Золотухинъ и привезъ твои письма отъ 5-го октября, изъ которыхъ усмотрѣла, что ты еще въ Бѣлградѣ, гдѣ приводишь все въ порядокъ, въ ожиданіи полковъ, отъ аджибея идущихъ. Бога прошу, да поможетъ тебѣ взять Бендеры, а иначе безъ потери людей, и естли, паче чаянія, чего Боже сохрани, не достаточно гдѣ было пропитанія или провіанта, такъ чтобъ съ неба падалъ хлѣбъ и сухари, какъ дождикъ. Къ графу Суворову, хотя цѣльба съ брилліантами уже наложена, однако кавалеріи Егорья боннаго креста посылаю, по твоей просьбѣ; онъ того достоинъ, паче же никуда не нравится куда его прочимъ. Дай Богъ тебѣ здоровья. Письмо Кобурга обнимъ честь дѣлаетъ.

Платонъ Александровичъ тебя весьма за брата благодарить; я никакъ не сомнѣваюсь, что ты слово удержишь, они же люди очень хорошіе, съ добрыми сердцама и ко мнѣ привязанные, и отнюдь не криводушные. Я любопытна знать, кто у Суворова генералы, кои за болѣзнію остались позади? Мнѣ кажется, что и твой Войновичъ не очень на морѣ идетъ впередъ, однако не въ осужденіе ему да будетъ сіе, я знаю его силу и турецкую; желаю отъ всего сердца, чтобъ флотилія и флотъ были бы цѣлы и здоровы. Засимъ, прости, мой другъ, будь здоровъ и благополученъ — я здорова.

Октября 19-го ч.

Другъ мой сердечной, здѣсь, какъ я тебѣ уже писала, прекрасная нужда въ Финляндской арміи въ генералѣ, понеже Пушкинъ, бывъ двѣ кампаніи, оказалъ свое несмысліе, на него даже гвардія и прочія всѣ войска за недѣйствіе рошцутъ; генераловъ же онъ не умѣетъ

содержать въ субординаціи. Писалъ ты ко мнѣ, чтобъ графа Салтыкова къ тому употребить, но и сей, мнѣ кажется, къ сему посту не болѣе способенъ, какъ и Пушкинъ. Я жалѣю, что князь Бернбургской—изъ младшихъ генераль-поручиковъ; не знаю сама почему, моя довѣренность, въ семь случаевъ, наклонилась бы скорѣе къ нему, нежели къ иному. Ради самого Бога, рѣши ты мою нерѣшимость скорѣе и напиши вторично ко мнѣ и дай мнѣ совѣтъ доброй, кого мнѣ употребить въ сей странѣ? также и прочій генералитетъ перетасовать въ Финляндіи нужно; назначъ кого на мѣсто Кнорринга и прочихъ, кои выслать нужно, опредѣлить надлежитъ. Нумсена, Корсакова, Берхмана, Бавера я здѣсь оставляю; Стронтманнъ почти ослѣпъ, Левановъ никуда не годится, а Волковъ—валъ. Я сожалѣю, что сими хлопотами тебя беспокою, но онѣ мнѣ крайне нужны кажутся, по важности здѣшнихъ дѣлъ; отъ Пушкина ¹⁾ ничего добиться невозможно и уже способа не осталось, ибо моихъ ордеровъ не слушался, сколько ни было писано, а къ крайности приступить также не хочется, понеже я ему персонально обязана. На Москвѣ онъ отнюдь не годится.

Прости, мой другъ, будь здоровъ и благополученъ.

Смотря по списку, я нашла, что Кречетниковъ и Игельстромъ старшіе генераль-поручики; я бы согласилась на кого изъ нихъ, наипаче перваго.

Ноября 15-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ. Не даромъ я тебя люблю и жаловала, ты совершенно оправдываешь мой выборъ и мое о тебѣ мнѣніе; ты отнюдь не хвастунъ, и выполнилъ всѣ предположенія, и десарцевъ выучилъ турковъ побѣдить; тебѣ Богъ помогаетъ и благословляетъ, ты покрытъ славою, я посылаю къ тебѣ лавровой вѣнцы, который ты заслужилъ (но онъ еще неготовъ ²⁾); теперь, мой другъ, прошу тебя, не спѣсивься, не возгордись, но покажи свѣту великость своей души, которая въ счастіи столь же ненадменна, какъ и не унываетъ въ неудачѣ. Il n'y a pas de douceur mon Ami que je ne voudrais Vous dire: Vous êtes charmant d'avoir pris Benders sans qu'il en aye couté un seul homme ³⁾.

Усердіе и трудъ твой умножили бы во мнѣ благодарность, естлибъ она и безъ того не была такова, что увеличиться уже не можетъ. Бога прошу да укрѣпитъ силы твои; меня болѣзнь твоя очень беспокоила, однако, не имѣя отъ тебя болѣе двухъ недѣль писемъ, я

¹⁾ Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ.

²⁾ Приписано рукой императрицы.

³⁾ Нѣтъ ласки, мой другъ, которую бы я ни хотѣла сказать вамъ; вы очаровательны за то, что взяли Бендеры безъ потери одного человѣка.

думала, что возишься около Бендеръ, либо завелъ мирные переговоры. Теперь вижу, что догадка моя не была безъ основанія. Нетерпѣливо буду ожидать прїѣзда Попова; будь увѣренъ, что я для твоей вѣр-
ренной арміи генералитета все сдѣлаю, что только возможно будетъ,
равномѣрно и для войска: ихъ труды и рвеніе того заслужили. Какъ обѣщанную записку о цесарскихъ награжденіяхъ получу, то и тебѣ скажу и мое мнѣніе. Любопытна я видѣть письма Волосскаго
господаря и капитана-паши бывшаго о перемиріи и твои отвѣты; все
сіе уже имѣетъ запахъ мира, и тѣмъ самымъ непротивно. Планъ о
Польшѣ, какъ его получу, то разсмотрю и не оставлю тебѣ, какъ скоро
возможно, дать рѣшительный отвѣтъ. Въ Финляндіи начальника пе-
ремѣнить крайне нужно, ни въ чемъ на теперешняго положиться
нельзя; въ Нейшлотъ я сама принуждена была посылать соль отсюда,
ибо люди безъ соли въ крѣпости; я велѣла мясо дать людямъ, а онъ
мясо поставилъ въ Выборгъ, гдѣ мясо сгнило безъ пользы; ни на что
не рѣшится; однимъ словомъ, неспособенъ къ предводительству, и
подъ нимъ генералы шалаютъ и интригуютъ, а дѣла не дѣлаютъ, когда
прилично; изъ сего можешь судить, сколько нужно сдѣлать перемѣнъ
тамъ. Присланнаго отъ тебя молодца я пожаловала полковникомъ и
въ флигель-адъютанты за добрыя вѣсти. *L'enfant trouve que Vous
avés plus d'esprit et que Vous etes plus amusant et plus aimable, que
tous ceux qui Vous entourent; mais sur ceci gardez nous le secret car
il ignore que je sais cela*¹⁾; за весьма ласковой твоей прїемъ они крайне
благодарны; братъ ихъ Дмитрій женится у Вяземскаго на третьей
дочери.

Adieu mon cher Ami; portés Vous bien.

Ноября 25-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Поповъ
прїѣхалъ съ Бендерскими ключами и съ твоими письмами отъ 9-го
ноября; за Бендеры Богу благодареніе мы приносили, а теперь тебѣ
скажу еще разъ спасибо. Попову дана лента святяи Анны, да де-
нежная дача; прїятно мнѣ было его видѣть и говорить съ нимъ о
щегольской твоей кампаніи, въ которой, попеченіемъ твоимъ отлич-
нымъ о людяхъ, они сбережены, а города неприятельскіе покорены.
Планы сихъ городовъ я получила, они доказываютъ, что Богъ намъ
помощникъ и что турки болѣе боятся оружія російскаго и нашихъ
полководцевъ, нежели цесарскихъ. Отъ всего сердца теперь желаю,
чтобъ Христосъ тебѣ помогъ заключить честный и полезный миръ,

¹⁾ Дня (Платонъ Zubovъ) находить, что вы умнѣе, занимательнѣе и любез-
нѣе всѣхъ, васъ окружающихъ; это храните въ тайнѣ, ибо онъ не знаетъ, что
это мнѣ известно.

сей намъ нужнѣ всего, къ чему, кажется, теперь и есть надежда. Переписка твоя съ Гассанъ-пашою, съ Мавроени и твои весьма разумные отвѣты подають къ тому надежду; нельзя, чтобъ твои знаменитые успѣхи не сдѣлали впечатлѣннѣ глубокое въ непріятельскихъ умахъ и чтобъ, чувствуя свое разстройство, не обратились скорѣе на нужное спасеніе остаточнаго, нежели на суетныя обѣщанія и внушенія враждующихъ намъ европейцевъ. Пожоря Бендеры, Vous avés couronné l'oeuvre de cette campagne и свой планъ выполнялъ; я думаю, что Булакова въ тебѣ отпустить; лично тебѣ трактовать, конечно, неловко. Какъ брабантскія дѣла идутъ весьма плохо по сю пору, то думать можно, что цесарцы въ мирѣ имѣють столько же нужды, какъ и мы, и захватываютъ Валахію для того, чтобъ удержать лишь нужное.

Volontiers je chanterai avec Vous la chanson que Vous avés faite, que

Nous avons pris neuf lançon,
Sans perdre un garçon,
Et Bender avec trois pachas,
Sans perdre un chat.

J'aime à Vous voir en aussi bonne humeur et Vous avés lieu de l'être d'après une aussi brillante Campagne, soyés assurez que je me rejouis bien sincerement de Vos succès ¹⁾.

Я рѣшилась взять сюда Салтыкова съ Кубани и велѣла послать къ нему курьера, также Игельстрома и принца Ангальта. Письмоводецъ графа Пушкина уже отходить, а генераль-маіоровъ прошу прислать хорошихъ и не все нѣмцевъ.

Николаю Александровичу Самойлову посылаю Александра Невскаго, а Энгельгардту—Владимира втораго класса.

Monsieur le moine point de moinerie, voilà ce que j'ai à repondre au mot келья, à propos de vos appartements que je me suis fait un plaisir particulier d'enjoliver ²⁾.

Послѣ мира отдохнешь и Богъ подкрѣпитъ твои силы тѣлесныя и душевныя.

¹⁾ Охотно я пропою съ вами вашу пѣсню:

Мы взяли девять баркасовъ,
Не потерявъ даже мальчишка,
И Бендеры, съ тремя пашами,
Не потерявши кошки.

Люблю васъ видѣть въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, и вы можете быть такимъ послѣ блистательной кампаніи. Будьте увѣрены, что я чистосердечно радуюсь вашимъ успѣхамъ.

²⁾ Прошу не монашествовать, господнѣ монахъ, это я отвѣчу на слово «келья» о вашихъ комнатахъ; я нахожу удовольствіе украсить ихъ.

Кубанской корпусъ пусть будетъ подѣ твоей командою, какъ былъ. Пруссака мы ласваемъ, касательно Польши, сіе нужно сообразить съ другими дѣлами и настоящимъ нашимъ положеніемъ, чтобъ каша не заводитъ болѣе тепершинаго. Послѣ мира и бѣлорусцовъ прибрать можно. Санъ бендерскихъ бинь-пашей компонованъ, чтобъ диванъ извинилъ сдачу города, я думаю. Adieu Mon Ami portés Vous bien, сіе желаніе часто повторяемъ въ разговорахъ съ Платономъ Александровичемъ, которымъ я весьма довольна, и ко мнѣ привязанъ до крайности, вотъ ему аттестатъ, какъ корнету кавалергардскаго корпуса къ шефу онаго.

Декабра 2-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Пошлю я къ тебѣ, съ послѣднимъ курьеромъ, что планъ твой о Польшѣ требуетъ разныя соображенія и что предоставляю себѣ о томъ къ тебѣ писать по прошествіи праздниковъ; сіе нынѣ исполню симъ письмомъ и, во первыхъ, тебѣ скажу, что планъ твой весьма хорошъ, и желательно, чтобъ обстоятельства способствовали произведенію его въ дѣйство. Именованіе Гетмана войскъ казацкихъ-Екатеринославской губерніи затрудненію не подлежитъ и рескриптъ о томъ недолго заготовить, но отъ подписанія меня удерживаетъ только то одно, чтò тебѣ самому отдаю на разрѣшеніе: не возбудитъ ли употребленіе сего названія въ Польшѣ безвременнаго вниманія сейма и тревогу во вредъ дѣлу? я полагаю, что, для надежнаго производства въ дѣйствіе твоего плана, необходимо нуженъ миръ съ турками и шведомъ; о послѣднемъ здѣсь приложено будетъ всевозможное стараніе, отдавая всякія затрудненія, колико только дозволитъ сохраненіе достоинства государственнаго. Касательно турецкаго мира, кажется, успѣхи войска, тобою предводимаго, уже столь далеко распространены, что слѣдуетъ ожидать податливости со стороны сего непріятеля, повсюду побѣжденнаго. Да благословитъ Богъ мирное дѣло успѣхомъ равнымъ, какъ военные подвиги.

По возстановленіи покоя откроется путь къ начинанію сего важнаго дѣла, которое, кажется, всего удобнѣе предпринять при возвращеніи войскъ нашихъ чрезъ Польшу. Развѣ король прусской обнажитъ прежде свои замыслы намъ вредные, либо займетъ часть Польши, тогда, отложивъ уваженія, приниматься за сіе дѣло. О заготовленіи оружія имѣешь рескриптъ отъ 6-го іюля сего года, въ сходство котораго можешь предписать Кречетникову оное въ Тулѣ заготовить; а естли пушки нужны, то вели оныхъ вылить въ Брянскѣ, либо на новомъ Екатеринославскомъ литейномъ заводѣ, либо завоеванныя пушки на то обрати. Для безопасности нашихъ границъ со стороны

Польши нужно будетъ, чтобъ мѣсто фельдмаршала Румянцова свободно не оставалось, но командующій генераль туда послать былъ, къ чему думаю, что Кречетниковъ всего бы полезнѣе былъ. Касательно Бѣлоруссии и прекращенія унѣ твои примѣчанія равно основательны и онѣя исподволь въ дѣйствіе производить нужно; но принуждать помѣщиковъ жить въ Бѣлоруссии будетъ нарушеніе трактата, да и у насъ многіе живутъ и вѣдятъ, въ силу законовъ, вѣдъ Имперіи, да и не хочу нажить нареканій подобныхъ, какъ нажилъ мой союзникъ, императоръ. Прощай, мой другъ, будь здоровъ и благополученъ.

Декабра 3-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ. Черезъ Василія Степановича Попова посылаю тебѣ аптеку цѣлюю моихъ лѣкарствъ и желаю отъ всего сердца, чтобъ тебѣ въ оной никакой нужды не было; я, кромѣ наружныхъ лѣкарствъ, всѣ прочія давно кинула, но узнавъ, что желаешь ихъ имѣть при себѣ, посылаю. — Вторая посылка есть лисья шуба, да соболья шапка, чтобъ тебѣ холодъ не вредилъ, — носи на здоровье.

Лавровой вѣнецъ еще недѣли черезъ двѣ послѣветъ. Пожалуй, пришли ко мнѣ скорѣе репортщицю Финляндской арміи съ назначеніемъ генераль-маіоровъ, въ чемъ нужда крайняя; у шведовъ умножается дезерція нынѣ. Еще, мой другъ, прошу тебя въ досужій часъ вспомнить приказать Сартію сдѣлать хоры для „Олега“; одинъ его хоръ у насъ есть и очень хорошъ, а здѣсь не умѣютъ такъ хорошо компоновать; пожалуй, не забудь.

Когда король шведской услышалъ о сдачѣ Бендеръ, тогда остановилъ, сказываютъ дезертеры, свою поѣздку въ Швецію и сказываютъ, будто сеймъ собираетъ въ Абовѣ. У короля англійскаго въ Ганноверѣ поднялся бунтъ противу капитуляціи; правительство требовало отъ генералитета, чтобъ собрали войска и онѣя ввели въ города Ганновера и Целла, но они отказались то учинить, говоря, что на войска свои не надежны, а опасаются, чтобъ не пристали къ народу; съ снмъ посланы курьеры въ Англію; чтъ будетъ — не вѣдаю, но сія зараза по нѣмецкой землѣ распространяется.

Прощай, мой любезной другъ, дай Боже тебѣ успѣхъ такой же въ мирѣ, какъ въ войнѣ.

Декабра 7-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ. Изъ письма твоего отъ 22-го ноября вижу я, что ты уже прибылъ въ Яссы и что рано наставшая зима причинила тебѣ новыя заботы; что люди сбережены, но скота спасти нельзя было; я увѣрена, что ты трудовъ

не падишь, но что-же дѣлать, съ погодою бороться нельзя. Изъ писемъ Гассанъ-паши еще невидно, чтобъ турки тогда весьма заботились о мирѣ, но естли съ ними негоціація откроется, то ты отнюдь не связанъ трактовать обще съ цесарцами; у насъ давно договорено, въ семъ дѣлѣ всякому стараться о себѣ, а мириться, какъ лучше можетъ; я бы того и желала, чтобъ не чрезъ французовъ и не чрезъ кого сіе дѣло происходило, но непосредственно. Кауницова куча совѣтниковъ пускай остаются у Кобурга, а до насъ и до тебя имъ дѣла нѣтъ; касательно молдавскихъ цинатовъ, кои еще у цесарцевъ, перепишись съ Кобургомъ, чтобъ вывелъ войска въ Валахію и оныя оставилъ. За поздравленіе со днемъ моего ангела благодарствую, также за прекрасныя турецкія чашечки. Что ты усталъ, о томъ жалѣю и желаю, чтобы Богъ подкрѣпилъ твои силы душевныя и тѣлесныя; прости, мой другъ, я здорова и весела.

Вчера съ мы вспоминали штурмъ очаковской и я была у молебна.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРИГОРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ГЛИНКА

состоявшій кавалеромъ (наставникомъ)

при Великихъ Князяхъ Николаѣ Павловичѣ и Михаилѣ Павловичѣ.

II ¹⁾.

Письма императрицы Маріи Феодоровны.

Павловскъ.—16-го іюня 1816 г.

Григорій Андреевичъ! Я имѣла удовольствіе получить письмо ваше изъ Полтавы и съ великимъ любопытствомъ читала обстоятельное описаніе путешествія любезнѣйшаго моего сына ²⁾ и пребыванія въ разныхъ мѣстахъ, начиная съ Кіева. Искренно благодаря насъ за точное исполненіе моего желанія по сему предмету; я прошу васъ продолжать съ такою же подробностью и сдѣлаться такимъ образомъ исторіографомъ сего путешествія. Извѣстное ваше усердіе, конечно, будетъ къ тому вамъ достаточнымъ побужденіемъ, но я могу прибавить къ тому еще увѣреніе о великомъ удовольствіи, которое вы тѣмъ мнѣ сдѣлаете, и нимало не сомнѣваюсь, что вы охотно для того трудиться будете. Вамъ, вѣрно, пріятно будетъ слышать, что со всѣхъ сторонъ доходятъ до меня похвальнѣйшіе отзывы о великомъ князѣ и я надѣюсь, что сужденіе сопровождающихъ его съ сими отзывами согласно. Съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю въ прочемъ вамъ благосклонною Марія.

(Собственноручная приписка): „Супруга ваша здорова и я буду имѣть удовольствіе ее сегодня видѣть“.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 75—108.

²⁾ Великаго князя Николая Павловича.

Павловскъ.—28-го іюля 1816 г.

Григорій Андреевичъ! Любопытныя письма ваши, заключающія подробныя извѣстія о продолженіи путешествія любезнѣйшаго моего сына, великаго князя Николая Павловича, исправно всѣ до меня дошли, и я благодарю васъ искренно за обстоятельное ваше описаніе, которое я читаю съ особливимъ удовольствіемъ. Я надѣюсь, что сія поѣздка по южной части отечественнаго края сопряжена съ чувствительною для великаго князя пользою, въ чемъ я полагаю совершенное упованіе на содѣйствіе окружающихъ его, конхъ усердіе и приверженность къ нему мнѣ толико извѣстны. Я прошу васъ продолжать ваши пріятныя донесенія до совершенія путешествія, скоро ожидаемаго, и быть увѣрены, что я съ особливимъ удовольствіемъ изъявлю вамъ лично мою признательность и доброжелательство, съ каковымъ и проч. Марія.

С.-Петербургъ.—27-го октября 1816 г.

Григорій Андреевичъ! Я имѣла удовольствіе получить ваши письма, и послѣднее, изъ Берлина, заключаая наипрѣятнѣйшее свидѣтельство о заслуживаемой великимъ княземъ, чрезъ обращеніе свое, всеобщей похвалѣ, исполнило сердце мое радостью и чувствомъ благодарности ко Всевышнему, совершающему мои желанія. Да благословитъ Онъ и продолженіе путешествія вашего и ниспошлетъ благодать свою, дабы отовсюду получала я подобныя утѣшительныя вѣсти о любезнѣйшемъ моемъ сынѣ, который, я смѣю надѣяться, и по возвращеніи своемъ, болѣе и болѣе утвердитъ доброе объ немъ общее мнѣніе, и содѣлаетъ меня счастливою матерью. Я получила при донесеніи вашемъ и счетъ о собственной казнѣ великаго князя и, благодаря васъ за всѣ труды ваши, съ удовольствіемъ возобновляю увѣреніе объ искреннемъ доброжелательствѣ, съ каковымъ и проч. Марія.

С.-Петербургъ.—30-го декабря 1816 г.

Григорій Андреевичъ! Я получила письмо ваше изъ Лондона отъ 19-го ноября (1-го декабря) и съ чувствительнымъ удовольствіемъ читала пріятнѣйшія извѣстія, въ немъ заключающіяся, какъ въ отношеніи къ благополучному продолженію путешествія великимъ княземъ, такъ и къ его въ Англіи обращенію. Но наслаждаясь толико удовлетворительными вѣстями и благодаря васъ за сообщеніе оныхъ, я не могу не сожалѣть о рѣдкости донесеній съ вашей стороны и со стороны вашего товарища ¹⁾, отъ котораго я не получила ни одного письма изъ Англіи; вы знаете оба, какое тѣмъ дѣлаете мнѣ удовольствіе, и

¹⁾ Саврасова.

я надѣюсь, что вы почаще будете доставлять мнѣ случаи изъяслять вамъ мою признательность за извѣстія и доброжелательство, съ каковымъ и проч. Марія.

С.-Петербургъ.—27-го января 1817 г.

Григорій Андреевичъ! Я съ великимъ удовольствіемъ читала письма ваши изъ Карлила и Лондона, заключающія весьма любопытныя и столь же пріятныя извѣстія о благополучномъ продолженіи путешествія любезнѣйшаго моего сына. Предметы, имъ обозрѣваемыя, и весь видъ и образованіе достойнѣйшей вниманія стороны, имъ проѣзжаемой, не только занимають его любопытство, но и обогащаютъ его полезными познаніями и опытами, изощряя притомъ его сужденіе. Когда же съ тѣхъ вмѣстѣ слышу я отсюда удовлетворительнѣйшіе отзывы, согласные съ вашими донесеніями, на счетъ обращенія великаго князя, то остается мнѣ только благодарить Всевышняго за успѣхъ, коимъ благословилъ онъ труды, на воспитаніе моего сына обращенныя, и изъяснить признательность мою участвовавшимъ въ сихъ трудахъ. Я всегда поставлю себѣ оное въ удовольствіе, пребывая съ истиннымъ доброжелательствомъ вамъ благосклонною. Марія.

С.-Петербургъ.—21-го февраля 1817 г.

Григорій Андреевичъ! Я съ удовольствіемъ читала обстоятельныя извѣстія, въ письмахъ вашихъ заключающіяся, о посѣщеніяхъ великаго князя въ достопамятнѣйшихъ и примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ и заведеніяхъ и у знаменитѣйшихъ особъ, и повторяю благодареніе мое за усердное исполненіе вами моего желанія. Весьма пріятно мнѣ замѣтить вниманіе, съ каковымъ великій князь осматриваетъ любопытныя и полезныя предметы и учрежденія, удостовѣряющее, что путешествіе его принесетъ ожидаемыя плоды. Продолженіемъ вашихъ донесеній вы сдѣлаете мнѣ чувствительное удовольствіе, о чемъ и прошу васъ быть столько же увѣрены, какъ о совершенномъ доброжелательствѣ, съ каковымъ и проч. Марія.

С.-Петербургъ.—7-го марта 1817 г.

Григорій Андреевичъ! Получивъ въ свое время письмо ваше отъ 30-го января (11-го февраля), я съ удовольствіемъ повторяю благодареніе за точное продолженіе повѣствованій о всѣхъ происшествіяхъ во время пребыванія любезнѣйшаго моего сына въ Лондонѣ. Достойныя примѣчанія предметы и заведенія, имъ съ такимъ вниманіемъ осматриваемыя, неминуемо оставляютъ въ немъ толикоже полезное, какъ и пріятное впечатлѣніе и обогащаютъ его различными, на опытъ основанными, познаніями. Я надѣсь, что, и по отбытіи изъ сей достопримѣчательной страны, вы не прекратите вашихъ донесеній и прошу васъ быть увѣрены въ доброжелательствѣ, съ которымъ и проч. Марія.

С.-Петербургъ.—24-го марта 1817 г.

Григорій Андреевичъ! Я имѣла удовольствіе получить письма ваши отъ 23-го и 27-го февраля, и заключающіяся въ нихъ новыя доказательства отъиъннаго уваженія и приверженности, которыя великій князь приобрѣлъ къ себѣ въ Англіи, чувствительно меня тронули.

Отзывы, какъ будто невольною, непреодолимою силою восторга извлеченные отъ народа, который не живостью чувствъ и выраженій отличается, а паче нѣкоторымъ предубѣжденіемъ противъ иностранныхъ, или, по крайней мѣрѣ, холодною, составляютъ всеконечно весьма лестную похвалу, утѣшительнѣйшую для матернаго сердца.

Благодарю васъ за усердное продолженіе вашихъ донесеній; я предоставляю себѣ, при личномъ, приближающемся свиданіи, возобновить вамъ изъявленіе искренняго доброжелательства, съ каковымъ и проч. Марія.

Наставленіе Г. А. Глинкѣ.

18-го августа 1817 г.

(Переводъ). Хотя словесно я уже выяснила вамъ, господа (Глинка и Алединскій), цѣль путешествія моего сына (в. к. Михаила Павловича) и справедливыя мои надежды на то, что своимъ попеченіемъ вы увеличите его пользу, но материнская заботливость побуждаетъ меня повторить тоже самое письменно и обратить ваше вниманіе на то вліяніе, которое это путешествіе должно произвести въ мнѣніи общества въ пользу моего сына, а также на чрезвычайную его важность: надобно вамъ сказать, что в. к. предстанетъ на судъ изъ губерніи въ губернію, и поэтому особенное вниманіе должно быть обращено на дѣйствія, слова и поступки его: будущее счастье моего сына будетъ основано на томъ благопріятномъ впечатлѣніи, которое онъ постарается внушить своимъ соотечественникамъ, ибо я всегда буду основывать счастье всѣхъ моихъ дѣтей на уваженіи народа; именно съ этой точки зрѣнія я прошу васъ, господа, постоянно выяснять это путешествіе моему сыну. Вы направите всѣ ваши совѣты и все свое вниманіе къ достиженію этой желанной цѣли, а также постараетесь установить между вами и ген. Паскевичемъ полное согласіе, основанное на взаимномъ довѣрїи и общемъ желаніи, чтобы мой сынъ заслужилъ одобреніе отъ государя и меня и приобрѣлъ любовь своихъ соотечественниковъ: сынъ мой, привыкнувъ слышать отъ васъ, господа, одну лишь правду, будетъ, я увѣрена, принимать ваши слова съ благодарностью, помни совѣты своей матери. Поэтому я прошу васъ и впредь не лишать его вашихъ совѣтовъ, заботясь въ тоже время и

о научной пользѣ путешествія, чаще обращая вниманіе Михаила на особня достопримѣчательности, о которыхъ онъ могъ бы дать отчетъ въ своемъ дневникѣ, что послужитъ какъ бы свидѣтельствомъ той существенной пользы, которую онъ извлечетъ изъ своего путешествія. Вы будете соблюдать, господа, тѣже правила, какія пригвѣнялись въ предшествовавшіи поѣздки моего сына ¹⁾ и, конечно, не пренебрежете ничѣмъ, что можетъ касаться его здоровья и благополучія. Съ полной и совершенной увѣренностью въ вашемъ усердіи и заботливости я еще разъ выражаю вамъ свою благодарность и уваженіе, съ которымъ пребываю къ вамъ благосклонная Марія.

Прошу васъ сообщать мнѣ поочередно извѣстія о Великому Князѣ.

(Собственноручно).

Ce 18 août, 1817.

Quoique je vous aie tracé verbalement, Messieurs ²⁾, le but du voyage de mon fils ³⁾, et la juste attente que j'ai que vous contribuerez par vos soins réciproques à en augmenter l'utilité, ma sollicitude maternelle m'engage à vous répéter ces mêmes paroles, par écrit, et à fixer votre attention sur l'influence que ce voyage doit avoir sur l'opinion publique en faveur de mon fils, ainsi que sa grande importance: il faut vous dire que le G. D. va être jugé de province en province et qu'ainsi l'attention la plus soutenue doit accompagner ses actions, ses paroles, sa tenue: c'est sur l'impression favorable que mon fils tâchera d'inspirer à ses compatriotes que basera désormais son bonheur futur, car je le fonderai toujours, pour tous mes enfans, sur l'estime de la nation: c'est sous ce rapport, que je vous prie, Messieurs, de faire constamment envisager ce voyage à mon fils. C'est pour parvenir à ce but si désiré que vous dirigerez tous vos conseils, toute votre attention et que vous établirez entre vous et le G. Paskévitch un accord parfait, basé sur une confiance réciproque et le même désir de voir mériter à mon fils le contentement de l'Empr., le mien et l'affection de ses compatriotes: mon fils accoutumé de n'entendre de vous, Messieurs, que le langage de la vérité, l'écouterá toujours, j'en suis persuadée, avec reconnaissance, en se rappelant les conseils de sa mère. Je vous prie donc de continuer de ne pas les lui épargner et de porter vos soins de concert sur la portée instructive des voyages, en fixant souvent l'attention de Michel sur les objets essentiels qui le méritent, pour en rendre un compte fidèle dans son journal, qui lui servira pour ainsi dire d'at-testat de l'utilité essentielle qu'il aura retirée de son voyage. Vous observerez avec suite, Messieurs, les mêmes règles et usages suivis dans les voyages précédens de mon fils ⁴⁾ et ne négligerez certainement aucun des soins qui peuvent avoir rapport à la santé et conservation. C'est dans la pleine et ferme assurance d'une confiance parfaite dans votre zèle et vos soins que je vous renouvelle celle de ma reconnaissance et de l'estime avec laquelle je suis Votre bien affectionnée Marie.

Vous me donnerez alternativement des nouvelles du G. D.

¹⁾ В. К. Николая Павловича.

²⁾ Glinka et Alédinsky.

³⁾ Le G. D. Michel.

⁴⁾ L. G. D. Nicolas.

С.-Петербургъ.—19-го сентября 1817 г.

Григорій Андреевичъ! Имѣвъ удовольствіе получить письмо ваше изъ Воронежа отъ 10-го сего мѣсяца, я съ душевнымъ утѣшеніемъ читала похвальное свидѣтельство ваше и общее мнѣніе о поведеніи любезнѣйшаго сына моего, великаго князя Михаила Павловича и о благоразумномъ его обращеніи, особенно воздержности при замѣчаніи недостатковъ и неисправностей въ войскѣ. Раздѣляя вашу радость о благополучномъ съ сей стороны успѣхѣ путешествія великаго князя, я не могу не раздѣлить также и сожалѣнія вашего о излишнемъ времени, употребляемомъ на смотры войскъ и происходящемъ отъ того сокращенія уже безъ того довольно короткаго времени, на другіе предметы остающагося. Я надѣюсь, что вы о томъ великому князю сдѣлали замѣчаніе и увѣрена, что онъ вашихъ совѣтовъ, конечно, послушается; а я, съ своей стороны, искренно васъ благодарю за откровенное ваше донесеніе, и прошу такимъ образомъ и продолжать, пребывая съ совершеннымъ доброжелательствомъ благосклонною Маріа.

(Собственноручная приписка): „Я сегодня писала о томъ общимъ разсужденіемъ сыну моему“.

Москва.—2-го октября 1817 г.

Григорій Андреевичъ! Я съ удовольствіемъ читала письмо ваше отъ 23-го сентября о весьма любопытномъ путешествіи любезнѣйшаго моего сына изъ Новочеркаска по Дону и чрезъ мало извѣстный край Черноморскаго войска до Екатеринодара. Благодарю васъ за точное исполненіе моего порученія касательно донесеній о продолженіи путешествія. Я надѣюсь, что я всегда буду имѣть утѣшеніе слышать благопріятные отзывы на счетъ обращенія великаго князя, и пребываю и проч. Маріа.

Москва.—15-го октября 1817 г.

Григорій Андреевичъ! Я получила письмо ваше изъ Севастополя отъ 3-го сего мѣсяца и весьма радуюсь, что неблагопріятствовавшая при выѣздѣ изъ Θεодосіи погода не имѣла худаго вліянія на здоровье любезнѣйшаго моего сына, да и не долго продолжалась. Искренно желаю, чтобы продолженіе пути было сопровождаемо лучшею погодою и чтобы Всевышній сохранилъ здоровье великаго князя и васъ всѣхъ. Я теперь могу заниматься уже ожиданіемъ вашего возвращенія. Съ совершеннымъ доброжелательствомъ и проч. Маріа.

Москва.—25-го октября 1817 г.

Григорій Андреевичъ! Хотя надѣюсь я теперь въ скоромъ времени имѣть удовольствіе лично изъяснить вамъ мою признательность, однако я не могу рѣшиться отложить до того времени также благо-

дареніе мое за письмо ваше изъ Одессы и за обстоятельныя свѣдѣнія онымъ о путешествіи великаго князя сообщаемыя. Я нахожу въ донесеніяхъ вашихъ любопытное и пріятное чтеніе, но тѣмъ не менѣе признаюсь, что весьма обрадуюсь окончанію оныхъ и, желая вамъ благополучнаго возвращенія сюда, предоставляю вамъ лично удостовѣриться о непремѣняющихся расположеніяхъ и проч. Марія.

Письма великой княгини Маріи Павловны къ Г. А. Глинкѣ.

Павловскъ.—18-го (30-го) іюня 1816 г.

(Собственноручно). Григорій Андреевичъ! Я весьма сожалѣю, что имѣю передъ вами видъ нерадѣнія, потому что, понинѣ еще не отвѣчавъ на письмо ваше отъ 22-го мая, должна я вамъ объяснить, что хотя я здѣсь, за городомъ, болѣе четырехъ недѣль уже живу, но меньше могу располагать временемъ своимъ, нежели могла въ Петербургѣ,—особливо теперь, по отъѣздѣ сестрицы, послѣ котораго всѣ мои минуты посвящаются или матушкѣ, или графинѣ Ливенъ, чтобъ какъ-нибудь отнять у нихъ тягостное чувство пустоты. Я, между тѣмъ, получила извѣстіе ваше о Кіевѣ; прошу васъ принять за оное изъясненіе моей признательности; оное составитъ предметъ слѣдующаго моего письма,—въ нынѣшнемъ я держаться буду содержанія вашихъ строкъ отъ 22-го мая.

Состояніе Смоленска весьма огорчительно, наиболѣе тѣмъ, что не одни, непріятелемъ нанесенныя разоренія, оное погубили: надежда въ правосудіе государя можетъ одна только утѣшать насъ, въ ожиданіи пособленія.

Замѣчанія ваши о населеніи жидовъ показали мнѣ весьма занимательными, имѣвъ уже часто случай въ чужихъ краяхъ удивляться о различныхъ и какъ-то не довольно точныхъ понятіяхъ, о семъ предметѣ существующихъ: кажется, что могла бы уже опытность доказать пользу онаго или не пользу. Съ удовольствіемъ слышала я о особенномъ вниманіи, показанномъ братцемъ въ разныхъ случаяхъ, заслуживавшихъ оное. Лестно думать, что онъ чувствуетъ важность возложенныхъ на него обязанностей, какъ человѣкъ и какъ князь. Польза нынѣшняго его путешествія будетъ состоять въ точности впечатлѣній; они послужатъ ему впредь способомъ къ распространенію его свѣдѣній.

Желая вамъ благополучнаго продолженія пути, пребываю съ особеннымъ уваженіемъ вамъ доброжелательною Марія.

Веймаръ.—26-го января (7-го февраля) 1817 г.

(Собственноручно). Григорій Андреевичъ! Съ отличнымъ удовольствіемъ получила я письмо ваше изъ Эдинбурга, отъ 10-го (22-го) декабря, которое такъ медленно доставлено мнѣ было, что я отвѣтъ свой отправила вамъ въ Брюссель, дабы вы встрѣчены были онымъ на обратномъ вашемъ пути. Описаніе путешествія брата Николая Павловича мнѣ весьма пріятно было, во первыхъ, потому, что мнѣ примѣтно также изъ другихъ извѣстій, что онъ занимался онымъ какъ надлежало, а во вторыхъ, по самой особенности той земли, которую вы мнѣ описываете, подтверждая мнѣ уже извѣстное, то есть, что она разнится отъ всѣхъ другихъ. Я, съ своей стороны, не ожидала писемъ отъ брата, чувствуя, что ему некогда было заняться ими, а прошу васъ продолжать извѣщать меня о случающемся съ вами, до тѣхъ поръ, пока я обрадуюсь вторичнымъ вашимъ сюда пріѣздомъ. Примите увѣреніе всегдашняго уваженія, съ каковымъ пребываю вамъ доброжелательною, Марія.

Сообщ. В. Г. Глинка-Мавринъ.

Примѣчаніе. Великая княгиня Марія Павловна сочеталась бракомъ съ Карломъ Фридрихомъ, великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ—22-го іюля 1804 г.; род. 4-го февраля 1786 г., скон. 11-го (23-го) 1859 г.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

Род. 1777, † 1861 г.

Въ недавнемъ прошедшемъ государственной и народной жизни нашего отечества есть нѣсколько лицъ, на которыхъ съ усиленнымъ вниманіемъ и глубокимъ сочувствіемъ останавливается взоръ всякаго русскаго, сколько нибудь интересующагося отечественною исторіею. Такія выдающіяся личности являются намъ во всѣхъ слояхъ общества, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности: къ нимъ мы смѣло можемъ причислить Алексѣя Петровича Ермолова.

Много было говорено и писано объ этомъ замѣчательномъ русскомъ военачальникѣ, дипломатѣ и администраторѣ, жизнь котораго представляетъ одинъ изъ разительныхъ образцовъ перемѣнчивости счастья. Самъ онъ озаботился сдѣлать драгоцѣнный вкладъ въ отечественную лѣтопись, оставивъ записки о своей 27-ми лѣтней блестящей и многосторонней дѣятельности.

Какъ ни интересны записки эти—въ нихъ, какъ во всѣхъ, болѣе или менѣе официальныхъ мемуарахъ, выражается, преимущественно, только внѣшняя дѣятельность. Между тѣмъ, именно этотъ блескъ внѣшней дѣятельности извѣстнаго лица невольнымъ образомъ возбуждаетъ желаніе заглянуть и въ его внутренній міръ,—ознакомиться съ нимъ не какъ съ полководцемъ или гражданскимъ сановникомъ, но какъ съ человѣкомъ. Чѣмъ богаче подобная личность надѣлена отъ природы духовными дарами, тѣмъ желаніе это становится сильнѣе.

Ореолъ, окружавшій Ермолова въ эпоху главенства его на Кавказѣ, не угасъ вмѣстѣ съ опалой и обреченіемъ на невольное бездѣйствіе; напротивъ: чѣмъ далѣе въ прошедшее отодвигалась его славная дѣятельность, тѣмъ сильнѣе пробуждались воспоминанія о ней, тѣмъ болѣе почета и уваженія пріобрѣтало имя Ермолова, нѣкогда затертое не-

доброжелательствомъ и завистію людей, въ свое время сильныхъ—каковы Паскевичъ, Дибичъ ¹⁾, въ особенности А. И. Чернышевъ и нѣкоторые другіе.

Возвращенію Ермолова на поприще государственной службы мѣшали многія и могущественныя обстоятельства, которыя продлились до тѣхъ поръ, пока неумолимое время не наложило своей разрушающей руки и на богатырскую особу Алексѣя Петровича.

Внутренній міръ человѣка для потомковъ лучше всего раскрывается изъ частной переписки его съ людьми, съ которыми онъ былъ, что называется, на распашку.

Редакція „Русской Старины“ во множествѣ матеріаловъ, ею собранныхъ для отечественной исторіи, обладаетъ обширнымъ собраніемъ совершенно новыхъ и весьма интересныхъ данныхъ для характеристики Ермолова, именно какъ человѣка ²⁾.

Къ этого рода письмамъ принадлежитъ предлагаемое въ этой книгѣ нашего изданія собраніе писемъ А. П. Ермолова къ Роману Ивановичу Ховену.

За исключеніемъ отзывовъ о нѣкоторыхъ домашнихъ и семейныхъ дѣлахъ, не имѣющихъ общаго интереса, а потому въ печати нами опускаемыхъ, письма Ермолова приводятся здѣсь цѣликомъ.

¹⁾ Секретныя донесенія или, вѣрнѣе сказать, доносы Дибича и Паскевича на Ермолова, 1826—1827 гг., напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V, стр. 706, и томъ VI, стр. 39 и 243.

Независимо отъ этого, въ «Русской Старинѣ» помѣщено много матеріаловъ, статей и замѣтокъ объ А. П. Ермоловѣ, а именно: его письма къ кн. Бебутову, 1835—1837 гг.,—сообщилъ съ предисловіемъ и примѣчаніями А. П. Берже («Русская Старина» 1872 г., томъ V, стр. 431); Воспоминанія объ А. П. Ермоловѣ М. Н. Похвиснева. Донесенія и письма Ермолова—Александру I, Аракчееву, кн. Волконскому и друг., 1812—1820 гг.; большое собраніе писемъ Ермолова къ П. А. Кикину, 1817—1832 гг., сообщилъ кн. П. Д. Волконскій; письма Ермолова: къ историку Устрялову, къ П. Н. Ушакову, къ дежурному генералу; Знакомство съ Ермоловымъ,—разсказъ С. И. Храповицкаго, письмо къ Ермолову Н. Н. Муравьева и проч. (см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., т. VI, стр. 431—544); письмо Ермолова къ кн. В. Г. Мадатову, 1819—1827 гг. («Русская Старина» 1873 г., т. VII, стр. 95); письмо Ермолова къ Кучину («Русская Старина» 1874 г., томъ IX, стр. 562); разсказъ о встрѣчѣ съ Ермоловымъ, В. В. Хлопова («Русская Старина» 1874 г., т. X, стр. 198); кончина А. П. Ермолова («Русская Старина» 1875 г., т. XIII, стр. 150 и 452).

²⁾ Данныя эти сообщили намъ слѣдующія лица: А. А. Баранцевъ, А. П. Чеботаревъ, княгиня С. А. Мадатова (нынѣ покойная), И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ, В. Пашенко, Д. И. Прозоровскій. Подготовкою этихъ матеріаловъ къ печати, обстановкою примѣчаніями и проч. редакція обязана: Ад. П. Берже, И. И. Ореусу и М. Н. Похвисневу.

I.

Письма А. П. Ермолова къ Р. И. Ховену.

Собраніе писемъ, носящихъ характеръ дружеской бесѣды, всего ярче освѣщаетъ намъ личность Алексѣя Петровича, какъ человѣка, и надо сказать, что, при этомъ освѣщеніи, симпатія къ нему можетъ только усилиться. Невольно сочувствуешь этому мастятому военачальнику, при видѣ задушевности его отношеній къ тѣмъ изъ своихъ старыхъ сослуживцевъ, которыхъ честность и другія нравственныя доблести онъ, съ свойственною ему проникательностію, позналъ и оцѣнилъ. Этихъ людей Ермоловъ не забывалъ до конца своей жизни, старался привлечь ихъ въ свое сосѣдство, помогалъ имъ совѣтомъ и дѣломъ и вообще выказывалъ самое теплое участіе къ ихъ радостямъ и невгодамъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что все это были люди, которые, кромѣ глубокаго уваженія и привязанности, ничѣмъ уже не могли служить ему, такъ какъ не достигли „степеней извѣстныхъ“.

Старому деньщику Алексѣя Петровича — Максимовичу (по прозвищу Мемека) тоже отведено нѣсколько теплыхъ строкъ въ этихъ письмахъ. И въ этомъ смиренномъ служителѣ умѣлъ онъ открыть высокія душевныя качества.

Вообще полагаемъ, что письма Ермолова къ Ховену прочтутся съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ нихъ грозный нѣкогда вождь является съ совершенно новой и весьма привлекательной стороны. Весь тонъ этихъ писемъ, проникнутыхъ добродушнымъ или слегка-колкимъ юморомъ, въ соединеніи съ искреннимъ участіемъ къ старымъ, честнымъ сослуживцамъ, невольно располагаетъ въ пользу того, кто до маститой старости сумѣлъ сохранить теплоту чувствъ, блескъ юношескаго остроумія и не зачерствѣлъ душою, вопреки всѣмъ постигшимъ его разочарованіямъ и невгодамъ.

Р. И. фонъ-дербъ-Ховенъ, воспитанный въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, выпущенный оттуда, въ 1793 году, въ Выборгскій пѣхотный полкъ и состоявшій въ послѣдствіи комендантомъ г. Вильно, былъ въ апрѣлѣ 1818 г. переведенъ въ Грузинскій отдѣльный корпусъ, съ исправленіемъ должности Грузинскаго гражданскаго губернатора. Званіе это онъ сохранялъ во все время командованія Ермолова на Кав-

казѣ и былъ ближайшимъ сотрудникомъ И. А. Вельяминова, на которомъ лежали всѣ заботы по внутреннему административному устройству края, такъ какъ самъ главнокомандующій, всецѣло отдавшійся дѣламъ военнымъ, почти постоянно отсутствовалъ изъ Тифлиса.

Дѣятельность Ховена въ странѣ для него новой и далеко еще не устроенной была весьма многосложна. Не вдаваясь въ исчисленіе всѣхъ ея подробностей, уважемъ здѣсь только на тѣ его труды, которые, — по свидѣтельству лица, весьма близко знакомаго съ исторіею Кавказа, именно уважаемаго предсѣдателя Кавказской археографической комисіи Ад. П. Берже, — много способствовали успѣшному примѣненію въ этой странѣ нашихъ правительственныхъ мѣропріятій:

1) составленный, въ особой, подъ предсѣдательствомъ Ховена, комисіи, точный переводъ Уложенія царя Вахтанга, долгое время служившаго важнымъ руководствующимъ кодексомъ въ нашихъ кавказскихъ присутственныхъ мѣстахъ;

2) нескончаемыя заботы по водворенію и устройству виртембергскихъ колонистовъ, которые, въ числѣ 500 семействъ, совершенно неожиданно для мѣстнаго начальства, вступили въ предѣлы Кавказа и были поселены въ разныхъ мѣстахъ Грузіи, и

3) самое живое и теплое участіе, какое Ховенъ принималъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія туземнаго юношества; при чемъ, онъ почти ежедневно посѣщалъ Тифлисское благородное училище, переименованное въ послѣдствіи въ гимназію.

Ховенъ оставался Грузинскимъ гражданскимъ губернаторомъ по 19-е іюля 1829 г. ¹⁾; затѣмъ, выѣхалъ въ Россію.

Люди, знавшіе Романа Ивановича, отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени почтенномъ — и по рѣдкимъ нравственнымъ качествамъ своимъ, и по безукоризненно-полезной службѣ. Ермоловъ питалъ къ Ховену самыя дружескія чувства, и хотя постоянно трунилъ надъ нѣмцами, но одинъ изъ ближайшихъ къ нему людей былъ нѣмецъ, — впрочемъ, только по происхожденію, а по душѣ — чисто русскій человѣкъ. Романъ Ивановичъ, съ своей стороны, платилъ ему неизмѣнною привязанностію, не могъ пережить Ермолова и, черезъ три недѣли послѣ его кончины, сошелъ въ могилу.

Первое письмо Алексѣя Петровича относится ко времени назначенія его главнокомандующимъ на Кавказъ; второе — на Кавказѣ, остальные писаны уже по возвращеніи въ Россію.

¹⁾ Въ «Русской Старинѣ», томъ XI, стр. 289, въ примѣч. вкралась типографская погрѣшность: при обозначеніи года отставки Р. И. Ховена напечатано: 1819 г., читай: 1829 г.

1816 г.

13-го апрѣля 1816 г.—Орель.

Любезный Романъ! Завтра выѣзжая отсюда въ Петербургъ, хотѣлъ съ тобою, какъ нѣкогда съ товарищемъ и сотрудникомъ, проститься. По всѣмъ слухамъ, назначаюсь я въ Грузію. Богъ знаетъ, когда мы увидимся или увидимся-ли когда-нибудь.—Прошу, Романъ любезный, сохранить ко мнѣ прежнее твое, добраго пріятеля, расположеніе; расти дѣтей, если не буду счастливъ довольно, чтобы тебѣ быть полезнымъ, буду заботиться о твоихъ ребятахъ и заступлю у нихъ твое мѣсто.—Учи ихъ по возможности; годныхъ людей нѣтъ лишникъ, и они всегда въ цѣнѣ. За добрыхъ и хлопотать легко; у меня счастье не человѣческое. Если голова уцѣлѣветъ, не Грузію кончу—не радоваться врагамъ нашимъ! Прощай. Вѣрно любящій Ермоловъ.

1819 г.

18-го октября 1819 г.—Андрей.

Любезный племянникъ Романъ Ивановичъ. Ты совсѣмъ забылъ меня и со времени отъѣзда моего изъ Грузіи я не видалъ отъ тебя ни строки. Мнѣ къ тебѣ писать особенно совершенно нечего, все-же, что касается вообще до занятій моихъ по службѣ, ты, и по званію своему и по дружбѣ ко мнѣ, конечно, знаешь чрезъ Ивана Александровича ¹⁾). Помогай ему, любезный Романъ Ивановичъ, твоимъ трудолюбіемъ въ многотрудной его должности. Мы живемъ въ такой странѣ, гдѣ для успѣха дѣлъ нашихъ не довольно исполненія должности по одной изъ тому обязанности, но необходима связь и по самымъ чувствамъ. Избранные правительствомъ къ главнѣйшимъ должностямъ люди, признаваемые имъ необходимыми, должны собою давать подчиненнымъ примѣръ полезный.—Замѣть, другъ любезный, и у себя спроси, не болѣе ли успѣваю я дружбою моихъ товарищей, нежели самою властію; взгляни на труды всѣхъ переселившихся сюда со времени моего здѣсь пребыванія.—Слава Богу, дѣла идутъ не хуже прежняго!

Какъ ты обрадовалъ меня отысканнымъ тобою стекольщикомъ и я уже въ восхищеніи отъ первыхъ опытовъ. Не знаю почему здѣсь, въ Азій, непремѣнно все дѣлается изъ чрезмѣрно тонкаго стекла? Такъ видѣлъ я и въ Персіи. Это можно поправить.—Поговори съ Иваномъ

¹⁾ Иванъ Александровичъ Вельяминовъ, генералъ-лейтенантъ, дивизионный начальникъ, заступавшій мѣсто Ермолова въ случаѣ отсутствія послѣдняго изъ Грузіи. Въ послѣдствіи—генералъ-губернаторъ Западной Сибири.

Александровичемъ объ учрежденіи на первый случай небольшого завода; онъ хорошій хозяинъ и у васъ обоихъ мысли гораздо порядочнѣе моихъ.—Хорошо если-бъ нашелся порядочный уголь земли казенной, чтобы намъ не связаться съ людьми частными. Знаю я, что всякая фабрика лучше въ рукахъ партикулярныхъ, но не здѣсь и не съ понятіемъ здѣшнихъ. Откуда возьмете вы работниковъ—не знаю. На первый разъ приуготовленіе дровъ можно дѣлать солдатами, и если вообще работы не тягостны, то хорошо бы въ послѣдствіи къ заводу приписать инвалидовъ, улучшая состояніе ихъ приобретаемыми заводомъ выгодами; но я сего порядочно не понимаю. Напиши, что наши колонисты и много-ли еще безъ пользы должны они съѣсть казенныхъ денегъ? Иванъ Александровичъ обрадовалъ меня докончаніемъ постройки въ Сартачалахъ; признаю, что меня мучила ужасная медленность, теперь терзаетъ большая издержка, которую тягостно будетъ выплатить обѣдннымъ колонистамъ. Что дѣлаютъ прочіе колонисты, паче Елисаветпольскіе, которые не могутъ быть довольны своимъ состояніемъ; что ихъ переселеніе? Обо всемъ скажи мнѣ не какъ губернаторъ, а человекъ, безпристрастно о семъ разсуждающій, и прамѣчаешь ли ты хотя малѣйшіе отъ нихъ признаки пользы или надежду когда нибудь приобрести оную? Прощай. Трудитесь и благо вамъ будетъ на небеси; а я, какъ человекъ любящій землю, буду стараться, чтобы и вамъ было на ней получше.—Вѣрный Ермоловъ.

1827 г.

23-го іюня 1827 г.—Лукьянчиново.

Любезный Романъ Ивановичъ. Проживши довольно долгое время на Линіи въ ожиданіи Вельяминовыхъ, я отправился далѣе, заѣзжалъ въ Таганрогъ единственно для того, чтобы видѣть мѣсто кончины императора, мнѣ благодетрившаго, и 15-го числа прибылъ въ деревню отца моего.

Старика моего нашелъ я здоровымъ, но уже весьма слабымъ. Кончина брата ¹⁾ стоила ему большихъ огорченій, къ тому-же не утѣшаетъ его и мое положеніе. Все сіе не легко переноситъ человекъ за 80 лѣтъ! Старикъ замышляетъ удалиться отъ свѣта и жить въ уединеніи; собирается говорить о семъ со мною.

Скажу вамъ о себѣ: я здоровъ, собираюсь заниматься хозяйствомъ, о которомъ пресмѣшныя имѣю понятія, но не такъ велико состояніе.

¹⁾ Вѣроятно, старшаго своднаго брата Алексѣя Петровича — Александра Михайловича Каховскаго.

и не весьма многосложно управленіе, чтобы наконецъ и я не сдѣлался экономомъ. Странная пережѣна въ моемъ положеніи не кажется, однако же, мнѣ удивительною и я начинаю привыкать къ оному легче, нежели я думалъ. Справедливо замѣчалъ покойный братъ, что я animal d'habitude! Сосѣдей у меня мало, и еще менѣе порядочныхъ; тѣ, коихъ зналъ я въ ребячествѣ моемъ, по естественному порядку, перемерли и я здѣсь совершенно въ чужой землѣ;—большихъ знакомствъ я дѣлать не намѣренъ. Зимой, можетъ быть, побѣду въ Москву мѣсяца на два, дабы не сдѣлать совершенной отвычки отъ людей. Прежде, однако-же, успѣю снять съ себя мундиръ, который тѣснитъ меня при небольшомъ состояніи моемъ и поуждаеть къ издержкамъ, которыя отяготительны.

Прошу, любезный другъ, иногда увѣдомлять меня о себѣ и какъ вы послуживаете. Поклонитесь отъ меня тому малому числу людей, которые меня помнятъ, и еще меньшему числу тѣхъ, которыхъ я помнить долженъ: разумѣется, въ числѣ семъ не будутъ ни дуракъ Батонъ, ни п...цъ Евсѣевичъ ¹⁾). Душевно любящій Ермоловъ.

20-го сентября 1827 г.—Орель.

Чувствительно благодарю васъ, почтеннѣйшій Романъ Ивановичъ, за увѣдомленія о себѣ и иногда о успѣхахъ оружія нашего; меня, какъ нѣкогда солдата, они утѣшаютъ и я люблю помнить о моихъ сослуживцахъ. Привыкаю я къ новой жизни моей, и она не безъ пріятностей въ деревнѣ, пока хорошая погода, но приближается скучная осень и зима безконечная и я не знаю, что изъ меня будетъ? Я поздравляю себя когда преодолею ихъ.

Преставъ быть предметомъ зависти, я уже не возбуждаю противъ себя клеветы и непріатели менѣе меня раздраютъ. Мнѣнія на мой счетъ различны и не всѣ казнятъ меня! Старикъ мой строитъ себѣ маленькій домикъ близъ церкви и жилища архіерея, съ которымъ онъ друженъ, и тамъ намѣренъ кончить дни свои. Ему наскучили заботы хозяйства и дразги домашнія; я ничего не понимаю въ хозяйствѣ и буду весьма смѣшонъ....

Прощай, побѣждайте враговъ и дайте миръ Россіи славный и великихъ полководцевъ! Пока, до исторіи, говорящей истину, успѣютъ газеты много наговорить объ васъ и прозвонять колокола при благодарственныхъ молебствіяхъ!

Прощай, поклонись домашнимъ твоимъ.—Душевно любящій Ермоловъ.

¹⁾ Кн. Э*.

1828 г.

20-го января 1828 г.—Орелъ.

Давно весьма, любезный Романъ Ивановичъ, не имѣю я отъ васъ извѣстiя. Не хочу думать, чтобы вы лѣнились, но, конечно, у васъ заботъ не мало.

Я дня черезъ два или три ѣду въ Москву, оттуда думаю возвратиться въ концѣ февраля. Тамъ съѣхалось нѣсколько родныхъ моихъ, съ которыми давно я не видался и между конми прiятно мнѣ будетъ пожить немного. Вы повѣрите, что я не ѣду забавляться! Между тѣмъ надобно уже приискивать средства воспитанiя старшаго сына; я не нуждаюсь въ способахъ, благодаря милостямъ государя, щедро наградившаго меня при отставкѣ всѣмъ содержанiемъ, которое получалъ я въ Грузiи. Я не могъ ожидать сего и, конечно, не имѣлъ никакого права. Теперь буду помышлять о хозяйствѣ, которое у старика отца моего было въ совершеннѣйшемъ разстройствѣ, или, лучше сказать, не было никакого....

Напишите, любезный Романъ Ивановичъ, какъ вы поживаете? Съ удовольствiемъ читаю все въ газетахъ о вашей сторонѣ: ваши празднества въ Тифлисѣ, совершенное превращенiе города, котораго такъ въ короткое время узнать невозможно. Удивляюсь скорому благоустройству Эриванской области попеченiями гг. Красовскаго и Нерсеса ¹⁾, и невольно признаюсь, что я въ такихъ предметахъ находилъ гораздо болѣе затрудненiй, т. е. находилъ въ себѣ менѣе способствъ. Вѣроятно, прежде, нежели на письмо сiе могу получить отвѣтъ вашъ, вы порадуете блистательнымъ миромъ. Есть у насъ слухи, что персiяне соглашаются на всѣ условiя и платятъ большую сумму. Справедливый штрафъ за гордую глупость!—Любопытенъ знать о моихъ знакомыхъ; пожалѣлъ объ Унтилье, Ковалевѣ, Давыдовѣ, и, конечно, не обо всѣхъ еще знаю. Увѣдомъ о благочестивѣйшемъ архипастырѣ Нерсесѣ, который насаждаетъ добродѣтель въ землѣ покоренной.

Что дѣлаетъ Муравьевъ ²⁾, котораго люблю я отлично благородныя правила.—Что происходитъ съ Петромъ Максимовичемъ, который съ занятiями гражданскими хотѣлъ сочетать военныя забавы. Какое дѣйствiе произвели на тучнаго Долгорукаго ³⁾ жары иран-

¹⁾ Нерсесъ—епископъ армянскiй.

²⁾ Николай Николаевичъ Муравьевъ, въ послѣдствiи Карскiй.

³⁾ Князь Николай Андреевичъ Долгорукий, генералъ-адъютантъ, въ послѣдствiи Виленскiй генералъ-губернаторъ. Онъ былъ отправленъ въ Персiю въ качествѣ полномочнаго министра послѣ убiенiя А. С. Грибоѣдова.

скіе? живъ-ли юный Суворовъ ¹⁾ и какъ побѣждалъ враговъ собственный твой рыцарь?

Видѣлъ награду Грибоѣдова до заключенія мира, слѣдовательно, за дѣла военныя! Какъ дѣйствуетъ Раевскій? ²⁾ Воображаю его вдыхающаго о худобѣ лошадей; живъ-ли Маковъ? Приятно было-бы узнать о почтенномъ Вадбольскомъ; нѣтъ слуху о генералѣ Браббе. Напиши и о тѣхъ, если-бы кто не пришелъ теперь мнѣ въ голову.

Прощай. Поклонись отъ меня твоему семейству и въ особенности Морицу ³⁾, о бездѣйствіи котораго весьма жалѣю. Хорошо, если въ послѣдствіи будетъ ему лучше.

Вы никогда не писали мнѣ столько пространнаго письма. Вотъ что значить жизнь свободная, беззаботная! Будьте здоровы и счастливы.

Душевно любящій Ермоловъ.

16-го іюля 1828 г.—Орель.

Любезный Романъ Ивановичъ. Давно не писалъ я къ вамъ, но въ жизни, всегда однообразной и только измѣняющейся отъ одного неваренія желудка, не найдешь предметовъ, о которыхъ бы сообщить было достойно. Впрочемъ, я позволяю себѣ изрѣдка мучить пріятелей моихъ пустыми разсказами, и ваша пришла очередь.

Я живу въ деревнѣ, еще странно мнѣ въ половинѣ іюля видѣть повсюду зелень свѣжую, не таять днемъ отъ жара, ночи находить прохладными. Я перестраиваю домъ, на развалинахъ коего жилъ я, какъ нѣкой духъ въ замкѣ Радклифиномъ.—Гордо возвышавшіеся чертоги (впрочемъ, по состоянію, изъ теса построенные) превращаю я въ обыкновенное жилище, но какъ помѣщаюсь я со всѣми дѣтьми, а мнѣ надобны залы, гостиныя и прочее, то и вышло нѣчто чудное. Есть комнаты, кои весьма удобно могутъ превращены быть въ шкапы; есть особенно удобныя для уединенія, ибо другое лицо произвело бы стѣсненіе. Въ спальнѣ, можно укладывать только на ребро, какъ бритвы въ шкатулкѣ. Я помню такой домъ у И. Т. Дренакина и едва ли не его принялъ я за образецъ въ зодчествѣ.

Однакоже, чтобы не совсѣмъ низкое имѣли вы обо мнѣ понятіе, скажу я, что у меня будетъ подмосковная, конечно, не великолѣпная, какъ вы можете себѣ представить, но однако-же и не безъ прихотей. Она уже почти куплена. Не скука гонить меня отсюда

¹⁾ Князь Александръ Аркадіевичъ Италійскій, графъ Рымникскій.

²⁾ Генералъ Раевскій, сынъ знаменитаго генерала, одного изъ героевъ 12-го года. Ему Пушкинъ посвятилъ своего «Кавказскаго плѣнника».

³⁾ Коцебу, въ послѣдствіи женившійся на дочери Ховена.

ближе къ столицѣ, но возрастаютъ дѣти и приближается время дать имъ воспитаніе, чего въ деревнѣ не имѣю я средствъ, и дорого было бы имѣть разныхъ учителей.

Благодарю искренно за послѣднее письмо, въ которомъ написали вы мнѣ о знакомыхъ нѣкогда моихъ.—Ни отъ кого изъ нихъ не имѣлъ я ни строки, кромѣ Попова... Другіе знали меня пока я имъ былъ надобенъ; это, впрочемъ, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, или бы весьма должны перемѣниться люди!—Много одолжишь меня, если время отъ времени будешь извѣщать о себѣ.

Здѣсь нѣсколько минутъ видѣлъ я Красовскаго ¹⁾, и хотя я не имѣю счастья пользоваться его благорасположеніемъ, или, яснѣе сказать, онъ, между прочимъ, также искалъ дѣлать мнѣ вредъ, однакоже, кажется, онъ не въ большомъ восхищеніи отъ великихъ дѣлъ вашего графа ²⁾, какъ я слышалъ отъ другихъ, съ кѣмъ онъ говорилъ пріятельски. Впрочемъ, я готовъ не всему вѣрить худому, ибо счастье возбуждаетъ завистующихъ! Не менѣе и его раздирать будутъ въ свою очередь, какъ и со мною случалось.

Старикъ мой здоровъ, но лѣта примѣтно умножаютъ слабость... Кланяюсь вашимъ домашнимъ, и ежели есть смѣющіе помнить обо мнѣ. Будьте здоровы и благополучны. Душевно любящій Ермоловъ.

1830 г.

6-го марта 1830 г.—Изъ деревни.

И ты, почтеннѣйшій Романъ Ивановичъ, послѣ долговременныхъ трудовъ и служенія, можно сказать, благонамѣреннаго и примѣрно честнаго, наконецъ обратился къ жизни спокойной, буде таковой можно назвать ту, которую долженъ тревожить недостатокъ состоянія.

Не имѣлъ великодушія могущественный твой начальникъ доставить тебѣ нѣсколько лучшаго содержанія.—Государь награждаетъ щедро и его ²⁾ представленія уважены особенно. Представить себѣ не можешь, какъ бы желалъ я видѣться съ тобою и не теряю сей надежды, ибо, не имѣя никакого пристанища, ты не можешь предаться постоянному покою или особенной привязанности къ какому-нибудь мѣсту, и потому въ переѣздахъ за семействомъ, можетъ быть, когда нибудь ляжетъ путь неподалеку отъ уединеннаго моего жилища. Побесѣдуемъ о странѣ, гдѣ оба мы отжили по десяти лѣтъ, и гдѣ

¹⁾ Аѳанасій Ивановичъ Красовскій, генераль-адъютантъ, умеръ корпуснымъ командиромъ.

²⁾ Пв. Федоровича Паскевича.

не всёх оставили мы врагами своими. Не безъ трудовъ жили мы и неужели ничто не должно привести насъ на память?

Воображаю, какъ теперь должна процвѣтать Грузія, получивъ новыя прочныя границы, значительныя средства къ обогащенію—присоединеніемъ изобильной Эриванской провинціи и возобновленіемъ торговли, которой благопріятствуетъ миръ, конечно, продолжительный, судя по изнеможенію сосѣдей, настраченныхъ неудачною войною.—Если-бы въ такомъ выгодномъ положеніи нашли мы Грузію, думаю, и при ограниченнхъ нашихъ способностяхъ, умѣли-бы мы сдѣлать что-нибудь годное.—Теперь и положеніе Кавказской линіи не походить на прежнее. Какія огромныя средства!

Что сказать о себѣ? Я всю зиму живу въ деревнѣ и въ городѣ бываю только, чтобы посѣтить старика моего, котораго въ лѣта его (84 года) можно назвать молодцомъ. Удивительная свѣжая память, не менѣе удивительная способность разсуждать.—Два года истребляютъ меня неукротимые лишаи, слѣдствіе совершеннѣйшаго бездѣйствія послѣ жизни дѣятельной. Лишаи сіи противостоятъ всѣмъ способамъ лѣченія; лѣтомъ намѣреваюсь переѣхать въ подмосковную: возрастающія дѣти того требуютъ.—Когда-нибудь туда залучу я тебя, любезный Романъ Ивановичъ, и ты не долженъ отказать мнѣ въ семъ одолженіи. Соберемся вмѣстѣ посѣтить семейство Каховскаго и взглянуть на страну, гдѣ нѣкогда довольно счастливо жили мы въ молодости.

Прощай; поклонись отъ меня твоему семейству. Не думаю, чтобы когда-нибудь и Морицъ (Коцебу) не вспомнилъ. Будь благополученъ. Душевно любящій Ермоловъ.

8-го апрѣля 1830 г.—Изъ деревни.

Почтенный Романъ Ивановичъ! Вдругъ получилъ я два письма ваши; съ удовольствіемъ прочиталъ ихъ не одинъ разъ. Хочу знать, что происходитъ съ добрымъ пріятелемъ, коего такъ долгое время постоянно ко мнѣ расположеніе. Не утѣшаете вы, любезный Романъ Ивановичъ, состояніемъ вашимъ, и судьба, какъ видно, отказываетъ вамъ спокойствіе жизни довольственной! Безполезно давать въ подобномъ случаѣ совѣты терпѣнія, вы лучше знакомы съ нимъ краснорѣчивѣйшаго наставника; но все это, повторяю я, не утѣшительно для человѣка, васъ любящаго.

Какъ благодаренъ я вамъ, что кое-что пишете вы о Грузіи; всегда съ пріятностію вспоминаю о странѣ, гдѣ въ продолженіе десяти лѣтъ многимъ пріятнымъ временемъ обязанъ я добрымъ нѣкогда сослуживцамъ.

Ко мнѣ оттуда никто писать не смѣетъ, и я совершенно ничего

не знаю, развѣ нечаянно, по слухамъ. Такъ узналъ я, что сенаторамъ поручено розыскивать злоупотребленія прежняго времени, разумѣется, я долженъ быть главнымъ предметомъ. Эриванскій ¹⁾ хочетъ показать, отъ какихъ ужасныхъ беспорядковъ избавилъ онъ Грузію мудрымъ своимъ правленіемъ. Не менѣе и великій фокусникъ Сипягинъ ²⁾ искалъ представить все прежнее въ худомъ видѣ и все принималось за истину. Нельзя, чтобы мы когда-нибудь не дѣлали ошибокъ, но это не злоупотребленія, а сіе не всегда у насъ различать умѣютъ, если захотятъ. Всего лучше изъяснить время, которое одно не во власти сильныхъ.

Ванька-Кайнъ ³⁾, нѣкогда правая рука и, всеконечно, важная часть головы высокоповелительнаго ⁴⁾, слышалъ я, сдѣлалъ себѣ огромное состояніе, пользуясь довѣренностію. Это не злоупотребленіе!.. Жаль и мнѣ Краббе, человека благонамѣреннаго; судя по награжденію лентою, я думалъ, что имъ довольны... Я также слышалъ, что готовится наказаніе горцамъ: давно-ли же представляли ихъ людьми наилучшими, которыхъ раззорялъ я несправедливо и поступалъ съ ними съ жестокостію. Какъ же хотятъ наказывать правыхъ? Давно слышу о безпрестанныхъ движеніяхъ за Кубанью, а Линія еще лучше про то знаетъ.

Надобно, любезный Романъ Ивановичъ, намъ повидаться, а какъ вы пробираетесь до Петербурга, то здѣсь или въ подмосковной, разницы почти нѣтъ никакой: я въ 24-хъ верстахъ отъ Москвы..

11-го мая 1830 г.—Орель.

Почтенный Романъ Ивановичъ. Получилъ письмо ваше отъ 17-го апрѣля и хотя нѣкогда бывали вы зловѣщею птицею, какъ сами вы говорите, но прошу продолжать писать, ибо вашихъ писемъ пріятнѣе я не получаю. Не безъ удовольствія воспоминается о странѣ, гдѣ прожили мы долгое время.

Вы собираетесь посѣтить меня и я сего желаю чрезвычайно, но, любезный другъ, не дѣлайте сего иначе, какъ когда я васъ увѣдомлю о приличнѣйшемъ для того времени, ибо легко можетъ случиться, что мнѣ нужно будетъ на короткое время побывать въ подмосковной и по дорогѣ заѣхать къ тѣскѣ Вельяминуву ⁵⁾.. Въ подмосковной думаю за-

¹⁾ Графъ Паскевичъ.

²⁾ Военный губернаторъ и генераль-адъютантъ.

³⁾ К—въ, доносчикъ на Ермолова.

⁴⁾ Т. е. Паскевича.

⁵⁾ Алексѣй Александровичъ Вельяминъ, начальникъ штаба Кавказскаго корпуса при Ермоловѣ и ближайшій его сотрудникъ, въ это время оставившій Кавказъ и проживавшій въ Москвѣ.

ложить каменную библиотечку, зданіе огромное; оно будетъ въ два этажа на 13 аршинахъ въ фасадѣ. Это будетъ мудрою задачею для искусныхъ архитекторовъ, ибо трудно сдѣлать его не безобразнымъ; по обширности зданія не судите, однакоже, съ презрѣніемъ о библиотекѣ: она весьма умножается и составляетъ уже изрядное собраніе книгъ. Я умолчалъ, что въ библиотекѣ будетъ покой, въ которомъ, кажется, оснужу я свое пребываніе, хотя есть у меня прекрасный домъ: вы знаете, что и въ огромныхъ палатахъ мнѣ болѣе одной комнаты не нужно! Вспомнивъ о Мухровани, вы погрузили о хованнѣ; желаю, любезный другъ, чтобы случающіяся вамъ горести не большее всегда имѣли основаніе. Петръ Николаевичъ¹⁾ вышелъ въ отставку почти въ одно со мною время, жилъ болѣею частію въ Москвѣ, въ трехъ верстахъ отъ моей имѣтьи подмосковную, гдѣ старый château передѣлывается на maison de plaisance²⁾, довольно обширный...

И такъ, въ Тифлисѣ разсматриваются наши злоупотребленія. Другъ сенаторъ, конечно, многое сдѣлаетъ въ угодность знатному пріятелю³⁾. Приведу глупую пословицу: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! Посмотримъ что будетъ? Я не зналъ, что Форбекъ оставилъ Грузію; тамъ, вижу, Мартиненго играетъ важную роль, — ему въ Елисаветполѣ дана земля, которую не скоро бы у меня взяли.

Не знаю, за что Раевскій долженъ заплатить такъ много? а послѣ меня все такъ исправлено! Противъ джарцевъ 10,000 войскъ и 4 роты артиллеріи; съ таковыми же силами будутъ душить горцевъ. Вотъ мѣра способовъ теперешнихъ и прежнихъ, а въ соразмѣрность и похвала. Прощай, будь благополученъ.

25-го августа 1830 г. — Орель.

Почтенный Романъ Ивановичъ. Я на нѣсколько дней ѣздилъ въ Москву взглянуть на мою деревушку и возвратился. Теперь живу въ ожиданіи имѣть удовольствіе тебя видѣть и, если возможно, то ты, конечно, доставишь мнѣ величайшее!

Въ Москвѣ, не задолго до меня, былъ Муравьевъ и многое любопытное рассказывалъ о Грузіи; но мнѣ его видѣть не случилось...

Ревизія по Грузіи гг. сенаторовъ, конечно, принесетъ землѣ большую пользу. Довольно уже прибавленія суммъ канцелярскихъ по присутственнымъ мѣстамъ, чтобы имѣть способнѣйшихъ чиновниковъ и.

¹⁾ Петръ Николаевичъ Ермоловъ, ген.-м., служившій на Кавказѣ; двоюродный братъ Алексѣя Петровича. Сынъ его Николай Петровичъ издалъ: «З а п и с к и А. П. Е р м о л о в а».

²⁾ Т. е. загородный домъ, дача.

³⁾ Гр. Паскевичъ.

слѣдственно, дать дѣламъ быстрѣйшій ходъ, что одно вызоветъ благо-словенія жителей, которыхъ мучила медленность. Воображаю, какъ должно быть представлено прежнее управленіе и въ какомъ видѣ мы выставлены въ угожденіе могуществу знаменитаго начальника. Но какими упрекнуть насъ злоупотребленіями и найдутъ ли хотя одинъ случай неблагонамѣренности? Хвалить могущество весьма обыкновенно, но можетъ оно имѣть конецъ и истина провозгласить свое. Все рано или поздно предстанетъ въ настоящемъ видѣ!

Какъ великодушно о тебѣ попеченіе, что до окончанія ревизіи остановлено представленіе къ знаку отличія. Какое злобное животное!

Ожидаю тебя съ нетерпѣніемъ. Прощай. Поклонись отъ меня до-машнимъ. Душевно любящій Ермоловъ.

Р. С. Благодарю чувствительно за Ганемановъ способъ леченія, но едва ли допустить приближающееся суровое время. Впрочемъ, желаю, чтобы ты былъ истолкователемъ письма И. А. Прибиля ¹⁾.

24-го сентября 1830 г.—Изъ деревни.

Почтеннѣйшій Романъ Ивановичъ. Вчера получилъ я письмо ваше, и вижу, что не дошло до васъ мое, писанное вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Москвы. Не зналъ я, любезнѣйшій другъ, что уже оставилъ ты Елисаветградъ и что одинокой пустился ты въ путешествіе. Я ожидалъ, что, по обѣщанію, посѣтишь меня; теперь болѣе еще тому вѣрю, ибо уже перенесся въ сосѣдство. Пріѣзжай, чѣмъ сдѣлаешь мнѣ величайшее одолженіе; тебя не обезпокоитъ излишній шумъ въ моемъ обиталищѣ, ибо найдешь меня живущаго въ совершенномъ уединеніи, къ каковому и ты даже не имѣлъ случая сдѣлать привычки...

Мы настрашены холерою и я въ состояніи думать, что тебя на пути изъ Курска гдѣ-нибудь приостановятъ. Развѣдай о семъ, ибо негѣпые безпрерывно разносятся слухи и, кажется, по трусости нашей, едва ли уже не заразили мы и самаго Курска. Прощай. Душевно любящій Ермоловъ.

¹⁾ Иванъ Антоновичъ Прибиль—одинъ изъ извѣстнѣйшихъ медиковъ на Кавказѣ; онъ скончался въ 1866 г., въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, состоя членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. На его дочери, Юліи Ивановнѣ, женатъ извѣстный своими заслугами на Кавказѣ, сенаторъ М. П. Щерблянинъ.

. 1831 г.

20-го іюля 1831 г.—Изъ подмосковной.

Почтеннѣйшій Романъ Ивановичъ. Очень хотѣлъ я отвѣчать на первое письмо ваше, но не зналъ адреса вашего; теперь радъ, что второе письмо мнѣ объяснило оный и я—тотчасъ за перо.

Душевно радуюсь, что вамъ обѣщаютъ мѣсто и если бы вы хотя минуту колебались принять оное, я готовъ былъ браниться ужасно. Прощаясь въ Орлѣ, я предчувствовалъ, что намъ не жить вмѣстѣ; знаешь, любезный Романъ Ивановичъ, что собственныя выгоды у меня всегда въ послѣднемъ мѣстѣ и потому я въ восхищеніи. Невозможно быть лучше назначенія: трудолюбіе твое, правила чести и совершеннаго безкорыстія, сдѣлаютъ тебя службѣ полезнымъ, начальству пріятнымъ. Дай Боже тебѣ счастья! Я увѣдомилъ о семъ старика, который весьма будетъ обрадованъ!...

Сенаторы, какъ ты говоришь, нашли въ Грузіи упущенія; неужели болѣе таковыхъ, какъ во внутреннихъ губерніяхъ? Сомнѣваюсь! Увѣренъ, что не нашли злоупотребленій начальства. Думали подслужиться!

....Я думалъ быть въ Орлѣ къ 20-му числу сего мѣсяца, но отложилъ до нѣкотораго времени по обстоятельствамъ, которыя если не задержатъ, въ началѣ будущаго ѣду непременно. Доселѣ не оставляю твердаго намѣренія перебраться совсѣмъ на зиму въ подмосковную; тутъ нѣкогда рассчитывалъ я жить съ тобою вмѣстѣ. Такъ-то люди, со всѣмъ умствованіемъ, часто не далѣе носа своего видятъ!...

22-го августа 1831 года.—Собакино.

Почтеннѣйшій Романъ Ивановичъ. Вижу изъ письма твоего отъ 8-го августа, что исчезли надежды получить мѣсто, которое было въ виду. Весьма сіе меня огорчаетъ, и если возможно сколько-нибудь утѣшиться, то развѣ тѣмъ только, что ты, привыкши испытывать неудачи, умѣешь и сію послѣднюю перенести съ твердостью. Впрочемъ, по непостоянству, которое обыкновенно приписываютъ фортунѣ, можетъ быть, въ минуту рѣзвости своей, бросить она и на тебя взглядъ благосклонный. Надобно присмотрѣться, нѣтъ ли еще мѣстъ, которыя бы могли тебѣ прилечь и лучше, какъ мнѣ кажется, по тому же самому министерству. Можетъ быть, глава онаго болѣе прочихъ будетъ расположенъ сдѣлать тебѣ добро. Конечно, не у того удобнѣе можешь сыскать, котораго такъ часто и безъ пользы посѣщаль ты увеселительный замокъ; какъ искусно онъ ускользнулъ отъ тебя! Въ извѣстномъ дѣлѣ Рыцарей, ты, безъ сомнѣнія, не успѣешь, ибо въ семъ случаѣ къ твоей привилегіи на неудачи присоединяется и ихъ не весьма цвѣтущее положеніе. У насъ, простолюдиновъ, не всегда это въ расчетѣ!

Теперь слово о себѣ: въ подмосковной переломалъ я домъ и уже онъ въ томъ состояніи, что въ немъ зимовать возможно, и изъ него сдѣлано, что только возможно лучшаго. Вамъ, м. г., замѣтить надлежитъ, что въ сторонѣ есть комната обширная, весьма покойная и теплая!....

Библиотека чудесной красоты вчернѣ окончена и покрыта; приводится къ концу презрядный погребъ. Ты можешь представить, что человѣкъ, прославшій горькою пьяницею, о немъ позаботился; въ немъ отыщется бутылка вина, которая разопьется при встрѣчѣ добраго пріятели кавалера Лекипердаксака. Милости просимъ пожаловать! Не прежде, однакоже, октября, ибо сегодня отправляюсь я въ Орелъ навѣстить старика моего и выпроводить сюда дѣтей; въ послѣднихъ дняхъ сентября я располагаю возвратиться....

Слышу вѣсти съ нашей стороны, что гнусные чеченцы дерзнули напасть на кр. Грозную. Во времена прежняго глупаго управленія, отъ ужаса далеко ее обходили, а теперь тамъ и войска вдвое и начальники несравненно благоразумнѣйшіе!

Посѣтители на водахъ, изъ предосторожности, также не пускаются въ дальнія прогулки.

1833 г.

2-го марта 1833 г.—Изъ деревни.

Почтенный Романъ Ивановичъ. Послѣ отъѣзда вашего, пустынею сдѣлалось мое Осоргино, скучно ужасно и какъ бы нарочно привязываютъ меня къ нему терзающіе меня лишаи. Послѣдніе дни масляницы, для Дениса ¹⁾, и послѣдніе на первой недѣлѣ, для говѣнія, проводилъ я въ Москвѣ, что не много сдѣлало пользы для болѣзни и оттого я уже не показываюсь на воздухъ,—обвернутый пластырями.

Дѣти мои утѣшаютъ меня привязанностью къ вамъ и благодарностью за ваше о нихъ великодушное попеченіе. Какая радость отъ письма вашего и воспоминанія о нихъ! Ждемъ васъ и не знаемъ, когда къ намъ возвратитесь, но не иначе желаемъ, чтобы успѣли вы сдѣлать для себя что-нибудь полезное. Дай Богъ! Лучше бы всего была отставка съ прибавленіемъ пенсіона, и для того напоминайте о себѣ Адлербергу, человѣку благородному ²⁾. Я знаю, что вы не мастеръ сего дѣла, но, чтобы устроить участь на остатокъ дней, надобно рѣшиться на нѣкоторое принужденіе. Заживемъ послѣ припѣваючи! Еще повторю: дай Богъ!

¹⁾ Дениса Васильевича Давыдова, проживавшаго тогда въ Москвѣ.

²⁾ Графъ Владиміръ Ѳеодоровичъ Адлербергъ.

Шимановскій покажетъ вамъ отвѣтъ гр. Воронцова, который онъ долженъ обратить ко мнѣ; не знаю, правду-ли онъ говорить, но вѣрно однакоже, что есть затрудненія, особенно имѣть при себѣ полковника квартирмейстерской части, изъ которой и въ меньшемъ чинѣ офицера не любятъ давать генераламъ. Впрочемъ, не думаю я, чтобы Воронцовъ могъ доставить порядочное содержаніе; хорошо, если бы составила комиссія, о которой онъ говоритъ, и тогда могъ бы онъ требовать штабъ-офицера для себя и не упустить изъ виду его выгоды. Я признаюсь вамъ, что не надѣялся успѣть, обращаясь съ просьбою къ Воронцову, ибо онъ имѣетъ множество кліентовъ и, конечно, скорѣе для многихъ сдѣлаетъ, нежели для меня. Онъ смотритъ на положеніе просящаго, а я мое очень хорошо знаю! И такъ, намъ не удалось! Мнѣ кажется, что Коцебу имѣютъ въ виду къ назначенію, ибо иначе не оставили бы ему прежняго содержанія, и потому едва-ли не лучше ему подождать, не изыскивая другой должности, развѣ бы представилось мѣсто прочное, не требующее подвижности. Вотъ бы директоръ для кадетскаго корпуса....

Петрушка, вамъ услуживающій, пишетъ Максимовичу, чтобы онъ испросилъ ему позволеніе остаться въ Петербургѣ, гдѣ онъ вступитъ въ службу (военную)... Давно эта была мысль его и, конечно, гдѣ лучше мѣсто съ малыми способностями, какъ не въ военной службѣ, гдѣ терять оныя и въ высшихъ даже чинахъ....

Прощайте, будьте благополучны, а я васъ и люблю и душевно почитаю по сердцу. Ермоловъ.

1844 г.

2-го февраля 1844 г.—Москва.

Почтеннѣйшій Романъ Ивановичъ. Благодарю усерднѣе за письмо ваше обстоятельнѣе и вмѣщающее въ себѣ все, что можетъ быть занимательно для меня....

Я, благодаря Бога, здоровъ и все идетъ по прежнему, въ чемъ убѣдиться можете изъ того, что долго не отвѣчалъ на письмо ваше и еще долѣе задержалъ письма къ вамъ Романа Романовича, которыя вы позволили мнѣ распечатывать. Не правда-ли, что все въ прежнемъ порядкѣ, котораго, вѣроятно, ничто перемѣнить не можетъ. Я не посылаю копій съ бумаги, которою слагается съ васъ взысканіе. Вы можете ее видѣть въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, ноября отъ 26-го дня 1843 года № 885, къ главномууправляющему Закавказскимъ краемъ.

Здѣсь справлялась объ васъ полиція, вѣроятно, чтобы о томъ васъ увѣдомить. И такъ, со стороны этой вы совершенно успокоены....

Живу прескучно, выѣзжаю несравненно менѣе нежели прежде; глазамъ моимъ гораздо лучше, а по вечерамъ читать нѣтъ времени.

Прощайте, желаю вамъ здоровья. Воображаю наслажденіе ваше среди сонма внучатъ, возрастающихъ, рождающихся и имѣющихъ родиться еще во множествѣ. Какое счастье.....

20-го апрѣля 1844 г.—Москва.

Давно не писалъ я къ вамъ, почтеннѣйшій Романъ Ивановичъ, и даже не отозвался на послѣднее письмо ваше, но и сказать нечего было, потому что нынѣшнюю зиму я почти постоянно сидѣлъ дома, и нигдѣ, кромѣ родныхъ, не бывалъ, отговариваясь нездоровьемъ, хотя, впрочемъ, не могу на него жаловаться. Глаза, однакоже, мои мало поправились, и по вечерамъ не смѣю еще читать. Хотѣлось бы отправиться въ деревню, но гнусная и чрезмѣрно продолжающаяся непогода препятствуетъ; дороги непроходимы и холодъ несносный.

Пора въ деревню, да и вамъ надобно будетъ къ концу мая возвратиться въ уединеніе и разстаться со множествомъ окружающихъ васъ родныхъ; въ особенности же внучата обоого пола, на которыхъ старики обыкновенно переносятъ всю нѣжность, которую имѣли къ дѣтямъ; а мой почтенный собесѣдникъ всѣмъ дѣдушкамъ можетъ быть образцомъ!

Не ошибаясь, замѣчаю, что и мои юноши помѣщены въ число внучатъ, по участию, которое вы принимаете во всемъ относящемся до нихъ. Я не умѣю высказать сколько признателенъ вамъ за мило-стивое и истинно благодѣтельное къ нимъ расположеніе....

Не зналъ я о смерти Гозиуша и пожалѣлъ о немъ. По малу исчезаютъ знакомые!...

Прощайте, желаю вамъ благополучія. Почтеніе мое къ вамъ безпредѣльно. Преданный Ермоловъ.

1848 г.

7-го апрѣля 1848 г.—Москва.

Письмо ваше, почтеннѣйшій Романъ Ивановичъ, единственное, давно уже получилъ и въ отвѣтъ также единственное посылаю. Оба мы на прежнихъ насъ не похожи, но вы болѣе увлечены общимъ переворотомъ обстоятельствъ. Нѣкогда ваша страсть къ писанію, моя лѣнь—были непреодолимы; но теперь, какъ вы видите, я по прежнему постояненъ.

Долго собирался я за границу и отнюдь не ропщу на замедленіе, ибо, безъ совершенно крайней необходимости, порядочному человѣку

нельзя взглянуть за границу. Въ такомъ все и повсюду прекрасномъ порядкѣ, что наши калмыки могли-бы служить образцомъ благоустройства. Головокруженіе охватило даже и самыхъ флегматическихъ нѣмцевъ, къ которымъ ѣздили мы научиться премудрости. Какъ должны они быть ловки въ подражаніи французской любезности; теперь, въ рабственномъ почтеніи республикѣ, ничего такъ не добивались какъ свободы печатанія и, распустивъ студентовъ на военные подвиги, сами принявшись за болтовню, далеко позади себя оставляютъ членовъ временнаго правленія Франціи и самого даже Ламартина. Этими послѣднимъ по крайней мѣрѣ угрожаетъ гильотина, а нѣмцы направляютъ рѣзанину на другихъ. — Не столько преступными, наконецъ, будутъ казаться тѣ, которые не имѣли особеннаго чувства нѣжности къ нѣмцамъ. Въ числѣ справедливейшихъ я нахожусь въ отношеніи къ нимъ, ибо всегда вѣрилъ добросовѣстности ихъ, любви къ порядку и постоянству, и въ собственное утѣшеніе, въ новомъ ихъ поволеніи признаю дѣйствіе протекторства Франціи надъ Рейнскимъ союзомъ, или, яснѣе сказать, постоянное десятилѣтнее пребываніе французскихъ армій на землѣ Германской. Можно назвать ее стокомъ всѣхъ нечистотъ и послѣ того прошу доказывать шестнадцать кварталовъ происхожденія. Къ подтвержденію столько глубокихъ изысканій, можно признать истину, что нѣмцы не столько любезны какъ французы и что нѣмки умѣли сдѣлаться милыми французамъ. Кажется, изъ этой породы метисовъ многіе засѣдаютъ въ германской Діетѣ во Франкфуртѣ и въ кабинетѣ короля прусскаго, котораго, впрочемъ, не весьма желаютъ въ императоры, а, кажется, уже готовъ плясать по чужой дудкѣ!

Если бы не боялся опоздать, наболталъ бы и за прошедшее время. — Рѣшительно невозможно и не ѣду за границу, но полагаю не сидѣть дома, а намѣреваюсь быть въ Крыму, Одессѣ и гдѣ Богъ по сердцу положитъ. Наскутила Москва и зимою, но надобно достать въ отпускъ воинновъ¹⁾, которые изъ Шамиля не умѣютъ сдѣлать Абдель-Кадера.

Я разбилъ себѣ грудь зимою и болѣе мѣсяца не выходилъ изъ комнаты; не тотчасъ сказалъ доктору, не лѣчился и выздоровѣлъ.

3-го мая 1848 г.—Москва.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Романъ Ивановичъ, за письмо ваше отъ 28-го апрѣля, только вчера мною полученное. Къ вамъ я не пишу, ибо совершенно не объ чемъ, развѣ о томъ, что болѣе двухъ мѣсяцевъ назадъ разбилъ себѣ грудь и столько же времени почти не выхожу изъ комнаты. Разумѣется, я не скоро призывалъ врача, не менѣе ра-

¹⁾ То есть, сыновей своихъ, служившихъ на Кавказѣ.

зумѣтся, что его не послушалъ, и, что всего лучше, лечусь самъ: можете судить о послѣдствіяхъ. Не взирая на все это, живу очень не скучно, ибо знакомымъ, меня посѣщающимъ, запрещено спрашивать меня о здоровьѣ, и я избавленъ несноснаго повѣствованія о ходѣ болѣзни, которая, конечно, весьма мало занимаетъ каждого, или только однихъ самыхъ близкихъ, по счастію, въ весьма маломъ количествѣ состоящихъ. И васъ прошу не говорить ни слова, и безъ того мало ли мы говоримъ пустаго? Радъ очень, что, заставивши васъ немного смѣяться письму моему, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, выказалъ, что старость не омрачаетъ характера моего, и такъ, кажется, будетъ до конца!

Граббе ¹⁾ мой облѣнился и почти никогда не пишетъ, а чрезъ гр. Арсенія Андреевича Закревскаго весьма удобно и вѣрно. Скажите ему объ этомъ.—Царевичъ Илія (Грузинскій) чрезвычайно признателенъ за великодушное вниманіе ваше къ его юношамъ и принимаетъ это какъ добрый отецъ. А я, дѣлая психологическія наблюденія, заключаю, что въ настоящее время у васъ или мало или совсѣмъ нѣтъ внучатъ и вамъ нужны существа для упражненія преизбыточествующей нѣжности. Припомните, почтеннѣйшій старикъ, что это бывало и для семейства пьянаго столяра нашего Петра Иванова. Я никому не сообщаю моихъ наблюденій; но вотъ подъѣдетъ къ вамъ Елена Романовна, и вы пишете, что съ нею двѣ дочери,—и я совершенно ускокоенъ на вашъ счетъ. Начнется особеннаго рода дѣятельность, пойдетъ въ ходъ нѣмецкій языкъ для составления епистоль къ директоршамъ. Помню я одну изъ таковыхъ, которой одна часть составляла цѣлую *conf.* Позвольте спросить, двѣ ожидаемыя вами внучки составляютъ послѣднее ли тисненіе генерала Коцебу, или надобно ожидать безконечнаго милосердія Божія?

Чувствую весьма, что незабавны мои шутки, но я удивляюсь, что могу еще что-нибудь написать, ибо нѣсколько тому часовъ какъ узналъ о кончинѣ брата Льва Васильевича Давыдова, который, будучи совершенно здоровъ и въ самомъ веселомъ расположеніи, получивши ударъ, жилъ только двѣ недѣли...

Максимовичъ ²⁾ за васъ молитъ Бога и только я удерживаю нѣсколько, чтобы Мартына Лютера не внесъ въ списокъ святыхъ.

26-го ноября 1848 г.—Москва.

Бранить вы не умѣете, почтенный Романъ Ивановичъ, но безъ негодованія, воля ваша, не возможно простить, что я такъ долго не пишу; я это хорошо понимаю и потому не оправдываюсь. Съ сожа-

¹⁾ Графъ Павелъ Христофоровичъ Граббе, ген.-адъют., бывшій адъютантъ Алексѣя Петровича.

²⁾ Максимъ (Мемека) камердинеръ Алексѣя Петровича.

лѣніемъ видѣлъ я, что болѣзнь ваша продолжалась и была до того упорна, что еще до сего времени вы не вызживаете. Максимовичъ, стыдясь лѣни моей и видя желаніе мое имѣть извѣстіе о васъ, изрѣдка вступаетъ въ корреспонденцію съ вами и часто спрашиваетъ своего Яшку, великаго писаря. Такимъ образомъ узнаю я, что не весело пребываніе ваше въ Петербургѣ, особенно какъ нѣкоторые изъ родныхъ вашихъ уже развѣхались.

Скажу о себѣ, что боль отъ ушиба еще сильна, не взирая, что уже девятый мѣсяцъ; и теперь пять недѣль какъ пріѣхалъ я изъ деревни, но за порогомъ моей комнаты не былъ. Впрочемъ, вѣрю старинной пословицѣ: до свадьбы заживетъ.—Кажется, вѣрно!...

1850 г.

3-го октября 1850 г.—Изъ деревни.

Почтеннѣйшій Романъ Ивановичъ! Не могу похвастать поспѣшностію отвѣчать на письмо ваше, но равномѣрно и вы не торопились дать о себѣ вѣсточку. Я уже отъявленный лѣнивонецъ, а вы славились неумолимымъ граверомъ, слѣдовательно,—перемѣна съ вашей стороны. Божусь, не разъ случалось, что бумага передо мною и перо въ рукахъ, но тѣмъ начинается, что перо не хорошо и надобно его поправить. Слѣпой, натурально, обладаетъ особеннымъ искусствомъ очинивать перья и ловкостью уловлять конецъ пера для усѣкновенія: я совѣтую вамъ испытать это наслажденіе, но только увѣдомьте меня болѣе-ли найдется у васъ терпѣнія, какъ и у меня? Мнѣ исключительно принадлежитъ извѣстное вамъ свойство писать глупо, когда перо не по рукѣ, то и откладываю я операцию очинки до другого времени. Тутъ начинается торжество лѣни, за которою прячется самолюбіе, не допускающее замѣтить, что и съ хорошаго пера нерѣдко стекаютъ весьма глупыя мысли. Я однако же давно поймалъ себя въ этомъ случаѣ и самолюбіе давно не первенствуетъ между другими моими недостатками....

О себѣ сказать вамъ прежняго не могу. Бывало, по единообразію жизни, могъ-бы расписать я какъ календарь, но теперь проклятый новый домъ даетъ множество заботъ. Подрядчики и рабочіе обворовываютъ безъ милосердія; все заказанное не дѣлается къ условленному сроку, теряется время; по множеству работъ въ городѣ, матеріалы 20% дороже обыкновеннаго. Ко всему надобно прибавить собственную ошибку въ размѣрѣ, и вышли, вмѣсто умѣреннаго дома, обширные чертоги, которые долго не рѣшусь назвать собственными. Словомъ, проклинаю домъ.... Теперь еще не кончились работы и я не

прежде могу перейти въ домъ, какъ въ будущее лѣто, когда я живу въ деревнѣ. Совсѣмъ разстроены мои предположенія, а въ наши лѣта нельзя распорядить годами. Этотъ домъ принимаю я, какъ наказаніе за какіе-нибудь грѣхи. Я здоровъ, лѣтнѣе болѣе прежняго, сижу безъ всякаго движенія и тяжелѣю ужасно.

Вотъ вѣрное описаніе, полезной для общества, моей жизни. Прощайте, почтенный нѣкогда сожитель, будьте здоровы и утѣшаемы вашими вну-правну-чатами, ихъ же число—толеовниковъ библіи.

15-го октября 1850 г. — Москва.

.....Предъ васъ предстанетъ послѣдній мой рекрутъ, отправляемый на службу; будьте къ нему милостивы по прежнему. По письму Н. С. Ограновича, я послалъ Ниолушку прямо къ нему въ домъ; онъ прежде уже объяснился съ полковникомъ Даллеромъ и у него онъ будетъ приготавливаться къ опредѣленію въ училище. Къ Даллеру я просилъ опредѣлить его скорѣе, чтобы напрасно не терять времени, и я имѣлъ въ виду, чтобы онъ не беспокоилъ его при его занятіяхъ по службѣ; объ этомъ и вы похлопочите, любезный Романъ Ивановичъ. Съ Даллеромъ вы, вѣрно, знакомы; троньте этого германца сладостію родимаго языка и Ниолушку возлюбите онъ, какъ свой *Caffe-Löffelchen*. Не примите этого за шутку, я понимаю какія выгоды можетъ доставить его *Zärtlichkeit*: она равняется половинному числу балловъ при экзаменѣ. По временамъ бросьте взглядъ вашъ на мальчишку, котораго справедливо я называю сиротою: братьямъ его не мало способствовало мое пребываніе на землѣ.

Могутъ еще быть люди мнѣ доброжелательствующіе, но скажу вмѣстѣ съ Оссіаномъ: „Еще нѣсколько лѣтъ и вѣтеръ пустынный возшумитъ въ осиротѣлыхъ башняхъ моихъ и вокругъ полусгнившаго щита моего“. Если вы вообразите, что въ Осоргинѣ есть башни и виситъ щитъ мой, вы очень будете растроганы. Не могу разогрѣть воображенія моего, не нахожу башенъ и нѣтъ даже голубятни. Подобіе щитовъ открылъ только въ однѣхъ сковородахъ на скромной кухнѣ нашей. И такъ, возвратимся къ тому, что всего болѣе правдоподобно, что оба мы не доживемъ до перваго его офицерскаго чина, который каждаго изъ прапорщиковъ дѣлаетъ равнымъ всѣмъ князьямъ міра. Въ этомъ горестномъ расположеніи духа, какъ вы видите изъ письма моего, я отправляю моего рекрута и самъ отправляюсь обратно въ деревню утѣшиться прекраснымъ временемъ и прелестными вечерами. У насъ уже въ полъ аршина снѣгъ, мятели ужасныя, превращающія день въ ночь. Не знаю, чему-бы уподобилъ Оссіанъ блаженство подобнаго существованія?

Не порадуетесь-ли вы, что близокъ конецъ бумаги, иначе не было бы конца моему пустословію. Способность рѣдая! Много вралей въ свѣтѣ и, думаю, я одинъ—принимающій эту способность за даръ, свыше ниспосланный. За то я скуки не знаю!

Прощайте, будьте здоровы, милостивы къ моему Николушкѣ...

25-го октября 1850 г.—Изъ деревни.

Почтеннѣйшій Романъ Ивановичъ. Искренно благодарю васъ за письмо, но, конечно, оно было единственное, въ теченіе столькихъ десятковъ лѣтъ, сдѣлавшее мнѣ досаду. Вотъ въ чемъ загадка: я получилъ его за пять минутъ до выѣзда моего въ деревню; не ловко было, при другихъ, прочесть его и я, обѣщая себѣ это удовольствіе наединѣ, думалъ, что положилъ его въ портфель, а вышло, что ошибкою взялъ другое, а его спряталъ въ столъ съ бумагами и заперъ. Меня это бѣситъ, какъ вы знаете, а любопытство и у насъ, стариковъ, бываетъ! И такъ, за старую привычку не быть балованнымъ и любопытство—подъ арестъ! Къ возвращенію въ городъ желаю не одно прочесть его, и это будетъ большимъ вознагражденіемъ за терпѣніе. Начну воспѣтіемъ хвалы страсти вашей къ гравированію и воспламенюсь желаніемъ быть вашимъ внукомъ. На нихъ, по большей части, обращаемы были письма ваши и, какъ я, прибывшій вновь, не безъ страха вспоминаю, что, по порядку счисления, я вхожу въ № 58-й, разумѣется, съ подобными мнѣ самозванцами; впрочемъ, до такой степени дерзкихъ весьма не много!...

Я здоровъ, обманутъ надеждою зимовать въ новомъ домѣ; готовъ онъ могъ быть, но сырость ужасная заставила отложить помысленіе и перейти, безъ неудобства, можно не ранѣе будущей осени. Библиотека вся уложена въ ящикахъ и хочется зимою перевезти въ домъ, гдѣ, кажется, будетъ сухое мѣсто въ маленькихъ комнатахъ.

Прощайте, почтеннѣйшій Романъ Ивановичъ, будьте здоровы и веселы среди вашего семейства, и да продлитъ судьба страсть вашу къ гравированію, въ чемъ будетъ и моя выгода!

Дайте наставленіе Николушкѣ, чтобы, писавши къ Сѣверу и другимъ, называлъ ихъ по именамъ, а не братьями.

11-го ноября 1850 г.—Москва.

У насъ Цесаревичъ Наслѣдникъ, восхищенный Грузією, всѣмъ, что тамъ видѣлъ, и огромными успѣхами во всѣхъ частяхъ устройства.

Прощай, почтенный Романъ Ивановичъ, мѣшали, по обыкновенію, разныя фигуры и спѣшу на почту.

Выраженія чувствъ моихъ не привожу въ обыкновенную форму, а скажу просто: душевно преданный Ермоловъ.

1851 г.

2-го февраля 1851 г.—Москва.

Письмо ваше отъ 15-го января, почтенный Романъ Ивановичъ, я получилъ. Долговременно весьма было молчаніе ваше и я готовился уже выступить на драку, обиженнымъ будучи тѣмъ, что, при всей страсти гравировать, я такъ рѣдко бываю занимающимъ васъ предметомъ. Я долженъ былъ обратиться къ новому роду расчетовъ, взявъ въ основаніе соображеніе, *d'après le calcul des probabilités*, какимъ количествомъ можете вы быть снабжены новыхъ внуковъ и внучать, и увидѣлъ, что не такъ легко придти вамъ на память.

Въ свѣтъ не безъ ловкихъ людей и какъ я остаюсь при прежнемъ убѣжденіи, что между мелочью, насылаемою на васъ для распредѣленія по учебнымъ заведеніямъ, находятся лжевуки, то вамъ и не достааетъ времени помнить объ насъ. Какую другую отыскивать причину, почему такъ долгое время не бросили вы взгляда вашего на моего мальчишку? Хотя и приводите вы въ объясненіе разныя стратегическія увертки, какъ-то: разрушенныя переправы, прерванную отъ того коммуникаціонную линію, словомъ, общій заговоръ стихій, въ то время Николушка преодолеваетъ неукротимую Неву и пользуется увеселеніями праздниковъ. Еще ни о чемъ не имѣетъ онъ понятія, а уже ощутительно развивается въ немъ способность къ маневрамъ. Такъ въ Наполеонѣ замѣченъ былъ воинственный гений, когда, бывши въ школѣ, онъ игралъ въ снѣжки; а мой еще и не поступилъ въ артиллерійское училище и, думаю, блаженствуетъ среди первыхъ началъ ариметики.

Могъ бы продолжать пустое до конца бумаги, но, право, совѣстно стало, и я, желая пощадить васъ, смиряю превосходную способность мою говорить вздоръ. Гораздо короче можно было сказать: желаю чрезвычайно, почтенный Романъ Ивановичъ, чтобы изрѣдка взглянули вы на Николушку, вы дадите ему полезныя наставленія. Какъ человекъ знакомый вамъ и васъ уважающій, полковникъ Даллеръ скажетъ вамъ, доволенъ-ли онъ прилежаніемъ и нравственностію мальчишки, и сей послѣдній никого столько не послушаетъ какъ васъ, такъ точно какъ никто и не займется имъ подобно вамъ, по давней дружбѣ ко мнѣ и по свойственному добродушію. Вотъ истинная цѣль моя!

Скажу о себѣ: всю зиму не оставляютъ меня мелочные недуги, не допускающіе выѣзжать со двора, и это, согласуясь съ лѣнью моею, кажется, даетъ мнѣ возможность, или, лучше, удобство, выставять все за болѣзнь и никуда вообще не ѣздить. Теперь терзаетъ меня сыпь, періодически являющаяся, которую справедливо называю я цѣлительною. Слѣдовательно, благодаря Бога, все идетъ превосходно!

Прощайте, будьте здоровы. Почитаю и уважаю васъ, всегда и одинаково преданный Ермоловъ.

Мемека въ отчаяніи, думая, что вы на него гнѣваетесь.

23-го іюля 1851 г.—Осоргино.

Начинаемъ, почтенный Романъ Ивановичъ, подпадать могуществу старости, а, помня васъ и взглянувъ въ зеркало на себя, давно-льмы были молодцами! Никто, изъ вѣжливости, не спросить сколько лѣтъ тому назадъ, особенно когда предупреждаю я, объясняя, что сѣдые волосы бывають и у молодыхъ людей. Вы, въ этомъ отношеніи, гораздо въ выгоднѣйшемъ положеніи нежели я; у васъ нѣтъ на головѣ хронологической таблицы, а о морщинахъ и молодежь говорить боится!

Гдѣ дѣятельность наша? гдѣ страсть къ гравированію (писемъ)? бывалъ-ли день, въ который не отсылалось письмо на почту? бывали счастливые, когда отправлялись письма во множествѣ; теперь проходятъ мѣсяцы и я не дожудь строки! Неужели до того умножилось производство внуковъ и внучекъ, что для меня не остается минуты времени? Нѣтъ, любезный нѣкогда сожитель, чувствую по себѣ, что это господствованіе старости. Того и гляди, что проклятая квартира насъ полнымъ размахомъ. Между тѣмъ, однакоже, не могу жаловаться на мое здоровье, но лѣнь достигла до степени невѣроятной и можетъ занять мѣсто между болѣзней...

Я живу въ деревнѣ, сколько возможно рѣдко бываю въ городѣ, избѣгая ужаснѣйшіе жары. Въ маленькой комнатѣ, облагороженной именемъ кабинета, при раскрытыхъ дверяхъ и всѣхъ окнахъ, термометръ въ тѣни показываетъ 25°. Не ложась спать ранѣе полуночи, еще ни разу не ложила я менѣе какъ при 20°; это весьма напоминаетъ мнѣ Кавказъ. Выписалъ я на три дня Мѣксимовича изъ города, и въ разговорахъ воспоминаемъ о васъ; онъ въ два года одной педѣли не былъ въ деревнѣ и сдѣлался совершенно иностранцемъ. Онъ находится при постройкѣ, продажѣ и покупкѣ домовъ; теперь отдѣлываетъ онъ пріобрѣтенный на Пречистенѣхъ и такъ много перемѣнъ въ немъ и медленно идутъ работы, что едва-ли прежде зимы я займу его...

Прощайте, будьте здоровы и чтобы все случающееся согласовалось съ желаніями вашими. Не забывайте насъ! Душевно преданный на вѣки Ермоловъ.

1852 г.

9-го декабря 1852 г.—Москва.

Я по себѣ чувствую, вижу и по васъ, почтенный Романъ Ивановичъ, что начинается уже угасать наша молодость. Вамъ не говорить, конечно, этого, и я сказалъ не безъ расчета, увѣренъ будучи, что вы не захотите давняго пріятеля выставить излишне простосердечнымъ, въ нынѣшнемъ понятіи—глуповатымъ. Смирились страсти наши; васъ одолѣвалъ зудъ писанія, а теперь и строки въ нѣсколько мѣсяцевъ не дожدهшься; я менѣе подвергся перемѣнѣ, развѣ только сдѣлался болѣе неподвижнымъ. Не слишкомъ обширны чертоги мои и если когда случится одинъ разъ въ день обойти ихъ, это почти таю я усиленнымъ движеніемъ, почти форсированнымъ маршемъ.

Скоро два мѣсяца я не выѣзжаю со двора, а иногда даже не выхожу изъ комнаты; со всѣми, однакоже, предосторожностями, умѣю доставать всѣ простудныя болѣзни; не могу сказать, чтобы не лѣчился, ибо нахожу, что гомеопатически это весьма легко и я оттого прилѣпляюсь къ методѣ покойной.

Недавно видѣлъ возвратившагося изъ Камчатки сына Морица (Копцебу); онъ посѣщалъ совсѣмъ не какъ чужой человѣкъ, и серьезный морякъ мнѣ очень понравился. Изъ него выйдетъ нѣчто на подобіе Нельсона.... Весь душою вашъ Ермоловъ.

1856 г.

7-го января 1856 г.—Москва.

Почтенный Романъ Ивановичъ. Николушка похвасталъ мнѣ милостивымъ вашимъ къ нему вниманіемъ, въ чемъ я не сомнѣвался, и порадовалъ меня состояніемъ вашего здоровья, чего отъ души желаю и нахожу нужнымъ, чувствуя то по самому себѣ. Вспомнилъ сколько лѣтъ употребляли мы, живши въ Осоргинѣ, поздравительную формулу съ новымъ годомъ, прося Бога, чтобы онъ былъ не лучше прошедшаго; тоже сдѣлалъ я и теперешній разъ, и, конечно, формула не бывала употреблена приличнѣйшимъ образомъ. Не опровергаю мнѣнія о старикахъ, что они живутъ воспоминаніями, и потому прошедшій годъ назову незабвеннымъ.... Искренно преданный Ермоловъ.

Сообщ. И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ.

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА

1789 — 1848.

XVIII 1).

Отъездъ въ Москву.—Замаранный формуляръ.—Просьба объ отдахѣ подъ судъ.—
Командировка въ Шостенскій заводъ.—Совершенное оправданіе.—Вторичное
поступленіе въ департаментъ.

1826—1827.

Чистый совѣстью, спокойный духомъ, я полагалъ, что всѣ мои расчеты съ департаментомъ кончены, ожидалъ только отправленія своего въ Москву и пересталъ посѣщать департаментъ. Не знаю причины, но только цѣлый апрѣль мѣсяцъ не было ни слова о моемъ отправленіи. По воскреснымъ днямъ, сначала, являлся я во дворецъ великаго князя, но усмотрѣвъ, что тѣ самыя лица, которыя прежде принимали во мнѣ столь сильное участіе, стали избѣгать со мною разговоровъ и даже видимо охладѣли ко мнѣ, я усѣлся дома. Кромѣ прогулокъ, нигде не показывался. Наконецъ, въ первыхъ числахъ мая, я получилъ предписаніе отправиться въ мѣсту назначенія. Въ Москву я прибылъ 24-го іюля, а 25-го числа, въ день рожденія государя, являлся къ великому князю, находившемуся тамъ по случаю предстоящей коронаціи.

26-го іюня въ первый разъ явился я въ депо. На другой день, съ умысломъ или не нарочно, положены были на столъ бумаги

1) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648; т. XVII, стр. 127—144.

изъ департамента о моемъ перемѣщеніи. Безъ цѣли взглянулъ я на нихъ и что же увидѣлъ въ полномъ моемъ изумленію? Гогель въ формулярномъ моемъ спискѣ отмѣтилъ: «что онъ не можетъ аттестовать меня достойнымъ къ повышенію чина, а почему—можно видѣть изъ прилагаемаго въ семъ же предложенія великаго князя» (предложенія, гдѣ мнѣ сдѣлано 10 выговоровъ, а ему, Гогелю, сдѣланъ строжайшій выговоръ). По вондунтному же списку, написалъ въ отмѣткахъ: «дѣятеленъ безъ усердія—сварливъ».

Поблѣднѣвъ какъ полотно, побѣжалъ я во дворецъ великаго князя и найдя тамъ адъютанта его Бибикова, служившаго тоже со мной въ гвардіи, просилъ его доложить обо мнѣ его высочеству. Бибиковъ, изумясь моего встревоженнаго вида, съ дружескимъ участіемъ распросилъ меня о причинѣ и успокоилъ меня нѣсколько, совѣтуя не являться къ великому князю въ такомъ разстроенномъ духѣ—и взялся передать письмо мое и на словахъ объяснить мое дѣло. При разсказѣ моемъ, что меня такъ взволновало, у Бибикова не одинъ разъ вырывались восклицанія: «п.....ть! месть!» обо мнѣ же и говорить нечего....

Возвратясь домой, написалъ я письмо къ его высочеству, гдѣ, объяснилъ, что служба моя по департаменту, по несчастнымъ для меня обстоятельствамъ, вмѣсто ожидаемаго поощренія, безвинно подвела меня подъ гнѣвъ его. Видя, что дѣло мое окончено исполненіемъ просьбы моей—переводомъ въ Москву, я не рѣшился бы никогда беспокоить его высочество новымъ пересмотромъ моего дѣла, если-бы не месть и не злоба Гогеля, который и здѣсь меня преслѣдуетъ. Но чувствуя себя совершенно правымъ, я прошу его предать меня суду, хотя мнѣ и сдѣлано 10 выговоровъ, и поступить со мной, не ослабляя ничего! Окончилъ письмо словами: «прошу не награды, жду не милости, а требую строгаго правосудія».

Когда я прочелъ это письмо свояку своему Озерову, онъ испугался и со слезами просилъ меня смягчить выраженія. Бибиковъ-же, напротивъ, прочитавъ со вниманіемъ, сказалъ: «Славно! Такъ пишутъ только честные люди! Давай—отнесу!» Три дня сряду являлся я къ Бибикову, чтобы узнать какой результатъ и всякій разъ получалъ отвѣтъ: «письмо распечатано и лежитъ на столѣ у великаго князя; замѣтно, что онъ его нѣсколько разъ пе-

речитывалъ, но ни слова объ васъ!» Наконецъ, на четвертый день, я получилъ повѣстку отъ Перрена—явиться къ нему, и онъ объявилъ мнѣ рѣшеніе: «что его высочество съ особеннымъ вниманіемъ, нѣсколько разъ, изволилъ читать письмо мое и приложенную къ нему записку; что я самъ накликаю на себя правосудіе и онъ сегодня же предписалъ новому директору департамента, собравъ всѣ бумаги, относящіяся къ моему дѣлу, лично разсмотрѣть ихъ, и теперь все будетъ зависѣть отъ N. N. Но если и онъ найдетъ меня виноватымъ, то чтобы я не пенялъ на великаго князя—самъ напросился!» Я просилъ Перрена поблагодарить и за сію милость его высочество.

Черезъ два дня получено въ депо предписаніе изъ департамента отправить меня немедленно на Шостенскій пороховой заводъ, въ помощь генераль-маіору Богуславскому, для повѣрки силы пороха. Коммисія ничтожная, но цѣль видимая—удалить меня изъ Москвы, пока его высочество тамъ будетъ! Уѣхавъ въ іюнѣ, я вернулся назадъ въ ноябрѣ.

Новаго директора артиллерійскаго департамента я вовсе не зналъ; со всѣмъ тѣмъ рѣшился, въ сентябрѣ, изъ Шостенскаго завода, написать къ нему нѣсколько строкъ и намекнуть ему о справедливости. Въ Москву я возвратился 6-го ноября, а 9-го, наканунѣ смерти свояка моего Озерова, имѣлъ еще удовольствіе прочесть ему письмо директора, въ которомъ онъ мнѣ писалъ «что, разсматривая мои дѣла, онъ нашелъ, что я на прежнемъ моемъ мѣстѣ дѣйствовалъ не только какъ чиновникъ со способностями, дѣятельно и усердно, но даже, и въ отношеніи личныхъ враговъ моихъ, какъ человекъ честный и благородный — щадилъ ихъ. А потому, не зная меня лично, но уважая мои правила, не спрашивая моего согласія, онъ рѣшился покороче со мной познакомиться и представилъ о назначеніи меня къ нему чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Что это зависитъ совершенно отъ меня принять это мѣсто или отказаться. Въ послѣднемъ случаѣ, хотя я и получу предписаніе о новомъ назначеніи, но чтобы я не трогался съ мѣста, а написалъ-бы ему откровенно—почему не желаю и куда именно хочу самъ, и тогда онъ будетъ хлопотать за меня».

Конецъ письма меня однако озадачилъ: «Вы были на Шостенскомъ заводѣ и, вѣроятно, многое узнали тамъ...

Напишите мнѣ подъ рукою и секретно, что тамъ дѣлается? а письмо это сожгите!...» При письмѣ приложено предписаніе великаго князя уничтожить аттестацію Гогеля и сдѣланные мнѣ выговоры. Подумавъ и посовѣтовавшись дома, я отвѣчалъ директору, что первое предложеніе его я принимаю съ благодарностью, но прошу пособія для выѣзда, а о сдѣланномъ мнѣ вопросѣ откровенно сознался, что онъ удивилъ меня, ибо если онъ, NN, дѣйствительно считаетъ меня за благороднаго человека, то могъ бы обо всемъ, что онъ желаетъ, спросить меня официально. Къ секретамъ же я неспособенъ и потому не ошиба ли это въ его мнѣніи обо мнѣ,—тогда лучше вовсе и не брать меня.

Въ отвѣтъ я получилъ предписаніе ѣхать въ Петербургъ и 600 р. на подъемъ. Письмо директора я сжегъ.

По приѣздѣ моемъ въ Петербургъ, первый мой выходъ изъ дома былъ къ своему начальнику, чтобы поблагодарить за оказанную справедливость въ моемъ дѣлѣ. При этомъ свиданіи я имѣлъ съ нимъ довольно долгій разговоръ, гдѣ объяснилъ ему свои правила, а равно и свой образъ мыслей, и онъ просилъ у меня извиненія, что безъ умысла огорчилъ меня своимъ вопросомъ, дружески обнялъ меня и затѣмъ, пригласивъ меня съ собой, повезъ въ своей каретѣ на первое свиданіе въ департаментъ, восхищаясь мыслью какъ меня тамъ встрѣтятъ. Я же, чего и ожидалъ, нашелъ тамъ всѣхъ себѣ друзьями: Воронина, Горева и Фатьянова, а прочихъ же и подавно.

Скоро выбылъ въ отставку Перренъ, такъ какъ канцелярія фельдцейхмейстера замѣнена была особымъ штабомъ, коего начальникомъ назначенъ Засядко, а дежурнымъ штабъ-офицеромъ Жуковскій, ревизовавшій департаментъ и временно исправлявшій должность начальника штаба.

По вторичномъ прибытіи моемъ въ артиллерійскій департаментъ, когда явился я къ директору и онъ повезъ меня въ департаментъ, обратился ко мнѣ съ распросами на счетъ бывшихъ моихъ товарищей, членовъ присутствія, и просилъ меня, по секрету, рассказать и впередъ говорилъ бы ему что знаю, или что узнаю о нихъ. Я повторилъ ему мой отзывъ, что официально можетъ требовать всего и услышитъ всегда полную и совершенную истину, но если онъ намѣренъ употреблять меня какъ шпиона, то, судя по его же выраженіямъ, изложеннымъ въ его письмѣ, онъ долженъ видѣть,

что я къ тому вовсе неспособенъ и лучше въ началѣ меня отпустить, нежели въ послѣдствіи испытывать безуспѣшно меня.

Въ департаментѣ порученъ былъ мнѣ поверхностный надзоръ за 1-мъ отдѣленіемъ, которымъ управлялъ подполковникъ фонъ - Болъ, аккуратный, но весьма непроторный и мнительный нѣмецъ. Главныя же занятія мои заключались въ собраніи полныхъ и точныхъ свѣдѣній о числѣ орудій и годныхъ лафетовъ по крѣпостямъ.

Когда я явился для представленія къ великому князю Михаилу Павловичу, при этомъ находился кн. Яшвилъ и его высочество, обратясь къ нему, сказалъ: «думали совсѣмъ съѣсть его, а онъ опять съ нами!»

Въ апрѣлѣ 1827 года возложено было на меня порученіе: ѣхать прежде въ Кременчугъ осмотрѣть вновь строящіяся тамъ для южныхъ крѣпостей лафеты, а оттуда въ Одессу для покупки 4 тыс. пудовъ сѣры и сколько можно англійскаго свинцу и красокъ для лафетовъ, затѣмъ, въ Херсонѣ—осмотрѣть арсеналь и представить обо всемъ, что найду, подробныя свѣдѣнія.

Постройкою лафетовъ въ Кременчугѣ завѣдывалъ подполковникъ Титковъ, бывшій фельдфебелемъ въ гвардейской артиллеріи, когда я еще тамъ служилъ, и потому мнѣ знакомый.

Кременчугъ былъ выбранъ пунктомъ заготовленія лафетовъ потому, что сюда совершенно за безцѣнокъ сплавляютъ лѣса внизъ по Днѣпру, а отсюда уже нагружаютъ на баржи и идутъ далѣе, до Херсона, а затѣмъ на судахъ, моремъ, въ Одессу и въ Севастополь. Эта перевозка обходилась весьма дорого, такъ, что бревно, стоящее въ Кременчугѣ 5 р., въ Одессѣ уже стоило 25 р., а въ Севастополѣ 30 р. Бревна покупались Титковымъ прямо съ плотовъ, просушивались искусственнымъ образомъ въ самое короткое время, вслѣдствіе чего подготовленныя части, еще на мѣстѣ, уже давали трещины. Чего же должно было ожидать по перевозкѣ ихъ въ Севастополь, чрезъ степь и въ самое знойное лѣто? При всей своей заботливости и расчетливости, Титковъ всетаки едва не отдалъ былъ подъ судъ, и какъ раздѣлался окончательно—не знаю...

На закупку сѣры, свинца и красокъ въ Одессѣ со мной была отпущена сумма до 8 тысячъ руб. По справкамъ, взятымъ изъ департамента, сѣра, съ доставкой изъ Одессы на Шостенскій заводъ, обходилась отъ 8 р. 50 к. до 12 р. 50 к. съ пуда и съ

упадкомъ до $\frac{1}{4}$ части при сдачѣ ея на заводѣ. Англійскій же свинецъ покупался по 16 р. и до 18 р. 50 к. за пудъ. Не бывъ никогда хозяиномъ и закупщикомъ никакихъ предметовъ, брѣпко боялся я попасть въ просакъ и бѣду и, по прибытіи въ Одесу, прежде всего я принялся секретно разузнавать сущность дѣла и нашелъ, что сѣра на мѣстѣ никогда не продавалась дороже 4 р. за пудъ; свинецъ испанскій 6 р., а англійскій 6 р. 10 в. и 6 р. 20 в. за пудъ. Въ складахъ имѣлось свинца испанскаго до 15 тыс. пуд., а англійскаго только до 3 тыс. пуд. За послѣдній запрошена была цѣна 11 р. съ пуда, а за испанскій только по 6 р. За сѣруевреи просили по 3 р. за пудъ. Видя такую разницу въ цѣнахъ англійскаго отъ испанскаго свинца, я, при осмотрѣ того и другаго, на всѣхъ испанскихъ болванкахъ увидѣлъ клеймо: «Лондонъ». Тогда я рѣшился испробовать тотъ и другой и нашелъ, что испанскій даетъ самую незначительную часть утраты при переливѣ и нѣсколько хрупче англійскаго. Я рѣшился предварительно обо всемъ донести директору и послалъ къ нему образчики свинца черезъ почту; сѣру на почтѣ не приняли. вмѣсто ожидаемой благодарности, я получилъ замѣчаніе, чтобы я остерегался покупать сѣру, ибо сомнительно чтобы она была годная — по цѣнѣ ея, а свинца, кромѣ англійскаго, не смѣлъ другаго покупать, ибо таковой только всегда приобрѣтался департаментомъ.

На замѣчаніе мое, изложенное въ донесеніи моемъ директору, что евреи, покупающіе сѣру для Бердичева, укладываютъ ее въ холщевые мѣшки, а не въ бочки, что для возки несравненно вмѣстительнѣе и легче, ибо слагается лишній вѣсъ дерева, мнѣ было замѣчено, что сѣра всегда возилась въ бочкахъ и что бочки должны быть непременно запечатаны. По всѣмъ этимъ замѣчаніямъ, я тотчасъ увидѣлъ, что г. Воронинъ—до тонкости знаетъ все дѣло. Я купилъ сѣру съ доставкой на заводъ по 4 р. 10 в. за пудъ и она тамъ оказалась съ барышомъ, такъ какъ на мѣстѣ она дала упадку только $\frac{1}{8}$ часть. Англійскаго свинца куплено около 3 тыс. пуд. съ доставкой по 9 р. 50 в., а испанскаго (съ клеймомъ «Лондонъ») сторговался по 5 р. за пудъ.

Окончивъ эти дѣла, я ожидалъ, что за нихъ меня потребуютъ въ Петербургъ, но получилъ отъ директора частное письмо, на-

полненное едва ли не любовными выражениями и приказание медленно ѣхать въ Петербургъ чрезъ Херсонъ.

Отъ многихъ одесскихъ купцовъ, услышалъ я весьма не лестные отзывы для моихъ предшественниковъ: мнѣ объявили, что они во мнѣ нашли «феномень», какового и не подозрѣвали найти въ Россіи, т. е., что я предоставленный ими мнѣ процентъ съ товару просилъ зачесть уступкою цѣны, въ пользу казны, а чумаки, отвозившіе сѣру и свинець, за расчетъ и данные каждому ярлыки съ расчетомъ, въ буквальномъ смыслѣ, разцѣловали мнѣ ноги...

Сверхъ сихъ порученій, предписано мнѣ было осмотрѣть въ Одессѣ заготовленные лѣса для починки старыхъ и постройки нѣкотораго количества новыхъ лафетовъ, а также и самыя лафеты, на поправку которыхъ по смѣтѣ предполагалось до 7 тыс. руб. Лѣсовъ я вовсе не нашелъ, и изъ числа 300 лафетовъ, для коихъ требовались дубовыя новыя оси, нашелъ только 2 оси (!) съ изъяномъ, а прочія всѣ отлично крѣпкія. Дубовыя бревна для осей продавались по 35 р. за бревно. Въ продолженіи 3-хъ недѣль не было подвозу лѣсу, въ которомъ ощущался сильный недостатокъ, то будучи самъ на пристани, осматривая лежащій тамъ лѣсъ, замѣтилъ, что лежащія тамъ дубовыя обрубки въ 2¹/₂ и 3 арш. длины—подходящая мѣра для осей и такой же толщины какъ бревно—могутъ съ успѣхомъ и пользою для казны замѣнить самыя бревна. Бревна длиною 3 саж., какъ я выше сказалъ, стоили до 35 р. штука, а каждый обрубокъ въ 2¹/₂ арш. отъ 2-хъ до 3-хъ р., слѣдовательно, пользы имѣлось отъ каждаго бревна слишкомъ 25 р. и, во вторыхъ, въ обрубкахъ была та выгода, что если гдѣ имѣлась порча, то могла быть видна тотчасъ съ концовъ, а въ бревнѣ могла оказываться и въ срединѣ, почему дерево неминуемо должно было идти въ бракъ. Вслѣдствіе сихъ обстоятельствъ, я разъяснилъ директору рапортомъ мои предположенія, избѣгая всего что могло навлиять бѣды на начальника крѣпостнаго штата, а въ частномъ письмѣ, со всей откровенностью, описалъ все остальное.

Здѣсь приведу кстатѣ одинъ случай по сему поводу.—Полковникъ Облеуховъ, начальникъ крѣпостнаго штата, испугавшись открытаго мною недостатка и обмана, припелъ ко мнѣ съ выговоромъ—«что я хочу его погубить, не взирая на большое семей-

ство, состоящее изъ трехъ дочерей (красавиць) и уничтожить всю прежнюю его службу; на отзывъ мой, что я сдѣлаю все, что уважаетъ мнѣ моя совѣсть, онъ бросился къ начальнику таможеннаго округа, знакомому мнѣ князю Трубецкому, искать его заступничества, а тотъ прибѣжалъ ко мнѣ съ просьбой о бѣдномъ. Въ ту самую минуту, когда онъ взшелъ ко мнѣ, я собирался запечатывать донесеніе и письмо мое къ директору, то, не говоря ему ни слова, далъ ихъ прочесть князю и предложилъ ему, если онъ желаетъ, то можетъ ихъ свезти и показать Облеухову, для его успокоенія. Черезъ часъ послѣ его отъѣзда, растворяется дверь и Облеуховъ—бухъ на колѣни. Я обомлѣлъ отъ удивленія и конфуза!..... Починка лафетовъ вмѣсто 7 тыс. руб. обошлась въ 300 р. и Облеуховъ въ слѣдующемъ году получилъ св. Владимира 3-й степени; о наградѣ мнѣ сказано будетъ ниже.

Насталъ разрывъ съ Турціею. — Графъ Дибичъ потребовалъ отъ директора записки объ общемъ положеніи артиллерійскихъ частей, по крѣпостямъ южнаго края и Чернаго моря. Записка требовалась въ 24 часа. Еще во время управленія 1-мъ отдѣленіемъ, я предвидѣлъ возможность подобнаго требованія и для сего содержалъ потребные къ тому свѣдѣнія въ такомъ порядкѣ, что въ нѣсколько часовъ могъ дать полный отчетъ, слѣдовательно, записка постѣла бы къ сроку. Означеннымъ округомъ, послѣ смерти подполковника Сигизмунда, командовалъ генералъ-маіоръ Брамъ—добрый, благороднѣйшій, но вовсе неспособный ни къ чему человѣкъ, и какъ только объявленъ былъ разрывъ, то вмѣсто Брамма отправленъ былъ изъ Кіева для управленія крѣпостями того края ген.-маіоръ Дидрихсъ и, не болѣе какъ за два дня до предписанія Дибича, получено было отъ Дидрихса описательное представленіе на счетъ положенія запасовъ и лафетовъ по всѣмъ крѣпостямъ, на которыя, въ свой проѣздъ, онъ взглянулъ на лету. Само по себѣ разумѣется, что донесеніе его не могло согласоваться во многомъ съ моею запиской и это заставило Н. Н. тотчасъ усумниться на счетъ вѣрности моихъ соображеній и онъ, тайкомъ отъ меня, поручилъ вовсе несвѣдущему столоначальнику, по донесенію Дидрихса, справясь однакоже съ департаментскими свѣдѣніями, исправить мою записку. Эта операція продолжалась болѣе 3-хъ недѣль, а между тѣмъ каждая почта приносила къ директору дополнительныя донесенія къ исправленію первыхъ, и моя

записка все болѣе и болѣе подтверждалась, такъ что чрезъ 3 недѣли она пошла въ первоначальномъ видѣ. Не знаю, остался ли Дибичъ благодарнымъ за ожиданіе. Здѣсь встаетъ разскажу, какъ у насъ вообще все скоро дѣлалось чрезъ переписку.

Начальникъ южнаго округа генераль-лейтенантъ Сиверсъ, тоже изъ опасенія разрыва, просилъ разрѣшенія о снабженіи разоруженныхъ береговъ Тамани и Фанагоріи, по примѣру прежнихъ турецкихъ войнъ. Департаментъ потребовалъ свѣдѣній отъ Оппермана, директора инженернаго департамента, — что нужно туда? Тотъ сослался на Грейга, которому въ 1815 или 1816 г. высочайше подчиненъ былъ комитетъ въ Севастополѣ о укрѣпленіи береговъ. Грейгъ отозвался, что онъ ничего не знаетъ, такъ какъ это дѣло относится собственно до инженернаго департамента, а онъ располагаетъ только берегами въ Севастополѣ! Переписка длилась и длилась, Тамань и Фанагорія во всю войну такъ и остались не вооруженными: счастье наше, что имѣли дѣло съ турками и хранились Божьимъ Промысломъ.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1828 года, я былъ командированъ вторично въ Одессу для закупки сѣры и открытія цѣны на свинець и на сей разъ отпущено мнѣ было 50,000 р. и, сверхъ того, предписано прежде ѣхать въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ производилась отправка разныхъ тяжестей въ Измаилъ. Этому новому порученію чрезвычайно обрадовались бывшіе мои товарищи, члены департамента, говоря, что въ прошломъ году, въ мирное время, на цѣнахъ удалось мнѣ выставить свое усердіе, каково-то будетъ теперь — когда открылась война! Прислушиваясь къ этимъ толкамъ, директоръ департамента предписалъ мнѣ, если цѣны будутъ высоки въ Одессѣ, ѣхать до Таганрога и гдѣ будетъ выгода, тамъ и произвести покупку. На словахъ разрѣшено мнѣ сѣру отправлять въ мѣшкахъ, а свинець дозволено купить испанскій.

Во время пути, на станціи Боровичи ожидали проѣзда государя. Его величество изволилъ прибыть на станцію, вмѣстѣ съ принцемъ Оранскимъ ¹⁾, часу въ 11-мъ утра, и оба вышли изъ коляски полусонные. За четверть часа до ихъ прибытія, пріѣхалъ

¹⁾ Вильгельмъ-Фридрихъ-Людвигъ, принцъ Оранскій, старшій сынъ Вильгельма I, короля нидерландскаго, род. въ 1792 г.

одинъ изъ генераль-адъютантовъ. Увидя, что нѣсколько чело-
вѣкъ ожидаютъ прибытія государя съ прошеніями, приказалъ
всѣмъ удалиться отъ подъѣзда, говоря, «что грѣхъ, на каждомъ
шагу, безпокоить государя и безъ того уже озабоченнаго!» но
я, какъ не проситель, остался на крыльцѣ. Государь, выйдя изъ
коляски, подошелъ ко мнѣ, удостоивъ вопросомъ «кто я? Куда
ѣду и зачѣмъ?» и сказавъ: «Я знаю васъ!» вошелъ въ покои.
Черезъ полчаса пріѣхалъ графъ Бенкендорфъ съ генераломъ
свиты принца Оранскаго, и, найдя меня, все еще стоявшаго на
крыльцѣ, спросилъ: «давно пріѣхалъ государь? и не подавалъ-ли
кто нибудь прошеній?» Я ему отвѣчалъ, что государь пріѣхалъ
съ полчаса, а прошеній никто не подавалъ, ибо всѣхъ проси-
телей заблаговременно удалилъ N. N. — «Напрасно! Какъ это
можно дѣлать! Государь такъ милостивъ ко всякому, что не тяго-
тится принимать прошенія никогда. Прошу васъ, соберите тѣхъ,
которые хотѣли подавать государю, я сейчасъ выйду и доложу
объ нихъ!»

За симъ, пробывъ съ четверть часа въ комнатахъ, возвратился
къ просителямъ, которымъ я успѣлъ передать слова графа, рас-
просилъ каждаго о предметѣ его прошенія, человѣкъ двухъ убѣ-
дилъ не затруднять государя, ибо ихъ просьбы были такого рода,
что подлежали разбору присутственныхъ мѣстъ и не перешли
еще аппеляціонныхъ своихъ инстанцій, но и тутъ присовокупилъ:
«Я вамъ совѣтую это, но дѣлайте какъ знаете!» и затѣмъ по-
шелъ докладывать.

Государь въ ту же почти минуту вышелъ на крыльцо, въ
сопровожденіи графа Бенкендорфа, принялъ благосклонно отъ
каждаго прошеніе и каждаго удостоилъ словомъ. Позади всѣхъ
просителей находился исправникъ, отставной маіоръ въ егер-
скомъ мундирѣ, мужчина вершковъ 12-ти росту. Когда подѣхалъ
N. N., онъ не думалъ подавать просьбы, по крайней мѣрѣ,
не видно было у него въ рукахъ никакой бумаги; но слыша мой
разговоръ съ графомъ Бенкендорфомъ, онъ пошелъ въ комнату
смотрителя и тамъ, на листѣ почтовой бумаги, написалъ нѣ-
сколько строкъ—и, въ свою очередь, подалъ прошеніе государю
при послужномъ своемъ спискѣ. Списокъ былъ написанъ на трехъ
листахъ. Государь принялъ записку и съ глубокимъ вниманіемъ

сталъ читать списокъ, что продолжалось минутъ съ 10, потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— «Знаешь, чего просить? — Ему мало 11-ти ранъ — хочеть непременно получить двѣнадцатую!» Затѣмъ, обратясь къ маіору, прибавилъ: «Вы приняты, милостивый государь».

Надо знать, что съ открытіемъ кампаніи противъ турокъ, столько подано было просьбъ—о принятіи на службу въ дѣйствующую армію, что послѣдовало запрещеніе о принятіи таковыхъ далѣе, а маіоръ вздумалъ попытаться лично просить государя о томъ-же. Отобѣдавъ у смотрителя станціи, государь отбылъ далѣе въ Могилеву.

Въ Каменецъ-Подольскѣ я открылъ секретъ дороговизны перевозки снарядовъ и вообще всѣхъ тяжестей за Днѣстръ. По домогательству окружнаго начальника Сигизмунда, торги на всѣ перевозки производились въ Каменцѣ, а подводы заготовлялись всегда въ Хотинѣ, за 25 верстъ отъ мѣста торговъ. Карантинъ не допускалъ съ той стороны къ торгамъ никого, а упрочившіеся подрядчики отбивали всѣми средствами мѣстныхъ торговцевъ, т. е. огромностью своихъ залоговъ, а гдѣ нужно—отступною платою, удерживали цѣны отъ Каменца до Измаила съ пуда по 4, 5 и 6-ти руб., сообразно чего и залогъ требовался въ такомъ размѣрѣ, слѣдовательно, мелкіе торговцы по неволѣ устранялись. Но когда явился ко мнѣ одинъ еврей и противу 4 р. 50 к. — цѣна, оставшаяся на торгахъ,—спросилъ 2 р. 50 к., то, не взирая на все домогательство присутствующихъ въ палатѣ и главныхъ подрядчиковъ, оспаривавшихъ малый залогъ сего торговца, я настоялъ о допущеніи его къ торгу и цѣна упала до 2 р. 40 к. съ пуда и хотя эта поставка осталась за главнымъ подрядчикомъ, но мелкому, какъ видно, была заплачена отступная сумма. Это заставило меня добраться до настоящей причины такого значительнаго пониженія и я узналъ, что тяжести довозятся до Хотина на мѣстныхъ подводахъ, съ платою отъ 8-ми до 10-ти коп. съ пуда, затѣмъ нагружаются на суда для перевозки на другой берегъ и тамъ уже перекалдываютъ на воловья подводы съ платою отъ 30 до 40 к. съ перегрузкою, такъ что вся доставка до Измаила стоила не болѣе 50 к. Вотъ какъ грабили казну!...

Въ Одессу я пріѣхалъ 24-го іюня. Для исполненія коммисіи своей, прежде всего обратился къ Ризничу, продавшему мнѣ въ

первый раз сѣру. Безъ дальнѣйшихъ запросовъ, онъ предложилъ мнѣ, не взирая на военное время, отдать свой товаръ за прежнюю цѣну и на тѣхъ же условіяхъ, т. е., если возьму все, то по 2, а если известное количество, — то по 2 р. 90 к. за пудъ. Мнѣ же приказано было купить только 5 т. пудовъ. Чумаки явились ко мнѣ сами и на этотъ разъ сѣра, съ доставкой на заводъ, обошлась казнѣ 3 р. 90 к. пудъ. О свинцѣ же онъ, Ризничъ, совѣтовалъ мнѣ не обращаться отъ себя прямо къ продавцамъ, ибо цѣна, до прибытія моего объявленная по преисъ-куранту 6 р., тотчасъ возвысилась до 7 р. 50 к., какъ только узнали о моемъ прибытіи, а потому Ризничъ ручался, что если я уѣду не показавши виду, что покупаю свинецъ, то онъ беретъ все количество купить для казны за 6 р., и, пожалуй, еще 50 коп. дешевле за пудъ; но требовалъ, чтобы этого никто бы не зналъ въ Одессѣ, кромѣ насъ двухъ. Обстоятельство это я почелъ долгомъ сообщить директору департамента, предложивъ мой совѣтъ снести секретно съ Ризничемъ чрезъ графа Воронцова, а самъ поспѣшилъ выѣхать. Но въ день, предназначенный къ выѣзду, къ удивленію моему, получаю отъ генерала секретное предписаніе, окончивъ дѣла въ Одессѣ, заѣхать въ Кинбурнъ и тамъ, подъ рукою, узнать—по какимъ цѣнамъ куплено начальникомъ крѣпостнаго штата нѣсколько бревенъ (бу-квально), ибо цѣны слишкомъ высоки, и если дознано будетъ, что за нихъ заплачено дешевле, тогда только произвести формальное слѣдствіе.

Я уже нѣсколько разъ повторялъ, какъ для меня были всегда несносны подобныя порученія, а потому я рѣшился, не исполняя настоящаго, ѣхать прямо въ Петербургъ, и это было поводомъ гнѣва на меня директора, который, получа отзывъ мой до моего возвращенія, велѣлъ написать ко мнѣ строгое вторичное предписаніе, съ угрозою объ исполненіи перваго, а нарочно—вернуть меня съ дороги. Но послѣ, вѣроятно, опомнясь, приказалъ курьеру, если и встрѣтитъ меня, не показывая вида, что есть ко мнѣ предписаніе, вернуться объявить, что разѣхался со мной. Курьера я встрѣтилъ около Великихъ Лукъ. Свинца куплено 5 т. пуд. по 10 р. пудъ не чрезъ Воронцова и Ризнича, а чрезъ начальника одесской артиллеріи, Гриневича.

Чрезъ 3 дня послѣ послѣдняго возвращенія моего изъ Одессы, принесли ко мнѣ предписаніе, подорожную и 2 т. р. денегъ на

прогоны—и въ предписаніи сказано «чтобы я сейчасъ же отпра- влялся!» Настоящее порученіе основано было на полной довѣ- ренности ко мнѣ и хотя предписаніе было отъ директора, но на каждой страницѣ повторялось: «что сіе дѣлается по волѣ това- рища начальника штаба графа Чернышева, которому прямо обо всемъ доносить и по возвращеніи къ нему тотчасъ явиться». Поручалось же мнѣ обзрѣть запасы артиллерійскіе въ Кіевѣ, въ Каменцѣ, въ Тирасполѣ и въ Измаилѣ. Во всѣхъ сихъ мѣстахъ повѣрить сдѣланные департаментомъ распоряженія въ ихъ испол- неніи, и такъ какъ могло случиться, что нѣкоторые распоряженія послѣдовали не по точному направленію, основанному всегда на донесеніяхъ мѣстныхъ начальниковъ, то мнѣ дозволялось, по усмотрѣнію, измѣнить оныя именемъ графа Чернышева, донося лишь о томъ ему, чрезъ эстафету. Сверхъ того, кіевскій военный губернаторъ Желтухинъ жаловался Чернышеву на состояв- шаго при великомъ князѣ генераль-маіора Арнольди, что онъ сильно прижимаетъ при приѣмѣ изъ гражданскаго вѣдомства воловъ подъ осадную артиллерію. На этомъ донесеніи написано было рукой графа: «разобрать полковнику Жиркевичу, когда будетъ въ Кіевѣ». Однимъ словомъ, порученіе важное и лестное для меня....

Приѣхавши въ Кіевъ, прежде всего почелъ долгомъ явиться къ Желтухину и къ Арнольди, въ самомъ пылу ихъ враждебнаго другъ къ другу расположенія, а потомъ къ завѣдовавшему округомъ генераль-маіору Потапову. Повѣряя въ Кіевѣ сдѣ- ланныя департаментомъ распоряженія, нашель, что во всемъ дѣй- ствовала чистая справедливость и истинное усердіе. Только въ приготовленіи патроновъ для арміи, коихъ приказано было при- готовить до 8 милліоновъ, работа шла медленно. Артиллерійское начальство въ семъ отношеніи находилось въ полной зависимости отъ армейскаго; рабочіе присылались каждый день перемѣнные, приходили поздно, обѣдать ходили на дальнія квартиры и всѣ работы оканчивали рано, такъ что въ день выдѣлывалось не болѣе какъ отъ 14 т. до 18 т. патроновъ. Употребя предостав- ленное мнѣ право Чернышевымъ — дѣйствовать его именемъ, эту часть я повернулъ какъ слѣдуетъ. Назначили постоянную команду, которая и ночевала въ крѣпости, пищу начали варить тамъ же, слѣдовательно, въ нѣсколько дней люди съ этой работой

свыклись, пошло усги́шнѣе, на работу выходили рано, обанчивали позднѣе, такъ что работа учетверилась, начали выдѣлывать до 60 т., потомъ до 80 т. и даже дошло до 100 т. патроновъ въ сутки.

По приѣздѣ въ Кіевъ, я, не теряя минуты, отправился въ Печерскую лавру и потомъ посѣтилъ пещеры. Не смотря на самое искреннее благоговѣніе къ святости мѣста, обращеніе монаховъ съ мощами св. угодниковъ нѣсколько охладило во мнѣ рвеніе; еще болѣе къ тому способствовало одно необычайное происшествіе, случившееся при мнѣ.

Одинъ монахъ Соловецкаго монастыря, во время поклоненія мощамъ, бритвой отрѣзалъ руку у мощей св. Варфоломѣя и когда послѣдующая партія поклонниковъ, въ которой находился я, настигла партію, гдѣ былъ этотъ монахъ, то онъ, будучи замѣченъ кѣмъ-то въ этомъ святотатствѣ, вынулъ оную часть на вучу навоза, а самъ бросился бѣжать, но его тутъ-же арестовали; это надѣлало большого шума.

Донесеніе губернатору о семъ происшествіи пришло въ то время, когда я у него обѣдалъ, и тутъ стали разсуждать, какъ принять это обстоятельство—силою вѣры и желаніемъ приобрѣсти святыню, или изъ корыстолюбивыхъ цѣлей. Къ несчастію, послѣднее оказалось справедливѣе, ибо въ квартирѣ его было найдено много ящичковъ, съ надписями на каждой частей мощей разныхъ угодниковъ, для чего и хотѣлъ дробить святотатственно отторгнутую часть отъ св. Варфоломѣя. Сообщницей въ этомъ дѣлѣ оказалась одна вдова, подполковница, въ домѣ которой квартировалъ монахъ.

Въ Кіевѣ я пробылъ 2 недѣли, въ Каменцѣ 5 дней, въ Тирасполѣ 2 дня и въ Измаилѣ недѣлю и долженъ отдать полную справедливость, что стараніе мѣстныхъ начальниковъ всюду было истинное.

Правильность дѣйствій мѣстныхъ артиллерійскихъ начальниковъ, не отымая заслуженной похвалы отъ Потапова и Дидрикса, дѣйствовавшихъ всегда добросовѣстно, я отношу къ тому, что главное артиллерійское начальство—великій князь и его начальники штаба—были, такъ сказать, подъ бокомъ — на границѣ Турціи.

Окончивъ разсказъ о моихъ двукратныхъ страданіяхъ по департаменту, коснусь нѣкоторыхъ случаевъ частныхъ за это время и за бытность мою въ Москвѣ, при депо.

XX.

Встрѣча и возобновленіе знакомства съ семействомъ графини Чернышевой.—
Никита Муравьевъ.—Его виды на меня.—Предложеніе графини Чернышевой.—
14-е декабря.

1823—1825 гг.

Скоро по приѣздѣ моемъ въ Петербургъ, въ 1823 году, я встрѣтилъ въ Сергіевскомъ соборѣ, что на Литейной, графиню Чернышеву съ дочерьми, изъ коихъ вторая была уже замужемъ за Никитой Муравьевымъ, главнымъ изъ участниковъ заговора 14-го декабря 1825 г. Графиня ни за что не хотѣла отпустить меня, посадила съ собой въ карету, заѣхала за женой—и домъ ихъ сдѣлался для насъ, по расположенію, самымъ близкимъ. родственнымъ. Въ недѣлю мы уже обязаны были 3 раза обѣдать, а вечера жена всѣ проводила у нихъ, такъ какъ я, по службѣ своей, это время сидѣлъ въ департаментѣ. Послѣ наводненія въ 1824 г., жена моя во время похоронъ генерала Уварова простудилась и занемогла, графиня почти поселилась у постели больной, ни на минуту не покидая ея, а графъ безпрестанно присылалъ разныя кушанья для укрѣпленія больной, имъ самимъ приготовленныя. Муравьева очень часто приѣзжала къ намъ, а съ мужемъ ея мы обмѣнялись визитами; весьма замѣтно было, въ началѣ, при частыхъ нашихъ встрѣчахъ въ домѣ Чернышевыхъ, что онъ хотѣлъ со мной сблизиться, но выражаемая мной не разъ преданность графу Араччеву, о которомъ я всегда судилъ различно, чѣмъ онъ, и защищала его намѣренія — удерживала его отъ дальнѣйшихъ попытокъ....

Осенью 1825 года, Чернышевы выѣхали въ деревню и послѣ того я уже видѣлъ бѣдную графиню, убитую несчастіемъ и горемъ—участіемъ въ заговорѣ сына и зятя ея и смертью мужа. Но и тутъ она не покидала меня своимъ участіемъ, уговаривала оставить неблагоприятную службу, идти къ ней управителемъ ея имѣній съ жалованьемъ 10 т. р.

Въ бытность мою на службѣ въ Петербургѣ, умеръ Карлъ Карловичъ Таубе, бывший мой бригадный командиръ по гвардіи, и, какъ я слышалъ, отъ излишняго своего рвенія къ службѣ—на какомъ-то ученіи онъ такъ кричалъ, сердился, что, возвратясь

домой, у него разлилась желчь и открылась сильная горячка, которая въ 5 дней свела его въ могилу.

Въ 1825 году, по полученіи извѣстія о кончинѣ государя Александра Павловича, мы присягнули Константину Павловичу, но, 13-го декабря утромъ, зашелъ ко мнѣ чиновникъ и по секрету объявилъ, что есть уже манифестъ объ отреченіи Константина и о вступленіи на престолъ Николая Павловича. Но все это онъ передавалъ мнѣ какъ слухъ, а потому я ему приказалъ молчать. 14-го же по утру, пришедши въ департаментъ, нашелъ я собравшихся въ кучкѣ въ большомъ смущеніи и переговаривающихся шепотомъ вице-директора Гогеля и другихъ начальниковъ отдѣленій. По нерасположенію ко мнѣ, съ моимъ появленіемъ всѣ замолчали и всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, а чрезъ полчаса секретарь принесъ мнѣ прочесть манифестъ и пригласилъ идти вновь присягать въ соборѣ. Исполнивъ сей обрядъ, въ 4 часа я возвратился домой обѣдать. Послѣ обѣда жена и сестра ея Варвара Ивановна поѣхали въ баню и возвратившись рассказывали мнѣ, что ихъ чуть-чуть не задавили зарядные ящики, которые неслись по Захарьевской улицѣ ко дворцу. Не подозрѣвая ничего, вечеръ мы провели покойно, но часу въ 12-мъ ночи разбудила насъ сестра Варвара Ивановна и рассказала намъ, что сейчасъ къ ней приходилъ, нанимавшій у насъ 2 комнаты, дѣварь артиллерійскаго госпиталя англичанинъ Стинъ, который только-что возвратился съ дворцовой площади, гдѣ былъ свидѣтелемъ бунта и дѣйствующимъ лицомъ—перевязывая раны. Поговоривши объ этомъ неожиданномъ для насъ событіи, мы разошлись и благополучно проспали до слѣдующаго утра, а по утру, когда пошелъ въ департаментъ, увидѣлъosome караулы въ арсеналѣ, а по угламъ улицъ многихъ адъютантовъ и другихъ чиновниковъ, съ смущенными лицами. Въ департаментѣ услышалъ уже рассказъ о возмущеніи 14-го декабря. По выходѣ поѣхалъ на мѣсто побоища, но, кромѣ слѣдовъ разложенныхъ огней, нѣсколькихъ разбитыхъ стеколъ въ сенатѣ и слѣдовъ на стѣнахъ отъ картечныхъ пуль,—ничего болѣе не видалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ ВИТВЕРГЪ.

Академикъ, строитель храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Род. 1787, † 1855 г.

II ¹⁾.

Генераль-адъютанту Стрекалову, съ ноября 1826 г. производившему, по высочайшему повелѣнію, слѣдствіе по жалобѣ отставнаго гвардіи капитана Яковлева на комиссію сооруженія храма ²⁾, повелѣно было изслѣдовать весь ходъ дѣлъ этой комиссіи.

Витбергъ принужденъ былъ давать формальные отвѣты на запросы слѣдователя. Какъ много при этомъ пришлось ему писать, можно судить изъ одной тетради его показаній, дошедшей до насъ: она состоитъ изъ восьмидесяти страницъ, въ листъ, мелкаго убористаго письма руки Витберга. Показанія эти писались, какъ видно изъ его отмѣтокъ, съ 18-го іюля по 17-е августа 1827 г.

Но весь этотъ трудъ былъ совершенно напрасенъ: слѣдователь всецѣло стоялъ на сторонѣ противниковъ Витберга.

— „Могъ-ли государь императоръ, замѣчаетъ Александръ Лаврентьевичъ въ одномъ изъ имѣющихся у насъ черновыхъ его набросковъ: могъ ли получить вѣрное свѣдѣніе о дѣлахъ комиссіи и въ особенности о дѣйствіяхъ моихъ, когда эти свѣдѣнія доходили до его величества чрезъ Кушника и когда самъ изслѣдователь г. Стрекаловъ собиралъ ихъ чрезъ тайное посредство Маслова, не говоря уже объ отзывавъ кн. Дмитрія Владиміровича Голицына и Филарета.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 109—126.

²⁾ Жалоба И. А. Яковлева, столь извѣстнаго читателямъ «Русской Старины» по Воспоминаніямъ Т. П. Пассекъ, состояла въ томъ, что каменоломный подрядчикъ (Балкашинъ) самовольно открылъ на его земляхъ ломку камня, чѣмъ нанесъ ему большіе убытки.

„Послѣ того удивительно-ли, что государь долженъ понимать меня съ дурной стороны, и что истина о дѣлахъ храма отъ него совершенно сокрыта.

„Ревизія Стрекалова продолжалась два мѣсяца, въ которое время онъ самъ лично былъ въ комисіи только одинъ разъ, а его секретарь Василій Васильевичъ Погодинъ, вмѣстѣ съ совѣтниками, занимался вечерами до полуночи безъ моего присутствія.

„Слѣдствіе по жалобѣ отставнаго гвардіи капитана Яковлева не состоялось безъ вліянія Маслова“.

Въ одной изъ черновыхъ бумагъ своихъ Витбергъ говоритъ: „объясненіе совѣтниковъ пущено было въ ходъ, а мое задержано; но я препроводилъ, куда слѣдовало, копію съ моего объясненія, что и послужило къ правильному разсмотрѣнію дѣла, по которому, рѣшеніемъ сената, подверглись подсудимости не только совѣтники, но и первенствующие члены, которые избавлены отъ оной только по званію своему, а за ними проскользнули и дѣйствовавшіе виновники“.

Для разсмотрѣнія ревизіи Стрекалова былъ высочайше учрежденъ комитетъ. Результатомъ продолжительныхъ работъ комитета было уже упомянутое выше высочайшее повелѣніе, 16-го апрѣля 1827 г., о закрытіи комисіи сооруженія храма во имя Христа Спасителя, а вслѣдъ за тѣмъ объ отдачѣ членовъ комисіи подъ судъ московской уголовной палаты.

Въ 1827 году присланы были изъ государственнаго контроля два чиновника: надворный совѣтникъ Соколовъ и титулярный совѣтникъ Флавицкій для повѣрки отчетовъ комисіи. Въ чемъ состояли начеты, выведенные этими чиновниками на Витберга и прочихъ чиновниковъ комисіи сооруженія храма, и въ какой степени справедливы эти начеты,—матеріаломъ для сужденія объ этомъ можетъ служить записка Аркадія Павловича Руничъ. Одинъ изъ подсудимыхъ по этому же дѣлу, онъ на четвертый годъ своего заточенія подалъ громадную записку, сущность которой состоитъ въ слѣдующемъ:

Чиновники контроля, принявъ въ соображеніе только догадки и предположенія, пишетъ Аркадій Руничъ, начли до 900 тысячъ руб. слѣдующихъ разнаго рода растратъ и передачъ во вредъ казны:

1) По имѣнію г-жи Власовой, купленному директоромъ Витбергомъ въ вѣдомство комисіи, передано 228,900 руб.; передача эта выведена изъ того, что, когда-то, нѣкто Горяиновъ давалъ за помянутое имѣніе менѣе той цѣны, по которой оно куплено Витбергомъ и на которую Власова была согласна.

2) По покупкѣ Витбергомъ у купца Лобанова рощи передано 90

тыс. руб. Эта передача выведена изъ того, что Лобановъ купилъ рошу у прежняго владѣльца за 100 тыс. руб., а продалъ Витбергу за 190 тыс. руб.

Отъ покупки же Витбергомъ этой роши оказалось, въ совокупности, со всѣхъ десятинъ до 500 тыс. руб. выгоды для казны, противъ существовавшихъ справочныхъ цѣнъ въ 1822 году.

3) По покупкѣ у купца Лобанова вдвойнѣ ста десятинъ лѣса—60 тыс. руб.; при этомъ не обратили вниманія на то, что Витбергъ купилъ рошу безъ земли, а поштучно, по 1,182 бревна известнаго размѣра съ десятины, а до покупки еще роши купилъ у него же, Лобанова, на 40 тыс. руб. лѣснаго матеріала, который въ послѣдствіи введенъ былъ, по расчету, въ общую сложность проданныхъ въ рошѣ десятинъ.

Покупка этихъ ста десятинъ состоялась по представленію директора Витберга и опредѣленію комисіи, подписанному главными первенствующими членами: митрополитомъ Филаретомъ, московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, а также сенаторомъ Кушниковымъ. Въ подписаніи участвовали совѣтникъ Руничъ и Масловъ, осужденію же подвергся только одинъ Руничъ.

Къ убѣжденію въ несостоятельности такого заключенія довольно представить, что комитетъ, учрежденный по дѣламъ бывшей комисіи подъ предсѣдательствомъ князя Юсупова, имѣвшій въ виду и донесенія генераль-адъютанта Стрекалова и вычисленія чиновниковъ контроля, не только что не нашелъ ни ущерба, ни передачи, но сдѣлалъ окончательный расчетъ съ Лобановымъ, отдавъ ему въ замѣнъ причитавшейся суммы болѣе нежели на 100 тыс. руб. лѣснаго матеріала и, сверхъ того, 2,000 руб. деньгами.

4) Отъ продажи лѣснаго матеріала по распоряженію комитета и оцѣнкѣ присяжныхъ цѣновщиковъ—153,766 р. 88 коп. Между тѣмъ, тотъ же комитетъ, подъ предсѣдательствомъ князя Юсупова, выдалъ купцу Лобанову тотъ же самый матеріалъ рубль за рубль. Гдѣ же ущербъ?

5) По постройкамъ директора Витберга на Воробьевыхъ горахъ, противу цѣнъ въ кремлевской экспедиціи,—83 тыс. руб. Витбергъ производилъ свои строенія въ 1821 и 1822 гг.,—можно-ли же было примѣнять ихъ къ деревянному строенію, строенному за 6 или за 7 лѣтъ до того?

6) По построенію Витбергомъ барокъ передано 131,118 руб. 75 коп. На построеніе барокъ производились въ комисіи узаконенные торги. Противъ цѣнъ, состоявшихся на этихъ торгахъ, Витбергъ снесъ по 500 руб. съ барки, поэтому и было предоставлено ему построе-

ніе барокъ. Передача же выведена была изъ того, что барка одного судопромышленника обошлась тысячью рублями дешевле противъ барокъ Витберга. Судопромышленникъ же, на котораго контролеры сослались, былъ Балкашинъ, врагъ Витберга, который, по недоброжелательству къ нему, могъ составить еще дешевѣйшій расчетъ, нежели имъ представленный и никакими доводами не подтвержденный.

7) Отъ обжога извести, которой бочка обошлась въ 67 руб., 41,167 руб. 50 коп. Къ этой оцѣнкѣ контролеры приняли въ основаніе дровяницу, которая употреблялась для обжога. По представленнымъ же Руничемъ объясненіямъ и вслѣдствіе того собраннымъ уголовною палатой свѣдѣніямъ, открылось, что бочка извести, тою же дровяницею обозженная, стояла не съ большимъ 6 руб. Разцѣнка была сдѣлана произвольная, однимъ лицомъ, общимъ присутствіемъ не утвержденная, тѣмъ не менѣе, признана законною, и по ней выведена несбыточная цѣна извести и происшедшій оттого ущербъ казнѣ.

8) Отъ желѣзнаго матеріала и желѣзныхъ инструментовъ, ущербъ выведенъ 40,259 р. 1 $\frac{1}{2}$ коп., по оцѣнкѣ вольныхъ торговцевъ и по вычисленіямъ комитета, находившагося подъ предсѣдательствомъ князя Юсупова. При этомъ контрольные чиновники сами сознались, что цѣны желѣзнаго матеріала не превышаютъ справочныхъ цѣнъ. Инструменты же, бывшіе въ употребленіи отъ 6 до 7 лѣтъ, не могли уже стоить того, что стояли въ прежнемъ состояніи.

Ревизія представлена была прямо на высочайшее вниманіе государя императора (на турецкую границу, гдѣ тогда находился государь), помимо мнѣнія государственнаго контролера и представленія онаго сенату.

Вопреки законовъ, контролеры, скрывая дѣйствительныя выгоды, какъ-то: по покупкѣ имѣній, по заготовленію лѣса, по строенію барокъ и проч., вывели, напротивъ, мнимые убытки изъ сравненія цѣнъ не съ цѣнами справочными, какъ для ревизіи 'узаконено, а съ цѣнами, которыя постановили, неизвѣстно гдѣмъ приглашенные и кто такіе, — названные вольные торговцы.

Пока производилось дѣло надъ чиновниками бывшей комисіи строенія храма, имѣнія ихъ взяты были въ секвестръ. Указъ объ этомъ вышелъ въ 1828 году, и въ немъ поименованы слѣдующія лица: директоръ надворный совѣтникъ Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ; совѣтникъ комисіи кол. совѣт. Аркадій Павловичъ Руничъ; правитель канцеляріи коллежскій совѣтникъ Ипполитъ Ивановичъ Канарскій; надворный совѣтникъ Никаноръ Николаевичъ Балкашинъ; канцеляристъ Иванъ Ѳедоровичъ Германъ и поставщикъ матеріаловъ московскій купецъ Иванъ Дмитріевичъ Лобановъ. Дѣло это

тянулось около десяти лѣтъ, и окончено было въ 1835 году. Всѣ лица, бывшія подъ судомъ, въ томъ числѣ и Витбергъ, признаны виновными „въ злоупотребленіяхъ и противозаконныхъ дѣйствіяхъ въ ущербъ казны“.

Въ вознагражденіе таковыхъ ущербовъ, исчисленныхъ до 580,000 р., описаны были имѣнія подсудимыхъ; сверхъ того, Витбергъ, хотя и признанъ отчасти подлежащимъ прощенію по манифесту 22-го августа 1826 года, но сосланъ, въ томъ же 1835 году, въ Вятку¹⁾.

Рѣшеніе дѣла было для Витберга тяжелымъ ударомъ, тѣмъ сильнѣйшимъ, что онъ его не ожидалъ. Художникъ-идеалистъ твердо вѣровалъ, что онъ будетъ не только что оправданъ, но даже награжденъ за ревностную службу.

— „Чувство, одушевлявшее меня для великаго памятника отечества“, пишетъ онъ въ одной изъ своихъ записокъ, — „правота дѣйствій и немаловажная польза, принесенная мною казнѣ, не допускали сомнѣваться въ строгой справедливости изслѣдованія дѣла комисіи, и я, съ величайшимъ сожоготверженіемъ вынося тяжкое, долговременное испытаніе, ожидалъ, что съ обнаруженіемъ истины предъ престоломъ монаршимъ не только что будетъ очищена честь моя, но возвращена задержанная моя собственность, а за понесенныя обиды и страданія—удостоюсь высочайшаго вознагражденія“.

Витбергъ не могъ себѣ представить, чтобы человѣкъ правый и честный могъ пострадать единственно по прояскамъ своихъ враговъ; но жизнь дала ему тяжелый урокъ. Въ его черновыхъ бумагахъ есть много отрывковъ на эту тему. „Виновный“, пишетъ онъ въ одномъ отрывкѣ, — „боясь наказанія если дѣла его обнаружатся, беретъ свои мѣры предосторожности, и черезъ средства, безсовѣстно нажитыя, имѣя связи, кулленыхъ друзей, заступниковъ, ходатаевъ даже предъ престоломъ—не только что не подвергается отвѣтственности и наказанію, но получаетъ награды и отличія. Невинный же, исполняющій свои обязанности по совѣсти, чести и правдѣ, посвящая всѣ дни свои и всего себя на службу царя и отечества, безкорыстно и самоотверженно принося дарованіе ко славл отечества, этотъ невинный, одушевленный правдою, ожидаетъ отъ правительства защиту противъ неправды и клеветы. Вотъ этотъ и есть несчастнѣйшій страдалецъ, ибо, не имѣя купленныъ друзей, связей и проч., онъ не имѣетъ и за-

¹⁾ Денежное взыскаііе, наложенное на членовъ, далеко не покрывлось продажей ихъ имуществъ. Въ 1841 году на осужденныхъ: Витбергъ, Руничъ и другихъ состояло казенной недоимки 167,830 р.; недоимка эта сложена со счетовъ казны по манифесту 16-го апрѣля 1841 года.

стунниковъ—и онъ-то и будетъ обвиненъ, осужденъ, лишенъ даже насущнаго хлѣба,—вотъ это самое и есть мое положеніе“.

— „Для сокрытія преступленія, неправды“,—читаемъ въ другомъ отрывкѣ,—„принесена въ жертву правда, разорено до основанія семейство невиннаго“.

— „Но уже все пропало! день протекъ и ночь развѣваетъ надо мною свои темныя ризы... я слышу глухой ропотъ грозящихъ волнъ на бурномъ океанѣ жизни... о, божественное Провидѣніе, будь мой вождь и кормчій! направь и проведи мой утлый челнъ посреди толь многихъ скаль и камней подводныхъ, меня окружающихъ, да возмогу я, по трудномъ плаваніи моемъ, достигнуть до пристани вѣчнаго спасенія. Аминь!!!“

Единственно въ чемъ Витбергъ нашелъ опору въ своемъ несчастіи, это вѣра въ Провидѣніе, сознаніе своей правоты, сознаніе, что онъ вышелъ чистъ изъ погубившей его борьбы, что онъ пострадалъ за правду.

— „Если бы страданіе за правду“, писалъ онъ,—„не заключало въ себѣ нѣкоего внутренняго утѣшенія и отрады, то, угнетенный долговременными преслѣдованіями враговъ своихъ страдалецъ не вынесъ бы испытанія, превышающаго всѣ естественныя силы“.

Тяжесть положенія Витберга увеличивалась утратами: за три года до своего осужденія, онъ лишился горячо любимой жены Елисаветы Васильевны: она умерла въ 1831 году. Въ 1834 г. скончался его отецъ Лаврентій Самойловичъ. Витбергъ тосковалъ, дѣти остались почти безъ присмотра, поэтому, въ 1834 году, онъ вновь женился, именно на бѣдной дѣвушкѣ Авдотѣ Викторовнѣ Пузыревской. Вскорѣ послѣ женитьбы, онъ высланъ былъ на жительство въ Вятку. Собравшись наскоро, захвативъ съ собою свой проектъ, свои бумаги, онъ отправился въ ссылку одинъ; семейство его, состоявшее изъ жены, двухъ дочерей и двухъ сыновей, пріѣхало къ нему спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

1835 года, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, бывший строитель храма Христа Спасителя прибылъ на мѣсто своего изгнанія.

III.

Пріѣздъ Витберга въ Вятку произвелъ тамъ сильное впечатлѣніе. При появленіи его на улицахъ, прохожіе останавливались и съ любопытствомъ осматривали его. Купцы, сидѣльцы, бросали лавки и выбѣгали посмотрѣть на знаменитаго ссыльнаго.

Въ Вяткѣ Витбергъ повелъ жизнь самую уединенную, терпѣлъ сильную нужду и никому не жаловался на свою участь, и долго не

теряя надежды оправдаться и возстановить свое честное имя. Передъ отъѣздомъ въ Вятку, онъ послалъ въ комиссію прошеній всеподданнѣйшую просьбу о пересмотрѣ дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ, какъ видно изъ сохранившихся отрывковъ, къ одному изъ высокопоставленныхъ лицъ:

— „Ежели художникъ, пожертвовавшій всѣмъ для исполненія мысли высокой, ежели человекъ, за ревностную службу престолу гонимый, ежели отецъ семейства, наконецъ, у котораго исторгается послѣдній кусокъ хлѣба, достоинъ, чтобы ваша свѣтлость обратили на него вниманіе, то доведите мою просьбу до свѣдѣнія монарха, котораго высокому сердцу радостно будетъ вознаградить долги страданія невиннаго, и къ которому мнѣ заграждаютъ путь враги мои, и я, отецъ семейства, обремененный долгами, имѣвшій всѣ средства обогащенія, принесшій большія выгоды ~~дѣлу~~ (которыя признаны), остаюсь безъ хлѣба; не достаточное-ли это право утруждать вашу свѣтлость! Увѣренъ, что моя просьба найдетъ отголосокъ въ вашемъ сердцѣ, и потому не продолжаю“.

Отвѣтъ на эту просьбу Витбергъ получилъ въ Вяткѣ, черезъ канцелярію гражданскаго губернатора. Отвѣтъ былъ отрицательный: прошеніе его, „за несоблюденіемъ формы, предписанной § 16 положенія о комиссіи прошеній, оставлено безъ дѣйствія, тѣмъ болѣе, что и по содержанію своему, какъ принесенное на высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, оно не могло подлежать разсмотрѣнію комиссіи“.

Отвѣтъ этотъ заставилъ Витберга покориться печальной судьбѣ и отложить въ сторону свои надежды на оправданіе. Но вѣра въ людскую справедливость въ немъ была такъ велика, что онъ не бросалъ совсѣмъ своихъ надеждъ, и долго не хотѣлъ вѣрить, что дѣло его окончательно проиграно. Онъ даже надѣялся современемъ видѣть свой проектъ осуществленнымъ, и съ неостывавшей любовью продолжалъ заниматься его обработкой.

Средства къ жизни остались у Витберга самыя скудныя.

Но если матеріальная сторона жизни Витберга-изгнанника была очень печальна, за то, со стороны духовной, онъ совершенно неожиданно нашелъ поддержку въ дружбѣ одного весьма образованнаго молодого человека, также какъ и онъ, невольнаго обитателя Вятки.

23-го ноября 1835 г. они встрѣтились на одномъ вечерѣ, обмѣнялись взглядами и убѣжденіями и съ тѣхъ поръ будущіе друзья сблизились. Съ горячностію истинно вѣрующаго, Витбергъ высказывалъ другу свои задушевные мысли и убѣжденія. Пораженный глубоко-религіозными, строгими воззрѣніями Витберга, его твердостью въ несчастіи, непоко-

любимой вѣрой въ Провидѣніе, N. N. привязался къ нему всей душой. До пріѣзда семейства Витберга они поселились въ одномъ домѣ, и стали проводить цѣлыя дни въ оживленныхъ, нескончаемыхъ бесѣдахъ. Бесѣды Витберга произвели на его молодаго друга сильное впечатлѣніе. Сила вѣры и религіознаго убѣжденія, строгая догматическая рѣчь, увлекли и покорили N. N. религіозному вліянію на нѣкоторое время.

До какой степени были глубоки чувства любви и уваженія, возбужденныя къ себѣ Витбергомъ въ душѣ молодаго человѣка, всего лучше видно изъ его писемъ къ Александру Лаврентьевичу; письма эти любопытны какъ свидѣтельство нравственной силы Витберга.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ отвѣтовъ Витберга на эти письма; поэтому, только по нѣкоторымъ намекамъ N. N. можемъ догадываться о ихъ содержаніи.

5-го февраля 1836 г., другъ Витберга писалъ изъ Вятки его женѣ, не прибывшей еще туда.

„Милостивая государыня, Авдотья Викторовна!

„Вы были такъ добры, что изъявили желаніе, чтобы я, и по пріѣздѣ вашемъ въ Вятку, жилъ вмѣстѣ съ Александромъ Лаврентьевичемъ; это даетъ мнѣ право, не имѣя чести лично васъ знать, обратиться къ вамъ съ моею благодарностію. Единство несчастія сначала сблизило насъ; потомъ когда я ближе узналъ достоинства Александра Лаврентьевича, о которыхъ нужно ли вамъ говорить, — чувство искреннѣйшаго уваженія еще болѣе соединило меня съ нимъ. Вы повторили въ вашемъ письмѣ мои слова изъ письма къ батюшкѣ, что пріѣздъ Александра Лаврентьевича сдѣлалъ мнѣ въ половину легче ссылку. Вы видите, что не лесть заставила меня говорить это. Ежели бы вашъ пріѣздъ долженствовалъ насъ разлучить, это было бы грустно для меня, это была бы другая ссылка.

„Теперь вы видите сколь много обрадовало меня ваше согласіе. Благодарю душевно!

„Позвольте мнѣ письменно и самому рекомендовать себя въ ваше благорасположеніе. Правъ на оное я никакихъ не имѣю, кромѣ несчастій; съ которыми такъ рано ознакомился“, и проч.

Увлеченіе нравственною личностію Витберга молодой другъ его передалъ своей невѣстѣ, жившей въ Москвѣ, откуда та писала Витбергу, въ декабрѣ 1837 г., слѣдующее:

«Александръ Лаврентьевичъ! Не приличіе свѣта заставляетъ меня писать къ вамъ, а безпредѣльное уваженіе, которое внушаетъ величіе ваше, и благодарность, какую только можетъ вмѣстить моя душа. За все то, что вы дали Александру, одинъ Богъ можетъ вамъ воздать. Что было-бы съ изнуреннымъ, больнымъ изгнанникомъ въ мертвой пустынѣ! въ васъ онъ нашелъ все. Можетъ

быть, несчастіе подавило бы его. Вы собственнымъ примѣромъ доказали, что страданіе есть лѣстница, ведущая къ совершенству, къ блаженству высочайшему. Вы, какъ солнце, животворили его своими лучами, взлѣгали, возростили его душу. Да благословить васъ Провидѣніе.

Сколько разъ слезами восторга были облиты письма, въ которыхъ онъ писалъ о васъ! какъ онъ благодарилъ Бога за встрѣчу съ посланникомъ Его измѣрьте же мою благодарность, мою молитву.

До конца жизни вы будете первымъ въ воспоминаніяхъ нашихъ. При малѣйшей возможности, я перейду тысячи верстъ, чтобъ пожать ту руку, которая на бумагѣ одушевила черты Александра, которая сохранила его. Счастливымъ, священнымъ будетъ тотъ день, въ который я увижу Великаго—безъ него жизнь моя будетъ неполна, несовершенна.

Вы смотрите на душу прямо, вамъ знакомъ ея голосъ, и потому я увѣрена, что вы не сочтете слова мои пустыми.

Наташа».

Въ концѣ 1837 г. положеніе молодого друга Витберга географически улучшилось—его перевели во Владиміръ. Все семейство Витберга, переселившееся въ Вятку, провожало Александра до станціи бахты, простилось съ нимъ со слезами и надолго.

<1-го января 1838 г.—Нижній-Новгородъ.

„... Поздравляю васъ, Александръ Лаврентьевичъ, съ новымъ годомъ—какъ-то вы провели его? Я—одиноко въ гостинницѣ, съ вѣчной одной мечтой и временами съ вами, заливая виномъ слезу горячую. Наша встрѣча была важна. Вы были *Виргилій*, взявшійся вести Данта, сбившагося съ дороги. Жаль, что вы не совсѣмъ поступили какъ *Виргилій*—онъ довелъ Данта до *Беатриче*, до рая, а вы должны были покинуть меня на *Бахтѣ*—извините, что кончилъ глупостью. Вы понимаете, ну, стало довольно....“

По пріѣздѣ во Владиміръ, молодой другъ писалъ Витбергу:

„Покорнѣйше прошу всѣхъ сѣсть кругомъ, а читать заставить Вѣру Александровну ¹⁾).

„Я понемногу начинаю привыкать къ совершенно одинокой жизни, начинаю отвыкать отъ людей, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, отъ шума; мысль, чувство не испаряется словомъ, а кристаллизуется глубоко въ душѣ. Довольно мнѣ люди послѣдовательно передали все, что у нихъ есть. Сначала матеріальное существованіе, потомъ одной рукою симпатію и дружбу, другой—гнетъ и ненависть; одной рукой подали библию, а другой—*Фоблаза*; больше нечего мнѣ получать. Мысль славы, и тобою я жертвую.—Вы ее назвали ребяческою въ одномъ изъ послѣднихъ разговоровъ и были неправы; мысль дѣятельности—прощай, и ты! И мнѣ жаль ихъ, такъ какъ жаль вятскихъ друзей и друзей московскихъ;

¹⁾ Старшая дочь Витберга.

но дѣлать нечего,—я не вашъ, такъ какъ монахъ, не принадлежу свѣту, а принадлежу вселенной. Недавно сладко и изящно мечталъ я о смерти, она мнѣ являлась съ чертами ангела, и, скрестивъ руки на грудь, я смотрѣлъ вверхъ. Эти дни моя душа не болѣла такъ судорожно, не рвалась такъ на клочки, какъ прежде—и вотъ гармонія разлилась по ней. Часто обертываюсь и смотрю на это прожитое пространство, и оно выходитъ изъ гроба, и я, какъ „покойный императоръ“—Жуковскаго, дѣлаю смотръ: Вотъ оргіи, въ которыхъ всетаки нѣтъ того вреда, который вы предполагаете. Вотъ смѣхъ, вотъ слеза,—слезы,—я не отворачиваюсь ни отъ чего. Душа моя *ohne Tafel*. Да, я извѣдалъ жизнь—не такъ какъ поэты нашего вѣка, а свинцомъ и за́женной сѣрой. Святаго искалъ я, и нашель наконецъ святое, а въ немъ, какъ въ бѣломъ лучѣ солнца, соединено и изящное и великое.

„Моя владимірская жизнь, повторяю, это сорокъ дней въ пустынѣ, это крестъ на паперти.

„Вы не узнали бы меня, нѣтъ, вы-то бы, кажется, узнали, а многіе любившіе во мнѣ не мое—разгуль—не узнали бы теперь. Дай Богъ силъ совершить начатое, но Онъ и даетъ силы, Онъ самъ своей десницей подноситъ къ устамъ моимъ чашу небснаго, святаго питья. Александръ Лаврентьевичъ, высока жизнь и на землѣ для того, кто умѣетъ ее постигнуть.

„Теперь ко вздору, т. е. къ подробностямъ обо мнѣ; головная боль *sui generis* продолжается, т. е. не боль, а сильные приливы; совсѣмъ напротивъ, кажется, что надзоръ не продолжается, но я еще ничего не предпринимаю.

„Далѣе, я совершенно отвыкъ ѣсть; доселѣ и копченая телятина, и рябчики, и все цѣло; тутъ еще изъ Москвы наслади всякой всячины, и мнѣ смѣшно смотрѣть на заботу о ѣдѣ; что на это скажетъ Эрнъ?

„Квартира довольно велика и удобна, но нечиста до безконечности; я тутъ не останусь, хочу имѣть *un joli chez soi, un chez soi comfortable*, а дорого—25 руб. въ мѣсяцъ. Здѣсь на все дороговизна непомѣрная. А, можетъ, скоро и не надобно во Владимірѣ *chez soi*,—я солнцемъ¹⁾ буду намѣчать эту мысль.

„Но, въ самомъ дѣлѣ, я эгоистъ, говорю все о себѣ, и такъ, симъ оканчиваю ячество.

„Что, вы долго-ли грустили обо мнѣ, и какъ теперь? Пожалуйста подробнѣе пишите: и дымъ Вятки Г—ну сладокъ и пріятенъ, извините, что не сказалъ отечества, отечество мое—Москва.

„Какъ теперь вижу—вотъ Вѣра Александровна разливаетъ чай,

¹⁾ Въ подлинникѣ нарисовано солнце.

а дежурная идетъ за Прасковьей Петровной¹⁾, а вы ходите по комнатамъ съ Авдотьей Викторовной. Когда-то увидимся? ежели и никогда, не ужасайтесь: души наши увидятся; гдѣ бы ни былъ пилигримъ, онъ благословитъ дубъ, подъ сѣнью котораго отдыхалъ (въ альбомѣ у Вѣры Александровны), онъ не забудетъ родительскій домъ—въ чужомъ домѣ.

„Бога ради, Прасковья Петровна, берегите ваше здоровье. Вы не можете о жизни говорить такъ, какъ я; ваша жизнь имѣетъ определенную, святую цѣль, и эта цѣль требуетъ не токмо жизни, но и здоровья. Взгляните на этихъ милыхъ, прелестныхъ херувимчиковъ, и не неглижируйте.

„Ахъ, какъ хорошо провели мы время въ одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ, когда съ Полиной перечитывали „Дѣву Орлеанскую“, помните, Вѣра Александровна? но передъ тѣмъ какъ вы пѣли: „Матушка, голова болитъ“, какъ континуацію Дѣвы Орлеанской, у которой часто болѣла душа. Опять началъ вздоръ говорить, прощайте, прощайте, прощайте“.

«3-го января.—Владиміръ.

„...Такъ какъ христіанинъ останавливается съ благоговѣйнымъ трепетомъ, не входя во храмъ, на паперти, такъ я остановился предъ Москвою: еще нога пилигрима не такъ чиста, чтобъ коснуться святаго града. Москва, Москва!

„А какъ все перемѣнилось; здѣсь на каждомъ шагѣ виднѣется Москва; entre nous soit dit, теперь только я понялъ, что, въ смыслѣ внѣшней жизни, Вятка лишена всѣхъ гражданскихъ удобствъ, что мы только прижились. Зато славные люди тамъ. Будьте коротки съ Рѣпиннымъ, да я еще отправилъ къ вамъ Бѣляева, я его узналъ только въ Яранскѣ, вы найдете въ немъ человѣка...“

«24-го февраля 1834 г.

„Письмо ваше, Александръ Лаврентьевичъ, отъ 15-го, получилъ, и вотъ отвѣтъ—сперва объ васъ, потомъ о себѣ²⁾... Я вамъ пишу какъ сынъ, какъ близкій родственникъ, смѣло говорю вамъ, на меня считайте. Благодарю васъ за письмо и возвращаю его (но съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшительно прошу васъ съ моего письма списка не посылать, я говорю съ вами). Я прочелъ это письмо, Александръ Лаврентьевичъ! Ваша душа—храмъ одной мысли, чи-

¹⁾ Вдова Медвѣдева, другъ Витберговъ, жившая вмѣстѣ съ ними.

²⁾ Вятскій другъ пишетъ Витбергу о растратѣ его имущества, ввѣреннаго въ Москвѣ одному родственнику жены Александра Лаврентьевича. Всѣ эти подробности здѣсь опущены.

стая и высокая—очень довърчива; я мало вѣрю словамъ, можетъ, потому, что самъ бросаю ихъ направо и на лѣво, теперь обращаюсь къ себѣ, и вотъ вамъ полная исповѣдь, судите сами:

„Половина тягостнаго положенія, въ которомъ я писалъ къ Эрну, снята. „Le grand secret de révolution, говаривалъ знатокъ въ этихъ дѣлахъ Saint Juste, c'est d'oser“.

„Eh bien, j'ai osé, j'ai écrit à mon père une lettre feu et flamme, on y voyait le fils prosterné devant son père et l'homme résolu. La lettre était vraiment belle, mais âcre en divers point. Les vexations qu'elle souffre étaient la cause de ces âcretés.

„Ну, слушайте же: получаю отвѣтъ, какъ обыкновенно, безъ удивленія, довольно холодный; потомъ другое письмо, въ немъ прямо и ясно сказано: „однажды и навсегда благословляю тебя на жизнь твою и, слѣдственно, на всѣ предпріятія. Но такъ какъ ты придумалъ самъ, то самъ и дѣлай какъ хочешь, я увѣряю въ одномъ, что мѣшать не стану“.

„Carisco, carisco, какъ говорятъ итальянцы: carisco, caro Padre! мѣшать не стану—значить въ переводѣ: „я знаю, что ты не можешь обойтись безъ моей помощи“; ну, признаюсь, у меня все было готово въ случаѣ отказа, двадцать человѣкъ просили быть помощниками, но это полудозволеніе все остановило и я хочу попробовать тихо кончить, и ежели можно, нынѣшнимъ лѣтомъ; да, непременно нынѣшнимъ лѣтомъ, ибо вы не можете себѣ представить, что дѣлаетъ княгиня¹⁾. Я готовъ отложить, потребую формальнаго обрученія. Вотъ и все. Перестрадалъ я въ это время ужасно много; нѣсколько разъ, блѣдный и отчаянный, обращалъ я взоръ въ небо и молился. Теперь лучше, и я спокойнѣе жду какъ судьба развяжетъ узелъ, завязанный рукою Бога!

„Вотъ вамъ довольно странный случай. Въ Москвѣ простой народъ говорилъ: „горе работникамъ, которые коснутся до Алексѣевского монастыря“,—и что же? въ первый день, при огромной толпѣ, работникъ, снимая крестъ, сорвался и расшибся въ дребезги!

„Вы угадали—Жуковскій вымаралъ пять послѣднихъ строкъ въ S. Maestri....

„PS. Вчера обѣдалъ я у проѣзжавшаго здѣсь сенатора Озерова; я завелъ рѣчь объ васъ, pour épier, und manches möchte ich schreiben er hat eine wichtige Stelle bei der neuen Comission.

„Вина не пью, сижу все еще безвыходно дома, пишу новую повѣсть и, кажется, удачно заглавіе: „Его Превосходительство“.

¹⁾ Вятскій другъ Витберга пишетъ о положеніи своей невѣсты въ домѣ одной старой княгини, и о намѣреніи похитить ее оттуда.

«7-го апрѣля 1838 года.

„Ежели вы прочли письмо къ Эрну, то не для чего писать о томъ же, Александръ Лаврентьевичъ, да и у меня на душѣ разсказать вамъ три восторга, три вдохновенья. Господь очищаетъ мою душу, слава Ему, слава!

„Я говѣлъ — холодно пришелъ на исповѣдь; священникъ-поэтъ увлекъ меня, мы разстались тронутыми, я каялся, обличалъ себя и клялся исправиться; онъ молился обо мнѣ и не для формы. Вотъ первая минута. Въ молитвѣ провелъ я время до причастія; прихожу въ церковь, подхожу къ Дарамъ, въ тоже самое время женщина подняла маленькаго ребенка и священникъ сказалъ: „причащается рабъ Божій Александръ“, и прибавилъ: „и раба Божія Наталія“. Вы это понимаете, толковать нечего—это вторая минута. Третья — обѣдня въ праздникъ, архіерейская служба. Да, греческая литургія—поэма, это мистерія и драма высочайшая. Вотъ идутъ четыре дьякона на четыре конца міра проповѣдывать Евангеліе, вотъ Его намѣстникъ въ прахѣ молить Бога благословить жертвоприношеніе. Но прежде онъ у ногъ клира, который цѣлуетъ руку его, потомъ у ногъ народа — чистымъ идетъ къ престолу. Это высоко! Мстительный старецъ выходитъ изъ алтаря, т. е. съ востока, какъ Гесперь, и говоритъ западу: „Христосъ воскресъ“—тысячью голосами подтверждаетъ западъ, говоритъ югу, сѣверу—и сѣверъ и югъ подтверждаютъ. Тогда старецъ обнимаетъ и цѣлуетъ клиръ, цѣлуетъ всѣхъ, и всѣ цѣлуются, все ликуетъ. Испупленіе міра совершилось! Повѣрите-ли, что я совершенно увлекся поэзіей литургіи, и такъ отъ души цѣловался съ священниками, какъ сынъ съ отцомъ. О, вотъ какимъ хотѣлъ Христосъ человѣчество, чтобы весь родъ человѣческій обнялся и прижался бы къ его неизмѣримому сердцу. Весь родъ человѣческій долженъ любить другъ друга, какъ я и Наташа любимъ ¹⁾).

„А что они сдѣлали, люди,—снисхождение—они еще поправятся, они дѣти, будутъ взрослые.

„Ну, еще новость. Изъ прошлаго письма вы могли догадаться, что я видѣлся съ Наташей; это было въ седьмомъ часу утра, на полчаса; она требовала, чтобы седьмой часъ каждаго дня былъ посвященъ молитвѣ. Я и исполнилъ волю посланницы Божіей—и, повѣрите-ли, никогда не просплю седьмаго часа, и теперь такъ привыкъ,

¹⁾ Достойно замѣчанія, что вліяніе мистицизма Витберга было такъ сильно на его «Вятскаго друга», что въ это время Г...ень написалъ историческія сцены въ соціально религіозномъ духѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ представилъ борьбу древняго міра съ христіанствомъ; тутъ апостолъ Павелъ, входя въ Римъ, воскресилъ мертваго юношу къ новой жизни.

что, какъ проснусь, рука поневолѣ складываетъ крестъ, и уста поневолѣ начинаютъ молитву; моя молитва проста, одна благодарность за то, что существуетъ Ангелъ, больше ничего. Потомъ часто опять засыпаю.

„О, какое необъятное разстояніе между моей вятской жизнію и здѣшней. И сухая мысль о славѣ падаетъ, и все, все обращается въ одну свѣтлую область любви.

„Мы умремъ отъ любви.

„Желалъ-бы умереть въ самое то время, когда кончится вѣнчаніе, тутъ, въ церкви, тутъ, передъ престоломъ, — или нѣтъ, выйти на воздухъ. Природа таже церковь, но зодчій—Богъ. Моя фантазія дѣлается шире, а умъ—глупѣе. Хорошій признакъ. Обнимаю васъ, какъ сынъ“.

11-го мая 1838 г.—Владиміръ.

„Александръ Лаврентьевичъ, не ждите ни разказа, ни отчета, ничего; довольно ежели скажу, что 9-го мая я вѣнчался во Владимірѣ. Слишкомъ свѣтло, слишкомъ свято, чтобъ переносить на бумагу. Наконецъ гармонія замѣнитъ судорожное развитіе. Какъ и что, напишу послѣ, гораздо послѣ... довольно — я ее увезъ, прямо въ церковь, и, съ благословенія архіерея, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, обвѣнчался. Счастливъ-ли я? ну, тутъ нечего и говорить, пусть скажетъ это М-ше Не...н — сама.

„Поручаю аих vobis grâces вашихъ м о ю жену. Прощайте.

„По вашему наставленію, Наташино кольцо серебряное. Александръ“.

.... „Нѣтъ мѣры, нѣтъ предѣловъ нашему блаженству... Но мысль, что эти строки наведутъ улыбку на ваше сердце, на ваши уста — Великій! расширяетъ его еще больше. Наконецъ совершилось то, къ чему я шла со дня моего появленія въ міръ; и какъ все было живо, торжественно. Я увѣрена, что и въ Вяткѣ 9-го мая небо было яснѣе. Вы благословили Александра на пути терновомъ, благословите теперь сына и дочь на пути, усѣянномъ цвѣтами рая, любимыми цвѣтами Бога! Наташа“.

„Сообщите всѣмъ любящимъ и помнящимъ меня о 9-мъ маѣ. Всѣмъ, всѣмъ. Александръ“.

3-го іюня 1838 г.—Владиміръ.

„Съ искреннимъ и живымъ восторгомъ прочли мы, почтеннѣйшій, любезнѣйшій Александръ Лаврентьевичъ, ваше письмо отъ 24-го. И вы не хотѣли тогда дать мнѣ поцѣловать вашу руку, я цѣлую ее теперь. О, я умѣю чувствовать эту струю теплоты, умѣю понимать слова съ устъ вашихъ.

„Вы ближайшій мнѣ родственникъ. Боже мой, какъ я богатъ, какъ счастливъ, и любовь и симпатія вѣнчаютъ меня. Дайте остановиться, волнуется сердце; о, какъ-бы я прижалъ васъ къ груди моей, какъ пролилъ-бы вмѣстѣ слезу. Вѣдь тогда, въ 1835 г., я, слабый, неокрѣпнувшій, увлеченный—въ нашемъ объятіи нашелъ опору отца, я былъ еще не устроенъ, а теперь этотъ юноша, этотъ сынъ — нѣтъ, нѣтъ, не словомъ, ни звуками, а слезой и взоромъ я бы сказалъ вамъ, что я теперь.

„Какъ было, какія послѣдствія — вотъ нѣсколько словъ, но ужъ лично подробности; я вѣрю, что мнѣ еще суждено видѣть семью родныхъ. Папенька объявилъ полное прощеніе, амнистію — и доказательство приложилъ государственными ассигнаціями; первое я сохранилъ навѣки въ сердцѣ, второе — на два дня въ шкатулкѣ. Теперь исторія. Я прискакалъ за Наташей, взялъ ее въ коляску, въ чужомъ платкѣ, въ чужомъ салопѣ, 8-го мая, въ обѣдъ и поскакалъ назадъ. Тутъ все было готово. Смутно было по дорогѣ и опасенія, и необъятность счастья, словомъ—ни я, ни она не поняли, что мы ѣдемъ вмѣстѣ. Минутно вспыхивала душа, но постоянно была оглушена счастьемъ. Ночью мы проѣзжали маленькій городъ, было темно, городъ спалъ; но въ часовнѣ теплилась лампада, а свѣтъ ея, обращенный туда, къ Дѣвѣ чистѣйшей, затрепеталъ на лицѣ моей Наташи: тутъ я проснулся, сказалъ ей: „молись“ и молился, потомъ опять дорога, хлопоты, „пожалуйте на водку“ и т. д. Въ пять часовъ послѣ обѣда мы пріѣхали. Все было готово, но что всего лучше — и души наши изготавились. Когда я подалъ руку ей, чтобъ вести въ церковь, тогда душа полнымъ размахомъ взлетѣла. О, тогда мы были изыщны, а пышное солнце на закатѣ насъ освѣщало, провожало. Въ церкви почти никого не было; рука объ руку взошелъ я съ нею. Вы знаете, что я уже понимаю теперь важность таинства, что я понимаю „любите другъ друга, зане повелѣваетъ Богъ“. О это было торжественно и величественно. И священникъ дивный, ну все, все, даже „многая лѣта“ на концѣ гремѣло торжественнѣе обыкновеннаго. Нѣсколько дней послѣ мы дивились другъ на друга, какъ это случилось, спрашивали другъ друга, а когда настало гармоническое, спокойное чувство, когда мы развернули наши письма, когда вмѣстѣ стали читать отрывки этой поэмы, которая поднимала насъ къ небу, и потомъ бросились другъ другу на шею, ну—опять граница. Языкъ малъ, бѣденъ, недостаточенъ (и притомъ говорю я, а вы знаете мою способность языческую). И какъ для меня ново это гармоническое бытіе послѣ судорожной юности; я чувствую, что становлюсь сильнѣе—да, имѣя таковой залогъ отъ Бога. Однако, пора изъ вашего ка-

бинета идти, прощайте. Да я не со двора, а въ ту комнату, т. е. къ Авдотѣ Викторовнѣ.

„Да, сестра, ангела, ангела дивнаго послало мнѣ небо; ежели ему довольно любви пламенной, безпредѣльной, любви души широкой, ежели достаточно,—то эта душа, алкавшая и славы, и шума, и поприща, и власти — вмѣсто всего смиренно обратилась къ подножію его, то она счастлива. А вы знаете любовь ея ко мнѣ.....

„Вѣрите-ли, что я далъ бы теперь половину, что у меня есть, чтобы провести недѣлю съ Наташей въ дальней, холодной Вяткѣ. Богу угодно было соединить, переплестъ жизнь Витберговъ съ жизнью Г...ныхъ. Да исполнится воля Его.

„Ну, позвольте теперь поговорить о вздорѣ—неизлечимъ—грѣшный человѣкъ: ну, представьте вы себѣ меня женатымъ, комфортабельнымъ человѣкомъ, воля ваша, а это смѣшно. Ну, мы сущія дѣти, маленькія дѣти, и я и Natalie — шалимъ, учимся. Впрочемъ, по хозяйственному отношенію, я занимаюсь много, а именно, съ султанскою настойчивостію требую, чтобы Madame-дѣтя ходила затянута и одѣтая, *car tel est le bon plaisir de Monsieur-дѣтя*.

„А получили-ли вы кацву? я, съ тѣхъ поръ, какъ женатъ, сдѣлался вотъ какъ аккуратенъ ¹⁾. А на душѣ свѣтло, свѣтло!

„Гдѣ Вѣра Александровна, меньшая сестра? въ саду, или дорисовываетъ розанъ, начатый лѣта 1673, ну, тотъ, что Александръ Лаврентьевичъ смылъ? все равно, гдѣ бы она ни была, она мнѣ дастъ руку, а я ее сожму крѣпко, отъ души....

„Черезъ мѣсяцъ ваше рожденье. Поздравляю. Какой дивный былъ вечеръ въ 1836 году — помните?

„PS. Да, я забылъ было: 1) бракъ былъ съ благословенія архіерея; 2) всѣ денежныя издержки фурнированы были благороднымъ Космой Васильевичемъ Бѣляевымъ; мнѣ пріятно упомянуть объ этомъ, тѣмъ болѣе, что все это требовало довольно значительной суммы.

„P. S. А ужъ княгиня М. А. какъ бѣсится. А Голохвастовъ все скачетъ по Москвѣ и судить; говорятъ, отъ него въ Москвѣ проѣзда нѣтъ“.

Спустя нѣсколько времени, Витбергъ получилъ отъ того же счастливаго друга слѣдующее письмо:

„Вамъ вѣрно будетъ очень пріятно узнать, Александръ Лаврентьевичъ, какъ высокія души симпатизируютъ. Василій Андреевичъ Жуковскій не забылъ встрѣчи съ вами; онъ говоритъ въ Москвѣ вездѣ, что жа-

¹⁾ Сдѣлано въ подпунктѣ чернильное пятно и подлѣ него написано: «Извините. *Lagus proproticus*».

лѣтъ, зачѣмъ храмъ будетъ не вашъ, предлагалъ даже спросить вашего мнѣнія о новомъ проектѣ, и вообще отзывался, какъ поэтъ Жуковский.

„Что касается до моего дѣла—болѣе перевода во Владиміръ ничего нельзя было сдѣлать. Государь сказалъ: „Я для нихъ назначилъ срокъ“. Но теперь, что же мнѣ Владиміръ—уголь рая, и ежели человѣку надобна земная опора, не все-ли равно гдѣ она—на Клязьмѣ или на Эльбѣ. Я до того счастливъ, что мнѣ иногда становится страшно. За чтоже Провидѣніе меня такъ наградило? Неужели за мои мелкія страданія? Въ самомъ дѣлѣ, какъ необъятно наше блаженство, даже всѣ эти непреоборимыя препятствія исчезли, растаяли отъ чистаго огня любви чистой. Папенъка и Левъ Алексѣевичъ съ первой же почтой писали миръ и поздравленіе, и хотя, кажется, папенъка хочетъ немножко меня потѣснить матеріальными средствами, но это больше отцовское наказаніе, временное, нежели сердце. Еще разъ, прощайте. Цѣлую и обнимаю васъ“.

«Іюля 14-го 1838 г.—Владиміръ.

„Почтеннѣйшій Александръ Лаврентьевичъ! Васъ удивять приложенные 1000 рублей, и такъ, съ нихъ начну рѣчь. Вамъ деньги нужны, вотъ 1000 рублей, когда будутъ не нужны—вы ихъ пришлете, и дѣло съ концомъ. Деньги эти не мои, онѣ принадлежать одному человѣку, душою преданному вамъ и который имѣя деньги въ рукахъ, могъ, нисколько не стѣсняя себя, дать взаймы 1000 рублей. Для васъ все это загадка, и вы ее не отгадаете, только вѣрьте, что мое только трудъ и больше ничего. Ежели вы откажетесь отъ нихъ, вы оскорбите меня самымъ горькимъ образомъ, и развѣ возможно Христіанину отвергнуть руку брата?....

„Читали-ли вы рѣчь Филарета при перенесеніи закладки храма? Ну, человѣкъ, нечего сказать,—великой (Московскія Вѣдомости за 1838 г. іюля 2-го № 53)!¹⁾).

¹⁾ До какой степени митрополитъ Филаретъ былъ предубѣжденъ и даже озлобленъ противъ Витберга, видно, между прочимъ, изъ рѣзкаго укора, брошеннаго митрополитомъ, уже послѣ тяжкой опалы, постигшей художника. Такъ, 20-го іюня 1838 г., при перенесеніи предметовъ прежняго заложенія храма Христа Спасителя для приготовленія къ заложенію оного на новомъ мѣстѣ—митрополитъ Филаретъ всенародно сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Богъ низлагаетъ гордость нечестивыхъ, разрушая созданія ихъ безъ надеждъ возстановленія; Богъ смиряетъ и усовершеняетъ благочестивыхъ, приводя благія ихъ намѣренія къ исполненію не тѣми путями, которыя предначерталъ самодруствующій человѣческій разумъ». (Слова и рѣчи синодальнаго члена Филарета, митрополита московскаго, изданіе второе, 1848 года, стр. 237).

Сообщ. И. Д. Павловскій.

„Ну, что я вамъ скажу о себѣ? счастливъ, сколько можетъ человѣкъ быть счастливъ на землѣ, сколько можетъ быть счастливъ человѣкъ, имѣющій душу раскрытую и свѣтлому, и высокому, и симпатичную къ страданію другихъ.

„Наташа — поэтъ безумный, неземной, въ ней все необыкновенно: она дика, боится толпы, но со мною высока и изящна. Кстати, я хотѣлъ вамъ написать, она, тоже какъ вы, не любитъ смѣхъ, никогда не произноситъ напрасно имя Бога, и не любитъ Гогартовыхъ каррикатуръ. Это напомнить вамъ нашу жизнь совокупную. А я думаю, подчасъ вамъ сладко вспомнить мрачные 1836 и 1837 годы — и въ дальней Вяткѣ вы нашли человѣка, душевно преданнаго, съ пламенной любовью къ вамъ.

„Я воображаю, что въ Вяткѣ скука ужасная.

„Что новый губернаторъ? что Величко, съ которымъ, мнѣ казалось, я былъ довольно знакомъ? разумѣется, что здѣсь лучше жить, здѣсь Европа (вчернѣ) и за то европейская дороговизна. Прощайте. душой любящій васъ А. Г.“

10-го августа 1838 г. — Владиміръ.

„Часа два тому назадъ пріѣхалъ я во Владиміръ изъ деревни и, нашедши письмо ваше, тотчасъ принялся отвѣчать вамъ. Мнѣ было необходимо писать къ вамъ, сообщить толпу думъ и чувствъ, наполнявшихъ меня на мѣстѣ святомъ для насъ. Путь мой лежалъ около Москвы, онъ меня привелъ на Воробьевы горы. Душа стѣснилась, когда я издали увидѣлъ лѣстницу. Тутъ я — ребенокъ — въ какомъ то восторгѣ понялъ высокую душу Ника, тутъ заходящее солнце благословило нашу дружбу, съ тѣхъ поръ Воробьевы горы для насъ святыня. Потомъ я узналъ васъ, мы сдвинулись и снова Воробьевы горы стали святы. И вотъ, этотъ двукратъ святой холмъ явился, но не тѣмъ торжественнымъ, какъ прежде; дождь лился, сырой вѣтеръ дулъ. Я велѣлъ ямщику остановиться и пошелъ съ Наташей по ужасной грязи на мѣсто закладки. Мѣсто закладки, какъ открытая могила, приводило въ трепеть; камни разбросаны, я прислонился къ барьеру, смотрѣлъ вдаль, одна сѣрая масса паровъ и больше ничего; я думалъ о дальнемъ другѣ, о братѣ Николаѣ и слеза наливалась на глаза мои и ея, я думалъ потомъ объ васъ: вотъ на этомъ мѣстѣ, можетъ, стояли вы, съ широкой душой, и опять слеза навернулась. Мы молились объ васъ. А сырой вѣтеръ вылъ, растрепывалъ деревья, было страшно; я взялъ два камушка — ихъ сохранию въ память торжественной минуты. Когда я ѣхалъ обратно, была ночь и Воробьевы горы едва видѣлись. И такъ палъ туманъ на нихъ. Онъ подернулся флеромъ, крепомъ.

„Послѣ четырехъ лѣтъ я увидѣлся въ деревнѣ со всѣми своими. У насъ совершенный миръ.

„Вы ошиблись, думая, что присланныя деньги Наташины. Повторяю вамъ—онѣ принадлежатъ человѣку благородному душою,—но который не желаетъ, чтобъ вы знали кто онъ.

„Въ газетахъ помѣщена новая рѣчь Филарета. Вашъ Александръ“.

„Нѣтъ сомнѣнья, почтенный другъ нашъ, что вы слышите, чувствуете, когда мы говоримъ о васъ; а это бываетъ такъ часто, такъ долго—о! я увѣрена, душа ваша видитъ и тотъ жаръ, тотъ восторгъ, съ которымъ рассказываетъ о васъ Александръ, и то умиле-
неніе, благоговѣніе, съ которымъ я слушаю его.

Я не умѣю выразить вамъ, что наполняло мою душу, когда онъ со слезами говорилъ мнѣ о вашемъ дивномъ проектѣ, какъ пламенно хотѣлось мнѣ взглянуть хоть на то мѣсто (я никогда не бывала на Воробьевыхъ горахъ), помолиться хоть у колыбели Храма. Совершилось желаніе. Не смотря на ужаснѣйшую погоду, мы стояли тамъ долго, долго, молча—колыбель и могила! Великій страдалецъ. Тотъ, кто ниспосылаетъ тебѣ такія испытанія, да вознаграждаетъ тебя здѣсь и тамъ! молитва моя искренна и пламенна, Онъ слышитъ ее...

Ваша Наташа“.

Съ отъѣздомъ своего молодого друга, художникъ значительно упалъ духомъ. Вынесенныя имъ душевныя страданія, при отсутствіи лица его поддерживавшаго и ободрившаго, стали дѣйствовать на здоровье Витберга: у него появились признаки падушей болѣзни, сначала рѣдкіе и слабые, потомъ стали повторяться чаще и чаще и все сильнѣе потрясали и безъ того ослабѣвшій организмъ. Медленно, день за днемъ, таянулась для него скучная жизнь, безъ дѣла, безъ цѣли, безъ одушевленія, въ тяжкомъ раздумьѣ....

Въ 1838 году Витбергу представился случай опять посвятить себя своимъ любимымъ архитектурнымъ занятіямъ.

8-го октября 1824 года, императоръ Александръ I, на возвратномъ пути изъ Пермской губерніи, посѣтилъ Вятку ¹⁾. Вятчане, никогда еще не видавшіе въ своемъ городѣ ни одного вѣнценосца, тотчасъ по отъѣздѣ государя, рѣшили ознаменовать это посѣщеніе какимъ нибудь намятникомъ. Тогдашній городской голова, Иванъ Степановичъ Машковцевъ, предложилъ построить храмъ во имя Александра Невского. Общество одобрило эту мысль, и дѣло пущено было въ

¹⁾ Объ этомъ посѣщеніи см. въ «Воспоминавіяхъ почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова» («Русская Старина» изд. 1872 г., томъ V, стр. 373—374).

ходъ. Тянулось оно чрезвычайно медленно. Началась переписка съ консисторіей, съ Синодомъ и проч., и только въ 1835 году выбраны были сборщики пожертвованій на постройку предполагаемаго храма. Въ этомъ же году, по предложенію губернатора Тюфяева, принятъ былъ обществомъ, несомнѣмъ охотно, и планъ для храма, одинъ изъ „нормальныхъ“ плановъ, утвержденныхъ императоромъ Александромъ I-мъ въ 1823 г. (изданныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, № XXVIII, литера Б). При новомъ губернаторѣ, Корниловѣ, планъ этотъ былъ отвергнутъ, и Корниловъ, вѣроятно, по порученію общества, просилъ министра внутреннихъ дѣлъ о дозволении обществу избрать для храма другой, болѣе величественный планъ. Комитетъ министровъ, на разсмотрѣніе котораго представлено было это желаніе вятчанъ, съ высочайшаго соизволенія, далъ свое согласіе, о чемъ и было объявлено вятскому городскому обществу 8-го іюня 1838 года, уже новымъ губернаторомъ, Хомутовымъ. Тогда городской голова Аршаумовъ предложилъ обществу, сдѣланный карандашомъ, въ миниатюрѣ, новый проектъ храма. „Разумѣется, общество не могло не придти въ восторгъ отъ этого эскиза,—говорить г. Алабинъ въ брошюрѣ своей: „Александро-Невскій соборъ въ Вяткѣ“—такъ какъ творцомъ его былъ знаменитый Витбергъ, и приговоромъ, 7-го октября 1838 года, постановило: просить г. Витберга составить по этому эскизу планъ и чертежъ для проектируемаго храма, о чемъ обратились къ нему съ официальнымъ письмомъ 20-го октября“.

И вотъ опять наступили для Витберга счастливыя минуты труда и вдохновенія; на этотъ второй проектъ онъ перенесъ всю свою любовь, съ какою смотрѣлъ на своего первенца, тѣмъ болѣе, что, въ это время, отъ знаменитаго храма Христа Спасителя и слѣдовъ не осталось. Около этого времени учреждена была новая коммисія для приведенія въ исполненіе даннаго императоромъ Александромъ обѣта, избранъ былъ планъ другаго архитектора, академика Тона, и самая постройка перенесена на другое мѣсто. Другъ Витберга съ горестію послѣдствіемъ его увѣдомилъ объ этомъ, и послалъ ему фасадъ Тоновскаго храма. Переписка съ „Вятскимъ другомъ“ продолжалась Витбергомъ довольно оживленно.

1-го октября 1838 г.—Владимірѣ.

...„Видѣли ли вы памятникъ Сусанину (картинка въ Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, слѣдовательно въ канцеляріи губернатора), мнѣ нравится. Работникъ упалъ въ самомъ дѣлѣ съ Алексѣевскаго монастыря. Я писалъ, что вы не поняли тонъ, въ которомъ я разсказалъ это происшествіе....

„Я пишу стихи—вотъ новость“...

24-го ноября 1838 г.—Владиміръ.

„Давно, почтеннѣйшій Александръ Лаврентьевичъ, вы не писали ко мнѣ. Получили-ли вы посланной мною фасадъ Топова ¹⁾ храма?...

„Что вы подѣлываете? Вятка, вѣроятно, съ каждымъ часомъ дѣлается скучнѣе. Я занимаюсь, иду съ человѣчествомъ, сколько могу и понимаю. Нынѣшняя нѣмецкая философія (Гегель) очень утѣшительная, это слитіе мысли и откровенія, воззрѣнія идеализма и воззрѣнія теологическаго. На дняхъ я перечитывалъ извѣстныя вамъ тетради, которыя мы вмѣстѣ писали ²⁾. Полна была жизнь ваша и совершила высокое предназначеніе жизни. Я возвращаюсь къ мысли, которую имѣлъ очень давно: „сознаніе всѣхъ трудовъ, совершенныхъ вами, сознаніе, что жизнь не тщетно была прожита—должно служить опорой теперь, и съ этой опорой не тяжело настоящее“. Оно тяжело мелочами, реальностью, но не душѣ; душа взмахнетъ крылами, и исчезаетъ болотистой, грязной міръ реального.

„А ужасную пыль наносить на душу суета и хлопоты домашняго, я ихъ отталкиваю „обѣма руками“—и какъ ничтожны они, почти стоятъ на одной доскѣ съ сплетнями и пересудами, отъ которыхъ, въ провинціяхъ, почти никто неизбѣтъ.....

„Вспомнили-ли вы меня 23-го—день, въ которой въ 1835 г. я первой разъ слушалъ ваши морали, Александръ Лаврентьевичъ?.... Душевно преданный NN“.

Проектъ Топова храма Витбергу не понравился; онъ назвалъ его „простой деревенской церковью“.

Декабра 8-го 1838 г.—Владиміръ.

.... „И такъ, артистической инстинктъ мой былъ вѣрнѣе касательно Топова проекта. Боюсь сомгѣваться, что вы исполните ваше обѣщаніе, но прошу, ежели можно, не долго томить—пришлите обѣщанное. Это одно изъ давнихъ, заповѣдныхъ желаній имѣть вашъ проектъ и притомъ именно въ византійско-тевтонскомъ стилѣ. Здѣсь, во Владиміръ, есть древній соборъ, строенный при в. к. Всеволодѣ; онъ не великъ, но масса его очень хороша, въ немъ есть что-то стройное, конченное, и, признаюсь, онъ для меня въ 10 разъ лучше Топова. Между прочимъ, какъ нелѣпо огромное окно надъ дверями. Можетъ тевтонская розетка не шла, но ужъ и это pseudo-венеціанское—очень нелѣпо. Да и вообще масса ничтожна,—подобныхъ соборовъ въ Кіевѣ, Москвѣ

¹⁾ Константинъ Андреевичъ Тонъ, профессоръ архитектуры, по проекту котораго и былъ въ послѣдствіи построенъ храмъ во имя Спасителя въ Москвѣ.

²⁾ Это записки академика А. Л. Витберга, написанныя подъ его диктовку вятскимъ его другомъ и напечатанныя въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V, (изд. второе), стр. 16, 159 и 519.

и проч. много, Тонъ прибавилъ только мамонтовской размѣръ. Я желалъ бы вамъ прислать фасадъ нашего Дмитровскаго собора: онъ одностолпный, четырехугольный, но чрезвычайно гармоничны части. Строенъ изъ дикаго камня, весь покрытъ барельефами (нынѣ поправленными!) и, конечно, строилъ какой нибудь греческій зодчій. Другой соборъ, Успенскій, тоже четырехугольный, негѣпъ. А вѣдь византійское зодчество, т. е. зодчество съ *plein cintre*, куполомъ, переходами и проч. имѣеть, мнѣ кажется, большую будущность. Древнее греческое окончено, оно же сводится на нѣсколько типовъ; тевтонское богаче, — но что воздвигать послѣ соборовъ въ Реймсѣ, Парижѣ, Кельнѣ, Миланѣ? Но византійскій стиль, рожденный у гроба Господня, сроднившійся съ покойной, созерцательной идеей Востока, — ему будущность большая, которую Тонъ не понималъ. Слышали-ли вы, что Кельнской соборъ достраивается совершенно по первоначальному чертежу? Душевно радъ, что вы заняты. Я занятъ очень много, и, разумеется, не службой: много читаю, пишу и доволенъ собою. Мнѣ такъ страшна эта жизнь постоянного, безмятежнаго счастья, этой полной симпатіи между мною и Наташей. Нѣтъ мысли, нѣтъ мечты, нѣтъ идеи, которая не находила бы больше нежели отзывъ въ ея душѣ — развитіе поэтическое, высокое. Александръ Лаврентьевичъ, помните, вы говорили, „что я паду“; я вамъ всегда отвѣчалъ: „Провидѣніе поддержитъ“. Ужели вы не увѣрены теперь, что я не паду? Но душа моя все таже бурная, порывистая, еще больше она поюнѣла, весь прежній пылъ, всѣ надежды возвратились. Небо дало залогъ, съ нимъ я окрѣпъ, съ нимъ силенъ! Прощайте, къ новому году пришлю дѣтямъ книгъ. А скоро и 29-е декабря—вспомните меня, я васъ вспомню—годъ тому: Addio, Бахта, проводы... прощайте. Весь вашъ“.

8-го Декабря.

„Теперь я къ вамъ, Александръ Лаврентьевичъ, съ весьма важной просьбой. У Наташи есть меньшой братъ, несчастный юноша, совершенно всѣми оставленной. Этотъ молодой человѣкъ, не имѣвши возможности образоваться, самъ собою немного выучился рисовать и пламенно желаетъ быть живописцемъ. Я придумалъ обратиться къ вамъ съ всепокорной просьбой. Такъ какъ онъ вовсе безпріютенъ, то я бы прислалъ его въ Вятку, буде возможно, къ вамъ, въ противномъ случаѣ—къ Скворцову, съ тѣмъ только, чтобъ онъ могъ пользоваться вашими совѣтами. Si cela est faisable, вы меня обяжете чрезвычайно и спасете молодого человѣка; само собою разумеется, что вы намъ позволите ежегодно за него, по возможности, платить, *vu les circonstances dans lesquelles vous êtes à présent*. Буде же вы не сочтете это за возможное, то напишите, что намъ съ нимъ дѣлать?....

„Боже мой, какъ дорого выкупаетъ нашъ вѣкъ порочную нравственность прошлаго, — вотъ еще бѣдная жертва. А сколько ихъ! И у него есть родной братъ, у котораго 500 душъ etc. etc. Но Богъ съ ними, надобно какъ нибудь помочь.... Пожалуйста поспѣшите отвѣтомъ. Юноша ждетъ и такъ онъ много потерялъ, ему 18-й годъ...

„Прасковѣ Петровнѣ посылаю отрывокъ изъ моей поэмы, которая сама есть отрывокъ изъ меня самого, а я отрывокъ челоѳчества, а челоѳчество — вселенной. Прасковѣ Петровнѣ совѣтую его раза два прочитаты, и потомъ, въ торжественное собраніе, въ новый годъ, прочитаты, буде позволено, вслухъ...

„Людинькѣ, Любинькѣ, Соничкѣ, Николннѣкѣ, посылаются книги; да простаты мнѣ, что не всѣ новыя, то значить, что онѣ были въ рукахъ у одного ребенка, а *Сes enfant c'est moi.*“

10-го января 1839 г.—Владиміръ.

„Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ „Живописнаго Обзорѣнія“ находится полнотипажная картинка, представляющая вашъ храмъ. Я очень этому удивился, кто его далъ въ редакцію, и кто писалъ всю статью. Впрочемъ, это недурно: пусть сличать, чувство изящнаго принадлежитъ не однимъ артистамъ, всякій имѣющій очи — увидить¹⁾).

„На дняхъ—день вашего рожденія. Поздравляю съ этимъ днемъ академію художествъ и вообще зодчество. Подвигъ вашъ не останется втунѣ, нѣтъ, челоѳчество имѣетъ свою мѣрку великому, и ваше мѣсто въ исторіи искусства занято. Вспомните, какъ въ 1837 г. я былъ Дантомъ, этотъ вечеръ отмѣченъ въ моей памяти свѣтлой чертою. Вы были тронуты тогда, и ваша слеза принадлежала отчасти мнѣ.

„Какъ встрѣтили вы новый годъ? Отчасти грустно, но въ вашей душѣ награда за все. Эрнъ писалъ мнѣ, что въ праздниѣ (25-го декабря) онъ обѣдалъ у васъ, много было говорено обо мнѣ. Меня обрадовала эта вѣсть, не изъ суетнаго самолюбія, а изъ той симпатіи глубокой и сердечной, которая соединила насъ въ горькую эпоху жизни.

„Читали-ли вы посланный отрывокъ изъ моей поэмы? Впрочемъ, по немъ нельзя судить обо всемъ. Когда угодно прочесть все, то попросите у Скворцова; я ему посылаю черновой, измаранной....

11-го января.

„Новый годъ я встрѣтилъ у постели больной Наташи, которой,

¹⁾ «Живописное Обзорѣніе» изд. Авг. Семена. М. 1838 г. ч. IV, стр. 177. Полнотипажъ исполненъ плохо, вслѣдъ за нимъ помѣщенъ рисунокъ храма по проекту Тона. Въ жиденькой замѣткѣ авторъ глухо и сбивчиво говоритъ о первомъ т. е. Витберга проектѣ и восхищается созданиемъ Тона.

впрочемъ, теперь лучше. Однако васъ не забыли, а въ 12 часовъ безъ вина поздравилъ васъ. „Благосовенъе друзьямъ въ Вяткѣ“ — сказалъ я и сдѣлалъ крестъ рукою. Другимъ хиротонисали меня, и она даетъ право благословлять.

„Вы, кажется, хороши съ губернаторомъ. Это меня удивляетъ, потому что я объ немъ со всѣхъ сторонъ слышу пакости.

„Я еще не чиновникъ особыхъ порученій, понеже это будетъ зависѣть отъ министра внутреннихъ дѣлъ, ну, да впрочемъ, я иначе теперь помышляю о службѣ: лишь бы ассесорской чинъ, а съ нимъ въ отставку. Теперь я все еще редакторъ газеты, и она идетъ, кажется, недурно. Ежели министръ утвердитъ, то буду получать 1,200 р. жалованья, да 500 за редакцію (потому такъ мало, что я требовалъ помощника), да домашнія стипендіи, и все это вмѣстѣ мнѣ далеко не хватаетъ, ибо здѣсь дороговизна ужасная.

„Въ томъ письмѣ, которое пропало, я спрашивалъ васъ, не обяжете-ли вы насъ тѣмъ, что возьмете en pensіon Наташинова меньшаго брата, который мечтаетъ быть живописцемъ. Но теперь, кажется, его опредѣляютъ въ медико-хирургическую академію“.

17-го января.

...„Наташа вообще получила отъ природы въ обратной пропорціи души и тѣла. Сколько здорова и тверда душа, столько утло и хрупко тѣло...“

...„Я, кажется, догадываюсь съ какой цѣлью Прасковья Петровна не читала вамъ отрывка—она его берегла къ 15-му. И такъ, чтобы не отстать, посылаю я вамъ отрывочекъ—судите и пишите ваше мнѣніе.

23-го марта 1839 г.

„Вчера въ ночь уѣхалъ Эрнъ, пробывшій двое сутокъ. Съ жадностію спрашивалъ я обо всемъ касающемся до васъ, и много разныхъ чувствъ волновались. Наша встрѣча—важнѣйшее событіе въ моей вятской жизни. То безпредѣльное чувство любви и уваженія къ вамъ и къ вашимъ страданіямъ, которое заставило меня на Бахтѣ схватить вашу руку, съ тѣмъ, чтобъ прижать ее къ устамъ,—это чувство живо во всей полнотѣ.

...„Всего болѣе радуетъ меня, что вы заняты¹⁾; сверхъ того, что это отвлекаетъ васъ отъ ряда мыслей очень черныхъ, высшій законъ творчества требуетъ не зарывать таланта, а особенно таланта, столь мощнаго, какъ вашъ. Я видѣлъ слезы на глазахъ одного свя-

¹⁾ Занятія Витберга состояли въ изготовленіи плана, фасада и разрѣзовъ Александро-Невскаго собора въ Вяткѣ. Послѣ четырехъ-мѣсячнаго безвозмезднаго труда, проектъ этотъ былъ готовъ. Витбергъ извѣстилъ объ окончаніи,

щенника, разсматривавшаго проектъ въ „Живописномъ Обозрѣніи“ (à propos, вы мнѣ не объяснили, кто напечаталъ его?). И такъ, да благословятся ваши труды, творите вопреки толпы, вопреки цѣли... Не ждете ли вы чего при предстоящемъ бракосочетаніи? Мое дѣло идетъ забавно: въ февралѣ мѣсяцѣ писалъ гр. Б., что не находить удобнымъ снятіе надзора (послѣ 5-ти лѣтъ) и, слѣдственно, я еще проживу здѣсь.

„Счастье мое такъ безпредѣльно, что подчасъ кружится голова отъ мысли: заслужилъ-ли я хоть долю того, что имѣю, или не есть ли и это испытаніе? Преданность Провидѣнію безгранична тоже. Я чувствую огромную перемену, душа становится шире; чистота первобытная и утраченная юношескимъ разгуломъ возникаетъ и хотя налетаютъ минуты горькаго сомнѣнія въ себѣ, минуты, въ которыя я кажу себя ничтожнымъ карлой....

„Одного не доставало въ моей жизни—это свиданія съ тѣмъ дивнымъ другомъ, котораго портретъ висѣлъ у меня въ комнатѣ. Сбылось и это. Онъ и она были, и мы четверо стали на колѣни передъ распятіемъ и молились съ горячими слезами и благодарили Провидѣніе. Больше счастья не можетъ помѣститься въ груди. Теперь въ путь—трудиться.... чтобъ заработать столько блаженства, даннаго Богомъ.

„Ваше замѣчаніе на счетъ лица апостола Павла въ Лициніи принять я никакъ не могу. Во первыхъ области искусства принадлежить вся вселенная, вся исторія и всѣ лица. Почему Рафаэлева кисть не задрожала отъ мысли писать Мадонну и еще больше—придавая ей черты Форнаррины. Почему рѣзецъ Бонаротти не остановился изображая Моисея. Во вторыхъ, — въ мистеріяхъ, разыгрываемыхъ въ среднія времена, выводится на сцену Іисусъ. Ваше выраженіе вольная поэзія я не понимаю. Поэзія есть одна. Перенесите вашъ широкой взглядъ на зодчество къ поэзій и вы увидите, что я правъ. Хорошо ли я представилъ апостола—это будетъ другой вопросъ. Скворцовъ имѣетъ черновую тетрадку, попросите у него „Intermezzo“, гдѣ и является апостолъ. Именно въ томъ-то и вопросъ нашего вѣва—помирить религію съ жизнью, откровеніе—съ мыслью.... Salut et amitié“.

28-го февраля 1839 года, комитетъ по сооруженію храма. Рассмотрѣвъ проектъ, комитетъ, 8-го марта 1839 года, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ художника за подъятый имъ трудъ, и того же числа представилъ эти планы начальнику губерніи. Затѣмъ, сдѣлано было надлежащее представленіе св. синоду, и также въ главное управленіе путей сообщенія.

Пока ожидали въ Вятѣ утвержденіе плана, переписка Витберга съ его другомъ дѣятельно продолжалась.

Le 18 Avril 1839 г.—Wladimir.

.... „Ma veine poétique ne s'épuise pas, il y a une nouvelle poème commencée: Villiame Penn, c'est à dire non le christianisme, en germe, le christianisme—religion mystique, poétique, orientale, comme il parait avec l'apotre Paul à Rome (Лидиній), mais le christianisme religion sociale, progressive, le Quäkerisme enfin. Mais je n'ai pas le temps. Adieu—salut et amitié“

18-го мая 1839 г.—Владиміръ.

„Когда Александръ съ вами прощался, онъ хотѣлъ поцаловать у васъ руку, какъ у отца. Артистъ и другъ моего Александра и я скло- няю передъ вами колѣна. Ваше твореніе велико, и ваша любовь велика. Въ вашемъ твореніи есть мысль міровая, ибо троичность Бога повторилась вездѣ въ человѣчествѣ. Но ваше твореніе не могло выполниться при узкихъ условіяхъ настоящаго. На него хотѣли надѣть крышу, а вы его хотѣли поставить подъ открытое небо, подъ то небо, откуда слеталъ духъ святой въ видѣ голубиномъ, въ символѣ любви. Артистъ! юноша пророчитъ вамъ, что ваше твореніе будетъ выполнено, и юноша доживетъ до той минуты, когда склонитъ передъ нимъ и напечатлѣветъ поцалуи вѣры и любви на камнѣ оду- шевленномъ, съ той же горячностью, какъ теперь готовъ поцаловать руку самого художника, котораго Александръ готовъ былъ назвать отцомъ.

„Прошу васъ, позвольте мнѣ взять у Александра проектъ, и сообщитъ художникамъ неизвѣстнымъ, и которые, можетъ, никогда не будутъ извѣстными, но которыхъ душа стремится къ безконечному Богу на небесахъ и къ прекрасному въ Его твореніи на землѣ. Позвольте. Развѣ не сказано „научите не мудрѣихъ“.

„Чѣмъ я кончу это письмо, художникъ, благословенный Богомъ? Вотъ чѣмъ: дайте мнѣ ваше благословеніе въ этомъ пути земномъ, дайте его какъ отецъ даетъ сыну. И у меня въ душѣ живетъ чистая любовь къ Богу. Ваше благословеніе не падетъ на бесплодную почву!“

Подъ этимъ письмомъ приписано другомъ Витберга слѣдующее:

„Вотъ, Александръ Лаврентьевичъ, нѣсколько строкъ, писанныя вамъ человѣкомъ, котораго вы только знаете черезъ меня Ог. — Онъ былъ въ восторгѣ отъ мысли вашего храма и просилъ, чтобъ я ему списалъ изъ вашихъ Записокъ о проектѣ; но я не смѣлъ этого сдѣлать, потому онъ и проситъ васъ. Напишите ему хотя строчку—это человѣкъ дивной чистоты душевной, любите его—онъ васъ любитъ.

„Вамъ предстоитъ разлука съ Прасковьей Петровной, одиночество ваше еще увеличится. Гдѣ то время, когда я иногда служилъ вамъ отдохновеніемъ (ибо въ вашей любви я не сомнѣваюсь),—зачѣмъ это

было тогда, а не теперь, теперь я больше чистъ, теперь я достойнѣе вашей дружбы.

„Прежде нежели вы получите это письмо, Наташа будетъ матерью. Какое великое дѣло—воспитаніе—раскрывается передъ нами, на нашу отвѣтственность Богъ даетъ существо—человѣка. Господи! дай же силу вести его по закону Твоему. Помолитесь объ насъ, помолитесь и объ малютокъ...“

... „Пришлите мнѣ пожалуйста съ Прасковьей Петровной одинъ изъ вашихъ проектовъ (большаго храма) въ тевтоно-готическомъ стилѣ—это будетъ священный залогъ вашего вниманія ко мнѣ. Прощайте. Вашъ другъ до гроба.“

„Наташа жметъ вашу руку. 9-го мая мы торжественно прочитали ваше поздравительное письмо, 1838 г. въ маѣ писанное. Оно такъ тепло, такъ дышитъ любовью, что безъ слезъ не можемъ перечитывать“....

7-го іюня 1839 г.—Владиміръ.

„Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Александръ Лаврентьевичъ! Много совершилось съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ къ вамъ, но третьяго Г—на нѣтъ; неопытность наша ошиблась цѣлымъ мѣсяцемъ, впрочемъ ждемъ съ часу на часъ. Богъ да благословитъ новое существо, назначенное представителемъ Его славы на землѣ!—Но что же это много? О—въ прощень высочайшимъ повелѣніемъ, въ концѣ мая, и теперь ждутъ многіе того же, и я въ томъ числѣ; все это по случаю свадьбы великой княжны. Онъ скоро поѣдетъ въ Москву, и тогда я ему передамъ вашъ привѣтъ, и онъ его приметъ со слезою. Не обижайтесь нескромностію, какъ вы пишете, его выраженій; онъ былъ такъ увлеченъ разказомъ о вашемъ великомъ созданіи, такъ увлеченъ разказомъ жизни, которая почти съ первой юности посвятилась во славу и прославленіе Бога, и перешла все земное — отъ кабинета артиста, черезъ кабинетъ императора, до кабинета, засыпаннаго снѣгомъ въ Вяткѣ, и что, вопъ obstantъ всего этого, твореніе росло, идея выражалась яснѣе, идеаль не померкнулъ. (Онъ говоритъ, что надобно его воздвигнуть въ Англии, тамъ не пожалѣютъ денегъ). Вотъ отчего съ такимъ восторгомъ писалъ онъ къ вамъ, и да будетъ и это доказательствомъ, что есть люди вполне понявшіе величіе вашего идеала, и у которыхъ ни годы, ни разстоянія не охладятъ любви къ художнику, творцу идеала.“

Ежели придетъ моя индальгенція, то я уѣду на августъ и сентябрь въ отпускъ, потомъ возвращусь сюда прослужить до ноября. Въ ноябрѣ пойдетъ обо мнѣ представленіе въ чинъ ассесора и тогда я тотчасъ переѣду въ Москву. Батюшка купилъ для насъ новый домъ, рядомъ съ своимъ (принадлежавшій генералу Туч-

кову); намѣренъ потомъ въ видѣ прогулки съѣздить въ Петербургъ. Только не на службу.... о, нѣтъ, пока довольно! Мнѣ кажется, еслибъ въ ваши желанія входило возвращеніе въ Москву, то это не совсѣмъ трудное дѣло теперь. Но что вамъ Москва, съ своею дороговизной?...

... „Александръ Лаврентьевичъ, пришлите же большой проектъ въ византійскомъ стилѣ. Наташа—одна изъ самыхъ фанатическихъ поклонницъ вашихъ—жметъ вамъ руку дружески, крѣпко. Любите насъ, любите и не забывайте NN“.

8-го іюня.

„Моя поэма „Вильямъ Пеннъ“ идетъ очень успѣшно. Сообщите, пожалуйста, Свворцову пріятную вѣсть объ Ог.“....

14-го іюня 1839 г.

„Вчера въ 12 утра явился на свѣтъ Саша. Все до сихъ поръ чрезвычайно легко и благополучно.

„Вы знаете очень хорошо чувства, которыя волнуютъ отца при рожденіи, особенно, первенца. Я плакалъ, я стоялъ на колѣняхъ передъ распятіемъ, я дрожалъ отъ страха, и этотъ страхъ происходилъ не отъ одного вида ея страданій, а отъ огромности дѣла отцовскаго. Мой сынъ относится ко мнѣ такъ, какъ новое поколѣніе къ старому, moi je donnerai la premiѣre impulsion его вѣрованіямъ, его убѣжденіямъ, я устремлю его къ тому или другому, и, слѣдственно, часть судьбы его зависить отъ меня. Какая отвѣтственность, но у него есть еще мать съ душою ангела, — ей предстоитъ религіозно-эстетическая часть.

„Господи, помоги намъ исполнить великое дѣло воспитанія, помоги поставить его на путь правдивый, (хотя бы съ этимъ и были сопряжены тяжелыя несчастія земной жизни)! Молю Тебя!

„Сообщите эту радостную вѣсть для насъ Авдотѣ Викторовнѣ, Прасковѣ Петровнѣ, буде ее письмо мое застанеть (вѣроятно, она получила посланные ей 500 руб.), Вѣрѣ Александровнѣ....

„Обнимаю вашихъ малютокъ. Да будетъ надъ ними благословеніе неба. Проектъ-то пришлите, сдѣлайте одолженіе и—довольно. Другъ вашъ“.

„15-го іюня, одиннадцатый часъ. Все пока, благодареніе Богу, хорошо. Помолитесь-же о малюткѣ и о матери.

11-го іюля.

.... „Читая ваши строки, къ Ог. написанныя со всей поэзіей и огнемъ юности, я еще болѣе удостовѣрился въ истинѣ словъ Жанъ-Поля, что душа высокая ищетъ, очищается съ каждымъ годомъ. Въ началѣ августа онъ пройдетъ здѣсь и тогда я ему вручу. Вы совершили вашъ Храмъ, видите-ли какой энтузіазмъ производитъ одинъ рассказъ. Толпа не восхищается—что за дѣло, ей надобно отлить мысль въ камнѣ, чтобъ заставить понять. Но есть люди, умѣ-

юще постигать великое въ идеѣ. Вашъ храмъ будетъ и изъ камня, вы оставляете богатое наслѣдіе дѣтямъ, благословите ихъ въ зодчіе и велите идти строить тамъ — гдѣ укажетъ Богъ. Вотъ мой совѣтъ!

„Все время послѣ нашей разлуки, я очень много занимался, особенно исторіей и философій; между прочимъ, я принялся за диссертацию, которой тема „какое звѣно между прошедшимъ и будущимъ нашъ вѣкъ“? Вопросъ важный, я обработалъ очень много. Вдругъ вижу, что-то подобное напечатано въ Берлинѣ, Prolegamina zur Historiographie, выписываю, и представьте мою радость, что во всемъ главномъ я сошелся съ авторомъ до удивительной степени. Значить, мои положенія вѣрны, и я еще больше примусь за обработку ея. Поэма: Вилліамъ Пеннъ почти окончена. Видите-ли, что и я не поджавъ руки сижу.

„28-го іюля. Высочайшимъ повелѣніемъ 20-го іюля я прощенъ. Сегодня ѣду въ Москву на нѣсколько дней“.

Спустя мѣсяцъ и для Витберга насталъ день великой радости. 28-го августа 1839 года, онъ былъ офиціально извѣщенъ объ утвержденіи въ Петербургѣ проекта Александро-Невскаго собора въ Вяткѣ.

30-го августа 1839 года, произведена была закладка храма, въ присутствіи академика Витберга. Во все время церемоніи закладки художникъ рыдалъ какъ дитя!.. Кто объяснитъ глубокое, горькое значеніе этихъ слезъ? чтò совершалось съ Витбергомъ въ это мгновеніе? Передъ очами души его не проносила ли другая закладка, при иной обстановкѣ, въ присутствіи царя и царственныхъ особъ, передъ лицомъ всей Москвы, передъ лицомъ лучшихъ представителей войскъ, едва возвратившихся съ пути міровыхъ побѣдъ; не вспоминался-ли ему тотъ свѣтлый ореолъ, которымъ его окружала слава, та безвозвратно прожитая жизнь безъ счастья видѣть олицетвореніе своей лучшей идеи, которое осталось бы достойнымъ памятникомъ грядущимъ поколѣніямъ, обезсмертило бы и его имя¹⁾.

Изъ письма его друга, писаннаго изъ Москвы 13-го сентября 1839 года, видно, что грусть и меланхолія вновь овладѣли Витбергомъ.

...„Послѣднее письмо ваше, — писалъ Витбергу его другъ, — я получилъ въ Москвѣ, гдѣ проживу весь сентябрь... Что сказать вамъ о продолжительномъ свиданіи моемъ съ Москвою? Москва похожа на тѣхъ добрыхъ людей, о которыхъ часто поминаешь въ разлукѣ и до которыхъ дѣла нѣтъ, когда они на лицо. Москва скучна, не смотря на то, что теперь шумъ, бѣготня, трескъ. Именно это суета суетствій наво-

¹⁾ Алябинъ, стр. 23—24.

дить подчасъ грусть. Я видѣлся здѣсь съ Жуковскимъ, но особенно замѣчательнаго сказать не могу. Въ публикѣ васъ часто поминаютъ, особенно теперь, когда новая закладка *sur le tapis*, и знаете-ли, что большая часть за вашъ проектъ, — кромѣ аристократовъ. Есть даже громогласные партизаны, и въ томъ числѣ архитекторъ Мирановскій и друг. . . .

„Прасковья Петровна передала мнѣ все, что вы ей поручили, — рядъ грустныхъ обстоятельствъ наводитъ на вашу душу меланхолическія мысли, — ежели вы вызовете изъ прошедшаго всё мое поведеніе относительно васъ и вашего семейства, то ясно увидите всю дружбу мою, всю преданность. А что не было отвѣта на письмо вашей супруги, то совѣстью клянусь вамъ, что я вовсе этого не помню, и совсѣмъ не знаю о какомъ письмѣ идетъ рѣчь. Скворцовъ пишетъ на три письма отъ меня одну записку, и я, право, не сомнѣвался въ его дружбѣ. Конечно, я съ вами болѣе сблизился нежели съ Авдотьей Викторовой, что же изъ этого? Между мною и вами больше общаго, симпатическаго (хотя я не скажу, чтобъ была полная гармонія). Отвергните-ли вы дружбу искреннюю, примите-ли еекакъ прежде принимали, это не измѣнитъ ни моего уваженія, ни моей любви къ вамъ, *et cela sera le dernier mot de ma lettre. Salut et amitié.....*

„Государь и иностранные принцы еще здѣсь. 12-го была новая закладка“.

Изъ Москвы, Витбергъ получилъ еще письмо отъ своего друга: отъ 18-го сентября 1839 г. онъ писалъ:

....„Съ восхищеніемъ читалъ я (въ письмѣ вашемъ) о 30-мъ августѣ, я понялъ все, что вы должны были чувствовать при закладкѣ (собора св. Александра Невскаго въ г. Вяткѣ). Это росинка благодати на ваше больное сердце. Молю Бога, да благословитъ Онъ новое начинаніе во славу Его, во славу вашего благодѣтеля, во славу вашу“....

АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ,

настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря.

Воспоминанія священника.

I.

Къ обширной біографіи архимандрита Фотія, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1875 г., въ томѣ XIII, стр. 301 и 459, присоединяю мои воспоминанія объ этой своеобразной личности, бывшей и служащей до сего времени въ нашей исторической литературѣ предметомъ пререканій.

Около 1825 г. объ отцѣ архимандритѣ Фотіѣ ходили повсюду обидные толки и я безсознательно имъ поддавался. Въ это время случай вовсе неожиданно свелъ меня съ отцемъ Фотіемъ. Дѣло было такъ.

Въ пятницу, на масленицѣ, 8-го февраля 1825 г., я (доканчивая тогда послѣдній годъ моего академическаго курса въ Александро-Невской духовной академіи) приглашенъ былъ на блины къ Николаю Макаровичу, священнику церкви Николы Мокраго, иначе называемой церкви св. Владиміра, что на Петербургской сторонѣ, близь пеньковаго буяна. Жена этого священника, Ирина Ѳедоровна, была родная, по матери, тетка отца Фотія. Приѣхавъ къ нимъ, часу въ 10-мъ утра, я принятъ былъ матушкой, т. е. женою священника, какъ и всегда, весьма радушно. Она пригласила меня въ небольшую гостиную. Семейство это, послѣ наводненія, бывшаго 7-го ноября 1824 г., разорившаго ихъ квартиру въ церковномъ домѣ, жило тогда въ мезонинѣ небольшого домика какого-то кушца. Священника не было дома; жена его, извиняясь, что не можетъ заняться со мною, пошла въ кухню готовить блины; а я въ гостиной занялся ея малолѣтними дѣтьми, коихъ было человѣкъ шесть. Нѣсколько минутъ спустя, падья вбѣгаетъ въ тревогѣ и говоритъ:

— „Яковъ Лукичъ (это мое имя), графиня къ намъ!“ т. е. Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская.

Я притворилъ изъ гостиной дверь въ залъ, и услышалъ голосъ хозяина, т. е. священника Николая Макаровича. Черезъ минуту входитъ въ гостиную Ирина Федоровна и говоритъ:

— „Яковъ Лукичъ, это не графиня, а отецъ Фотій пріѣхалъ въ графининой каретѣ. Выйди къ нему и прими благословеніе“.

Я, наслушавшись много невыгодныхъ толковъ объ отцѣ Фотіѣ, сказалъ: „ни за что не выйду“. Но, когда я пособлялъ маленькимъ дѣтямъ одѣваться и черезъ отверстую дверь пропускалъ ихъ въ залъ, къ отцу Фотію, онъ всталъ съ своего мѣста и выступилъ на средину зала. Благословляя дѣтей, онъ не могъ уже не замѣтить меня и тотчасъ спросилъ: „это кто у васъ?“ Не имѣя возможности укрыться отъ него, я вышелъ и наклонился, чтобы принять отъ него благословеніе. Благословляя меня и крѣпко зажавъ руку мою, принимавшую благословеніе, онъ быстро началъ: „кто ты такой?“—Студентъ духовной академіи.

— „Давно ли ты учишься?“

— Четвертый и послѣдній годъ.

— „Откуда ты?“

— Изъ Тверской духовной семинаріи.

— „Чей ты сынъ?“

— Священниковъ.

— „Не имѣешь ли въ чемъ нужды?“

— Ни въ чемъ не имѣю.

— „Поѣдемъ со мною“.

Съ этими словами онъ обратился къ выходной двери, при которой, въ графининой голубой ливреѣ, стояли два высокіе лакея. Ошеломленный такою нечаянностью, я весь растерялся. Ирина Федоровна подала мнѣ студенческой сюртукъ и пособила мнѣ напаять его поверхъ фрака. Я очутился при выходѣ изъ двери. Одинъ изъ лакеевъ взялъ подъ руку отца Фотія, а другой подхватилъ меня, и повели насъ по весьма узкой лѣстницѣ внизъ. На дворѣ стояла графинина карета, заложенная въ четверню, путомъ. Отецъ Фотій указалъ тростью на меня и на карету; меня вбросили перваго, какъ воробья, въ карету, и я занялъ мѣсто съ правой, а о. Фотій съ лѣвой отъ меня стороны. Карета двинулась; о. Фотій, подложивъ руку свою подъ мой картузъ, приказалъ накрыться. Я, ни живой, ни мертвый, думалъ, что такое дѣлается со мною? Лишь только выѣхали мы со двора на улицу, отецъ Фотій, наклонясь къ самому уху моему, громко спросилъ:

— „Любишь ли ты меня?“

— Нивякъ нѣтъ, ваше высокопреподобіе.

— „Почему ты меня не любишь?“

— Потому что всѣ васъ не любятъ.

— „А за что всѣ меня не любятъ?“

— Не знаю.

— „Да ты-то за что меня не любишь?“

— Я сказалъ,—за то, что всѣ васъ не любятъ.

— „Я тебя полюбилъ, что говоришь правду“.

Я поблагодарилъ легкимъ наклоненіемъ головы.

Отецъ Фотій постучалъ въ переднее стекло кареты, и карета остановилась. Онъ приказалъ: „на Тучковъ мостъ. Вотъ, я тебѣ покажу, за что меня всѣ не любятъ. А я тебя полюбилъ“.

Переѣхавъ на Васильевскій островъ, онъ долго каталъ меня по острову взадъ и впередъ и указывалъ на разные дома, объясняя мнѣ: „тутъ была такая-то масонская ложа, тутъ такая-то, тутъ былъ такой-то предсѣдатель, тамъ такой-то, тутъ преподавалось такое-то ученіе, тамъ такое-то“, и проч. и проч. Онъ много мнѣ рассказывалъ скороговоркою, но я ничего почти не понималъ, не понималъ даже и того, чтò такое масонство, хотя оно, въ то время, у всѣхъ было на языкѣ. Наконецъ, онъ сказалъ: „домой“. Карета пронеслась черезъ Исаакіевскій мостъ, и остановилась на Дворцовой набережной, близъ эрмитажа, у подъѣзда графинина дома. Вышедши изъ кареты, о. Фотій спросилъ меня:

— „Зачѣмъ ты былъ у тетки?“

— Я приглашенъ былъ на блины.

— „Поди назадъ, прямо чрезъ Неву, къ теткѣ; ты застанешь еще блины“.

— Благодарю, ваше высокопреподобіе.

— „Жаль мнѣ, что я лишилъ тебя блиновъ“.

— Помилуйте, ваше высокопреподобіе; вы накормили меня такими блинами, которыми до смерти будетъ рыгаться.

— „Приходи завтра ко мнѣ кофе пить“.

— Куда приѣдете?

— „Въ мою квартиру“.

— То есть, въ лавру?

— „Да“.

— Въ какое приѣдете время?

— „Въ 6 часовъ утра“.

Принявъ отъ него благословеніе, я нѣсколько минутъ стоялъ у подъѣзда, какъ одурѣлый; думалъ, дѣйствительно, прямо чрезъ Неву, вернуться къ его теткѣ, но тотчасъ разсудилъ лучше идти въ ака-

демію. Въ эту минуту я былъ подобенъ мышонку, счастливо вырвавшемуся изъ лапы обласкавшаго его царя звѣрей, и пошелъ тихимъ шагомъ, чрезъ арку главнаго штаба, на Невскій проспектъ, обдумывая все со мною случившееся. Изъ разговоровъ его особенно замѣтилъ я слѣдующее, разительно высказанное имъ замѣчаніе:

— „Да, спасибо отцу Григорію (то есть, бывшему въ то время ректору духовной академіи, викарію, и въ послѣдствіи митрополиту С.-Петербургскому); отецъ Григорій поправилъ академію; а прежде она мною путалась“.

Этимъ словомъ о. Фотій самъ подтвердилъ носившійся тогда слухъ, что онъ не терпитъ академіи и что академія относится къ нему неприязненно.

Дойдя до Знаменской церкви, я почувствовалъ небольшую тревогу въ желудкѣ, зашелъ въ фельдъегерскій корпусъ, помѣщавшійся тогда противъ церкви, въ домѣ Лопатина, засталъ семейство пріятелей моихъ за обѣдомъ; тутъ былъ знакомый мнѣ пожилой фельдъегерь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Трейманъ; меня пригласили къ столу, но я почти ни до чего не коснулся, но сидѣлъ задумавшись о своей нечаянной встрѣчѣ съ о. Фотіемъ. Г. Трейманъ спросилъ меня, что я такъ задумчивъ? Я рассказалъ всѣмъ бывшимъ за столомъ исторію моей нечаянной встрѣчи съ о. Фотіемъ, и всѣ удивились. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ замѣтилъ: „идти къ о. Фотію—опасно, и уклониться отъ его приглашенія—не безбѣдно. Онъ достанетъ тебя, хотя бы скрылся на дно моря“. Озадаченный еще болѣе этими словами, я, посидѣвъ нѣсколько минутъ, пошелъ, какъ шальной, въ свою академію. Пришедши въ свой номеръ, я былъ встрѣченъ товарищами, съ вопросами: гдѣ былъ? что видѣлъ? что слышалъ? и проч. и проч.—Чтобы отвязаться отъ нихъ, я вздумалъ уйти отъ нихъ на другую половину, въ которой помѣщались начальствующіе въ академіи, въ бакалавру Андрею Степановичу Красносельскому, который меня особенно любилъ, и который въ то время лежалъ въ постелѣ больной. Увидавъ меня, онъ очень обрадовался и сказалъ: „всѣ-то меня бросили; и служитель мой куда-то пропалъ; не кому испить подать. Поставь пожалуйста самоваръ“. Я приготовилъ чай, и за чаемъ рассказалъ ему исторію моей встрѣчи и весь разговоръ мой съ о. Фотіемъ. Андрей Степановичъ очень удивился, и просилъ меня повторить весь разговоръ съ о. Фотіемъ. Я повторялъ, а Андрей Степановичъ дѣлалъ на всѣ пункты разговора свои замѣчанія. Наконецъ я спросилъ: какъ мнѣ быть, Андрей Степановичъ? Идти ли мнѣ завтра къ о. Фотію, или нѣтъ? — Онъ, довольно подумавъ, сказалъ тоже, что и г. Трейманъ: „о. Фотій шутитъ собой не любить. Не идти къ нему нельзя; со-

крыться отъ него невозможно; онъ со дна моря тебя достанетъ, а идти къ нему очень опасно. Сохрани Богъ, если наше академическое начальство узнаетъ, что ты ходишь къ нему". Потомъ, нѣсколько подумавъ: „сходи къ нему,—сказалъ,—разъ; замѣть и перескажи мнѣ все отъ слова до слова, что онъ будетъ говорить. А въ какое время тебѣ приказано быть у него?" — Въ 6 часовъ утра. — „Смотри, не смѣй опоздать ни одной минутой. Эти люди весьма аккуратны, и не терпятъ ни малѣйшей неаккуратности въ другихъ". Просидѣвъ у него до 11-ти часовъ, я вышелъ отъ него, чтобы приготовиться къ завтрашнему свиданію съ о. Фотіемъ.

Придя въ номеръ, я приготовилъ все необходимое платье, въ которомъ долженъ былъ явиться къ о. Фотію, и положилъ на свой столикъ предъ кроватью. Потомъ пригласилъ служителя и просилъ его разбудить меня при первомъ ударѣ въ колоколъ къ лаврской заутренѣ и подать свѣту. Служитель исполнилъ въ точности мою просьбу; явился ко мнѣ во время звона къ заутренѣ. Я попросилъ его узнать, отперта ли калитка, чрезъ которую мы ходили въ лавру; служитель сбѣгалъ и донесъ мнѣ, что калитка отперта. Я, помолясь Богу, со страхомъ и трепетомъ отправился въ лавру. Предъ соборомъ я также сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ, и направился къ кельѣ о. архимандрита. — Взойдя въ переднюю, я весьма вѣжливо встрѣченъ былъ двумя служителями изъ дому графини, сидѣвшими за столомъ при двухъ воскояровыхъ свѣчахъ, которые тихо, почти шепотомъ спросили меня: „къ о. Фотію?" — Точно такъ. — „Кто вы?" — Студентъ духовной академіи. — „Въ какое время приказано вамъ явиться?" — Въ 6 часовъ утра. — „Теперь нѣтъ еще 6-ти часовъ. Пожалуйста спустя нѣсколько времени; или, не угодно-ли здѣсь подождать?" Боясь опоздать, я испросилъ позволеніе здѣсь обождать, и сѣсть съ ними на одинъ изъ стоявшихъ тутъ диванчиковъ. Мнѣ дозволено, и я сѣлъ. Дверь изъ передней во внутреннія комнаты была отворена, и въ нихъ уже ярко свѣтились огни. Слышу—внутри, на столовыхъ часахъ бьетъ 6 часовъ. Одинъ изъ служителей вошелъ во внутреннія комнаты, въ ту же минуту вернулся и сказалъ: „пожалуйте".

Вхожу, помолясь на образъ, и вижу: о. архимандритъ, во второй отъ передней комнатѣ, сидитъ на диванѣ въ рясѣ и влобукъ съ сіяющей брилліантовой панагіею на груди. Я удивился, и мысленно возблагодарилъ Бога, что явился точь-въ-точь въ назначенное время. Благословивъ меня, онъ приказалъ мнѣ садиться. Я занялъ мѣсто поближе ко входной двери. О. Фотій сказалъ: „садись ближе". Я сдѣлалъ шагъ впередъ, и сѣлъ. О. архимандритъ сказалъ опять: „садись ближе". Я сдѣлалъ еще шагъ впередъ, и опять сѣлъ. Но онъ,

ударивъ ладонью по дивану, сказалъ: „сидись сюда“,—и я сѣлъ рядомъ съ нимъ. Первый вопросъ его, обращенный ко мнѣ, былъ: „куда ты вчера скрылся?“—Я пошелъ въ академію.—„Какъ, въ академію? За тобой вчера графиня послала троицъ, чтобъ тебя воротить“.—Я взялъ назадъ, чтобы не идти чрезъ Царицынъ лугъ, и не потерять въ масляничномъ шумѣ изъ головы моей того, что я вчера слышалъ отъ васъ.

— „Ну, самъ виноватъ, что вчера не обѣдалъ у графини вмѣстѣ съ графомъ Кочубеемъ и съ графомъ Аракчеевымъ“.

При сихъ словахъ я всталъ и обѣими руками перекрестился.

— „Что это значитъ?“ спросилъ о. Фотій.

— То, что я вчера не зналъ, куда дѣваться отъ васъ, а обѣдать вмѣстѣ съ такими высоко и свѣтло сіяющими мужами, какъ графы Кочубей и Аракчеевъ, и подумать страшно!

— „Почему такъ?“

— Потому что я твердо держусь пословицы: близъ царя — близъ смерти. Тоже я думаю и о близости къ такимъ мужамъ, каковы графы Кочубей и Аракчеевъ.

— „Это не твое дѣло, я зналъ бы, какъ отвѣчать за тебя. Ну, да, это дѣло не ушло. Ты будешь ходить ко мнѣ, и ты познакомишься съ обоими графами“.

Разговоръ начался съ того, на чемъ вчера о. архимандритъ изволилъ остановиться, т. е. о масонствѣ. Въ продолженіе разговора я всталъ и съ сердечнымъ сокрушеніемъ сказалъ: простите меня, в. п.—біе, что я вчера осмѣлился сказать вамъ то, что было у меня на душѣ. Я, не зная васъ, сказалъ вамъ, что я не люблю васъ, потому что всѣ васъ не любятъ: нынѣ, имѣя счастье нѣсколько познать васъ, паче же, быть познаннымъ вами, я не могу не полюбить васъ, и буду любить до послѣдняго издыханія моего.

— „Узнаешь больше, и больше станешь любить меня“.

Въ это время докладываютъ о. архимандриту: „академическіе монахи“.

— „Просить“.

Входятъ одинъ за другимъ: о. Гавріилъ, въ послѣдствіи бывшій законоучитель Казанскаго университета и настоятель какого-то якутскаго монастыря, скончавшійся въ одномъ изъ муромскихъ монастырей, о. игуменъ Игнатій, скончавшійся въ санѣ архіепископа воронежскаго, о. Иннокентій Борисовъ, знаменитый въ послѣдствіи витія харьковскій, и о. Арсеній, покойный митрополитъ кievскій. Лишь только они показались въ дверяхъ, меня, какъ молній, отшибло съ дивана, на которомъ я сидѣлъ рядомъ съ о. Фо-

тіемъ, ко входной двери. Когда они здоровались съ хозяиномъ, я стоялъ у двери, какъ преступникъ у рѣшетки подсудимыхъ, и думалъ: отъ кого я бѣжалъ, на тѣхъ и попалъ. О. архимандритъ пригласилъ ихъ садиться, и они сѣли по лѣвую руку отъ дивана. О. Фотій, указывая рукою на меня, спросилъ гостей:

— „Знаете-ли вы этого человѣка?“

— Знаемъ,—отвѣчалъ о. Гавріиль; это нашъ студентъ, Морошкинъ.

— „Хорошъ-ли онъ?“

— Очень хорошъ,—отвѣчалъ о. Гавріиль. Хвалили меня, выше моего достоинства, и другіе. О. архимандритъ, съ своей стороны, прибавилъ:

— „И я полюбилъ его. Вчера онъ мнѣ правду сказалъ, что меня не любитъ, и что всѣ меня не любятъ“.

Поданъ былъ всѣмъ, и мнѣ, кофе. Разговоръ велся недолго, и очень обыкновенный — объ масляницѣ. Монахи академическіе, выпивъ по чашкѣ кофе, отеланались о. Фотію, и вышли, а мнѣ приказано остаться. Я сѣлъ, по приказанію его, къ столу. Входитъ о. протоіерей Петръ Ивановичъ Турчаниновъ, извѣстный знатокъ церковнаго пѣнія. Разговоръ шелъ о важности и достоинствѣ церковной ноты и, церковнаго пѣнія. Среди разговора докладываютъ: „графъ Алексѣй Федоровичъ“, т. е. Орловъ. О. архимандритъ всталъ съ дивана, и, остановясь на срединѣ комнаты, спросилъ входившаго графа: „что?“ — „Принять благословеніе“. О. Фотій благословилъ его большимъ крестомъ, и снова спросилъ: „только?“

— „Только“, отвѣчалъ графъ, и съ симъ словомъ вышелъ отъ о. архимандрита. Не долго пробылъ у него и о. протоіерей Турчаниновъ. За нимъ поднялся и я. Но о. Фотій остановилъ меня и, повторивъ не одѣжды, что онъ полюбилъ меня, накрѣпко приказалъ ходить къ себѣ чаще.

Вышедши отъ него, я прямо направился къ Андрею Степановичу Красносельскому, чтобы передать ему видѣнное мною у о. архимандрита. Послѣ всего, мною подробно пересказаннаго, я спросилъ его: теперь скажите мнѣ, какъ мнѣ быть, ходить или не ходить къ о. Фотію? Послѣ нѣкотораго раздумья онъ сказалъ: „ходить къ нему хорошо, а не ходить лучше. Ты отчасти знаешь наши отношенія къ о. Фотію и его расположеніе къ академіи. Ты идешь своимъ путемъ, и идешь благонадежно. Для чего тебѣ искать милостей отъ о. Фотія и близкихъ къ нему сильныхъ земли? Иди лучше своею прямою дорогою. Тебя начальство знаетъ съ доброй стороны. А передавшисъ

на сторону о. Фотія, ты можешь потерять благоволеніе начальства и нажить себѣ много непріятностей“.

Я рѣшился послѣдовать совѣту Андрея Степановича и пересталъ думать объ о. Фотіѣ.

II.

Наступалъ свѣтлый праздникъ Пасхи; пятерымъ изъ студентовъ, въ томъ числѣ и мнѣ, назначено было приготовить поздравительныя рѣчи преосвященному митрополиту Серафиму. Послѣ ранней, въ академической церкви, обѣдни, мы всѣ пятеро пошли вмѣстѣ со всѣмъ академическимъ начальствомъ къ митрополиту. Митрополитъ, принявъ и похристосовавшись со всѣми, не изволилъ слушать нашихъ рѣчей, а приказалъ А. И. Суслову, своему домашнему секретарю, поблагодарить насъ, какъ водится, т. е. выдать каждому изъ насъ по 15 руб. Спустившись отъ митрополита внизъ, я долго стоялъ на входномъ крыльцѣ, ведущемъ къ о. архимандриту Фотію, который въ то время былъ въ Петербургѣ, раздумывая—войти къ нему, или нѣтъ. Войти къ нему подстрекало меня сильное желаніе и несомнѣнная надежда получить отъ него хорошее красное яйцо; не идти къ нему оставляло меня слово Андрея Степановича и внутреннее чувство — потерять уваженіе къ самому себѣ и нажить укоризну совѣсти въ своемъ непостоянствѣ и искатеельствѣ користи. Я остановился на послѣднемъ, и не пошелъ къ нему.

Послѣ Пасхи наступило время приготовленія къ окончательному экзамену. Я занялся своимъ дѣломъ и нисколько не думалъ объ о. Фотіѣ и о тетѣ его. Окончивъ, могу смѣло сказать, счастливо и даже блистательно курсъ моего академическаго ученія, я началъ весьма часто ходить въ домъ тетки о. Фотія Ирины Фодоровны, къ чему возбуждали меня особенныя, близкія и самыя интересныя отношенія мои къ ея семейству. Отъ нея-то узналъ я многія, мельчайшія обстоятельства жизни о. Фотія.

Фотій былъ сынъ причетника, обѣднй сирота. Учасъ въ Александро-Невской семинаріи, онъ всякій праздникъ ходилъ къ своей тетѣ; она угощала его чаемъ, кофеемъ, давала ему долю или конецъ пирога, пять или десять копѣекъ на сбитень; вообще принимала его какъ мать родная. За то и о. Фотій, когда вошелъ въ славу, относился къ ней, какъ сынъ родной. Отъ нея, т. е. отъ тетки о. Фотія, и отъ товарищей моихъ, поступившихъ въ академію, въ 1821 году, изъ Александро-Невской семинаріи, слышалъ я много объ обстоятельствахъ, сблизившихъ о. Фотія съ графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменскою.

Ректоромъ Александро-Невской семинаріи до 1820 г. былъ о. Иннокентій Смирновъ, вызванный вмѣстѣ съ о. Филаретомъ Дроздовымъ, въ послѣдствіи митрополитомъ московскимъ, изъ Троицко-Сергіевской семинаріи или академіи въ новооткрытую, или вновь преобразованную С.-Петербургскую духовную академію, и были оба преподавателями богословскихъ наукъ; оба они, по повелѣнію тогдашней комисіи духовныхъ училищъ, много трудились надъ составленіемъ церковной исторіи, о. Филаретъ — библейской, и о. Иннокентій — послѣ времени библейскихъ; оба они были любимцами тогдашнихъ митрополитовъ, Амвросія Подобѣдова и Михаила Десницкаго, и оба получали равныя награды: о. Филаретъ сдѣлался ректоромъ академіи, а о. Иннокентій ректоромъ семинаріи. Но оба они шли каждый своимъ путемъ, и во взглядахъ своихъ на тогдашнее христіанство другъ отъ друга различались.

О. Иннокентій получилъ настроеніе духа своего, котораго и держался онъ во всю жизнь, въ Ростовѣ, Ярославской губерніи. Тамъ долгое время жилъ и двадцать лѣтъ служилъ при мощахъ святителя Дмитрія прославившійся подвижничествомъ и благочестіемъ старецъ, о. Амфилохій, сынъ ростовскаго, весьма благочестиваго священника, бывшій въ началѣ діакономъ въ Ярославлѣ. Когда императрица Екатерина Вторая бывала въ Москвѣ и посѣщала Успенскій соборъ, то замѣтила, что живопись стѣнная весьма обветшала, и изволила дать повелѣніе обновить ее. Для этого вызваны были изъ ближайшихъ къ Москвѣ епархій всѣ искусныя въ церковной живописи мастера, состоявшіе тогда подъ вѣденіемъ епархіальныхъ архіереевъ; вызванъ былъ и помянутый діакономъ изъ Ярославля (мірское имя его я не помню); его-то кистью обновлено все стѣнное писаніе — сотрудники его занимались только растираніемъ и приготовленіемъ красокъ—въ Успенскомъ соборѣ и сіяло свѣжестью красокъ даже до нашего времени. Когда онъ занимался стѣнною живописью въ Успенскомъ соборѣ, его дьяконница въ Ярославлѣ померла, и онъ немедленно поступилъ въ монашество, и постригся въ Ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ; тутъ онъ скончался и погребенъ, помнится, въ 1824 году. Надъ его гробомъ духовная дочь его, питавшая къ нему безпредѣльное почтеніе, довѣріе и любовь, графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, поставила богатый памятникъ, который красуется донынѣ на соборной паперти Яковлевскаго монастыря.

Къ сему о. Амфилохію имѣлъ благоговѣйное уваженіе родственникъ его, богатаго села Порѣчья, состоящаго по другую сторону озера Ростовскаго, священникъ, который, овдовѣвъ, поступилъ въ число монашествующаго братства въ Яковлевскій монастырь, и, конечно, не

безъ содѣйствія достоуважаемаго всѣми о. Амфилохіа, сдѣлался архимандритомъ и настоятелемъ, православившимся въ послѣдствіи подъ именемъ Иннокентія. Къ нимъ обоимъ, т. е. къ отцамъ Амфилохію и Иннокентію, питала глубочайшее почтеніе графиня Анна Алексѣевна, чтила ихъ, какъ духовныхъ отцовъ и руководителей въ жизни духовной; многократно посѣщала Ростовъ и, какъ носились слухи, даже не одна, а вмѣстѣ съ императрицей Марією Ѳеодоровной; по представительству о. архимандрита Иннокентія, устроила богатый храмъ съ лѣвой стороны при соборной церкви и обогатила монастырскую ризницу драгоцѣннѣйшею утварью.

Въ вакаціонное время хаживалъ въ Ростовъ изъ Троицко-Сергіевской семинаріи или академіи студентъ Смирновъ, бывалъ у о. архимандрита Иннокентія, бесѣдовалъ съ нимъ и съ о. Амфилохіемъ о христіанствѣ и, всякій разъ, кромѣ духовныхъ назиданій, получалъ отъ о. архимандрита и денежные подарки. О. архимандрить, страдая ногами, сидѣлъ всегда на диванѣ; сзади дивана висѣли на стѣнѣ портреты живыхъ еще благотворителей монастыря, а спереди, въ глазахъ его, красовались стѣны съ изображеніями святыхъ, уже почившихъ, и онъ обыкновенно говаривалъ, что живетъ между живыми и мертвыми. Передъ нимъ ящики стола были всегда полны финифтяными образками и деньгами, которыя онъ щедрою рукою раздавалъ всѣмъ богомольцамъ, приходившимъ къ нему на благословеніе. Можно полагать безошибочно, что студентъ Смирновъ, увлекаясь всегда сладостною бесѣдою сихъ достопочтенныхъ мужей, Иннокентія и Амфилохіа, тогда-же расположился и рѣшился поступить въ монашество и принять имя Иннокентія.

Знаменитые старцы Иннокентій и Амфилохій были еще живы, когда Иннокентій Смирновъ вошелъ въ извѣстность и сдѣлался ректоромъ Александро-Невской семинаріи. И быть не можетъ, чтобы онъ чрезъ нихъ не сдѣлался извѣстнымъ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ. Вотъ начало сближенія графини Орловой съ ректоромъ Иннокентіемъ Смирновымъ. Товарищи мои, бывшіе воспитанники Александро-Невской семинаріи, говаривали мнѣ, что они часто видѣли на семинарскомъ дворѣ богатые экипажи, въ томъ числѣ, особенно по ночамъ, и экипажъ графини Орловой. И не удивительно! Отъ ректоръ Иннокентій и графиня, напитанные духомъ православнаго христіанскаго благочестія отъ оо. Амфилохіа и Иннокентія Ростовскаго, совершенно отличнымъ отъ тогдашняго духа времени, не могли болѣе и болѣе не сближаться другъ съ другомъ. Отъ ректоръ Иннокентій, какъ видно изъ всѣхъ его сочиненій и изъ писемъ къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, горячо тогда стоялъ и ратовалъ за православіе. Онъ велъ

жизнь строго подвижническую; его нерѣдко заставляли рано по утрамъ предъ большимъ распятіемъ простерто-спящаго на полу, послѣ все-нощныхъ трудовъ предъ письменнымъ аналоемъ. Во всемъ прочемъ онъ подражалъ своему наставнику Иннокентію Ростовскому.

Въ это время, въ 1816 - 1820 гг., обучался въ Александро-Невской академіи студентъ изъ С.-Петербургской семинаріи Павелъ Спасскій. Усмотрѣвъ отличное ученіе, занесенное въ академію изъ западной Европы, онъ не вытерпѣлъ, и, наслушавшись о благочестивомъ житіи ректора семинаріи о. архимандрита Иннокентія, онъ явился къ нему и просилъ объ опредѣленіи себя на должность учителя въ уѣздномъ духовномъ училищѣ. О. ректоръ согласился принять его. Павелъ Спасскій тотчасъ исключился изъ академіи, поступилъ въ учителя и вскорѣ, по болѣзненному состоянію и по собственной склонности, а болѣе всего по особенному вліянію на него о. ректора, постригся въ монашество, принявъ имя Фотія.

Какъ единомысленный съ ректоромъ семинаріи, пользовавшимся тогда высокою честью и громкою славою, о. Фотій, не безъ вліянія и содѣйствія его, вскорѣ опредѣленъ былъ во второй кадетскій корпусъ, законоучителемъ. Кадеты, услышавъ небывалое (?) въ ихъ классахъ ученіе вѣры, полюбили его отъ души. А усилившіеся тогда масоны гнали его всевозможными способами, задумывали даже задушить его (!), въ его квартирѣ или кельѣ (!). Кадеты вынуждены были, по ночамъ, стоять поочередно на часахъ и караулить двери его кельи (!). Рассказывали студенты духовной академіи, бывшіе с.-петербургскіе семинаристы, что одинъ разъ о. Фотій, въ глухую полночь, изъ кадетскаго корпуса прибѣжалъ къ о. ректору Иннокентію босикомъ, въ свиткѣ или рубашкѣ, спасшись отъ гонителей своихъ, при помощи кадетовъ, чрезъ окно своей квартиры, черезъ садъ и стѣну сада. Послѣ такого явнаго и наглого посягательства на его жизнь, ему нельзя уже было оставаться въ корпусѣ и въ С.-Петербургѣ, и онъ опредѣленъ былъ въ Новгородъ въ Деревяницкій монастырь настоятелемъ ¹⁾.

Въ то же время, около 1820 года, подвергся отвѣтственности

¹⁾ Не надо забывать, что, говоря о преподаваніи Фотіемъ закона Божія въ кадетскомъ корпусѣ и о причинахъ его удаленія изъ этого заведенія, о. Морозкинъ повторяетъ только ходившіе тогда въ петербургскомъ духовномъ словесіи слухи и толки, усердно самими Фотіемъ поддерживаемые. Товарищъ по службѣ его во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, покойный Л. М. Спасскій, положительно говорилъ намъ, что Фотій былъ предурной преподаватель, притомъ пазувѣрство и фанатизмъ его сказывались во всемъ его поведеніи; ни бить, ни охранять его никому не было нужно. (См. «Русскую Старину», изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 304). Ред.

и преслѣдованію отъ правительства и благодѣтель его, о. ректоръ Иннокентій, за то, что онъ, по званію цензора печатаемыхъ духовныхъ книгъ, пропустилъ книжку, помнится, Станкевича, подъ заглавіемъ: „Плачь матери надъ гробомъ младенца“, надѣлавшую тогда много шуму въ Петербургѣ. Я, бывши студентомъ, читалъ эту книжку, и ничего противнаго православію въ ней не нашелъ. Впрочемъ, говорили тогда, что это сочиненіе пущено въ свѣтъ уже исправленнымъ. Не смотря однакожь на это, о. Иннокентій былъ удаленъ изъ Петербурга, въ санъ епископа Пензенскаго и Саратовскаго.

Проѣзжая, крайне больной, черезъ Москву, Иннокентій остановился въ домѣ благотворительницы своей, графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, что нынѣ Александровскій дворецъ. Графиня пригласила къ нему знаменитыхъ московскихъ докторовъ, которые уже не признали въ немъ надежды на выздоровленіе. Графиня при этомъ спросила его:

— „Что бы я могла еще сдѣлать для васъ?“

— „Вы все уже сдѣлали для меня“, — отвѣчалъ преосвященный Иннокентій.

— „Что бы я могла сдѣлать для вашихъ родныхъ?“

— „И для нихъ вы все уже сдѣлали, графиня. Миѣ уже не остается ничего пожелать и для нихъ. А если вамъ угодно еще явить свою любовь и благорасположеніе ко миѣ, то взъщитѣ своею милостію любезнѣйшаго, по духу, сына моего, отца Фотія“.

Графиня записала его имя, а преосвященный Иннокентій отправился въ дальнѣйшій путь свой—въ путь смертный: по прибытіи на епархію, онъ черезъ шесть недѣль почилъ въ Господѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, графиня спросила митрополита объ о. Фотіѣ и просила, чтобъ онъ представленъ былъ къ ней. При первомъ свиданіи съ о. Фотіемъ, она увидѣла въ немъ наслѣдника и преемника всѣхъ благодатныхъ мыслей и чувствъ премного уважаемыхъ ею отцовъ духовныхъ: Амфилохія, Иннокентія Ростовскаго и преосвященнаго Иннокентія Смирнова, и отнеслась къ нему съ такимъ же, какъ къ упомянутымъ отцамъ, благоволеніемъ, довѣріемъ и благорасположеніемъ. Вотъ начало сближенія ея съ о. Фотіемъ.

Много въ то время ходило по Петербургу обидныхъ для о. Фотія и для графини толковъ и слуховъ. Ими-то увлеченный, и я, въ самое первое свиданіе съ о. Фотіемъ, осмѣлился прямо сказать ему, что „всѣ его не любятъ и что я его не люблю“. Но бывая потомъ часто въ домѣ тетки его, и слушая рассказы о его подвижничествѣ, дивномъ самоотверженіи и благотворительности, простиравшейся, какъ миѣ казалось, до безрасчетливой расточительности, я совершенно перемѣнилъ

свои мысли, сдѣлался его почитателемъ и искреннѣйшимъ его любителемъ, каковымъ остаюсь доннѣ и останусь навсегда.

III.

Настало вакаціонное время; для меня, счастливо кончившаго курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, — время самое благодатное. Тетка не разъ приглашала меня ѣхать съ нею въ Новгородъ, гдѣ жилъ тогда о. Фотій: но я, изъ глупцовъ слѣпѣйшій глупецъ, никакъ не рѣшался ѣхать, боясь нарушить свое правило жизни: всего ожидать отъ Бога, никогда не надѣясь на силу человѣческую. Какъ будто и сей единственный случай не былъ посланъ отъ Бога! 29-го августа объявлены немногимъ изъ насъ мѣста наставническія; я опредѣленъ учителемъ философіи въ Тверскую семинарію — это моя родина. Прощаясь съ семействомъ о. Николая Макаровича, я далъ слово непремѣнно заѣхать въ Юрьевъ монастырь. 5-го сентября я явился къ о. Фотію передъ обѣдней; былъ принятъ весьма ласково. Первое слово его было ко мнѣ:

— „Почему ты не ходилъ ко мнѣ?“

— Потому, что боялся начальства.

— „Ты очень хорошо дѣлалъ. Куда ты теперь ѣдешь?“

— Въ Тверскую семинарію, учителемъ философіи.

— „Вотъ видишь, ты самъ собою все получилъ. А если бы ты ходилъ ко мнѣ, то, Богъ знаетъ, что было бы; ты сегодня у меня обѣдаешь“.

— Слушаю, ваше высокопреподобіе.

Онъ пошелъ въ свою комнату, а я пошелъ бродить по монастырю. Къ обѣду я явился; къ столу приглашенъ былъ еще какой-то іеромонахъ Аполлосъ и мы сѣли втроемъ. Столъ былъ весьма небогатый и совершенно постный, но хорошо приготовленный изъ одной растительной пищи; къ концу стола поданъ былъ большой арбузъ. Послѣ обѣда о. архимандритъ пригласилъ меня пройтись по монастырю, и повелъ прямо въ соборъ, въ которомъ тогда производилась каменная работа. Указавъ на отбитую штукатурку внутреннихъ столбовъ собора, онъ сказалъ:

— „Вотъ, смотри, это самая древняя, первоначальная кладка. Я снялъ всѣ позднѣйшія накладки и поправки, чтобы добиться до первоначальной“.

Я удивился необычайной величинѣ старинныхъ кирпичей и чрезвычайно толстому цементу изъ одной почти извести. Кирпичъ показался мнѣ не менѣе 6-ти вершковъ въ толщину и вершковъ 8 или 10 въ длину. Изъ собора повелъ онъ меня по корридорамъ братскихъ

келій. Я удивлялся вездѣ отмѣнной чистотѣ и приспособленности къ спокойному, монашескому житію. Привелъ въ одну келью, въ которой живописецъ трудился надъ поправкою образа св. великомученика Георгія.

— „Вотъ,—сказалъ о. архимандрить,—первоначальный образъ великомученика. Я снялъ нѣсколько слоевъ красокъ и позднѣйшихъ поправокъ, чтобы видѣть, какъ въ древности писали образъ св. великомученика: и вотъ его настоящій видъ“.

Стиль письма, очевидно, былъ древнѣйшій, отличавшійся отъ настоящаго только грубостію красокъ. Списокъ съ этого образа видѣлъ я въ теплой церкви, что подлѣ кабинета о. Фотія, и дивился богатѣйшему его украшенію. О. Фотій, указывая на жемчужину въ племѣ великомученика, сказалъ:

— „Вотъ эта одна жемчужина стоитъ 1½ милліона“.

Она показалась мнѣ величиною съ голубиное яйцо, и даже нѣсколько больше его. Затѣмъ, повелъ онъ меня въ ризницу. Оставивъ безъ замѣчанія много новѣйшихъ богатыхъ облаченій, онъ подвелъ меня къ послѣднему шапу, приказалъ вынуть ризу, унизанную по оплечью драгоценнымъ камнемъ, и сказалъ:

— „Эта риза одна стоитъ 20 тысячъ“.

Тогда счетъ былъ ассигнаціями. Потомъ вынулъ золотой посохъ съ унизанными драгоценнымъ камнемъ яблоками, стоящій, по его словамъ, 40 тысячъ, митру, стоящую 250 тысячъ, и, наконецъ, пожалованную ему панагію, въ 7 тысячъ рублей. При этомъ осмѣлился я сказать:

— Теперь вамъ осталось получить только архіерейство.

На это онъ сказалъ:

— „Давно имъ (не сказалъ: кому?) хочется произвести меня въ архіереи, чтобы заслатъ куда-нибудь подальше, а мнѣ этого не хочется; мнѣ хочется навсегда остаться на этомъ мѣстѣ“.

— А что стоитъ, — спросилъ я, — вся эта ризница?

— „Долго времени, т. е. до 1825, года, устроено ризницы на 800 тысячъ рублей“.

— Гдѣ же прежняя ризница?

— „А вотъ сейчасъ увидишь“.

Отворили небольшую палатку.

— „Вотъ здѣсь собрано все, что до меня было“.

Я увидѣвъ одну, очень довольно подержанную бархатную фіолетоваго цвѣта ризу, низанную почти сплошь мелкимъ жемчугомъ, и нѣсколько старья, собраннаго въ кучу.

— Это немного,—замѣтилъ я,—для первокласснаго монастыря.

— „А знаешь-ли,—сказаль о. архимандрить,— сколько нашель и запасовъ монастырскихъ?“

— А сколько?

— „1½ четверика ржаной муки и 1/2 четверика ячнаго солоду“.

— Видно, было же хозяйство!

Дошли мы и до каретнаго сарая. Здѣсь, кромѣ множества крупныхъ и мелкихъ экипажей, замѣтилъ я семь новѣйшихъ, отличнѣйшихъ, въ рядѣ поставленныхъ дормезовъ, и спросилъ:

— Чтожь это, ваше высокопреподобіе, все ваши или монастырскіе дормезы?

— „Что это за вопросъ? Все монастырское—мое, и мое—все монастырское. Я не дѣлюсь съ монастыремъ“.

Долго водилъ онъ меня и еще по монастырю, показывалъ разныя хозяйственныя заведенія и улучшенія, и разговаривалъ о разныхъ разностяхъ.

Возвратясь наконецъ въ кельи, я замѣтилъ въ первомъ залѣ только два портрета: императора Александра Павловича и графа Аракчеева, висѣвшіе рядомъ надъ дверями, что подало мнѣ поводъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ. Здѣсь о. архимандрить завелъ разговоръ о своей теткѣ. Онъ зналъ, что ей хотѣлось выдать за меня дочь свою А. Н., и, можетъ быть, тетка надѣялась, что о. Фотій наградить ее щедрою рукою. Я молча стоялъ и услышалъ отъ него:

— „Я не знаю, для чего они надѣются на меня, какъ на роднаго? Да развѣ они не знаютъ, что у монаха нѣтъ родни и родства?“

Я всталъ и началъ благодарить и откланиваться его высокопреподобію. „Куда же ты слѣпшишь?“—Меня дожидаютъ товарищи. Ихъ было трое и у двоихъ изъ нихъ не было почти ни гроша. „Останься у меня, погости, хотъ недѣлю; ты еще увидишься съ товарищами; можешь даже догнать ихъ“. Но я, по непростительной моей глупости, и тутъ заупрямился. О. архимандрить приказалъ подать своихъ пару орловскихъ рысаковъ, и велѣлъ о. намѣстнику проводить меня до постоялаго двора, гдѣ мы остановились; самъ проводилъ меня до Блинной горки, на которой, по его словамъ, сиживали въ старину торговки съ блинами, далъ на дорогу сто рублей и приказалъ наврѣйко писать къ себѣ чаще, не ожидая, впрочемъ, отъ него взаимно писемъ, „потому что, говорилъ онъ, у меня и безъ того много дѣлъ“.

По приѣздѣ въ Тверь, въ первыхъ числахъ сентября, я съ горячностью занялся своимъ предметомъ, т. е. философіею. Написалъ въ продолженіе осени три или четыре письма къ о. Фотію, не ожидая отъ него отвѣта. Получилъ письчо и отъ Николая Макаровича, ко-

торымъ приглашалъ онъ меня прїѣхать въ С.-Петербургъ для женитьбы и для занятія священническаго мѣста въ какомъ-то институтѣ, предназначаемаго мнѣ по ходатайству графини Анны Алексѣевны. Но состояніе моего родительскаго дома и его семейства, а еще болѣе случившіяся въ концѣ 1825 г. смутныя обстоятельства въ С.-Петербургѣ, волею и неволею расположили меня навсегда остаться въ Твери. Невѣста моя, двоюродная сестра о. Фотія, вышла замужъ, и я пересталъ думать о Петербургѣ и о. отцѣ Фотіѣ.

Въ 1826 г., во время коронаціи государя императора Николая Павловича, о. Фотій былъ въ Москвѣ; былъ тамъ и я. Два раза ѣздилъ я въ Новоспасскій монастырь, въ которомъ о. Фотій имѣлъ пребываніе, но не увидался съ нимъ и выкинулъ изъ головы всякіе расчеты на весьма интересное сближеніе съ нимъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ и въ Твери жить было очень хорошо,—не переставая однакожъ всегда молиться объ немъ и о графинѣ, что продолжаю и до сего дня.

IV.

Въ 1852 г. я жилъ семь мѣсяцевъ въ Корниловомъ монастырѣ Вологодской епархіи и былъ безотлучно при настоятелѣ, о. игуменѣ, въ послѣдствіи архимандритѣ Арсеніѣ. О. Арсеній долго жилъ въ новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ, служилъ тамъ келіархомъ, былъ любимцемъ о. Фотія и графини Анны Алексѣевны, повѣреннымъ и самымъ благонадежнымъ исполнителемъ всѣхъ ихъ порученій. Во всегдашнемъ обращеніи съ нимъ я много узналъ отъ него о чудныхъ дѣлахъ ихъ благотворительности. Напримѣръ:

Настоятельница женскаго Вишерскаго монастыря отнеслась къ о. Фотію съ прошеніемъ о помощи ея бѣдному монастырю, терпѣвшему большой недостатокъ въ хлѣбѣ и съѣстныхъ припасахъ. О. Фотій призываетъ о. Арсенія и приказываетъ ему снабдить бѣдный монастырь всѣмъ нужнымъ, такъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ. О. Арсеній купилъ все нужное и ночью, въ зимнее время, поставилъ къ монастырскимъ воротамъ двадцать возовъ хлѣба и припасовъ, и, выпрягну лошадей, скрылся. Подобнымъ образомъ благотворилъ онъ и другимъ новгородскимъ монастырямъ.

Священникъ одной изъ новгородскихъ церквей въ слезахъ и трепетѣ разсказалъ о. Фотію о покражѣ въ его церкви. О. Фотій приказываетъ священнику молчать и отнюдь не разглашать о случившемся, а о. Арсенію повелѣваетъ ночью сходить въ окраденную церковь, сдѣлать подробное описаніе всѣхъ покраденныхъ вещей и посылаетъ его въ Москву—заказать тамъ сдѣлать точно такія же вещи, вѣсомъ и мѣрою, и, по возможности, самую внѣшнюю формою. О. Арсеній

исполнилъ приказаніе, привезъ изъ Москвы вещи, и ночью поставилъ каждую на своемъ мѣстѣ, такъ что въ Новгородѣ не было и слуху о покражѣ въ церкви.

Подобныхъ симъ благотвореній о. Фотія исчислить невозможно. Черезъ того же о. Арсенія, отъ графини и о. Фотія дѣлались богатые вклады въ патриархіи: Константинопольскую, Іерусалимскую и Александрійскую.

Но самымъ важнѣйшимъ дѣяніемъ о. Фотія, безъ сомнѣнія, должно почитать нанесенный имъ смертельный ударъ масонству закрытіемъ масонскихъ ложъ. Дѣло это, по рассказамъ о. Арсенія, началось и происходило такимъ образомъ. О. Фотій, по природѣ живой, пылкой, горячо принимавшій къ сердцу все, возмущавшее его внутреннее чувство, сдѣлавшись весьма близкимъ къ о. ректору, а потомъ преосвященному Иннокентію Смирнову, этому великому ревнителю и поборнику, сильно стоявшему за православіе, будучи пропитанъ его мыслями и чувствами, и, такъ сказать, облеченъ его духомъ и силою, выступилъ въ бой противъ масонства съ Иліиною ревностію. Онъ слѣдилъ неуспно за всѣмъ движеніемъ масонства, читалъ внимательно всѣ масонскія книги, дѣлалъ изъ нихъ выписки, не щадилъ ничего для покупки особенно дорогихъ книгъ масонской премудрости, скупалъ цѣлыя изданія, только что выходящія изъ типографій, и жегъ ихъ, чтобы не допустить ихъ расходиться въ народѣ; подкупалъ дорогою цѣною служителей домовъ, въ которыхъ бывали масонскія засѣданія, чтобы изъ скрытнаго гдѣ-нибудь мѣста самому все высмотрѣть, услышать и узнать всѣхъ засѣдавшихъ въ нихъ; для сего служители проламывали иногда стѣны подъ самымъ сводомъ или верхнимъ накатомъ и дѣлали небольшія отверстія, сквозь которыя о. Фотій, будучи невидимъ никѣмъ, могъ самъ все видѣть и слышать, что дѣлалось внизу ¹⁾).

Запасшись самыми подробными и обстоятельными свѣдѣніями, Фотій началъ готовиться прямо и лично открыть страшную тайну масонства самому государю императору. Для сего назначилъ онъ себѣ и всему братству Юрьева монастыря сорокадневный постъ, исповѣдался, отслужилъ обѣдню и напутный молебенъ, и, прощаясь съ братією, какъ бы уже на смерть, просилъ ихъ молитвъ. По приѣздѣ въ С.-Петербургъ, онъ остановился въ домѣ графини, и послѣ рассказалъ близкимъ къ нему лицамъ, въ томъ числѣ и о. Арсенію, слѣдующее:

¹⁾ Напоминаемъ, что все это, какъ и слѣдующее за симъ, основано на рассказѣ самого о. Фотія монаху Арсенію, а потому и имѣетъ нѣкоторый интересъ, хотя, безъ сомнѣнія, далеко отстаетъ отъ правды. См. біографію Фотія въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 301—332 и 459—489.

Явсья во дворець, онъ введенъ былъ въ императорскій кабинетъ, представлявшій весьма длинный рядъ столовъ съ лежащими на нихъ кипами бумагъ. Остановясь почти у самаго входа въ кабинетъ, и не видя государя, который стоялъ скрытно въ другомъ концѣ кабинета, о. архимандрить смутился и тутъ только вспомнилъ, что не взялъ съ собою образа для благословенія. Увидя на ближайшемъ къ себѣ столѣ образъ, который былъ, конечно, одинъ изъ поднесенныхъ гдѣ-нибудь государю, взялъ его со стола и всталъ съ нимъ. Государь подходитъ и спрашиваетъ:

— „Что?“—О. архимандрить объявляетъ причину своего представительства. На что государь: — „Какъ ты смѣлъ? — Подъ арестъ!“

И о. Фотія отводятъ въ нижній этажъ, заключаютъ въ пустую комнату и къ дверямъ приставляютъ караулъ. Тутъ пробылъ о. Фотій до полуночи. Около 12-ти часовъ его опять представляютъ къ государю. На этотъ разъ государь долго и благодушно слушалъ его, читалъ нѣсколько представленныхъ ему выписокъ изъ масонскихъ книгъ и потомъ спросилъ:

— „Гдѣ ты остановился?“

— „Въ домѣ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской“.

— „Пріѣзжай сюда въ эти же часы, на половину императрицы; оттуда тебя будутъ провожать ко мнѣ; но, чтобъ никто объ этомъ не зналъ“.

И о. Фотій ѣздилъ такимъ образомъ, секретно, въ одной каретѣ съ графиней, во дворець, останавливаясь всегда у подъѣзда на императрицину половину. Слѣдствіемъ таковыхъ, частыхъ, продолжавшихся многія недѣли, пріѣздовъ о. Фотія во дворець, было высочайшее повелѣніе закрыть масонскія ложи и обязать подпискою всѣхъ указанныхъ (!?) о. Фотіемъ чиновниковъ отказаться отъ масонства. Съ сего времени государь до самой кончины своей питалъ неограниченное довѣріе и благоволеніе къ о. Фотію. А графы Кочубей, Аракчеевъ, тайный совѣтникъ Штеръ и графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская считали его въ числѣ искреннихъ друзей своихъ.

Имѣлъ къ нему благоволеніе (?) и государь императоръ Николай Павловичъ, не смотря на огорченіе, въ одинъ разъ причиненное его величеству со стороны о. Фотія. Случай къ тому былъ слѣдующій:

„Однажды, рассказывалъ о. Арсеній, рано утромъ, когда св. монастырскія врата были еще не отперты, ходилъ я по монастырю, и вижу императора, рассказывающаго внутри монастыря. Я испугался и хотѣлъ бѣжать, чтобъ извѣстить объ этомъ настоятеля, но императоръ остановилъ меня и спросилъ:

— „Дома настоятель?“

— „Дома“, — отвѣчала я.

И государь пошелъ къ нему прямо; я за нимъ. Вошедши къ настоятелю, который въ эти минуты, въ монашеской мантии, совершалъ утреннее правило, императоръ просилъ его благословенія. О. Фотій спросилъ его:

— „Какъ ты (извѣстно, что о. Фотій никому не говорилъ: вы, а всякому ты) вошелъ сюда?“

Императоръ отвѣчалъ:

— „Черезъ ворота со скотнаго двора“.

О. архимандритъ на это:

— „Скотными вратами вшелъ еси; скотными и изыдеши“¹⁾.

Императоръ, огорченный такимъ грубымъ словомъ, рассказалъ объ этой встрѣчѣ въ средѣ августѣйшей своей фамилии и повелѣлъ одному изъ членовъ оной съѣздить въ Новгородъ и посмотреть, что-такое — Фотій? Высокій путешественникъ сообщилъ о своемъ намѣреніи посѣтить Юрьевъ монастырь митрополиту, а митрополитъ далъ знать о томъ о. Фотию. О. Фотій приготовился и встрѣтилъ гостя великолѣпнѣйшимъ образомъ. Дорога отъ св. вратъ до собора и самый соборъ устланы были драгоцѣннѣйшими коврами, обставлена по сторонамъ рядами послушниковъ и монаховъ въ богатѣйшихъ стихаряхъ и ризахъ, съ 20-ю парами златосіяющихъ хоругвей. По совершеніи краткаго молитвословія въ соборѣ, когда посѣтитель прикладывался къ св. образамъ и изволилъ кое-о-чемъ разговаривать съ настоятелемъ, декорация перемѣнилась. Вся братія, при выходѣ августѣйшаго посѣтителя изъ собора, стояла уже въ черномъ, монашескомъ одѣяніи, и въ предшествіи ея по-парно, съ торжественнымъ пѣніемъ посѣтитель вступилъ въ настоятельскую келью. Высокій гость благодарилъ настоятеля и братство. Донося о такомъ приѣмѣ державному монарху, онъ успокоилъ и примирилъ духъ его съ о. Фотиємъ“.

Разсказамъ о. Арсенія объ о. Фотиѣ конца не было. Но я пожелалъ особенно знать о кончинѣ его, которой о. Арсеній былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. И онъ сказалъ:

— „Извѣстно, что о. Фотій велъ самую воздержную жизнь, а чрезъ всю четырехдесятницу не принималъ никакой пищи. Послѣ столь продолжительнаго пощенія, ему стоило великаго труда приучить желудокъ свой, сжимавшійся въ орѣховую скорлупу, къ пищѣ. Онъ бралъ обыкновенно аптекарскіе вѣски, и отъ грановъ и золотниковъ восхо-

¹⁾ Ничего подобнаго этому отвѣту въ дѣйствительности, конечно, и быть не могло. Явно, что Фотій это сочинилъ, рисуясь предъ своими приближенными мною дерзостью отвѣтовъ.

дилъ до привычныхъ пріемовъ пищи. Въ послѣдній разъ, желудокъ его до того сжался и отвердѣлъ, что уже никакая медицинская помощь не могла размягнуть и сдѣлать его удобоприемлемымъ къ пищѣ⁴⁾. И онъ скончался далеко еще не въ старыхъ лѣтахъ. Росту онъ былъ ниже средняго, бѣлокуръ, весьма сухъ, съ небольшою бородкою и большими, быстро сверкающими глазами ¹⁾).

Въ Корнилевѣ же монастырѣ слышалъ я и о кончинѣ графини Анны Алексѣевны Орловой - Чесменской. Она срядилась въ С.-Петербургъ, приняла, по обыкновенію своему, св. причастіе, зашла къ преемнику о. Фотію, о. архимандриту Мануйлу, для благословенія въ путь. Но тутъ же, съ чашкою кофе въ рукахъ, повалилась на диванъ и предала духъ свой Богу.

Отецъ Фотій и графиня Анна, согласные въ жизни своей, не разлучились и по смерти своей.

Я. Л. Морошкинъ,

заштатный, Тверской епархіи, священникъ.
Псковской губ., село Бурги.

⁴⁾ Портретъ Фотія, гравированный академикомъ Сѣряковымъ, приложенъ къ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 301.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ КОЛЮБАКИНЪ.

1810 — 1868.

Кавказъ хорошо зналъ двухъ родныхъ братьевъ Колюбакиныхъ: Михаила Петровича и Николая Петровича. Уроженцы Волынской губернии, они оба воспитывались въ Царскосельскомъ благородномъ пансіонѣ, по выходѣ изъ котораго всю службу, за исключеніемъ немногихъ лѣтъ, посвятили Кавказу, пройдя ее въ однихъ и тѣхъ же почти должностяхъ и званіяхъ.

Изъ нихъ младшій братъ, Михаилъ Петровичъ, поступилъ въ 1820 году лейбъ-гвардіи въ уланскій полкъ юнкеромъ, участвовалъ въ войнѣ противъ польскихъ мятежниковъ и, по производствѣ въ 1833 году въ корнеты, перешелъ въ Ольвіопольскій уланскій полкъ. Не долго спустя, онъ причислился въ штату канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, а въ 1836 году, въ чинѣ поручика, прибылъ на Кавказъ, гдѣ поступилъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, съ которымъ неоднократно участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ. Слѣдуя далѣе за служебною карьерою Михаила Петровича, мы встрѣчаемъ его, въ 1838 году, адъютантомъ при бывшемъ начальникѣ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генерала П. Е. Коцебу, затѣмъ, въ порядкѣ послѣдовательности: Балаканскимъ окружнымъ начальникомъ, управляющимъ уѣздомъ въ Карабагѣ, вице-губернаторомъ въ Кутаисѣ, на таковой-же должности въ Тифлисѣ, управляющимъ въ Мингрелии, членомъ совѣта намѣстника кавказскаго и начальникомъ управленія сельскаго хозяйства на Кавказѣ и за Кавказомъ и, наконецъ, съ 1863 года, бакинскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частію, на каковой должности, будучи въ чинѣ генералъ-лейтенанта и кавалеромъ ордена Блго

Орла, онъ скончался 19-го января 1872 года, послѣ слишкомъ 35-ти лѣтней службы въ предѣлахъ Закавказскаго края.

Обращаюсь къ Николаю Петровичу, вызвавшему настоящее сообщеніе. — Curriculum vitae его слѣдующій:

Выпущенный изъ Царскосельскаго благороднаго пансіона въ гражданскую службу съ чиномъ XII-го класса, онъ, недолго спустя, а именно въ апрѣлѣ 1830 года, имѣя не болѣе 20-ти лѣтъ отъ роду, былъ переименованъ въ корнеты съ опредѣленіемъ лейбъ-гвардіи въ Гродненскій гусарскій полкъ, съ которымъ, въ исходѣ того же года, по случаю возникшаго въ Варшавѣ мятежа, прибылъ на Макатовское поле. Принявъ участіе въ тогдашнихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ войскъ нашихъ, онъ, между прочимъ, находился въ отрядѣ великаго князя Константина Павловича, при отступленіи отъ Варшавы черезъ рѣку Бугъ въ предѣлы Россіи, и въ дѣлахъ подъ Гроховымъ и Остроленко. Въ 1832 году онъ былъ переведенъ въ Оренбургскій уланскій полкъ поручикомъ, а два года спустя, за дерзость, если не ошибаемся, противъ полковаго командира, по высочайше утвержденной конфирмаціи, разжалованъ въ рядовые до выслуги, съ отсылкою въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, гдѣ и зачисленъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ. Службу свою на Кавказѣ Николай Петровичъ началъ съ походовъ, принявъ дѣятельное участіе въ экспедиціяхъ генераль-лейтенанта Алексѣя Александровича Вельяминова въ 1835—1837 годахъ за Кубань и въ движеніяхъ нашего отряда къ Абиню и къ берегамъ Чернаго моря.

Въ іюнѣ 1837 года онъ причислился къ штабу отдѣльнаго Кавказскаго корпуса для письменныхъ занятій, а въ 1840 г. былъ опредѣленъ адъютантомъ, сначала къ управлявшему Джаро-Белаканскою областью, а потомъ къ начальникамъ Черноморской береговой линіи, генераламъ Анрепу и Будбергу, при которыхъ участвовалъ въ движеніяхъ нашихъ отрядовъ въ земли джигетовъ и убыховъ, а также нутхайцевъ, при возведеніи укрѣпленій на рѣкахъ Гастагаѣ и Кубани, и подъ начальствомъ владѣтеля Абхазіи князя Михаила Шарвашидзе въ дѣлахъ противъ псковцевъ.

Но вотъ наступилъ 1845 годъ, ознаменовавшійся въ лѣтописяхъ Кавказа извѣстною экспедиціею, предпринятою, подъ личнымъ начальствомъ графа М. С. Воронцова, въ Дарго, для окончательнаго уничтоженія власти Шамиля,—экспедиціи, стоившей намъ большихъ жертвъ и, какъ извѣстно, не принесшей намъ никакой существенной пользы. Николай Петровичъ не остался безучастнымъ и въ этомъ движеніи войскъ нашихъ, прикомандировавшись съ этою цѣлью къ егерскому генераль-адъютанта графа Воронцова полку. Вскорѣ послѣ возвра-

щенія изъ Дагестана, онъ начинаетъ получать разныя назначенія, изрѣдка удерживаясь на одной и той-же должности болѣе двухъ лѣтъ, но всего чаще занимая ихъ по нѣсколько только мѣсяцевъ; такъ, онъ былъ назначенъ въ 1846 году начальникомъ Белаканскаго округа и праваго фланга Лезгинской линіи, въ началѣ 1848 года причисленъ къ отдѣльному Кавказскому корпусу, въ 1849 г. сдѣланъ старшимъ адъютантомъ въ штабѣ означеннаго корпуса, въ 1850 кутаисскимъ вице-губернаторомъ; спустя нѣсколько мѣсяцевъ,—начальникомъ 3-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, гдѣ, въ 1850 г., находился въ дѣлѣ съ убыхами и въ движеніи нашего отряда подъ начальствомъ вице-адмирала Серебрякова въ землю джигетовъ противъ скопищъ Магометъ-Амина. Съ открытіемъ восточной войны онъ, въ то время полковникъ, былъ назначенъ завѣдывающимъ штабомъ Эриванскаго отряда, а затѣмъ командированъ въ распоряженіе бывшаго начальника Гурійскаго отряда, генераль-маіора князя Мухранскаго, и въ томъ же 1855 г. утвержденъ кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ.

Въ 1857 году Николай Петровичъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры, назначенъ управляющимъ Мингреліей и предсѣдателемъ совѣта по управленію этою странюю, а въ слѣдующемъ году—эриванскимъ военнымъ губернаторомъ, гдѣ и оставался до 1861 года, т. е. до назначенія его членомъ совѣта намѣстника кавказскаго, и въ томъ же году, съ производствомъ въ генераль-лейтенанты, кутаисскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ. Наконецъ, въ 1863 г., онъ получилъ званіе сенатора, съ оставленіемъ по арміи, и въ этомъ званіи скончался 15-го октября 1868 года, въ Москвѣ.

Николай Петровичъ въ продолженіе своей боевой службы былъ нѣсколько разъ и тяжело раненъ; такъ, напримѣръ, въ 1831 году, подъ мѣстечкомъ Рационжемъ, въ 1836 году—въ экспедиціи за Кубанью, въ 1841 году—во время служенія на Черноморской береговой линіи, и въ 1845 году—въ Даргинской экспедиціи.

Я лично зналъ братьевъ Колюбакиныхъ. Они оба были хорошо образованы и близко изучили край, въ которомъ провели лучшіе годы жизни. Никогда не забуду первыхъ дней моего знакомства съ Николаемъ Петровичемъ. Это было въ 1854 году, въ Эривани, на возвратномъ пути изъ путешествія моего по Персіи. Онъ завѣдывалъ тогда штабомъ Эриванскаго отряда. Мы встрѣтились въ домѣ тамошняго губернатора, генераль-маіора И. И. Назарова. Вечеромъ того-же дня, онъ пригласилъ меня къ себѣ. Помню, что когда я вошелъ въ его кабинетъ, онъ неистово кричалъ на неподвижно стоявшаго передъ нимъ писаря и, бросивъ ему въ лицо поднесенную къ подписи бу-

магу, тутъ-же вытолкнулъ его за дверь. Но гнѣвъ его, вспыхнувшій мгновенно, также быстро миновался; онъ воротилъ и обласкалъ оскорбленнаго. Болѣзненная раздражительность и вспыльчивость составляли отличительныя стороны характера Николая Петровича и дали поводъ боевымъ его товарищамъ, во время Даргинской экспедиціи, называть его; „le lion rugissant et bondissant ¹⁾“; вообще же онъ былъ извѣстенъ на Кавказѣ подѣ именемъ немирнаго, для отличія отъ брата, котораго называли мирнымъ. Въ минуты раздраженія онъ становился невыносимо дерзкимъ, но пылкость нрава его скоро смягчалось сердечною добротою и готовностью искупить нанесенную обиду всякою жертвою. Недостатки характера Николая Петровича выкупались неподкупною честностью и строгимъ преслѣдованіемъ лихоимства и всякихъ противузаконныхъ дѣйствій его подчиненныхъ, чѣмъ онъ, само собою разумѣется, приносилъ громадную пользу вездѣ, гдѣ бы ни служилъ.

Николай Петровичъ писалъ довольно много, но, къ сожалѣнію, имѣлъ привычку ничего не оканчивать. Если-же ему случалось что печатать, то въ количествѣ немногихъ экземпляровъ, которые только и расходились по рукамъ его друзей и близкихъ знакомыхъ. Къ лучшимъ произведеніямъ его пера принадлежать, между прочимъ, помѣщаемые ниже: I) Письма его къ князю Василію Осиповичу Бебутову ²⁾, II) Изъ дневника и III) Мemento или матеріалы для военной исторіи. Документы эти, обязательно сообщенные мнѣ роднымъ племянникомъ покойнаго владѣтеля Абхазіи, княземъ Георгіемъ Димитріевичемъ Шарвашидзе, живо рисуютъ внутреннее, политическое и военное положеніе Абхазіи и западнаго Закавказья въ послѣдніе мѣсяцы 1855 г. и составляютъ одинъ изъ лучшихъ матеріаловъ для военной исторіи тогдашней войны нашей съ союзными державами.

Тифлисъ.

Ад. П. Верже.

¹⁾ См. Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de l'année 1845. Par le comte Constantin de Benkendorff, aide de camp général de S. M. l'Empereur de Russie. Paris. 1856.

²⁾ См. «Русскую Старину», томъ V, стр. 431—433.

I.

Письма Н. П. Колюбакина къ кн. В. О. Бебутову.

15-го сентября 1855 г.—Кутаись.

Сообразивъ свѣдѣнія о владѣтелѣ Абхазіи, князѣ Михаилѣ Парвашидзе, собранныя изъ противоположныхъ разнородныхъ источниковъ, съ давно пріобрѣтенными мною данными о его характерѣ и образѣ мыслей, я могу, почти достоверно, опредѣлить поводъ его отбытія въ Абхазію и настоящее положеніе его.

Разительная черта его характера есть честолюбіе. Эта страсть и прежде вовлекала его нерѣдко въ сношенія темныя, поступки двусмысленныя, подвергавшіе его важнымъ подозрѣніямъ. По мѣрѣ удовлетворенія этой страсти и разочарованія его надеждъ, онъ перемѣнялъ образъ дѣйствій и то одушевлялся необыкновеннымъ усердіемъ служебнымъ, то новыми и разными ухищреніями затруднялъ достиженіе видовъ правительственныхъ ¹⁾.

Въ послѣднее время, или съ открытія военныхъ дѣйствій, его честолюбіе подверглось сильнымъ ударамъ. Онъ оставилъ Абхазію въ полной увѣренности, что или его отсутствіе будетъ недолговременнымъ, что онъ скоро возвратится въ свои владѣнія съ болѣею довѣренностью правительства и самостоятельностью, или же, если его отсутствіе продолжится, что ему будетъ предоставленъ кругъ дѣятельности, соотвѣтствующій его владѣтельскому сану, его потерямъ и блистательному доводу его преданности престолу. Онъ рассчитывалъ, и не безъ основанія, что эта дѣятельность будетъ тамъ, гдѣ онъ можетъ быть наиболѣе полезнымъ или, лучше сказать, гдѣ онъ единственно могъ бы быть полезнымъ, т. е. недалеко отъ предѣловъ Абхазіи. И такъ, онъ льстилъ себя, утѣшался, укрѣплялся надеждой, что явится въ блескѣ новаго значенія передъ племенами, для вліянія на которыхъ онъ исключительно или единственно добивался вліянія и власти, а именно: передъ мингрельцами—древними врагами Абхазіи, передъ самурзаканцами, на обладаніе которыми онъ постоянно посягалъ, передъ абхазцами—его подданными и, наконецъ, передъ племенами черкесскими, — вліяніе на которыхъ онъ берегъ для почетнаго посредничества между нами и ими, — посредничества, доставившаго ему ласки и милости правительства.

¹⁾ Тутъ говорится о его содѣйствіи и противодѣйствіи мѣрамъ русскихъ начальниковъ на Черноморской береговой линіи и собственно моимъ (1851 и 1852 г.) къ утверженію хорошихъ сношеній съ племенами черкесскими—прибрежными.

Вскорѣ онъ убѣдился, что обстоятельства обрекли его на совершенное бездѣйствіе, что начальство, изъ недоувѣренности если не къ его характеру, то къ его способности служебной, не намѣрено предоставить ему первое мѣсто или командованіе войсками въ странѣ, которую, какъ видно изъ вышесказаннаго, онъ считалъ лучшимъ прищемъ своему честолюбію. Оставляя Мингрелію, гдѣ онъ поселился съ семействомъ своимъ, и удаляясь въ Тифлисъ, въ главный отрядъ или во внутрь Россіи, ему бы нужно было переломать всѣ свои привычки, наклонности, переменить образъ жизни, быть семейный; ему бы нужно было войти въ кругъ дѣятельности и сношеній, совершенно чуждыхъ его нраву и понятіямъ. Оставаясь же въ Мингреліи лицомъ почти частнымъ, онъ раздражался отношеніями, хотя весьма отдаленными, къ мѣстнымъ властямъ; онъ утомлялся бездѣйствіемъ и все болѣе и болѣе дѣлался внимательнымъ къ внушеніямъ своихъ приверженцевъ за Ингуромъ—Маргани, Маршани, Берзеки, упрекавшихъ его въ забвеніи родины и всѣхъ вѣрныхъ ему для безславнаго спокойствія. Онъ убѣдился, что его значеніе, что вся его жизнь политическая зависятъ не отъ пріобрѣтенныхъ имъ служебныхъ достоинствъ, а отъ наследственнаго владѣльческаго сана; что эполеты генеральскіе, ленты, эксельбанты царскаго адъютанта могли украшать этотъ санъ, но что, лишившись сопряженныхъ съ онымъ дѣятельности и власти, всѣ отличія и преимущества служебныя не представляли ему, по его понятіямъ и потребностямъ его души, удовлетворенія, соотвѣтствующаго пожертвованіямъ. И потому онъ рѣшился возвратиться къ источнику привычныхъ ему выгодъ, дѣятельности, почета, къ быту владѣтеля Абхазіи, и въ ономъ переходить чрезъ всѣ тѣ превратности судьбы, которымъ будутъ подвергаться его подвластные.

Теперь обратимся къ образу его дѣйствій со времени перехода его за Ингуръ.

Хотя заступничество за Турцію западныхъ государствъ, распространяемые слухи о скоромъ паденіи Севастополя и, въ особенности, овладѣніи Керчью, успѣхи въ Азовскомъ морѣ, уничтоженіе Анапы—сильно поколебали увѣренность многихъ въ могущество и непобѣдимости русскихъ, но князь Шарвашидзе слишкомъ долго привыкъ считать Россію первою въ мірѣ державою и слишкомъ остороженъ, чтобы вполне довѣрять этимъ случайнымъ признакамъ торжества или превосходства нашихъ враговъ. При томъ, нерѣшительность есть вторая рѣзкая черта его характера. Онъ, если можно такъ выразиться, чловѣкъ медленія, среднихъ мѣръ. Его любимый отвѣтъ на всѣ дѣлае-

мыя ему въ прежнее время въ важныхъ обстоятельствахъ предложенія былъ: „повременнѣ“.

Ясно, что при такихъ условіяхъ, при неопредѣленности событій и свойствахъ его характера, онъ долженъ быть до крайности остороженъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ взвѣшиваетъ каждое извѣстіе съ нашихъ предѣловъ и изъ-за моря; онъ прислушивается, можно сказать, въ каждому пушечному выстрѣлу и, раздираемый мучительнымъ недоумѣніемъ, не увлекаемый сильнымъ сочувствіемъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, одушевляемый единственно эгоизмомъ и честолюбіемъ, онъ ждетъ какого-нибудь важнаго событія, чтобы, не подвергаясь новымъ случайностямъ, рѣшительно и явно измѣнить однимъ, предаться другимъ, чтобы, — какъ говорятъ французы, — сжечь свои корабли.

Подобное двусмысленное поведеніе опасно. Событія увлекаютъ человѣка. Не могло случиться иначе съ княземъ Михаиломъ Шарвашидзе. Турки не могли допустить его до управленія Абхазіею и до сношеній съ сосѣдними племенами, не связавъ его произвола какими нибудь поручительствами и не поощривъ его какими нибудь милостями. Онъ не могъ ни отказать первыхъ, ни не принять послѣднихъ. Онъ далъ поручительства и принялъ милости; но трудно было бы опредѣлить достоверно силу тѣхъ и другихъ. Говорятъ, что онъ представилъ пять поручителей, отвѣчающихъ за него головами, а именно: брата своего Александра, Кацо и Хасана Марганевыхъ (абхазцы), Баталбея Маршани (далецъ) и Хаджи Герендука Берзеки (убыхъ). Говорятъ, что онъ получилъ изъ Константинополя богатныя мантію шапку и саблю. Можетъ быть, заключилъ онъ еще какія-нибудь условія и получилъ обѣщанія разныхъ выгодъ, но на счетъ этого слухи очень различны и, вѣроятно, преувеличены.

Дѣятельность-же князя Шарвашидзе въ пользу турокъ еще не обозначилась ничѣмъ разительнымъ. Предметъ совѣщаній его съ черкесскими старшинами сохраняется въ непроницаемой тайнѣ. Онъ ихъ донинѣ удерживалъ отъ сборовъ и дѣйствій наступательныхъ, къ которымъ, впрочемъ, они не очень склонны; но онъ это могъ дѣлать въ видахъ какъ нашей, такъ ихъ пользы, и даже преимущественно ихъ пользы, ибо донинѣ нигдѣ на побережѣ не было силъ регулярныхъ, для поддержанія наступленія черкесовъ, а каждое ихъ дѣйствіе въ наши предѣлы, отдѣльное, безъ поддержки, имѣло бы, конечно, самыя пагубныя для нихъ послѣдствія.

Что же касается до абхазцевъ, то онъ привелъ ихъ всѣхъ къ присягѣ повиноваться ему безусловно и стоять за него крѣпко, на что бы онъ ни рѣшился. Дальнѣйшія же его цѣли извѣстны только

его приближеннымъ или, лучше сказать, никому, ни даже ему самому, ибо онъ по природѣ своей совершенно зависитъ отъ обстоятельствъ и порывовъ своенравія.

Вотъ чѣмъ ограничивалась доселѣ дѣятельность князя Шарвашидзе за Ингуромъ: приготовить всѣ племена къ согласному и единому образу дѣйствій, котораго цѣль и время онъ себѣ представилъ опредѣлить.

Если искать признаковъ менѣе сомнительныхъ и двусмысленныхъ его недоброжелательства къ намъ, то ихъ можно найти въ его сношеніяхъ съ нѣкоторыми недоброжелателями въ Гуріи и Мингрелии, преимущественно съ семействомъ его жены. Его тестъ князь Георгій Дадіани навлекаетъ на себя важныя подозрѣнія. Самое-же разительное доказательство такого недоброжелательства и вреднаго вліянія на умы его родственниковъ, — доказательство, поразившее меня несказанно, есть перемѣна образа мыслей его жены. Я ее знаю очень хорошо. Тихая и богобоязливая, она всегда гнушалась замислами или колебаніями своего мужа; теперь, недавно, она писала къ родственнику своему князю Дмитрію Шарвашидзе, приглашая его не отдѣляться отъ владѣтеля, отъ родственниковъ, и сообразовать свое поведеніе съ перемѣною обстоятельствъ. Вотъ, повторяю, самый разительный, можно сказать, ощутительный доводъ неблагонамѣренныхъ наклонностей и усилій князя Михаила Шарвашидзе.

Вотъ все, что могу вамъ сказать о владѣтельѣ Абхазіи; сказать болѣе—было бы предаваться сплетнямъ и догадкамъ.

Сдѣлаю слѣдующее заключеніе:

Кн. Михаилъ Шарвашидзе не увлекается никакимъ чувствомъ. Онъ никогда не любилъ Россію. Онъ не любитъ Турцію. Недавно, онъ говорилъ князю Дато Гуріели: „я не считаю человѣкомъ того, кто дастъ себя обмануть турками“. Онъ былъ преданъ въ Бозѣ почивающему императору Николаю Павловичу, но эта преданность имѣла характеръ личной привязанности, а не преданности вассала къ престолу. Съ кончиною царя разорвалась сердечная связь, привязывавшая его къ престолу. Съ тѣхъ поръ (эту привязанность) внушаютъ эгоизмъ, честолюбіе; его увлекаютъ обстоятельства. Вскорѣ, быть можетъ, на дняхъ, событія заставятъ его рѣшиться на то или другое... Но таковы странности его характера, что каждое событіе можетъ имѣть на него вліяніе совершенно противное ожидаемому или логической послѣдовательности. Постараюсь изъяснить это. Я уже сказалъ, что онъ честолюбивъ и нерѣшительнъ; я долженъ присовокупить, что онъ не любитъ опасности боевой, что въ немъ есть энергія, такъ сказать, страдательная (passive), но не предприимчивая (active). И по-

тому, когда отъ него, даже при условіяхъ самыхъ выгодныхъ для непріятеля, самыхъ удобныхъ для измѣны, потребуютъ рѣшимости и отваги, онъ изъ боязни, изъ своеправія или вслѣдствіе непріятнаго столкновения съ турецкимъ начальствомъ, можетъ внезапно сдѣлать попытку въ смыслѣ совершенно противномъ его предварительнымъ сношеніямъ и условіямъ съ нашими врагами, въ смыслѣ совершенно противномъ тѣмъ выгодамъ и цѣлямъ, отъ которыхъ, казалось, онъ вполне зависѣлъ.

Такая попытка можетъ обойтись ему дорого, ибо турки не такъ довѣрчивы и великодушны, какъ русскіе..... и князь Шарвашидзе, стоявшій на краю измѣны, можетъ вдругъ преобразиться въ жертву и героя вѣрности¹⁾. Такія преобразования возможны съ человѣкомъ, который никогда не имѣлъ теплыхъ вѣрованій и убѣжденій, который былъ всегда рабомъ необузданныхъ страстей.

26-го октября 1855 г.—Кутаисъ.

Спѣшу сообщить в. с.—ву свѣдѣнія о второмъ пріѣздѣ Омеръ-паша въ Абхазію,—свѣдѣнія, относящіяся также до лица, которое было предметомъ послѣдняго моего къ вамъ письма. Они довольно важны, но еще болѣе любопытны и въ особенности имѣютъ достоинство свѣжести и достовѣрности, ибо переданы мнѣ 25-го числа человѣкомъ, который,—не имѣя достаточно ни воображенія, ни знанія, чтобы вымысломъ правдоподобнымъ дополнить впечатлѣнія, совершенно для него новыя,—находился до 23-го числа въ Сухумѣ и въ этотъ день—въ кабинетѣ турецкаго генералиссимуса.

19-го числа, по утру, Омеръ-паша прибылъ въ Сухумъ на пароходѣ. Одновременно пришло шесть большихъ судовъ съ войсками, артиллеріею, лошадьми. Онъ сошелъ на берегъ, окруженный блистательнымъ штабомъ, въ которомъ были замѣтны офицеры европейскіе и между ними одинъ французскій генераль. Омеръ былъ въ ботфортахъ, короткомъ полукафтанѣ, богато вышитомъ, и фескѣ. На шеѣ и груди блистали брилліантовыя звѣзды. У пристани ждалъ владѣтель Абхазіи, въ простомъ, сѣраго сукна, черкесскомъ нарядѣ; за нимъ стояло до двадцати старшинъ развоплеманныхъ, изъ коихъ наиболѣе извѣстны Хаджи, Герендукъ, Берзекъ (убыхъ) и Хасанъ Маргани. Онъ хотѣлъ поклониться по обычаю турецкому, то есть опустивъ руку

¹⁾ Событія доказали вѣрность этого предположенія. Въ минуту рѣшительную для турокъ, — когда они въ Мингреліи нуждались въ средствахъ продовольственныхъ и перевозочныхъ, князь Шарвашидзе уклонился отъ содѣйствія, которое не оставило-бы никакого сомнѣнія на счетъ его сочувствія политическихъ, и только скорый конецъ войны спасъ его отъ трагической раздѣлки съ Омеръ-пашою.

къ землѣ, но Омеръ остановилъ его, пожалъ ему руку, и сказалъ по русски: „Здравствуй, Михайлъ“. Послѣ чего турецкій главнокомандующій сѣлъ на коня и поѣхалъ къ ожидавшимъ его войскамъ. Владѣтель шелъ нѣкоторое время возлѣ него, но увидѣвъ, что съ нимъ не говорятъ и не обращаютъ на него вниманія, повернулъ къ занимаемому имъ дому.

Войско привѣтствовало Омера съ одушевленіемъ. Численность его можетъ быть опредѣлена приблизительно числомъ судовъ, на которыхъ оно пришло. Въ первый разъ, не знаю котораго числа, было пять большихъ судовъ; во второй, или 19-го числа, шесть. И такъ, принявъ въ расчетъ лошадей и артиллерію, можно опредѣлить силу войска, находившагося въ Сухумѣ 19-го числа, въ 12,000 пѣхоты и кавалеріи¹⁾. Нѣкоторые баталіоны поразили абхазца-разскащика—своею обмундировкою, вооруженіемъ и обученіемъ, а потому онъ ихъ принялъ за войска европейскія; но изъ подробнаго распроса обнаружилось, что это были баталіоны турецкіе, лучше другихъ содержанные и образованные, ибо всѣ они одинаково, по турецки, привѣтствовали главнокомандующаго и у всѣхъ былъ одинаковый турецкій головной уборъ. Въ Сухумѣ всѣ говорили, что на дняхъ должны прибыть изъ Крыма еще 25,000.

Чтобы разомъ опредѣлить всѣ средства военныя, которыя Омеръ-паша имѣлъ 19-го числа подъ рукою, скажу, что на рейдѣ Сухумскомъ было до 20-ти судовъ разнаго ранга; что общее вниманіе было привлечено пятью пароходами англійскими, совершенно новыми, красивыми, очень быстрыми, размѣровъ почти равныхъ съ нашими казачьими баркасами; должно быть—канонерскія лодки.

Наконецъ, тутъ мѣсто упомянуть, что гора, отстоящая въ три четверти версты отъ моря и командующая бухтой, сильно укрѣплена и что въ Сухумѣ свезены значительные запасы продовольственные.

Возвращаясь съ осмотра войскъ, генералиссимусъ увидѣлъ стояшаго передъ домомъ своимъ владѣтеля. Онъ къ нему подѣхалъ, слѣзъ съ коня и сказалъ нѣсколько словъ, какъ прежде, по русски. Никто не понялъ этихъ словъ, но въ народѣ идетъ толкъ, что онъ предложилъ или далъ ему свободу воротиться къ русскимъ.

Омеръ-паша занялъ большой каменный двухъ-этажный домъ у моря; владѣтель жилъ почти насупротивъ; но Ибрагимъ-ханъ объявилъ ему, что въ домѣ, имъ занимаемомъ, назначена квартира какому-то пашѣ,

¹⁾ Это опредѣленіе подтвердилось въ послѣдствіи свѣдѣніями газетъ западныхъ.

и кн. Михайлъ переехалъ въ небольшой офицерскій домъ, въ слободѣ у горы.

Тутъ должно сказать нѣсколько словъ о ханѣ Ибрагимѣ. Онъ еще до войны прибылъ на контрабандномъ суднѣ въ черкесамъ, былъ тайно въ Абхазіи и съ тѣхъ поръ сдѣлался самымъ дѣятельнымъ посредникомъ между прибрежными племенами и Константинополемъ.

Происхожденіе его неизвѣстно, но онъ выдаетъ себя за потомка хановъ Кумыкскихъ. Человѣкъ онъ молодой, ловкій, смысленный и въ большой силѣ у Омера. Его-то вліанію приписываютъ оборотъ, который приняли дѣла владѣтеля, имѣвшаго неосторожность оскорбить самолюбіе временщика и положить—говорять—его удаленіе условіемъ своей службы Турціи.

Первыя, сдѣланныя Омеромъ, распоряженія были слѣдующія:

Отданъ приказъ по войску, чтобы всѣхъ, имѣющихъ въ немъ нужду, часовые допускали до него безъ всякаго затрудненія. Возвышена такса, установленная его предѣстниками, на всѣ произведенія туземныя и за все приказано платить золотомъ и серебромъ¹⁾. Всѣ прибывающіе къ нему абхазцы и горцы угощаются на его счетъ. Старшинамъ всѣхъ черкесскихъ племенъ приказано привести въ Сухумъ сколь можно болѣе конницы. Пѣхоты онъ не беретъ и предупредилъ, что никого не ждетъ, а въ свое время и своими средствами начнетъ военныя дѣйствія.

23-го числа онъ позвалъ къ себѣ молодаго князя Маджара Шарвашидзе и приказалъ ему немедленно войти въ переговоры съ вѣрными намъ и служащими въ нашихъ войскахъ князьями Димитріемъ и Григоріемъ Шарвашидзе.

— „Скажи имъ, что если они покинули родину вслѣдствіе неудовольствій съ владѣтелемъ и отъ его посягательства на ихъ наследственныя имѣнія, то теперь эти причины ихъ удаленія уже не существуютъ; что отнынѣ каждый будетъ владѣть своимъ и Михайлъ долженъ удовольствоваться тѣмъ, что принадлежало ему искони. Скажи, чтобы они сами положили условія, на которыхъ согласны возвратиться, а я все утвержу грамотою“.

Когда Омеръ, въ своемъ кабинетѣ, давалъ эти инструкціи князю Маджару, съ послѣднимъ были два его приближенные. Одинъ изъ нихъ передавалъ имъ всѣ эти свѣдѣнія.

Въ Сухумъ привезены 12 русскихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Севастополемъ. Омеръ сказалъ во всеуслышаніе, что онъ ихъ одѣнетъ и отправитъ верхомъ въ Мингрелію, въ русскій лагерь²⁾.

¹⁾ Всѣ эти распоряженія исполнялись не долго.

²⁾ Онъ этого не сдѣлалъ.

И такъ, въ Абхазіи, передъ вольными народами Кавказа, представитель турецкой власти является доступнымъ, ласковымъ, безпристрастнымъ, уважающимъ собственность и права, почти расточительнымъ, сильнымъ... Въ Турціи Азіятской между народами, закоснѣвшими во лжи, любостыжаніи и лѣни, онъ является—самовластнымъ, грознымъ; онъ отсылаетъ одного сановника связаннымъ въ Константинополь, за неправильное употребленіе ввѣренныхъ ему суммъ казенныхъ, онъ ломаетъ трубку свою на головѣ важнѣйшаго Кобулетскаго бека, позволившаго себѣ замѣтить, что едва-ли жители могутъ разработать дорогу отъ Легви до Чолока, онъ запрещаетъ употребленіе длинныхъ чубуковъ, шубъ, туфель, тюфяковъ, мутаковъ (круглыя подушки)...

Омеръ-паша человекъ толковый.

Михаилъ Шарвашидзе—какъ здѣсь выражаются—сошелъ съ коня, сѣлъ на эшака.

5-го ноября 1855 г. — Ст. Вѣлгорская.

Ваше с—во желаете узнать положеніе дѣлъ въ губерніи (Кутаисской), въ Мингреліи и духъ жителей. Спѣшу удовлетворить желаніе ваше и могу сдѣлать это совершенно добросовѣстно, ибо мои давнія здѣсь сношенія, связи, дѣлаютъ доступными для меня дѣла какъ общественныя, такъ частныя и даже многія сокровенныя мысли и намѣренія.

Дѣла въ губерніи шли довольно хорошо: дѣятельность мѣстной власти, вращаясь нѣсколько быстрѣе, въ обычномъ кругу формальностей, обнаруживалась удовлетвореніемъ общественныхъ интересовъ, а не однимъ утолщеніемъ фоліантовъ канцелярскихъ. Всѣ требованія военнаго начальства исполнялись, можно сказать, съ невѣроятною поспѣшностью: въ нѣсколько дней Имеретія выставила на свою границу ополченіе изъ крестьянъ въ 3,000 человекъ; все дворянство стало на Ингурѣ. Не говорю о Гуріи, которая, завися непосредственно отъ начальства военнаго, вся подъ ружьемъ. Всѣ были проникнуты чувствомъ религиознымъ, преданностью къ престолу и воспоминаніемъ столькихъ одержанныхъ здѣсь, съ незапамятныхъ временъ, торжествъ надъ невѣрными. Никто не рассчитывалъ на неудачу русскихъ, на успѣхъ турокъ. Всеобщее одушевленіе доходило до самонадѣянности.

Въ это самое время Мингрелія жила какъ бы запоздавшая въ вѣкъ феодальномъ, изъ котораго не успѣла выдвинуть ее твердая воля покойнаго владѣтеля. Его два брата, не тѣсно связанные дружбою, соперничали за большее участіе въ управленіи краемъ во время малолѣтства наслѣдника. Главнѣйшіе князья враждовали между собою за почетъ и выгодныя мѣста. Изъ нихъ принадлежаціе къ роду

владѣтельскому искали какого-то положенія исключительнаго, и женская рука правительницы ¹⁾, съ трудомъ, то ласкою, то усилиемъ, нагибала ихъ только по временамъ подъ уровень общихъ правъ и обязанностей. Простой народъ, въ которомъ должно считать дворянъ или азнауровъ, особливо княжескихъ, можетъ быть раздѣленъ на двѣ неравныя части: меньшая, но довольно значительная и вліятельная по свойствамъ и склонностямъ, врожденнымъ въ населеніяхъ приморскихъ, предается съ любовью и успѣхомъ торговлѣ и промышленности. Эти люди, смысленные и алчные, посредствомъ не всегда правильныхъ сношеній и оборотовъ въ Редутъ-кале и за-границею, освоены съ турками и разноплеменными европейцами. Они не боятся переворота, который обѣщаетъ болѣе свободные пути ихъ торговой предпріимчивости. Что же касается до другой части народа или вообще сельскихъ жителей, то они удерживаются мелкопомѣстными владѣльцами въ нищетѣ и невѣжествѣ, которыя внушаютъ какое-то равнодушіе къ будущности и развращаютъ въ человѣкѣ его природу духовную. Къ этимъ постояннымъ причинамъ разединенія и немощи какъ матеріальной, такъ нравственной, присоединялись другія, случайныя, а именно: внушенія крамольнаго сосѣда, владѣтеля Абхазіи, женатаго на княжнѣ мингрельской и имѣющаго родство съ наиболѣе кичливыми изъ первостепенныхъ князей; вліяніе сосѣдства съ краемъ, занятымъ непріателемъ, и, наконецъ, долгое пребываніе въ Мингреліи нѣкоторыхъ французовъ, которые, выучившись языку туземному изъ видовъ не политическихъ, а личныхъ, даже, быть можетъ, невольно приготавливали постепенно народъ къ замѣнѣ нашего владычества вліяніемъ западнымъ.

Всѣ эти признаки ослабленія, отсутствія чувствъ и убѣжденій прикрывались для наблюдателя поверхностнаго удачею нѣкоторыхъ молодыхъ князей, велерѣчіемъ пожилыхъ и энтузіазмомъ правительницы, но были очевидны для людей, изучающихъ внимательно причины событій и судебъ народныхъ.

Дабы нѣсколько уменьшить зло, могущее произойти или, по крайней мѣрѣ, указать оное и тѣмъ предостеречь, я уговорилъ правительницу собрать изъ важнѣйшихъ лицъ въ краѣ совѣтъ для обсужденія, при начальникѣ войскъ, всѣхъ вопросовъ, относящихся до настоящаго положенія Мингреліи и угрожающаго ей кризиса. Совѣтъ этотъ былъ собранъ и въ немъ были сдѣланы нѣкоторыя важныя указанія, но безъ серьезныхъ послѣдствій.

Такое было положеніе дѣлъ, когда внезапно, неожиданно, раздается

¹⁾ Княгиня Екатерина Александровна Дадіани.

извѣстіе, что турки перешли черезъ Ингуръ, что мы отступили послѣ кровопролитнаго боя, съ потерей трехъ орудій, что мы уже на Циви, что Омеръ-паша въ Зугдидахъ, древнемъ жилищѣ Дадіановъ, что мингрельцы не сдѣлали по неприятелю ни одного выстрѣла, что многіе ихъ князья и простолюдины являются къ побѣдителю съ поклономъ.

Не могу не сказать тутъ нѣсколько словъ объ этой первой встрѣчѣ съ неприятелемъ и прежде всего остановлюсь на томъ, что для насъ можетъ быть утѣшеніемъ и надеждою. Наши солдаты дрались отлично: шесть ротъ линейныхъ баталіоновъ, передъ которыми пали одинъ за другимъ три командира ¹⁾, выдерживали въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ огонь и напоръ не менѣе 6,000; если мы потеряли убитыми и ранеными до 400 человекъ, то неприятель заплатился потерей по крайней мѣрѣ въ три раза значительнѣе. Пришедшіе изъ Европы хваленые турки, повидимому, не лучше уже намъ знакомыхъ; ихъ переходъ чрезъ рѣку подъ выстрѣлами нашей артиллеріи обнаружилъ необыкновенную покорность судьбѣ или вѣру въ предопредѣленіе, которою турки всегда отличались, но не доказываетъ той воинственности, которая рѣшаетъ побѣду въ открытомъ полѣ; Омеръ-паша не выказалъ никакихъ особенныхъ достоинствъ военачальника, кромѣ рѣдкой послѣ успѣха осторожности.

Теперь перехожу къ главнѣйшимъ причинамъ неудачи. Наша линія была очень растянута; на слишкомъ 20 верстъ, или отъ позиціи на Рухахъ до Хорго, было поставлено всего до десяти неполныхъ баталіоновъ; неприятель могъ дѣйствовать сосредоточенно на части слабѣйшія, къ которымъ остальные не могли поспѣть во-время. Это неудобство усилилось отъ сухой погоды, открывшей новыя, легко проходимыя броды. При такихъ условіяхъ, мы не могли удержаться на Ингурѣ и наша потеря могла-бы быть гораздо чувствительнѣе, если-бы неприятель, имѣя для того достаточно силъ или отваги, сдѣлалъ бы одновременно наступленіе на Рухи и изъ Редута.

Узнавъ о нашей неудачѣ, я немедленно составилъ изъ разныхъ командъ сводный баталіонъ и повелъ оный къ князю Мухранскому ²⁾. Я засталъ его 30-го октября въ домѣ князя Элизбара Дадіани; отрядъ стягивался на Циви, 2 баталіона съ дружинами занимали наблю-

¹⁾ Командиръ 1-го грузинскаго линейнаго баталіона полковникъ Иоссеіани убитъ; Командиръ 11-го черноморскаго линейнаго баталіона подполковникъ Званбай убитъ. Вызванный командовать этими баталіонами, когда ихъ начальники были убиты, егерскаго кн. Воронцова полка маіоръ Ивинъ тяжело раненъ.

²⁾ См. «Русскую Старину», т. VIII, стр. 619.

дательную позицію на верхней дорогѣ. Непрiятель имѣлъ главную квартиру въ Зугдидахъ и его разъѣзды доходили до Хети. Владѣтель Абхазiи отправился въ имѣнiе тестя своего. Смущенiе мингрельцевъ, которое не хочу назвать малодушиемъ или измѣною, обнаруживалось во всѣхъ ихъ дѣйствiяхъ, словахъ и рисовалось на ихъ лицахъ. Вечеромъ прибыла правительница объявить начальнику отряда, что она желаетъ оставить Мингрелiю, но что нѣкоторые князья сопротивляются отъѣзду ея самой и въ особенности малолѣтняго наслѣдника. Цѣлую ночь шли толки, давались совѣты. Имѣнiе (поданное мною) вывезти семейство, если будетъ нужно, вооруженною рукою не было принято и на другой день княгиня возвратилась въ Горди, въ совершенномъ недоумѣнiи на счетъ будущности своей

Между тѣмъ, послѣдовало распоряженiе: всѣ запасы продовольственные и боевые, сложенные въ Марани и Кутаисѣ, перевезти на лѣвый берегъ Рiона.

Изъ Кутаиса потянулась къ Тифлису длинная веревъ экипажей, повозокъ почтовыхъ и воловьихъ съ женщинами, дѣтьми и домашнею рухлядью. Ужасъ имеретинъ при видѣ этого переселенiя былъ великъ, но, къ счастью, вдали слышались барабаны, заблiстали штыки... идутъ изъ Грузiи русскiе баталiоны и сердца вѣрныхъ имеретинъ ожили.

Вотъ въ главныхъ чертахъ картина послѣднихъ событiй.

Перехожу къ духу трехъ народовъ, составляющихъ Кутаисскую губернiю.

Имеретины преданы и готовы на бой, на великiя пожертвованiя, отъ твердаго убѣжденiя, что, подѣ скиптромъ русскаго монарха, улучшая свой бытъ матеріальный, сознавая свое достоинство, они достигали постепенно до возможнаго счастья и устройства. Этимъ убѣжденiемъ проникнуты не только дворяне, но и крестьяне, особливо казенные и церковные.

Гурiйцы преданы и готовы биться съ турками, но они легкомысленны, впечатлительны, не имѣютъ убѣжденiй и легко увлекаются. Они въ прошломъ году не стали подѣ наши знамена по убѣжденiю, а были увлечены одержанными нами побѣдами. Само собою разумѣется, что я говорю о большинствѣ, а не о всѣхъ, не о тѣхъ нѣкоторыхъ семействахъ, которыхъ вѣрность сильнѣе всякаго испытанiя и которая, въ случаѣ отступленiя нашихъ войскъ, послѣдуютъ за ними.

Мингрельцы не по обдуманной, быть можетъ, измѣнѣ, а по увле-

ченію страха не подымутъ оружія противъ непріятеля, идущаго впередъ, но, вѣроятно, будутъ бить бѣгущаго.

Пишу къ в. с-ву изъ Бѣдогорской станціи, гдѣ нахожусь по случаю движенія войскъ. Всѣ тяжести и даже ранцы солдатскіе везутся на арбахъ.

Вчера прибылъ молодецкій кубанскій баталіонъ; сегодня будутъ тенгинцы.

II.

ИЗЪ ДНЕВНИКА,

или матеріалы для военной исторіи.

12-го ноября 1855 г.—Кутаисъ.

Войска наши, защищавшія Мингрелію въ числѣ 11-ти (не полныхъ) баталіоновъ, съ многочисленными милиціями, совершали, послѣ дѣла на Ингурѣ, отступленіе къ границѣ Имеретіи. Уничтоживъ въ Хети, чтобы не оставить непріятелю, довольно значительный запасъ продовольственный (4,265 четв. муки, 1,295 четв. сухарей, 373 четв. крупъ), они были расположены 31-го числа слѣдующимъ образомъ: 9 баталіоновъ съ милиціями стояли на нижней или почтовой дорогѣ, на рѣкѣ Циви, гдѣ въ прошломъ году былъ устроенъ укрѣпленный лагерь; 2 баталіона съ дружинами занимали наблюдательную позицію на идущей прямо изъ Зугдиди верхней или горной дорогѣ. Кромѣ того, 5 баталіоновъ съ многочисленными имеретинскими и гурійскими ополченіями защищали Гурію, противъ которой, впрочемъ, непріятель не дѣлалъ серьезныхъ демонстрацій.

Главные силы упирались правымъ флангомъ къ отрогу высокаго хребта, тянущагося вдоль дороги и съ вершины котораго наступленіе непріятеля могло быть открыто на разстояніи какихъ нибудь 20-ти верстъ; лѣвымъ флангомъ—къ лѣсамъ и болотамъ, хотя засохшимъ отъ жаровъ, но все же неудобнымъ для движенія въ порядкѣ значительныхъ силъ съ артиллерією. Наблюдательная колонна на верхней дорогѣ могла, по свойству горной мѣстности, удерживать напоръ и отступить безопасно передъ непріятелемъ въ пятеро сильнѣйшимъ. Она могла спуститься на нижнюю или почтовую дорогу къ Техуру, въ семи верстахъ позади главныхъ силъ; или-же, слѣдуя все горами, прямо въ Имеретію, переправившись черезъ рѣку Цхенисцкали, противу селенія Хони, въ 18-ти верстахъ выше моста у Марани, на который выходила дорога почтовая.

Къ Техуру-же, если-бы у села Кодора, на Ріонѣ, существовала переправа, могъ-бы въ нѣсколько часовъ прибыть отрядъ гурійскій.

Непріятель имѣлъ главную квартиру въ м. Зугдиди и высылалъ развѣзды по нижней почтовой дорогѣ, до Хети. Мѣстность не позволяла ему ни обойти насъ, ни приблизиться къ намъ внезапно, ни развернуть силы свои.

Пользуясь обозначенными топографическими условіями и выказаннымъ въ дѣлѣ на Ингурѣ нравственнымъ превосходствомъ войскъ нашихъ, мы могли, въ случаѣ наступленія несравненно большихъ силъ, отступать шагъ за шагомъ, защищая каждую переправу, которыхъ отъ Циви до Цхенис-цкали включительно было пять и, наконецъ, на послѣдней рѣкѣ, у моста, сосредоточивъ силы свои, притянувъ по лѣвому берегу, къ назначенному времени, отрядъ гурійскій, дать рѣшительный отпоръ.

Необходимость остановиться на переправѣ чрезъ рѣку Цхенис-цкали и дать сраженіе была очевидна; иначе, не имѣя за собой сильной боевой позиціи до самыхъ возвышенностей по ту сторону Кутанса, мы отдавали непріятелю безъ боя часть Имеретіи и губернской городъ; мы покрывали себя стыдомъ, ослабляли духъ войска, ободряли непріятеля, доставляли ему болѣе обильныя, нежели въ Мингреліи, средства какъ продовольственныя, такъ перевозочныя, и, наконецъ, что было-бы вреднѣе всего, лишались довѣренности населенія, преданнаго и энергическаго.

5-го числа, къ вечеру, непріятель выдвинулъ слабую колонну изъ двухъ или трехъ баталіоновъ къ переправѣ на р. Хопи, т. е. на разстояніи 18-ти верстъ отъ Циви. Замѣтимъ, что это разстояніе было пройдено рѣкою и разобранными мостами. Немедленно наши войска въ Мингреліи снялись съ занятыхъ ими позицій и потянулись назадъ.

6-го числа они вступили въ Имеретію. Главныя силы, истребивъ по дорогѣ, въ зимнемъ нашемъ у с. Сартіани лагерѣ, бараки и большіе запасы сѣна, переправились чрезъ р. Цхенис-цкали, по мосту у Марани; а колонна съ верхней дороги перешла вбродъ, противъ сел. Хони.

7-го числа вступили въ Кутансъ три прекрасныя баталіона (2 тенгинскіе и 1 кубанскій), пришедшіе изъ Тифлиса, большими переходами, безъ дневокъ. Въ тотъ же день стоявшіе въ Гуріи баталіоны и имеретинскія дружины получили приказаніе присоединиться къ главнымъ силамъ у Марани.

По переходѣ войскъ изъ Мингреліи въ Имеретію, соженъ на Цхенис-цкали прекрасный мостъ на каякахъ, въ родѣ плашкоутнаго.

8-го числа, въ 8-ми верстахъ отъ Марани, при впаденіи Цхенис-цкали въ Ріонъ и гдѣ на послѣдней рѣкѣ былъ мостъ, соженъ большою запасъ провіанта, а именно: 9,169 четв. муки, 1,295 четв. су-

харей и 373 четв. крупъ. Истребленіе производилось съ такою поспѣшностью, что, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, преданы пламени ранцы, теплая одежда нѣкоторыхъ частей войскъ, инженерный инструментъ и частное имущество. Вся потеря еще не приведена въ извѣстность.

Должно замѣтить, что въ самый день созженія подходили къ Марани три баталіона, прибывшіе изъ Тифлиса, и переправлялся черезъ Ріонъ, у самой сцены истребленія, отрядъ гурійскій.

На другой день созженъ мостъ на Ріонѣ. Истреблены тоже всѣ каики, существовавшіе на обѣихъ рѣкахъ.

Непріятель былъ на Циви, — слѣдовательно, въ 35-ти верстахъ отъ Марани и не ближе 15-ти отъ устья Цхенис-цвали.

Эта мономанія отступать передъ слабыми, нерѣшительными демонстраціями непріятеля и жечь, истреблять позади рѣкъ, передъ какижъ-нибудь разѣздомъ баши-бузукъ — можетъ быть объяснена только необыкновеннымъ настроеніемъ духа распорядителей и овладѣвшею ими суетливостью. Они обнаруживаются еще слѣдующими приказаніями: изъ Циви, то есть, когда непріятель былъ въ Зугдидахъ, приказано мнѣ перевозить въ Кутайсѣ, съ праваго на лѣвый берегъ Ріона, провіантъ, для охраненія онаго отъ вторженія непріятельской кавалеріи изъ Марани; когда непріятель былъ на Циви и когда наши силы сосредоточивались, мнѣ предписано приготовить всѣ присутственныя мѣста къ перенесенію изъ города во внутрь Имеретіи. Наконецъ, генераль Бруннеръ ¹⁾, командовавшій гурійскимъ отрядомъ, получилъ приказаніе отступать, не стѣсняясь тяжестими.

Силы непріятельскія доннѣ не опредѣлены въ точности. По всѣмъ вѣроятіямъ, по всѣмъ свѣдѣніямъ, можно предположить, что у Омера нѣтъ болѣе 22-хъ баталіоновъ обыкновенной пѣхоты и 4-хъ стрѣлковыхъ, вооруженныхъ штуцерами.

Въ настоящее время идетъ проливной дождь, войска стоятъ въ грязи и нѣкоторыя части безъ палатокъ; дороги портятся, рѣки разливаются, всѣ подвозы дѣлаются затруднительными, пока не слѣлались невозможными; имѣемъ сухарей только недѣли на три; передъ нами большія рѣки Ріонъ и Цхенис-цвали, запирающія входъ въ Гурію и Мингрелію. Войска теряютъ отъ болѣзней то, чѣмъ можно бы выиграть два сраженія.

Обращаюсь къ политическому положенію края.

Мингрельцы если не правы, то и не такъ виноваты, какъ съ перваго взгляда могло казаться. Они на Ингурѣ не стрѣляли въ непріятеля, но, бывъ расположены на разныхъ пунктахъ, подъ различ-

¹⁾ См. «Русскую Старину», т. VIII, стр. 629.

ными начальствами, они, не получая приказанія, не могли, какъ и нѣкоторыя части войскъ регулярныхъ, принять участіе въ битвѣ. Послѣ же встрѣчи на Ингурѣ, мы отступали отъ Хети, Циви, Техура, передъ каждою слабѣйшею демонстраціею непріятеля, подъ предлогомъ или по причинѣ, что мингрельцы намъ не содѣйствуютъ, а мингрельцы, имѣя женъ и дѣтей во власти турокъ, обращались къ нимъ подъ предлогомъ или по причинѣ, что русскіе ихъ оставляютъ.

Описанное отступление изъ Мингрелии послѣ слишкомъ торжественныхъ увѣреній защищать каждую пядь земли и уступить ее непріятелю только по истощеніи всѣхъ средствъ упорной горной войны, внезапно распространившееся и ужаснувшее извѣстіе объ измѣнѣ мингрельцевъ—увлекли всѣхъ въ суетливую и раздражительную дѣятельность. Это былъ какъ вихрь, унесшій правительницу въ горный и непреступный Лечгумъ.

Примѣръ Мингрелии сильно подѣйствовалъ на Имеретинъ. Дружины изъ князей и азнауровъ, прибывъ въ с. Хони, объявили, что далѣе не отступаютъ, чтобы не подвергнуться участи и нареканіямъ, поразившимъ ихъ сосѣдей. Восьмидесятилѣтній старецъ кн. Симонъ Церетели вонзилъ посохъ свой въ землю и сказалъ: „здѣсь умру, но ни шагу назадъ“.

Генераль Бруннеръ, оставляя Гурію, передалъ ее законному или служебному начальству уѣзднаго начальника и предводителя дворянства. Этой мѣрѣ должно приписать энергію и единодушіе, обнаруживаемыя гурійцами, которые до того подвергались распрямъ, завистямъ, возбуждаемымъ нелѣпыми, несправедливыми, ни на чемъ неоснованными домогательствами на первенство двухъ братьевъ князей Д. и М. Гуріели.

III.

МЕМЕТО.

Матеріалы для военной исторіи.

21-го ноября 1855 г. — Кутансъ.

Вчера пришло извѣстіе о сдачѣ Карса и о скоромъ приѣздѣ сюда кн. Василія Осиповича Бебутова. Сегодня погода проясняется, дождь пересталъ, рѣки спали. Завтра отрядъ нашъ долженъ начать движеніе наступательное.

Предпріятіе это, въ концѣ котораго выигрышь,—конечно, возможный,—не соразмѣряется съ проигрышемъ болѣе возможнымъ, не имѣетъ достаточнаго повода, особливо при перемѣнѣ, происшедшей на нашемъ военномъ горизонтѣ.

Взятіе турецкой крѣпости рѣшило участь кампаніи на Кавказѣ.

Омеръ, если не увлечется безразсудствомъ, въ которомъ не имѣемъ права подозрѣвать его, не только не двинется въ Имеретію, но даже не останется долго въ Мингреліи. Онъ рассчитаетъ, что въ обоихъ случаяхъ подвергается встрѣчѣ или нападенію силъ превосходныхъ, которыя, освободясь отъ продолжительной осады, обезоруживъ Ана-толійскій корпусъ, не имѣя передъ собою непріятели, могутъ со дня на день явиться на защиту Имеретіи и освобожденіе Мингреліи. Съ самаго начала войны, во всѣхъ сраженіяхъ въ Азіи русскій солдатъ былъ одинъ противъ трехъ, пяти и даже семи турокъ; тутъ, съ приходомъ части войскъ, осаждавшихъ Карсъ, онъ будетъ одинъ противъ одного. Слѣдовательно, исходъ несомнѣненъ. Но поелику нельзя, какъ говорится, влѣзть въ чужую душу, то, предположивъ, что непріятель одушевленъ самою воинственною рѣшимостью, рассмотримъ сначала однѣ выгоды, сопряженныя какъ съ движеніемъ нашего отряда въ Мингрелію, такъ его положеніемъ выжидательнымъ.

Если Омеръ, на перекоръ нашимъ догадкамъ и выводамъ здраваго смысла, захочетъ держаться въ Мингреліи до послѣдней крайности, то есть до прихода къ намъ новыхъ силъ, то онъ потеряетъ отъ климата и неудобствъ всякаго рода по крайней мѣрѣ треть войска своего; онъ прійдетъ въ состояніе столь жалкое, или, лучше сказать, отвратительное, что возбудитъ презрѣніе всѣхъ тѣхъ приморскихъ племенъ Кавказа, которыя вѣрвали въ него. Зимовка въ Мингреліи безъ за-благовременно приготовленныхъ пріютовъ, безъ полнаго содѣйствія всего населенія—есть величайшее изъ всѣхъ золъ, какія только можно пожелать врагу своему.

И такъ, сдѣлать движеніе въ Мингрелію, чтобы принудить Омера убраться прежде чѣмъ онъ предполагалъ, значило бы предупредить пагубное на него дѣйствіе лихорадки, поносовъ и другихъ болѣзней, отъ которыхъ мы сами, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, такъ много пострадали; значило бы еще отвратить ту окончательную и совершенную гибель, которая настигнетъ его, если онъ дождется прихода силъ нашихъ изъ-подъ Карса.

Если же Омеръ, для отголоска въ Европѣ, надѣясь увѣнчать свое здѣсь появленіе блистательнымъ ударомъ, двинется въ Имеретію, то многія выгоды на нашей сторонѣ, ибо, мнѣ кажется, нѣтъ нужды доказывать, что легче сладить съ непріятеlemъ, ожидая его на избранномъ нами полѣ сраженія у переправы чрезъ большую рѣку, чѣмъ атакуя его на избранной имъ позиціи оборонительной. Если мы въ первомъ случаѣ, т. е. оставаясь въ положеніи выжидательномъ, потеряемъ сраженіе, то можемъ отступить въ порядкѣ на другую позицію или въ глубь края, къ своимъ магазинамъ и резервамъ; если же

мы, съ помощію Божіею, одержимъ верхъ, то Омеръ, имѣя за собою нѣсколько рѣкъ и народъ, возстающій на побытаго, лишится, если не всей, то большей части арміи,—послѣдней надежды правовѣрныхъ.

Сказавъ, какія, по мнѣнію моему, послѣдствія могутъ быть достигнуты удачнымъ движеніемъ впередъ и положеніемъ выжидательнымъ, я перехожу къ возможностямъ и послѣдствіямъ наступленія неудачнаго.

Вотъ возможности.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о силахъ непріятеля; одни говорятъ, что у него 25 баталіоновъ, другіе—что у него 45,000 штыковъ; если послѣднее число настоящее, то онъ почти вчетверо сильнѣе насъ. Онъ имѣетъ огромное превосходство въ артиллеріи и штуцерахъ, столь много значущихъ при защитѣ сильной позиціи; у него 44 орудія, а у насъ 3 легкихъ и 12 горныхъ. Противъ насъ всѣ свойства мѣстности пересѣченной, худыя дороги, обрывы, рѣчки безъ мостовъ... Наконецъ, продовольствіе наше не обезпечено и, при измѣнчивости погоды, сильный дождь можетъ заключить насъ между двумя разлившимися рѣками, безъ выхода, безъ средствъ къ пропитанію, ибо никакъ нельзя допустить, чтобы въ Мингреліи, на клочкѣ земли, какъ напримѣръ, между Абашой и Техуромъ, нашлось достаточно мѣстныхъ средствъ, даже на одинъ завтракъ 15-ти тысячамъ.

Если всѣ эти условія затрудняютъ наше наступленіе и дѣлаютъ успѣхъ онаго сомнительнымъ, то воображеніе ужасается всѣми несчастіями, которыхъ они могутъ быть причиною при нашемъ, послѣ неудачи, обратномъ движеніи.

Вотъ только неминуемыя послѣдствія нашего пораженія въ Мингреліи.

Разстроенные битвою и трудностями отступленія, преслѣдуемые по пятамъ побѣдителемъ, мы вносимъ его на плечахъ своихъ въ Имеретію, не останавливаясь ближе горныхъ позицій за Кутаисомъ. Омеръ овладѣваетъ губернскимъ городомъ, частью Имеретіи и съ большими удобствами ожидаетъ приближенія нашихъ свѣжихъ силъ. Или же, проводивъ насъ за Кутансъ, окончивъ кампанію блистательнымъ ударомъ, добывъ трофей, отмстивъ за Карсъ, онъ отступаетъ въ Мингрелію, въ Абхазію, даже садится на корабль и вводитъ свою побѣдоносную армію въ Босфоръ, при рукоплесканіи Европы.

На всѣ мои доводы могутъ отвѣтить: вы не рассчитываете на геройство нашихъ солдатъ, на счастливую звѣзду..... Мы пойдемъ въ Мингрелію, разобьемъ Омера, овладѣемъ его артиллеріею, загонимъ его армію въ море!

Все это можетъ случиться. Надѣюсь на геройство солдата рус-

скаго, вѣрую въ звѣзду, но безъ крайности на нихъ не рассчитываю. Я старался доказать, что не имѣемъ достаточнаго повода къ наступленію, что оно сопряжено съ большими для насъ невыгодами и что, наступая, подвергаемся въ случаѣ неудачи страшнымъ послѣдствіямъ.

Затѣмъ, остаюсь въ убѣжденіи, что наступать не слѣдуетъ до прихода новыхъ значительныхъ силъ (до 15,000) и никакія событія не заставятъ меня перемѣнить это мнѣніе, ибо я тоже убѣжденъ, что побѣда не все оправдываетъ и пораженіе не всегда обвиняетъ.

23-го ноября 1855 г.

Всю ночь шелъ дождь, рѣки разлились, переправы невозможны. Движеніе наступательное по необходимости отмѣнено.

Число больныхъ нашего отряда умножается въ ужасающей пропорціи. Въ Кутаисскомъ госпиталѣ 2,800 больныхъ и 600 выздоравливающихъ или такъ называемыхъ слабосильныхъ.

Мнѣ дали знать сегодня изъ отряда, что непріятель наступаетъ и его авангардъ уже на Цхенис-цкали.

Движеніе непріятели есть, мнѣ кажется, ничто иное какъ предосторожность, вынужденная наступательными демонстраціями нашего отряда, который пытался устроить на Цхенис-цкали мостъ изъ аробъ и переправилъ было на правый берегъ кавалерію свою.

Я тоже получилъ сегодня письмо правительницы Мингреліи. Ея свѣтлость увѣдомляетъ меня, что сообщенное мною извѣстіе о сдачѣ Карса несказанно обрадовало Лечгумское населеніе. Крѣпость Мури праздновала побѣду выстрѣлами, колокольнымъ звономъ, благодарственнымъ молебствіемъ. Правительница подарила посланному 100 руб. сер. и ружье. Боже! какими ощущеніями дають о себѣ знать этой первобытной странѣ утонченности, мудрствованія, просвѣщеніе, политика Запада.

Правительница, оставивъ въ этомъ дикомъ прибѣжищѣ, безъ надежнаго присмотра, дѣтей своихъ, отправилась въ отрядъ съ 300 человекъ лечгумской милиціи.

Княгиня Дадіани, которую мы всѣ знали въ первыя лѣта ея прекрасной юности, женщина, воспитанная во всѣхъ привычкахъ, понятіяхъ, причудахъ современнаго общества, краса баловъ, отчаяніе паркетныхъ франтовъ..... теперь на бранномъ конѣ, передъ дружинами своихъ владѣній.... Не живое ли она олицетвореніе быта нѣкоторыхъ племенъ Кавказа, гдѣ вѣкъ феодальный съ девятнадцатымъ сошлись безъ посредничества и постепенности лицомъ къ лицу.

1-го декабря 1855 г.

Я возвратился изъ поѣздки въ Мингрелію, весьма любопытной, хотя оставившей непріятное впечатлѣніе.

Приѣхавъ 27-го числа въ селеніе Хони для свиданія съ начальникомъ отряда ¹⁾, я узналъ, что правительница, послѣ довольно рѣзкаго съ нимъ объясненія, переправилась на правый берегъ Цхенисцкали для возбужденія примѣромъ своимъ народной войны и для преслѣдованія всѣми силами Мингрелии непріятели, котораго полагали въ полномъ и беспорядочномъ отступленіи. Для этой цѣли уже находились тамъ генераль-маіоръ кн. Григорій Дадіани, ставшій во главѣ—болѣе предполагаемаго, чѣмъ существующаго—народнаго возстанія, и полковникъ князь Димитрій Шарвашидзе съ имеретинскими дворянскими дружинами и сотнею линейныхъ казаковъ.

На другой день я получилъ отъ правительницы записку, которою, въ выраженіяхъ самыхъ чувствительныхъ, она приглашала меня къ себѣ. Испросивъ согласіе начальника отряда и узнавъ, какой, по его мнѣнію, долженъ быть при настоящихъ обстоятельствахъ образъ дѣйствій правительницы, я переправился чрезъ рѣку и въ пяти верстахъ отъ берега, въ деревнѣ Банза, нашель княгиню съ архіереемъ Мингрелии и свитою изъ шестидесяти, если не болѣе, князей и дворянъ.

Княгиня была чрезвычайно встревожена, раздражена и не знала что дѣлать, на что рѣшиться. Дѣйствительно, ея положеніе было болѣе чѣмъ трудное. Она разлучилась съ дѣтьми своими на время неопредѣленное. Обвиненіе ея подвластныхъ въ измѣнѣ или малодушіи легло тяжело на ея сердце. Ей представлялись всѣ неудобства и опасности предпріятія: странствованіе въ кенастѣ по горнымъ дорогамъ и лѣсамъ, ночлеги въ хижинахъ или опустѣлыхъ домахъ, переправы вбродъ чрезъ потоки, наконецъ, всѣ случайности походженій въ странѣ, занятой непріятеlemъ, о которомъ не имѣлось свѣдѣній вѣрныхъ, который могъ быть близко, котораго партія кавалерійская могла внезапно окружить ее. Между тѣмъ, властолюбіе понуждало ее къ самымъ отчаяннымъ усиліямъ, чтобы удержать выпадающія изъ ея рукъ и ловимыя княземъ Г. Дадіани бразды правленія. Ея душа, энергическая и тщеславная, раздражалась тою недовѣрчивостію къ ея полу, тѣми предубѣжденіями, сомнѣніями, которыми въ обстоятельствахъ, требующихъ безпристрастнаго обсужденія и непоколебимой рѣшимости, стѣсняютъ женщину, ограничиваютъ ея произволь и дѣятельность.

Самыя равнородныя чувства и ощущенія, отъ нѣжныхъ безпокойствъ матери и боязней женщины до оскорбленнаго высокоумія властелина, —пробудили струны ея сердца.

¹⁾ Генераль-маіоромъ Иваномъ Константиновичемъ Мухрянскимъ.

Успокоивъ княгиню, я убѣдилъ ее передать начальство надъ всѣми собранными и имѣющими собраться ополченіями князю Григорію, а самой оставаться въ его распоряженіи, какъ знамя для убѣжденія всѣхъ въ ея чувствахъ, для соединенія народа въ одно усиліе. Иначе, въ случаѣ неуспѣха, ее могли считать причиною колебаній, соперничества партій, разъединенія силъ и, слѣдовательно,—неудачи. Такое обвиненіе было-бы тѣмъ достойнѣе вѣри, что съ нею находился князь Константинъ, къ совѣтамъ котораго она всегда была внимательна и который постоянно соперничалъ съ старшимъ братомъ своимъ, Григоріемъ, за вліяніе на дѣла общественныя.

Княгиня согласилась или показала видъ, что соглашается, и, въ свою очередь, убѣдила меня остаться съ нею. Для этого не нужно было большихъ усилій. Какой солдатъ побинулъ бы женщину въ подобныхъ обстоятельствахъ и кто, среди позорища войны, ведомой духомъ и понятіями девятнадцатаго столѣтія, не захотѣлъ бы, какъ бы въ интермедіи, узрѣть тѣ похиженія, тѣ обычаи, тотъ разгулъ страстей и интересовъ, которые ознаменовали пяти-вѣковое на Западѣ пребываніе феодальности и сопровождаютъ здѣсь ея запоздавшій, исчезающій призракъ!?

Пообѣдавъ чѣмъ Богъ послалъ, но, по старому обычаю—постнымъ, мы сѣли на коней. Шелъ дождь. Мгла покрывала окрестность и обвивала горы, скрывавшія свои вершины въ облакахъ. Княгиня сидѣла на бодромъ, богато-убранномъ конѣ; князья, — должно отдать имъ справедливость, — прекрасной и важной наружности, завернутые въ бурки и окутавъ головы башлыками, принимающими на мѣховыхъ шапкахъ форму шлемовъ, имѣли видъ рыцарей, окованныхъ въ желѣзо; впереди, какъ въ прежнія времена духовники сопровождали дамъ высокаго рода, ѣхалъ архіерей въ черной рясѣ и капишонѣ. На нѣкоторое разстояніе впереди и по бокамъ были высланы разѣзды... Мы остановились на ночь въ опустѣломъ князя Пагава домѣ, который дня три тому назадъ турки хотѣли съжечь за удалъ хозяина, устроившаго противъ нихъ засаду.

На другой день, съ разсвѣтомъ, опять на коней. Переправясь черезъ Абашу и Техуръ, я послалъ бывшихъ со мною четырехъ имеретинъ въ розски. Они подѣхали на ружейный выстрѣлъ къ цѣпи пѣхоты и къ пикетамъ изъ уланъ и черкесовъ, расположеннымъ передъ мѣстечкомъ Сенаки, занятомъ, какъ было видно съ пригорка, сильнымъ отрядомъ, вѣроятно, авангардомъ непріятеля. И такъ, правительница была менѣ чѣмъ въ 5-ти верстахъ отъ турецкой кавалеріи. Само собою разумѣется, что въ эту минуту мы не искали сбли-

женія ни съ турками, ни съ черкесами, а потому повернули на право, въ горы.

Не буду описывать подробностей поѣздки: трудностей подъемовъ, спусковъ, переправъ и, наконецъ, страха бѣдныхъ поселянъ и поселянокъ, которые, завидя насъ издали и принимая за турокъ, бѣжали опрометью въ лѣсъ, унося кто что успѣлъ схватить. Къ вечеру мы сѣхались съ дружинами имеретинскими, линейными казаками и, наконецъ, съ мингрельскими всадниками князя Григорія Дадіани, коихъ было до 300.

Не утѣшительна была для меня встрѣча съ имеретинскою дружиною. Князья и дворяне, заслужившіе терпѣніемъ и преданностью уваженіе наше, бродили по горамъ безъ пріюта и безъ продовольствія, отыскивая пропитаніе для себя и фуражъ для лошадей въ домахъ и оградахъ жительскихъ. Самымъ чувствительнымъ послѣдствіемъ такого странствованія будетъ обѣднѣніе верхней Мингрелии и изнуреніе какъ людей, такъ лошадей дружинъ, ибо, по причинамъ, которыя сейчасъ укажемъ, нельзя предполагать, чтобъ онѣ принесли непріятелю вредъ значительный.

Омеръ обнаружилъ признанныя въ немъ европейцами свойства полководца, какъ весьма осторожнаго, такъ и искуснаго въ выборѣ и занятіи оборонительныхъ позицій. Онъ стоитъ превосходно. Его фронтъ прикрытъ рѣками, его правый флангъ примыкаетъ къ непроходимымъ болотамъ, простирающимся вплоть до моря, а лѣвый упирается въ хребетъ, имѣющій видъ сплошной, почти отвѣсной стѣны. За нимъ дорога на Редуть, идущая между рѣкою Хопи и болотами. По этому пути Омеръ, не опасаясь ни обхода, ни боковаго нападенія, можетъ отправлять тяжести и больныхъ, получать продовольствіе и, въ случаѣ натиска силъ превосходныхъ, отступать шагъ за шагомъ до самыхъ судовъ подъ выстрѣлы флота и крѣпости.

Нашимъ такъ называемымъ отрядамъ партизанскимъ или народнымъ ополченіямъ, чтобы тревожить непріятеля, приходилось-бы подъ выстрѣлами его штуцеровъ и артиллеріи переправляться черезъ потоки или спускаться съ горъ по крутому скату; наконецъ, выставленный Омеромъ послѣ нѣкоторыхъ ихъ покушеній наблюдательный отрядъ на отрогѣ хребта лишаетъ ихъ возможности не только успѣха, но и попытки.

Не нужно быть ни пророкомъ, ни большимъ отгадчикомъ, чтобы предсказать, что военныя дѣйствія прекращены на долго или до совершенной перемѣны погоды, что война народная—химера, что силы регулярныя, даже значительныя, ничего не сдѣлаютъ Омеру, пока

онъ будетъ стоять на позиціи, противъ которой, какъ видно изъ вышесказаннаго, нельзя ни маневрировать, ни развертываться, а должно бы наступать одною только колонною; наконецъ, что Мингрелія, разслабленная матеріально и нравственно, будетъ проявлять свое существованіе единственно раздорами владѣтельской семьи. Первый актъ драмы конченъ. Занавѣсъ спускается. Свистать публика можетъ, рукоплескать не за что.

Къ лѣту должно запереть верхнюю Мингрелію сильнымъ редутомъ, укрѣпиться на Циви и въ Гуріи, на Саджавахскихъ горахъ; должно устроить по направленію къ Кутаису дороги, мосты съ тетъ-де-понами, этапы, магазины, наконецъ, должно смотрѣть на имеретинскія дружины скорѣе какъ на резервы, чѣмъ какъ на аванпосты.

И тогда — милости просимъ... Н. Колюбакинъ.

Сообщилъ Ад. П. Верже.

ВОЙНА РОССИИ СЪ ТУРЦІЕЙ

1853—1854 ¹⁾.

Донесеніе кн. М. Д. Горчакова.

Изъ Бухареста.—3-го января 1854 г.

Имѣя въ виду: а) высочайшее указаніе, выраженное въ собственноручномъ ко мнѣ письмѣ отъ 9-го декабря—о томъ, дабы форсированіе переправы на нижнемъ Дунаѣ было исполнено около половины марта мѣсяца, и б) новое назначеніе 1-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи, которая остается въ средней Бессарабіи съ тою цѣлью, чтобы съ одинакою удобностію, смотря по надобности, могла быть передвинута или къ Одессѣ или къ нижнему Дунаю—считаю долгомъ представить слѣдующія дополнителныя соображенія къ запискѣ моей о военныхъ дѣйствіяхъ настоящаго года, препровожденной вамъ 13-го декабря.

1) До появленія новой травы въ такомъ изобиліи, чтобы можно было ее косить, будетъ необходимо всѣхъ лошадей войскъ и воловъ подвижнаго магазина, которые нужны для провіанта, кормить сѣномъ, заготовленнымъ заранѣе на лѣвомъ берегу Дуная. (При семъ часть сѣна будетъ замѣняться зерновымъ фуражомъ). По точнѣйшимъ соображеніямъ оказалось, что, при самыхъ усиленныхъ средствахъ подвоза, можно будетъ прокормить въ это время за Дунаемъ, и то на пространствѣ не болѣе какъ отъ Сатунова до Гирсова, не болѣе 10-ти полковъ пѣхоты, двухъ регулярной кавалеріи, трехъ донскихъ и 14-ти батарей.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 671—708; томъ XVII, стр. 145—170.

2) Этого числа войскъ я полагаю достаточнымъ для форсированія самой переправы и дѣйствій 2-й эпохи, т. е. для овладѣнія Тульчею, Исацкею, Мачинымъ и Гирсовымъ и устройства укрѣпленій при Гирсовѣ и на низовьяхъ праваго берега Дуная. Войска для этихъ дѣйствій полагаю я употребить слѣдующія: 2-ю бригаду 7-й пѣхотной дивизіи, 1-ю бригаду 9-й ¹⁾, 2-ю бригаду 14-й, всю 15-ю и по одному полку отъ 1-й и 2-й бригадъ 3-й легкой кавалерійской ²⁾.

3) Движеніе къ Черноводамъ (3-я эпоха) я полагаю произвести помянутыми войсками, усиливъ ихъ двумя остальными полками 3-й легкой кавалерійской дивизіи, 2-ю бригадою 9-й дивизіи (переведа ихъ своевременно на правый берегъ Дуная) и 1-ю бригадою 14-й пѣхотной дивизіи, если она туда поспѣетъ.

4) Движеніе къ Силистріи (4-я эпоха) полагаю я произвести всѣми помянутыми въ 3-мъ пунктѣ войсками, оставя для наблюденія у Траянова вала однѣ лишь вторыя бригады 7-й пѣхотной и 3-й легкой кавалерійскихъ дивизій. Въ этомъ большой опасности я не предвижу, ибо если непріятель пойдетъ на Черноводы, то я ударю изъ-подъ Силистріи въ его лѣвый флангъ.

5) Для дальнѣйшихъ дѣйствій, я думаю, надобно имѣть въ виду два предположенія: Если обстоятельства будутъ къ тому благопріятствовать и 1-я бригада 14-й дивизіи своевременно присоединится ко второй, то въ исполненіи держаться начертанія, изложеннаго въ запискѣ 13-го декабря. Разница будетъ только въ томъ, что у Траянова вала останутся не 4, а 3 пѣхотныя бригады, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ опасности одна отступила бы къ Измаилу, двѣ другія—къ Гирсову. Если же, напротивъ, 1-я бригада 14-й дивизіи не присоединится ко второй, непріятель, ободренный союзомъ морскихъ державъ, усугубить усилія для увеличенія своей арміи и, наконецъ, если будетъ имѣться въ виду высадка вспомогательнаго европейскаго отряда у Варны,—то, вмѣсто осады Руцука, предпринять осаду Силистріи; тамъ я буду находиться въ средоточіи путей отъ Варны, Шумлы и Разграда, откуда преимущественно можно ожидать наступленіе непріятеля; притомъ, непосредственное сообщеніе мое съ Валахією будетъ несравненно надежнѣе, потому что мостъ у Силистріи будетъ охраняемъ флотилією, тогда какъ мостъ у Туртукая или выше не будетъ имѣть покровительства военныхъ судовъ нашихъ ³⁾. Послѣ овладѣнія

¹⁾ Помѣты на поляхъ: «Зачѣмъ не всю 9-ю дивизію?»

²⁾ «Зачѣмъ не всю 2-ю бригаду 3-й легкой дивизіи?»

³⁾ «Такъ думаетъ князь Варшавскій, но это жаль будетъ, ибо отдалить насъ отъ цѣли поднять христіанъ и подать имъ помощь, что оттуда далеко будетъ».

«12-го января 1854 г.»

Силистрію, можно будетъ, смотря по времени, или произвести еще осаду Руссукъ ¹⁾, или же, ограничиваясь наблюдениемъ этой крѣпости ²⁾, распространять поиски въ направленіи къ Шумлѣ ³⁾, Разграду и на западъ отъ сего послѣдняго города, для оживленія возстанія православныхъ племенъ въ Западной Булгаріи и, можетъ быть, въ Сербіи.

6) Во всякомъ случаѣ, не взирая на значительность издержки для постройки еще одного моста, кромѣ строящагося въ Галацѣ, я считаю необходимымъ заготовить таковой въ Аржисѣ, дабы имѣть возможность, если обстоятельства будутъ къ тому способствовать, исполнить вполне начертаніе, изложенное въ запискѣ 13-го декабря.

Генералъ-адъютантъ кн. Горчаковъ.

Помѣта на полѣ 12-го января 1854 г.: «Тутъ многое не такъ и не отвѣчаетъ тому, что хочю и о чемъ говорилъ».

Изъ Букареста.—(?) января.

Свѣдѣнія, доставленныя мнѣ при письмѣ (кн. Паскевича) 15-го настоящаго мѣсяца, весьма важны. Изъ нихъ значится:

1) что турецкая армія имѣетъ	280,000
2) что французскіе вспомогательные корпуса составляютъ около	40,000
И такъ непріятель будетъ имѣть	320,000

не считая вспомогательнаго корпуса, какой можетъ быть высланъ англичанами.

Силы турекія, безъ сомнѣнія, весьма преувеличены, но должно полагать, что къ веснѣ ихъ будетъ 180,000 сражающихся; къ сему прибавить надобно хотя одинъ вспомогательный французскій корпусъ въ 20,000, слѣдовательно, мнѣ придется вести бой противъ 200,000, у коихъ въ резервѣ близъ Адрианополя будетъ еще 20,000 французовъ. Въ моемъ распоряженіи 3-й, 4-й корпуса и половина 5-го, — вся численность сего войска, считая и казаковъ, не будетъ превышать 160,000, включая и 2-й резервный кавалерійскій корпусъ. Сверхъ того, мы имѣемъ двѣ огромныя невыгоды противъ турокъ: а) они имѣютъ на Дунаѣ 3 большія крѣпости, Силистрію, Руссукъ и Видинъ, укрѣпленныя позиціи по Дунаю: въ Тульчѣ, Исакчѣ, Мачинѣ, Гирсовѣ и Никополи, и укрѣпленный лагерь на лѣвомъ берегу Дуная въ Калафатѣ. б) У нихъ много перевозныхъ судовъ во всѣхъ

¹⁾ Помѣты на полѣ «Только однѣ эти выгоды».

²⁾ «Да, это тогда будетъ необходимо».

³⁾ «Подъ Шумлу отнюдь и думать не должно ходить».

этихъ пунктахъ; мы же имѣемъ перевозные способы только на пространствахъ отъ Браилова до устья Дуная.

Я почти не сомнѣваюсь, что планъ Омеръ-паши будетъ слѣдующій:

1) Переправу чрезъ Дунай на нашемъ лѣвомъ флангѣ оспаривать однимъ корпусомъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ корпусъ отступилъ къ Карасу и соединился съ первымъ вспомогательнымъ французскимъ корпусомъ. Положимъ, что у турокъ будетъ въ Бабадагской области не болѣе 40,000. По отступленіи сего корпуса и по присоединеніи къ французамъ, непріятель будетъ имѣть въ Восточной Булгаріи армию въ числѣ около 50,000, полагая 10,000 на убыль.

2) Съ извѣстіемъ о началіи серіозныхъ дѣйствій на низовьяхъ Дуная, начать наступленіе въ Малой Валахіи, съ тѣмъ, чтобы Карпатскими горами или подошвою оныхъ, зайти мнѣ въ тылъ и угрожать Бухаресту отъ Питешти, Терговиста и Плоешти. У меня въ Малой Валахіи около 25,000 войска: чтобы имѣть надежду выполнить свое предпріятіе съ успѣхомъ, положимъ, что онъ двинетъ отъ Калафата 50,000.

3) Оставя въ Силистріи и Русчукъ слабые гарнизоны, вторгнуться черезъ Туртукай, Турну или Силистрію въ Большую Валахію съ остальными войсками, коихъ будетъ до 80,000. Если же овладѣніе Валахіи не удастся, то дѣйствовать сими войсками и войсками, сосредоточенными у Базарджиба (пунктъ 1-й), противъ меня на лѣвомъ берегу Дуная.

Изъ свѣдѣній, при помянутомъ письмѣ (кн. Паскевича) приложенныхъ, не остается, кажется, сомнѣнія, что, на театрѣ военныхъ дѣйствій имѣющей открыться кампаніи, мы будемъ имѣть противъ себя, кромѣ турокъ, и французовъ, въ числѣ по меньшей мѣрѣ 40,000. Не менѣе того я полагаю, что всего лучше держаться высочайше одобреннаго плана наступательной кампаніи, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать въ немъ, если встрѣтится надобность, тѣ измѣненія, какія укажутъ обстоятельства; конечно, исполненіе онаго при содѣйствіи французовъ будетъ весьма трудно, но не менѣе трудны были бы и дѣйствія чисто оборонительныя.

Но для приведенія сего плана въ дѣйствіе съ нѣкоторою вѣроятностію на успѣхъ, необходимо, чтобы 1-я бригада 14-й дивизіи была присоединена ко 2-й, немедленно по прибытіи 16-й дивизіи въ Крымъ.

Ваше величество изволили замѣтить, почему я не полагалъ употребить всю 9-ю пѣхотную дивизію для перехода за Дунай при

открытіи военныхъ дѣйствій? Причина сему слѣдующая: я всегда думалъ, что, какъ скоро дѣйствія начнутся на лѣвомъ флангѣ нашемъ, Омеръ-паша захочетъ этимъ воспользоваться, чтобы прорвать нашъ центръ и овладѣть Букарестомъ. Свѣдѣнія, нынѣ (кн. Паскевичемъ) мнѣ доставленныя, подтверждаютъ меня въ этомъ, и я вполне убѣжденъ, что Омеръ-паша предприметъ подобное дѣйствіе.

Въ Малой Валахіи или, если нельзя будетъ ее удержать за собою, то на Ольтѣ необходимо имѣть не менѣе трехъ пѣхотныхъ бригадъ, иначе весь край сдѣлается непокорнымъ и турки, занявъ Питешти, Терговистъ и Плоешти, принудятъ меня безъ серьезнаго боя очистить Валахію. За назначеніемъ даже одной только бригады 9-й дивизіи къ дѣйствіямъ на лѣвомъ флангѣ, останется всего въ Большой Валахіи:

8-я пѣхотная дивизія	16 баталіоновъ.
2-я бригада 9-й	8 "
11-я пѣхотная дивизія	16 "
1-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи.	8 "
4-й стрѣлковый баталіонъ	1 "

Итого . . 49 баталіоновъ.

Изъ числа сего необходимо имѣть у Калафата одинъ полкъ, у Ольтеницы два полка, у Журжи два полка, всего 20 баталіоновъ; если непріятель сдѣлаетъ переправу свою въ одномъ изъ помянутыхъ пунктовъ, мнѣ придется съ нимъ сражаться не болѣе какъ съ 33 или 37 баталіонами, изъ коихъ 4 или 8 (судя по тому, гдѣ непріятель сдѣлаетъ переправу) будутъ уже ослаблены авангардными боями, ибо дегарнировать прочихъ пунктовъ прежде, пока дѣла не разъяснятся, невозможно; а когда разъяснятся, можетъ быть, нельзя будетъ уже притянуть оттуда войскъ столь скоро, чтобы они успѣли въ рѣшительную минуту. Помянутаго числа войскъ, отъ 33 до 37 баталіоновъ, конечно, немного для отраженія арміи, коей силу должно рассчитывать, по меньшей мѣрѣ, въ 80,000. Второго резервнаго Каларашскаго корпуса я не ввожу здѣсь въ расчетъ, потому что наступательныя дѣйствія турокъ въ Валахіи, вѣроятно, кончатся прежде прибытія его въ этотъ край.

За исключеніемъ помянутыхъ 24-хъ баталіоновъ, необходимыхъ въ Малой Валахіи, и 49-ти, необходимыхъ въ Большой—до времени приближенія нашего лѣваго фланга къ Силистріи, остается для дѣйствій сего послѣдняго:

7-я пѣхотная дивизія	16 баталіоновъ.
1-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи	8 "
14-я пѣхотная дивизія (полагая, что 1-я бригада присоединена ко 2-й).	16 "
15-я пѣхотная дивизія	16 "
3-й и 5-й стрѣлковыя баталіоны.	2 "

Итого . . 58 баталіоновъ.

Но изъ числа этихъ войскъ 7-ю дивизію надобно будетъ скоро исключить: одну бригаду предстоитъ возвратитъ въ Бессарабію, другою поручитъ наблюденіе непріятеля у Карасу или удержаніе укрѣпленій Гирсова и другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ нижняго Дуная. Затѣмъ, останется только 42 баталіона; къ нимъ можно будетъ присоединить, частію черезъ Гирсово, частію по мосту выше Силистріи, 8-ю пѣхотную дивизію, 2-ю бригаду 9-й дивизіи, и даже 1-ю бригаду 10-й, съ тѣмъ, чтобы въ Валахіи оставалась одна 11-я пѣхотная дивизія и 2-й резервный кавалерійскій корпусъ. Но и при такомъ присоединеніи у насъ будетъ за Дунаемъ у Силистріи не болѣе 74-хъ баталіоновъ. Этому отдѣлу придется и осаждать крѣпость (Силистрію или Руцукъ) и отбиваться противъ непріятельской арміи, которая будетъ свыше 100,000 (50,000, полагаемая у Базарджика, и остатки арміи, прогнанной изъ Валахіи). Для этой двойкой цѣли и 74-хъ баталіоновъ не много, если же 1-я бригада 14-й дивизіи не будетъ къ намъ присоединена, то недостатокъ ея 8-ми баталіоновъ будетъ въ высшей степени чувствителенъ.

Генераль-адъютантъ князь Горчаковъ ¹⁾.

Императоръ Николай Павловичъ—кн. М. Д. Горчакову.

С.-Петербургъ.—7-го января 1854 г.

Два твои письма получилъ я одно скоро послѣ другаго, любезный Горчаковъ; прости, ежели на сей разъ не своей рукой отвѣчаю: я обремененъ дѣлами. Извѣстіе о геройскомъ поведеніи войскъ нашихъ въ дѣлѣ подѣ Четати меня не удивило, но тѣмъ болѣе съ сердечнымъ сокрушеніемъ узналъ я объ огромной потерѣ ихъ, ничуть не соразмѣрной съ предметомъ, а еще менѣе мнѣ понятной, какъ планъ дѣйствій. Реляція писана такъ неясно, такъ противорѣчиво, такъ неполно, что я ничего понять не могу. Я уже обращалъ твое вни-

¹⁾ Приведенныя выше донесеніе и записка представлены императору Николаю Павловичу чрезъ посредство кн. П. О. Паскевича.

маніе на эти донесенія, писанныя столь небрежно и дурно, что выходятъ изъ всякой мѣры. Въ послѣдній разъ требую, чтобъ въ рапортахъ ко мнѣ писана была одна правда, какъ есть, безъ романовъ и пропусковъ, вводящихъ меня въ совершенное недоумѣніе о происходившемъ. Здѣсь, напримѣръ: 1) зачѣмъ войска быди растянута такъ, что въ Четати стоялъ Баумгартенъ съ 3-мя баталіонами, въ Моцацѣ Бельгардъ съ 4-мя, а Анрепъ въ Былешти, на оконечномъ лѣвомъ флангѣ, съ главнымъ резервомъ? 2) Зачѣмъ по первому свѣдѣнію о движеніяхъ турокъ, Анрепъ не пошелъ имъ прямо въ тылъ, что, кажется, просто было, и отъ чего бы, вѣроятно, изъ нихъ бы никто не воротился въ Калафатъ? 3) Отчего Анрепъ съ 15-ю эскадронами и конной батареей опоздалъ и не преслѣдовалъ бѣгущихъ турокъ? Все это мнѣ объясни, ибо ничего этого изъ реляцій понять не можно.

Ежели такъ будемъ тратить войска, то убьемъ ихъ духъ и никакихъ резервовъ не достанетъ на ихъ пополненіе. Тратить надо на рѣшительный ударъ,—гдѣ же онъ тутъ??? Потерять 2,000 человекъ лучшихъ войскъ и офицеровъ, чтобъ взять 6 орудій и дать туркамъ спокойно возвратиться въ свое гнѣздо, тогда какъ надо было радоваться давно желанному случаю, что они, какъ дураки, вышли въ поле, и не дать уже ни одной душѣ воротиться,—это просто задача, которой угадать не могу; но душевно огорченъ, видя подобныя распоряженія.

И такъ, спѣши мнѣ это все разяснить и прими мѣры, чтобы впредь безплодной траты людей не было, это грѣшно и, вмѣсто того, чтобы приблизить къ нашей цѣли, удаляетъ отъ оной, ибо тратить драгоценное войско тогда, когда еще много важнаго предстоитъ и обстоятельства все грознѣе.

Спѣши представить о наградахъ отличившихся и не забудь объ убитыхъ и раненыхъ; пришли имъ списки.

Нетерпѣливо ожидаю, что ты рѣшишь подъ Калафатомъ, и надѣюсь, что ты не вдашься въ ошибку лбомъ брать укрѣпленія, въ которыхъ притомъ удержаться нельзя будетъ, за огнемъ съ противнаго берега. Гораздо важнѣе для насъ ускорить переправу на нижнемъ Дунаѣ: это мнѣніе дѣлать и фельдмаршалъ. Самое счастливое было бы, кажется, воспользоваться случаемъ ежели Дунай замерзнетъ, и сейчасъ овладѣть Исакчей, Тульчей, Мачинимъ, а потомъ и Г. Гирсовымъ, не идя далѣе до вскрытія рѣки, и тогда подвести сейчасъ всю флотилію, а за ней магазинъ на судахъ, чтобъ идти къ Силистріи; устроить вторую переправу у Калараша и явиться подъ Си-

листрією съ 8-й, 9-й, 15-й и бригадой 14-й дивизіи ежели оно сдѣлаться можетъ,—было-бъ славно. Тогда я бы не полагалъ смѣнять войскъ, а продолжать движеніе этими до Туртукая, а тамъ устроить переправу, присоединять и отъ 4-го корпуса что сочтешь нужнымъ и приступить къ осадѣ Рущука. 7-я же дивизіи и, надѣюсь, позднѣе и другая бригада 14-й дивизіи остались-бы для оконечности лѣваго фланга занимать крѣпостцы на правомъ берегу Дуная и близъ Рени, Галаца, Браилова и Измаила.

Этихъ силъ, кромѣ резервовъ, будетъ совершенно достаточно, чтобъ конечность лѣваго нашего фланга совершенно обезпечить.

Симъ кончаю. Дай Богъ, чтобъ все шло согласно моимъ желаніямъ безъ безплодной траты людей, дѣйствуя сильно, рѣшительно, не дробясь и тѣмъ приобрѣтая превосходство надъ врагами безъ усилий, которыя, кромѣ славы, не приносятъ никакой пользы.

Посылаю Орлова къ императору австрійскому, чтобы стараться придать ему болѣе рѣшимости; о послѣдствіяхъ узнаешь чрезъ Фонтана, который тогда ихъ привезетъ изъ Вѣны. Скажи-ка мнѣ, что причиной возстанія въ Малой Валахіи? желательно мнѣ это знать, необходимо это унять. Какое желаніе могъ ты выгадать или понять у валаховъ и молдаванъ, на счетъ ихъ независимости, и какого желали-бы себѣ образа правленія? Разумѣется, что о республикѣ и слышать не хочу; а выбирай они себѣ кого хотятъ изъ среды себя въ господари, или воеводы, или князья, все равно, подъ общимъ моимъ и императора австрійскаго покровительствомъ.

„Николай“.

Всепоподаннѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Краіово.—21-го января 1854 г.

Всемиловѣннѣйшій государь! Третьяго дня я имѣлъ счастье получить письмо вашего императорскаго величества отъ 7-го настоящаго мѣсяца.

Гнѣвъ вашъ, всемиловѣннѣйшій государь, за неясность описанія боя 25-го декабря, и за малые результаты онаго, столь справедливъ, что не дерзаю оправдываться; осмѣлюсь только представить возрѣнію вашему обстоятельства, меня нѣсколько извиняющія.

Реляціи яснѣе не могъ я сдѣлать потому, что донесеніе отряднаго начальника было не отчетливо, и что офицеръ, его привезшій, не былъ самъ въ дѣлѣ. Эта неясность побудила меня ускорить поѣздку въ Малую Валахію. Теперь я отдалъ приказъ, чтобы донесенія о бояхъ были присылаемы съ лицами, въ нихъ участвовавшими, дабы изъ

ихъ словъ разъяснить всѣ обстоятельства. Простите милостиво, что это не пришло мнѣ въ голову прежде.

Что Андреа распоряженія были ошибочны, это я тогда же усмотрѣлъ, какъ писалъ военному министру. Но, прежде чѣмъ обвинить храбраго и честнаго офицера, я хотѣлъ все самъ разузнать. Оправданіе Андреа состоитъ въ томъ, что не хотѣлъ ввести въ дѣло послѣдняго резерва въ трудной мѣстности, когда движеніемъ къ Скрепетулу достигнулъ главнаго результата — отступленія непріятели. На первый взглядъ я счелъ этотъ поводъ заслуживающимъ бѣльшаго уваженія, чѣмъ то дѣйствительно оказалось по осмотрѣ мѣстности, когда мы заняли Мадловиту. Подробное по всему дѣлу мнѣніе мое я представлю сегодня вашему императорскому величеству докладною запискою чрезъ военнаго министра.

Согласно высочайшей воли вашей, сдѣлано распоряженіе для освобожденія резервовъ отъ печенія сухарей.

Я буду всѣми мѣрами стараться продолжительно не удалять отъ Бессарабіи 7-ю дивизію. Лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли было-бы, кажется, присоединеніе 1-й бригады 14-й дивизіи ко второй, коль скоро 16-я прибудетъ въ Крымъ.

Государыня императрица изволила прислать намъ корпію; не нахожу словъ, чтобы выразить чувство войска за столь великую милость.

Раненные 25-го декабря призрѣны хорошо.

Всѣмъ раненымъ я лично объявилъ особое благоволеніе вашего императорскаго величества; по войскамъ отданъ приказъ.

Большую милость ваше величество изволили оказать, давъ офицерамъ новую форму шинелей.

Переправа на нижнемъ Дунаѣ для овладѣнія тамошними крѣпостцами, есть предметъ весьма важный; уже тому полтора мѣсяца назадъ я просилъ генерала Лидерса сообразить, нельзя-ли, если рѣка замерзнетъ, схватить Мачинъ и тамъ прочно укрѣпиться. По провѣркѣ, дѣло оказалось труднымъ. Турки имѣютъ вездѣ хорошія укрѣпленія, вооруженныя сильною артиллерією, ихъ атаковать просто штурмомъ опасно. Нужно будетъ ихъ хорошо осмотрѣть, и, вѣроятно, дѣлать нѣкоторыя легкія осадныя работы, дабы не подвергать себя слишкомъ неровному бою. Все это во время холодовъ, при замерзшей землѣ, дѣлать невыгодно. Съ другой стороны, рѣка можетъ внезапно тронуться и тогда отрядъ, переступившій ее, будетъ отрѣзанъ. По этому предмету я сплшусь еще съ генераломъ Лидерсомъ, и, окончивъ важнѣйшія дѣла (коихъ много) въ Букарестѣ, отправлюсь самъ въ Браиловъ и Измаилъ, гдѣ мнѣ необходимо побывать лично. Оттуда я представлю вамъ, все-

милостивѣйшій государь, особый обстоятельный докладъ. Впрочемъ, вѣроятно, что въ нынѣшнемъ году Дунай и на низовьяхъ своихъ прочно не замерзнетъ, и, кажется, даже вовсе не станетъ.

Вашему императорскому величеству угодно знать, какія желанія могли-бы имѣть молдаване и валахи на счетъ своей независимости. Позвольте подумать и доложить послѣ прибытія въ Букарестъ.

Князь Горчаковъ 2-й.

Всеподданнѣйшія письма кн. И. Ѡ. Паскевича.

Варшава.—16-го января 1854 г.

Всемилоостивѣйшій государь! Графъ Орловъ, прѣздомъ, читаль мнѣ, по высочайшему повелѣнію, письмо австрійскаго императора и отвѣтъ вашего императорскаго величества. Скрѣпя сердце видѣлъ я совѣтъ Австріи не переходить Дуная, тогда какъ, въ то же время, Англія и Франція препятствуютъ войнѣ на морѣ. Это рождаетъ мысль, что совѣтъ данъ вслѣдствіе общаго соглашенія, а, можетъ быть, нѣтъ ли уже тайнаго между ними трактата. Все это объяснится графомъ Орловымъ. Во всякомъ случаѣ, отвѣтъ вашего величества заставитъ, конечно, австрійскаго императора подумать и если онъ напишетъ предложеніе, которое повезъ графъ Орловъ, то, съ сей стороны, мы можемъ быть спокойны на нѣкоторое время; но въ теперешнихъ обстоятельствахъ, на все надобно быть готовыми.

Получивъ предъ тѣмъ письмо вашего величества отъ 3-го сего января, почитаю себя счастливымъ, что мысли мои, на счетъ будущихъ дѣйствій въ Европейской Турціи, удостоились до нѣкоторой степени одобренія вашего величества,—что же касается до Рушукъ, то взятіе сей крѣпости, по близости къ Сербамъ, будетъ, конечно, имѣть большее на нихъ вліяніе, чѣмъ покореніе Силистріи; но предполагалъ я, прежде Рушукъ, взять Силистрію, потому что, подымаясь съ низовья Дуная, съ артиллерією и запасами на рѣкѣ и дойдя до Силистріи, намъ необходимо ее взять для того, чтобы подняться къ Рушукъ, очистивъ такимъ образомъ плаваніе по Дунаю, и, имѣя на рѣкѣ всѣ запасы и тягости, прійти со всѣми силами въ совокупности. Для того же, чтобы обойти Силистрію и идти къ Рушукъ, придется раздѣлить войска, а всѣ запасы и осадную артиллерію вести сухимъ путемъ и строить мостъ. Въ томъ же климатѣ, особенно весною, перевозка сухимъ путемъ весьма трудна и, какъ я самъ видѣлъ, производитъ невозвратимыя потери. Князь Горчаковъ пишетъ ко мнѣ, что онъ представитъ также о пользѣ взятія Силистріи. Осмѣляюсь

доложить, что подробнаго мнѣнія моего, представленнаго 29-го декабря, я къ князю Горчакову не посылалъ. Онъ могъ знать мои мысли изъ частыхъ разговоровъ о войнѣ въ Турціи вообще и изъ письма, въ которомъ, разсуждая о его положеніи, упомянулъ мимоходомъ о важности Силистріи. Это было всегдашнимъ моимъ мнѣніемъ: еще въ Тифлисѣ, въ 1826-мъ году, я говорилъ съ покойнымъ Дибичемъ о необходимости, въ случаѣ войны съ Турціею, укрѣпиться въ центрѣ, думая для того взять Силистрію, и тогда еще Браиловъ, и не заходить далеко въ Малую Валахію.

По высочайшему повелѣнію вашего величества я изложилъ также мысли мои на счетъ дѣйствій въ Азіятской Турціи, и записку о семъ имѣю счастье представить.

Графъ Орловъ, отдохнувъ отъ дороги, вчера отправился далѣе, въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ встрѣтился здѣсь съ австрійскимъ министромъ Эстергази, который также вчера выѣхалъ въ Петербургъ.

Кн. Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій.

23-го января 1854 г.

Всемиловѣйшій государь! Изъ депеши графа Орлова узналъ я отвѣтъ Австріи. Не ожидалъ я, чтобы Австрія отказала подписать актъ, которымъ ваше императорское величество предлагать ей изволили быть только нейтральною. Хотя она и общаетъ нынѣ оставаться въ положеніи наблюдательномъ, но можно-ли ручаться, чтобы боязнь Англии и Франціи не поставила ее вскорѣ совершенно противъ насъ. Какъ поступить въ настоящемъ случаѣ, о томъ могутъ быть разныя предположенія. Не прійдется-ли обратить часть войскъ для охраненія нашихъ западныхъ границъ и тѣмъ удержать Австрію отъ непріязненныхъ дѣйствій? Жаль, если не найдется средства теперь же заключить мира съ Турціею, безъ вмѣшательства другихъ державъ, хотя бы только на основаніи прежнихъ трактатовъ, представивъ себѣ возмездіе въ послѣдствіи.

Князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій.

Князь Горчаковъ — Императору Николаю Павловичу.

Букарестъ.—27-го января 1854 г.

Изъ журнала нашего ваше императорское величество усмотрѣть изволите, что мы имѣли славное дѣло 22-го числа у Журжи. Турки, въ числѣ около 6,000, высадились на нашъ берегъ подъ покровительствомъ батареи Рущука. Генералъ-лейтенантъ Соймоновъ прогналъ

ихъ истинно молодецки. Уронъ нашъ значителенъ: 44 убитыхъ, 200 раненыхъ, изъ числа коихъ только контуженныхъ 38 человекъ. Но здѣсь винить никого нельзя. Допустить турокъ оставаться хотя одну лишнюю минуту на нашемъ берегу было-бы въ высшей степени опасно. Они окопались-бы, и тогда выбить ихъ стоило-бы, можетъ быть, въ пять разъ дороже. Впрочемъ, турки понесли гораздо значительнѣйшій уронъ, ибо, кромѣ увезенныхъ тѣлъ, оставили на нашемъ берегу 60 труповъ.

Имѣю счастье представить записку мою о мысляхъ на счетъ измѣненія въ образѣ правительства княжествъ.

Кажется, не подлежитъ сомнѣнiю, что мы будемъ имѣть въ Булгарiи отъ 20-ти до 40,000 французовъ. Осмѣливаюсь доложить, что наискорѣйшее присоединенiе 1-й бригады 14-й дивизiи ко 2-й—дѣлается черезъ это крайне необходимымъ. Военный министръ представитъ вашему императорскому величеству докладную по сему записку.

Я убѣжденъ, что, коль скоро мы начнемъ переправу на нижнемъ Дунаѣ, Омеръ предприметъ сильное наступленiе въ Малой и Большой Валахи.

Дурное извѣстiе, если оно справедливо, заключается въ томъ, что турки хотятъ ввести въ Дунай четыре малые парохода. Военный министръ сдѣлаетъ по этому докладъ вашему императорскому величеству. Флотилии нашей должно бы ихъ истребить. Надѣюсь, что такъ и будетъ, если только баронъ Сакенъ исполнитъ то, что я ему предложилъ. Впрочемъ, я надѣюсь быть на мѣстѣ, въ Измаилѣ, прежде появленiя сихъ пароходовъ.

Графъ Нессельроде доложитъ вамъ, всемилостивѣйшiй государь, донесенiе мое на счетъ греческой этерiи. Делегаты увѣряютъ, что возстанiе начнется въ началѣ февраля. Но правда-ли это?

Формированiе волонтерныхъ ротъ идетъ весьма успѣшно. Вскорѣ я пушу часть охотниковъ этихъ въ огонь.

Участiе Францiи въ дѣйствiяхъ за Дунаемъ есть дѣло для насъ крайне невыгодное; но, сражаясь за Бога и царя, я остаюсь въ полной надеждѣ, что святое дѣло вашего императорскаго величества восторжествуетъ. Можетъ быть, будутъ трудныя минуты, но славный конецъ увѣнчаетъ дѣло. Князь Горчаковъ.

Записка кн. М. Д. Горчакова о княжествах въ политическомъ отношеніи.

Бухарестъ. — 27-го января 1854 г.

1) Народъ въ Молдавіи и Валахіи не думаетъ о перемѣнахъ въ своемъ управленіи, и измѣненія въ существующемъ порядкѣ, какъ напримѣръ, назначеніе наслѣдственныхъ господарей, подъ покровительствомъ одной или нѣсколькихъ европейскихъ державъ, приметъ съ равнодушіемъ. Избавленіе отъ подданства Портѣ будетъ имъ принято также съ равнодушіемъ, потому что подданство это съ 1829 г. уже его не тяготитъ.

2) Революціонная партія, къ коей принадлежитъ часть молодыхъ бояръ и людей средняго сословія, находится подъ вліяніемъ самыхъ демагогическихъ началъ; цѣль ея состоитъ въ образованіи на радикальныхъ основаніяхъ романскаго государства изъ обоеихъ княжествъ, Булгаріи и Бессарабіи и части Трансильваніи. Они чувствуютъ однако, въ сумасбродствѣ своемъ, что Россія есть главная преграда къ выполненію ихъ разрушительныхъ намѣреній, и посему какое-бы благо отъ ней ни было даровано ихъ отечеству — они останутся нашими врагами.

3) Бояре не имѣютъ никакого чувства истиннаго патріотизма. Многіе думаютъ только какъ-бы достигнуть происками господарскаго достоинства, прочіе — какъ-бы добиться интригами прибыльныхъ мѣстъ. Превжняя тягость подданства Портѣ ими забыта, и избавленіе ихъ теперь отъ оной будетъ принято нѣкоторыми боярами съ тайнымъ негодованіемъ, такъ какъ имъ будетъ прегражденъ путь къ надеждѣ, посредствомъ интригъ у турокъ, добиться господарскаго званія. Прочихъ подобное избавленіе оставитъ холодными, частію оттого, что въ нихъ нѣтъ истиннаго патріотизма, частію оттого, что, доволѣ война не кончена, они не будутъ считать дѣло дѣйствительно сбыточнымъ.

4) Если въ княжествахъ есть какое-либо желаніе, не ясно выраженное, но довольно общее между высшими сословіями — то оно развѣ состоитъ въ томъ, чтобы области эти находились подъ общимъ покровительствомъ всѣхъ большихъ европейскихъ державъ. Удовлетвореніе сего желанія было-бы для насъ и для края въ высшей степени вредно. Для насъ, потому что при подобномъ положеніи дѣлъ вліяніе Россіи вскорѣ совершенно бы исчезло; для края, потому что общее покровительство пяти державъ открыло бы самое обширное поприще для интригъ и партій. Даже и въ томъ случаѣ, если покровительственными державами княжествъ будутъ не пять государствъ, а только Россія и Австрія, наше вліяніе въ этихъ областяхъ будетъ

гораздо болѣе стѣснено, чѣмъ при теперешнемъ состояніи сихъ областей, т. е. при подданствѣ ихъ Портѣ подъ однимъ покровительствомъ Россіи, и мнѣ кажется, что допустить Австрію къ подобному покровительству должно бы только въ такомъ развѣ случаѣ, если по обстоятельствамъ не будетъ никакой возможности сего отворотить.

5) По всему этому, я думаю: а) что въ настоящихъ обстоятельствахъ переимѣна въ образѣ управленія княжествъ — какова она ни была — не возродитъ ни въ народѣ, ни въ боярахъ особаго чувства признательности къ Россіи и не привлечетъ ихъ болѣе къ нашему дѣлу, и б) что вѣрнѣе отложить переимѣны въ ихъ образѣ правленія до окончанія войны, или, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда большіе успѣхи съ нашей стороны явно убѣдятъ всѣхъ, что новое образованіе княжествъ, на тѣхъ основаніяхъ, какія будутъ постановлены, не будетъ уже подлежать измѣненіямъ отъ случайностей войны. Тогда можно будетъ сообразить преобразование управленія княжествъ съ преобразованиемъ управленія въ Сербіи и образованіемъ Булгаріи. Всѣ эти области, кажется, нужно будетъ подвести подъ одну общую систему, имѣющую цѣлью пользы Россіи и собственное ихъ благо. Генераль-адъютантъ князь Горчаковъ.

Примѣчаніе: Императоръ изволилъ читать 13-го февраля 1854 г.

Императоръ Николай Павловичъ — кн. М. Д. Горчакову.

1-го февраля 1854 г.

Прохворавъ подагрой почти двѣ недѣли, не могъ тебѣ ранѣе писать, любезный Горчаковъ. Съ тѣхъ поръ дѣла приняли весьма рѣшительный оборотъ. Война съ Англіей и Франціей почти что объявлена, ибо, по полученнымъ дурнымъ отвѣтамъ, Бруновъ и Киселевъ должны были оставить Лондонъ и Парижъ, и сношенія наши съ этими державами прерваны. Говорятъ, что во Франціи уже готовится отправленіе 60-ти тысячнаго корпуса, на помощь къ туркамъ, и что 15 т. англичанъ къ нимъ присоединяется. Посылка Орлова въ Вѣну и предложенія мои въ Берлинъ, для заключенія взаимнаго нейтральнаго договора, не имѣли успѣха, и хотя доселѣ оба эти правительства отказались согласиться на конвенцію противъ насъ съ англичанами и французами, но долго-ли они устоятъ въ этой рѣшимости — мудрено угадать. Покуда, Австрія ставитъ обсерваціонный корпусъ на границѣ Сербіи, въ Воеводинахъ, хотя увѣренія намъ весьма дружескія, — все это, ничуть не измѣняя ни моихъ намѣреній, ни рѣшимости дѣйствовать сильно, требуетъ однако, кажется мнѣ, нѣкоторыхъ переимѣнъ въ планѣ дѣйствій. Вотъ они:

Оставаясь въ оборонительномъ положеніи въ Малой Валахіи, желательно ускорить переходъ Дуная на низовья, съ тѣмъ, чтобъ, овладѣвъ малыми крѣпостцами до Силистріи, приступить, возможно скоро, прежде всего къ осадѣ Силистріи, дабы, имѣя въ ней, по овладѣніи оной, твердый пунктъ на лѣвомъ флангѣ, на Дунаѣ, поднять выше флотилію нашу и тѣмъ вѣрнѣе приступить къ осадѣ Рущука. Ежели до того времени турки не откажутся дать сраженіе, подойди къ Силистріи, чтобъ заставить снять осаду, то тѣмъ лучше. Тогда, соединя сколько можно болѣе войска, дать сраженіе, и ежели Богъ поможетъ, нанести имъ рѣшительное пораженіе, и тѣмъ спокойнѣе докончить осаду Силистріи—и приступимъ къ Рущуку. Все это полагаю исполнить: 2-й бригадой 7-й дивизіи, 2-й бригадой 14-й, всей 15-й, 8-й и 9-й дивизіями съ нужною кавалеріею. Бригаду 7-й дивизіи надо будетъ воротить по овладѣніи Тульчею, Исакчею, Мачиннымъ и Гирсовымъ. Все-же останется вмѣстѣ 3¹/₂ дивизіи. Отъ тебя зависѣтъ будетъ присоединить чрезъ Каларашъ то отъ 4-го корпуса, что признаешь возможнымъ. Съ овладѣніемъ Силистріею и подступомъ къ Рущуку, наступитъ время содѣйствія Сербовъ и возстанія Будгарь. Считаю на нихъ только какъ на полезную диверсію, не полагая отнюдь, чтобъ могли содѣйствовать намъ иначе, но и этого уже будетъ достаточно, чтобы отвлечь часть турецкой силы. Ежели Богъ благословитъ взять и Рущукъ, тогда у насъ на Дунаѣ будетъ сильная позиція, и буде нужно, мы далѣе не поидемъ, доколь не объяснится, какое вліяніе на дѣла имѣтъ будетъ возстаніе христіанъ и въ какой силѣ оно разовьется.

Въ то же время надѣюсь, что за Кавказомъ война будетъ ведена дѣятельно и что удастся завоевать Карсъ и Баязетъ; далѣе что будемъ дѣлать, не могу еще опредѣлить.

Начать осадой Силистріи считаю теперь необходимымъ, дабы обезпечену бытъ на лѣвомъ флангѣ, въ случаѣ десанта французовъ и англичанъ въ Варнѣ, или гдѣ-либо въ сей странѣ; десантъ этотъ будетъ менѣе опасенъ, когда уже Силистрія будетъ въ рукахъ нашихъ.

Обойтись, однако, безъ осады Рущука не считаю возможнымъ, какъ для твердаго обладанія Дунаемъ и тѣмъ обезпеченія княжествъ, такъ и затѣмъ, чтобъ оттуда помочь сербамъ, ежели ихъ возстаніе, бывъ сильнымъ, содѣлается грознымъ для турокъ. Свѣдѣнія о готовности Сербовъ таковы, что даютъ мнѣ полную надежду на ихъ содѣйствіе, какъ скоро мы будемъ за Дунаемъ.

Дописавъ до сего, получилъ я твое письмо изъ Краіово, отъ 21-го января. Подробности дѣла подъ Четати читалъ я съ величайшимъ любопытствомъ. Это меня утвердило въ моемъ прежнемъ мнѣніи. На-

хожу, что Аврепъ оплошалъ непростительно, авось загладить въ будущемъ, но подобные случаи къ поражению не часто представляются. Надѣюсь, что Липранди будетъ остороженъ; ожидать надо съ сей стороны величайшихъ усилій турокъ; впрочемъ, главный резервъ твой подъ рукой; но желательно, чтобъ ты самъ не былъ отвлекаемъ отъ центра дѣйствій, доколь дѣла не примутъ рѣшительный оборотъ, успѣшнымъ переходомъ чрезъ Дунай, что, кажется, вполне предоставитъ можно опытности и распорядительности генерала Лидерса.

Нетерпѣливо ожидать буду, что ты рѣшишь, равно и заключеніе твое на счетъ расположенія желаній въ княжествахъ; оно мнѣ весьма нужно знать для моихъ соображеній.

Всѣмъ нашимъ поклонись. Обнимаю тебя. Богъ съ тобой. Твой искренно доброжелательный „Николай“.

Можно-ли будетъ воротить изъ Крыма бригаду 14-й дивизіи, и моремъ,—не могу опредѣлять; во всякомъ случаѣ ожидать надо прихода 16-й дивизіи, т. е. начала апрѣля.

Сегодня утромъ прибылъ курьеръ отъ Брунова; онъ выѣхалъ изъ Лондона. Слухи, что отправляется въ Царьградъ 15,000 англичанъ подъ командой лорда бывшаго Фицъ-рой-Сомерсета; посланъ генералъ Бургейнъ укрѣплять Царьградъ. Въ Балтику назначена эскадра; милости просимъ.

Не забудь объ награжденіяхъ за дѣло при Четати.

Новый планъ кампаніи на 1854 годъ, собственноручно начертанный Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Первоначальный планъ дѣйствій нашихъ былъ соображенъ тогда, когда еще враждебное расположеніе Англій и Франціи не достигло совершеннаго разрыва съ нами; сношенія съ Австріею не были еще въ ту пору ясны, и не давали повода предполагать, чтобъ неблагодарность сей державы привела ее до нападенія на предѣлы наши.

Предполагалось наилучшимъ для насъ устроить переправу чрезъ Дунай на верхней его части, т. е. между Рущукомъ и Видинимъ, дабы ближе быть къ христіанскому населенію, т. е. Булгарамъ и Сербамъ, и воспользоваться ихъ сочувствіемъ къ нашему общему дѣлу. Позднѣе признано было надежнѣе не приступать къ сей переправѣ, но исполнить ее ближе къ Силистріи, съ тѣмъ чтобъ прежде осадить сію крѣпость, овладѣніе которой болѣе обезпечивало флангъ занятія нашего княжества, въ особенности когда извѣстнымъ стало, что можно было ожидать десанта союзниковъ въ Варнѣ и тѣмъ значительнаго усиленія противной арміи. Затѣмъ уже, полагалъ я присту-

нить и къ осадѣ Рушука, ежели бы обстоятельства къ сему допустили. Но положительно принято было не слѣдовать далѣе за Дунай, доколь возстаніе христіанъ не сдѣлалось бы общимъ и не приняло такихъ размѣровъ, чтобъ дѣйствительно угрожало тылу и сообщеніямъ турокъ, въ особенности въ горахъ. При всѣхъ сихъ соображеніяхъ, демонстраціи на нижнемъ Дунаѣ полагалась только для отвлеченія силъ и вниманія турокъ отъ настоящей переправы, предпринимаемой выше.

Наконецъ, трудность исполненія сей послѣдней привела къ мысли, что выгоднѣе будетъ обратить демонстрацію въ настоящую переправу, чтобы, овладѣвъ крѣпостцами Тульчей, Исакчей и Мачинимъ, господствовать теченіемъ Дуная до Гирсова. Сію послѣднюю крѣпость позднѣе не вѣдно было атаковать, по неизвѣстности еще, какой оборотъ примутъ сношенія наши съ Австрією. Оставалось рѣшить—какъ и когда приступить къ осадѣ Силистріи. Отрядъ нашъ противъ Калафата предполагалось тогда только оттянуть, когда мы приступать будемъ къ Силистріи, покуда главные силы, т. е. 1^{1/2} дивизіи 4-го корпуса и двѣ дивизіи 3-го корпуса, всего 3^{1/2} дивизіи, оставались бы въ окрестностяхъ Бухареста. Подойдя къ Силистріи, отрядъ Малой Валахіи долженъ былъ отступить за Ольту, а 3-й корпусъ идти на соединеніе къ Силистріи, къ войскамъ, исполнившимъ переправу.

Вотъ изложеніе предполагавшагося. Нынѣ, изъ сихъ предположеній осталось только одно—переправа у Мачина и Тульчи, которая, вѣроятно, исполняется или, съ помощію Вожію, исполнена. Когда и какъ приступить къ Силистріи—остается неопредѣленнымъ, а за этимъ—и всѣ наши дальнѣйшія дѣйствія.

Между тѣмъ, слухи, болѣе или менѣе вѣроятные, угрожаютъ то десантами на Кавказѣ, то въ Крыму, то въ Бессарабіи; мѣры противъ сего по возможности вездѣ приняты и подають, кажется, надежду, что всѣ эти десанты не могутъ быть исполнены безъ большихъ затрудненій.

Но симъ не ограничивается угрожающая опасность. Расположеніе Австріи, изъ двусмысленнаго, дѣлается болѣе и болѣе явно намъ враждебнымъ и не только парализируетъ расположеніе Сербовъ намъ содѣйствовать, но угрожаетъ намъ самимъ на правомъ нашемъ флангѣ, и даже нашему тылу, вторженіемъ въ собственные наши предѣлы.

Нѣтъ сомнѣнія, что данное направленіе и расположеніе войскамъ нашимъ какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ на Волини и въ Подоліи, отстраняетъ опасность нашимъ предѣламъ.

Но положеніе наше въ княжествахъ значительно измѣнилось. Остается рѣшить: къ чему приступать, соблюдая и военную осторож-

ность и не роняя наше политическое достоинство и вліаніе на христіанъ, не противорѣча провозглашеннымъ нашимъ намѣреніямъ.

Кажется мнѣ, что вопросъ разрѣшить можно какъ слѣдуетъ:

1) Если Богъ благословилъ успѣхомъ переправу и осажденіе крѣпостцами, устроить, какъ предполагалось, сильное мостовое прикрытіе. Для охраненія какъ онаго, такъ и нижняго Дуная и для резерва на случай высадки въ Бессарабіи или у Одессы, оставить 1½ дивизіи, примѣрно 7-ю и бригаду 14-й.

2) 15-ю дивизію подвести противъ Силистріи, наблюдая и за Гирсовымъ.

3) Отряду генералъ-лейтенанта Липранди стягиваться на Краіово и за Ольту, въ видѣ арьергарда главныхъ силъ.

4) Остальныя 1½ дивизіи 4-го корпуса и двѣ дивизіи 3-го корпуса расположить близъ и округъ Букареста въ видѣ общаго резерва, и съ цѣлью—соединенными силами обратиться на непріятеля, откуда бы ни угрожалъ, т. е. отъ Видина-ли, отъ Рущука-ли или Никополя, или, наконецъ, отъ Силистріи. Такимъ образомъ, кромѣ арьергарда и отряда противъ Силистріи, будутъ вездѣ готовы вмѣстѣ 4½ дивизіи или 72 баталіона, кромѣ саперъ и стрѣлковъ.

5) Такъ ожидать осуществятся-ли и гдѣ—ожидаемые десанты, и какъ удастся ихъ отбить.

6) Драгунскій корпусъ имѣть въ резервѣ по обимъ берегамъ Прута, готовымъ обратиться туда, гдѣ опасность угрожать будетъ, и симъ значительнымъ перевѣсомъ кавалеріи и конной артиллеріи облегчить побѣду.

7) Осадный паркъ перевести въ Измаилъ и, когда время настанетъ, погрузить на суда.

8) Если турки гдѣ-либо у Силистріи, Рущука-ли или Никополя переправятся въ значительныхъ силахъ—дать имъ отойти отъ Дуная марша на два и тогда идти на ближайшаго, съ помощію Божіею, разбить и кавалеріею сильно преслѣдовать до Дуная.

9) Когда десанты будутъ отбиты, или удастся турокъ разбить на лѣвомъ берегу Дуная, тогда двинуться лѣвымъ флангомъ къ Силистріи и приступить ко второй переправѣ 15-ю дивизіею и 3-мъ корпусомъ, оставляя весь 4-й у Букареста.

Инаго покуда не придумаю.

Вѣроятно, въ этомъ пройдутъ апрѣль, май и іюнь. Около іюля, должно объясниться—австрійцы враги-ли намъ, или, удержанные примѣромъ Пруссіи и нашимъ грознымъ видомъ, останутся точно нейтральными.

Быть можетъ, что и греческое возстаніе повлечетъ за собой воз-

стане Герцеговины, и быть можетъ, и Сербіи и Булгаріи, не смотря на усилія австрійцевъ ихъ удержать. Тогда, сомнѣнія нѣтъ, всѣ обстоятельства примуть для насъ гораздо выгоднѣйшій оборотъ.

До того мы имѣемъ всѣ выгоды не торопиться и выжидать, утомляя и истощая турокъ въ голодномъ краѣ. Время сіе употребить въ пользу заготовленіемъ и кошеніемъ фуража, формированіемъ резервовъ и подвозкою провіанта и проч.

Такимъ образомъ августъ и сентябрь полагаю я, что съ пользою употребятся для рѣшительнаго удара, т. е. для овладѣнія Силистріей, а быть можетъ, и Русукомъ.

Но сямъ должны мы ограничиться на 1854 годъ.

Императоръ Николай Павловичъ — кн. А. С. Меншикову.

С.-Петербургъ. — 10-го февраля 1854 г.

Считаю нужнымъ тебя увѣдомить, любезный Меншиковъ, что я приказалъ, для скорѣйшаго усиленія способовъ обороны Крыма, направить къ тебѣ сейчасъ всю резервную бригаду 14-й дивизіи; желаю, чтобы ты назначилъ ее собственно для обороны Кинбурна и Севастополя съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды и до прихода 16-й дивизіи, ты могъ бы употребить 1-ю бригаду 14-й дивизіи для полевыхъ дѣйствій внѣ Севастополя, въ особенности для занятія тѣснинъ, ведущихъ отъ Феодосіи во внутрь края, въ тылу Севастополя¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы елико возможно ускорить приходъ хотя части 16-й дивизіи, я приказалъ головной бригадѣ слѣдовать на подводахъ, что, надѣюсь, ускорить ея прибытіе почти двумя недѣлями, т. е. что прибыть могутъ къ 15-му апрѣля.

Атаки или форсированія входа въ Севастополь съ моря не опасаясь и почти-что желаю, ибо надѣюсь на милость Божию, что отобьемся славно.

Не думаю, чтобы и высадка вблизи Севастополя была опасна, ибо другаго къ сему мѣста не знаю, какъ по дорогѣ въ Бахчисарай подъ высотой, гдѣ Сѣверное укрѣпленіе. Да и тутъ надо будетъ подыматься на высоту и брать штурмомъ укрѣпленіе, что даромъ не обойдется.

Гораздо опаснѣе высадка въ Феодосіи или у Алушты, ибо, ежели не остановитъ непріятеля въ дефилеяхъ, онъ можетъ безпрепятственно взять рейду въ тылъ, и флотъ нашъ безъ дѣйствія пропадетъ.

Поэтому полагаю, что надо будетъ всѣми силами стараться вос-

¹⁾ «Это отмѣнено 11-го февраля и князь Меншиковъ о томъ увѣдомленъ». Резервную бригаду 14-й дивизіи предполагалось замѣнить въ Одессѣ и Николаевѣ резервную бригадою 12-й дивизіи.

препятствовать, ежели не самой высадкѣ, то, по крайней мѣрѣ, слѣдованію чрезъ дефиле на Симферополь и далѣе къ Инкерману.

Но ежели и сіе не удастся, тогда надо рѣшиться сейчасъ флотъ вывести въ море и, обогнувъ юго-западный мысъ Крыма, хотя съ неравными силами, идти атаковать флоты у Феодосіи, на смерть или побѣду.

Лучше погибнуть въ бою съ честью, чѣмъ дать себя сжечь въ гавани безъ боя. Богъ милостивъ, можетъ быть и мы побѣдимъ, хотя и съ жестокой потерей. При чемъ не надо забыть, что ежели десантъ будетъ исполненъ, и корпусъ, его исполнившій, углубится въ край, то врядъ-ли полагать можно, чтобъ флотъ смѣлъ далеко удалиться отъ мѣста высадки, и, вѣроятно, мы застигнемъ его или въ Феодосіи, или близъ оной въ морѣ.

Разсуди и рѣши какъ за лучшее найдешь, но свое мнѣніе тебѣ высказалъ.

Войди въ сношеніе съ Серебряковымъ—который изъ фортовъ береговой линіи считаетъ онъ менѣе вреднымъ бросить? Исполнить это можно только тѣми судами, которыя у него въ распоряженіи, и наимомъ хотя малыхъ каботажныхъ судовъ въ Керчи и Азовскомъ морѣ, съ тѣмъ, чтобы спасти только людей, заклепавъ или бросявъ въ море орудія, ежели ихъ увезти нельзя, а лафеты, снаряды и прочее, что спасти нельзя, сжечь и подорвать. Людей же перевозить куда лучше и ближе, въ Сухумъ-ли или Новороссійскъ. Жаль людей дать на пропажу, когда ихъ спасти можно. Чтѣ условиться съ Серебряковымъ, о томъ меня сейчасъ увѣдомъ.

Сюда ждемъ 18 англійскихъ и 10 французскихъ кораблей,—постараемся угостить какъ съумѣемъ лучше. Все здѣсь кипитъ; думаю скоро заѣхать самъ въ Гельсингфорсъ. Команду войскъ въ Финляндіи, куда идетъ еще 1-я гренадерская дивизія, поручаю Рокосовскому, давъ въ начальники штаба Норденстама. Тамъ все тихо и въ наилучшемъ духѣ.

Богъ съ тобой, обнимаю; а героямъ нашимъ мой поклонъ и благословеніе на новую славу.

„Николай“.

Бой при рѣкѣ Черной, 4-го августа 1855 г.

Въ „Русской Старинѣ“, томъ XVI, стр. 166 и др., въ статьѣ изъ эпохи крымской войны: Бой на рѣкѣ Черной, 4-го августа 1855 года, упоминается мое имя. Въ статьѣ говорится, что, на основаніи свидѣтельствъ многихъ участниковъ боя 4-го августа, въ томъ числѣ и бывшаго начальника 7-й пѣхотной дивизіи генерала Ушакова, войска корпуса праваго фланга уже открыли по Оедюхинымъ высотамъ огонь, когда къ генералу Реаду подѣхалъ адъютантъ главнокомандующаго И. И. Красовскій.

Я остановлюсь на этомъ и, какъ дѣйствующее лицо, объясню, что свидѣтельство генерала Ушакова не точно.

Такъ какъ я былъ не только адъютантомъ князя Михаила Дмитриевича Горчакова, но и завѣдывалъ его походной канцеляріей, то диспозицію дѣла 4-го августа я зналъ наизусть, составляя ее по черновымъ князя, разъ 10 переписывая и перечитывая. Князю хотѣлось, чтобы къ прибытію его на редуть, вооруженный морскими орудіями, генераль Липранди занялъ Телеграфную гору, а генераль Реадъ, выстроясь въ боевой порядокъ и обстрѣливая Оедюхины горы, тѣмъ самымъ отвлекалъ бы непріятеля отъ Липранди. Время для исполненія этого назначено было съ разсвѣтомъ.

Что же вышло?

Князь въ три часа пріѣзжаетъ на редуть и видитъ, что войска Липранди стоятъ внизу Мекензіевой горы, а войска Реада въ ночномъ порядкѣ. Только поэтому именно князь и послалъ меня сказать обоимъ генераламъ: „что они стоятъ? Пора начинать“.

Зная въ чемъ дѣло, я поѣхалъ къ Липранди, который сказалъ мнѣ, что сейчасъ двигается, а генераль Реадъ, положительно понявъ то, что ему было передано, спросилъ: „не значитъ ли это атаковать и просилъ передать князю, что онъ будетъ обстрѣливать мѣстность“. Я засталъ Реада впереди казачьей цѣпи, съ весьма малымъ числомъ лицъ его штаба; онъ въ бинокль осматривалъ Оедюхины горы. Возвращаясь къ князю, я слышалъ команду „батареи на позицію“, встрѣтилъ генерала Гагмана, командовавшаго артиллеріей, и былъ увѣренъ, что приказаніе князя понято какъ слѣдуетъ, но во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, вслѣдствіе вопроса Реада объ атакѣ, я передалъ весь разговоръ князю и присовокупилъ, что не лучше-ли послать кого нибудь съ подтвержденіемъ. Князь, видя, что все дѣлается какъ назначено диспозиціей,

счелъ это совершенно излишнимъ. Разговоръ мой съ княземъ былъ среди многочисленной свиты.

Что дѣлалъ генералъ Ушаковъ, намъ, ни съ редута, ни у Реада (мнѣ)—не было видно, и къ нему я не имѣлъ никакихъ приказаній. Объ его дѣйствіяхъ послѣ много говорили, но это сюда не относится.

Увидѣвъ, что Телеграфная гора занята войсками Липранди, князь, опять-таки согласно диспозиціи, поѣхалъ на Телеграфную гору. Только-что мы спустились съ редута, какъ пріѣхалъ адъютантъ Реада съ докладомъ, что предмостное укрѣпленіе взято, французы бѣгутъ.

Дѣйствія Реада не были оплошными. Я еще долго простоялъ на редутѣ, пока Липранди занялъ гору, а у Реада былъ слышенъ сильный ружейный огонь. Я ѣздилъ къ нему еще разъ, когда только-что была отбита 12-я дивизія и изъ его разговоровъ и, въ послѣдствіи, рассказовъ другихъ лицъ, его окружавшихъ, можно было вывести, во первыхъ, такое заключеніе, что между имъ и княземъ было что-то условлено помимо диспозиціи, во вторыхъ,—и что гораздо вѣрнѣе,—что, начавъ обстрѣливать Оедюхины горы и увидя, что защищавшіе мостъ французы бѣгутъ, Реадъ воспользовался счастливымъ, быстрымъ овладѣніемъ предмостнаго укрѣпленія и, не ожидая резервовъ, двинулся съ 12-й дивизіей на горы. Князь передалъ адъютанту его Волкову, чтобы Реадъ ожидалъ прибытія 5-й и 4-й дивизій и готовился къ атакѣ и что отъ князя послѣдуетъ приказаніе объ этомъ съ Телеграфной горы, но Волковъ не успѣлъ доѣхать, какъ, прискакавъ въ карьеръ на Телеграфную гору, мы увидѣли 12-ю дивизію, поднимающуюся на первое возвышеніе Оедюхиныхъ горъ.

Думаю, что изъ сказаннаго читатель убѣдится, что если бы я напелъ войска Реада въ такомъ положеніи, что артиллерія была бы впереди и дѣйствовала, то, конечно, ни слова не говоря ему, вернулся бы къ князю, которому съ редута было видно все, что дѣлали отряды Реада и Липранди. Невидѣнъ былъ только отрядъ Ушакова и отрядъ Бельгарда, удаленные отъ центра: одинъ вправо, другой влѣво къ Гасфуртовой горѣ.

Что касается до того, кто и что повліяло на князя, чтобы затѣять дѣло на Черной, то для этого нужно обратиться къ тому письму, которое привезъ Вревскій. Требовалось Бородино. Конечно, человекъ съ бѣльшимъ характеромъ остался бы при своемъ убѣжденіи и, пропустивъ окончательно время для атаки въ полѣ, никогда не рѣшился бы, для удовлетворенія желанія общественнаго мнѣнія, даже на обыкновенную рекогносцировку.

Сообщ. И. И. Красовскій.

ВѢНСКІЯ СОВѢЩАНІЯ И ПАРИЖСКІЙ ТРАКТАТЪ.

1854—1856 ¹⁾.

Въ концѣ 1854 года, Императоръ Николай I, желая испытать послѣднее средство въ прекращенію бѣдствій войны, поручилъ князю А. М. Горчакову, съ содѣйствіемъ В. П. Титова, открыть предварительные переговоры въ Вѣнѣ, на основаніи четырехъ условій, требуемыхъ союзными державами. Съ своей стороны, російскій Монархъ настаивалъ на томъ, чтобы не было предложено ничего несовмѣстнаго съ честью и правами Россіи. Представители Франціи и Англіи признали справедливость этого требованія, объявивъ, что ихъ дворы не помышляли о предложеніяхъ оскорбительныхъ для Россіи, а императоръ Францъ-Иосифъ обязался въ томъ же честнымъ словомъ.

На счетъ 1-го пункта — отмѣны русскаго покровительства надъ Дунайскими княжествами — наши дипломаты получили приказаніе объявить, что ни въ какомъ изъ нашихъ прежнихъ трактатовъ съ Портою не упоминалось о такомъ покровительствѣ, и потому достаточно было постановить, чтобы настоящее положеніе Дунайскихъ княжествъ было гарантировано вообще всѣми договаривающимися державами.

2-й пунктъ — свободное плаваніе по Дунаю — долженствовалъ быть рѣшенъ сообразно съ потребностями торговли.

Наиболѣе затрудненія представлялъ 3-й пунктъ — ограниченіе нашего владычества на Черномъ морѣ. Князю Горчакову было представлено объявить, что, на основаніи прежнихъ

¹⁾ Изъ неизданнаго сочиненія М. И. Богдановича: «Восточная война 1853—1856 гг.».

трактатовъ, Черное море никогда не было закрыто для торговыхъ судовъ; что же касается до иностранныхъ военныхъ судовъ, то закрытіе проливовъ было издревле установлено правиломъ Порты, которая, владѣя ихъ обоими берегами, имѣла право открывать и закрывать проходъ чрезъ оба пролива. При закрытіи ихъ, Черное море естественно оставалось доступно только военнымъ кораблямъ Россіи и Порты. Но, чтобы успокоить опасенія Европы, Россія изъявляла согласіе на открытіе Чернаго моря военнымъ флотамъ всѣхъ державъ, съ тѣмъ, чтобы и наши военныя суда пользовались обоюдно правомъ свободно проходить чрезъ проливы.

На счетъ 4-го пункта — льготъ, предоставленныхъ христіанамъ, — Государь поручилъ нашимъ уполномоченнымъ настаивать на совершенномъ равенствѣ правъ всѣхъ христіанъ, безъ различія ихъ вѣроисповѣданій, и на обезпеченіи дарованныхъ имъ льготъ и преимуществъ надежными ручательствами.

Принятіе Россійскимъ Императоромъ четырехъ основныхъ пунктовъ не удержало Австрію отъ заключенія, 2-го декабря н. ст. 1854 года, съ Франціею и Англіею союзнаго трактата, явно обнаружившаго враждебныя намѣренія вѣнскаго двора противъ Россіи. Императоръ Николай, не отказываясь отъ веденія переговоровъ, не надѣялся однакоже на успѣшныя ихъ послѣдствія. Узнавъ о заключеніи помянутаго трактата, онъ писалъ князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову:

«Наше положеніе тяжело. Я давно его предвижу, измѣряю, не обманываю себя ложными надеждами и стараюсь себѣ представить картину будущности въ настоящемъ видѣ; но отнюдь не отчаяваюсь, ибо надежда моя — на Бога, на Его правосудіе и на правоту нашего дѣла. Духъ нашего русскаго народа, льщу себя надеждою, тоже знаю, глубоко цѣню и уважаю. Знаю, что когда настанетъ минута воззвать мнѣ къ Россіи, она станетъ таже какъ была въ 1812 году; но мнѣ надо дорожить этимъ и не истощать силъ нашихъ до поры — до времени. Тѣмъ общій порывъ на спасеніе Отечества будетъ сильнѣе. Быть можетъ, скоро наступитъ время къ воззванію. Донинѣ мы могли еще не приступать къ сей послѣдней мѣрѣ. Нужно будетъ — исполнимъ и я спокоенъ»¹⁾).

¹⁾ Цзъ письма отъ 11-го (23-го) декабря 1854 г.

Нѣсколько дней спустя, Государь писалъ: «Занимаюсь приготовлениями къ образованію государственнаго подвижнаго ополченія, по двѣ дружины на каждый полкъ арміи. Прибѣгну къ сему, когда рѣшится, что будетъ изъ переговоровъ въ Вѣнѣ; вѣроятно—ничего хорошаго; тогда и къ дѣлу»¹⁾).

Но въ то время, когда великодушный Монархъ, изъявляя склонность къ миру, готовился, ставъ въ челѣ своего народа, дать отпоръ неумѣреннымъ требованіямъ враговъ Россіи, неисповѣдимый Промыслъ положилъ предѣлъ его жизни.

Ударъ, поразившій Россію, раздался во всей Европѣ. Самъ императоръ Францъ-Иосифъ посѣтилъ князя Горчакова и выразилъ ему въ задушевныхъ выраженіяхъ глубокую скорбь, которую чувствовалъ онъ, потерявъ испытаннаго друга въ такое время, когда надѣялся доказать ему на дѣлѣ свою признательность и возобновить искренно прежнія сношенія²⁾).

Черезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ циркулярѣ ко всѣмъ представителямъ Россійскаго Монарха при иностранныхъ дворахъ, было объявлено, что Государь, оставаясь вѣренъ политическимъ основаніямъ, принятымъ Его августѣйшимъ родителемъ, имѣеть цѣлю: возстановить миръ; упрочить свободу богослуженія и пользованіе льготами христіанскаго населенія на Востокѣ; обезпечить права Дунайскихъ княжествъ общимъ ручательствомъ всѣхъ державъ; установить свободное плаваніе по Дунаю на пользу торговли всѣхъ націй; положить коонецъ соперничеству державъ на Востокѣ; наконецъ, условиться съ ними на счетъ признаннаго съ ихъ стороны закрытія Дарданеллъ и Босфора и замѣнить его новыми, обоюдно почетными условіями³⁾).

Совѣщанія въ Вѣнѣ открылись 3-го (15-го) марта 1855 года. Пруссія не была приглашена къ принятію участія въ переговорахъ, не смотря на то, что король прусскій, по требованію Австріи, поддержанному Германскимъ союзомъ, изъявилъ готовность поставить на военное положеніе свои крѣпости⁴⁾).

¹⁾ Изъ письма князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову, отъ 17-го (29-го) декабря 1854 г.

²⁾ «Un ami éprouvé au moment où il espérait lui donner des preuves de sa gratitude et d'un retour sincère aux anciennes voies».

³⁾ Изъ депеши графа Нессельрода, отъ 10-го марта 1855 г.

⁴⁾ Дешепа барона Мантейфеля, отъ 16-го марта 1855 г.

Представителями державъ на вѣнскихъ конференціяхъ (совѣщаніяхъ) были: со стороны Россіи—князь А. М. Горчаковъ и В. П. Титовъ; со стороны Франціи—баронъ де-Буржелей и въ послѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люи; со стороны Австріи—графъ Буль-Шауэнштейнъ и баронъ Прокешъ-Остенъ; со стороны Англии—лордъ Джонъ Россель и графъ Вестморлендъ; со стороны Турціи—Аарифъ-эфенди и въ послѣдствіи Али-паша.

Первыя совѣщанія уполномоченныхъ пяти державъ привели къ соглашенію по 1-му и 2-му пунктамъ, относившимся къ интересамъ Германскаго союза, и потому надлежало ожидать, что Австрія не станетъ поддерживать прочихъ требованій западныхъ державъ, не имѣвшихъ собственно для нея никакой важности. Но, при обсужденіи ихъ, оказалось, что австрійскіе уполномоченные, отказавшись отъ самостоятельности мнѣній, настойчиво поддерживали требованія западныхъ державъ. Уполномоченные Россіи, видя пристрастіе вѣнскихъ дипломатовъ, рѣшились, въ крайнемъ случаѣ, обратиться къ личному участию императора Франца-Іосифа, который желалъ мира и всячески уклонялся отъ принятія участія въ войнѣ, весьма невыгодной при тогдашнемъ разстройствѣ австрійскихъ финансовъ. Напротивъ того, Наполеонъ III, надѣясь быть рѣшителемъ судьбы Европы и составляя гигантскіе планы, надѣялся осуществить ихъ не иначе, какъ продолжая войну. Съ этою цѣлью, онъ гласно изъяснилъ намѣреніе отправиться въ Крымъ, чтобы принять начальство надъ союзною арміею подъ Севастополемъ. На пути туда, онъ предполагалъ видѣться съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ и условиться съ нимъ на счетъ движенія французской арміи, чрезъ Ломбардію и Галицію, въ Царство Польское.

Таковы были виды главнаго дѣятеля европейской коалиціи, когда уполномоченные пяти державъ приступили, 14-го (26-го) марта, къ обсужденію третьяго пункта. Еслибы союзники желали только ввести турокъ въ общую семью европейскихъ народовъ, то рѣшеніе такого вопроса не представило бы особенныхъ затрудненій; но какъ главною цѣлью нашихъ непріятелей было ослабленіе Россіи, и непомѣрныя ихъ требованія могли имѣть послѣдствіемъ отложеніе отъ нихъ Австріи, то они предложили нашимъ уполномоченнымъ пересмотрѣ конвенціи 1-го (13-го) іюля 1841 года, въ такомъ смыслѣ, чтобы обезпечить суще-

ствование Оттоманской Порты совершеннымъ участіемъ ея въ системѣ равновѣсія Европы и условиться на счетъ справедливаго ограниченія военныхъ флотовъ въ Черномъ морѣ.

Князь Горчаковъ отвѣчалъ, что онъ готовъ участвовать въ совѣщаніяхъ о средствахъ, которыя будутъ предложены уполномоченными, но не считаетъ удобнымъ предложить ихъ самъ, предоставляя ихъ указаніе державамъ, пожелавшимъ пересмотрѣть конвенціи 1841 года, и будучи готовъ къ соглашенію по сему предмету, лишь бы не было предложено ничего могущаго нарушить права верховной власти Россійскаго Императора въ собственныхъ владѣніяхъ ¹⁾.

Уполномоченные союзныхъ державъ, въ слѣдующемъ совѣщаніи, предъявили проектъ изложенія 3-го пункта въ слѣдующемъ видѣ:

1. Общее ручательство всѣхъ державъ въ независимости и цѣлости Оттоманской имперіи.

2. Въ случаѣ несогласія между Портою и какою-либо изъ договаривающихся державъ, послѣдняя обязана дать возможность прочимъ къ предупрежденію войны мирными средствами.

3. Ограниченіе военныхъ силъ Россіи и Турціи въ Черномъ морѣ, каждой четырьмя кораблями и четырьмя фрегатами съ соразмѣрнымъ числомъ легкихъ судовъ.

4. Закрытіе проливовъ Босфора и Дарданелль.

5. Право прочихъ державъ вводить въ Черное море, съ разрѣшенія султана, военныя суда, въ половинномъ числѣ морскихъ силъ, содержимыхъ каждою изъ прибрежныхъ державъ.

6. Запрещеніе всѣмъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ, кромѣ легкихъ судовъ, принадлежащихъ посольствамъ, становиться на якорь въ Золотомъ Рогѣ ²⁾, и вообще, въ мирное время, число иностранныхъ линейныхъ кораблей у Константинополя, на пути отъ Дарданелль въ Черное море и обратно, не должно превосходить четырехъ.

7. Право султану, въ случаѣ надобности, открыть проливы всѣмъ силамъ своихъ союзниковъ.

¹⁾ Протоколъ совѣщаній въ Вѣнѣ № 10, отъ 17-го апрѣля н. ст. 1855 г.

²⁾ Золотой Рогъ—заливъ Босфора между частями Константинополя: Стамбуломъ и Галатой.

8. Разрѣшеніе всѣмъ договаривающимся державамъ имѣть консульства во всѣхъ портахъ Чернаго моря¹⁾).

Изъ этихъ условій первыя два были непосредственно приняты нашими уполномоченными, но съ оговоркою, что ручательство въ цѣлости владѣній Турціи не обязываетъ Россію къ употребленію вооруженныхъ силъ. Мы обязывались не нарушать независимости и цѣлости владѣній Порты, но не могли принять на себя обязанность охранять Аденъ, Тунисъ, либо Египеть.

Что же касается до условій, имѣвшихъ цѣлью ограниченіе нашихъ силъ въ Черномъ морѣ, князь Горчаковъ рѣшительно отвергъ ихъ, напомнивъ обѣщанія, данныя уполномоченными союзныхъ державъ, признавшими, что лучшими условіями будутъ тѣ, которыя согласятъ достоинство Россіи съ безопасностью Европы.

Тогда же князь Горчаковъ предъявилъ, съ своей стороны, проектъ (*contre-projet*), на основаніи открытія проливовъ и свободнаго плаванія въ Черномъ морѣ. Онъ доказывалъ убѣдительными доводами, что «причиною слабости морскихъ силъ Порты не были ни заключенные съ нами трактаты, ни превосходство нашего флота. Эта слабость была послѣдствіемъ событій, независимыхъ отъ Россіи: возрожденія Греціи, сраженія при Наваринѣ, потери Алжиріи, и попытокъ къ самостоятельности паши египетскаго и беевъ тунисскаго и триполисскаго, которыя лишили Порту значительной части ея морскихъ силъ.

«На сторонѣ Порты были и существуютъ донинѣ значительныя выгоды: топографическая конфигурація Босфора, способствующая неодолимою защитѣ; обладаніе укрѣпленными гаванями: Варною, Сизополемъ, Бургасомъ, Трапезундомъ и проч. и возможность быстро сосредоточенія силъ. Напротивъ того, Россія, находясь въ необходимости содержать флоты на четырехъ отдѣльныхъ моряхъ, разбросанныхъ огромными пространствами, не можетъ чрезмѣрно увеличить свои морскія силы на Черномъ морѣ. Опасенія, внушенныя Портѣ на счетъ нашихъ морскихъ учрежденій, не основательны. Наши эскадры никогда не могли высаживать болѣе 20,000 человекъ въ продолженіе трехъ недѣль, что,

¹⁾ Приложенія къ протоколу № 11, подъ лит. А и В.

несколько не угрожая Турции, могло послужить ей въ пользу. Въ 1833 году, нашъ флотъ успѣлъ высадить въ Босфорѣ только около 12,000 человекъ, которые, безъ сомнѣнія, были важны какъ вспомогательный корпусъ, но не могли быть страшны для Турціи. Эскадры Англии и Франціи не менѣе нашихъ могутъ быть опасны Оттоманской Портѣ. Быстрота телеграфическихъ сообщеній даетъ средство судамъ, стоящимъ въ Мальтѣ и Тулонѣ, прибыть своевременно на защиту Константинополя, угрожаемаго русскимъ флотомъ, высланнымъ изъ Севастополя. А кто можетъ ручаться, что они когда-либо не появятся въ виду Серая съ враждебною цѣлью? И потому нашъ флотъ необходимъ для противодѣйствія подобнымъ покушеніямъ.

«Господство Россіи на Черномъ морѣ прекратится вмѣстѣ со вступленіемъ Турціи въ семью европейскихъ державъ. Закрытіе проливовъ для военныхъ флотовъ не было послѣдствіемъ сношеній Россіи съ Портою,—оно установлено издревле правомъ Оттоманской Порты; но султанъ можетъ отереть проливы для военныхъ кораблей всѣхъ державъ, съ тѣмъ, чтобы выходъ изъ Чернаго моря былъ также для всѣхъ свободенъ»¹⁾.

Представители союзныхъ державъ отказались совѣщаться на основаніи проекта, предъявленнаго княземъ Горчаковымъ; но князь Горчаковъ и г. Титовъ склонили дипломатовъ къ возобновленію совѣщаній конференціи, предложивъ: «во 1-хъ, чтобы правило закрытія проливовъ Босфора и Дарданеллъ въ мирное время, утвержденное древнимъ закономъ Блистательной Порты и трактатомъ 1-го (13-го) іюля 1841 года, оставалось ненарушимомъ; во 2-хъ, чтобы султанъ сохранилъ право, въ видѣ исключительной мѣры, отереть Дарданеллы и Босфоръ для иностранныхъ флотовъ, которые Блистательная Порта сочтетъ нужнымъ призвать для охраненія своей безопасности»²⁾.

Этотъ проектъ, сообразный съ видами Австріи, отвергавшей открытіе проливовъ, разстроилъ намѣреніе представителей Франціи—прекратить вѣнскія конференціи, и заставилъ графа Буля объявить, что, несмотря на недостаточность предложенныхъ нами мѣръ, онѣ допускали соглашеніе. Французскій министръ иностран-

¹⁾ Прилож. къ протоколу № 12, подъ зпт. А.

²⁾ Прилож. къ протоколу № 13.

ныхъ дѣлъ, Друэнъ-де-Люи, и англійскій уполномоченный, лордъ Джонъ Россель, по совѣщаніи съ графомъ Булемъ, признали, что, для избѣжанія затрудненій, представляемыхъ третьимъ пунктомъ, надлежало, какъ было предложено однимъ изъ уполномоченныхъ Франціи, предоставить опредѣленіе морскихъ силъ въ Черномъ морѣ прямому соглашенію прибрежныхъ державъ—Россіи и Турціи¹⁾. Оба дипломата, возвращаясь къ своимъ дворамъ, обѣщались поддерживать графа Буля; но какъ въ Парижѣ и Лондонѣ не хотѣли мира, то предложенныя условія подверглись общему порицанію. Лордъ Джонъ Россель былъ встрѣченъ весьма неблагосклонно въ Англии, а Друэнъ-де-Люи навлекъ на себя неудовольствіе Наполеона III и получилъ увольненіе отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ. На его мѣсто былъ назначенъ графъ Валевскій.

Очевидное желаніе западныхъ державъ продолжать войну оказало благоприятное для насъ вліяніе на императора Франца-Иосифа и на общественное мнѣніе въ Австріи. Но недоброжелательство къ Россіи графа Буля уничтожило надежду на успѣхъ мирныхъ переговоровъ.

Въ послѣднемъ (14-мъ) вѣнскомъ совѣщаніи, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ предложилъ изложить третій пунктъ слѣдующимъ образомъ: «Россія и Порта сообщая предъявляютъ конференціи вѣдомость морскимъ силамъ, которыя каждая изъ сихъ державъ будетъ содержать на водахъ Чернаго моря, въ равномъ количествѣ, не превосходящемъ нынѣшній составъ русскихъ судовъ въ этомъ морѣ²⁾. Баронъ Буркней, котораго мнѣніе по сему предмету желали знать наши уполномоченные, заявилъ, что постоянный отказъ ихъ ограничить морскія силы оказалъ вліяніе на инструкціи, ему данныя, и что французское правительство не считаетъ согласнымъ съ ними проекта, предложеннаго графомъ Булемъ. Князь Горчаковъ, въ отвѣтъ на это заявленіе, замѣтилъ, что оно положило конецъ de facto совѣщаніямъ, и что продолжать ихъ значило-бы вести преніе о проектѣ, который Австрія находитъ удовлетворительнымъ, а союзныя державы—недостаточнымъ. «Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—я изложу

¹⁾ Прилож. къ протоколу № 14.

²⁾ Статья 2-я приложенія къ протоколу № 14.

мое личное мнѣніе, во уваженіе къ уполномоченнымъ, принявшимъ на себя трудъ составленія помянутаго проекта... Не отвергая прямого соглашенія уполномоченныхъ Россіи и Порты, на счетъ ограниченія ихъ морскихъ силъ, полагаю, что опредѣленіе количества ихъ должно зависѣть исключительно отъ сихъ державъ, и что права каждой изъ нихъ были-бы нарушены, если-бы другія державы подчинили ихъ своей волѣ по этому предмету...»¹⁾

Таково было наше послѣднее слово на вѣнскихъ конференціяхъ. Не смотря на неудачу ихъ, нельзя отрицать, что онѣ выказали явно Европѣ, и особенно Германіи, готовность Россіи къ миру и стремленіе западныхъ державъ къ продолженію войны. Король прусскій гласно отдавалъ справедливость умѣренности нашихъ уполномоченныхъ, и даже императоръ Францъ-Іосифъ, пригласивъ князя Горчакова къ себѣ на аудіенцію, изъявилъ ему свою признательность и обѣщавъ соблюдать, чтобы союзники не имѣли доступа къ нашимъ границамъ со стороны Дунайскихъ княжествъ, занятыхъ австрійскими войсками. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ старался извинить въ глазахъ князя Горчакова поступокъ графа Буля, предложившаго, безъ вѣдома нашего министра, на послѣднемъ совѣщаніи, ограничить опредѣленнымъ числомъ судовъ наши морскія силы, и объявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не поставитъ обязательнымъ для насъ такое условіе. Но, не смотря на убѣжденія князя Горчакова въ необходимости возобновить между Россією и Австрією дружескія отношенія, упроченныя полувѣковымъ опытомъ, императоръ Францъ-Іосифъ, остерегаясь нарушить трактатъ 2-го декабря 1854 года, не принялъ на себя формальнаго обязательства обезпечить наши границы со стороны княжествъ и не согласился вести отдѣльные переговоры съ Россією. Тѣмъ не менѣе, однакоже, ближайшимъ послѣдствіемъ вѣнскихъ конференцій было распущеніе, согласно проекту генерала Гесса, резервовъ 3-й и 4-й австрійскихъ армій, стоявшихъ въ Галиціи, Буковинѣ и Трансильваніи²⁾. Этого требовали собственныя пользы Австріи, которой финансы, не смотря на крайнее напряженіе всѣхъ ресурсовъ, представляли дефицитъ въ 100 милліоновъ гульденовъ. Но

¹⁾ Протоколъ № 14, отъ 4-го іюня в. ст. 1855 г.

²⁾ Приказъ по войскамъ, отъ 24-го іюня в. ст. 1855 г.

Наполеонъ, не вникая въ положеніе союзной ему державы, былъ раздраженъ разоруженіемъ (хотя и частнымъ) австрійской арміи, тѣмъ болѣе, что оно было рѣшено непосредственно послѣ пораженія союзниковъ на севастопольскомъ штурмѣ 6-го (18-го) іюня.

Умѣренные дѣйствія вѣнскаго двора были поддержаны Германскимъ союзомъ, который изъявилъ австрійскому правительству свою признательность за его усилія къ восстановленію мира и положилъ ограничиться содержаніемъ континентовъ союза на военномъ положеніи, не принимая на себя никакихъ новыхъ обязательствъ ¹⁾. Князь Горчаковъ, утвержденный въ качествѣ чрезвычайнаго посла и уполномоченнаго министра при вѣнскомъ дворѣ, получилъ отъ императора Франца-Іосифа обѣщаніе, что третій пунктъ ручательства будетъ обсуждаться снова, не обращая вниманія на прежнія пренія (*que le troisième point des garanties restait un terrain vierge, et que de droit le passé n'y avait laissé aucune trace*). Къ сожалѣнію, графъ Буль успѣлъ поколебать благопріятное расположеніе къ Россіи австрійскаго правительства и упрочить его сношенія съ западными державами, которыя, пользуясь тѣмъ, хотя и привнали силу обстоятельствъ, не дозволявшихъ Австріи вести съ нами войну, однакоже потребовали: во 1-хъ, чтобы она не принимала явно въ военномъ отношеніи мѣръ, могущихъ разсѣять наши опасенія, и во 2-хъ, чтобы она не усиливала насъ въ политическомъ отношеніи уклоненіемъ отъ принятыхъ ею на себя обязательствъ.

Паденіе Севастополя, хотя и дорого стоившее союзникамъ, удовлетворило Наполеона III, для котораго вопросъ: быть или не быть заключался въ успѣхъ крымской экспедиціи, и побудило его къ большей сговорчивости; съ другой стороны, общественное мнѣніе во Франціи, довольствуясь этимъ успѣхомъ, не желало продолженія войны. Въ Англіи, напротивъ того, господствовало совершенно иное настроеніе. Гордые британцы должны были сознаться, что, во все продолженіе гигантской борьбы въ Крыму, они играли второстепенную роль, и что всѣ ихъ дѣйствія ограничивались опустошеніемъ приморскихъ пунктовъ. Желая высить славу своего оружія новою экспедиціей въ Балтикѣ, гдѣ надѣялись имѣть превосходство надъ своими союзниками фран-

¹⁾ Постановленіе Германскаго сейма, 26-го іюля н. ст. 1855 г.

цузами, англичане готовились къ настойчивому возобновленію военныхъ дѣйствій въ 1856-мъ году. Между тѣмъ, французское правительство не столько заботилось объ усиленіи своихъ войскъ въ Крыму, гдѣ дальнѣйшіе успѣхи не обѣщали союзникамъ никакихъ положительныхъ выгодъ, сколько о развитіи враждебной намъ коалиціи. Въ Испаніи маршалъ О-Доннель, раздѣляя тогдашнее ослѣпленіе Европы въ непреодолимомъ могуществѣ Наполеона III, согласился дать въ его распоряженіе вспомогательный корпусъ, если внутреннее состояніе страны то дозволить. Напротивъ того, происки французскихъ агентовъ въ Копенгагенѣ не имѣли успѣха. Наполеонъ, раздраженный твердостью Даніи, предложилъ Пруссіи Голштинію; но берлинскій дворъ отклонилъ эту сдѣлку и далъ знать о своемъ отказѣ королю датскому.—Сношенія между западными державами и Швеціей начались еще въ 1854 году, когда, при отплытіи англо-французской эскадры изъ Балтійскаго моря, предложено было стокгольмскому двору занять Аландскіе острова; но король Оскаръ не изъявилъ согласія на это предпріятіе, зная, что шведы не могли-бы тамъ удержаться зимою. Въ послѣдствіи, стокгольмскій дворъ, увлеченный общественнымъ мнѣніемъ въ Швеціи, питавшимъ надежды на возвращеніе Финляндіи, далъ знать Наполеону III, въ глубочайшей тайнѣ, о готовности своей присоединиться къ коалиціи противъ Россіи, съ условіями: ручательства западныхъ державъ въ цѣлости его владѣній; поддержанія его арміи союзными войсками, въ числѣ 100,000 человекъ, къ которымъ онъ обязывался присоединить 60,000 шведовъ и норвежцевъ, и выдачи ему субсидій. Это предложеніе повело къ поѣздѣ генерала Канробера въ Стокгольмъ, въ ноябрѣ 1855 года, и къ заключенію оборонительнаго союза между западными державами и Швеціей ¹⁾.

Между тѣмъ, виды нашихъ непріятелей на счетъ предстоящей кампаніи были несогласны между собою: англичане хотѣли ограничиться блокадою въ Черномъ морѣ и морскими экспедиціями въ Балтикѣ, чтò, при превосходствѣ ихъ морскихъ силъ, дало-бы имъ несомнѣнный перевѣсъ надъ всѣми ихъ союзниками. Что-же касается до вторженія внутрь нашей страны съ юга, то

¹⁾ Трактатъ 21-го ноября н. ст. 1855 г.

Наполеонъ III неохотно рѣшался предпринять его, и изъяснилъ согласіе на континентальную кампанію не иначе, какъ съ условіемъ возстановленія Польши, которое, по его мнѣнію, вознаградило-бы пожертвованія Франціи. Но лондонскій кабинетъ рѣшительно отказался поддерживать предпріятіе, напоминавшее войну 1812 года и бѣдствія, понесенныя войсками Наполеона I при нашествіи на Россію.

Различіе видовъ, руководившихъ союзныя державы, повело къ охлажденію ихъ сердечнаго согласія (*entente cordiale*). Императоръ французовъ сталъ выказывать наклонность къ миру. Пользуясь тѣмъ, наше правительство открыло прямыя сношенія съ Франціей, чрезъ саксонскаго посланника въ Парижѣ, барона Зеебаха, который велъ переговоры съ французскимъ министромъ графомъ Валевскимъ, подъ руководствомъ самого Наполеона III, и въ Вѣнѣ между княземъ Александромъ Михайловичемъ Горчаковымъ и графомъ Морни. Какъ Валевскій, такъ и графъ Морни, оба домогались нашего согласія ограничить опредѣленнымъ числомъ судовъ морскія силы Россіи и Турціи на Черномъ морѣ, либо признать его нейтральнымъ, сохранивъ право имѣть военный флотъ въ Азовскомъ морѣ. Графъ Морни старался убѣдить насъ, что въ этихъ условіяхъ не было ничего оскорбительнаго; что подобныя условія вообще продолжатся не долѣе, какъ обстоятельства, подавшія къ нимъ поводъ, и что часто тѣ, которые домогались ограниченія силъ, сами требовали отмѣны этого условія.

Вѣнскій дворъ, стараясь возстановить разрушенную имъ многолѣтнюю связь съ Россією, и, хотя опасаясь Франціи, однакоже не желая принять участіе въ войнѣ, также старался открыть сношенія съ Наполеономъ III на счетъ мира. Съ этою цѣлью, въ октябрѣ 1855 года, были отправлены въ Парижъ графъ Коллоредо и баронъ Прокешъ-Остенъ. Туда-же прибылъ изъ Вѣны французскій посланникъ при тамошнемъ дворѣ, баронъ Буркней. Но, между тѣмъ, не смотря на соблюденіе глубочайшей тайны при веденіи нами переговоровъ прямо съ Франціей, графъ Буль узналъ о томъ и возбудилъ недовѣрчивость Франца-Иосифа противъ Россіи. Вѣнскій дворъ, сдѣлавъ рѣшительный шагъ къ исполненію условій декабрьскаго трактата, потребовалъ отъ насъ

безусловнаго принятія четырехъ пунктовъ ¹⁾, что дало Наполеону III возможность усилить настойчивость требованій, сообразно видамъ Англіи.

Съ этою цѣлью, императоръ французовъ предложилъ великобританскому правительству изложить требованія союзниковъ на основаніи четырехъ пунктовъ, условленныхъ между Франціею, Англіею и Австріею. Лондонскій дворъ, изъявивъ согласіе составить проектъ предварительныхъ статей мирнаго трактата, проводилъ ихъ въ Парижъ и Вѣну 6-го декабря н. ст. 1855 г.

Этотъ проектъ, одобренный парижскимъ и вѣнскимъ дворами, заключалъ въ себѣ слѣдующія статьи.

1. Дунайскія княжества.

«Совершенная отмѣна русскаго покровительства.

«Россія не будетъ пользоваться никакимъ особеннымъ или исключительнымъ правомъ вмѣшательства во внутреннія дѣла княжествъ.

«Княжества сохранять свои преимущества и льготы, подъ верховною властью Порты, и султанъ, съ согласія договаривающихся державъ, утвердить въ княжествахъ устройство, сообразно съ нуждами и желаніями народа.

«Въ княжествахъ, съ согласія Порты, будетъ введена постоянная оборонительная система, соответствующая ихъ географическому положенію; принятіе чрезвычайныхъ мѣръ для обороны не должно встрѣчать никакого препятствія.

«Россія, въ замѣнъ крѣпостей и земель, занятыхъ союзными войсками, соглашается на проведеніе новой границы въ Бессарабіи. Эта граница, въ видахъ общихъ интересовъ, начинаясь отъ окрестностей Хотина, пройдетъ вдоль горной цѣпи, по юго-восточному направленію, до озера Салзыка. Пограничная черта будетъ опредѣлена окончательно мирнымъ трактатомъ и уступленное пространство будетъ присоединено къ княжествамъ, подъ верховною властью Порты».

¹⁾ Отзывъ графа Буля графу Эстергази, 16-го декабря н. ст. 1855 года, съ приложеніемъ проекта предварительныхъ условій.

2. Дунай.

«Свобода судоходства по Дунаю и дунайскимъ гирлямъ будетъ существенно обезпечена европейскими комиссіями, составленными изъ равнаго числа представителей отъ всѣхъ договаривающихся державъ; частныя-же интересы прибрежныхъ владѣній будутъ приняты во вниманіе на основаніи правилъ, опредѣленныхъ актомъ Вѣнскаго конгресса, по предмету рѣчнаго судоходства.

«Каждая изъ договаривающихся державъ будетъ имѣть право содержать по одному или по два легкихъ морскихъ судна у дунайскихъ устьевъ, чтобы охранять свободу судоходства по Дунаю».

3. Черное море.

«Черное море будетъ объявлено нейтральнымъ.

«Открытый въ него входъ для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ воспретится военнымъ судамъ.

«Посему на берегахъ Чернаго моря не будутъ ни заведены, ни оставлены никакіе военно-морскіе арсеналы.

«Покровительство торговыхъ интересовъ всѣхъ народовъ будетъ обезпечено въ портахъ Чернаго моря учрежденіями, сообразными съ международнымъ правомъ и установившимися обычаями.

«Обѣ прибрежныя державы условятся между собою на счетъ числа и силы легкихъ судовъ, которыя онѣ будутъ содержать въ Черномъ морѣ. Конвенція между ними, по сему предмету, по предварительномъ принятіи ея договаривающимися державами, приложится къ общему трактату и будетъ имѣть такую-же силу, какъ еслибъ составляла его часть. Она не можетъ быть ни уничтожена, ни измѣнена, безъ согласія договаривающихся державъ.

«Закрытіе проливовъ допустить исключеніе, помянутое въ предъидущемъ пунктѣ».

4. Христіане подданные Порты.

«Права и льготы христіанъ подданныхъ Порты будутъ обезпечены безъ нарушенія независимости и достоинства турецкаго правительства.

«Россія, по заключеніи мира, будетъ приглашена къ участію

въ распоряженіяхъ, принятыхъ Австрією, Францією, Великобританією и Портою, для обезпеченія религіозныхъ и политическихъ правъ христіанъ подданныхъ султана.

5. Особенныя условія.

«Воюющія державы предоставляютъ себѣ право предъявить на общую пользу Европы особенныя условія сверхъ четырехъ прежнихъ»¹⁾.

Германскія второстепенныя державы желали мира и не были враждебны Россіи, но могли быть вовлечены силою въ общую борьбу, а Пруссія не имѣла средствъ удержать ихъ своимъ примѣромъ и потому изъявила желаніе, чтобы мы приняли предложенія Австріи. Таковы были обстоятельства, побудившія наше правительство открыть переговоры на основаніи предложенныхъ статей и принять ихъ за предварительныя условія мира. Въ извѣщеніи о томъ было объявлено, что единственное различіе между требованіями Австріи и нашими предложеніями заключается въ предполагаемомъ разграниченіи, и что, слѣдственно, уже (*de facto*) послѣдовало обоюдное соглашеніе, на основаніи чего и желаній, изъясненныхъ всею Европою, имѣя противъ себя коалицію, постоянно стремящуюся еще болѣе усилиться, и принявъ въ соображеніе пожертвованія, которыхъ потребовало бы отъ Россіи продолженіе войны,—императорское правительство не сочло приличнымъ замедлять побочными преніями (*des discussions accessoires*) дѣло мира, котораго успѣхъ составляетъ предметъ его задушевныхъ желаній, и потому согласилось принять предложенія Австріи за основаніе предварительныхъ пунктовъ мирнаго трактата. Въ заключеніе сказано: «Россія своимъ энергическимъ сопротивленіемъ ужасной коалиціи показала, какія жертвы она готова принести въ защиту своей чести и своего достоинства; настоящимъ же актомъ умѣренности императорское правительство даетъ новый доводъ желанія своего положить предѣлъ кровопролитію, прекративъ прискорбную для человѣчества и цивилизаціи борьбу и возстановивъ миръ на пользу Россіи и Европы. Россія вправѣ

¹⁾ 5-й пунктъ мирныхъ условій предложенъ Австрією по требованію союзныхъ державъ.

надѣяться, что общественное мнѣніе всѣхъ просвѣщенныхъ странъ отдастъ ей должную справедливость»¹⁾).

20-го января (1-го февраля), былъ подписанъ въ Вѣнѣ, представителями Австріи, Франціи, Великобританіи, Россіи и Турціи, протоколъ о принятіи пяти пунктовъ, предложенныхъ союзными державами, за предварительныя условія мира и созваніи въ Парижѣ уполномоченныхъ, для заключенія перемирія и мирнаго трактата, черезъ три недѣли, или ранѣе, ежели окажется возможно²⁾).

Парижскій конгрессъ открылся 13-го (25-го) февраля 1856 г., подъ предсѣдательствомъ графа Валевскаго, одного изъ уполномоченныхъ Франціи; другимъ былъ французскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, баронъ Буркеней; представителями Англіи были министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Кларендонъ и англійскій посоль при тюиллерійскомъ дворѣ лордъ Коулей; представителями Австріи — министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Буль-Шауэнштейнъ и австрійскій посланникъ въ Парижѣ баронъ Гюбнеръ; представителями Россіи — генераль-адъютантъ графъ Орловъ и русскій посланникъ при Германскомъ сеймѣ баронъ Брунновъ; представителями Сардиніи — министръ-президентъ графъ Кавуръ и сардинскій посланникъ въ Парижѣ, маркизъ де Вилламарина; представителями Оттоманской Порты — великій визирь Али-паша и турецкій посоль въ Парижѣ Мегеметь-Джемилъ-бей. Съ самаго начала совѣщаній, графъ Орловъ и графъ Буль предложили пригласить Пруссію въ участію въ переговорахъ; но графъ Кларендонъ изъявилъ мнѣніе, что Пруссія должна была участвовать въ нихъ не прежде, какъ по опредѣленіи главныхъ условій трактата; а графъ Валевскій полагалъ, что уполномоченные рѣшатъ въ послѣдствіи, когда именно должно отнестись съ этимъ приглашеніемъ въ Пруссію³⁾. По соглашеніи на то уполномоченныхъ прочихъ союзныхъ державъ, представители Пруссіи приняли участіе въ совѣщаніяхъ съ 6-го (18-го) марта⁴⁾).

Въ началѣ совѣщаній было заключено перемиріе по 31-е марта н. ст.⁵⁾.

¹⁾ Journal de St. Pétersbourg. 1856, 20 janvier.

²⁾ Протоколъ конференціи въ Вѣнѣ, отъ 20-го января (1-го февраля) 1856 г.

³⁾ Протоколъ Парижскаго конгресса № 2, 28-го февраля н. ст. 1856 г.

⁴⁾ Протоколъ № 11, 18-го марта н. ст. 1856 г.

⁵⁾ Протоколъ № 1, 25-го февраля н. ст. 1856 г.

Условія союзниковъ, принятыя за предварительныя статьи мирнаго трактата, обсуждались на совѣщаніяхъ конгресса не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были предложены, и потому, для ясности изложенія ихъ результатовъ, необходимо прослѣдить пренія особо по каждому вопросу.

І. ОТМѢНА РУССКАГО ПOKPOBИТЕЛЬСТВА ХРИСТІАНАМЪ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ ПОДДАННЫМЪ ТУРЦІИ.

Весьма замѣчательно, что хотя ни въ одномъ изъ прежнихъ трактатовъ не упоминалось о покровительствѣ Россіи надъ какою-либо частью подданныхъ султана, однакоже уполномоченные западныхъ державъ домогались отмѣны этого покровительства; представитель Турціи Али-паша увѣрялъ, что слово покровительство было употреблено въ органическомъ статутѣ Дунайскихъ княжествъ; а графъ Буль поставилъ на видъ, что покровительство Россіи существовало на дѣлѣ, подъ именемъ гарантіи, исключительно предоставленной русскому правительству¹⁾. Нельзя отрицать справедливость послѣдняго мнѣнія, но причину тому должно искать не въ трактатахъ между Россіею и Портою, а въ существѣ дѣла. «Есть фактъ, — писалъ графъ Нессельродъ къ барону Бруннову, — котораго не устранять никакія предосторожности, никакія недовѣрія дипломатіи. Этотъ фактъ — сочувствіе и общность интересовъ, связующихъ наше пятидесяти-милліонное православное населеніе съ двѣнадцатю и болѣе милліонами, составляющими большинство подданныхъ султана (въ Европейской Турціи). Досаденъ ли этотъ фактъ или нѣтъ тѣмъ, которые тревожатся нашимъ вліяніемъ, — онъ существуетъ, и отъ насъ, вѣроятно, не потребуютъ, чтобы мы отказались отъ этого вліянія для вящаго успокоенія преувеличенныхъ опасеній. Впрочемъ, если-бы даже мы и согласились на подобное требованіе, то на дѣлѣ исполненіе его оказалось бы не въ нашей власти...²⁾. Союзныя державы, изъ зависти и недовѣрія къ Россіи, требовали на парижскихъ конференціяхъ отмѣну нашей гарантіи и ввели Турцію въ великую семью европейскихъ державъ, принявъ всѣхъ христіанъ подданныхъ Порты подъ общее покровительство

¹⁾ Протоколъ № 2, 28-го февраля н. ст. 1856.

²⁾ Делеша графа Нессельрода къ барону Бруннову, отъ 1-го іюня н. ст. 1853 г.

Европы и полагаясь на обнародованный незадолго предъ тѣмъ гатти-шерифъ Порты, коимъ уравнивались права христіанъ съ правами мусульманъ, что, въ глазахъ близорукихъ дипломатовъ Европы, совершенно обезпечивало будущность христіанскаго населенія и полагало конецъ внутреннимъ волненіямъ въ Турціи. Послѣдующія событія на островѣ Кандіи и въ сѣверо-западныхъ турецкихъ областяхъ убѣдили Европу, какъ призранны всѣ постановленія Порты въ пользу христіанъ, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы со стороны султана они были даруемы съ искреннимъ желаніемъ ихъ исполненія. Причиною тому самое ученіе корана—краеугольнаго камня религіи и законодательства мусульманъ. Коранъ ставитъ въ религіозную обязанность воевать противъ невѣрныхъ, съ которыми согласіе и миръ противорѣчатъ основному закону ислама, допускающему только въ видѣ исключенія перемиріе съ христіанами. Ежели турки не ведутъ постоянно войны противъ христіанъ, то единственная причина такого отступленія отъ догмата вѣры — безсиліе, въ которое они приведены успѣхами русскаго оружія. Правда, коранъ предписываетъ великодушіе и терпимость въ отношеніи къ невѣрнымъ; но мусульмане понимаютъ эти добродѣтели по своему, какъ могутъ понимать ихъ невѣжественные, грубые люди, и въ тому-же великодушіе не есть еще признаніе равноправія, а терпимость турокъ весьма ограничена. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно привести слѣдующій мусульманскій законъ: «если кто отступитъ отъ ислама, то должно сперва стараться утвердить его въ истинахъ сего ученія, заключивъ въ тюрьму на трое сутокъ, и если онъ не обратится къ исламу — убить его. Если кто-либо убьетъ отступника отъ ислама, не объяснивъ ему предварительно ученія исламизма, то это весьма предосудительно, но не даетъ права преслѣдовать убійцу».

По всей вѣроятности, европейскіе дипломаты, принявъ на себя опеку Турціи, не предвидѣли, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, они принимаютъ отвѣтственность за всѣ преступленія, которыя будутъ совершены по волѣ и противъ воли султана. Тѣмъ не менѣе однакоже «признаніе Порты державою, участвующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ», возбудило въ сѣщаніяхъ Парижскаго конгресса продолжительныя пренія, вслѣдствіе конхъ постановлено, что «договаривающіяся державы признаютъ высокую важность сообщенія султана о дарованномъ имъ

фирманъ, разумѣя при томъ, что оно, ни въ какомъ случаѣ, не дастъ симъ державамъ права вмѣшиваться, совокупно или отдѣльно, въ отношенія султана къ его подданнымъ и во внутреннее управление его имперіи¹⁾).

II. УСТРОЙСТВО ВАССАЛЬНЫХЪ ОБЛАСТЕЙ ПОРТЫ.

На Парижскомъ конгрессѣ графъ Валевскій повторилъ предложеніе, сдѣланное барономъ Буркенеомъ на вѣнскихъ конференціяхъ, относительно соединенія подъ однимъ управленіемъ обѣихъ Дунайскихъ княжествъ. Графъ Орловъ и лордъ Кларендонъ поддерживали это мнѣніе, какъ согласное съ желаніями и пользами туземцевъ; напротивъ того, Али-паша, поставя на видъ, что отдѣльное управление сихъ областей, существовавшее съ давнихъ временъ, было естественнымъ слѣдствіемъ различія ихъ нравовъ и обычаевъ, утверждалъ, что соединеніе княжествъ и въ настоящее время вовсе не было согласно съ общественнымъ мнѣніемъ ихъ народонаселенія. Уполномоченные державъ, не принимая на себя рѣшеніе этого вопроса, постановили, чтобы помянутыя княжества пользовались, подъ верховною властью Порты и при ручательствѣ договаривающихся державъ, всѣми нынѣшними преимуществами и льготами. Ни которой изъ державъ не было представлено ни исключительнаго покровительства надъ княжествами, ни права вмѣшиваться во внутреннія дѣла ихъ. Въ княжествахъ положено имѣть національныя войска для охраненія внутренней и внѣшней ихъ безопасности. — Княжество Сербское, оставаясь, какъ и прежде, подъ верховною властью Порты, должно было сохранить самоуправленіе и полную свободу вѣроисповѣданія, законодательства, торговли и судоходства. Турецкое правительство, по прежнему, имѣло право содержать гарнизоны въ городахъ Сербіи. — По случаю преній, возникшихъ на счетъ вассальныхъ владѣній Порты, графъ Буль предложилъ, чтобы наши уполномоченные дали объясненія на счетъ отношеній Россіи къ Черногоріи. Графъ Орловъ и баронъ Брунновъ отвѣчали, что о Черногоріи не было упомянуто ни на вѣнскихъ конференціяхъ, ни въ документахъ, предшествовавшихъ конгрессу; но что, не смотря на то, они могутъ объявить, что наше правительство не имѣетъ ни-

¹⁾ Протоколы №№ 13 и 14 Парижскаго конгресса, отъ 24-го и 25-го марта н. ст. 1856 г.

какихъ сношеній съ черногорцами, кромѣ тѣхъ, кои происходятъ отъ сочувствія ихъ русскимъ и благорасположенія къ нимъ Россіи. Такое объявленіе было признано вполне удовлетворительнымъ ¹⁾).

III. СВОБОДНОЕ ПЛАВАНІЕ ПО ДУНАЮ.

На предложенное въ предварительныхъ условіяхъ содержаніе при устьяхъ Дуная каждою изъ договаривающихся державъ по два легкихъ морскихъ судна, графъ Орловъ замѣтилъ, что присутствіе военныхъ судовъ подъ флагами державъ, неприбрежныхъ Черному морю, нарушитъ основаніе нейтрализаціи сего моря. Графъ Валевскій отвѣчалъ, что исключеніе, допущенное договаривающимися сторонами, не можетъ считаться нарушеніемъ основанія. По мнѣнію графа Буля, суда неприбрежныхъ державъ, содержащія въ устьяхъ Дуная, могутъ свободно плавать по Черному морю, не смотря на его нейтрализацію; но баронъ Бруновъ напомнилъ, что плаваніе этихъ судовъ ограничивается назначенною для нихъ цѣлью. Постановлено, чтобы правила, опредѣленные актомъ Вѣнскаго конгресса для судоходства по рѣкамъ, были вполне примѣнены къ Дунаю и его устьямъ, и чтобы судоходство по Дунаю не подлежало никакимъ пошлинамъ, кромѣ тѣхъ, кои будутъ установлены для покрытія расходовъ на работы по очисткѣ дунайскихъ гирлъ; опредѣленіе этихъ работъ и необходимыхъ для исполненія ихъ суммъ предоставлено комиссіи, составленной изъ депутатовъ всѣхъ договаривающихся державъ. Другая же комиссія, постоянная, долженствовала состоять изъ членовъ со стороны прибрежныхъ государствъ: Австріи, Турціи, Баваріи и Виртемберга и комиссаровъ при-дунайскихъ княжествъ: Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Этой комиссіи было предоставлено: 1) составить правила для рѣчнаго судоходства и рѣчной полиціи; 2) исполнить по всему теченію Дуная нужныя работы и наблюдать за содержаніемъ въ исправномъ для судоходства состояніи дунайскихъ гирлъ и частей моря, къ нимъ прилежащихъ ²⁾).

Уполномоченные союзныхъ державъ считали необходимымъ для вѣщаго обезпеченія свободы судоходства по Дунаю проведеніе новой пограничной черты въ Бессарабіи. Въ

¹⁾ Протоколы №№ 10 и 14, отъ 18-го и 25-го марта н. ст. 1856 г.

²⁾ Протоколы: № 2, отъ 23-го февраля, № 5, отъ 6-го марта, и прилож. къ протоколу № 10, отъ 18-го марта н. ст. 1856 г.

предварительныхъ условіяхъ предполагалось провести эту черту изъ окрестностей Хотина, по горному хребту на юго-востокъ, до озера Салзыкъ. На Парижскомъ-же конгрессѣ, баронъ Брунновъ предъявилъ мемуаръ, въ которомъ доказывалъ, что какъ союзныя державы, при опредѣленіи новой границы, имѣли въ виду обезпечить свободу судоходства по Дунаю, то, для достиженія такой цѣли, достаточно провести новую границу отъ Вадули-Исаки на Прутѣ, вдоль Траянова вала, къ сѣверу отъ озера Ялпуха, при чемъ Россія уступить острова въ устьяхъ Дуная и сроетъ крѣпости Измаиль и Килию. Уполномоченные союзныхъ державъ отвѣчали, что предлагаемое разграниченіе было такъ несогласно съ основаніями переговоровъ, принятыми въ Петербургѣ и утвержденными въ Вѣнѣ и Парижѣ, что оно не могло быть предметомъ совѣщаній. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ преній, рѣшено, чтобы новая граница, начинаясь отъ берега Чернаго моря, въ разстояніи на одинъ километръ (около версты) къ востоку отъ соленого озера Бурнаса, примкнула перпендикулярно къ аверманской дорогѣ, и слѣдовала вдоль ея до Траянова вала, а потомъ прошла южнѣе Болграда, и вверхъ по рѣкѣ Ялпуху до высоты Сарацика и до Катамори на Прутѣ. Пространство земли, уступленное Россіей, присоединено къ Молдавіи ¹⁾.

IV. НЕЙТРАЛИЗАЦІЯ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Эта статья предварительныхъ условій, бывшая камнемъ преткновенія на вѣнскихъ конференціяхъ, подала поводъ къ жаркимъ преніямъ и на Парижскомъ конгрессѣ. Подъ словомъ нейтрализація представители Франціи и Англіи на вѣнскихъ конференціяхъ разумѣли совершенное исключеніе военныхъ судовъ; графъ Буль, съ своей стороны, одобрявъ это мнѣніе, полагалъ, что нельзя было надѣяться получить согласіе русскаго правительства на такую мѣру и потому о совершенномъ исключеніи военныхъ силъ на водахъ Чернаго моря не было и въ поминѣ. Мы уже видѣли, что самое ограниченіе ихъ было отвергнуто на вѣнскихъ конференціяхъ княземъ Горчаковымъ. Подобное условіе, нарушавшее право верховной власти — распоряжаться по собственному усмотрѣнію въ своихъ владѣніяхъ—было признано даже въ Англіи оскорбительнымъ для Россіи и вреднымъ для Европы. По

¹⁾ Протоколы №№ 6 и 7, отъ 8-го и 10-го марта н. ст. 1856 г.

миѣнію Кобдена: «кто требуетъ отъ русскихъ разоруженія портовъ и обязательства не строить военныхъ судовъ на Черномъ морѣ, уступку земли по Дунаю и другія подобныя тому условія, тотъ—если онъ заслуживаетъ названіе государственнаго человѣка—долженъ быть убѣжденъ, что ему придется впредь вести трехъ-лѣтнюю войну». Гладстонъ порицалъ недальновидность тѣхъ, которые хотѣли предписать Россіи унижительныя условія. «Не должно,—писалъ онъ,—вызывать мщеніе сильной державы. Когда старый Понтій-Геренній совѣтовалъ своему сыну, окружившему римскую армію въ Кавдинскихъ ущеліяхъ, отпустить либо истребить ихъ, тогда младшій Понтій, избравъ средину между этими способами дѣйствій, отпустилъ римлянъ, заставля ихъ пройти подъ игомъ: такимъ образомъ, раздраживъ непріятелей, онъ не ослабилъ ихъ могущества и въ послѣдствіи раскаялся въ томъ, что не послѣдовалъ мудрому совѣту отца своего». Сэръ Джемсъ Грегамъ, членъ министерства Абердина, одинъ изъ предложившихъ ограниченіе русскихъ военныхъ силъ на Черномъ морѣ, въ послѣдствіи увѣрялъ, что ни Франція, ни Австрія не считали за *ultimatum* такое требованіе, и что сама Англія не поставила бы поводомъ къ возобновенію войны одинъ или два русскихъ корабля сверхъ положенныхъ по трактату. Поборники же мира, Кобденъ и другіе, считали требованіе союзниковъ безразсуднымъ. «Неужели вы думаете,—говорилъ Кобденъ,—что Россія, принявъ на себя такое обязательство, будетъ держать вѣчно свое обѣщаніе?»

Само собою разумѣется, что паденіе главнаго пункта нашихъ морскихъ учрежденій—Севастополя и уничтоженіе Черноморскаго флота облегчили переговоры по предмету нашего разоруженія въ Черномъ морѣ. Терять намъ было нечего и дѣло шло только о томъ—будемъ-ли мы вновь сооружать вѣрности и строить корабли? Отказываясь отъ несомнѣннаго права, мы предоставили времени отміну этого условія.

По обсужденіи нейтрализаціи Чернаго моря, предложены были графомъ Валевскимъ и приняты представителями всѣхъ державъ слѣдующія условія: во 1-хъ, чтобы Черное море было открыто для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ, но чтобы входъ въ оное былъ формально и навсегда воспрещенъ военнымъ судамъ, какъ прибрежныхъ, такъ и всѣхъ прочихъ державъ, съ тѣми только исключеніями, которыя будутъ постановлены въ настоящемъ договорѣ, и во 2-хъ, какъ, по объявленіи Чернаго моря

нейтральнымъ, содержаніе или учрежденіе на берегахъ онаго морскихъ арсеналовъ не имѣеть цѣли, то російское и турецкое правительства обязуются не заводить и не оставлять на сихъ берегахъ никакого военно-морского арсенала.

Графъ Кларендонъ поставилъ на видъ, что Россія имѣеть въ Николаевѣ большой судостроительный арсеналь, котораго сохраненіе противорѣчило-бы основаніямъ нейтрализаціи Чернаго моря. Какъ этотъ арсеналь находится не на самомъ берегу моря, то представитель Англии, устраняя вопросъ о разрушеніи тамошней верфи, ограничился замѣчаніемъ, что если-бы Николаевъ остался по прежнему главнымъ пунктомъ морскихъ сооруженій, то общественное мнѣніе приписывало-бы русскому правительству намѣренія, несогласныя съ условіями настоящаго договора.

Графъ Орловъ отвѣчалъ, что «его Августѣйшій Монархъ, принявъ прямодушно мирныя предложенія, твердо рѣшился исполнить въ точности всѣ сопряженныя съ ними обязательства; но, какъ Николаевъ лежитъ вдали отъ морскаго берега, то чувство собственнаго достоинства не дозволить Россіи распространить внутрь имперіи условіе, относящееся исключительно къ побережью. Къ тому-же, охраненіе и надзоръ береговъ требуютъ, какъ уже признано, содержанія въ Черномъ морѣ нѣкотораго числа легкихъ судовъ, и если-бы мы отказались отъ сохраненія Николаевской верфи, то были-бы принуждены завести подобныя-же постройки на какомъ-либо другомъ пунктѣ нашихъ южныхъ владѣній. Для соглашенія-же принятыхъ на себя обязательствъ съ потребностями морской службы, Государь Императоръ намѣренъ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ Николаевѣ строились только военныя суда, упоминаемыя въ условіяхъ настоящаго договора».

Уполномоченный Великобританіи и, за нимъ, всѣ прочіе признали это объясненіе удовлетворительнымъ.

На вопросъ графа Кларендона графу Орлову, согласенъ-ли онъ внести въ протоколъ свое объявленіе, нашъ уполномоченный отвѣчалъ утвердительно, присовокупивъ, что Государь Императоръ, въ доказательство искренности своихъ видовъ, поручилъ ему просить о свободномъ пропускѣ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы двухъ единственныхъ линейныхъ кораблей, находящихся въ Николаевѣ, которые, по заключеніи мира, должны отплыть въ Балтійское море ¹⁾.

На слѣдующемъ совѣщаніи графъ Кларендонъ обратился къ графу Орлову съ вопросомъ: относится-ли сдѣланное имъ объявленіе также къ Херсону и Азовскому морю? Представитель Россіи отвѣчалъ, что Азовское море, точно также какъ и Ни-

колаевъ, не входитъ въ условія, принятыя нашимъ правительствомъ, и что линейные корабли не могутъ плавать въ этомъ морѣ; что, впрочемъ, Россія, исполняя въ точности принятыя ею на себя обязательства, не будетъ строить ни на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, ни на притокахъ ихъ, никакихъ военныхъ судовъ, кромѣ тѣхъ, которыя допущены условіями настоящаго договора ²⁾).

На одномъ изъ предшествовавшихъ совѣщаній, графъ Валевскій напомнилъ, что Россія возвела на восточномъ берегу Чернаго моря нѣсколько фортовъ, изъ коихъ нѣкоторые были нами взорваны, и что слѣдовало-бы условиться по этому предмету. Графъ Кларендонъ, основываясь на нейтрализаціи Чернаго моря, старался доказать, что не слѣдовало возстановлять эти форты. Представители Россіи, не соглашаясь на то, поставили на видъ различіе, существующее, по ихъ мнѣнію, между фортами и морскими арсеналами. Затѣмъ, дальнѣйшее обсужденіе этого предмета было оставлено ³⁾).

Трактатъ о заключеніи мира между Россіею и Портою съ ея союзниками былъ подписанъ 18-го (30-го) марта 1856 года, въ годовщину сдачи Парижа, сообразно съ желаніемъ Наполеона III, искавшаго, по возможности, всякихъ случаевъ заглушить воспоминанія невзгодъ своей династіи свѣжими успѣхами. Въ тотъ же день продолжено перемиріе и подписаны конвенціи: 1) касательно проливовъ Дарданелль и Босфора; 2) о русскихъ и турецкихъ военныхъ судахъ въ Черномъ морѣ, 3) объ Аландскихъ островахъ.

Такъ окончилась наиболѣе стоявшая въ новѣйшее время людьми и средствами восточная война. Она изгладила слѣды священнаго союза, возвысила вліяніе Франціи на дѣла Европы и ввела Турцію въ ареопагъ державъ европейскихъ. Но едва прошло нѣсколько лѣтъ, какъ исчезли всѣ послѣдствія войны. Согласіе трехъ сѣверо-восточныхъ имперій оказалось необходимымъ для сохраненія общаго мира; Франція дорого поплатилась за эфемерные успѣхи своего властителя; а Турція, всемирно уклонявшаяся отъ вліянія Россіи, попала подъ опеку нѣсколькихъ державъ, которая едва-ли можетъ спасти ее отъ разрушенія—неизбѣжнаго слѣдствія внутреннихъ неустройствъ и безпорядковъ. Восточный вопросъ—вопросъ времени: его развязку можно отсрочить, но устранить ее—нието не въ силахъ.

М. И. Богдановичъ.

¹⁾ Протоколъ № 4, отъ 4-го марта н. ст. 1856 года.

²⁾ Протоколъ № 5, отъ 6-го марта н. ст. 1856 г.

³⁾ Протоколъ № 3, отъ 1-го марта н. ст. 1856 года.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Старинный колоколь въ Полтавѣ.

Въ началѣ апрѣля 1876 г., снятъ былъ со 2-го этажа колокольни соборной кафедральной церкви въ Полтавѣ колоколь, висѣвшій тамъ безъ употребленія по причинѣ продольной трещины—сверху до низу—давно въ немъ произведенной временемъ, или неосторожностію; въ тридцатыхъ годахъ я еще помню звучный бой этого колокола, къ которому примѣненъ былъ часовой механизмъ, и теперь находящійся въ 3-мъ этажѣ колокольни. Колоколь этотъ снятъ съ цѣлю перелить его въ другой—такого же размѣра и вѣса. Въ немъ оказалось 160 пудовъ вѣсу; но самое замѣчательное—это древность колокола, ясно указанная въ нижеслѣдующихъ надписяхъ на немъ. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней формѣ колокола.

Сверху и внизу колоколь украшенъ рельефной гирляндой изъ листьевъ, на верхнемъ вѣнцѣ надпись славянскими литерами: роуѣ ѿхчѣ (1695) мѣа новемрѣа а (6) дня; затѣмъ, на средней части колокола, съ одной стороны въ овальномъ кружкѣ съ украшеніями—изображеніе (осьмиконечнаго) креста, а съ противоположной стороны—изображеніе въ такомъ же кружкѣ Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ; на 3-й сторонѣ гербъ, изображающій въ щитѣ: руку, протянутую къ верху и держащую стрѣлу, а внизу сердце съ осьмиконечнымъ крестомъ въ срединѣ; сверху герба корона дворянская или въ родѣ такой; на противоположной гербу сторонѣ—надпись силлабическими стихами, церковными литерами, съ титлами и прочее, слѣдующаго содержанія:

Въ року тысяча шестьсотъ девять десять пятомъ,
По славномъ Кизикерменѣ отъ христіанъ взятомъ,
Въ царство Россійскихъ царей Петра, Іоанна,
За гетманство Мазепы Богомъ дарованна,
Сооруженъ есть звонъ сей къ Божіей славы,

До храму Успенія въ городѣ Полтавѣ
 Изъ штукъ съ Кизикерменскихъ армативъ злобычныхъ,
 Съ придатками матерій до звона приличныхъ.—
 Къштомъ его милости войска Полтавка вожа,
 Павла Семеновича Украины отрожа.

Внизу колокола: «Дѣлалъ Аѳанасій Петровъ».

Эта надпись показываетъ, что колоколь вылитъ изъ пушекъ, взятыхъ изъ крѣпости Кизикерменской съ добавленіемъ серебра, котораго, по преданію, полагаютъ до 27-ми пудовъ, и жертвователемъ могъ быть полковникъ полтавскій Павелъ Семеновичъ Палій—сынъ знаменитаго Семена Палія, и что въ 1695 г. церковь Успенская въ Полтавѣ уже существовала; она показана и на планѣ города Полтавы 1709 г., деревянная. Каменная же съ колокольней въ 3 яруса выстроена въ 1770 г. княземъ Долгоруковымъ Крымскимъ, котораго гербы, подъ мѣстными иконами, и портретъ въ ризницѣ хранятся. Жаль очень, если духовное мѣстное начальство перельетъ колоколь, не сохранивъ его надписи, хотя мы слышали будто хотятъ поставить колоколь на пьедесталѣ за оградой церковной, въ видѣ памятника мѣстной старины. Мысль прекрасная.

Примѣчаніе. Дѣйствительно ли пожертвователъ колокола былъ Павелъ Семеновичъ Палій, я не могу сказать утвердительно; можетъ быть, это Павелъ Семеновичъ Гердицъ; въ 1695 г. сынъ Палія едва ли могъ участвовать въ походѣ съ своимъ казачьимъ полкомъ, — и у Маркевича упоминается за 1695 г. участіе Лубенскаго полка при побѣдѣ у Кизикермена, а о Полтавскомъ не говорится; притомъ, если Семенъ Палій, хотя въ глубокой старости, участвовалъ въ полтавской битвѣ въ 1709 г., то сынъ его въ 1695 г. едва ли занималъ постъ полтавскаго войска вожа; впрочемъ, разница лѣтъ не большая—14. Могло быть и такъ.

Сообщ. С. П. Стеблинъ-Каменскій.

Полтава.

Вещи Петра Великаго

въ Екатеринентадьскомъ дворцѣ, въ Ревелѣ.

1795 г.

Помѣщаемый ниже „Реэстръ разнымъ вещамъ и мебели“, оставшимся послѣ Петра Великаго, найденъ мною въ архивѣ канцеляріи эстляндскаго губернатора. „Реэстръ“ составленъ въ 1795 г., при сдачѣ Екатеринентадьскаго Ревельскаго дворца, архитекторомъ Шульцомъ. Насколько извѣстно, петровскія вещи, находящіяся теперь въ Екатеринентадьскомъ дворцѣ, сохранились, даже и противъ описи 1795 года, не всѣ, да и сохранившіяся весьма ветхи. Между тѣмъ,

онѣ не лишены интереса, какъ наглядныя доказательства простоты обстановки частной, домашней жизни Преобразователя Россіи.

В.

„Реестръ разнымъ вещамъ и мебелимъ вѣчной славы достойныя и блаженныя памяти его императорскаго величества Петра Перваго, состоящимся при Ревельскомъ Екатерининдальскомъ дворцѣ, а именно:

Кровать столярная еловая; къ оной имѣется въ половину вокругъ подзоръ тафтяной струйчатой.

Завѣсъ тафтяной струйчатой.

Которые подзоръ и завѣсъ вовсе извѣтшали, такъ что и дотронуться невозможно.

Тюфяковъ бумажныхъ вѣтхихъ 2, изъ конхъ на одномъ наволочка камчатная красная, вѣтхая, въ дырахъ.

Подушекъ на нихъ наволочки камчатныя красныя 2. Извѣтшали, такъ трухлы, что въ рукахъ рассыпаются.

Тюфякъ походной бумажной, покрытый полосатою шелковою матеріею вѣткою. Къ нему подушекъ 3. На нихъ наволочки полосатыя шелковой матеріи и на всѣхъ оныхъ матерія — такъ извѣтшала, что дотронуться не можно.

Одѣяло штофное подбито камкою красною, ссекшися, съ дырами.

Другое одѣяло штофное, на бумагѣ стеганное, подбито камкою красною-жъ, также вѣткое, ссекши, съ дырами.

Шлафрокъ штофной, подбитъ бенберикомъ осиновымъ, вѣтхой, съ дырами, полосатой.

Туфли сафьянныя старыя 1 пара.

Креслы, обиты сукномъ краснымъ темнымъ, а сукно молемя съѣдено, все въ дырахъ, вокругъ вѣткое, съ гарусною бахромою 1.

Креслы, обиты краснымъ трикомъ, молемя съѣдено, въ дырахъ, цвѣтомъ поблѣднѣвши, 1.

Зеркаловъ въ позолоченныхъ рамахъ 2 большихъ; 2 маленькихъ, въ оныхъ ртуть поблѣжавши.

Стульевъ, покрытыхъ зеленымъ камлотомъ, 12 штукъ.

Кровать другая, со всѣмъ приборомъ, обита парчею шерстяною, и отъ моля и отъ мышей верхній подзоръ поѣденъ. Постеля большая, на ней наволочка камчатная зеленая; у наволочки въ ногахъ уголь попорченъ и совсѣмъ извѣтшала 1.

Бумажникъ стеганой бѣлой 1.

Подушекъ пуховыхъ съ наволочками камчатными вѣтхими 3. Безъ наволочекъ большихъ 2.

Попонъ большихъ бѣлыхъ байковыхъ 2. Онне попоны во многихъ мѣстахъ поѣдены молью.

Туфли сафьянные красные, поѣдены мышами, пара.

1 столъ большой круглой.

1 столъ четырехугольный съ выдвижными досками.

2 большіе шкапы съ зеркальными стеклами.

1 угольный маленькой шкафъ съ зеркальнымъ стекломъ, на простыхъ ножкахъ“.

Ревель.

Сообщилъ Волжовъ.

Увѣщаніе Вятскаго епископа во время пугачевщины.

1774 г.

Привожу на страницахъ „Русской Старины“ пастырское увѣщаніе епископа вятскаго и великопермскаго къ народу своей епархіи, найденное мною въ архивѣ Слободской Срѣтенской церкви; оно написано Вареоламомъ епископомъ, по поводу пугачевщины. Увѣщаніе отъ слова до слова таково:

„Краткое увѣщаніе преосвященнаго вятскаго и великопермскаго къ народу своей епархіи.

Божіею милостію азъ смиренный Вареоламей епископъ вятскій и великопермскій.

Небезызвѣстно есть всякому вѣрнопопданному ея императорскаго величества рабу, что въ предѣлахъ оренбургскихъ, не далече отъ нашея епархіи, открылся нѣкій извергъ рода человѣческаго, лютый звѣрь и всеядовитый...¹⁾ расколническихъ скитовъ въ наши границы перешедши, снѣдающій единовѣрныхъ нашихъ и кожи до костей сдирающій, врагъ и нарушитель всеобщаго спокойствія и тишины, и явный клятвопреступникъ, донской казакъ расколникъ Емельянъ Пугачевъ, который, Бога не бояся и людей не срамляся, къ такому пришель безумію и слѣпотѣ, что дерзнулъ ложно и противу сожженной совѣсти своей принять на себя имя бывшаго императора Петра Третьяго, котораго смертная кончина не только всей Россіи, но и всему умному свѣту уже давно извѣстна, и тѣмъ своимъ бѣснованіемъ и коварнымъ прельщеніемъ уловляетъ въ свою душепагубную... и приводитъ въ развратъ малосмысленныхъ людей, льстецъ оный, лжеименный Петръ, не мало поколебалъ благосостояніе и тишину нашего отечества, разорвалъ многихъ союзъ вѣрности къ своей законной самодержицѣ, сдѣлалъ раздоръ и несогласіе между російскимъ на-

¹⁾ Одно слово не могъ разобрать.

родомъ, и къ своей сторонѣ легковѣрныхъ и непросвѣщенныхъ, и такихъ же, каковъ самъ, окаянныхъ сумазбродовъ, бѣглецовъ, воровъ и бродягъ не малую часть, аки змій оный апокалиптическій, хоботомъ своимъ отъ законнаго законной своей государынѣ повиновенія отторже и тѣмъ себя и своихъ проклятыхъ и богоненавистныхъ сообщниковъ страшному Божиюму и вышесонаршему подверже суду и гнѣву.

Того ради азъ, смиренный епископъ вятскій и великопермскій, въ отвращеніе сего толкаго всеобщаго зла, всякаго изъ васъ, возлюбленніи мои о Христѣ Господѣ чада, Божиими и матерними всемилостивѣйшей нашея государыни щедротами, молю и богомольчески прошу: не присоединяйтесь сего въ вѣчныя роды проклятаго самозванца богопротивнаго соборищу, ниже будете аки трость вѣтромъ колеблема, но стойте твердо и непоколебимо, и будите вѣрны до смерти къ своей законной государынѣ, опасаяся за клятвopреступленіе и за нарушеніе вѣрности какъ отъ церкви нашея святая вѣчнаго проклятiя, такъ и отъ Господа Бога во второе будущее Сына Божiя въ мiръ пришествіе грознаго и неизбѣжнаго истязанiя, и для того смотрите всякъ всеприлежно чего отъ васъ требуетъ долгъ клятвенныя вашей присяги. Мы оною все безъ изъятiя обязаны служить ея императорскому величеству вѣрно, даже до самаго смерти, не щадя въ противномъ случаѣ за честь, за имя и за высочайшую ея особу и самаго дражайшаго живота своего, аще убо когда, то наипаче въ сіе время, покажите вы клятвы вашей плоды достойны и докажите въ семъ случаѣ вѣрностію своею то, что вы не словомъ, но и самымъ дѣломъ истинніи россійскіе сынове и вѣрноприсяжные ея величества рабы, чѣмъ заслужите не токмо себѣ, но и потомкамъ вашимъ отъ Бога благословеніе Божіе, а отъ ея императорскаго величества, всемилостивѣйшія нашея государыни, матернюю любовь и милость.

Въ семъ твердо увѣряя всехъ васъ, словеснаго стада Христова овцы, пастырь вашъ, именованный Варсоломей, епископъ вятскій и великопермскій, проситъ и молить Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ. Аминь“.

Сообщ. Вятской губ., города Слободскаго Срѣтенской церкви священникъ Димитрій Бобровскій.

ПАВЕЛЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ПЕТРОВЪ,

профессоръ-оріенталистъ.

7-го сентября 1875 года скончался въ Москвѣ, на 64-мъ году отъ рожденія, профессоръ тамошняго университета, Павелъ Яковлевичъ Петровъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ ориенталистовъ, глубокій знатокъ персидскаго, санскритскаго, арабскаго и многихъ другихъ языковъ, древнихъ и новыхъ. Сколько именно языковъ было ему извѣстно и въ какой степени, этого, мнѣ кажется, никто опредѣленно не знаетъ. Петровъ былъ человекъ скромный, притомъ весьма необщительный, бирюкъ, къ которому подойти было довольно трудно. Онъ никогда ничѣмъ не хвалился, тѣмъ болѣе своими знаніями; рѣдко говорилъ съ кѣмъ-нибудь о своихъ ученыхъ занятіяхъ, предпріятіяхъ; въ обществѣ не являлся, а если являлся, то на самое короткое время, сидѣлъ какъ на иголкахъ, говорилъ отрывочныя фразы и думалъ только о томъ, какъ-бы удрать домой, къ своимъ Рамаианамъ. Принималъ гостей также очень рѣдко. Онъ оживлялся, былъ натураленъ, единственно съ людьми своей профессіи. А ихъ немного — unus et alter erat... Нравственная чистота его была необыкновенная. Это былъ кристалъ самой чистой воды, бѣлый, какъ снѣгъ, лотосъ, воспѣваемый пѣвцами Индустала. Онъ всю жизнь чего-то искалъ и все шелъ по „своей“ дорогѣ впередъ, и все жаловался; ему все чего-то не доставало. Этотъ лотосъ отцвѣлъ какъ-то тихо и безвѣстно. Объ немъ очень мало говорили. Весьма немногіе знали объ его глубокихъ, рѣдкихъ свѣдѣніяхъ въ восточныхъ языкахъ. Теперь немногіе помнятъ даже его имя. Я считаю нелишнимъ рассказать объ этомъ любопытномъ, честномъ служителѣ науки все, что знаю, хотя наблюдалъ его, къ сожалѣнію, весьма недолго.

Въ 1850-хъ годахъ я задумалъ изданіе „Пѣсень разныхъ народовъ“, куда входилъ до нѣкоторой степени и восточный отдѣлъ, именно пѣсни: арабскія, персидскія и татарскія. Въ началѣ-же я хотѣлъ непременно поставить что-нибудь санскритское. Такъ какъ при переводѣ каждаго отдѣла пѣсень я совѣтовался съ лучшими, по возможности, знатоками языковъ, его составлявшихъ, то мнѣ нуженъ былъ знатокъ и по восточному отдѣлу, съ кѣмъ-бы я могъ пройти подробно подлинникъ, знакомясь со всѣми особенностями, подмѣчая всевозможныя отгѣнки и переливы стиховъ, звуковъ, рѣимъ, словомъ, все, что я считалъ необходимымъ знать. Мой неизмѣнный помощникъ

по этой части, К. А. Коссовичъ, переѣхалъ уже въ то время въ Петербургъ. Въ Москвѣ оставался изъ извѣстныхъ мнѣ ориенталистовъ одинъ Петровъ. Я рѣшился идти къ нему прямо и просить помощи.

Петровъ жилъ, какъ всегда, на краю города: въ глухомъ переулкѣ, безъ мостовой, близъ Дѣвичьяго поля, въ очень укромной квартирѣ, состоявшей изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, считая и переднюю. Одну, послѣднюю, занималъ онъ; двѣ остальные принадлежали его семейству: престарѣлой матери, считавшей себя тогда за 90 лѣтъ, и двумъ сестрамъ, немолодымъ дѣвицамъ. Самъ Петровъ могъ имѣть въ то время съ чѣмъ-нибудь 40 лѣтъ.

Но застать его послѣ обѣда было очень трудно. Когда я позволилъ, за дверями, выходящими на улицу, на песокъ по колѣно, зашмуригалъ толстый засовъ, цѣлое бревно, едва въ подъемъ человѣку, придуманное для запора дверей цѣлымъ семействомъ, изъ страха отъ воровъ, о которыхъ они безпрестанно говорили. Засовъ отодвигался босой кухаркой, деревенской бабой въ сарафанѣ и платкѣ, исполнявшей вмѣстѣ съ тѣмъ и роль служанки. Въ отсутствіе ея, это дѣлала которая-нибудь изъ сестеръ Петрова, не то онъ самъ. Въ отсутствіе всѣхъ, засовъ отодвигала, съ трудомъ съ нимъ справляясь, девяностолѣтняя старуха-мать, вѣчно бывшая дома, по причинѣ старости и слѣпоты: у нея былъ катарактъ на обоихъ глазахъ, который потомъ сняли въ Московской городской больницѣ. Петровъ и сестры его посуточно навѣщали въ это время свою мать, раздѣливъ сидѣнія при ней на три равныя части. Сидѣнія полтора мѣсяца въ совершенно темной комнатѣ! Однако и послѣ этого старуха видѣла плохо.

Я спросилъ, когда двери съ замѣтнымъ страхомъ были отворены служанкою: „дома-ли Павелъ Яковлевичъ?“ Она отвѣчала: „дома“. Меня пригласили въ первую комнату и просили подождать. Павелъ Яковлевичъ никого не принималъ въ халатѣ не только въ первый разъ, но и послѣ близкаго знакомства. Онъ всегда бросался одѣваться въ единственный, какъ кажется, имѣвшійся у него неформенный костюмъ: зеленый сюртукъ, и устраивалъ гребешкомъ, передъ небольшимъ зеркальцемъ, на головѣ, съ лѣвой стороны, какой-то хохолокъ, въ видѣ локона.

Петровъ вышелъ ко мнѣ въ приемную комнату и, выслушавъ, что мнѣ нужно, просилъ къ себѣ въ кабинетъ: квадратную комнату среднихъ размѣровъ, шаговъ 7—8 длины и столько-же ширины, всю заставленную шкапами съ книгами, которыя кромѣ того лежали на столахъ, на стульяхъ и на полу. Нечего говорить, что большинство ихъ „не при насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, было писано“.

Петровъ съ удовольствіемъ изъявилъ готовность помогать мнѣ въ

моемъ дѣлѣ и, скажу болѣе, сразу полюбилъ меня. Все время нашего знакомства, до крымской кампаніи и потомъ лѣтъ около пяти, я пользовался его расположеніемъ и могъ брать изъ сокровищницы его знанія все, что мнѣ вздумается, соблюдая, конечно, нѣкоторую умѣренность и осторожность. Я скоро увидѣлъ, что Петровъ былъ одинъ изъ людей, которымъ достаточно сказать о чемъ-либо разъ и если они обѣщали сдѣлать, — будьте благонадежны, это сдѣлается непременно, только не толкайте, не торопите.

Я сталъ къ нему ходить, обыкновенно вечерами, довольно часто, и бесѣдовать о разныхъ вопросахъ по части восточныхъ и другихъ интересовавшихъ меня языковъ. Петровъ былъ съ этой стороны неисчерпаемая пучина. Мнѣ случалось до него прибѣгать за разрѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ къ разнымъ лицамъ: большинство не всегда отвѣчало немедленно, ясно и точно. Съ Петровымъ этого почти не случалось. На все у него находилъ, болѣею частію, ту же минуту самый точный и опредѣленный отвѣтъ. Въ особенности поражалъ онъ меня, читая древне-арабскія пѣсни Хамасы¹⁾, какъ мы читаемъ развѣ только стихотворенія родныхъ современныхъ поэтовъ. Специально заниматься пѣснями Хамасы Петровъ не имѣлъ никакой надобности, равно не могъ знать, что именно я открою передъ нимъ въ этомъ огромномъ сборникѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросы мои относительно пѣсень Хамасы постоянно заставляли его въ-распlochъ. Санскритскія его свѣдѣнія были мнѣ менѣе извѣстны. Онъ не только зналъ санскритскій языкъ, какъ профессоръ, обязанный преподавать его на кафедрѣ, — онъ развилъ въ себѣ такія стороны знанія этого языка, такую практику, о которой рѣшительно никто не заботится, какая составила-бы роскошь для любого Боппа: Петровъ говорилъ и писалъ по-санскритски, какъ-бы на живомъ языкѣ, и переводилъ на него Байрона, стараясь болѣе или менѣе выискивать, а иногда и создавать размѣры, которые-бы шли къ переводу новаго поэта на языкъ самыхъ отдаленныхъ нашихъ предковъ. Гдѣ эти переводы? Отчего-бы ихъ не напечатать? Вѣдь это наша слава.

Когда я сталъ издавать мою книгу „Пѣсни разныхъ народовъ“, въ 1853 г., *texte en regard*, — санскритскаго шрифта не случилось ни въ одной московской типографіи. Выписывать этотъ шрифтъ для одного гимна, который я помѣстилъ въ началѣ книги, не стоило. Петровъ вызвался написать подлинный текстъ гимна литографиче-

¹⁾ Хамаса, значить по-арабски доблесть. Такъ назвалъ свой сборникъ древнихъ бедуинскихъ пѣсень арабъ Абу-тэмамъ, жившій въ IX-мъ вѣкѣ. Онъ изданъ, въ Боннѣ, въ 1828 году, Фрейтагомъ, *in octavo*, подъ названіемъ: *Hamasa e Cumino*.

скими чернилами и исполнилъ это весьма удачно, не позволивъ однако сказать объ этомъ въ примѣчаніяхъ, а равно и обо всемъ его участіи въ изданіи. Вотъ почему я говорю объ этомъ только теперь. Безъ Петрова было-бы для меня затруднительно печатаніе многого, между прочимъ татарскихъ пѣсень, взятыхъ не изъ книги, а спѣтыхъ татаринномъ Назарычемъ, котораго я привелъ къ Петрову съ улыбки.

Персидскія пѣсни сообщили мнѣ всѣ до одной Петровъ. Онъ зналъ по-персидски, какъ персіанинъ, и самъ говорилъ мнѣ не разъ, что „персидскій языкъ знакомъ ему, какъ кажется, болѣе другихъ“. По-персидски онъ не только говорилъ, но и писалъ, и пѣлъ, и молился. Сближаясь со мною, Петровъ, однажды, въ хорошемъ расположеніи духа, посвятилъ меня въ тайны своихъ персидскихъ свѣдѣній: затягивалъ заунывную персидскую пѣсню, сидя на корточкахъ; раскладывалъ коранъ и молился, качаясь въ обѣ стороны, направо и налево, и закрывая глаза.

Преслѣдованіе самаго глубокаго знанія языковъ у Петрова шло всегда рядомъ съ тончайшимъ изученіемъ способа писанія того или другаго народа. На это онъ употреблялъ очень много времени, въ своемъ аскетическомъ уединеніи, за толстымъ засовомъ. Когда Петровъ писалъ по-персидски, никакой персіанинъ не могъ сказать, что это писалъ „не-персіанинъ“. Если писалъ по-турецки, по-арабски — это было дѣйствительно по-турецки и по-арабски, со всевозможными тонкостями. Разумѣется, онъ употреблялъ при этомъ каламъ, т. е. извѣстнаго рода тростникъ, а не перо, ибо перомъ надлежащимъ образомъ на этихъ языкахъ не напишешь. Онъ-же написалъ для меня и калмыцкую пѣсню, которую потомъ вырѣзали на деревѣ. Переводъ этой пѣсни, слово-въ-слово, съ соблюденіемъ всѣхъ грамматическихъ формъ, въ примѣчаніи, сдѣланъ также Петровымъ, не позволившимъ, какъ я уже сказалъ, огласить этого въ печати. Его имя упомянуто мною въ примѣчаніяхъ только разъ, и то я съ трудомъ выпросилъ. Чтобы кончить обо всемъ, чѣмъ онъ былъ мнѣ полезенъ въ сказанномъ изданіи, я долженъ упомянуть, что и Басская пѣснь сообщена и переведена имъ-же. При этомъ можно замѣтить о другой чертѣ Петрова: объ его консерватизмѣ и необыкновенномъ смиреніи передъ существующимъ порядкомъ вещей; онъ передалъ мнѣ не всю пѣсню: остался еще одинъ ироническій куплетъ „о жандармахъ“. Никакія мои просьбы не въ состояніи были исхитить у него этого куплета, даже одного подлинника, безъ перевода.

Мнѣ хотѣлось имѣть нѣсколько китайскихъ пѣсень, разумѣется, какъ и всѣ прочія, въ подлинникѣ, чтобы напечатать *texte en regard*.

Петровъ обѣщалъ мнѣ устроить это дѣло, когда будетъ знать по китайски какъ слѣдуетъ и будетъ владѣть нѣсколькими кистями и тушью несомнѣнно китайскаго происхожденія.

— Да развѣ обыкновенными кистями писать по китайски нельзя? спросилъ я.

— „Нельзя“, отвѣчалъ онъ.

— Ну, полноте! Пойдемте по лавкамъ и я вамъ куплю.

Пошли по лавкамъ, выбирали, выбирали,—такъ ничего и не выбрали. Я написалъ къ пріятелю, на китайскую границу, и онъ выслалъ мнѣ кистей и туши несомнѣнно китайскихъ. Прибытіе этого добра было для Петрова истиннымъ праздникомъ. Онъ тутъ же сѣлъ и записалъ, держа кисть (длинную, въ довольно толстомъ тростникѣ, какъ карандашъ) особеннымъ китайскимъ способомъ, до того для насъ неудобнымъ, что, когда я бралъ кисть такимъ образомъ, она у меня вываливалась, но у Петрова, уже не мало упражнявшася въ китайскомъ писаніи, держалась крѣпко.

Въ короткое время китайское писаніе и знаніе языка у Петрова подвинулось значительно впередъ. Однажды онъ прочиталъ мнѣ экспромтомъ и перевелъ длинную надпись на китайскомъ вѣерѣ, который мнѣ откуда-то достался. Безъ сомнѣнія, онъ устроилъ-бы для меня и китайскую пѣсню и написалъ бы ее, какъ санскритскую; литографическими чернилами, но нѣкоторые обстоятельства насъ разлучили навсегда. Я уѣхалъ изъ Москвы и болѣе не видалъ Павла Яковлевича. Думаю, что такъ, какъ я, сближались съ нимъ не очень многіе. Малѣйше неловкій подходъ къ этому оригиналу — и все разстраивалось. Разъ П. М. Леонтьевъ прислалъ къ нему что-то такое, кажется, на санскритскомъ языкѣ, прося товарищеской помощи: растолковать, объяснить. Куда! Петровъ грубо отослалъ назадъ, безъ всякаго отказа, или отвѣтивъ, что „ему некогда заниматься такимъ вздоромъ“. Богъ знаетъ почему и какъ представилось ему, что имъ „помыкаютъ, командуютъ“. Онъ мнѣ горько жаловался на это и я никакъ не могъ убѣдить его, что никакого помыканія тутъ нѣтъ и не было.

Были личности, которыхъ Петровъ не переваривалъ. Сближать его съ ними было-бы совершенно наирасно. Вѣроятно, какія нибудь „подобныя причины“ мѣшали довольно долго магистерскому и докторскому экзамену Петрова. Ректоръ Казанскаго университета (гдѣ Петровъ началъ свою службу, преподаваніемъ англійскаго языка!) рассказывалъ мнѣ, что онъ никоимъ образомъ не могъ умолить Петрова соблюсти „форму экзамена безъ всякаго экзамена“: нужно было только написать какую-то бумагу. Петровъ обѣщалъ написать и не

писалъ. Однажды ректоръ, придя къ нему на домъ, кое-какъ настоялъ на томъ, что бумага была написана. Петровъ вручилъ ее ректору и самъ сталъ ходить безповойно по комнатѣ, потомъ потребовалъ бумагу для просмотра и, вмѣсто просмотра, изорвалъ ее въ мелкіе клочки.

На казанскій климатъ и на жизнь тамъ (да, кажется, и вездѣ) онъ постоянно жаловался, чуть-ли не по той простой причинѣ, что пигдѣ не могъ уладить жизни надлежащимъ образомъ, не нуждаться хоть въ самомъ главномъ: въ средствахъ на выписку книгъ. Просить, лазить, добиваться помощи у правительства или у частныхъ лицъ онъ не умѣлъ. Не такой былъ человѣкъ.

Всѣхъ новыхъ знакомствъ, особенно въ домахъ, гдѣ бывало много людей, Петровъ всемирно избѣгалъ. Ему было вездѣ, кромѣ дома, какъ-то не по себѣ. Однажды А. Э. Вельтманъ, узнавъ о моихъ сношеніяхъ съ Петровымъ, сталъ просить меня привести его къ нему какъ нибудь вечеромъ, говоря, что они давно знакомы.

Я передалъ это Петрову. Онъ отвѣтилъ сомнительнымъ тономъ: „пожалуй, какъ-нибудь сходимъ!“ но собирался очень долго; наконецъ, надѣвъ свой зеленый сюртукъ, двинулся со мною вмѣстѣ къ Шокрову въ Левшинъ, въ извѣстный домъ дворцовой конторы, гдѣ жилъ тогда Вельтманъ, какъ директоръ Оружейной палаты. Петровъ шагаль довольно живо, какъ-бы немного рисуясь и молодясь, точно мы шли на непріятельскую батарею. Въ это время пришло ему въ голову рассказать мнѣ, что „въ молодости онъ былъ преотчаянный, любилъ испытывать природу и прострѣлилъ себѣ руку изъ пистолета... Одно мнѣ не далось: женщины! Онѣ всегда меня терпѣть не могли!“

У Вельтмана, гдѣ собралась кучка разнообразнаго народу, между прочимъ, нѣсколько убогихъ генераловъ, до которыхъ Вельтманъ былъ большой охотникъ,—Петровъ не зналъ, какъ сѣсть и что говорить, и обрадовался какъ дитя, когда можно было взять шапку и маршировать домой.

Какъ преподаватель языковъ, Петровъ былъ нетерпѣливъ, рвался впередъ, не заботясь о томъ, понято или не понято прочитанное передъ тѣмъ. Онъ какъ будто сравнивалъ постоянно своихъ слушателей съ самимъ собою. Ему казалось, какъ не понять, когда это такъ просто..

Н. В. Вергъ,

Конкурсная программа Комитета Грамотности на составленіе книги о Петрѣ Великомъ для народнаго чтенія.

(Утверждена 16-го марта 1876 года).

I. Книга о Петрѣ Великомъ, предназначенная Комитетомъ Грамотности для народнаго чтенія, должна быть составлена по новѣйшимъ изслѣдованіямъ и по источникамъ наиболѣе достовѣрнымъ и наиболѣе провереннымъ историческою критикою.

II. Въ книгѣ своей авторъ долженъ наглядно, фактически и умѣстно выяснить читателю особенно тѣ побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ Петръ Великій совершалъ свои реформы въ области государственной и общественной.

III. Представляя Петра Великаго какъ реформатора, составитель книги долженъ обратить особое вниманіе на дѣятельность его какъ, учителя и воспитателя русскаго народа.

IV. Изъ государственныхъ и административныхъ реформъ Петра Великаго конкурентъ обязанъ остановиться преимущественно на тѣхъ реформахъ его, практическая и цѣлесообразная польза которыхъ обнаружилась или при жизни преобразователя, или въ послѣдствіи и никакъ въ наукѣ не оснаивается. При чемъ составитель книги долженъ обстоятельно объяснить читателю, въ чемъ именно заключалась та или другая изъ указанныхъ имъ реформъ, какую цѣль въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду преобразователь, какія препятствія (если таковыя были) встрѣчалъ онъ при ея осуществленіи; наконецъ, конкурентъ обязанъ указать также, въ чемъ и какъ иногда обнаружилась польза отъ той или другой реформы.

V. Необходимо также представить читателю и то, какъ Петръ Великій относился къ естественнымъ богатствамъ Россіи, какія средства онъ употреблялъ для того, чтобы извлечь изъ нихъ пользу для общества и государства и, наконецъ (и это главное), какимъ успѣхомъ еще при жизни преобразователя увѣнчались его старанія въ этомъ отношеніи.

VI. Говоря о Петрѣ Великомъ какъ о человѣкѣ, конкуренту слѣдуетъ обратить вниманіе на всю обстановку жизни и дѣятельности преобразователя,—на его одежду, жилище, образъ жизни, на его увеселенія, на его отношенія къ разнымъ лицамъ вообще и къ приближеннымъ въ особенности.

VII. Составитель книги долженъ обстоятельно выяснить читателю взглядъ Петра Великаго на религію вообще и на вѣротерпимость въ частности, равно какъ на религіозныя чувства, воодушевлявшія его; затѣмъ показать отношенія его къ раскольникамъ и представить причину, почему эти послѣдніе подвергались преслѣдованію въ царствованіе Петра.

VIII. Авторъ, въ разсказѣ своемъ о Петрѣ Великомъ, обязанъ представить также и характеристику наиболѣе замѣчательныхъ сподвижниковъ великаго царя по всѣмъ отраслямъ его государственной дѣятельности.

IX. Способъ изложенія эпизодическій, въ родѣ того, какой употребленъ А. О. Петрушевскимъ въ его книгѣ: «Разказы про старое время на Руси», былъ-бы желателенъ. Впрочемъ, въ выборѣ формы изложенія конкуренту предоставляется полная свобода, съ условіемъ, однако, чтобы читатель-простолудинъ

изъ составленной имъ книги могъ вынести дѣльное, ясное и научно-вѣрное представленіе о Петрѣ Великомъ и преимущественно съ указаннымъ выше точекъ зрѣнія.

X. Желательно было-бы встрѣтить въ книгѣ сопоставленіе историческихъ событій съ относящимися до этихъ событій и сохранившимися до нашего времени народными пѣснями о Петрѣ Великомъ. Условіе это для конкурента необязательно.

XI. Языкъ книги долженъ быть простъ, ясенъ и общедоступенъ какъ въ лексическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніяхъ. Причемъ, ни подъ какимъ видомъ не допускается поддѣлки подъ простонародный говоръ, равно какъ употребленіе областныхъ выраженій. Иностранныя слова, которыми испещренъ языкъ петровской эпохи, слѣдуетъ по возможности избѣгать, либо переводить подстрочно въ случаѣ, если авторъ сочтетъ нужнымъ вложить въ уста Петра и его современниковъ выраженія, ими самими произнесенныя.

XII. По объему своему, книга должна заключать въ себѣ, примѣрно, не свыше 15-ти печатныхъ листовъ обыкновеннаго восьми-дольнаго формата крупнаго шрифта.

XIII. Срокъ представленія на конкурсъ народной книги о Петрѣ Великомъ полагается годичный.

XIV. Авторъ лучшаго сочиненія, признаннаго удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ настоящей программы, награждается Комитетомъ Грамотности полною преміей въ 1,000 руб. сер.

XV. Если-же такого сочиненія на конкурсѣ не окажется, то Комитетъ Грамотности присуждаетъ половинную премію (въ 500 р.) автору того сочиненія, которое удовлетворяетъ нѣкоторымъ, наиболѣе существеннымъ требованіямъ настоящей программы.

XVI. Наконецъ, авторъ сочиненія, въ которомъ хотя и не выполнено ни одно изъ существенныхъ требованій, указанныхъ въ настоящей программѣ, но въ которомъ однако соблюдены вообще условія составленія книги, предназначенной для народнаго чтенія, удостоивается Комитетомъ Грамотности почетнаго отзыва.

XVII. Сочиненіе, удостоенное преміи, составляетъ собственность автора и печатается на его счетъ.

XVIII. Рукописи должны быть представлены на конкурсъ не позже 1-го сентября 1877 года и при томъ четко написанныя.

XIX. Представляемая на конкурсъ рукопись обозначается особымъ девизомъ; имя-же автора и мѣсто его жительства должны быть означены въ особомъ запечатанномъ конвертѣ, имѣющемъ одинаковый съ рукописью девизъ. Адресъ подписывается: въ С.-Петербургѣ, въ Комитетъ Грамотности, состоящій при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ обществѣ.

XX. Сочиненія, не удостоенныя денежной преміи, либо почетнаго отзыва, возвращаются авторамъ по представленіи ими ихъ девизовъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ «Бесѣды императрицы Екатерины II съ Далемя», вслѣдствіе крайней нечеткости рукописи, не разобрано одно слово, именно въ 4-мъ пунктѣ, стр. 18.

Слово «Porturin Zölle» передано въ видѣ «городскаго сбора за ввозимый портвейнъ». Вопросительный знакъ не умаляетъ ошибки и несообразности (такъ какъ императрица не могла бы говорить о пошлинѣ съ одного сорта вина, даже если-бы предположить, что портвейнъ былъ въ то время въ ходу). Переданное какъ «Porturin Zölle» выраженіе у Дала должно быть, безъ сомнѣнія, «Portorien Zölle». Изъ устава (Рижскаго) о коммерціи 1765 г. (Полн. Собр. Законовъ) видно, что взимался три рода сборовъ—лицентные въ пользу казны; акцизные, въ пользу города, и порторные, дѣлившіеся между казною и городомъ. (Слич. §§ 43, 44, 49, 104, 108 и 112). Порторные сборы перешли къ правительственной таможенѣ, въ административномъ отношеніи, но, какъ сказано выше, частью поступали въ пользу города. Они взимались съ приходившихъ чрезъ сухопутную черту предметовъ, такъ какъ у Риги находилась граница Курляндская и Польская.

Слова, которыми начинается п. 4, должны бы быть замѣнены словами: «Предоставленными городу порторными сборами (Portorien Zölle) генераль-губернаторъ» и пр.

Въ статьѣ Ад. П. Берже: «Самсон - ханъ Макинцевъ», авторъ на основаніи новыхъ данныхъ, проситъ оговорить, что Макинцевъ умеръ 67 лѣтъ отъ роду, въ чинѣ генерала.

На могилѣ Самсон - хана находится слѣдующая надпись, на армянскомъ и персидскомъ языкахъ: «Могущественный Самсон - ханъ, сартибъ (генераль) переселился изъ Россіи въ Персію, въ 1806 (1802?) году, имѣя 22 года отъ роду и прослуживъ ей побѣдоносно 45 лѣтъ, скончался собственною смертію, въ Хорасанѣ, въ 1850 году, проживъ 67 лѣтъ. Тѣло его перевезено и предано землѣ въ построенной имъ церкви, въ дер. Сорхугъ, 13-го апрѣля 1851 года.»

Нѣсколько далѣе въ предложеніи: «Третья жена Самсон - хана была халдейка и умерла бездѣтною», слово «халдейка», нужно замѣнить словами: «также армянка».

Въ 11-й книгѣ «Русской Старины» изд. 1875 г., на стр. 455-й, строка 5-я сверху напечатано: «оберъ-прокуроръ кн. Куракинъ»; читай: «генераль-прокуроръ кн. Куракинъ».

Въ изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 711, строка 14-я снизу напечатано: «насиліе», читай: «наятіе».

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1876 г. продолжается.
Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными на деревѣ и на мѣди
портретами, 8 руб. съ пересылкою.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІИ ЖУРНАЛЪ
ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1877 г.

восьмой годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1877 году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первыя семь лѣтъ изданія (1870—1876 гг.), ежемѣсячно, безъ предварительной ценсуры. При этомъ редакція полагаетъ расширить отдѣлъ историческихъ изслѣдованій и увеличить число прилагаемыхъ къ изданію портретовъ русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ **три тома**, каждый не менѣе 40 листовъ убористой, четкой печати, т. е. всего въ годъ не менѣе 2000 печатныхъ страницъ.

При „Русской Старинѣ“, при каждой книгѣ, будутъ прилагаться: портреты достопамятныхъ и замѣчательныхъ въ исторіи нашего отечества дѣятелей. Гравюры будутъ на мѣди или на деревѣ и исполнены лучшими отечественными граверами: академикомъ И. П. Пожалостиннымъ, Л. А. Сѣряковымъ и нѣкоторыми другими. Кромѣ того, время отъ времени, будутъ помѣщаемы: снимки съ замѣчательныхъ документовъ, рисунки историческихъ памятниковъ и зданій, родословія замѣчательныхъ фамилій, снимки съ рѣдкихъ медалей и пр.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается всѣмъ подписчикамъ.

(На оборотѣ).

Цѣна за двѣнадцать книгъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1877 г.:

Съ доставкой на домъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ восьми рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію два рубля; въ Англию, Швейцарію и Италію — три рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» при книжномъ магазинѣ Николая Ивановича Мамонтова (Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, № 46); въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ Ивана Григорьевича Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева) и Николая Ивановича Мамонтова (на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова).

Гг. Иногородные обращаются исключительно въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Надеждинская улица, д. № 42, кв. № 12.

Примѣчаніе. Тѣ изъ подписчиковъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» текущаго года, которые, при возобновеніи подписки на будущій годъ, пожелаютъ имѣть «Записки сенатора князя Я. П. Шаховскаго» или другую книгу: «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія» — могутъ получить ихъ бесплатно, выслать лишь семь восьми-копѣечныхъ почтовыхъ марокъ (56 коп.) на высылку одной изъ этихъ книгъ или десять таковыхъ же марокъ (80 коп.) на отправку обѣихъ изданій.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1870 г. (два первыхъ изданія), 1871 г., 1872 г. (два изданія), 1873 г., 1874 г. и 1875 г. (первыя книги два изданія) разошлись сполна по подпискѣ до послѣдняго экземпляра, но

отпечатано и имѣется еще (въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ) новое, третье изданіе «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1870 г. (годъ первый)—двѣнадцать книгъ, въ трехъ большихъ томахъ, съ двумя портретами, снимками и 65-ю рисунками и виньетами.

Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1876 г. 12 книгъ, съ портретами: Лжедмитрія I, Екатерины II, Михельсона, Емельяна Пугачева, князя Платона Зубова, графа Аракчеева, А. П. Ермолова, Клугенау, В. Г. Бѣлинскаго, снимками и пр.—8 руб. съ пересылкою.

ГРАВЮРЫ АКАДЕМИКА И. П. ПОЖАЛОСТИНА:

Несеніе креста Спасителемъ Иисусомъ Христомъ, гравюра съ картины Карраччи, и

Птицеловъ, гравюра съ картины профессора Перова. Обѣ эти большія гравюры, исполненныя на мѣди и отпечатанныя на хорошей бумагѣ въ Парижѣ, можно получить за половинную цѣну, противу продажной объявленной цѣны. А именно: вмѣсто шести рублей за каждую гравюру—за три рубля съ пересылкой; за обѣ же гравюры вмѣстѣ пять руб. съ пересылкой.

Эта уступка, согласно желанію г. Пожалостина, дѣлается только для подписчиковъ „Русской Старины“ и требованія на высылку помянутыхъ гравюръ должны быть обращаемы въ редакцію „Русской Старины“ (С.-Петербургъ, Надеждинская, д. № 42, кв. 12), которая будетъ передавать ихъ для немедленнаго удовлетворенія Академику Ивану Петровичу Пожалостину.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

МАМОНТОВА И СОЛОВЬЕВА

ПРОДАЮТСЯ:

I. Записки А. Т. Болотова, 1738—1795 гг., четыре большіе тома, изд. „Русской Старины“, 1870—1873 гг. съ двумя портретами, сотнею вензетокъ и снимкомъ. Цѣна съ пересылкою за каждый томъ 3 руб., за четыре тома 12 руб.

(Складъ оставшихся, въ небольшомъ количествѣ, экземпляровъ этой книги находится у правнука А. Т. Болотова, Владиміра Андреевича Болотова, въ Спб., у Таврическаго сада, Тверская ул., соб. домъ).

II. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей. Роскошный альбомъ, съ заглавнымъ рисункомъ акад. Гартмана. Цѣна съ пересылкой 3 руб.

III. Русская Родословная книга. 2 тома. Цѣна 5 руб. съ перес.

ИЗДАНИЕ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г.

третье изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, 1870 г., **двѣнадцать** книгъ, въ двухъ томахъ и одинъ томъ приложенія.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины“ 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;— Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;— сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;— Записки придворнаго бриллианщика Позье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;— Петербургъ въ 1781 г. замѣтки Пикара;— Записки Михаила Александровича Бестужева (1824—1842 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;— Записки композитора Михаила Ивановича Глинки (1804—1854 гг.);—Замѣтки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блоада и штурмъ Карса въ 1855 г. разсказъ Я. П. Бакланова;—Оборона Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала Арбузова и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собранія писемъ и проч. матеріаловъ во всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки П. Θ. Корбанова.— Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣва, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и друг.

Приложеніе къ третьему изданію „Русской Старины“ 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Болотова, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированными академикомъ Сѣряковымъ рисунками и виньетами.

Цѣна **третьяго** изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г. съ приложеніями, портретами и рисунками **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

ской исторіи, заканчивая послѣдній томъ исторіи древней Россіи: «Русская земля всколебалась и замутилась; русскій народъ, послѣ осмысливаемаго движенія на востокъ, круто началъ поворачивать на западъ; порою началъ искать новаго пути для народной жизни требовало банкротство экономическое и нравственное» (XIII, 227). И однако, ни кому ниному, какъ тому-же автору этихъ строкъ съ такою убѣдительною и силою удалось нарисовать личность преобразователя Россіи, какъ носителя народной идеи, вышедшаго изъ своей среды и неуклонно преслѣдовавшаго національные интересы.

Еще на первой страницѣ своего много-томнаго труда авторъ съ полною определенностью высказалъ свой взглядъ на общій характеръ его: «Не дѣлать, не дробить русскую исторію на отдѣльные части, періоды, но соединять ихъ; слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ оныхъ; не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодействіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлять его изъ общей связи событій и подчинять вышнему влиянію—вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ». Руководствуясь этимъ основнымъ принципомъ о естественномъ, органическомъ развитіи историческихъ обществъ, авторъ слѣдитъ за событіями отечественной исторіи на пространствѣ цѣлаго ряда вѣковъ, останавливаясь съ одинаковымъ вниманіемъ и на славныхъ, и на печальныхъ эпохахъ прошлаго. Заканчивая время Петра Великаго, авторъ дѣлаетъ слѣдующую оцѣнку пройденнаго имъ періода и въ связи съ нимъ предстоящихъ событій: «Люди западной Европы, говоритъ онъ, смотря на удивительныя явленія, происходившія въ первой четверти XVIII вѣка въ Европѣ восточной, говорили, что всѣ эти преобразования суть слѣдствія одной личной воли цари, со смертію котораго все введенное имъ рухнетъ и восстановится старый порядокъ вещей. Теперь преобразователь былъ во гробѣ и наступило время повѣрки, проченъ ли установленный порядокъ. Железной руки, сдерживавшей враговъ преобразования, не было болѣе; Петръ не распорядился даже на счетъ своего преемника; русскіе люди могли теперь свободно распорядиться, свободно рѣшить вопросъ, нуженъ ли имъ новый порядокъ и испровергнуть его въ случаѣ рѣшенія отрицательнаго. Но этого не случилось: новый порядокъ вещей остался и развивался, и мы должны принять знаменитый переворотъ со всеми его послѣдствіями, какъ необходимо вытекавшій изъ условій предшество-

вавшаго положенія русскаго народа. Время отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II-й обыкновенно разсматривалось какъ время печальное, непривлекательное, время малоспособныхъ правителей, дворцовыхъ переворотовъ, недостойныхъ любимицевъ. Но мы не можемъ раздѣлять этихъ взглядовъ. Названное время имѣетъ высокій интересъ для историка, именно потому, что здѣсь русскіе люди были представлены самимъ собою въ виду громаднаго матеріала, даннаго преобразованиемъ. Какъ они распорядятся этимъ матеріаломъ? вотъ вопросъ, съ которымъ историкъ обратится къ своимъ читателямъ. Они должны ему сказать, было ли названное время временемъ застою или движенія, а вторая половина XVIII вѣка въ Россіи, царствованіе Екатерины II-й было-ли результатомъ этого движенія и въ какомъ смыслѣ. Идеи и люди екатерининскаго царствованія явились ли по мнновенію знаменитой императрицы, или были приготовлены прежде, состоятъ въ необходимой связи съ движеніемъ, совершившимся въ тридцать пять лѣтъ, протекшихъ отъ кончины Петра Великаго?» (XVIII, 263—64). И далѣе, объясняя значеніе царствованія Елисаветы, неправильно истолкованнаго современниками-иностранцами, находившимися при русскомъ дворѣ, и давая иное объясненіе ея вѣдѣній политикѣ, чѣмъ полагали они, приписывая колебанія послѣдней равнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, авторъ замѣчаетъ: «Вовдвая должное Екатерине II-й, не забудемъ какъ много, внутри и внѣ, было приготовлено для нея Елисаветою». (XXIV, 424). Этимъ замѣчаніемъ авторъ бросаетъ свѣтъ и на дальнѣйшее описаніе событій.

До его труда многія свидѣнія о лицахъ и событіяхъ XVIII вѣка черпались изъ вторыхъ и третьихъ рукъ или основывались на показаніяхъ иностранныхъ писателей. Авторъ приподнял завѣсу, за которую скрывались настоящіе дѣятели и ихъ собственныя дѣянія. Конечно, съ выданіемъ въ свѣтъ массы матеріаловъ—правительственными учрежденіями, учеными обществами и частными издателями,—которое такъ дѣятельно ведется теперь, прольется много новаго свѣта на указанную эпоху; многое потребуетъ дополненій или новыхъ, специальныхъ изслѣдованій, но за трудомъ С. М. Соловьева надолго останется то значеніе, какое должно принадлежать ему по праву перваго труда, задуманнаго на такихъ широкихъ основаніяхъ и исполняемаго съ рѣдкою истинностью. Остается пожелать, чтобы историкъ удалось довести свое дѣло до конца. В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1877 г.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая **Ив. Мамонтова**, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные имѣютъ присылать свои требованія, адресуя такъ: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Надеждинская улица, д. № 42, кв. 12.

Въ „Русской Старинѣ“, помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Живнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскія.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библиографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года,
цѣна **ВОСЕМЬ** рублей безъ переплета и 11 руб. въ переплетѣ, съ перес.
„Русская Старина“ 1876 г., двѣнадцать книгъ, 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ седьмой.

Н О Я Б Р Ъ .

1876 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Екатерина II и кн. Потемкинъ: подлинная переписка, 1790 г.	403	X. Михаилъ Ивановичъ Глинка, рассказъ изъ воспоминаній доктора Д. А. Рейденрейха.	619
II. Екатерина II и Густавъ III, король шведскій, 1789—1792 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	427	XI. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Универсалъ Мазены, 1704. Сообщ. Н. В. Губертъ (623). 2) Базальтъ Шилькевичъ, 1708 г. Сообщ. А. Г. Шишкевичъ (624). 3) Два прошения въ императрицу Екатерину II (625). 4) Голосъ въ защиту Серогова, 1808 г. (627). 5) Высылка архимандрита Фотія изъ Новгородскаго Юрьева въ Александро-Невскій монастырь, 1835 (629). 6) Приказъ кн. М. Д. Горчакова о непопреблеміи дынь и арбузовъ въ арміи, 1853 г. (628). 7) Командиры Кавказской арміи въ изд. приказавъ, 1802—1812 гг. Сообщ. Ад. П. Верже (630). 8) О портретѣ гр. Арцибасова (634).	
III. Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II-й, 1762—1796 гг. Очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семевскаго.	579	XII. Библиографическій списокъ новыхъ русскихъ книгъ. Заключенъ В. И.	
IV. Князь Платонъ Зубовъ, біографическій очеркъ. 1767—1822 г. Главы IV и V.	437		
V. Тимофей Федоровичъ Осиповскій, ректоръ Харьковского университета. 1820 г. Очеркъ Г. С. Чирикова.	463		
VI. Война Россіи съ Турціей въ 1828 г.: Императоръ Николай Павловичъ, кн. Меншиковъ и Киселевъ.	491		
VII. Воспоминанія Людмилы Ивановны Римордъ о побѣдѣ въ Константинополѣ, 1830 г.	499		
VIII. Холерный бунтъ въ 1831 г. Рассказъ А. К. Гриббова.	513		
IX. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ. Гл. XVII, 1838—1842 г.	537		

ПРЕДЛОЖЕНІЕ. При этой книгѣ прилагаются: I. портретъ графа Алексея Андреевича Арачкова, исполненъ на ядѣ г. Сказони въ Экспедиціи заготовленія государственн. бумагъ и II. Каталогъ изданій Археографической Комиссіи.

**Открыта подписка на «Русскую Старину» 1877 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.**

Находится въ продажѣ и можно получить третье изданіе «Русской Старины» 1870 г. (первый годъ). Цѣна за 12 книгъ, въ трехъ томахъ, съ портретами и снимками 8 руб. съ пересылкой.

Продолжается подписка на «Русскую Старину» 1876 г. Цѣна 8 руб.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАНШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами.

1876.

XI-я книга «Русской Старины» вышла 1-го ноября.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ. Подъ заглавіемъ О. М. Бодянскаго. 1874. Книги I—IV и 1875. Книги I—III. Ц. за годъ 8 р.

Этому изданію наша историческая литература обязана большою благодарностью. Еще въ 40-хъ годахъ редакторъ его знакомилъ русскую публику съ весьма цѣнными матеріалами не только по древней, но и по новой исторіи Россіи, не только съ русскими, но и съ иностранными извѣстіями о Россіи. Изданіе одного изъ послѣднихъ (Записки Флетчера) было причиною временнаго закрытія самаго изданія, замѣнительнаго тогда «Временникомъ», изданіемъ также важнымъ для науки, по уже не отличавшимся ни тѣмъ разнообразіемъ, ни тою широтою задачи, какія имѣлись въ виду программою «Чтеній». Въ 1858 г., когда условия для нашей литературы и печати значительно измѣнились, снова стали выходить вмѣсто «Временника», «Чтенія» подъ прежнею редакціею, и этой переимѣнкою ответственная исторія обязана изданіемъ множества матеріаловъ о событіяхъ, до тѣхъ поръ мало извѣстныхъ или вовсе не тронутыхъ ею. Заслуга почтеннаго редактора тѣмъ болѣе вымывается на напоминаніе съ нашей стороны, что въ то время еще вовсе не существовали тѣ многочисленныя историческія изданія, которыя такъ много облегчаютъ знакомство съ отечественною исторіею теперь.

«Чтенія» въ новомъ своемъ видѣ выходятъ съ 1858 г. по четыре книги въ годъ; но въ послѣдніе два года опредѣленный выходъ книгъ былъ значительно замедленъ, такъ что въ настоящее время мы имѣемъ въ рукахъ только 3-ю книгу 1875 г. Причина этого замедленія лежитъ, кажется, въ тѣхъ печальныхъ обстоятельствахъ, какія пришлось пережить обществу и о которыхъ разсказывается въ протоколахъ, напечатанныхъ въ 1-й и 3-й книгахъ «Чтеній» за 1875, но начало которыхъ восходитъ еще къ 1873 году (книга 1-я).

Въ разсмотрѣваемыхъ нами книгахъ «Чтеній» помѣщены слѣдующія статьи:

1) Иностранныя матеріалы о Россіи. Въ этомъ отдѣлѣ окончены переводы путешествія въ Москву въ 1661 г. барона Мейерберга (1874, кн. 1), и напечатаны: Россія при Петрѣ Великомъ, соч. Фоккерода и Плейера (кн. 2); Московіи Джона Мильтона (кн. 3); описаніе путешествія въ Москву послѣ римскаго императора Николая Вароча въ 1593 г. (кн. 4); о происшествіяхъ московскихъ

1661 г. Сивастіана Главанича (1875, кн. 1); донесеніе о поѣздѣ въ Москву придворнаго римскаго императора Шима 1598 г. (кн. 2), и одна изъ записокъ о Дмитріѣ Самозванцѣ, напечатанная въ Сборникѣ Вихмана (кн. 3). 2) Изъ русскихъ матеріаловъ заслуживаютъ вниманія: сборникъ малороссийскихъ заклинаній, составленный Евменкомъ; жалованная грамота думному дяку Украинцеву по заключеніи мира съ Польшою, 1687 года; жалованная грамота царей Іоанна и Петра и царицы Софіи кн. В. В. Голицыну; реестры запорожскаго войска за время послѣ Зборовскаго договора съ Яномъ Казимиромъ, 1649 г.; отношенія малороссийскаго военнаго губернатора кн. Репнина къ маршаламъ дворянства (въ 1830—33 г.), касавшіяся общественнаго положенія крестьянъ; извѣстіе о началѣ учрежденія въ состояніи регулярнаго войска въ Россіи, Терещенки; каталогъ сочиненій о войнѣ 1812 года, Липинди; мнѣніе историографа Миллера объ устройствѣ Московскаго университета и гимназій 1765 года; матеріалы о расколѣ и перенеска разныхъ духовныхъ лицъ, преимущественно XIX вѣка. 3) Изъ числа описаній и изслѣдованій назовемъ: Благоутѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, соч. Голохвастова и архим. Леониды, заглавіемъ на которое были сданы г. Замысловскимъ въ Сборникѣ государ. знаній, т. II; о пребываніи импер. Елисаветы въ Александровской слободѣ, г. Сромилова; историческое описаніе Новоіерусалимскаго Воскресенскаго монастыря, тѣсно связаннаго съ именемъ патр. Николая, составленное архим. Леонидомъ по монастырскимъ документамъ и съ приложеніемъ послѣднихъ (767 стр.). Оно представляетъ богатый матеріалъ не только для церковной исторіи, но и для отечественной исторіи вообще. Въ описаніе входятъ: исторія монастыря, описаніе его библиотеки и рукописей, хозяйство монастыря, исторія его почти въ т. п. Кроме того въ «Чтеніяхъ» помѣщены: описанія Ниловой пустыни, Николаевской Верхоковской пустыни, дворцоваго села Островъ, летопись церкви Георгія на Веспольѣ Никитскаго сорока въ Москвѣ, и т. п. и нѣсколько статей, касающихся отношенія славянскаго міра къ Востоку, какъ изслѣдованіе г. Дринова «южные славяне и Византия въ X вѣкѣ» (1875, кн. 3, 152 стр.), славяно-сербскія кингокрайища на Аониской горѣ, архим. Леонидъ (кн. 1), русскіе повлдонники въ Іерусалимѣ. Подробнѣе мы позволимъ себѣ остановиться на соч. Яныша: Новгород-

Гравир. Н. Уткина 1815 г.

Копирень. Г. Скалани.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», Т. XV, ИЗД. 1876 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 26 ОКТЯБРЯ 1875 Г. — ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II И КН. ПОТЕМКИНЪ.

Подлинная переписка.

(Изъ сборника профессора Николаевской Акад. Ген. Штаба П. С. Лебедева).

1789 г. ¹⁾.

Декабря 20-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ. Письма твои отъ 5-го декабря я сегодня получила и спѣшу на оныя отвѣтствовать съ будущимъ къ тебѣ курьеромъ; ты удивишься моему совѣту, чтобъ ты не заспѣсивился,—вотъ каково писать за тысячи верстъ; естлибъ я съ тобою говорила въ ту минуту на словахъ, то-бъ ты, поцаловавъ руку у меня, разстался бы со мною со слезами радости: какъ мнѣ тебѣ сказать—не заспѣсивься, видя тебя покрытаго успѣхами, коими тебя Богъ благословилъ? *Mon âme, remplie de joye, ne fait rien autre chose que de Vous avertir un instant, qu'elle souhaitait que Vous évitiés la seule chose qui pouvoit nuire à toute la grandeur de la Votre, lisés у mon amitié vraiment maternelle pour Vous, et puis c'est tout, qui a mieux merité cette couronne de Laurier que je Vous envoie aujourd'hui que Vous? la voilà, puissiés Vosu la porter cent ans. De mitre Episcopale assurément Vous n'en aurés jamais de moi, et un couvent ne sauroit être habité par celui dont le nom retentit dans l'Asie et dans l'Europe, il est trop petit pour lui ²⁾.*

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 33—58; 239—262; 441—478; 571—590; томъ XVII, стр. 21—38; 206—216.

²⁾ Исполненная радостію душа моя хочетъ только одного—выразить желаніе, чтобы вы избѣгнули единственной вещи, которая могла-бы повредить величію вашей души; узнайте въ этомъ только одно материнское къ вамъ дружество. Кто лучше васъ заслужилъ сегодня посылаемый вамъ лавровый вѣнецъ? Примите его и носите, если возможно, сто лѣтъ. Епископской митры вы, разумѣется, никогда отъ меня не получите и монастырь никогда не будетъ жилищемъ человѣка, котораго имя раздается въ Азіи и Европѣ—это слишкомъ мало для него.

По твоимъ царяградскимъ извѣстіямъ видно, что тамъ уныніе великое. Булгакова они заподлинно выпустили, и онъ, какъ ты уже о томъ вѣдаешь, я чаю, изъ Вѣны пріѣхалъ 3-го декабря въ Триестъ; я писала, кой часъ свѣдала о семъ, къ нему, чтобъ ѣхалъ къ тебѣ, а въ Вѣнѣ чтобъ укоротили ему карантинъ. Странно, что понинѣ неизвѣстно кто визиремъ? О Польшѣ я писала къ тебѣ чрезъ Попова и жду твои отвѣтныя письма о семъ; о кубанскихъ и кавказскихъ войскахъ также чрезъ него къ тебѣ писано. Дай Богъ, чтобъ на миръ враги наши податливы были, но естли мира не будетъ, то, конечно, стараться должно о будущей кампаніи. Что изъ Швеціи польской министръ пишетъ будто здѣсь революція вскорѣ будетъ, сія вѣсть и къ намъ пришла изъ Финляндіи, гдѣ король шведской оную основалъ на томъ: будто, для того и боясь оной, я сюда велѣла идти шести баталіонамъ гвардіи зимовать, изъ чего онъ заключилъ, что сіе страха ради революціи, и сказалъ, что шести полкамъ велѣно уже для того идти къ Петербургу. Однако, слава Богу, мы здѣсь въ добромъ здоровьѣ.

Дамы вѣнскія умнѣе выдумываютъ пояса и перстни, нежели наши барыни; благодарствую за присланный перстень вянгины Эстергази.

Декабря 21-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Прочтя въ другой разъ твое письмо отъ 5-го декабря, я тронута была до слезъ изъявленіемъ души и сердца и чувствами твоими; да благословить самъ Господь Богъ всѣ дѣянія твои; что я для тебя ни дѣлала, ты всего того достоинъ. Прости, умница, будь здоровъ и благополученъ.

1790 г.

Императрица—кн. Потемкину.

Января 10-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Сего утра получила я твое письмо отъ 26-го декабря; ты меня благодаришь съ такимъ чувствіемъ, что до слезъ тронута была; дай Боже тебѣ здоровья и всякаго благополучія, и (при)соединить къ побѣдамъ имя миротворца, въ семъ теперь намъ главнѣйшая нужда, ибо не осталось почти никакого сомнѣнія, чтобы король прусской не имѣлъ въ намѣреніи, обще съ поляками, весною напасть на наши владѣнія, какъ то усмотришь изъ предлиннаго рескрипта, съ симъ курьеромъ отправленнаго, въ которомъ я нарочно велѣла прописать всю исторію, чтобъ осталась въ архивѣ *comme une pièce authentique*. Уже здѣсь и

Иванъ Петровичъ Салтыковъ, пріѣхалъ сегодня; сей говоритъ, будто съ Кубани тысячъ десять взять можно, не испортивъ дѣла; но сіе ты лучше его смыслишь, и такъ, полагаюсь на тебя съ полной довѣренностію. Съ сегодняшнимъ изъ Вѣны пріѣхавшимъ курьеромъ императоръ самъ ко мнѣ пишетъ, что онъ очень боленъ и печаленъ, по причинѣ потери Нидерландіи; естли въ чемъ его оправдать нельзя, то въ семь дѣлѣ; сколько тутъ перемѣнъ было: то онъ отъ нихъ все отнималъ, то возвращалъ, то паки отнималъ и паки отдавалъ. Dieu sa't ce qu'il faisait, mais l'événement a montré qu'il ne faisait rien qui vaille ¹⁾.

Жалѣю весьма, другъ мой, что рука у тебя такъ сильно болитъ; я чаю, есть въ аптечкѣ твоей камфарная мазь, или масло, или составъ; прикажи лекарю отыскать, которая для ревматизма дѣйствительнѣе еще мыльнаго спирта; но прошу ее безъ лекаря не употребить, помнится, я объ ней сказала Попову. Твой кавалергардской корнетъ, о которомъ просишь прикрасы и которой оной, право, достоинъ, шестой день какъ лежитъ въ постели, думали—горячка, и теперь слабъ и худъ таковъ, что на себя не похожъ; суцая простуда и за ушами жилы опухли. Ну, мой другъ, добра только и ждать отъ васъ и съ вашей стороны; съ нетерпѣніемъ желаю скорого пріѣзда твоего обѣщаннаго курьера. Какъ тебѣ Богъ дастъ заключить миръ, то ты будешь благословленъ въ мужахъ.

Adieu mon cher et précieux ami ²⁾.

Февраля 6-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Замерзшими чернилами, понимаю, что писать неловко было; не имѣвъ три недѣли отъ тебя писемъ, наконецъ получила твое письмо отъ 23-го января, и жалѣю весьма, что ты былъ боленъ отъ стужи и простуды; прошу побережь здоровье, оно мнѣ нужно; въ холодное время впредь употреби фляшу и чарку, которыя сей курьеръ къ тебѣ привезетъ, je souhaite que ce petit meuble vous fasse autant de plaisir, que j'en ai à vous l'envoyer de bon coeur ³⁾. Быть можетъ, что турки дѣлаютъ попытку ради выигранія времени, но кажется мнѣ, что визирь, имѣя полную мочь, напередъ хочетъ спасти свою голову и для того самъ, съ своими пашами, отписалъ въ Царьградъ дурное свое и войскъ состояніе, что не идутъ изъ провинцій къ нему, что нѣтъ ни денегъ,

¹⁾ Богъ знаетъ, что онъ дѣлалъ, но послѣдствія показали, что онъ не сдѣлалъ ничего путнаго.

²⁾ Прощайте, мой дорогой и драгоценный другъ.

³⁾ Желаю, чтобы эта вещь доставила вамъ столько-же удовольствія, какъ мнѣ ея послышка отъ чистаго сердца.

ни провіянта, ни людей, — надѣясь тѣмъ представленіемъ отъ Дивана выманить повелѣнія точныя, либо слова какія, кои бы его принуждали приступить къ мирной негоціаціи.

О семъ ни мало не сомнѣваюсь, что миръ скорѣе сдѣлается, когда Богъ дастъ, что наступишь, какъ пишешь, имъ на горло. Какъ тебѣ не выигрывать у турецкаго народа довѣріе, вацшее ихъ начальниковъ: во-первыхъ, ты умнѣе тѣхъ, во-вторыхъ, поступаешь съ ними великодушно и человѣколюбиво, чего они ни глазами не видали, ни ушами не слышали отъ своихъ.

О польскихъ дѣлахъ ты давно уже отъ меня разрѣшевіе имѣешь, но, при отпускѣ твоего письма, еще отселѣ отправленный курьеръ до тебя не доѣхалъ. Къ Штапельбергу писано, чтобъ онъ сидѣлъ смирно и не суетился. А конфедерація, ты самъ вспомнишь, сдѣлана была въ такомъ видѣ, чтобъ заключить съ Польшею союзъ; сему прусской король препятствовалъ грубымъ образомъ, какъ самъ знаешь. Теперь жду нетерпѣливо твои отвѣты на мой рескриптъ и репортиціи войскъ. Пуще всего, чтобъ упоръ наши, гдѣ хотятъ нападать. А что войска устроишь полезнымъ образомъ — не сомнѣваюсь; изволь трудиться, господинъ великой гетманъ, вы человекъ весьма умной, хорошій и намъ вѣрной, а мы васъ любимъ и милуемъ. Объ союзникѣ моемъ я много жалѣю, и странно, какъ, имѣя ума и знанія довольно, онъ не имѣлъ ни единого вѣрнаго человѣка, которой бы ему говорилъ — пустяками не раздражать подданныхъ; теперь онъ умираетъ ненавидимъ всѣми, чтоже была (за) диковинка короноваться королемъ венгерскимъ, благо что подданные привязаны къ коронѣ; мать его они спасли въ 1740 году отъ потери всего, а бы на его мѣстѣ ихъ на рукахъ носила. *Votre couronne de laurier Vous ira à merveille et je serai charmée de voir un Chevalier de St. André aussi digne de cet ornement et auquel je l'ai donné parcequ'il l'avoit mérité pas ses services et la fidélité*¹⁾; твою благодарность, и что по сему случаю пишешь, безъ слезъ читать не могла. О намѣреніи твоёмъ дѣйствовать флотомъ, въ разговорахъ говорено будетъ; по твоему совѣту, скажемъ, что распутица причиною, что ничто не доводится, и тому подобное, но ради Бога самъ берегись, не вдавайся излишне гдѣ въ опасности, je ne veux pas Vous perdre, mon cher Monsieur²⁾. Второй твой курьеръ до сего часа не пріѣхалъ; ты говоришь, что посылаешь его чрезъ Польшу, уже не лучше ли ихъ посылать чрезъ Россію, чтобы иногда не пе-

¹⁾ Лавровый вѣнецъ превосходно пойдетъ къ вамъ, и я буду очарована, видя кавалера Св. Андрея, достойнаго украшенія, мною ему даннаго за его заслуги и вѣрность.

²⁾ Я не хочу васъ потерять, мой дорогой.

рехватили ихъ съ чѣмъ нужнымъ; не имѣя твоихъ писемъ о боярахъ, ничего сказать не могу, такжеде о войскахъ малороссійскихъ, а что получу, то отвѣтомъ не помѣшкаю. За простыни благодарствую, въ Царскомъ Селѣ сдѣлаю изъ нихъ употребленіе. Прости, мой другъ, Богъ съ тобою, будь здоровъ и благополученъ. Мы говѣемъ и твой корнетъ въ Анненской лентѣ и поведенія безпорочнаго.

Марта 1-го ч.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Изъ рескрипта, мною подписаннаго, увидишь положеніе дѣлъ до сего часа, и koliko нужно готовиться къ отпору злыхъ намѣреній враговъ нашихъ; всевозможныя мѣры употребляются укротить ихъ злобу, отвратить и удалить принятыя ими единожды правила унижить Россію и влещи ее за собою въ ихъ намѣренія и виды, по своимъ мнимымъ интересамъ нѣмецкимъ. Надлежитъ теперь смотрѣть — смерть императора какія окажетъ обстоятельства, но судя по прошедшему о будущемъ, то дѣла останутся почти въ томъ же положеніи, понеже и изъ сообщеній берлинскому двору предварительныя кондиціи мира съ прошеніемъ ихъ добрыхъ офицій; они изъ оныхъ сдѣлали употребленіе коварное, злое и гордое, доказывающее умоположеніе того двора и бѣшенныя намѣренія Герцберга, который королемъ властвуетъ. Теперь требуетъ у Польши Торунъ и Данцигъ; я говорю, пусть беретъ, но помню, что въ 1763 году Бестужевымъ записано въ протоколъ конференціи, что сіе — казусъ-федерисъ, понеже о Данцигѣ трактаты и гарантія особенныя, я и все то знаю, вѣдаю и помню, что послѣ того для и противъ говорено и дѣлано, и стараюсь обратить все къ лучшему и къ утушенію, чтобы не все вверху дномъ пошло, какъ пишешь; но наше одно старательство тутъ недовольно — однимъ перомъ, а надлежитъ врагамъ показать, что насъ сюрпренировать не можно и что зубы есть готовые на оборону отечества, а теперь они вздумали, что, потянувъ все къ воюющимъ частямъ, они съ поляками до Москвы дойдутъ, не находя кота дома. Пространство границъ весьма обширно, это правда, но естли препятствій не найдутъ, то они вскорѣ убавятъ оныя. Миръ нуженъ, но я съ тобою весьма одного мнѣнія, что турки, увидя сильную диверсію, оный не такъ скоро сдѣлаютъ, какъ бы сами желали, не имѣя таковой надежды; а набиваясь и домогаясь у турокъ мира, ничего не будетъ. Цесарцы торопливостію много дѣла свои испортили; увидимъ, что теперешній король венгро-богемскій учинитъ. Пришли ко мнѣ репортиціи тѣхъ войскъ, кои къ границамъ бѣлорусскимъ отряжаешь; не могу обѣщать, чтобъ шесть мѣсяцевъ, конхъ просишь, выиграны были, а нѣсколько времени мы, кажется, что уже выиграли. Съ кавказскими жи-

телями чтобъ обходиться мнѣ милостиво, какъ пишешь, затрудненія не будетъ; слѣдовательно, и ничего сказать не могу. Что ты, мой любезной другъ, болѣе былъ, о томъ сердечно сожалѣю и прошу тебя всякое попеченіе имѣть о своемъ здоровьѣ. Каково дѣла пойдутъ въ Венгріи и Трансильваніи при новомъ государѣ, увидимъ, а брабандцы теперь въ таковой конфузій, какъ французы; однако ихъ несогласія между собою остановила Англія и Голландія признать независимость ихъ. Питтъ старается донинѣ отвратить войну, но, можетъ быть, заведенъ будетъ берлинскимъ дворомъ и принцессы Оранской по неволѣ; теперь еще быть можетъ и то, что выборомъ короля римскаго аттенція нѣсколько оборотится на ту сторону. Однако готовностію нашею ничто не испортится. Господинъ великой гетманъ екатеринославскихъ и черноморскихъ казаковъ, живи здорово; подѣлай дѣла добрыя, и будь увѣренъ, что я Бога прошу да благословитъ твои предпріятія къ пользѣ дѣлъ моихъ и Имперіи. Прощай, мой другъ любезной, я здорова, корнету твоему аттестатъ даю безпорочной.

Марта 18-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Вручителя сего письма, флигель-адъютанта моего Валеріана Александровича Зубова, прошу жаловать и любить, какъ молодаго человѣка, наполненнаго охотою къ службѣ и доброй волею; онъ никуда не захотѣлъ самъ, кромѣ къ тебѣ въ армію, онъ же ѣдетъ къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы дѣйствительно служить и быть употребленнымъ куда изволишь; съ таковою диспозиціею, я надѣюсь, что его не оставишь праздно; сіи молодые люди въ самомъ лучшемъ расположеніи и при томъ весьма добросердечны и честны, и нельзя ихъ не любить и за нихъ не интересоваться. Я надѣюсь, что мнѣ въ слово не выдашь. Прощай, Богъ съ тобою.

Алкораны при семь посылаю, которые ты требовалъ.

Марта 19-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ. На письма твои отъ 25-го февраля симъ отвѣтствую. Я того мнѣнія, что ты простужаешь голову и что она оттого часто у тебя болитъ; я помню, когда у меня были боли ужасныя въ головѣ, тогда ни отъ чего облегченія не чувствовала, кромѣ того, когда лобъ нагрѣется; дай Боже, чтобъ сіе письмо тебя нашло въ добромъ здоровьѣ, чего отъ сердца желаю, паче нынѣ, при скоромъ открытіи кампаніи, какъ самъ пишешь. Мое теперь вниманіе не столько о томъ, что дѣлается въ Вѣнѣ, занято, какъ въ другихъ намъ враждующихъ дворахъ. Новой король венгро-богемской, по кончинѣ императора, еще изъ Флоренціи, тотчасъ по полученіи перваго извѣстія, ко мнѣ писалъ самое друже-

ское письмо, на которое я отвѣтствовала; князя же Голицына теперь ни смѣнять, ни перемѣнить не для чего, понеже онъ тамъ привыкъ и любимъ, а новой государь, хотя и миролюбивъ, но въ сей кампаніи не инако поступить, какъ прилично къ достиженію мира, то есть *avec perf et vigueur*¹⁾, что ты самъ усмотрѣть могъ изъ писемъ князя Кауница; а къ ладу съ прусскимъ и англійскимъ дворами теперь поводовъ у вѣнскаго на время, то есть до Петрова дня, довольно будетъ, по случаю выбора короля римскаго, и, кажется, столько времени осталось къ приготовленіямъ, кои сильнѣе всего удержать и опрокинуть каверзы, еслии удержать не удалось. А какъ бы то ни было, здравой разсудокъ ожидать надлежитъ съ одной турецкой стороны: какъ нанесемъ имъ какой ни есть еще чувствительный ударъ, то каверзы европейскія у нихъ разрушимъ и принудимъ взяться за миръ, о семъ получишь въ рескриптѣ всѣ тѣ разрѣшенія, кои ты потребовалъ; Бога молю, да благословитъ тебя добрымъ и полезнымъ успѣхомъ въ военномъ и мирномъ дѣлѣ. Во второмъ письмѣ пишешь, что ты не получилъ мое письмо, а получилъ лишь рескриптъ о произвожденіи; мое письмо отправлено, сказываютъ, съ другимъ курьеромъ, и теперь, чаю, уже въ твоихъ рукахъ. Хотя визирь Кирджали желаетъ мира, но извѣстно тебѣ уже, что въ Цареградѣ согласились заключить союзъ наступательный и оборонительный съ прусскимъ королемъ и что Юсуфъ-пашу привезли въ Стамбуль, иные думаютъ, дабы предводительствовать на морѣ, а другіе—дабы сдѣлать его визиремъ, но для сего незачѣмъ, кажется, его было везти въ столицу; въ конгрессѣ барыша не будетъ, а интриги и помѣшательства безконечны и весьма разумно о семъ судишь. Корреспонденцію твою съ визиремъ и съ Бароціемъ я читала; желательно, чтобъ произвела въ туркахъ полезныя намъ дѣйствія; еслии треть того числа людей, чѣмъ грозитъ Гассанъ-паша, поставишь въ обсерваціонной арміи, то прусской король будетъ говорить учтивѣе и остановишь приготовленную имъ диверсію въ пользу турокъ. Я не понимаю противу кого союзъ съ турками намъ заключать, и сіе бы было дѣло къ непрестаннымъ съ ними ссорамъ и хлопотамъ для и противу нихъ; сію мысль лучше оставить, и съ врагами христіанъ не связываться союзомъ; каковъ подобный союзъ грекамъ однимъ былъ бы горестенъ, самъ разсуди. Король прусской близъ милліона истратилъ денегъ въ Венгріи для возбужденія бунта, но донынѣ не предуслѣлъ. Чинъ бригадира, по твоей просьбѣ, данъ Салигъ-агѣ, но вспомни бригадира Селимъ-Гирея, который и съ Владимірскою лентою ушелъ, и прикажи за

¹⁾ Съ живостью и свлою.

симъ и его корреспонденцію, чрезъ жидовъ, съ пруссаками и поляками, прилежное око имѣть. Что ни Мавроеній, ни визирь тебя [моего воспитанника] ¹⁾ не окупятъ, о семъ не сомнѣваюсь, а корреспонденція съ поляками и пруссаками чрезъ Яссы ближе нежели чрезъ Италію. Въ рескриптѣ найдешь разрѣшенія, кои ты требуешь о мирѣ и крѣпостяхъ—князя же въ Молдавію теперь наименованіе никакъ не удобно, сіе точной поводъ будетъ прусскому двору къ поспѣшенію своего злаго намѣренія, которое и безъ того уже другой годъ отдаляемъ съ трудностію, и противу лихихъ затѣй котораго теперь необходимо нужны войска, о коихъ, какъ для обороны границъ назначенныхъ, такъ и для арміи обсерваціонной, какіе полки именно, откуда, когда, и куда отправляются? и къ которому времени поспѣютъ? да и кого генераловъ совѣтуешь опредѣлить?—пришли ко мнѣ скорѣ свидѣнія. Пришло на умъ, невозможно-ли тебѣ употребить большую сумму денегъ моихъ на тѣхъ, кто изъ кредитныхъ при Портѣ и миру способствовать могутъ; пожалуй, постарайся. Ты скорѣ въ нихъ успѣешь нежели они въ тебѣ. Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою, будь здоровъ и счастливъ.

Я чрезъ Валеріана Александровича посылаю къ тебѣ алкораны, кои ты у меня просилъ, а онъ сего же дня ѣдетъ.

Марта 30-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ! Письма твои отъ 10-го марта изъ Яссъ я получила и весьма жалѣю о твоей болѣзни и крайне она меня беспокоитъ; дай Боже скорѣ услышать о твоёмъ выздоровленіи. Великая теперича нужда о скорѣйшей присылкѣ отъ тебя обѣщанной репортиціи войскъ въ обсерваціонной паче арміи, понеже отъ нея зависитъ, такъ-то сказать, цѣлость и безопасность Имперіи, а враги висятъ на носу. Штакельбергово письмо къ тебѣ безумное, я приказала его отозвать, а Булгакова назначила посланникомъ въ Польшу; изъ рескрипта и къ нему приложенныхъ бумагъ, увидишь, колико стараются постыдными дѣлами вовлечь насъ въ униженіе и посрамленіе и нашими же руками вынуть изъ огня каштаны, а на пятьдесятъ лѣтъ заключили трактатъ наступательной съ турками, со врагами имени Христова. Дай Боже, чтобъ полки, идущіе въ Украйну, могли скорѣ степь перейти. Прикажитко, баринъ, когда тебѣ удобно будетъ, по степи, на каждые двадцать верстъ, сдѣлать сарай или корчму изъ тростника, камыша или мазанки, какъ я построила въ здѣшней губерніи деревянные и въ Финляндіи, на тридцати сажняхъ, въ коихъ проходящія войска весьма покойно

¹⁾ Приписка подъ строкою.

умѣщаются; въ каждой живеть отставной солдатъ; гвардія когда шла не захотѣла стать нигдѣ, таковы мои сараи; какъ я вѣдаю, что ты любишь болѣе всего пользу, то и сей мой совѣтъ тебѣ да не будетъ противенъ. Не опасайся, мой другъ: безъ крайности крайной, не велю двигаться observational арміи, ибо не теперь время наступательно дѣйствовать на врага новаго, но оборонительно тогда, когда насъ задерутъ заплотливо.

Извѣстіе есть, что со стороны Силезіи пруссаки въ движеніи. Богъ съ тобою и да дастъ тебѣ всякій успѣхъ.

Апрѣля 8-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Письма твои, отъ 18-го марта, получа, на оныя симъ отвѣтствую; что ты боленъ былъ, о томъ весьма жалѣю и желаю скорѣе услышать о восстановленіи силъ и здоровья твоего.

Касательно совѣта твоего, чтобъ скорѣе помириться съ турками, ты уже получилъ, послѣ отправленія твоихъ писемъ отъ 18-го марта, во всемъ и всѣхъ статьяхъ совершенное отъ меня разрѣшеніе, и если турки не вовсе ослѣплены каверзами прусскими, то, кажется, нельзя не приступить къ миру. О смѣнѣ Штапельберга и опредѣленіи Булгакова приказанія посланы. Мѣры, тобою взятія для обороны границъ и, на случай разрыва, для дѣйствія и исполненія плана, весьма хороши; желательно же было бы только, для вышшаго здѣсь спокойствія, чтобъ, сверхъ кордона по такой обширной границѣ, можно было имѣть въ околичности Риги резервной корпусъ тысячъ отъ пятнадцати до двадцати, который въ состояніи былъ бы всегда двинуться въ здѣшнемъ краѣ, куда нужда укажетъ, для отпора, на случай, если бы король прусской обратилъ что-нибудь къ ближнимъ отсюда нашимъ границамъ. И для сего, и чтобъ таковой корпусъ отдѣлится, какъ въ существѣ для насъ бесполезной, настоять болѣе на сдѣланіе въ Швеціи конституціи, чтобъ король невластенъ былъ начать войну, понеже онъ всякую нарушить; ему, королю, нынѣ сдѣлано черезъ гишпанскаго министра внушеніе о мирѣ, по приѣздѣ его въ Финляндію, на которое отвѣтъ короля шведскаго покажетъ прямая его намѣренія, но между тѣмъ нельзя не дѣйствовать усиленно на сухомъ пути и на морѣ, понеже шведскіе флоты, какъ корабельной, такъ и галерной или армейскіе, выходятъ въ море. Въ Вѣнѣ смѣнить посла не нахожу нужды, ибо дѣла дѣлать здѣсь можно съ ихъ посломъ; князь Голицынъ тамъ пріятенъ, а ежели при немъ кого нужно послать, то развѣ графа Андрея Разумовскаго. О казакахъ изъ мѣщанъ въ Россійскіе города не удобно, понеже сіе требуетъ соображенія съ ородовымъ положеніемъ, а противурѣчить своимъ же учрежденіямъ

я не нахожу приличности. Ничего на свѣтѣ такъ не желаю, какъ мира, а тогда я, чаю, не найду нигдѣ охотниковъ наказать Бранденбургскаго курфирста за всѣ его обиды и неправду, и я такъ увѣрена, какъ здѣсь сижу, что онъ останется безвреденъ. Вотъ какъ я примѣняюсь къ обстоятельствамъ пріучилась. Мы выиграемъ время, koliko можно; но выигравъ, объ закладъ бьюсь, что (не) будетъ ничего, а великодушно скажемъ: „Богъ съ ними, что съ ними связываться“. Здѣсь теперь холодно и во льдахъ сидимъ еще по уши. Англія донинѣ не отвѣтствовала на наше предложеніе о торговомъ трактатѣ. Что въ Финляндіи много войскъ, лишь бы онимъ умѣли дѣйствовать, въ томъ я твоего мнѣнія; но буде наши тамошніе начальники, бывъ вскормлены, такъ сказать, на войнѣ, не умѣютъ воевать, то мнѣ ихъ перепекать, аки тѣсто, также нельзя же. Теперь, мой другъ, до Петрова дня недѣль десять; сколько изъ оныхъ Богъ велитъ выиграть—не вѣдаю, а то знаю, что стараніе прилагается koliko можно. Прощай, помоги намъ Богъ, я здорова, тебѣ желаю отъ всего сердца всякаго благополучія и счастья.

Я думаю, что Валеріанъ Александровичъ доведетъ до тебя уже теперь мое письмо; ему и брату его я продолжаю давать наилучшія аттестаты; они таковы, какъ только желать можно: добросердечны, усердны и честны, и привязаны ко мнѣ лично.

Апрѣля 19-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Меня пуще всего беспокоитъ твоя болѣзнь; ради Бога берегись, вѣдь ты не изъ слабыхъ людей, но съ лѣтами нужны нѣкоторыя осторожности, охраняющія здоровье, болѣе, нежели въ первой младости; дай Боже, чтобъ ты скорѣе оправился совершенно. Кажется, вѣсти изъ Вѣны удовольствительны: король венгро-богемскій увѣряетъ меня въ своихъ письмахъ, что онъ намѣренъ содержать всѣ брата своего обязательства съ нами. О мирѣ, кажется, имѣемъ совершенную развязку, но жаль, что Гассанъ-паша умеръ. Бароціевъ журналъ довольно показываетъ положеніе дѣлъ; все зависитъ теперь отъ того, кого выберутъ визиремъ: бѣшеннаго Юсуфа, либо къ миру склоннаго. Поберегись, Христа ради, отъ своего турка, дай Боже, чтобъ я обманулась, но у меня въ головѣ опасеніе, извини меня, чтобъ онъ тебя не окормилъ; у нихъ таковыя штуки водятся, и самъ пишешь, что Гассанъ-паша едва-ли не отравленъ, а къ сему пруссаки поводъ, и можетъ быть, и умыселъ подали, и отъ сихъ враговъ всего ожидать надлежитъ, понеже злоба ихъ паче всего личная противу меня, слѣдовательно, и противу тебя, котораго болѣе всего опасаются; я желаю, чтобъ я обманулась, а нельзя не сказать, когда на умъ пришло. Хорошо, конечно, съ дру-

гой стороны, приласкать сего человѣка, естли онъ чистосердеченъ, и другимъ туркамъ подавать поводъ, чтобъ потеряли отвращеніе къ намъ.

Къ фельдмаршалу Румянцову отъ меня сего же дня отправлено письмо, гдѣ къ нему пишу, на-чисто, чтобъ выѣхалъ изъ Молдавіи, либо къ водамъ, либо въ Россію, ибо его пребываніе вредно моимъ дѣламъ,—посмотримъ, что будетъ.

За поздравленіе съ праздникомъ благодарствую и тебѣ желаю же Бога помощникомъ во всѣхъ твоихъ дѣяніяхъ къ пользѣ Имперіи. Прощай мой другъ, Христосъ съ тобою.

Мая 13-го ч.¹⁾.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Мучить меня теперь несказанно, что подъ Ригю полковъ не въ довольномъ числѣ для защищенія Лифляндіи отъ прусскихъ и польскихъ набѣговъ, коихъ теперь почти ежечасно ожидать надлежитъ по обстоятельствамъ дѣлъ. Я надѣюсь, что на Ригу, безъ большой арміи, предпріятіе всякое тщетно будетъ; корпусъ прусской, куда назначенной, сказываютъ, тридцати-тысячной, дезерцію въ ономъ стараніе приложено будетъ умножить. Но совсѣмъ тѣмъ корпусъ войскъ въ Лифляндіи крайне былъ-бы нуженъ. Король шведской мечется повсюду яко угорѣлая кошка и конечно истощаетъ всѣ свои возможности на нынѣшнее время; на долго-ли сіе будетъ, не вѣдаю, только то знаю, что одна премудрость Божія и Его всеильныя чудеса могутъ всему сему сотворить благой конецъ. Диспозиція шведскаго великаго адмирала принца Карла нечаянно сама собою въ оригиналѣ приплыла къ ревелскому берегу съ созженнаго шведами, я чаю, корабля; какъ они втрое были сильнѣе, то хотѣли наши корабли, окружа корабль за кораблемъ, плѣнить и для того были опредѣлены фрегаты, коимъ плѣненные корабли отвести надлежало, но вмѣсто того Богу угодно было намъ отдать шведской корабль, а наши—всѣ цѣлы. Теперь Кронштадтской флотъ пошелъ на соединеніе съ Ревельскимъ, а я молю Всевышняго, да поможетъ намъ чудесами своими: когда люди коротки, тогда Богъ всеильной оказываетъ свое могущество. Любопытна я знать, кто визиремъ; здѣсь вѣсти есть будто Юсуфъ-паша объявитель войны. Странно, что воюющіе все хотятъ, а имъ нуженъ миръ; шведы же и турки дерутся въ угодность врага нашего скрытнаго, новаго европейскаго диктатора, которой вздумалъ отнимать и даровать провинціи, какъ ему угодно: Лифляндію посулилъ съ Финляндіей шведамъ, а

¹⁾ Одного письма, съ извѣстіемъ о разбитіи шведскаго флота, не достаесть. Дѣло было у Ревеля. Л.

Галицію полякамъ; послѣднее заподлинно, а первое—моя догадка, ибо шведской король писалъ къ испанскому министру, что когда прусской король вступитъ въ войну, тогда уже безъ его согласія ему нельзя мириться, да и теперь ни на единый пунктъ, испанскимъ министромъ предложенный, не соглашается, а требуетъ многое себѣ по прежнему.

Пришли, пожалуй, скорѣе извѣстіе, гдѣ и какъ войска расположены, для выполненія твоего плана, также о Кречетниковѣ; Христось вѣдаетъ, гдѣ онъ, а въ Украинѣ донинѣ его нѣтъ. Прощай, мой другъ, будь здоровъ и увѣдомляй меня почаще.

Твоему кавалергардскому корнету непрерывно, ни единой минуты продолжаю давать самый лучший аттестатъ.

Мая 14-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. По написаніи вчерашняго письма, твой курьеръ пріѣхалъ съ отправленіями отъ 2-го мая. За поздравленія твои съ праздниками благодарю и весьма знаю, что они искренны и чистосердечны.

Экспедиція генераль-поручика Вибикова весьма странна и ни на что не похожа; я думаю, что онъ съума сошелъ, людей держалъ сорокъ дней въ водѣ почти и безъ хлѣба; удивительно, какъ единой остался живъ, я почитаю, что немного съ нимъ возвратилось; дай знать сколько пропало, о чемъ весьма тужу. Если войско взбунтовалось у него, то сему дивиться нельзя, а болѣе сорока-дневному ихъ терпѣнію. Сіе дѣло нѣсколько похоже на Тотлебеново и Сухотина во время прошедшей войны. Что тебѣ заботъ и трудовъ будетъ стоять испорченное поправить, это правда, дай Боже тебѣ силы и здоровья. Только симъ письмомъ, на которое теперь отвѣтствую, ты весьма на меня угодилъ; какъ Богъ дастъ, что миръ заключишь, тогда увидимъ, что дѣлать надлежитъ; я писала безъ гнѣва, одно мое опасеніе, что обиды, сдѣланныя Россійской Имперіи, иногда не принимались съ тѣмъ чувствомъ, которое рвеніе къ достоинству ея въ моей душѣ впечатлѣло, *toute ma vie a été employée à maintenir la Splendeur de la Russie, il n'est donc pas étonnant que les offenses et les injures qu'on lui fait me soient insup. portables à supporter en silence et à les dissimuler comme nous avons fait jusqu'ici par cette prudence momentanée qui l'exige; mais souvent en les étouffant de pareils ressentimens intérieurs jusqu'ici, n'en deviennent que plus vifs*¹⁾. Я съ тобою говорю,

¹⁾ Вся жизнь моя была посвящена поддержанію блеска Россіи и потому не удивительно, что обиды и оскорбленія ей наносимыя, я не могу терпѣть молча и скрывать ихъ, какъ мы это дѣлали донинѣ, ради минутной осторожности того требовавшей; но весьма часто подавляя въ себѣ подобныя чувства внутренняго злопамятства мы ихъ тѣмъ болѣе усиливаемъ.

ибо съ собою, а дѣлать буду, что разумъ самый безпристрастный укажетъ кстати и ко времени.

Естьли визирь избранъ съ тѣмъ, чтобъ не мѣшать миру, то, кажется, ты намъ вскорѣ доставишь сіе благополучіе; съ другой же стороны, дѣла дошли до крайности, какъ увидишь изъ бумагъ; естьлибъ въ Лифляндіи мы имѣли корпусъ тысячъ до двадцати, то бы все безопасно было; да и въ Польшѣ перемѣна ускорилаь. Я къ тебѣ писала, что ловчѣе всего Андрея Разумовскаго туда послать, жена его Вѣнка и онъ тамъ связи имѣеть, неглупъ и молодость уже улеглась, *et il paroît être devenu beaucoup plus prudent* ¹⁾, обжегся много, даже до того, что оплѣшивѣлъ. Принцъ Виртембергской пріѣхалъ и въ жалкомъ состояніи, я его сего утра видѣла впервые и опасаясь, чтобъ не было въ послѣдній, *on veut lui faire deux operations, il est fort resigné, sa soeur croit qu'au bout de six semaines il pourra s'en retourner à l'armée, mais les chirurgiens regardent l'operation comme très dangereuse. Adieu mon cher ami, je vous aime de tout mon coeur* ²⁾ и молю Бога о твоёмъ здоровьи и благихъ успѣхахъ въ мирѣ и войнѣ, а ты умница.

Спасибо тебѣ еще за то, что ты ласковъ къ Платону Александровичу, онъ того стоитъ — чистосердечною привязанностію ко мнѣ, добрымъ нравомъ и качествами души и сердца его.

Къ фельдмаршалу Румянцову я писала, чтобъ непремѣнно выѣхалъ изъ Молдавіи.

Изъ Финляндіи на сей часъ новаго ничего нѣтъ.

Іюня 8-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ. Письма твои отъ Троицына дня и отъ 29-го мая мною получены; ежели ты обрадовался много чудесамъ Божиимъ у Ревеля, то послѣдствія оныхъ не менѣе тебѣ пріятны будутъ; когда шведы узнали, что Крузъ съ флотомъ вышелъ изъ Кронштадта, они вздумали помѣшать соединенію обѣихъ эскадръ и, пришедъ въ Гогландъ, близъ Сескара, атаковали Кронштадтскую эскадру, 23-го мая, безъ всякаго успѣха; сія стрѣльба продолжалась и 24-го и 25-го, гдѣ уже адмиралъ Крузъ за ними шелъ, они все старались подойти къ нимъ ближе; въ послѣдній день шведы изъ цѣлаго корабельнаго лага, примѣчено, что не болѣе трехъ ядръ пускали. Всѣ сіи три дня, какъ въ городѣ, такъ и здѣсь, стрѣльба

¹⁾ И, кажется, онъ сдѣлался гораздо благоразумнѣе.

²⁾ Ему хотять дѣлать двѣ операціи, онъ совершенно покорился своей судьбѣ; сестра его думаетъ, что, по простествіи шести недѣль, онъ можетъ возвратиться въ армию, но хирурги считаютъ операцію весьма опасною. Прощайте, мой дорогой другъ, я люблю васъ всѣмъ сердцемъ.

весьма ясно слышна была, и то нами примѣчено было, что стрѣльба отдалялась.—26-го мая шведы узнали, что отъ Ревеля адмиралъ Чичаговъ идетъ съ одиннадцатью кораблями на соединеніе съ Кронштадтскою эскадрою; тогда они соединились съ своею гребною флотиліею, которая ихъ втянула за мели, за каменья и между острововъ въ Выборгскій заливъ; тутъ они доднесъ еще здравствуютъ, бывъ съ моря заперты нашимъ все́мъ флотомъ корабельнымъ, съ боковъ же стараніе прилагается день ото дня гребному флоту ихъ, зашедшему въ Березовой Зундъ, отрѣзать возможность къ выходу; позади шведскаго флота у Странгзунда стоитъ съ тридцатью галерами вице-адмиралъ Козляиновъ, а Нассау долженъ идти отъ правой стороны Кронштадта съ гребными судами къ Біоркѣ, Слизовъ же изъ Фридрихсгама придетъ съ добрымъ числомъ канонерскихъ лодокъ къ нашимъ же кораблямъ и фрегатамъ; отъ Ревеля же идутъ бомбарды и прамы, и, естъли Богъ поможетъ, то, кажется, что изъ сей мышеловки цѣлы не выйдутъ.

Между тѣмъ въ бухтѣ Выборгской они мечутся, аки угорѣлыя кошки, то туда, то сюда, и дѣлаютъ десанты, и стараются гдѣ-нибудь находить или подѣлать пролазу: въ ночь съ 6-го на 7-е іюня, они атаквали Буксгевдена на островѣ у Ронсара, но онъ ихъ съ большимъ урономъ принялъ на штыки и прогналъ на воду паки, въ конфузїи, до лодокъ, откуда вышли; въ плѣнъ взялъ 40 человекъ, двухъ офицеровъ, четыре знамени. Сказываютъ, у нихъ половинную порцію производятъ людямъ, и когда по воду посылаютъ, тогда люди бѣгутъ, и таковыхъ уже человекъ сто. Ферзенъ и Рекъ стоятъ близъ праваго берега, отъ Выборга по сю сторону, и содержатъ комуникацію съ Систербеккомъ, гдѣ на батарее Милосинъ. Я ѣздила 29-го мая въ Петергофъ и Кронштадтъ, тутъ стрѣльба такъ слышна была въ три первые дни, что окна тряслись; вотъ, мой другъ, каковы мои загородныя упражненія, естъ чѣмъ заниматься, и, кажется, по сю пору Богъ помогъ; молимся, да продлитъ милость свою. Въ тѣ дни, когда шведской флотъ атаквалъ Круза, Армфельдъ атаквалъ Хрущева, но сей его прогналъ; тутъ роты Семеновскія оти́вно хорошо поступали и двое капитановъ получили и заслужили Егорьевскіе кресты, и такъ, прошу не называть ихъ инако, какъ храбрыми людьми. Васильчиковъ же очень хорошо ретираду закрылъ Денисова, и такъ, прошу къ нему быть ласковымъ, онъ того заслуживаетъ, а Маркова я сдѣлаю секундъ-маіоромъ; въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ будетъ никакъ неизлишенъ, ибо почти вся гвардія въ дѣлѣ и съ большимъ усердіемъ и рвеніемъ, они же ко мнѣ лично привязаны и я

ихъ очень люблю и всѣ лучшіе люди почти изъ нихъ вышли, и ваша свѣтлость сами и теперь Преображенскаго полка подполковникомъ.

Я писала къ принцу владѣтельному Ангальтъ-Бернбургскому, дабы узнать о состояніи жены и матери покойнаго генераль-поручика того дома. Что пишешь о томъ, что ты одѣлся въ кафтанъ, сдѣланный изъ солдатскаго сукна, сіе я весьма хвалю и желаю, чтобъ всѣ генералы и офицеры переняли.

До половины іюля надѣюсь, что дѣла протянемъ съ пруссаками. А твой присланной по сей матеріи планъ въ подной мѣрѣ я апробую, и то хорошо, что кн. (Юрію Владиміровичу) Долгорукову поручить намѣрень. я думаю, что онъ уже у васъ. Если миръ сдѣлаешь, то все облегчится, но трудно думать, чтобъ турки, безъ крайности, къ оному нынѣ приступили. Счастливый тебѣ путь въ Херсонъ желаю, здоровья и силъ, душевныхъ и тѣлесныхъ. Прощай, Богъ съ тобою.

Чистосердечная, усердная привязанность кавалергардскаго корнета (Пл. А. Зубова) и его добронравіе симъ засвидѣтельствую, а брата его, рѣзвущу, тебѣ снова поручаю и прошу тебя имѣть о немъ попеченіе, а братъ нѣсколько о немъ беспокоится. но я надѣюсь, что причинъ не имѣеть; онъ къ нему не пишетъ.

Кн. Потемкинъ—Императрицѣ.

(Помѣта: получено по почтѣ. іюня 23-го).

Матушка всемилостивѣйшая государыня! Давно уже написавъ мое отправленіе, ожидалъ всякій день возвращенія изъ посланныхъ моихъ къ визирю; получа первое теперь, подношу кошію съ письма визирскаго.

Матушка родная, при обстоятельствахъ васъ отягощающихъ, не оставляйте меня безъ увѣдомленія; неужели вы не знаете мѣру моей привязанности, которая особая отъ всѣхъ; каково мнѣ слышать со всѣхъ сторонъ нелѣпыя новости и не знать вѣрно-ли, или нѣтъ. Забота въ такой неизвѣстности погрузила меня въ несказанную слабость: лишась сна и пищи, я хуже младенца. Всѣ видятъ мое изнуреніе. Ѣхать въ Херсонъ, сколько ни нужно, не смогу двинуться.

Если моя жизнь чего нибудь стоитъ, то въ подобныхъ обстоятельствахъ скажите только, что вы здоровы ¹⁾.

¹⁾ Этотъ отрывокъ былъ напечатанъ у Бантыша-Каменскаго, см. Біографіи российскихъ генералиссимусовъ и т. д. С.-Петербургъ. 1840 г. Часть вторая, стр. 75, и Словарь достопамятныхъ людей, IV. 214. П. Л.

Положеніе шведскаго флота столь намъ по милости Божіей полезно, что остается довершить, что должно учинять, какъ можно скорѣй; ежели пойдетъ вдаль, могутъ случиться разныя обстоятельства, а паче отъ погоды. Есть въ арсеналѣ пушки длинныя, которыя несутъ на дальнюю дистанцію; поставя на суда, какого ни на есть роду, гальоты и другія годятся, ими, не подвергаяся выстрѣламъ, бить можно.

Мортиры морскія пятипудовыя, съ мѣдными платформами, посылаютъ бомбы на четыре версты, а всего лучше, положи надежду на Христа Спасителя, идти прямо.

Какъ слабость пройдетъ, отправлю курьера съ подробнымъ описаніемъ непріятельскаго положенія. Пока живъ, вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный князь Потемкинъ Таврической.

Корнета моего ¹⁾ я паче и паче люблю за его вамъ угодность; о братѣ его я все приложу попеченіе сдѣлать его годнымъ въ военномъ званіи, въ которомъ проведу чрезъ всѣ наши мытарства; не упущу ничего къ его добру, а баловать не буду.

Екатерина II—князю Потемкину.

Іюня 28-го ч.

Ну, другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ, есть что писать. Король шведской съ корабельнымъ и галернымъ своимъ флотомъ былъ запертъ отъ 24-го мая до 21-го іюня, какъ я къ тебѣ писала; во все то время вѣялъ восточный вѣтеръ и совершенно противный нашему гребному флоту; между тѣмъ успѣли паки настроить въ Петербургъ кононерскихъ шлюпокъ на мѣсто потерянныхъ Слезовымъ; наконецъ, 20-го повѣялъ и вѣтеръ, способной гребнымъ судамъ, и принцъ Нассау, съ онымъ вышелъ въ Березовой зундъ, имѣлъ съ королемъ шведскимъ самимъ и его гребными судами пятичасовое дѣло, по которомъ король шведской отступилъ и пошелъ далѣе по Выборгской бухтѣ, и, соединясь съ карабельнымъ своимъ флотомъ, предпринялъ съ онымъ пробиться сквозь нашъ флотъ; что-же сдѣлалось по власти и мудрости Божеской? Зажегши три брандера, шведы пустили оные, при сильномъ нордовомъ вѣтрѣ, на пять ко-

¹⁾ Слово моего прибавлено княземъ Потемкинымъ, конечно, послѣ, потому что оно написано немного повыше строки, почеркомъ болѣе толстымъ и другими чернилами.

Здѣсь говорится о Платонѣ Александровичѣ Зубовѣ. Кн. Потемкинъ былъ шефомъ Кавалергардскаго полка, а П. А. Зубовъ въ 1790 году пожалованъ корнетомъ Кавалергардскаго корпуса.

раблей отряда контръ-адмирала Повалишина; но брандеры спѣнились съ двумя шведскими кораблями и всѣ пять шведскіе взлетѣли на воздухъ, нашъ ни одинъ; потомъ шведы шли четыре часа мимо Повалишина. Что онъ взялъ, что онъ потопилъ, а за нимъ Ханыковъ, увидишь изъ реестра, а моей памяти не достаетъ; Чичаговъ, Крузь и Пушкинъ, снявшись, между тѣмъ, съ якорей, пошли въ догонку; что они взяли и разбили—прошу прочесть также; за галернымъ шведскимъ флотомъ пустился равномерно Нассау, одинъ 60-ти (пушечный) корабль ему сдался; у Питкопаса стоялъ Кровиъ, сей и нынѣ еще плетъ плѣнные галеры одну за другою въ Бронштадтъ; въ Ревель приведено одинъ 44-хъ, а другой 64-хъ пушечной корабль, и теперь еще ловля идетъ; однимъ словомъ, донныѣ еще всѣ обстоятельства сей совершенной побѣды не собрано, плѣнныхъ тысячи до пяти, пушекъ до восьмисотъ, а мелкихъ судовъ счету нѣтъ еще. Король, сказываютъ разно: одни—будто ушелъ на баркасѣ, между провіантскихъ двухъ судовъ; другіе, что былъ на своей яхтѣ „Амфіонъ“, коя потоплена, и будто сошелъ съѣлъ на галеру, сія галера взята, съ ней соскочилъ въ шлюпку; сія шлюпка также взята, съ шлюпки сошелъ въ боть, боть сей ушелъ; завтраъ его взять: онъ состоялъ изъ шести сухарей, копченаго гуся и двухъ штофовъ водки. Братъ королевской уѣхалъ на своемъ, весьма разбитомъ, кораблѣ въ Свеаборгъ, предъ которымъ теперь Чичаговъ крейсируетъ. Поздравляю тебя съ сегоднешнимъ праздникомъ и съ сею побѣдою; разрѣшилъ насъ Богъ отъ бремени и обрадовалъ тебя Чичаговъ еще разъ, какъ видишь; вчераъ, въ день полтавской баталіи, былъ у меня здѣсь молебень, а въ воскресенье поѣду въ городъ, и будетъ молебень въ морской церкви у Николая Чудотворца. Прощай, Богъ съ тобою; сказываютъ, будто пруссаки, съ перваго іюля, выступятъ въ походъ, о чемъ также тебя извѣщаю; чрезъ Курляндію хотятъ идти къ Ригѣ, а король уже давно въ Бреславлѣ и переговоры донныѣ еще идутъ въ Рейхенбахѣ.

Корнетъ твой обрадовался твоей присылкѣ и продолжаетъ непрерывно по прежнему свое похвальное поведеніе.

Іюля 1-го ч. .

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Вчераъ я ѣздила въ городъ для приношенія Богу благодаренія за побѣду, одержанную при выходѣ шведскаго флота изъ Выборгской бухты; донесъ никто у насъ не вѣдаетъ куда дѣвался король шведской; странно, что и изъ-за границы выходящіе дезертиры о семъ ничего не вѣдаютъ, а плѣнные шведы, въ семъ сраженіи взятые, его кля-

нутъ и проклинають, и духъ ихъ даже до того обращенъ въ нашу сторону, что своихъ не слушали, а наши что велятъ—исполняютъ непрекословно.

Сего утра получила твои письма изъ Кокотани отъ 13-го и 23-го іюня. Вижу я изъ оныхъ, что полномочные изъ Царяграда послѣ байрама отправятся; но берегись, чтобъ не проѣхали мимо тебя въ Рейхенбахъ въ Силезію, на мнимый конгрессъ короля прусскаго, гдѣ онъ старается трактовать и намъ законы предписать, либо поставить посреди пяти огней. Союзникъ, какой ни есть, но безъ него еще тяжелѣе быть можетъ, ибо законы принять отъ прусскаго короля мнѣ не сродно, а Россіи—еще менѣе. Что Кобургъ плохъ, сіе довольно извѣстно. Не будетъ намъ покоя, пока прусской король не будетъ битъ, и надобно необходимо промыслять—чѣмъ. Теперь, мой другъ, самъ пишешь, какъ тебѣ безпокойно было не имѣвъ извѣстій отъ насъ; разсуди самъ, каково мнѣ, когда не имѣла недѣли по три и по четыре писемъ отъ тебя. Я не знаю, какъ по сю пору силы доставало, однако донинѣ я здорова и жалѣю очень, что ты жалуешься на слабость; молю Бога, да укрѣпитъ тя. Что пишешь о своемъ корнетѣ и его братѣ, его совершенно успокоить и онъ будетъ весьма благодаренъ, въ безпорочности сердца своего, которое безъ каверзъ совершенно. Прости, мой другъ любезной, Богъ съ тобою.

Іюля 17-го ч.

Благодарствую, другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ, за твое поздравленіе съ прошедшимъ праздникомъ восшествія моего и за чувства, при томъ изъясненныя; я вѣдаю, что они чисто-сердечны; жалѣю, что здоровье твое не по моему желанію. Дай Боже, чтобъ турки нашимъ флотомъ отъ предпріятія на Тавриду отражены были, подобно какъ шведы при выходѣ изъ Выборгской бухты, о чемъ думаю, что ты, вскорѣ по отправленіи твоихъ писемъ отъ 5-го іюля, получилъ отсель увѣдомленіе. Но послѣ сей, прямо славной побѣды, шесть дней (спустя), послѣдовало несчастное дѣло съ гребной флотилією, которое мнѣ столь прискорбно, что послѣ разнесенія Черноморскаго флота бурєю, при начатіи нынѣшней войны, ничто столько сердце мое не сокрушило, какъ сіе. Описаніе увидишь изъ посланныхъ бумагъ; пуще всего—великая потеря въ людяхъ. Не унывая въ семъ несчастіи и замыкая печаль горькую въ сердцѣ моемъ, я стараюсь, чтобъ общему дѣлу возратить поверхность koliko можно. Вижу изъ твоихъ писемъ, что полки въ движеніи, но что, при лучшемъ присмотрѣ, больныхъ много. Вы жалуетесь, что у васъ были жары сильныя, а здѣсь отъ самой весны ни единого дня теплаго еще

не было, а все холодно, такъ что окошекъ нельзя открыть. Я думаю, что король венгерской старается протягивать негоціаціи. Булгаковъ поѣхалъ въ Польшу, и болѣе двухъ недѣль на Москвѣ и въ Бѣлоруссіи не проживетъ. Благодарствую за присланныя ко мнѣ матеріи; платье изъ нихъ заказала шить во ожиданіи теплаго времени; по числамъ каникулы, но по погодѣ самой сентябрь, дожди и вѣтры съ моря почти непрерывныя.

О переформированіи здѣшнихъ полковъ и морскихъ баталіоновъ я тебѣ скажу, что теперешнее время неудобно: здѣсь войска мало, и къ зимѣ великой некомплектъ окажется; подобныя распоряженія лучше дѣлать въ мирное время. О егерскомъ корпусѣ Финляндскомъ пишешь, чтобъ его отдать, по заочности графа Ангальта, барону Палену, но сей корпусъ раздѣленъ въ арміи по всей Финляндіи на сухомъ пути, и баронъ Паленъ также отсутственъ, командуетъ на гребной флотиліи, гдѣ необходимъ же. 20-го іюля баронъ Игельстромъ будетъ имѣть свиданіе съ оберъ-камеръ-юнкеромъ Армфельдомъ; чтò они сложатъ, не вѣдаю, но буде слухи справедливы о народномъ волненіи въ Швеціи, то вѣроятно, что миръ не замѣшкается. Вотъ тебѣ наши хорошія и дурныя вѣсти. Христосъ съ тобою.

Корнетъ твой мнѣ вручилъ твои послышки и непрерывно тотъ же.

Іюля 27-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Дарованная намъ отъ Бога надъ турецкимъ флотомъ побѣда, о которой ты краткую записку приложилъ при отправленіи твоихъ писемъ отъ 13-го іюля, меня много обрадовала; теперь живу во ожиданіи присылки отъ тебя обстоятельнаго извѣстія о семъ дѣлѣ; между тѣмъ, получишь съ симъ курьеромъ о здѣшнихъ происхожденіяхъ увѣдомленіе; чрезъ нѣсколько дней узнаемъ коварно-ли или съ прямымъ намѣреніемъ заключить миръ король шведской завелъ непосредственныя переговоры о семъ дѣлѣ; естли заподлинно правда, какъ слухъ носится, что въ Швеціи завелись замѣшательства, то чаю, что непродолжительно миръ совершится; по плѣннымъ судя, кои при Выборгскомъ дѣлѣ взяты, то его величество у нихъ нынѣ не въ лучшемъ кредитѣ. Я чаю, когда турки услышатъ, что онъ мирится, а пруссаки замѣшкается, подяки же отъ наступленія отнѣживаются, то неужели что они глаза не откроютъ; чего имъ ждатель лучше какъ получить миръ, потерявъ лишь по Днѣстръ, а король шведской да и прусской съ нихъ бездну денегъ возьмутъ, а на пятакъ барыша не принесутъ. Прощай, Богъ съ тобою, пиши почаще.

Англичане или, лучше сказать, король англійской слѣпо предался

въ вѣдѣнія прусскаго; ежели же вѣнсвой дворъ особенно помирится, мы останемся, какъ были въ прошедшей войнѣ, но уже не будетъ, какъ донинѣ было; а ежели пруссаки насъ задержатъ, то вѣнсвой дворъ долженъ будетъ вступиться; но до сего вѣроятно, что не дойдетъ, ибо наступательно ежели ему поступать, то его союзники поодумаются.

У насъ три дни лѣто было, а вчерась опять стало дождливо, однако, хлѣбъ и сѣно повсюду весьма изобильны. Будь здоровъ; я при всѣхъ хлопотахъ довольно здорова.

Хорошій и пріятный нравъ твоего корнета многія скуки прогоняетъ.

Августа 5-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ. Велѣлъ Богъ одну лапу высвободить изъ вязкаго мѣста. Сего утра я получила отъ барона Игельстрома курьера, который привезъ подписанной имъ и барономъ Армфельдомъ миръ безъ посредничества, 3-го августа; отстали они, естли смѣть сказать, моею твердостію лично одной, отъ требованія, чтобъ принять ихъ ходатайство у турокъ и способствованіе къ миру, но тирру! не получили, а королю прусскому, чаю, сей миръ не весьма пріятенъ будетъ; теперь молю Бога, чтобъ тебѣ помогъ сдѣлать тоже и съ турками. Побѣду Черноморскаго флота надъ турецкимъ мы праздновали вчерась молебствіемъ въ городѣ, у Казанской, и я была такъ весела, какъ давно не помню. Контръ-адмиралу Ушакову великое спасибо прошу отъ меня сказать и всѣмъ его подчиненнымъ. Ты видишь, что симъ наскоро отвѣтствую на твои письма отъ 20-го іюля, и такъ спѣшу, какъ нельзя болѣе, чтобъ тебя скорѣе увѣдомить о нашихъ не мало-важныхъ вѣстяхъ.

Пришли, Христа ради, скорѣе росписку Очаковскаго папи о полученіи денегъ, отъ турокъ пересланныхъ къ нему, чтобъ французы перестали мучить вице-канцлера о полученіи имъ тѣхъ денегъ; они вздумали, что у насъ деньги подобныя крадутъ и удерживаютъ, какъ у нихъ. Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою.

Твой корнетъ, по своей привязанности чистосердечной, несказанно радъ миру, что самъ тебѣ изъяснить.

Августа 9-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Сегодня размѣняютъ въ Верелѣ ратификаціи мирныя со шведомъ, и сей курьеръ отправляется къ тебѣ, чтобъ тебѣ сообщить сюда присланныя, по моему, постыдныя деклараціи, размѣненныя въ Рейхенбахѣ. Касательно до насъ предписываю тебѣ непременно отнюдь не посылать

никого на ихъ глупый конгрессъ въ Букарестъ, а постарайся заключить свой особенной для насъ миръ съ турками, въ силу тебѣ данной и мною подписанной инструкціи:

Пруссакъ наки заговариваетъ полякамъ, чтобъ ему уступили Данцигъ и Торнъ, сей разъ на нашъ счетъ, лаская ихъ, что имъ отдастъ Вѣлоруссію и Кіевъ. Онъ всесвѣтной распорядитель чужаго. Гольцу сдѣланъ будетъ учтливой отвѣтъ, ничего не значущій, на его сообщеніе о рейхенбахской негоціаціи. Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою.

(Въ августѣ).

Одну лапу мы изъ грязи вытащили; какъ вытащимъ другую, то прооемъ Аллилуія. А *groros de cela* Платонъ Александровичъ мнѣ отдалъ Сартіевы хоры, два очень хороши, а „Тебѣ Бога хвалимъ“— жаль, что въ церкви пѣть нельзя, по причинѣ инструментовъ, онъ всего искуснѣе.

Благодарствую за сію присылку, теперь „Олега“ заготовить къ праздникамъ сѣвернаго замиренія, въ которомъ мы приобрѣли пресѣченіе военныхъ дѣйствій и, слѣдовательно, берегли людей и деньги; шведы же почувствуютъ надолго, и весьма его величество у нихъ становится нелюбимъ. Сказываютъ, что король прусской 120 офицерамъ своимъ въ Силезіи вдругъ далъ абшидь. Прямой причины еще никто не знаетъ, если свѣдаешь—скажи мнѣ. *Hertzberg dit à qui veut bien l'entendre qu'il est lui accablé de chagrin, on n'en devine pas la cause, ce ne sauroit être les affaires de son maitre qui lui donnent ce chagrin, car elles vont à merveille, ils ont dépensé 25 millions en armement, et en intrigue aussi quelques millions, mais qu'est ce que trente millions pour des gens qui prétendent faire la joy à tout le monde, et qui ont un tresor immense d'argent monayé* ¹⁾.

Августа 22-го ч.

Князь Григорій Александровичъ. По заключеніи мира съ королемъ шведскимъ, французской службы волонтеръ, служившій на гребной нашей флотиліи, полковникъ графъ Ланжеронъ, просилъ меня дозволить ему ѣхать въ армію нашу, подъ вашимъ главнымъ предводительствомъ находящуюся; въ чемъ, видя его желаніе, отказать при-

¹⁾ Герцбергъ говоритъ каждому, кто хочетъ слушать, что онъ удрученъ скорбію: не могутъ угадать тому причины, но онъ груститъ не о дѣлахъ своего государя, которыя идутъ чудесно: онъ истратилъ на вооруженіе 25 милліоновъ, да на интриги еще нѣсколько милліоновъ; но что значать тридцать милліоновъ для людей, которые хотятъ предписывать законы цѣлому свѣту и имѣютъ сокровища въ звонкой монетѣ.

чины не находила; а какъ онъ вездѣ оказалъ, паче же при Біоркскомъ прогнаніи шведскаго гребнаго флота, приличные его благородству постушки и храбрость, лично же отнюдь не зараженья народа своего нынѣшней, обществу зловредной, пагубой, но оную оплакиваетъ при всякомъ случаѣ, того для разсудила за благо ему сіе для него рекомендательное письмо начертать; окажи ему признанной приѣмъ, онъ своевременно, въ своей землѣ, будетъ одинъ изъ тѣхъ, кои стараться стануть о восстановленіи королевской власти непремѣнно. Препываю, какъ всегда, къ тебѣ доброжелательная Екатерина.

Августа 29-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ. Чрезъ сіи строки отвѣтствую на письма твои отъ 3-го, 10-го и 18-го августа касательно несчастной потери части флотилии, о коей упоминаешь; вотъ каково мое было поведеніе въ семъ дѣлѣ: кой часъ Турчаниновъ ко мнѣ пріѣхалъ съ симъ извѣстіемъ. я болѣе старалась умалять несчастье и поправить, какъ ни на есть, дабы непріятелю не дать время учинить намъ наивышшій вредъ, и для того приложила всевозможное попеченіе къ поднятію духа у тѣхъ, кои унывать бы могли; здѣсь же выбрать было не изъ много излишнихъ людей, но вообще дѣйствовано съ наличными, и для того я писала къ Нассау,—который просилъ, чтобъ я его велѣла судить военнымъ судомъ,—что онъ уже въ моемъ умѣ судимъ, понеже я помню въ сколькихъ битвахъ побѣдилъ враговъ Имперіи, что нѣтъ генерала, съ кѣмъ не могло случиться несчастье на войнѣ, но что вреднѣе уныніа ничего нѣтъ, что въ несчастіи одномъ духъ твердости видно; тутъ ему сказано было, чтобъ онъ собралъ, что собрать можно, чтобъ истинную потерю описалъ и прислалъ, и все, что надлежало дѣлать и взыскать, и наконецъ сими распоряженіями дѣло въ мѣсяцъ ¹⁾ до того паки доведено было, что шведской гребной флотъ паки запертъ былъ, и въ такомъ положеніи, что весь пропастъ могъ, что немало и помогло миру. Что ты сей миръ принялъ съ великой радостію, о семъ нимадо не сомнѣваюсь, зная усердіе твое и любовь ко мнѣ и къ общему дѣлу. Ласкательно для меня изъ твоихъ устъ слышать, что ты оный приписуешь моей неустрашимой твердости. Какъ инако быть Императрицѣ Всероссійской, имѣя шестнадцать тысячъ верстъ за спиною и видя добрую волю и рвеніе народное къ сей войнѣ. Теперь, что насъ Богъ благословилъ симъ миромъ, увѣряю тебя, что ничего не пропущу, чтобъ съ сей стороны насъ впередъ обезпечить, и доб-

¹⁾ Было написано и зачеркнуто: «въ двѣ или три недѣли».

рое начало къ сему уже проложено: отъ короля шведскаго сюда ѣдетъ генералъ Стедингъ, а я посылаю фонъ-деръ-Палена на первой случай.

Я увѣрена, что ты, съ своей стороны, не пропустишь случай полезной къ заключенію мира, неужели что султаны и турки не видятъ, что шведы ихъ покинули, что пруссаки, обѣщавъ имъ трактатомъ насъ и вѣнскій дворъ атаковать въ прошедшую весну, имъ чисто солгали, съ нихъ же требовать будутъ денегъ за издержки, что вооружились; чего дураки ждать могутъ: лучше мира отъ насъ не достанутъ, какъ мы имъ даемъ; а послушаютъ короля прусскаго—вѣкъ мира не достанутъ, понеже его жадности конца не будетъ; я думаю, ежели ты все сіе въ нимъ своимъ стилемъ напишешь, ты имъ глаза откроешь.

У васъ жары, и засуха, и рѣки безъ воды, а у насъ, съ мая мѣсяца, какъ дожди пошли, такъ и доннѣ нѣтъ дня безъ дождя и во все лѣто самое несносное время было и мы рукъ не согрѣли. Съ несмыслиною скоростію ты перескакалъ изъ Очакова въ Бендеры, мудрено ли ослабѣть послѣ такой скачки? Рекомендованныхъ отъ тебя, а именно, твоего достойнаго корнета и графа Безбородку, о которыхъ просишь, будь увѣренъ, не оставлю безъ оказанія милости и отличія. За присланную ко мнѣ прекрасную табакерку и за хорошій весьма коверъ благодарствую, то и другое весьма мнѣ нравится, и слѣдовательно, сдержи слово: ты обѣщался быть веселъ, ежели понравятся, а я люблю, чтобы ты былъ веселъ. Празднованіе шведскаго мира здѣсь я назначила въ осьмой день сентября, и стараться буду, сколько смысла есть, изворотиться; но часто, мой другъ, чувствую, что во многихъ случаяхъ хотѣлось бы съ тобою говорить четверть часа. Игельстрома пошлю съ полками, финскую войну отслужившими, въ Лифляндію. Что болѣзни у васъ въ людяхъ умножаются, о семъ очень жалѣю; несказанно сколько больныхъ было и здѣсь съ весны. Касательно до фельдмаршала Румянцева и его пребыванія, подъ разными выдумками, въ Молдавіи, я думаю, что всего лучше послать ему сказать, что легко случится можетъ, что турки его вывезутъ къ себѣ скоро, ежели онъ не уѣдетъ, а если сіе не поможетъ, то послать къ нему конвой, который бы его, сберегая, выпроводилъ; но воистинну, ради службы прежней, сберегаю колько можно изъ одной благодарности и памятиу заслуги его персоны, а предки мои иначе бы поступали.

Булгаковъ уже долженъ теперь быть въ Варшавѣ; миръ со шведами тамъ, такъ какъ вездѣ, поразстроилъ злостные умы; увидимъ, какія мѣры возьмутъ, а ежели тебѣ Богъ поможетъ турокъ уговорить,

то наивящіе враги уймутся. Прощай, мой другъ, Христосъ съ тобою. Завтра, въ день Святаго Александра Невскаго, кавалеры перенесутъ мощи его въ соборную того монастыря церковь и ее освятятъ въ моемъ присутствіи, и столъ кавалерской будетъ въ монастырѣ, а за другимъ съ великой княгинею будетъ духовенство и прочіе пять классовъ, какъ бывало при покойной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Пребываю съ непремѣннымъ доброжелательствомъ.

Завтра, дастъ Богъ здоровья, при столѣ въ Невскомъ монастырѣ, будутъ пѣть со всѣми инструментами „Тебѣ Бога хвалимъ“, что ты ко мнѣ прислалъ. Новгородскому и Петербургскому митрополиту я, въ знакъ моего признанія при строеніи церкви, сегодня вручила паннагію съ изумрудами гораздо хорошую.

Что ты пишешь, что спокойно спишь съ тѣхъ поръ, что свѣдалъ о мирѣ со шведами, на сіе тебѣ скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли отъ самаго 1787 года, а въ сіи три недѣли начали узки становиться, такъ что скоро паки прибавить должно будетъ мѣру; я же гораздо веселѣе становлюсь, къ сему служить много пріятный нравъ и обхожденіе твоего корнета рекомендованнаго.

Августа 29-го ч.

Позабыла я тебѣ, другъ, сказать въ сегодняшнемъ письмѣ, что ко мнѣ прислана изъ Голландіи, отъ купца въ подарокъ, выкраденная изъ Архива французскихъ дѣлъ военныхъ книга: Описаніе, французскими инженерами сдѣланное, турецкихъ набережныхъ мѣстъ; плановъ однакоже и картъ по сию пору нѣтъ. Ее довольно любопытно знать и для того ее къ тебѣ посылаю въ подарокъ, авось либо въ чемъ ни на есть тебѣ пригодится. Прощай, Богъ съ тобою.

Сентября 8-го ч.

Князь Григорій Александровичъ. Празднуя днѣсь миръ съ королемъ шведскимъ, не могу запамятовать добрые совѣты ваши, какъ по той войнѣ, также и касательно мирнаго сего дѣла, и въ знакъ моего признанія посылаю къ вамъ перстень брилліантовой; пускай лучи, изъ онаго исходящіе, ударяютъ во зрѣніе враговъ нашихъ, да отверзутъ очи, закрытыя лестью, доводящей ихъ даже до невѣрія о семъ мирномъ постановленіи. Бога прошу да поможетъ тебѣ совершить и съ ними миръ благополучный; пребываю доброжелательна Екатерина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕКАТЕРИНА II и ГУСТАВЪ III.

Изъ эпохи Шведской войны 1788—1790 гг.

Исторія трехлѣтней войны съ Швеціею, въ царствованіе императрицы Екатерины II (1788—1790 гг.) весьма мало разработана въ нашей литературѣ, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Ислѣдователю этой эпохи приходится поэтому имѣть дѣло лишь съ сырыми архивными матеріалами, либо съ отдѣльными монографіями, содержаніе которыхъ часто противорѣчитъ одно другому. Занимаясь составленіемъ исторіи Свеаборгской крѣпости, необходимо было включить также въ кругъ этого описанія столкновеніе Густава III съ Россіею ¹⁾; считаемъ не лишними интереса нѣкоторые сообщаемые ниже матеріалы, относящіеся къ этому времени, съ которыми пришлось намъ ознакомиться при составленіи упомянутой исторіи.

I. Собственноручное письмо императрицы Екатерины II генералъ-лейтенанту барону Игельстрому ²⁾, которому поручено было

¹⁾ Первые двѣ главы этого историческаго очерка, подъ названіемъ: «Матеріаловъ для исторіи Свеаборгской крѣпости», были напечатаны въ Инженерномъ Журналѣ 1869 г. въ № 11 и 1870 г. въ № 2.

²⁾ Баронъ, въ послѣдствіи графъ, Осипъ Андреевичъ Игельстромъ, сынъ лифляндскаго дворянина, скончался въ 1817 г. Онъ участвовалъ въ 1790 г. въ кампаніи противъ шведовъ, будучи генералъ-губернаторомъ Симбирскимъ и Уфимскимъ, и сражался подъ начальствомъ графа Салтыкова. 3-го августа 1790 г. генералъ подписалъ миръ въ Верелѣ. Императрица наградила его чиномъ полнаго генерала, шпагой, осыпанной алмазами, и похвальной грамотой. Въ томъ же году Игельстромъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и былъ отправленъ посломъ въ Швецію. Въ 1793 г. онъ назначенъ въ Варшаву для начальствованія надъ русскими войсками, расположенными въ Польшѣ. Послѣ революціи 1794 г., онъ лишился команды и удалился въ Рягу. При Павлѣ, Игельстромъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Оренбургъ и черезъ два года снова отставленъ. III.

веденіе въ Верелѣ мирныхъ переговоровъ съ шведскимъ уполномоченнымъ, барономъ Армфельдомъ. Содержаніе этого письма прекрасно обрисовываетъ личность императрицы и ту непоколебимую твердость, съ которою она отклоняла всякое предложеніе, несовмѣстное съ достоинствомъ Россіи. Копія съ подлиннаго письма была въ точности снята въ 1847 году (съ сохраненіемъ екатерининскаго правописанія) покойнымъ генераль-маіоромъ В. Г. Богаевскимъ ¹⁾, который и ознакомилъ насъ съ этимъ любопытнымъ историческимъ документомъ. Передавая въ настоящее время это письмо гласности, безъ всякаго измѣненія или пропуска, мы позволили себѣ только возстановить общепотребительное правописаніе, такъ какъ извѣстно, что императрица Екатерина II писала весьма своеобразно даже и на нѣмецкомъ языкѣ.

„Monsieur le Lieutenant-Général Baron d'Igelstrom. Par vos lettres au général Comte de Soltikoff, je vois que vous en avez agi en franc et loyal chevalier dans votre négociation avec Mr. d'Armfeldt; c'est cette franchise qui vous a fait rejeter avec indignation les conditions absurdes et honteuses pour nous ²⁾ du roi de Suède et de son mignon et vous avez très bien fait; malgré cela ils ont renoués les pourparlers et visent de nouveau à nous tromper et leurrer. Tout cela se fait pour fasciner les yeux, par une négociation simulée de paix, à leurs propres gens qui la désirent et au fond ils en ont besoin. Le roi a à cela encore un autre but, celui de tirer de l'argent à ceux qui lui en donnent en leur montrant et leur faisant peur d'une négociation séparée avec nous, si on ne satisfera pas à ses besoins et son avidité. De moi on veut acheter cette paix ou par de l'argent ou par des sacrifices, ou en me trompant par des paroles vagues, qu'on expliquera après comme on voudra, enfin à tout cela il n'y a qu'un tissu d'artifices et tout excepté de la franchise et de la cordialité. Ainsi prenez bien garde de ne pas vous laisser tromper et continuez d'en agir comme vous avez commencé, avec votre franchise et politesse naturelle et faites leur accepter notre projet ou bien rompez ces pourparlers qui ne me meneraient à rien. Adieu, portez vous bien.

Catherine.

A Czarsko Celo.
Ce 25 Juillet 1790.

¹⁾ Подлинное письмо находилось въ то время у генерала Веселитскаго, бывшаго начальника штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, а потомъ начальника разныхъ дивизій, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ.

²⁾ Слова, напечатанныя разрядкою, вставлены рукою императрицы.

Въ концѣ этого письма находится еще слѣдующая собственноручная приписка императрицы:

„Ces gens là ont encore une autre marotte. C'est qu'ils voudraient bien se donner les airs de nous prescrire des loix; j'aime beaucoup ce terme de trois jours dont on nous fait grâce pour donner notre réponse, on dirait que le roi de Suède l'a dicté dans l'ivresse non de la gloire, mais du vin“.

(Переводъ). Господинъ генераль-поручикъ баронъ Игельстромъ. По вашимъ письмамъ къ генералу графу Салтыкову, я вижу, что вы дѣйствовали какъ прямой и честный рыцарь въ вашихъ сношеніяхъ съ г. Армфельдомъ. Эта самая прямота заставила васъ отвергнуть съ презрѣніемъ безсмысленныя и постыдныя для насъ условія короля шведскаго и его любимца, и вы очень хорошо сдѣлали; не смотря на это, они снова завязали переговоры и снова расчитываютъ обмануть и привлечь насъ. Все это дѣлается, чтобы ослѣпить своихъ же подданныхъ вымышленными переговорами о мирѣ, котораго они желаютъ и въ которомъ они дѣйствительно нуждаются. Король имѣетъ кромѣ этого еще другую цѣль, а именно выманить деньги у тѣхъ, которые даютъ ихъ ему, ставя на видъ и страшая ихъ отдѣльными съ нами переговорами, если не удовлетворять его потребностямъ и его корыстолюбію. Отъ меня хотятъ приобрести этотъ миръ или деньгами или жертвами или неопредѣленными словами, которыя въ послѣдствіи истолкуютъ по желанію; наконецъ, во всемъ этомъ ничего нѣтъ, кромѣ сплетенія хитростей, и есть все, исключая прямоты и чистосердечія. И такъ, остерегайтесь быть обманутымъ и продолжайте дѣйствовать какъ вы начали, съ свойственной вамъ прямотой и врожденной вѣжливостью и заставьте ихъ принять нашъ проектъ или прервите переговоры, которые ни къ чему не поведутъ ¹⁾). Прощайте, будьте здорovy.

Люди эти имѣютъ еще одинъ конекъ. А именно, они очень бы

¹⁾ Читая эти строки, нельзя не указать на письмо отъ 29-го августа 1790 г., въ которомъ, между прочимъ, императрица извѣщала Потемкина о заключеніи мира съ Густавомъ III въ слѣдующихъ словахъ:

—«Ласкательно для меня изъ твоихъ устъ слышать, что ты онѣй (миръ) приисуешь моею неустрасимой твердости; какъ инако быть Императрицѣ Всероссійской, имѣя шестнадцать тысячъ верстъ за спиною и видя добрую волю и рвеніе народное къ сей войнѣ».

Императрица дѣйствительно вышла побѣдительницею въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, заставшихъ Россію въ 1790 г., твердо упоная на неисчерпаемую силу и могущество своего государства. Письмо, отрывокъ изъ котораго приведенъ нами цѣликомъ напечатанъ выше въ «Русской Старинѣ» стр. 424.

желали показать, что предписываютъ намъ законы; мнѣ очень нравится этотъ трехдневный срокъ, который благоволятъ даровать намъ, для нашего отвѣта; можно предположить, что шведскій король диктовалъ это въ опьяненіи, но не отъ славы, а отъ вина.

II. Отрывки изъ Журнала прошедшей войны противъ шведовъ въ 1788, 1789 и 1790 г. (съ атласомъ). Это рукописное сочиненіе, хранящееся въ военно-ученомъ архивѣ, принадлежитъ Степану Апраксину ¹⁾ и представлено было имъ при всеподданнѣйшемъ письмѣ императору Александру.

Въ послѣднемъ авторъ говоритъ, что онъ былъ очевидцемъ послѣдней кампаніи противъ шведовъ и „изобразилъ сколько могъ всѣ бывшія въ оной обстоятельства, достойныя примѣчанія“. Заимствуемъ изъ этого „Журнала“ описаніе заключенія Верельскаго мира и празднованіе его Густавомъ III.

„Генераль-поручикъ Игельштромъ тотчасъ отправился въ Ковалу и прежде тайно получивъ изъ Петербурга отъ министровъ иностранной коллегіи инструкціи отъ двора, нужныя для начатія переговоровъ ²⁾. Король шведскій также призвалъ изъ Пардакоскіи генерала Армфельда въ Верелу ³⁾, противъ Ковалы, и самъ, также инкогнито, находился въ лагерь. Послѣ нѣсколькихъ писемъ партикулярныхъ, писанныхъ съ обѣихъ сторонъ, въ одномъ изъ сихъ писемъ изъяснялся генераль Армфельдъ почти такимъ образомъ: „ваша государыня, столь великая и столь великодушная, не пожелаетъ-ли перестать лить кровь почтенныхъ народовъ, взаимно одинъ другаго почитающихъ и, какъ кажется, созданныхъ жить дружелюбно“. Сіе письмо содѣйствовало свиданію генерала Игельштрома съ генераломъ Армфельдомъ

¹⁾ Авторъ этого сочиненія Ст. Ст. Апраксинъ, род. въ 1756 г., былъ сынъ фельдмаршала Степана Фед. Апраксина, побѣдителя при Гросъ-Эгерисдорфѣ, умершаго въ 1758 году, подъ судомъ и въ неплоти, за самовольное отступленіе съ арміею въ Россію. На девятомъ году Ст. Апраксинъ былъ уже капитаномъ, а въ 1777 г. полковникомъ и флигель-адъютантомъ; онъ участвовалъ въ многихъ войнахъ екатерининскаго царствованія. Въ 1798 г., будучи генераль-отъ-кавалеріи, уволенъ былъ отъ службы. При Александрѣ снова вступилъ на службу и назначенъ въ 1803 г. Смоленскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1809 г. вторично вышелъ въ отставку и скончался въ 1827 г., въ Москвѣ.

²⁾ Императрица Екатерина II говорила о шведской войнѣ: «J'ai fait la guerre sans généraux et la paix sans ministres» (Записки князя Ф. Н. Голицына, «Русскій Архивъ»).

³⁾ Верела—деревня Элимскаго прихода Ньюландской губерніи, при рѣкѣ Кюмени. Переговоры происходили въ палаткѣ, поставленной между обѣими арміями на Верельскомъ полѣ.

между передовыми постами; между собою поговорили, другъ друга поняли, и негосіаціи, уже дѣйствительныя, всегда между заряженными пушками, начинались и переставали нѣсколько разъ: когда генералъ Армфельдъ требовалъ уступленіе Нейшлота съ уѣздомъ, мирные договоры оканчивались, и генералъ російской бралъ свою шляпу и шелъ къ своей дивизіи, чтобы начать бой; генералъ шведской тогда просилъ его обождать, пока получить на записочку карандашомъ, имъ написанную, отвѣтъ отъ короля, и отвѣты всегда были благопріятные; тогда начинали опять и опять дружески говорить, а наконецъ дошли до подписанія пунктовъ и взаимнаго обмѣна договоровъ¹⁾. Король, имѣвшій умъ нѣсколько странный, велѣлъ соорудить посреди передовыхъ постовъ алтарь дружбы, окруженный прекраснымъ храмомъ, украшенный листьями дубовыми и лавровыми и испещренный цвѣтами, построенный солдатами обѣихъ націй.

„Какъ я былъ свидѣтелемъ при церемоніи заключенія мира, вотъ почти какимъ образомъ оной праздновали: когда часъ насталъ къ обмѣну ратификацій, войска обѣихъ націй, въ виду другъ друга, не выходя изъ своихъ лагерей, стояли подъ ружьемъ; рота гранодеръ російскихъ, такъ какъ и рота гранодеръ шведскихъ, какъ и въ добавокъ нѣсколько эскадроновъ обѣихъ армій — были командированы для прибавленія свиты и отданія почестей, приличныхъ посламъ обѣихъ націй, потому что генералъ Армфельдъ и Игельштромъ уже получили сей титулъ отъ своихъ государей, и генераломъ Игельштромомъ были уже написаны повѣстительныя письма къ генералу Салтыкову и принцу Нассау, повелѣніемъ ея императорскаго величества, о окончаніи военныхъ дѣйствій и посему-то прожекты, вышелісанные какъ для морской, такъ и для сухопутной арміи, были удержаны въ самый часъ сигнала къ атакѣ.

„Полномочные послы, всякій съ своей стороны преслѣдуемые многочисленною свитою, прибыли въ одно время къ храму дружбы, какъ выше сказано, для сего нарочно построенному; сдѣлали обмѣнъ ратификацій при восклицаніи обѣихъ націй и при звукѣ ихъ пушекъ; нельзя умолчать, что генералъ Армфельдъ, около 40 лѣтъ и поддерживаемый двумя генералами 60-ти-лѣтними, составлялъ сцену трогательную. Ратификаціи обмѣненные, генералы и офицеры бросились

¹⁾ Верельскій договоръ (3-го августа 1790 г.) былъ основанъ на строгомъ *statu quo*, предшествовавшемъ открытію непріятельскихъ дѣйствій; обѣ стороны возвратили всѣ мѣста, занятыя войсками той или другой державы во владѣніяхъ непріятеля. Такимъ образомъ средства бѣднѣйшаго государства въ Европѣ были растрочены совершенно напрасно: Швеція не приобрѣла ничего отъ подвиговъ, совершенныхъ ея королемъ.

намъ на шею; мы имъ отвѣтствовали такими же изъявленіями дружбы. Между тѣмъ, какъ сіе происходило, самъ король прогуливался за своимъ фрунтомъ въ сюртукѣ сѣренькомъ и, по окончаніи церемоніи, онъ звалъ всѣхъ генераловъ россійскихъ къ себѣ на ужинъ въ свой лагерь; многіе субалтернъ-офицеры и даже солдаты въ большомъ числѣ туда же пришли, такъ что въ одно время россіяне и шведы дружелюбно нашлись смѣшанные, и король шведскій самъ стоялъ среди кучи россійскихъ гранодеръ, пѣсни поющихъ. На другой и третій день, онъ давалъ праздники и фейерверки, къ которымъ приглашенъ былъ графъ Салтыковъ; но онъ извинился, что онъ нездоровъ и хорошо сдѣлалъ, потому что сей король странно забавлялся и веселился предъ генераломъ Игельстромомъ, многими генералами и офицерами, позванными на праздникъ,—гдѣ я уже не былъ, бывъ потребованъ въ главную квартиру,—раздавалъ тѣмъ изъ своихъ, которые себя отличили въ происшествіяхъ сей третьей кампаніи, разные ордена и военныя украшенія, частію имъ самимъ учрежденныя, и даже учредилъ для своего береговаго флота для солдатъ медали, въ которой съ одной стороны была видна побѣда, одержанная надъ гребнымъ нашимъ флотомъ въ Роченсальмѣ, а съ другой—россійская галера съ числомъ взятыхъ въ тотъ день галеръ ¹⁾). Сіе хвастовство монарха, болѣе побѣжденнаго, нежели побѣдившаго ²⁾, заставило его смолчать,

¹⁾ Роченсальское морское сраженіе, 28-го іюня 1790 года, въ которомъ былъ разбитъ принцъ Нассау-Зигенъ, предводительствовавшій русскимъ галернымъ флотомъ. Шведы называютъ это сраженіе Свенскзундскимъ.

²⁾ Этотъ примѣръ политической безтактности и надменнаго нрава Густава III, забывшаго о присутствіи на этомъ торжествѣ представителя русской императрицы, напоминаетъ собою другой историческій фактъ, случившійся во время эрфуртскаго свиданія, состоявшагося въ 1808 году между Наполеономъ и императоромъ Александромъ:

Во время эрфуртскаго конгресса отдѣльные полки французской арміи возвращались изъ Пруссіи, и, вѣроятно, не безъ намѣренія были направляемы на Эрфуртъ, гдѣ Наполеонъ дѣлалъ имъ смотры въ окрестностяхъ города. Это были войска, которыхъ императоръ не видѣлъ со времени Тильзитскаго мира. Императоръ Александръ былъ однажды приглашенъ Наполеономъ на подобный смотръ и находился все время по правой сторонѣ французскаго властелина. Выѣхавъ на поле, Наполеонъ далъ шпоры своему коню и поскакалъ съ праваго фланга вдоль фронта войскъ, не заботясь нисколько объ императорѣ, который долженъ былъ, на наполеоновской лошади, скакать сзади, какъ адъютантъ. Послѣ этого, полкъ сомкнулъ колонну и Наполеонъ кривнулъ полковнику: *les braves en avant!* Нѣсколько офицеровъ, утѣрь-офицеровъ и рядовыхъ вышли впередъ и образовали большой полукругъ. Наполеонъ сошелъ съ лошади и пригласилъ императора и цесаревича Константина Павловича стать по правой сторонѣ, имѣя съ лѣвой Бертье съ записной книжкой въ ру-

что онъ отъ своего большаго флота сохранилъ 10 или 11 токмо линейныхъ кораблей, отъ 30-ти, коихъ имѣлъ, и что, конечно, половина его сухопутной арміи была истреблена сколько оружіемъ россіянъ, столько и болѣзнями; не взирая на сіе и чтобы сдѣлать видъ яко побѣдитель, дабы по возвращеніи въ Стокгольмъ болѣе привязать народъ, нежели дворянъ, которыхъ издавна старался унижать, предпріялъ король соорудить на одной изъ площадей городаobeliskъ съ надписью: Признательность короля къ своему народу. Также сдѣлана прекрасная статуя въ ростъ человѣческой, ему въ честь, именитымъ скульпторомъ, гдѣ король былъ представленъ побѣдителемъ, окруженный побѣдоносными знаками ¹⁾).

какъ. Открытый еще съ одной стороны полукругъ сомкнулся присутствующими принцами и свитой. Полковой командиръ вызывалъ по очереди каждаго по имени и представлялъ его Наполеону, который спрашивалъ: гдѣ и когда онъ отличился? Эгого полкъ содѣйствовалъ подъ Фриландомъ къ рѣшенію побѣды и всѣ раздаваемые награды были какъ разъ назначаемы за это сраженіе. Отличившіеся разсказывали затѣмъ подвиги, совершенные ими въ битвѣ. Одинъ убилъ собственноручно столько-то русскихъ и столько-то челоувѣкъ взялъ въ плѣнъ, другой овладѣлъ знаменемъ, третій захватилъ орудія, четвертый вогналъ русскій баталіонъ въ воду, гдѣ онъ потонулъ—Наполеонъ выслушивалъ все со вниманіемъ и рѣшалъ затѣмъ, что слѣдовало записать Бертье, производство или почетный легіонъ; каждому представляющемуся Наполеонъ снова дѣлалъ тѣ же вопросы, такъ что присутствующимъ казалось, будто онъ съ намѣреніемъ хотѣлъ причинить огорченіе императору Александру и подвергнуть его нравственной пыткѣ. Взоры всѣхъ обратились къ императору, который съ полнымъ спокойствіемъ стоялъ возлѣ Наполеона и оставался въ такомъ положеніи, пока послѣдній изъ имѣющихъ получить награду не выставилъ совершенные имъ геройскіе подвиги въ самомъ блестящемъ свѣтѣ. Цесаревичъ удалился изъ кружка и осматривалъ выѣхавшую батарею. (M ü ffling: Aus meinem Leben. — Berlin. 1855).

Если подобное высокоуміе простиительно еще гениальному полководцу, солдату-счастливицу, то оно дѣлается смѣшнымъ, относя сходную съ этимъ примѣромъ надменность къ герою, прозванному императрицею Екатериною Горебогатыремъ, про котораго В. Петровъ писалъ въ 1788 году, въ Москвѣ, стихотвореніе, начинавшееся слѣдующими строками:

«Густавъ,
Въ покоѣ жить уставъ,
Войной на Русь воздвига;
По Карлову острига
Въ страхъ русскихъ городовъ и селъ,
И чтобы избытъ въ здоровѣ траты,
Одѣлся въ латы,
Какъ въ кожу льва оселъ:
Богатырина страшной,
Коль рокъ послужитъ вертопрашной!»

¹⁾ Obeliskъ эгого или гранитная пирамида находится на дворцовой пло-

„Толикое тщеславіе требовало со стороны нашего двора нѣкотораго отвѣта: но оный былъ сдѣланъ съ большою справедливостью и отъ прямыхъ побѣдителей, съ похвальною умѣренностью, въ присутствіи посла шведскаго и нѣсколькихъ другихъ шведовъ, миръ былъ празднованъ; императрица раздавала награжденія начальникамъ арміи сухопутной и морской, генераламъ и офицерамъ. Въ доказательство, что армія, сражавшаяся противъ шведовъ, не истреблена была, 16,000 человекѣвъ сихъ же самыхъ войскъ, стоявшихъ подъ ружьемъ, стрѣляли залпы, обыкновенные въ подобныхъ случаяхъ. Они получили серебряныя медали, въ народѣ были бросаемы серебряныя монеты, и народу нѣсколько дней сряду давано вино и мясо. Отъ 400 до 500 офицеровъ шведскихъ и отъ 4,000 до 5,000 человекѣвъ плѣнныхъ посломъ шведскимъ въ окрестности Петербурга посажены на суда и отправлены въ Стокгольмъ; имѣлъ онъ однако же малое неудовольствіе видѣть на Невѣ до 500 мелкихъ судовъ своей націи, кои въ Неву вплыть могли, не говоря о корабляхъ, взятыхъ въ продолженіе войны, на которыхъ флагъ шведскій былъ спущенъ предъ российскимъ и кои остались въ Кронштадтѣ“¹⁾.

Вообще сочиненіе Апраксина наполнено многими любопытными подробностями о войнѣ Густава III съ Россією. Такъ, напримѣръ, въ описаніи катастрофы, постигшей шведскаго короля въ 1788 г. подъ Фридрихсгамомъ, помѣщено слѣдующее любопытное указаніе, которое намъ не удалось встрѣтить въ другихъ сочиненіяхъ о войнѣ Екатерины II съ Швецією. Припомнимъ, что Густавъ подступилъ къ Фридрихсгаму и приступилъ къ устройству осадныхъ батарей. Но вдругъ предположенное имъ побѣдоносное шествіе въ Петербургъ оказалось невозможнымъ предпринять, вслѣдствіе мятежа въ рядахъ его собственной арміи; офицеры составили враждебную королю конфедерацію и объявили Густаву III, что войска не намѣрены воевать противъ Россіи,

шади въ Стокгольмѣ; Густавъ III воздвигъ этотъ памятникъ въ честь гражданъ своей столицы, за пожертвованія, оказанныя ими въ войнѣ съ Россією. Напротивъ ея, въ концѣ площади, близъ морскаго берега, возвышается бронзовая статуя Густава III; онъ изображенъ держащимъ въ рукѣ оливковую вѣтвь, въ рыцарскомъ нарядѣ, съ обнаженной головою. Этотъ памятникъ воздвигнутъ издивненіемъ стокгольмскихъ гражданъ и открытъ былъ въ 1808 году, при Густавѣ-Адольфѣ IV. Моделировалъ статую шведскій скульпторъ Сергель.

¹⁾ Подробное описаніе торжества празднованія мира съ Швецією въ Петербургѣ можно найти въ «Дѣяніяхъ Екатерины II», П. Колотова (ч. IV.—Спб. 1811). 15-го августа послѣдовало торжественное объявленіе о мирѣ, а 8-е сентября избрано былъ днемъ мирнаго торжества, которое продолжалось съ перерывами нѣсколько дней сряду.

Н. III.

безъ согласія всей собранной націи. По поводу этого происшествія Апраксинъ замѣчаетъ: „Утверждаютъ, что первое движеніе короля было самому ѣхать въ Санктпетербургъ и искать помощи въ великодушнѣ вѣчно достойной памяти государыни императрицы Екатерины II, вручая въ руки ея собственную особу и свои пользы. Но утверждаю опять, что баронъ Армфельдъ, его фаворитъ, первый камеръ-юнкеръ и первый начальникъ сихъ предприятий военныхъ, былъ тотъ, который его отговорилъ, представляя себя за него туда ѣхать, между тѣмъ какъ король возвратитъ армию на собственныя свои земли“.

Весьма любопытна также замѣтка Апраксина, по поводу введенія Густавомъ III у себя всадниковъ, въ родѣ нашихъ казаковъ (въ 1789 г.): „Король захотѣлъ имѣть казаковъ, которые въ продолженіе всей войны сходились только тѣмъ съ нашими, что держали въ рукахъ пикъ, конми не умѣли владѣть, и симъ доказалъ совершенно, что обезьяная переимчивость рѣдко бываетъ полезна, но болѣе смѣшна“.

Въ заключеніе приведемъ еще отзывъ Апраксина о шведской арміи: „Я долженъ также отдать справедливость воинству шведскому, что офицеры наполнены честію и знаніями въ своемъ ремеслѣ; большая часть знаетъ разные европейскіе языки, воевали въ Америкѣ и носятъ украшенія иностранныя; они себя вездѣ противу насъ показали съ благородствомъ и храбростію и видали мы нѣсколько разъ, когда у солдатъ недоставало твердости въ атакѣ, то они, составя 20-ю и 30-ю человѣками первый плутонгъ колонны, нападали на наши батареи со шпагою въ рукахъ и, слѣдственно, побиты больше частію картечами. Что касается до солдата шведскаго, онъ здоровъ, посредственно обученъ, а особливо что касается до щегольства воинскаго, но хорошо дерется, будучи предводительствуемъ такими хорошими офицерами. А касательно обоа и другихъ подробностей ихъ арміи, можно сказать, что вообще она была довольно хорошо снабжена, всѣмъ нужнымъ для дѣйствованія противу насъ, съѣстными припасами солдатъ почти ежедневно ѣдалъ свой хлѣбъ свѣжій, получалъ порцію мяса и двѣ порціи водки¹⁾). Сохраненіе закона также твердо наблюдаемо въ арміи шведской; я ихъ видѣлъ поющихъ свои молитвы вслухъ утромъ и вечеромъ ежедневно, передъ лагеремъ, въ собраніи всѣхъ полковниковъ и офицеровъ. Въ посѣщеніи, мною сдѣланномъ къ фельдмаршалу Мейерфельду, былъ имъ я принятъ очень ласково и позволилъ онъ удовольствоваться мое любопытство проводить маршемъ ихъ колонны, возвращающіяся до Аберфорса; онаи шли съ

¹⁾ При заключеніи мира меня увѣрили, что они еще имѣли на полгода тоговаго провіанта въ ближайшихъ провинціяхъ къ театру войны. А.

довольнымъ порядкомъ, имѣя очень мало партикулярнаго экипажа, но большой обозъ артиллеріи, хорошо снабженный и, сверхъ первой линіи оборонительной, противу насъ дѣйствующія, принадлежащія ихъ разнымъ отрядамъ пушки, они имѣли въ резервѣ вторую, составленную нѣсколькими резервными войсками, также снабженную большими пушками; въ другихъ мѣстахъ сія вторая линія имѣла еще третью за собою. Я не видалъ у нихъ хорошей кавалеріи, пѣхота не дурна, артиллерія хороша, егеря по большей части отмѣнные, казаки, съ примѣру нашихъ, совсѣмъ странные. Сіи егеря, о коихъ говорю, болѣе одѣты въ сѣрое, нежели въ зеленое сукно, и въ семь шведы, думаю, правы, потому что они не такъ примѣтны за каменными утесами, гдѣ они защищаютъ проходы; я также видѣлъ нѣсколько баталіоновъ, выбранныхъ изъ полковъ пѣхотныхъ, имѣя тѣ же голубые мундиры, но считалися егерями, даже не имѣли нужнаго числа ружей порядочно стрѣлять, чтобы можно было назвать хорошими стрѣлками, а я думаю, лучше бы ихъ назвать легкіе баталіоны, какъ въ Пруссіи, ибо я ихъ видалъ въ маршѣ, не имѣя болѣе одной повозки на баталіонъ“.

Сообщ. Н. Е. Шляйдеръ.

КНЯЗЬ ПЛАТОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ.

1767—1722.

VI ¹⁾.

Въ сентябрѣ 1792 года, дѣло Ярославова, подобно тяжбѣ Зубова-отца съ Бектѣевымъ, набросивъ невыгодную тѣнь на Платона Александровича, на нѣкоторое время,—впрочемъ, весьма непродолжительное — поколебало его значеніе при дворѣ. Нѣкто Ярославовъ, за разные противузаконные поступки, былъ отрѣшенъ отъ должности и отданъ подъ судъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ запасомъ денегъ, купилъ покровительство Зубова-отца, подалъ прошеніе въ сенатъ о переислѣдованіи своего дѣла и за симъ оказалось, что онъ невиненъ, а виноваты судьи,—они были приговорены къ отрѣшенію отъ должностей съ воспрещеніемъ опредѣляться вновь, а Ярославовъ опять сдѣланъ предсѣдателемъ, объявленъ честнымъ человекомъ; въ заключеніе, сенатъ сдѣлалъ выговоръ Кашкину, ярославскому генералъ-губернатору. Кашкинъ немедленно прибылъ въ столицу; дѣло было повергнуто на воззрѣніе императрицы: она разгнѣвалась, отмѣнила все рѣшеніе, выразила свое неудовольствіе сенату, въ особенности секретарю—Державину, который, по словамъ графа Ѡ. В. Ростопчина, былъ однимъ изъ приспѣшниковъ Зубова. Послѣ этой исторіи многія бумаги перешли опять въ руки графа Безбородки, между прочимъ, и портфель съ дѣлами польскими ²⁾.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 591—606; томъ XVII, стр. 39—52.

²⁾ Читая рассказъ Державина о дѣлѣ Ярославова (Сочиненія Державина, томъ VI, стр. 626, 658—659), видимъ, что оно было не совсѣмъ такъ, какъ рассказываетъ гр. Ростопчинъ; Державинъ не оправдывалъ Ярослава предъ императрицею; онъ указывалъ только на противузаконныя дѣйствія слѣдователей по этому дѣлу. Оно тянулось лѣтъ шесть или семь, и окончено было, при императорѣ Павлѣ I, совершеннымъ оправданіемъ Ярославова.

Гнѣвъ императрицы на Зубовыхъ былъ непродолжителенъ: революціонная буря во Франціи, усиливаясь день ото дня, обращала на себя пристальное вниманіе Екатерины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, много поспособствовала Платову Александровичу Зубову воротить поколебавшуюся было благосклонность государыни. Принимая живѣйшее участіе въ судьбѣ Людовика XVI и его семьи, императрица оказывала особенное благоволеніе къ французской аристократіи, какъ пребывавшей во Франціи, такъ и эмигрировавшей въ чужіе края и въ Россію. Вѣсть о сентябрьскихъ убійствахъ поразила Екатерину II весьма понятнымъ ужасомъ: злодѣйства, совершавшіяся во Франціи, были предметомъ постоянныхъ бесѣдъ императрицы съ ея приближенными, между которыми первое мѣсто принадлежало Зубову. Юный государственный мужъ, искренно сочувствуя негодованію государыни, выказывалъ живѣйшее свое сочувствіе эмигрантамъ; изъ нихъ нѣкто Сенакъ де Мейльянъ (Sénaç de Meilhaп), благодаря рекомендаціи де Линя благосклонно принятый при нашемъ дворѣ, нашелъ добраго себѣ покровителя въ лицѣ Платона Александровича. По примѣру Сенака и прочіе эмигранты видѣли въ Зубовѣ надежнаго ходатая за ихъ интересы предъ императрицею. Принцъ де Линь, со свойственнымъ ему одному умѣньемъ воскурять фиміамъ сильнымъ міра сего, не замедлилъ восхвалить братьевъ Зубовыхъ. Слѣдующія письма принца де Линя, если не ошибаемся, впервые здѣсь печатаемыя, были, такъ сказать, отголосками мнѣнія французской эмиграціи о Платонѣ Александровичѣ.

Монъ-Рефюжъ.—6-го октября 1792 г.

(Переводъ съ французскаго). „Государыня! Приемлю смѣлость писать не къ вашему императорскому величеству, но къ существу небесному, ниспавшему на землю случайно, или затѣмъ, чтобы быть честію, благомъ, славою и украшеніемъ земли.

„Пишу для облегченія души моей. Душа В. И. В., будучи равною вашему генію, приметъ и раздѣлитъ слезы мои. Я бы не проливалъ ихъ, если бы, согласно постояннымъ моимъ убѣжденіямъ, если бы, въ три дня—изъ Валансиенна, овладѣть которымъ было легко—совершили походъ въ Парижъ, вмѣсто того, чтобы расположиться лагеремъ: исходомъ тому было бы спасеніе королевской фамиліи, разсѣяніе чудовищъ и сохраненіе жизни моего Карла. Нахожу, что было бы время совершить это еще и въ началѣ іюля, когда вооруженные изверги бѣжали обратно изъ Монса.

„Зачѣмъ онъ не погибъ подъ стѣнами Измаила? Зачѣмъ я не погибъ подъ стѣнами Очакова, при одной изъ нашихъ блестящихъ ка-

понадъ, диверсій, атакъ на сушѣ и на морѣ, нападеній на сады и проч. Смерть отраднѣе подѣ побѣдоносными знаменами вашего императорскаго величества! Теперь я на вѣки несчастливъ...

„Несчастіе мое не столь велико! Вы тронуты, государыня, участіемъ одного изъ доблестныхъ воиновъ вашихъ. Да сопутствуетъ вашему величеству постоянно счастье, столь вамъ приличествующее; счастье, созданное для ясности вашей души и величественной фізіономіи. Желалъ бы пользоваться постоянно и малѣйшею долею въ воспоминаніяхъ вашихъ.

„Имѣю честь быть съ обычною, почтительнѣйшею преданностью и безграничнымъ восхищеніемъ, государыня, вашего императорскаго величества всепокорнѣйшій и послушнѣйшій слуга — Линъ“.

Вѣна.—15-го декабря 1792 г.

(Переводъ). „Государыня! Какъ выразить В. И. В. мою признательность за цвѣты, которыми вы благоволили осыпать могилу бѣднаго моего Карла. Кто самъ достоинъ похвального слова болѣе нежели Траянъ, тотъ умѣетъ говорить надгробныя рѣчи. Ваше величество — истый Боссюэтъ и Робертсонъ, когда того пожелаете, или Монтескьё или Людовикъ XIV, или, лучше сказать, и того болѣе — вы — сами, то есть, нѣчто болѣе извѣстныхъ намъ великихъ государей и великихъ мужей.

„Надобно внушать болѣе довѣрія, нежели всѣ они, чтобы я рѣшился послать вамъ нѣсколько малыхъ размышленій, которыя я дозволилъ себѣ въ моемъ удивленіи, и меморію для короля ¹⁾, только что оконченную г. де Мейльяномъ ²⁾. Это — слѣдствіе бесѣдъ нашихъ, оканчивающихся всегда восхваленіями вашему императорскому величеству. Такимъ образомъ я имѣлъ великое удовольствіе видѣть здѣсь храбраго и любезнаго генерала Зубова ³⁾, о коемъ несчастный мой Карлъ такъ много мнѣ говорилъ по поводу Измаила, гдѣ видѣлъ имъ оказанныя чудеса. Я еще никого не видалъ, кто такъ скоро заставилъ бы полюбить себя и столь сожалѣть о себѣ, не смотря на короткость времени знакомства съ собою.

„Письмо, которымъ ваше величество благоволили почтить меня, которое пѣлмй мѣсяцъ находилось въ дорогѣ, подобно маниѣ небесной, обладаетъ всѣми вкусами. Кромѣ величія, справедливости и здравомыслія, въ немъ есть и доброта и состраданіе. Сиятъ двумъ послѣд-

¹⁾ Людовика XVI.

²⁾ Сенакъ де Мейльянъ, эмигрантъ, въ послѣдствіи пользовавшійся особеннымъ покровительствомъ Зубова.

³⁾ Одинъ изъ братьевъ Платона Александровича.

нимъ добродѣтелямъ одинъ изъ Монморанси, одинъ изъ лучшихъ и усерднѣйшихъ генераловъ-эмигрантовъ, доставить сіе письмо; онъ не полагаетъ иной для себя чести, кромѣ ношенія зеленого мундира гдѣ бы то ни было: на берегахъ Танаиса (Дона), Борисѳена (Днѣпра), Волги, Буга, Днѣстра и проч., и пяти морей, сущихъ всепокорнѣйшими слугами вашего императорскаго величества. Позабывая это имя, которое, будучи столь хорошо носимо, внушаетъ такъ много благоговѣнія, я повергъ бы скорби мои къ стопамъ вашимъ, или вѣрнѣе—на усмотрѣніе души вашей, если бы это не разлучало меня съ бѣдною моею дочерью, которой я нуженъ. Кромѣ того (теперь и я извѣдалъ несчастіе), нахожусь въ непрерывной тревогѣ за моего юношу, Людовика, который въ началѣ нынѣшней кампаніи прибылъ, чтобы загладить день или два своего легкомыслія, и сопровождалъ брата своего во всѣхъ дѣйствіяхъ; подъ нимъ была убита лошадь въ сраженіи при Монсѣ; отличается ежедневно во всѣхъ арьергардахъ, которые превратилъ бы и въ авангарды, если бы его въ нихъ послали. Начинаю раскаяваться въ длиннотѣ моего писанія, которое осмѣливаюсь посылать вамъ, равно и въ долготѣ моихъ разсужденій. Я не имѣлъ этого въ намѣреніяхъ; но критическое положеніе дѣлъ заставляетъ меня называть всѣ вещи ихъ именами. Я привыкъ выражать извиненія въ обилии моей искренности и чувства сердца нѣжнѣйшаго, чувствительнѣйшаго и признательнѣйшаго.

„Благоволите, ваше величество, принять при семъ увѣренія въ уваженіи и въ чувствахъ постояннаго вамъ удивленія, съ которыми, государыня, емь вашего императорскаго величества всепокорнѣйшій и вѣрнѣйшій подданный Линъ“.

Вѣна.—8-го мая 1793 г.

(Переводъ). „Государыня! Тотъ, кто удивлялся только вашему императорскому величеству, былъ правъ, говоря, что если-бы не было Бога, то надобно было-бы создать его ¹⁾). Есть потребность возносить обожаніе свое къ какому либо Существу, и, затѣмъ, переходить отъ невидимаго къ видимому, отъ Создателя къ созданіямъ. Отсюда произошли: любовь къ однимъ и чувства удивленія къ другимъ, которыя появлялись на землѣ всегда въ маломъ числѣ; изъ него-же нынѣ осталось только одно существо. Отсюда начала обоготворенія, пріятнаго для послѣдователей этой религіи, а для меня—потребность писать вашему императорскому величеству, никогда и ничего не имѣя сказать вамъ. Я долженъ всѣми мѣрами стараться воздерживаться, чтобы, по возможности, рѣже беспокоить васъ. Мнѣ кажется, что

¹⁾ «Si Dieu n'était pas il faudrait en faire»—слова Вольтера.

этотъ недугъ особенно сильно нападаетъ на меня, чуть-ли не каждыя четыре мѣсяца—и я, наконецъ, покоряясь необходимости, несу дань благоговѣнія къ стопамъ вашего величества.

„И такъ, одновременно съ Петербургомъ слились и Версаль и Сенъ-Жерменъ. Путешествіе внука Генриха свершилось въ дѣйствительности и въ прозѣ, а не въ вымыслѣ и не въ стихахъ, какъ то было съ его дѣдомъ у королевы Елисаветы ¹⁾. Петръ Первый путешествовалъ по всей Европѣ, а нынѣ Европа спѣшитъ къ вашему величеству. И лучше этого ей и дѣлать нечего, ибо во всѣхъ другихъ странахъ эта Европа до того изуродована, до того испятнана кровью и чернилами, что я не узнаю ея болѣе и не смѣю болѣе спрашивать, чтò въ ней творится.

„Представилось мнѣ смутное понятіе о Бахчисараѣ, Очаковѣ, Измаилѣ и Бѣлградѣ. Я уснулъ и мнѣ грезились страшные сны. Если-же, чтобы разогнать сонъ, беру въ руки новую книгу, то развѣ только для того, чтобы тотчасъ-же бросить ее въ носъ тому, кто мнѣ ее далъ. Принимаюсь за старинныхъ авторовъ: теперь читаю Тацита, какъ донныя еще никогда его не читывалъ. Желалъ-бы быть такимъ-же знатнымъ барининомъ какъ Вольтеръ, которому одолжены своимъ счастьемъ „Тысяча и одна ночь“, или Руссо — прославившимъ „Робинзона Крузоа“ — чтобы упрочить извѣстность Амело де ла Гуссе ²⁾, коего „Историческія и политическія замѣтки“ кажутся мнѣ трудомъ полезнѣйшимъ и глубочайшимъ, поучительнымъ для царей, обязательнымъ чтеніемъ подданныхъ. Этотъ господинъ не былъ философомъ! Я думаю, что Монтанъ и Мольеръ, бывшіе, сами того не вѣдая, философами, и величайшими изъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ (?), были-бы сильно разсержены тѣмъ, что это имя дается носящимъ его побродягамъ. Прежде нежели кому могло прійти въ голову подозрѣніе о злѣ, причиненномъ этими ослами санкюлотами, я помню образъ мыслей о нихъ вашего императорскаго величества тринадцать лѣтъ тому назадъ. Римско-католическіе короли, и папа въ особенности, лишились своихъ янычаровъ въ бѣдныхъ дѣтяхъ Лойолы, далеко не такихъ демоновъ, какими они казались своей чернотой, которыхъ ваше величество пріютили съ толикимъ благородствомъ и справедливостью ³⁾. Вотъ уже 30 лѣтъ какъ этими двумя качествами отличается Петербургскій кабинетъ. Это малѣйшій изъ всѣхъ из-

¹⁾ Де-Линь говоритъ о пребываніи въ Петербургѣ графа д'Артуа (Карла X).

²⁾ Амело де ла Гуссе (Amelot de la Houssaye) (1634, † 1706)—нынѣ совершенно забытый французскій историкъ и литераторъ. Труды его: «Исторія Венеціи» и «Историческія и политическія записки».

³⁾ Хвала Екатеринѣ II за ея покровительство іезуитамъ.

вѣстныхъ мнѣ кабинетовъ: онъ имѣетъ только нѣсколько дюймовъ въ вышину и въ ширину, отъ бровей до макушки и отъ одного виска до другаго. Кабинетъ этотъ не будуаръ, ибо работа, въ немъ совершаемая, отмѣчена всегда печатью свѣтлаго ума.

„Имя Платона, какъ мнѣ думается, приноситъ счастье, и божественный Платонъ, быть можетъ, крестный отецъ того, съ которымъ желалъ-бы имѣть счастье познакомиться, съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ такъ много наговорилъ о немъ мой любезнѣйшій, прекраснѣйшій посланникъ отъ моего русскаго отечества въ мое отечество австрійское; хотя онъ очень благоразумный и умѣренный человѣкъ, однако-же сказалъ, что ручается мнѣ за мою къ нему привязанность, если я его увижу ¹⁾. Не забылъ я также и другаго Платона ²⁾, также (?) преисполненнаго достоинствъ, въ которомъ мнѣ такъ нравились греческая грація, римское краснорѣчіе, знаніе древности и новѣйшихъ наукъ, вмѣстѣ съ любезнымъ и очаровательнымъ обхожденіемъ.

„В. И. В., столь исправныя въ погашеніи вашихъ долговъ и въ платежахъ вообще, изволите однако-же состоять должными мнѣ—въ одномъ томѣ „Эрмитажа“ и въ продолженіи вашей россійской исторіи, если письменно также трудитесь надъ ея обогащеніемъ, какъ и своими дѣяніями. Я желалъ-бы ее перевести, или заставить сдѣлать французскій переводъ съ перевода г. Николаи. Весьма радуюсь извѣстію о благосклонности, которою пользуется графъ Эстергази; думаю, что я лучше нежели кто другой могу судить, что онъ того заслуживаетъ, ибо никто кромѣ меня не былъ такимъ близкимъ свидѣтелемъ проявленій и свѣтлаго ума и добраго сердца, обнаруженныхъ имъ при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ.

„Самые правовѣрные мусульмане не возвращаются съ своего богомолья изъ Мекки съ такими чувствами довольства, съ какими возвращаются люди изъ Петербурга. Въ глазахъ ихъ выраженіе удовольствія, въ душѣ—сожалѣніе о возвратѣ. Совершу и я этотъ путь на богомолье, какъ только это будетъ мнѣ возможно; въ ожиданіи размышляю о моемъ минувшемъ счастьи не безъ нѣкоторой печали, но о грядущемъ моемъ счастьи иногда еще и съ веселостію.

„Нѣтъ выраженій для заключенія моего письма: ибо выраженія чувствъ почтенія и привязанности кажутся мнѣ слишкомъ слабыми. Оно, впрочемъ, такъ и съ сими чувствами, съ присоединеніемъ къ нимъ восторга и восхищенія есмь, государыня, вашего императорскаго величества, всепокорнѣйшій и вѣрнѣйшій подданный—Линъ“.

Въ 1793 году цѣлая лавина милостей и щедротъ низринулась на

¹⁾ Это говорится о Платовѣ Александровичѣ Зубовѣ.

²⁾ Митрополита Платона.

сѣмейство Зубовыхъ: отецъ и всѣ сыновья были возведены въ графское Римской имперіи достоинство; Платонъ Александровичъ, въ чинѣ генераль-адъютанта, пожалованъ былъ шефомъ кавалергардскаго корпуса, кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго, прусскихъ орденѣвъ: Чернаго и Краснаго Орла; Валеріанъ Александровичъ—орденомъ св. Александра Невскаго и прусскаго Чернаго Орла. Сверхъ того, Платону Зубову пожалованы были многія земли въ недавно присоединенныхъ къ Россіи польскихъ областяхъ. Честь и славу успѣховъ нашихъ войскъ въ Польшѣ Платонъ Зубовъ приписывалъ своему плану, которому будто-бы послѣдовалъ генераль Каховскій. Пребываніе графа д'Артуа при дворѣ Екатерины II (съ 12-го марта до 17-го апрѣля 1792 г.) доставило Платону Александровичу случай высказать свою любовь, свои познанія во французскомъ языкѣ, свое сочувствіе къ французской королевской фамиліи, и совершенное свое невѣжество въ пониманіи первыхъ условій крайне щекотливыхъ дипломатическихъ сношеній. По этому поводу графъ С. Р. Воронцовъ говоритъ, въ своей автобіографіи, слѣдующее ¹⁾.

— «Наконецъ я имѣлъ несчастіе видѣть прибытіе сюда (въ Лондонъ) графа д'Артуа, котораго императрица послала въ Англію, не испросивъ на то согласія короля, не зная можетъ-ли этотъ принцъ быть здѣсь принятъ. Вся эта поѣздка была сдѣлана, улажена и руководима г. Зубовымъ и его великимъ любимцемъ Эстергази. Оказалось, что графъ д'Артуа ѣхать сюда не могъ, какъ не можетъ этого даже и теперь ²⁾, по причинѣ своихъ долговъ, за которые его посадили-бы въ тюрьму: ибо, за исключеніемъ короля и членовъ парламента, всакий можетъ быть посаженъ въ тюрьму, если долгъ не менѣе 10-ти фунтовъ стерлинговъ; и королевскіе сыновья, не возведенные въ званіе перовъ королевства, подлежатъ тюремному заключенію за долги на ряду съ простыми гражданами. Перы и члены палаты общинъ, правда, не подвергаются аресту, но заимодавцы, снабженные приказомъ отъ мирового судьи, отбираютъ все движимое имущество должника. Я былъ свидѣтелемъ, какъ это трижды случилось съ принцемъ Уэльскимъ, у котораго, такимъ образомъ, разоблировали весь дворецъ, и не проходило году, чтобы подобныя вещи не случались съ перами и съ членами общинъ. При большихъ долгахъ налагаютъ запрещеніе на земли, и, оставая прядную часть дохода должника, остатокъ назначаютъ на удовлетвореніе кредиторовъ впрредъ до погашенія долга или до смерти должника, если имѣніе переходитъ къ наследникамъ. Братъ короля польскаго былъ здѣсь задержанъ за долги, тоже самое случилось-бы неминуемо и съ графомъ д'Артуа, если-бы онъ пріѣхалъ въ Англію. Даже и теперь онъ проживаетъ въ Шотландіи, потому что гражданскіе законы этой страны не такъ строгі; но, при всемъ томъ, онъ живетъ въ королевскомъ дворцѣ, пользуясь правами неприкосновенности; выходитъ изъ замка только по закатѣ солнца; долженъ возвращаться до восхода; выходитъ и по воскресеньямъ, ибо, по законамъ Великобритавіи, никто не подлежитъ аресту за долги въ дни праздничные и

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, книга VIII, стр. 26—28.

²⁾ Письмо писано отъ 18-го декабря 1796 года.

въ ночную пору. Хуже всего то, что не знали общей суммы долговъ этого принца: одни полагають ихъ въ 10 или 12 милліоновъ французскихъ ливровъ, другіе насчитываютъ до 18, 20 и выше: ибо въ бытность свою въ Кобленцѣ онъ (графъ д'Артуа) подписывалъ счета и векселя на поставки для его арміи, не ведая списковъ, и самъ не знаетъ сколько онъ долженъ. Кромѣ этого непреодолимаго препятствія къ его пріѣзду, мнѣ поручили просить здѣсь о вещахъ, нынѣ рѣшительно невозможныхъ, которыхъ министръ положительно не можетъ взять на свою отвѣтственность. Долго было-бы объяснять; короче сказать, герцогъ д'Аркуръ, управляющій здѣсь дѣлами Франціи, человекъ разумный, холодный и честный, видѣлъ, также какъ и я, что причины, объясненныя намъ обоимъ милордомъ Гревилемъ, были основательны и неопровержимы. Мы отправились вдвоемъ съ герцогомъ въ Гуль для свиданія съ французскимъ принцемъ, который стоялъ въ рейдѣ на русскомъ фрегатѣ: объяснили ему положеніе дѣлъ, сказавъ, что ему должно возвратиться въ Германію. Можете судить о моемъ удивленіи, когда онъ сказалъ мнѣ: «всѣ эти затрудненія я предвидѣлъ и такъ какъ у меня взято за правило вести дневникъ обо всемъ, что дѣлаю по важнымъ дѣламъ, я вамъ это докажу»—и онъ досталъ изъ бюро въ своей каютѣ большую книгу, его рукой исписанную и далъ мнѣ прочесть подробности своего разговора съ (княземъ) Зубовымъ, при которомъ этотъ фаворитъ отвѣчалъ ему нижеслѣдующими словами, достойными его самонадѣянности и незнанія различныхъ образовъ правленія, и его неумѣнья вести дѣловые разговоры: «всѣ возраженія вашего высочества будутъ отстранены; Англія почтетъ за честь принять васъ, она сдѣлаетъ все, что ни пожелаетъ императрица, и у насъ есть посланникъ, который сдумаетъ побудить министерство сдѣлать все вамъ удобное».

«Вотъ, какимъ образомъ этотъ молодой фаворитъ, предъ которымъ все покорствовало въ Россіи, воображалъ управлять всею Европою, почитая возможнымъ все то, чего-бы только ни пожелалъ. Французскій принцъ отправился въ Германію, выказывая достаточную покорность своему жребію; но окружавшіе его, изъ которыхъ одну половину составляли пустые хвастуны, другую—интриганы, тѣ-же и другіе надѣявшіеся разыгрывать важную роль въ Лондонѣ, увѣрили принца, что все удалось-бы по ихъ желаніямъ, если-бы у меня было болѣе охоты и усердія и въ этомъ смыслѣ всѣ эти прислѣшники написали къ Эстергази, который настроилъ противъ меня Зубова, уже и безъ того обидѣвшася и озлобленнаго тѣмъ, что планъ, будто бы имъ измышленный—на самомъ же дѣлѣ подсказанный ему графомъ Эстергазомъ, чего онъ и самъ не примѣтилъ—совершенно разстроился. Къ довершенію моего злополучія, нѣкто Инглисъ, отличный литейщикъ орудій, разладившій съ герцогомъ Ричмондъ, генералъ-фельдцейхмейстеромъ, пришелъ, не вѣдаю какимъ образомъ, къ Зубову, который принялъ его въ нашу службу; онъ-же представилъ Зубову списокъ другихъ работниковъ, здѣсь находившихся, съ замѣткою, что ихъ необходимо вызвать отсюда секретно: ибо отъѣздъ мастеровъ воспрещенъ актомъ парламента. Князь Зубовъ написалъ мнѣ открыто, по почтѣ, повелѣвая мнѣ отъ имени императрицы сманить этихъ работниковъ, объявляя при этомъ, что Инглисъ пріѣдетъ самъ, чтобы попытаться пріобрѣсти инструменты, вывозъ которыхъ также воспрещенъ подъ опасеніемъ весьма тяжкихъ взысканій. Я немедленно отвѣчалъ ему шифрованнымъ письмомъ, что онъ приводитъ меня въ отчаяніе компрометируя меня, какъ компрометируетъ бѣднаго Инглиса, котораго всего прежде, лишь только онъ пріѣдетъ сюда, посадятъ тюрьму; что онъ ком-

прометриваетъ самое достоинство нашего двора; что я не могу взять на себя этого порученія и прошу его сообразить, что было-бы, если-бы кавалеръ Витвортъ, злоупотребляя международными правами, дѣлающими особу его священною, вздумалъ сманивать русскихъ подданныхъ и работниковъ, которымъ въздъ за границу воспрещенъ закономъ, точно также какъ и здѣсь, и сталь-бы тайно, путемъ контрабанды, вывозить инструменты и машины, вывозъ которыхъ запрещенъ подъ страхомъ строжайшихъ наказаній: развѣ его за это не возненавидѣли-бы у насъ? Послѣ этого могъ-ли бы онъ вести переговоры о дѣлахъ, служить своему государю и отечеству къ выгодамъ для нихъ въ Россіи? И потому прошу его (Зубова) оставить себя на минуту на мое мѣсто, и тогда онъ увидитъ, что я никогда не могу взять на себя подобное порученіе, а если-бы даже и могъ, то онъ самъ лишилъ меня къ тому средствъ, открыто написавъ ко мнѣ, потому что, путемъ перлюстраціи писемъ, англійское правительство знало прежде меня о возлагаемомъ на меня порученіи и что, вслѣдствіе этой перлюстраціи, Ингліса засадить въ тюрьму, лишь только онъ сюда прибудетъ,—и потому прошу его (Зубова) Ингліса сюда не посылать. Онъ не отвѣчалъ мнѣ на это письмо, но, задѣтый за живое этимъ урокомъ, дать ему который я былъ вынужденъ, онъ разгласилъ обо мнѣ будто я человекъ, преданный богѣ Англіи, нежели моему отечеству — и оскорбленное самолюбіе этого надменнаго молодого челонѣка, встрѣтившее во мнѣ единственнаго ослушника его повелѣніямъ, отомстило мнѣ весьма низко, и человекъ, богѣ сорока лѣтъ прослужившій съ самымъ пламеннымъ усердіемъ, подвергся оскорбленіямъ при всякомъ удобномъ случаѣ».

Таковы были отношенія графа Зубова къ заслуженному гр. С. Р. Воронцову; точно таковы-же были они ко всѣмъ государственнымъ мужамъ, прославившимъ царствованіе Екатерины II и дожившимъ до послѣднихъ лѣтъ ея существованія. Графъ Безбородко, принужденный уступить Зубову, устранился отъ дѣлъ; Суворовъ, по повелѣнію императрицы, изъ Финляндіи отправился въ Новороссійскій край со званіемъ главнаго начальника войскъ, расположенныхъ въ Екатеринославской губерніи, въ Крыму и въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ до устьевъ Днѣстра. Избравъ главною квартирою своею Херсонъ, герой Рымникскій дѣятельно занялся укрѣпленіемъ прибрежныхъ городовъ и гаваней Тавриды. Въ это же время (въ 1793—94 годахъ), графъ Платонъ Зубовъ, удостоенный званія генераль-фельдцейхмейстера, генераль-губернатора Новороссійскаго края, съ высоты своего величія взирая на Суворова, какъ на подчиненнаго, смѣшилъ престарѣлаго героя своими распоряженіями и умничаньемъ. Когда же Зубовъ простеръ свою дерзость до того, что вздумалъ писать Суворову уже черезъ чуръ начальническимъ тономъ, графъ Рымникскій не выдержалъ и отвѣчалъ ему, какъ-бы черезъ чуръ шаловливому мальчику:

— „Ко мнѣ штиль вашъ рескриптный, указный, повелительный, употребляемый въ аттестованіяхъ?... Не хорошо, сударь!»

„Варшавская заутреня“ и слѣдовавшая за нею война съ Польшею спасли Суворова отъ гнѣва и преслѣдованій Платона Зубова.

Но не слѣдовало бы и говорить о надменности Зубова при его сношеніяхъ съ заслуженными государственными мужами, въ виду явной дерзости и пренебреженія къ особѣ наследника цесаревича Павла Петровича. Потемкинъ, при всемъ своемъ высокоуміи, соблюдалъ нѣкоторое приличіе въ отношеніи великаго князя; Зубовъ же забывался до крайней степени невѣжливости. Холодность Екатерины къ наследнику престола, натянутость отношеній къ ея единственному сыну, были главнымъ источникомъ печальнаго положенія цесаревича при дворѣ. Самые его расходы по содержанію Гатчины, Павловска, подвергались строгому контролю, нѣрѣдко навлекая на цесаревича—отца семейства, старшій сынъ котораго уже былъ женатъ, — выговоры, въ большинствѣ случаевъ неосновательныя, тѣмъ болѣе, что Платонъ и Валеріанъ Зубовы, въ это-же время, беззащитно располагали казенными деньгами, какъ своими собственными ¹⁾. Здѣсь не можемъ не привести эпизода изъ жизни Державина, въ разсказѣ М. А. Дмитриева ²⁾.

— Державинъ былъ правдивъ и нетерпѣливъ. Императрица поручила ему разсмотрѣть счеты одного банкира (Сутерланда), который имѣлъ дѣло съ кабинетомъ и былъ близокъ къ упадку. Прочитывая государинѣ его счеты, онъ дошелъ до одного мѣста, гдѣ сказано было, что одно высокое лицо, не очень любимое государыней ³⁾, должно ему такую-то сумму...

— Вотъ какъ мотааетъ! — замѣтила императрица, — и на что ему такая сумма?

Державинъ возразилъ, что князь Потемкинъ занималъ еще больше и указалъ въ счетахъ какія именно суммы.

— Продолжайте! — сказала государыня.

Дошли до другой статьи: опять заемъ того-же лица.

— Вотъ опять! — сказала императрица съ досадою: мудрено ли послѣ того сдѣлаться банкротомъ.

— Князь ⁴⁾ Зубовъ занялъ больше! — сказалъ Державинъ и указалъ на сумму.

Екатерина вышла изъ терпѣнія и позвонила. Входитъ камердинеръ.

¹⁾ По словамъ Массона (Memoires secrets. Tome I, p. 170, nota 16), Валеріанъ Зубовъ, играя въ фараонъ, ставилъ на карту по 30,000 рублей.

²⁾ М. А. Дмитриевъ: Мелочи изъ запаса моей памяти. Москва. 1869; стр. 36.

³⁾ Это высокое лицо—цесаревичъ Павелъ Петровичъ.

⁴⁾ Вѣрнѣе: графъ. Въ біографіяхъ Зубова постоянно находимъ противорѣчія во времени пожалованія ему «княжескаго» титула. Въ 1793 году еще только велись переговоры съ вѣнскимъ дворомъ о возведеніи графа Платона Зубова въ княжеское достоинство Римской имперіи.

- Нѣтъ-ли кого тамъ, въ секретарской комнатѣ?
- Василій Степановичъ Поповъ, ваше величество.
- Позови его сюда.

Поповъ вошелъ. „Сядьте тутъ, Василій Степановичъ, да посидите во время доклада: этотъ господинъ, мнѣ кажется, меня прибить хочетъ!“

Насталъ бѣдственный для Польши 1794 годъ, ознаменованный 6-го апрѣля, въ день свѣтлаго праздника, злодѣйскою рѣзней русскихъ войскъ въ Варшавѣ. Кровь требовала крови и война началась. Побѣды нашихъ войскъ, предводимыхъ Суворовымъ, надъ бандами Костюшки не составляютъ предмета этой монографіи; но „подвиги“ Валеріана Зубова нельзя обойти молчаніемъ. Приводимъ разнорѣчивые отзывы его биографовъ:

Вотъ разсказъ Л. Н. Энгельгардта ¹⁾.

„Мы уже настигали аррьергардъ Гедройча (Гедройца?) при переправѣ его чрезъ Бугъ, близъ деревни Поповки, какъ черноморцы донесли, что поляки, переправившісь, ломаютъ мостъ, а по той сторонѣ въ лѣсу засѣли ихъ егеря съ пушкою и не допускаютъ черноморцевъ тому воспрепятствовать. Графъ Валеріанъ Александровичъ былъ съ Софійскимъ карабинернымъ полкомъ и всѣми при немъ бывшими волонтерами; полковникъ Рарокъ, посадивъ своего полка гренадеръ на лошадей изъ фронтоваго обоза, прискакалъ къ графу. Подъѣхавъ къ берегу, чтобъ узнать въ которомъ мѣстѣ былъ тотъ мостъ, Рарокъ сказалъ: „господа, развѣжайтесь: непріятель, увидя генерала, окруженнаго столь многочисленной свитой, будетъ по немъ стрѣлять“. Мы только что отъ него отъѣхали и я былъ отъ графа шагахъ въ десяти, какъ вдругъ роковое ядро, фунта въ полтора, оторвало у графа лѣвую ногу, а у Рарока правую, и то былъ отъ нихъ послѣдній выстрѣлъ. Графа отнесли въ лощину; со всѣхъ сторонъ собрались медики и занялись отнятіемъ его ноги, а Рарокъ оставался безъ малѣйшей помощи. Я велѣлъ его полка гренадерамъ положить его на плащъ и отнестъ его въ Поповку, въ господскій домъ, тутъ находившійся, куда послѣ операціи и графа перенесли. Тамъ какъ не скоро сдѣлана операція была и много вытекло крови, то Рарокъ на другой день и умеръ“.

Бантышъ-Каменскій ²⁾, не вдаваясь въ подробности, говоритъ о подвигахъ Валеріана Зубова:

¹⁾ Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 135.

²⁾ Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. Москва, 1836 г. Часть II, стр. 407.

..... „юный герой спѣшилъ стяжать новыя лавры и лишился въ одномъ жаркомъ сраженіи (?) ноги, оторванной у него ядромъ“.

Изъ записокъ Л. Н. Энгельгардта очевидно, что дѣло, въ которомъ Валеріанъ Зубовъ лишился ноги, было не только не жаркое, но даже и не сраженіе, а простая перестрѣлка. Отзывъ Гельбига о Валеріанѣ Зубовѣ въ бытность его въ Польшѣ не приноситъ особенной чести юному герою ¹⁾:

„Польскія смуты представили ему случай, если не прославиться, то сдѣлаться извѣстнымъ. Въ качествѣ генераль-маіора и александровскаго кавалера, онъ получилъ начальство надъ значительнымъ отрядомъ, и присутствіе его повсюду оставляло слѣды безразсудства и жестокости. Онъ содѣйствовалъ вспыхнушему въ 1794 г. бунту въ Варшавѣ, со всѣми происшедшими отъ того бѣдствіями для Россіи (Польши?), своимъ низкимъ, безстыднымъ и возмутительнымъ обращеніемъ съ нѣкоторыми поляками и ихъ женами. Извѣстны способы, какими пытались усмирять поляковъ; Зубовъ занимался примѣненіемъ ихъ къ дѣлу. За то тамъ же, гдѣ онъ всего болѣе причинилъ зла, онъ былъ и наказанъ. Однажды, осенью 1794 г., онъ отправился на рекогноспировку и въ наиболѣе опасныя мѣста. Сдѣлалъ онъ это не изъ храбрости, а изъ шалости. Поляки, замѣтивъ его, стали стрѣлять и при этомъ небольшимъ ядромъ оторвало ногу Зубову. Въ Петербургъ былъ посланъ курьеръ съ извѣстіемъ о происшествіи. Императрица собственноручно написала Зубову, прося его возвратиться въ Петербургъ; кромѣ того, послали ему покойную англійскую дорожную карету (дормезъ) и десять тысячъ червонцевъ на дорогу; затѣмъ были ему пожалованы: орденъ св. Андрея съ чиномъ генераль-лейтенанта и триста тысячъ рублей на уплату долговъ ²⁾. Зубовъ прибылъ въ Петербургъ въ началѣ 1795 года. На каждой станціи для него была приготовлена подстава въ сто десять лошадей и онъ бралъ ихъ всѣ, тогда какъ ѣхавшій вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ герцогъ курляндскій Биронъ, заказывая себѣ по шестидесяти лошадей, бралъ только сорокъ. Валеріанъ Зубовъ представился императрицѣ въ креслахъ на колесахъ. Увидя его, она не могла удержаться отъ слезъ и новыми подарками старалась доказать свое

¹⁾ Die Russische Günstlinge. S. S. 482—483.

²⁾ Массонъ (Mémoires secrets sur la Russie. Tome I, p. 338, nota 34) говоритъ, что Зубову было пожаловано 100,000 руб. на леченіе и, сверхъ того, онъ еще просилъ 500,000 р. на уплату долговъ. Отзывъ Массона разнорѣчивъ: то, характеризуя Валеріана Зубова, онъ рассказываетъ отвратительныя вещи (ibid. p. 170, nota 15), то говоритъ, что онъ былъ: «добръ, прямоушенъ и храбръ».

участіе и облегчить положеніе больного. Изъ нихъ извѣстны были слѣдующіе: красивый дворець въ Большой Милліонной улицѣ, принадлежавшій нѣкогда Густаву Бирону и перекупленный теперь у камергера Дивова; далѣе—двадцать тысячъ руб. золотомъ и, наконецъ, ежегодная пенсія въ тринадцать тысячъ руб. серебромъ. Лечение Зубова причиняло ему много страданій и подвигалось медленно, потому что онъ предавался всякаго рода излишествамъ. Онъ остался калѣкой: пришлось отнять очень много отъ ноги. Кто говорилъ, что отняли слишкомъ много, а кто — будто недостаточно. Выписаны были изъ Англии искусственныя ноги, но ни одна не приходилась подъ пару натуральной. По выздоровленіи, Зубовъ явился ко двору на костылѣ. Не смотря на то, онъ быстро подвигался въ чинахъ“.

Подвиги Валеріана Зубова много способствовали усиленію благосклонности императрицы ко всему ихъ семейству, которое увеличилось новымъ лицомъ, супругою графа Николая Александровича: осенью 1794 года онъ сочетался бракомъ съ дочерью Суворова, графинею Натальею Александровною, этой „Суворочкою“, какъ называлъ ее отецъ въ своихъ письмахъ. Родство съ покорителемъ Польши, возведеннымъ императрицею (19-го ноября 1794 г.) въ званіе фельдмаршала, еще болѣе усилило значеніе фамиліи Зубовыхъ. Приемная и лакейская Платона Александровича переполнились льстецами и низкопоклонниками. Державинъ, еще не задолго передъ тѣмъ, въ посланіи своемъ къ А. В. Храповицкому, выразившійся довольно рѣзко и несправедливо:

«Боговъ пѣвецъ
Не будетъ никогда подлець»,

настроилъ свою лиру на одинъ тонъ съ хоромъ льстецовъ П. А. Зубова и, 18-го ноября 1794 г., въ день тезоименитства его сіятельства, поднесъ ему стихотвореніе:

Еъ лирѣ.

Звонко пріятная лира!
Въ древни златые дни міра
Сладкою силой твоей
Ты и боговъ, и царей,
Ты и народы плѣвляла.
Гласъ тихострунный твой, звоны,
Сердце прельщающа тоны,
Съ дебрей, вертеповъ, степей —
Птицъ созывали, звѣрей,
Холмы и дубы сжовляли.
Нынѣ желѣзные-ль вѣки?
Тверже-ль кремней человѣки?
Сами не знаясь съ тобой,

Свѣтъ не плѣняютъ игрой,
 Чужды красота доброгласья.
 Доблестью чужды плѣняться,
 Къ злату, къ серебру лишь стремятся,
 Помнять себя лишь однихъ,
 Слезы не трогаютъ ихъ,
 Вопли сердець не доходятъ.
 Души всё льда холоднѣе,
 Въ комъ-же я вижу Орфея?
 Кто Аристонъ сей молодой (а),
 Нѣжевъ лицомъ и душой,
 Нравовъ благихъ пренсполненъ?

а) Примѣчаніе Державина: „Онъ былъ чрезвычайно скромнаго нрава и велъ себя, казалось, по философски: то и сравненъ здѣсь потому съ Аристономъ, или съ Аристотелемъ ¹⁾, а съ Орфеемъ—по склонности къ музыкѣ“.

Кто сей любитель согласья?
 Скрытый зиждатель-ли счастья?
 Скромный смиритель-ли злыхъ?
 Дней гражданинъ золотыхъ,
 Истый любимецъ Астрей!

Примѣчаніе Державина: „Астрей, по баснословію, богиня золотого вѣка, или справедливости; разумѣется подъ симъ Екатерина II“.

Объясненіе рисунковъ, которыми поэтъ украсилъ свое произведеніе, также любопытно: 1) „Въ образѣ Орфея представленъ графъ П. А. Зубовъ, котораго достоинства и кроткіе нравы плѣняютъ сердца; 2) „изображенъ російскій Амфіонъ, играющій на лирѣ; по сладкогласному звону городъ возвышается — отношеніе къ созидавшейся тогда Вознесенской губерніи“.

Другою одою: „Къ Красавцу“ Державинъ воспѣлъ графа Валеріана Александровича Зубова. Она своими пическими достоинствами не уступала предъидущей:

Фортуна, властною рукою
 Бросая жребіи людей,
 Души и тѣла красотою,
 И прелестьми тебя честей,
 И сердцемъ добрымъ наградила
 Въ любви и въ брани для побѣдъ.
 Но тутъ-же въ младости судила

¹⁾ Аристонъ—одно лицо, Аристотель—другое; но это переименованіе сдѣлано для благозвучія стиха. Такъ Державинъ переименовалъ Конфуція въ «Кунгдзая»; назвалъ «глазумею» цвѣточный чай; выковывалъ стихи: «Полякъ, Туркъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ и Шведы», или, въ одѣ на взятіе Измаила: «Всякъ Курцій, Децій, Буарозъ (?)» приплетая какаго-то французскаго рыцаря къ римскимъ героямъ.

Въ войнѣ тебѣ ужасный вредъ.
 Увы, добра и зла смѣшенье
 Нераздѣлимо въ жизни сей:
 Коль часто скорби и терпѣнье
 Есть участь самыхъ и царей!
 Что-жъ въ свѣтѣ есть славнѣй сей доли,
 Какъ кровь по должности пролить?
 Теперь и зависть противъ воли
 Должна въ тебѣ героя чтить! ¹⁾

20-го февраля 1795 года скончался графъ Александръ Николаевичъ Зубовъ: судьба не сулила ему быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ почестей его сыновей. Къ исходу того же года, графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ былъ назначенъ шефомъ кадетскаго корпуса; ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра первой степени и портретъ императрицы, оспанный крупными солитерами. Въ это время высокомеріе, надменность, дерзость Платона Александровича не имѣли предѣловъ.

Избалованный счастіемъ, раболѣпствомъ вельможъ, восторженными похвалами придворныхъ дамъ и дѣвицъ, Платонъ Александровичъ въ безумномъ самоослѣпленіи вообразилъ себѣ, что одного его нѣжнаго взгляда достаточно, чтобы плѣнить самое холодное и неприступное женское сердце, хотя бы оно принадлежало весьма высоко стоявшей особѣ. Графъ Ростопчинъ въ письмахъ своихъ называетъ эту особу по имени...

¹⁾ Первымъ пѣнтомъ, который за четыре года до Державина воспѣлъ доблести и высокія добродѣтели Платона Зубова, былъ учитель французскаго языка въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ (Смольномъ монастырѣ) или какой нибудь французскій эмигрантъ, нашедшій пріютъ въ столицѣ. Тотъ или другой сочинилъ къ новому 1790 году хвалебныя вирши въ честь П. А. Зубова, а воспитанницы Смольнаго монастыря вышили ихъ на атласѣ и поднесли Зубову. Стихи эти хотя и были напечатаны въ «Русской Старинѣ» (изд. 1871 г., сентябрь, стр. 299), но считаемъ не лишнимъ приложить ихъ здѣсь, для полноты собранія стихотвореній въ честь великаго государственнаго мужа:

Présent de la divine destinée
 Espoir de nos souhaits, nouvelle année
 Répends tes dons les plus précieux,
 Sois soulageur du pauvre, l'appui du malheureux.
 Monseigneur! joye de la patrie,
 Pour vos prospérités notre coeur est attendri,
 Votre clemence nous est garant,
 Quand on pense si bien, on doit vivre longtemps!
 De vos bienfaits, si chers à notre mémoire
 Les siècles d'avenir contempleront la gloire
 Regardez d'un oeil gracieux
 Cet hommage, seigneur! de nos ardantes (sic) voeux!

Графъ Zubовъ, по словамъ современника, одинъ — значилъ все. Иной воли, кромѣ его воли, не было. Значеніе его превосходило потемкинское. Онъ постоянно былъ и безпечень и мало способень, хотя „дворъ“ старался убѣдить всѣхъ и каждаго, что это величайшій геній, когда либо существовавшій на Руси; что одинъ Богъ свидѣтель его усердія и стараній, которыя прилагаетъ къ дѣламъ государственнымъ, и что одинъ онъ присоединилъ къ Россіи польскія провинціи и Курляндію. Zubовъ пытался вытѣснить изъ службы графа Н. И. Салтыкова (прежняго своего милостивца), чтобы занять мѣсто президента военной коллегіи и съ тѣмъ получить чинъ фельдмаршала.

18-го августа 1795 года роздано было шестидесяти двумъ лицамъ 109,000 душъ польскихъ крестьянъ; изъ этого числа 13,000 душъ съ доходомъ въ 100,000 руб. серебромъ достались графу Платону Zubову.

Слѣдующія выдержки изъ писемъ Ростопчина служатъ дополненіями печальной картины двора въ 1795—1796 гг.:

— «Есть здѣсь генераль-лейтенантъ Кутузовъ, тотъ самый, который былъ посланникомъ въ Константинополь. Онъ приходитъ къ графу Zubову за чашку до его пробужденія, готовитъ ему кофе (имѣя притязаніе особенно искусно варить его) и при множествѣ посѣтителей наливаетъ его въ чашку и несетъ безстыдному фавориту, лежащему въ постели. Другой столпъ государства, генераль Тутолминъ, воображающій, будто съ помощью 120,000 человекъ, силою единого своего генія, удержалъ области, недавно отторгнутыя отъ Польши,—этотъ самый человекъ имѣлъ дерзость сказать графу Zubову, въ полномъ присутствіи сената, что графъ не походить на нѣкоего злоторнаго генія (Потемкина), который присоединилъ къ имперіи степи и гнѣздница чумы, тогда какъ онъ (Zubовъ) завоевалъ (?) въ Польшѣ области плодороднѣйшія и жертвуетъ своимъ здоровьемъ и лучшими годами жизни—славѣ своей государыни. Чему болѣе дивиться? Этой ли подлой гадинѣ, или мальчишкѣ, осмѣливающемуся представлять изъ себя Нерона, которому трещающій сенатъ воскуряетъ фиміамъ?»

— «Дворъ очень занятъ охлажденіемъ императрицы къ г. Zubову. Кто-то изъ придворныхъ шепнулъ ей нѣчто относительно безумной страсти фаворита.... Она подмѣтила нѣкоторые взгляды и произошла сцена. Въ теченіе нѣсколькихъ дней были въ ссорѣ; потомъ помирились; но она сорвала сердце на графѣ Штакельбергъ-отцѣ, подозревая, что онъ повѣренный въ этой исторіи и такъ вымыла ему голову, что старый царедворецъ принужденъ былъ оставить дворъ и отправиться въ свои помѣстья, по совѣту того же графа Zubова....»

На той высотѣ, на которую былъ вознесенъ Платонъ Zubовъ, могла закружиться голова и не столь слабая, какъ была у него. Воображалъ себя дѣйствительно опоромъ государства и рѣшителемъ судебъ всей Европы и востока, Zubовъ былъ твердо убѣжденъ, что его умъ и способности ничуть не ниже его общественнаго положенія. Представители Россіи при иностранныхъ дворахъ сообщали ему свои дипломатическія соображенія; князь Н. В. Репнинъ, отписывая Zubову о положеніи дѣлъ во вновь приобретенныхъ западныхъ областяхъ, какъ бы спрашивалъ совѣта Платона Александровича. Полагая,

что родство съ Суворовымъ даетъ ему право обходиться безъ чиновъ съ престарѣлымъ фельдмаршаломъ, графъ Zubovъ встрѣтилъ героя, при его прїѣздѣ въ Зимній дворецъ (15-го декабря 1795 г.), по домашнему, въ сюртукѣ... Эта неперемонность заставила Суворова принять графа Zubova, когда тотъ явился съ визитомъ къ фельдмаршалу, — въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ герой Рымникскій бывалъ въ лагеряхъ, въ лѣтнюю пору, т. е. въ одномъ нижнемъ бѣльѣ ¹⁾. Къ той же самой порѣ силы и значенія Platona Zubova относится случай, о которомъ свидѣтельствуетъ очевидецъ. На обѣдѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, на которомъ былъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ, съ семействомъ, зашелъ общій, оживленный разговоръ, въ которомъ наслѣдникъ престола не принималъ никакого участія. Екатерина II, желая приобщить его къ бесѣдѣ, спросила великаго князя: «съ чьимъ мнѣніемъ онъ согласенъ по вопросу, составляющему предметъ разговора?»

— Съ мнѣніемъ графа Platona Александровича, любезно отвѣчать цесаревичъ.

— Развѣ я сказалъ какую-нибудь глупость? нагло откликнулся Zubovъ.

Характеристику Zubova, очерченную графомъ Ѡ. Ю. Ростопчинимъ, можно пополнить рассказомъ Massona ¹⁾:

— „Господинъ графъ и князь Zubovъ былъ мужчина лѣтъ тридцати съ небольшимъ. У него далеко не было ни гениа, ни честолюбія Орлова и Потемкина, хотя онъ, наконецъ, и совмѣстилъ въ своей особѣ болѣе власти и значенія, нежели эти два знаменитые любимца. Потемкинъ почти всѣмъ своимъ величіемъ былъ обязанъ самому себѣ; Zubovъ — слабости Екатерины. По мѣрѣ утраты государынею ея силы, дѣятельности, гениа, онъ приобрѣталъ могущество, богатства и силу. Въ послѣдніе годы ея жизни онъ былъ всемогущъ, въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова. У него была страсть казаться дѣловымъ человѣкомъ, но, безъ навыка къ дѣламъ, онъ отвѣчалъ испрашивавшимъ у него инструкцій: сдѣлайте, какъ прежде. Съ его высотой могла сравняться только низость тѣхъ, которые наперерывъ спѣшили пресмыкаться передъ нимъ, и — надобно отдать справедливость — раболѣпство приспѣшниковъ всегда превосходило безстыдство временщиковъ. Все ползало у ногъ Zubova, онъ одинъ стоялъ и потому считалъ себя великимъ. Каждое утро многочисленныя толпы льстецовъ осаждали его двери, наполняли прихожія и прїемныя. Старые генералы, вельможи, не стыдились ласкать ничтожнѣйшихъ его лакеевъ. Видали часто, какъ эти лакеи толчками разгоняли генераловъ и офицеровъ, коихъ толпа, тѣснясь у дверей, мѣшала ихъ запереть. Развались въ креслахъ, въ самомъ непристойномъ неглиже, засунувъ мизинецъ въ носъ, съ глазами, безцѣльно устремленными въ потолокъ, этотъ

¹⁾ Изъ записокъ о Суворовѣ, Петра Никиѳоровича Ивашева. Отечеств. Записки 1841 г., томъ XIV, январь, стр. 1—5.

¹⁾ Mémoires secrets etc. Tome I, p.p. 269—272 et nota 16 и 18.

молодой человекъ, съ лицомъ холоднымъ и надутымъ, едва удостоивалъ обращать вниманіе на окружавшихъ его. Онъ забавлялся дурачествами своей обезьяны, которая скакала по головамъ подлыхъ льстецовъ, или разговаривалъ со своимъ шутомъ; а въ это время старцы, подъ начальствомъ у которыхъ онъ служилъ въ сержантахъ: Долгорукіе, Голицыны, Салтыковы, и все, что было великаго и малодушнаго, ожидали, чтобы онъ низвелъ свои взоры, чтобы опять приникнуть къ его стопамъ. Имя Екатерины звучало въ его рѣчахъ, какъ слова: „тронъ“, „алтарь“ въ царскихъ манифестахъ. Наслѣднику престола онъ едва оказывалъ знаки наружнаго уваженія, въ которыхъ не могъ отказать ему на придворныхъ церемоніяхъ, и Павелъ,—непреклонный, суровый Павелъ,—былъ принужденъ преклоняться предъ бывшимъ ничтожнымъ гвардейскимъ офицерикомъ, который когда-то вымаливалъ у него прощеніе за то, что обидѣлъ одну изъ собакъ цесаревича ¹⁾. Великій князь Константинъ усердно ему угождаетъ, чтобы добыть у него денегъ или покровительства кому либо изъ своихъ любимцевъ. Изъ всѣхъ баловней счастья царствованія Екатерины II ни одинъ, кромѣ Зубова, не былъ такъ щедрушенъ и наружно и внутренно. Можетъ быть, въ немъ были какія нибудь никому невѣдомыя достоинства, но онъ никогда не выказалъ ни генія, ни добродѣтелей, ни страстей—кромѣ развѣ тщеславія и скупости, бывшихъ его отличительными чертами; поэтому и не было замѣтно пустоты, когда онъ исчезъ съ занимаемаго имъ мѣста. Памятниками его могущества останутся сокровища, накопленныя его семействомъ, и земли, отнятыя его отцомъ у помѣщиковъ губерніи, которую онъ управлялъ“.

¹⁾ У В. К. Павла Петровича была любимая собака. Бродя по дворцовымъ корридорамъ, она вздумала утащить кусокъ говядины изъ рукъ караульнаго трубача; тотъ треснулъ ее по ушамъ своимъ инструментомъ. Собака, окровавленная, воя, вбѣжала въ комнаты Павла, который, узнавъ о случившемся, припелъ въ ярость: «Ага!» воскликнулъ онъ,—«все, что мнѣ принадлежитъ, все, что я люблю, все это гонится, преслѣдуется; у меня одна собака и ту убить хотять: дежурнаго офицера сюда и наказать его!» Дежурнымъ офицеромъ былъ тогда Зубовъ, который, узнавъ о гнѣвѣ великаго князя, упалъ къ ногамъ Николая Ивановича Салтыкова, своего покровителя, умоляя его идти съ нимъ вмѣстѣ къ цесаревичу—вымолить прощеніе; это было довольно трудно Салтыкову, ибо Павелъ былъ увѣренъ, что собаку его побили по ненависти къ нему и потому, что гвардейцы его не любятъ. Трубачъ утверждалъ, что не зналъ и не знаетъ чья была собака и это было новой обидой Павлу, который, конечно, подвергъ бы виновнаго строгому взысканію, если бы это было въ его власти.

Примѣч. Массона.

IV.

Въ толпѣ приближенныхъ Зубова были три „дѣльца“, которые, подъ эгидою могучаго покровителя, дѣлали все, что имъ было угодно. Это были секретари Платона Александровича—Альтести, Грибовскій и Рибасъ.

— „Первый изъ нихъ,—говорить Массонъ,—уроженецъ Рагузы, котораго Булгаковъ (у Массона ошибка: Vulcounow), русскій посланникъ въ Константинополѣ, взялъ изъ купеческой конторы, для занятій въ своей канцеляріи. При объявленіи войны, Альтести выпросилъ себѣ должность въ Петербургъ и опредѣлился къ Зубову, котораго значеніе начинало уже возрастать. Онъ зналъ нѣсколько языковъ и былъ уменъ; вскорѣ сдѣлался секретаремъ у Зубова и даже у императрицы. Брошюра, написанная имъ по французски на польскаго короля и революціонеровъ, въ которой онъ величалъ перваго—мятежникомъ, а послѣднихъ—якобинцами, подбиралъ эпитеты, небылицы, пошлости и подлости, упрочила его извѣстность и благосостояніе. Этотъ пасквиль распространялся, какъ манифестъ. Вскорѣ на Альтести посыпались чины, ордена, крестьянскія души. Не довольствуясь этими милостями, онъ, чудеснымъ образомъ, наживался. Польскіе конфедераты, губерніи, казаки и проч. спѣшили покупать за чистые червонцы его услуги и покровительство. Всѣ польскія дѣла были у него въ рукахъ; отъ него зависѣло состояніе, свобода, жизнь поляковъ, потому что онъ составлялъ списки осужденнымъ въ ссылку. Онъ сталъ необычайно высокомеренъ и наглъ. Дерзость, сдѣланная имъ графу Головину, который имѣлъ отважность пожаловаться, наконецъ погубила его¹⁾. Ему было приказано выѣхать въ свои помѣстья, но Зубовъ выхлопоталъ ему прощеніе и, за нѣсколько дней до смерти Екатерины, онъ едва опять не былъ опредѣленъ къ должности. Однимъ изъ первыхъ по-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 1-го декабря 1793 г. (Архивъ кн. Воронцова, кн. VIII, стр. 86) графъ Ѳ. В. Ростопчинъ говоритъ: «У Альтести большой даръ и удивительная способность писать, но это шушера въ полномъ смыслѣ слова. Онъ не удовольствовался 800 р. пожизненной пенсіи, 600 душъ крестьянъ въ Польшѣ и превосходнымъ помѣстьемъ въ Тавридѣ: онъ захотѣлъ имѣть квартиру въ эрмитажѣ, съ пріемною, и успѣлъ. Былъ совѣтникомъ канцеляріи и кавалеромъ ордена св. Владиміра 4-й степеніи—насилъно, ибо не желалъ его. Чтобы придать себѣ видъ отъ всѣхъ отличный, онъ остригся и въ такомъ видѣ являлся всюду. Онъ былъ на большомъ балу у графа Апраксина, въ башмакахъ съ бантиками, и, растянувшись на софѣ, отвѣчалъ толпѣ другихъ проходивцевъ, разговаривавшихъ съ нимъ. Онъ кралъ до того, что г. Зубовъ узналъ объ этомъ и хотѣлъ его уволить; но не знаютъ какъ это сдѣлать, ибо ему довѣрены тайны и важныя бумаги».

велѣній императора Павла была высылка Альтести въ двадцать четыре часа. Онъ человекъ даровитый, но неблагодарный: изъ-за его происковъ впалъ въ немилость Булгаковъ, его первый благодѣтель“.

Эту характеристику ловкаго пройдохи можемъ пополнить еще нѣсколькими чертами. Альтести, при грубости ухватокъ и выражений, часто нарушая условія придворнаго этикета, нерѣдко высказывалъ сочувствіе къ революціонному движенію во Франціи, при чемъ спорилъ даже съ Zubovымъ. Разыгрывая роль Діогена, подражая ему въ цинизмъ, Альтести былъ какимъ-то юродивымъ вольнодумства. Изъ обхожденія Zubova съ этимъ авантюристомъ не трудно было замѣтить, что Платонъ Александровичъ какъ будто его побаивался: очень мягкія замѣчанія нецеремонному пройдохѣ онъ позволялъ себѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ; многія грубости пропускалъ мимо ушей. Присутствіе Альтести при дворѣ Екатерины было такою-же точно фальшивою нотою, какъ и присутствіе его пріятеля, греческаго пирата Ламбро-Качіони. Послѣдній, благодаря покровительству Zubova и Рибаса, лично извѣстный императрицѣ, съ истинно корсарскою самонадѣянностью взялся за леченіе Екатерины II отъ ранъ, открывшихся у нея на ногахъ, и закрылъ ихъ дѣйствительно, поспособствуя тѣмъ, хотя, конечно, неумышленно, и кончинѣ императрицы.

Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій ¹⁾, авторъ „Записокъ о императрицѣ Екатеринѣ Великой“, родился въ 1766 году, въ городѣ Лубнахъ, Полтавской губерніи. Объ отцѣ его нѣтъ никакихъ свѣдѣній; родительница-же, изъ рода Сулимовъ, за нѣсколько лѣтъ до кончины, была игуменьей Вѣлгородскаго монастыря (въ Курской губерніи). Въ 1782 году, А. М. Грибовскій находился въ числѣ студентовъ Московскаго университета и къ этому-же времени относится его переводъ французской повѣсти д'Арно: „Опасность городской жизни“, напечатанный въ 1784 г. и посвященный ея свѣтлости княгинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Барятинской, рожденной принцессѣ Гольштейнъ-Бекской. Вскорѣ по выходѣ изъ университета, Грибовскій былъ опредѣленъ въ Комиссію о сочиненіи новаго уложенія, изъ которой, въ 1784 г., перешелъ на службу къ Г. Р. Державину, бывшему тогда губернаторомъ въ Олонецкой губерніи. Вмѣстѣ съ Державинимъ, Грибовскій отправился въ Петрозаводскъ и, одновременно съ отправленіемъ должности секретаря при губернаторѣ, былъ назначаемъ приказомъ общественнаго призрѣнія. Будучи, по молодости лѣтъ, вовлеченъ въ игру съ губернскими

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія объ А. М. Грибовскомъ сообщены редакціи «Русской Старины» Н. В. Губерти.

чиновниками, Грибовскій попалъ-было въ весьма неприятную исторію, по Державинъ, избѣгая огласки дѣла, развязка котораго могла очень повредить какъ высшимъ губернскимъ властямъ, такъ и Грибовскому, далъ всему иной оборотъ и все обошлось благополучно. Неразлучный съ Державинимъ, Грибовскій сопровождалъ его въ Тамбовъ, откуда возвратился въ Петербургъ. Здѣсь, въ 1788 году, онъ надаль переведенную имъ съ англійскаго „Веселую книгу, или шалости чело-вѣческія“ и въ томъ-же году поступилъ въ военно-походную канцелярію князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, гдѣ на Грибовскаго возложено было веденіе журнала военныхъ дѣйствій нашихъ армій, находившихся подъ предводительствомъ свѣтлѣйшаго. Послѣ кончины Потемкина, письмо о ней, написанное Грибовскимъ къ Державину, до того понравилось Платону Александровичу Зубову, что онъ пожелалъ пріять автора на службу при себѣ. Января 18-го 1792 года, Грибовскій, переименованный въ подполковника Изюмскаго легкоконнаго полка, зачисленъ состоять при генераль-адъютантѣ Платонѣ Александровичѣ Зубовѣ. По службѣ Грибовскій былъ счастливъ: въ 1793 году онъ былъ произведенъ въ полковники, съ пожалованіемъ деревни въ Подольской губерніи; въ 1794 году удостоенъ ордена св. Владиміра 3-й степени; въ 1795 году, августа 11-го, высочайшимъ указомъ, даннымъ сенату, Грибовскому повелѣно было состоять при императрицѣ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній по собственнымъ дѣламъ ея величества, по дѣламъ генераль-фельдцейхмейстера и генераль-губернатора. Записки, веденныя А. М. Грибовскимъ, помимо любопытныхъ свѣдѣній, относящихся до біографіи Екатерины II, даютъ возможность, почти подневно, прослѣдить дѣятельность Платона Александровича Зубова во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія. Эта скорбная вѣдомость дѣйствій чело-вѣка малоспособнаго, сильнаго единственно данною ему волею, лучше всякихъ голословныхъ опроверженій можетъ послужить доказательствомъ близорукости взгляда современниковъ-хвалителей Платона Александровича Зубова, которымъ въ этомъ молодомъ чело-вѣкѣ мерещились и „голова“, и „дѣлецъ“, и „мужъ государственный“.

— „Грибовскій,—по словамъ Массона,—не имѣлъ ума Альтести, но имѣлъ болѣе доброе сердце. Не прошло и двухъ лѣтъ ¹⁾, какъ на службѣ у Зубова Грибовскій достигъ полковничьяго чина, а роскошью и мотовствомъ удивлялъ и приводилъ въ соблазнъ весь городъ. Содержалъ оркестръ, шутовъ, любовницъ, рысаковъ. Давалъ

¹⁾ Изъ вышеприведенныхъ фамилныхъ свѣдѣній о Грибовскомъ видно, что Массону было неизвѣстно начало его служебной карьеры.

весною ужины, на которыхъ за десертомъ подавались плоды, какихъ не выдвали за столомъ императрицы“. Самъ Массонъ былъ на пикникѣ, на которомъ десертъ, доставленный Грибовскимъ, цѣнили въ 500 руб. асс.

Иосифъ Михайловичъ Рибасъ—строитель Одессы, умомъ и хитростью оставлялъ далеко за собою и Альтести, и Грибовскаго. Свѣдѣнія о его происхожденіи и началѣ служебной карьеры въ Россіи находимъ у Гельбига ¹⁾).

— „Рибасъ родился въ Неаполѣ. Отецъ его, по ремеслу кузнецъ, родомъ испанецъ, жилъ въ Барселонѣ. Не особенно удачливый, но малый съ головой, онъ послѣдовалъ за королемъ Донъ Карлосомъ въ Неаполь, гдѣ ему дали мѣсто въ военной канцеляріи. Сынъ его былъ офицеромъ; но вскорѣ принужденный оставить Неаполь, отправился въ Ливорно, гдѣ тогда находился Алексѣй Орловъ. Онъ взялъ Рибаса въ лейтенанты корабля и пользовался его услугами при иныхъ случаяхъ. Рибасъ содѣйствовалъ ему обмануть несчастную дочь Елисаветы (Тараканову) и былъ отправленъ въ Петербургъ, съ извѣстіемъ о ея захватѣ. Здѣсь онъ остался, поступилъ въ гувернеры къ молодому Бобринскому и сопровождалъ его въ путешествіяхъ. Въ этой частной службѣ онъ получалъ чины и дослужился до бригадира; въ чинѣ полковника командовалъ карабинернымъ полкомъ. Во время осады Очакова, Потемкинъ произвелъ его въ контръ-адмирала и назначилъ командиромъ гребной флотилии на Дунаѣ. Рибасъ умеръ въ началѣ текущаго столѣтія (въ 1800 г., не задолго до кончины императора Павла) ²⁾, въ званіи генералъ-кригсъ-коммисара, вице-адмираломъ, кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и Георгія 2-го класса, также и мальтійскаго ордена, полученнаго имъ одновременно съ Зоричемъ. Объ умѣ его и сердцѣ нельзя сказать многого. Сомнительно, чтобы онъ обладалъ всѣми способностями, необходимыми для исполненія тѣхъ разнообразныхъ должностей, которыя онъ занималъ; но нельзя было ему отказать въ личной храбрости“.

Этотъ силуэтъ Рибаса, очерченный Гельбигомъ, нуждается въ пополненіяхъ характеристики и мы находимъ ихъ въ Запискахъ А. С. Шишкова ³⁾ и въ письмахъ графа Ѳ. В. Ростопчина.

— ...„по кознямъ Рибаса, Грибовскаго и другихъ (говорить А. С. Шишковъ) противъ вице-адмирала Николая Семеновича Мордви-

¹⁾ Helbig. Die Russische Günstlinge. S. S. 364—365.

²⁾ Такъ явствуетъ изъ записокъ А. С. Шишкова.

³⁾ Записки, мѣнія и письма адмирала А. С. Шишкова. Berlin. В. Behr's Buchhandlung. 1870 года, стр. 5—7.

нова ¹⁾, начальствовавшего въ Крыму, князь Зубовъ названъ главнымъ начальникомъ надъ Черноморскимъ флотомъ ²⁾. Не знаю по какимъ судьбамъ, призываетъ онъ меня къ себѣ и спрашиваетъ: хочутъ ли я быть при немъ правителемъ канцеляріи его по сей части? Это было такое мѣсто, на которое многіе смотрѣли завидными глазами, и потому отвѣтъ мой не могъ быть иной, какъ тотъ, что я за счастье почту находиться при его свѣтлости. Послѣ сего неожиданнаго мною предложенія, пошелъ я къ Кушелеву и пересказалъ ему оное. Онъ присовѣтовалъ мнѣ спроситься о томъ у великаго князя, какъ у генералъ-адмирала, свазывая, что онъ, конечно, сему не воспрепятствуетъ, но ему пріятно будетъ, что это не безъ его воли сдѣлается. Я послушалъ его: поручилъ ему испросить сіе позволеніе, и онъ, на другой-же день, увѣдомилъ меня о благоволительномъ на то его высочества отзывѣ. Такимъ образомъ, перешелъ я изъ Балтійскаго флота въ Черноморскій, тѣмъ-же чиномъ, т. е. капитаномъ втораго ранга (подполковникомъ), съ порученіемъ управлять канцелярією князя Зубова. Сіе новое званіе налагало на меня долгу сблизиться и познакомиться съ тѣми, которые давно уже находились при князѣ, или имѣли особенный къ нему доступъ, какъ-то: правитель дѣлъ его, полковникъ Грибовскій и вице-адмиралъ Рибасъ. Я посѣтилъ перваго изъ нихъ, съ которымъ никогда прежде не былъ знакомъ. Онъ, послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій, началъ тотчасъ говорить о Черноморскомъ флотѣ, о Крымѣ, о великихъ денежныхъ издержкахъ, о беспорядкахъ, тамъ существующихъ, и проч. Я слушалъ съ терпѣливостью и молчалъ, почитая за ненужное и несовмѣстное защищать Мордвинова противъ челоуѣка, повидимому, весьма къ нему нерасположеннаго, но не столь хитраго, чтобъ много повредить ему могъ, ибо мнѣ казалось, что онъ избралъ ненадежное, скорѣе противъ него самого дѣйствующее средство,—при первомъ свиданіи увѣрять меня о корыстолюбивомъ и худомъ управленіи того, кто знаніями и достоинствами своими былъ извѣстенъ, и котораго, сверхъ

¹⁾ Николай Семеновичъ Мордвиновъ (род. 1755, † 1845) предсѣдательствовалъ въ Черноморскомъ адмиралтейскомъ правленіи; въ послѣдствіи былъ адмираломъ, морскимъ министромъ и графомъ. Заслужилъ извѣстность своимъ умомъ и прямодушіемъ.

²⁾ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 19-го іюля 1796 г., князь Зубовъ, въ своемъ управленіи Черноморскими флотами, былъ совершенно отдѣленъ отъ зависимости отъ адмиралтействъ-коллегіи. По поводу этого новаго повышенія любимца, Суворовъ писалъ: «князю Платону шнагу и скоро при президентствѣ получить кейзеръ-флагъ Черноморскихъ флотовъ, кои въ своемъ правленіи изгоняли и людей выморяли.... вытвердить имена марселевъ съ опселемъ (стоиселей), мачтъ и стеньгъ».

сего, почиталъ я своимъ другомъ и благодѣтелемъ. Совсѣмъ противно тому поступилъ Рибасъ, когда я въ первый разъ къ нему прѣѣхалъ: онъ началъ мнѣ говорить о Мордвиновѣ съ такою похвалою, съ такимъ къ нему уваженіемъ, что, при всемъ знаніи существовавшаго между ними несогласія, трудно было усомниться въ его чистосердечіи. Напослѣдокъ, по долгихъ разсказахъ о глубокихъ свѣдѣніяхъ Мордвинова, о кротости нрава его, о справедливости и рѣдкой честности, онъ со слезами сказалъ мнѣ: „вы не можете себѣ представить, до какой степени почитаю я за несчастіе, что не могу снискать его дружбы. Онъ отказалъ мнѣ въ ней, сказавъ, что никогда не будетъ мнѣ врагомъ, но что и другомъ быть не можетъ. Онъ писалъ къ императрицѣ письмо, въ которомъ говорилъ обо мнѣ, что я съ большими дарованіями и способностями, но что мнѣ важныхъ дѣлъ, касающихся до блага отечества, вѣрять и поручать не должно. Я самъ письмо сіе читалъ, и хотя оно не перемѣнило моего къ нему почтенія, однако-жъ я послѣ сего не могъ оставаться подъ его начальствомъ и просилъ объ отзвѣвѣ меня изъ Крыма. Сей случай, конечно, долженъ былъ произвестъ нѣкоторое взаимное между нами неудовольствіе. Я знаю, что вы съ нимъ дружны. Не подумайте, чтобъ я искалъ разрушить вашу съ нимъ пріязнь, или-бы досадовалъ на нее. Напротивъ, вы вашею къ нему привязанностью умножаете мое къ вамъ уваженіе. Я прошу только объ одномъ, чтобы дружба ваша къ нему не препятствовала вамъ и ко мнѣ ее имѣть. Вы теперь опредѣлились къ князю Zubову: онъ со мною весьма хорошъ; я могу быть вамъ сколько нибудь полезенъ, и думаю, что и самъ Мордвиновъ, по доброжелательству своему къ вамъ, не захотѣлъ-бы, чтобы мы съ вами были въ какомъ-либо несогласіи“. Я поблагодарилъ его за сдѣланную мнѣ откровенность и толь лестный для меня вызовъ, обѣщая съ моей стороны приложить всякое стараніе, чтобъ сдѣлаться достойнымъ его ко мнѣ благорасположенія. Между тѣмъ, идучи отъ него, думалъ я: этотъ гораздо смѣтливѣе и опаснѣе перваго! Тутъ вспомнилъ я слова Суворова, который, сказываятъ, говаривалъ о Михаилѣ Ларіоновичѣ Голенищевѣ Кутузовѣ: „его и Рибасъ не обманеть“.

Отзвѣвъ графа Ростопчина о Рибасѣ служить довольно густой тѣнью въ нравственномъ портретѣ строителя Одессы:

— „Рибасъ крадетъ ежегодно свыше 500,000 руб. Онъ настоялъ на утвержденіи проекта построенія порта гребныхъ судовъ въ Гаджибеѣ, названномъ Одессою. Надобно было соорудить моль уступомъ въ море, который, огибая мысъ, могъ бы укрывать суда и служить преградою между военной гаванью и другою, назначенною для тор-

говыхъ судовъ. Прибой волны къ мѣсту производства работъ до того силенъ, что при каждой бурѣ все рушится сплошь и приходится опять возобновлять и работы, и издержки. Гавань эта должна быть отстроена въ десять лѣтъ; вотъ уже три года, какъ надъ нею трудятся. Ежегодно отпускается 1,200,000 руб. и болѣе 5,000 солдатъ, изъ которыхъ четвертая часть умираетъ, какъ вслѣдствіе изнуренія, такъ и отъ недостатка въ прѣсной водѣ и отъ жаркаго климата въ лѣтнюю пору. Я думаю, вы помните этого Рибаса: при отъѣздѣ вашемъ отсюда, онъ былъ уже полковникомъ въ кадетскомъ корпусѣ; теперь онъ вице-адмиралъ и увѣшанъ лентами“.

Д. Б. Мертваго ¹⁾, въ качествѣ просителя, былъ у графа П. А. Зубова, благодаря покровительству Г. Р. Державина. Честный, прямодушный Д. Б. Мертваго не могъ быть равнодушнымъ зрителемъ возмутительной сцены, которую ему привелось увидѣть въ домѣ его сіятельства.

— „Я введенъ былъ въ спальню. Я нашелъ тутъ множество людей знатныхъ и въ чинахъ, стоявшихъ работѣнно передъ фаворитомъ. Онъ въ халатѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, грызъ ногти и, кое съ кѣмъ свысока поговаривая, не дожидаясь ни отъ кого отвѣта. Малорослая, съ голымъ хвостомъ, обезьяна прыгала по ширмамъ и у одного изъ вельможъ спортила буклю, въ каковомъ упражненіи, по приказанію хозяина, онъ помѣшать ей не смѣлъ. Обезьяна стала приближаться ко мнѣ и пристально на меня смотрѣть; убоясь, чтобъ невольнымъ какимъ движеніемъ не сдѣлать противнаго боярину, ретировался я, не дождавъ счастья услышать къ себѣ голосъ чловѣка, отъ коего просилъ и ожидалъ милости и спокойствія всей своей семьѣ“.

Въ обхожденіи съ подчиненными П. А. Зубовъ былъ олицетвореніемъ надменности. „...Князь хотя и приказалъ мнѣ“, говоритъ Шипковъ въ своихъ Запискахъ, „къ себѣ ходить и сначала сталъ было поручать нѣкоторыя маловажныя дѣла, но, послѣ, въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, почти никогда не удостоивалъ меня какимъ-либо своимъ приказаніемъ или разговоромъ; такъ что я, при разстроенномъ здоровьѣ моемъ, видя себя не употребляемымъ, часто увольнялъ себя отъ поѣздокъ къ нему. Онъ жилъ во дворцѣ. Въ покояхъ его достопримѣчательны были три комнаты, изъ которыхъ въ первой могъ быть всякъ, кто хотѣлъ; во вторую входили

¹⁾ Дмитрій Борисовичъ Мертваго (род. 5-го августа 1760 г., † 23-го іюля 1824 г.), одинъ изъ немногихъ истинно честныхъ, благонамѣренныхъ должностныхъ лицъ кратковременнаго царствованія императора Павла I. Любопытныя его «Записки» были напечатаны въ 1867 г.

только знатныя особы и находившіеся при немъ главные чиновники. Онъ тутъ, всякое утро, сидя въ развалистыхъ креслахъ, чесался и обыкновенно въ сіе время читалъ бумаги, вѣроятно, для того болѣе, чтобъ меньше разговаривать съ предстоящими; ибо всегда было ихъ не малое число и никто передъ нимъ не смѣлъ сѣсть, выключая развѣ самымъ знаменитѣйшихъ вельможъ. Третья комната составляла его кабинетъ или спальню, куда никто, кромѣ самыхъ близкихъ къ нему людей, не могъ входить. Изъ ней, по маленькой лѣстницѣ, былъ ходъ во внутренніе покои дворца“.

Желаніе быть великимъ человѣкомъ породило въ князѣ Платонѣ Александровичѣ мысль, изложенную имъ въ проектѣ, который, при совершенной неудобноисполнимости, далеко оставилъ за собою „Греческій проектъ“ Потемкина. Сущность потемкинскаго проекта, въ свое время возбуждившаго завистливыя опасенія европейскихъ кабинетовъ, заключалась въ освобожденіи отъ турецкаго ига христіанскихъ племенъ Балканскаго полуострова, въ возстановленіи имперіи Византійской подъ властію государя изъ членовъ Россійскаго Императорскаго дома. Эта великая мысль, въ первыя двадцать лѣтъ царствованія Екатерины, могла быть приведена въ исполненіе: побѣды Орлова, Румянцова, Суворова были его началомъ и если бы, сто лѣтъ тому назадъ, осуществился исполнскій планъ Потемкина, то Россія была бы навѣки избавлена отъ всякихъ „восточныхъ вопросовъ“, а славянскія племена, составляя одну родную семью, не уподоблялись бы нынѣ несчастнымъ стадамъ, обреченнымъ на рѣзню поклонниками ислама. Но въ 1794—1795 годахъ греческій проектъ Потемкина уже казался химерою: возстановленіе царства св. Константина подъ скипетромъ Русской Императрицы, или одного изъ ея внуковъ — не было бы допущено европейскими державами и всякая попытка Россіи вызвала бы вооруженное противодѣйствіе. Планъ Зубова, въ немногихъ словахъ, состоялъ въ томъ, чтобы Валеріанъ Зубовъ, для установленія сообщеній Россіи съ Индією, занялъ важныя торговые пункты, отъ Персіи до Тибета (!), оставилъ тамъ гарнизоны, и потомъ обратился съ своей арміей вправо къ Анатоли, и, взявъ Анапу, пресѣкъ всѣ сношенія съ Константинополемъ. Тогда Суворовъ пошелъ бы чрезъ Балканы и Адрианополь къ турецкой столицѣ, а Екатерина II, находясь лично на флотѣ (?), въ то же время осадила бы этотъ городъ съ моря. „Къ исполненію этого плана“, говоритъ Державинъ: „предполагалось приступить въ 1797 г. и Суворовъ дѣлалъ уже приготовленія. Неожиданная смерть императрицы все остановила“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТИМОФЕЙ ФЕДОРОВИЧЪ ОСИПОВСКІЙ.

Ректоръ Харьковскаго университета

1820 г.

Настоящій разсказъ объ увольненіи профессора и ректора Тимофея Федоровича Осиповскаго отъ всѣхъ должностей при Харьковскомъ университетѣ, основанный на подлинныхъ бумагахъ по этому дѣлу, относится къ интересному эпизоду изъ исторіи этого университета, въ частности, прибавляющему, вообще, новую страницу въ характеристикѣ извѣстнаго времени министерства князя Александра Николаевича Голицына (съ 1816 по 1824 г.) и попечительства въ Харьковскомъ университетѣ Захара Яковлевича Корнѣева (съ 1817 по 1822 г.). Это было время той „реакціи, которая обнаружилась вскорѣ послѣ Парижскаго мира, не только у насъ, но и въ Германіи, противъ свободы университетскаго ученія, заподозрѣннаго въ распространеніи ложныхъ идей, когда, въ 1821 г., въ С.-Петербургскомъ университетѣ уволены были отъ должности ректоръ Болугъянскій и нѣсколько профессоровъ; тоже случилось нѣсколько ранѣе въ Казанскомъ университетѣ, а въ Харьковскомъ еще въ 1817 г. высланъ былъ за границу одинъ изъ лучшихъ преподавателей его, профессоръ Шадъ, за изданныя имъ сочиненія, найденныя несогласными съ религіею и государственными учрежденіями, что до такой степени напугало товарища его, профессора Рейта, человека отъ природы робкаго, что, диктуя своимъ слушателямъ на лекціяхъ естественное право, онъ по нѣсколько разъ обдумывалъ и измѣнялъ выраженія самыя невинныя; боясь проговориться“. Такому-же остракизму подверглась, спустя четыре года, и замѣчательная личность ректора Осиповскаго, извѣстнаго профессора-математика своего времени, заподозрѣннаго также попечителемъ въ вольнодумствѣ, „а любимому ученику его, въ послѣдствіи знаменитому

нашему академику, М. В. Остроградскому, министерство отказало въ кандидатской степени, подъ предлогомъ несоблюденія въ отношеніи къ нему недавно изданныхъ правилъ объ испытаніяхъ, а въ самомъ дѣлѣ потому, что противъ него былъ сильно настроенъ тогдашній попечитель, вслѣдствіе заявленія, сдѣланнаго однимъ изъ профессоровъ, что онъ никогда не посѣщалъ лекцій богословія¹⁾.

Но прежде нежели я останавлиюсь подробнѣе на любопытномъ эпизодѣ увольненія Осиповскаго и, связаннаго съ нимъ, отказа въ кандидатствѣ Остроградскому и приведу всѣ собранныя мною документы по этому дѣлу, считаю необходимымъ познакомить читателя съ личностью и дѣятельностью перваго изъ нихъ, пользуясь свѣдѣніями о немъ въ статьяхъ Н. А. Лавровскаго²⁾ и М. Сухомлинова³⁾, и дополняя ихъ нѣсколькими новыми, встрѣтившимися мнѣ, чертами.

Тимофей Ѳедоровичъ Осиповскій образованіе свое началъ во Владимірской семинаріи. Когда правительственная коммисія объ учрежденіи училищъ потребовала до полутора ста человекъ изъ духовныхъ академій и семинарій въ открываемую въ Петербургѣ учительскую гимназію, Владимірская семинарія отправила Осиповскаго, какъ лучшаго изъ своихъ студентовъ. Въ ноябрѣ 1783 г. открылся въ учительской гимназіи, переименованной потомъ въ Педагогическій институтъ, курсъ ученія, и продолжался до августа 1786 г. непрерывно, безъ всякихъ вакацій. Въ теченіе всего курса, Осиповскій занимался преимущественно физико-математическими науками. При открытіи главныхъ народныхъ училищъ, питомцы учительской гимназіи назначены преподавателями, и Осиповскому предоставлено избрать Петербургъ или Москву. Онъ выбралъ Москву, какъ мѣсто ближайшее къ его родинѣ. Въ Москвѣ онъ былъ при главномъ народномъ училищѣ учителемъ физико-математическихъ наукъ и русской словесности, съ 1786 по 1800 г., и своимъ талантомъ и познаніями обратилъ на себя вниманіе общества и специалистовъ. Коммисія о народныхъ училищахъ прислала ему на разсмотрѣніе издаваемыя ею математическія сочиненія. Почти въ одно и то же время, онъ получилъ приглашеніе на кафедру математики отъ медико-хирургическаго училища

¹⁾ Русскіе университеты и «университетскій вопросъ» Пирогова. Статья А. Рославскаго-Петровскаго, стр. 35—36, изъ прибавленій къ Харьковскимъ губернскимъ вѣдомостямъ, 1864 г.

²⁾ Василій Назаровичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета. Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1872 г., январь и февраль.

³⁾ Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I. Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1865 г., часть 128.

и отъ Московскаго университета. Но какъ ему предложено было самому испросить увольненіе изъ вѣдомства училищной комисіи, а онъ постоянно держался правила никогда о себѣ не просить, то ни одно изъ приглашеній и не состоялось. Между тѣмъ, послѣдовало отъ самой комисіи предложеніе занять кафедру физико-математическихъ наукъ въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ институтѣ, которое и было принято Осиповскимъ. По вступленіи, въ 1800 г., въ новую должность, ему назначено было преподавать по 12-ти часовъ въ недѣлю; книгъ, по которымъ читать, не было, и онъ принужденъ былъ дополнять и исправлять сочиненія, написанныя имъ для руководства воспитанниковъ Московскаго главнаго народнаго училища, а чего не было приготовлено, то писать вновь. Изъ этихъ сочиненій два тома тогда же изданы были комисіею. Сверхъ того, на него возложено было исправленіе и изданіе въ свѣтъ Анкетиловой исторіи, переводимой студентами, подъ руководствомъ директора института Коха; три тома исправлены и изданы Осиповскимъ, третій изданъ потомъ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ, Мартыновымъ. Во время профессорства Осиповскаго въ Педагогическомъ институтѣ, ему предложено было, со стороны Академіи Наукъ, вступить въ число ея членовъ, съ званіемъ адъюнкта математики, но Осиповскій отказался отъ такого лестнаго предложенія.

Въ концѣ 1802 г., извѣстный В. Н. Каразинъ, отъ имени попечителя Харьковскаго университета, графа С. О. Потоцкаго, просилъ Осиповскаго занять мѣсто профессора математики въ учреждаемомъ Харьковскомъ университетѣ. На этотъ разъ предложеніе было принято Осиповскимъ, но съ условіемъ, чтобы самъ попечитель велъ дѣло и сносился съ начальствомъ. Потоцкій былъ не такой человекъ, чтобы избѣгать какихъ-бы то ни было трудностей для пріобрѣтенія университету достойныхъ ученыхъ, и, при самомъ началѣ дѣйствій главнаго правленія училищъ, представилъ въ профессору Харьковскаго университета Осиповскаго, извѣстнаго членамъ прежней комисіи объ училищахъ, какъ профессоръ математики и физики въ учительской гимназій и по изданному отъ него курсу математики. Осиповскій ничего не зналъ о ходѣ своего дѣла по перемѣщенію въ Харьковъ, какъ, въ февралѣ 1803 года, ему объявили, что, по представленію министра народнаго просвѣщенія, графа П. В. Завадовскаго, онъ утвержденъ, 7-го февраля 1803 года, государемъ императоромъ въ должности профессора математики въ Харьковскомъ университетѣ. По прибытіи въ Харьковъ, время до открытія университета Осиповскій употребилъ на исправленіе и пополненіе курса аналитическихъ функцій и приложенія ихъ къ выс-

шей геометріи, сочиненнаго имъ для лекцій въ Педагогическомъ институтѣ и предназначеннаго для университетскихъ чтеній. Профессорская дѣятельность Осиповскаго занимаетъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ Харьковскаго университета. Онъ былъ свѣтиломъ математическаго факультета, а благороднымъ, чистымъ образомъ дѣйствій онъ приобрѣлъ общее уваженіе ученой корпораціи, неоднократно избиравшей его ректоромъ университета. Осиповскій былъ непрерывно ректоромъ университета съ 1813 по 1821 г., т. е. до самаго увольненія его изъ университета. „Хорошій математикъ и честный человекъ“, замѣчаетъ о немъ профессор Роммель, вообще скупой на похвалы, въ своихъ воспоминаніяхъ о Харьковскомъ университетѣ, но онъ упоминаетъ объ Осиповскомъ, къ сожалѣнію, только вскользь, какъ и о многомъ другомъ ¹⁾. Главное правленіе училищъ признало нужнымъ сдѣлать второе изданіе составленнаго Осиповскимъ курса математики, въ двухъ томахъ. Онъ приготовилъ къ изданію и третій томъ, о дифференціальныхъ, интегральныхъ и варіаціонныхъ исчисленіяхъ, состоящій изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ одной, изданной въ послѣдствіи, находился анализъ вообще взятый, а въ другой — приложение его къ кривымъ линіямъ и поверхностямъ. Онъ также перевелъ на русскій языкъ „Небесную Механику“ Лапласа, съ присовокупленіемъ поясненій, относительно основаній предлагаемыхъ въ ней вычисленій. Другія сочиненія Осиповскаго: о дѣйствіи силъ на гибкія тѣла и о происходящемъ отъ того равновѣсіи; объ астрономическихъ преломленіяхъ; теорія движенія тѣлъ, бросаемыхъ на поверхности земной; разсужденіе о томъ, что астрономическія наблюденія надъ тѣлами солнечной системы надлежитъ поправлять по времени прихода отъ нихъ свѣта, и другія. Нѣкоторыя изъ нихъ представлены были въ главное правленіе училищъ, выразившее автору свое полное одобреніе и признательность; иныя напечатаны въ трудахъ Общества наукъ, бывшаго при Харьковскомъ университетѣ, или читаны въ ученыхъ собраніяхъ. (Общество наукъ существовало при университетѣ съ 1813 г., первый томъ своихъ записокъ издало въ 1817 г. и, по недостатку вспомогательныхъ средствъ, съ 1832 г. прекратило свои засѣданія). Курсъ математики профессора Осиповскаго былъ употребляемъ во всѣхъ училищахъ, пока не былъ изданъ курсъ, составленный членомъ главнаго правленія училищъ, Фусомъ, и предписано

¹⁾ Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета, воспоминанія профессора Роммеля о своемъ времени, о Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ. Переводъ Я. Баласнаго. Харьковъ. 1868 г. Роммель писалъ свои живыя и характерныя записки въ глубокой старости, спустя 40 лѣтъ послѣ пребыванія своего въ Харьковскомъ университетѣ (съ 1811 до половины 1814 г.).

было держаться, въ гимназическомъ преподаваніи, книги Фуса. По свидѣтельству академика Остроградскаго, математическія сочиненія Осиповскаго обратили на себя вниманіе французской академіи наукъ, признавшей ихъ достойными помѣщенія въ своемъ періодическомъ изданіи; они не были помѣщены тамъ единственно потому, что уже прежде напечатаны по русски, а въ изданія французской академіи не допускаются сочиненія, изданныя уже въ свѣтъ на какомъ-бы то ни было языкѣ¹⁾. По отзыву русскихъ специалистовъ, ученые труды Осиповскаго, которыми онъ преимущественно руководствовался и при чтеніи лекцій, составляютъ украшеніе нашей математической литературы начала девятнадцатаго столѣтія. По замѣчанію І. И. Сомова, курсъ математики Осиповскаго можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими иностранными руководствами того времени; сочиненія его показываютъ знакомство автора со всѣмъ, что было замѣчательнаго въ математической литературѣ Европы. Избравши образцомъ преимущественно Эйлера, Осиповскій, по ясности и строгости изложенія, былъ достойнымъ послѣдователемъ великаго математика. Обязанный своими познаніями собственному таланту и неутомимой ревности, съ которою изучалъ творенія европейскихъ ученыхъ, онъ излагалъ открытія гениальныхъ двигателей науки съ яснымъ и глубокимъ знаніемъ дѣла; его университетскія чтенія служили превосходною школою для слушателей, указывали имъ вѣрный путь и давали прочный залогъ для дальнѣйшихъ, самостоятельныхъ занятій. Въ числѣ питомцевъ Харьковскаго университета времени Осиповскаго, былъ знаменитый въ послѣдствіи М. В. Остроградскій, сохранившій до конца жизни благодарное воспоминаніе о своемъ первомъ руководителѣ. Осиповскій имѣлъ большое вліяніе на научное образованіе Остроградскаго и содѣйствовалъ развитію его блестящаго математическаго таланта.

Въ замѣткахъ объ Осиповскомъ въ названной выше статьѣ М. Сухомлинова, составленныхъ на основаніи автобіографической, собственноручной записки Осиповскаго, при одномъ дѣлѣ архива министерства народнаго просвѣщенія, и по нѣкоторымъ другимъ дѣламъ того же архива, находится еще слѣдующее указаніе на одинъ изъ фактовъ университетской дѣятельности Осиповскаго. „Ректоръ Харьковскаго университета, Осиповскій, обратилъ вниманіе министерства на то обстоятельство, что уставомъ дозволяется допускать каждаго къ экзамену на ученую степень по его выбору, безъ всякой постепенности.

¹⁾ С.-Петербургскія вѣдомости 1858 г., № 40, стр. 221. Указаніе М. И. Сухомлинова.

Такая свобода, — пишет Осиповскій, — предоставлена, безъ сомнѣнія, съ тою цѣлью, чтобы не останавливать хода отличнымъ талантамъ, но отличные таланты рѣдки, и этимъ правомъ въ нашемъ университетѣ, да, вѣроятно, и въ другихъ, пользовались болѣе пролазы, и выходило нерѣдко, что ученые степени приобрѣтались чужимъ умомъ и чужими трудами. Для избѣжанія подобныхъ злоупотребленій, Осиповскій указывалъ на сроки, положенные въ гражданской службѣ, до истеченія которыхъ никто не представляется въ слѣдующій чинъ. По инициативѣ Осиповскаго, и вслѣдствіе возникшаго дѣла о томъ, правильно-ли произведены 10 лицъ въ степень доктора разными университетами, главное правленіе училищъ поручило своему члену Сергѣю Семеновичу Уварову составить подробное начертаніе правилъ для производства въ ученые степени, и въ числѣ основаній, согласно съ предложеніемъ Осиповскаго, постановлено то, чтобы ученые степени давать по порядку одну за другою, и не иначе, какъ черезъ три года. Новое положеніе объ ученыхъ степеняхъ утверждено 20-го января 1819 г.⁴

Относительно философскаго направленія, котораго держался Осиповскій, М. Сухомлиновъ говоритъ слѣдующее: „Осиповскій былъ представителемъ реализма въ университетской наукѣ, подобно нѣкоторымъ другимъ профессорамъ физико-математическихъ факультетовъ того времени. Въ противоположность юридическому и словесному факультетамъ, съ ихъ любовью къ древнему міру и нѣмецкой философіи, въ математическомъ факультетѣ господствовало реальное направленіе, и представители его враждебно относились къ древнимъ писателямъ и новѣйшимъ философамъ именно потому, что видѣли въ нихъ, особенно въ послѣднихъ, стремленіе создавать системы а priori, при отсутствіи точнаго и всесторонняго изслѣдованія фактовъ. Противоположность двухъ направленій, философскаго и реального, всего яснѣе представляется въ воззрѣніи на господствовавшую въ то время такъ называемую критическую философію. Основатель ея, Кантъ, величайшій изъ нѣмецкихъ мыслителей, былъ тогда свѣтиломъ философіи; слава его, распространяясь по всей Европѣ, проникла и въ русскіе университеты, въ которыхъ явилось много его приверженцевъ, какъ между иностранцами, такъ и между природными русскими. Только реалисты-математики не охотно поддавались обаятельному дѣйствию критики чистаго разума. Осиповскій былъ рѣшительнымъ противникомъ Канта и неоднократно избиралъ предметомъ для академическихъ бесѣдъ опроверженіе его системы. Въ лицѣ Канта, какъ вождя новой философіи, онъ осуждаетъ возвращеніе къ древнему идеализму, разсѣянному великими открытіями гениальныхъ уче-

ныхъ. Опровергая динамическую систему Канта и его ученіе о пространствѣ и времени, Осиповскій говоритъ: „Если прочтемъ изложеніе мнѣній и ученій древнихъ греческихъ философовъ, то увидимъ, что нравственныя и математическія ихъ сужденія были вообще хороши; но сужденія ихъ о разныхъ явленіяхъ природы бѣльшею частью странны и даже смѣшны. Отъ чего-жъ сіе происходило? Отъ того, что они искали всѣхъ познаній единственно почти въ самихъ себѣ. И дѣйствительно, довольно только познать намъ самихъ себя, дабы потомъ, чрезъ приложеніе своихъ чувствованій къ другимъ, почерпнуть всѣ почти правила нравственности изъ самихъ себя. Но дабы познать законы какого-либо явленія природы, для сего надлежитъ сперва разсматривать его въ разные времена, въ разныхъ видахъ, въ разныхъ отношеніяхъ къ другимъ явленіямъ, имѣющимъ дѣйствительное или видимое только вліяніе на оное, и изыскивать тѣ состоянія сего явленія, въ коихъ оно оказывается наидѣльнѣе отъ прочихъ совмѣстныхъ явленій, а потомъ уже и дѣлать свои о немъ заключенія. Въ древнихъ философахъ находится множество неосновательныхъ заключеній, изъ коихъ нѣкоторыя перешли и въ европейскія училища и преподаваемы были въ оныхъ какъ законы. Благодаря вразумлѣніямъ Баконовъ, Декартовъ и другихъ, системы сіи мало по малу терали свою довѣренность, и умные Европы радовались, видя освобожденіе отъ раболѣпственнаго къ нимъ вниманія. Но съ недавняго времени, духъ древнихъ греческихъ философовъ опять началъ возникать въ Германіи; опять начали умствовать о природѣ аргіогі, и опять начали появляться системы, одна страннѣе другой¹⁾“. Возрѣніе свое на родоначальника этихъ системъ, Канта, Осиповскій переноситъ и на послѣдователей его, занимавшихъ кафедры въ русскихъ университетахъ. Разбирая логику харьковскаго профессора Шада, Осиповскій дѣлаетъ въ концѣ такое замѣчаніе о немъ: „Каждый изъ философовъ нѣмецкихъ. какъ будто для хвастовства, отличался отъ прочихъ бѣльшимъ или меньшимъ количествомъ странностей въ мысляхъ, но каждый отличался своими странностями, а нашъ философъ, принявъ подъ свой покровъ странности всѣхъ, прибавилъ къ нимъ еще столько же своихъ“. Дополняя сказанное М. Сухомлиновымъ, Н. Лавровскій, въ своей статьѣ (см. примѣчаніе выше), говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: „Осиповскій весьма враждебно относился къ господствовавшей тогда новой философіи Шеллинга,

¹⁾ Рѣчи Осиповскаго въ собраніяхъ Харьковскаго университета: 30-го августа 1807 г. «О пространствѣ и времени» и 30-го августа 1813 г. «Разсужденіе о динамической системѣ Канта».

представителемъ которой въ Харьковскомъ университетѣ былъ извѣстный профессоръ Шадъ и, въ послѣдствіи, его ученикъ Дудровичъ. Это обстоятельство приводило его неоднократно къ столкновениямъ съ Шадою, постоянно занимавшимъ совѣтъ весьма разнообразными дѣлами. Такъ, за годъ до своего увольненія, по поводу разсмотрѣнія письменныхъ отвѣтовъ (*specimena*) Дудровича, представленныхъ имъ съ цѣлю полученія званія ординарнаго профессора, Осиповскій высказалъ, въ засѣданіи 17-го декабря 1819 г., слѣдующее рѣзкое мнѣніе объ этой новой философіи: „*In illis expositum esse statum solummodo novae philosophiae germanorum, quae, a Kantiana inde, sublato ab intellectu fundamento naturali conceptionis, nihil reliquit rationi, nisi unicas phantasias producendas, et quod recommendata prae caeteris ab illo philosophia Schellingiana est etiam prae caeteris phantasia per eminentiam*“. (Въ нихъ изложено только состояніе новой германской философіи, которая, со времени Канта, отнявъ у духа естественное основаніе пониманія, не оставила разуму ничего, кромѣ произведенія однихъ фантазій; что же до предлагаемой имъ въ особенности Шеллинговой философіи, то она-то и есть фантазія по преимуществу). Мнѣніе это повело къ продолжительнымъ препирательствамъ въ совѣтѣ. Должно замѣтить, что само министерство, по поводу интереснаго дѣла о сочиненіяхъ Шада, и особенно о его „*Institutiones juris naturae*“, высказало объ этой новой философіи столь же рѣшительный приговоръ. „Авторъ слѣдуетъ новѣйшей нѣмецкой философіи и особенно Шеллингу“, пишетъ министръ попечителю. „между тѣмъ весьма сомнительно, чтобы введеніе этой системы въ Россіи и вкорененіе ея въ памяти юношей русскихъ прямо должно допустить“. Въ маѣ 1816 года, книги Шада были истреблены, и самъ онъ, по высочайшему повелѣнію, высланъ за границу ¹⁾).

Еще одна сторона тогдашней университетской жизни имѣла важное значеніе, и здѣсь ея необходимо коснуться, именно: отношеній русскихъ профессоровъ, и слѣдовательно, и Осиповскаго, къ иностранцамъ. „Необходимо замѣтить“, говоритъ М. Сухомлиновъ, „что въ составѣ Харьковскаго университета образовалось два враждебные лагеря, русскіе и иностранцы. Первоначально, въ первые годы существованія университета, между ними не было не только вражды, но и разногласія. Но постоянный наплывъ иноземцевъ, незнаніе ими ни

¹⁾ Иванъ Егоровичъ Шадъ родился въ 1761 г. въ Марбахѣ, былъ профессоромъ Іенскаго университета; въ Харьковѣ былъ первымъ профессоромъ философіи въ университетѣ (1804—1816). См. о немъ статью Н. Лавровскаго: «Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета: А. Н. Стойновичъ и І. Г. Шадъ». Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Рос. 1873 г., кн. 2.

русскаго языка, ни нравовъ и обычаевъ страны, образовало изъ нихъ въ глазахъ общества пришлую колонію, совершенно отличную отъ той среды, въ которой они поселились. Столкновение ихъ съ этою средою представляло много забавнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много печальнаго, имѣвшаго крайне невыгодное вліяніе на ходъ университетскихъ дѣлъ. Иностранцы мало по малу стягивались въ довольно плотную массу, и повели интригу прѣтивъ русскихъ, добываясь захватить въ свои руки все управленіе университета и округа. Объ этомъ говорить положительно попечитель гр. Потоцкій въ откровенномъ письмѣ, на польскомъ языкѣ, къ министру гр. Завадовскому ¹⁾“. Само собою разумѣется, что между русскими и между иностранцами были люди, стоявшіе выше интригъ и происковъ. Современники съ большимъ уваженіемъ отзываются о нравственномъ достоинствѣ, благородствѣ характера и безкорыстїи профессоровъ: Рижскаго, Осиповскаго, Якоба, Пильгера и другихъ. Но справедливость требуетъ указать и темныя стороны обѣихъ партій: крючкотворство, чиновочитаніе, nepотизмъ, корыстолюбіе и проч., и притомъ не съ голоса приверженцевъ одной стороны, а на основанїи неподлежащихъ сомнѣнію фактовъ, уцѣлѣвшихъ въ архивахъ и отчасти въ достовѣрномъ преданїи. Осиповскій весьма самостоятельно держалъ себя относительно иностранныхъ профессоровъ, замѣчаетъ Н. Лавровскій, и можно смѣло утверждать, что послѣдніе, во время его ректорства, вели себя умѣреннѣе; указанїи на эти отношенїя сохранилось довольно въ журналахъ совѣта. Здѣсь кстати можно остановиться на одномъ изъ этихъ столкновенїй, отчасти курьезномъ, ректора Осиповскаго съ иностраннымъ профессоромъ Нельдехеномъ, встрѣченномъ мною въ архивѣ Харьковскаго университета, въ видѣ особаго дѣла ²⁾. Забавный курьезъ, случившійся съ иностранцемъ-профессоромъ, можетъ служить одной изъ характерныхъ чертъ того времени. Объ этомъ профессоръ у Роммеля ³⁾ находитъ слѣдующая замѣтка: „Нельдехенъ, профессоръ сельскаго хозяйства, прїѣхалъ изъ Берлина и, не вѣдая ничего о жирной почвѣ Украины, съ первыхъ же лекцій возбудилъ смѣхъ студентовъ своимъ ученїемъ объ удобренїи навозомъ; потомъ, мало по малу, при пособїи своей супруги-польки, занялся исключительно собственною экономїею“. Этотъ-то профессоръ принесъ въ со-

¹⁾ Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенїя, картонъ 154, № 5670. Указанїе М. Сухомлинова въ названной выше его статьѣ.

²⁾ Дѣло о причиненномъ ректоромъ Осиповскимъ профессору Нельдехену безчестїи. Дѣла совѣта 1818 г., картонъ № 64, по архиву № 1339.

³⁾ Пять лѣтъ изъ исторїи Харьковскаго университета и пр.

вѣтъ жалобу на Осиповскаго (журналъ совѣта 28-го ноября 1817 г., статья 6, литера А), въ которой обвиняетъ ректора въ нанесеніи ему безчестія тѣмъ, что ректоръ сказалъ ему, якобы онъ находится подъ судомъ, а потому и не представленъ въ повышенію чиномъ. Нельдехенъ проситъ, чтобы ректоръ наказанъ былъ за это оскорбленіе по російскимъ законамъ, а именно денежнымъ взыскаіемъ, которое онъ, Нельдехенъ, назначаетъ въ пользу инвалидовъ.

Слѣдующее объясненіе, поданное противъ этой жалобы Осиповскимъ, представило это дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ: „На выписку, данную мнѣ изъ журнала правленія университета, подъ № 109, съ тѣмъ, чтобы я представилъ объясненіе мое по жалобѣ, поданной г. профессоромъ Нельдехеномъ 28-го ноября въ совѣтъ университета, будто бы я его обидѣлъ, сказавъ, что онъ находится подъ судомъ, имѣю честь объяснить: что когда въ тотъ день пришелъ я въ совѣтъ, были тогда въ совѣтской залѣ гг. профессора: Книгинъ, Успенскій и на тотъ разъ онъ, г. Нельдехенъ. Я прошелъ мимо г. Нельдехена и онъ, смотря на меня, не знаю почему, не узналъ меня. Положивъ бумаги на мое мѣсто, возвращался я, чтобы спросить, будутъ-ли представлены въ совѣтъ еще какія бумаги отъ правленія и училищнаго комитета. Тутъ онъ, какъ видно, догадавшись, что это долженъ быть я, остановилъ меня вопросомъ: „почему онъ не представленъ къ чину?“ Я отвѣчалъ ему, что не помню, представленъ ли онъ или нѣтъ; что въ правленіи читанъ списокъ всѣхъ университетскихъ чиновниковъ, и кого слѣдовало представить, всѣ представлены. Онъ на сіе сказалъ, что знаетъ, что онъ не представленъ, но спрашиваетъ, почему не представленъ? Я отвѣчалъ ему, что, можетъ быть, потому, что дѣла не вышли. Тутъ онъ началъ кричать, бѣгая и произнося, что шесть лѣтъ службы его вышли еще въ октябрѣ мѣсяцѣ сего года. Бѣгая такимъ образомъ взадъ и впередъ по залѣ совѣта и канцеляріи правленія и крича, подбѣжалъ опять ко мнѣ и сказалъ съ крикомъ: „мои дѣла вышли, такъ почему я не представленъ?“ Я сказалъ, что, можетъ быть, потому, что вы подъ судомъ. Тутъ онъ началъ бѣгать и кричать больше прежняго, произнося: „я не подъ судомъ, я не былъ никогда и не буду подъ судомъ“, и проч. Между тѣмъ собрались члены совѣта и началось засѣданіе, въ которомъ онъ, позабывъ видно, какъ дѣло происходило, и помня только о словѣ: подъ судомъ, жаловался на меня въ совѣтъ, что я сказалъ объ немъ, что онъ подъ судомъ. Правленіе изъ сего усмотрѣтъ можетъ, я ли обидѣлъ г. Нельдехена, перечисляя ему причины, по коимъ законы не повелѣваютъ представлять къ чинамъ, или г. Нельдехенъ меня, крича при перечисленіи сихъ причинъ на меня и бѣгая предо мною. Впрочемъ, я тогда дѣй-

ствительно позабылъ, представленъ-ли онъ въ чину или нѣтъ, и уже послѣ, выправившись, узналъ, что о производствѣ его въ чину представлено на благоусмотрѣніе г-ну попечителю. Января 28-го дня 1818 года. Тимофей Осиповскій⁴⁾.

Правленіе университета, давши Нельдехену съ этого объясненія копію, потребовало отъ него противъ объясненія доказательства, но тотъ не подалъ никакого отвѣта. Поэтому правленіе, въ засѣданіи своемъ 8-го іюня 1818 года, положило: такъ какъ открывается, что профессоръ Нельдехенъ, безъ всякаго основанія принеся въ совѣтъ университета на г. ректора жалобу, не имѣлъ къ подтвержденію оной никакихъ доказательствъ, то въ претензіи его на г. ректора отказать, и за не дѣльную его жалобу, на основаніи § 150 университетскаго устава, взыскать съ него, Нельдехена, въ пользу казенноновштныхъ воспитанниковъ при Слободско-украинской гимназій, 24 рубля⁵⁾. Это и было исполнено. Самъ Нельдехенъ не явился по требованію правленія для выслушанія рѣшенія и не принялъ повѣстки объ этомъ, отзываясь больнымъ.

Для характеристики личности Осиповскаго, приведу еще нѣсколько свѣдѣній изъ записки о первыхъ дѣятеляхъ Харьковского университета, написанной однимъ изъ первыхъ студентовъ Харьковского университета, Т. И. Селивановымъ¹⁾. „Т. О. Осиповскій роста хорошаго, одѣвался просто, но прилично. Извѣстный въ свое время математикъ, онъ, кромѣ математики и физики, обладалъ многосторонними свѣдѣніями и былъ неутомимо трудолюбивъ. Осиповскій всегда и со всѣми въ обращеніи былъ ровень, никогда не выходилъ изъ себя, любилъ говорить положительно, выражаться точно, для чего иногда, говоря, останавливался и поправлялъ сказанную имъ фразу; рѣдко говорилъ или защищалъ что нибудь съ жаромъ, энергически, — но просто, равнодушно и настойчиво. Онъ не любилъ мистиковъ, которые брали на себя объяснять необъяснимое, постигать непостижимое, чѣмъ раздражалъ бывшаго въ то время попечителя-старика, мистика, Захара Яковлевича Корнѣева. Тимофей Федоровичъ имѣлъ обширную и твердую память, не любилъ тщеславиться и выказывать себя, какъ г. Тимковскій и г. Стойковичъ²⁾. Рассказываютъ про

¹⁾ Т. И. Селивановъ, бывшій директоръ донскихъ училищъ, умеръ въ глубокой старости, въ 1869 г. Онъ составилъ, по просьбѣ профессора А. П. Рославскаго-Петровскаго, небольшую записку, весьма правдиво написанную, изъ которой Н. Лавровскій привелъ много мѣстъ въ своей статьѣ.

²⁾ Объ этихъ профессорахъ Харьковского университета (второй и былъ ректоромъ 1807—8, 1811—13 гг.) свѣдѣнія находятся въ двухъ статьяхъ Н. Лавровскаго.

Осиповскаго, что онъ, проѣзжая чрезъ Москву, зашелъ инкогнито въ университетъ на лекцію профессора математики, сѣлъ на скамью и слушалъ лекцію. Между прочимъ, профессоръ, объясняя какую-то статью, сказалъ: „Вотъ формула г. Осиповскаго, но она неполна и темна, а вотъ таковаго-то автора—удовлетворительна“. По окончаніи лекціи, Осиповскій подошелъ къ кафедрѣ и сказалъ профессору: „Позвольте мнѣ нѣсколько словъ сказать; вотъ вы взяли формулу Осиповскаго и сказали, что она неполна и неудовлетворительна“. Потомъ, взявши мѣлъ, подошелъ къ доскѣ, написалъ ту формулу и говоритъ: „Осиповскій разумѣетъ вотъ что“, и изложивши съ подробностію ту формулу, сказалъ: „Вотъ видите, что она и полна, и ясна, а формула автора, на котораго вы ссылаетесь, менѣе удовлетворительна“. Тогда профессоръ, обращаясь къ Осиповскому, сказалъ: „съ кѣмъ я имѣю честь говорить?“—„Съ Осиповскимъ“. Этотъ рассказъ я слышалъ отъ Новочеркаскаго архіепископа Аванасія, который долго былъ въ Москвѣ викаріемъ. Послѣ выбитія изъ университета А. И. Стойковича, избранъ былъ въ достоинство ректора университета Т. О. Осиповскій и 8-го августа 1815 года высочайше утвержденъ въ этой должности, въ которой состоялъ по 14-е ноября 1820 г. Осиповскій былъ человѣкъ семейный. Роммель въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что онъ „былъ подъ башмакомъ у своей властолюбивой и кокетливой супруги“.

Перехожу теперь къ изложенію обстоятельствъ увольненія Осиповскаго.

II.

М. Сухомлиновъ объясняетъ внезапное устраненіе Осиповскаго отъ всѣхъ должностей при Харьковскомъ университетѣ слѣдующимъ образомъ: „Дорогая для университета дѣятельность Осиповскаго прервана была вмѣшательствомъ попечителя, чловѣка съ мистическимъ направленіемъ, не влюбившаго Осиповскаго за замѣчаніе, сдѣланное имъ на экзаменѣ студенту и состоящее въ томъ, что, говоря о Богѣ, умѣстивше употребляетъ выраженіе существуетъ, нежели живетъ (заимствовано изъ статьи А. Рославскаго-Петровскаго, см. прим. выше, которымъ это замѣчаніе приведено не точно, какъ указано будетъ ниже). Осиповскій выразилъ желаніе, вмѣсто кафедры чистой математики, занять кафедру оптики и астрономіи; попечитель представилъ, что Осиповскій отказывается отъ занимаемой имъ кафедры, и притомъ весьма небрежно исправляетъ званіе ректора. Главное правленіе училищъ согласилось, въ сожалѣнію, съ доводами

попечителя, и представило Осиповскаго къ совершенному увольненію отъ службы при университетѣ“¹⁾. Ниже читатель прочтетъ настоящій ходъ всего этого дѣла увольненія Осиповскаго, по документамъ, вмѣстѣ съ дѣломъ объ отказѣ въ кандидатской степени студенту Остроградскому. Но сначала необходимо сказать, что это увольненіе, какъ справедливо замѣтилъ Н. Лавровскій, произошло „не столько отъ того частнаго случая, разсказаннаго Сухомлиновымъ, сколько было вообще естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ новыхъ порядковъ, которые въ это время стали входить во всѣ университеты, и которые внесли въ нихъ столько смуты и замѣшательства“.

„Представителемъ этихъ порядковъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ былъ Руничъ, въ Казанскомъ—Магницкій, а въ Харьковскомъ—Корнѣевъ, вице-президентъ Петербургскаго библейскаго общества, проникнутый дѣйствительно мистическимъ направленіемъ. Руничъ и Магницкій достаточно разоблачены въ послѣднее время, между тѣмъ какъ Корнѣевъ вовсе незаслуженно до сихъ поръ остается въ тѣни, хотя онъ съ такимъ-же усердіемъ, и, можетъ быть, лишь съ болѣею искренностью, не обладая, правда, талантами своихъ сослуживцевъ, дѣйствовалъ въ одномъ съ ними направленіи“.

Тайный совѣтникъ Захаръ Яковлевичъ Корнѣевъ, до своего попечительства въ 1817 г., которымъ обязанъ своему пріятелю, министру Голицыну, служилъ долго. Это былъ старый масонъ. Будучи Орловскимъ вице-губернаторомъ, Корнѣевъ состоялъ предсѣдателемъ открывшейся въ 1784 г. въ Орлѣ масонской ложи, которая была учреждена подъ вліяніемъ извѣстнаго мартиниста И. В. Лопухина, пріятеля Корнѣева, и работала въ духъ московскихъ мартинистовъ; въ этой ложѣ были членами: губернаторъ Неплюевъ, вскорѣ, впрочемъ, отставшій отъ масонства, статскій совѣтникъ Николай Яковлевичъ Свербѣевъ, члены губернскихъ палатъ Нелединскій и Ржевскій и ассесоры: Милоновъ и Корнѣевъ-младшій, племянникъ Захара Яковлевича Корнѣева, въ послѣдствіи бывшій послѣ него попечителемъ Харьковскаго университета²⁾. Изъ Орла Захаръ Яковлевичъ Корнѣевъ перешелъ въ Минскъ гражданскимъ губернаторомъ³⁾, былъ потомъ сенаторомъ и, при учрежденіи государственнаго совѣта, въ 1810 г., назначенъ его членомъ. Являсь въ Харь-

¹⁾ Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, журналы главнаго правленія училищъ 1820 г., № 27, ст. 10. Указаніе М. Сухомлинова.

²⁾ Лонгиновъ: «Новиковъ и московскіе мартинисты». Москва. 1867 г. Стр. 215.

³⁾ Въ Русскомъ Архивѣ 1869 г., стр. 1559—1566, напечатанъ рапортъ императору Павлу, іюля 6-го дня 1797 г., отъ Минскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Корнѣева: о православіи въ Минской губерніи.

ковскій университетъ, онъ немедленно приступилъ къ дѣйствіямъ въ своемъ духѣ. Въ 1817 г. въ типографіи университета уже печаталось циркулярное предложеніе о томъ, что священное писаніе должно служить основою при преподаваніи всѣхъ наукъ.

Въ началѣ 1819 г., по поводу замѣчанія министра, что въ студентскихъ статьяхъ, напечатанныхъ университетомъ съ одобренія словеснаго факультета и читанныхъ въ собраніи 30-го іюня 1817 г. (при этомъ особенно обращено было вниманіе на статью студента Склабовскаго, подъ заглавіемъ: *De corruptione naturae humanae et de auxilio ad eandem amendandam, quale proestat nobis vera philosophia*. (Объ испорченности человѣческой природы и о способѣ исправить ее, какой представляетъ намъ истинная философія), заключаются самыя ложныя понятія о средствахъ (философскихъ) возстановленія падшей природы человѣка.

Корнѣевъ распространяется подробно о томъ-же предметѣ. „Чтеніе библіи не должно быть подобно чтенію обыкновенныхъ книгъ“, пишетъ онъ въ совѣтъ (25-го января 1819 г.), „но и великимъ приготовленіемъ сердца и ума, прося прежде всего во внутренней молитвѣ чистоты сердечной и ума истиннаго. Прежде всего нужно оживляться любовью къ Богу, а умъ долженъ подчиняться свѣту вѣры, пока не раскроется въ немъ духъ истины, котораго Иисусъ Христосъ, по вознесеніи своемъ одесную Отца, ниспослалъ апостоламъ и теперь ниспосылаетъ всѣмъ, просящимъ его отъ чистаго сердца. Тогда всѣ толки и размышленія философіи падутъ сами собою и исчезнутъ“. Затѣмъ предписывается чтеніе твореній святыхъ отцовъ и „просвѣщенныхъ отъ Бога людей, появившихся особенно въ прошедшемъ вѣкѣ, которые съ корнемъ ниспровергли ложное философское ученіе непобѣдимыми доказательствами, взятыми изъ слова Божія и изъ внутренняго познанія испорченной чрезъ паденіе природы человѣческой“. Здѣсь попечитель указываетъ на бывшія въ то время въ ходу сочиненія одного изъ этихъ „просвѣщенныхъ отъ Бога людей прошлаго вѣка“, мистика Дютюа: *Philosophia divina* и *Philosophia christiana*, переведенныя на русскій языкъ его племянникомъ Е. В. Корнѣевымъ ¹⁾. Они, въ связи съ чтеніемъ священнаго

¹⁾ Dutoit-Membrini, Jean Philippe, мистикъ французско-реформатской церкви въ кантонѣ Ваадтѣ, гдѣ онъ родился въ 1721 г.; учился теологіи въ Лозанской академіи, откуда вышелъ кандидатомъ въ 1747 г., но воздержался отъ всякой общественной должности и, въ 1759 г., оставилъ духовное званіе. Руководимый сочиненіями мистической проповѣдницы, мадамъ Гюйонъ (умерла въ 1717 г.), онъ образовалъ свою мистическую систему. Онъ нашелъ себѣ многихъ послѣдователей, которыхъ привлекалъ своею искреннею набожностью. Умеръ

писанія, а также съ благочестіемъ, познаніемъ закона Божія и христіанскимъ благоговѣніемъ въ храмѣ, „могутъ наполнить умы юношей живою вѣрою къ Богу, просвѣтить ихъ духомъ Господнимъ, разогнать мракъ заблуждений философскихъ, утвержденныхъ кичливостью разума, и посѣять въ ихъ сердцахъ христіанскія добродѣтели“. Въ заключеніе Корнѣевъ выражаетъ надежду, что „ректоръ и профессора университета, по извѣстному ихъ образованію и добродѣтельной жизни, безъ сомнѣнія, обратятъ особенное вниманіе на столь важное дѣло и не упустятъ изъ вида всего того, чего ожидаетъ отъ нихъ начальство“. По прочтеніи этой бумаги, совѣтъ опредѣлилъ купить нѣсколько экземпляровъ библии на разныхъ языкахъ для казенныхъ воспитанниковъ. Всѣ эти порядки Корнѣевъ, какъ и Магницкій, силились водворить въ университетахъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ длиннымъ рядомъ официальныхъ предписаній и внѣшнихъ мѣръ. Мѣры эти вели, какъ извѣстно, къ подрыву самыхъ нравственныхъ убѣждений. Сохранилось преданіе, что нѣкоторые изъ профессоровъ, желая угодить начальнику, кстати и не кстати приводили на лекціяхъ тексты, а въ Казанскомъ университетѣ, по распоряженію попечителя, преподавалось естественное право въ смыслѣ обличительномъ. Въ засѣданіи совѣта Харьковскаго университета, 10-го марта 1820 г., профессоръ Делавинъ предложилъ приобрести два или три экземпляра сочиненія Дютуа „Божественная философія“, на французскомъ языкѣ, для того, чтобы это сочиненіе могли читать и профессора, незнающіе по русски, что и было принято совѣтомъ. Понятно, что подобная атмосфера не могла благоприятствовать свободному росту науки и что отсталость должна была болѣе и болѣе вторгаться въ университетскіе курсы, которые, по словамъ тогдашнихъ студентовъ, читались „по благонадежнымъ руководствамъ“, однажды навсегда избраннымъ, или же по тощимъ запискамъ, приправленнымъ въ устномъ разсказѣ блестящей фразеологіей и занимательными, только не въ научномъ отношеніи, анекдотами. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ И. И. Дмитріеву, Н. М. Карамзинъ замѣчаетъ о характерѣ того времени, говоря о вліяніи мистической книги о

въ 1793 г. Главное его сочиненіе, появившееся въ первый разъ въ 1790 году, перепечатано въ 1793 г. подъ названіемъ: *Philosophie divine, appliquée aux lumières naturelles, magiques, astrales, surnaturelles, par Keleph ben Nathan.* 3 тома. Другое его сочиненіе, также бывшее въ большомъ ходу: *Philosophie chrétienne.* 1800 г. 4 тома (собраніе проповѣдей, частью опубликованныхъ еще въ 1764 г.). Предпринятый дѣйств. ст. совѣтн. Е. В. Корнѣевымъ и доведенный до 4-й части русской переводъ первой книги напечатанъ въ Москвѣ, въ 1818 г., подъ заглавіемъ: «Божественная философія».

божественной философіи: „.....Читаешь ли Инвалида? Въ послѣднемъ номерѣ издатель пишетъ, что и евангеліе не совсѣмъ хорошо, а хороша мистическая книга, переведенная Корнѣевымъ: Philosophie divine. Многіе сердятся и предсказываютъ бѣды нашему просвѣщенію; а я даже и не смѣюсь. Все идетъ своимъ порядкомъ. С.-Петербургъ, 28-го февраля 1819 г.“¹⁾ „Корнѣевъ, по словамъ А. Н. Пыпина, сдѣлавшись членомъ библейскаго общества, устроилъ въ Харьковѣ, гдѣ былъ попечителемъ университета, библейское „сотоварищество“ изъ студентовъ, занятія котораго были очень похожи на первоначальныя „розенкрейцерскія“ (берлинскихъ масоновъ) работы стараго времени“²⁾. Въ книгѣ А. Н. Пыпина не указывается источникъ, откуда почерпнуто имъ это свѣдѣніе. По воспоминаніямъ одного сторожика, бывшаго профессора А. С. Венедиктова, слышаннымъ отъ него мною³⁾: „У З. Я. Корнѣева дѣйствительно бывали собранія мистиковъ, на которыхъ онъ самъ читалъ и объяснял мистическія сочиненія. Эти мистики были въ сущности не мистики, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, а притворявшіеся такими, пользы ради. Молодые адъюнкты и кандидаты университета: Байковъ, Дудровичъ, Артемовскій-Гулакъ и многіе другіе участвовали на этихъ собраніяхъ тѣмъ или инымъ образомъ. Напримѣръ, Артемовскій-Гулакъ переведетъ главу изъ пророка Исаія и прочтетъ ее въ собраніи громогласно, съ выраженіемъ“. „Посѣщая иногда лекціи профессоровъ, Корнѣевъ, по поводу читаннаго ими, дѣлалъ замѣчанія въ своемъ вкусѣ; такъ, напримѣръ, профессору физики Комлишинскому онъ замѣтилъ, что молнія падаетъ, имѣя на своемъ концѣ треугольникъ, который изображаетъ собою святую Троицу, и подобное. Захаръ Яковлевичъ былъ очень старъ и слабъ, и былъ въ сущности добрый человекъ, но имъ руководили пронирливые люди, и особенно секретарь его (старшій письмоводитель) Я. Подвысоцкій,

¹⁾ Русскій Инвалидъ, начавшійся съ 1-го февраля 1813 г., издавался по 1821 г. мистикомъ Пав. Петр. Пезаровіусомъ. Разборъ перевода Корнѣева, или, вѣрнѣе, извлеченія изъ него помѣщены въ Инвалидѣ 1819 г., въ №№ 48, 49, 51 и 53. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву издали съ примѣчаніями Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866. Стр. 258 и примѣч. къ ней.

²⁾ Общественное движеніе при Александрѣ I. Соч. А. Н. Пыпина. Спб. 1871. Стр. 346.

³⁾ Александръ Савичъ Венедиктовъ, профессоръ-медикъ, извѣстенъ по печальной исторіи его увольненія изъ университета и преданія суду въ 1835 г., за неповиновеніе начальству, по поводу отказа его экзаменовать студента, предложившаго ему подарокъ. Венедиктовъ окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ въ 1819 г., и былъ въ немъ потомъ хорошимъ въ свое время профессоромъ анатоміи. Тяжелая исторія преслѣдованій, постигшихъ его и далеко не заслуженныхъ имъ, ждетъ своего описанія.

который его именованъ и распоряжался, какъ хотѣлъ, учебнымъ округомъ. Самъ Корнѣевъ жилъ часто въ деревнѣ (сельцѣ Захарьевскомъ) и, наконецъ, удалился на покой въ 1822 г. Преемникъ его на харьковскомъ попечительствѣ, Егоръ Вас. Корнѣевъ, былъ мистикомъ больше по модѣ, чѣмъ по внутренней потребности; при немъ мистицизмъ началъ уже упадать; онъ оставался попечителемъ только по 3-е мая 1825 г.⁴.

III.

Т. Ѳ. Осиповскій, съ его свѣтлымъ и точнымъ умомъ, съ его твердымъ, прямымъ и рѣшительнымъ характеромъ, очевидно, не могъ ужиться съ заводимыми Корнѣевымъ новыми порядками, будучи притомъ ректоромъ университета, и легко можно себѣ представить тѣ отношенія, какія не замедлили возникнуть между нимъ и попечителемъ округа и разрѣшиться, наконецъ, устраненіемъ неудобнаго ректора.

7-го іюля 1820 г. попечитель Харьковскаго округа получилъ изъ совѣта университета слѣдующее представленіе ¹⁾: „Г. ректоръ сего университета, статскій совѣтникъ и кавалеръ Осиповскій, объявилъ сему совѣту, что онъ слагаетъ съ себя должность по кафедрѣ чистой математики, съ тѣмъ, чтобы съ сего времени верховное начальство благоволило обратить жалованье, имъ получаемое, въ полную пенсію, какъ профессору заслуженному; при томъ, дабы кафедра чистой математики не осталась пуста, предложилъ поручить ее экстраординарному профессору Павловскому и кандидату Байкову, такъ, чтобы первый отправлялъ должность профессора ординарнаго, а кандидатъ Байковъ—должность адъюнкта съ жалованьемъ по 800 руб. въ годъ; онъ же, г. ректоръ, возьметъ на себя, буде угодно совѣту, преподавать оптику и астрономію, съ жалованьемъ по 2,000 въ годъ. Совѣтъ сей, согласуясь на предложеніе г. ректора, честь имѣетъ о томъ представити вашему превосходительству. 3-го іюля 1820 г.“

Пользуясь этимъ представленіемъ совѣта университета, попечитель обратился къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ слѣдующимъ: „Изъ подносимаго при семъ въ копіи представленія университетскаго совѣта, ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что ректоръ Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ

¹⁾ Дѣло канцеляріи попечителя о профессорахъ: Джунковскомъ, Осиповскомъ и Кронебергѣ. Началось 22-го декабря 1817, кончено 4-го мая 1827 г. На 105 листахъ. Картовъ № 23. По архиву № 774.

Осиповскій, отказываясь отъ занятія собственной своей катедры чистой математики, желаетъ быть уволеннымъ отъ должности ординарнаго профессора, съ тѣмъ, чтобы получаемое имъ жалованье обращено было (ему) въ полную пенсію, какъ заслуженному профессору, и съ тѣмъ, чтобы поручены были ему двѣ постороннія кафедры, оптики и астрономіи, съ жалованьемъ 2,000 руб., тогда какъ при кафедрѣ оптики имѣется особый экстраординарный профессоръ, которому и можетъ она поручена быть, а кафедра астрономіи съ давняго времени пуста и до опредѣленія совершенно опытнаго астронома нѣтъ надобности поручить оную г. Осиповскому, потому болѣе, что изъ предложенія его, противнаго содержанію 18-й статьи утвердительной грамоты университета, весьма ясно открывается, что онъ желаетъ приобрести тѣже 2,000 руб., отъ которыхъ, слагая съ себя званіе ординарнаго профессора, повидимому, отказывается.

„Хотя совѣтъ университета и согласился по такому предложенію г. ректора Осиповскаго сдѣлать представленіе, но я, не находя никакой пользы отъ предположеній его и замѣтивъ, что г. Осиповскій съ нѣкотораго времени, послѣ многихъ моихъ напоминаній, весьма небрежно исправляетъ званіе ректора, ко вреду сего важнаго заведенія, мнѣніемъ полагаю: согласно желанію его, уволить его отъ должности ординарнаго профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ званія ректора университета, съ обращеніемъ ему, какъ заслуженному профессору, въ пенсію получаемаго имъ жалованья по 2,000 р. въ годъ.

„Такое мнѣніе мое предавая въ начальниче ваше сіятельства благоразсмотрѣніе, покорнѣйше прошу снабдить меня въ разрѣшеніе предписаніемъ, до полученія котораго предложилъ я университету, чтобы распоряженіе преподаванія лекцій по кафедрамъ физико-математическаго отдѣленія было въ прежнемъ порядкѣ. 24-го іюля 1820 г.“

Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отвѣчалъ на это представленіе слѣдующимъ: „Вслѣдствіе представленія в. п. объ увольненіи-вовсе отъ службы ректора Харьковскаго университета, заслуженнаго профессора статскаго совѣтника Осиповскаго, съ обращеніемъ ему въ пенсіонъ полнаго его жалованья, сдѣлано отъ меня о томъ, куда слѣдуетъ, представленіе. Поелику же онъ, какъ вы представляете, не въ состояніи даже отправлять ректорскую должность, то предоставляю вамъ, милостивый государь мой, предложить университету объ избраніи на его мѣсто кого-либо въ исправленію оной, до опредѣленія другаго ректора. Что же касается до изъявляемаго Осиповскимъ желанія занимать другія кафедры, оставя свою, — то какъ

предположенія его противны общеустановленному порядку, то потому оныхъ и исполнить невозможно. 6-го октября 1820 г.“.

По полученіи этой бумаги, попечитель далъ предписаніе, отъ 30-го октября 1820 г., на имя непремѣннаго засѣдателя Харьковскаго университета, профессора В. И. Джунковскаго, о немедленномъ созваніи имъ совѣта для избранія проректора на мѣсто увольняемаго вовсе отъ службы Осиповскаго. 1-го ноября 1820 г., совѣтъ былъ собранъ и на немъ избранъ проректоромъ этотъ же самый профессоръ, статскій совѣтникъ Джунковскій, большинствомъ голосовъ пяти избирательныхъ противъ одного неизбирательнаго; Осиповскому же сообщено выпискою изъ журнала совѣта о рѣшеніи г. министра относительно его увольненія и желанія занимать другую кафедру. Объ избраніи Джунковскаго и вступленіи его къ исправленію ректорской должности, попечителемъ донесено было министру отъ 13-го ноября 1820 г.: „вслѣдствіе чего (пишетъ въ заключеніе своего донесенія попечитель) представляя при семъ послужный списокъ г. Джунковскаго, могущаго быть примѣромъ благочестивой жизни и твердыхъ правилъ христіанской нравственности, покорнѣйше прошу ваше сіятельство исходатайствовать ему высочайшее утвержденіе въ званіи ректора Харьковскаго университета“. По докладу министра, Джунковскій былъ утвержденъ, на три года, ректоромъ Харьковскаго университета императоромъ Александромъ I, въ Лайбахѣ, 4-го февраля 1821 г.

Такова официальная, такъ сказать, сторона дѣла по увольненію ректора Осиповскаго. Настоящіи же причины этого увольненія заключались не въ „небрежномъ исправленіи званія ректора“, чего нельзя, безъ сомнѣнія, принимать въ обыкновенномъ смыслѣ, а въ интригѣ противъ Осиповскаго со стороны его недруговъ, которые воспользовались нелюбовью ректора, реалиста и честнаго, здравомыслящаго человѣка, къ мистикамъ, угождавшимъ высшему университетскому начальству. Паденіе Осиповскаго было только результатомъ тайныхъ усилій этихъ мистиковъ. Упомянутый выше старожилъ Т. И. Селявановъ кратко замѣчаетъ: „Осиповскій состоялъ въ должности ректора по 14-е ноября 1820 г. А сего числа, происками Джунковскаго, съ содѣйствіемъ попечительскаго секретаря Подвысоцкаго, по предложенію г. попечителя З. Я. Корнѣева, совѣтомъ университета избранъ на мѣсто его ректоромъ университета Джунковскій. Этотъ совѣтъ былъ собранъ вечеромъ поздно, какъ бы секретно, куда г. Осиповскаго, какъ ректора, не пригласили. Но Джунковскій, далеко не Осиповскій, былъ посредственный профессоръ и слабый ректоръ“. Въ чемъ собственно обвинялся Осиповскій высшимъ начальствомъ и почему рѣшено было, наконецъ, устранить его изъ университета, ясно видно

изъ слѣдующаго документа, сохранившагося въ архивѣ, при дѣлѣ объ увольненіи Осиповскаго. Это,—весьма интересная жалоба, или, вѣрнѣе назвать, доносъ на ректора попечителю со стороны профессора философіи Дудровича. Доносъ написанъ имъ и полученъ попечителемъ въ октябрѣ того же 1820 г.

„Ваше превосходительство! Милостивый государы! Явная ко мнѣ ненависть г. ректора Харьковскаго университета Осиповскаго, питаемая имъ единственно потому, что я всѣми силами стараюсь защищать благія намѣренія верховнаго начальства, доходить уже до крайности.

„Въ засѣданіи университетскаго совѣта, сентября 18-го дня сего 1820 года, члены университетскаго правленія словесно представили на разсужденіе совѣта, что многіе изъ студентовъ, не выслушавши всѣхъ наукъ по своему факультету, входятъ съ прошеніями о выдачѣ имъ поднаго студентскаго аттестата. Вслѣдствіе чего я полагалъ мнѣніемъ, что, со времени высочайше утвержденнаго въ 20-й день января 1819 года положенія о производствѣ въ ученныя степени, не слѣдуетъ выдавать полныхъ студентскихъ аттестатовъ тѣмъ, кои не выслушали всѣхъ предметовъ, относящихся къ классамъ наукъ, помянутымъ положеніемъ для каждаго факультета опредѣленнымъ, буде таковыя предметы въ бытность при университетѣ увольняемаго студента, по распоряженію университетскаго совѣта, преподаваемы были. При выдачѣ студентскихъ аттестатовъ соблюдать такой порядокъ, чтобы всѣ классы наукъ, составляющіе по новому положенію какой-либо факультета, были въ аттестатѣ напечатаны, а особенныя предметы, къ онимъ классамъ принадлежащіе, коихъ, смотря по обстоятельствамъ, то болѣе, то менѣе быть можетъ, прописывались бы въ аттестатѣ. Сіе мнѣніе мое, на которое всѣ почти члены совѣта согласились, послужило потомъ поводомъ къ различнымъ толкованіямъ на счетъ новаго положенія о производствѣ въ ученныя степени, о чемъ и имѣетъ послѣдовать отъ совѣта къ вашему превосходительству представленіе съ кучею бумагъ.

„Спустя послѣ того нѣсколько дней, выданы, при всемъ томъ, изъ правленія полныя аттестаты двумъ по физико-математическому факультету обучавшимся въ университетѣ студентамъ, Дмитрію Канатову и Василю Лукашевичу, не слушавшимъ принадлежащихъ къ своему факультету наукъ: механики, естественной исторіи и философіи, ниже богѣлованія и христіанскаго ученія, которое, по предписанію его сіятельства господина министра, съ прошлаго учебнаго 1819 года, обязаны слушать всѣ студенты всѣхъ факультетовъ. Я, узнавъ о такомъ неусмотрительномъ поступкѣ правленія, находясь случайно въ присутствіи онаго въ 23-й день истекшаго сентября,

долгомъ почелъ предварить о томъ словесно г. ректора, который отвѣтствовалъ, что онъ спрашивалъ помянутыхъ двухъ студентовъ, почему не слушали они философіи, и они будто изъяснились: „потому что не понимаютъ изъ оной ничего, а выучивать слова наизусть они не расположены“. Вотъ что начальникъ университета представляетъ въ извиненіе студентовъ въ неисполненіи ими законной обязанности своей! Какіе изъ сего могутъ произойти безпорядки, само собою явствуется.

„Сего октября 18-го дня приглашенъ я былъ г. ректоромъ, чрезъ повѣстку, въ засѣданіе физико-математическаго факультета, и того же дня явился въ университетскую залу, гдѣ бывають присутствія. Узнавъ здѣсь отъ секретаря помянутаго факультета, г. экстраординарнаго профессора Архангельскаго, что я приглашенъ для того, дабы экзаменовать изъ философіи студента Остроградскаго, котораго факультетъ, на основаніи § 24-го положенія о производствѣ въ ученые степени, намѣревается произвести въ кандидаты за отличіе, долгомъ поставилъ предъявить г. ректору, вошедшему тогда же въ залу, что экзаменовывать нынѣ студента Остроградскаго изъ философіи не сообразно тѣмъ самымъ узаконеніямъ, на основаніи коихъ желаетъ онъ получить кандидатскую степень, потому что онъ, Остроградскій, во всю бытность свою въ Харьковскомъ университетѣ, никогда не бывалъ на лекціяхъ по части философіи. На сіе, со всею учтивостію мною предъявленное, г. ректоръ вдругъ разгнѣвавшись, въ присутствіи гг. профессоровъ: Джунковскаго, Кронеберга, Архангельскаго и адъюнкта Куницкаго, самымъ грубымъ образомъ и весь въ ярости мнѣ отвѣтствовалъ: „что моя обязанность есть экзаменовывать всѣхъ, кто бы ни пожелалъ, и что такое сужденіе мое есть сербское“¹⁾. Дабы избѣгнуть дальнѣйшихъ со стороны г. ректора грубостей, я немедленно удалился изъ залы. Но узналъ потомъ, на слѣдующій день, отъ г. профессора Архангельскаго, что г. ректоръ и въ отсутствіи моемъ еще продолжалъ самымъ непристойнымъ образомъ изливать на меня свою досаду, крича громко и въ ярости, въ присутствіи гг. профессоровъ: Джунковскаго, Могилевскаго, Кронеберга и его, Архангельскаго, и въ виду всей почти канцеляріи: „что я сумасшедшій, записался въ мистики, которые сдѣлали заговоръ противъ государя и правительства, противъ религіи и разсудка, на которомъ должна утверждаться религія“.

¹⁾ Андрей Ивановичъ Дудровичъ былъ родомъ изъ Сербіи и явился въ Харьковскій университетъ, вызванный, вѣжета, профессоромъ и ректоромъ А. И. Стойковичемъ, тоже родомъ сербомъ. Дудровичъ въ послѣдствіи былъ тоже ректоромъ, короткое время 1829—1830 гг.

„Я увѣренъ, что ваше превосходительство изволите совершенно понимать, какихъ разумѣть г. ректоръ мистиковъ, въ которые я, по его мнѣнію, записался. Это вы, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, котораго онъ считаетъ верхомъ сумасшедшихъ мистиковъ и котораго милостію и начальническимъ благорасположеніемъ я пользоваться имѣю счастье. Это, безъ сомнѣнія, также и его сятельство, господинъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, котораго онъ публично, въ засѣданіи училищнаго комитета 9-го сего октября, чему очевиднымъ свидѣтелемъ г. профессоръ Пауловичъ, называлъ невѣждою, не читавшимъ ничего другаго, кромѣ библии, и противъ предписаній котораго, относящихся особливо къ водворенію при воспитаніи юношества благочестія, онъ всегда вооружается съ величайшею пылкостью. Я увѣренъ въ семь тѣмъ болѣе, что ваше превосходительство изволите знать образъ мыслей г. ректора совершенно противнымъ началамъ вѣры и св. писанія, образъ мыслей, говорю, по которому онъ, какъ извѣстно вашему превосходительству, при публичномъ испытаніи студентовъ изъ философіи, бывшемъ въ іюнь мѣсяцѣ сего 1820 года, въ присутствіи профессора протоіерея Афанасія Могилевскаго, адъюнговъ Куницкаго и Робуша и многихъ постороннихъ посѣтителей, изъ злобы противъ внушаемаго мною юношеству благочестія, не устыдился громко утверждать: что Богъ не живетъ (въ насъ, прибавлено въ рукописи карандашомъ), что благочестивѣйшій сочинитель „Божественной и христіанской философіи“ Дютуа и таковой же разныхъ назидательныхъ книгъ Эккартсгаузенъ ¹⁾ суть люди сумасшедшіе. Вотъ разсудокъ г. ректора, на которомъ утверждается, по его мнѣнію, религія и противъ котораго возстали сумасшедшіе мистики. Отъ подобнаго разсудка и отъ утвержденной на ономъ религіи, признаюсь, в. п., что я всегда отвращался, и отвращать своихъ слушателей поставлялъ священнѣйшимъ долгомъ званія моего. Сей-то разсудокъ г. ректора причиною, что ни одинъ почти изъ обучающихся въ Харьковскомъ университетѣ по части математики студентовъ, коихъ онъ глава, почитающій явно все за вздоръ

¹⁾ О Dutoit см. выше, примѣчаніе. — Eckartshausen, Karl, нѣмецкій писатель-мистикъ. Онъ родился въ Баваріи въ 1752 г., былъ хранителемъ баварскихъ архивовъ и умеръ въ Мюнхенѣ въ 1803 г. Онъ публиковалъ множество сочиненій, наиболѣе извѣстное изъ которыхъ есть небольшое разсужденіе по мистической теологіи, подъ заглавіемъ: «Богъ есть чистѣйшая любовь» 1790 г. Эта книжка выдержала болѣе 60-ти изданій въ Германіи и переведена почти на всѣ языки. На русскомъ языкѣ издано было нѣсколько его сочиненій, въпримѣръ: «Ключъ къ таинствамъ природы», 4 т. Спб. 1804 г., «Наука чиселъ природы», 2 т. Спб. 1815 г., «Ночи», 2-е изд. Спб. 1817.

и сумасшествіе, что не подлежитъ математическимъ его выкладкамъ, не ходить ни на богопознаніе и христіанское ученіе, ни на лекціи мои по части философіи.

„Относительно означеннаго выше отвѣта, даннаго мнѣ г. ректоромъ сего октября 18-го дня, я было думалъ войти въ совѣтъ съ представленіемъ 20-го числа сего же октября, и положить мнѣніемъ: что послѣдку студентъ Остроградскій дѣйствительно во всю бытность свою въ университетѣ самовольно пренебрегъ посѣщать публичныя лекціи по части философіи, между тѣмъ какъ слушать оныя ему слѣдовало, и въ силу постановленія университетскаго совѣта, по которому съ 1819 года психологію, логику и нравственную философію, яко общія и приуготовительныя науки, обяывались слушать студенты всѣхъ факультетовъ, и на основаніи высочайше утвержденнаго въ 20-й день января 1819 года положенія о производствѣ въ ученныя степени, по которому философія теоретическая и практическая именно внесена въ кругъ наукъ, составляющихъ физико-математическій факультетъ: то, въ противность §§ 10, 11, 21 и 24-го означеннаго положенія, онъ, Остроградскій, никоимъ образомъ не можетъ произведенъ быть прямо въ кандидаты за отличіе, ниже получить правъ дѣйствительнаго студента иначе, какъ если верховное начальство позволить ему экзаменоваться изъ философіи и другихъ предметовъ, по части которыхъ публичныя лекціи посѣщать въ университетѣ онъ самовольно оставилъ. Тѣмъ паче, что если въ подобныхъ случаяхъ поступать по мнѣнію г. ректора и не соблюдать надлежащей строгости, то легко случится можетъ, что принимаемые чрезъ матрикулы въ университетъ студенты оставятъ ходить на публичныя лекціи по своему факультету или вовсе, или на большую часть оныхъ, и по прошествіи законнаго срока стануть требовать экзамена съ дарованіемъ имъ правъ, ученыхъ степенямъ по узаконеніямъ присвоенныхъ, что какъ цѣли, для которой учреждены въ имперіи университеты, такъ и § 45-му положенія о производствѣ въ ученныя степени было бы совершенно противно.

„Но узнавъ потомъ отъ г. профессора Джунковскаго, что физико-математическій факультетъ, отмѣнивъ прежнее свое положеніе о производствѣ студента Остроградскаго прямо въ кандидаты за отличіе, потому что онъ имѣетъ уже выданный ему изъ Харьковского университета еще отъ 3-го октября 1818 года студентскій аттестатъ, подвергалъ его испытанію въ 19-й день сего октября, на основаніи § 25-го положенія о производствѣ въ ученныя степени, и опредѣлилъ продолжать оное въ другомъ засѣданіи, пригласивъ и меня для учиненія ему экзамена изъ философіи,—я отложилъ войти въ совѣтъ съ помяну-

тымъ выше представленіемъ моего мѣннія. И находя съ своей стороны сей поступокъ факультета весьма страннымъ, ибо если изъ приложеннаго при просьбѣ студента Остроградскаго аттестата видно было, что онъ кончилъ курсъ ученія еще въ 1818 году, то какимъ образомъ и думать можно было произвести его въ кандидаты за отличіе въ противность почти въ то самое время полученнаго отъ вашего превосходительства предписанія его сіятельства господина министра отъ 25-го августа сего 1820 года, за № 2,775-мъ, объ отобраніи кандидатскихъ свидѣтельствъ у студентовъ, точно такимъ же неправильнымъ образомъ сей степени удостоенныхъ; а, сверхъ того, принимая въ разсужденіе и то, что студентъ Остроградскій, имѣя выданный изъ университета студентскій аттестатъ отъ 3-го октября 1818 года, въ теченіи цѣлаго учебнаго года, то есть съ означеннаго числа по іюль мѣсяца 1819 года, не являлся въ университетъ, и потомъ чрезъ годъ, то есть съ сентября 1819 по іюль мѣсяца сего 1820 года, считался опять при университетѣ студентомъ же; ходилъ на нѣкоторыя публичныя лекціи (за исключеніемъ, разумѣется, богопознанія и христіанскаго ученія), и въ іюнѣ мѣсяцѣ подвергался вмѣстѣ съ прочими студентами студентскому экзамену изъ общей и прикладной физики, изъ механики и высшей геометріи, изъ химіи 1-го курса, о которыхъ въ прежнемъ студентскомъ аттестатѣ его ничего не значится,—я намѣренъ нынѣ войти въ совѣтъ съ особеннымъ представленіемъ, и не иначе согласиться, для производства студента Остроградскаго въ кандидаты на основаніи 25-го § положенія о производствѣ въ ученныя степени, экзаменоватъ его изъ философіи, на лекціи которой онъ никогда не хаживалъ, какъ если о томъ предписано мнѣ будетъ отъ верховнаго начальства.

„Между тѣмъ, доводя все сіе до свѣдѣнія вашего превосходительства, покорнѣйше прошу потребовать отъ г. ректора объясненія, какихъ онъ разумѣетъ мистиковъ, въ которые будто я записался, и которые сдѣлали заговоръ противъ государя, правительства, религіи и разсудка, и потомъ, съ показаніями по сему предмету свидѣтелей, представить его сіятельству господину министру о принятіи надлежащихъ мѣръ. Въ противномъ случаѣ злобный сей поступокъ г. ректора, сдѣланный имъ въ публичномъ мѣстѣ и начинающій уже дѣлаться извѣстнымъ и внѣ университета, можетъ не только лишить меня должнаго со стороны обучающаго(ся) въ университетѣ юношества уваженія, каковымъ я по сіе время всегда пользовался, но и подвергнуть меня величайшей опасности, ранѣе или позже впасть въ подозрѣніе у самого благонамѣреннаго нашего правительства. Ваше превосходительство изволите знать и способъ публичнаго моего въ универ-

ситетѣ ученія, и домашній образъ жизни моеѣ, почему и смѣю надѣяться, что не позволите злобѣ безпрепятственно издѣваться надо мною невинно(ымъ). Въ каковой надеждѣ съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною начальническому вашему благорасположенію преданностію пребыть честь имѣю вашего превосходительства, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Андрей Дудровичъ“.

Харьковъ.—24-го октября 1820 г.

Этотъ документъ, такъ ярко рисующій и самого писавшаго и ту среду, гдѣ находился и съ чѣмъ долженъ былъ бороться Осиповскій, не нуждается въ поясненіяхъ. Желаніе Дудровича о „принятіи надлежащихъ мѣръ“ со стороны начальства противъ ненавистнаго профессору философіи ректора было уже, какъ выше указано, рѣшено попечителемъ еще ранѣе, чѣмъ написанъ былъ этотъ доносъ, именно 24-го іюля, а 1-го ноября уже избранъ былъ новый ректоръ. Что же касается студента Остроградскаго, то изложенные Дудровичемъ въ письмѣ къ попечителю мотивы, по которымъ онъ отказывался экзаменовать его, были представлены имъ и въ совѣтъ, который потребовалъ чрезъ правленіе университета отобрать отъ студента Остроградскаго объясненіе. Остроградскій написалъ въ правленіе слѣдующее:

„Сего 1820 года декабря 3-го дня получилъ я отъ секретаря правленія Императорскаго Харьковского университета выписку изъ журнала совѣта онаго университета за № 321, въ которой сказано: что совѣтъ поручаетъ правленію истребовать отъ меня объясненіе, просилъ-ли я экзамена какъ студентъ 1818 года, или какъ студентъ сего 1820 года, и по какой я причинѣ оставался въ университетѣ?“

„На сіе честь имѣю правленію донести: окончивъ курсъ наукъ въ университетѣ 1818 года и получивъ на званіе студента аттестатъ, я уѣхалъ изъ Харькова и, по истеченіи года, возвратившись въ оный, просилъ правленіе университета принять меня подъ свое вѣдомство и позволить слушать лекціи для усовершенствованія себя по части наукъ, относящихся къ прикладной математикѣ; но дабы показать успѣхи свои предъ начальствомъ, я, съ позволенія гг. преподающихъ, давалъ изъ оныхъ наукъ экзаменъ, при бывшихъ общихъ испытаніяхъ сего 1820 г., ни мало не думая, чтобы то, что позволено закономъ, могло быть препятствіемъ къ полученію степени кандидата. Въ бывшемъ торжественномъ собраніи сего 1820 года, августа 30-го, я былъ провозглашенъ въ числѣ отличившихся. Услышавъ сіе, подалъ я въ факультетъ прошеніе, какъ студентъ 1818 г., и, прилагая аттестатъ, просилъ произвестъ меня за отличіе въ кандидаты, имѣя въ виду къ тому примѣры. Но гг. члены физико-ма-

тематическаго отдѣленія въ засѣданіи своемъ объявили, что я, какъ студентъ, кончившій курсъ 1818 года, не иначе могу получить степень кандидата, какъ подвергнувъ себя положенному законами испытанію. Я согласился на сіе безпрекословно. Отдѣленіе приступило немедленно къ испытанію, прѣкзаменовало меня изъ всѣхъ наукъ, исключая одной философіи, изъ которой я также готовъ былъ подвергнуться испытанію, такъ какъ и изъ прочихъ наукъ, но не знаю по какой причинѣ не былъ до сихъ поръ къ сему допущенъ.

Студентъ Михайль Остроградскій“.

7-го декабря 1820 г.

Представляя въ совѣтъ это объясненіе Остроградскаго, правленіе добавило отъ себя (14-го декабря 1820 г.), „что Остроградскій поступилъ въ университетъ въ числѣ вольнослушающихъ лекціи прошлаго 1816 г. августа 21-го, а 30-го сентября 1818 г. былъ уволенъ съ аттестатомъ для поступленія въ военную службу, но по прошенію его, поданному въ правленіе 1-го сентября прошлаго 1819 г., которымъ онъ просилъ принять его въ число своекоштныхъ студентовъ для усовершенствованія себя въ прикладной математикѣ, по журналу правленія 4-го числа того же сентября, принять по прежнему въ число своекоштныхъ студентовъ университета, гдѣ находится и по сіе время“.

Совѣтъ университета, въ засѣданіи своемъ 30-го марта 1821 г., рѣшилъ: прежде чѣмъ выдать свидѣтельство Остроградскому, сообщить это дѣло попечителю, съ присоединеніемъ къ нему мнѣнія профессора Дудровича. Попечитель потребовалъ доставить ему свидѣтельство, выданное Остроградскому на степень студента и вмѣстѣ сообщить: посѣщаль-ли онъ нѣкоторыя лекціи, по полученіи этого свидѣтельства, когда снова былъ принятъ въ число своекоштныхъ студентовъ? подвергался-ли, вмѣстѣ съ прочими студентами, годичному экзамену, и признанъ-ли былъ тогда студентомъ?—безъ чего онъ не могъ быть возведенъ въ степень кандидата безъ экзамена, и не былъ возведенъ по протесту профессора Дудровича (засѣданіе совѣта 1-го іюня 1821 г.). По полученіи требуемыхъ свѣдѣній, попечитель сообщилъ совѣту, что студенту Остроградскому не можетъ быть выдано кандидатскаго свидѣтельства, пока не будетъ получено какого нибудь рѣшенія по этому дѣлу изъ министерства (засѣданіе совѣта 20-го іюля 1821 г.). Наконецъ, попечитель сообщилъ совѣту, отъ 11-го февраля 1822 г., рѣшеніе, полученное отъ товарища министра, въ которомъ объясняется, что студенту Остроградскому нельзя выдать свидѣтельства, такъ какъ онъ не окончилъ полного курса наукъ и не пользуется

правами и преимуществами дѣйствительнаго студента; если же онъ желаетъ получать ученныя степени, то долженъ снова подвергнуться экзамену на степень (засѣданіе совѣта 15-го февраля 1822 г.)¹⁾.

Т. Ѳ. Осиповскій, получивъ извѣстіе о своемъ увольненіи, написалъ въ совѣтъ университета слѣдующія донесеніе и прошеніе, 3-го ноября 1820 года: 1) „Какъ въ выпискѣ, данной мнѣ изъ журнала совѣта, состоявшагося 1-го ноября сего года, прописано о томъ, что на представленіе совѣта о томъ, чтобы на сей годъ поручить мнѣ чтеніе астрономіи и оптики съ полученіемъ 2,000 р., г. министръ не согласился, называя сіе невозможнымъ дѣломъ, то я со вчерашняго дня начатныя мною лекціи прекратилъ“. 2) „Въ выпискѣ, данной мнѣ изъ журнала сего совѣта, состоявшагося 1-го ноября сего года, значится, что при предложеніи г. попечителя прислано предписаніе г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, коимъ увѣдомляетъ о представленіи, сдѣланномъ отъ него объ моей отставкѣ и объ устраненіи меня отъ ректорской должности. Поворнѣйше прошу совѣтъ выдать мнѣ какъ съ предложенія г. попечителя, такъ и съ предписанія г. министра, засвидѣтельствованныя копіи“.

Совѣтъ, въ засѣданіи своемъ того же 3-го ноября, на просьбу Осиповскаго о копіяхъ постановилъ: „Сообщить заслуженному профессору Осиповскому, что совѣтъ этого сдѣлать не можетъ (hoc facere non licet).“ Затѣмъ Осиповскому оставалось только представить въ правленіе, при письмѣ, хранившіеся у него по ректорскому званію: ящикъ съ находящимися въ немъ грамотою и уставомъ Харьковского университета, сумму съ находящеюся въ ней благотворительною книгою университета, и большую университетскую печать.

„Оставивъ университетъ, говоритъ М. И. Сухомлиновъ, Осиповскій не покинулъ науки, за которою слѣдилъ съ постояннымъ и неутоми-

¹⁾ Михаилъ Васильевичъ Остроградскій род. въ 1801 г. въ Кобелякскомъ уѣздѣ Полтавской губ. Не получивъ аттестата въ Харьковскомъ университетѣ, онъ отправился въ 1822 г. въ Парижъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе своими математическими сочиненіями, особенно напечатаннымъ тамъ въ 1828 г. изслѣдованіемъ: *Sur la propagation des ondes dans un bassin cylindrique*. Въ этомъ же году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Ученая его карьера была блестяща. Онъ былъ академикомъ, заслуженнымъ профессоромъ Главнаго Педагогическаго института, главнымъ наставникомъ-наблюдателемъ по математическимъ наукамъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, докторомъ философіи Александровскаго университета. Остроградскій занимался преимущественно аналитическою механикою, математическою физикою и интегральнымъ исчисленіемъ; напечаталъ 48 записокъ на французскомъ языкѣ въ академическихъ мемуарахъ и бюллетенѣ, и проч. Онъ умеръ въ 1861 году. Его біографія написана академикомъ Сомовымъ (Записки Императорской академіи наукъ, томъ III. кн. 1).

мымъ усердіемъ въ теченіе всей своей жизни. Въ разсужденіи своемъ: объ астрономическихъ наблюденіяхъ надъ тѣлами солнечной системы, изданномъ въ Москвѣ въ 1825 г., онъ говоритъ: „По увольненіи меня отъ всѣхъ должностей по Харьковскому университету, въ ноябрѣ 1820 г., не имѣя болѣе занятій по службѣ, кои отнимали у меня все время, и не терпя праздности, я принялся сперва за продолженіе начатаго мною еще въ 1802 г. перевода „Небесной Механики“ знаменитаго Лапласа, коея конченъ былъ мною еще только первый томъ, и къ половинѣ 1822 г. перевелъ три слѣдующихъ тома, такъ что остался непереверденнымъ только пятый томъ, который тогда еще въ свѣтъ не вышелъ. Думая о занятіи навпередъ, я рѣшился перечитать Записки Парижской академіи наукъ, и всѣ оныя, началъ съ тома на 1735 годъ, а потомъ и нѣкоторые томы Записокъ Національнаго института, къ концу 1823 г. прочиталъ“ и такъ далѣе. Старожилъ Т. И. Селивановъ замѣчаетъ еще: „Осиповскій, получивши отставку, не долго жилъ въ Харьковѣ, перешелъ въ Москву, но оттуда не рѣдко пріѣзжалъ въ Харьковъ для свиданія съ дѣтьми, изъ которыхъ сынъ былъ въ гимназій, а дочь въ институтѣ“.

О годѣ смерти Осиповскаго мнѣ не случилось встрѣтити указанія.

Харьковъ.

Г. С. Чириковъ.

ВОЙНА РОССИИ СЪ ТУРЦІЕЙ

1828 г.

Осада Варны и блокада Шушлы ¹⁾.

Донесеніе кн. Меншикова изъ лагеря при д. Дербентъ.

21-го іюля 1828 года.

Je serai Sire demain à la pointe du jour en position sur les hauteurs au NE de Varna et je tacherai, d'établir un poste fortifié au bord de la mer, ce qui probablement ne pourra se faire qu'à la suite d'un combat. Ce poste établi, il me servira de point de départ pour gagner successivement du terrain afin de bloquer la place de ce côté du lac. L'étendue est immense et dans un pays de chicane. Je ne puis me mouvoir que lentement pour ne pas agir à tâtons. Le plateau sur lequel je vais m'établir est une plaine qui prolonge vers Bazardjick et Kawarna, mais ma cavalerie n'est pas en état de la reconnaître, les chevaux sont exténués par défaut de fourrage. Dans une reconnaissance que j'ai entreprise hier, un peloton de lanciers n'a pas pu atteindre deux Turcs à pied dans la plaine ²⁾.

Je prends la liberté de me référer pour différents détails au rapport que j'adresse au maréchal ³⁾.

¹⁾ См. предисловіе къ этимъ матеріаламъ и выдержки изъ статьи Н. П. Игнатъева въ «Русской Старинѣ» 1876 г. т. XVI, стр. 671—675.

²⁾ Въ запискѣ о дѣйствіяхъ князя Меншикова подъ Варною, эпизодъ этотъ разсказанъ имъ слѣдующимъ образомъ: «20-го іюля, съ шестью ротами Могилевскаго пѣхотнаго полка, расчитанными въ одинъ баталіонъ, и эскадрономъ 2-го Бугскаго уланскаго полка, кн. Меншиковъ двинулся, для рекогносцировки Варны, на высоты къ дер. Франки. Выходя изъ лѣсу на равнину, увидали двухъ человѣкъ пѣшихъ турокъ, которыхъ дѣльный эскадронъ уланъ не могъ догнать, по худобѣ лошадей, не имѣвшихъ другаго продовольствія, какъ солому съ крышъ деревни Дервенкѣ, что принудило отправить уланъ этихъ обратно въ лагерь. На этомъ краткомъ переходѣ пало у нихъ три лошади». Ред.

³⁾ Приводимъ изъ рапорта кн. Меншикова ген.-фельд. графу Витгенштейну (отъ 21-го іюля 1828 г.) нѣкоторые болѣе любопытные отрывки:

«Вчерашняго числа я рекогносцировалъ съ Могилевскимъ полкомъ высоты,

J'expédierai Dellingshausen à V. M. dès que je pourrai entrer en communication avec l'escadre et en attendant je l'ai expédié à Tetikiu avec le bataillon de Wellington, il doit revenir ce matin avec deux compagnies et les deux autres pousseront jusqu'à Kawarna, pour ouvrir la communication et revenir avec la brigade de chasseurs.

V. M. ne pourra voyager qu'avec une forte escorte; le pays est infesté de brigands; il serait urgent avant votre arrivée Sire de faire battre par de l'infanterie les environs de Kosludji ¹⁾).

21-го іюля 1828 года.

Переводъ. Я займу завтра, В. В., съ разсвѣтомъ позицію на высотахъ къ сѣверо-востоку отъ Варны, и постараюсь заложить укрѣпленный постъ на берегу моря, для чего придется, вѣроятно, вступить въ бой. Съ устройствомъ этого поста я приобрету опорную точку для постепеннаго движенія впередъ, съ цѣлью блоковать крѣпость со стороны озера. Протяженіе линіи обложенія

на коняхъ предполагалъ расположить отрядъ.... Не излишнимъ считаю довести до свѣдѣнія в. с.—ва, что на семь маломъ переходѣ кинуто 3 лошади 2-го Бугскаго уланскаго полка, отъ изнуренія, и ежели не будетъ доставлено зерноваго фуража, то вскорѣ полкъ сей сплшится. Артиллерійскія лошади также слабо-сильны. Разѣздовъ для открытія окрестностей почти не имѣю возможности посылать, нападать же на турецкую конницу никакъ не осмѣлюсь, по худобѣ лошадей, отъ недостатка фуража происшедшей... «Гарнизонъ, по словамъ плѣнныхъ, состоитъ изъ 15,000 чел., но есть большіе побѣги. Въ крѣпости нашихъ плѣнныхъ до 100 человекъ».

«Плѣнные показываютъ также, что грабежи по дорогамъ производятся партіями, высылаемыми изъ Варны, и всегда возвращаются съ добычею. При всякомъ отращепіи отсюда въ Козлуджи, бываютъ убитые и раненые на спускѣ, отстоящемъ въ четырехъ верстахъ отъ сего мѣста. Опасное пространство имѣетъ лишь нѣсколько сотъ шаговъ и состоитъ изъ дефиля въ кустарникахъ, гдѣ турки располагаются въ засадѣ. Вырубка сего кустарника незатруднительна и ежели бы возможно было два дня употребить на сію работу погонщиковъ подвижнаго магазина, состоящаго въ Козлуджи, то полагаю, что дорога можетъ быть очищена».

¹⁾ Императоръ Николай прибылъ изъ Шумы 24-го іюля, въ 9 часовъ утра, къ отряду князя Меншикова, будучи конвоированъ 19-мъ егерскимъ и Сѣверскимъ конно-егерскимъ полками, Донской артиллерійской ротой № 2-й и сотнею Атаманскаго полка. Перевѣздъ въ Варну былъ сопряженъ съ большою опасностію, въ особенности при выходѣ изъ Козлуджиской долины надлежало ѣхать густымъ лѣсомъ, гдѣ каждая трупоба могла скрывать неприятельскую засаду. Осмотрѣвъ съ княземъ Меншиковымъ занятую имъ позицію, Государь посѣтилъ адмирала Грейга на кораблѣ «Парижъ», съ котораго послѣ обѣда объявилъ флоту моваршее благоволеніе; по перевѣздѣ Государя на фрегатъ «Флору», долженствовавшій его доставить въ Одессу, на кораблѣ появился императорскій штандартъ и со всѣхъ орудій флота грянулъ салютъ и въ то же время загрохотали осадныя батареи въ лагерѣ князя Меншикова. Только тогда изумленные турки узнали о прибытіи и отъѣздѣ русскаго царя! Погода стояла великолѣпная и на четвертый день утромъ Императоръ прибылъ въ Одессу. Ред.

весьма велико и проходить по пересѣченной мѣстности. Я могу подвигаться только весьма медленно, чтобы не дѣйствовать ощупью. Плоская возвышенность, на которой я расположусь, составляетъ равнину, продолжающуюся до Базарджика и Каварны; но кавалерія моя не въ силахъ ее рекогносцировать: лошади изнурены по недостатку фуража. Въ предпринятой 'вчера рекогносцировкѣ, эскадронъ уланъ не могъ догнать двухъ пѣшихъ турокъ, показавшихся въ равнинѣ.

Я осмѣливаюсь изложить разныя подробности въ рапортѣ на имя фельд-маршала.

Я отправлю Деллингстаузена къ В. В. коль скоро я буду въ состояніи войти въ сношеніе съ эскадрой; пока его отправлю въ Тетикю, съ баталіономъ герцога Веллингтона полка; онъ долженъ возвратиться сегодня утромъ съ двумя ротами; остальные двѣ дойдутъ до Каварны, чтобы открыть сообщеніе и возвратиться съ егерской бригадой.

В. В.—у возможно путешествовать только подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя; страна переполнена разбойниками; было-бы необходимо, Государь, до вашего приѣзда послать пѣхоту для осмотра окрестностей Козлуджи.

Записка начальника гл. штаба 2-й арміи, ген.-ад. Киселева, о дѣйствіяхъ противъ Шумлы.

28-го іюля 1828 г.

Совершенное почти бездѣйствіе, въ которомъ армія находится съ прибытіемъ подъ Шумлю, приглашаетъ обратить вниманіе на образъ войны, которую мы должны вести противъ непріятеля, изъ-за укрѣпленій своихъ не выходящаго.

Сіе тѣмъ паче необходимо, что фуражирное довольствіе день отъ дня становится скуднѣе и что фуражиры наши должны уже отъѣзжать на 20 и болѣе верстъ отъ лагеря, дабы имѣть нѣсколько сноповъ соломы для прокормленія лошадей.

Но дабы положительнѣйшимъ образомъ судить о настоящемъ состояніи дѣлъ, я неизлишнимъ нахожу упомянуть, что по рапорту за 23-е іюля въ арміи состояло: въ строю всѣхъ чиновъ 44,803 человекъ, строевыхъ и нестроевыхъ, 15,831 лошадь. Продовольствіе же, по запискѣ сенатора Абакумова, отъ 23-го іюля, можетъ безостановочно производиться, кромѣ зерноваго фуража, до порчи дорогъ, которую съ начатіемъ дождей ожидать въ концѣ августа слѣдуетъ.

И такъ, до принужденнаго перемѣщенія войскъ, отъ недостатка фуража, надлежитъ воспользоваться временемъ и дѣйствовать сколько можно дѣятельно противу гарнизона Шумлы, который состоитъ, какъ выходцы утверждаютъ, изъ 40,000 человекъ, съ довольно скудными продовольственными запасами.

Если соразмѣрность силъ и положеніе одной и другой арміи не позволяютъ рѣшительную атаку, то стѣсненіе крѣпости должно быть

сколь можно полное и для непріятеля вредное, а для достиженія сего, дѣйствіе на коммуникаціонную линію я полагаю удобнѣйшимъ.

Но дѣйствіе сіе не можетъ, по мнѣнію моему, имѣть вѣрнаго успѣха, доколѣь отдаленность силъ нашихъ препятствовать будетъ нанесенію рѣшительныхъ ударовъ на прямое сообщеніе крѣпости съ Адрианополемъ.

По расположенію арміи, турки имѣютъ еще двѣ главныя свои дороги: чрезъ Эски-Стамбуль и Джумаю.

Первая нѣсколько тревожима партіями, отъ нашего лѣваго фланга посылаемыми; вторая, по отдаленности своей, остается совершенно неприкосновенна и, какъ видно, составляетъ пинѣ ихъ главное транспортное сообщеніе.

Дабы рѣшительно запретъ проходъ Эски-Стамбула и успѣшно дѣйствовать на Джумаю, я полагаю необходимымъ сдѣлать движеніе лѣвымъ флангомъ, на слѣдующемъ основаніи:

Довершить построеніе редутовъ противу фронта крѣпости и, давъ межъ собою боковую и перекрестную защиту, расположить подъ ихъ прикрытіемъ 3-й пѣхотный корпусъ, правымъ флангомъ въ редуту № V-й, а лѣвымъ—къ редуту № XVII-й.

7-й пѣхотный корпусъ расположить между редутомъ № XIX-й и д. Осмаръ, имѣя въ Чифликѣ крѣпкую передовую точку.

Главную квартиру съ кавалерійскимъ и артиллерійскимъ резервами— между редутами № III-й и № IV-й.

Гусарскую дивизію раздѣлить по-бригадно и расположить на двухъ крыльяхъ арміи.

Обезпечивъ такимъ образомъ правое крыло и операціонную нашу линію на Янибазаръ, наблюдая при Дерекіой дороги на Разградъ и Силистрію, весь 3-й корпусъ составитъ оборонительную часть арміи, тогда какъ 7-й корпусъ, прикрывъ себя редутами отъ Мачинскаго укрѣпленія и въ Чифликѣ, можетъ дѣйствовать наступательно на всѣ прочія сообщенія и движимостію своихъ колоннъ разрушать всѣ скопища и сборы турецкихъ войскъ, между Казаномъ и Смѣдовымъ появляющіеся.

Засимъ, весьма вѣроятно, что постояннымъ наблюденіемъ и изысканіемъ удобопроходимыхъ дорогъ на высоты въ тылъ Шумлы, не представилась наконецъ возможность утвердиться на хребтѣ горъ и тѣмъ болѣе еще стѣснить укрѣпленный непріятельскій лагерь, а можетъ быть, съ помощію Божіею, и занять оный.

Изъ всего вышепредставленнаго явствуетъ:

1) Что движеніе лѣвымъ флангомъ, какъ для фуражнаго довольствія, такъ и въ военномъ смыслѣ, представляетъ всѣ желаемыя выгоды.

2) Что 3-й корпус, оставаясь подъ защитою 22-хъ редутовъ, для коихъ потребно 20 ротъ гарнизона и 64 орудія, имѣть еще 5 бригадъ пѣхоты и одну кавалерійскую, для поддержанія атакованныхъ частей, вездѣ искусственно укрѣпленныхъ.

3) Что блокадное войско, непрерывно дѣйствуя на матеріальное и нравственное состояніе гарнизона, можетъ еще дѣятельностію своею разрушать всѣ сборы непріятельскихъ войскъ, до соединенія ихъ и до открытія осенней нашей кампаніи;

и наконецъ 4) что до прибытія гвардіи, 2-го корпуса и резервовъ отъ ген.-лейт. графа Витта, неосторожно было бы рѣшиться на болѣе отважное предпріятіе.

Примѣчаніе. Въ послѣдствіи времени, для укороченія операціонной нашей линіи, можно бы, оставивъ Янибазарскую, утвердить военное сообщеніе наше чрезъ Маковщину, Праводы и Варну, и тѣмъ, въ самыхъ горахъ, образовать этапами будущее расквартированіе войскъ и удалить приближеніе къ оной непріятельскихъ партій.

Письмо ген.-ад. Киселева къ кн. Меншикову, изъ подъ Шумлы.

2-го августа 1828 г.

Pour vous consoler sur l'ennui d'avoir Свѣчинъ l'on vous expédie Шепелевъ. — Si le siège de Warna doit durer quelques jours, vous aurez Doyré et j'en bénirai le ciel, car nous marcherons avec un peu plus de vigueur. Il ne faut plus se meler de rien, lorsque l'on a dépassé les 50 ans.—S-t Cyr avait raison dans la loi qu'il a fait passer à la Chambre de France—et c'est devant Schoumla que j'y pense tous les jours.

Je vais repondre aux articles de votre lettre.

1)—à l'heure qu'il est vous avez votre compagnie de sapeurs et votre $\frac{1}{4}$ de parque.

2)—je joins la reponse d'Abacoumoff. J'ai donné des ordres à Baykow pour l'hospital de Kawarna et je vous engage à donner les votres à M... ¹⁾ que vous trouverez à Bazardjik.

3)—je vous envoie la carte qui est assez usée et qui est la seule que j'aie maintenant. J'ai invité Berg de vous faire passer les levées qui ont été faites des environs de Warna.

4)—vous voulez je crois rire en nous demandant encore des troupes. Savez vous que sur les 34,000 que nous avons, les Turcs nous oposent 50,000 et des renforts qui leur arrivent tous les jours. Hier Tchepan-Oglou est entré dans la place avec des troupes d'Asie. Nos

¹⁾ Не разобрано.

7 régiments de cavalerie sont à 12 fils et seront dans peu à 10; le manque de fourrage est excessif.

5) — il n'y a pas de musc dans les pharmacies de nos armées et j'en suis bien fâché de ne pouvoir rendre ce service à Greig, auquel je vous prie de faire mes très sincères compliments.

6) — je ne puis que vous demander instamment d'organiser au plus vite votre état major, afin que les états de situation nous parviennent exactement, car on l'exige de moi avec une ponctualité toute particulière. Les *семидневныя* surtout nous sont indispensables.

Dibitsch est malade et le vieux ¹⁾ est affaîssé par l'âge, la chaleur et les conseils de toutes nos vieilles ganaches. Nous nous tirons des coups de canons et nous attendons de vos nouvelles.

Adieu, portez vous bien.

Письмо Императора Николая князю Меншикову изъ Одессы.

13-го августа 1828 года.

Je vous envoie ces lignes, mon cher ami, pour vous dire que je me rejouis infiniment de savoir que tout allait bien chez vous. J'espère que vous aurez été satisfait du petit renfort que je vous ai envoyé déjà; il en part en ce moment un pour les 13-e et 14-e chasseurs; dans cinq jours il part d'ici sur la „Marie“ (qui est superbe) et sur „Ефстафій“ et comp. un bat. de 6 comp. à 250 hommes, pour la 10-me division; envoyez les compagnies qui sont à la 2-me brigade de la division à leur destination; celles de la 1-re brigade et celle de la 3-me peuvent de suite être incorporées dans les régiments respectifs; quoique le 20-me régiment ne soit pas chez vous, gardez la compagnie, le régiment devant vous joindre sous peu. Si vous trouvez meilleur d'égaliser les régiments de la 7-me division avec ceux de la 10-me, je vous permets de tirer par 100 hommes des compagnies de la 10-me division, pour renforcer les régiments de la 7-me.

Voilà ce que j'ai à vous dire; j'espère que vous ne manquez plus ni d'avoine, ni d'eau de vie; nous vous en avons expédié le plus possible; vous devez aussi avoir reçu des citrons pour les scorbutiques.

Quant à vos opérations ultérieures, ne serait-ce pas possible de faire de nuit une descente sur la plage au dessus de Warna à portée

¹⁾ Генераль-фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ. Полководцу было въ то время 60 лѣтъ (род. въ 1768 г.); трудности Задунайскаго похода окончательно разстроили его здоровье, такъ что, по окончаніи кампаніи 1828 г., онъ вынужденъ былъ просить Государя объ увольненіи его отъ командованія арміею.

de canon de la place, de façon à faire de suite construire une redoute fermée à la gorge qui resterait appuyée à la mer et l'armer de 3 ou 4 grosses pièces et avec une garnison d'une compagnie pour gêner, sinon intercepter la communication; il me paraît qu'en soutenant cette redoute par une station permanente de bateaux armés de caronades, l'on risquerait peu, tandis que l'effet de la redoute pouvait être décisif.—Peut-être que je divague, ne connaissant pas assez le terrain, c'est à vous de voir ce qui est faisable. Je pars d'ici le 22 ou 23 et j'espère ainsi être chez vous le 25, et j'y resterai tant que la garde n'arrive, ce qui peut être le 27 ou 28. Puissais-je vous trouver déjà battant la brèche.

Avant hier j'ai reçu l'heureuse nouvelle, qu'Achalkalaky et Гертвизъ ont été pris; le premier d'assaut, le second parce que la terreur panique avait gagné la garnison qui a fui!—Que n'ont-ils le même esprit à Warna et Schoumla.

Mille choses à Greig et aux vôtres. Adieu, ménagez vous et que votre pavillon flotte sur les murs de Warna. A vous de coeur et d'âme

Nicolas.

Je vais ce soir avec ma femme par eau à Nicolaeff.

13-го августа 1828 г.

(Переводъ). Я посылаю вамъ эти строки, любезный другъ, чтобы сказать вамъ, что я искренно радуюсь благополучному ходу дѣлъ вашихъ. Я надѣюсь, что вы остались довольными небольшимъ подкрѣпленіемъ, которое я вамъ уже прислалъ; теперь отправляется подобное же для 13-го и 14-го егерскихъ полковъ; черезъ пять дней отправится для 10-й дивизіи на «Марин» (который великолѣпенъ), на «Евстафій» и проч., баталіонъ шестиротнаго состава, въ 250 человекъ каждая; пошлите роты, принадлежащія 2-й бригадѣ, къ мѣсту ихъ назначенія; роты 1-й и 3-й бригадъ могутъ быть тотчасъ включены въ соответствующіе полки; хотя 20-й полкъ не у васъ, оставьте у себя роту, такъ какъ этотъ полкъ вскорѣ къ вамъ присоединится. Если вы признаете за лучшее сравнить полки 7-й дивизіи съ частями 10-й, я разрѣшаю вамъ перевести по 100 человекъ изъ ротъ 10-й дивизіи, чтобы усилить ими полки 7-й дивизіи.

Вотъ все, что имѣю сказать вамъ; я надѣюсь, что у васъ не будетъ болѣе недостатка въ овсѣ и водѣ; мы отправили сколько возможно было; вы должны были также получить лимоны для цыготвыхъ больныхъ.

Что касается предстоящихъ вамъ въ будущемъ дѣйствій, то не окажется-ли возможнымъ произвести ночью высадку на берегу выше Варны, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости, чтобы тотчасъ приступить къ постройкѣ редута, открытаго съ горжи, который будетъ упираться на море, вооруживъ его тремя или четырьмя орудіями большого калибра, при гарнизонѣ въ одну роту, чтобы затруднять, если и не прервать совершенно, сообщенія непріятели; мнѣ кажется, что, поддерживая постоянно этотъ редутъ судами, вооруженными каровадами, мы рискуемъ весьма мало, между тѣмъ, какъ постройка этого редута можетъ сопровождаться рѣшительными результатами. Можетъ быть, я не правъ, такъ какъ я недостаточно знакомъ съ мѣстностію, поэтому предостав-

ляю вамъ сдѣлать то, что окажется выполнимымъ. Я уѣзжаю отсюда 22-го или 23-го и надѣюсь потому быть у васъ 25-го, гдѣ выжду прибытіе гвардіи, что можетъ имѣть мѣсто 27-го или 28-го. Желаю найти васъ уже при пробитіи бреши.

Третьяго дня я получилъ радостное извѣстіе, что Ахалкалаки и Гертвизъ взяты, первый штурмомъ, второй вслѣдствіе паническаго страха гарнизона, обратившагося въ бѣгство! Отчего они не одушевлены тѣмъ же духомъ въ Варнѣ и Шумлѣ.

Посылаю поклонъ Грейгу и всѣмъ вашимъ. Прощайте, берегите себя и да развѣвается вашъ флагъ на стѣнахъ Варны. Преданный вамъ сердцемъ и душою Николоай.

Сегодня вечеромъ ѣду съ женою моремъ въ Николаевъ.

Въ тотъ же день Государь получилъ, черезъ флигель-адъютанта Римскаго-Корсакова, извѣстіе, что турецкая регулярная пѣхота произвела 9-го августа сильную вылазку; она была отбита съ большимъ для нея урономъ и съ потерей двухъ знаменъ; послѣднимъ выстрѣломъ изъ крѣпости вн. Меншиковъ раненъ ядромъ въ обѣ ноги. Императоръ тотчасъ написалъ (13-го августа) князю слѣдующее письмо:

„Корсаковъ est arrivé, cher ami, et c'est vous dire que je suis désolé de l'accident affreux, qui vient de vous arriver; que Dieu veuille vous accorder un prompt et entier rétablissement. De grâce ne pensez qu'à vous soigner et oubliez le reste. Je fais partir le Comte Woronzoff pour le charger de vous remplacer tant que vous êtes hors d'état de remplir vos fonctions; puissiez vous le faire le plus tôt possible c.-à-d. être complètement remis de votre terrible blessure. Avant que le Comte n'arrive, que Perofsky continue à faire les fonctions dont il est revêtu par votre absence. Que Dieu vous conserve.

A vous pour la vie Nicolas“.

По полученіи княземъ Меншиковымъ раны, приказанія по войскамъ, осаждавшимъ Варну, отдавались, именемъ князя, начальникомъ штаба отряда, генераль-маіоромъ Василиемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ ¹⁾. 16-го августа прибылъ къ Варнѣ графъ М. С. Воронцовъ и принялъ начальство надъ осадю. 27-го августа, на фрегатѣ „Флора“, прибылъ Императоръ изъ Одессы, посѣтилъ князя Меншикова и пожаловалъ его орденомъ Св. Александра Невскаго. 31-го августа князя перенесли на фрегатъ „Флору“ для слѣдованія въ Николаевъ, куда онъ прибылъ 9-го сентября 1828 г.

¹⁾ 1-го сентября г.-м. Перовскій раненъ при вылазкѣ пулею въ грудь на вылетѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ Л. И. РИКОРДЪ

о пребываніи въ Константинополѣ въ 1830 г. ¹⁾.

I.

Пріѣздъ въ Одессу. — Плаваніе до Буюкдере. — Мѣстность. — Приглашеніе на праздникъ.

Султанъ Махмудъ II (царствовавшій съ 1808 по 1839 г.) былъ первымъ изъ падишаховъ имперіи Османовъ, который сталъ стремиться къ преобразованію своего государства на европейскій образецъ.

Въ числѣ нѣкоторыхъ его нововведеній и преобразованій въ бытѣ турецкаго общества Европа обратила вниманіе на небывалое до того явленіе, о которомъ много писали въ свое время въ газетахъ: я говорю о парадномъ обѣдѣ и праздникѣ, данныхъ Махмудомъ II, на которые были имъ приглашены всѣ находившіяся въ Константинополѣ особы дипломатическаго корпуса европейскихъ державъ, турецкіе сановники и нѣсколько дамъ изъ семействъ посланниковъ. Къ весьма ограниченному числу общества дамъ принадлежала и я, а потому считаю не безынтереснымъ помѣстить на страницахъ «Русской Старины» воспоми-

¹⁾ Людмила Ивановна Рикордъ, вдова знаменитаго адмирала Петра Ивановича Рикорда († 1855 г.), весьма обязательно сообщила въ распоряженіе «Русской Старины» большое собраніе матеріаловъ къ биографіи ея достоимаитнаго супруга. Въ числѣ этихъ документовъ, преимущественно писемъ покойнаго адмирала, находятся отрывокъ изъ Воспоминаній Людмилы Ивановны о поѣздѣ ея въ Константинополь; этотъ рассказъ мы, съ позволенія автора, представляемъ читателямъ.

наніе о помянутыхъ торжествахъ, начиная разсказъ со времени прибытія моего въ Константинополь.

16-го августа 1830 года я пріѣхала въ Одессу съ тѣмъ, чтобы, съ дозволенія императора Николая Павловича, отправиться въ Грецію, гдѣ мужъ мой командовалъ отрядомъ императорскаго флота для содѣйствія союзнымъ намъ эскадрамъ Англіи и Франціи при возстановленіи Греціи. Паспортъ былъ мнѣ выданъ въ Петербургѣ 29-го іюля на Одессу, откуда, не теряя времени, я намѣревалась ѣхать къ цѣли моего путешествія, но обстоятельства сложились не совсѣмъ въ мою пользу. На другой день прибытія моего въ Одессу, тамошній русскій консулъ объявилъ мнѣ, что я тогда только могу выѣхать изъ города, когда будетъ получено извѣстіе о признаніи нашимъ правительствомъ французскаго трехцвѣтнаго флага; въ противномъ случаѣ можетъ послѣдовать разрывъ между Россіею и Франціею и съ моей стороны будетъ большой рискъ ѣхать въ Грецію. Это заявленіе консула крайне меня озадачило: пришлось послѣдовать его совѣту и выждать, чѣмъ дѣло кончится. Въ этомъ ожиданіи потеряла я 10 дней. 27-го августа, посѣтивъ меня, консулъ сообщилъ, что наше правительство признало трехцвѣтный флагъ Франціи и теперь я могу смѣло продолжать мой путь.

На другое же утро я была на пристани, откуда на шлюпкѣ начальника одесскаго порта переправилась на австрійскую купеческую шкуну «Этрusco», на которой навяла маленькую, свѣтлую каютку. Послѣ бурнаго съ противнымъ вѣтромъ плаванія чрезъ Черное море—30-го августа, въ день св. Александра Невскаго, «Этрusco» бросилъ якорь въ Буюкдере, противъ пристани дворца русскаго посольства. Этотъ переѣздъ—отъ Одессы до Буюкдере оставилъ во мнѣ непріятныя воспоминанія. Бурный сирокко, знойный юговосточный вѣтеръ, дувшій во все продолженіе нашего плаванія, наполнял мою каютку удушливымъ воздухомъ, а испаренія отъ затхлой пшеницы (составлявшей грузъ нашей шкуны), смраднымъ туманомъ разстилаясь на палубѣ, усиливали мою головную боль и тошноту. Не помню въ который именно день нашего плаванія, капитанъ замѣтилъ близъ азіятскаго берега небольшое судно и, признавъ его за корсара, сталъ осматривать свою жалкую батарею пушекъ. Команда его состояла изъ пяти человѣкъ матросовъ и рулеваго; всѣ они были различныхъ націй

и вѣроисповѣданій. Капитанъ—славянинъ и православный, кое-какъ могъ объясняться со мною мѣшая славянскія слова съ нѣмецкими. Увидя, что онъ суетится около пушекъ, я сама встревожилась; но, слава Богу, дѣло обошлось безъ бѣды и только я одна поплатилась бессонницею, досадуя на свою отвагу пускаться въ путешествіе съ одною служанкою, въ страну, гдѣ не только нѣтъ гостепріимства для чужестранцевъ, но даже и терпимости ко всему европейскому. Измученная бурнымъ плаваніемъ, волнуемая тревожнымъ чувствомъ страха и раскаянія, я поднялась изъ ящика, служившаго мнѣ постелью въ каютѣ, чтобы взглянуть на свѣтъ. Слышу—становимся на якорь... Наступила рѣшительная минута ступить на берегъ; но куда идти далѣе, гдѣ пристать мнѣ, полубольной, изнуренной и духомъ, и тѣломъ? Робко поднявшись изъ трюма на палубу, я оставалась нѣсколько минутъ въ безотчетномъ положеніи, пораженная великолѣпною картиною. Все ново и привлекательно для глазъ, но на душѣ отъ того не легче. Я не знала на чтѣ рѣшиться, а шкуну слѣдовало оставить черезъ 3 или 4 часа. У пристани дворца нашего посланника я увидѣла фрегатъ подъ нашимъ военнымъ флагомъ. «Вотъ моя путеводная звѣзда», сказала мнѣ сердце,—«здѣсь наши моряки и я буду подъ ихъ защитою!»

Замѣтивъ, что офицеры на фрегатѣ смотрятъ въ подзорныя трубы на нашу шкуну, я рѣшилась махнуть имъ платкомъ. Я дозволила себѣ эту крайнюю мѣру почти въ отчаяніи, лишь-бы не оставаться на этой шкунѣ, которую я нанимала до Буюкдере. Здѣсь, какъ писалъ мнѣ мужъ, меня будутъ ожидать и дадутъ возможность пробраться въ Грецію. Послѣ сигнала, поданнаго мною фрегату, я увидѣла, что готовятъ шлюпку, которая не замедлила приплыть къ нашему суденышку. Офицеръ, бывшій на ней, объявилъ мнѣ, что они давно уже ожидали меня, наблюдая чтобы судно, на которомъ я могла ѣхать, не прошло мимо ихъ фрегата. И такъ, я хорошо поступила подавъ знакъ, такъ какъ ничего не знала, что мужъ извѣстилъ нашихъ моряковъ о моемъ намѣреніи прибыть въ Буюкдере. Страхъ и тревога, еще недавно владѣвшіе мною, исчезли; я увидѣла себя въ кругу соотечественниковъ; ихъ добрый, радушный пріемъ, внимательность, заботливость—возвратили мнѣ и бодрость и веселость. Все это было дѣломъ пяти минутъ. Вещи мои были уложены въ чистую, на-

рядную шлюпку, куда я и сама пересѣла съ моими немногочисленными спутниками съ «Этрusco», на которомъ вытерпѣла такъ много непріятнаго — и, будто перенесенная волшебствомъ, вскорѣ очутилась на твердой землѣ, такъ какъ берегъ и пристань были очень недалеко отъ стоянки несчастной шкуны. На берегу мнѣ былъ приготовленъ парадный флигель посланническаго дворца съ золоченою мебелью, вазами, бронзами. Я была въ такомъ восторгѣ, что трудно описать, а быстрота переменъ чувствъ и впечатлѣній привела меня почти въ изнеможеніе. Еще не совсѣмъ поправаясь отъ припадковъ морской болѣзни, я нуждалась въ отдыхѣ и воспользовалась имъ со всѣми возможными удобствами.

Въ Буюьдере, какъ я уже говорила, я прибыла 30-го августа. Съ пристани меня провели въ дворецъ нашего посольства, гдѣ посланникъ А. И. Рибопьеръ встрѣтилъ меня со всею внимательностью и непритворнымъ радушіемъ и тутъ-же познакомилъ съ чиновниками посольства, служившими подъ его начальствомъ. Я увидѣла себя въ довольно многочисленной русской семьѣ, въ которую была включена. Когда встрѣтившее меня общество удалилось, а я осталась одна въ богатоубранныхъ покояхъ, мнѣ отведенныхъ, — то подошла къ окну и глазамъ моимъ представилась очаровательная картина.

Подъ окнами небольшая площадка, вымощенная бѣлыми мраморными плитами и усыпанная лепестками розъ, осыпавшимися съ кустовъ, высящихся какъ колоннада и сверху до низу покрытыхъ цвѣтами. Съ розанами перемѣшаны кусты цвѣтущихъ жасминовъ. По кровлѣ ограды высятся темнозеленые кипарисы, а за оградю красуется Босфоръ съ плывущими и стоящими судами и виднѣется противоположный берегъ Азіятской Турціи. Все прекрасно, великолѣпно; все для меня ново, а въ душѣ волненіе и мысли вихремъ крутятся въ головѣ.

На другой день А. И. Рибопьеръ сообщилъ мнѣ, что султану уже извѣстно о моемъ прибытіи, благодаря бдительности полиціи, возникшей въ Турціи одновременно со многими прочими нововведеніями. Полиція, со своей стороны, справлялась о численности моей «свиты», состоявшей изъ одной горничной, девицы и семилѣтней моей воспитанницы. А. И. Рибопьеръ, при запросѣ султана, счелъ нужнымъ увеличить число моихъ спут-

никовъ и потому показалъ состоящими при мнѣ—жену чиновника, служившаго при посольствѣ, и еще кого-то изъ служащихъ. Это ставило меня на такой высокой пьедесталъ, съ котораго я была на виду болѣе нежели желала; къ тому-же мнѣ ежедневно дѣлали визиты посланники съ ихъ женами: Стратфордъ, Канвингъ, Аплазки; Гильемино съ супругою, дочерью и зятемъ—посланникъ французскій; унтеръ-консулъ австрійскій съ супругою; старшіе драгоманъ тѣхъ же посольствъ, кромѣ нашихъ, въ русской миссіи принадлежавшихъ, и прочихъ обоего пола особъ. Мнѣ представлялъ ихъ особый чиновникъ, нарочно для этой обязанности приставленный. Въ продолженіи двухъ недѣль я вынесла самую тяжкую пытку и только на однѣхъ вечернихъ прогулкахъ находила нѣкоторый отдыхъ. Съ визитами почти ежедневно чередовались вечера, балы, ватанья по берегу Босфора...

Я была уже совсѣмъ готова къ отплытію въ Грецію, какъ получила отъ султана приглашеніе на обѣдъ и на маневры, назначенные на 14-е сентября (день Воздвиженія) и имѣвшіе быть на противоположномъ азіатскомъ берегу. Приглашеніе была прислано ко мнѣ въ особомъ письмѣ отъ имени султана, сообщенномъ его статсъ-секретаремъ и любимцемъ—Халиль-пашою.

II.

Плаваніе по Босфору. — Скутари. — Турецкіе экипажи. — Халиль-паша. — Маневры. — Арбы. — Войска. — Фигляры. — Обѣдъ. — Музыка. — Сераскиръ-паша. — Прибытіе Махмуда II. — Монеты вмѣсто конфетъ. — Фейерверкъ. — Возвращеніе въ Буюкдере.

13-го сентября, наканунѣ дня, назначеннаго для обѣда и маневровъ, члены нашего посольства, составлявшіе какъ бы одну семью всѣми любимаго и уважаемаго посланника А. И. Рибопьера, включивъ въ свой кругъ меня и еще одну образованную даму, супругу д. ст. сов. г. Франчини, драгомана русской миссіи, — пріѣхали изъ дворца посланника на фрегатъ «Ловичъ», находившійся въ распоряженіи А. И. Рибопьера, чтобы отплыть внизъ по Босфору въ Константинополь. Отсюда былъ назначенъ церемоніальный переѣздъ на азіатскій берегъ въ Скутари—мѣсто, избранное для маневровъ и праздника.

14-го сентября, въ 7 часовъ утра, посланникъ и всѣ русскіе,

составлявшіе его свиту чиновники, въ парадной формѣ, собрались у пристани, гдѣ ожидала насъ нарядная шлюпка. Мнѣ очень было встать имѣть спутницею г-жу Франкини, которая, обладая знаніемъ турецкаго и арабскаго языковъ, говорила еще по французски, по итальянски и по нѣмцу. Родомъ она была фанариотка, а онѣ вообще славятся способностью къ языкамъ. Всѣхъ насъ, дамъ, было не болѣе девяти и всѣ мы свободно размѣстились въ богатой раззолоченой шлюпкѣ, или каякѣ, который, будто золотая рыбка, поплылъ по лазурной, зеркальной поверхности Босфора. Утро было великолѣпное. Солнце еще не такъ высоко поднялось, чтобы палить зноемъ; безоблачная небесная лазурь соперничала съ синевою босфорскихъ водъ, покрытыхъ до самаго горизонта сплошною массою каяковъ разныхъ величинъ и различно изукрашенныхъ. Всѣ стремились на азіатскій берегъ; все населеніе Константинополя желало принять участіе въ праздникѣ; сотни гаремовъ опустѣли—и, казалось, вся столица имперіи Османовъ спустилась со своего семихолмія на воды Босфора, увлеченная любопытствомъ. Тысячи каяковъ, наполненныхъ людьми, обгоняя другъ друга, состязались и въ быстротѣ, и въ изяществѣ. Среди этой массы густо скучившихся каяковъ была прочищена прямая полоса воды, а по ней чинно и стройно тянулась вереница турецкихъ шлюпокъ, наряженныхъ для переезда на азіатскій берегъ всѣхъ иностранныхъ посольствъ къ назначенному часу. У каждаго посольства былъ особый каякъ, различно изукрашенный; но каякъ нашего посланника былъ наряднѣе всѣхъ прочихъ. Благодаря своей легкой, изящной формѣ, онъ едва касался воды, скользя по ней, не оставляя даже слѣда за собою. Заостренная носовая его часть, высившаяся надъ водою, была украшена золотымъ, парящимъ орломъ, который, казалось, уносилъ насъ за собою. Шестнадцать удалыхъ гребцовъ, въ нарядныхъ чалмахъ и разноцвѣтныхъ одеждахъ съ широкими изъ бѣлой тафты рукавами, которые при каждомъ взмахѣ весель развѣвались отъ легкаго вѣтерка и казались бѣлыми крыльями, увеличивали быстроту нашего каяка. Рулевой, съ суровымъ, быстрымъ взглядомъ изъ-подъ черныхъ, сросшихся бровей, съ роскошною шелковистою бородою, въ кафтанѣ багрянаго цвѣта, въ чалмѣ, разноцвѣтной шали, съ блестящими талисманами на рукахъ и цѣпью на груди, съ кнѣжалами за красивымъ ши-

рокимъ поясомъ — сидѣлъ сзади насъ на раскинутомъ коврѣ. Рѣзкими и дикими врывами онъ удерживалъ и устранялъ тѣснившіеся на нашемъ пути бабки.

Переѣздъ чрезъ Босфоръ, длившійся часъ, показался мнѣ мгновеннымъ. Будто въ покойномъ экипажѣ, сквозъ густыя толпы народа, — мы пробрались сквозъ бабки. Со всѣхъ сторонъ раздавались неумолчные голоса, крики, разговоры, и такъ достигли мы пристани на азіятскомъ берегу, къ которой поочередно подплывали бабки посланниковъ и изъ нихъ высаживались почетные гости султана — представители европейскихъ державъ. Толпа турецкихъ чиновниковъ встрѣтила насъ всѣхъ выходившихъ на пристань. Верховыя лошади въ богатой сбруѣ, съ чепраками, вышитыми золотомъ, съ сѣдлами, осыпанными бирюзою и разноцвѣтными украшеніями, были приготовлены для посланниковъ съ ихъ свитами. Дамамъ предложены были экипажи не совсѣмъ обыкновеннаго вида и довольно странной формы: круглые и угловатые, съ 6-ю стеклами, безъ рессоръ и запятовъ. Каждый былъ запряженъ парю рослыхъ лошадей въ шорной упряжи съ кучеромъ на козлахъ. Такъ какъ лошади рвались и были очень не спокойны, то ихъ во весь путь вели подъ уздцы арабы; они-же, вмѣсто лакеевъ, шли у заднихъ колесъ экипажей. Супругъ французскаго посланника г-жѣ Гильемино съ ея замуженю дочерью, мнѣ и г-жѣ Франквини былъ подавъ первымъ — и лучшимъ — экипажъ. Мы сѣли въ немъ какъ въ четырехмѣстной каретѣ. При неуклюжей наружности нашего экипажа, нельзя было не подивиться его внутреннему богатому убранству. Экипажъ былъ обитъ новымъ малиновымъ бархатомъ; у стеколъ, вмѣсто тесьмы, какъ въ нашихъ каретахъ — плотное золотое шитье; верхъ обшитъ золотою крученою бахрамою, по угламъ длинныя золотыя кисти. Остальные экипажи были далеко не такъ богаты и опрятны; къ тому-же въ нихъ не было скамеекъ для сидѣнья, а ровный помостъ съ подушками, на которыхъ нужно было сидѣть скрестивъ ноги. Вслѣдствіе этого, всѣ прочія дамы видимо были недовольны, будучи принуждены высидѣть такимъ неудобнымъ образомъ переѣздъ въ двѣ версты и еще при дневномъ зноѣ, уже весьма ощутительномъ. Кавалькада кавалеровъ отъ насъ не отставала; наконецъ, мы подъѣхали къ палаткѣ, гдѣ и остановились. Палатка эта, большаго размѣра, была съ одной стороны

открыта. Верхъ и полы ея внутри были вышиты шелками, серебромъ и золотомъ; полъ устланъ мягкими коврами, на которыхъ были размѣщены шелковые диваны съ подушками. Дамы высаживались изъ экипажей, кавалеры сходили съ лошадей и всѣ мы были встрѣчаемы, какъ-бы хозяиномъ, генераль-адъютантомъ султана Халиль-пашою, который провожалъ насъ въ палатку. Вслѣдъ за тѣмъ стали разносить гостямъ: шербетъ, конфеты, густой кофе, который здѣсь варятъ не давая осѣдать гущѣ и пьютъ изъ маленькихъ фарфоровыхъ чашекъ, вставленныхъ въ серебряныя ажурныя рюмочки. Было уже 10 часовъ, а намъ, европейцамъ, такой слишкомъ легкій завтракъ былъ не совсѣмъ по вкусу. Общество дамъ составляли: жена французскаго посланника съ дочерью; жена австрійскаго — съ компаньонкою; жены англійскаго и неаполитанскаго повѣренныхъ въ дѣлахъ, и я съ г-жею Франкини; супруги англійскаго посланника и нашего, А. И. Риборьера, въ то время не находились въ Турціи. Въ палаткѣ мы не пробыли и часа, какъ ловкій, съ европейскими манерами, Халиль-паша попросилъ насъ занять мѣста въ тѣхъ-же экипажахъ, извиняясь, что у султана нѣтъ болѣе экипажей, кромѣ этихъ трехъ каретъ, и замѣтилъ, при этомъ, что онѣ для насъ не совсѣмъ удобны и покойны. Халиль-паша бывалъ въ Петербургѣ и имѣлъ понятіе объ удобствахъ нашихъ и вообще европейскихъ экипажей. Я уже выше сказала, что, кромѣ кареты, которую, благодаря находчивости и знанію турецкаго языка г-жи Франкини, заняла я вмѣстѣ съ женою французскаго посланника и ея дочерью, прочіе экипажи были безъ скамеекъ, съ ровнымъ помостомъ, устланномъ мягкими тюфяками, на которыхъ надо было сидѣть по турецки, поджавъ ноги. Такъ какъ мы успѣшили занять нашу прежнюю европейскую карету, то остальные дамы, испытавшія разницу между ею и своими экипажами, начали ворчать, — но пособить было нечѣмъ! Имъ въ утѣшеніе Халиль-паша опять сталъ извиняться неимѣніемъ у султана другихъ экипажей.

Мужчины сѣли на коней, мы размѣстились по каретамъ и вскорѣ весь нашъ кортежъ выѣхалъ на вымощенную крупнымъ камнемъ дорогу, по которой намъ должно было ѣхать еще верстъ пять. Мнѣ сказывали, будто дорога эта была проложена римлянами. Мостовая, очень покатая на обѣ стороны и узкая, — между

двухъ глубокихъ рововъ съ высокими окопами. Экипажъ бросало изъ стороны въ сторону, такъ что мы привскакивали на мѣстахъ отъ толчковъ. Арабы шли по бокамъ каретъ, какъ я полагаю, не для церемоніи, а просто ради нашей безопасности, такъ какъ лошади, которыхъ вели подъ уздцы, не только не шли смиренно, но становились на дыбы и кучеръ едва былъ въ силахъ съ ними справиться; мы могли быть опрокинуты въ ровъ и, обуянные страхомъ, не имѣли возможности видѣть, что насъ окружало: мы ежеминутно вскрикивали, хватались другъ за дружку когда насъ подбрасывало на скамейкахъ; сталкивались головами, исковеркали наши головные уборы—вслѣдствіе чего искоса другъ на друга поглядывали. Помню какъ теперь, что супруга французскаго посланника схватила меня за руку выше локтя и стиснула ее такъ сильно, что на ней выступили и долго оставались большія синія пятна. Измученныя этой двухъ-часовой ѣздой, мы, съ мощеной дороги, своротили на обширную равнину, гдѣ увидѣли выстроенное войско, а впереди ихъ, верхами, султана съ его генералитетомъ и свитой. Спутники наши—члены дипломатическаго корпуса—поскакали къ нему, мы потянулись за ними. Когда кареты наши остановились передъ шеренгами войскъ, султанъ подъѣхалъ къ намъ и, отсалютовавъ обнаженною саблею, началъ командовать войсками. Мы слышали звонкій и обширный голосъ, о которомъ мнѣ еще прежде много говорили константинопольскія фанаріотки. Когда начали маневрировать войска, насъ отвезли въ сторону, на пригорокъ, на которомъ былъ раскинутъ цѣлый рядъ палатокъ, одна другой красивѣе, одна другой богаче. Насъ выпустили изъ каретъ и размѣстили по особому назначенію, указывая каждому посланнику и повѣренному въ дѣлахъ особую палатку, на половину открытую, что, защищая отъ солнца, давало возможность видѣть всю окрестность. У подножія холма, на которомъ стояли палатки, разстилалась равнина, какъ-бы лежавшая на голубомъ мраморѣ тихихъ водъ Мраморнаго моря; группа Принцевыхъ острововъ отражалась, будто клумбы весеннихъ цвѣтовъ, на его зеркальной поверхности. Влѣво видны были деревеньки съ садами, минаретами и кипарисами на владбищахъ, которые, какъ вѣковые стражи, охраняли завѣтные мраморныя тумбы съ золочеными чалмами, означающія мѣсто успокоенія праха правовѣрныхъ. Справа высились красивые пригорки

и холмы, съ многолѣтними платанами, опоясывая долину. На нихъ, какъ на уступахъ амфитеатра, волновался и яркими нарядами пестрѣлъ народъ, собравшійся поглядѣть на торжество до того дня не бывалое.... Не говорю о благорастворенномъ воздухѣ, освѣжаемомъ ароматнымъ вѣтеркомъ.... однимъ словомъ, это полное великолѣпіе земли и неба возносило душу мою на ту неизяснимую степень умиленія и восторга, выше которой душа уже перестаетъ быть причастною земному.

Когда одинъ маневръ былъ оконченъ, мы должны были, по приглашенію, или, лучше сказать, по приказанію, размѣститься прежнимъ порядкомъ и слѣдовать по назначенію. Къ поѣзду нашему присоединился національный турецкій экипажъ—«арбы».

Это были фантастически изукрашенныя бляхами безрессорныя платформы съ красивыми балдахинами, золотыми вистами, красными и зелеными коврами, съ подушками. На одной арбѣ сидѣли дѣти султана: двѣ дочери и сынъ, не болѣе десяти лѣтъ, въ шапочкахъ на головахъ, но съ открытыми маленькими черноглазыми личиками. Ихъ охраняли шедшіе по сторонамъ восемь человекъ турокъ. Всѣ мы ѣхали шагомъ, а арбы съ султанскими дѣтьми двигались впереди нашей кареты. Въ каждую арбу впряжена была пара воловъ съ головами, увѣнчанными двумя, болѣе аршина высоты, дугами, закинутыми на спины воловъ, будто рога, и украшенными разноцвѣтными лентами и яркими доскутьями. Были тутъ и галуны, и кисти, и побрякушки, на лбахъ у воловъ блестяли разноцвѣтные стеклярусы, туловище-же ихъ оставалось открытымъ, безо всякихъ украшеній, и было даже не совсемъ чисто. Вскорѣ на красивомъ холмѣ, на которомъ были приготовлены палатки для представителей европейскихъ державъ, не стало замѣтно ни одного турка-туземца, кромѣ кучеровъ и арабовъ, провожавшихъ наши кареты. Мнѣ сказывали, что народъ былъ удаленъ по распоряженію правительства.

Наконецъ, на равнинѣ засверкало оружіе; барабанный бой смѣшался съ хоромъ музыки, ружейные выстрѣлы возвѣстили о воинской потѣхѣ и густыя тучи пыли застлали всю окрестность. Въ замѣнъ этого зрѣлища, мы были угощаемы роскошнымъ завтракомъ, разносимымъ прислугою по палаткамъ; намъ даже осталось время дѣлать визиты знакомымъ, переходя изъ одной па-

латки въ другую. Маневры продолжались до двухъ часовъ и по окончаніи ихъ насъ опять повезли по той-же дорогѣ и мостовой— и снова тѣ-же толчки, опасенія и страхъ. На этотъ разъ по обѣмъ сторонамъ дороги на окопахъ сплошною массою размѣстился народъ, мужчины и женщины всякаго возраста, даже съ грудными дѣтьми. Они смотрѣли на наши кареты съ весьма выразительною злостью и, отдергивая головныя покрывала, кривлялись, вскрикивали, даже показывали языки; протягивали руки изъ подъ широкихъ рукавовъ, грозили пальцами, бросали пескомъ, и всякими пантомимами выражали намъ свой гнѣвъ, какъ ненавистнымъ гаурамъ, которыхъ онѣ видѣли въ такомъ почетѣ. Кавальбады нашихъ кавалеровъ не было съ нами, всѣ они сопровождали султана на маневрахъ. Проѣхавъ около трехъ верстъ, мы высадились изъ каретъ и насъ проводили въ зеленый павильонъ изъ свѣжихъ деревьевъ, миртъ и цвѣтовъ. Здѣсь были разставлены столы съ разными яствами и плодами, что было весьма кстати. Всѣ мы, безъ церемоніи, начали угощаться, какъ вдругъ звуки военной музыки съ барабаннымъ боемъ отвлекли наше вниманіе отъ закуски. Мимо павильона, церемониальнымъ маршемъ, проходили войска, возвращавшіяся съ маневровъ.

Маршировали не въ ногу, ружья держали неровно; обмундировка была неуклюжая; солдаты въ туфляхъ, на босую ногу; на головахъ надѣты красныя фески. Народъ низкорослый, невзрачный; офицеры одеждою и выправкою не отличались отъ солдатъ. За пѣхотою слѣдовала артиллерія на сильныхъ и статныхъ лошадахъ.

При всѣхъ недостаткахъ своихъ нестройныхъ войскъ, султанъ Махмудъ торжествовалъ и бичился успѣхами нововведеній, показывая войска представителямъ европейскихъ державъ. Когда проходили поля, онъ съ своею свитою находился близъ нашего павильона, въ стеклянномъ кіоскѣ, съвозномъ какъ фонарь, и не сводилъ глазъ съ проходившихъ, любуясь новою формою солдатъ и построеніемъ ихъ на европейскій ладъ. Когда полки прошли, мы замѣтили, что возвышенности, опоясывавшія долину, начали опять покрываться народомъ. Потянулись богатыя арбы съ балахнами, подъ которыми сидѣли знатныя семейства, выѣхавшія изъ гаремовъ. На воегорѣ составлялись кружки и группы. Цѣлыя семейства женщинъ и дѣтей размѣстились на разостланныхъ

коврахъ подъ большими красными зонтиками, съ прислугою, большею частью изъ чернокожихъ. Служанка-арабка подавала господамъ длинные чубуки съ трубками—необходимую принадлежность азіятскихъ причудницъ, старыхъ и молодыхъ.

Вниманіе этой пестрой толпы было занято ожиданіемъ зрѣлища, которое доставило ей несказанное удовольствіе. Передъ зрителями на зеленой равнинѣ раскинули большой коверъ, на которомъ начались представленія фигляровъ: два жида, грязно и пестро одѣтые, плясали на канатѣ. Товарищи ихъ, замѣнявшіе оркестръ, сидя на травѣ, брянчали на цимбалахъ, били въ бубны и вполне гармонировали искусству плясуновъ. Султанъ не отходилъ отъ окна своего стекляннаго кіоска и пристально смотрѣлъ на представленіе. Намъ говорили, что его съ дѣтства приучили къ подобнымъ увеселеніямъ и зрѣлищамъ и они его весьма забавляютъ. Эта потѣха, нисколько не интересная для насъ, но пріятная для туземцевъ, длилась болѣе двухъ часовъ. По окончаніи представленія фигляровъ, народъ, покрывавшій всю видимую нами окрестность, началъ расходиться и мы слышали будто полицейскимъ было приказано всѣхъ разгонять. Лица высшаго класса, расположившіяся на коврахъ и подушкахъ, и простолудины быстро скрылись за холмы; всѣхъ ихъ гнали какъ стадо овецъ. Когда равнина опустѣла, насъ созвали къ обѣденному столу, накрытому въ большой палаткѣ, отстоявшей шагахъ въ тридцати отъ султанскаго кіоска. Въ немъ, во все продолженіе обѣда, оставался падишахъ и смотрѣлъ на своихъ гостей. Палатка, со стороны, обращенной къ кіоску, была открыта, такъ что мы были видны султану и онъ намъ.

Столъ былъ сервированъ, по европейскому образцу, на двухъ-стахъ кувертахъ. Мѣста были означены билетами на приборахъ. Внутреннее убранство палатки было великолѣпно. По угламъ стола поставлены были большіе канделябры, похожіе на наши церковные подсвѣчники, со множествомъ свѣчъ на каждомъ. Палатку поддерживала цѣлая колоннада столбовъ, фантастически украшенныхъ. Когда мы сѣли за столъ, султанскій оркестръ, котораго учителемъ и капельмейстеромъ былъ Паганини, братъ знаменитаго виртуоза, сталъ прекрасно исполнять разныя піесы. Такъ какъ сумерки въ Турціи, какъ и во всѣхъ вообще южныхъ странахъ, наступаютъ очень быстро, то вскорѣ зажгли канделябры

и освѣщеніе придадо торжеству особенный, оригинальный эффектъ. Музыка не умолкала во все продолженіе обѣда, хотя оркестръ былъ только одинъ и немногочисленъ. Музыканты, все молодежь, почти мальчики, по 16—20 лѣтъ, набранные, какъ намъ говорили, изъ лучшихъ турецкихъ фамилій, одеждою походили нѣсколько на нашихъ музыкантовъ. На нихъ были европейскаго покроя синіе мундиры, обшитые бѣлою бумажною тесьмою, но обуты были музыканты въ желтыя туфли на босую ногу. Говоря о сервировкѣ стола, я забыла сказать, что столовое бѣлье, хрусталь, серебро и фарфоровые приборы были взяты на этотъ праздникъ у нашего посланника и у другихъ; точно также и повара были изъ разныхъ посольствъ. Заказанныя во Франціи принадлежности для параднаго стола еще не успѣли прибыть изъ Парижа въ Константинополь.

Каждый посланникъ съ своими дамами и чиновниками сидѣлъ особо, какъ-бы отдѣльною семейною группою. Въ промежуткахъ разсажены были турецкіе сановники, военные и гражданскіе, имѣвшіе на себѣ знаки отличія и одѣтые въ національные, тогда, синіе сюртуки, похожіе на наши казакины. Разговоръ вели, большею частью, на французскомъ языкѣ. Я сидѣла рядомъ съ нашимъ посланникомъ А. И. Рибопьеромъ, спиною къ султанскому кіоску, что было для меня не совсѣмъ удобно. Сосѣдями нашими, съ одной стороны, были чиновники нашего посольства, а съ другой—Халиль-паша, разговаривавшій со мною по французски. Онъ былъ довольно красивый, статный мужчина, съ умнымъ лицомъ. Противъ насъ, черезъ столъ, сидѣлъ французскій посланникъ съ женою, дочерью и прочими лицами своего посольства; на другомъ концѣ стола помѣстился австрійскій унтерконсулъ съ женою и со свитою; тамъ—англійскій, также особою группою. Подлѣ французскаго посланника сидѣлъ сераскиръ-паша, т. е. военный министръ, главнокомандующій арміею и любимецъ султана. Низенькій, сѣденькій старичекъ, нарумяненный, очень проворный, съ брилліантовымъ знакомъ на груди, онъ болѣе всѣхъ, видимо, былъ озабоченъ угощеніемъ гостей и распоряженіями. Въ серединѣ обѣда онъ всталъ изъ-за стола; за нимъ поднялись Халиль-паша и еще человекъ шесть. Всѣ они вышли въ противоположную сторону сквозь небольшую дверь, за которою былъ устроенъ корридоръ изъ нарубленныхъ древесныхъ вѣтвей, воткнутыхъ въ землю. Сквозь этотъ ходъ прошелъ султанъ, чтобы, непримѣнно для

другихъ, войти въ нашу палатку въ сопровожденіи сераскира-паши, Халиль-паши и другихъ вельможъ. Махмудъ явился въ палатку, прямо противъ того мѣста, гдѣ сидѣли мы съ А. И. Рибопьеромъ. Онъ приостановился съ видимымъ замѣшательствомъ. Это неожиданное его появленіе смутило всѣхъ насъ: многіе встали съ своихъ мѣсть, что заставило султана не только приостановиться, но и отступить шага на два. Впрочемъ, ободрясь, онъ сдѣлалъ знакъ рукою и черезъ переводчика подтвердилъ, чтобы всѣ оставались на своихъ мѣстахъ; потомъ, какъ-бы собравшись съ духомъ, бодримъ, но медленнымъ шагомъ пошелъ по палаткѣ, тихо привѣтствуя присутствовавшихъ легкимъ наклоненіемъ головы. Безостановочно обходилъ онъ за спинками стульевъ сидѣвшихъ за столомъ. Съ его приближеніемъ нѣкоторые вставали, обращаясь къ нему лицомъ, но онъ, не останавливаясь, продолжалъ свое шествіе. Такимъ образомъ онъ прошелъ мимо французскаго посланника съ его семействомъ и чиновниками; миновалъ также и австрійскаго унтерконсула... Когда же дошелъ до А. И. Рибопьера и мы встали съ своихъ мѣсть, то падишахъ остановился и чрезъ переводчика началъ разговоръ со мною. Спросилъ: долго-ли я пробуду въ Константинополѣ? и сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ мнѣ и А. И. Рибопьеру. Послѣ того онъ скрылся въ ту-же узкую дверь и помянутымъ корридоромъ прошелъ въ свой кіоскъ... Когда сопровождавшіе султана возвратились и заняли за столомъ свои прежнія мѣста, тогда провозгласили тостъ за здоровье Махмуда и всѣ громко прокричали «ура!» Къ концу обѣда въ палатку внесли еще восемь большихъ канделябровъ: ихъ прислалъ султанъ изъ своего кіоска, находя освѣщеніе палатки недостаточнымъ. Канделябры разставили во всю длину стола за нашими спинами.

Обѣдъ былъ роскошный, но ни одно блюдо не было изготовлено въ турецкомъ вкусѣ. Между десертомъ подавались турецкія конфекты необыкновеннаго вкуса и вида: то были на большихъ круглыхъ блюдахъ верхомъ насыпанныя разной величины золотыя и серебряныя монеты, нѣсколько потолще нашихъ серебряныхъ рублей или мѣдныхъ пятаконъ: я взяла ихъ съ пригоршню и привезла какъ рѣдкость въ Россію; нынѣ въ обнищавшей имперіи изувѣровъ Османлисовъ, безъ сомнѣнія, не угощаютъ гостей монетами. Пиръ кончился въ 8 часовъ. Большой фейерверкъ заключилъ праздникъ.

Л. И. Рикордъ.

ХОЛЕРНЫЙ БУНТЪ

ВЪ НОВГОРОДСКИХЪ ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЕНИЯХЪ

1831 г.

Изъ воспоминаній А. Е. Гриббе.

I.

По выступленіи, въ 1831 году, дѣйствующихъ баталіоновъ гренадерскаго корпуса въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ, командованіе новгородскими военными поселеніями, равно какъ и всѣми резервными баталіонами гренадерскаго корпуса, принялъ генералъ-лейтенантъ Эйлеръ. Резервный баталіонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка, въ которомъ я служилъ тогда, отстоявъ свою очередь караула въ г. Новгородѣ, выступилъ, въ концѣ мая мѣсяца, въ лагерь подъ Княжій Дворъ, гдѣ были собраны какъ резервные баталіоны 1-й и 2-й гренадерскихъ дивизій, такъ и артиллерія; баталіоны же 3-й дивизіи гренадерскаго корпуса, по случаю начавшейся тогда холерной эпидеміи, содержали карантинную линію въ уѣздахъ Новгородской губерніи.

По приходѣ нашемъ въ лагерь, туда начали прибывать усиленные партіи рекрутъ, изъ которыхъ формировались маршевыя роты и отправлялись въ дѣйствующую армію.

Кто не знаетъ, или, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ о тѣхъ пріемахъ, какіе употреблялись въ то время при обученіи рекрутъ? Палки и розги считались необходимыми принадлежностями строеваго образованія, и сдѣлать солдата изъ мужика казалось немислимымъ, не

изведя при этомъ цѣлыхъ воевъ этихъ педагогическихъ пособій. Поэтому нашъ лагерь представлялъ собою нѣчто въ родѣ палочнокучачной академіи, въ которой битье людей начиналось съ утренней зари и кончалось съ вечернею. Особенно сильно страдали несчастные чухны и латыши, которые, по совершенному незнакомію русскаго языка, весьма туго поддавались обученію и уясняли себѣ мудрости военной науки.

Такъ продолжалось до конца іюля мѣсяца, когда вспыхнулъ мятежь въ Старой Руссѣ. Тотчасъ же по полученіи извѣстія объ этомъ, въ Руссу были отправлены резервные баталіоны 2-й гренадерской дивизіи, подъ командою генераль-маіора Леонтьева, а вслѣдъ затѣмъ, въ лагерь пріѣхалъ самъ генераль-лейтенантъ Эйлеръ и, взявъ съ собою 1-й и 2-й карабинерные баталіоны, выступилъ туда же. Но не доходя 2-хъ верстъ до Руссы, Эйлеръ,—одинъ Богъ вѣдаетъ, по какимъ соображеніямъ,—остановилъ свой отрядъ бивуакомъ подъ селеніемъ Дубовицы, и оттуда сталъ разсылать свои приказанія.

Между тѣмъ, Старая Русса сильно волновалась. Остававшіяся тамъ, за старшаго, артиллерійскій генераль Мевесъ былъ убитъ мятежниками. Думая подѣйствовать на народъ увѣщаніями, онъ вышелъ на площадь и началъ, было, доказывать всю нелѣпность подозрѣнія въ отравѣ; но мятежь зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы можно было одними словами усмирить разсвирѣпѣвшую толпу. Старый генераль былъ сбитъ съ ногъ и растерзанъ народомъ. Такая же участь постигла и полиціймейстера Старой Руссы, полковника Манжоса, котораго въ особенности не любили жители за разныя притѣсненія.

По прибытіи въ Руссу генерала Леонтьева съ четырьмя баталіонами гренадеръ, тамъ, сначала, все утихло. Баталіоны расположены были на улицахъ, бивуаками, что, со стороны Леонтьева, было, конечно, большою ошибкою, такъ какъ жители могли свободно сообщаться съ солдатами и передать имъ свое мятежное настроеніе. Дѣйствительно, спокойствіе, возстановившееся въ городѣ съ приходомъ баталіоновъ 2-й гренадерской дивизіи, продолжалось недолго и скоро мятежь вспыхнулъ съ удвоенною силою: купцы, мѣщане, рабочій баталіонъ, военные поселяне,—все возстало. Стоявшій на площади баталіонъ принца Павла Мекленбургскаго полка, при которомъ находился и самъ Леонтьевъ,—выдалъ мятежникамъ какъ этого генерала, такъ и всѣхъ своихъ офицеровъ ¹⁾; другіе баталіоны, подговоренные

¹⁾ По усмиреніи бунта, нижніе чины этого баталіона отправлены были, за конвоемъ, въ Кронштадтъ; но мы не знаемъ, какое послѣдовало о нихъ распоряженіе.

городскими обывателями и поселянами, послѣдовали примѣру мекленбургцевъ и спокойно смотрѣли, какъ бунтовщики вытаскивали изъ фронта ихъ офицеровъ. Тутъ же началась и кровавая расправа съ несчастными жертвами, большая часть которыхъ была замучена.

Генераль-лейтенантъ Эйлеръ, стоявшій въ это время съ карабинерными баталіонами въ двухъ верстахъ отъ Руссы, конечно, былъ извѣщенъ о трагической смерти Леонтьева и офицеровъ,—но, не надѣясь, вѣроятно, на свои войска, не рѣшился вступить въ бунтующій городъ. Не сходя съ занятой имъ позиціи, онъ отпривилъ въ лагерь приказаніе, чтобы немедленно выступили въ Руссу, форсированнымъ маршемъ, баталіоны графа Аракчеева и наслѣднаго принца прусскаго полковъ, со всею, находившеюся въ лагерь, артиллеріею. Въ то же время баталіону императора австрійскаго полка приказано было слѣдовать въ свой округъ, такъ что въ лагеряхъ оставались одинъ баталіонъ короля прусскаго полка и команды рекрутъ, не только невооруженныхъ, но даже еще и не обмундированныхъ.

Со времени выступления изъ лагеря первыхъ баталіоновъ съ генералами Леонтьевымъ и Эйлеромъ, мы находились въ очень понятномъ тревожномъ ожиданіи—чѣмъ-то кончится это неожиданное возмущеніе поселянъ, возмущеніе, о которомъ до насъ доходили самыя противурѣчивыя слухи. Что причиною бунта была холера—это мы знали; но при какихъ условіяхъ, вслѣдствіе чего вспыхнуло это возмущеніе, чѣмъ именно оно мотивировано,—все это оставалось для насъ тайной....

Азіятская холера,—этотъ страшный бичъ, впервые посѣтившій тогда Европу,—наводила такой ужасъ на все живущее, даже и на людей такъ называемаго образованнаго класса, что немудрено, если народъ темный, полный суевѣрія и предрассудковъ, не въ состояніи былъ объяснить себѣ ни причины заболѣванія, ни тѣхъ мѣръ, какія принимались тогда всюду, въ видахъ предотвращенія распространенія болѣзни. Мѣры эти, впрочемъ, едвали достигали своей цѣли, и обстоятельство это можетъ, до нѣкоторой степени, служить какъ бы извиненіемъ для обезумѣвшихъ поселянъ, видѣвшихъ случаи заболѣванія холерою и мучительной смерти почти непосредственно за медицинскою помощію. Холера, вырывавшая свои жертвы изъ всѣхъ классовъ населенія, съ особенною силою свирѣпствовала въ простомъ народѣ, условія жизни и питанія котораго даже и въ настоящее время такъ неизмѣримо далеки отъ требованій гигиены.

Тѣ изъ начальствующихъ лицъ, которыя ближе стояли къ обитателямъ военныхъ поселеній, не позаботились, къ несчастію, объяснить народу особенности новой болѣзни и убѣдить его въ необходимости

предохранительныхъ мѣръ. Карантинныя оцѣпляли всѣ мѣстности, пораженныя эпидеміею; но вся строгость карантинныхъ правилъ ложилась, почти исключительно, на поселянъ, тогда какъ командиры и всѣ вообще чиновные, кажется, и не считали ихъ обязательными для себя. Тщетно стараясь объяснить внезапность болѣзни и быстроту почти всегда смертельнаго исхода ея, народъ остановился на мысли объ отравленіи его начальствомъ. Подозрѣніе это мгновенно облетѣло поселенные округа. Суровость и тяжесть службы тогдашняго времени, жестокость наказаній, которымъ подвергались поселяне за самые маловажные проступки и упущенія, не мало, конечно, способствовали къ усилению въ нихъ раздраженія и ненависти къ начальствующимъ лицамъ. А тутъ еще, какъ нарочно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начальство распорядилось заблаговременною заготовкою могилъ и гробовъ, на случай большой смертности въ народѣ.... Позднѣе, когда бунтъ былъ въ самомъ разгарѣ, офицеры поселенныхъ баталіоновъ, вынуждаемые пытками и угрозами смерти, давали показанія, что начальство дѣйствительно имѣло намѣреніе отравлять народъ, и этими показаніями какъ бы заранѣе оправдывали дальнѣйшія безчинства мятежниковъ.

Распространенію подозрѣнія въ отравленіи помогали, кажется, также и нѣкоторые злоумышленники, надѣявшіеся, вѣроятно, произвести смуту въ государствѣ именно въ то время, какъ началось польское восстаніе. Такъ, недѣли за двѣ до взрыва бунта, въ село Коростыно явился отставной штабсъ-капитанъ Сверчевскій. Онъ ѣздилъ по окрестнымъ деревнямъ и раздавалъ поселянамъ печатныя прокламаціи. Не упомяну теперь всего текста этого нелѣпаго воззванія къ народу, но начиналось оно такъ:

„Православные христіане, великій народъ русскій! Вы, по добродушію своему, не подозрѣваете, что начальники ваши—злѣйшіе враги ваши, взявшіе съ поляковъ,—съ князя Чарторижскаго, бискупа Высоцкаго и другихъ, большую сумму денегъ, чтобы всѣхъ васъ отравить къ Ильину дню“.... Затѣмъ слѣдовалъ списокъ всѣмъ оставшимся въ резервахъ и въ поселеніи генераламъ и штабъ-офицерамъ и многимъ изъ оберъ-офицеровъ, съ обозначеніемъ кто изъ нихъ сколько получилъ польскихъ денегъ. Эмиссара этого, однако-жь, схватили въ с. Коростынѣ, отобрали у него оставшіеся еще экземпляры прокламацій и вмѣстѣ съ ними отправили въ Петербургъ. Военные поселяне, возившіе его въ столицу, получили по почетному кафтану; но, къ сожалѣнію, выборъ этихъ лицъ сдѣланъ былъ весьма неудачно: они, по возвращеніи изъ Петербурга, вмѣсто того, чтобы успокоить своихъ товарищей и убѣдить ихъ, что задержанный Сверчевскій былъ

дѣйствительно злоумышленникъ, — стали втихомолку рассказывать, будто бы царь объявилъ имъ, что всѣхъ, кто только будетъ отравлять ихъ, — они должны безпощадно избивать....

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что энергическія дѣйствія, твердость и присутствіе духа болѣе крупныхъ представителей власти въ военныхъ поселеніяхъ могли бы сразу подавить мятежъ, не давъ ему развиться до такихъ ужасающихъ размѣровъ. Къ несчастью, такихъ смѣлыхъ людей почти не было; большинство поселеннаго начальства совершенно потеряло голову и, опасаясь отвѣтственности, дѣйствовало крайне нерѣшительно, чѣмъ, конечно, много способствовало развитію бунта... Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

II.

По первой тревогѣ мы были готовы. Гренадеры позапасливѣе — захватили съ собою хлѣба и сухарей, но большинство отправилось налегкѣ, въ надеждѣ, что ротные котлы во-время подѣдутъ къ ночлегу. Двухъ-баталіонный отрядъ нашъ выступилъ изъ лагеря, подъ командою генераль-маіора Томашевскаго. О томъ, что происходило въ это время въ Руссѣ, о тѣхъ страшныхъ сценахъ избіенія офицеровъ — мы ничего еще не знали; вообще, все дѣло представлялось намъ далеко не такимъ серьезнымъ, какимъ оно оказалось въ послѣдствіи, тѣмъ болѣе, что мы не допускали и мысли, чтобы отлично дисциплинированная войска могли возмутиться и оказать явное неповиновеніе начальству.

Не доходя деревни Горцы, намъ стали попадаться на встрѣчу бѣгущіе со всѣхъ сторонъ поселяне — кто съ дубиною, кто съ рогаатиной, а кто и просто съ булыжнымъ камнемъ въ рукахъ или за пазухой. Когда же мы вошли въ деревню, то увидѣли толпу народа человекъ до тысячи, тащившую совершенно голаго и страшно избитаго человека. Несчастный этотъ оказался объѣзднымъ докторомъ. Смысловымъ, котораго поселяне заподозрили въ отравленіи народа. Увѣряя, что онъ ѣздилъ по полямъ, рассыпая по нимъ какое-то зелье, а также отравлявалъ и колодцы, черезъ что люди умирали въ сильныхъ мученіяхъ. Томашевскій приказалъ подать воды изъ отравленныхъ, будто-бы, колодцевъ, пилъ эту воду самъ и всѣмъ намъ предложилъ выпить.

— Не блажите вы, ребята, не слушайте совѣтовъ людей неблагонамѣренныхъ, — уговаривалъ нашъ генераль поселяне.

Но увѣщанія уже не дѣйствовали; возмущеніе разрослось съ та-

вою силою, что словами невозможно было усмирить его. Избитаго Смыслова мы взяли съ собою, и, прикрывъ кое-чѣмъ его наготу, посадили на дрожки и двинулись далѣе. Выйдя изъ деревни Горцы и пройдя версты двѣ полевъ, видимъ — изъ ржи выходитъ человѣкъ въ халатѣ, съ винжаломъ въ рукѣ и умоляетъ спасти его отъ разъяренныхъ поселянъ, которые ищутъ его. Человѣкъ этотъ оказался помощникомъ командира одной изъ поселенныхъ ротъ Барклая-де-Толли полка, — капитаномъ Бирюковымъ. Взяли мы и его въ середину колонны и пошли впередъ, на село Коростыно. Начиная отъ деревни Горлицы до села Коростына, въ которомъ былъ расположенъ штабъ Барклаевского полка, — толпы поселянъ шли, бѣжали, ѣхали, вооруженныя камнями, кольями и косами, и когда мы подошли къ этому селу, — тамъ ужъ собралось до 5,000 человѣкъ. Вся эта толпа неистово кричала, чтобы мы не входили, что они не впускаютъ насъ въ деревню.

Генераль Томашевскій выслалъ впередъ полувзводъ съ офицеромъ, въ родѣ парламентаря, для увѣщанія мятежниковъ. На совѣтъ успокоиться и разойтись по домамъ, и на заявленіе, что, въ противномъ случаѣ, по нимъ будутъ стрѣлять, — обезумѣвшіе поселяне отвѣчали градомъ ругательствъ и, въ свою очередь, предложили намъ убираться во-свояси. Тогда Томашевскій выслалъ 7-ю фузелерную роту нашего полка (графъ Аракчеева), подъ командою капитана Колотинскаго, и приказалъ занять гауптвахту, находившуюся у заставы, при самомъ вѣздѣ въ село... Рота, построенная въ колонну къ атакѣ, стремительно бросилась въ штыки, — толпа отхлынула и гауптвахта была занята. Сдавъ на этотъ постъ избитаго доктора Смыслова и капитана Бирюкова, — отрядъ нашъ вступилъ въ село Коростыно.

Проходя мимо построекъ полковаго штаба, видимъ — оттуда выбѣгаетъ писарь или фельдшеръ, съ крикомъ, что всѣхъ убиваютъ! Но нашъ генераль, Богъ ужъ знаетъ почему, не обратилъ вниманія на это обстоятельство и мы, въ стройномъ порядкѣ, въ ногу и съ барабаннымъ боемъ, прошли все село и остановились уже за версту отъ него, тыломъ къ озеру Ильмену.

Тутъ людямъ данъ былъ отдыхъ; но только что наши солдаты сняли ранцы, какъ мы увидѣли, что изъ Коростына идетъ на насъ толпа поселянъ, человѣкъ въ тысячу.

— Надѣвай ранцы! раздалась команда и отрядъ нашъ перемѣнилъ позицію, построившись фронтомъ къ селу Коростыну, имѣя между баталіонами артиллерію. Затѣмъ скомандовали зарядить орудія и ружья...

Не доходя шаговъ ста до отряда, толпа остановилась и изъ среды

ея вышелъ мужикъ съ повязаннымъ черезъ лѣвое плечо полотенцемъ. Очевидно, это былъ парламентаръ, и, дѣйствительно, онъ не замедлилъ обратиться къ отряду съ рѣчью.

— Господа служивые! Намъ и вамъ остается жить только до Ильина дня! Ваши и наши начальники взяли съ поляковъ деньги, чтобъ извести всѣхъ насъ. Не выдавайте насъ, братцы, а мы васъ не выдадимъ!—крикнулъ онъ въ заключеніе.

Въ отвѣтъ на это воззваніе послѣдовала команда артиллеріи дать залпъ картечью, а изъ баталіоновъ вызваны были стрѣлки; но едва только эти послѣдніе разсыпались, какъ артиллеристы закричали имъ:

— Если вы сдѣлаете выстрѣлъ, то мы засыплемъ васъ картечью! и съ этими словами потушили фитили.

Начальникъ артиллеріи, полковникъ Грязновъ, бросился къ своимъ артиллеристамъ:

— Опомнитесь, братцы! что вы дѣлаете! вспомните вашу присягу!..

Но смута успѣла уже проникнуть и въ нашъ отрядъ. Еще мгновеніе — и, можетъ быть, оба баталіона послѣдовали бы примѣру артиллеріи, а затѣмъ и всѣхъ насъ, офицеровъ, постигла бы та же участь, какую уже испытали многіе изъ нашихъ несчастныхъ сослуживцевъ. Генералъ Томашевскій понялъ, что это мгновеніе должно рѣшить вопросъ о жизни и смерти всего, что носило эполеты... Онъ выбѣжалъ впередъ, выхватилъ изъ рукъ фланговаго гренадера баталіона графа Аракчеева полка, Хорунги, ружье, и приложился... выстрѣлъ грянулъ,—парламентаръ мятежниковъ зашатался и, какъ свонъ, упалъ на землю: пуля попала въ самое сердце. Вслѣдъ затѣмъ слышались выстрѣлы и въ цѣпи, хотя стрѣлки наши и стрѣляли вверхъ. Толпа поселянъ заколыхалась и начала отступать. Сначала она медленно отходила назадъ, но скоро отступленіе перешло въ бѣгство. Отрядъ нашъ двинулся за бѣгущими и снова вступилъ въ Коростыно. Кучка поселянъ засѣла въ казенномъ саду и встрѣтила насъ градомъ каменьевъ; просвистало даже нѣсколько пуль, никого, впрочемъ, не задѣвшихъ. Такъ какъ солдаты наши или не хотѣли стрѣлять, или же палили вверхъ, то многіе офицеры выхватывали у нихъ ружья и стрѣляли въ садъ; но выстрѣлы эти не наносили, по всей вѣроятности, никакого вреда мятежникамъ, прикрытымъ густою чащей деревь,—хотя послѣ они и увѣряли, что у нихъ было ранено около восьми человекъ. Чтобъ еще болѣе уstrasшить смятенную уже толпу, Томашевскій вызвалъ впередъ орудіе и приказалъ сдѣлать выстрѣлъ вдоль улицы. Тяжелое орудіе, запряженное въ шесть лошадей, выѣхало на дорогу; но, при поворотѣ на узкомъ полотнѣ шоссе, передокъ соскочилъ, какимъ-то образомъ, со шворня и пушка застря-

ла поперегъ дороги, загородивъ собою путь. Эта очень простая случайность едва не повлекла за собою горестныхъ послѣдствій. Наступавшіе сзади баталіоны, наткнувшись на орудіе, — шархнулись назадъ. Произошла суматоха, среди которой передніе ряды, напieraемые задними, валялись; наступавшіе, въ свою очередь, толклись на мѣстѣ, падали, смятые напоромъ, и вдругъ, подъ вліяніемъ какой-то необъяснимой паники, вся эта масса бросилась бѣжать...

Положеніе офицеровъ выходило очень критическое. Нѣкоторые изъ нихъ были увлечены толпою въ общемъ бѣгствѣ; другіе же съ недоумѣніемъ столпились около орудія; но скоро и эти, не желая попасть въ руки ожесточенныхъ мятежниковъ, послѣдовали за разбѣжавшимся отрядомъ.

Когда мы выбѣжали изъ села и очутились въ полѣ, то увидѣли, что весь нашъ отрядъ храбрыхъ гренaдеръ разсыпался по полю, за сѣянному рожью; пришлось употребить въ дѣло горнистовъ, чтобы собрать это разсѣявшееся стадо. Когда, наконецъ, всѣ были собраны и оставленное орудіе выручено изъ позорнаго плѣна, — мы двинулись далѣе, по дорогѣ въ Руссу. Отошли мы, однако, не далеко: наступала уже ночь и люди, находившіеся въ походѣ съ ранняго утра, были крайне утомлены; пришлось остановиться на ночлегъ. Выбравъ позицію, расположили баталіоны въ боевомъ порядкѣ, выставивъ впередъ цѣпь и дежурное орудіе. Не успѣли мы еще заснуть и успокоиться послѣ всѣхъ впечатлѣній дня, какъ были разбужены пушечнымъ выстрѣломъ. Весь отрядъ вскочилъ, ударили тревогу... Но весь переполохъ оказался дѣломъ забавнаго недоразумѣнія: нашему генералу, проведенному такой нехорошій день, померещилось во снѣ, что мятежники берутъ приступомъ нашу позицію. Онъ вскочилъ, бросился въ дежурному орудію, заряженному ядромъ, и приказалъ сдѣлать выстрѣлъ. Откомандировали, вслѣдъ затѣмъ, на рекогносцировку, роту, которая возвратилась на бивуакъ только съ разсвѣтомъ, проходивши всю ночь и не выдавъ ничего, кромѣ стада барановъ, мирно пасшaгося невдалекѣ отъ нашего отряда. Располагаться снова на отдыхъ было уже некогда, такъ какъ совсѣмъ разсвѣло, и потому мы поднялись съ позиціи и двинулись въ путь.

III.

Не доходя пяти верстъ до Старой Руссы, генераль Томашевскій остановилъ свой отрядъ и послалъ офицера къ Эйлеру съ извѣщеніемъ о нашемъ прибытіи и о случившимся съ нами въ с. Коростынѣ. Въ отвѣтъ на это донесеніе, Эйлеръ предписалъ Томашевскому оставаться на мѣстѣ и ожидать особаго приказанія; если же намъ случится имѣть дѣло съ мятежниками, то стараться дѣйствовать на нихъ убѣжденіями и только въ самомъ крайнемъ случаѣ употреблять оружіе.

Весь переходъ отъ лагеря подъ Князьимъ Дворомъ до Старой Руссы,—почти 60 верстъ,—мы сдѣлали въ полтора дня, на однихъ сухаряхъ, да и тѣ были далеко не у всѣхъ, такъ что, при раздѣлѣ ихъ между людьми, каждому досталось очень немного. Само-собою разумѣется, всѣ мы были страшно голодны и несказанно обрадовались, когда на нашу новую позицію подвезли хлѣба и крупы. Тотчасъ же отрядъ расположился варить кашу; но, къ несчастью, намъ и на этотъ разъ не удалось пообѣдать. Только что стала закипать наша каша, какъ прилетѣлъ гонецъ отъ генерала Эйлера, съ приказаніемъ немедленно слѣдовать обратно въ лагерь. Дѣлать было нечего, ранцы за спину и двинулись въ походъ; кашу же велѣно доварить и въ котлахъ, на телѣгахъ, доставить на приваль, гдѣ, дѣйствительно, мы и утолили свой страшный аппетитъ, вызванный такимъ усиленнымъ переходомъ.

Надо сказать, что лѣто 1831 года было невыносимо жарко; притомъ же, вслѣдствіе многочисленныхъ пожаровъ окрестныхъ лѣсовъ, въ воздухѣ стояла постоянная дымная мгла, сквозь которую солнце казалось раскаленнымъ багровымъ шаромъ; запахъ гари былъ до такой степени силенъ, что съ трудомъ можно было дышать. Подобное состояніе воздуха, въ связи съ свирѣпствовавшей холерою и неистовствами обезумѣвшихъ поселянъ, наводило на всѣхъ насъ тяжелую тоску. При такихъ-то условіяхъ былъ сдѣланъ нами сто двадцати-верстный переходъ въ три дня.

На разсвѣтъ 19-го іюля 1831 г. подходили мы, наконецъ, къ лѣвому флангу своего лагеря, въ полной увѣренности отдохнуть отъ форсированнаго марша, разныхъ передрягъ и сильныхъ впечатлѣній. Переходя одинъ изъ небольшихъ мостовъ по дорогѣ въ лагерь, мы замѣтили лежащій въ придорожной канавѣ обезображенный трупъ челоуѣка, въ одной разорванной сорочкѣ. Бросились къ нему—и узнали майора Барклаевскаго полка Маковского, который оставался въ лагерьѣ при рекрутскихъ командахъ... Сердце невольно сжалось отъ

предчувствія чего-то неладнаго. Идемъ дальше, подходимъ къ лагерю ближе и ближе, и видимъ, что люди выбѣжали на линейку и толпятся въ беспорядкѣ. Тогда подошелъ къ намъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ, оставшійся въ лагерѣ, и объяснилъ, что мятежные крестьяне Свинарѣцкой волости ¹⁾, вмѣстѣ съ крестьянами другихъ окрестныхъ деревень, принадлежавшихъ къ округу полка Барклай-де-Толли, сдѣлали, наканунѣ нашего прихода, набѣгъ на лагерь, разграбили офицерскія палатки, перевернули все вверхъ дномъ, убили нѣсколькихъ офицеровъ и, только слышавъ барабанный бой подходившаго къ лагерю отряда, — разбѣжались.

Съ перваго раза для насъ было совершенно непонятно — какимъ образомъ мятежники могли разграбить лагерь и убить нѣсколькихъ человекъ, когда въ немъ оставался цѣлый баталіонъ гренадерскаго короля прусскаго полка! Но скоро дѣло разъяснилось. Баталіономъ этимъ командовалъ полковникъ Зволынскій, — личность довольно характерная и заслуживающая того, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Ветеранъ польскихъ войскъ, участвовавшій въ осадѣ Сарагоссы и бывшій въ послѣдствіи комендантомъ крѣпости Модлина, Зволынскій сдалъ эту крѣпость русскимъ войскамъ и явился къ императору Николаю Павловичу съ повинною головою, которую, какъ извѣстно, — и мечъ не сѣчетъ. За сдачу крѣпости и выказанное разскажаніе, Зволынскій получилъ резервный баталіонъ короля прусскаго полка.

По выступленіи нашего отряда изъ лагеря, туда дошли откуда-то слухи, что дѣло въ Руссѣ очень плохо; что посланнныя туда войска не въ состояніи усмирить бунтъ, и что, вообще, возмущеніе грозитъ скоро принять такіе размѣры, что для восстановленія спокойствія понадобятся немалыя военныя силы. Обдумавъ это, Зволынскій рѣшился, что называется, сдѣлать себѣ карьеру...

— Брошусь, молъ, съ своимъ баталіономъ въ эту сумятицу и сумѣю сдѣлать многое тамъ, гдѣ эти москали и нѣмцы только пакостятъ.

Вздумано — сдѣлано. Не имѣя никакого приказанія и не принявъ во вниманіе, что въ лагерѣ остаются однѣ нестройныя, безоружныя и даже необмундированныя команды рекрутъ, герой Сарагоссы поднялъ свой баталіонъ и выступилъ въ Руссу, на выручку къ намъ. Но пройдя половину пути, онъ вдругъ повернулъ назадъ. Сообразилъ ли, что сдѣлалъ страшную неловкость, бросивъ на произволъ судьбы

¹⁾ Свинарѣцкая волость не входила, собственно, въ составъ военнаго поселенія; крестьяне ея оставались на прежнемъ положеніи, такъ сказать — незабртыми, и носили названіе военныхъ работниковъ, обязанныхъ обжигать извѣсть на все поселеніе.

порученный ему лагерь, побоялся ли ответственности за произвольное распоряженіе, Богъ ужъ знаетъ, но только онъ пошелъ обратно въ лагерь, куда и возвратился лишь за полчаса до нашего прибытія.

Между тѣмъ, мятежники, узнавъ какъ-то о выходѣ прусскаго баталіона, ворвались въ лагерь, начали грабить офицерскія палатки и убили при этомъ маіора Барклаевскаго полка Маковскаго и прикомандированнаго изъ арміи полковника Неймана. Такая же участь постигла бы, вѣроятно, и всѣхъ другихъ офицеровъ, остававшихся въ лагерь, если бы прибытіе—сперва баталіона Зволынскаго, а потомъ и нашего отряда не заставило мятежниковъ поспѣшно разбѣжаться.

На празомъ флангѣ лагеря, на мѣстѣ Австрійскаго полка, былъ учрежденъ карантинъ, въ который, по случаю холерной эпидеміи, поступали, для окурки, на три дня, всѣ вновь прибывшія партіи рекрутъ. Карантиномъ этимъ завѣдывалъ капитанъ нашего (графа Аракчеева) полка Джонсонъ. Хозяйничавшая въ лагерь мятежническая орда ворвалась въ карантинъ и принялась за бѣднаго Джонсона, потребовавъ отъ него ядъ, которымъ онъ отравляетъ людей; но такъ какъ у него не оказалось подобнаго снадобья, то его заставили съѣсть банку горчицы, выпить ваксу, попробовать чернилъ и все это запить квасомъ. Не довольствуясь этимъ, мятежники раздѣли, до рубашки, капитана, связали ему руки и ноги и, продѣвъ на палку, какъ баранью тушу, понесли въ деревню Княжій Дворъ и бросили у забора, подъ присмотромъ особаго караула. Тутъ Джонсонъ пролежалъ до полуночи, когда солдаты армейскаго егерскаго баталіона, переправившагося черезъ рѣку Шелонъ и проходившаго эту деревню, услышали стоны и выручили его изъ этого положенія.

Сдѣлавъ это необходимое отступленіе, такъ какъ иначе трудно было бы понять возможность разграбленія лагеря, возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Лишь только баталіоны нашего отряда успѣли вступить на свои мѣста и снять ранцы, какъ вдругъ среди артиллеристовъ поднялись крики, что начальство ихъ отравляетъ, и что уже нѣсколько чловѣкъ изъ нихъ умерло. Дѣйствительно, въ это время пронесли въ лагерь нѣсколько чловѣкъ заболѣвшихъ артиллеристовъ.

Утомительный переходъ полуголодныхъ людей, питавшихся въ теченія двухъ сутокъ почти одними сухарями и принужденныхъ во время пути, въ сильную жару, пить не всегда свѣжую воду, очень естественно подѣйствовалъ на здоровье нѣкоторыхъ солдатъ. Но въ подобныя минуты люди остаются глухи ко всѣмъ объясненіямъ. Холера свирѣпствовала; всѣ видѣли, что никакія средства не помогаютъ, что народъ валится и гибнетъ въ страшныхъ мученіяхъ, прежде чѣмъ

соберутся подать какую либо помощь заболѣвшимъ. Были нѣрѣдки случаи, что заболѣвшіе холерою умирали во время переноски въ лазаретъ, куда не разъ приносили уже почернѣвшіе трупы. Не мудрено, поэтому, что крики объ отравленіи и видъ корчившихся въ судорогахъ людей, приносимыхъ въ лазареты, подѣйствовали и на нашихъ гренадеръ: они заколебались и въ рядахъ ихъ послышался ропотъ.

Генераль Томашевскій, не успѣвшій еще сойти съ лошади, подсакалъ къ линейкѣ и съ горячностью обратился къ солдатамъ нашего баталіона, называя ихъ бунтовщиками, ослушниками, измѣнниками присягѣ...

— Надѣвай ранцы! — крикнулъ онъ вслѣдъ затѣмъ. — Маршъ въ округъ!

— Ведите ихъ домой! — приказалъ онъ баталіонному командиру.

Хотя ропотъ и несразу утихъ, но, по привычкѣ къ дисциплинѣ, гренадеры повиновались, надѣли ранцы, и мы, усталые до изнеможенія и страшно голодные, вышли изъ лагеря. На десятой верстѣ отъ лагеря мы сдѣлали привалъ и весь отрядъ заснулъ какъ убитый. Переправясь затѣмъ черезъ Шелонь у станціи Мшаги, мы оставили въ этомъ пунктѣ полувзводъ гренадерской роты, подъ командою поручика Пушкина, чтобы не допустить мятежниковъ завладѣть переправою. Когда этотъ полувзводъ переѣзжалъ рѣку, вмѣстѣ съ нимъ переправлялся на паромѣ солдатъ рабочаго баталіона; желая отдать офицеру честь, онъ поднялъ руку, чтобы снять фуражку, и въ это время изъ-за обшлага шинели выронилъ какую-то бумажку. Пушкинъ поднялъ ее, развернулъ и увидѣлъ крестъ *pour le mérite*, который наканунѣ сорванъ былъ съ полковника Неймана, замученнаго мятежниками, грабившими нашъ лагерь. Солдатъ этотъ былъ, конечно, тутъ же арестованъ и препровожденъ въ лагерь.

Тяжелые часы провели мы на привалѣ. Пока утомленный длиннымъ переходомъ баталіонъ спалъ мертвымъ сномъ, офицеры, съ унылыми физиономіями, собрались около своего командира, подполковника Сорокина, и тихо говорили о только что минувшихъ событіяхъ, передавая другъ другу пережитыя впечатлѣнія. Часу въ 5-мъ вечера мы стали замѣчать движеніе въ баталіонѣ; люди перебѣгали изъ одной роты въ другую и, какъ видно, горячо о чемъ-то говорили. Наконецъ, весь баталіонъ поднялся; застегнули шинели и начали строиться передъ ружьями. Подъ впечатлѣніемъ недавнихъ спенъ безпорядка, мы были настроены не совсѣмъ спокойно, и потому баталіонный командиръ послалъ меня узнать о причинѣ движенія въ баталіонѣ.

Я подошелъ къ ротамъ и спросилъ — что ихъ побудило подняться

и выстроиться безъ приказанія? Нѣсколько голосовъ отвѣтили мнѣ, что баталіонъ желаетъ говорить съ командиромъ, и вслѣдъ затѣмъ вся колонна въ порядкѣ двинулась къ палаткѣ Сорокина, котораго я едва успѣлъ предупредить объ этомъ. Сорокинъ тотчасъ всталъ и вмѣстѣ со всѣми офицерами пошелъ на встрѣчу къ баталіону, оставивъ его и спросилъ.

— Что нужно, ребята?

Изъ средней шеренги вышелъ бородинскій гренадеръ Максимовъ.

— Покорнѣйше прошу ваше высокоблагородіе, — сказалъ онъ, — дозволить мнѣ говорить отъ имени баталіона.

— Ну, говори, въ чемъ дѣло? — отвѣтилъ баталіонный командиръ.

— Господинъ генераль-маіоръ Томашевскій, — началъ Максимовъ, — несправедливо изволили на насъ прогнѣваться и обругали насъ, назвавъ подлецами, бунтовщиками и ослушниками царской присяги, и наконецъ прогнали насъ изъ лагеря. Съ такимъ позорнымъ для солдата именемъ, — продолжалъ почтенный гренадеръ, — баталіонъ не желаетъ идти въ округъ, и мы просимъ ваше высокоблагородіе дозволить намъ послать изъ каждой роты по два человѣка къ генералу Томашевскому, съ просьбою снять съ насъ тѣ обидныя названія, которыя мы вовсе не заслужили, и объявить его превосходительству, что мы всегда готовы исполнять приказанія своихъ начальниковъ. Мы, ваше высокоблагородіе, — добавилъ Максимовъ, — готовы идти въ какой угодно огонь, но только чтобы артиллеристы не стращали нашихъ молодыхъ солдатъ засыпать картечью.

Сорокинъ поблагодарилъ за готовность повиноваться и приказалъ выбрать депутатовъ, которые должны быть посланы къ генералу Томашевскому.

Признаюсь, со всѣхъ насъ точно свалилась какая-то тяжесть. Видя недавнее движеніе въ баталіонѣ, мы опасались, что духъ мятежа проникъ уже и въ наши ряды, и что, пожалуй, не далека минута, когда солдаты бросятся на насъ и повторятся сцены Старо-Русскихъ убійствъ. Теперь, къ счастью, все объяснилось и видъ нашего бивуака мгновенно измѣнился: вмѣсто угрюмыхъ фигуръ и недовѣрчиваго шепота, — всюду были видны веселыя лица, громкій говоръ, а подчасъ даже и смѣхъ.

Вскорѣ лошади были готовы и я, исполнявшій тогда должность баталіоннаго адъютанта, отправился съ депутатами въ лагерь, куда мы пріѣхали около полуночи.

Съ трудомъ пробрались мы съвозъ цѣпь и караулъ, выставленный передъ лагеремъ. Явился къ намъ дежурный по лагерю и, узнавъ о причинѣ нашего пріѣзда, отправился съ докладомъ къ генералу То-

машевскій не замедлилъ явиться, въ сопровожденіи цѣлой толпы тѣлохранителей, въ полной лагерной формѣ.

— Что вамъ нужно? обратился онъ ко мнѣ.

— Депутаты резервнаго баталіона графа Аракчеева полка желаютъ говорить съ вашимъ превосходительствомъ,—отвѣтили я.

Генераль обратился съ такимъ же вопросомъ къ выбраннымъ изъ ротъ нашего баталіона и тѣ передали ему свою просьбу.

— Ваше превосходительство! сказали они подъ конецъ: лучше пошлите насъ Варшаву брать, чѣмъ въ округъ.

Подумавъ немного, Томашевскій отвѣчалъ:

— Завтра возвратится изъ-подъ Руссы генераль-лейтенантъ Эйлеръ; я доложу ему объ этомъ, и чѣмъ онъ рѣшитъ ваше дѣло—дамъ вамъ знать; теперь же отправляйтесь обратно.

Съ такимъ неопредѣленнымъ отвѣтомъ поѣхали мы къ своему баталіону, куда и прибыли почти на зарѣ; но несмотря, однако-жъ, на позднюю пору, никто на нашемъ бивуакѣ не спалъ и возвратившіеся депутаты тотчасъ же были окружены своими товарищами, съ нетерпѣніемъ ожидавшими узнать послѣдствія поѣздки.

Передаанный нами отвѣтъ—„ждать особаго приказанія“—принятъ былъ не совсѣмъ сочувственно. Гренадеры понурились, угрюмо бродили съ мѣста на мѣсто, изрѣдка переговариваясь другъ съ другомъ; никто не ложился спать, всѣ ждали этого „особаго приказанія“. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, видимъ—пылится по дорогѣ какой-то всадникъ. Вѣстникъ этотъ оказался фурштатомъ, привезшимъ приказаніе отъ генерала Эйлера: оставить баталіону ранды на мѣстѣ и форсированнымъ маршемъ спѣшить въ село Велебицы. Село это лежитъ на рѣкѣ Шелони, въ 9-ти верстахъ отъ станціи Мшаги; въ то время въ немъ находился казенный складъ спирта—до 100,000 ведеръ. Эйлеръ опасался, что мятежники бросятся туда и, конечно, не замедлятъ попользоваться соблазнительнымъ казеннымъ добромъ.

Баталіонъ нашъ быстро поднялся и, черезъ $\frac{1}{4}$ часа, мы, хотя и голодные, но бодрые, усиленно шагали по направленію къ Велебицамъ. Не доходя до этого села 4-хъ верстъ, встрѣчаемъ какого-то военного чиновника, съ цѣлымъ семействомъ, который бросился къ офицерамъ съ крикомъ:

— Вы мои спасители! помогите мнѣ!

Это былъ винный приставъ при казенномъ подвалѣ. Изъ разсказовъ его мы узнали, что крестьяне Свинарѣцкой волости,—какъ ближайшей къ винному складу,—намѣрены, въ скоромъ времени, разграбить его и затѣмъ слѣдовать на село Медвѣдь, гдѣ расположенъ былъ 1-й карабинерный полкъ, взбунтовать его и идти на Новгородъ.

Насколько были вѣрны предположенія виннаго пристава—намъ не приходилось разбирать; но мы усилили маршъ и скоро подошли къ Велебицамъ и одѣлили село. Комендантомъ этого пункта назначенъ былъ капитанъ Джонсонъ, пострадавшій отъ мятежниковъ и, конечно, сильно озлобленный противъ нихъ. Въ скоромъ времени онъ представилъ на позицію баталіона, расположившагося у самыхъ подваловъ, двухъ парламентаровъ, посланныхъ изъ Свинарѣцкой волости къ нашему баталіону. Суровый допросъ заставилъ этихъ посланцевъ сознаться, что имъ поручено разузнать—будутъ-ли наши солдаты стрѣлять по мятежникамъ, когда тѣ придутъ. Депутатовъ этихъ связали и отправили, подъ конвоемъ, въ лагерь.

Между тѣмъ, винный приставъ, обрадованный приходомъ нашего баталіона и считавшій насъ своими избавителями, распорядился выставить баталіону двадцать ведеръ водки, тушу говядины, куръ и т. п. Зажгли костры, закипѣли котлы и пошелъ пиръ... Къ вечеру того же дня, изъ передовой цѣпи доставили еще двухъ парламентаровъ отъ Свинарѣцкой волости, посланныхъ для переговоровъ къ баталіону. Посланцы эти также были связаны и отправлены въ лагерь.

Черезъ четыре дня, которые мы простояли подъ Велебицами, получено было распоряженіе Эйлера, чтобы офицеры, прикомандированные къ резервамъ, были немедленно отправлены къ своимъ мѣстамъ. Изъ всѣхъ офицеровъ нашего баталіона я былъ единственный, до котораго относилось это распоряженіе. Дѣлать было нечего, пришлось разстаться съ своими товарищами и отправиться въ путь. На подъемныхъ лошадяхъ я доѣхалъ до станціи Мшаги и обратился къ находившемуся тамъ исправнику Нелидову, съ просьбою дать мнѣ какихъ-либо лошадей. (Подорожной у меня не было, а въ то время, — вѣдущему безъ нея почтовыхъ лошадей не давали). Но исправникъ объявилъ, что, по случаю смутнаго времени, не можетъ снабдить меня обывательскими лошадьми, и совѣтовалъ не оставаться долго на станціи, а постараться уѣхать поскорѣе.

— Богъ вѣсть, — прибавилъ онъ, — чѣмъ-то еще покончится вся эта исторія.

Съ помощью Нелидова, бывшаго моего сослуживца по бригадѣ, мнѣ удалось, наконецъ, нанять, за двойные прогоны, почтовыхъ лошадей и отправиться въ Новгородъ. Подѣзжая къ городу, я былъ остановленъ пикетомъ Ямбургскаго уланскаго полка, пропустившимъ меня не прежде, какъ по предъявленіи мною предписанія.

IV.

Въ Новгородѣ я остановился въ корпусномъ штабѣ, у знакомаго адъютанта Хоминскаго. Въ городѣ также все было въ сильной тревогѣ. Мой знакомый адъютантъ, у котораго я остановился, да и всѣ почти служащіе въ штабѣ уходили ночевать въ другія мѣста, оставляя меня какъ-бы на жертву, — если-бы осуществились опасенія ихъ на счетъ бунта. Не желая долго засиживаться въ Новгородѣ, да и считая себя обязаннымъ отправиться по назначенію, — я на другой-же день нанялъ лодку и пустился внизъ по Волхову, къ своему разграбленному пепелищу. Какъ теперь помню, въ воскресеніе причалила моя лодка къ берегу и я вышелъ изъ нея съ смутнымъ чувствомъ ожиданія чего-то недобраго. Поселяне и жены ихъ, одѣтые въ праздничные наряды, „дѣлали прогулку“.

Увидя меня, нѣкоторые изъ нихъ обратились съ вопросомъ:

— Какъ, ваше благородіе, — вы еще живы?

— Богъ не выдастъ, — свинья не съѣстъ! отвѣчалъ я.

Прійдя въ свою квартиру, я былъ пораженъ; стекла въ окнахъ всѣ выбиты; мебель обращена въ щепы; имущества — никакого! Такъ какъ въ моей квартирѣ оставалась находившаяся у меня въ услуженіи женщина, то многіе изъ офицеровъ, при выходѣ въ лагерь, оставили тамъ, на сохраненіе, нѣкоторыя вещи; теперь ничего этого не было — все расхищено.

Отправился я розыскивать своихъ сослуживцевъ, оставшихся въ живыхъ, и нашелъ ихъ въ печальномъ положеніи: нравственно убитые, обстриженные подъ гребенку и одѣтые въ какіе-то невозможные костюмы, — это въ солдатской шинели, кто въ армякѣ или полушубкѣ... Отъ нихъ я узналъ подробности...

— Теперь поселяне хотятъ, — добавилъ одинъ изъ нихъ, — и съ остальными порѣшить.

Въ виду этого, мы ежеминутно были готовы къ отраженію нападенія, а на ночь уходили подъ защиту кантонистовъ военно-учительскаго института, которые, за спасеніе своего капитана, были произведены государемъ въ унтеръ-офицеры, а учителя ихъ въ офицеры. Эта молодежь, почти мальчики, въ теченіи нѣсколькихъ дней содержала караулъ, съ заряженными ружьями, а по ночамъ — высылала патрули. Можно себѣ представить, какъ спокойно проводили мы эти ночи! Прошло нѣсколько дней. Разъ ночью — слышимъ барабанный бой. Всѣ мы, разумѣется, вскочили, вооружились чѣмъ попало и ждали нападенія, рѣшась дорого продать свою жизнь. Къ счастью, наша тревога оказалась напрасною: поселяне и не думали нападать, а пришла

рота армейскаго егерскаго полка, которая тотчасъ же и заняла вездѣ караулы; на другой день прибылъ эскадронъ гвардейскихъ егерей и десять человекъ казаковъ. Тогда мы совсѣмъ ожили.

Спустя недѣлю послѣ этого, получено было отъ генераль-адъютанта графа Орлова приказаніе—выслать къ нему, въ Новгородъ, депутатовъ отъ каждой поселенной роты по два человека. Депутаты были выбраны и на меня возложили порученіе отвезти ихъ въ Новгородъ и представить графу.

Когда я, съ своею командою, по приѣздѣ въ Новгородъ, явился въ корпусной штабъ, гдѣ жилъ Орловъ,—то увидѣлъ, что депутаты отъ всѣхъ другихъ округовъ были уже тамъ и ожидали приѣзда графа изъ Старой Руссы. Наконецъ, онъ приѣхалъ и не замедлилъ, у себя, въ приемной залѣ, перебрать, по очереди, всѣхъ депутатовъ. Дошелъ чередъ и до Аракчеевскаго полка. Войдя въ залу, я выстроилъ своихъ людей противъ огромныхъ дубовыхъ дверей, ведущихъ въ кабинетъ графа. Минуты три была могильная тишина; вдругъ, съ шумомъ и трескомъ растворились двери и Орловъ быстрыми шагами подошелъ къ моему печальному фронту.

— Злодѣи, разбойники! громко заговорилъ онъ. Именемъ нашего императора приказываю выдать тѣхъ злодѣевъ, которые обагрили руки въ крови своихъ невинныхъ начальниковъ!.. Въ противномъ случаѣ—артиллерію, пѣхоту, и изъ васъ и вашихъ семействъ сдѣлаю пыль! Чтобы завтра же, къ 12-ти часамъ дня, были здѣсь! Вонъ! разбойники! крикнулъ подъ-конецъ онъ и вышелъ изъ залы.

Въ эту минуту было уже четыре часа пополудни; отъ Новгорода до нашего округа было 70 верстъ, считая же въ оба конца—140 верстъ; поэтому я обратился къ бывшему при Орловѣ адъютантомъ князю Долгорукову (въ послѣдствіи военный министръ) съ просьбою доложить графу, что нѣтъ никакой возможности поспѣть къ назначенному имъ времени. Вслѣдствіе этого, Орловъ приказалъ, черезъ Долгорукаго, чтобы главные виновники бунта были представлены ему никакъ не позже 7-ми часовъ вечера слѣдующаго дня.

Чуть не бѣгомъ вышли мы изъ корпуснаго штаба и безмолвно спѣшили до заставы, гдѣ находились наши подводы. По приѣздѣ въ округъ, на разсвѣтѣ, я представился съ своею командою исправляющему должность окружнаго командира, капитану Зацѣпину, который, подтвердивъ приказаніе графа Орлова, распустилъ моихъ депутатовъ по домамъ на нелегкое дѣло—выбрать наиболѣе виновныхъ изъ массы виноватыхъ.

Чтобы объяснить, какимъ образомъ капитанъ Зацѣпинъ попалъ въ

окружные командиры, я, по необходимости, долженъ сдѣлать здѣсь отступление.

Защѣпникъ исполнялъ должность казначея поселеннаго баталіона графа Аракчеева полка и былъ командированъ въ Петербургъ, для получения казенныхъ денегъ. За день до взрыва бунта, онъ возвратился въ округъ, сдалъ принятые имъ деньги—16,000 руб.—окружному командиру, подполковнику Писареву, подъ росписку, и когда вспыхнулъ мятежъ,—ухитрился, какими-то судьбами, скрыться и, пробравшись въ Петербургъ, явился къ государю.

Перебивъ свое начальство, поселяне сочли долгомъ отслужить благодарственный, съ водосвятиемъ, молебенъ о благополучномъ окончаніи дѣла.

Тѣла убитыхъ офицеровъ,—въ числѣ одиннадцати человекъ,—были похоронены въ двухъ общихъ могилахъ. При этомъ, одинъ изъ брошенныхъ въ могилу страдальцевъ, сочтенный убитымъ,—командиръ 1-й поселенной роты, капитанъ Тутковичъ,—очнулся и, приподнавшись изъ-подъ груды наваленныхъ на него труповъ, обратился къ поселянамъ съ словами:

— Помните! что вы дѣлаете!

Но обезумѣвшіе мятежники не обратили вниманія на эти слова и Тутковичъ живой былъ засыпанъ землею; только передъ тѣмъ, одинъ изъ поселянъ, замѣтивъ на немъ золотой крестъ, надѣтый при крещеніи, сорвалъ съ него и спряталъ у себя за-пазухой...

Изъ оставшихся въ живыхъ офицеровъ, на мѣсто убитаго командира округа, подполковника Писарева, выбранъ былъ поселянами инвалидный офицеръ Леонтьевъ; изъ своей же среды они избрали четырехъ депутатовъ и отправили съ нижеслѣдующимъ прошеніемъ къ государю:

Августѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь! ¹⁾ 17-го числа сего мѣсяца, чрезъ содержащейся карантинъ на лѣвомъ флангѣ 4-й поселенной роты, проѣхали, по-полудни въ 4 часа, изъ Прусскаго округа дрожки и коляска, запряженныя по три лошади, и сзади, на верховой лошади, офицеръ, каковыя экипажи, по усиленному крику офицера, проѣхали чрезъ карантинъ поспѣшно, ибо оныхъ не было возможности остановить, потому что караулъ, по случаю рабочаго времени, былъ содержимъ средняго возраста кантонистами, и въ штабѣ, по приказанію баталіоннаго командира, подполковника Писарева, тотчасъ переправлены, черезъ перевозъ, на ту сторону рѣки Волхова. Но спустя послѣ того съ часъ времени, ѣхалъ оттуда же верхомъ на лошади баталіонный командиръ майоръ Яцковскій и не былъ пропущенъ унтеръ-офицеромъ,

¹⁾ Привожу точный текстъ подлиннаго прошенія, съ исправленіемъ только правописанія.

содержащимъ карантинъ въ оной ротѣ, по той причинѣ, что за онымъ гнались прусскіе поселяне и кричали остановить его, за что командиръ 4-й поселенной роты, майоръ Покровскій, грозилъ унтеръ-офицеру Егору Михайлову наказаньемъ, за то, что не пропустилъ; но когда вооруженные поселяне того полка говорили, что сей офицеръ есть мошенникъ, и, взявъ его съ собою, повели обратно въ свой округъ. А 18-го числа поутру, около 10-ти часовъ, когда посланы были шесть человѣкъ военныхъ поселянъ на двухъ парахъ для розыска двухъ помянутыхъ экипажей и офицера, но по прибытіи въ штабъ гренадерскаго графа Аракчеева полка были оныя задержаны подполковникомъ Писаревымъ и отданы подъ арестъ на гауптвахту полковаго штаба, гдѣ пробывъ оныя люди до самаго вечера, вынужденными нашлись поселяне прусскіе ѣхать для взятія своихъ товарищей изъ-подъ ареста. Того же числа, по полудни въ 8¹/₂ часовъ, по поводу происходившаго въ ихъ округѣ отравленія людей ядомъ, подъ видомъ свирѣпствовавшей болѣзни, называемой холерою, соединясь обще съ нами, прибывъ въ округъ нашъ, настоятельнымъ образомъ требовали о семъ объясненія отъ командира поселеннаго баталіона, подполковника Писарева, опасаясь, дабы не подвергнуть себя таковой же участи, каковая сопровождаетъ безпрерывно товарищей нашихъ Прусскаго округа.

По спросѣ ихъ, подполковникъ Писаревъ и старшій лекаръ коллежскій ассесоръ Лебедевъ, обще съ штабъ-капитаномъ Трохневымъ, дали подписку, въ которой объяснили, что 7-го іюля было опредѣлено комитетомъ, составленнымъ изъ высшаго начальства, въ Прусскомъ округѣ, поморить всѣхъ безъ изъятія въ баталіонѣ людей, для чего, по прибытіи, ротнымъ командирамъ былъ розданъ ядъ съ общаго согласія. И вслѣдствіе того, 19-го числа сего іюля мѣсяца, баталіонный командиръ подполковникъ Писаревъ назначилъ сдѣлать церковный парадъ и выдать по двѣ чарки вина, наполненнаго ядовитымъ веществомъ, и, между тѣмъ, наканунѣ того дня, 18-го числа, приказалъ вооружить въ штабѣ полка инвалидную команду и мастеровую полуроту, и когда мы, обще съ военными поселянами Прусскаго полка, прибыли для изслѣдованія таковаго зла въ полковой штабъ, то офицеры начали по насъ стрѣлять въ окна изъ домовъ, почему мы вынужденными нашлись защищать себя; дабы предохранить отъ гибели преждевременною смертию и черезъ то избавиться отъ угрожающей намъ неминуемой напасти, мы рѣшились принять средство къ справедливому защищенію съ нашей стороны. При семъ оборонительномъ случаѣ, виновниковъ смертнаго заговора: штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 5, штабъ-лекаръ 1 и унтеръ-офицеровъ 2, — имѣвшихъ намѣреніе поморить людей, бывшихъ въ соучастіи съ офицерами, — предали смерти; а сверхъ сихъ, унтеръ-офицеръ мастеровой роты Николай Прокофьевъ, защищая офицеровъ, стрѣлялъ изъ пистолета въ нижнихъ чиновъ, и послѣ того неизвѣстно куда скрылся.

Отъ сего бѣдственнаго зла, въ самое короткое время померло въ семействахъ нашихъ 35 человѣкъ мужскаго и женскаго пола и померло скота 270 штукъ; да сверхъ того, къ гибельному истребленію у насъ, во 2-й поселенной ротѣ, найдено пороху, подложеннаго подъ домъ № 41. Зло таковое открыто нашими фельдшеромъ Симановымъ, который объявилъ намъ, что болѣзнь, называемая холерою, болѣе появилась отъ того, что больные, по привозѣ ихъ въ госпиталь, окуривались ядомъ, и по сей причинѣ черезъ самое короткое время умирали. Причемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляемъ, въ удостовѣреніе о сей болѣзни холерѣ, происходившей отъ смертнаго яда, подписку подполковника Писарева и два показанія: инвалид-

ной команды унтеръ-офицера Тараканова и фельдшера Симанова, утвержденная подъ присягою; вещества же ядовитыя хранятся на гауптвахтѣ.

О такомъ происшествіи Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донося, осмѣливаемся просить приказать изслѣдовать оное, нбо мы теперь, видя себя въ самомъ опасномъ положеніи, хотя всё уберемъ огородные овощи и хлѣбъ, но приступить къ употребленію опасаемся, потому, быть можетъ, что и на оныя разсыпано зелье и черезъ таковыя съѣстные припасы мы неминуемо въ послѣдствіи погубнемъ; а потому, не имѣя средствъ къ своему пропитанію, мы надѣемся на всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества покровительство, безъ коего должны подвергнуться голодной смерти. До окончанія же такового дѣла, баталіонъ порученъ въ команду прапорщика Леонтьева, а госпиталь, при ономъ состоящій, — въ управление фельдшеру Симанову, какъ неучаствовавшихъ въ семъ злѣ, и присемъ повергаемъ участь нашу во всемилостивѣйшее вниманіе Вашего Императорскаго Величества.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ повергаемся предъ стопы Вашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Государя, вѣрноподанные депутаты, избранные отъ баталіона.

20-го іюля 1831 года.

Полковой штабъ гренадерскаго графа Аракчеева полка.

Прошеніе это, по приказанію мятежниковъ, подкрѣпленному угрозою смерти... составлялъ и писалъ писарь Василій Шиповановъ, бывшій въ послѣдствіи аудиторомъ 1-го округа пахатныхъ солдатъ.

Принудивъ оставшихся въ живыхъ офицеровъ подписать означенное прошеніе, которое было также подписано и депутатами отъ поселянъ,—мятежники отправили его съ выбранными изъ баталіона людьми къ государю. Императоръ Николай Павловичъ находился въ то время на станціи Ижора, подъ Петербургомъ, гдѣ и принялъ депутатовъ. Тутъ-же былъ и капитанъ Зацѣпинъ, прибывшій на Ижору почти въ одно время съ уполномоченными отъ поселеннаго баталіона.

При представленіи депутатовъ отъ Аракчеевскаго полка, Государь сказалъ имъ:

— Я васъ прощаю; но законъ не простить.—Затѣмъ, указывая на Зацѣпина, Государь добавилъ:

— Вотъ вашъ окружной командиръ, за жизнь котораго вы отвѣчаете своими головами!

Такимъ образомъ капитанъ Зацѣпинъ сдѣлался командиромъ поселеннаго баталіона графа Аракчеева полка.

Возвращаясь къ прерванному разсказу.

На другой день, въ 9 часовъ утра, къ великому нашему удивленію, поселяне со всѣхъ сторонъ стали приводить такъ называемыхъ „виновныхъ“, со связанными назадъ руками; всего было приведено 96 человекъ. Затѣмъ возникъ вопросъ: какимъ способомъ доставить

всю эту толпу въ Новгородѣ, къ назначенному Орловымъ времени — 7-ми часамъ вечера?

Придумали обмануть командира казеннаго парохода, стоявшаго на Волховѣ, у штаба нашего округа. Командующій округомъ далъ ему предписаніе, чтобы онъ, согласно приказанію графа Орлова, принялъ на пароходъ 96 арестантовъ съ конвойными. Капитанъ парохода, Киселевъ, произведенный въ офицеры изъ боцмановъ яхты „Волховъ“, подаренной императоромъ Александромъ графу Аракчееву со всею командою и хоромъ музыкантовъ ¹⁾, сначала не хотѣлъ, было, принимать мою команду, отзываясь тѣмъ, что не имѣетъ, по этому предмету, никакого предписанія отъ своего начальства; но такъ какъ я распорядился уже ввести на пароходъ всю партію арестантовъ, то дѣлать было нечего и онъ, волею-неволею, принужденъ былъ размѣстить ихъ по каютамъ, не исключая и такъ называемой „Аракчеевской“, считавшейся, до того, неприкосновенною.

Ровно въ 6 часовъ вечера пароходъ нашъ причалилъ къ Новгородской пристани. Выстроивъ команду въ двѣ шеренги, я отправился съ нею въ корпусной штабъ. Вскорѣ на подъѣздѣ показался графъ Орловъ, и, поздоровавшись съ конвойными, крикнулъ:

— А этихъ злодѣевъ сдать плацъ-маіору!

Повелъ я ихъ на бывшую фабрику (нынѣ Духовскія казармы) и сдалъ тамъ, подъ росписку, въ какой-то подвалъ. На другой день, по запискѣ адъютанта графа Орлова, князя Долгорукаго, я, вмѣстѣ съ конвойными, принять былъ на тотъ-же пароходъ, на которомъ пріѣхалъ, и въ тотъ же день прибылъ обратно въ штабъ округа.

Въ скоромъ времени послѣ этого, по оговору первой партіи виновныхъ, выребованы были слѣдственною комиссіею еще до ста человекъ поселянъ, по именному списку.

Для разбора дѣлъ о беспорядкахъ, происшедшихъ въ округахъ военныхъ поселеній Новгородской губерніи, высочайше учреждена была въ Новгородѣ военно-слѣдственная комиссія, подъ предѣтельствомъ управлявшаго Царскосельскимъ дворцовымъ правленіемъ, генерала-отъ-артиллеріи Захаржевскаго; членами комиссіи назначены были: генералъ-лейтенантъ Даниловъ и генералъ-маіоръ Люце.

Всѣ виновные въ мятежъ поселяне были раздѣлены слѣдственною комиссіею на пять разрядовъ. Къ 1-му причислены изболочен-

¹⁾ Киселевъ этотъ, во время управленія селомъ Грузиномъ Настасіею Осодоровной Минкиной (любовницы Аракчеева), былъ главнымъ инквизиторомъ и распорядителемъ казней, производившихся, по ея приказанію, дворцѣ Аракчеева и крестьянамъ.

ные въ смертоубійствѣ и приговоренные къ наказанію кнутомъ, съ наложеніемъ клеймъ, и къ ссылкѣ въ каторжную работу; причисленные ко 2-му, 3-му и 4-му разрядамъ приговорены къ наказанію шпицрутенами отъ 500 до 3,000 ударовъ и къ ссылкѣ, затѣмъ, въ Сибирь на поселеніе и въ военно-арестантскія роты, смотря по важности совершенныхъ ими преступленій; наконецъ, причисленные къ 5-му разряду, и въ числѣ которыхъ было нѣсколько малолѣтковъ,—присуждены къ наказанію розгами. Общая цифра всѣхъ осужденныхъ простиралась до 2,000 человекъ.

Постановленные комиссіею приговоры надъ участниками мятежа были приведены въ исполненіе въ томъ же 1831 году, позднею осенью, въ мѣстахъ расположенія тѣхъ полковъ, къ которымъ принадлежали преступники. Эта тяжелая обязанность возложена была на назначеннаго тогда начальникомъ округовъ военныхъ поселеній въ Новгородской губерніи, генералъ-лейтенанта Павла Федоровича Данилова. Кто зналъ этого человека, тотъ навсегда сохранилъ о немъ воспоминаніе, какъ о личности честной и въ полномъ смыслѣ гуманной. Присутствіе при наказаніи сотенъ людей, хотя и виновныхъ, видъ избитыхъ палками спинъ, крики и стоны наказываемыхъ,—все это глубоко потрясло добраго человека и имѣло самое пагубное вліяніе на его здоровье¹⁾.

Не имѣя возможности и права смягчить наказаніе, опредѣленное преступникамъ по военному закону,—Даниловъ, послѣ каждой экзекуціи, въ тотъ же день, навѣщалъ наказанныхъ,—отправляемыхъ прямо съ плаца или изъ манежа въ госпиталь,—и лично удостовѣрялся оказано-ли имъ необходимое медицинское пособіе.

Экзекуціи начались съ преступниковъ, приговоренныхъ къ наказанію шпицрутенами, т. е. 2-го, 3-го и 4-го разрядовъ. Ежедневно было наказываемо сто и болѣе человекъ. Изъ поселеннаго баталіона графа Аракчеева полка виновныхъ, принадлежавшихъ къ этимъ категоріямъ, было около 150 человекъ.

Наказаніе было крайне жестоко. Изъ числа преступниковъ 2-го и 3-го разрядовъ, наказанныхъ въ нашемъ полку, одиннадцать человекъ умерли черезъ нѣсколько часовъ послѣ казни. Жестокость наказанія увеличивалась еще тѣмъ, что исполненіе приговоровъ производилось позднею осенью, когда стояли уже порядочные морозы.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ штабъ нашего округа привели изъ Новгорода около 40 человекъ 1-го разряда, принадлежавшихъ къ посе-

¹⁾ Съ этого времени Павелъ Федоровичъ уже не поправлялся, почти постоянно хворалъ, и въ 1833 году, въ началѣ января, скончался, будучи далеко не старымъ еще человекомъ,—всего 50-ти, съ небольшимъ, лѣтъ. А. Г.

ленному баталіону Аракчеевскаго полка и присужденныхъ къ наказанію кнутаомъ.

Не могу сказать, насколько вѣрны были ходившіе тогда слухи, будто генераль-лейтенантъ Даниловъ просилъ государя уволить его отъ тяжелой обязанности—присутствовать при наказаніи преступниковъ. Можетъ быть, въ уваженіе къ этой просьбѣ, для наблюденія за приведеніемъ въ исполненіе приговоровъ о преступникахъ 1-го разряда, командированъ былъ, по высочайшему повелѣнію, извѣстный инвалидъ-писатель Иванъ Никитичъ Скобелевъ,—какъ говорили тогда у насъ,—даже самъ вызвавшійся на это порученіе.

По приводѣ арестантовъ 1-го разряда, они были приняты мною по списку и рассажены по тюрьмамъ. Не зная еще — какаѣ ожидаетъ ихъ участь, и думая, что ихъ будутъ разстрѣливать, они обратились ко мнѣ съ просьбою—дать имъ священника, чтобы они могли исполнить, въ послѣдній разъ передъ смертью, христіанскій долгъ. Я, конечно, доложилъ объ этой просьбѣ генералу Скобелеву, но тотъ закричалъ:

— Для разбойниковъ нѣтъ покаянія!

На другой день, раннимъ утромъ, началась и самая расправа съ несчастными мятежниками, для чего заблаговременно были выписаны, изъ Москвы, Твери и Новгорода, „запечные мастера“.

При экзекуціи, генералу Скобелеву показалось, что тверской мастеръ будто-бы очень снисходительно отпускаетъ удары. Это не понравилось генералу и онъ приказалъ казаку дать палачу четыре жестокихъ удара нагайкою, что и было немедленно исполнено. Затѣмъ, чтобы подогрѣть усердіе палачей, Скобелевъ закричалъ: „принести имъ водки“! Водка были принесена и опьянѣлые палачи усердствовали весь день въ кнутаобойничаніи, поощряемые криками Скобелева.

По окончаніи наказанія, между палачами произошла ссора, перешедшая въ драку, при раздѣлѣ денегъ, которые имъ набросали преступники у деревянныхъ „кобылъ“, на которыхъ ихъ били; но казаки мигомъ водворили, нагайками, согласіе между „запечными мастерами“.

При наказаніи осужденныхъ всѣхъ разрядовъ находился поселенный баталіонъ, въ полномъ наличномъ его составѣ, а также и жены ихъ, пожелавшія присутствовать при этомъ зрѣлищѣ.

Само-собою разумѣется, что всѣ наказанные кнутаомъ прямо съ плаца были отправлены въ госпиталь, а оттуда, на третій день,—въ каторжную работу.

Въ 1832 году послѣдовало преобразование военныхъ поселеній. Военные поселяне обращены были въ пахатныхъ солдатъ и раздѣлены на

округа. Хозяева изъ старослужащихъ отправлены въ армейскіе полки. до выслуги обязательныхъ сроковъ службы. Кантонисты поступили въ резервный баталіонъ, а военно-учительскій институтъ, переименованный въ аудиторскую школу, отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ составъ отдѣленія военныхъ кантонистовъ. Бывшія у поселянъ лошади и рогатый скотъ, равно какъ и конскій заводъ,— переданы были въ округъ 1-го Карабинернаго полка, въ награду за то, что, во время общаго мятежа, полкъ этотъ оставался спокойнымъ.

А. К. Гриббе.

Примѣчаніе. 1-го января 1876 г., въ Старой Руссѣ, Новгородской губерніи, на 70-мъ г. отъ рожденія, скончался составитель помѣщеннаго выше разсказа, отставной полковникъ Александръ Карловичъ Гриббе.

Покойный род. въ 1806 году, въ Иркутскѣ, гдѣ отецъ его былъ докторомъ. Въ 1822 г., шестнадцати лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ на службу, подпрапорщикомъ, въ гренадерскій графа Аракчеева полкъ (нынѣ Ростовскій), въ которомъ и оставался до 1836 года, когда перешелъ въ 1-й округъ пахатныхъ солдатъ.

Не смотря ни на суровую школу службы на глазахъ у самого Аракчеева, ни на разныя жизненныя невзгоды, Гриббе до конца своей жизни сохранилъ доброту и честность, качества, привязывавшія къ нему всѣхъ, кто когда-либо встрѣчался съ нимъ.

За нѣсколько лѣтъ до смерти, покойный Александръ Карловичъ, обладавшій замѣчательно свѣжею памятью, началъ свои записки о прошломъ своей жизни и службы. Одна изъ статей его, «Графъ Аракчеевъ и его время»; напечатана въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г. (томъ XII, стр. 84—124); двѣ другія статьи приготовлены имъ были къ печати и также предоставлены въ распоряженіе «Русской Старины»: одна изъ нихъ—именно «О холерномъ бунтѣ 1831 г.»—помѣщена въ этой книгѣ, а другая будетъ напечатана со временемъ.

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАССЕКЪ.

ГЛАВА XXVII ¹⁾.

Домъ Ивана Алексѣевича Яковлева.

1834—1840.

Въ дому нигдѣ не шелохнетъ.—
И время врадется впередъ.

Въ 1830 г. Иванъ Алексѣевичъ купилъ домъ съ мебелью и большимъ тѣнистымъ садомъ, вблизи того дома, въ которомъ жилъ самъ, принадлежавшій женѣ знаменитаго Федора Васильевича Ростопчина. Домъ былъ старинный, большой, съ стеклянной террасой, выходившей въ садъ. Вскорѣ онъ купилъ еще смежный съ нимъ домъ Тучкова, небольшой, съ тѣснымъ дворомъ, почти вдвинутомъ во дворъ Ростопчинскаго дома. Всѣ три дома соединялись дворами. Опасаясь пожара, Иванъ Алексѣевичъ купленныхъ домовъ не отдавалъ въ наймы, не смотря на то, что они были застрахованы. Онъ ихъ заперъ, и три года оставлялъ безъ всякой поддержки; когда же они стали приходить въ упадокъ, изъ стараго дома переехалъ въ Ростопчинскій, поправивши его предварительно. Старый домъ заперъ; ворота его замкнулись засовомъ и замкомъ, ходъ черезъ дворъ прекратился и онъ поросъ травой. Акаціи, окружавшія полисадники, забытыя ножницами, раскинули вѣтки и прикрыли своей тѣнью

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 805—852; томъ XVI, стр. 89—131; 309—350; 511—544; 649—670.

цвѣтники, проросшіе высокой травой. Штукатурка на домѣ трескалась, обваливалась; надворныя строенія упали; два душистые тополя у окна чайной комнаты и одинъ подъ окномъ комнаты Александра поднялись до бель-этажа и пышными вѣтвями прижались къ ихъ стекламъ. Когда повинутый домъ освѣщало солнце или мѣсяцъ, листочки тополей, колеблемые вѣтромъ, трепетно рисовались на полу,—это было единственнымъ признакомъ жизни въ опустѣвшемъ жилищѣ. Зимой—все заносилось снѣгомъ, котораго не нарушали ничьи шаги, ни самая узенькая тропинка.

И долго послѣ грустный домъ,
 Между людскими и сараемъ,
 До оконъ снѣгомъ занесенъ,
 Стоялъ въ забвеніи глухомъ.
 Лишь мѣсяцъ, по небу гуляя,
 Сквозь сучья голые блеснувъ,
 И робко въ окна заглянувъ,
 Лучомъ по комнатамъ блуждая,
 Бросалъ безмолвно мертвый свѣтъ

.
 Часы молчать
 и дверь замкнута,
 Въ дому нигдѣ не шелохнеть—
 И время крадется впередъ.

Домъ Ростовчинскій, какъ называли новое помещеніе всѣ домашніе, не смотря на то, что былъ гораздо больше и лучше стараго, имѣлъ въ себѣ что-то мрачное и печальное. Въ обширныхъ парадныхъ комнатахъ, съ высокими окнами, въ которыя не заглядывало солнце, съ тяжелой мебелью цѣльнаго краснаго дерева, крытою штофомъ, и такими же штофными занавѣсами на окнахъ и дверяхъ—вѣяло тоской.

Иванъ Алексѣевичъ, какъ-бы въ тонъ окружавшаго его цѣлаго, постарался устроить себѣ на новомъ мѣстѣ образъ жизни уединеннѣе и скучнѣе прежняго. Мертвая тишина въ домѣ изрѣдка прерывалась осторожными шагами прислуги, робкимъ шепотомъ, да недовольнымъ голосомъ самого Ивана Алексѣевича. Домашніе, прислуга, самыя стѣны, все смотрѣло угрюмо, съ неудовольствіемъ; на всемъ лежала печать подавленности и страха. Всѣхъ недовольнѣе казался самъ Иванъ Алексѣевичъ. Характеръ его становился день ото дня раздражительнѣй, угрюмѣй и

язвительнѣй. Онъ все больше и больше дѣлался страннымъ и отчуждался отъ общества.

Изъ прежнихъ посѣтителей—одни, видя его постоянно недоброжелательнымъ, стали являться рѣже и рѣже; другихъ не было въ Москвѣ, какъ то: профессора химіи Іовскаго, сослуживцевъ и пріятелей Ивана Алексѣевича двухъ братьевъ Бахметьевыхъ, Алексѣя и Николая Алексѣевичей; Дмитрія Николаевича Болховскаго; Платонъ Богдановичъ Огаревъ лежалъ больной въ своемъ имѣніи; племянникъ Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ, занятый службой—сталъ посѣщать рѣдко; братъ его Николай Павловичъ вскорѣ совсѣмъ пересталъ бывать, рассорившись съ дядей, по случаю покупки у него села Васильевскаго, за которое не могъ доплатить ему 110,000 руб. ¹⁾). Только наивный старичекъ Дмитрій Ивановичъ Пименовъ, котораго каждое слово Ивана Алексѣевича смѣшило чуть не до истерики, продолжалъ приходить, по воскресеньямъ, къ обѣду; но и онъ, смотря на мрачнаго, безмолвнаго старика, не поватывался, какъ бывало, отъ смѣха, а только, широко раскрывъ глаза, поглядить на него съ изумленіемъ, порывисто захохочеть, да спохватившись, начнетъ робко озираться,—и отобѣдавши спѣшитъ уйти домой. Кромѣ Пименова, бывали еще Григорій Ивановичъ Ключаревъ, занимавшійся дѣлами Ивана Алексѣевича и его душеприкащикъ, да спасенный отъ потопленія, Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ.

Зонненбергъ, окончивши карьеру педагога при Никѣ, занялся торговлей. Никъ далъ ему около своего помѣщенія двѣ комнаты, выходившія въ сѣни, въ которыхъ онъ открылъ магазинъ галантерейныхъ вещей и всякой всячины. Покупателей было мало, и то большей частью изъ семейства Яковлевыхъ, да Нина съ товарищами, которымъ онъ поставлялъ курительный табакъ, чернила, перья и писчую бумагу. Торговля Карлу Ивановичу въ руку не шла, онъ вскорѣ прекратилъ ее, съ почетнымъ титуломъ ревель-

¹⁾ Сообщено Е. И. Герценомъ, при которомъ происходила покупка Васильевскаго. Въ «Русскомъ Архивѣ», 1876 г., кн. 2, стр. 234, замѣчено, что изъ купчей этого не видать; вѣроятно, въ купчей показана продажа дешевле стоимости или не желая сдѣлать гласнымъ семейнаго дѣла, когда Николай Павловичъ объявилъ, что не можетъ доплатить 110,000 руб. и они поссорились, то Иванъ Алексѣевичъ сказалъ, что эти недоплаченные деньги предоставляеть въ пользу дѣтей Николая Павловича, и ничего имъ послѣ себя не оставитъ; можетъ, поэтому въ купчей и поставлено, что улачено все.

скаго негоціанта, не имѣя угла, куда преклонить голову. Въ это время Иванъ Алексѣевичъ и предложилъ ему занять одну изъ комнатъ нижняго этажа, въ повинutomъ домѣ, и исполнять при немъ должность чиновника особыхъ порученій. Онъ пріютилъ Карла Ивановича не потому, чтобы дѣйствительно нуждался въ немъ, а въ силу того, что тотъ занималъ мѣсто воспитателя при сынѣ его родственника и открывалъ магазинъ—стало быть, пріобрѣлъ толкъ въ покупкахъ.

Разъ попавши въ нижній этажъ стараго дома, Карлъ Ивановичъ до конца дней своихъ сдѣлался участникомъ жизни семейства Яковлевыхъ.

Порядокъ образа жизни Ивана Алексѣевича, на новомъ мѣстѣ, продолжался прежній. Въ десять часовъ утра Вѣра Артамоновна подавала барину кофе, только онъ пилъ его уже одинъ, въ своемъ кабинетѣ, и въ это время читалъ газеты. Затѣмъ являлся поварь Спиридонъ съ купленной провизіей въ рѣшетѣ, и съ запиской почему что куплено, и, каждый разъ, баринъ, просмотрѣвши записку, замѣчалъ: «У! у! какъ дорого! подвоза что-ли нѣтъ?»—Точно такъ-съ, постоянно отвѣчалъ поварь.—«Ну, такъ будемъ покупать поменьше пока подвезуть», и поварь отпускался. За нимъ являлся чиновникъ особыхъ порученій за приказаніями. При этомъ, каждый разъ повторялась одна и таже продѣлка. Карлъ Ивановичъ развязно кланялся, Иванъ Алексѣевичъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его, да вдругъ, какъ-бы нечаянно увидавши—кланялся, и въ видѣ развлеченія, открывалъ противъ него военныя дѣйствія: нападалъ на его золотистую накладку волосъ, на духи, которыми тотъ всегда былъ обрызганъ и щеголялъ; говорилъ, что ему дѣлается дурно отъ запаха этихъ духовъ, что у него заболѣла голова и требовалъ одеколону. Если Карлъ Ивановичъ ловко бросался за одеколономъ и подавалъ ему, онъ просилъ его, ради Бога, не подходить близко, что отъ запаха его духовъ онъ упадетъ въ обморокъ. Натѣшившись, отпуская своего чиновника порученій, большей частью, ничего не поручивши, или поручивши какойнибудь вздоръ, какъ-то: посмотрѣть продающійся по газетамъ экипажъ, который и не думалъ покупать, или купить стьянóчку одеколону, мятной воды, магнезіи. Карлъ Ивановичъ, пріятно расшаркавшись, уходилъ до обѣда, довольный, что отдѣлался.

Я останавливаюсь на характерѣ и нѣкоторыхъ мелочахъ жизни Ивана Алексѣевича, такъ какъ онъ, при замѣчательномъ умѣ, оригинальностью своею выступаетъ изъ ряда лицъ обыкновенныхъ и можетъ служить типомъ такого рода личностей, которыя въ настоящее время уже немислимы въ русскомъ обществѣ.

Нерѣдко Иванъ Алексѣевичъ открывалъ походъ противъ Егора Ивановича Герцена, въ которому всегда былъ холоденъ и часто несправедливъ, до глубокаго оскорбленія; Егоръ Ивановичъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ переносилъ свою безотрадную долю.

— «Что это,—сказалъ однажды Иванъ Алексѣевичъ,— все, что ни подарю Егоринькѣ, сейчасъ сбудетъ. Далъ платочекъ, смотрю—лакею отдалъ. Такъ и все, что ни дамъ ему, все вижу на прислугѣ».

— Видѣтъ вы этого не могли,—возразилъ Егоръ Ивановичъ, выведенный изъ терпѣнія несправедливостью упрека,—всѣ ваши подарки, какъ уложилъ получивши, такъ и теперь лежать. Вамъ, вѣрно, кто нибудь наговариваетъ на меня.

— «Что ты, что ты,—сказалъ Иванъ Алексѣевичъ,—никто не наговариваетъ».

— Откуда же вы все это взяли?

— «Виновать, совралъ»,—безстрастнымъ голосомъ отвѣтилъ старикъ. И, въ насмѣшку, низко поклонясь, коснулся рукой пола.

Съ того времени, какъ Александръ кончилъ курсъ въ университетѣ, Иванъ Алексѣевичъ сталъ выдавать ему по три тысячи рублей ассигнаціями въ годъ, на одѣванье и прочіе расходы его, и говорилъ Егору Ивановичу, что, когда онъ поступитъ на дѣйствительную службу, то и ему будетъ давать по стольку же. Вскорѣ Егоръ Ивановичъ поступилъ на дѣйствительную службу архивариусомъ кремлевской экспедиціи, и перебрался на казенную квартиру за Красныя ворота, въ Запасный дворецъ, гдѣ находился архивъ. При первомъ свиданіи, Иванъ Алексѣевичъ поздравилъ его съ новой должностію, и сказалъ:

— «Я обѣщаль тебѣ давать по три тысячи, когда поступишь на дѣйствительную службу, но буду давать только по двѣ».

Егоръ Ивановичъ молча поклонился. Проходили недѣли, мѣсяцы, объ обѣщанныхъ двухъ тысячахъ не было и помина, до тѣхъ поръ, пока его мать, Луиза Ивановна, не вступилась въ это дѣло; она-же настояла, со временемъ, чтобы оба сына получали по-

ровну. Выдавая Егору Ивановичу деньги, всегда пропустивши сроки, Иванъ Алексѣвичъ сердился и жестоко упрекалъ его зачѣмъ онъ ему не напоминаетъ, жаловался, что онъ весь болѣнь, что у него совсѣмъ нѣтъ памяти, что онъ все перезабылъ, и отдавая деньги, по нѣскольку рублей усчитывалъ.

Егоръ Ивановичъ говорилъ, что лучше останется безъ копѣйки, нежели когданибудь напомнить отцу о жалованьи, такъ оно тяжело доставалось.

Чтобы имѣть право на владѣніе имѣніемъ, Егору Ивановичу надо было получить орденъ. Отецъ часто говорилъ ему, что когда онъ получитъ крестъ, то отдастъ ему одну изъ своихъ деревень. Получивши Станислава, Егоръ Ивановичъ съ орденомъ на груди явился къ отцу, и только-что хотѣлъ, по обыкновенію, поздороваться, какъ Иванъ Алексѣвичъ отстранилъ его рукою, говоря:

— «Постой, постой, я прежде встану съ дивана», и упираясь обѣими руками о диванъ, сталъ съ трудомъ съ него приподниматься. Поднявшись совсѣмъ, поздравилъ Егора Ивановича съ царской милостію, облобызалъ обѣими щеками и сказалъ:

— «Я обѣщаль тебѣ, когда получишь право на владѣніе имѣніемъ, дать деревню, однако-же деревни не дамъ, даже совѣтую не покупать имѣнія и тогда, когда будешь имѣть для этого средства: ты можешь умереть не распорядившись—и тогда все, что послѣ тебя останется, возьметъ казна».

— Что-же это,—замѣтилъ Егоръ Ивановичъ,—въ насмѣшку что-ли мнѣ Богъ устроить все такимъ образомъ....

— «Что ты, что ты! благоговѣнно прервалъ его Иванъ Алексѣвичъ,—можетъ-ли Богъ дѣлать что-нибудь въ насмѣшку; я говорю только, что хотя и обѣщаль дать тебѣ деревню, но не дамъ, и совѣтую никогда не покупать деревень. Какое-же дѣло Богу до моихъ распоряженій и моихъ деревень?»

Такими и подобными этому выходками, исполненными каприза и произвола, Иванъ Алексѣвичъ все чаще и чаще сталъ развлекать себя въ уединеніи новаго дома, все больше и больше тяготѣлъ надо всѣми. Онъ продолжалъ это занятіе до тѣхъ поръ, пока одинъ случай заставилъ его если не совсѣмъ прекратить, то значительно умѣрить таковаго рода увеселенія.

Разъ, при мнѣ, во время обѣда, проходившаго во всеобщемъ

молчаніи, Иванъ Алексѣевичъ былъ въ особенно язвительномъ настроеніи духа, и, не находя предмета, на который приходилось-бы встать излить его, прикинулся несчастнымъ, сталъ жаловаться на свою участь, недуги, беспомощность и сиротливость.

— «И вотъ,—повершилъ онъ свои жалобы, на которыя никто не отозвался ни однимъ словомъ,—вотъ, живу совсѣмъ одиноко, а, повидимому—съ семействомъ, живеть у меня барышня, съ своимъ сыномъ, воспитанникъ—наградила имъ сестрица княгиня»...

Александръ не далъ ему докончить этой рѣчи. Внѣ себя, блѣдный, онъ всталъ изъ-за стола и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Далѣ выносить вашихъ оскорбленій я не могу позволить ни себѣ, ни моей матери. При вашемъ взглядѣ на наши отношенія, между нами ничего не можетъ быть общаго. Позвольте намъ, сей часъ-же, оставить вашъ домъ.

Старикъ былъ пораженъ и опомнился.

— «Полно, помилуй,—заговорилъ онъ тихимъ, испуганнымъ голосомъ,—что ты, зачѣмъ, я такъ, ты понимаешь, ты знаешь меня, успокойся»....

— Вы насъ притѣсняете, оскорбляете,—говорилъ Александръ въ сильномъ волненіи,—упрекаете—въ чемъ... чья вина?... наша что-ли?—нѣтъ, переносить эту унижительную жизнь долѣ нельзя... не должно... Боже мой!

— «Полно, оставь, успокойся... прости меня», сказалъ старикъ прерывающимся голосомъ и зарыдалъ.

Александръ закрылъ лицо руками.

Всѣ, страшно встревоженные, встали изъ-за стола.

Старикъ, охая и сгорбившись вдвое противъ обыкновеннаго, увелъ Александра къ себѣ въ кабинетъ. Спустя часъ времени, Саша вышелъ изъ кабинета мрачный, разстроенный. Иванъ Алексѣевичъ смиренно лежалъ на диванѣ, голова его была обвязана батистовымъ платкомъ, намоченнымъ одеколономъ.

Съ этого времени старикъ сдѣлался сдержаннѣе, и съ Сашей сталъ обращаться съ нѣкоторымъ уваженіемъ; даже безпріютнаго Карла Ивановича шпынялъ гораздо меньше; но, не смотря на такое улучшение, умѣлъ придать столько горечи всѣмъ отношеніямъ, и даже, повидимому, самой простой должности чиновника особыхъ порученій—безъ порученій, что и тотъ не могъ постоянно выносить этой жизни, терялъ терпѣніе, съ раздраженіемъ

говорилъ: «это совсѣмъ несносно», накупалъ разныхъ бездѣлицъ, лошадей, таратайку, улаживался въ путь и отправлялся торговать то на Донъ, то на Кавказъ. Къ несчастію, неудачи преслѣдовали его повсюду, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ явился въ Ивану Алексѣвичу, снова поступалъ на свою должность и поселялся въ нижнемъ этажѣ стараго дома.

Вскорѣ послѣ того, какъ Егоръ Ивановичъ перебрался на казенную квартиру, Саша, въ сопровожденіи Карла Ивановича, уѣхалъ въ Вятку и домъ Ивана Алексѣвича сдѣлался еще скучнѣе и уединеннѣе. Суровая тишина охватила его совершенно; только на половинѣ Луизы Ивановны чувствовались еще признаки живой души. Самые слуги, на звонъ призывнаго колокольчика, входили на цыпочкахъ, какъ бы боясь попортить паркетъ.

Здоровье Ивана Алексѣвича стало видимо разрушаться, но нравственныя силы оставались все тѣ-же; та-же была твердая память, тотъ-же замѣчательный волею умъ, тотъ-же увлекательный разговоръ, когда онъ этого хотѣлъ, но онъ этого почти никогда не хотѣлъ, а, напротивъ, хотѣлъ тѣснить всѣхъ капризами и мелочами больше чѣмъ когда нибудь. Изъ всего этого мало по малу соткалась цѣлая жизнь этого дома.

И потянулись долгіе дни до вечера; въ четыре часа былъ обѣдъ, мелкія заботы утихали, наступалъ вечеръ.....

Въ столовой пусто; въ тихомолку
 Блуждаетъ лампы тощій свѣтъ,
 Часы стѣнные безъ умолку
 Спотворно стучають: да,—нѣтъ....
 Въ гостиной пусто и печально;
 Передъ диваномъ столъ овальный;
 Горятъ двѣ свѣчки на столѣ;
 Уныло кресла въ подумгѣ,
 Пустыя ручки простирая,
 Кругомъ стоять.

Въ этой гостиной, осенними и зимними вечерами, Луиза Ивановна, сидя на диванѣ у стола, вязала чулокъ, а Иванъ Алексѣвичъ медленно ходилъ вдоль амфилады растворенныхъ комнатъ.....

Блуждая, точно духъ пустынный
 Въ тиши обителя старинной,
 И вторить шороху шаговъ
 Глухое стуканье часовъ.

Наконецъ, цѣль жизни и труда свелась на одно накопленіе капитала. вмѣстѣ съ Григоріемъ Ивановичемъ Ключаревымъ, старикъ повѣрялъ приходы и расходы, продавалъ родовыя имѣнія, превращалъ деньги въ банковые билеты, и складывалъ ихъ вмѣстѣ съ деньгами и дѣловыми бумагами въ желѣзный сундукъ, стоявшій въ его спальнѣ.

Каждый день, послѣ вечерняго чая, онъ садился за свой небольшой письменный столъ, и погружался въ расчеты.....

Предъ нимъ бумага листъ, кругомъ
Исписанный и разграфленный,
Слѣдить за цифрой зоркій взглядъ,
По счетамъ пальцами худыми,
Рука, скользя изъ ряда въ рядъ,
Стучитъ кружками костяными.
Хотя-бъ одинъ сторонній звукъ!
И слышно въ тишинѣ суровой
Все только счетовъ бѣглый стукъ,
Даровный ходъ часовъ въ столовой—
И время крадется впередъ.
Рука притихла, смолкли счеты
Часы въ столовой, изъ дремоты
Съ внезапнымъ шипомъ пробудясь,
Пробили звонко девять разъ.

Въ девять часовъ Иванъ Алексѣевичъ вставалъ изъ-за письменнаго стола, переносилъ свѣчу, съ шелковымъ зеленымъ зонтикомъ, на ночной столикъ, ложился на кровать, читалъ нѣсколько времени—мемуары, путешествія или медицинскія книги; отдохнувши, вставалъ и

Опять по комнатамъ старикъ
Идетъ бродить, какъ духъ пустынный
Въ тиши обители старинной,
И снова шарканье шаговъ,
И снова стуканье часовъ,
И въ вечеръ зимній, вечеръ длинный,
Васъ такъ и давить и гнететь
Глухое чувство тайной муки,
Тоски подавленной и скуки—
И время крадется впередъ.
А на дворъ свое молчанье:
На небѣ мѣсяцъ и свѣтло,
По свѣгу робкое мерцанье
Морозно, пусто и бѣло.
Въ саду деревья сѣды, голы,
Стоять недвижно ихъ стволы,

Всѣ сучья къ верху устремивъ,
 Какъ будто и у нихъ порывъ
 Какой-то былъ, покуда жили,
 Да тутъ-же навѣкъ и застыли.

.....

Когда часовая стрѣлка вмѣстѣ съ минутной касались XII— и часы стѣнные, столовые, карманные, послѣдовательно одни за другими, начинали звонить на разные тоны, Иванъ Алексѣевичъ останавливался, осматривалъ всѣ часы, прощался съ Луизой Ивановной, и они расходились по своимъ комнатамъ.

Такимъ образомъ, жизнь этого дома тянулась около трехъ лѣтъ. Только когда получались письма отъ Александра, проявлялось нѣкоторое одушевленіе. Разъ Сапа писалъ отцу, что онъ очень сблизился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, чиновникомъ губернатора, уроженцемъ Сибири, Гавриломъ Каспаровичемъ Эрнъ, живущемъ въ Вяткѣ съ матерью Прасковьей Андреевной, женщиной умной, самостоятельной, и съ 12-ти лѣтней сестрой Машей. Что онъ не только радушно принять у нихъ въ домѣ, но, во время его сильной болѣзни, Прасковья Андреевна ухаживала за нимъ какъ за сыномъ, и онъ, съ своей стороны, желалъ-бы оказать имъ услугу, устроивши Машу въ пансіонъ въ Москвѣ, такъ какъ въ Вяткѣ учебнаго заведенія для дѣвочекъ нѣтъ.

Иванъ Алексѣевичъ счелъ долгомъ отплатить за вниманіе къ Сашѣ участіемъ въ Машѣ; когда она съ матерью пріѣхала въ Москву, онъ предложилъ имъ остановиться у него въ низу стараго дома, на свой счетъ помѣстилъ Машу въ пансіонъ и по праздникамъ сталъ брать ее къ себѣ. Присутствіе ребенка оживило нѣсколько пустоту и однообразіе его дома.

По выходѣ изъ пансіона, Маша осталась въ домѣ Ивана Алексѣевича и сдѣлалась участницей жизни этого семейства. Въ 1847 году, она уѣхала за границу, тамъ вышла замужъ за профессора музыки Рейхеля, пріятеля Прудона и Б—на, и до настоящаго времени находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ дѣтymi Александра.

Отъ Маши я узнала, что она услышала въ первый разъ объ Александрѣ отъ своего брата, по пріѣздѣ въ Вятку. Онъ рассказывалъ о немъ какъ о замѣчательномъ, живомъ лицѣ, заинтересовавшимъ собою весь городъ. «Когда Александръ пришелъ къ намъ,—говорила Маша,—я увидала очень молодаго человѣка, ху-

дощавого, бѣлокураго, живаго, остроумнаго, съ огромнымъ бантомъ на галстухѣ. Братъ мой былъ съ нимъ близко знакомъ и увлекался имъ, какъ и другіе, да и могло ли быть иначе, — добавила она, — закупающая личность Александра заполонила: даже и меня, ребенка, онъ сильно занялъ. Александръ бывалъ у Эрна часто, интересовался занятіями Маши и самъ поправлялъ ее переводы съ французскаго языка. По его совѣту и старанію, Машу отвезли въ Москву и отдали въ пансіонъ.

— «Я вошла въ домъ Ивана Алексѣевича, — говорила Маша, — въ первый разъ вечеромъ. Меня встрѣтилъ полусвѣтъ, тишина и чинность.

«Иванъ Алексѣевичъ — серьезный, мрачный старикъ, въ сѣромъ халатѣ и темно-фіолетовой бархатной шапочкѣ (въ новомъ домѣ онъ перемѣнилъ полосатый халатъ на сѣрый, а красную суконную шапочку на бархатную фіолетовую), окруженный молчаніемъ и покорностію, принялъ меня благосклонно. Постоянно молчаливый, онъ иногда обращался ко мнѣ съ какимъ нибудь вопросомъ или шуточкой, нивогда не измѣняя лица. Въ продолженіе безмолвнаго обѣда онъ только со мною говорилъ иногда нѣсколько словъ, и когда меня отвозили въ пансіонъ, давалъ мнѣ маленькую монетку, позволяя на нее купить деревню. Мало по малу, старикъ привыкъ ко мнѣ и если я попадалась ему на глаза при посѣтителѣ, то представлялъ меня какъ свою воспитанницу. Но не смотря ни на что, я, какъ и всѣ въ домѣ, боялась его, и отъ него пряталась».

Добродушная, вротвая Луиза Ивановна приняла Машу подъ свое покровительство, приглубила ее и дѣвочка привязалась къ ней всей душой, не оставляла ее до своего замужства, и до послѣднихъ дней жизни Луизы Ивановны сохранила къ ней эти чувства.

Къ этой-то Машѣ, бывшей уже замужемъ и жившей въ Парижѣ, въ 1857 году, Луиза Ивановна поѣхала погостить вмѣстѣ съ меньшимъ сыномъ Александра — Колей, любимцемъ ея и Маши, съ его гувернеромъ Шпильманномъ, своей племянницей, молодой, красивой дѣвушкой, и съ горничной. Уѣзжая отъ Маши обратно въ Ниццу, гдѣ Луиза Ивановна жила съ семействомъ сына, — она, Коля и Шпильманъ, 15-го ноября, потонули въ Средиземномъ морѣ. Пароходъ, на которомъ они плыли, между островомъ Іеръ и ма-

терикомъ, стольшулся съ другимъ пароходомъ, во время сильнаго тумана, и пошелъ ко дну. Племянница и горничная спаслись.

Въ декабрѣ 1839 г., Александръ пріѣхалъ къ отцу въ Москву. Наташа съ маленькимъ сыномъ осталась во Владимірѣ. Иванъ Алексѣевичъ, желая передать Сашѣ имѣніе, отправилъ его въ Петербургъ хлопотать въ герольдіи объ утвержденіи его въ чинѣ, который давалъ ему право на владѣніе имѣніемъ, а вмѣстѣ съ этимъ представиться графу Сергію Григорьевичу Строганову, хотѣвшему опредѣлить его въ свою канцелярію. Саша въ три недѣли все окончилъ, возвратился во Владиміръ, и вмѣстѣ съ семействомъ переселился въ Москву. «Мы съ сожалѣніемъ покидали нашъ маленький городъ,—говорилъ намъ Саша,—душа почувствовала, что не будетъ больше той простой, внутренней жизни, которой мы жили во Владимірѣ». Тутъ ованчивается лирическій отдѣлъ его жизни, чисто личный. «Далѣе,—говоритъ онъ,—трудъ, успѣхи, встрѣчи, дѣятельность, широкой бругъ, далекій путь, инныя мѣста, перевороты, исторія... далѣе—дѣти, заботы, борьба... еще далѣе все гибнетъ... съ одной стороны—могила, съ другой—одиночество и чужбина».

Съ пріѣздомъ Саши, въ домѣ Ивана Алексѣевича пробудилась жизнь. Явилось движеніе, новые интересы, почувствовалось присутствіе милой молодой женщины и свѣтлая улыбка ребенка. Мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ старикъ, рукой, привыкшей считать деньги и билеты, ласково гладилъ бѣлокурую головку ребенка и въ задумчивомъ взорѣ его показывалось что-то трогательное.

Въ это же время явился съ Ирбитской ярмарки Карлъ Ивановичъ, и Егоръ Ивановичъ, всегда принимавшій горячее участіе въ дѣтяхъ Александра Алексѣевича Яковлева, выписалъ изъ Шадка меньшую сестру Наташи—Катю, шестнадцатилѣтнюю, прелестную брюнетку, которую Луиза Ивановна, также какъ и Машу, приняла подъ свое покровительство.

Свѣжая, молодая жизнь со всѣхъ сторонъ хлынула къ пустынному дому. Сосредоточивалась она вся въ небольшомъ Тучковскомъ домѣ, который Иванъ Алексѣевичъ предложилъ занять Александру. Изъ этого средоточія лучи кипучей жизни простирались до уединеннаго жилища—и озаряли его своимъ животворнымъ свѣтомъ.

Никъ былъ уже въ Москвѣ. Онъ нѣсколькими мѣсяцами прежде Саши пріѣхалъ туда изъ деревни, и былъ окруженъ новыми товарищами; изъ прежнихъ друзей находилось только двое. Симпатичная, поэтическая натура Нива влекла къ себѣ каждаго. Онъ былъ изъ числа тѣхъ личностей, которыя соединяють, грѣють, возстановляютъ силы: при нихъ успокоиваются и отдыхаютъ. Въ этотъ кругъ вступилъ и Саша. Это былъ не прежній ихъ кругъ: тонъ, интересы, занятія—все было другое. Люди, къ которымъ примкнули Никъ и Саша, были люди кружка Станкевича. На первомъ планѣ стояли Б* и Бѣлинскій, каждый съ томомъ Гегеля въ рукахъ, какъ выразился Саша, говоря объ этомъ періодѣ времени. Убѣжденія были страстны, нетерпимость—юношеская.

Въ 1826 году, кафедра философіи была закрыта; профессоръ Павловъ, читая физику и сельское хозяйство, знакомилъ съ природой, излагая ученіе Шеллинга и Окена. Станкевичъ, лучший ученикъ Павлова, одаренный большими способностями, изучилъ нѣмецкую философію и завершилъ дѣло Павлова—Гегелемъ. Онъ былъ первымъ послѣдователемъ его, и увлекъ много молодыхъ людей къ изученію любимаго предмета его занятій. Изъ этого круга вышло много людей ученыхъ, литераторовъ, профессоровъ—изъ этого круга вышелъ и Бѣлинскій.

Когда Александръ пріѣхалъ въ Москву, Станкевича тамъ уже не было—онъ, 27-ми лѣтъ, угасалъ въ Италіи, на Комскомъ озерѣ.

«Меня приняли въ этотъ кругъ,—разсказывалъ намъ Саша,—съ почетнымъ снисхожденіемъ, какъ прошедшее, съ требованіемъ безусловнаго принятія феноменологіи духа и логики Гегеля—по ихъ изъясненію. Объ этомъ толковали на-пролетъ ночи, отчаянно спорили, и расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіяхъ, принимая за обиду разногласіе въ мнѣніяхъ. Всѣ сочиненія по философіи, даже самыя ничтожныя, выходившія въ Германіи, выписывались и зачитывались до дыръ. Самый языкъ они приняли условный, къ которому надобно было имѣть ключъ, какъ къ шифрованнымъ письмамъ. Къ жизни дѣйствительной относились какъ-то книжно и наивно. Самыя простыя чувства возводили въ отвлеченную категорію, даже слезу, блеснувшую на глазахъ,—говорилъ Александръ,—относили къ своему порядку—къ трагическому въ сердцѣ. Тоже было и въ

искусствѣ: надъ каждымъ аккордомъ Бетховена производили философское слѣдствіе; Шуберта уважали за то, что бралъ философскія темы для своихъ напѣвовъ. Моцарта только терпѣли. Итальянская музыка была въ опалѣ, ее дѣлило съ ней все французское и политическое».

Въ началѣ сороковыхъ годовъ не было еще и мысли возставать противъ духа и вступаться за жизнь.

Вопросы болѣе страстные не замедлили явиться.

Первый бой—отчаянный—завипѣлъ между Александромъ и Бѣлинскимъ, когда тотъ прочиталъ ему свою статью по поводу «Бородинской годовщины» соч. Ѳ. Н. Глинки. Они перессорились; размолвка ихъ повліяла на другихъ и кругъ этотъ сталъ распадаться. Бѣлинскій уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ 1840 году, спустя нѣсколько времени по отъѣздѣ Бѣлинскаго, пришла бумага о переводѣ Саши на службу къ графу Строганову; онъ вмѣстѣ съ женой и сыномъ переѣхалъ въ Петербургъ, и тамъ тѣснѣе прежняго сошелся съ Бѣлинскимъ.

Будучи еще въ Москвѣ, Александръ, по просьбѣ Карла Ивановича Зонненберга, у котораго не шелъ съ рукъ привезенный имъ съ Кавказа персидскій порошокъ, написалъ о продажѣ этого порошка свою прелестную, игривую рекламу, подъ названіемъ: «Истинная и послѣдняя эмансипація рода человѣческаго отъ злѣйшихъ враговъ его»¹⁾.

Въ продолженіе того времени, что Саши не было въ Москвѣ, мы съ Вадимомъ побывали въ Харьковѣ, Одессѣ и въ Крыму, и въ 1839 г., незадолго до возвращенія Александра, пріѣхали, съ двумя дѣтьми, въ Москву, гдѣ Вадимъ тотчасъ сблизился съ извѣстнымъ писателемъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ, Александромъ Ѳомичомъ Вельтманомъ, и сошелся со всѣмъ его кругомъ, раздѣлявшемъ интересы партіи славянофиловъ, какъ по убѣжденію,—что цѣль, которой они стремятся достигнуть, серьезна и истинна, и достиженіе ея приведетъ къ великолѣпнымъ результатамъ,—такъ и по роду занятій своихъ и по своему религиозному направленію. Эта партія составляла что-то среднее между западниками и славянофилами, какъ выражались тогда. Сближеніе Вадима съ партіей А. Ѳ. Вельмана отчасти разбѣдило его

¹⁾ Напечатана въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ IX, стр. 401—406.

съ кругомъ, въ который попалъ Александръ, но взаимное уваженіе сохранилось. Занятая дѣтми и домашними заботами, я не обращала ни малѣйшаго вниманія на всѣ эти партіи и нисколько не удивлялась тому, что мы рѣдко видались съ Сашей и его семействомъ, а когда видались, то по прежнему дружески; въ эти рѣдкія свиданія мы узнали отъ Александра и Наташи обо всемъ, что было съ ними въ продолженіи нашей разлуки и о литературныхъ трудахъ Саши. Кромѣ нѣсколькихъ легендъ изъ Четин-Минеи, переведенныхъ имъ на литературный языкъ, онъ читалъ намъ нѣкоторыя статьи свои изъ Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостей, которыхъ онъ былъ редакторомъ, отрывки изъ «Записокъ одного молодого человѣка» и написанныя имъ во Владимірѣ сцены изъ римской жизни. Во всѣхъ его произведеніяхъ того времени видно, что онъ былъ подъ религіознымъ вліяніемъ Наташи и Витберга. Въ Москвѣ, подъ вліяніемъ философіи Гегеля и новаго кружка, религіозное направленіе его измѣнило свою форму. О духѣ религіознаго направленія въ Вяткѣ и Владимірѣ можно видѣть изъ его писемъ къ Витбергу ¹⁾, изъ легенды о жизни святой Θεодоры, помѣщенной выше, въ моихъ воспоминаніяхъ, и изъ слѣдующаго, сохранившагося у меня отрывка изъ римскихъ сценъ:

Изъ Римскихъ сценъ.

Однимъ сентябрьскимъ днемъ, грустныя думы, рядомъ съ туманной сырой погодой, навели на меня сильную печаль. Чтобы разсѣяться, я вздумалъ читать, но книга выпала изъ рукъ на второй страницѣ... перебравъ нѣсколько, мнѣ попалась наконецъ такая, которая поглотила меня до глубокой ночи—то была Тацитъ. Задыхаясь, съ холоднымъ потомъ на челѣ, читалъ я странную повѣсть какъ отходилъ въ корчахъ, судорогахъ, съ рѣчью предсмертнаго бреда, вѣчный городъ. Не личность цезарей, не личность ихъ окружавшихъ клеветовъ поражала меня,—страшная личность народа римскаго далеко покрывала ихъ собою. Мелькомъ и съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ говоритъ Тацитъ о гоненіи христіанъ, на которыхъ Неронъ сложилъ извѣстный пожаръ. До того Назареевъ даже не гнали. Я зналъ, что въ то время апостола Павелъ былъ въ Римѣ; это дало мнѣ поводъ раскрыть Апостольскія Дѣянія, и рядомъ съ иррациальнымъ, окровавленнымъ, развратнымъ, свѣдаемымъ страстями Римомъ—предстала мнѣ эта бѣдная община гонимыхъ, угнетенныхъ проповѣдниковъ Евангелія, сознавшая, что ей вручено пересозданіе міра, рядомъ съ распадающею всею, которой все достояніе въ воспоминаніи, въ прошедшемъ,—святая хранилищница благой вѣсти, вѣры и надежды въ грядущее. Я долго думалъ о времени, предварившемъ ихъ встрѣчу. Есть особое состояніе трепета и безпокойства, мучительнаго стремленія и боязни, когда будущее, чреватое цѣлымъ міромъ, хочеть разверзнуться, отрѣзать все бывшее, но еще не разверзлось,

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1876 г., т. XVII, стр. 274—296.

когда сильная гроза предвидится, когда ея неотразимость очевидна, но еще царить тишина,—настоящее тягостно въ такія мгновенія, ужась и стремленіе наподняють душу, трудно поднимается грудь, и сердце, полное тоски и ожиданія, бьется сильнѣе. Этотъ трепеть передъ будущимъ, неизвѣстнымъ, но близкимъ, это отрицаніе всѣхъ узъ, которыми сросся человѣкъ съ былымъ и существующимъ, это мученье неизвѣстности, мученье предчувствія и необладанія—хотѣлось мнѣ уловить въ тогдашнемъ состояніи умовъ. Не страданіе города, а отчаянный крикъ человѣка—и врачеваніе его словомъ Евангелія. Здѣсь предлагается отрывокъ изъ тогда написанныхъ сценъ. Лициній—мой герой, онъ еще не имѣетъ понятія объ ученіи Христовомъ, но вѣяніе духа современности раскрыло въ немъ вопросы, на которые, кромѣ Евангелія, не было отвѣта. Отсутствие религій, неудовлетворительность философіи, наконецъ, очевидное разрушеніе Рима сломили его—для того, чтобъ онъ воскресъ новымъ человѣкомъ. Мевій—благородная, прекрасная, античная натура, но не принадлежащая къ тѣмъ организаціямъ, которыя пагубятъ за предѣлы понятія своего вѣка. Въ Лициніи—предсуществуетъ романтическое воззрѣніе, Мевій — классикъ, со всѣмъ реализмомъ древняго міра.

— «Ну посмотри, посмотри, Лициній, около себя»,—сказалъ юный философъ Мевій другу своему, указывая на видъ съ холма: «неужели ты не чувствуешь теплое, живое дыханіе природы, и неужели это дыханіе матери не согрѣваетъ тебя. О, космосъ! мое сочувствіе къ тебѣ велико, я поклоняюсь тебѣ—потому что ты не хочешь поклоненія; ты все содержишь и все свободно въ тебѣ. Птица, червякъ, звѣрь—каждый воленъ, каждый чувствуетъ себя дома, на мѣстѣ, всѣмъ хорошо. Какое блаженство существовать, существовать и понимать, что существуешь—въ этомъ безконечное наслажденіе; существовать, любить—два великія начала и два великія окончанія природы. Любовь—огонь, льющійся по жиламъ космоса, безъ него-бы все окончѣло, все сосредоточилось-бы въ эгоизмѣ. Лукреціи правъ, онъ постигнулъ тайну природы, положивъ въ основу ея Венеру. Но послушай, Лициній, ни одной морщины не свелъ съ твоего чела этотъ видъ; что за странная грусть поселилась въ тебѣ, давно-ли въ твоей груди обитали свѣтлые образы—я пересталъ узнавать тебя. Теперь даже, когда вся природа около насъ дышетъ нѣгой, когда все живое радостно припадаетъ къ лучамъ солнца, чтобъ сосать изъ нихъ огонь, ты одинъ—какъ чужой, какъ пасынокъ въ родительской хранилѣ, стоишь мрачный и сосредоточенный въ себѣ?»

Противоположность двухъ друзей была разительна. Одушевленные черты Мевія, распростертая руки, какъ-бы раскрывавшія объятія всему, и свѣтлое чело и ясный взглядъ, разливавшійся на все окружающее, дѣлали его похожимъ на греческаго бога—полнота и гармонія, юность и избытокъ жизни громко говорили его чертамъ. О такомъ лицѣ думалъ Платонъ, когда сказалъ, что есть нѣчто изящнѣе тверди небесной, усыпанной звѣздами,—очи, разсматривающія эту твердь. Блѣдное, нѣжное и худое лицо Лицинія, болѣзненно-страдальческое выраженіе, скрещенныя на груди руки и глаза, свѣтящіеся какъ-то лихорадочно и независимо отъ окружающаго, однимъ своимъ свѣтомъ—говорили совсѣмъ иное; казалось, душа, смотрящая такъ—бездонная пропасть, въ которую утягивается вся природа и пропадаетъ безвѣстно; блѣдное и холодно-влажное чело его носило клеймо думъ тягостныхъ, безъотходныхъ и мученій нестерпимыхъ. Онъ отвѣчалъ Мевію: «Я не виноватъ, что природа на меня не такъ дѣйствуетъ какъ на тебя; я завидую тебѣ, но перенять не могу: такъ со сле-

зою на глазахъ я смотрю на дѣтскія игры; ихъ безъотчетная радость, звонкій смѣхъ, совершенное поглощеніе игрой—понятно, но оно не возможно, когда выйдешь изъ того возраста. Я, съ своей стороны, дивлюсь тебѣ, какъ такой дешевой цѣной ты сыскалъ миръ душѣ и наслаженіе; что птицѣ, червяку хорошо—не спорю, животнымъ—дѣти, у которыхъ нѣтъ совершенноволѣтія, нѣтъ ума, нѣтъ вопросовъ; бѣдныя, обманутыя, они беззаботно живутъ, не подозревая, что вмѣстѣ съ груднымъ молокомъ сосутъ отраву. Но на этомъ дѣтскомъ праздникѣ Изиды человѣкъ—чужой. Сверхъ этихъ глазъ, есть у него, другіе, и они видятъ—чего-бы не надобно видѣть, и въ душѣ тѣснятся вопросы, на которые плохо отвѣтили мудрецы веѣхъ вѣковъ: я изучилъ ихъ—и бросилъ: одни слова и уловки. Скажи мнѣ, объяснили-ли они цѣль человѣка, для чего онъ? что послѣ? что прежде?»

Мевій. «Цѣль, да жизнь,—вотъ и цѣль, мнѣ это ясно; ты ищешь какой-то другой цѣли, внѣ человѣка, внѣ природы. По какому праву?»

Лициній. «Оно законно. Я выстрадалъ себѣ это право, оно запечатлѣно морщинами на моемъ челѣ. Ты легко удовлетворяешься, мой другъ, но такое примиреніе не для всѣхъ: у иныхъ въ груди зарождается демонъ, котораго не убаюкаешь эпикурейской пѣснью. Жизнь цѣль жизни! Да что мнѣ въ ней? Я принимаю только тѣ дары, которыхъ требую. Жизни я не просилъ... Я вдругъ проснулся изъ небытія, кто разбудилъ меня—не знаю, но моей воли не было. Мнѣ втѣснено тяжелое бремя жизни—этой странной борьбы, не имѣющей конца, борьбы непрерывной, утомительной. Въ груди лежитъ сознаніе моей нравственной свободы, моей безконечности, и я со всѣхъ сторонъ ограниченъ, униженъ тѣломъ. Я иногда возвращаюсь къ релігиознымъ вымысламъ и вѣрю, что людей создалъ возмущившійся дерзкій Титанъ. Онъ затѣялъ беззаконное смѣшеніе вещества и ума, а мы страдаемъ, искупая негѣность, невозможность такого смѣшенія. Именно негѣность—она очевидна: вложить духъ, разумъ въ безволосую обезьяну и оставить ее обезьяной, чтобъ вся жизнь была страданье отъ двухъ противуположныхъ влеченій, одного, неимѣющаго силы поднять на небо, другаго—неимѣющаго силы стянуть на землю.—Это Аристофановская иронія!»

Мевій. «Одно слово. Зачѣмъ ты такъ дѣлишь духъ отъ тѣла, и точно-ли они непримиримые враги, и мѣшаетъ-ли тѣло духу—не оно ли чрево, изъ котораго духъ развился?»

Лициній. «Какъ не мѣшаетъ? да кто же меня приковалъ ко времени и пространству, къ этимъ двумъ цѣпямъ, ежеминутно бряцающимъ на моихъ рукахъ и ногахъ. Мой духъ хотѣлъ-бы обнять всю вселенную, разлѣться по ней безпредѣльнымъ и вольнымъ—а онъ сидитъ въ этихъ костяхъ, въ этой оболочкѣ мяса. Я колодникъ, котораго пересылаютъ куда-то, не сказавши ему за что, время влачить скованнаго съ свирѣлой быстротой, и само, кажется, не вѣдаетъ куда, не внемлетъ слезамъ, стенанью, не даетъ остановиться, кто на дорогѣ упасть, того трупъ хищнымъ птицамъ—и мимо. Духъ оскорбленный, униженный, борется—но тѣлу дана сила грубая и дикая, которую не сломишь. Духъ понимаетъ свою свободу отъ временнаго, да время не понимаетъ ея. Оно идетъ безъотвѣтно, тупо, однообразно. Могу-ли я продолжить мигъ восторга? Могу-ли сжать мигъ горести? нѣтъ. У кого во власти Клепсидра? у случая, у судьбы. Судьба—слово безъ смысла. И чтобъ эта жизнь была цѣль. Коли она цѣль, за ней ничего—понимаешь-ли: ничего! Я сдѣлаюсь прошедшее, жизнь промчится по моимъ костямъ, раздавитъ ихъ и я не почувствую боли. Луяше царство Плутона, чтобъ я исчезъ какъ звукъ игры въ безконечномъ пространствѣ—если

я не вѣченъ, Мевій; такъ и мiръ умретъ когда нибудь, одряхлѣвши, истощивъ свои силы, и не оставитъ слѣда и будетъ—ничего. Памяти не оставитъ по себѣ, потому что некому будетъ помнить».

Мевій. «Въ этомъ можешь быть обезпеченъ; для вселенной нѣтъ смерти. Космосъ есть—ты понимаешь-ли, что въ этомъ словѣ заключена вѣчность? Это значитъ: мiръ былъ и будетъ—потому что онъ есть. Онъ живетъ, обновляясь пологѣнiями».

Лицивій. «Да, онъ, какъ Хроносъ, пожираетъ своихъ дѣтей, бросая обглоданныя кости, чтобъ мы могли угадать свою судьбу. Когда я былъ въ Египтѣ—я посѣтилъ Ѡивы, этотъ стовратный городъ Гомера. Дворцы, столбы, аллеи сфинксовъ, грифы—стоятъ, на скалахъ сидятъ страшныя Мемноны, обелиски, испещренные дѣлыми рѣчами гіероглифовъ, стерегутъ ворота, въ которыя никто не входитъ, и говорятъ что-то каменной рѣчью, которую никто не слушаетъ и никто не понимаетъ теперь. Тишина страшная—ни одного человѣка и пустыя зданiя, формы безсмысленныя, оттого что содержанiе выдохлось, черепы чего-то умершаго! Куда ушелъ народъ, толпившійся тутъ, работавшій—ушелъ—да куда? Гдѣ этотъ Пантеонъ или та Слоса шахiта, куда стекается прошедшее—люди, царства, звѣри, мысли, дѣянiя. Хроносъ съ ненасытной жадностью безпрестанно ѣстъ, но у него нѣтъ внутренностей, все, что онъ проглотитъ, исчезаетъ—и отъ того онъ не сытъ и безпрестанно гложетъ».

Мевій. «Ты послѣ спросишь, зачѣмъ сегодня волна нанесла кучу песку на берегъ, а завтра смываетъ его, и какъ его отыскать въ морѣ. Все существующее существуетъ во времени, въ этомъ надобно убѣдиться однажды навсегда. Одна жизнь вѣчна. Когда ты бродилъ по Ѡивамъ, зачѣмъ не взглянулъ вверхъ: ты увидѣлъ бы прекраснаго пестраго оривса; зачѣмъ ты не видалъ ни одного изъ красивыхъ цвѣтовъ, качавшихъ яркими и благоухающими вѣячиками изъ-за трещинъ колоннъ и упавшихъ капителей, между которыми ползла, извиваясь и блестя чешуей, змѣя. Гдѣ тутъ запахъ смерти, пустоты—жизнь человѣческой перешла, жизнь природы, разлитая повсюду, осталась. Царства, дѣла рукъ человѣческихъ—падутъ; жизнь вѣчно юная цвѣтетъ на ихъ развалинахъ. Что за дѣло, куда ушли египтяне, чего жалѣть ихъ? Развѣ они въ продолженiе своей жизни не наслаждались по своему, не имѣли минутъ блаженства и сильныхъ ощущений, развѣ они не любили, не трепетали отъ радости, развѣ жизнь не подносила свой кубокъ наслажденiй и къ ихъ устамъ?»

Лицивій. «А несчастные, раздавленные обломками, присутствовавшiе при гибели родины—тѣмъ много-ли отпущено было наслажденiй?»

Мевій. «Ихъ участь была горькая, но тутъ ненавистная тебѣ смерть явилась благодѣтельнымъ гениемъ, успокоила ихъ въ могилѣ, замѣнивши новыми поколѣнiями, такъ, какъ замѣняетъ траву, скошенную на лугу. Ты слишкомъ много придаешь важности человѣку, это нравится гордости: онъ не больше какъ листъ на деревѣ, какъ песчинка въ горѣ».

Индивій. «Счастливы ты, удовлетворяющiйся такими объясненiями. Нѣтъ, я считаю жизнь каждаго человѣка важнѣе всей природы. Человѣкъ—носитель безсмертнаго духа, къ которому природа только рвется. Каждая слеза, каждое страданiе человѣка, отзывается въ моемъ сердцѣ. Безчувственно жертвовать какому-то отвлеченному понятiю о жизни людьми, не жалѣя ихъ. Варвары, приносящiе на жертву людей, закаляютъ ихъ, по крайней мѣрѣ, своимъ богамъ... Я съ нѣкотораго времени боюсь произносить это слово, оно утратило великiй смыслъ свой въ нашихъ устахъ. Для насъ боги—какой-то сонъ, облекающiй въ

образы идеи и мысли. А что прежде была религія? Зачѣмъ я не могу дѣтски вѣрвать, зачѣмъ я родился въ развратный вѣкъ, вѣрующій въ одно сомнѣніе? Что мнѣ дали философы? Ни одного полнаго рѣшенія, ни одной достовѣрности. Они лишили только покоя мою душу, привели ее въ вѣчное колебаніе. Фетишизмъ давалъ больше положительнаго, нежели развѣдающій духъ нашихъ учителей. Подкопавшись подъ пьедесталы боговъ, свергнувъ, осмѣивъ ихъ—что они поставили на эти пьедесталы? Скептическій взглядъ и удостовѣреніе, что мы ничего не знаемъ. Нѣтъ, еще кое-что: стоическую нравственность и ясный взглядъ».

Мевій. «Ты всегда вдаешься въ крайности и требуешь несправедливаго. Что они поставили на пьедесталы, съ которыхъ сняли Олимпійцевъ—помилуй—они поставили Нусъ, великій законъ, великую энергію всего развитія, они поставили живую душу міра, многіе—хотя и не понимаю для чего—доказывали бытіе боговъ».

Лициній. «И въ томъ числѣ нашъ Цицеронъ. И нечего сказать, хорошо написалъ онъ въ ихъ пользу, не хуже какъ за Архіа поэта. И я, также какъ ты, не могу понять, для чего они доказывали, для изощренія въ діалектикѣ, вѣроятно. Доказывать можно только то, въ чемъ можно сомнѣваться. Неужели голосъ мощный, звучащій въ груди, не говоритъ громче всѣхъ философовъ? Что вышло изъ философскихъ доказательствъ? Холодный, безчувственный деизмъ, съ ихъ богами мы чужіе, нѣтъ связи между нами; одинъ Платонъ изъ всѣхъ провидѣлъ, какъ мало удовлетворяетъ такое признаніе боговъ. И чувствую, что человѣкъ долженъ быть связанъ съ божествомъ, въ немъ успокоится любовью возноситься къ нему. Какъ?—не знаю, не понимаю какъ, отъ того-то я и страдаю—я ищу, жажду и все камень, все слова, все мертвое, до чего ни коснусь. У одного Платона и его учениковъ есть что-то, намекъ, приводящій въ трепетъ всю душу. Думалъ-ли ты когда нибудь что значить Логосъ? Тайна, тайна и мы умремъ, не разгадавъ ее. Пусть явится кто-бъ онъ ни былъ и откроетъ мнѣ эту тайну—я обниму его ноги, облобызаю прахъ его сандалій. Предчувствіе мое меня мучитъ, знать, что не знаешь—ужасно. Логосъ,—Логосъ-проформосъ, въ этомъ словѣ для меня заключено все—идея, событіе, пероглифъ. Связь міра и бога—и не могу понять». (Молчитъ).

«Послушай, Мевій, что-то великое совершается. Этимъ путемъ міръ дальше идти не можетъ: онъ своими когтями разорвалъ свою грудь и пожираетъ свои внутренности; на такой пищѣ долго не проживешь. Бродятъ вопросы, никогда не являвшіеся прежде. Если-бы можно было приподнять завѣсу — хоть для того, чтобъ взглянуть и умереть». (Задумывается и молчитъ).

Мевій. «Мечтатель, милый мечтатель, люблю слушать его рѣчь; она имѣетъ какую-то магическую силу, какъ музыка, какъ лунный свѣтъ».

(Лициній садится на холмъ и не принимаетъ, повидимому, никакого участія въ разговорѣ Мевія съ подошедшимъ патриціемъ).

Патрицій. Я сейчасъ отъ Пизона).

Мевій. «Много было?»

Патрицій. Да всѣ нашп.

Мевій. «Эпихарисъ былъ?»

Патрицій. Была и говорила, какъ вдохновенная богами Пинія: великая

женщина! Имя ея поидеть до позднѣйшаго потомства, окруженное лучами славы. Странно, женскую руку избрали боги участвовать въ великомъ дѣлѣ, для котораго такъ долго не находилось достаточно крѣпкихъ рукъ мужнины.

Мевій. «Что новаго о цезарѣ?»

Патрицій. Каждое дыханіе Нерона — злодѣйство. На дняхъ рабы убили какого-то сенатора, Отцы присудили всѣхъ рабовъ его, жившихъ у него въ домѣ и въѣ дома, казнить. Ты знаешь, на это есть прямой законъ. Неронъ, когда ему подали дѣло¹⁾, сказалъ: «безумно нѣсколько сотъ человекъ казнить въ то время, какъ подозрѣніе падаетъ на двухъ, трехъ изъ окружающихъ». — «Императоръ», вскричало нѣсколько голосовъ, «законъ требуетъ ихъ казни». — «А я», возразилъ Неронъ, «требую казни этого закона, потому что онъ безсмысленъ». — Видишь-ли, какъ онъ пренебрегаетъ закономъ, и какъ льститъ подлымъ рабамъ. И сенатъ поддакъ—но ропталъ больше, нежели когда-либо.

Мевій. «Онъ безпрестанно шлетъ случая унизить патриція и Отцовъ. Давеча я встрѣтилъ, недалеко отъ вновь строящагося дворца, похороны. Чьи, ты думаешь? Тигръ околѣлъ у него въ звѣринцѣ, онъ велѣлъ его хоронить, какъ сенатора, завернувши въ латиклаву. Плебей толпами шли за трупомъ гадкой кошки, съ рукоплесканіями и хохотомъ; тутъ какой-то ободранннй разбойникъ взлѣзъ на камень и кричалъ: «божественный цезарь, доверши благое дѣло; ты посадилъ тигра въ сенатъ, посади же Отцовъ въ звѣринецъ». — Толпа съ восторгомъ слушала эти нечестивыя рѣчи».

Патрицій. Подлое огроде подлыхъ корней. Плебей никогда не былъ римляниномъ,—это ложныя дѣти Италіи. Мевій, сегодня приходи непременно къ Латерину, у него совѣщанье; всѣ поняли, что пора приступить къ дѣлу, еще нѣсколько дней—и заговоръ непременно будетъ открытъ. Отъ быстроты завязать успѣхъ. Мы утромъ для того сходились, но было какъ-то смутно и безтолково. Латеринъ поссорился съ Пизономъ. Ты знаешь его — воплощенный Брутъ, а Пизонъ туда же мѣтнеть въ цезари. Луканъ, который въ Неронѣ ненавидитъ соперника-поэта больше, нежели тирана, хотѣлъ выпить чашу вина за здоровье новаго цезаря, Латеринъ и Эпихарисъ чуть не растерзали его. Пизонъ надулся; тутъ, какъ на смѣхъ, Сульпцій-Асперъ сталъ требовать въ раздачу тѣмъ преторіанскимъ когортамъ, которыя пристанутъ къ намъ, какіихъ-то полей близъ Рима. Пизонъ испугался за земли, находящіяся вѣва во владѣніи Калпурніевъ безъ всякихъ правъ — надулся вдвое и уѣхалъ къ себѣ на дачу, а Луканъ на него сочинилъ уморительное двустиміе, — однако у Латерина будуть всѣ.

Мевій. «Латеринъ великій гражданинъ. Когда я смотрю на его открытое чело, на его спокойный, величественный и грустный видъ, онъ мнѣ представляется однимъ изъ полководцевъ времени нашей славы. Римъ не погибъ, если могъ создать еще такого гражданина. Ну, а что касается до Пизона и...»

Патрицій. Всякій знаетъ, да они намъ нужны. Чтò мы сдѣлаемъ безъ Пизоновыхъ сестерцій? А, сверхъ денегъ, его происхождение глубоко оцѣнено даже плебеями. Онъ—имя. Да кстати, я было забылъ сказать, не знаю почему, пало подозрѣніе на старика пафлагонца—раба Пизона, знаешь, что игралъ на флейтѣ—будто онъ доноситъ. Пизонъ велѣлъ его отравить и еще двухъ.

Мевій. «Что-жъ, онъ узналъ навѣрное?»

Патрицій. Эти вещи доказывать и узнавать мудрено. Онъ предупредилъ...

¹⁾ Историческій фактъ.

если они не успѣли донести что нибудь важное, и лишиль себя трехъ работъ безъ пользы, если они уже сдѣлали доносъ. Это обстоятельство заставляетъ еще болѣе горопиться. Мнѣ есть еще дѣла, и такъ сегодня, ночью, у Латерина.

Мевій. «За мной дѣло не станетъ—моя жизнь принадлежитъ Риму, я буду умѣть принести ее на жертву; а странно на душѣ—вѣра и недоувѣріе, страхъ и надежда. Да, неужели это не сонъ, что разъ, два, садеть солнце и въ третій взойдетъ надъ освобожденнымъ Римомъ—и онъ, какъ фениксъ, воскреснетъ въ лучахъ прежней славы, пробудится отъ тяжелаго лихорадочнаго сна, въ которомъ грезилъ чудовищныя событія. И такъ скоро?»

Лициній (встаетъ и подходитъ къ нимъ). «Сонъ! И я скажу теперь, мечты! Домъ падаетъ, столбы покачнулись, скоро рухнуть, а вы хотите поддержать его, чѣмъ? руками?—васъ раздавить, а зданіе все-таки уладеть. Убить Нерона—дѣло возможное, ножомъ легко перерѣзать нить жизни; но трудно вызвать изъ могилы мертваго. Я участвовалъ въ заговорѣ, вы знаете, и пойду сегодня и буду дѣлать, что другіе хотятъ—но вѣра моя остыла. Римъ кончилъ свое бытіе; убійствомъ его воскреситъ нельзя; явится другой Неронъ. И вотъ уже есть желающій, Пизонъ, эоть ограниченный человекъ, сильный только деньгами и предками, протягиваетъ дерзкую руку. Мнѣ жаль Латерина, жаль васъ, жаль эту голубицу¹⁾, назначенную летать по поднебесью въ Элладѣ и залетѣвшую въ горящій домъ. Не то жаль, что вы погибнете, а жаль, что вы втунѣ употребляете вашу вѣру... Что хотите? Воскреситъ Римъ? зачѣмъ? Онъ былъ нехлѣбъ—римляне были хороши. Не законъ, начертанный на доскахъ, покорилъ ему міръ, а другой законъ, который онъ сосалъ съ молокомъ. Истинный Римъ былъ построень не изъ камня, онъ былъ въ груди гражданъ, въ ихъ сердцахъ—а теперь его нѣтъ—остался его остовъ, каменные стѣны, каменные учрежденія. И въ этомъ трупѣ, уже загнившемъ, тлѣетъ какаля-то болѣзненная, лихорадочная, упорная искра жизни. Одряхлѣвшій Римъ одинъ ходить не можетъ, а вы, добрые люди, хотите отнять жоатаго у казѣки, чтобъ онъ упалъ въ первую канаву. Для кого вы работаете, на кого обопретесь? На плебеевъ, что-ли? Да они васъ ненавидятъ. Было время, шлебей считалъ патриція за отца. Хорошо воспиталъ отецъ сына, онъ его ограбилъ, замучилъ на тяжелой работѣ, прогналъ изъ дома, раба принялъ на его мѣсто, рѣзалъ мясо его на куски за долги, морилъ въ тюрьмѣ, ругаясь надъ нимъ, спрашивалъ, глядя на закорузлую руку—не четвероногий-ли онъ? Онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлался звѣремъ. Посмотрите вы на кровожаднаго барса, выходящаго иногда погулять по площади, послушайте его ревъ—цезари поняли его характеръ, они ему, голодному, вмѣсто хлѣба, бросаютъ трупы гладиаторовъ и звѣрь, упоенный зрѣлищемъ крови, рукоплещетъ. При первомъ шагѣ онъ васъ расцерекаетъ на части, и нечему дивиться. Вы сейчасъ бранили шлебеевъ за то, что они ругались надъ сенатомъ—а сенатъ развѣ нѣсколько столѣтій не ругался надъ ними? На плебеевъ обопрется цезарь, не вы, а вы обопретесь, можете, на патриціатъ; хорошъ и эоть кроводиль, не имѣющій зубовъ, снѣждаемый нечистыми страстями, умирающій въ рукахъ рабовъ, египетскихъ поваровъ и нагихъ невольницъ. Въ основѣ своей Римъ носилъ зародышъ гибели. Время казни настало. Онъ богами посвященъ! Ревъ, облитый кровью, всталъ, онъ требуетъ наслѣдія, отчета, онъ не забылъ, что его зарѣзалъ родной братъ, изъ корысти. Онъ оди-

¹⁾ Эпихарисъ.

²⁾ Острота Сципіона Африканскаго.

чагъ въ преисподней, безумье блеститъ въ его глазахъ, лишенныхъ свѣта нѣсколько вѣковъ, у него въ груди одно чувство—мечь! Онъ, какъ Протей, является въ тысячѣ формахъ—онъ Калигула, онъ Клавдій, онъ Неронъ, онъ нѣкогда коловъ булавкой въ языкъ Цицерона и таскалъ его окрававленную голову по площади, онъ былъ Катилина, онъ выводитъ теперь сенаторовъ на арену и заставляетъ бороться съ подлыми гладиаторами и онъ же чернь, рукоплескающая около арены... Онъ—огонь, прокравшійся всюду и сожигающій со всѣхъ сторонъ ветхое зданіе, воздвигнутое на его разможенномъ черепѣ.... Когда-нибудь пожаръ кончится, тогда тишина наляжетъ на эту полосу, будутъ объ Римѣ говорить, какъ о Кароагентѣ, о Вавилонѣ. Звѣри поселятся, имъ ловко норы устраивагъ въ развалинахъ, стаи хищныхъ птицъ прилетятъ дождать несъѣденное Хроносомъ. Поторжествуютъ животныя паденіе челоуѣка—нѣтъ, еще хуже, они просто будутъ жить какъ дома въ берлогахъ своихъ на великомъ римскомъ форумѣ».

Мевій. «Остановись наконецъ, дерзновенный, что за ужасное воображеніе, слѣдъ незаконныхъ преступныхъ мечтаній. Римлянинъ не долженъ слушать такую рѣчь, полную отравы. Погибнуть лучше съ вѣрою въ Римъ, нежели дать мѣсто въ груди ядовитымъ пѣснямъ фурій».

Лициній. «Мнѣ самому досадно: больше сказалось, нежели я хотѣлъ. Я, видишь-ли, долго молчалъ; грудь отъ этого стала полна, ей надобенъ былъ истокъ, она не могла дольше хранить жгучія истинны; мнѣ горько, Мевій, что я дерзкой рукой тронулъ твое сердце гражданина. Но не брани меня, плачь обо мнѣ; потерявши многое, у васъ осталась вѣра въ Римъ, для меня и Римъ пересталъ быть святымъ. А я люблю его, но не могу не видѣть, что стою у изголовья умирающаго. Еслибъ можно было создагъ новый Римъ, прочную, обширную храмину изъ незагившихъ остатковъ. Но кто? кто мощный, великій, который вольетъ новую кровь въ наши жилы, юную и алую, который огнемъ своего генія сплавитъ въ одну семью патриціаты и плебеевъ, согрѣетъ ихъ своей любовью, очиститъ своей молитвой и, наполнивъ своимъ духомъ, всѣхъ гордою стонкой поведетъ въ грядущіе вѣка. Но и Зевсъ—сойдя на землю—не сдѣлаетъ этого».

Мевій. «Другъ, такіа слова еще ужаснѣе; бѣшенныя звуки твоей филиппики возбудили гнѣвъ.... а эти слова—послушай (съ отчаяніемъ): скажи, что намъ дѣлать, что намъ дѣлать?»

Лициній. «Наконецъ-то ты увидѣлъ весь ужасъ настоящаго... что дѣлать? Въ этомъ-то вся задача сфинксовъ. Во всѣ времена, отъ троглодитовъ до прошлаго поколѣнія, можно было что-нибудь дѣлать. Теперь дѣлать нечего. Да, нечего, и это худшая кара, которая можетъ пасть на людей, хуже Сизифовой, хуже Танталовой. Бѣдныя, несчастныя! Фатумъ призвалъ насъ быть страдательными свидѣтелями позорной смерти нашего отца и не далъ никакихъ средствъ помочь умирающему, даже отнять уваженіе къ развратному старику. А между тѣмъ въ груди бьется сердце, жадное дѣяній и полное любви. Ни Ескилу, ни Софоклу не приходило въ голову такого трагическаго положенія. Можетъ, придутъ другія поколѣнія, будетъ у нихъ вѣра, будетъ надежда, свѣтло имъ будетъ, зацвѣтетъ счастье, можетъ. Но мы—промежуточное кольцо, вышедшее изъ былаго, не дошедшее до грядущаго. Для насъ темная ночь—ночь, потерявшая послѣдніе лучи заходящаго солнца и не нашедшая алой полосы на востокѣ. Счастливые потомки, вы не поймете нашихъ страданій, не поймете, что нѣтъ

гягостиѣ работы, нѣтъ злѣйшаго страданія какъ ничего не дѣлать! — Душно!

(Лициній покрываетъ руками лицо. Мевій, глубоко взволнованный, молчитъ).

Fogus Arij.

Кружокъ обтерханныхъ плебеевъ окружаетъ какую-то женщину; ее поставили на возвышеніе.

Голоса. Сама, сама ты видѣла?

Женщина. Братья мои, свидѣтельствуюсь богами — видѣла; святаго-то мужа, какъ преступника, вели въ цѣляхъ, поселяне его провожали. А онъ кротко, спокойно, просто, все поучалъ своей вѣрѣ.

Голоса. Что-жь онъ говорилъ, что?

Женщина. Онъ такъ утѣшительно говорилъ, такъ хорошо, — не могу всего пересказать. Говорилъ онъ, что пора каяться, что новая жизнь началась, что Богъ послалъ Сына своего спасти міръ, спасти притѣсненныхъ и бѣдныхъ. Мы плакали, слушая его. Потомъ онъ взялъ моего маленькаго, посмотрѣлъ на него ласково и сказалъ: «Ты увидишь уже сильнымъ Царство Христово».

Голоса. Слышите! слышите! говорятъ, и слѣпые стали видѣть и мертвые воскресаютъ!

1838 г.

Владиміръ на Клязьмѣ.

О жизни моихъ родныхъ во Владиміръ и въ Москвѣ, я познакомилась больше, нежели изъ ихъ разсказовъ, изъ сохранившихся у меня записокъ лучшаго друга Наташи Т. А. А-ой. Она была самой близкой участницей ихъ жизни, почти съ самаго приѣзда Саши во Владиміръ и до ихъ отъѣзда за границу. Изъ-за границы Наташа до своей кончины вела постоянную переписку съ своимъ другомъ. Съ какой любовью этотъ другъ былъ преданъ Наташѣ, и какъ высоко понималъ ее, можно видѣть изъ тѣхъ отрывковъ ея записокъ, которыя я позволяю себѣ помѣстить среди моихъ воспоминаній, какъ пополненіе ихъ. Эти записки замѣчательны простотой и чувствомъ правды. Читая ихъ, можно быть несогласнымъ съ взглядомъ автора относительно нѣкоторыхъ лицъ и событій, смотрѣть на нихъ съ другой точки зрѣнія, но нельзя отказать въ искренности и стремленіи безпощадно обнаруживать истину; Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этихъ записокъ.

«Лѣтомъ 1834 года, родственникъ мой Николай Ивановичъ А—въ, въ послѣдствіи мой мужъ, съ которымъ я всегда была очень дружна, сказалъ мнѣ, что, на другой день скачки на Ходынскомъ полѣ, встрѣтился онъ съ квартальнымъ надзирателемъ Яворовскимъ (Александръ называлъ его всегда: «Я—воровской»), кото-

рый сказалъ ему, что у него отъ бессонницы голова трещить. «Это отчего вы не спали?» спросилъ его Николай, — «гдѣ же вы были ночь?» «На ловлѣ, батюшка», отвѣчала Яворовскій, «сынка Яковлева съарканили. «Какого Яковлева», спросилъ Николай, стараясь казаться равнодушнымъ. «Что на Сивцевомъ Вражѣ живетъ». У меня позеленѣло въ глазахъ, говорилъ Николай, я поторопился провѣрить сказанное квартальнымъ, и пошелъ къ дому, гдѣ жилъ Александръ. Слуга, на вопросъ мой, дома-ли Александръ, отвѣчала: «дома нѣтъ, куда-то вышли». Николай пришелъ вторично, и получилъ тотъ же отвѣтъ. Въ послѣдствіи онъ узналъ, что Иванъ Алексѣевичъ запретилъ сказывать правду. «Гдѣ же онъ теперь?» спросила я Николая. «Тамъ же, гдѣ и другіе—въ частномъ домѣ». Что же съ ними будетъ? «Будутъ судить». Я заплакала, хотя и не знала никого изъ нихъ лично. Николай отвернулся и, кажется, заплакалъ самъ. Горе мое было искренно. Николай навѣщалъ ихъ, отъ него я знала все, что съ ними происходило.

Однажды Николай принесъ мнѣ стихи Сатина, написанные имъ къ сестрѣ своей, вотъ они:

А NASTASIE.

Изъ тѣсной кельи заключенья
 Зачѣмъ ты требуешь стиховъ?
 Тамъ тухнуть искры вдохновенья,
 Гдѣ нѣтъ поэзіи цвѣтовъ!
 А здѣсь ихъ нѣтъ, больныхъ стenanье,
 Оружья стукъ, да шумъ солдатъ,
 Души высокой изліянья
 Хоть въ комъ внезапно прекратятъ.
 Но, можетъ быть, мечта святая
 И здѣсь зазжеть восторга цѣль
 И я, какъ фениксъ, воскресая,
 Еще исполнюсь новыхъ силъ!
 Быть можетъ... сладко упованье,
 Но нѣтъ, боюсь встревожить я
 На мигъ замолкшее призванье
 Къ иному міру бытія...
 Боюсь души здѣсь пробужденья,—
 Какъ знать—могучее вспорхнетъ,
 А гдѣ предѣлъ ея стремленья,
 Какъ укротить ея полетъ!
 Такъ замолчи, мечта святая,
 Въ груди огня не раздувай,
 Дай срокъ роста и, созрѣвая,
 Пока души не обнажай.

А ты, сестра, возьми терпѣнья
 И не ищи восторга слѣдъ
 Въ моемъ отрывкѣ вдохновенья:
 Я узникъ здѣсь, а не поэтъ!

1835 года

Н. Сатинъ.

1-е января.

Николай Ивановичъ А-въ, кандидатъ математическаго отдѣленія, давалъ уроки математики Сатину, и у него познакомился съ Александромъ. Молодые люди того времени сближались скорѣе и тѣснѣе чѣмъ нынѣшніе. У нихъ былъ общій интересъ научный, и одинъ нравственный.

По отъѣздѣ изъ Москвы товарищей, Николай дома ходилъ точно въ воду опущенный, потомъ развлекся приготовленіемъ къ защитѣ диссертациі на магистра. Получивши званіе магистра, женился на мнѣ. Далѣе заботы домашнія, непріятности, такъ поглотили насъ, что мы едва вспоминали объ удаленныхъ и уже спустя довольно долгое время узнали, что Александръ переведенъ во Владимірѣ, а о Никѣ и Сатинѣ хотятъ просить. Однажды, весной 1838 года, мужъ сказалъ мнѣ, что Александръ собирается жениться на воспитанницѣ княгини Хованской—Натали, о которой я не имѣла и понятія, а 18-го апрѣля, ночью, кто-то поступался къ намъ въ ворота,—дождь лилъ страшный, въ домѣ всѣ уже спали. Братъ моего мужа, спавшій въ мезонинѣ, открылъ окно и спросилъ: кто стучится? ему отвѣчали: «поручикъ Богдановъ». Николай, услышавши это, вскочилъ съ постели, наскоро одѣлся, говоря мнѣ: «это пріѣхалъ Александръ, одѣнься и приходи къ намъ въ кабинетъ». Я слышала отъ Николая, что это личность чрезвычайно замѣчательная и интересовалась его видѣть. Когда Николай представилъ насъ другъ другу, Александръ какъ-то такъ просто, дружески, подалъ мнѣ руку, что съ перваго взгляда привлекъ къ себѣ. «Я очень радъ,—сказалъ онъ, пожавши мнѣ руку,—счастію Николая, и пріѣхалъ сюда просить васъ помочь мнѣ быть такъ же счастливымъ». Онъ говорилъ живо, иногда съ чувствомъ, иногда съ юморомъ, и все, что ни говорилъ, было чрезвычайно увлекательно. Между прочимъ, онъ сказалъ, что пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы во что ни стало увезти Наташу, такъ какъ онъ слышалъ, что лѣтомъ ее хотятъ везти въ деревню, и тамъ выдать замужъ, слѣдовательно, время дорого и откладывать нельзя.

— Скажи пожалуйста,—спросилъ его Николай,—какъ же это ты уѣхала изъ Владиміра и прибыла сюда?

— Курута ¹⁾, добрыйшій человѣкъ, и жена его знаютъ о моемъ намѣреніи жениться, и готовы помогать мнѣ. А такъ какъ я имѣю право быть возлѣ столицы, только не въѣзжать въ нее, то и попросилъ себѣ отпускъ на Воробьевы горы. Курута догадался въ чемъ дѣло, улыбнулся, далъ отпускъ, и посоветовалъ осторожность. Я взялъ видъ поручика Богданова и въѣхалъ съ нимъ въ заставу.

Я ушла спать уже поздно, а Николай съ Александромъ говорили въ кабинетѣ чуть не всю ночь. Рано утромъ они поѣхали къ Н. И. Сазонову, а отъ него къ Н. Х. Кетчеру, и вмѣстѣ съ Кетчеромъ возвратились къ намъ.

— Не смѣшно-ли вамъ покажется,—сказалъ Александръ, обращаясь ко мнѣ,—что я, видя васъ въ первый разъ, хочу просить васъ пожертвовать для моего счастья, конечно, не жизнью, чего не позволилъ бы вамъ вашъ мужъ, а вашимъ спокойствіемъ. Возметесь-ли вы съѣздить съ порученіемъ къ Наташѣ?

Николай объяснилъ мнѣ, что я должна была ѣхать къ княгинѣ, съ ливрейнымъ лакеемъ (это для шика, говорилъ Кетчеръ), просить прислугу, уже предупрежденную, о Наташѣ, и тогда меня проведутъ прямо къ ней. Наташѣ я должна была сказать, что я близко знакомая ее брата, Алексѣя Александровича Яковлева, который, узнавши, что я ѣду въ Петербургъ, поручилъ мнѣ привезти ее къ нему. Въ случаѣ же, что княгиня не согласится отпустить Наташу со мной на слово, передать ей письмо отъ Алексѣя Александровича, которое мнѣ и вручили. Они рассчитывали, что княгиня, прочитавши это письмо, смѣло и даже дерзко написанное, разсердится и выгонитъ Наташу вонъ—а этого только и желали.

Выслушавши инструкцію, я отправилась, а они остались ждать результата своей выдумки.

Мало бывая въ обществѣ, я ѣхала со страхомъ, и въ продолженіе пути обдумывала какъ я явлюсь къ княгинѣ и чтò буду говорить.

Только что я вышла изъ экипажа, какъ слуга торопливо по-

¹⁾ Губернаторъ владимірскій.

велъ меня дворомъ на заднее крыльцо, прямо въ дѣвичью; тамъ встрѣтила меня молоденькая дѣвушка, и проводила наверхъ въ Наташѣ. На верху на меня бросилась, съ страшнымъ лаемъ, собаченка, и изъ за двери выглянула старуха въ огромномъ чепцѣ. Наташа, увидавши меня, бросилась мнѣ на шею, сказавши «избавительница», и залилась слезами. Я заглядѣлась на ея милое личице, на ея глубокіе глаза и полюбила ее, полюбила навсегда. Ее нельзя было назвать красавицей, въ строгомъ смыслѣ этого слова, но она была до того симпатична, что всѣ увлекались ею. Красота ея заключалась въ выраженіи прекрасныхъ синихъ глазъ и всѣхъ чертъ ея лица.

Я рассказала Наташѣ, зачѣмъ меня прислалъ въ ней Александръ, отдала ей письмо, объяснивъ его значеніе. Наташа удивилась, и сказала: «какой Александръ чудакъ! да развѣ можно, чтобы княгиня согласилась отпустить меня съ незнакомой дамой, письмо же можетъ только повредить мнѣ».

— Что дѣлать? спросила ее я.

Наташа не успѣла еще отвѣтить, какъ вбѣжала дѣвушка, и торопливо проговорила:

— Наталья Александровна, пожалуйста поскорѣй въ княгинѣ.

— Что-то будетъ! сказала Наташа,—можетъ, вамъ придется явиться къ княгинѣ—какъ-же быть? я боюсь за васъ.

— Не бойтесь, идите, я готова на все, отвѣчала я. Когда дверь за Наташей затворилась и я осталась одна въ ея комнатѣ, невольный страхъ охватилъ меня: ну, если Наташу запрутъ внизу, а меня оставятъ тутъ безъ отвѣта, что тогда дѣлать? Минуты казались мнѣ часами. Въ комнату вошла какая-то старушка съ желтыми лентами на чепцѣ, посмотрѣла на меня, взяла полотенце и вышла. Походивши по комнатѣ, я отворила дверь, собаченка опять съ лаемъ бросилась на меня. На лай вбѣжала дѣвушка. Гдѣ Наталья Александровна? спросила я. У княгини, отвѣчала она и ушла. Наконецъ, меня пригласили къ ея сіятельству. Сердце у меня сильно дрогнуло. Вхожу въ кабинетъ. Княгиня сидитъ на большомъ креслѣ у окна, передъ столикомъ, въ чепцѣ съ лиловыми лентами. Подлѣ нея стоитъ Наташа, блѣдная какъ полотно. Я поклонилась. Княгиня кивнула мнѣ головой, и строгимъ голосомъ спросила: «Вы отъ кого?» Неприглашенная сѣсть, я оглянулась гдѣ-бы усѣсться; но въ ко-

мнатѣ не оказалось никакой мебели (послѣ я узнала, что мебель нарочно велѣли вынести) и я осталась передъ княгиней стоя. Это окончательно раздражило меня, и я, полунасмѣшливо, полугрубо, отвѣчала ей:

— Я отъ брата Натальи Александровны; Алексѣй Александровичъ просилъ меня привезти ее къ нему въ Петербургъ.

— Какъ-же онъ смѣлъ прислать за нею, не спросяся меня? еще озволю-ли я?—и съ какою стати вы изволили ко мнѣ пріѣхать?

— Я и не думала пріѣзжать къ вамъ,—отвѣчала я,— и если-бы мнѣ не сказали, что Наталья Александровна у васъ, то и не пришла-бы теперь къ вамъ.

— Это я знаю! И знаю, — едва владѣя собой, возразила княгиня,—что все это штуки того негодяя, ссыльнаго (и еще какъ-то обозвала его); но этого не будетъ, я не отпущу ее!

— Я васъ и не спрашиваю, — сказала я; Наталья Александровна въ такомъ возрастѣ, что можетъ сама рѣшить этотъ вопросъ, а до васъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла. И, обратясь къ Наташѣ, сказала:

— Что-же—ѣдете вы къ брату?

Наташѣ было не до отвѣта, она дрожала и лицо ея приняло такое страдальческое выраженіе, что я испугалась, взяла ее за руку, и, не глядя на княгиню, вышла съ ней въ залу, гдѣ едва успѣла спросить ее: какъ-же? а она отвѣтила: «такъ нельзя, будетъ хуже!»—какъ раздался грозный голосъ: «Наташа!» и она убѣжала.

Возвратясь домой, я съ жаромъ рассказала все какъ было, и разобрала ихъ зачѣмъ они все это затѣяли, и только надѣлали еще больше горя Наташѣ. Они согласились со мной. Но, не смотря ни на что, Александръ былъ въ восторгѣ, и находилъ, что я вела себя отлично. «Одно досадно,—прибавилъ онъ,—зачѣмъ вы не увезли Наташу—такъ-таки и увезли-бы».

— Я дивлюсь,—сказалъ Кетчеръ,—не тому, что вы не увезли ее, а какъ не догадалась княгиня велѣть лакеямъ вытолкать васъ за дерзости вонъ. А если-бы Наталья Александровна уѣхала—тогда навѣрно явились-бы здѣсь жандармы, и тогда—увы!

Александръ расхохотался. Затѣмъ началось совѣщаніе, что дѣлать. Не долго думая, рѣшили Наташу увезти. Александр у сейчасъ ѣхать во Владиміръ, просить у Куруты позволенія же-

ниться, найти священника, который взялся-бы ихъ обвинять— и, устроивши все, приѣзжать за Наташей.

Александръ уѣхалъ. Вскорѣ мы получили отъ него письмо съ жалобой, что священникъ беретъ его обвинять только съ дозволенія начальства, а невѣста, хотя и совершеннолѣтняя, должна представить метрическое свидѣтельство, а гдѣ его взять? оно должно находиться у княгини.

Одинъ изъ знакомыхъ надумилъ, чтобы Наташа подала просьбу въ консисторію о выдачѣ ей новаго свидѣтельства, объявивши, что старое она, неизвѣстно куда, затеряла. На это надобны были деньги, надобны были деньги и на то, чтобы сдѣлать Наташѣ бѣлье и платье, и все это какъ можно скорѣе, пока княгиня не уѣхала въ деревню. Просить у Ивана Алексѣевича было невозможно, онъ также былъ противъ этого брака. Передъ моею поѣздкой въ княгинѣ, Кетчеръ пробовалъ склонить Ивана Алексѣевича на бракъ Александра, представляя ему, что Александръ отъ огорченія можетъ заболѣть и умереть. Иванъ Алексѣевичъ такъ волею шутилъ надъ любовью Александра и Кетчеромъ, что тотъ ушелъ отъ него взбѣшенный, и въ послѣдствіи прятался отъ старика.

Всѣ мы были люди безденежные и жили однимъ жалованьемъ. Одинъ Сазоновъ имѣлъ довольно большія средства, къ нему и обратились съ просьбой о деньгахъ. Онъ охотно согласился и выдалъ 400 рублей.

Деньги эти передали Эмилиі, бывшей гувернантѣй, или, скорѣе, подругѣ Наташи. Черезъ Эмилию велась вся переписка, черезъ нее-же подана была просьба о метричѣ. Два раза просьба, съ подписью Наташи, была неудачна; въ третій за Наташу подписалась я, и дѣло закипѣло. 400 руб. оказалось далеко недостаточно; Сазоновъ обѣщалъ дать больше, но не давалъ еще. Деньги были необходимы на многое, между прочимъ, на подарки и угощенія. Наташа томилась подъ неприяностями. Александръ приходилъ въ отчаяніе и писалъ письмо за письмомъ, укоряя насъ въ медлительности; онъ и знать не хотѣлъ, кто въ этомъ виновать.

Два раза назначали Наташѣ быть готовой, уйти изъ дома и приѣхать прежде всего къ намъ, и опять откладывали. Ожиданія до того измучили ее, что она писала мнѣ: «ради Бога,

Т. А., скажите, что у вас дѣлается. Эмилиі третій день нѣтъ дома, я ничего не знаю. Сегодня было назначено навѣрное уѣхать. Я буду ждать вашего отвѣта какъ смертнаго приговора. Наташа..

Навонецъ, Николаю удалось залучить въ себѣ Сазонова; онъ разсказалъ ему, что за нимъ дѣло стоитъ и можетъ не хорошо кончиться. На слѣдующій день Сазоновъ прислалъ деньги; по сдѣланному расчету, оказался недостатокъ еще въ 150 рублѣхъ. Николай добавилъ ихъ изъ своего жалованья, взявши его впередъ. Къ 7-му мая все было готово, ждали Александра въ Москву.

Княгиня, будучи въ неудовольствіи на Наташу, запретила ей сходить съ антресолей: это затрудняло побѣгъ. По счастью, сенаторъ, братъ княгини, Левъ Алексѣевичъ Яковлевъ, уговорилъ княгиню простить Наташу и позволить ей сойти внизъ. Княгиня согласилась. Левъ Алексѣевичъ самъ привелъ Наташу изъ мезонина, княгиня разчувствовалась и позволила ей заниматься по прежнему музыкой и книгами.

Когда все было готово, рѣшили увезти Наташу въ Никольскій день, во время обѣдни. Княгиня еще наканунѣ собиралась ѣхать въ церковь, вмѣстѣ съ своей компаньонкой Марьей Степановной, велѣла приготовиться и Наташѣ. На другой день утромъ, Марья Степановна объявила княгинѣ, что у Наташи сильная головная боль, и она не можетъ ѣхать къ обѣднѣ. Какъ только онѣ уѣхали, Наташа сошла внизъ и сѣла въ залѣ подъ окномъ, близкимъ къ воротамъ; ей было сообщено, что одинъ господинъ пройдетъ мимо оконъ и остановится у воротъ, а другой пройдетъ по противоположному тротуару и махнетъ ей платкомъ.

Между тѣмъ у насъ въ домѣ собрались Александръ, Эмилиа, Кетчеръ. Было десять часовъ утра. Николай торопилъ Кетчера и они ушли. Мы остались втроемъ. Вдругъ Николай возвратился и сказалъ мнѣ: «дай твою турецкую шаль, а то вѣдь она выбѣжить безъ ничего»,—я подала ему шаль.

Всѣ мы были страшно взволнованы. Александръ хотѣлъ что-то съострить, но ему не удалось, я думаю, первый разъ въ жизни. Эмилиа, сантиментальная нѣмка, вздыхала и хныкала. Это намъ надоѣло и мы вышли въ залу. Вдругъ раздался крикъ Эмилиі: «Ахъ!» кричала она, «я чувствую, чувствую—ее увезли... ахъ! ахъ! мнѣ дурно!» Мы бросились къ ней, схватили стаканъ воды, одеколонъ, гофманскія капли — ничто не помогало. Але-

ксандръ вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ: «да развѣ вамъ хотѣлось, чтобы помѣшали Наташѣ уѣхать, и мы были-бы несчастны?»

— Нѣтъ, ахъ, нѣтъ,—говорила Эмилія,—но мнѣ страшно.

Мы съ Александромъ взглянули другъ на друга и поняли, что вѣдь и намъ страшно.

Наконецъ явился Николай, объявилъ, что все окончено благополучно. Наташа уѣхала съ Н. Х. Кетчеромъ и находится въ Перовомъ трактирѣ, гдѣ ожидаютъ Александра. Александръ немедленно туда отправился.

Николай наскоро разсказалъ намъ, что они до дома княгини перемѣнили двухъ извозчиковъ (пролетовъ тогда не было, а были маленькія дрожки); по условію, Кетчеръ проѣхалъ мимо дома и остановился у воротъ, а Николай, проходя противоположнымъ тротуаромъ, замѣтилъ въ угловомъ окнѣ старушку, безучастно смотрѣвшую на улицу. (Наташа сказала намъ послѣ, что это была тетка М. Н. Каткова, Вѣра Акимовна, очень добрая старушка, часто гостившая у княгини). Николай нѣсколько испугался, но пошелъ дальше; въ крайнемъ углу къ воротамъ сидѣла она. Николай махнулъ ей платкомъ, и видѣлъ какъ она всоочила и побѣжала. Онъ перешелъ къ Кетчеру, накинулъ на нее мою шаль, усадилъ на дрожки, пожалъ ей руку и тихо пошелъ обратнымъ путемъ. Старушка по прежнему спокойно сидѣла подъ окномъ и смотрѣла на улицу.

Александръ поѣхалъ въ одномъ сюртукѣ, на простомъ извозникѣ, какъ-бы для прогулки за заставу. Слѣдомъ за нимъ надобно было отправить его камердинера Матвѣя, съ вещами; ихъ набралось цѣлый возъ, послали Матвѣя за извозникомъ, громоздкія вещи оставались у насъ. Мы не поѣхали провожать Александра, думая, что, можетъ, сдѣлаютъ у насъ обыскъ, то быть-бы на лицо къ отвѣту. Только что вещи были уложены на возъ, какъ пришелъ Голубевъ. Николай наскоро сдалъ Голубеву вещи и просилъ его отправиться вмѣстѣ съ ними и Матвѣемъ къ Александру, а на заставѣ сказать, что онъ переѣзжаетъ на дачу. Такимъ образомъ и Голубеву (въ послѣдствіи женатому на дочери А. Л. Витберга) пришлось проводить нашимъ милыхъ бѣглецовъ.

Александръ и Наташа пріѣхали во Владиміръ около вечера. Александръ завезъ Наташу въ домъ къ одному чиновнику, гдѣ

она должна была переодѣться въ вѣнчальное платье, потомъ отправилась въ церковь вѣнчаться.

Вскорѣ мы всѣ получили отъ Александра письма, проникнутыя блаженствомъ и благодарностію. Вслѣдъ за тѣмъ я получила письмо отъ Наташи, въ которомъ она просила меня прислать ей какое нибудь платье, приличное для выѣзда. Эмилія, сдѣлавши ей бѣлье, домашнія платья и вѣнчальное, для выѣзда не сдѣлала никакого. Денегъ у нихъ больше не было и сдѣлать еще платье не на что. Я послала Наташѣ мой шелковый голубой капотъ съ вышитой тюлевой юбкой и шелковое нарядное платье. Въ этихъ платьяхъ она и посѣщала владимірскихъ знакомыхъ. Только къ концу лѣта они сбились деньгами, да заняли у Егора Ивановича Герцена, и поручили намъ купить разныхъ мелочей для туалета Наташи; но, по молодости, позабыли запастись шубой на приближавшіеся холода. Когда пришла зима, я послала Наташѣ мою вторую шубу.

Александръ сообщилъ отцу о своей женитьбѣ; между прочимъ, писалъ, что Богъ соединилъ его съ Наташей, на что Иванъ Алексѣевичъ отвѣчалъ ему: «я волѣ Божіей не перечу, но такъ какъ ты не нашелъ нужнымъ сообразоваться съ моею волей, а деньги — мои, то къ выдаваемому мной тебѣ жалованью ничего не прибавлю».

Отношенія наши все больше и больше расширялись. Наташа, слыша, что здоровье Николая разстраивается, писала мнѣ самыя сочувственныя письма; они облегчали мое горе.

1839 года 18-го апрѣля, мы получили изъ Владиміра письмо:

«Т. А., вы понимаете-ли, что это значить 18-е апрѣля—вѣдь это день нашей встрѣчи, день, въ который въ мои святцы вписаны два новыхъ угодника:

Раба божій Николай	}	Иже за освобожденіе мученицы Наташи въ Цареградѣ пострадавшихъ.
Раба божья Т—на		

18-го апрѣля передъ обѣдомъ явился я къ вамъ печальный, смущенный, во фракѣ Сазонова. Вотъ вы поѣхали къ княгинѣ, а я жду... Кажется, вы года полтора ѣздили, а воротились всетаки 18-го апрѣля.

18-го апрѣля я, грустный еще больше, безъ положительныхъ надеждъ и безъ фрака Сазонова, поѣхалъ... день, день...

Вспомнили-ли вы? А мы вспомнили!

Да и каковы бы мы были, еслибы не вспомнили. Еще разъ благодарю васъ дружески, братски, и до тѣхъ поръ мнѣ не надоѣсть благодарить, покуда Богу не надоѣсть повторять 18-е апрѣля, а это, спросите у Николая, такъ тѣсно связано съ путемъ солнца (которое не двигается ни съ мѣста), благосо-

стояніемъ земнаго пара и разной планиды небесной, что никакой надежды нѣтъ къ прекращенію 18-го апрѣля.

«Какъ я взгляну назадъ и припомню все, что было между этой парой 18-хъ апрѣлей, то ей-Богу готовъ броситься на волѣни и молиться и молиться со слезами восторга: все было несбыточно,—все сбылось, все было черно,—все сдѣлалось свѣтло, и дивно свѣтло, и я сжилса съ свѣтомъ. Право, въ этотъ годъ мой путь я не промѣняю на путь Сатурна, несмотря на то, что онъ, какъ паяцъ въ конной комедіи, летить съ обручемъ ежегодно верстѣ 10000000000000 (добро бы куда нибудь, а то такъ себѣ, просто летить). Ну, и ты, рабъ Божій Николай, дай руку; да, братъ, дай право еще разъ сказать тебѣ спасибо, и не сердись, вѣдь слово это истаскано: черезъ чьи губы оно не цѣдилось, по чьему языку не сползало въ воздухъ, да я смыслъ ему придаю поважнѣе. И у меня оно вовсе теперь не съ языка ползетъ (ибо я всегда пишу закрывши ротъ, чтобъ какъ нибудь муха не залетѣла), а течетъ съ пера прямымъ трактомъ изъ сердца: не даромъ я Г—нъ.

«P.S. Соприкосновенному въ 18-му апрѣлю К. поклонъ. Скажите ему, что Голубевъ былъ, благодарю его очень за книги. Только онъ велить скоро ихъ прислать. Ну, пусть самъ разсудитъ, ежели литература вздоръ—можно пробѣжать быстро, но 6 томовъ (нѣмецкой работы) Раумеровой исторіи не берусь отчитать ближе мѣсяца. Пожалуйста скажи ему, и особенно благодари его за Раумера. К. долго не придетъ къ тебѣ, тѣмъ лучше, это выиграетъ срокъ на чтеніе—не собирается-ли онъ ко мнѣ?

«Между владимірскими новостями тебя всего болѣе тронетъ вѣсть о кончинѣ кн. Одоевскаго, особенно когда ты узнаешь, что онъ лѣтъ семьдесятъ какъ родился и, слѣдовательно, получилъ понятіе зачѣмъ онъ существовалъ. Memento mori. Александръ».

«Вотъ скоро и часъ тотъ придетъ, когда вы вошли въ темницу страдалицы; меня тогда жизненные силы оставляли, я, кажется, лежала со стукомъ въ груди, который не многія испытали навѣрное, да и не дай Богъ! помните какъ я бросилась вамъ на шею, крѣпко держала за руку, какъ мнѣ странно было послѣ оставить васъ,—и этому уже годъ!

«Довольно, довольно словъ, чувство такъ громко и ясно говорить, что вѣрно слышите ихъ безъ помощи бумаги, не смотря на разстояніе. Наташа».

Пока Александръ и Наташа жили во Владимірѣ, мы часто переписывались съ ними. Изъ ихъ писемъ было видно, что счастье ихъ невозмутимо, жизнь полна взаимнаго уваженія и любви. Александръ много учился, читалъ безъ конца и самъ писалъ, и все, что онъ дѣлалъ, дѣлалъ съ энергіей, съ увлеченіемъ, съ страстностью. Онъ часто дѣлился съ моимъ мужемъ научными интересами, письма его были намъ наслажденіемъ, Николаю—отдыхомъ отъ учительской кафедры и перевода ученыхъ статей въ журналъ профессора Павлова къ сроку. Я помогала мужу въ этомъ трудѣ. Однажды Николай, на упрекъ Павлова, что онъ долго не приносить статью съ таблицами, сказалъ: «невозможно скорѣе, жена моя и такъ сидитъ съ утра до ночи за этими

таблицами». Павловъ перепугался и отвѣчалъ: «помилуйте, она можетъ все испортить, перепутать»; но, дня черезъ два, получивши статью и провѣривши таблицы, удивился ихъ вѣрности, и пріѣхалъ къ намъ лично поблагодарить меня. Александръ, узнавши это, говорилъ: «повѣрьте, Павловъ сдѣлалъ это не изъ вѣжливости, а изъ любопытства: ему вѣрно представилось, что у васъ двѣ головы, и двѣ пары рукъ. По его понятію о женщинѣ, онъ не могъ повѣрить, чтобы женщина, да еще жена учителя, сумѣла написать таблицы. Онъ не догадался, что природа снабдила васъ математической смѣкалкой, иначе вы не вышли бы замужъ за математика. Вонъ посмотрите на Наташу, она вышла за меня, шелопаая—ей и горя мало, что я математики ни въ зубъ».

Александръ не могъ вести даже серьезнаго разговора, чтобы не съострить.

И такъ, изъ писемъ Александра мы видѣли, что они жили всѣмъ существомъ своимъ. Даровитая натура его ни на минуту не могла оставаться въ бездѣйствіи. Наташа ни на шагъ не отставала отъ него—училась у него иностраннымъ языкамъ, наукамъ. Хозяйство у нихъ было маленькое, короткое, главное вниманіе было обращено на опрятность и изящество въ пищѣ и одеждѣ. Предоставленные почти исключительно себѣ самимъ—имъ удобно было вмѣстѣ заниматься. Читая и разсуждая о прочитанномъ, они многому научились. Съ своей стороны, деликатность и мягкость характера Наташи вліяли на Александра благотворно, помогая ему выйти изъ студенческой дивости. Это дѣлалось безъ упрековъ, безъ поученій—безсознательно. Среди научнаго міра и личнаго счастья, они не очерствѣли въ эгоизмъ; небольшое число знакомыхъ любили ихъ, и едва узнавали Александра. Онъ, пожалуй, былъ тотъ же живой, пылкій, страстный, но все это явилось смягченнымъ, опоэтизированнымъ. Его прежнее я уже не бросалось ярко въ глаза, а какъ бы слилось съ другимъ, ему дорогимъ я и сдѣлалось мягче, уступчивѣе. Его уже не тянуло кутить съ друзьями. Скромная, любящая, благоразумная Наташа не сочувствовала кутежамъ, не осуждая ихъ рѣзко, не оскорбляя замѣчаніями. Только въ общихъ разговорахъ высказывала, что не понимаетъ какъ можно тратить время и силы на чувственныя удовольствія.

Когда они узнали, что у нихъ будетъ ребенокъ, восторгамъ

ихъ не было конца. Не оставляя, прежнихъ занятій Наташа стала читать книги о воспитаніи дѣтей; когда же родился ихъ первый сынъ Саша, то всѣ заботы ея сосредоточились на ребенкѣ. Жизнь стала еще полнѣе. Александръ, желая помочь Наташѣ въ ухаживаньи за ребенкомъ, не умѣлъ взяться за это: брался ли отыскать одѣяльце—приносилъ тряпку, хотѣлъ ли подать молока—обливалъ имъ себя. Иногда Наташа, смотря на его неловкость, смѣялась до слезъ, а онъ терялся, конфузился и даже сердился.

Когда Иванъ Алексѣевичъ узналъ, что у Александра родился ребенокъ, то, не желая показать ему свое снисхожденіе, сталъ высылать деньги для маленькаго Шушки, приказывая, чтобы ребенокъ ни въ чемъ не нуждался, писалъ наставленія, какъ ухаживать за малюткой, беречь, не простудить. Доходъ ихъ увеличился настолько, что они могли уплатить сдѣланные ими долги и возвратить мнѣ мои вещи.

Наконецъ повѣяло вѣстями, что скоро всѣ съѣдутся въ Москву. Сатинъ писалъ изъ Симбирска, что о немъ хлопочетъ сестра, но онъ боится еще надѣяться. Жена Ника, женившася въ Тамбовѣ¹⁾, Марья Львовна, ѣздила въ Петербургъ просить за мужа, и заранѣе извѣстила друзей его, что ѣдетъ и хочетъ со всѣми познакомиться. Въ тотъ день, въ который она должна была пріѣхать, всѣ поѣхали встрѣчать ее, въ томъ числѣ и Николай. Поздно вечеромъ онъ возвратился домой, въ какомъ-то угарѣ: говорилъ, что Марья Львовна верхъ совершенства, умна, мила, проста до-того, что всѣ они въ одну минуту стали съ ней на дружескую ногу. Что она общала побывать у всѣхъ друзей Ника, холостые они или женатые—ей все равно; общала пріѣхать и къ намъ, наговорила Николаю пропасть любезностей. «Когда она пріѣдетъ къ намъ», добавилъ Николай къ своимъ рассказамъ, — «ты, пожалуйста, будь съ нею полюбезнѣй и поразвязнѣе, вѣдь надобно же чѣмъ-нибудь замѣнить незнанье французскаго языка!» — Я промолчала, но подумала: «Такъ вотъ откуда повѣяло несчастіемъ! не видя ничего, Николай, кажется, начинаетъ стыдиться меня».... Молодость, конечно.

Пріѣхалъ Кетчеръ и еще кто-то, и тѣ также сходили съума

¹⁾ Марья Львовна Рославлева, племянница тамбовскаго губернатора Пачулидзева.

отъ Марьи Львовны — такъ что заинтересовали этой личностью и меня, я стала ее ждать съ нетерпѣніемъ. Наконецъ, она извѣстила моего мужа, что въ такой-то день прїѣдетъ къ намъ вечеромъ. Николай очень хлопоталъ, чтобы я не забыла чего эффектнаго въ сервировкѣ чая.

Марья Львовна явилась пышная, блестящая. Костюмировка ея была проста, изящна и цѣнна. Она пожала Николаю руку, и, не дожидаясь рекомендаціи, обѣими руками сжала мнѣ руку, и всѣхъ насъ осыпала комплиментами, мѣшая русскую рѣчь съ французскими фразами. Я слушала, молчала, не знала что сказать, и рада была, когда возвѣстили, что въ залѣ готовъ самоваръ. Я встала — «вы сами разливаете чай», сказала восторженно Марья Львовна. «какъ это мило, вы вѣрно отличная хозяйка — да?» Николай смотрѣлъ мрачно и кусалъ губы — я поскорѣе ушла. На мое счастье, пришли два товарища Николая. Поздоровавшись съ нимъ и поглядѣвши на Марью Львовну, они вышли ко мнѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «это не нашего поля ягода; на что она вамъ?»

Марья Львовна попросила себѣ чаю въ гостиную, сказавши, что она имѣетъ надобность о чемъ-то переговорить съ Николаемъ.

Все это мнѣ не нравилось, и вертѣлось въ головѣ: что-то изъ всего этого выйдетъ, когда Никъ съ женой переѣдутъ въ Москву. Чтобы не входить въ гостиную, я нарочно дольше обыкновеннаго сидѣла за чаемъ. Когда мужъ объявилъ мнѣ, что Марья Львовна уѣзжаетъ, я не пошевелилась; она выбѣжала изъ гостиной, протянула мнѣ руку, говоря, какъ она рада, какъ счастлива, что познакомилась со мною, что, переѣхавши совсѣмъ въ Москву, надѣется прїобрѣсти мою дружбу. Я молча, холодно пожала ей руку и сѣла на свое мѣсто. Она уѣхала. Николай, проводивши ее, вернулся недовольный мною — и высказалъ это.

Одинъ изъ товарищей замѣтилъ Николаю, что и безъ ея комплиментовъ намъ извѣстно, что мы люди хорошіе, а на замѣчаніе Николая, что это женщина замѣчательно умная и развитая, сказалъ: — «ты братъ, вижу, мелко плаваешь, и вовсе не умѣешь различать въ женщинѣ умъ отъ свѣтскаго лоска».

Долго еще говорили на эту тему. Я молчала — Николай

обидѣлъ меня, это было въ первый разъ. Мало по малу все смягчилось и стало забываться. какъ вдругъ получили письма отъ Александра и Наташи, въ которыхъ они съ восторгомъ описывали свою встрѣчу съ Никомъ и его женой. «Мы, какъ дѣти, всѣ четверо плакали навзрыдъ. Когда они вошли — сами не знаемъ, какъ очутились въ объятіяхъ другъ друга».

«Я полюбила сразу мою сестру Marie, это ангель, — писала Наташа, — и еще больше полюбила за то, что она съумѣла оцѣнить тебя: «сколько въ ней ума, скромности, граціи», говорила она, «я любовалась ими обоими» — это ея слова».

Александръ между тѣмъ писалъ:

«Друзья, мы безконечно счастливы! Насъ четверо — и что это за женщина Марья Львовна — она выше всякой похвалы. Никъ счастливъ, что нашелъ такую подругу.

«У меня сохранилось распятіе, которое далъ мнѣ Никъ при разлукѣ. И вотъ, мы въ четверомъ бросились на колѣни передъ Божественнымъ Страдалцемъ, молились, благодарили его за то счастье, которое онъ ниспослалъ намъ, послѣ столькихъ лѣтъ страданій и разлукъ. Мы цѣловали его пригвожденныя ноги, цѣловались сами, говоря: «Христосъ воскресъ!»

Читая эти письма, Николай замѣтилъ мнѣ: „видишь, какая это женщина, а ты не съумѣла сойтиться съ нею“. — И не сойдуся — теперь больше чѣмъ когда-нибудь. — „Это отъ чего?“ — Я думала, она только свѣтская женщина, а теперь вижу, что она лицемерна. Зачѣмъ она наговорила Наташѣ столько неправды обо мнѣ, — и когда-же? — въ святыхъ, чудныхъ минуты перваго свиданія друзей; вѣдь мужъ ея, Александръ и Наташа, конечно, отъ чистаго сердца радовались, молились, плакали, а она? — нѣтъ, это нехорошо. — „Ты предубѣждена, — сказалъ Николай, — когда они пріѣдутъ въ Москву, надѣюсь, вы сойдетесь“. Я промолчала.

Отъ Марьи Львовны всѣ теряли голову, — всѣ чуть не молились на нее. Разочарованіе было горькое.

Мало по малу, разрозненные друзья стали собираться. Первый пріѣхалъ Никъ съ женой — прямо на дачу въ паркѣ. Поздно осенью — Александръ съ Наташей, и поселились въ маленькомъ домѣ Ивана Алексѣевича, который онъ для нихъ, кажется, купилъ и отдѣлалъ. Я у Наташи была безпрестанно, мужъ мой приходилъ къ нимъ, какъ только имѣлъ свободное время. Такъ хорошо было у нихъ, что мало по малу весь товарищескій кругъ сталъ поздно вечеромъ собираться въ ихъ домѣ — потому что до девяти часовъ Александръ долженъ былъ оставаться у отца. Онъ говаривалъ: «вотъ жизнь! и вечеръ придетъ, когда вечеръ

пройдетъ!» Принимать друзей, безъ которыхъ онъ не могъ жить, чуть не украдкой, урывками, было для него пыткой. По виду, старикъ не любилъ и ни во что не ставилъ товарищей сына. Александръ покорялся волѣ отца не изъ одного расчета, онъ цѣнилъ въ старикѣ умъ, любовь къ себѣ и къ своему маленькому сыну, не смотря на то, что все это у Ивана Алексѣевича выражалось по своему.

На зиму Никъ нанялъ дорогую квартиру на Арбатѣ, въ трехъ шагахъ отъ Александра. Марья Львовна стала устраиваться съ всевозможнымъ комфортомъ. На меня всѣ нападали за нее, а Наташа даже огорчалась. Весь кругъ ихъ сталъ собираться и у Ника. Александръ не могъ проглотить, что я тамъ не присутствовала, и приставалъ ко мнѣ, чтобы я съѣздила къ нимъ, такъ какъ визитъ оставался за мною. Я согласилась. Наташа радостно говорила: „увидишь, какъ она обрадуется, что ты пріѣхала и выбѣжить на встрѣчу“. Я поѣхала. Парадный входъ, передняя, зала были завалены рабочими инструментами и разными вещами; какъ видно, перебивали и чистили мебель. Я просила слугу доложить обо мнѣ. Не зная куда пройти, я стояла среди хлама и рабочихъ и ждала. Минуть черезъ пять, слуга объявилъ, что Марья Львовна принять не можетъ, что она не одѣта (было два часа пополудни); я просила передать ей, что мнѣ все равно въ чемъ бы она ни была, я желаю только повидаться съ ней; отвѣтъ былъ тотъ-же—что не можетъ принять. Изъ кабинета слышался говоръ нѣсколькихъ голосовъ и хохотъ.

Раздосадованная на себя и на всѣхъ, зачѣмъ ихъ послушала, я пріѣхала къ Александру. Увидѣвши меня, онъ крикнулъ: «Наташа! Наташа! здѣсь Т. А., а мы только что хотѣли послать за вами, у насъ сегодня мороженое; да что вы такія, точно сердитыя?» Наташа прибѣжала и тоже замѣтила мнѣ. Я поблагодарила ихъ за удовольствіе, которое привелось испытать мнѣ по ихъ совѣту, и рассказала пріемъ. Александръ взбѣсился: «мелко! дико, — говорилъ онъ, — мѣщанство!»

Черезъ часъ явился Кетчеръ, и обратясь ко мнѣ, сказалъ: «ну, что, хорошо приняли? подѣломъ—очень нужно было ѣхать къ...» онъ не договорилъ. — Да вы же всѣ восхищались. — «Да-съ, другая роль игралась. Маска сброшена. Я давно говорю—дрянь, а Никъ тряпка—они, вотъ, не вѣрятъ». Наташа была поражена

и сказала: «это было бы очень горько и за себя и за Нива. Неужели мы обманулись?»

Кетчеръ первый сталъ разочаровываться. Наперекоръ урокамъ Марьи Львовны держать себя приличнѣе, сорилъ курительнымъ табакомъ въ ея великолѣпныхъ комнатахъ, мялъ подушки, ковры, даже ломалъ мебель; говорилъ, при ней, Нику, что онъ дѣлаетъ глупость давая волю женѣ, что онъ тряпка, что глупо корчить изъ себя что-то.

Никъ смѣялся и мирилъ его съ женой, говоря, что оба они люди славные, только во вкусахъ не сходятся.

Марья Львовна во многомъ уступала, и была любезна со всѣми товарищами мужа, но внутри у нея кипѣло и она возставлялась противъ нихъ. Все видимо клонилось къ разрыву.

Устроивши блестящимъ образомъ свой домъ, Марья Львовна стала дѣлать парадные визиты знакомымъ и роднымъ изъ аристократическаго круга. Никъ отказался ей сопутствовать, это раздражало ее и было началомъ внутренняго распаденія. Никъ не любилъ большаго свѣта—стѣснялся имъ, началъ вутить и почти не бывалъ дома; я его постоянно встрѣчала у Александра. Онъ былъ простъ, милъ, кротовъ, деликатенъ, и, повидимому, тяжелый камень лежалъ у него на сердцѣ.

Между прочими визитами Марья Львовна заѣхала и ко мнѣ. Я ее не приняла.

Вскорѣ Никъ съ женой собрался за границу; кончивши свѣтскіе прощальные визиты, часовъ въ 8 вечера, они, какъ были въ парадѣ, Никъ во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, пріѣхали къ Александру. Настъ было много; увидя меня, Марья Львовна, обратясь ко мнѣ, сказала: «вы не хотѣли принять меня».—Я не могла васъ принять—я была не одѣта. Марья Львовна прикусила губы и замолчала.

Спустя полчаса, они уѣхали. Завязался разговоръ о томъ, какъ Никъ ошибся въ своей женитьбѣ. Александръ былъ мраченъ, ему обидно было за друга. Выслушавши общее сужденье, онъ сказалъ:

— Виновать-ли Никъ, что женился на женщинѣ, не узнавши ее хорошо. Онъ былъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ. Отецъ не позволялъ ему сближаться съ молодыми людьми; переписка съ нами была запрещена, душа и сердце его искали выхода, сим-

патіи—и симпатія явилась ему въ лицѣ Марьи Львовны. Да и всѣ мы увлекались ею.

— Ну, а теперь,—замѣтил Кетчеръ,—не увлекаемся больше, и самъ Никъ видитъ что она; чего-же, дуракъ, ее слушаетъ—прихвостень.

— Никъ, братъ,—возразилъ на это Александръ,—не намъ чета,—это душа нѣжная, любящая. Онъ полюбилъ ее и еще любить. На выходки ея смотреть какъ на дѣтскую шалость. Ихъ разногласіе въ пониманіи вещей такого рода, что или миръ, или разводъ. Никъ, конечно, предпочтетъ первое. Второе онъ не захочетъ даже изъ-за того, чтобы не бросить порицанія на репутацію женщины, которую любилъ и любить еще. Онъ скорѣи пожертвуетъ собой, чѣмъ кѣмъ бы то ни было.

Наташа, въ свою очередь, горячо заступилась за Ника. Всѣ-же вообще чувствовали, что онъ несчастень и молчитъ.

Разговоръ въ этомъ родѣ продолжался бы еще долго, какъ вдругъ вбѣжала Марья Каспаровна съ крикомъ: «Иванъ Алексѣвичъ! Иванъ Алексѣвичъ!» Все встрепенулось и вдругъ смогло. Александръ засуетился и пошелъ на встрѣчу отпа. Наташа сконфузилась, Катя бросилась спрятаться на мезонинъ, туда-же убѣжалъ Кетчеръ. У стола, вокругъ котораго всѣ сидѣли въ диванной, остались только Луиза Ивановна, Наташа, Марья Каспаровна и я. Мужчины скрылись въ кабинетъ Александра. Когда вошелъ Иванъ Алексѣвичъ, я увидала худаго, средняго роста старика, съ строгимъ, умнымъ лицомъ, съ гордо-самостоятельнымъ выраженіемъ во всѣхъ чертахъ. Никому не кланяясь, онъ осмотрѣлъ насъ всѣхъ съ головы до ногъ. Всѣ встали. Видя его невѣжливость, я осталась на мѣстѣ. Онъ началъ все оглядывать, и, ни къ кому не обращаясь, спросилъ:

— А гдѣ-же маленькій Шушка? — Онъ уже спитъ, робко отвѣтила Наташа, и покраснѣлась.

— А кто-же у него?—Няня-съ. Старикъ обогнулъ всѣ окна, приглядывая руку, не дуется-ли гдѣ, потомъ, обратясь къ Александру, указалъ на тѣ мѣста, гдѣ въ окнахъ вдвигались болты, которыми снаружи охватывались ставни, пропускались въ комнаты, сквозь стѣны, и тутъ припирались.

— Это никуда негодится. Въ эти дыры можетъ дуть днемъ и ребенокъ простудится.

— У насъ онѣ закладываются, — сказала Александръ и почтительно показалъ сдѣланныя для этого затычки.

— Это все пустяки, — возразилъ старикъ, — ребенокъ шала можетъ ихъ вытащить.

Мнѣ надобло все это слушать, я вышла въ гостиную, куда перешли Луиза Ивановна и Марья Каспаровна. Онѣ сидѣли тихо и робко; перекинувшись съ ними двумя, тремя словами шепотомъ, я пошла на верхъ, на силу взобравшись туда по темной лѣстницѣ. Наверху была та же темнота. Кетчеръ, съ трубкою въ зубахъ, на цыпочкахъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, Катенька ахала и уговаривала Кетчера не ходить, что шаги его слышать. Я сѣла и всѣ мы говорили шепотомъ.

— Отчего вы сидите въ потемкахъ? — спросила я ихъ, — снизу огня не видать.

— Когда Иванъ Алексѣевичъ пойдетъ по двору, то можетъ увидать огонь, а онъ запретилъ жить наверху.

— Ну, какъ старикъ вздумаетъ придти сюда, — шутила я, — куда вы дѣнетесь? — Не пойдетъ, — лѣстница безпокойна. — Вы-то, Кетчеръ, отчего спрятались? — остальные внизу.

— Оттого, — сказалъ Кетчеръ, — что, во-первыхъ, я его терпѣть не могу и онъ меня терпѣть не можетъ. Это все съ тѣхъ поръ, какъ я уговаривалъ его согласиться на женитьбу Александра. Пожалуй, онъ скажетъ мнѣ дерзость, а я не смолчу — Александру выйдетъ непріятность.

— А васъ-то за что преслѣдуютъ? — спросила я Катеньку.

— Кто его знаетъ. Узнавъ, что меня привезли сюда, сказали, что не потерпѣть у себя всей родни Наташиной. Я живу здѣсь у Луизы Ивановны и прячусь отъ него.

— Ну, старикъ! — подумала я. Ищетъ возбудить къ себѣ страхъ, а не любовь.

Наконецъ наверхъ, вбѣжала Марья Каспаровна, со свѣчкой въ рукахъ и смѣясь говорила:

— Ну, узники, васъ просятъ внизъ, бѣда миновала. Иванъ Алексѣевичъ благополучно достигъ своихъ апартаментовъ. А ужъ какъ онъ зорко оглядывалъ весь домъ, точно зналъ, что вы тутъ спрятались.

По счастью, старикъ рѣдко дѣлалъ такія нашествія. Да, я забыла сказать, что онъ увелъ Александра съ собою и про-

держалъ 40 минутъ, не обращая вниманія на то, что у него были гости. Когда Александръ возвратился, бесѣда наша ожи-вилась, онъ острилъ надъ собой, надъ отцомъ, надъ Кетчеромъ. Говорилъ, что отецъ наказуеть его за прошлые грѣхи; что онъ учится у отца быть отцомъ своего сына; жалѣлъ, что Кетчеръ не состязался съ Иваномъ Алексѣвичемъ, что это оживило-бы всю публику и вызвало-бы изъ той испуганной молчаливости, ко-торая обуяла всѣхъ при появленіи владыки дома и сына.

Наконецъ, Никъ съ женой уѣхалъ за границу, Александръ съ семействомъ сталъ собираться въ Петербургъ; отецъ его желалъ, чтобы онъ тамъ служилъ. Мнѣ жалъ было, что они уѣзжали, я начинала любить Наташу все сильнѣе и сильнѣе. Ея горячая, самоотверженная любовь къ мужу и ребенку не мѣшала ей принимать участіе въ другихъ, жалѣть, помогать, оплакивать другихъ — ей, какъ будто, мало было своей семьи. Александръ для себя, для жены и сына едва-ли бы задумался пожертвовать другими; было-бы хорошо ему — до другихъ дѣла мало. Его эгоизмъ, едва-ли сознаваемый имъ самимъ, вырази-лся во многихъ фактахъ его жизни. Наташа съ горечью ука-зывала ему на эту черту, извиняя средой, исполненной себялю-бія и деспотизма, въ которой онъ росъ, всеобщей заботой о немъ, всеобщимъ лелѣніемъ и баловствомъ. Вліяніе Наташи смягчало въ немъ сердце, и онъ старался относиться къ людямъ, — не то что ко массѣ людей, къ человѣчеству, но въ частности, къ че-ловѣку, — съ большимъ сочувствіемъ, и иногда забывать свое я. Александръ, — съ своей стороны, имѣлъ благотворное дѣйствіе на Наташу — просвѣщая и развивая ея умъ знаніями.

Въ продолженіе этихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, прожитыхъ семействомъ Александра въ Москвѣ, я видала у нихъ, въ чи-слѣ многихъ лицъ, М. А. Б*, съ которымъ всѣ какъ-то робко, тономъ ниже, говорили. Во всей его фигурѣ было что-то дерзкое, вызывающее; лицо, матовой бѣлизны, особенно непріятно пора-жало при короткихъ, курчавыхъ, черныхъ волосахъ. Мнѣ онъ былъ антипатиченъ. «Да вы, вѣроятно, не разглядѣли этого человѣка», — говорилъ намъ Александръ, — «плохо слушали, чтѣ онъ говорить».

Въ 1840 г., семейство Александра уѣхало въ Петербургъ....»

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРѢПОСТНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Несмотря на то, что исторія крѣпостныхъ крестьянъ болѣе разработана въ нашей ученой литературѣ, чѣмъ изслѣдованіе прошлой жизни всѣхъ другихъ отдѣловъ крестьянства, весьма многое остается еще сдѣлать по этому предмету. Это объясняется трудностью и обширностію самой задачи. Кромѣ описанія положенія крестьянъ, историкъ крѣпостнаго права долженъ обратить вниманіе на то, кто могъ владѣть крѣпостными, представить статистику крѣпостнаго населенія, собрать свѣдѣнія о раздачѣ населенныхъ имѣній, которая производилась въ XVIII вѣкѣ въ столь широкихъ размѣрахъ, рассмотреть, что было сдѣлано правительствомъ для улучшенія быта крѣпостныхъ, рассказать исторію ихъ волненій; не менѣе важно при этомъ изложить всѣ мнѣнія, высказанныя въ извѣстную эпоху о томъ, какъ улучшить ихъ положеніе. Описаніе жизни помѣщичьихъ крестьянъ должно не ограничиваться одной Великороссіей, а представлять всестороннюю исторію крѣпостныхъ въ Малороссіи, Бѣлороссіи, Литвѣ и Остзейскомъ краѣ, со времени присоединенія ихъ къ Россіи. Во всемъ своемъ объемѣ эта задача никѣмъ не рѣшена до сихъ поръ; нѣтъ даже трудовъ, удовлетворяющихъ всѣмъ этимъ требованіямъ по какимъ либо отдѣльнымъ эпохамъ. Между тѣмъ настало уже время для научнаго, вполне безпристрастнаго изслѣдованія этой, мрачной стороны нашей прошлой жизни. Не задаваясь цѣлью представить историческій обзоръ крѣпостнаго права за все время его существованія, что потребовало бы весьма обширнаго труда, мы ограничиваемся въ настоящемъ очеркѣ эпохою Екатерины II, и при томъ будемъ говорить только о крестьянахъ великороссійскихъ. Кромѣ того, чтобы не утомлять вниманіе читателей слишкомъ обширною монографіею, мы на этотъ разъ исключаемъ нѣкоторые вопросы изъ области нашего

ислѣдованія и ограничимся характеристикой фактическаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе Екатерины II, на сколько оно рисуется намъ на основаніи какъ печатныхъ, такъ и неизданныхъ источниковъ.

I.

Статистическія свѣдѣнія о крѣпостныхъ крестьянахъ.

Мы не имѣемъ вполне точныхъ свѣдѣній о количествѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ Великороссіи во время первой ревизіи (1722 г.), но можемъ приблизительно сказать, что ихъ было съ небольшимъ 3.000,000 душъ, мужскаго пола. Во время второй ревизіи (1742 г.) крѣпостное населеніе возросло до 3.550,000 душъ. Въ началѣ царствованія Екатерины II, по третьей ревизіи, въ тринадцать губерніяхъ, на которыя раздѣлялась тогда вся Россія, за исключеніемъ Малороссіи, Остзейскаго края и Финляндіи, было всего 3.774,919 душъ крѣпостныхъ мужскаго пола. Указывать количество крѣпостныхъ крестьянъ въ каждой изъ этихъ губерній было бы весьма утомительно для читателей, и потому мы обратимъ вниманіе только на то, какой процентъ всего податнаго населенія составляли крѣпостные въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи; говоримъ—податнаго населенія, такъ какъ дворяне и духовныя лица не заносились въ ревизію и, слѣдовательно, точное количество ихъ въ это время намъ неизвѣстно. Наибольшій процентъ крѣпостныхъ мы находимъ въ Смоленской губерніи: они составляли въ ней 74% всего податнаго населенія; затѣмъ слѣдуетъ громадная Московская губернія: крѣпостныхъ крестьянъ въ ней было 70%. Если брать не относительное, а абсолютное количество, то первенство будетъ принадлежать этой послѣдней ¹⁾: въ ней одной было болѣе трети всего крѣпостнаго населенія Великороссіи, именно, 1.452,024 души. Назовемъ другія губерніи въ убывающемъ порядкѣ относительной численности крѣпостнаго населенія: въ Нижегородской губерніи 60%, въ Новгородской 58%, въ Бѣлгородской 54%, въ Воронежской 44%, въ Архангельской 43% ²⁾, въ Казанской 31%, въ Оренбургской 14%. Въ Астраханской, Сибирской и Иркутской вовсе не было крѣпостныхъ. Изъ этого видно, что чѣмъ ближе къ Москвѣ, тѣмъ гуще было крѣпостное населеніе. Это объ-

¹⁾ Въ составъ ея въ это время входили провинціи: Московская, Ярославская, Суздальская, Владимирская, Костромская, Переяславль-Залѣсская, Юрьевская, Угличкая, Калужская, Тульская и Переяславль-Рязанская.

²⁾ Въ составъ которой, кромѣ Архангельской провинціи, входили еще Устюжская, Галицкая и Вологодская.

ясняется тѣмъ, что въ мѣстахъ, ближайшихъ къ столицѣ, всего болѣе раздавалось помѣстій.

Ко времени производства четвертой ревизіи, Россія распалась уже на значительно большее количество губерній, сравнительно съ ея административнымъ дѣленіемъ въ началѣ царствованія Екатерины II, и потому мы можемъ точнѣе обозначить распредѣленіе крѣпостнаго населенія въ Великороссіи. Вотъ въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ губерніи по относительной численности въ нихъ крѣпостныхъ крестьянъ: Тульская, Калужская, Смоленская, Рязанская, Псковская, Костромская, Нижегородская, Владимірская, Орловская, Московская, Тверская, Пензенская, Симбирская, Новгородская, Саратовская, Тамбовская, Воронежская, Вологодская, Пермская, Уфимская, Казанская, Олонецкая, Вятская, Тобольская, Колыванская, Архангельская и Иркутская ¹⁾. Такимъ образомъ еще болѣе наглядно подтверждается правило, что, по мѣрѣ удаленія отъ Москвы, уменьшается и количество крѣпостнаго населенія.

Всего-же крѣпостныхъ въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ были произведены первая и вторая ревизія, было по четвертой ревизіи (1782 г.) болѣе $4\frac{1}{2}$ милліоновъ ²⁾, а по пятой почти $5\frac{1}{2}$ милліоновъ ³⁾.

Указавъ такимъ образомъ на географическое распредѣленіе крѣпостнаго населенія, слѣдовательно, намѣтивъ мѣста, гдѣ болѣе и гдѣ менѣе проявлялась тяжелая болѣзнь нашего общественнаго организма, называемая крѣпостнымъ правомъ, переходимъ къ всестороннему изученію самой болѣзни въ періодъ ея наибольшей напряженности.

¹⁾ Укажемъ, каковъ процентъ всего населенія составляли крѣпостные въ этихъ губерніяхъ: въ Тульской, Калужской, Смоленской и Рязанской отъ 70 до 80%; въ Псковской, Костромской, Нижегородской, Владимірской, Орловской, Московской и Тверской отъ 60 до 70%; въ Пензенской, Симбирской, Новгородской и Саратовской отъ 50 до 60%; въ Тамбовской отъ 40 до 50%; въ Воронежской, Вологодской и Пермской отъ 30 до 40%; въ Уфимской болѣе 30%; въ Казанской 17%; Олонецкой и Вятской отъ 1 до 6% и въ Тобольской, Колыванской, Архангельской и Иркутской менѣе 1%. Въ Иркутской губерніи, напримѣръ, было всего 3 помѣщика, въ Якутской провинціи всего два.

²⁾ Во всей Россіи, со включеніемъ Финляндіи, Бѣлороссіи и Малороссіи, было 6.678,239 душъ крѣпостныхъ м. п.

³⁾ Во всей Россіи болѣе 9 милліоновъ.

II.

Крестьяне оброчные.—Величина оброка.—Различныя неденежныя повинности оброчныхъ крестьянъ.—Крестьяне, состоявшіе на барщинѣ.—Количество барщинныхъ дней.—Работы крестьянъ на заводахъ.—Дворовые люди, жалованье имъ деньгами и натурою.

Крѣпостные, какъ извѣстно, раздѣлялись на дворовыхъ людей и крестьянъ. Впрочемъ, дѣленіе это было не юридическое, а только фактическое, такъ какъ помѣщикъ могъ cadaго крестьянина взять къ себѣ во дворъ, сдѣлать его дворовымъ. Собственно крестьянъ можно, въ свою очередь, раздѣлить на оброчныхъ и барщинныхъ. Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ отдѣловъ.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, въ большинствѣ, помѣщичьихъ имѣній крестьяне были отпущены на оброкъ. Мы находимъ объ этомъ положительныя свидѣтельства: одно—въ началѣ царствованія Екатерины II—въ ея собственномъ Наказѣ, другое—въ самомъ концѣ этой эпохи, въ описаніи Россіи Шторха. Императрица Екатерина и Шторхъ утверждаютъ, что увольненіе крестьянъ на оброкъ вредно отражается на земледѣліи, такъ какъ это заставляетъ ихъ надолго отлучаться изъ дому на заработки въ отдаленныя мѣстности. На эту-же тему разсуждаетъ и извѣстный агрономъ того времени Рычковъ. Онъ говоритъ, что оброчная система можетъ быть иногда выгодна и для помѣщика, и для крестьянина, но „для общества той пользы, которая происходитъ отъ земледѣлія, отъ нихъ уже нѣтъ“. Рычковъ предлагаетъ даже запретить крестьянамъ „вредныя имъ самимъ и обществу промыслы и отлучки“. Во всѣхъ подобныхъ разсужденіяхъ видна лишь забота объ интересахъ государства, но при этомъ совсѣмъ забывали, что, при извѣстныхъ условіяхъ, отхожіе промыслы были для него неизбѣжными. Крестьянинъ оставлялъ свой домъ и семью и шелъ для заработка на чужбину, или потому, что земля, на которой онъ жилъ, была слишкомъ неплодородна, или потому, что помѣщичій оброкъ былъ очень тяжелъ; въ обоихъ случаяхъ крестьянинъ не могъ ни удовлетворить своихъ личныхъ потребностей, ни исполнить требованій помѣщика, ограничиваясь однимъ земледѣльческимъ трудомъ на родинѣ. Чтобы уменьшить число крестьянъ, ежегодно отправляющихся на отхожіе промыслы, нужно было, очевидно, устранить основныя причины, вызывающія это явленіе. Для этого прежде всего необходимо было ограничить денежныя поборы въ пользу помѣщика, привести ихъ въ соразмѣрность съ качествомъ земли, опредѣлить, сколько землевладѣлецъ долженъ давать земли своимъ крестьянамъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и т. п., а не ухудшать еще болѣе положе-

ніе крестьянина, закрывая ему единственный путь хотя нѣсколько увеличить свое матеріальное благосостояніе.

Что же заставляло помѣщиковъ предпочитать оброчную систему барщинѣ? По объясненію князя Щербатова, помѣщики отпускали своихъ крестьянъ на оброкъ потому, что служба, какъ военная, такъ и гражданская привлекала ихъ въ города, а довѣрить имѣніе прикащику не всегда было возможно. Дѣйствительно, не только до освобожденія дворянъ отъ обязательной службы при Петрѣ III, большинство изъ нихъ было обязано жить внѣ своихъ деревень, но даже и послѣ того, какъ помѣщики получили возможность оставить службу, большинство ихъ не жило въ своихъ имѣніяхъ ¹⁾. При оброчной системѣ не было никакой надобности въ личномъ присутствіи господина въ своей деревнѣ; она избавляла помѣщика отъ всякихъ хлопотъ и давала возможность свободно проживать получаемыя деньги въ столицахъ или въ какомъ либо изъ большихъ городовъ.

Что касается крестьянъ, то, повидимому, и для нихъ въ большинствѣ случаевъ была гораздо удобнѣе оброчная система, такъ какъ, при такомъ порядкѣ отбыванія повинностей, надъ ними менѣе тяготѣлъ гнетъ помѣщичьей власти; они менѣе страдали отъ личныхъ прихотей господина. Конечно, при этомъ оброкѣ не долженъ былъ чрезмѣрно отягощать крестьянина, но объ этомъ всего менѣе думали въ то время. Законъ не опредѣлялъ высшей нормы obroka, и, слѣдовательно, его размѣръ вполне зависѣлъ отъ произвола владѣльца. Императрица Екатерина въ своемъ Наказѣ говоритъ: „весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе отлучаютъ мужика отъ его дома и семейства“. П. И. Панинъ, въ запискѣ, поданной имъ Екатеринѣ по вступленіи ея на престолъ, предлагалъ дать секретное предписаніе всѣмъ губернаторамъ о томъ, какія работы и оброки могутъ требовать помѣщики отъ своихъ крестьянъ. Онъ предлагалъ, между прочимъ, постановить, чтобы оброкъ не превышалъ 2-хъ рублей въ годъ. Но никакого подобнаго предписанія издано не было.

Посмотримъ же, какъ велики были въ дѣйствительности денежные оброки. Георги, путешествовавшій въ Россіи въ началѣ 70-хъ годовъ, говоритъ объ оброчныхъ крестьянахъ: они „прокармливаютъ себя какъ могутъ и уплачиваютъ правительству обыкновенную подушную подать, да кромѣ того помѣщику ежегодный оброкъ чистыми деньгами, который бываетъ весьма различенъ, смотря по заработ-

¹⁾ Это видно, напримѣръ, изъ списковъ дворянъ, составленныхъ въ 1777 году.

камъ крестьянъ, добротѣ или строгости господина и т. д. Обыкновенно же оброкъ бываетъ отъ 1 до 5 рублей съ души: зажиточные крестьяне платятъ болѣе чѣмъ бѣдные“. Императрица въ своемъ Наказѣ также говоритъ, что крестьяне платятъ помѣщику по 1, по 2 и даже до 5 рублей. Однако, въ первую половину царствованія Екатерины наиболѣе обычнымъ былъ оброкъ въ 2—3 рубля съ души. Но съ теченіемъ времени его размѣры все повышались, и въ 1783 г. само правительство признаетъ, что „помѣщичій оброкъ или доходъ всемѣстно до 4-хъ рублей съ души простирается, большею же частію гораздо сіе количество превосходитъ“. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины оброкъ еще болѣе возрастаетъ. Въ письмѣ къ Архарову (1794 г.) императрица обвиняетъ помѣщика Хитрово въ томъ, что онъ беретъ оброкъ болѣе 6 рублей съ души. Но въ это время это уже было не рѣдкостью: по словамъ Шторха, въ это время брали по 5 рублей съ души. Кстати замѣтимъ, что, по мѣрѣ того, какъ увеличивался помѣщичій оброкъ, и крестьянамъ государственнымъ приходилось платить податей все болѣе и болѣе. Относительно помѣщичьихъ крестьянъ дѣло дошло до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напримѣръ, въ Пензенской губерніи) въ концѣ царствованія Екатерины они платили своимъ господамъ ежегодно до 20 и даже до 25 рублей съ души. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ богатыхъ промышленныхъ селахъ еще гораздо ранѣе, даже въ началѣ 70-хъ годовъ, оброкъ уже доходилъ до гораздо болѣе громадной цифры. Такъ напримѣръ, крестьяне села Павлова, принадлежащаго гр. Шереметеву, ежегодно платили своему владѣльцу болѣе 15,000 рублей. Этотъ оброкъ крестьяне сами распредѣляли между собою, смотря по зажиточности каждаго, такъ что бѣдные и старики не платили ничего, за то нѣкоторымъ приходилось вносить отъ 100 до 200 рублей.

Однако, уплативъ, какъ мы видѣли, иногда чрезвычайно обременительный для себя оброкъ, крѣпостной крестьянинъ далеко не всегда отдѣлывался однимъ этимъ. Сплошь и рядомъ онъ долженъ былъ еще, кромѣ этого, исполнять для помѣщика нѣкоторыя работы или дѣлать ему всевозможные взносы натурою. Такъ, напримѣръ, въ Новоторжскомъ уѣздѣ помѣщики брали оброку съ вѣнца, въ которомъ считались одинъ взрослый мужчина и одна женщина, отъ 6 до 10 р., да кромѣ того нѣкоторые требовали съ женщинъ по 10 и 15 аршинъ холста, сухихъ грибовъ и ягодъ.

Самыя полныя свѣдѣнія о всевозможныхъ поборахъ и работахъ, налагаемыхъ на оброчныхъ крестьянъ, мы находимъ въ челобитныхъ, которыя они подавали императрицѣ. Остановимся, напримѣръ, на Гуслицкой волости Московскаго уѣзда. Она принадлежала прежде къ числу

государевыхъ вотчинъ, но, по возвращеніи изъ ссылки въ 1762 году Натальи Федоровны Лопухиной, сосланной при Елисаветѣ Петровнѣ, эта волость была ей пожалована. Въ 1763 году Лопухина умерла, и все имѣніе было раздѣлено на три равныя части между тремя ея сыновьями. Эти части такъ и назывались „третями“. Когда эта волость была государевою вотчиною, крестьяне вносили оброкъ съ 3,350 душъ 3,383 рубля 50 копѣекъ, т. е. по 1 руб. и 1 к. съ души. Новые владѣльцы не удовольствовались такимъ оброкомъ. Вотъ что собиралъ въ 1767 году, какъ видно изъ челобитной крестьянъ, Аврамъ Лопухинъ съ Раменской трети этой волости. Деньгами 3,270 рублей, сѣна 11,500 пуд., овса 200 четв., дровъ трехъ аршинныхъ 100, однополѣнныхъ 60 саж., мяса 40 п., 100 барановъ, 40,000 огурцовъ, сѣрой рубленой капусты 250 ведеръ, бѣлой рубленой 100 ведеръ, пустернаку, сельдерею, хрѣну и пырею по 1,000 корней, рѣпы, моркови, рѣдьки, сколько понадобится, 200 куриць, до 5,000 яицъ, брусники, клюквы, и разныхъ грибовъ, сколько потребуется для домашняго обихода помѣщика. Опѣнивъ на деньги все, кромѣ зелени и овощей, количество которыхъ не было опредѣлено, крестьяне этой трети высчитали, что, вмѣстѣ съ денежнымъ оброкомъ, всего съ нихъ собирается въ годъ 5,273 рубля, слѣдовательно сѣно, дрова и „столовый запасъ“ обходились имъ ежегодно въ 2,003 рубля.

Но и этимъ еще не ограничивались ихъ повинности. Вотъ, напримеръ, что должны были они сдѣлать, по приказу помѣщика, въ 1767 году. Всякое лѣто имъ слѣдовало поставить на мірской счетъ по 20 плотниковъ. Въ деревнѣ Богородской на счетъ крестьянъ были построены: дворовое строеніе и барскій домъ; прорыли канаву въ 9 арш. ширины, длиною въ 70 саж. и начали рыть прудъ, отъ чего, говорятъ крестьяне, — „мы низайшіе пришли въ крайнее разореніе и скудость“. Для переѣздовъ помѣщика съ мѣста на мѣсто требовались крестьянскія подводы; когда онъ ѣздилъ изъ Москвы на богомолье, съ крестьянъ взыскивали деньги на расходы по этому путешествію. По разнымъ надобностямъ помѣщика, было снаряжено въ Москву 200 подводъ. Каждый пріѣздъ господина въ деревню тоже стоилъ крестьянамъ не дешево: на сѣно и овесъ лошадямъ, на прокормленіе самого помѣщика и его людей требовалось около 100 рублей. На счетъ крестьянъ содержался и управитель, присланный помѣщикомъ.

Когда помѣщикъ переселялъ нѣкоторыхъ своихъ крѣпостныхъ изъ одной вотчины въ другую, издержки на ихъ перевозъ падали на остальныхъ крестьянъ. Такъ, когда этотъ помѣщикъ, т. е. Аврамъ Лопухинъ, приказалъ переселить изъ Раменской трети въ Орловскую вотчину 6 семей, имъ были куплены на мірской счетъ шубы,

сани и пр., и дано на проѣздъ и пропитаніе болѣе 100 рублей. Кроме того, крестьяне не только должны были до новой ревизіи платить подати за переселенныхъ, но еще и вносить помѣщику за нихъ оброкъ и разные припасы. Если помѣщикъ бралъ къ себѣ въ домъ для услуженія крестьянскихъ мальчиковъ, то крестьяне всетаки продолжали платить за нихъ оброчныя деньги.

Случалось, что, не стерпя „великаго разоренія, тягости оброчковъ и всякихъ несносныхъ работъ“, нѣкоторые крестьяне бѣжали; тогда положеніе остальныхъ еще болѣе ухудшалось, такъ какъ они должны были платить за нихъ подати и оброкъ.

Всего съ крестьянъ Раменской трети приходилось, по ихъ собственному расчету, оброчныхъ и за всякое „здѣліе“ 7,495 рублей, а вмѣстѣ съ другими двумя третями со всей Гуслицкой волости собиралось 16,535 рублей. Крестьянъ въ той волости было 3,350 душъ, слѣдовательно, съ каждой души приходится почти по 5 рублей. Сравнительно съ тѣмъ, что платила Гуслицкая волость, когда она была государевою вотчиною, Лоухины набавили болѣе 13,000 рублей. Никакія просьбы и мольбы крестьянъ объ уменьшеніи поборовъ не помогли; тогда они рѣшились подать челобитную императрицѣ, но ничего не добились и этимъ путемъ.

Вовсе не лучше было положеніе крестьянъ Загарской волости (въ томъ же Московскомъ уѣздѣ). Въ 40-хъ годахъ они платили своему помѣщику 300 рублей оброку и при этомъ не исполняли никакихъ работъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ они переходятъ во владѣніе генераль-аншефа Леонтьева, и онъ сразу накладываетъ на нихъ денежный оброкъ въ 2,300 рублей. Въ началѣ 1766 года оброкъ былъ опять повышенъ до 3,900 рублей. Кроме денежнаго оброка, Загарскіе крестьяне пахали на своего помѣщика по 40 десятинъ яроваго хлѣба и по 30 десятинъ ржи. Въ теченіи одного года они выслали къ помѣщику въ Москву 2,000 подводъ, на которыхъ возили сѣно и дрова и исполняли разныя работы. Когда однажды сгорѣлъ помѣщичій домъ, крестьяне должны были построить его на свой счетъ, и онъ обошелся имъ чистыми деньгами болѣе 1,000 рублей, не считая работъ при вывозкѣ лѣса.

Въ 1767 году у крестьянъ плохо уродился хлѣбъ; имъ пришлось продавать домашній скотъ, многіе съ женами и дѣтьми ходили по міру. Тогда они обратились къ своему господину съ просьбою уменьшить ихъ оброкъ. Но генераль-аншефъ Леонтьевъ былъ не изъ такихъ людей, которыхъ можно было легко разжалобить. Въ своей челобитной императрицѣ крестьяне, съ свойственною имъ грустною ироніею, говорятъ, что на всѣ ихъ просьбы объ облегченіи налоговъ

ныхъ на нихъ поборовъ „болѣе того милосердія къ намъ не объявлено, кромѣ того, чтобъ приносимыя отъ насъ жалобы пресѣчь и во всемъ не вѣрять“. Они утверждали, что, даже продавъ „последніе изъ домишково своихъ, экипажишко (т. е., попросту—телѣги) и скотъ“, они могли внести помѣщику только часть своего оброка, но помѣщикъ приказалъ взыскивать за бѣдныхъ съ болѣе зажиточныхъ и объявилъ, чтобъ крестьяне впредь „о своемъ отягощеніи жалобъ до него приносить не могли“, въ противномъ случаѣ грозилъ вдвое возвысить денежный оброкъ. Бурмистръ принялся дѣятельно выбивать оброчную недоимку; въ челобитной императрицѣ, крестьяне говорятъ, что вслѣдствіе того, что они рѣшительно не могутъ исполнить требованій помѣщика, „быютъ, мучать смертельно“, не только ихъ самихъ, но и ихъ женъ и дѣтей.

На этихъ двухъ примѣрахъ намъ наглядно рисуется, какъ хозяйничали помѣщики въ своихъ оброчныхъ вотчинахъ. Кромѣ денежнаго оброка, крестьяне должны были поставлять значительное количество „столоваго запаса“, отвозить этотъ запасъ туда, гдѣ жилъ господинъ, посылать къ нему рабочихъ и подводы для разныхъ домовыхъ работъ, строить барскій домъ въ деревнѣ, иногда сверхъ оброка обрабатывать извѣстное число десятинъ, наконецъ, содержать даже управителя. На нихъ же падали расходы по переселенію крестьянъ въ другія вотчины и розысканію бѣглыхъ. Если крестьяне неаккуратно вносили оброкъ, то нѣкоторые помѣщики брали съ нихъ еще процентъ со всей суммы недоимки ¹⁾.

Можно сказать приблизительно, что помѣщики собирали съ крестьянъ натурою столько же, сколько и деньгами, такъ что, съ возрастаніемъ денежнаго оброка, къ концу XVIII столѣтія увеличились и поборы натурою. Въ 1797 году одинъ ярославскій помѣщикъ собиралъ съ cadaго тягла по 16 р. 25 к. деньгами и ровно столько припасами.

Какъ ни тяжела была жизнь оброчныхъ крестьянъ, но сравнительно съ барщинными они пользовались хотя тѣнью свободы: владѣлецъ такого имѣнія обыкновенно не жилъ въ своемъ помѣстьѣ, и, слѣдовательно, крестьяне не испытывали на себѣ ежеминутно припадковъ барскаго самодурства. Оброкъ деньгами и натурою былъ очень тяжелъ, но, уплачивая его аккуратно, можно было цѣною матеріальныхъ лишеній купить себѣ нѣкоторое спокойствіе. Крестьяне же, состоявшіе на барщинѣ, были постоянно на глазахъ у своего барина или его управляющаго, и безпрестанно подвергались разнымъ нака-

¹⁾ Такъ гр. П. А. Румянцевъ бралъ съ крестьянъ за такую просрочку по 5%.

заніямъ. Къ тому же законъ предоставлялъ помѣщику полную свободу требовать крестьянъ на работу, когда ему вздумается, такъ какъ вовсе не было опредѣлено, сколько дней онъ можетъ заставлять крестьянъ работать на себя. Посмотримъ, какъ помѣщикъ пользовался своими правами на трудъ крестьянина.

Петербургское Вольное Экономическое общество, вскорѣ послѣ своего основанія, почувствовало необходимость ознакомиться съ состояніемъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Для этого одинъ изъ его членовъ составилъ въ 1765 году цѣлый рядъ вопросовъ подъ заглавіемъ: „Экономическіе вопросы, касающіеся до земледѣлія“, которые, благодаря участію въ этомъ обществѣ генераль-прокурора кн. Вяземскаго, были разсланы ко всѣмъ провинціальнымъ прокурорамъ. Какъ отъ нихъ, такъ и отъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, были получены отвѣты (всего около тридцати), въ которыхъ находится не мало интересныхъ данныхъ о положеніи земледѣлія и жизни крестьянъ въ первые годы царствованія императрицы Екатерины.

Въ числѣ вопросовъ, поставленныхъ Вольнымъ Экономическимъ обществомъ, былъ, между прочимъ, слѣдующій: „Сколько помѣщикуему крестьянину въ годъ дается свободныхъ дней на себя работать, и сколько дней долженъ онъ работать на господина?“ Благодаря этому обстоятельству, мы находимъ въ присланныхъ въ общество отвѣтахъ нѣсколько свѣдѣній по вопросу, занимающему насъ теперь.

Если вѣрить показаніямъ прокуроровъ, обычнѣе всего былъ такой порядокъ, что господинъ требовалъ отъ крестьянъ половину ихъ рабочаго времени. Это прямо заявляютъ въ одномъ документѣ также и Ораніенбаумскіе и Ямбургскіе дворяне, говоря, что издавна по всей Россіи существуетъ обычай, что „крестьянинъ съ женою работаютъ круглый годъ половину на господина и половину на себя“. Тоже мы видимъ и изъ отвѣтовъ на „Экономическіе вопросы“. Тамъ, гдѣ существовала трехдневная барщина, она исполнялась крестьянами двоякимъ образомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ всѣ крестьяне какого-нибудь помѣщика работали на господина три дня въ недѣлю и три дня на себя, а воскресенье давалось на отдыхъ. Въ другихъ мѣстностяхъ дѣлали такимъ образомъ: если въ семьѣ было два мужа, то одинъ постоянно, кромѣ праздниковъ, работалъ на помѣщика, а другой на себя. Но далеко не вездѣ помѣщики довольствовались трехдневною барщиною.

Не слѣдуетъ забывать, что на вопросы, предложенные Вольнымъ Экономическимъ обществомъ, отвѣчали прокуроры, обыкновенно сами бывшіе помѣщиками. Естественно, что они не были расположены представлять крѣпостное право въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ; при

томъ же, въ своихъ отвѣтахъ они выставили лишь среднее количество барщинныхъ дней, не обращая вниманія на отступленія отъ общаго правила. Тѣмъ важнѣе для насъ показанія тѣхъ прокуроровъ, которые не считаютъ возможнымъ умалчивать о печальномъ положеніи крѣпостныхъ. Въ Алаторской провинціи, по словамъ тамошняго прокурора, крестьянинъ обыкновенно работаетъ три дня на помѣщика и три дня на себя, однако нѣкоторые владѣльцы, во время хорошей погоды, заставляютъ „безпрестанно на себя работать, а какъ весь ихъ хлѣбъ собранъ и сѣно скошено и сметано будетъ въ стоги, то уже тогда крестьянамъ даютъ на себя работать“. Понятно, что вслѣдствіе этого крестьяне не успѣвали во время окончить своихъ полевыхъ работъ и потому сѣно гнивало, а хлѣбъ осыпался. Алаторскій прокуроръ не скрываетъ печальныхъ послѣдствій такой системы: „въ здѣшнихъ мѣстахъ,—говоритъ онъ,—земледѣліе у нѣкоторыхъ противъ прежняго пришло въ упадокъ, по причинѣ непрестанныхъ..... работъ и большихъ поборовъ господскихъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ вновь обращаетъ на это вниманіе: „въ здѣшнихъ мѣстахъ крестьяне напередъ сего имѣли довольное пропитаніе, а нынѣ за неурожаемъ хлѣба весьма много бѣдныхъ; бѣдности же ихъ причина недородъ хлѣба, и притомъ нѣкоторые помѣщики черезмѣрно крестьянъ своихъ употребляютъ для собственныхъ своихъ работъ“. Въ Аразамаской провинціи, точно также какъ и въ Алаторской, одни владѣльцы заставляли своихъ крестьянъ работать по три дня въ недѣлю, другіе давали имъ только два дня свободныхъ; третьи, наконецъ, не отпускали ихъ до тѣхъ поръ, пока они не уберутъ весь помѣщичій хлѣбъ. Въ Елецкой провинціи крестьяне работали иногда на господина по четыре дня въ недѣлю, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ Рязанской—даже до пяти. Въ 80-хъ годахъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ Тверской губерніи всѣ крестьяне работали на помѣщика до окончанія его работъ и только тогда уже могли заняться своимъ дѣломъ; то же было и въ Вологодскомъ уѣздѣ.

Но бывало и еще хуже. По словамъ одного иностранца, долго жившаго въ Россіи въ концѣ царствованія Екатерины, помѣщики заставляли работать крестьянъ по пяти и по шести дней въ недѣлю. Это свидѣтельство совершенно подтверждается и другими источниками, даже относительно 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Крестьяне одного села Орловской губерніи должны были ежедневно работать на помѣщика. Крестьяне генеральши Толстой также жаловались императрицѣ, что ихъ постоянно заставляютъ работать на барщинѣ, не освобождая даже по воскресеньямъ и самымъ большимъ праздникамъ. Наконецъ, извѣстный агрономъ Рычковъ, въ своемъ

отвѣтъ на экономическіе вопросы, говорить: „Есть и такіе еще помѣщики, что повседневно наряжаютъ ихъ (крестьянъ) на свои работы, а крестьянамъ для пропитанія даютъ одинъ мѣсячный хлѣбъ“.

Подобныя злоупотребленія со стороны помѣщиковъ не были единичными случаями. Это видно изъ того, что П. И. Панинъ предлагалъ императрицѣ предписать, „чтобы помѣщики отъ крестьянъ не требовали работы болѣе четырехъ дней въ недѣлю, а въ сутки требовали бы не болѣе, какъ вспаханіе одной десятины доброй земли“. Слѣдовательно, работу на помѣщика по четыре дня въ недѣлю Панинъ считалъ умѣренною, и, если правительство не рѣшилось даже секретно сдѣлать такого распоряженія, то значитъ владѣльцы сплошь и рядомъ заставляли крестьянъ работать болѣе. Въ той же самой запискѣ Панинъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ чрезмѣрномъ либерализмѣ, говоритъ, что одною изъ причинъ побѣговъ крестьянъ изъ Россіи въ Польшу была „ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть“. Владѣльцы, по его словамъ, собираютъ съ своихъ крестьянъ поборы и налагаютъ на нихъ работы, „не только превосходящія примѣры ближнихъ граничныхъ жителей, но частенько выступающіе и изъ сноснасти человѣческой“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовала не поденная барщина, а урочная, которая, если бы уроки не были слишкомъ велики, могла бы быть болѣе удобною для крестьянъ. Но мы видимъ, къ сожалѣнію, совершенно противное. Рычковъ говоритъ, что у нѣкоторыхъ помѣщиковъ крестьяне пашутъ по двѣ и болѣе десятины на тягло, между тѣмъ какъ болѣе полоторыхъ десятинъ челоуѣколюбивый помѣщикъ не могъ бы назначить.

Какъ оброчные крестьяне, кромѣ уплаты оброча деньгами и натурой, должны были иногда пахать пашню и исполнять нѣкоторыя работы, такъ и повинности барщинныхъ крестьянъ не ограничивались одною барщиною. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Петербургской губерніи, напримѣръ, Ораниенбаумскомъ и Ямбургскомъ, сверхъ трехдневной барщины, почти у всѣхъ помѣщиковъ былъ сборъ, называемый пятиною. Онъ состоялъ въ томъ, что крестьяне отдавали помѣщику пятый снопъ всякаго хлѣба и пятую часть другихъ „произрашеній“, какъ-то хмѣля, конопли и капусты. Нѣкоторые помѣщики даже собирали пятину не снопами, а отсыпнымъ хлѣбомъ, что, разумѣется, было еще тяжелѣе для крестьянъ, такъ какъ для обмолачиванія пятой части, принадлежавшей помѣщику, они затрачивали лишнее время. Въ другихъ мѣстахъ налагались сверхъ барщины разныя денежные поборы. Такъ, напримѣръ, въ 1767 году одинъ крестьянинъ Дмитровъ

скаго уѣзда, помѣщика Алексѣя Лопухина, жаловался императрицѣ, что на его семью, состоящую, кромѣ него, изъ брата и малолѣтняго племянника, помѣщикъ наложилъ оброкъ по 12 рублей въ годъ, и въ то же время они должны были работать паравнѣ съ тѣми, которые ничего не платили. Иногда помѣщики, желая перевести крестьянъ на оброкъ, требовали отъ нихъ такихъ громадныхъ ежегодныхъ взносовъ, что крестьяне сами предлагали сверхъ барщины платить нѣкоторую сумму съ тѣми, чтобы ихъ оставили въ прежнемъ положеніи. Коломенская помѣщица генеральша Толстая пріѣхала въ свое имѣніе лѣтомъ 1767 года; она приказала собрать мирской сходъ, на который сошлось болѣе 1,000 душъ, и предложила крестьянамъ перевести ихъ съ барщины на оброкъ съ тѣми, чтобы они платили съ осмака ¹⁾ по 35 рублей, слѣдовательно по 17 р. 50 к. съ ревизской души. Крестьяне отвѣчали, что они согласны платить по 15 р. съ осмака, кромѣ всѣхъ „здѣльевъ“, которыя они исполняютъ, а болѣе платить не въ состояніи. Такимъ образомъ, сверхъ ежедневной работы — (эта помѣщица заставляла на себя работать каждый день) — крестьяне соглашались платить по 7 р. 50 к. съ души. Конечно, крестьяне не могли бы заработать этихъ денегъ, если бы они въ теченіи года ежедневно ходили на барщину, но дѣло въ томъ, что въ такой ежедневной работѣ помѣщикъ могъ нуждаться только лѣтомъ; а зимою онъ отпускалъ своихъ крестьянъ въ извозъ или на какой-нибудь промыселъ, такъ какъ это было выгодно для него самого: значительную часть прибрѣтенныхъ крестьяниномъ денегъ онъ умѣлъ потомъ отобрать въ свою пользу.

Что на барщинныхъ крестьянъ, кромѣ обычной работы, налагались еще разныя повинности, видно изъ челобитной тѣхъ же крестьянъ генеральши Толстой. Они должны были построить ей три дома въ трехъ разныхъ помѣстьяхъ, которые вмѣстѣ стоили имъ до 4,000 р. Какъ и оброчные крестьяне Лопухинныхъ, они давали „подмогу“ переселяемымъ крестьянамъ. Осенью и весною у Толстой также находилась работа: не смотря на распутицу, она приказывала крестьянамъ отвозить ея хлѣбъ на продажу въ Москву, для чего ежегодно отправлялось до 1,000 подводъ. Эта помѣщица выжидала всегда того времени, когда хлѣбъ будетъ подороже и потому иногда онъ портился въ амбарахъ прежде, чѣмъ она успѣвала его продать. Въ такомъ случаѣ, чтобы онъ не пропалъ даромъ, она заставляла своихъ крестьянъ его покупать.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что нѣкоторые помѣщики без-

¹⁾ Въ осмакѣ было 2 взрослыхъ работника и двѣ работницы.

жалостно притѣсняли крестьянъ, доводили ихъ до отчаяннаго положенія, а если управляющій или прикащикъ доносилъ, что крестьяне совершенно разорены и не въ состоянїи нести долге наложенныхъ на нихъ повинностей, они знать ничего не хотѣли. Вотъ что писалъ въ 1785 году дворянинъ Казанскаго уѣзда Бѣлавинъ своему прикащику: „О крестьянахъ, что они немущіе и ходять по міру, отнюдь ко мнѣ не пиши: мнѣ это ножъ; я хочу воровъ разорить и довести хуже прежняго, такъ они милы мнѣ; почти я отъ нихъ допущень ходить съ кузовомъ по міру. Уповаю и надѣюсь до 1,000 рублей выискать безъ всякаго сумнительства и разоренія съ нихъ: мужикъ сѣръ, но умъ не чортъ у него сѣлъ“.

Однимъ изъ видовъ барщинныхъ работъ была работа на помѣщичьихъ заводахъ. Всего болѣе крѣпостныхъ крестьянъ, работавшихъ на заводахъ, было на Уралѣ и въ прилежащихъ къ нему мѣстахъ ¹⁾. Какъ всё вообще крѣпостные дѣлились на крестьянъ и дворовыхъ, такъ и среди крѣпостнаго населенія на Уральскихъ заводахъ мы замѣчаемъ двоякаго рода людей: 1) крѣпостныхъ мастеровыхъ, которые постоянно находились на работѣ, и 2) крѣпостныхъ крестьянъ, которыхъ посылали лишь на нѣкоторыя работы, преимущественно для рубки и возки дровъ, руды и т. п. Мастеровые, постоянно находившіеся на работѣ, получали опредѣленное жалованье, а иногда задѣльную плату. Крестьяне только иногда получали плату за работу. Мы знаемъ, что крестьянъ графа Строганова, работавшихъ на соляныхъ варницахъ и заводахъ, лѣтомъ распускали по домамъ для посѣва и уборки хлѣба и сѣна; а 500 человекъ постоянно находились на варницахъ. Крестьяне, имѣвшіе землю и обрабатывавшіе ее, платили помѣщику по 1 р. оброка, постоянные же варничные рабочіе были отъ этого освобождены.

Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ также весьма часто бывали различныя фабрики, на которыхъ работали крѣпостные. Такъ, напримѣръ, въ одномъ приволжскомъ селѣ графа Головкина (900 душъ крестьянъ) была полотняная фабрика въ 200 станковъ, гдѣ крѣпостные рабочіе приготовляли домашнее полотно, парусину и столовое бѣлье. Каждая женщина обязана была поставить на фабрику полпуда льна. Въ имѣніи Салтыкова, Арзамасскаго уѣзда, были кожевенные и мыльные заводы, на которыхъ работало до 1,000 человекъ. Особенно же часто работали крѣпостные на винокуренныхъ заводахъ.

¹⁾ Въ Пермской провинціи было всего на всего 8 дворянъ, владѣвшихъ крѣпостными, но за то у самаго бѣднаго крестьянами было болѣе 600 душъ, у самаго богатаго (графа Александра Сергѣевича Строганова) болѣе 18,000.

Въ Комисіи для составленія новаго уложенія возникъ споръ между купцами и дворянами. Купцы доказывали, что помѣщики вовсе не должны владѣть фабриками; помѣщики же, въ свою очередь, утверждали, что купцамъ не слѣдуетъ имѣть крѣпостныхъ для заводскихъ работъ. Помѣщикъ, желая завести фабрику, приказываетъ крестьянамъ cadaго двора привезти сколько нужно бревенъ, лубья и тесу; „всякій крестьянинъ, оставя хлѣбопашество“, говорилъ въ Комисіи депутатъ отъ гор. Серпейска, „долженъ съ плачемъ ѣхать и поставить то, что съ него назначено. Послѣ того ихъ принуждаютъ строить безденежно и на своемъ хлѣбѣ. По постройкѣ такой фабрики ихъ-же заставляютъ бесплатно работать на ней-же“. Дѣло кончается тѣмъ, что крестьяне совершенно разоряются и, отставъ отъ хлѣбопашества, не могутъ платить государственныхъ податей. Вслѣдствіе этого этотъ депутатъ предлагалъ, чтобы только однимъ купцамъ было разрѣшено заводить фабрики или, по крайней мѣрѣ, чтобы помѣщики могли строить фабрики только вольнонаемнымъ трудомъ. Князь Щербатовъ, этотъ извѣстный защитникъ дворянскихъ интересовъ, возражая на мнѣнія купцовъ, напротивъ, настаивалъ, чтобы за дворянами было сохранено право владѣть фабриками, такъ какъ эти фабрики „держатъ крестьянъ въ безпрестанномъ трудолюбіи“.— Нѣкоторые помѣщики, какъ мы уже говорили, заставляли своихъ крестьянъ ежедневно ходить на барщину, и такъ какъ при этомъ они не могли сами зарабатывать себѣ пропитанія, то давали имъ мѣсячину. Положеніе такихъ крестьянъ мало чѣмъ отличалось отъ положенія дворовыхъ, да и вообще не было рѣзкихъ границъ между этими двумя классами крѣпостныхъ. Крестьянинъ сидѣлъ на своемъ пашенномъ жребіи и вносилъ помѣщику оброкъ или ходилъ на барщину; дворовый жилъ въ домѣ помѣщика для ежедневнаго служенія и получалъ мѣсячину, т. е. опредѣленное количество съѣстныхъ припасовъ, а кромѣ того, иногда и денежное жалованье, конечно, въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Но помѣщикъ могъ всякаго крестьянина сдѣлать дворовымъ,—такъ, на примѣръ, во дворъ часто брались крестьянскіе мальчижи,—или, на оборотъ, сослать двороваго въ деревню, на пашню.

Классъ дворовыхъ былъ весьма многочисленъ, гораздо многочисленнѣе того, сколько дѣйствительно требовалось для домашняго служенія. Вотъ что говоритъ объ этомъ Шторхъ: „число крестьянъ, которые такимъ образомъ отвлекаются отъ полезнѣйшаго изъ всѣхъ занятій и непроизводительно употребляются для домашняго служенія, такъ велико, что въ другихъ странахъ не могутъ себѣ этого и представить: здѣсь крѣпостное право благоприятствуетъ

этой восточной роскоши и вообще уменьшаетъ цѣну человѣка и его услугъ. Въ странѣ, гдѣ для услуженія нужно нанимать людей, эта роскошь не можетъ достигнуть такихъ размѣровъ, какъ здѣсь, гдѣ помѣщикъ, превращая крестьянина въ двороваго, теряетъ лишь небольшой денежный оброкъ или незначительную барщинную работу и гдѣ содержаніе дворовыхъ обыкновенно ограничивается скуднымъ удовлетвореніемъ самыхъ первыхъ жизненныхъ потребностей. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ русскомъ помѣщичьемъ домѣ втрое или впятеро больше слугъ, чѣмъ въ такомъ же нѣмецкомъ; о домахъ же вельможъ и говорить нечего. Помѣщичьи дома кишатъ дворовыми людьми, которыхъ многочисленное потомство почти никогда не возвращается къ сохѣ, а, выросши въ праздности, готовится къ тому-же назначенію, какъ и ихъ отцы. Въ деревняхъ эти вредные нахлѣбники государства приносятъ своимъ господамъ хоть нѣкоторую пользу ремесленными работами, которыми ихъ иногда обучаютъ; но въ большихъ городахъ это бываетъ рѣдко, и тамъ въ помѣщичьемъ домѣ всегда найдешь множество совершенныхъ дармоедовъ. Если-бы было возможно сдѣлать точную перепись слугъ и дворовыхъ людей во всемъ государствѣ, то всѣ были-бы поражены тѣмъ ущербомъ, который терпитъ отъ этого добывающая промышленность^а.

Болѣе разумные изъ помѣщиковъ сами понимали, какъ вредно это чрезмѣрное изобиліе дворни. „Не худо напоминать дворянамъ,— писали помѣщики Дмитровскаго уѣзда въ наказѣ своему депутату въ Комиссію новаго уложенія,— о томъ, сколько ихъ разоряетъ содержаніе множества излишнихъ дворовыхъ людей бесполезныхъ. Въмѣсто того, чтобы пахарь себя и человѣкъ десять кормилъ своимъ трудомъ, то двороваго человѣка самого надлежитъ кормить, а еще содержаніе его часто стоитъ вдвое или втрое противъ пищи“. Нѣкоторые государственные люди того времени серьезно подумывали о томъ, какъ-бы ограничить это зло. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ, рѣшительный противникъ крѣпостнаго права, предлагалъ уменьшить число дворовыхъ наборомъ ихъ въ солдаты. „Самый богатый источникъ для рекрутскаго набора,— писалъ онъ императрицѣ,— но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый опасный, вслѣдствіе азіятскихъ понятій у дворянъ—это многочисленная помѣщичья прислуга... Миѣ кажется, что... можно было-бы уменьшить ихъ количество, но, если это предметъ слишкомъ щекотливый, чтобы облечь его въ форму закона, то было-бы весьма полезно сдѣлать по крайней мѣрѣ вызовъ къ этому при общемъ наборѣ“.

Положеніе дворовыхъ было несравненно тяжелѣе сравнительно съ

пашенными крестьянами. Находясь постоянно на глазах господъ, они гораздо чаще подвергались наказаніямъ, и наказанія эти, какъ мы увидимъ ниже, были поистинѣ ужасны. Женская прислуга также легче, чѣмъ крестьянскія дѣвушки, дѣлалась жертвой разврата господина или капризной придирчивости госпожи. Какъ тяжелъ былъ господскій гнѣвъ, такъ и барскія благодѣянія обыкновенно только ухудшали положеніе крѣпостнаго: случалось, что дворовый мальчишкѣ учился вмѣстѣ съ дѣтми помѣщика, нерѣдко оказывался способнѣе ихъ и развивался для того только, чтобы потомъ съ двойною горечью чувствовать иго рабства.

Въ официальныхъ документахъ мы не находимъ никакихъ данныхъ для характеристики быта дворовыхъ людей. Только съ обнаруженіемъ домашнихъ архивовъ разныхъ вельможъ и вообще помѣщиковъ мы узнаемъ всѣ подробности домашнего управленія и хозяйства во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Въ виду бѣдности въ нашей литературѣ подобнаго рода матеріаловъ, имѣетъ большую важность неизданная инструкція и разныя распоряженія относительно управленія имѣніями, составленная самимъ графомъ П. А. Румянцевымъ Задунайскимъ (или по его приказанію) и собственноручно имъ подписанная. Изъ этихъ документовъ мы узнаемъ, какое жалованье и содержаніе получали дворовые и какимъ наказаніямъ подвергались крѣпостные у одного изъ богатыхъ землевладѣльцевъ, который старался внести строгій порядокъ въ свое домашнее управленіе.

Въ Алаторской провинціи у Румянцева было село Чеберчино. Для этого-то села графъ Петръ Александровичъ составилъ разныя „учрежденія“. Въ числѣ этихъ документовъ мы находимъ „окладной списокъ состоящимъ въ селѣ Чеберчинѣ разнымъ дворовымъ людямъ по званію ихъ, кому что получать денежнаго и хлѣбнаго жалованья и прочихъ столовыхъ припасовъ, платья“, составленный въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Изъ него видно, что дворовые получали денежнаго жалованья отъ 50 коп. до 6 руб. въ годъ. Что касается съѣстныхъ припасовъ, то люди несемейные обыкновенно получали въ годъ 3 четверти ржаной муки, 1¹/₂ четверика крупъ и 12 фунтовъ соли. Нѣкоторымъ прибавлялось по 30 фун. говядины въ мѣсяцъ. Женамъ людей семейныхъ отпускали по столько-же провизіи. Изъ одежды обыкновенно давали дворовымъ по шубѣ и кафтану на два или на три года. Замѣтимъ, что ржаная мука, выдаваемая на мѣсяцъ, носила специальное названіе „указной мѣсячины“. Изъ другой, подробной инструкціи, составленной Румянцевымъ, мы узнаемъ, что холостымъ не выдавали провизіи на руки, а приготовляли изъ нея пищу для всѣхъ вмѣстѣ, и они обѣдали за общимъ столомъ.

Относительно женатыхъ Румянцевъ предписалъ: „хлѣбъ и припасы, каковыя положены, выдавать помѣсячно, кромѣ мяса, а вмѣсто того на всякую семью по одной коровѣ и по двѣ овцы, свиней по одной, которыхъ содержать на моемъ корму, выдавая помѣсячно, по расположенію, что моему скоту опредѣлено. На малолѣтнихъ-же дѣтей, доколѣ они не будутъ годны въ какую либо службу, ничего не производить“. Но съ шести лѣтъ мальчиковъ велѣно опредѣлять въ школы. Въ селѣ Чеберчинѣ приказано было одному дворовому начинать учить читать и писать всѣхъ дворовыхъ мальчиковъ, начиная даже съ пяти лѣтъ. Ученіе должно было происходить ежедневно до обѣда и послѣ него, кромѣ субботы, когда послѣобѣденные классы отминаялись. За всякій день, когда учитель не придетъ въ школу или въ „шумствѣ явится“ (т. е. будетъ пьянъ), приказано было удерживать изъ его жалованья по 10 коп. (Между тѣмъ, всего такой учитель получалъ въ годъ 6 рублей). Румянцевъ заботился и о томъ, чтобы учащіеся дворовые мальчики не терпѣли нужды въ пропитаніи. По „окладному списку“ этимъ мальчикамъ назначено половинное содержаніе сравнительно со взрослыми, а въ подробной инструкціи предписано уже выдавать имъ по стольку-же, какъ и всѣмъ холостымъ людямъ. „А кормить ихъ всѣхъ вмѣстѣ, гдѣ они обучаются будутъ—сказано въ „окладномъ спискѣ“—и для того имъ особую бабу опредѣлить, и съ посудой, и дѣлать для нихъ квасъ изъ нашего хлѣба, да по воскреснымъ днямъ выдавать имъ пшеничной муки на калачи по осмушкѣ или смотря по примѣру, сколько будетъ, чтобъ каждому досталось по полуфунту“.

Дворовые Румянцева не всегда получали годовое жалованье: нѣкоторымъ назначалась и задѣльная плата. Такъ, напримѣръ, ее получали ткачи и винокуры. Денежное жалованье всѣмъ дворовымъ выдавалось по окончаніи года, а хлѣбное въ началѣ cadaго мѣсяца.

Относительно помѣщенія дворовыхъ въ инструкціи было сказано: „Женатыхъ распредѣлять на всякую печь или покой, каковъ бы онъ малъ ни былъ, не меньше двухъ семей, а что больше, то по пропорціи“. Для отопленія назначено было на всякую печь опредѣленное количество дровъ.

За правильнымъ ходомъ работъ дворовыхъ должны были смотрѣть управители и прикащики. Инструкція предписываетъ имъ надзирать, чтобы никто, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, отъ своей работы не отлучался. Женамъ ткачей и вдовамъ ихъ, кому не болѣе 50-ти лѣтъ, велѣно прастъ, что имъ будетъ назначено, но безтяглыхъ бабъ и солдатокъ запрещено, подъ угрозю штрафа, посылать на какія-бы то ни было работы, „ибо онѣ отъ своей работы единой и

пропитаніе имѣютъ". Для состарѣвшихся дворовыхъ были устроены богадѣльни; туда-же опредѣляли и нѣсколькихъ крестьянъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что у Румянцева дворовымъ въ матеріальномъ отношеніи жилось весьма недурно, и если-бы вездѣ о нихъ также заботились, то, казалось-бы, многіе крестьяне могли позавидовать ихъ положенію. Но, прежде всего, такое заботливое вниманіе о всѣхъ житейскихъ нуждахъ своихъ людей—явленіе слишкомъ исключительное, а къ тому-же мы говорили пока лишь объ одной сторонѣ жизни дворовыхъ; когда мы расскажемъ, какія наказанія приходилось имъ выносить, то придется признать, что если даже ихъ жизнь была лучше обезпечена въ матеріальномъ отношеніи, то за то отсутствіе всякой свободы, необходимость быть ежеминутно на барской службѣ или работѣ и, наконецъ, тяжелыя истязанія—все это дѣлало у большей части помѣщиковъ положеніе двороваго совершенно невыносимымъ.

III.

Наказанія, какимъ подвергались крѣпостные.—Ссылка на поселеніе и каторгу.—Тѣлесныя наказанія.—Смерть отъ истязаній.—Какимъ наказаніемъ подвергало правительство помѣщиковъ, мучившихъ своихъ крестьянъ.

Первое мѣсто въ ряду наказаній занимаетъ ссылка крѣпостныхъ въ Сибирь. Наказывать такимъ образомъ своихъ крестьянъ было разрѣшено помѣщикамъ въ 1760 году. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, предоставляя имъ право на такое тяжелое наказаніе, правительство руководствовалось чисто государственными интересами: необходимою какимъ-бы то ни было образомъ заселить Сибирь. „Въ Сибирской губерніи и Иркутской провинціи въ Нерчинскомъ уѣздѣ“,—сказано было въ изданномъ по этому поводу указѣ,—„состоять къ поселенію и хлѣбопашеству весьма удобныя мѣста, которыхъ къ заселенію государственный интересъ требуетъ“. Правительство дозволило помѣщикамъ отдавать на поселеніе своихъ крестьянъ „за разные подерзостные поступки“, лишь бы они были не старше 45 лѣтъ и годны къ работѣ; владѣлецъ получалъ за ссылаемаго рекрутскую квитанцію. Этотъ законъ предоставилъ помѣщику по своему усмотрѣнію различать семьи: правда, онъ обязанъ былъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ отправить его жену, но малолѣтнихъ дѣтей могъ оставить при себѣ; если же отдавалъ и ихъ, то получалъ изъ казны за дѣтей мужскаго пола до 5-ти лѣтъ по 10 рублей, отъ 5 до 15-ти лѣтъ по 20 рублей, а за 15-ти лѣтнихъ рекрутскія квитанціи. За дѣвочекъ вознагражденіе было вдвое менѣе. Съ своей стороны, помѣщики обязаны были

снабдить ссылаемыхъ платьемъ и обувью и, кромѣ того, давать на прокормленіе каждаго, зачитающагося въ рекруты холостаго человѣка, 20 р.; если у ссылаемаго была жена,—то на обоихъ 30 р.; если-же у нихъ были дѣти, то на всѣхъ, и взрослыхъ и дѣтей, по 10 р. Въ слѣдующемъ году было вновь подтверждено разрѣшеніе помѣщикамъ отдавать своихъ крѣпостныхъ на поселеніе. Изъ денегъ, принятыхъ отъ владѣльцевъ, выдавались ссылаемымъ кормовые; на эти средства закупали струги, барки и отправляли ссыльнопоселенцевъ по Волгѣ до Самары, а оттуда, сухимъ путемъ, въ Сибирь. Для больныхъ и женщинъ съ малолѣтними дѣтьми нанимали подводы. Крестьяне, сосланные помѣщиками, назывались въ Сибири поселщиками, сосланные-же на поселеніе послѣ тѣлеснаго наказанія по суду за различныя преступленія назывались ссыльными и колодниками. И тѣхъ и другихъ поселенцевъ освобождали на три года отъ взноса податей и подводной повинности; кромѣ того, они получали на обзаведеніе лошадей, соху и топоръ¹⁾, 9 пудовъ ржи на посѣвъ, также овса и ячменя, и въ первый годъ солдатскій провіантъ (паекъ), а, кромѣ того, для приобрѣтенія всего необходимаго, по 2 копейки въ день. Женщины и дѣти получали половину. На второй годъ поселенцамъ выдавали вдвое менѣ содержанія, чѣмъ въ первый, въ третій они должны были прокармливать себя сами, а въ четвертый уже платили подати.

Новгородскій губернаторъ Сиверсъ самымъ энергическимъ образомъ возставалъ противъ жестокаго закона, дававшаго помѣщику возможность разлучить крестьянина съ дѣтьми и отправить его въ Сибирь. „Вслѣдствіе позволенія, даннаго дворянству, произвольно, по своему усмотрѣнію, отправлять въ ссылку ему подвластныхъ,—писалъ Сиверсъ императрицѣ въ 1768 году,—причемъ судъ даже не можетъ спросить о причинѣ ссылки и изслѣдовать дѣло, ежедневно совершаются самыя возмутительныя дѣла. Всѣ, кто не годится въ рекруты вслѣдствіе малаго роста или другаго какого недостатка, должны отправляться въ ссылку въ зачетъ ближайшаго рекрутскаго набора, а зачетныя квитанціи многіе продаютъ. Признаюсь, не проходитъ дня, чтобы мое сердце не возмущалось противъ подобной привиллегіи. Какая потеря для войска и для земледѣлія! Къ тому-же, Сибири достигаютъ сравнительно немногіе, если принять во вниманіе огромное разстояніе и убыль ссылаемыхъ на пути. Мнѣ кажется, что дворянство могло-бы удовольствоваться правомъ отправлять въ ссылку въ зачетъ рекрутъ виновнаго, изобличеннаго въ довольно тяжеломъ преступленіи. Если-же помѣщикъ захочетъ кого нибудь со-

¹⁾ Дома они выстраивали себя сами.

слать по собственному усмотрѣнію, то могъ бы сдѣлать это безъ зачета въ рекруты“. Въ 1773 году Сиверсъ вновь возвращается къ тому-же предмету: „Я уже прежде осмѣливался“, — пишетъ онъ императрицѣ, — „заявлять В. И. В. о злоупотребленіяхъ, происходящихъ вслѣдствіе указа, который дозволяетъ ссылать дворовыхъ или крестьянъ въ ссылку въ зачетъ рекрутъ. При предшествующемъ рекрутскомъ наборѣ войско потеряло отъ 7—8,000 хорошихъ солдатъ, и я могу сильно сомнѣваться допла-ли въ Сибирь хоть четверть этого огромнаго числа“. „Подвергать этихъ несчастныхъ наказанію, — продолжаетъ онъ, — потому что они не имѣютъ роста, необходимаго для рекрутчины, или старѣе возраста, опредѣленнаго для приѣма въ военную службу, — это, мнѣ кажется, значить по-пирать всѣ законы. Я могъ-бы набросать поразительныя картины того, что я видѣлъ, и къ какимъ уловкамъ заставляло меня прибѣгать челоувѣколюбіе, чтобы помѣшать приѣму присланныхъ для отправленія въ ссылку“. По представленію Сиверса, военная коллегія запретила принимать ссыльныхъ до марта мѣсяца, но одного этого средства, по его мнѣнію, было недостаточно.

Сиверсъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ злоупотребленій, которыя совершались помѣщиками при отправленіи на поселеніе своихъ крестьянъ: другой столь же достовѣрный наблюдатель видѣлъ печальную жизнь этихъ несчастныхъ людей въ Сибири. „Крестьяне, отдаваемые дворянами въ зачетъ рекрутъ, принимаются отъ нихъ безъ всякой отвѣтственности“, — говоритъ академикъ Палласъ, описывая селенія ссыльныхъ въ Томскомъ уѣздѣ. „Я видѣлъ больныхъ, увѣчныхъ, безумныхъ, уже давно женатыхъ, но бездѣтныхъ, и значительное число старыхъ и посѣдѣлыхъ людей, совершенно неспособныхъ къ продолженію потомства. Еще менѣе можно оправдать то, что безчеловѣчныя и корыстолюбивыя помѣщики отрываютъ многихъ пожилыхъ отцовъ отъ ихъ многочисленныхъ семей, даже отъ ихъ женъ, и одинокихъ отсылаютъ въ эту злополучную страну. Тѣ, которые наконецъ забываютъ оставленныхъ женъ и дѣтей, часто принуждены, чтобы имѣть помощницу въ домашнихъ и полевыхъ работахъ, жениться на несчастныхъ женщинахъ и такимъ образомъ по необходимости дѣлаться виновными въ многоженствѣ“. Мы знаемъ, что, по указу 1760 года, было запрещено разлучать ссылаемаго крестьянина съ его женою, хотя помѣщикъ и могъ оставить у себя малолѣтнихъ дѣтей. Изъ словъ Палласа видно, что и это ограниченіе не соблюдалось, и несчастные крестьяне совершенно одиноками отправлялись въ Сибирь. „Многіе изъ нихъ“, — продолжаетъ онъ, — „со слезами говорили мнѣ, какъ тоскуютъ они объ оставленныхъ дѣтяхъ, между тѣмъ, какъ вмѣстѣ съ ними

они считали бы себя въ Сибири гораздо счастливѣе, чѣмъ подъ властью нѣкоторыхъ тирановъ-помѣщиковъ“.

Первоначально крѣпостныхъ, ссылаемыхъ по указу 13-го декабря 1760 года, стали по большей части селить въ Нерчинскомъ уѣздѣ но такъ какъ тамъ хлѣбпашество шло неуспѣшно, то сенатъ, въ 1767 году, приказалъ большинство ссыльныхъ отправлять въ Тобольскую губернію. Такимъ образомъ до 1772 года въ Тобольской и отчасти Енисейской провинціяхъ было поселено 10,799 взрослыхъ мужчинъ и 9,716 женщинъ и дѣтей, итого 20,515 душъ. Изъ этого видно, какъ много крестьянъ помѣщики ссылали въ Сибирь.

Императрица Екатерина II не только не ограничила, а еще болѣе расширила права помѣщиковъ въ этомъ отношеніи: тогда какъ прежде они могли сослать своихъ крестьянъ только на поселеніе, она, въ 1765 году, не только позволила имъ „людей своихъ, по протвердостному состоянію заслуживающихъ справедливое наказаніе“, отдавать въ каторжную работу, но даже позволила имъ брать ихъ обратно по своему усмотрѣнію.

Такихъ людей, отданныхъ въ каторжную работу, должна была принимать адмиралтейская коллегія и употреблять ихъ въ тяжкую работу на столько времени, какъ пожелаютъ помѣщики. Пока они будутъ работать, ихъ приказано было кормить и одѣвать на казенный счетъ, наравнѣ съ каторжными, а когда помѣщики захотятъ взять ихъ обратно, „то отдавать имъ безпрекословно“.

Злоупотребляя своимъ правомъ, помѣщики ссылали на поселеніе стариковъ; тоже дѣлалось и при отправленіи въ каторжную работу. Сибирскій губернаторъ Чичеринъ донесъ сенату, что изъ присылаемыхъ „за протверзости“ въ Сибирь въ работу (т. е. на каторгу) многіе оказываются старыми и дряхлыми, а другіе хотя и молоды, но по дорогѣ отмораживаютъ руки и ноги. Также случается и съ посылаемыми на поселеніе. Такимъ образомъ ссыльно-каторжные негодны въ работу, а поселенцы не могутъ какъ слѣдуетъ заниматься хлѣбпашествомъ и потому скитаются „безъ всякой пользы“ и просятъ милостыни. Духъ крѣпостничества такъ пропиталъ все тогдашнее общество, что Чичеринъ не могъ придумать ничего лучшаго для этихъ несчастныхъ стариковъ и калѣкъ, какъ предложить сенату отдавать ихъ тѣмъ, кто пожелаетъ взять, съ обязательствомъ платить за нихъ подати. Сенатъ не согласился на это, но вовсе не потому, какъ можно было подуматъ, что онъ не желалъ вновь сдѣлать крѣпостными этихъ несчастныхъ, только что—цѣною ссылки и увѣчья—получившихъ свободу, а изъ опасенія, чтобы ссыльно-каторжные не стали умышленно увѣчить себя и такимъ образомъ освобождаться отъ каторги; присланные же на по-

селеніе, освободясь такимъ же образомъ „отъ хлѣбопашества и будучи за владѣльцемъ, могутъ паки быть столько же вредны, какъ и прежде, а желаемая отъ хлѣбопашества польза черезъ то уменьшится“. Такимъ образомъ сенатъ тутъ вновь вспомнилъ о томъ, что только въ интересахъ государства правительство разрѣшило помѣщикамъ ссылать своихъ людей въ Сибирь. Но это напоминаніе имѣло уже мало значенія послѣ того, какъ императрица Еватерина, разрѣшивъ помѣщикамъ брать назадъ отданныхъ на каторгу крестьянъ всегда, когда имъ вздумается, совершенно извратила первоначальную мысль правительства. Теперь преслѣдовали уже не государственную цѣль—увеличить населеніе и число рабочихъ рукъ въ малолюдной Сибири, а имѣли въ виду только интересы помѣщиковъ: имъ давали въ руки право на новое и страшное наказаніе своихъ крѣпостныхъ. Вспоминая, хотя и поздно, объ интересахъ государства, сенатъ, какъ это слишкомъ часто дѣлалось въ XVIII вѣкѣ, совершенно забывалъ однако о человѣческой личности несчастныхъ ссыльныхъ и колодниковъ, и даже въ виду тѣхъ фактовъ, о которыхъ онъ узналъ изъ донесенія Чичерина, не принялъ въ то время (1768 г.) никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для прекращенія злоупотребленій со стороны помѣщиковъ при отправленіи въ ссылку крѣпостныхъ.

Но наконецъ переполнилась мѣра терпѣнія даже правительства, столь снисходительно смотрѣвшаго на всѣ дѣянія помѣщиковъ: въ 1773 году ссылка крѣпостныхъ на поселеніе была на время остановлена. Но такъ какъ объ этой мѣрѣ мы узнаемъ только изъ протоколовъ государственнаго совѣта, то весьма вѣроятно, что распоряженіе объ этомъ было не обнародовано, а секретно сообщено губернаторамъ, а, быть можетъ, даже и совѣмъ осталось безъ исполненія. На эту мысль наводитъ одинъ указъ 1787 года, изъ котораго видно, что въ то время помѣщики продолжали ссылать крестьянъ на поселеніе въ Сибирь, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершались и прежнія злоупотребленія, т. е. ссылали старыхъ и дряхлыхъ людей. На поселеніе было прислано, между прочимъ, два крестьянина: одинъ 67-ми, другой—68-ми лѣтъ. По этому случаю Тобольская казенная палата представила сенату, что „не можно ожидать отъ нихъ общественной пользы“: они не возвратятъ выданной имъ узаконенной ссуды и не уплатятъ податей, которыя придется вносить за нихъ другимъ поселанамъ. Тогда сенатъ вновь подтвердилъ указъ 1760 года, которымъ велѣно принимать только годныхъ къ работѣ и не старѣе 45 лѣтъ.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что и послѣ того требованія помѣщиковъ о ссылкѣ ихъ крѣпостныхъ на поселеніе безъ всякаго суда не всегда удовлетворялись. Въ 1795 году М. Ф. Каменскій просилъ со-

слать въ дальнія губерніи, безъ всякаго зачета ему, трехъ мужчинъ и двухъ женщинъ, а въ слѣдующемъ году потребовалъ ссылки въ Сибирь или на Кубань на его счетъ четырехъ крестьянъ. Но его требованія не были уважены и потому онъ жаловался сенату на Орловское и Смоленское намѣстническія правленія; онъ ссылался на права, данныя дворянству, и считалъ невозможнымъ для себя судиться съ своими крестьянами и доказывать на судѣ справедливость своего заявленія, что они лѣнятся и пьянствуютъ. Однако же сенатъ призналъ, что всетаки крестьяне должны быть судимы, хотя при этомъ и слѣдуетъ вполне довѣрять показаніямъ помѣщика.

Ссылка въ Сибирь — единственное наказаніе, которому законъ прямо разрѣшалъ помѣщикамъ подвергать своихъ крестьянъ. Относительно другихъ наказаній мы не находимъ никакихъ постановленій ни въ Уложеніи, ни во всемъ законодательствѣ XVIII вѣка: законъ ничего не разрѣшалъ, но ничего и не запрещалъ. Когда мы будемъ говорить о томъ, какъ относилось правительство къ помѣщикамъ, немилосердно истязавшимъ крестьянъ, мы увидимъ на какія неподходящія постановленія приходилось ссылаться, чтобы не оставлять безнаказанными самыя вопіющія жестокости. Теперь же предварительно посмотримъ, какія наказанія изобрѣли помѣщики для своихъ крестьянъ.

Такъ какъ правительство не позаботилось о составленіи уложенія о наказаніяхъ, которымъ помѣщики могли бы подвергать своихъ крестьянъ, то нѣкоторые владѣльцы пополнили этотъ недостатокъ своими собственными правилами, которыя иногда невольно напоминаютъ намъ законы древней Руси: это своего рода „Русскія Правды“ или „Судебники“. Вообще отношенія крѣпостныхъ къ своимъ господамъ напоминаютъ отношенія подданныхъ къ главѣ государства не однимъ только титуломъ „государя“, съ которымъ крѣпостные обыкновенно обращались въ челобитныхъ къ своему помѣщику. Такъ, устройство домоваго управленія у нѣкоторыхъ знатныхъ владѣльцевъ напоминаетъ иногда приказы и другія государственныя учрежденія допетровской Руси.

Образцомъ уложенія о наказаніяхъ, составленнаго для своихъ крестьянъ и дворовыхъ самимъ помѣщикомъ, могутъ служить правила, установленныя въ 1751 году гр. П. А. Румянцевымъ, подъ названіемъ „пункты, по которымъ имѣютъ во всѣхъ низовыхъ нашихъ вотчинахъ управители, прикащики, старосты, за разныя преступленія крестьянъ наказывать“. Кромѣ этихъ пунктовъ, въ подробной инструкціи Румянцева есть особая глава о наказаніяхъ.

За лѣность и пьянство Румянцевъ предписываетъ наказывать штрафами. У двороваго, за каждый пропущенный рабочій день, вычи-

талось мѣсячное жалованье, а крестьянинъ долженъ былъ вознаграждать вдвойнѣ причиненный имъ хозяйственный ущербъ. Если дворовый или крестьянинъ поссорятся между собою и одинъ другаго обругаетъ непечатными словами, съ виновнаго взыскиваютъ штрафъ въ 10 коп. „За бой безъ знаку“—приказано брать штрафъ отъ 25—30 к., на три дня „заключать въ цѣпь“, а иногда, смотря по побоямъ, и высѣчь батогами, „Буде же окрovenить“,—сказано въ инструкціи, то 50 к. штрафу и высѣчь батогами; а въ „пунктахъ“ назначенъ такой же денежный штрафъ, кромѣ того, велѣно жестоко наказывать батогами и еще „заключить на семь дней въ цѣпь на хлѣбъ и на воду“. За самую малую кражу Румянцевъ предписывалъ отобрать въ свою пользу все имѣніе виновнаго, а самого его отдать въ солдаты въ первый же наборъ, не донося даже о томъ господину. Если же кто украдетъ что нибудь изъ господскаго имущества, то также описать все имѣніе, заковать въ желѣза и обстоятельно донести господину. Кромѣ кражи денегъ или вещей, въ деревняхъ бывали случаи присвоенія чужой земли, похищенія чужаго хлѣба, сѣна и пр. Все это предусматрѣно Румянцевымъ. Въ „пунктахъ“ мы находимъ такое постановленіе: „если кто у кого насильствомъ запашетъ, сожнетъ и скоситъ, то настоящее отнятое тому обиженному отдать и сверхъ того на томъ мѣстѣ сѣчь плетью“. За порубку заповѣднаго помѣщичьяго лѣсу велѣно взыскивать по рублю за каждое дерево и лѣсъ отбирать. Какъ человѣкъ военный, гр. Румянцевъ придавалъ особенное значеніе поддержанію дисциплины и потому строго наказывалъ за оскорбленіе не только управителей и прикащика, но даже и бурмистра, старостъ и другихъ сельскихъ властей. Если дворовый или крестьянинъ оскорбить кого-либо изъ начальства „отъ перваго до послѣдняго“, то съ двороваго взыскивать половинное жалованье, а съ крестьянина 50 к. Если же сдѣлаетъ это „передъ правителемъ или прикащикомъ“, то дворовый лишается годоваго жалованья, а съ крестьянина взыскивали 5 рублей и сверхъ того наказывали плетью или батогами, какъ захочетъ обиженный. Является вопросъ: въ чью пользу взимался денежный штрафъ? Половина его шла обиженному, а другая въ пользу помѣщика.

Румянцевъ, какъ мы видѣли, заботился объ обученіи грамотѣ дворовыхъ дѣтей; точно также радѣлъ онъ и о спасеніи душъ своихъ крѣпостныхъ. За непосѣщеніе церкви безъ законной причины грозилъ штрафъ въ 10 коп. Если кто начнетъ въ церкви кричать или шумѣть, тотъ платитъ 2 коп., а у кого не будетъ денегъ тѣхъ сажать въ цѣпь на сутки. Денежный штрафъ въ обоихъ случаяхъ шелъ уже не въ пользу помѣщика, а въ церковную казну. Такимъ обра-

зомъ благоговѣнію къ церковной службѣ учили не только штрафами, но даже и посредствомъ заковыванія въ желѣза.

Особенно заботился Румянцевъ, чтобы его крестьяне жили въ мирѣ съ сосѣдами, а тѣмъ паче не перечили чѣмънибудь сосѣднимъ помѣщикамъ. За всякій проступокъ относительно посторонняго крестьянина взыскивали вдвое строже, а за обиду дворянина велѣно наказывать по требованію обиженнаго батогами, „пока тотъ доволенъ будетъ“, а сверхъ того въ пользу Румянцева взыскать 2 руб.

Въ случаѣ-же разбоевъ и другихъ „подозрительныхъ“ и „противныхъ указамъ“ поступковъ, которые помѣщикъ считалъ себѣ неподсудными, велѣно немедленно представлять ихъ въ городовыя канцеляріи. То, что считалось подсуднымъ помѣщику, не было тогда точно опредѣлено; во всякомъ случаѣ, дѣла объ убійствѣ и разбоѣ не подлежали его вѣденію.

И такъ, въ правилахъ, постановленныхъ Румянцевымъ, мы находимъ слѣдующія наказанія: денежный штрафъ отъ 2-хъ копѣекъ до 5 рублей, а для цѣловальниковъ, старостъ и бурмистровъ до 10 руб., возвращеніе похищеннаго вдвое, арестъ съ наложеніемъ цѣпей, сѣченіе батогами и плетью, отдача въ работу или рекруты. Размѣры тѣлеснаго наказанія не опредѣлены; иногда только сказано: высѣчь „жестоко“, а въ случаѣ оскорбленія сосѣднаго помѣщика велѣно даже наказывать, пока обиженный будетъ доволенъ. Того, кто запашетъ чужую землю, сожнетъ или скоситъ чужой хлѣбъ или сѣно, велѣно сѣчь на мѣстѣ преступленія. Любопытно, что въ правилахъ Румянцева не упоминается о наказаніи розгами, нѣтъ также и наказанія кнутомъ.

Правила, введенныя въ своихъ имѣніяхъ Румянцевымъ, очень суровы, но всетаки для крестьянъ было лучше знать какія нибудь опредѣленныя постановленія, чѣмъ подвергаться наказаніямъ, назначаемымъ подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія. Неизвѣстно только, точно ли соблюдались эти правила, или же управители позволяли себѣ нарушать ихъ къ невыгодѣ крестьянъ. Но такія инструкціи составляло, вѣроятно, меньшинство помѣщиковъ, люди болѣе богатые, имѣвшіе много вотчинъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи и желавшіе установить одинаковый порядокъ при ихъ управленіи. Большинство не хотѣло налагать на себя даже такихъ ограниченій и предоставляло себѣ рѣшать судьбу крестьянина въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Если дворовый или крестьянинъ разсердилъ своего господина, то первымъ дѣломъ была собственноручная расправа. Для нѣкоторыхъ помѣщиковъ бить своихъ людей — сдѣлалось просто потребностью. Иногда это выражалось, главнымъ образомъ, пощечинами и

подзатыльниками, ни за что, ни про что раздаваемыми домашней прислугѣ; иногда же переходило въ систематическое мучительство. Мы уже говорили, что дворовымъ приходилось чаще подвергаться разнымъ наказаніямъ, но такъ какъ каждый крестьянинъ могъ быть взятъ во дворъ, то никто не считалъ себя избавленнымъ отъ этихъ мученій.

Главною виною со стороны крестьянина была неаккуратность въ уплатѣ оброка или въ исполненіи барщинной работы; особенно же раздражалъ помѣщика коллективный протестъ со стороны крестьянъ противъ непомерной тяжести наложенныхъ на нихъ повинностей, хотя бы этотъ протестъ выражался въ формѣ смиренной просьбы господину объ облегченіи работъ или оброка. Гнѣвъ господина прежде всего обрушивался на тѣхъ челобитчиковъ, которымъ крестьянскій міръ поручалъ передать свое прошеніе. Генеральша Толстая приказала сослать мирскаго челобитчика въ другую вотчину, обрить ему голову и бороду, надѣть на шею „железную рогатку съ заклепами, дабы ему не имѣть покою“ (рогатка мѣшала ему спать) и заставила его постоянно работать на кирпичномъ заводѣ. Когда послѣ того крестьяне вповь послали къ своей госпожѣ трехъ выборныхъ, она объявила, чтобъ ее „впредь никакими просьбами не утруждать“. — „Я васъ въ конецъ разорю“—кричала она на челобитчиковъ и грозила имъ ссылкой. Управитель же ея билъ просителей по щекамъ и дралъ за волосы. Управитель, вынуждая у крестьянъ взятки, часто прибѣгалъ къ позорному и жестокому наказанію: „головы и бороды у насъ, яво у иновѣрцевъ мохамецкаго закона, брѣветъ,—писали крестьяне,—и желѣзные рога на шею накладываетъ“.

Подобные факты мы находимъ не только въ челобитныхъ крестьянъ, объ нихъ свидѣлствуютъ и сами помѣщики очевидцы. Дашкова, въ одномъ изъ своихъ писемъ, заявляетъ, что извѣстный М. Ф. Каменскій, сдѣланный въ послѣдствіи при Павлѣ графомъ и фельд-маршаломъ и убитый при Александрѣ I однимъ изъ своихъ дворовыхъ, собственноручно билъ своихъ крестьянъ такъ, что, въ присутствіи лакея Дашковой, двумъ крестьянамъ проломилъ голову объ печку. Болотовъ рассказываетъ, что одинъ помѣщикъ, жившій въ одномъ съ нимъ уѣздѣ, отдалъ свою дѣвку въ Москву учиться плести кружева. Когда она возвратилась домой, ее стали страшно обременять работою, такъ что каждый вечеръ она должна была „по двѣ свѣчи просяживать“. Дѣвушка не вынесла и бѣжала въ Москву къ своей прежней мастерицѣ, но ее отыскали, посадили „въ желѣзы и въ стуло“ и заставили опять плести. Черезъ нѣсколько дней она была освобождена по просьбѣ священника, который за нее поручился. Но на нее снова навалили непосильную работу, и она опять бѣжала. Ее

отыскали, на-глухо заклепали въ кандалы, одѣли рогатку и заставили такимъ образомъ работать. Доведенная до совершеннаго отчаянія, она наложила на себя руки и пыталась зарѣзаться, но не со всѣмъ перерѣзала горло. Разрубая топоромъ надѣтую на шею рогатку, ее ранили еще сильнѣе, такъ что несчастная цѣлыя сутки была безъ памяти. Даже и въ виду ожидаемой смерти, звѣрь-помѣщикъ не сжалился надъ нею: она прожила еще цѣлый мѣсяцъ и кандалы не были у нея сняты. Это вопиющее дѣло было скрыто и господу остались безъ всякаго наказанія.

Изъ этихъ фактовъ мы видимъ, что, кромѣ наказаній, упомянутыхъ въ правилахъ Румянцева, помѣщики употребляли еще слѣдующія карательныя мѣры: ссылка въ другую вотчину, постоянная работа на господина, обриваніе бороды и головы, заковываніе въ цѣпи и надѣваніе рогатки. Нужно замѣтить, что, кромѣ плетей и бато говъ, у нѣкоторыхъ владѣльцевъ наказывали крестьянъ и кнутомъ. Такъ, въ 1760 году, на Дугнинскомъ заводѣ Никиты Демидова (Тульской губерніи) высѣкли одного крестьянина „взжалыми“ кнутыями.

Румянцевъ, какъ мы уже знаемъ, приказывалъ аккуратно записывать всѣ наказанія, какимъ подвергнутся, на основаніи составленныхъ имъ правилъ, дворовые и крестьяне; если бы сохранилось побольше такихъ записей, мы имѣли бы полную картину помѣщицкой расправы со своими людьми, со всѣми ужасающими подробностями. Къ счастью, до насъ дошелъ одинъ такой „журналъ домоваго управленія“, относящійся къ 1763—1765 годамъ; въ немъ записывались всѣ приказы помѣщика съ его собственною, какъ онъ выражается, „заручкою“, т. е. подписью подъ каждымъ приказомъ своего имени и фамиліи. Въ этотъ журналъ заносились не только наказанія, которымъ подвергались провинившіеся, но и причины этого наказанія, и все это дѣлалось съ аккуратностью, достойною лучшаго дѣла. Одинъ этотъ документъ можетъ освѣтить намъ закулисную жизнь этого общества, нерѣдко либеральнаго на словахъ и завоснѣло-крѣпостническаго на дѣлѣ.

Нѣсколько отрывковъ всего лучше познакомятъ съ нимъ читателя: „Нашему человѣку Ивану Владимірову нами приказано было, чтобы окорока свинные оба сдѣлать на буженину съ чеснокомъ, а онъ одинъ сдѣлалъ съ чеснокомъ, другой — съ лукомъ, а нами велѣно лопатку съ лукомъ сдѣлать, и онъ приказу нашего не исполнилъ, за что вычесть у него въ будущій 764 годъ изъ положеннаго жалованья рубль, а ежели по сему исполнено не будетъ, то у кого сей нашъ журналъ, того съачъ (плетями) на дровняхъ, давая по сту ударовъ нещадно“. Приказъ о наказаніи для „журналиста“ повторяется послѣ каждой статьи

журнала. „Сего году іюня 2-го потребны были для гостей заѣдки и надлежало Парасковѣ Никитиной требовать у насъ отъ ящика ключи заранѣе, когда мы почивать не ложились; однако она требованіемъ ихъ пропустила, а какъ мы легли почивать, то она стала требовать ключи, и насъ тѣмъ беспокоила, за что вычестъ у ней въ будущій 765 годъ изъ положеннаго ей жалованья рубль“. Нужно замѣтить, что штрафъ въ рубль былъ тяжелымъ наказаніемъ; онъ долженъ былъ навѣрное составлять около трети или четверти годового жалованья. Не получила также за нѣсколько дней „указнаго“ (мясной провизіи) Ѳекла Яковлева, за то, что ушла изъ кабинета „во время опочиванія господина“. Вслѣдъ затѣмъ та-же женщина, за какую-то другую провинность, подверглась слѣдующей оригинальной карѣ: ее приказано было „именемъ и отчествомъ не звать, а звать всѣмъ трусихой и лживицей“. Мы видимъ здѣсь образцы барскихъ шутокъ, барскаго остроумія. Тутъ помѣщичье самодурство достигаетъ крайнихъ предѣловъ глупости и невольно напоминаетъ мало-россійскую пословицу: „пани якъ дурни, що хотять, то и робять“. Однако, этотъ комичный указъ имѣетъ слишкомъ трагическое окончаніе: „а ежели кто (Ѳеклу),—сказано тамъ,—именемъ и отчествомъ назоветъ, того сѣчь розгами по 5,000 (sic!) нещадно“. Это не была одна только угроза: мы можемъ привести изъ этого журнала цѣлый рядъ такихъ и еще болѣе ужасныхъ наказаній, такъ что волосы становятся дыбомъ при мысли о тѣхъ ужасахъ, которые совершались въ этомъ помѣщичьемъ домѣ. Наказанія эти тѣмъ ужаснѣе, что прислуга подвергалась имъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ.

Изъ приказовъ, занесенныхъ въ этотъ журналъ, обрисовываются для насъ многія подробности домоваго управленія. Такъ, мы видимъ, что нѣкоторые дворовые находятся въ Москвѣ: одни отпущены на оброкъ, другіе—въ наукѣ, т. е. обучаются какому нибудь мастерству. По воскресеньямъ они должны являться въ господскій домъ, подъ угрозой наказанія 1,000 ударами розогъ. Въ барскомъ домѣ въ Москвѣ должны были поочереди стоять на часахъ: лакеи, конюхи, повара и проч. За неаккуратность при исполненіи этихъ обязанностей сѣкли на дровняхъ, давая по сту ударовъ нещадно. Этотъ помѣщикъ, точно также, какъ и графъ Румянцевъ, заботился о томъ, чтобы его лакеи были грамотные. Каждый день по одному лакею экзаменовали въ чтеніи и письмѣ, и невольнѣ грамотныхъ учили еще. Бояринъ, по всей вѣроятности, весьма благочестивый, заботился и о томъ, чтобы прислуга аккуратно исполняла требованія религіи. Въ одномъ указѣ онъ предписываетъ: „впредь всегда нашимъ людямъ говѣть, раздѣляя постъ поровну... а не такъ, какъ въ нынѣшнемъ 764 году...

больше половины людей говѣли на послѣдней недѣлѣ, за что не давать тѣмъ, которымъ велѣно на пятой недѣлѣ говѣть, указаго по двѣ недѣли всего... а говѣть и причащаться всѣхъ принуждать безъ пропуска. А ежели кто который годъ не будетъ говѣть, того плетями, а которые не причастятся, тѣхъ сѣчь розгами, давая по 5,000 разъ нещадно⁴. Это исполненіе требованій церкви изъ-подъ палки и ужасныя истязанія за ихъ несоблюденіе производятъ особенно отвратительное впечатлѣніе. Даже обязанности, налагаемыя христіанскою религіею, служили для необузданнаго самодура предлогомъ къ мученіямъ своихъ людей, и этотъ самодуръ былъ навѣрное убѣжденъ, что онъ истинный христіанинъ, и что онъ такимъ образомъ не только спасетъ свою душу, но и своихъ рабовъ заставитъ розгами и плетями войти въ царствіе небесное.

Читателямъ можетъ придти въ голову вопросъ: неужели подобныхъ изверговъ не заставляли быть сдержаннѣе собственныя интересы: вѣдь подвергнувшійся такимъ страшнымъ истязаніямъ долго послѣ того не могъ работать. Но изобрѣтательный помѣщикъ принялъ свои мѣры и на этотъ случай. „Впредь ежели кто изъ людей нашихъ высѣчется плетями на дровняхъ, — распорядился онъ, — дано будетъ 100 ударовъ, а розгами дано будетъ 17,000 (sic!!), таковымъ болѣе одной недѣли лежать не давать, а которымъ дано будетъ плетями по полусотнѣ, а розгами по 10,000—таковымъ болѣе полунедѣли лежать не давать же; а кто сверхъ того пролежитъ болѣе, за тѣ дни не давать имъ всего хлѣба, столоваго запаса и указаго всего же; да изъ жалованья, что на тѣ дни придется, вычитать безъ упущенія⁴. Это правило было немедленно примѣнено къ дѣлу: одному конюху слѣдовало лежать только одну недѣлю (значитъ, ему дано было 100 плетей или 17,000 розогъ!), а онъ былъ болѣе двѣ недѣли и потому за лишнюю недѣлю у него было удержано соответственное количество сѣстныхъ припасовъ и жалованья. Другой, подвергнутый такому же ужасному истязанію, пролежалъ восемнадцать дней; и у него, по тому же расчету, былъ сдѣланъ вычетъ за одиннадцать дней.

Такія наказанія могли бы показаться просто невѣроятными, несмотря на то, что они засвидѣтельствованы несомнѣннымъ документомъ, но мы должны помнить, что еще въ прошлое царствованіе существовали плети и шпицрутены. Солдаты нерѣдко получали болѣе 10,000 ударовъ шпицрутенами. Тоже было и при Екатеринѣ II. Если подобныя ужасныя истязанія могли совершаться публично, въ силу закона, то нечего удивляться, что мы встрѣчаемъ ихъ и въ деревенстой глуши, гдѣ помѣщикъ былъ полнымъ властелиномъ надъ своими крѣпостными.

Помѣщики не имѣли по закону права надъ жизнью и смертью своихъ крестьянъ, но такъ какъ они могли наказывать ихъ неограниченно, то тяжелыя истязанія нерѣдко оканчивались смертью подвергнутаго имъ крѣпостнаго. Аббатъ Шаппъ, путешествовавшій по Россіи въ 1761 году, говоритъ: такъ какъ помѣщики имѣютъ право наказывать своихъ крестьянъ батогами, „то они употребляютъ это наказаніе такимъ образомъ, что на дѣлѣ получаютъ возможность казнить ихъ смертью“. Императрица Екатерина, возражавшая въ „Антидотѣ“ на каждое слово аббата Шаппа, на этотъ разъ не нашлась, что отвѣтить. „Хорошее или дурное обращеніе съ прислугой, — пишетъ она, — гораздо болѣе зависитъ отъ хорошей или дурной нравственности, чѣмъ отъ законовъ страны (?); ко благу человѣчества, наши нравы не ухудшаются“. Посмотримъ еще, каковы были эти нравы.

Вотъ, на примѣръ, двое крестьянъ Алексѣя Лопухина, Дмитровскаго уѣзда, заявляютъ въ своей челобитной императрицѣ (1767 г.), что, когда отецъ ихъ обратился съ какою-то жалобой или просьбой къ своему господину, тотъ сталъ бить его палкою и нанесъ 100 ударовъ, такъ что у крестьянина пошла кровь горломъ и вскорѣ послѣ того онъ умеръ. Въ 1786 году, во Владимірской губерніи, генералъ-губернаторъ графъ Салтыковъ возбудилъ дѣло противъ помѣщика Карташева, вслѣдствіе его жестокаго обращенія съ крѣпостными. Это дѣло тѣмъ интереснѣе, что тутъ различными истязаніями подвергались не дворовые, а крестьяне. По приказу генералъ-губернатора, по этому случаю былъ произведенъ повальный обыскъ, а отъ сосѣднихъ помѣщиковъ собраны свѣдѣнія черезъ предводителей дворянства. 164 человѣка, въ томъ числѣ 7 духовныхъ лицъ, заявили, что они видѣли, какъ крестьяне Карташева ходятъ по ночамъ просить милостыню и при этомъ слышали отъ нихъ, что они испытываютъ отъ помѣщика „жестокіе и безчеловѣчныя побои“, и что отъ того нѣкоторые изъ нихъ умерли, а другіе бѣжали. Иногда эти просящіе милостыню крестьяне были безчеловѣчно изсѣчены: одна крестьянка была не только вся избита, но у ней были даже переломлены руки. Нѣкоторые крестьяне содержались подъ арестомъ въ избѣ съ заколоченными окнами и прокармливались только тою милостынею, которую имъ подавали въ маленькую щель прохожіе. Нижній земскій судъ представилъ къ слѣдствію дворовую женщину, которая отъ побоевъ согнулась „на подобіе бесловесныхъ животныхъ“, такъ что она едва могла ползати на рукахъ и ногахъ. По словамъ этой женщины, года два тому назадъ Карташевъ самъ побилъ ее плотничьимъ правиломъ и переломилъ ей спинную кость, такъ что послѣ того она могла ходить только опираясь на палку; Карташевъ „за то ее при-

казывалъ неоднократно бить, а наконецъ, увидя на пожнѣ согнувшуюся, ударилъ раза четыре ружейнымъ прикладомъ, отъ чего и нынѣ раны есть“. Деньщикъ брата этого помѣщика слышалъ, что одинъ крестьянинъ умеръ послѣ побой въ тотъ же день. Кромѣ того, онъ самъ часто видалъ, какъ Карташевъ наказывалъ крестьянъ палками, батогами и кнутомъ и слышалъ, что многіе послѣ того умерли. Вслѣдствіе такихъ жестокостей помѣщика, въ томъ селѣ, гдѣ онъ жилъ, осталось весьма мало крестьянъ, хотя прежде ихъ было тамъ до 150 душъ, и несмотря на то, что владѣлецъ ежегодно переселялъ туда крестьянъ изъ другихъ вотчинъ. Крестьянскіе дома въ этомъ селѣ стояли пустыми или развалились.

Уже изъ этого дѣла мы видимъ, что жестокія наказанія кончались иногда смертью крестьянъ. Вотъ еще нѣсколько вполне доказанныхъ случаевъ. Въ 1775 году, калужская помѣщица Маслова приказала двумъ своимъ дворовымъ наказать одну крестьянку, послѣ чего эта женщина умерла. Въ 1781 году, тверская помѣщица Горина приказала своему человѣку высѣчь при себѣ плетью одну крестьянку за кражу сала. На четвертый день послѣ наказанія, женщина родила мертваго младенца, а черезъ двѣ недѣли умерла и сама. Въ той же Тверской губерніи и въ томъ же году умеръ дворовый отставнаго сержанта Кувшинова отъ побой, нанесенныхъ ему помѣщикомъ. Въ 1766 году, въ Петербургѣ, вдова тайнаго совѣтника Данилы Ефремова призвала въ свою квартиру трехъ солдатъ и приказала имъ сѣчь батогами свою дворовую дѣвку, отчего та умерла на другой день утромъ. На слѣдствіи Ефремова, заявивъ, что высѣкла свою дѣвку „за чинимыя ею предъ ней противности, воровства и побѣги“, старалась доказать, что она была наказана весьма умѣренно, а умерла потому, что отравилась „ядовитымъ зельемъ“, которое было у ней во рту и котораго не могли отнять. Къ слѣдствію представили даже стекляночку, будто бы найденную у этой дѣвушки; медицинская канцелярія, произведя изслѣдованіе, нашла, что въ ней были бѣлила, въ которыхъ, „кромѣ ртути и маргерита“, ядовитаго ничего не найдено. Если бы даже эта дѣвушка действительно отравилась, то это подтвердило бы только, какъ жестоко она была наказана и вообще какъ невыносима была ея жизнь. Но причиною ея смерти была вовсе не отравка. По вскрытіи трупа, яда во внутренностяхъ не оказалось, но снаружи на спинѣ нашли антоновъ огонь, повидимому, отъ „пребезмѣрнаго битья“. Въ 1769 году оренбургская помѣщица вдова генералъ-маіора фонъ-Эттингеръ приказала своимъ людямъ высѣчь длинными таловыми прутьями своего крестьянина, который и умеръ въ тотъ же день. По словамъ помѣщицы, онъ умеръ не вслѣдствіе наказанія, а

оттого, что дѣти и мать его давали ему пить выжатый изъ капусты черный сокъ, да холодной воды со льдомъ. Однако, нѣсколько докторовъ, осматривавшихъ тѣло умершаго, нашли, что причиною смерти было „неумѣренное сѣченіе“. Въ 1766 году, въ Любимскомъ уѣздѣ, одна дворовая женщина умерла отъ побой; помѣщикъ Тарбѣевъ, которому она принадлежала, былъ взятъ въ воеводскую канцелярію и на допросъ показалъ, что въ то время, какъ эта женщина была, въ теченіи трехъ недѣль, въ бѣгахъ, въ оставленной ею работѣ нашли какой-то корень. По возвращеніи, она сказала, что корень этотъ называется Петровъ-крестъ и она взяла его у покойнаго сельскаго попа для „приворота“ Тарбѣева и его жены, „дабы они къ ней были добры, а между собою союзу не имѣли“. Тарбѣевъ не повѣрилъ ея словамъ и, допрашивая ее, билъ плетью. Тогда она показала, что и прежде брала у попа соль, на которую тотъ наговаривалъ, и, по его приказанію, ждала въ купанье. Тарбѣевъ за то, что эта женщина „чинила ему и женѣ его такія отравы, пришедъ въ страхъ, билъ ее полѣномъ и пестомъ съ оковомъ желѣзнымъ, отчего она и умерла, а умыслу къ убивству ея, — по его словамъ, — какъ прежде, такъ и въ то время не имѣлъ“.

Какимъ же образомъ поступало правительство, когда до свѣдѣнія его доходило, что тотъ или другой помѣщикъ истязалъ своихъ крестьянъ, и что даже наказанія кончались смертью? Какъ оно наказывало такихъ помѣщиковъ и какими законами при этомъ руководствовало? Въ Уложеніи нѣтъ никакого закона, предусматривавшаго смерть вѣрноподанныхъ отъ жестокаго наказанія, и потому еще въ 1762 году юстицъ-коллегія затруднялась, что дѣлать съ отставнымъ поручикомъ Нестеровымъ, замучившимъ своего крестьянина: она прямо указывала на то, что не было закона, какъ поступать съ помѣщиками, виновными въ такихъ жестокостяхъ. Когда дѣло это перешло въ сенатъ, онъ рѣшился сослать Нестерова на поселеніе въ Перчинскъ навсегда, а имѣніе его отдать наслѣдникамъ. Какъ непослѣдовательно поступало въ этомъ отношеніи правительство, видно изъ того, что когда, за годъ передъ тѣмъ, главная полиціймейстерская канцелярія приговорила отставнаго маіора Лазарева, засѣвшего своего крестьянина, только къ церковному покаянію, — сенатъ утвердилъ ея приговоръ.

Во всѣхъ извѣстныхъ намъ дѣлахъ Екатерининскаго времени о засѣченіи и замученіи помѣщиками своихъ вѣрноподанныхъ было примѣнено только четыре постановленія: три изъ Воинскаго устава и одно изъ Уложенія. Мы приведемъ ихъ, чтобы видѣть, что за отсутствіемъ закона, прямо предусматривавшаго данный случай, приходилось при-

мѣнять къ дѣлу не совсѣмъ подходящіе законы. Въ Воинскомъ уставѣ, гл. XIX, толкованіе на пунктъ 154, сказано: „Судѣи надлежитъ гораздо смотрѣть, какии оружіемъ убитый убитъ или поврежденъ былъ, тѣмъ ли битъ, отъ чего легко умереть могъ, яко топоромъ, кольями, дубиною и пр., или иныи чѣмъ, яко малыи палочками и прочиимъ, чѣмъ не легко смертно убитъ возможно, въ которомъ, въ послѣднемъ случаѣ, обыкновенное наказаніе произвести невозможно, но на разсмотрѣніе судейское предается. Ежели-жъ случится, что нѣкоторый главный подчиненныхъ своихъ за нѣкоторыя причины захочетъ наказать, а такое въ достойной и въ должной его чиновной ревности зло учинится, что наказанный отъ того наказанія умретъ, то вѣдать надлежитъ, что оный главный, по мнѣнію правоучителей, не животоиъ, но жестоко имѣетъ быть наказанъ, либо оставленіемъ чина на время и службою рядовымъ, денежнымъ штрафомъ или заключеніемъ“. Артикулъ 158-й Воинскаго устава: „Ежели учинится смертныи убой, хотя не нарочно и неволею, чтобъ кого убитъ или поранить, однако-жъ сочинитель того виновенъ есть, понеже убивство отъ того произошло, и тако наказаніе исполнится надъ виновнымъ и по дѣлу и состоянію онаго и какую вину въ томъ имѣетъ: или тюрьмою, денежнымъ наказаніемъ, шпицрутеноиъ или сему подобнымъ“; а въ толкованіи на этотъ пунктъ сказано: если солдатъ, стрѣляя въ цѣль, нечаянно кого убьетъ, „въ семъ случаѣ можно виноватому церковное покаяніе возложить кунно съ другими наказаніями“. Артикулъ 163: „ежели убивство учинится ненарочно или въ ненамѣреніи кого умертвить, яко бы кто похотѣлъ жену свою или дитя наказать и оную такъ жестоко побьетъ, что подлинно отъ того умретъ, то правда, что наказаніе легче бываетъ, а ежели умышенное убивство будетъ, тогда убійца имѣетъ мечемъ наказанъ быть“. Наконецъ, 21-й главы Уложенія пунктъ 71-й: „а убьетъ сынъ боярскій... или прикащикъ чьего крестьянина, а съ пытки тотъ убійца въ томъ убивствѣ учнетъ говорить, что онъ убилъ въ дракѣ, а не съ умышеніемъ или пьянымъ дѣломъ, такихъ убійцъ сажать въ тюрьмы до государева указу, а смерью не казнить“.

Посмотримъ теперъ, какъ примѣнялись къ дѣлу эти законы. Въ приговорѣ по дѣлу тайной совѣтницы Ефремовой сенатъ сослался на 154 и 158 пункты Воинскаго устава. Не находя по обстоятельствамъ дѣла, чтобы Ефремова имѣла умыселъ убитъ свою дѣвку, сенатъ рѣшилъ предать ее церковному покаянію и императрица утвердила это рѣшеніе¹⁾. Нужно замѣтить, что наказаніе это не соответствовало

¹⁾ На сколько времени опредѣлялось церковное покаяніе, видно изъ дѣла Горинной: синодъ приговорилъ ее къ эпитиміи на 5 лѣтъ, въ томъ числѣ пол-

тѣмъ постановленіямъ, на которыхъ оно основано: толкованіе на 158 пунктѣ воинскаго устава разрѣшаетъ подвергать виновнаго церковному покаянiю лишь „купно“ съ другими наказанiями, а вовсе не дозволяетъ довольствоваться однимъ покаянiемъ.

Весьма странно рѣшено было Калужскою палатою уголовного суда дѣло о помѣщицѣ Масловой. Вмѣстѣ съ нею были отданы подѣ судѣ двое дворовыхъ людей, производившихъ по ея приказу наказаніе. Палата нашла, что Маслова не изобличена въ томъ, чтобы она приказывала дворовымъ засѣчь эту женщину до смерти; не доказано также, чтобы она присутствовала при этомъ наказанiи. По этому палата рѣшила предать это происшествiе волѣ Божіей. Но однако-же, чтобы „не подать на будущее время какого либо поползновенiя, то тѣмъ дворовымъ людямъ, дабы они впредѣ во исполненiи госпожи своей приказанiй были осмотрительнѣе, учинить, на основанiи воинскаго устава 158 артикула толкованiя, въ страхъ другимъ, въ сельцѣ Почувѣвѣ наказаніе плетью и отдать въ вотчину“. Ассесоршу же Маслову за то, что она не опредѣлила, какъ велико должно быть наказаніе, хотя она „въ томъ, чтобы имѣла намѣреніе означенную жонку засѣчь до смерти и не изобличена, но можетъ быть иногда (!?) сіе отъ того ея неосторожнаго приказанiя произошло, предать, по силѣ того-жѣ 158 артикула толкованiя, церковному покаянiю“. Вотъ по истинѣ неожиданное рѣшеніе: дворовые люди наказываютъ женщину по приказанiю помѣщицы; судѣ не находятъ, чтобы у нея было намѣреніе до смерти засѣчь эту женщину, но точно также не видитъ такого умысла и у дворовыхъ, а между тѣмъ дворовыхъ, дѣйствовавшихъ не по своей волѣ, наказываютъ за это плетью, а сама помѣщица отдѣливается только церковнымъ покаянiемъ; и два столь разнородныхъ приговора основываются на одномъ и томъ же пунктѣ воинскаго устава. И генераль-губернаторъ Михаилъ Кречетниковъ утверждаетъ такое рѣшеніе!.. Вотъ до какихъ несправедливостей доходило правительство въ эту эпоху преобладающаго влiянiя дворянства въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ приходилось затрогивать гнойныя язвы крѣпостнаго права. Относительно генеральши Эттингеръ сенатъ нашелъ, что хотя она неумышленно убила крестьянина, однако совершенно оправдать ее нельзя, и предлагалъ (на основанiи 154 и 158 пунктовъ воинскаго устава) заключить ее въ тюрьму на мѣсяць, а затѣмъ предать публичному покаянiю по правиламъ лютеранскаго исповѣданiя, съ обязательствомъ, чтобы она впредѣ своихъ людей и крестьянъ такъ безчеловѣчно не

года въ монастырѣ, а остальное время въ своемъ домѣ, подѣ присмотромъ духовника. Отставной сержантъ Кувшиновъ, приговоренный къ такой-же эпитимiи, долженъ былъ годъ выжить въ монастырѣ.

наказывала. Но императрица не сразу утвердила докладъ сената, а обратила его вниманіе на то, что генеральша Эттингеръ наказывала своего крестьянина за побѣги и воровство, т. е. за такія преступленія, которыя подлежатъ вѣденію „городской юстиціи“, а власть судейская должна быть охраняема отъ „особенныхъ вступленій“ въ нее. Тогда сенатъ (на основаніи 71-го пункта 21-й главы Уложенія) за непредставленіе крестьянина въ гражданскій судъ предложилъ, сверхъ тюремнаго заключенія и покаянія, конфисковать все имѣніе Эттингерши, а чтобы и другіе владѣльцы не вступались въ неподлежащія имъ дѣла, то, такъ какъ кромѣ упомянутаго пункта Уложенія объ этомъ не было никакого точнаго постановленія, сообщить о томъ въ комиссію уложенія для составленія о томъ новаго закона. Однако императрица утвердила первый сенатскій докладъ; слѣдовательно Эттингерша была заключена на мѣсяць въ тюрьму и подвергнута публичному покаянію. Что же касается до сообщенія въ комиссію уложенія, то, соглашаясь съ представленіемъ объ этомъ сената, императрица прибавила, что комиссія должна „и о томъ положеніе сдѣлать, что съ такими чинить, кои суровость противъ человѣка употребляютъ“. Однако никакого такого закона въ царствованіе Екатерины издано не было. Любопытно, что, по мнѣнію императрицы, дѣла о побѣгѣ крѣпостныхъ не должны подлежать вѣденію помѣщиковъ. На этотъ разъ правительство было по прежнему непослѣдовательно: между тѣмъ какъ Эттингерша была присуждена къ мѣсячному тюремному заключенію и покаянію, Ефремова за совершенно такое же преступленіе подверглась только церковной эпитиміи. Это объясняется, конечно, не тѣмъ, что въ четыре года, протекашіе между этими двумя приговорами, правительство стало строже карать за истязанія крѣпостныхъ, а просто бѣльшими связями у Ефремовой въ Петербургѣ.

Еще сильнѣе былъ наказанъ Тарбѣевъ. Сенатъ нашелъ, что хотя и у него повидимому не было умысла къ убійству, но что всетаки оно произошло „по жестокосердію и невоздержности его отъ необыкновеннаго наказанія“. Онъ долженъ былъ о мнимой отравѣ объявить въ судебномъ мѣстѣ. Поэтому сенатъ предлагалъ лишить его дворянства и чиновъ, а вмѣсто тюремнаго наказанія сослать на житье въ дальній монастырь и содержать тамъ изъ доходовъ съ деревень, которыя отдать законнымъ наследникамъ. Однако императрица, въ 1769 г., т. е. черезъ четыре года послѣ совершенія преступленія, рѣшила иначе: она приказала, лишивъ Тарбѣева чиновъ, заключить его на полгода для покаянія въ монастырь, причѣмъ первый мѣсяць содержать на хлѣбѣ и водѣ, а потомъ сослать въ Нерчинскъ для опредѣленія „въ простую службу

по способности". Такое наказаніе дѣйствительно соотвѣтствовало 154 пункту Воинскаго устава, въ которомъ, въ числѣ другихъ наказаній, упоминается о лишеніи чина и разжалованіи въ солдаты.

Несмотря на то, что правительство относилось къ помѣщикамъ, истязавшимъ своихъ крестьянъ, болѣе чѣмъ снисходительно, нѣкоторые изъ нихъ еще выражали неудовольствіе, если противъ нихъ начинали преслѣдованіе. Таковую претензію обнаружилъ помѣщикъ Карташевъ, когда Владимірскій и Костромской генераль-губернаторъ гр. Салтыковъ отдалъ его подъ судъ. Когда въ 1785 году крестьяне Карташева подали гр. Салтыкову жалобу „на тиранскіе и безчеловѣчныя“ поступки помѣщика, генераль-губернаторъ приказалъ Переяславскому нижнему земскому суду произвести повальный обыскъ въ селеніяхъ, окружающихъ имѣніе Карташева, а самого его немедленно обязать подпискою, чтобы, до окончанія дѣла, онъ отнюдь не наказывалъ крестьянъ, а если они въ чемъ нибудь провинятся, то представлялъ бы на усмотрѣніе суда ¹⁾. Что обнаружилось посредствомъ слѣдствія и повального обыска, мы уже знаемъ. Слѣдственное дѣло было передано для рѣшенія въ Переяславскій уѣздный судъ, но онъ въ теченіи 3¹/₂ мѣсяцевъ не обнаружилъ никакихъ признаковъ дѣятельности. Тогда генераль-губернаторъ отдалъ членовъ его подъ судъ; они найдены были виновными и приговорены къ штрафу въ 500 рублей, но подошли подъ милостивый манифестъ и заплатили только отрѣшеніемъ отъ должности. Между тѣмъ, посаженный подъ арестъ Карташевъ обратился съ прошеніемъ къ императрицѣ, и она приказала генераль-прокурору рѣшить это дѣло немедленно по закону „людьми, на коихъ Карташевъ зарѣнія не имѣетъ“, а до тѣхъ поръ его освободить; имѣніе его, до произнесенія окончательнаго приговора, оставить въ вѣденіи дворянской опеки, а собираемые съ него доходы отдавать въ пользу помѣщика и его семейства. Карташевъ, ободренный освобожденіемъ изъ-подъ ареста, рѣшился изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное, и въ 1787 г. подалъ въ сенатъ жалобу на Салтыкова за то, что онъ принялъ на него доносъ отъ его бѣлаго крестьянина, который будто бы его обокралъ; онъ жаловался также, что никакихъ доходовъ со своихъ деревень не получаетъ. На запросъ обо всемъ этомъ отъ сената, Салтыковъ отвѣчалъ, что онъ принялъ жалобу крестьянъ, такъ какъ по учрежденіямъ о губерніяхъ государевъ намѣстникъ есть „заступникъ

¹⁾ Несчастную женщину, больную и согнувшуюся отъ побоевъ, нанесенныхъ ей Карташевымъ, гр. Салтыковъ приказалъ отослать на счетъ помѣщика въ больницу приказа общественнаго призрѣнія.

утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ, и такъ какъ онъ долженъ прекращать всякія злоупотребленія, а особенно безпутство, мотовство, тиранство и жестокость," и затѣмъ разсказалъ все дѣло со всѣми ужасными подробностями, добытыми слѣдствіемъ. Получивъ этотъ отвѣтъ въ концѣ 1789 года, и узнавъ, что Карташевъ находится въ Петербургѣ, сенатъ приказалъ немедленно выслать его и отправить во Владиміръ, а новому намѣстнику Заборовскому поручилъ позаботиться объ окончательномъ рѣшеніи этого дѣла. Такимъ образомъ процессъ, начатый въ 1785 году, не былъ рѣшенъ еще черезъ четыре года, и при томъ надѣлалъ хлопотъ Салтыкову, которому пришлось оправдываться передъ сенатомъ. При такихъ условіяхъ, едва-ли у многихъ генераль-губернаторовъ была охота вмѣшиваться въ отношенія между помѣщиками и крестьянами.

Какъ мало вниманія обращала администрація на тѣ ужасныя истязанія, которыя приходилось выносить крѣпостнымъ отъ своихъ господъ, всего лучше видно изъ дѣла Дарьи Салтыковой. Не останавливаясь на немъ, (оно напечатано въ „Рус. Ст.“ изд. 1874 г. т. X), обращаемъ вниманіе только на то, что она, живя въ самой Москвѣ, а лѣтомъ въ подмосковномъ имѣніи, могла въ продолженіи шести лѣтъ собственноручно бить своихъ женщинъ валькомъ, палками, полѣньями, утюгомъ, плетью, кнутомъ, поджигать на головѣ волосы, брать за уши разожженными щипцами, лить на лицо горячую воду, бить головою объ стѣну. Зимой, послѣ наказанія, выставляла мужчинъ и женщинъ босыхъ на морозъ, морила ихъ голодомъ и все это сходило ей съ рукъ. Когда какая-нибудь женщина умирала отъ истязаній, въ полицію подавали объявленіе, что она бѣжала и находится неизвѣстно гдѣ. Имѣя большія связи и задаривая деньгами разныхъ чиновниковъ, Салтыкова была увѣрена, что всегда выйдетъ сухою изъ воды. „Вы мнѣ ничего не сдѣлаете“, — говаривала она тѣмъ, которые рѣшались на нее жаловаться, — „сколько вамъ ни доносить, мнѣ они все ничего не сдѣлаютъ и меня на васъ не промѣняютъ“. И дѣйствительно, если кто изъ дворовыхъ подавалъ на нее доносъ, Салтыкова заявляла о немъ, что онъ бѣжалъ отъ нея; и его, какъ ложнаго доносчика, наказывали кнутомъ и затѣмъ ссылали или вновь возвращали господамъ. Во время подачи такихъ доносовъ, Салтыкова усердно посѣщала начальника полиціи-мейстерской канцеляріи и задаривала его взятками. Двадцать одинъ разъ начиналось такимъ образомъ дѣло о Салтыковой и ничѣмъ не оканчивалось, пока наконецъ, двумъ людямъ ея удалось подать челобитную самой императрицѣ. Впрочемъ и послѣ того, дѣло тянулось еще шесть лѣтъ и нѣкоторое время она продолжала мучить своихъ людей. Приговоръ о Салтыко-

вой извѣстенъ; упомянемъ только, что кромѣ нея были наказаны: деревенскій священникъ, хоронившій замученныхъ ею людей, дворецкій, кучеръ и нѣсколько другихъ дворовыхъ. Ихъ всѣхъ висѣли кнутомъ, вырѣзали имъ ноздри, наложили клейма и сослали въ Нерчинскъ въ пожизненную, или, какъ тогда говорили, „вѣчную“ каторжную работу. Главные же виновники того, что всѣ жалобы крѣпостныхъ Салтыковой оставались безъ всякихъ послѣдствій, именно: служащій въ полиціймейстерской канцеляріи, два члена сыскаго приказа, прокуроръ и пр. очистились присягою или даже прямо были признаны невинными. Только первый изъ нихъ былъ оставленъ въ „полуподозрѣніи“. Правительство запретило крестьянамъ подавать челобитную самой императрицѣ и заставляло ихъ обращаться къ низшимъ инстанціямъ. Поэтому оно должно было бы по крайней мѣрѣ строго преслѣдовать служащихъ въ этихъ инстанціяхъ за самое преступное игнорированіе многократныхъ жалобъ крестьянъ. Весьма естественно, что они, не добившись тамъ никакой правды, старались найти ее у самаго престола, а между тѣмъ за это ихъ нещадно сѣкли плетьюми.

Черезъ три года послѣ произнесенія приговора по дѣлу Салтыковой, мы находимъ другой случай наказанія помѣщика за убійство крѣпостнаго. Въ 1771 году, отставной подпоручикъ Лѣсковъ, за убійство бѣглаго человѣка, былъ приговоренъ къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ на Нерчинскіе заводы, а жена его и одна родственница за недонесеніе о томъ — къ заключенію въ тюрьму на показаніе. Но императрица приказала, лишивъ Лѣскова чиновъ и дворянства, заклеить подъ висѣлицею на лбу первою буквою слова убійца, потомъ сослать въ Нерчинскіе заводы на работу, а жену его освободить. Вѣроятно, въ этомъ случаѣ Лѣсковъ былъ обвиненъ въ преднамѣренномъ убійствѣ.

Не довольствуясь собственно домашнею расправою, нѣкоторые помѣщики обращались еще къ мѣстному начальству съ просьбою о наказаніи крестьянъ, виновныхъ въ непослушаніи. Это обыкновенно дѣлалось именно относительно крестьянъ, а не дворовыхъ, преимущественно въ случаѣ неповиновенія въ работѣ или побѣга; обращеніе къ власти имѣло цѣлю не только строже наказать виновнаго, но и устрашить другихъ крестьянъ, чтобы предупредить такимъ образомъ возможность ихъ общаго волненія. Такъ, напримѣръ, въ 1767 году, дворовый человѣкъ помѣщика Исакова привелъ въ городъ Кашинъ одного крестьянина съ сыномъ, виновныхъ „въ противности и непослушаніи“ помѣщику и побѣгахъ, за что они и были наказаны плетьюми. Наказаніе обыкновенно производилось согласно съ челобитной помѣщика. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что были и противоположные слу-

чая. Въ 1780 году псковскіе помѣщики Кожины просили наказать кнutomъ девять крестьянъ, виновныхъ въ бунтѣ, но генераль-губернаторъ Сиверсъ приказалъ произвести слѣдствіе и приговорить ихъ „чему они себя за то подвергли“.

Иногда помѣщикъ прежде, чѣмъ отослать своего крѣпостнаго для наказанія, предварительно самъ наказывалъ его. Такъ поступалъ одинъ владѣлецъ Ярославской губерніи: послѣ домашней расправы съ своими дворовыми, онъ отсылалъ ихъ въ смирительный домъ; одинъ изъ нихъ былъ наказанъ такъ жестоко, что его отдали для излеченія въ лазаретъ. Этотъ случай обратилъ на себя вниманіе правительства, и оно издало въ 1782 году указъ, которымъ было предписано: дворовыхъ людей и крестьянъ, наказанныхъ тѣлесно самими помѣщиками, не принимать въ смирительные дома, такъ какъ это значило бы дважды наказывать за одну вину.

Василій Семеновскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА.

Замѣтка его доктора и друга ¹⁾.

Воспоминаніе о покойномъ Михаилѣ Ивановичѣ Глинкѣ неразлучно съ счастливейшими днями моей жизни.

Время моего перваго знакомства съ нимъ относится къ той достопамятной эпохѣ жизни нашего великаго отечественнаго композитора, когда онъ былъ занятъ созданіемъ „Жизни за Царя“. Съ перваго-же взгляда на покойнаго—тогда пылваго, полнаго жизни молодого человѣка,—я почувствовалъ къ нему какое-то особенное расположеніе, въ которомъ, во все продолженіе его существованія, ни на единый мигъ не раскаивался.

Свѣтлый умъ, выраженіемъ котораго было проникнуто лицо Михаила Ивановича, доброта и прямодушіе, соединенныя съ поэтической, юношескою восторженностью, заключали въ себѣ какую-то непреодолимую привлекательность. При второмъ или третьемъ моемъ посѣщеніи Михаила Ивановича, мы уже бесѣдовали съ нимъ какъ давніе знакомые. Онъ говорилъ со мною о созданіи той своей оперы, которой суждено было увѣковѣчить его имя; говорилъ съ жаромъ, съ любовью отца, бесѣдующаго о любимомъ своемъ дѣтищѣ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, и со скромностью—всегдашней спутницей истиннаго, великаго таланта. Принадлежа къ числу немногихъ лицъ, особенно близкихъ Михаилу Ивановичу, я слышалъ неоднократно исполненіе имъ отрывковъ изъ „Жизни за Царя“ на фортепіано—исполненіе истинно мастерское, неподражаемое и, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ высшей степени оригинальное. Игрѣ своей на фортепіано онъ вторилъ чрезвычайно удачнымъ аккомпаниментомъ голоса, подражая духовнымъ инструмен-

¹⁾ Сообщеніемъ этой интересной замѣтки ред. «Русской Старины» обязана любезному посредству сестры М. И. Глинки—Л. И. Шестаковой. Ред.

тамъ, трубамъ, даже литаврамъ и барабанамъ. Эта игра была, такъ сказать, конспектомъ цѣлаго оркестра, моделью, дававшей, при малыхъ своихъ размѣрахъ, точное понятіе о колоссальномъ произведеніи, которое создавалъ тогда нашъ незабвенный Глинка.

Видимо довольный впечатлѣніемъ, производимымъ на насъ, слушателей, онъ, въ то-же время, съ признательностью принималъ совѣтъ каждаго изъ насъ, искреннихъ его доброжелателей, и слѣдовалъ ему; если-же отклонялъ таковой, то высказывалъ причины уважительныя, основательныя—безъ малѣйшей тѣни заносчивости, свойственной многимъ даровитымъ художникамъ, къ сожалѣнію, ослѣпленнымъ чувствомъ собственнаго достоинства и горделиваго самоознація. Этого самоослѣпленія никогда не было въ Михаилѣ Ивановичѣ.

Особенно родственно сблизились мы съ нимъ, когда онъ гостилъ у меня, въ моей квартирѣ, въ домѣ театральной дирекціи. Онъ оживилъ мой отшельническій пріютъ (я былъ тогда еще холостъ) и, такъ сказать, подцвѣтилъ мое существованіе, которое, будучи посвящено наукѣ, нуждалось по временамъ въ освѣжающей бесѣдѣ объ изящномъ; и памятенъ мнѣ навсегда бесѣды Глинки и его пребываніе въ моемъ скромномъ уголкѣ: ему была по вкусу моя незатѣйливая трапеза (въ особенности любимая имъ рисовая каша), за нею стаканъ краснаго вина, фрукты за десертомъ. Тогда въ моемъ кабинетѣ у меня жило до тридцати пернатыхъ питомцевъ: въ числѣ ихъ нѣсколько соловьевъ, прирученныхъ до того, что они слетались на мой голосъ и распѣвали сидя на рукахъ у меня, или у Михаила Ивановича. Онъ полюбилъ этихъ собесѣдниковъ и постоянно забавлялся ими; скажу болѣе: ласковость и довѣрчивость птичекъ видимо его трогали. Часто, возвращаясь домой, заставалъ я моего Мишеля лежащимъ на коврѣ и окруженнымъ своими голосистыми друзьями... Впрочемъ, и то сказать: какъ было соловьямъ не дружить съ Глинкою? Садился-ли онъ къ фортепіано—птички наперерывъ звонко ему вторили и въ эти минуты онъ напоминалъ баснословнаго Орфея...

Но былъ въ его характерѣ одинъ довольно оригинальный недостатокъ, за который я, какъ медикъ и какъ другъ, журилъ его частенько—„да только все не впрокъ“: это была его мнительность, въ большинствѣ случаевъ доходившая до смѣшнаго. Она нерѣдко подавала поводъ къ забавнѣйшимъ сценамъ между мною, какъ докторомъ, и Михаиломъ Ивановичемъ, моимъ пациентомъ: не даромъ-же онъ, съ юныхъ лѣтъ, называлъ самъ себя и друзья называли его мимозою—не-тронь-меня! Кромѣ способности съ болѣзненною нервозностью воспринимать самыя мимолетныя впечатлѣнія, Глинка, въ минуты нездоровья, всегда давалъ волю своему воображенію, а оно моментально

дѣлало ему изъ мухи слона. Помню, какъ однажды прибѣжалъ ко мнѣ въ попыхахъ его слуга съ просьбою, чтобы я поспѣшилъ къ Михаилу Ивановичу, „у котораго-де параличъ“.

— Это самъ баринъ тебѣ сказалъ? спросилъ я посланнаго.

— Они сами.

Этихъ двухъ словъ было достаточно, чтобы разсѣять всѣ мои опасенія. Въ полной увѣренности, что Глинка чудитъ, я отправился къ моему мнимому больному. Застаю его недвижно лежащимъ на диванѣ: голосъ слабый, томный, рукою не шевелить, однимъ словомъ... здоровехонекъ, но привередничаетъ. Щупаю пульсъ, осматриваю недвижную руку—все благополучно и нѣтъ ни малѣйшаго признака паралича. Заставляю Мишеля пошевелинуть пальцами „пораженной“ руки...

— „Какъ можно! восклицаетъ онъ болѣзненнымъ, плаксивымъ голосомъ,—ты видишь, она у меня не двигается!“

— Попробуй взять аккордъ на фортепіано.

— „Что ты выдумалъ! Видишь—не могу“.

Я прописалъ ему пилюли, въ которыхъ врачевныхъ спецій было именно на столько-же, въ какой степени у Мишеля былъ параличъ: пилюли были скатаны изъ хлѣбнаго мякиша. Приказавъ больному исправно ихъ принимать, я уѣхалъ, давъ слово навѣстить его завтра. За ночь мой пациентъ совершенно поправился, онѣмѣніе руки „какъ рукой сняло“. Пріѣзжаю утромъ.

— Легче?

— „Слава Богу, получше“.

— Сядь къ фортепіано, возьми аккордъ.

— „Попробую“.

Попробовалъ—и слава Богу: пальцы съ обычной быстротою бѣгаютъ по клавишамъ. Долгое время послѣ того я не выводилъ моего друга изъ заблужденія, что избавилъ его отъ паралича — пилюлями изъ хлѣбнаго мякиша.

Въ другой разъ мнѣ пришлось его пользоваться отъ какой-то фантастической невралгій — гомеопатическими приѣмами никотина. Въ данномъ случаѣ, защитники гомеопатіи, пожалуй, и поспорили бы со мною: не на самомъ-ли дѣлѣ помогли Мишелю приѣмы никотина? Пріѣхавъ къ нему — слышу изъ его отвѣтовъ, вижу изъ визитации, что болѣзнь—химера, которой однако-же и самому Беллерофону не подъ силу уничтожить доводами и убѣжденіями... опять пришлось подняться на хитрости.

Поставивъ Глинку въ одинъ уголь комнаты, я самъ всталъ въ другой и открылъ мою табакерку.

— Нухай сильнѣе!

Пациентъ, стоя отъ меня въ двадцати шагахъ, повиновался.

— Втяни воздухъ покрѣпче, еще раза два.

Михаилъ Ивановичъ повинуется.

— Легче-ли?

— „Какъ будто полегче“.

— Завтра повторимъ и совсѣмъ поправишься.

Дня черезъ два Глинка былъ здоровъ: мой никотинъ избавилъ его... отъ небывалой болѣзни. Но какъ-же было мнѣ иначе лечить моего добраго друга отъ припадковъ мнительности, которая, впрочемъ, сама по себѣ, стоитъ серьезной болѣзни. Ипохондрию Глинка я приписалъ бы страданіямъ печени, но она въ то время была у него въ совершенно здоровомъ состояніи.

Не такъ давно, въ замѣткахъ одного (нынѣ покойнаго) отечественнаго композитора, былъ высказанъ намекъ, что Глинка былъ низкопоклоненъ и льнулъ къ аристократіи. На этотъ неосновательный упрекъ уже былъ данъ отвѣтъ П. А. Степановымъ („Рус. Старина“, изд. 1875 г. т. XIV, стр. 502—505), который опровергъ фактически эту напраслину на память Михаила Ивановича, и дополнять этого отвѣта не зачѣмъ... Но, вникая въ побужденія автора замѣтокъ, заставившія его хоть чѣмъ-нибудь да набросить тѣнь на память творца „Жизни за Царя“, я угадалъ въ нихъ зависть и недоброжелательство, нерѣдко присущія дарованію при его отзыввахъ о громадномъ талантѣ... Въ Глинкѣ не только никогда не было пустаго чванства и стремленій къ аристократіи, но даже и самолюбіе его далеко не соотвѣтствовало его гению: онъ даже и тѣмъ не гордился... Благоволенія аристократіи онъ не занскивалъ и потому его романсы мало распѣвались въ великосвѣтскихъ салонахъ, подобно произведеніямъ второстепенныхъ композиторовъ, которые не могутъ быть и сравниваемы съ Глинкою.

Л. А. Гейдехрейхъ.

По поводу приведенныхъ выше страницъ, напомнимъ многочисленнымъ читателямъ памяти великаго отечественнаго композитора, что 26-го ноября 1876 г. истекаетъ сорокъ лѣтъ со дня постановки первой его оперы „Жизнь за Царя“. Въ память этого, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ фойѣ Маринскаго театра будетъ поставленъ мраморный бюстъ Глинка; бюстъ изваянъ на средства собранія по подпискѣ любителями русской музыки и поклонниковъ М. И. Глинка.

Ред.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Универсалъ гетмана Мазепы

1704 г.

Пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя нашего его царскаго величества войска Запорожскаго Гетманъ и славнаго чина святаго апостола Андрея кавалеръ Іоанъ Мазепа.

Симъ всему старшому и мѣншому войска Запорожскаго бывшего Палѣевого полку товариству, и всѣмъ кому зыколвекъ до обывателей ростовскихъ и инныхъ о томъ вѣдати належало симъ унѣверсаломъ нашимъ ознаймуемъ; ижъ отдаливши мы, для певныхъ причинъ, пана Семена Палѣя отъ уряду полковникства, вручилисмо тотъ урядъ полковничій Пани Михайлу Омельченкови, іако справному и благоразумному человѣкови, позволяючи оному межи вами порядки управляти, и все, що колвекъ належитъ до оногo старшенства, справовати. За чимъ дѣлаючи о таковой волѣ нашей, и бысте вы всѣ належите оному отдавали послушеніе и всякую, яко старшому своему, оказовали поволность во всемъ стосуючисы до указу нашего. Онъ же, яко есть справный и благоразсудительный человѣкъ, такъ знатиметь, якъ добрыхъ миловати и на оныхъ респектъ оказовати, а злихъ и преступныхъ слушнымъ каранемъ наказовати подлугъ права и строгіи справедливости. Такой волѣ нашей, абы во всемъ чинилося заочно пилно, симъ же унѣверсаломъ нашимъ приказуемъ. Данъ въ обозѣ, подъ Бердичовомъ, августа 10-го, року аѣд (1704). Войска Запорожскаго Гетманъ и кавалеръ Иванъ Мазепа.

На правой сторонѣ отпискъ печати войска Запорожскаго. Универсалъ собственноручно подписанъ Мазепой и написанъ вдоль листа бумаги, который былъ потомъ сложенъ вчетверо.

Примѣчаніе. Универсалъ этотъ относится къ тому времени, когда Мазепа, по повелѣнію Петра I-го, какъ блюститель безопасности Украйны, начальствовалъ надъ тридцати-тысячнымъ войскомъ, расположеннымъ около Киева (1704). Завидуя давно славі и богатству Палѣя, полковника Хвостовскаго, Мазепа, желая уничтожить его, заманилъ его, какъ будто для тайныхъ переговоровъ, въ Бердичевъ, гдѣ посадилъ въ тюрьму и потомъ отправилъ въ Москву, откуда Палѣй, оклеветанный Мазепой въ сношеніяхъ съ Карломъ XII и въ посягательствѣ на гетманство, сосланъ, какъ измѣнникъ, въ Енисейскъ.

Сообщ. Н. В. Губерги.

Казакъ Григорій Шишкевичъ

1708 г.

Въ семействѣ Шишкевичей сохранилось преданіе, что казакъ, доставившій извѣстіе объ измѣнѣ гетмана Мазепы, былъ нашъ предокъ. Чаще всего приходилось объ этомъ вспоминать въ дѣтствѣ, при чтеніи слѣдующихъ стиховъ въ поэмѣ Пушкина «Полтава»:

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимой
Бѣжить въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

.
Зачѣмъ онъ шапкой дорожить?
Зачѣмъ, что въ ней доносъ зашить,
Доносъ на Гетмана злодѣя,
Царю Петру отъ Кочубея....

На сколько это преданіе правдоподобно—не знаю, но найденный теперь документъ въ бумагахъ покойнаго нашего отца ¹⁾ могъ послужить поводомъ къ этому. Документъ этотъ выданъ нашему прадѣду Михайлѣ Шишкевичу и есть копія съ жалованной грамоты, дарованной царемъ Петромъ I прапрадѣду нашего дѣда Ивана Михайловича Шишкевича (т. е. нашему пра-пра-прадѣду); помѣщаю этотъ документъ на страницахъ «Русской Старины».

А. III.

Божіею поспѣшествующею милостію, мы пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ московскій, кievскій, владимірскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, царь сибирскій, государь псковскій и великій князь смоленскій, тверскій, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и иныхъ государь и великій князь новгорода, низовскія земли, черниговскій, рязанскій, ростовскій, ярославскій, бѣлоозерскій, удорскій, обдорскій, вондійскій и всея сѣверныя страны повелитель и государь иверскія земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинскія земли, черкасскихъ и горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ и государь и обладатель, наше царское величество пожаловали: войска нашего Запорожскаго Нѣжинскаго полку прежде бывшаго казака Григорія

¹⁾ Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда, въ м. Богодуховкѣ.

Шишкевича, за его къ намъ, великому государю, вѣрную службу, а особливо за престоругу, которую онъ учинилъ генералу нашему, главному отъ кавалеріи римско и россійскаго государствѣ ижерскому князю Александру Даниловичу Меншикову, въ случаѣ измѣны намъ, великому государю, бывшаго гетмана Мазепы, велѣли ему, Григорію, быть сотникомъ Новомлинскимъ, на мѣсто прежде бывшаго тамо сотника Самуйленка и надъ казаками той сотни имѣть ему, Григорію, начальство, во всемъ противъ прежде бывшихъ тамошнихъ сотниковъ. Такожъ какіе къ тому уряду доходы и мѣстности и мельницы принадлежать, владѣть тѣмъ ему, Григорію, какъ прежніе тамо будучіе сотники владѣли. А прежде бывшему сотнику, Самуйленку, быть тамо сотникомъ мы, великій государь, не повелѣли, для того, что онъ явился причиненъ къ измѣнѣ Мазепиной. Чего ради, во увѣреніе всѣмъ и во знакъ къ нему (Шишкевичу) той нашей царскаго величества, за вышечисанныя его службы, милости, указали мы, великій государь, ему, Григорію Шишкевичу, на тотъ чинъ новомлинскаго сотничества дать сію нашу, великаго государя, жалованную грамоту чрезвычайно, за нашею царскаго величества государственною печатью. Данъ въ Лебединѣ, дѣта 1708.... декабря, въ государствованіе нашего 27-мъ году. „Петръ“.

(Печать).

1793 года октября 31-го дня, сію копію въ кievскомъ уѣздномъ судѣ съ представленною отъ коллежскаго протоколиста Ильи Шишкевича подлинною грамотою свидѣтельствована, и что она во всемъ съ оригиналомъ сходна, въ томъ кievскій уѣздный судъ свидѣтельствуеть. На помѣтѣ тако: Засѣдатель, титулярный совѣтникъ, Иванъ Чишимичъ. За секретаря Михаилъ Иваненко; канцеляристъ Симеонъ Ѳедоровъ.

(Печать). Печатные пошлины 2 коп. взяты.

Тифлисъ.

Сообщ. А. Шишкевичъ.

Челобитная архіерея.

Писана къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, по случаю неопредѣленія одного архіерея на болѣе выгодное мѣсто, въ денежномъ отношеніи:

Отъ крайнѣйшей нищеты
 Бѣдный духъ мой таетъ,
 Высочайшей помощи
 Твоей ожидаетъ.
 Къ кому ужъ большъ подъ небомъ
 Прибѣгну Смиренный,
 Ежели не къ тебѣ, о Мать,

Неопредѣленный!

Молитва отъ Истинны къ Богу, вьегда скорбѣти ей ¹⁾.

Воньми мнѣ, Господи Зиждитель,
Стенящій мой услыши гласъ,
И буди Ты мой покровитель —
Вьегда скорбѣти ми всякъ часъ.

Внуши царю, помазанну Тобою,
Внуши къ вельможѣ близъ его,
Что я гонима злой судьбою,
Лишена права моего.

Внуши, что, старостью согбенный,
Вельможа чувствъ почти лишень,
На верхъ начальства вознесенный,
Пристрастью порабощень.

Святотатствуя онъ въ постъ говѣеть,
И наизустъ акаенсты чтеть,
Но о несчастныхъ не болѣеть
И изду съ невинныхъ онъ беретъ.

Дѣянiя всѣ его пристрастны,
Онъ власть во зло употребилъ,
Законы стали всѣ безгласны:
Меня въ темницу заключилъ.

Мѣста пристрастно отдаются,
Предъ старшимъ младшій предпочтеть,
Тамъ звуки злата раздаются,
Гдѣ мнѣ былъ храмъ сооружень.

Во бранѣхъ воинъ отличенный,
Двумя крестами хотъ почтентъ,
По чину мѣста ставъ лишенный,
Оставитъ службу принужденъ.

А юный родственникъ вельможѣ,
Бывъ въ двадцать лѣтъ, имѣетъ полкъ,
Корысть гдѣ истинны дороже, —
Впущень въ овчарнѣ тамо волкъ.

Бумагъ къ подпискѣ не читаетъ,
Хотя къ царю онъ ихъ несетъ,
И то неважнымъ все считаетъ,
Въ чемъ выгоды ему лишъ нѣтъ.

Онъ секретарскій чинъ въ наслѣдство
Изъ рода въ родъ отдать сулилъ,
Сіе богатымъ было средствомъ,
Что тотъ, кто могъ, тотъ чинъ купилъ.

¹⁾ «Молитва» эта найдена въ бумагахъ архива графа Румянцева и по времени относится къ царствованію Екатерины II.

Изъ нѣдръ судьбы ужасной
 Къ Тебѣ, Владыко, вопію:
 Десницею Своей всевластной
 Избавь отъ бѣдъ Ты дочь свою.

Поставь начальника друга
 Чтобъ волю царску исполнялъ,
 Поставь начальника такова,
 Чтобъ законы соблюдать.

Чтобы матери щедротъ, Царницѣ,
 Въ дѣлахъ его зрѣть милость и судъ,
 И чтобы вслухъ императрицѣ
 Въѣкъ жалобъ не было отнюдь.

Слово за Сербовъ

1808.

Протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій, бывший нашимъ священникомъ въ Лондонѣ, при посольской церкви, потомъ законоучителемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, наконецъ, духовникомъ великой княгини Александры Павловны, по вступленіи ея въ бракъ съ эрцгерцогомъ палатиномъ венгерскимъ, 21-го іюня 1808 г., изъ Харькова написалъ императору Александру Павловичу собственноручное письмо, въ которомъ доносилъ его величеству, что вселюбезнѣйшая сестра его величества, Александра Павловна, „возродила въ единовѣрныхъ намъ Сербамъ доблестный духъ ко избавленію православія отъ тяжкаго магометанскаго ига. По богоугодному ея завѣщанію и по преселенію ея въ вѣчность, оставила исполненіе сего провсшествія“ своему брату, императору Александру I-му.

Въ виду нынѣшнихъ событій въ Сербіи и Черногоріи, мы приводимъ письмо Самборскаго въ подлинникѣ, какъ доказательство давняго сочувствія единовѣрнымъ Сербамъ со стороны Русскаго Царствующаго Дома.

„Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь!

„Образъ моихъ мыслей и дѣяній есть В. И. В. совершенно извѣстенъ. Какъ прежде, такъ и нынѣ, то только время почиталъ и употребленнымъ въ пользу, которое посвящено на служеніе Богу и Божіему Помазаннику. Не я одинъ, но всѣ благочестивые люди вѣрують и утверждаютъ, что непостижимыя Божіи судьбы вамъ, благочестивѣйшій обладатель всѣхъ намъ единовѣрныхъ, разсѣянныхъ по вселенной, предопредѣлили избавленіе и спасеніе отъ жесточайшаго долговременнаго порабощенія и мученія. Духъ и приверженность ко всероссійскому престолу единовѣрныхъ—мнѣ весьма извѣстны, о чемъ я уже имѣлъ счастье доносить съ подобающимъ благоговѣніемъ В. И. В. Вселюбезнѣйшая ваша сестра, во время своего пребыванія въ Венгріи, безсмертная Александра возродила въ единовѣрныхъ Сербамъ доблестный духъ ко избавленію православія отъ тяжкаго ига магометанскаго.

По богоугодному ея завѣщанію, и мнѣ извѣстному, и по преселеніи своемъ въ вѣчность, оставила она исполненіе сего наиблагочестивѣйшаго въ свѣтѣ проишествія вамъ, благочестивѣйшій Самодержецъ. Самъ всемогущій Обладатель и Творецъ всѣхъ земнородныхъ да благопоспѣшествуетъ вашимъ богоугоднымъ подвигамъ,—есть всеобщая молитва и надежда. Созерцая въ такомъ видѣ и душевно чувствуя всю важность всѣхъ обязательствъ, я бы содѣлалъ грѣхъ вопіющій къ небесамъ, естли-бы дерзнулъ уклониться отъ сего священнаго служенія. Дарованное мнѣ вами, Всемилостивѣйшій Государь, время для поправленія моего здравія укрѣпило мои тѣлесныя силы такъ, что я есмь готовъ поспѣшить пасть къ стопамъ В. И. В. и со всевозможною ренностію исполнить то, что есть богоугодно Богу, правовѣрному Божию Помазаннику, и спасительно единовѣрнымъ Сербамъ. Ничего мнѣ болѣе не осталось желать и просить у Вашего Императорскаго Величества, какъ только всевысочайшаго вашего благоизволенія, дабы я симъ богоугоднымъ служеніемъ могъ запечатлѣть остатки моей жизни. Во всемъ препоручая себя вашей высочайшей волѣ и паки реку: готовъ есмь повиноватися оной и съ наиглубочайшимъ почтеніемъ и всесовершенною преданностію пребуду до послѣдняго дыханія, вѣрнопопданный, всеусерднѣйшій богомолецъ Андрей Самборскій*.

1808 года іюня 21-го.

Харьковъ.

Приказъ кн. М. Д. Горчакова о воздержаніи въ употребленіи дынь.

Іюня 30-го дня 1853 г.—Штабъ-квартира.—Г. Яссы.

Наступаетъ время, когда начнутъ созрѣвать плоды, особенно дыни и арбузы.

Изъ многократныхъ опытовъ дознано, что, въ здѣшнемъ краѣ, употребленіе въ пищу плодовъ или огурцовъ незрѣлыхъ, или хотя и зрѣлыхъ, но прежде обѣда—весьма вредно.

Строжайше предписываю всѣмъ начальникамъ имѣть неослабное наблюденіе, чтобы нижніе чины отнюдь не употребляли въ пищу незрѣлыхъ плодовъ и огурцовъ; а зрѣлые ѣли бы не иначе, какъ съ умѣренностію и только послѣ обѣда. Нѣтъ ничего привлекательнѣе какъ охладиться арбузомъ или дынею на походѣ, во время жара; но здѣсь это рѣдко обходится безъ болѣзни.

Ротные, баталіонные и полковые командиры должны безпрестанно внушать солдатамъ, что здоровье ихъ дорого; что они нужны Царю и Россіи; что солдату должно пренебрегать жизнью только въ сраженіи, и что рисковать ею для дыни или арбуза—дѣло постыдное и глупое.

Приказъ этотъ на переключкахъ читать всѣмъ нижнимъ чинамъ, непремѣнно каждую недѣлю. Генераль-адъютантъ кн. Горчаковъ 2-й.

Высылка архимандрита Фотія изъ Новгородскаго Юрьева въ
Александро-Невскій монастырь.

1835 г.

Въ подробной биографіи пресловутаго архимандрита Фотія, настоятеля Новгородскаго Юрьева монастыря († 1838 г.), напечатанной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1875 г., т. XIII, на стр. 320, въ примѣчаніи разсказанъ слѣдующій эпизодъ изъ его жизни: въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Новгородъ, императоръ Николай Павловичъ, очень рано утромъ, одинъ, безъ свиты, прибылъ въ Юрьевъ монастырь. Долго обходилъ онъ его, прежде нежели Фотій, наконецъ, вышелъ; настоятель явился въ богатой рясѣ и, благословляя августѣйшаго посѣтителя, протянулъ ему руку для цѣлованія. Государь въ тотъ же день собственноручно написалъ оберъ-прокурору св. синода повелѣніе немедленно вытребовать въ Петербургъ архимандрита Фотія и пообучить его приличію. Мы видѣли подлинникъ этого повелѣнія императора Николая: оно писано карандашомъ и до сихъ поръ хранится у одного любителя историческихъ памятникѣвъ.

Печатаемъ нынѣ этотъ интересный документъ съ подлинника, весьма обязательно сообщеннаго его обладателемъ:

„Бывъ сегодня въ Новгородѣ, заѣзжалъ въ Юрьевъ монастырь совершенно неожиданно; нашелъ вездѣ большой порядокъ и чистоту, но притомъ нѣкоторыя вещи, какъ отступленіе отъ общаго должнаго порядка, должны были обратить мое вниманіе.

„Осмотрѣвъ монастырь въ сопровожденіи архимандрита, возвратился въ большой соборъ, гдѣ приказалъ отслужить короткую эктению съ многолѣтіемъ. Архимандритъ, распоряжась, самъ не служилъ, а остался подлѣ меня; крестъ же вынесъ ко мнѣ другой іеромонахъ. Выходя же изъ монастыря, испросилъ я благословеніе у архимандрита, который, осѣнивъ меня крестнымъ знаменіемъ, протянулъ мнѣ руку къ цѣлованію, вопреки существующему обыкновенію для Царской фамиліи.

„Наконецъ, нашелъ я архимандрита, одѣтаго въ фіолетовой бархатной рясѣ, вмѣсто черной; мнѣ неизвѣстно — дозволено-ли ношеніе таковыхъ, кромѣ однихъ архіереевъ.

„Сообщите о всемъ этомъ митрополитамъ, а архимандриту велѣть прибыть въ Невскій монастырь, дабы, подѣ наблюденіемъ митрополита, учли всѣмъ принятымъ обрядамъ въ подобныхъ случаяхъ у архимандрита Палладія“.

Помѣта оберъ-прокурора св. синода Нечаева: «Получено 25-го Маія 1835 г.». Слова, напечатанныя разрядкой, въ подлинникѣ подчеркнуты.

Примѣчаніе. Отецъ Палладій обучилъ архимандрита Фотія всѣмъ принятымъ обрядамъ вполне удачно; объ этомъ читатели «Русской Старины» знаютъ изъ разсказа академика, нынѣ профессора, Ѳ. Г. Солнцева (см. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 154—155).

Командиры кавказской арміи въ ихъ приказахъ

1802—1812 г.

Къ несомнѣнно важнымъ и любопытнымъ источникамъ при составленіи нашей военной исторіи нельзя не причислить приказовъ по войскамъ. Они не только знакомятъ насъ со всѣми малѣйшими подробностями и измѣненіями во внутреннемъ составѣ той или другой части арміи, съ нравственностью отдѣльныхъ личностей и ихъ боевыми подвигами, въ большинствѣ случаевъ извѣстными только меньшинству, но зачастую живо очерчиваютъ взглядъ на военное дѣло самого пишущаго приказъ начальника, его стратегическія способности. Въ виду этого именно значенія, считаю умѣстнымъ сообщить на страницахъ «Русской Старины» нѣсколько приказовъ первыхъ корпусныхъ командировъ на Кавказѣ, относящихся къ эпохѣ полнаго разгара военныхъ дѣйствій на этой отдаленной окраинѣ Россіи,—дѣйствій, начинающихся переходить въ область воспоминаній и нетерпѣливо ожидающихъ будущаго историка.

Ад. П. Верже.

Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ

1802—1806 г.

Тифлисъ.—29-го мая 1804 г.

Къ крайнему моему неудовольствію, замѣтя вчера, при переходѣ Кавказскаго гренадерскаго полка черезъ городское сборное мѣсто въ Сачанлугъ, что офицеры салютовать не умѣютъ, что обозъ даже фронтальной и при самомъ вступленіи въ кампанію—въ постыдномъ для полку состояніи: крыши на палаточныхъ ящикахъ съ превеличайшими дырками, отчего и палатки должны сгнить преждевременно, лежа и безъ употребленія; солдаты для помощи при обозахъ переходили поодначѣ черезъ городъ разбѣянными и въ развратномъ отъ пьянства видѣ. И для сего долготъ ставлю подтвердить всѣмъ шефамъ полковъ, чтобы, удалясь отъ подражанія подобныхъ неисправностей онаго полка, обратили все свое вниманіе на содержаніе полковъ въ должномъ и исправномъ состояніи во всѣхъ частяхъ.

Тифлисъ.—24-го ноября 1804 г.

Однажды навсегда предписываю: ни въ какомъ случаѣ рѣкъ бродоходныхъ не переходить въ обуви на переходахъ, а всегда сапоги и портки снимать, а, перешедъ, обереть ноги и обувь сухую надѣвать; все сѣ относится и при спокойныхъ переходахъ съ лагеря ночлежнаго на другой.

Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ

1806—1809 г.

Тифлисъ.—1-го декабря 1808 г.

Его сіятельство главнокомандующій господинъ фельдмаршалъ приказалъ симъ объявить въ корпусѣ, что какъ, къ удивленію его сіятельства, при всемъ довольствіи и привольи всѣхъ войскъ, здѣсь находящихся, побѣги, къ стыду всего воинства, умножились, то объявляется всѣмъ нижнимъ чинамъ, что ежели таковыя гдѣ либо будутъ пойманы, то будутъ непременно разстрѣляны, подобно какъ уже учи-

нено съ семью нашими рядовыми, пойманными въ отрядѣ ген.-м. Небольсина, при разбитіи Баба-ханова сына (Аббас - мирзы). На всей же лагерной цѣпи подтвердить, чтобы по-одиначкѣ, куда бы то ни было, людей отнюдь не пропускали, а ежели-бы стали отдѣляться далѣе, то стрѣлять по нимъ, какъ по непріятелю и извергу всего воинства Россійскаго.

Ген.-отъ-кав. Александръ Петровичъ Тормасовъ.

1809—1811.

Тифлисъ. 22-го сентября 1811 г.

По высочайшему государя императора соизволенію, послѣдовавшему на всеподданнѣйшее мое прошеніе, уволенъ будучи отъ начальствованія здѣшнимъ краемъ, я, сдавъ войска, конми имѣлъ честь командовать, ген.-л. Ртищеву и маркизу Паулучи, поставилъ себѣ пріятною обязанностью засвидѣтельствовать всѣмъ гг. генераламъ и штаб- и обер-офицерамъ совершенную мою благодарность за отличное усердіе къ службѣ Е. И. В., съ коимъ они содѣйствовали мнѣ въ продолженіе трехъ кампаній противъ двухъ сильныхъ непріятелей. Приобрѣтеніемъ разныхъ владѣній подъ державу Россіи и сохраненіемъ пространныхъ границъ, окруженныхъ хищными народами, одолженъ я неутомимой дѣятельности господъ военныхъ начальниковъ и отличной храбрости побѣдоносныхъ войскъ, кои, во всякомъ случаѣ, превозмогали съ геройскимъ рвеніемъ всѣ преграды, не только непріателемъ, но даже и самую природою противопоставляемыя. Въ чемъ отдавая имъ достоюющую справедливость, свидѣтельствую симъ моею признательность.

Ген.-л. маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулучи

1811—1812.

Тифлисъ. 22 сентября 1811 г.

Е. И. В., всемилостивѣйшій Государь императоръ, снисходя на неоднократноя просьбы ген.-отъ-кав. Тормасова, соблагородилъ позволить ему возвратиться въ Россію, а меня назначить заступить его мѣсто въ командованіи корпусомъ войскъ, расположенныхъ въ Грузіи.

Безъ сомнѣнія, долгое время вы будете вспоминать почтеннаго генерала, подъ начальствомъ котораго вы служили съ столь великими успѣхами въ продолженіи нѣсколькихъ кампаній, и который оставляетъ многихъ изъ васъ украшенными знаками высочайшаго благоволенія, заслуженными вами подъ его начальствомъ.

Я бы опасался не быть въ состояніи достойно ѣго замѣнить, ежели-бы не имѣлъ чести служить съ вами въ двухъ кампаніяхъ, въ продолженіе которыхъ я долженъ былъ научиться васъ уважать и любить. Я увѣренъ, что съ такою арміею буду всегда имѣть успѣхи. Преклопенъ будучи сими чувствами, я съ увѣренностью вступаю въ отправленіе моей должности, гдѣ непрерывное мое стараніе будетъ приобрѣсти ваше уваженіе и споспѣшествовать къ сохраненію славы вашей.

Тифлисъ. 25-го октября 1811 г.

Имѣвъ честь съ вами служить въ продолженіе двухъ кампаній, къ крайнему моему сожалѣнію, я замѣтилъ, что многіе изъ господъ офицеровъ занимаютъ азартными играми, а нѣкоторые изъ нихъ и неумѣреннымъ употребленіемъ горячихъ напитковъ, хотя ничто столь недостойно порицанія въ военномъ чинѣ, какъ страсть къ напиткамъ и къ игрѣ: отъ перваго онъ теряетъ все уваженіе въ глазахъ своихъ подчиненныхъ и дѣлается неспособнымъ къ дѣламъ службы; отъ втораго—онъ лишается времени, нужнаго для занятій по службѣ, часто вовлекаемъ бываетъ въ раззореніе и, что еще хуже, подвергаетъ себя лишенію чести. Игра нигдѣ не была запрещена столь строгими законами, какъ въ Россіи. По званію моему долгомъ себѣ поставляю имѣть непрерывное стараніе, дабы сіи законы были въ точности соблюдаемы: я на это употребляю всю ту дѣятельность, которую всегда употребляю въ отправленіи моей должности, и всю ту строгость, которую мнѣ внушаетъ отвращеніе, которое я имѣю къ игрѣ и къ неумѣренному употребленію напитковъ. А потому и предписываю дивизионному командиру, бригаднымъ начальникамъ, шефамъ полковъ и комендантамъ имѣть наистрожайшій надзоръ надъ особами, занимающимися игрою и приобыкшими къ неумѣренному употребленію напитковъ. Я объявляю, что будетъ поступлено по всей строгости законовъ съ тѣми, которые преступаютъ сіе мое приказаніе, а наипаче съ тѣми, которые будучи обязаны, по ихъ должности, наблюдать, дабы оное въ точности было выполняемо, и преступаютъ оное, какъ съ виновниками болѣе другихъ виновными, подавъ худой примѣръ и оказавъ неповиновеніе.

Тифлисъ. 10-го октября 1811 г.

Входя въ состояніе нижнихъ чиновъ Троицкаго пѣхотнаго и 17-го Егерскаго полковъ, которые нынѣшняго года почти безпрестанно въ движеніи обращались по труднымъ мѣстамъ къ огражденію границъ отъ непріятели, отпускаю въ оныя полки по 500 паръ сапоговъ съ тѣми, чтобы господа шефы, по разсмотрѣнію своему, роздали ихъ изъ нижнихъ чиновъ тѣмъ, кои болѣе заслуживаютъ уваженія по понесеннымъ трудамъ и усердію къ службѣ.

Сіе поставляю я на видъ войскамъ на тотъ конецъ, дабы они были увѣрены, что я всегда готовъ оказывать имъ помощь во всѣхъ случаяхъ. Требую, однако, и совершенно того ожидаю, что они въ исполненіи своихъ обязанностей по службѣ Е. И. В. пребудутъ неотомимы.

Тифлисъ. 1-го февраля 1812 г.

Воспрещается всѣмъ безъ изъятія какъ высшимъ, такъ и нижнимъ чинамъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ корпуса имѣть на содержаніи женщинъ, такъ какъ сіе христіанской религіи противно. Кто же отступитъ отъ религіи, тотъ не можетъ вѣрно и усердно служить своему государю и отечеству и въ сраженіи не можетъ быть храбрымъ, ибо имѣетъ нечистую совѣсть.

За непремѣннымъ исполненіемъ сего приказа предписываю наблюдать строго какъ дивизионному начальнику, такъ бригаднымъ и полковымъ начальникамъ и комендантамъ.

Тифлисъ. 20-го апрѣля 1812 г.

Е. И. В. всемилостивѣйшимъ рескриптомъ на мое имя повелѣтъ соизволилъ прибыть въ С.-Петербургъ для употребленія меня къ важнѣйшему назначенію; для командованія-же Грузією, на мое мѣсто высочайше соизволилъ опредѣлить начальника 19-й пѣхотной дивизіи ген.-лейт. Ртищева.

Храбрые воины! Въ нѣсколько мѣсяцевъ, въ кои я имѣлъ честь и удовольствіе быть вашимъ начальникомъ, вы черезъ отличную ревность къ службѣ и вашу храбрость, которой дѣйствія испытали турки, персіяне, лезгины и мятежники, возвысили славу Россійскаго оружія въ здѣшнемъ краѣ важными побѣдами и приобрѣли мнѣ вѣщнее довѣріе со стороны великаго нашего государя императора.

Итакъ, я обязаннымъ себя считаю вамъ, гг. генералы, штабъ- и оберъ-офицеры и всѣ солдаты, изъявить при семъ всю великость моей благодарности. Прошу при томъ быть удостовѣренными, что въ какомъ бы я ни былъ состояніи, то всегда буду принимать живѣйшее участіе во всемъ томъ, что только будетъ до васъ относиться. Верхъ же моего счастья составитъ то, если я когда либо буду въ возможности на самомъ дѣлѣ доказать силу моихъ чувствованій, кои вы во мнѣ поселили и которыя никогда не изгладятся изъ моего сердца.

Маркисъ Паулучи.

Сообщ. Ад. П. Верже.

ПОПРАВКИ И ЗАМѢТКИ.

I.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г. профессоръ Ѳ. Г. Солнцевъ, рассказывая свою жизнь и упоминая о лицахъ, которыхъ зналъ, упомянулъ, что покойный митрополитъ Антоній былъ «изъ униатовъ». Это ошибка. Митрополитъ Антоній униатомъ никогда не былъ. Онъ былъ сынъ православнаго священника, воспитывался въ Волынской духовной семинаріи и рукоположенъ во священника православнымъ епископомъ Волынскимъ и Житомирскимъ преосвященнымъ Даниломъ.

Протоіерей Павелъ Вѣлецкій.

II.

Профессоръ Н. И. Барсовъ, сообщая записки А. С. Стурдзы: «О судьбѣ православной церкви въ Россіи въ царствованіе императора Александра I», говоритъ, что изъ сихъ записокъ явлѣются незначительные отрывки были напечатаны въ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ («Русская Старина», изд. 1876 г., т. XV, стр. 266). Кромѣ указанныхъ вѣдомостей частица изъ записокъ Стурдзы, безъ указанія на его имя, которое замѣнено «современникъ», напечатана еще въ послѣдней сентябрьской книжкѣ безвременно погибшаго журнала «Духъ христіанина», изд. 1865 г., составляющаго нынѣ библиографическую рѣдкость, такъ какъ журналъ былъ чрезвычайно мало распространенъ (не болѣе 500 имѣлъ подписчиковъ). Въ журнальномъ обзорѣни сказанной книжки, отд. III, 372 — 377, сообщены отрывки изъ любопытныхъ записокъ Стурдзы, явившихся въ «Русской Старинѣ» 1876 г. вполнѣ.

Сообщ. И. Д. Павловскій.

Портретъ гр. А. А. Аракчеева

1818 г.

Читатели «Русской Старины», безъ сомнѣнія, замѣтили, что редакція этого изданія прилагая портреты достопамятныхъ, въ томъ или другомъ отношеніи, людей земли русской, приняла за постоянное правило, чтобы эти портреты были вполнѣ художественно исполнены и притомъ съ подлинниковъ, отличающихся полнѣйшимъ сходствомъ. Такимъ образомъ, почти всѣ до сихъ поръ приложенные при «Русской Старинѣ» портреты исполнены извѣстнѣйшими, всѣми признанными лучшими въ Россіи, гравёрами, а именно: Академикомъ И. П. Пожалостинымъ — на мѣди; граверомъ Его Императорскаго Величества Академикомъ Л. А. Сѣряковымъ — на деревѣ, или, наконецъ, исполнены гелиографическимъ способомъ на мѣди, въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, извѣстнымъ художникомъ г. Скамони. Исключеніе составляютъ два или три портрета; въ одномъ изъ таковыхъ принадлежитъ портретъ гр. Аракчеева, приложенный въ «Русской Старинѣ» изданія 1875 г., томъ XII, изд. второе, стр. 84; этотъ послѣдній портретъ исполненъ въ Лейпцигѣ, на деревѣ, у Брокгауза, къ сожалѣнію, неудачно; поэтому въ обзорѣ нашего изданія за истекшій годъ («Русс. Стар.» 1875 г., т. XIV, стр. 780) мы дали обѣщаніе: въ предстоящемъ году представить читателямъ «Русской Старины» портретъ Аракчеева, исполненный на мѣди.

Приложенный къ этой книгѣ портретъ гр. Аракчеева есть исполненіе нашего обѣщанія и притомъ, смѣемъ думать, безупречное, такъ какъ снимокъ сдѣланъ гелиографически, въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, — г. Скамони; прилагаемый портретъ Аракчеева есть самое точное воспроизведеніе превосходной гравюры знаменитаго русскаго гравёра-профессора Н. И. Уткина, 1818 г.

Примѣч. О гелиографіи и вообще о способѣ воспроизведенія на металлѣ гравюры и рисунковъ см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 468—470. () портретахъ Аракчеева см. въ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» Д. А. Ровинскаго, Спб. 1872 г., стр. 17.

ская летопись и ее московския передвѣки, (1—96 стр., 1874, кн. 2).

Въ началѣ своего исследования авторъ возражаетъ противъ установившагося предпочтенія некоторыхъ списковъ летописей по ихъ древности (онъ отдаетъ предпочтеніе Ипат. лѣт. передъ Лавр.); затѣмъ пытается опредѣлять источникъ древнѣйшихъ событій новгородскихъ исторій и признаетъ его въ синод. спискѣ, начало котораго утрачено. Разсматривая далѣе другія Новгородскія летописи и шихода ихъ урванными и оборванными, онъ приходитъ къ мысли объ умысленномъ истребленіи свидѣтельствъ новгородской старины и свободы въ московскій періодъ, когда истреблялись и памятники, и акты. Тогда появился новый способъ обработки и описанія новгородскихъ событій, образцомъ котораго можетъ служить Сое. временникъ. Въ подтвержденіе этого авторъ параллельно приводитъ некоторыя мѣста и дѣлаетъ сравненія, хотя въ этомъ случаѣ не всегда забываетъ натяжку. Тѣмъ не менѣе, вопросъ, поставленный имъ, заслуживаетъ вниманія. Авторъ полагаетъ даже, что въ утраченномъ началѣ древнѣйшаго списка (Синод) мотивъ призыванія князей не имѣлъ того характера, какой даютъ ему позднѣйшіе списки. «Мотивъ этотъ,—говоритъ онъ,—выскрѣлся при посредствѣ въормленныхъ на византийскихъ образцахъ спасателей-монаховъ, изъ круга римско-византийскихъ понатій о происхожденіи и характерѣ верховной власти». Пожелаемъ скорѣйшаго выхода дальнѣйшихъ книгъ этого почтеннаго изданія.

Русская историческая бібліотечка. Издаваемая археографическою комиссіею. Т. III. Сиб. 1876, 1052 стр. (столбчатъ). Ц. 2 р.

Въ новый томъ этого прекраснаго изданія, предпринятаго въ 1872 г. комиссіею, входятъ: 1) Уставъ церковныхъ обрядовъ, совершавшихся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ числѣ которыхъ описаны также и несуществующіе и огульные, какъ патріаршіе выходы, чинъ дѣтупровожденія къ началу индикта, обрядъ пещнаго дѣйствія и т. п. Настоящая редакция важна тѣмъ, что многихъ особенностей ея не встрѣчается въ другихъ печатныхъ и рукописныхъ спискахъ. 2) Чинъ прибытія новопоставленнаго настоятеля въ свою обитель—это образецъ того, до какой обрядности и торжественности были доведены въ древней Руси подобныя обыденныя случаи жизни. Послѣ многихъ встрѣчъ и погласовъ, описанныхъ тамъ, говорится: «и въ трапезу ясти пойдеть власть и бываеть братиѣ угѣшеніе велие за сто-

ломъ»; (стр. 157—160). 3) Отрывокъ изъ летописи 1563—1567 г.—заслуживаетъ вниманія по своимъ подробностямъ, часто сбивающимся на поденную записку; притомъ тутъ же вставляются цѣлыя акты. Отрывокъ этотъ былъ извѣстенъ уже по выдержкамъ, помѣщеннымъ у Карамзина въ примѣчаніяхъ къ IX тому. Многія событія представляются въ немъ въ иномъ, отличномъ отъ другихъ извѣстій, свѣтѣ. Изъ него видно, что слуга князя Курбскаго, извѣстный Шибановъ, о которомъ говорить Иванъ Грозный въ письмѣ къ Курбскому, вовсе не былъ присланъ своимъ господиномъ съ письмомъ къ царю, а былъ пойманъ воеводами въ то время, когда Курбскій убѣжалъ съ другими своими людьми изъ Юрьева къ польскому королю. Шибановъ же, будучи приведенъ къ царю, «сказалъ про князя Андрея извѣстныя слова» (стр. 222). Въ томъ же отрывкѣ есть подробное извѣстіе объ учрежденіи опричнины и свидѣнія о сношеніяхъ Ивана Грознаго съ шведскимъ королемъ Эрикомъ XIV, по поводу предполагавшейся присылки въ Москву сестры польскаго короля Екатерины, супруги брата Эрика, великаго герцога финляндскаго Іоанна. 4) Четыре описи Московскаго Успенскаго собора съ начала XVII вѣка по 1701 г. и 5) опись железной казны патріарха Филарета—важны въ археологическомъ отношеніи; послѣднія же изъ нихъ, кромѣ того, наглядно показываютъ съ тогдашнимъ обычаемъ, состояніемъ и расходами двора, игравшаго столь важную роль въ отечественной исторіи.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. XVII, 1876.—XLIV+450. Ц. 3 р.

Большая часть этого тома посвящена перепискѣ Екатерины II съ Фальконекомъ, имя котораго тѣсно связано съ сооруженіемъ памятника Петру Великому въ Петербургѣ. Она занимаетъ время съ февраля 1767 по сентябрь 1778 г. и не ограничивается только указаннымъ предметомъ, но весьма много касается искусства вообще, а также литературныхъ интересовъ и вкусовъ императрицы, которая находила пишу для своихъ разсужденій въ общихъ съ Фальконекомъ симпатіяхъ и близости къ энциклопедистамъ и литературнымъ кружкамъ Парижа. Такимъ образомъ, въ этой перепискѣ можно найти не мало чертъ для характеристики императрицы. Къ этому изданію присоединены весьма обстоятельныя пояснительныя примѣчанія и дополнительныя матеріалы, касающіяся главнаго предмета переписки.

В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1877 г.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные имѣютъ присылать свои требованія, адресуя такъ: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Надеждинская улица, д. № 42, кв. 12.

Въ „Русской Старинѣ“, помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраний.—IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года, цѣна **ВОСЕМЬ** рублей безъ перешлета и 11 руб. въ перешлетъ, съ перес.
„Русская Старина“ 1876 г., двѣнадцать книгъ, 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ седьмой.

ДЕКАБРЬ.

1876 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Объ изданія «Русской Старинъ» въ 1877 г. (Восьмой годъ).		
II. Екатерина II и кн. Потемкинъ: подлинная переписка, 1790 — 1791 г. (Окончаніе).	635	
III. Крепостные крестьяне при Екатеринѣ II-й. 1762 — 1796 гг. Очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Сомовскаго. Гл. IV—VIII. (Окончаніе).	653	
IV. Князь Платовъ Зубовъ, біографическій очеркъ. 1767—1822 г. Главы VI и XI. (Окончаніе).	691	
V. Александръ Сергѣевичъ Грибоевъ какъ дипломатъ, 1828 — 1829 гг. (Окончаніе). Сообщ. Ад. П. Верже.	727	
VI. Записки Ивана Степановича Жирневича. 1795 — 1848 гг. Гл. XXI. Сообщилъ С. Д. Карповъ и В. И. Жирневичъ.	771	
VII. Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ: его жизнь и переписка съ другомъ. Главы IV — V. (Окончаніе).	759	
VIII. Александръ Николаевичъ Строевъ: бесѣды съ М. И. Глинкомъ о его операхъ. 1842—1843 гг.	787	
IX. Война Россіи съ Турціей въ 1854 г.: переходъ чрезъ Дунай.	811	
X. Листки изъ записной книжки «Русской Старинъ»: 1) Прокофій Вороновъ, 1722 г. (831). 2) Суворовъ въ Прагѣ, 1800 г. Сообщ. А. А. Чумиковъ. (832). 3) Разсказъ стараго лейбъ-казака. Сообщ. Ив. Ив. Шамшевъ. (834). 4) Р. Таубе, 1812. (Сообщ. А. Ф. Риттихъ. (842). 5) Россія и западная Европа предъ войной 1812 г. Сообщ. И. Л. (844). 6) Письма гр. Паскевича, 1827 г. Сообщ. Ад. П. Верже. (851).		
XI. Замѣтки и поправки.	854	
XII. Обзоръ «Русской Старинъ» въ седьмой годъ ея изданія, 1876.	855	
XIII. Вѣдомость подписчиковъ на «Русскую Старину» 1876 г.	869	
XIV. Списокъ лицъ, сообщившихъ «Русской Старинѣ» статьи и матеріалы.	883	
XV. Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ. Замѣтки В. И. (на оберткѣ).		

ПРИЛОЖЕНІЯ. I. Указатель личныхъ именъ, находящихся въ «Русской Старинѣ», въ томѣ XVII, изд. 1876 г.—II. Отчетъ Комисіи Петербург. Славянскаго Комитета о посольствѣ Славяна въ Балканскаго полуострова, 1876 г.

12 книгъ „Русской Старинъ“ 1876 г. Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

Принимается подписка на «Русскую Старину» 1877 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій мостъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 30—1

1876.

XII-я книга „Русской Старинъ“ вышла 1-го декабря.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Уставныя грамоты XIV—XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управления. Изслѣд. канд. правъ Н. Загоскина. 2-й вып. Казань. 1876. VIII+144. Ц. 75 к.

Этотъ трудъ представляетъ сводный текстъ дошедшихъ и изданныхъ до нашего времени уставныхъ грамотъ за означенный періодъ. Содержаніе грамотъ авторъ разбилъ на 13 рубрикъ: а) вступительныя статьи; б) постановленія, относящіяся къ организаціи мѣстнаго управления; в) мѣры обезпеченія населенія отъ самовласти и злоупотребленій со стороны мѣстныхъ управителей; г) опредѣленія относительно размѣра кормовъ, даваемыхъ лицамъ мѣстнаго управления и способовъ сбора и раскладки ихъ; е) опредѣленія относительно различнаго рода пошлинъ и сборовъ, взимаемыхъ съ населенія, а равно натуральныхъ повинностей, отправляемыхъ имъ; ф) опредѣленія, относящіяся къ организаціи княжескихъ промысловыхъ поселеній; г) постановленія, относящіяся къ торговлѣ и промысламъ; ж) постановленія, носящія характеръ полицейскихъ мѣръ; и) постановленія, относящіяся къ уголовному праву; j) опредѣленія, относящіяся къ судопроизводству; к) мѣста, текстъ которыхъ не ясенъ вслѣдствіе испорченности и ветхости грамотъ; л) различнаго рода приписки къ грамотамъ; м) подтвердительныя подписи послѣдующихъ государей. Независимо отъ того, авторъ сопровождаетъ свое изданіе соответствующими статьями изъ западно-русскихъ грамотъ и прибавляетъ таблицу, служащую къ восстановленію первоначальнаго текста каждой грамоты; указатель-словарь (довольно подробный) къ сводному тексту грамоты и хронологическій списокъ грамотъ. Самое же изслѣдованіе объ этихъ грамотахъ издано авторомъ въ 1875 г. (66 стр. ц. 50 к.).

Архивъ юго-западной Россіи. Ч. VI.

Акты объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVI—XVIII вв. Т. I. 161+614 и приложения — 626+145+21. Бievъ. 1876. Ц. 6 р. с.

Въ первомъ изъ этихъ томовъ помѣщено 185, а во второмъ (приложенія) 186 актовъ, обнимающихъ бытъ, положеніе и права крестьянъ въ означенный періодъ. Введеніемъ къ нимъ служитъ обстоятельная статья г. Навицкаго, въ которой авторъ воспользовался не только указанными матеріалами, но и другими изданными и изслѣдованными, существующими въ русской и польской литературѣ. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ рассматриваетъ: 1) Обще-

ственно-бытовое устройство литовско-русскаго великаго княжества въ періодъ до изданія Статута; 2) постановленія статутныхъ о крестьянахъ и измѣненія въ юридическомъ положеніи послѣднихъ въ теченіе XVI вѣка, съ изложеніемъ примѣненія этихъ положеній по прилагаемымъ матеріаламъ; 3) подата и повинности крестьянъ въ XVI вѣкѣ, уставъ о волокахъ, уставъ о похонныхъ людяхъ, обзоръ инвентарей; 4) инвентари парной половины XVI в., возстаніе Хмельницкаго и вліаніе крестьянскихъ войнъ на бытъ крестьянскаго сословія; наконецъ 5) злоупотребленія владѣльцевъ, вліаніе аренды и заставы и реакціи со стороны крестьянъ, которая выражалась въ бѣгствѣ и постоянныхъ переходахъ, въ открытыя бунтажи и аграрныхъ преступленіяхъ. Въ концѣ настоящаго изданія приложенъ указатель личныхъ и географическихъ именъ.

Временная коммисія для разбора древнихъ актовъ отпечтала уже и 3-й томъ III части актовъ, относящихся къ гайдамачинѣ (1700—1768 гг.), которые сопровождаются изслѣдованіемъ г. Антоновича (128 стр.), но этотъ томъ еще не появился въ свѣтъ.

Архивъ князя Воронцова. Книга IX. Съ портретомъ гр. С. Р. Воронцова. Москва. 1876. 528. Ц. 3 р.

Большая часть настоящаго тома Архива посвящена письмамъ гр. С. Р. Воронцова къ брату его гр. А. Р. Воронцову, относящимся ко времени 1783—96 г. Гр. С. Р. Воронцовъ состоялъ тогда русскимъ полномочнымъ министромъ въ Венеціи и Лондонѣ; гр. Алекс. Р. Воронцовъ, состоявшій прежде послѣдствѣмъ въ Англіи и Голландіи, былъ предсѣдателемъ коммерцъ-коллегіи и сенаторомъ. Письма гр. С. Р. даютъ матеріалъ для характеристики тогдашнихъ отношеній Россіи къ Англіи, взаимной ихъ торговли, состоянія русскихъ отношеній, касающихся войны Россіи съ Швеціей и событій, происходившихъ во Франціи. Въ его письмахъ можно найти много интересныхъ замѣчаній о современныхъ дѣятеляхъ Англіи и ходѣ французской революціи, о взаимныхъ отношеніяхъ иностранныхъ державъ, о раздѣлѣ Польши и т. п. Интересны сужденія автора о значеніи дворянства, какъ опоры монархіи, вызванныя современными событіями въ Европѣ и относящіяся къ положенію русскаго дворянства (269—272). Къ этому вопросу онъ не разъ возвращается. Такъ, по поводу дворянскаго акта 1785 г., графъ С. Р. Воронцовъ пишетъ брату: «И не такъ былъ доволенъ привилегіями дворянства, что про-

Можно получить всѣ книги „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1876 г.
Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными портретами,
восемь руб. съ пересылкою.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1877 г.

восьмой годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1877 году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первыя семь лѣтъ изданія (1870—1876 гг.), ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры. При этомъ редакція расширитъ въ журналѣ отдѣлы историческихъ изслѣдованій и исторической библіографіи, а также увеличитъ число прилагаемыхъ къ изданію портретовъ русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ **три тома**, каждый не менѣе 40 листовъ убористой, четкой печати, т. е. всего въ годъ не менѣе 2000 печатныхъ страницъ.

При изданіи, съ 1877 г., непремѣнно при **каждой книгѣ**, прилагаются: портреты достопамятныхъ и замѣчательныхъ въ исторіи нашего отечества дѣятелей. Гравюры эти, на мѣди или на деревѣ, исполнены лучшими отечественными граверами: академикомъ И. П. Пожалостиннымъ, Л. А. Сѣряковымъ и нѣкоторыми другими. Кромѣ того, время отъ времени, будутъ помѣщаемы: снимки съ замѣчательныхъ документовъ, рисунки историческихъ памятниковъ и зданій, родословія замѣчательныхъ фамилій, снимки съ рѣдкихъ медалей и пр.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается всѣмъ подписчикамъ.

(На оборотѣ).

О ПОДПИСКѢ НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1877 г.

Цѣна за двѣнадцать книгъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1877 г.:

Съ доставкою на домъ, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ восьми рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію два рубля; въ Англію, Швейцарію и Италію — три рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» при книжномъ магазинѣ Николая Ивановича Мамонтова (Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, № 46); въ Москвѣ — въ книжныхъ магазинахъ Ивана Григорьевича Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева) и Николая Ивановича Мамонтова (на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова).

Гг. Иногородные обращаются исключительно въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Надеждинская улица, д. № 42, кв. № 12.

Примѣчаніе. Тѣ изъ подписчиковъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» текущаго года, которые, при возобновленіи подписки на будущій годъ, пожелаютъ имѣть «Записки сенатора князя Я. П. Шаховскаго» или другую книгу: «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія» — могутъ получить ихъ бесплатно, выслать лишь семь восьми-копѣчныхъ почтовыхъ марокъ (56 коп.) на высылку одной изъ этихъ книгъ или десять таковыхъ же марокъ (80 коп.) на отправку обонхъ изданій.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1870 г. (два первыхъ изданія), 1871 г., 1872 г. (два изданія), 1873 г., 1874 г. и 1875 г. (первыя книги два изданія) разошлись сплона, по подпискѣ, до послѣдняго экземпляра, но

отпечатано и имѣется еще (въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ) новое, третье изданіе «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1870 г. (годъ первый) — двѣнадцать книгъ, въ трехъ большихъ томахъ, съ двумя портретами, снимками и 65-ю рисунками и виньетами.

Цѣна восемь руб. съ пересылкою.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1876 г. 12 книгъ, съ портретами: Іжедмитрія I, Екатерины II, Михельсона, Емельяна Пугачева, князя Платона Зубова, А. П. Ермолова, графа Аракчеева, Клугенау, В. Г. Бѣлинскаго, со снимками и чертежами — цѣна восемь руб. съ пересылкою.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1876 г., двѣнадцать книгъ, между прочими статьями напечатаны:

Записки Михаила Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг.—Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ, 1782—1791 гг.,—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ т. е. записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствованія Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I-го.—Автобіографія и переписка академика Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военнаго управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказъ профес. Федора Григорьевича Солнцева: Академіи художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологическою цѣлью: возстановленіе древностей въ кievскихъ соборахъ; посѣщенія кievскихъ святынь императоромъ Николаемъ I; разсказы о нѣкоторыхъ іерархахъ, также о художникахъ (К. П. Брюловъ) и проч. дѣятеляхъ.—Воспоминанія артиста П. А. Каратыгина и вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и проч. Митрополитъ Ростовскій Арсеній Маціевичъ—историческій очеркъ профессора Н. И. Барсова.—Брѣвостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семеvскаго.—Бунтъ Беневскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг. статья академика С. М. Соловьева.—Павель Полуботокъ—статья Н. И. Костомарова. Главные пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсон-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персію въ 1806—1855 гг., статья Ад. П. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буяльскій, его біографія, составленная профессоромъ Я. А. Чистовичемъ.—Т. Ѳ. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., разсказъ очевидца.—Артемій Волянскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, Г. А. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ, письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Ѳ. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Въ отдѣлѣ листовъ изъ записной книжки въ «Русской Старинѣ» 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ разсказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—«Русская Старина» 1876 г. представила новыя дан-

ныя о В. Г. Бѣлинскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь—по неизданнымъ письмамъ (1827 - 1828 гг.) и проч. Относительно художниковъ и артистовъ, въ этомъ же изданіи 1876 г., напечатанъ рассказъ о М. И. Глинкѣ, очерки и замѣтки о музыкѣ—А. Н. Сѣрова и проч.

Къ «Русской Старинѣ» 1876 г. — (12 книгъ)—приложены портреты: Лжедмитрія I, гравюра Киліана 1606 г.—точный снимокъ; портреты Михельсона. кн. Платона Зубова, Алексѣя Петровича Ермолова — всѣ эти гравюры на мѣди исполнены академикомъ И. П. Пожалостинымъ; портреты Екатерины II и графа Аракчеева—гелиографическіе снимки съ гравюръ 1762 и 1818 гг.; портретъ Емельяна Пугачева, Клугенау и В. Г. Бѣлинскаго—гравюры академика Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго. 1725 г.—Крестьянинъ Телупкинъ на спицѣ Петропавлевскаго собора (чертежи).

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами, **восемь** рублей съ пересылкою.

Вступая въ **восьмой** годъ изданія «Русской Старины» мы съ удовольствіемъ можемъ заявить, что это изданіе, по прежнему, пользуясь вниманіемъ и содѣйствіемъ многихъ извѣстныхъ ученыхъ изслѣдователей и писателей въ области разработки отечественной исторіи,—представить въ 1877 году на своихъ страницахъ рядъ изслѣдованій, очерковъ и статей. Назовемъ здѣсь нѣсколько ихъ лицъ, отъ которыхъ мы или уже получили помннутыя статьи и сообщенія или же имѣемъ самыя положительныя обѣщанія о помѣщеніи таковыхъ въ «Русской Старинѣ» именно въ 1877 году:

Профессоръ Н. И. Барсовъ.—Ад. П. Берже.—Н. П. Барышниковъ.—Профес. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.—Н. В. Бергъ.—Профес. А. Г. Брикнеръ.—Н. К. Богусевскій.—Академикъ А. Ѳ. Бычковъ.—М. И. Богдановичъ.—Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.—А. А. Васильчиковъ.—Профессоръ А. Н. Веселовскій.—П. А. Гильдебрандтъ.—Профессоръ А. Д. Градовскій.—Г. Н. Геннадіи.—Академикъ Я. К. Гротъ.—Н. И. Григоровичъ.—И. Е. Забѣлинъ,—Профессоръ Е. Е. Замысловскій.—Н. П. Дуровъ.—Н. Ѳ. Дубровинъ.—П. А. Ефремовъ.—Профессоръ В. С. Иконниковъ.—П. А. Каратыгинъ.—Н. И. Костомаровъ.—Профес. Корсаковъ.—Академикъ А. А. Кунинъ.—Е. П. Барновичъ.—Профессоръ В. И. Ламанскій.—Профес. О. Ѳ. Миллеръ.—Д. Л. Мордовцевъ.—Н. Н. Мурзаке-

вичъ.—С. И. Онатовичъ.—И. И. Ореусъ.—П. Н. Полевой.—Александръ Нивл. Поповъ.—Д. Д. Рябининъ.—П. И. Савванитовъ.—Академикъ С. М. Соловьевъ.—В. Д. Спасовичъ.—В. В. Стасовъ.—Академикъ М. И. Сухомлиновъ.—Ад. П. Чебстаревъ—Профессоръ Я. А. Чистовичъ—Н. К. Шильдеръ и другіе.

Списокъ лицъ сообщившихъ «Русской Старинѣ» мемуары, письма, замѣтки и вообще матеріалы историческіе, каковыя находятся уже въ распоряженіи редакціи и будутъ ею постепенно печататься,—помѣщенъ въ XII книгѣ «Русской Старины» изданія 1876 года.

Независимо отъ изслѣдованій и статей поименованныхъ выше лицъ, въ „Русской Старинѣ“ 1877 года будутъ напечатаны:

Разказы изъ исторіи Тайной Канцеляріи XVIII вѣка.—Пособники Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ.—Записки М. А. Бестужева (1825—1859 гг.),—М. Θ. Орлова (1814 г.),—Кн. Яшвиля (1842—1845 гг.),—В. К. Кюхельбекера (1833—1844 гг.).—Лепарскій, начальникъ петровскаго острога и тюремщикъ декабристовъ, біографическій очеркъ.—Правда о прошломъ, изслѣдованіе покойнаго П. С. Лебедева.—Записки (мемуары): протоіерея Виноградова,—ксендза Буткевича,—пастора Грубера, артистки Никулиной-Косицкой, Колзакова, А. К. Гриббе.—Продолженіе Записокъ: Ивана Степановича Жиркевича (очерки военныхъ порядковъ недавняго прошлаго; два губернаторства; воссоединеніе уніатовъ къ православію въ Западной Россіи; преосвященный Смарагдъ и проч. и проч.).—Преосвященный митрополитъ Московскій Филаретъ (Дроздовъ)—біографическій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ.—Очерки изъ новѣйшей исторіи Кавказа.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ (продолженіе).—Воспоминанія П. А. Каратыгина (очерки русскаго театра, 1830—1840 гг.).—Записки барона Николаи (о Венгерской компаніи 1849 г.).—Также будетъ напечатано собраніе неизданныхъ документовъ относящихся къ войнѣ 1854—1855 гг. и много отдѣльныхъ разказовъ, очерковъ и замѣтокъ, какъ изъ новѣйшей исторіи нашего отечества, такъ изъ исторіи русской словесности, художествъ и искусствъ.

(См. на оборотѣ).

Въ **Январьской** книгѣ „Русской Старины“ 1877 г. помѣщены—первая глава историческаго очерка **А. Н. Попова**: отечественная война, **отъ Малоярославца до Березины въ 1812 г.** (это изслѣдованіе состоитъ изъ нѣсколькихъ главъ, которыя всѣ будутъ напечатаны въ „Р. С.“ 1877 г.). Статьи **Н. И. Костомарова**, **В. Д. Спасовича**, **Е. П. Карновича**. Разсказы и воспоминанія **А. А. Панаева**, адъютанта главнокомандовавшаго крымской арміей кн. **А. С. Меншикова**, о событіяхъ 1854 - 1855 гг. Біографическій очеркъ **Евдокіи Андреевны**, первой жены **Абрама Ганнибала**, араба **Петра Великаго**, — по подлиннымъ вновь открытымъ матеріаламъ (бракоразводное дѣло 1738—1754 гг.) и проч.

Листки изъ записной книжки „Русской Старины“, съ январьской книги этого изд., въ 1877 г. представляютъ непрерывный рядъ отдѣльныхъ историческихъ эпизодовъ въ разсказахъ современниковъ или участниковъ событій; также наиболѣе интересные, небольшіе, но характерные документы, письма, замѣтки, преданія и проч.

Съ январьской книги начинается въ текстѣ журнала критико-библіографическій отдѣлъ, въ которомъ читатели „Русской Старины“ найдутъ отзывы о книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ отношеніе къ отечественной исторіи, а также къ юридич. отдѣлу, географіи, этнографіи, статистики, археологіи, нумизматики и къ исторіи русской словесности. Ред. „Русской Старины“, при содѣйствіи лицъ, специально посвятившихъ себя той или другой изъ помянутыхъ наукъ, озабочиться сдѣлать этотъ отдѣлъ возможно полнымъ и обстоятельнымъ.

Для приложенія къ „Русской Старинѣ“ 1877 г. награвированы академикомъ **И. П. Пожалостинымъ** и **Л. А. Сѣряковымъ** и отпечатаны, частью въ Парижѣ, частью въ Петербургѣ (въ экспед. заготовл. госуд. бумагъ), портреты достопамятныхъ государственныхъ людей, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей, а также нѣкоторыхъ іерарховъ Россійской церкви. Портреты будутъ прилагаться при каждой книгѣ.

ГРАВЮРЫ АКАДЕМИКА ПОЖАЛОСТИНА:

I. Несеніе креста Спасителемъ Исусомъ Христомъ, гравюра съ картины Карраччи, и

II. Птицеловъ, гравюра съ картины профессора Шерова.

Академикъ-граверъ П. П. Пожалостинъ предлагаетъ обѣ эти гравюры, исполненныя имъ на мѣди и отпечатанныя на отличной бумагѣ въ Парижѣ, всѣмъ желающимъ имѣть эти художественныя произведенія, — приобрести оныя за половинную цѣну, противу продажной, объявленной, цѣны. А именно: вмѣсто шести рублей за каждую гравюру — по три рубля съ пересылкою; за обѣ же гравюры вмѣстѣ всего — пять руб. съ пересылкою.

Эта уступка, согласно желанію г. Пожалостина, дѣлается только для подписчиковъ „Русской Старины“ и требованія на высылку помянутыхъ гравюръ должны быть обращаемы въ редакцію „Русской Старины“ (С.-Петербургъ, Надеждинская, д. № 42, кв. 12), которая будетъ передавать ихъ, для немедленнаго удовлетворенія, Академику Ивану Петровичу Пожалостину.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ И ВЪ МОСКВѢ, ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

МАМОНТОВА И СОЛОВЬЕВА

ПРОДАЮТСЯ:

I. Записки А. Т. Болотова, 1738—1795 гг., четыре большіе тома, изд. „Русской Старины“, 1870—1873 гг., съ двумя портретами, сотнею виньетокъ и снимкомъ. Цѣна съ пересылкою за каждый томъ 3 руб., за четыре тома 12 руб.

(Складъ оставшихся, въ небольшомъ количествѣ, экземпляровъ этой книги находится у правнука А. Т. Болотова, Владиміра Андреевича Болотова, въ Спб., у Таврическаго сада, Тверская ул., соб. домъ).

II. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей. Роскошный альбомъ, съ заглавнымъ рисункомъ акад. Гартмана. Цѣна съ пересылкою 3 руб.

III. Русская Родословная книга. 2 тома. Цѣна пять руб. съ перес. (Осталось 135 экземпля.). (Приготавливается къ печати 3-й томъ).

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1870 г.

третье изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, 1870 г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины“ 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;— Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;— сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;— Записки придворнаго бриллианщика Позье (1729—1764 гг.);— Отчеты Лагарна о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;— Петербургъ въ 1781 году, замѣтки Пикара;— Записки Михаила Александровича Бестужева (1824—1826 гг.);— Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;— Записки композитора Михаила Ивановича Глинки (1804—1854 гг.);— Замѣтки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848г.);— Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г. разсказъ Я. П. Бакланова;— Оборона Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала Арбузова и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки П. О. Коробанова.— Письма стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: П. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и друг.

Приложеніе къ третьему изданію „Русской Старины“ 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Волотова, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвирован. акад. Л. Стрлковымъ рисунками виньетами.

Цѣна **третьяго** изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г. съ приложеніями, портретами и рисунками

ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II и КН. ПОТЕМКИНЪ.

Подлинная переписка.

(Изъ сборника профессора Николаевской Акад. Ген. Штаба П. С. Лебедева).

1790 г. ¹⁾.

Сентября 10-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Утомясь до крайности въ первый день празднества мира и пролежа вчерашній весь день, такъ что головы почти подымать была не въ силахъ, теперь лишь могу приняться за перо, дабы къ тебѣ писать. Последнее твое письмо отъ 29-го августа меня извѣщаетъ, что ты побѣхалъ во флотъ; признаюсь, что теперь, по позднему годовому времени, меня сіе нѣсколько страшаетъ, тѣмъ паче, что при равноденствіи тамо всегда и здѣсь нынѣ сильныя бури; пусть буря бы разстроила турецкія морскія предпріятія, а наши суда бы переждали равноденствіе въ портѣ. Желаю всѣмъ сердцемъ, чтобъ Богъ помогъ тебѣ преодолѣть всѣ затрудненія вообще, а паче еще то, которое оказывается, какъ пишешь, въ перевозѣ провіанта. Что поляки лагеря или войска въ Браславлѣ (имѣютъ) намъ извѣстно.

Vous verrez Mon Ami par le registre comment ai me suis tirée d'affaire des fêtes de la Paix. J'ai taché d'être juste, et j'ai recompensé avec splendeur et générosité partout là ou j'ai pu decouvrir l'ombre des services rendus, j'espère que ce nouvel exemple imité des exemples précédens servira d'aiguillon pour encourager les gens à bien servir, c'est dommage qu'on ne puisse incalquer (?) à un chacun l'habilité et

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 33—58; 239—262; 441—478; 571—590; томъ XVII, стр. 21—38; 206—216; 403—426.

les talens, cependant je suis bien aise de voir, que parmi les jeunes generaux il y en a qui sont et deviennent meilleurs que ceux que j'ai vu dans la guerre de Sept ans finie en 1762 ¹⁾. Булгаковъ пріѣхалъ въ Варшаву; отъ короля шведскаго присланъ сюда Стедингъ, которой человекъ изрядной и мною принять сколько можно лучше. Теперь фонъ-деръ-Палена отправить велю въ Стокгольмъ. За выборъ генераловъ, сюда присланныхъ, вообще чрезъ сіе тебя благодарю; всякой изъ нихъ дѣлалъ свою должность съ усерднымъ рвеніемъ, и они всѣ люди изрядные.

Денисовъ имѣлъ съ королемъ шведскимъ разговоръ образцовой, но переводчикъ не все перевелъ, что онъ ему сказать велѣлъ.

Прощай, мой другъ, мочи нѣтъ писать; отъ празднества голова кружится, мнѣ ничто такъ теперь не нужно, какъ нѣсколько дней отдохновенія, а тамъ примусь за дѣло. Странное происшествіе занимало нашу публику въ день молебствія и публичной аудіенціи. Когда, вышедши изъ церкви, люди собирались въ галерею, гдѣ тронъ поставленъ былъ, и ожидали моего прихода, вдругъ прусской повѣренной въ дѣлахъ, Гюттель (NB. Un des principaux employés de M. Hertzberg) ²⁾, получивъ вертижъ, упалъ на землю такъ жестоко, что лобъ и носъ разшибъ до крови, и принуждены были его кровь съ пола стереть до моего прихода, и по всей галереѣ пошла молва, что пруссакъ разшибъ носъ у подножія Россійскаго Престола. Шведскимъ миромъ совершенно они не обрадованы. Adieu Mon Ami, Богъ съ тобою.

Ты корнета кавалергардскаго (т. е. Платона Зубова) найдешь въ росписи, я ему дала Александровскую ленту и что о немъ написано, то во истинну самая правда, что я засвидѣтельствую.

Сентября 16-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Вчерашній день отъ меня назначенъ былъ для обѣда со всѣми офицерами четырехъ полковъ гвардіи, коимъ давно обѣда не было. Я шла одѣвать-

¹⁾ Вы увидите, мой другъ, изъ списка, какъ я изъ всего вышла при празднествахъ мира. Я старалась быть справедливою и награждала блистательно и великодушно всюду, гдѣ могла открыть тѣнь сдѣланной заслуги. Я надѣюсь, что этотъ примѣръ, какъ подражаніе примѣрамъ предшествующимъ, послужитъ для возбужденія и поощренія хорошо служить; жаль, что нельзя каждому вдохнуть умѣнїе и талантъ, но мнѣ пріятно видѣть, что между молодыми генералами находятся такіе, которые теперь лучше и будутъ еще лучше, чѣмъ тѣ, какихъ мнѣ удалось видѣть въ 1762 году, по окончаніи семилѣтней войны.

²⁾ Одинъ изъ главныхъ чиновниковъ Герцберга.

ся, когда прискакалъ твой генераль-адъютантъ Львовъ съ отлично добрыми вѣстями о разбитіи турецкаго флота между Тендровъ и Аджибея, чему я обрадована бывъ, тотчасъ приказала, понеже сей день былъ воскресенье, послѣ обѣдни отпѣтъ молебень при большой пушечной пальбѣ, и за столомъ пили, при такой-же пальбѣ, здоровье побѣдоноснаго Черноморскаго флота, награжденія же оному прочтешъ въ рескриптѣ, мною сегодня подписанномъ; и такъ, мой пиръ, твоими радостными вѣстями, учинился торжествомъ рѣдкимъ; я совершенно вхожу въ ту радость, которую ты долженъ чувствовать при семъ знаменитомъ случаѣ, понеже Черноморской флотъ на Днѣстрѣ строился подъ твоимъ попеченіемъ, а теперь видишь плоды онаго заведенія: и капитанъ-паша взятъ и корабли турецкіе взяты, прогнаны и истреблены.

Я всегда отми́ннымъ окомъ взирала на всѣ флотскія вообще дѣла, успѣхи же онаго меня всегда болѣе обрадовали, нежели самые сухопутныя, понеже къ симъ изстари Россія привыкла, а о морскихъ ея подвигахъ лишь въ мое царствованіе прямо слышно стало, и до дней онаго морская часть почиталась слабѣйшею. Черноморской же флотъ есть наше заведеніе собственное, слѣдственно, сердцу близко.

Контръ-адмиралу Ушакову посылаю, по твоей просьбѣ, орденъ Святаго Егоргія второй степени, и даю ему 500 душъ въ Вѣлоруссіи за его храбрость и отличныя дѣла; Львову я дала крестъ же и подарокъ, а къ тебѣ не посылаю крестовъ егорьевскихъ, поспеже пишешь, что еще имѣешь.

Спасибо тебѣ, мой другъ, и преспасибо за вѣсти и попеченія и за всѣ твои полезныя и добрыя дѣла; къ тебѣ пошлю, когда бы только поспѣлъ скорѣе, приборъ кофейной золотой, для подчиванія пашей, кои къ тебѣ пріѣдутъ засимъ для трактованія мира. Я надѣюсь, что за дѣйствіями морскими, и когда увидать, что сухопутные корпуса идутъ, они скоро за умъ возьмутся, а лестъ покинуть, но при семъ весьма желаю, чтобъ ты былъ здоровъ; я сама захворала было, но теперь поправляюсь; отъ мирнаго торжества грудь залегла и кашлять стала. Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою.

Сентября 30-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Письма твои отъ 10-го и 11-го сентября я получила. Короля шведскаго, надѣюсь, не трудно будетъ уловить, и мы будемъ жить дружно, ибо у него нѣтъ гроша; полки всѣ будутъ укомплектованы, и лодки по Двинѣ я строить приказала, но его величество прусской король уже изволитъ изъясниться, что насъ не атакуеть, чему не трудно и по-

вѣрить, паче же, ежели Богъ тебѣ поможетъ турокъ побить, а потомъ миръ заключить, а не побивъ ихъ, турецкіе союзники будутъ всячески турокъ отъ мира удерживать. Графу Н. Салтыкову поручила команду надъ Двинской арміею, а подъ нимъ Игельстромъ и князь Юрій Долгорукой. Хорошо, что поляки глаза открываютъ; когда, Богъ дастъ, сдѣлаешь миръ, тогда реконфедерацию составимъ, а прежде того она не нужна, да и въ тягость быть можетъ, понеже ее подкрѣпить должно будетъ деньгами и людьми.

Плювъ на пруссаковъ, мы имъ пакости ихъ отмстимъ авось либо.

Извини, мой другъ, что я дурно и коротко пишу, я не очень здорова; кашель у меня, и грудь и спина очень болятъ, я два дня лежала на постелѣ, думала перевести все сіе держась въ испаринѣ, а теперь слаба и не ловко писать. Твой корнетъ за мною ходитъ и такое попеченіе имѣетъ, что довольно не могу ему спасибо сказать. Прости, другъ мой, поздравляю тебя съ именинами и посылаю тебѣ перстень, меня увѣряютъ, что камень рѣдкой.

Октября 1-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Давъ тебѣ рай земной сегодня, какъ ты называешь ту дачу, которую ты у меня просилъ, прошу тебя, если вздумаешь оную паки продать, предпочтительно мнѣ оную продать. Прощай, Богъ съ тобою, я ужасно какъ слаба.

Октября 8-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Изъ подпisanнаго сегодня къ тебѣ рескрипта увидишь въ какомъ положеніи дѣла находятся, и что его величество король прусской снова весьма горячо за вооруженіе принялся; а чаю, сіе чинится отчасти, дабы бородачей удержать, какъ долго возможно, отъ заключенія мира, какъ съ нами, такъ и съ повинующимся имъ вѣнскимъ дворомъ; ибо извѣстіе есть, что Люзи ¹⁾ пишетъ, что послѣ 25-ти конференцій онъ въ туркахъ не болѣе произвелъ къ миру склонности, какъ усмотрѣлъ при новой; но естли тебѣ Богъ дастъ успѣхъ, то, чаю, скорѣе произведутъ миръ, нежели всѣ коварныя трактованія прусскія. Мнѣ гораздо лучше, но очень я была больна и теперь еще довольно слаба. Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою.

¹⁾ Лукезини?

Ноября 1-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. По двадцати девяти дневномъ ожиданіи отъ тебя курьера, наконецъ привезены ко мнѣ твои письма изъ Бендеръ отъ 16-го октября. Адъютанта твоего Армфельда я пожаловала въ премьеръ-маіоры и дала ему перстень и пятьсотъ червонныхъ, а въ Швецію онъ ѣхать не хочетъ.

Простудясь я въ мирное торжество и получивъ кашель, оной обратился въ лихорадку; сія прошла, какъ всѣ мои болѣзни, сильнымъ п....мъ, но сей оставилъ мнѣ вѣтренныя колики, кои меня держатъ безъ мала три недѣли, почти всякой день нѣсколько часовъ; когда сихъ пакостныхъ болей нѣтъ, тогда хожу и ѣзжу, однако слабость чувствую, но ничего не принимаю, опасаясь умножить болѣзни.

О кавказскомъ сраженіи усмотрѣла изъ твоихъ писемъ съ удовольствіемъ, въ ожиданіи подробной реляціи. Пріѣздъ сюда Боталь-паши и адмирала будетъ сильнымъ доказательствомъ ненавидящимъ насъ, что, не смотря на ихъ планы и коварства, турки поражены повсюду. О смерти Н. Н. Меллера-Закомельскаго весьма жалѣю. Увидимъ, когда флотилія подойдетъ, каковъ будетъ успѣхъ подъ Киліею; дай Боже, чтобъ потеря была въ людяхъ какъ возможно менѣе.

Что турки вездѣ запираются въ крѣпостяхъ, доказываетъ, что въ полѣ держаться не могутъ противу нашихъ войскъ, а ищутъ насъ остановить противу стѣнъ. Съ удовольствіемъ вижу, что ты обрадовался, какъ дачѣ, такъ и перстню.

О польскихъ дѣлахъ тебѣ скажу, что деньги на оныя я приказала ассигновать до пятидесяти тысячъ червонныхъ, изъ которыхъ Булгаковъ тебѣ возвратитъ же (тѣ?) двадцать тысячъ червонныхъ, кои ты ему дозволилъ употребить изъ ассигнованныхъ тебѣ суммъ. Баронъ Сутерландъ пошлетъ съ курьеромъ въ Варшаву вексель сей. Чтобъ умы польскіе обращать на путь нами желаемой, о семъ Булгаковъ имѣетъ отъ меня, за моимъ подписаніемъ, довольныя предписанія: на сеймикахъ же ему самому дѣйствовать не должно и нельзя, а посредствомъ пріятелей нашихъ, что ему также предписано. Ничего бы не стоило обѣщать Польшѣ гарантію на ея владѣнія, если бы то было удобно на нынѣшнее время, но они сами торжественнымъ актомъ отвергли всякое ручательство. Воли удержать внутреннія дѣла я отъ нихъ, конечно, не отнимаю; но въ нынѣшнемъ положеніи всѣ подобныя обнадеживанія иначе давать нельзя, какъ въ разговорахъ министра нашего съ нашими друзьями, и внушая имъ, что когда нація частію хотя образумится и станетъ желать ручательства и прочее, тогда могутъ получить подтвержденіе онаго. Равно и о связи съ ними онъ имъ можетъ внушать, что если

они, видя въ какую бѣду ихъ ведетъ союзъ съ королемъ прусскимъ, предпочтутъ сей пагубѣ нашъ союзъ и захотятъ съ нами заключить союзъ, мы не удалены отъ онаго, какъ и прежде готовы были, съ разными для нихъ выгодами и пользою. Кажется, что обѣщаніями таковыми, не точно опредѣленными, избѣжимъ о Молдавіи противурѣчія, въ которомъ мы бы нашлись предъ всей Европою, обѣщавъ возвратити всѣ завоеванія Портѣ, удержавъ только границу нашу по рѣкѣ Днѣстръ. При всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ въ Польшѣ, хотя и не открытыхъ, надлежитъ намъ остерегаться паче (всего) не дать орудія врагамъ нашимъ, чтобъ не могли насъ предъявить свѣту яко начинателей новой войны и наступателей, дабы Англія въ дѣятельности и пособіи королю прусскому не вступала, къ Балтику кораблей не прислала, да и другія державы отъ насъ не отвратились, и самой нашъ союзникъ не взялъ поводъ уклониться отъ соучастія. Что касается до хлѣба польскаго, то, по послѣднимъ извѣстіямъ варшавскимъ, хотѣли на сеймѣ сдѣлать конституцію и разрѣшить его выпускъ. И такъ, кажется, что на сей разъ всѣ наши дѣйствія въ Польшѣ должны къ тому стремиться, чтобъ составить, ежели можно, сильную партію, посредствомъ которой не допустить до вредныхъ для насъ переменъ и новостей, и возстановитъ тако связи съ ней обоимъ намъ полезно и безопасно; а между тѣмъ обратити всѣ силы, и вниманіе, и стараніе достать миръ съ турками, безъ котораго не можно отважиться ни на какія предпріятія. Но о семъ мирѣ съ турками я скажу, что ежели Селиму нужны, по его молодости, дядьки и опекуны, и самъ не умѣетъ кончить свои дѣла, для того избралъ себѣ пруссаковъ, англичанъ и голландцевъ, дабы они болѣе еще интригами завязали его дѣла, то я не въ равномъ съ нимъ положеніи, и съ сѣдой головой не отдамся имъ въ опеку. Королю прусскому теперь хочется присоединити себѣ Польшу, и старается быть избранъ преемникомъ той короны; а чтобъ я на сіе согласилась, охотно бы склонился на раздробленіе Селимовой посессіи, хотя съ нимъ недавно заключилъ союзъ и обѣщавъ ему Крымъ возвратити изъ нашихъ рукъ; но ему Польши, а туркамъ—Крыма не видать, я на Бога надѣюсь, какъ ушей своихъ, а слабые турки одни обмануты союзникомъ, и продержитъ ихъ въ войнѣ, какъ возможно болѣе. Король шведской былъ въ подобномъ положеніи, но вскорѣ видя свое неизбѣжное разореніе, взялся за умъ и заключилъ свой миръ непосредственной съ нами. Если разсудишь за полезное, сообщи мое разсужденіе туркамъ, и вели визирю сказать, что тому удивимся, что за визирь нынѣ у нихъ, который ни на что не уполномоченъ, кромѣ того, что пруссаки, англичане и голландцы ему предписываютъ, будто это все равно—имѣть дѣло съ

интригами всей Европы, либо разобратъся съ нами за-просто. Русская есть пословица: много поваровъ кашу испортятъ, да другая—у семерана нянь дитя безъ глаза! Ласковое съ Польшею обращеніе, обѣщаніе ей гарантіи и разныхъ выгодъ, буде они того потребуютъ, и все, что о нихъ выше сказано, я владу на такой случай; ежели республика не приметъ сторону непріятелей нашихъ образомъ явнымъ; но буде совершить договоръ свой съ Портою, и пристрастіе окажетъ на дѣлѣ съ королемъ прусскимъ, ежели онъ рѣшится противу насъ дѣйствовать,—въ то время должно будетъ приступить къ твоему плану, и стараться съ одной стороны доставить себѣ удовлетвореніе и удобства противу новаго непріятели, на счетъ той земли, которая служила часто главнымъ поводомъ во всѣмъ замѣшательствамъ.

Вотъ тебѣ мои мысли. Богъ да поможетъ намъ. Прощай, мой другъ, Христось съ тобою. Мнѣ вчерась и сегодня лучше. Морозы настали, а цѣлой годъ мы имѣли непрестанные дожди. Касательно твоего дома, я уже приказала его осмотрѣть, и ежели можно будетъ, то въ немъ артиллерійскій кадетскій корпусъ помѣщу: все-же строить для него необходимость заставить же. Къ Сартію съ симъ курьеромъ посылаю за музыку къ „Олегу“ тысячу червоныхъ и подарковъ вещь. Сегодня Олега въ третій разъ представляютъ въ городѣ и онъ имѣетъ величайшій успѣхъ, и къ воскресенью уже всѣ мѣста заняты; спектакль таковъ, какъ подобнаго еще не было, по признанію всѣхъ.

Твой корнетъ непрерывно продолжаетъ свое похвальное поведеніе и я должна ему отдать истинную справедливость, что привязанностію его чистосердечною ко мнѣ и скромностію и прочими пріятными качествами онъ всякой похвалы достоинъ.

Фонъ-дерь-Паленъ пріѣхалъ въ Швецію, а Стедингъ здѣсь—и дѣла со Швеціею на ладъ идутъ; Стединга я ласкаю весьма и онъ человекъ изрядной ¹⁾. Потоцкаго проектъ—дабы сдѣлать прусскаго короля королемъ польскимъ и соединить Пруссію съ Польшею—не разсудишь ли за благо сообщить туркамъ, дабы яснѣе усмотрѣли каверзы своего союзника, о которыхъ и его адской политикѣ уже вся Европа глаза открываетъ, и ближніе его содрогаются, и сама Голландія, да и Англія не во всемъ съ нимъ согласны.

Ноября 11-го ч.

Князь Григорій Александровичъ, къ тебѣ князь Вяземскій пишетъ письмо сегодня о ассигнованіи суммъ на будущій годъ и о зачетѣ

¹⁾ Баронъ, въ послѣдствіи графъ, Стедингъ, шведскій фельдмаршалъ, род. 1746—1837 г.

хлѣба; а какъ сіе дѣло есть самое нужное, то надѣюсь, что скорѣе о семъ дашь сюда знать, дабы и здѣсь можно было взять надлежащія мѣры къ распоряженію чтò потребно будетъ.—Пробываю къ тебѣ доброжелательна.

Ноября 12-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Письма твои отъ 26-го октября привезъ вчерась генераль-маіоръ Бенкендорфъ, изъ которыхъ усмотрѣла съ удовольствіемъ сдачу Килии, за что сегодня молебствіе отправляется съ пушечною пальбою; пора бородачамъ приняться за умъ и высвободиться изъ зловреднаго имъ опекуинства: пруссаки прельстили ихъ тѣмъ паче, что будто насъ принудятъ возвратить туркамъ Тавриду, которую имъ однако не видать, какъ ушей своихъ. Вскорѣ услышимъ, что англичане начнутъ войну съ Испаніею. Во ожиданіи обѣщанныхъ отъ тебя извѣстій, сказавъ тебѣ рескриптомъ и симъ самымъ спасибо большое, къ тебѣ доброжелательна. Я же сама все почти въ одномъ положеніи, день, другой, получше, тамъ опять чувствую вѣтренныя и геморроидальныя колики, но кажется, что боли не такъ сильны, либо къ нимъ привыкаю. Прощай, Богъ съ тобою. Рѣва паки вскрылась и корабли приходятъ, а чрезъ ледъ ходили три дни. Гудовича я пожаловала генераль-аншефомъ, къ принцу Виртембергскому посылаю синюю ленту, а Бенкендорфъ получилъ Св. Анну: ты видишь, что не оставляю твои представленія безъ уваженія, и твоимъ рекомендаціямъ даю мѣсто; прошу и моихъ не предать забвенію, и объ нихъ не забыть.

Князь Потемкинъ—Императрицѣ.

Бендеры.—Декабря 18-го ч.

Всемилолюбивѣйшая государыня! Не Измаилъ, но армія турецкая, состоящая въ тридцати слишкомъ тысячахъ, истреблена въ укрѣпленіяхъ пространныхъ въ первой-на-десять сего мѣсяца.

Слава Богу, всегда насъ побѣдителями творящему.

Положеніе локальное сего мѣста навело-бы всегдѣшнее безпокойствіе квартирамъ и разрѣзывало-бы Килию съ Сыретскимъ кордономъ; флотилія осталась-бы безъ сообщенія; сіи резоны, а паче высочайшая воля наноситъ всегда вредъ непокоряющемуся злодѣю, рѣшили меня предписать штурмъ; храбрый генераль графъ Суворовъ Рымникскій избранъ былъ мною къ сему предпріятію. Богъ помогъ, непріятель истребленъ, болѣе уже двадцати тысячъ сочтено тѣлъ, да слишкомъ семь тысячъ взято въ плѣнъ, а еще отыскивають; знаменъ триста

десять уже привезено, а еще, сообщаютъ, пушекъ будетъ до трехъ сотъ; войска ваши оказали мужество примѣрное и неслыханное; обстоятельно донесу послѣ; отправляюсь ради осмотра Дуная, а флотилія уже готовится на новыя предпріятія.

Повергаю къ освященнымъ стопамъ вашего императорскаго величества командующаго штурмомъ генерала графа Суворова Римникскаго, его подчиненныхъ, отлично храброе ваше войско и себя. Вашего императорскаго величества вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный.

(Безъ числа).

Если будетъ высочайшая воля сдѣлать медаль генералу графу Суворову, симъ наградится его служба при взятіи Измаила. Но какъ онъ всю кампанію одинъ токмо въ дѣйствіяхъ былъ изъ генераль-аншефовъ; трудился со рвеніемъ ему сроднымъ, и, обращаясь, по мнѣ повелѣніямъ, на пункты отдаленные праваго фланга съ крайнимъ попѣшеніемъ, спасъ, можно сказать, союзниковъ, ибо непріятель, вида приближеніе нашихъ, не осмѣливался атаковать ихъ, иначе, конечно, были бы они разбиты,—то не благоугодно ли будетъ отличить его гвардіи подполковника чиномъ или генераль-адъютантомъ.

Авапа и Суджукъ-Кале—мѣста отнюдь неспособныя для удержанія за собою, ибо они нездоровы и ни къ чему не служатъ, гарнизонъ же въ оба мѣста за семь тысячъ быть долженъ,—то я и представляю мое мнѣніе, чтобъ помянутыя крѣпости, по срытіи, отдать тамошнимъ народамъ съ тѣмъ, чтобъ они не дозволяли отнюдь строить на тѣхъ мѣстахъ вновь туркамъ,—чего и сами они желаютъ—народы горскіе признать вольными и всегдашними союзниками Россіи; для привязанія ихъ къ себѣ позволить имъ брать соль изъ озеръ на кубанской нашей части, которую теперь они крадутъ, на Таманѣ построить крѣпость, хорошее мѣсто, здоровое, гдѣ учредя ярмарки и торговлю, нуждъ ради горцевъ, ихъ вѣще еще привязать можно.

Екатерина II—князю Потемкину.

Декабря 20-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ! Письма твои отъ 16-го ноября и 3-го декабря я получила; что чаще писать будешь, то мнѣ пріятнѣе будетъ, ибо неизвѣстность для меня труднѣйшее состояніе. Со всѣми отъ Бога данными услѣхами тебя поздравляю; флаги мною отосланы съ церемоніею въ крѣпость; для генераль-маіора Рибаса, на первой случай, посылаю крестъ второй степени Св. Егоргія, котораго онъ завоевалъ по справедливости, а по-

томъ оставляю себѣ его и далѣе награждать, по усмотрѣнію. Что Лукезини къ тебѣ пріѣдетъ, о семъ и здѣсь слышно было, но что онъ тебя не обманетъ, я увѣрена; посылаю къ тебѣ, чѣмъ щеголять предъ нимъ. О политикѣ здѣсь не распространяюсь, понеже въ рескриптѣ все сказано по сей матеріи. Графъ Разумовскій къ тебѣ заѣдетъ.

Мысли твои по дѣламъ, въ письмѣ твоемъ отъ 3-го декабря ко мнѣ прописанныя, тѣмъ паче мнѣ нравятся, что вездѣ вижу мѣры твердыя. Общанной генеральной подробной планъ прошу прислать скорѣе съ потребнымъ свѣдѣніемъ о войскахъ, какія и куда обратятся для операціи, дабы здѣсь заранѣе все сообразить и изготовить можно было. По польскимъ же дѣламъ поступать надлежитъ съ крайнею осторожностію, дабы не отъ насъ былъ первой выстрѣлъ, и союзники прусскаго короля сколько можно меньше имѣли права толковать въ свою пользу *Casus foederis*, почитая насъ за нападателей.

Еще объ одномъ дѣлѣ тебѣ скажу: многіе штабъ-офицеры просятъ объ опредѣленіи въ коменданты; мѣстъ же комендантскихъ вакантныхъ до пятидесяти, о помѣщеніи же на оныя ожидаетъ коллегія отъ тебя извѣстій, а между тѣмъ меня просители сихъ мѣстъ письмами заметали, паче же нѣмцы; кончи пожалуй скорѣе сіе дѣло.

Здоровье мое поправляется. Je crois que c'est la goutte qui c'est placé dans mon estomac et dans les intestins, je l'en chasse avec du poivre et un verre de vin de malaga, que je bois tous les jours, je n'ai senti du soulagement que de cela, et quand je néglige ces deux articles: de manger du poivre ou le verre de malaga, les douleurs me prennent de rechef, voilà le quatrième mois. Adieu, portés vous bien, nous attendons les nouvelles de devant Ismail, à dire la vérité, c'est un point important dans ce moment qui decidera de la paix ou de la prolongation de la guerre ¹⁾. Помоги тебѣ Богъ, другъ мой сердечной, прощай.

(Въ декабрѣ).

Батинька другъ мой, я, кромѣ что горло болитъ маленько да согрѣться не могу ничѣмъ, сегодня жаловаться не могу, но какъ насморкъ продолжается, то Рожерсонъ просилъ въ службу не ходить; останусь дома, да велю читать. Прощай, душа, будь здоровъ.

¹⁾ Я думаю, что это подагра, которая перешла ко мнѣ въ желудокъ и внутренности; я изгоняю ее рюмкою малаги съ перцемъ, которую пью ежедневно; это одно и даетъ мнѣ облегченіе, и когда я не дѣлаю двухъ вещей, т. е. не принимаю перцу и рюмки малаги, боли снова ко мнѣ возвращаются, и такъ ужъ четвертый мѣсяцъ. Прощайте, будьте здоровы; мы ожидаемъ извѣстій изъ-подъ Измаила, т. е., истинно, это важный пунктъ въ настоящую минуту: онъ рѣшитъ или миръ, или продолженіе войны.

1791 г.

Императрица — князю Потемкину.

Января 8-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Прощедшее воскресеніе рано пріѣхалъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ и привезъ мнѣ твои письма отъ 18-го декабря; я тотчасъ приказала послѣ обѣдни отправлять молебствіе за взятіе Измаила, съ большою пушечною пальбою; я и вся публика наша симъ происшествіемъ чрезвычайно обрадованы. Поздравляю тебя отъ всего сердца съ симъ счастливымъ успѣхомъ и отлично удачной кампанією, какъ самъ о томъ пишешь. Измаильская эскалада города и крѣпости съ корпусомъ въ половину противу турецкаго гарнизона, въ ономъ находящимся, почитается за дѣло едва ли еще гдѣ въ исторіи находящееся и честь приноситъ неустрашимому російскому воинству. Съ нетерпѣніемъ ожидаю генераль-маіора Попова съ подробностями; дай Боже, чтобъ скорѣе лишъ пріѣхалъ; что урокъ былъ болѣе Очаковскаго, о томъ весьма жалѣю; дай Боже, чтобъ успѣхи ваши заставили турокъ взяться за умъ и скорѣе заключить миръ; при случаѣ дай туркамъ почувствовать, какъ прусской король ихъ обманываетъ, то обѣщая имъ быть медиаторомъ, то объявить войну намъ въ ихъ пользу, якобы та и другая роля могла бы идти вмѣстѣ; все сіе выдуманно только для того, дабы турокъ держать, какъ возможно долѣе, въ войнѣ и самому сорвать, гдѣ ни на есть, доскутокъ для себя. Я думаю, что теперь послѣдуетъ смѣна визиря, а при сей откроется тебѣ случай открыть переписку съ новымъ визиремъ, а можетъ быть, и траговать о мирѣ непосредственно: оба двора здѣсь уже сказали, что не настаиваютъ уже болѣе о медиации.

По аттестатамъ твоимъ и присланнымъ отъ тебя, я Валеріану Александровичу Зубову дала крестъ Егорьевской 4-го класса. Его предостойной братъ чрезвычайно обрадованъ, что ты брату его подалъ случай оказать его усердіе. Пожалуй напиши ко мнѣ: поручилъ ли ты Ферьеру траговать о чемъ въ Вѣнѣ? Сейчасъ онъ ко мнѣ прислалъ курьера и счетъ въ 3,000 и столько червонныхъ, кои издержалъ, и говоритъ о своихъ негодіаціяхъ съ самимъ императоромъ, который ему будто сулятъ пушекъ, и орудія, и людей; если ты ему ничего не поручалъ, то его унимать я вѣлю, а то алтекарскихъ счетовъ надѣлаешь, а самъ деньги проѣсть.

Спасибо тебѣ, мой другъ сердечной и любезной, за всѣ добрыя и

полезныя дѣла, тобою подѣланныя, за порядокъ и неустрашимость войскъ; скажи имъ спасибо отъ меня и о награжденіи себѣ предоставляю говорить по полученіи, чрезъ Попова, подробностей и твоего представленія. Я здорова, поправляюсь, боли рѣже чувствую и не столь сильныя, но не совсѣмъ еще миновались. Прощай, Богъ съ тобою желаю тебѣ всякаго добра и поздравляю съ новымъ годомъ.

Января 22-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Двадцатаго числа сего января пріѣхалъ Бауръ, и привезъ твои письма отъ 11-го числа и реляцію о дѣйствіяхъ Кубанскаго корпуса, кои въ сентябрѣ и октябрѣ произошли; жаль, что сей край столь отдаленъ, что вѣсти изъ онаго сюда приходятъ по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ: такое разстояніе время убавляетъ участіе и удовольствіе въ приемлемомъ, и само по себѣ, важномъ происхожденіи. Изъ Америки и Сибири скорѣе приходятъ вѣсти, нежели оттуда. О смерти генералъ-поручика Розена весьма жалѣю и почитаю ее потерю. Что покореніе Измаила страхъ нанесло туркамъ, сему легко повѣрю; но дѣйствія того страха жадно желаю узнать, и полагаю, что, во первыхъ, послѣдуетъ смѣна визиря, а за симъ, можетъ быть, переговоры о мирѣ. Принауюсь, что я съ кипящею кровью нетерпѣливо ожидаю шестую недѣлю тобою обѣщанныя подробности о взятіи Измаила, чрезъ Попова, ибо я не очень люблю пословицу *qu'il vaut mieùx tard que jamais* ¹⁾, а люблю свѣженькія извѣстія о томъ, что меня интересуетъ.

Касательно до твоего пріѣзда сюда, я тебѣ скажу, что лично я всегда рада тебя видѣть, какъ самъ довольно вѣдаешь; сверхъ сего, на словахъ говорить и писать, конечно, разница, и скорѣе сношенія быть могутъ въ разговорахъ, нежели на письмѣ. Но дѣло паче въ томъ, въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, чтобъ не проронить важныя минуты, которыми воспользоваться ты можешь, бывъ тамъ, скорѣе нежели здѣсь, для возстановленія мира съ турками по нашему желанію, и такъ, почитаю за необходимо нужное, чтобъ ты тамо ожидалъ вѣстей о импресси, кою сдѣлаетъ въ Цареградѣ взятіе Измаила; ежели онѣ таковы, и самъ усмотришь, что твой пріѣздъ сюда дѣла не испортитъ, мирныя договоры не отдалитъ, либо раннее открытіе кампаніи тѣмъ не остановится, тогда дозволяю тебѣ пріѣхать съ нами бесѣдовать; но' буде турки окажутся тебѣ въ миру склонны,

¹⁾ Лучше поздно, чѣмъ никогда.

какъ легко быть можетъ, паче же когда увидятъ, что стараясь всячески набрать нынѣ войска, оныя никакъ не идутъ, и идти не хотятъ; либо раннее открытіе кампаніи пріѣздомъ своимъ сюда оставишь, тогда нахожусь въ необходимости усердно тебя просить предпочитать пользу дѣлу и не отлучаться; но, заключа миръ, возвратиться яко миротворецъ, либо устроя все къ принужденію турокъ къ оному самими дѣйствіями, тогда пріѣхать.

Пишешь ты ко мнѣ, что Лукезини возвращается въ Варшаву изъ Сиштова; ничего тамъ они столько не опасались, какъ того, чтобъ ты Сиштовской конгрессъ не разогналъ казаками, имъ казалось сіе возможно; знатно они ошиблись, ибо ты не послалъ; смѣшно бы было, ежелибъ, схватя весь конгрессъ, ты бы, пославъ (ихъ) сюда чрезъ Петербургъ, домой отправилъ.

У васъ весна, а у насъ зимы нѣтъ и еще донинѣ, только одинъ день было семь градусовъ мороза, а прочее время каплетъ, замерзаніе, либо таетъ, а вчерась я сама видѣла изъ эрмитажа, что карета, парюю запряженная, обломилась на рѣкѣ и переднія колеса пошали подъ ледъ.

Корнетъ твой кавалергардской непремѣнно продолжаетъ свое похвальное, и примѣрное, и разумное поведеніе; я чрезвычайно довольна честностію, добросердечіемъ, и нелицемѣрною его привязанностію ко мнѣ; онъ весьма благодаренъ за ласки твои къ нему, и ты его найдешь достойнымъ оныхъ. Мое здоровье поправляется и уже дни по четыре и по пяти я отдыхъ имѣю, а именно съ прошедшей пятницы ничего отнюдь не чувствую. Что ты боленъ былъ, о томъ очень жалѣю. Прощай, мой другъ, Богъ съ тобою, и да поставитъ тя.

Примѣчаніе. Это письмо первоначально написано на-черно, и черновое находится въ той же связкѣ. П. Д.

Января 24-го ч.

Другъ мой любезной, князь Григорій Александровичъ. Ожидая съ часа на часъ генераль-маіора Попова съ подробными вѣстими о взятіи Измаила, донинѣ нахожусь еще въ невозможности, за сіе важное дѣло, изъявить мою признательность къ тебѣ и ко всѣмъ. Со вчерашнимъ же курьеромъ получила твое письмо отъ 15-го января изъ Яссы. Самые недоброхоты, хотя злятся, но оспаривать не могутъ великіе тобою пріобрѣтенные успѣхи, коими Всевышній увѣнчалъ усердные и искусные твои труды и раченіе, что же онымъ не гордишься, по совѣту моему, сіе хвалю, и да не будетъ въ тебѣ также униженіе

паче гордости, а желаю, чтобъ ты веселился своими успѣхами и былъ приятенъ и любезенъ въ своемъ обхожденіи; сію задачу тебѣ выполнить не трудно, понеже когда природный твой умъ находитъ свободное сопряженіе съ твоимъ добрымъ сердцемъ. Vos sentiments à mon égard me sont connus, et comme je suis persuadée qu'ils font partie de Votre existence, je suis persuadée aussi qu'ils ne sauraient changer, je ne Vous en ai encore jamais connu d'autres ¹⁾. Господинъ питомецъ мой, ты оправдалъ мое о тебѣ мнѣніе, и я дала и даю тебѣ аттестатъ, что ты господинъ презрѣдливой, а пруссаки дураки злые. Я писала къ тебѣ въ предыдущемъ письмѣ, что ежели дѣла не претерпятъ отъ твоей ѣзды сюда, чтобы ты самъ рѣшился, когда ѣхать. Теперь вижу изъ твоего письма, что считаешь нынѣшнее время, яко глухую пору, и такъ, думаю, что ты уже въ дорогѣ, а сіе пишу въ запасъ, паче чаянія ежели не поѣхалъ и возобновляю тебѣ дозволеніе пріѣхать, когда усмотришь, что пріѣздомъ твоимъ дѣла не портятся. Когда Валеріанъ Александровичъ (Зубовъ) пріѣхалъ, тогда я думала, что за нимъ немѣшкотно генераль-маіоръ Поповъ будетъ и сего я ожидала всякой день доннѣ, но не бывалъ. Прощай, мой другъ сердечной, до свиданья.

Примѣчаніе. Это письмо также написано на-черно, и черновое находится въ той же связкѣ. П. Д.

Февраля 15-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Во ожиданіи скорого твоего пріѣзда не отвѣтствовала я доннѣ на письма, привезенныя генераль-маіоромъ Поповымъ, но видя, что твой пріѣздъ замедлился, нынѣ пишу къ тебѣ, дабы тебѣ сказать, что письма твои я съ Поповымъ получила, и послѣ того ни строки; когда пріѣдешь, тогда переговоримъ изустно обо всемъ; ожидаю тебя на масляницу, но въ какое время бы ни пріѣхалъ, увижу тебя съ равнымъ удовольствіемъ. Прощай, Богъ съ тобою.

(Рукою Потемкина помѣчено: апрѣля 4-го ч.).

Батинька, первое письмо королевское отъ 30-го января я читала и сама оное Стедингу вручила; письмо, писанное Игельстромомъ, мною апробовано и поправлено было. А что я нашла тутъ совсѣмъ новое—² есть то, что оную посылку Игельстрома отклоняютъ и что болѣзнь

¹⁾ Ваши чувства ко мнѣ мнѣ—пзвѣстны, и какъ, по моему убѣжденію, это часть вашего существованія, то я увѣрена, что они никогда не измѣнятся; я васъ никогда инымъ не знала.

королевская будетъ служить предлогомъ къ несвиданію, чему я весьма самодовольна; впрочемъ, я сама сказала Стедингу, что король не имѣетъ причины сомнѣваться обо мнѣ, что я готова заключить съ нимъ союзъ и что въ ономъ договоримся о субсидіи; о границѣ зимую располагать неудобно было, а контръ-проектъ остановился лишь затѣмъ, что тебѣ отъ нихъ же предложено было свиданіе, которое не сбудется же. Если шведы посольства не хотятъ, то отложить оное не долго же, но всему надобна благопристойность. Отъ границы же Богъ вѣдаетъ какія уступки хотятъ.

Пугательнымъ прусскимъ выдумкамъ, пришедшимъ сего утра, я еще отлагаю придать вѣру, дондеже подтвердятся. Подобныя мы многія уже видѣли; тутъ же, они, какъ и всегда, оставили себѣ открытыя калитки, чтобъ вынырнуть, какъ самъ увидишь, ибо говорятъ, что втораго курьера съ датской интермиссіею изъ Англій ожидаютъ. Планъ твой получила, написавъ сіе, и, положи перо сіе на столъ, стану читать.

(Безъ числа).

Если хочешь камень свалить съ моего сердца, ежели хочешь спазмы унимать, отправь скорѣе въ армію курьера и разрѣши силамъ сухопутнымъ и морскимъ произвести дѣйствіе наискорѣе, а то войну еще протянемъ на долго, чего, конечно, ни ты, ни я не желаемъ.

(Рукою Потемкина: Le 25 avril).

Je trouve Votre idée de composer au mieux un corps respectable en Finlande et avant toutes choses d'y nommer pour chef le Comte Souvoroff—très bonne, et pour hâter la besogne je Vous envoie le billet si joint pour le général Souvoroff, si vous jugés à propos de lui remettre ¹⁾).

Іюля 25-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Репортъ къ тебѣ князя Репнина отъ 14-го іюля я, раскрывъ, читала, и по оному, кажется, ожидать должно на сушѣ и на морѣ важное. Бога молю да благословитъ успѣхомъ, а тебѣ желаю благополучнаго пути. Просилъ ты меня, чтобъ я тебя избавила отъ Каменскаго, а нынѣ отъ графа Безбородка слышу, что просишь его къ себѣ; пожалуй

¹⁾ Я нахожу вашу мысль—составить значительный корпусъ въ Финляндіи и назначить его начальникомъ графа Суворова—весьма хорошею, и, чтобы это ускорить, я посылаю прилагаемое письмо генералу Суворову, если вы признаете нужнымъ отдать это письмо.

отпиши ко мнѣ: онъ или я ослышались? я помню, что говорили, что онъ грызется.

Августа 3-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Письма твои изъ Могилева до рукъ моихъ дошли. Какъ турецкой флотъ отъ нашего удаляется, то видно, что они избѣгаютъ драки, а пойдутъ куда нибудь ближе къ своимъ берегамъ, подъ пушками лягутъ на якорь, а тогда не ловко нашему флоту будетъ съ ними дѣло имѣть. Признаюсь, что ничего на свѣтѣ такъ не хочу, какъ мира. О Каменскомъ посылаю къ тебѣ повелѣніе. Спасибо за то, что вѣстими не оставляешь.

Прощай, Богъ съ тобою, и да поможетъ онъ тебѣ.

Сіе письмо посылаю съ Васиіемъ Степановичемъ Поповымъ.

Августа 9-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Письма твои изъ Кременчуга отъ 1-го августа я получила, и по онимъ тебѣ заготовленнымъ рескриптомъ отвѣтствую. Спасибо за то, что часто пишешь, пожалуй—продолжи: сіе служить къ моему удовольствію совершенному; я радуюсь надеждою о мирѣ, кажется, на ладъ идетъ. Что на морѣ ничего не будетъ, изъ того видно было, что турки отходили отъ боя, а наши догоняли, а теперь опасаться надо экиновсіи сентябрьской, и въ нее чуръ по морю не ходить, памятуя несчастье 1786 г.

Сказываютъ, что язва изъ Александріи перенесена въ Царьградъ; Бога для, возьми всевозможныя осторожности, чтобъ къ тебѣ не затащили, а отъ тебя внутрь Россіи. Что ты замучился и болѣнь, о томъ всѣмъ сердцемъ жалѣю, помоги тебѣ Богъ. Прощай, любезной другъ

Августа 12-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Обрадовалъ ты меня нечаянно прелиминарными пунктами о мирѣ, за что тебя благодарю душою и сердцемъ, дай Боже скорѣе совершить сіе полезное дѣло заключеніемъ самаго мира. Осьми-мѣсячной срокъ перемирія дологъ, пожалуй, постарайся кончить скорѣе, тѣмъ паче, что и дворамъ сказано и они согласились, естли въ четыре мѣсяца турки не кончатъ, тогда ихъ покинуть, а намъ вольно уже и повысить кондиціи, и такъ, осьми-мѣсячной срокъ контрадикція съ четырехъ-мѣсячнымъ, а только сказать можно, что Репнинъ не зналъ условія со дворами, туркамъ помогающими. Другое дворамъ сказано, что крѣпости строить всякому на своей землѣ есть право всякаго государя, и такъ, постарайся пожалуй сіе одержать и по трактату, оно же и артикулъ Канарджійскаго, который уже турки восстановленнымъ признали.

Желаю весьма, чтобъ великіе жары и труды дороги здоровью твоему не нанесли вреда, въ теперешнее паче время, когда всякая минута требуетъ твоего труда. Adieu mon Ami, помоги тебѣ Богъ; у насъ всё ужасно какъ рады.

(Безъ числа).

Въ одинъ день, мой другъ, два праздника, да сверхъ того еще чудесныя дѣла: принятіе нашихъ кондицій союзниками, il faut qu'ils aient bien envie de finir puisqu'ils prennent pour pretexte la navigation sur la Rivière du Dnester, sur laquelle les vaisseaux marchands ne feront pas beaucoup de chemin n'ayant pas d'eaux ¹⁾). Завтра приѣду въ городъ праздновать. Прощай, другъ мой, Богъ съ тобою; объ отличившихся буду ожидать твои представленія.

(Безъ числа).

За добрыя вѣсти спасибо, мой другъ, я завтра приѣду въ городъ молебствовать со всѣми у Казанской, а обѣдать буду въ Лѣтнемъ дворцѣ. Бога молю, чтобъ миръ послѣдовалъ скорѣе за симъ.

Августа 28-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Письма твоя отъ 15-го августа до моихъ рукъ доставлены, изъ которыхъ усмотрѣла пересылки твои съ визиремъ, и что онъ словесно тебѣ сказать велѣлъ, что ему бѣда, и что ты отвѣтствовалъ, почитая все то за обманъ. Но о чемъ я всекрайно сожалѣю и что меня жестоко беспокоитъ—есть твоя болѣзнь и что ты ко мнѣ о томъ пишешь, что не въ силахъ себя чувствуешь оную выдержать. Я Бога прошу, чтобъ отъ тебя отвратилъ сію скорбь, а меня избавилъ отъ такого удара, о которомъ и думать не могу безъ крайняго огорченія. О разогнаніи турецкаго флота здѣсь узнали съ великою радостію, но у меня все твоя болѣзнь на умѣ.

Смерть принца Виртембергскаго причинила великой княгинѣ не малую печаль. Прикажи ко мнѣ писать кому почаше о себѣ. О назначеніи полномочныхъ усмотрѣла изъ твоего письма; все это хорошо, а худо то только, что ты болѣнъ; молю Бога о твоёмъ выздоровленіи. Прощай, Христосъ съ тобою.

Платонъ Александровичъ тебѣ кланяется и самъ пишетъ къ тебѣ.

Сентября 4-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Письмо твое отъ 24-го августа успокоило душу мою въ разсужденіи тебя самого, понеже увидѣла, что тебѣ есть легче, а до того я была крайне обезпокоена, но не понимаю, какъ, въ крайней слабости бывъ, можешь переѣхать изъ мѣста въ мѣсто.

Контръ-адмиралъ Ушаковъ весьма кстати Седима напугалъ; со всѣхъ мѣстъ подтверждаются вѣсти о разграбленіи Мекки арабами и что шерифа Меккского держатъ подъ карауломъ, а Меккою завладѣ-

¹⁾ Должно быть, они хотятъ скорѣе кончить, потому что взяли претекстомъ судоходство по рѣкѣ Днѣстру, по которому ни одно купеческое судно не можетъ ходить, по недостатку воды.

ли; я весьма любопытна видѣть журналъ обѣщанный. Пожалуй, напиши ко мнѣ — чрезъ кого ты послалъ къ Дюку Ришелье орденъ Св. Георгія, шпагу и мое къ нему письмо, онъ донинѣ ничего не получилъ еще.

Платонъ Александровичъ (Зубовъ) тебѣ кланяется и самъ писать будетъ къ тебѣ; онъ весьма безпокоился о твоей болѣзни, и одинъ день не зналъ, что и какъ печаль мою облегчить. Прощай, Богъ съ тобою, я здорова, у насъ донинѣ теплые и прекрасные дни.

Сентября 16-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Твои письма отъ 29-го августа и 6-го сентября мною получены; первое меня много обрадовало, ибо видѣла, что тебѣ было легче, а другое паки во мнѣ умножило безпокойство, видя, что четверо сутокъ ты имѣлъ непрерывной жаръ и боль въ головѣ; прошу Бога, да поддержишь силы твои; не сумнѣваюсь, что по дѣламъ все пойдетъ, но каково больному дѣла, я по себѣ знаю. Я, слава Богу, здорова и колики отстали вовсе, что приписываю.... и венгерскому (вину), что вы посовѣтовали употребить. Прощай, мой другъ, Христосъ съ тобою.

Платонъ Александровичъ благодарить за поклонъ и самъ къ тебѣ напишетъ.

Сентября 30-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Все крайню меня безпокоитъ твоя болѣзнь. Христа ради, ежели нужно, прими, что тебѣ облегченіе, по разсужденію докторовъ, дать можетъ, да принявъ, прошу уже и беречь себя отъ пищи и питья, лекарству противнаго. Бога прошу да возвратитъ тебѣ скорѣе силу и здоровье. Прощай, мой другъ.

Платонъ Александровичъ (Зубовъ) тебя благодарить за поклонъ и весьма тужить о твоемъ состояніи. Съ именинами тебя поздравляю и посылаю шубенку.

Октября 3-го ч.

Другъ мой сердечной, князь Григорій Александровичъ. Письма твои отъ 25-го и 27-го я сегодня, чрезъ нѣсколько часовъ, получила и признаюсь, что они крайне меня безпокоятъ, хотя вижу, что послѣднія три строки твои немного получше написаны и доктора твои увѣряютъ, что тебѣ получше. Бога молю, да возвратитъ тебѣ скорѣе здоровье.

Князь Потемкинъ — Императрицѣ.

Яссы.—Октября 4-го ч.

(Рукою Попова). Матушка все милостивѣйшая государыня. Нѣтъ силъ болѣе переносить мои мученія; одно спасеніе остается — оставить сей городъ и я велѣлъ себя вести къ Николаеву. Не знаю, что будетъ со мною. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный.

(Рукою Потемкина безсвязно и безпорядочно написано): одно спасеніе — ухъать..

КОНЕЦЪ.

КРѢПОСТНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

IV ¹⁾).

Продажа крестьянъ безъ земли.—Цѣны на крѣпостныхъ.—Переселеніе крестьянъ.—Плата за выводъ.

Крѣпостной крестьянинъ, какъ извѣстно, нерѣдко подвергался всевозможнымъ истязаніямъ, но этимъ еще не ограничивались его страданія; онъ могъ быть всегда разлученъ со своимъ семействомъ и проданъ куда нибудь на чужбину, такъ какъ помѣщики присвоили себѣ власть продавать своихъ людей не только отдѣльно отъ земли, но даже и отъ всего остальнаго семейства. Еще Петръ Великій возставалъ противъ обычая продажи людей по-одиночкѣ: въ 1721 году онъ приказалъ сенату обратить вниманіе на то, чтобы при составленіи новаго уложенія было дозволено продавать людей не иначе, какъ цѣлыми семьями ²⁾. Но въ тоже время онъ дозволилъ покупать людей для отдачи въ рекруты. Это повело въ послѣдствіи къ тому, что многіе помѣщики стали торговать своими людьми во время рекрутскихъ наборовъ.

При Екатеринѣ II продажа крѣпостныхъ отдѣльно отъ земли продолжалась: продавались на вывозъ цѣлыя деревни. Единственное ограниченіе этого права состояло въ томъ, что, въ 1766 году, было запрещено совершать купчія на крѣпостныхъ за три мѣсяца до рекрутскаго набора. Но скоро послѣ того было разрѣшено помѣщикамъ и во время наборовъ писать купчія на своихъ малолѣтнихъ людей и стариковъ. По окончаніи же набора снова можно было продавать

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., т. XVII, стр. 579—618.

²⁾ Въ 1741 г. въ Комисіи о составленіи новаго уложенія вновь разсуждали о томъ, какъ исполнить указъ Петра I, и въ составленномъ тогда проектѣ предполагали безусловно запретить продажу людей безъ земли.

и взрослыхъ съ тѣмъ только, чтобы, при поставкѣ недоимочныхъ рекрутъ, помѣщики не сдавали вновь купленныхъ. Въ 1771 году императрица именнымъ указомъ запретила, при конфискаціи имѣній и продажѣ ихъ съ аукціона, продавать людей безъ земли съ молотка¹⁾. Слѣдовательно, это постановленіе не запрещало вообще помѣщикамъ продавать людей безъ земли: оно относилось только къ продажѣ съ аукціона. Однако этотъ законъ нарушали, и продажа людей съ молотка за долги ихъ владѣльцевъ продолжалась. Въ 1784 году тамбовскій верхній земскій судъ, по вексельному иску одного купца, продалъ съ молотка крѣпостныхъ секретаря Головина, что, впрочемъ, губернской прокуроръ и сенатъ нашли противозаконнымъ. Въ послѣдствіи, однако, было разъяснено, что, если кто либо владѣлъ безземельными крестьянами, то этихъ крѣпостныхъ можно было продавать за долги, но только не употребляя молотка.

Повторяемъ еще разъ, что запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли съ аукціона (если эти крестьяне еще прежде не были безземельными) вовсе не означало, чтобы правительство вообще запретило продажу людей въ розницу. Напротивъ, къ концу царствованія Екатерины подобная торговля приняла самый позорный видъ: крѣпостныхъ буквально продавали наравнѣ со скотами, причемъ наибольшее сильное запросъ былъ на красивыхъ дѣвушекъ.

Приведемъ теперь нѣкоторые данныя относительно цѣны, по которой продавались крѣпостные. Извѣстная Дарья Салтыкова продала въ 1761 году своего человѣка безъ земли за 10 р. По мнѣнію одного депутата Коммисіи для составленія новаго уложенія, при продажѣ имѣній за долги слѣдуетъ полагать цѣну крестьянамъ мужскаго пола отъ 15—60 лѣтъ по 30 р., а за женщинъ по 10 р. съ ихъ пожитками, а земли считать на мужа съ женой по 5 десятинъ. Крапивенское дворянство въ своемъ наказѣ просить правительство продать бывшія монастырскія деревни, положи по 30 р. за каждую душу мужскаго пола. Крестьяне Шувалова были взяты въ 1763 году за долги помѣщика въ казну по 30 р. за душу, „считая кругомъ дворянскою цѣною“. Сиверсъ говоритъ: дворянскій и ассигнаціонный банки служатъ отчасти причиною возвышенія цѣнности имѣній, которая значительно возрасла въ теченіи двадцати лѣтъ. Когда онъ вступилъ въ управленіе Новгородскою губерніею, цѣна каждой души была 30 р., а въ 1774 году она поднялась до 45 и 50 р. Въ 1778 году

¹⁾ Поводомъ къ этому указу послужило намѣреніе конторы конфискаціи продать съ молотка нѣсколькихъ людей; императрица приказала всѣхъ ихъ приписать къ дворцовымъ волостямъ и дать имъ земли или паспорта, смотря по ихъ желанію, «дабы они хлѣбъ свой достать могли».

куплена въ казну деревня близъ Ладоги по 69 р. за душу. Мельгуновъ писалъ Потемкину въ 1781 году: въ Ярославской губерніи „малыя деревни покупаются очень дорого, около 100 р. душа; напротивъ же того, большія—обыкновенно, какъ и во всѣхъ мѣстахъ, не свыше 50 р. за ревизскую душу“. „Въ 1762 и 1763 годахъ цѣна деревнямъ самая извѣстная почиталась по 30 р. за душу,—сказано въ докладѣ, поданномъ императрицѣ въ 1783 г.,—такъ что многіе, отъ щедротъ В. И. В. такого воздаянія удостоенные, цѣну сію предпочли и самымъ деревнямъ. Но въ нынѣшнія времена менѣе 70 и до 100 р. (за душу) ни одна російская деревня куплена быть не можетъ, не упоминая о разныхъ мѣстахъ, гдѣ цѣна недвижимыхъ имѣній съ крестьянами и гораздо далѣе еще возвысилась“. Въ 1787 году Щербатовъ предлагалъ продать всѣ государственныя и экономическія деревни дворянамъ по 80 р. за душу. Въ Пензенской губерніи, въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, крѣпостные при продажѣ деревень цѣнились по 200 р. за мужскую душу; это объясняется тѣмъ, что здѣсь крестьяне платили большіе оброки: до 20 р. въ годъ съ души. Въ заключеніе приведемъ еще свидѣтельство Шторха: „цѣна душъ при продажѣ по-одиночкѣ весьма различна, смотря по физическимъ свойствамъ, знанію какихъ нибудь ремеслъ и т. п. ¹⁾). Въ тѣхъ-же имѣніяхъ, гдѣ крестьяне продаются съ землею и гдѣ идутъ въ счетъ старики и дѣти, здоровые и увѣчные, однимъ словомъ, всѣ находящіеся на лицо мужчины, цѣна душъ круглымъ числомъ нѣсколько опредѣленнѣе, хотя и здѣсь принимаются во вниманіе свойства почвы, положеніе имѣнія и другія обстоятельства. Государственный заемный банкъ, при приѣмѣ имѣній подъ залогъ, оцѣниваетъ každого крестьянина въ 40 р., но при продажѣ они почти никогда не цѣнятся такъ низко. Въ С.-Петербургской губерніи платятъ за каждую душу, смотря по имѣнію, отъ 200 до 300 р. Въ другихъ мѣстностяхъ государства цѣна обыкновенно гораздо ниже; но теперь (т. е. въ 1797 г.) едва ли гдѣ нибудь ниже 100 р.“.

При сильномъ развитіи торговли людьми бывали случаи и мошеннической продажи чужихъ людей за своихъ; правительство строго наказывало за это. Такъ, въ 1771 году, отставнаго капрала, дворянина Семена Воронцова, за то, что онъ продавалъ чужихъ людей и кромѣ того выдавалъ бѣглымъ отпускныя письма, императрица прика-

¹⁾ Шторхъ указываетъ, напр., на то, что, по опредѣленію правительства, съ 1786 г. взамѣнъ рекрута можно представить 360 р., слѣдовательно, въ эту сумму оцѣнивался взрослый человѣкъ мужскаго пола; женщины же цѣнились дешевле: ихъ продавали за 25 и до 50 р.

зала лишить дворянства и сослать въ каторжную работу на столько лѣтъ, сколько онъ чужихъ людей продалъ.

Нерѣдки также были случаи насильственного присвоенія себѣ свободнаго человѣка, что было весьма не трудно сдѣлать, особенно въ первую половину XVIII вѣка, послѣ первой ревизіи, когда правительство всячески преслѣдовало гулящихъ людей и заставляло ихъ записываться за кѣмъ бы то ни было въ подушный окладъ. Мы укажемъ въ послѣдствіи на нѣкоторые примѣры такого насильственного присвоенія и исканія свободы со стороны подвергшихся насилію.

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, право помѣщика на денежные и натуральныя повинности со стороны своихъ крестьянъ, право наказывать ихъ и продавать даже и безъ земли, и видѣли, какъ на дѣлѣ помѣщики пользовались своею властью. Обратимъ вниманіе еще на нѣкоторыя стороны въ отношеніяхъ помѣщика къ крѣпостнымъ. Понятно, что, имѣя право продавать крестьянъ безъ земли, помѣщики могли переселять ихъ изъ одного имѣнія въ другое. При этомъ они должны были соблюсти только одну формальность: подать въ нижній земскій судъ объявленіе о переводѣ крестьянъ, но вовсе не для того, чтобъ просить отъ него разрѣшенія, ибо, какъ сказано въ указѣ правительства, „остается оное въ единственной ихъ волѣ“. Кромѣ того, при переводѣ крестьянъ должно было внести подати за весь текущій годъ и исполнить рекрутскую повинность; съ новаго же года эти повинности считались уже по той мѣстности, куда крестьяне будутъ переселены. Помѣщики въ большихъ размѣрахъ пользовались этимъ правомъ. Такъ, на примѣръ, значительное количество крѣпостныхъ было переселено на Уралъ владѣльцами тамошнихъ заводовъ¹⁾. Очень дѣятельно производилась также колонизація юго-востока Россіи, именно Оренбургскаго края, владѣльцами, пріобрѣтшими тамъ огромное количество земли у башкирцевъ. Прежде чѣмъ переселить крестьянъ, отправляли на вновь купленную землю работниковъ (изъ тѣхъ, которые оставались на старомъ мѣстѣ), чтобы засѣять часть земли и начать постройку избъ для переселенцевъ; затѣмъ, лѣтомъ производилось самое переселеніе, иногда верстъ за 400. Нѣкоторые помѣщики продавали всѣ свои прежнія земли, а всѣхъ крестьянъ переселяли на купленные у башкирцевъ мѣста. Наконецъ и внутри Россіи владѣльцы сплошь и рядомъ переселяли крестьянъ или на

¹⁾ Въ 1763 году на Невьянскихъ заводахъ Прокофія Демидова было слѣдующее количество крѣпостныхъ крестьянъ, купленныхъ у разныхъ помѣщиковъ и переведенныхъ на заводы: изъ Нижегородскаго уѣзда 949, изъ Казанской губерніи 382, изъ Московской 149, изъ Архангельской 173, изъ Новгородской 9,—всего 1,662 человѣка.

свой заводъ,—какъ это сдѣлалъ въ Тульской губерніи Евдокимъ Демидовъ,—или въ другую вотчину. Иногда само правительство, чтобы ускорить заселеніе вновь завоеваннаго края, раздавало тамъ помѣщикамъ земли съ тѣмъ, чтобы они заселили ихъ. Въ 1781 году помѣщикамъ было дозволено на розданныя и впредь раздаваемыя имъ земли въ Азовской и Новороссійской губерніяхъ перевести и поселить до 2,000 крестьянъ.

Продавая своихъ крестьянъ порознь, помѣщики нерѣдко по своему произволу разлучали семьи,—составленіе новой крестьянской семьи также вполне отъ нихъ зависѣло. Крѣпостной крестьянинъ не могъ безъ согласія владѣльца вступить въ бракъ или выдать замужъ свою дочь. Это не было прямо опредѣлено закономъ, но было повсемѣстнымъ обычаемъ. Однако и этого было еще недостаточно для помѣщика. Онъ не только не разрѣшалъ крестьянину жениться, на комъ тотъ пожелаетъ, но еще нерѣдко принуждалъ вступать въ бракъ противъ его желанія; послѣднее было уже совершенно противозаконно, такъ какъ еще въ 1724 году Петръ Великій положительно запретилъ помѣщикамъ принуждать къ браку своихъ людей. Однако мы не встрѣтили случаевъ примѣненія этого закона въ царствованіе Екатерины II. Это, конечно, не означаетъ, чтобы такихъ принужденій не было, а показываетъ только, что крѣпостные не посмѣли и жаловаться на это; не зная, конечно, о запрещеніи, изданномъ Петромъ Великимъ, и, вѣроятно, считая неизбѣжнымъ, чтобы господинъ рѣшалъ за нихъ ихъ судьбу. Даже болѣе образованные помѣщики находили такой порядокъ вполне естественнымъ и устраивали браки своихъ крѣпостныхъ, вовсе не спрашивая о ихъ желаніи. Не только дворовые, но и крестьяне приходили за барскимъ приказомъ на комъ жениться. Помѣщикъ руководствовался въ этомъ дѣлѣ исключительно хозяйственными соображеніями. „Землевладѣльцы Россіи,—говоритъ Сиверсъ,—обыкновенно принуждаютъ къ браку молодыхъ людей и дѣлаютъ это для того, чтобы имѣть лишнюю пару, т. е. новое тягло, на которое можно еще наложить работу или оброкъ“. Едва ли можетъ быть чтонибудь возмутительнѣе насилія въ такомъ дѣлѣ, которое должно было бы исключительно зависѣть отъ свободнаго желанія обѣихъ сторонъ. Одинъ изъ лучшихъ людей того времени съ большою энергіею выражаетъ протестъ противъ этого варварскаго обычая. Вступающіе въ бракъ,—говоритъ онъ,—хотя бы и ненавидѣли другъ друга, „властью господина своего влекутся на казнь къ алтарю Отца всѣхъ благъ. И слугитель его приметъ исторгнутую властью клятву, и утвердитъ бракъ. И сіе назовется союзомъ божественнымъ!.. И неустройство сіе останется въ законѣ не наказаннымъ! Почто удивляться сему?

Благословляетъ бракъ наемникъ; подтверждаетъ его градодержатель, для охраненія законовъ опредѣленный, — дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ томъ свою пользу: первый, ради полученія мзды; другой, дабы не лишиться самому лестнаго преимущества управлять подобными себѣ самовластно“.

Если требовалось согласіе помѣщика для того, чтобы принадлежачій ему крестьянинъ могъ жениться на дѣвушкѣ той же вотчины, то понятно, что тѣмъ болѣе такое разрѣшеніе требовалось въ томъ случаѣ, если дѣвушку хотѣлъ взять въ замужство чужой крестьянинъ. Но тутъ дѣло не ограничивалось уже однимъ разрѣшеніемъ владѣльца: онъ требовалъ себѣ вознагражденія за утрачиваемую рабочую силу, онъ бралъ такъ называемыя выводныя деньги, — и правительство признавало это право и не опредѣляло высшей мѣры этого взысканія. Мы знаемъ, что въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія помѣщики брали около 20 р. выводныхъ денегъ, а въ началѣ 80-хъ годовъ по 30 и 40 р. Это право было важно для помѣщиковъ не только потому, что доставляло имъ извѣстную сумму денегъ, но еще болѣе потому, что обуздывало желаніе выйти замужъ за крестьянина другой вотчины. Оно было особенно важно для тѣхъ помѣщиковъ, которые требовали со своихъ крестьянъ тяжелой работы и истязали ихъ, такъ какъ при полной свободѣ въ отношеніи брака все молодое женское населеніе охотно перешло бы отъ дурнаго владѣльца въ другія вотчины. Но имѣлъ ли право помѣщикъ не выдать свою крѣпостную дѣвушку за чужаго крестьянина, еслибъ тотъ готовъ былъ заплатить выводныя деньги? При Петрѣ Великомъ, въ 1724 году, было постановлено, что помѣщикъ не имѣетъ право удерживать принадлежащую ему дѣвушку или вдову, если женихъ заплатитъ за нее выводъ по цѣнѣ, — обычной въ томъ мѣстѣ; но, не говоря уже про то, что, по всей вѣроятности, это узаконеніе относилось только къ женихамъ изъ солдатъ, даже при самомъ широкомъ толкованіи оно, вслѣдствіе недостаточной опредѣленности, и относительно размѣра выводныхъ денегъ, не давало крестьянамъ вполнѣ прочной гарантіи. Мы думаемъ, что оно едва-ли когда нибудь примѣнялось къ крѣпостнымъ во вторую половину XVIII вѣка и что въ подобныхъ дѣлахъ, въ силу установившагося обычая, все исключительно зависѣло отъ произвола помѣщиковъ.

Если у свободнаго человѣка, желающаго жениться на крѣпостной, не было денегъ, то иногда онъ, по ветхозавѣтному обычаю, поступалъ въ услуженіе къ владѣльцу своей жены, на извѣстное число лѣтъ, чтобы уплатить выводныя деньги своимъ личнымъ трудомъ. Это были слѣды поступленія въ кабалу, что дѣлалось такъ часто въ

XVII вѣкѣ. Такой случай былъ въ Сибири въ 1753 году: одинъ незаконнорожденный женился на крѣпостной дѣвушкѣ поручика Давыдова съ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ служить за нее 20 лѣтъ. Подушныя деньги по договору долженъ былъ платить за него Давыдовъ, а платѣ поступившій въ услуженіе долженъ былъ имѣть свое. Весьма важно слѣдующее условіе совершенной при этомъ записи: „а будущія впредь съ нею, Авдотьею, дѣти съ нимъ, Давыдовымъ,—пополамъ“, т. е. половина дѣлалась свободными, а другая оставалась крѣпостными. Такимъ образомъ и двадцатилѣтней службы было недостаточно, чтобы выкупить эту женщину вмѣстѣ со всѣми ея дѣтьми, какія родятся во время услуженія.

Требованіе выводныхъ денегъ за женщину, выдаваемую въ чужую вотчину, имѣло хоть какое нибудь основаніе: какъ вознагражденіе за тераемую рабочую силу; но нѣкоторые помѣщики сдѣлали себѣ выгодную аферу даже изъ брака своихъ собственныхъ людей и брали съ нихъ при этомъ значительныя поборы. „Многіе владѣльцы съ собственныхъ своихъ мужиковъ берутъ за своихъ же дѣвокъ выводныя деньги,—говоритъ гр. Романъ Воронцовъ,—чего небогату или одиному иногда и взять негдѣ, а на сторонѣ и больше того выводъ положенъ за дѣвокъ“. Гр. Воронцовъ находитъ, что „для общей пользы должно выдавать дѣвокъ безденежно, положе, чтобы всякій бралъ на обмѣнъ у другаго“. Онъ полагаетъ даже, что такимъ образомъ можно обуздать владѣльцевъ, слишкомъ сурово поступающихъ со своими крестьянами, такъ какъ въ ихъ вотчину никто не согласится идти по доброй волѣ. Дозволеніе свободно брать себѣ женъ, хотя бы отъ другаго владѣльца, безъ всякихъ выводныхъ денегъ, дѣйствительно смягчило бы жестокость помѣщиковъ. Но то, что предлагалъ Воронцовъ, вовсе не могло имѣть такихъ благихъ результатовъ. Онъ говоритъ о томъ, чтобы „всякій бралъ на обмѣнъ у другаго“,—и что при этомъ онъ понимаетъ слово обмѣнъ совершенно буквально, видно изъ приводимаго имъ вслѣдъ затѣмъ примѣра: „въ Копорскомъ уѣздѣ,—говоритъ онъ,—многіе владѣльцы межъ собой согласились, что одинъ у другаго дѣвокъ за крестьянъ берутъ безъ выводу, и такъ считаютъ, кто кому долженъ, а если крестьянинъ добровольно сватается, то и дѣвку отдать надлежитъ“. Значитъ тутъ, вмѣсто выводной платы, введена была система обмѣна, былъ, такъ сказать, открытъ между помѣщиками взаимный кредитъ. Гр. Воронцовъ думаетъ, что жестокіе помѣщики пострадаютъ при такой системѣ: „Онъ отдастъ дѣвку на выводъ, а къ нему никто не пойдетъ“, но если при этомъ считаютъ, „кто кому долженъ“, то что нибудь изъ двухъ: или такой помѣщикъ перестанетъ выдавать въ чужія вотчины своихъ дѣвушекъ,

не получая оттуда невѣсть своимъ крестьянамъ, или другіе владѣльцы будутъ насильно выдавать ихъ замужъ въ вотчину жестокаго помѣщика. Во всякомъ случаѣ при такой системѣ онъ не потерпитъ ни малѣйшаго ущерба.

Гораздо опредѣленнѣе высказывается по этому поводу новгородскій губернаторъ Сиверсъ. Онъ находилъ нужнымъ совершенно уничтожить выводныя деньги и предоставить крѣпостнымъ полную свободу въ дѣлѣ женитбы: „въ этомъ отношеніи Лифляндія, — говоритъ онъ, — убѣдительный примѣръ; эта свобода есть одна изъ причинъ, почему тамъ народонаселеніе такъ увеличилось съ начала русскаго господства. Законъ этотъ вышелъ было въ Лифляндіи изъ употребленія, но императрица приказала строго соблюдать его, подъ угрозою штрафа въ 50 р...“. „Я думаю, — продолжаетъ Сиверсъ, — что было бы полезно допустить бракъ безъ всякаго выкупа“. Онъ также находилъ, что эта мѣра смягчитъ суровое обращеніе помѣщиковъ со своими крѣпостными. Правительство часто обсуждало этотъ вопросъ, но всегда при этомъ происходило сильное разногласіе. Нѣкоторые предлагали опредѣлить размѣры выкупа, но невозможно было согласить различныхъ мнѣній по этому вопросу и такъ изъ этого ничего и не вышло.

Насильственная женитба своихъ крестьянъ еще не самое худшее, что дозволяли себѣ помѣщики. Распоряжаясь сердцами своихъ подданныхъ, владѣлецъ не забывалъ и себя, и вотъ мы видимъ иногда, что все женское населеніе какой нибудь вотчины расглѣвалось для удовлетворенія необузданныхъ похотей барина. Одинъ современникъ рассказываетъ слѣдующій фактъ: „въ бывшее Пугачевское возмущеніе нѣкоторые крестьяне, связавъ своего господина веди на неизбѣжную казнь. Какая была тому причина? Онъ былъ господинъ добрый и челоувѣколюбивый, но мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери: каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву безчестія ту, которую онъ того дня назначилъ. Извѣстно же въ деревнѣ было, что онъ омерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности. Но ѣхавшая команда выручила сего варвара изъ рукъ крестьянъ“. Мы можемъ не сомнѣваться въ справедливости этого факта, такъ какъ императрица Екатерина, по поводу этого мѣста, замѣтила: „Едва ли не исторія Александра Васильевича Салтыкова“. Не всегда такой помѣщикъ отдѣлывался во время Пугачевщины однимъ только страхомъ: достовѣрно извѣстно, что одинъ владѣлецъ (Скосыревъ) подвергся весьма оригинальному наказанію за то, что пользовался въ своей деревнѣ извѣстнымъ правомъ среднеувѣковыхъ бароновъ относительно дѣвушекъ (*jus primae noctis*).

V.

Какъ управлялись помѣщичьи вотчины.—Приказчики, старосты, цѣловальники.—Челобитныя крестьянъ помѣщику.

Помѣщикъ для своихъ крестьянъ былъ, по выраженію одного современника, „законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не можетъ“. Какъ помѣщики иногда творили судъ и расправу, мы видѣли изъ всего сказаннаго о наказаніяхъ крестьянъ. Но намъ необходимо еще остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ управленія помѣщичьими вотчинами.

Большинство помѣщиковъ, по крайней мѣрѣ въ первую половину царствованія Екатерины, не жили въ своихъ деревняхъ. Да оно такъ и должно было быть: съ Петра Великаго до 1762 года все дворянство было обязано служить; съ увольненіемъ его при Петрѣ III отъ обязательной службы нѣкоторые успѣшили возвратиться въ свои деревни и заняться хозяйствомъ, но привычка къ служебной дѣятельности уже такъ вкоренилась, что обрешихъ себя на жизнь въ деревнѣ было сравнительно немного. Весьма важнымъ факторомъ въ измѣненіи такого порядка вещей было изданіе Учрежденія о губерніяхъ. Со введеніемъ новыхъ мѣстныхъ учреждений, гдѣ многія должности замѣщались по выбору землевладѣльцевъ, начался отливъ дворянства изъ военной службы и столичныхъ и губернскихъ центровъ въ уѣздныя заголустья. Въ провинціи началась своя жизнь. Дворяне, которые еще при созваніи Комисіи новаго уложенія должны были избрать своего предводителя, имѣли теперь въ лицѣ его постоянного представителя своего сословія. Выборы предводителей и различныхъ выборныхъ чиновниковъ заставляли сѣзжаться въ городъ, знакомиться между собою. Заголустья оживлялись, но всетаки оживлялись весьма медленно, и только въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія дѣлается замѣтнѣе нѣкоторое движеніе въ отдаленныхъ углахъ Россіи. До этого времени, повторяемъ, большинство помѣщиковъ жило въ столицахъ и губернскихъ городахъ. Нерѣдко помѣщики не назначали въ деревни, въ которыхъ они не жили сами, никакого управителя, оставивъ все хозяйство на попеченіе бурмистра или старосты, а въ экстренныхъ случаяхъ обращались за помощью къ какому нибудь поселившемуся въ деревнѣ сосѣду. Но если крестьяне состояли на барщинѣ, то иногда въ деревню посылался управитель.

Во главѣ управленія всѣми вотчинами богатаго помѣщика стояла его домовая канцелярія, которая разсылала указы къ мѣстнымъ

вотчиннымъ властямъ. Въ числѣ этихъ властей мы находимъ управителя, прикащика, бухгалтера, бурмистровъ и, кромѣ того, старость, выборныхъ и цѣловальниковъ. Первые четыре должности несомнѣнно замѣщались по назначенію самого помѣщика, староста, вѣроятно, назначался помѣщикомъ, а цѣловальникъ выбирался миромъ ¹⁾. Нерѣдко управителемъ или прикащикомъ помѣщикъ назначалъ своего крѣпостнаго, точно также какъ на Уралѣ въ руки грамотныхъ крѣпостныхъ передавались цѣлые заводы. Владѣльцы не опасались довѣрять своимъ крѣпостнымъ управленія большими имѣніями или заводами; напротивъ, они могли быть въ этомъ случаѣ гораздо спокойнѣе, чѣмъ назначивъ управляющимъ независимаго отъ нихъ чело-вѣка. Это совершенно понятно: крѣпостной находился вполнѣ въ рукахъ своего господина и, въ случаѣ нечестности или нерадивости, его можно было подвергнуть самымъ тяжелымъ карамъ.

На Уралѣ заводовладѣльцы любили назначать прикащиками раскольниковъ, такъ какъ они отличались трезвостью и распорядительностью. Такой прикащикъ за жалованье отъ 40 до 100 руб. и еще кое какія хозяйственныя выгоды наблюдалъ за обширнымъ заводомъ съ нѣсколькими тысячами крѣпостныхъ и вольнонаемныхъ рабочихъ, завѣдывалъ конторою со сложнымъ счетоводствомъ, велъ процессы о спорныхъ земляхъ съ сосѣдними землевладѣльцами, давалъ отчеты горному вѣдомству, заботился о дешевомъ подвозѣ припасовъ. Словомъ, съ такимъ управляющимъ владѣлецъ жилъ какъ у Христа за пазухой и могъ спокойно тратить въ столицахъ получаемые имъ доходы.

Однако нѣкоторые владѣльцы заводовъ бдительнымъ окомъ смотрѣли за своими прикащиками и подвергали ихъ за всякую провинность жестокимъ наказаніямъ. Въ этомъ отношеніи весьма характерно письмо Никиты Демидова. Недовольный распоряженіями прикащиковъ на своихъ Уральскихъ заводахъ, онъ писалъ въ 1788 году къ одному изъ нихъ: „проснись, отчаянный двуголовый архибестія... явный клятвопреступникъ и ослушникъ смѣлоотчаянный Кыштымскій Блиновъ! Ребра въ тебѣ, ей-же-ей божусь, не оставлю... и хотя-бъ десять головъ на плечахъ было у смѣлоотчаяннаго севернавца Бли-

¹⁾ Что старосту назначалъ помѣщикъ, видно изъ слѣдующаго случая. Когда крестьяне Псковской губ., купленные помѣщиками Кожинными у гр. Апраксина, стали волноваться, они «выбраннаго Кожинными старосту презрѣли, а избрали своего прежняго». Что же касается цѣловальника, то въ инструкціи Румянцева онъ прямо названъ «выборнымъ». Въ началѣ XVIII в. мы также встречаемъ въ нѣкоторыхъ вотчинахъ выбраннаго крестьянами цѣловальника, который, въ отсутствіи помѣщика, завѣдывалъ всѣмъ домомъ и деньгами.

ненка, то истинно за всѣ такія вышеописанныя дурности и ослушности всѣ головы твои послوماю и какъ рака раздавлю и вѣчно въ навозъ какъ каналью ввергну.... Ей.... супе нерадивый господскому добру и явный ослушникъ и неѣздою по куренямъ въ скорости клят-вопреступникъ, смѣлоотчаянный хищникъ Блиненкоъ. Уняться отъ всѣхъ вышеописанныхъ дурностей, а то вѣчно будешь зѣло и зѣло раскаяваться, да не воротись, ибо уже поздно совѣмъ будетъ и никакого мѣста къ прощенію въ сердцѣ моемъ тогда уже не останется, ибо вышелъ я почти изо всякаго терпѣнія отъ тебя“. Затѣмъ слѣдуетъ такое же наставленіе другому прикащику за его „преступныя двуголовныя ослушности похищеніемъ руды, угля и за прочее“. — „Неслыханную коросту ослушности и дурности, — продолжаетъ Демидовъ, — вскорѣ вамъ, архибестіямъ, перевестъ и быть вамъ.... точно и переточно во всемъ какъ.... непорочная совѣсть съ похвалою быть повѣлываетъ“. — „Цыцъ и перецыцъ, яко бы нельзя умножить выдѣлы и передѣлы ... а чтобъ по куренямъ и всюду нельзя.... еженедѣльно вамъ якобы ѣздить, то цыцъ и перецыцъ, не токмо думать, но и мыслить вамъ сего, архибестіямъ, страшиться, ибо ничего, хотя бабку свою пойте, въ резонъ нимаю не приму“. — Да не подумаютъ читатели, что хозяйскій гнѣвъ разрѣшался только крѣпкими словцами въ родѣ слѣдующихъ: „бестіянцы двуголовны“, „ночныя хищныя волки“, „какъ лягушекъ васъ раздавлю“ и т. д., — нѣтъ, этимъ дѣло вовсе не ограничивается, какъ видно изъ того же письма. Дѣтей одного прикащика держать въ цѣпяхъ, другаго самого Демидовъ приказываетъ „плетями добре высѣчь“, а конторщика велитъ наказать плетями „въ проводку по фабрикамъ“. Впредь Демидовъ грозилъ еще болѣе тяжелыми наказаніями и денежными штрафами. „По всему видно, — писалъ онъ, — Богъ зачалъ васъ, архибестіевъ, карать“. Тутъ господинъ является въ грозномъ всеоружіи плетей, палокъ и штрафовъ. Это какъ будто какая-то высшая сила, карающая злыхъ и милующая добрыхъ. Если сравнить это письмо съ нѣкоторыми произведеніями сатирическихъ журналовъ екатерининскаго времени, напримѣръ, съ письмомъ господина къ своему прикащику въ Новиковскомъ „Трутнѣ“, то мы увидимъ, что сатира далеко оставалась позади жизни. Сопоставивъ это посланіе съ „журналомъ домоваго управленія“ и съ письмомъ помѣщика Бѣлавина, въ которомъ онъ выражаетъ желаніе разорить своихъ крестьянъ, мы получимъ понятіе объ обширной крѣпостнической литературѣ второй половины XVIII вѣка изъ которой пока намъ извѣстны лишь небольшіе отрывки и полное ознакомленіе съ которою представитъ намъ тогдашнюю Россію въ болѣе вѣрномъ свѣтѣ, чѣмъ оды пѣвца Фелицы.

Впрочемъ, на ряду съ помѣщиками въ родѣ Салтыковой, Карташева, автора „журнала домашнего управленія“ и т. п., были люди, по вимому, желавшіе добра своимъ крѣпостнымъ. Такія добрыя намѣренія обнаруживаетъ, напримѣръ, гр. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ въ письмѣ къ своему главному пермскому управителю. „Во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ и расположеніяхъ,—писалъ онъ ему въ 1786 году,—помни, что ты сердцу моему ни спокойствія, ниже удовольствія сладкаго принести не можешь, когда, хотя бы до милліоновъ распространилъ мои доходы, но судьбу бы челоуѣчества черезъ то могъ отягчить; и въ такомъ случаѣ позволяю тебѣ предпочесть моимъ выгодамъ выгоды тѣхъ людей, коимъ я долженъ и хочу быть болѣе отцомъ нежели господиномъ“. Все это, конечно, прекрасно, но написать эти хорошія слова гораздо легче, чѣмъ услѣдить, живя въ столицѣ, за послѣдовательнымъ исполненіемъ этихъ предписаній гдѣ-нибудь на Уралѣ. Къ тому же, наставленія Строганова были слишкомъ общи и неопредѣленны и оставляли весьма широкій просторъ произволу его управителя. Говоря, напримѣръ, о судѣ надъ людьми, порученными вѣденію этого пермскаго управителя, Строгановъ замѣчаетъ: „излишняя потачка превращаетъ челоуѣколюбіе въ слабость, влекущую за собою безпорядокъ, а излишняя строгость есть безразсудное, а иногда и злобное тиранство; ничего нѣтъ слѣпѣе какъ первое и ничего подлѣе и скотообразнѣе послѣдняго“. Управителю предоставлялось свободно балансировать между слабостью и тиранствомъ, слѣпотой и скотообразностью.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что если Салтычихи, Карташевы и т. п. помѣщики составляли меньшинство, то тѣмъ болѣе ничтожнымъ меньшинствомъ были люди, проникнутые гуманными воззрѣніями, да къ тому же мы не видимъ, чтобы эти гуманные люди дѣйствительно сдѣлали что либо для осуществленія своихъ добрыхъ намѣреній. Большинство помѣщиковъ составляло средину между тою и другою крайностью: они не доходили въ отношеніи къ своимъ крѣпостнымъ до тѣхъ безчелоуѣчныхъ истязаній, какія позволяла себѣ Салтычиха, но въ то же время не задумывались жестоко наказывать крестьянина за самую ничтожную провинность. Возвратимся однако къ вопросу о томъ, какъ управлялись помѣщичьи вотчины.

Управители, прикащики, бухгалтеры получали опредѣленное годовое жалованье; кромѣ того, имъ давали разные припасы натурою и позволяли содержать на счетъ помѣщика опредѣленное количество скота. Само собою разумѣется, что управители рѣдко довольствовались опредѣленнымъ жалованьемъ и вынуждали у крестьянъ взятки. Такъ, напримѣръ, крестьяне генеральши Толстой жаловались импера-

трицѣ, что управитель, прїѣзжая къ нимъ по нѣскольку разъ въ годъ, бралъ каждый разъ по 30 и 40 руб., а если они не давали, то брилъ имъ бороды и волосы на головѣ; всего въ десять лѣтъ онъ взыскалъ съ нихъ въ свою пользу 2,000 руб.

Объ обязанностяхъ старостъ и выборныхъ мы находимъ обстоятельныя свѣдѣнія въ одномъ неизданномъ описаніи Нерехотскаго уѣзда Костромской губерніи ¹⁾, которыми мы и воспользуемся. Если деревня состоитъ на барщинѣ, то староста или выборный наряжаетъ крестьянъ на работы и смотритъ, чтобы они исправно исполняли какъ полевую работу, такъ и возку дровъ, починку строеній, копаніе огородовъ, молотбу и т. п. Обо всемъ этомъ староста доноситъ помѣщику, если тотъ живетъ въ той же вотчинѣ, въ противномъ случаѣ сообщаетъ ему обо всемъ письменно. Въ отсутствіи же помѣщика, а также и въ оброчныхъ имѣніяхъ, „выборные и старосты наблюдаютъ слѣдующее: „смотря за земледѣльцами, чтобы они жили добропорядочно и не были-бъ праздношатающіеся и пьяницы, буде таковыхъ примѣтять или въ другихъ порокахъ кого замѣтять, то въ такомъ случаѣ собираютъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ (т. е. всѣхъ крестьянъ) на совѣтъ, что у нихъ называется сходомъ, и, объявля имъ объ ономъ, съ совѣту, а иногда и съ согласія ихъ, наказываютъ такихъ, смотря по винѣ; а за важныя преступленія по законамъ преступники отдаются къ сужденію въ узаконенные на то суды. Они разбираютъ ссоры и несогласія между своими подчиненными и дѣлаютъ распоряженія въ разсужденіи раздѣловъ земель какъ полевыхъ, такъ равно и усадебныхъ, а также и сѣнныхъ покосовъ. Смотрятъ также, чтобы имѣли осторожность отъ огня и не сушили-бъ овинновъ, когда вѣтеръ бываетъ отъ овинновъ на селеніе; также чтобы поселяне съ лучинами зажженными по дворамъ не ходили, а имѣли бы для сего фонари со свѣчами. Всякій земледѣлецъ обязанъ, подъ наказаніемъ тѣлеснымъ, отъ дому своего не отлучаться безъ дозволенія выборнаго или старосты, и доколѣ оный его не уволить, то онъ не долженъ безъ вѣдома ни на одну версту отъ дому отлучаться, кромѣ какъ только для полевой работы или для возки дровъ и прочихъ работъ. Большое-жъ они должны имѣть стараніе о собраніи возложенныхъ на поселянъ государственныхъ податей, кои, въ сроки положенные собирая, отвозятъ въ уѣздное казначейство. Буде-жъ кои изъ ихъ подчиненныхъ платятъ не въ состояніи, то за таковыхъ они платятъ всѣ вообще, а нерадивыхъ и лѣнивыхъ наказываютъ съ общаго совѣта, а при томъ

¹⁾ Оно составлено было двумя мѣстными помѣщиками въ 1805 г.; очевидно, что сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія объ управленіи помѣщичьими имѣніями вполне прилагаются и къ концу XVIII вѣка.

и деньги неотмѣнно взыскиваютъ, равно-жъ и господскіе оброки собираютъ и сами или чрезъ посланныхъ къ помѣщикамъ оные доставляютъ“. Такимъ образомъ въ отсутствіи помѣщиковъ на старостахъ и выборныхъ лежали административно-полицейскія обязанности, судебныя же обязанности они несли вмѣстѣ съ міромъ. Бурмистры, какъ видно, назначались только въ большихъ вотчинахъ богатыхъ владѣльцевъ. Объ этомъ говорятъ и авторы описанія Нерехотскаго уѣзда. Они добавляють, еще что въ помощь бурмистрамъ назначались двое или четверо крестьянъ, по совѣту съ которыми они и управляютъ вотчиною, не собирая уже сходовъ, кромѣ самыхъ важныхъ дѣлъ. Такіе бурмистры получали отъ помѣщиковъ подробныя инструкціи объ управленіи вотчиною. Трудно сказать, было ли такое устраненіе сходовъ только мѣстнымъ явленіемъ или оно существовало и въ другихъ богатыхъ вотчинахъ. Но и здѣсь для нѣкоторыхъ дѣлъ, какъ, на примѣръ, передѣла земли, несомнѣнно должны были собираться сходы.

Мы уже упоминали, что, кромѣ бурмистровъ и старость, были еще цѣловальники, выбравшіеся крестьянскимъ міромъ для храненія денежной казны помѣщика. Нѣкоторыя подробности объ обязанностяхъ, связанныхъ съ этою должностію, мы узнаемъ изъ особой инструкціи, составленной для цѣловальника Румянцевымъ. Онъ долженъ былъ принимать и выдавать на расходы деньги не иначе, какъ по письменнымъ приказамъ вотчинной конторы. Принимая деньги, цѣловальникъ выдавалъ росписку и записывалъ въ приходную книгу; выдавая какую либо сумму, онъ записывалъ ее въ расходную книгу, въ которой получающій долженъ былъ расписаться. Деньги хранились въ мѣшкахъ; къ каждому изъ нихъ была привѣшена восковая печать цѣловальника, а къ сундуку, гдѣ хранились эти мѣшки, приложена печать отъ „домовыхъ дѣлъ“. Цѣловальникъ не долженъ былъ вынимать денегъ одинъ, безъ управителя или старосты и выборнаго, но въ то же время изъ мѣшковъ онъ долженъ былъ всегда самъ доставать деньги. Въ заключеніе инструкціи Румянцевъ говоритъ: „а тѣхъ нашихъ денегъ бываетъ въ сборѣ не мало и тебѣ себя содержать надлежитъ въ трезвости, и отъ всѣхъ крестьянскихъ обществъ или пьянствъ отвращаться, ибо если что прочтешь (т. е. просчитаешь) или пренебрежешь, не только вдвое возвратить должно будетъ (sic), а если отважишься изъ того что похитить, то всего имѣнія своего лишешься и подъ жестокимъ наказаніемъ въ какую либо работу вѣчно употребленъ будешь“. Въ началѣ же этой инструкціи сказано, что, въ случаѣ растраты, сдѣланной цѣловальникомъ, деньги будутъ взысканы съ міру. Вѣроятно, это дѣлалось въ случаѣ его несостоятельности.

Для веденія письменной части въ имѣніи Румянцева были земскіе: одинъ записывалъ на винокуренномъ заводѣ приходъ и расходъ хлѣба, другой въ избѣ „вотчиннаго правленія“ хранилъ по описи всѣ письменныя дѣла, вновь полученные указы и черновыя отписки отъ нихъ; третій велъ дѣловую переписку. Если земскіе замѣчали какой нибудь безпорядокъ, они должны были заявить о томъ управителю, а если онъ не обратитъ вниманія на ихъ слова, то подробно донести самому господину¹⁾. Такимъ образомъ у богатыхъ помѣщиковъ все управленіе было основано на правильномъ письмоводствѣ; аккуратно записывались не только входящія и исходящія бумаги и денежные счета, но даже и тѣ наказанія, которымъ подвергались провинившіеся крѣпостные.

Если крестьяне желали обратиться съ просьбою къ своему помѣщику, то также отправляли къ нему письменную челобитную. Для образца приведемъ отрывки изъ челобитной крестьянъ генераль-аншефа Леонтьева, Московскаго уѣзда. Прошеніе начинается такимъ образомъ: „Государю нашему Николаю Михайловичу. Вьютъ челомъ и плачутся подмосковной вашей, государь, вотчины, Загарской волости разныхъ деревень крестьяне со общаго всего мірскаго согласія приговоромъ“. Далѣе они говорятъ, что не могутъ внести немедленно требуемой отъ нихъ второй половины оброка: „въ прошломъ 766 г. къ нынѣшнему 1767 году,—пишутъ крестьяне,—нами, государь, сиротами вашими, хотя и былъ насѣянный всякій хлѣбъ, токмо по власти Божіей весьма родился худъ, и затѣмъ за недородомъ для нашего съ нашими домишками сиротами пропитанія уже продаемъ имѣющихся собственныхъ нашихъ лошадей и прочаго скота, у кого имѣется, а другіе крестьяне безъ всякаго пропитанія находятся и страдаютъ съ женами и дѣтьми ихъ“. Затѣмъ, упомянувъ о разныхъ повинностяхъ, ими исполненныхъ, и собранныхъ съ нихъ припасахъ, крестьяне такъ оканчиваютъ свое прошеніе: „и того ради, государь нашъ, къ вашему превосходительству и прибѣгнули подъ кровъ и защищеніе слезно просить: не соблаговолено-ль будетъ насъ сиротъ вашихъ отъ вышеписаннаго оброка второй половины нынѣ отъ платежа, за всекрайнимъ нашимъ убожествомъ и ниществомъ, защитить и соблаговолить приказать дать намъ сиротамъ срокъ до предбудущаго 1768 года или какъ ваше превосходительство соизволите, чтобъ мы уже отъ того въ конецъ не разорились... да и отъ прочихъ отягоще-

¹⁾ Жалованье они получали не отъ помѣщика или, какъ онъ самъ выражается, «изъ казенныхъ денегъ», а на мірской счетъ. Провіантъ же имъ шелъ изъ господскихъ амбаровъ.

нѣвъ... оборонить; и о томъ, государь нашъ, обо всемъ надъ нами сиротами смилуйся. и учини милостивый указъ“.

VI.

Обязанность помѣщиковъ заботиться о прокормленіи крестьянъ.—Крестьянское землевладѣніе.

Намъ приходилось до сихъ поръ говорить только о правахъ помѣщика, относительно своихъ крѣпостныхъ. Является вопросъ: имѣли они по отношенію къ нимъ какія нибудь обязанности? Помѣщики были отвѣтственны передъ правительствомъ за аккуратный взносъ подушныхъ податей. Можно было бы подумать, что они вносили эти подати изъ своихъ доходовъ, но, какъ мы увидимъ ниже, крестьяне всегда сами раскладывали между собою и собирали подушныя. Единственною обязанностью, возложенною правительствомъ на помѣщиковъ, была забота о прокормленіи своихъ крестьянъ въ голодные годы; но помѣщики и это не всегда исполняли. Еще Петръ Великій предписалъ, чтобы всѣ владѣльцы кормили своихъ немущихъ людей и крестьянъ. Въ 1761 году было вновь подтверждено, чтобы они имѣли для своихъ крѣпостныхъ годовой запасъ хлѣба, а иначе, въ случаѣ неурожая, имъ придется покупать для крестьянъ хлѣбъ, хотя бы по самой дорогой цѣнѣ. Но помѣщики иногда прямо заявляли, что не въ состояніи прокормить своихъ людей: такъ сдѣлали въ 60-хъ годахъ Можайскіе дворяне по случаю трехъ-лѣтняго неурожая хлѣба. Въ 1772 году правительство подтвердило, чтобы помѣщики не допускали своихъ крѣпостныхъ просить милостыню, грозя, въ противномъ случаѣ, кромѣ штрафа по указу 1718 года (по 5 р. за cadaго человека), строгимъ наказаніемъ. Однако нѣкоторые помѣщики не только продолжали не исполнять этого требованія, но даже избрѣли средство сбывать съ своихъ рукъ стариковъ и калѣвъ: передъ новою ревизіею 1782 года они стали отпускать ихъ на волю, удерживая однако за собою ихъ семейства. Сенатъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе объ этомъ „противномъ не только законамъ, но и самому чело-вѣколюбію нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ владѣльцевъ поступкѣ“, однако-же не наказалъ виновныхъ, а только грозилъ принять „пристойныя мѣры“. Такъ какъ онъ тратилъ только по пустому слова, гдѣ нужно было власть употребить, то понятно, что передъ слѣдующею, пятою ревизіею вновь стали повторяться подобные случаи. Въ Нижегородской губерніи одинъ помѣщикъ отпустилъ на волю своего двороваго чело-вѣка, которому было 68 лѣтъ; во Владимірской губерніи былъ отпущенъ дворовый 61 года и его жена 59 лѣтъ, которые

прямо заявили, что уволены не по своему желанію, а потому, что „работать уже не въ силахъ и никакой прибыли помѣщицѣ принести не могутъ“. Въ Костромской губерніи былъ отпущенъ 65-лѣтній дворовый. Узнавъ обо всѣхъ этихъ случаяхъ, сенатъ, въ 1796 году, приказалъ возвратитъ стариковъ помѣщикамъ и записать за ними по новой ревизіи съ тѣмъ, чтобы владѣльцы кормили и содержали ихъ до самой смерти.

И такъ, право крестьянъ на прокормленіе въ голодные годы у нѣкоторыхъ помѣщиковъ не имѣло никакого значенія. Неужели же крѣпостные крестьяне были совершенно безправны предъ лицомъ своего господина? Для земледѣльческаго класса всего важнѣе право на неотъемлемое пользованіе землею. Но крѣпостные крестьяне вовсе не имѣли его, и помѣщикъ всегда могъ по своему усмотрѣнію лишитъ крестьянина земли. Императрица Екатерина сознавала необходимость дать крестьянамъ нѣкоторыя права собственности и, по ея предложенію, Вольно-экономическое общество задало на премію вопросъ: „что полезнѣе для общества, чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственность землю или только движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простирались должны?“ Въ лучшемъ изъ русскихъ отвѣтныхъ сочиненій на этотъ вопросъ авторъ его, Полѣновъ, высказываетъ мысль, что крестьянинъ долженъ пользоваться достаточнымъ участкомъ земли, котораго онъ могъ бы лишиться не иначе, какъ только по суду, но котораго и онъ, въ свою очередь, не могъ бы продать, закладывать или раздѣлять между дѣтьми, а долженъ передать одному сыну ¹⁾). Однако не только при Екатеринѣ II, но даже до появленія перваго изданія Свода законовъ не было постановленія, которое обязывало бы помѣщика давать крестьянину участокъ земли, достаточный для его прокормленія. А между тѣмъ, вотъ что дѣлали нѣкоторые помѣщики. Одинъ владѣлецъ отнял у крестьянъ всю землю, скупилъ весь скотъ по цѣнѣ, назначенной имъ самимъ, заставлялъ работать всю недѣлю на себя, а чтобъ они не умирали съ голоду, кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ и то по одному разу въ день, а инымъ давалъ и мѣсячину. Иногда помѣщики отнимали у крестьянъ не всю землю, а только часть ея. Крестьяне Леонтьева жаловались, что ихъ господинъ отнял у нихъ въ разныхъ деревняхъ 40 десятинъ хорошей пахатной земли, которую они называютъ въ челобитной „своею собственною“, и 150 десятинъ сѣнныхъ покосовъ. Сами помѣщики свидѣтельствуютъ, что у крестьянъ

¹⁾ При этомъ Полѣновъ совершенно не обратилъ вниманія на существованіе у насъ общиннаго землевладѣнія.

янь было иногда крайне мало земли. Крапивенскіе дворяне говорятъ въ своемъ Наказѣ, что у многихъ помѣщиковъ на крестьянскій дворъ приходится менѣе десятины земли, а сѣнныхъ покосовъ и лѣсу многіе совсѣмъ не имѣютъ; „отчего тѣ крестьяне,—сказано въ Наказѣ,—жить въ самой бѣдности“.

Но лишеніе крестьянъ земли было всетаки рѣдкимъ исключеніемъ. По свидѣтельству одного современника, прекрасно знавшаго Россію, всей земли приходилось на тягло, при трехпольной системѣ хозяйства, отъ трехъ до девяти десятинъ. Въ большей части Великороссіи, хотя и не повсемѣстно, въ это время существовало общинное землевладѣніе; передѣлы земли производились весьма часто, обыкновенно ежегодно. Крестьяне сами распредѣляли между собою всю землю, находившуюся въ ихъ пользованіи. Они обыкновенно дѣлили ее не на столько паевъ, сколько было тяголъ въ деревнѣ, а на нѣсколько большее количество. Хотя величина пая измѣнялась, смотря по большому или меньшему изобилію земли, но, по свидѣтельству современниковъ, можно въ среднемъ принять, что въ каждомъ паѣ было отъ одной до двухъ десятинъ въ полѣ. Сначала распредѣлялось столько паевъ, сколько было тяголъ, а затѣмъ излишекъ, по взаимному соглашенію или по жребію, распредѣляли между собою тѣ, у кого были многочисленныя семьи или кто былъ побогаче. Такимъ образомъ выходило, что владѣвшіе однимъ паемъ имѣли отъ трехъ до шести десятинъ, а у взявшаго полтора пая это количество могло дойти до девяти десятинъ на тягло.

Таковъ былъ обычный порядокъ; но, конечно, въ разныхъ мѣстностяхъ встрѣчаются нѣкоторыя отступленія отъ него. Въ виду громадной важности этого вопроса, приведемъ нѣкоторыя подробности о поземельномъ раздѣлахъ въ Нерехотскомъ уѣздѣ (Костромской губ.) изъ неизданнаго его описанія, о которомъ мы уже упоминали. Крестьяне раздѣляли тамъ землю такимъ образомъ: „разбираютъ ее напередъ по добротѣ ея, гдѣ какая земля и какой доброты, и, опредѣляя симъ мѣстамъ извѣстныя предѣлы, размежевываютъ ее на толикое число участковъ, сколько въ селеніи находится тяголъ, т. е. семействъ“ (въ этомъ отступленіе отъ описаннаго выше порядка), „полагая на каждого мужа съ женой по участку, и такъ мечутъ жеребій. Которому же изъ нихъ придется взять землю отъ селенія на стравлѣ ¹⁾, то по сей причинѣ дѣлаютъ награду, примежевывая нѣсколько излишней земли въ сію полосу, и тому, который изъ нихъ получить сію полосу земли, тому въ другомъ участкѣ достается уже быть

¹⁾ Т. е. въ такомъ мѣстѣ, гдѣ скоть легко можетъ стравить посѣвъ.

самому дальнему и отъ потравы и прочаго свободному. И такъ поступаютъ со всѣми участками, сколько бы ихъ ни случилось во всемъ полѣ. И часто случается, что, землю по добротѣ своей отдѣляя хорошую отъ средней, а сію отъ худой, разбивается на десять и болѣе участковъ въ одномъ полѣ, и во всякомъ участкѣ каждый имѣетъ свою полоску. Также поступаютъ и съ прочими двумя полями“. „Надобно отдать земледѣльцамъ справедливость“, говоритъ авторъ описанія Нерехотскаго уѣзда, „что они, какъ разбирать свойства худыхъ и добрыхъ полей, а равно и въ разсужденіи раздѣленія — великіе знатоки, и таеъ, что можно сказать ни мало не ошибутся ни въ чемъ“.

Тамъ, гдѣ существовало общинное землевладѣніе, крестьяне всегда сами дѣлали эту раскладку по общему мірскому приговору. Помѣщикъ, хотя и признавался полноправнымъ владѣльцемъ этой земли, не вмѣшивался въ ея распредѣленіе, которое производилось міромъ. Понятно поэтому, что у крѣпостныхъ крестьянъ мы нерѣдко находимъ упоминаніе о мірскомъ сходѣ, о мірскихъ приговорахъ. Любопытно, что, даже повышая оброкъ, помѣщикъ находилъ иногда нужнымъ переговорить съ мірскимъ сходомъ и случалось, встрѣчалъ въ немъ рѣшительное сопротивленіе. Такъ было съ помѣщицею Толстою, когда она хотѣла назначить по тридцати рублей оброку съ осмака.

Помѣщикъ могъ отнять у крестьянъ всю землю или часть ея, но если только оставалось что дѣлить, крестьяне производили между собою раздѣлъ всѣмъ міромъ по взаимному соглашенію, независимо отъ помѣщика. Владѣлецъ могъ имѣть только косвенное вліяніе на поземельный раздѣлъ. Для этого у него были въ рукахъ слѣдующія средства: 1) онъ могъ уменьшить или увеличить общее количество земли, принадлежащее извѣстнымъ общинамъ, 2) онъ могъ измѣнить количество тяголъ, снявъ тягло съ нѣкоторыхъ стариковъ или наложивъ новыя тягла на холостую молодежь: законъ не опредѣлялъ ни съ какихъ лѣтъ должно было налагать тягло, ни когда его слѣдовало снимать; наконецъ 3) когда помѣщикъ бралъ въ себѣ во дворъ какого нибудь крестьянина и, слѣдовательно, лишалъ его земельного участка, эта земля, безъ сомнѣнія, поступала въ раздѣлъ между другими его крестьянами.

Распредѣленіе податей и помѣщичьяго оброка было тѣсно связано съ поземельнымъ раздѣломъ: это были только двѣ стороны одного и того же процесса, такъ какъ отъ величины земельного участка зависѣло и количество денежныхъ платежей владѣвшаго имъ крестьянина. Нужно замѣтить, что подушныя подати никогда не смѣши-

ваются съ оброкомъ, т. е. не помѣщикъ платитъ подати изъ собраннаго оброка, а крестьяне собираютъ ихъ особо, сверхъ поборовъ отъ помѣщика, и сами уплачиваютъ за себя подати, хотя помѣщикъ и считался отвѣтственнымъ предъ правительствомъ за ихъ исправный взносъ. Помѣщики, съ своей стороны, мало заботились о томъ, чтобы ихъ крестьяне имѣли возможность аккуратно вносить подати. Несмотря на тяжесть оброка, помѣщикъ принуждалъ вносить его аккуратно въ извѣстные сроки, между тѣмъ какъ въ государственныхъ податяхъ накапливались недоимки за нѣсколько лѣтъ. Это вполне оправдываетъ мѣру, принятую правительствомъ относительно помѣщиковъ, по винѣ которыхъ на крестьянахъ накапливались недоимки. Оно предписывало секвестровать эти имѣнія, если деньги не будутъ внесены въ извѣстный срокъ, и, обложивъ крестьянъ оброкомъ, обращать его на уплату податей, а излишекъ зачитать въ погашеніе недоимки. Вѣроятно, дворовые, отпущенные на оброкъ, также какъ и крестьяне, сами уплачивали за себя подати. За тѣхъ же, которые состояли въ услуженіи у помѣщика, онъ долженъ былъ самъ платить. Повидимому, это могло бы заставлять владѣльцевъ не увеличивать чрезмѣрно своей дворни; но такъ какъ крѣпостные крестьяне платили въ казну только по 70 в. съ души, то уплата этой ничтожной суммы и не могла обуздывать богатыхъ баръ въ ихъ стремленіи блистать громадною челядью.

VII.

Могли-ли крестьяне жаловаться на помѣщика.—Подача челобитныхъ императрицѣ и наказаніе за это челобитчиковъ.—Права крѣпостныхъ, какъ членовъ государства.—Вольноотпущенные.

Мы познакомились съ различными злоупотребленіями, которыя совершали помѣщики; посмотримъ теперь, могли-ли крестьяне жаловаться на своего господина? Уложеніе прямо запрещаетъ принимать извѣты людей и крестьянъ на владѣльца, кромѣ великихъ дѣлъ о государевомъ здоровьѣ и объ измѣнѣ¹⁾. Чтобы убѣдиться примѣнялся ли этотъ законъ въ царствованіе Екатерины въ томъ случаѣ, когда крестьяне подавали не доносъ на своего господина, а жаловались только на жестокое съ ними обращеніе или тяжесть поборовъ, рассмотримъ тѣ случаи, когда крестьяне обращались съ жалобой на своего помѣщика къ самой императрицѣ. Изъ дѣла о Салтыковой видно, что въ царствованіи Елисаветы и Петра III челобитныя ея людей обычно-

¹⁾ Да еще одного случая: «когда кто у себя въ дому учнетъ дѣлать беззаконіе съ рабою».

венно принимались въ надлежащей инстанціи, но, вслѣдствіе вынужденныхъ ложныхъ показаній другихъ людей, жалоба признавалась ложною и челобитчика по наказаніи отправляли въ ссылку или возвращали помѣщикамъ. Такимъ образомъ здѣсь всетаки признавалось право крѣпостныхъ подавать челобитныя на своихъ господъ, хотя это имъ и не приносило никакой пользы, благодаря взяткамъ, щедро раздаваемымъ помѣщиками. Крестьяне видѣли только одинъ выходъ изъ этого положенія: выбрать изъ своей среды ходока и послать его въ Петербургъ, чтобы подать челобитную въ руки самого царя или царицы. Но цѣлымъ рядомъ указовъ Петра Великаго, Екатерины Первой, Анны Ивановны и Елисаветы Петровны было предписано бить челомъ въ надлежащихъ учрежденіяхъ, а на неправое рѣшеніе коллегій и канцелярій—въ сенатѣ. Подавать же челобитную самому государю было строго запрещено. Однако, не смотря на всѣ эти указы, крестьяне продолжали посылать своихъ ходоковъ въ Петербургъ, такъ какъ слишкомъ часто самыя справедливыя ихъ требованія не исполнялись. Особенно усиливался притокъ такихъ челобитчиковъ со вступленіемъ на престолъ новаго государя. То же случилось и при Екатеринѣ II, но императрица, въ первый же годъ по вступленіи на престолъ, подтвердила прежнія запрещенія двумя указами: именнымъ и сенатскимъ. Подавать прошенія въ собственныя руки императрицы было дозволено только въ одномъ случаѣ: если проситель будетъ недоволенъ рѣшеніемъ сената или когда, несмотря на то, что его дѣло должно не рѣшалось въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ, проситель не находилъ никакого удовлетворенія у генераль-рекетмейстера. Однако, вѣсть о томъ, что запрещеніе подавать челобитныя императрицѣ вновь подтверждено, не сразу распространилась по всей Россіи. Посмотримъ какова была судьба челобитчиковъ, нарушившихъ это запрещеніе, и для того остановимся на нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ сената за январь мѣсяцъ 1763 года.

Крестьяне отставнаго капитана Хлопова, Тверскаго уѣзда, подали государынѣ челобитную, въ которой жаловались на разоренія и мученія отъ помѣщика и на „непорядочные поступки“ присланнаго для ихъ усмиренія войска, и просили освободить ихъ отъ власти помѣщика. Сенатъ, въ виду того, что эти крестьяне уже были усмирены генераль-маіоромъ фонъ-Виттеномъ, приказалъ, 8-го января 1763 г., сыскать просителей черезъ полицію и отослать ихъ къ помѣщику. На этотъ разъ челобитчики не подверглись никакому наказанію. такъ какъ ихъ прошеніе было подано всего черезъ два дня послѣ изданія запретительнаго указа 2-го декабря 1762 года и они могли не знать объ его существованіи. Къ концу этого мѣсяца оказалось осо-

бенно много виновныхъ въ подачѣ челобитныхъ императрицѣ и засѣданіе сената 29-го января было все употреблено на присужденіе имъ наказаній. Тутъ были челобитныя и крестьянъ того же самаго Хлопова, о которомъ мы только что упоминали, и того двороваго Дарьи Салтыковой, который, подавъ лѣтомъ 1762 года челобитную императрицѣ на свою госпожу, былъ главнымъ виновникомъ открытія всѣхъ ея жестокостей. Нѣкоторые изъ крестьянъ заявляли, что они еще раньше подавали прошенія императрицѣ, но не получили никакой резолюціи, и при этомъ, увѣренные въ простотѣ душевной, что государыня помнитъ, о чемъ они просили прежде, они даже не объясняли, въ чемъ состояла ихъ первая челобитная.

Крестьянамъ Мамонова, Горчакова и Казначеева было уже разъ отказано, и этотъ отказъ былъ прямо мотивированъ постановленіемъ Уложенія (II глава, 13 пунктъ), по которому крѣпостнымъ людямъ въ извѣтахъ на помѣщика, кромѣ великихъ дѣлъ, вѣрить не велѣно. Слѣдовательно, этотъ законъ примѣнялся при Екатеринѣ II въ томъ случаѣ, когда крестьяне жаловались на притѣсненія отъ помѣщика. На этотъ разъ сенатъ не пощадилъ всѣхъ этихъ челобитчиковъ и приказалъ, наказавъ ихъ плетями, отослать подъ карауломъ на родину. Изъ остальныхъ дѣлъ, просмотрѣнныхъ въ этотъ день, упомянемъ о томъ, что десять однодворцевъ Воронежской губерніи, жаловавшихся на то, что одинъ помѣщикъ насильно закрѣпостилъ ихъ, были также присуждены за подачу челобитной къ наказанію плетями.

Многіе, очень многіе крестьяне осязательно почувствовали послѣ этого засѣданія сената, что подавать челобитныя государынѣ отнюдь не дозволяется. Такое сильное средство подѣйствовало. Крестьяне, убѣдившись, что сенатъ обыкновенно даже не входитъ въ разсмотрѣніе ихъ жалобъ по существу, придерживаясь Уложенія, стали гораздо рѣже подавать челобитныя императрицѣ. Но всетаки такая подача прошеній не прекратилась совершенно. 1-го апрѣля 1763 года, сенатъ получилъ два сообщенія изъ кабинета ея величества, при которыхъ были приложены разныя челобитныя. Императрица выразила желаніе, чтобы сенатъ разсмотрѣлъ ихъ, и онѣ были переданы въ речетмейстерскую канцелярію съ тѣмъ, чтобы подлежащія отсылкѣ въ судебныя мѣста были отправлены немедленно. Въ числѣ этихъ прошеній были и челобитныя помѣщичьихъ крестьянъ. Хотя и на этотъ разъ сенатъ, по всей вѣроятности, не далъ имъ дальнѣйшаго хода, однако онъ не упустилъ приговорить самихъ челобитчиковъ къ обычнымъ наказаніямъ.

Иногда императрица почему-то не отсылала челобитчиковъ въ сенатъ, а сама рѣшала ихъ судьбу. Когда крестьяне Владимира Ше-

реметева подали государынѣ жалобу „на разореніе и непорядочные поступки“ помѣщика и заявляли, будто ихъ волость совсѣмъ не принадлежитъ Шереметеву, императрица, наведя справки, нашла, что просьба ихъ неосновательна, но отпустила челобитчиковъ безъ наказанія. Однако, послѣ того, двое выборныхъ снова подали государынѣ челобитную по тому же дѣлу. „Нынѣшніе просители“, сказано въ указѣ императрицы сенату въ началѣ 1764 года, „болѣе еще первыхъ подвергаютъ себя подѣ наижесточайшее наказаніе, но мы столь еще милосердны, что и сію ихъ дерзость, яко невѣждамъ, всемилостивѣйше прощаемъ“. вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ волость былъ нарочно посланъ штабъ-офицеръ, чтобъ убѣдить крестьянъ повиноваться Шереметеву. Сопротивленіе этихъ крестьянъ было, по всей вѣроятности, очень упорно и правительство, должно быть, считало опаснымъ слишкомъ раздражать ихъ.

Въ началѣ 1765 года, сенатъ вновь подтвердилъ запрещеніе подавать челобитныя самой императрицѣ и при этомъ опредѣлилъ наказаніе за это преступленіе не только крестьянамъ, но также дворянамъ и лицамъ, состоящимъ на службѣ. Что касается неимѣющихъ чиновъ и дворянскаго званія, то за подачу челобитной въ первый разъ ихъ велѣно посылать въ каторжную работу на мѣсяць; во второй разъ, послѣ публичнаго наказанія,—на годъ и затѣмъ возвращать на прежнія жилища; а въ третій разъ, также наказавъ публично плетью, отсылать на поселеніе въ Нерчинскъ безъ срока, причемъ крѣпостныхъ мужскаго пола зачитать помѣщикамъ въ рекруты, такъ какъ владѣльцы „тому дерзновенію участниками никакъ быть не могутъ“. Но эти наказанія не могли удержать крѣпостныхъ крестьянъ отъ подачи челобитныхъ, да оно и совершенно понятно. вмѣсто того, чтобы годъ за годъ обнародывать строгіе указы противъ челобитчиковъ, стоило только ограничить произволъ помѣщиковъ и жалобы прекратились-бы безъ всякихъ запретительныхъ указовъ, а до тѣхъ поръ и страхъ каторжной работы не могъ зажать рта крестьянамъ, тѣмъ болѣе, что у нѣкоторыхъ владѣльцевъ имъ было жить ничѣмъ не лучше, чѣмъ на каторгѣ.

Въ началѣ мая 1767 года, во время путешествія императрицы по Волгѣ, крестьяне Кашинскаго уѣзда, помѣщиковъ Олсуфьевыхъ, подали императрицѣ челобитную. На этотъ разъ они не были наказаны; императрица приказала только имъ объявить, чтобы они слушались помѣщика. Это не подѣйствовало, и въ послѣдствіи волненіе этихъ крестьянъ было прекращено съ помощью войска. Во время этого путешествія императрицѣ и въ другихъ мѣстахъ подавались челобитныя на тяжелые поборы помѣщиковъ. Но государыня, по ея собствен-

нымъ словамъ, нашла ихъ „не дѣльными“ и онѣ были возвращены съ подтвержденіемъ вновь такихъ прошеній не подавать.

Въ началѣ іюля того же года, крестьяне Лопухинныхъ, Леонтьева и Толстой, изъ Московскаго и Коломенскаго уѣздовъ, почти одновременно подали императрицѣ челобитныя, съ содержаніемъ которыхъ мы отчасти уже познакомились. Челобитныя эти, вмѣстѣ съ подателями ихъ, были присланы къ генераль-прокурору князю Вяземскому при письмѣ отъ статсъ-секретаря императрицы И. П. Елагина, съ предписаніемъ государыни поступить съ ними по указамъ.

Въ первой изъ челобитныхъ двое крестьянъ, изложивъ свои жалобы на помѣщика Алексѣя Лопухина, въ заключеніе говорятъ, что два мѣсяца тому назадъ они уже подавали прошеніе государынѣ и были тогда отосланы къ генераль-маіору Козьмину, но, по ихъ словамъ, „никакой отъ него резолюціи не воспослѣдовало“. Онѣ только возвратилъ имъ прошеніе съ надписью и велѣлъ по прежнему повиноваться господину; а они боятся идти къ помѣщику, избившему до смерти ихъ отца, опасаясь, какъ бы имъ „не принять отъ него... смерти и жестокаго мучительства“. — „Лучше же В. И. В. вашею монаршею милостію опредѣлите насъ къ смерти или въ вѣчное поселеніе“, говорятъ въ заключеніе крестьяне.

Вторая челобитная была подана крестьянами Аврама Лопухина, Раменской трети Гуслицкой волости. Начинается она такъ: бьютъ челомъ выборные (названы двое) и „всей той трети крестьяне старшіе и младшіе“. Крестьяне Леонтьева просили объ облегченіи оброка и о томъ, чтобы размѣры его были опредѣлены разъ навсегда.

Императрица была очень озабочена тѣмъ, что подано было сразу нѣсколько челобитныхъ отъ крестьянъ одной мѣстности, притомъ же лежащей недалеко отъ Москвы. Въ именномъ указѣ, который Вяземскій объявилъ сенату 11-го іюля, она выражала опасеніе, „чтобы оказующееся отъ крестьянъ на владѣльцевъ своихъ неудобольствіе не размножилось бы и не произвело бы вредныхъ слѣдствій“; поэтому она приказала сенату придумать „благопристойныя средства“. Сенатъ, выслушавъ челобитныя, поданныя крестьянами, предложилъ императрицѣ слѣдующія мѣры. „Въ пресѣченіе таковыхъ не дѣльныхъ отъ крестьянства на помѣщиковъ своихъ доносовъ и представлений, до навсегдашняго о томъ въ учреждающейся комисіи сочиненія проекта новаго уложенія, положенія“, сенатъ находилъ „наудобнѣйшимъ средствомъ“ обнародовать печатный указъ, чтобъ крестьяне и дворовые люди не отваживались бить челомъ на своихъ помѣщиковъ, кромѣ дѣлъ, означенныхъ въ Уложеніи и прежде изданныхъ указахъ, которые ясно перечислить и въ новомъ указѣ;

въ противномъ случаѣ, челобитчики подвергнутся жестокому наказанію вѣнцомъ. Что же касается крестьянъ, которые на этотъ разъ подали императрицѣ „не дѣльныя“ и законамъ и „13-му пункту II главы Уложения противныя жалобы“, то ихъ слѣдуетъ допросить подъ прирастіемъ о томъ, кто сочинялъ имъ челобитныя, и всѣхъ тѣхъ людей арестовать. Изъ крестьянъ же половину публично, съ барабаннымъ боемъ, наказать плетью въ Москвѣ, въ торговый день, на разныхъ площадяхъ; а другую половину наказать въ ихъ деревняхъ при собраніи крестьянъ, а затѣмъ, смотря по желанію помѣщиковъ, или отправить на каторгу въ Нерчинскъ, или возвратити владѣльцамъ. Такимъ образомъ сенатъ, хотя и ссылаясь въ этомъ постановленіи на указъ 19-го января 1765 года, значительно отступилъ отъ него. Указъ этотъ предписывалъ за первое челобитіе отправлять въ каторжную работу на мѣсяць, безъ публичнаго наказанія; между тѣмъ сенатъ не только предложилъ наказывать крестьянъ плетью, но даже предоставлялъ усмотрѣнію помѣщиковъ, отправить-ли ихъ на каторгу и на сколько времени. Несмотря на всю суровость этого рѣшенія, сенаторы не могли не сознаться, что виновны тутъ собственно не крестьяне. „Но какъ сенатъ, рассматривая источники сего зла,—сказано было въ постановленіи,—находить, что можетъ иногда надъ мѣру строгій и неразумительный поступокъ помѣщиковъ, въ разсужденіи своихъ крестьянъ, подать симъ послѣднимъ въ таковымъ челобитьямъ поводъ и достаточную, по ихъ мнѣнію, причину“, то онъ нашелъ нужнымъ поручить нѣкоторымъ изъ своихъ членовъ секретно переговорить съ владѣльцами этихъ челобитчиковъ, и посовѣтывать имъ, „чтобы они старались пользоваться правомъ господства, послѣдуя челоуѣколюбію и принимая въ разсужденіе силы крестьянскія въ обложеніи ихъ оброками и работами“. Поговорить съ помѣщиками вызвались сенаторы: князь М. Н. Волконскій, графъ Р. Л. Воронцовъ, князь А. Вяземскій и П. И. Панинъ.

Еще прежде, чѣмъ докладъ сената былъ утвержденъ императрицею, явились 13 крестьянъ Леонтьева, съ новою жалобою на своего помѣщика, и двое крестьянъ Лопухиныхъ. Послѣдніе, прийдя въ Москву, ходили къ сенату и подавали пищу своимъ арестованнымъ товарищамъ. Потомъ они услышали, что въ ихъ Гуслицкую волость пріѣзжала воинская команда, забрала болѣе 50-ти челоуѣкъ и привезла въ Московскую губернскую канцелярію. Они отправились къ губернатору Салтыкову просить объ освобожденіи хоть нѣсколькихъ челоуѣкъ, ради лѣтней рабочей поры, но были арестованы. Всѣхъ этихъ вновь пришедшихъ сенатъ находилъ нужнымъ подвергнуть такому же наказанію, какъ и забранныхъ прежде.

Наконецъ, 22-го августа, былъ обнародованъ сенатскій указъ по поводу этого дѣла. Императрица утвердила рѣшеніе сената, а на будущее время было опредѣлено, что если кто, вопреки 13-му пункту II главы Уложенія, „недозволеннымъ на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче ея И. В. въ собственныя руки подавать отважится“, то и челобитчики, и составители челобитныхъ будутъ наказаны кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ, въ каторжную работу безъ срока, съ зачетомъ помѣщикамъ въ рекруты. Указъ этотъ приказано было цѣлый мѣсяцъ читать въ церквахъ по воскресеньямъ и праздникамъ.

Такимъ образомъ наказанія за подачу челобитныхъ въ царствованіе Екатерины все возрастали, пока, наконецъ, настоящимъ указомъ крестьяне не были окончательно лишены возможности жаловаться на помѣщиковъ. Всякая ихъ жалоба, хотя бы поданная и не императрицѣ, заранѣе считалась незаконною. Не смотря на нелѣпость извѣстной статьи Уложенія, ей было еще разъ и окончательно придано толкованіе самое неблагоприятное для крестьянъ, между тѣмъ, какъ въ предъидущіе годы само правительство не всегда послѣдовательно придерживалось этого закона или не такъ понимало его. При томъ толкованіи, которое было придано этой статьѣ, правительство, въ началѣ царствованія Екатерины, не должно было бы обращать вниманія и на доносъ дворовыхъ людей на Дарью Салтыкову.

И такъ, по новому закону, крѣпостныхъ, подавшихъ императрицѣ челобитную, должно было наказывать кнутомъ исылать на каторжную работу въ Нерчинскъ. Однако и послѣ того правительство продолжало спрашивать помѣщиковъ: не желаютъ-ли они взять къ себѣ своихъ крестьянъ послѣ публичнаго наказанія. Въ 1775 году 14 человекъ дворовыхъ и крестьянъ кн. Мещерскаго и помѣщика Муромцева подали императрицѣ челобитную и были отправлены въ сенатъ для присужденія къ наказанію. На вопросъ сената Мещерскій не только отвѣчалъ, что принять назадъ своихъ людей не желаетъ, но представилъ и еще одного человека, который, по его мнѣнію, былъ столько же виновенъ и участвовалъ въ составленіи челобитной. Сенатъ приказалъ трехъ человекъ наказывать кнутомъ, а остальныхъ плетми и сослать въ Нерчинскъ въ вѣчную каторжную работу, причемъ Мещерскому не зачитать его людей въ рекруты, такъ какъ онъ сказалъ, что вовсе не желаетъ ихъ имѣть у себя, а Муромцеву — съ зачетомъ при будущихъ наборахъ. Чтобы наказаніе виновныхъ произвело болѣе сильное впечатлѣніе, сенатъ приказалъ оповѣстить по Москвѣ, что будутъ наказывать помѣщичьихъ людей и крестьянъ за подачу императрицѣ прошеній на своихъ помѣщиковъ.

Однако, вскорѣ послѣ того помѣщикъ Муромцевъ обратился въ сенатъ съ просьбою о томъ, чтобы изъ пяти его крестьянъ, приговоренныхъ къ ссылке въ Нерчинскъ, четырехъ возвратитъ ему. Если же этого сдѣлать нельзя, то дозволить ему продать свое право на зачетъ этихъ людей въ будущіе рекрутскіе наборы другимъ помѣщикамъ, такъ какъ за нимъ числится всего 20 душъ и ему до самой смерти не пришлось бы поставить столько рекрутъ, а между тѣмъ онъ долженъ за сосланныхъ крѣпостныхъ платить подати. Возвратитъ крестьянъ Муромцеву было нельзя: они уже были отправлены въ ссылку, но сенатъ дозволилъ ему продать свое право на нихъ по отношенію къ рекрутской повинности, по примѣру того, какъ въ 1765 году было дозволено продавать рекрутскія квитанціи, данныя помѣщикамъ за бѣглыхъ, не добровольно возвратившихся, а приведенныхъ и отправленныхъ въ Сибирь, въ солдаты или на поселеніе.

Послѣ указа 1767 года крестьяне не могли найти удовлетворенія самымъ справедливымъ своимъ жалобамъ, такъ какъ, на основаніи его, и мѣстныя учрежденія не должны были принимать ихъ прошеній на помѣщиковъ. Только съ изданіемъ учреждений о губерніяхъ генералъ-губернаторъ получилъ возможность преслѣдовать помѣщиковъ, виновныхъ въ явныхъ жестокостяхъ и разореніи своихъ крестьянъ. Но и то помѣщики обращались тогда къ императрицѣ или въ сенатъ съ жалобами, что, вопреки Уложенію, принимаютъ доносы отъ ихъ крѣпостныхъ людей.

Какъ трудно было крѣпостнымъ довести до свѣдѣнія правительства о злоупотребленіяхъ владѣльцевъ, такъ и людямъ свободнымъ, закрѣпощеннымъ какимъ нибудь помѣщикомъ, удавалось возвратитъ свободу лишь съ величайшимъ трудомъ, а иногда ихъ хлопоты и совсѣмъ не имѣли успѣха. Лучшимъ примѣромъ этому можетъ послужитъ дѣло купческаго сына Черкина. Его хотѣлъ укрѣпитъ за собою генералъ-аншефъ Салтыковъ, не смотря на то, что по второй ревизіи онъ не былъ показанъ за нимъ въ ревизскихъ сказкахъ и о побѣгѣ его не было подано явочнаго челобитья. Московскіе купцы заявили о Черкинѣ, что онъ дѣйствительно новгородской сотни купецкій сынъ, хотя и въ этой сотнѣ онъ не былъ записанъ по прежней ревизіи. Московскій магистратъ съ суднымъ приказомъ приговорили отдать Черкина истцу; но главный магистратъ, вмѣстѣ съ юстицъ-коллегіей, признали, что дѣло рѣшено неправильно и постановили: Черкина, какъ безвѣстнаго человека, со всѣмъ семействомъ, кромѣ сына, отослать для поселенія въ Казанскую губернію, а сына опредѣлить въ какую нибудь военную школу или на службу. Главный магистратъ находилъ, что, за неправильное рѣшеніе дѣла московскимъ магистратомъ, съ его

членовъ слѣдовало бы взыскать 500 р., но на основаніи указа 22-го сентября 1762 года рѣшилъ взыскать только треть; за неправое же рѣшеніе дѣла въ судномъ приказѣ также взыскать съ его членовъ штрафъ. Когда объ этомъ дѣлѣ было доложено императрицѣ, она приказала не отсылать Черкина въ Казанскую губернію, но, въ виду того, что онъ въ теченіе семи лѣтъ томился въ тюрьмѣ, „не въ примѣръ другимъ“ дозволить ему жить, гдѣ онъ пожелаетъ, и, кромѣ того, выдать ему въ награжденіе деньги, которыя будутъ взысканы съ московскаго магистрата и суднаго приказа.

Въ прежнее время, если не для крестьянъ, то по крайней мѣрѣ для дворовыхъ людей было одно законное средство избавиться отъ власти помѣщиковъ, даже и безъ ихъ согласія: при Петрѣ Великомъ дворовые могли, и не спрашивая разрѣшенія своихъ господъ, поступать въ военную службу. Но по смерти Петра этого болѣе не дозволяли, и когда, въ 1742 году, многіе крѣпостные, бѣжавъ отъ помѣщиковъ, подавали императрицѣ просьбу о принятіи на службу, ихъ наказывали кнутомъ и ссылали на каторгу въ Сибирь; вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено, чтобы крѣпостные не осмѣливались покидать своихъ господъ въ надеждѣ быть записанными, какъ тогда говорили, „въ вольницу“. Однако, желаніе отдѣлаться отъ власти помѣщика было такъ велико, что среди крѣпостныхъ нерѣдко возникали слухи о возможности такъ или иначе получить свободу. Въ 1784 году распространился слухъ, что мыза Гатчино будетъ обращена въ городъ и что при этомъ, для увеличенія числа купцовъ и мѣщанъ, будутъ принимать туда безъ разбору всѣхъ, кто пожелаетъ. Услышавъ объ этомъ, многіе дворовые бѣжали отъ помѣщиковъ, и сенату пришлось опровергать это ложное извѣстіе.

Сдѣлавъ всесторонній обзоръ отношеній крѣпостныхъ къ помѣщикамъ, мы посмотримъ теперь, пользовались ли они какими нибудь правами, какъ члены государства. Нужно замѣтить прежде всего, что, при вступленіи на престолъ новаго государя, ихъ даже не приводили къ присягѣ. Императоръ Павелъ впервые отступилъ отъ этого правила, и это нововведеніе, возбуждавъ въ крѣпостныхъ надежды на близкое освобожденіе, было поводомъ къ волненіямъ во многихъ губерніяхъ.—Крестьяне не могли жаловаться на своихъ помѣщиковъ, но это не значить, чтобы они не имѣли права сами за себя искать и отвѣчать въ гражданскихъ дѣлахъ.—Крестьянинъ не могъ отлучаться отъ своего мѣста жительства безъ вѣдома и разрѣшенія помѣщика. Въ 1722 году было предписано, чтобы вотчинники, а въ отсутствіе ихъ священники и прикащики, отпуская крестьянъ на заработки, выдавали бы имъ отпускныя или покормежныя письма съ тѣмъ, чтобы они служили удостовѣреніемъ, что нанимающійся на работу не бѣглый.

Въ 1724 году, было запрещено крестьянину отлучаться безъ письменнаго вида отъ помѣщика и при томъ даннаго на срокъ; а для всякой отлучки далѣе 30 верстъ, въ другіе уѣзды, недостаточно было и дозволенія одного помѣщика, а требовалась сверхъ того подпись земскаго комиссара и полковника. — Занимать деньги подъ вексель или заемное письмо, на основаніи указовъ 1761 и 1768 годовъ, крѣпостные крестьяне не могли безъ поручительства ихъ помѣщика. Впрочемъ, запрещеніе обязываться векселями распространялось и на государственныя крестьянъ. — Въ 1774 году крѣпостныхъ разрѣшено было допускать въ откупамъ, но только тавихъ, за которыхъ поручатся надежные помѣщики, что они будутъ исправны въ платежѣ денегъ. — Въ 1777 году было предписано принимать крестьянъ въ купечество съ тѣмъ, чтобы они платили положенный процентный сборъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, до изданія новыхъ правилъ о купечествѣ, и подушныя деньги; но крѣпостные могли записываться въ купечество не иначе, какъ получивъ увольненіе отъ помѣщиковъ, слѣдовательно, вступали въ это сословіе уже не крѣпостными, а вольными. Противъ этого закона возставалъ Сиверсъ и желалъ, чтобы крестьяне могли записываться въ это сословіе и безъ согласія владѣльцевъ, какъ это и было прежде. Мы видѣли выше, что законъ не давалъ крѣпостнымъ никакихъ правъ собственности, не только на недвижимое, но даже и на движимое имущество. Но изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ брали на себя откупа, записывались въ купечество, вели торговлю, видно, что на дѣлѣ они пользовались нѣкоторыми правами собственности. „Крестьянинъ каждый, — говоритъ Болтинъ, которому, впрочемъ, положеніе крѣпостныхъ представлялось нѣсколько въ идиллическомъ свѣтѣ, — имѣетъ свою собственность, не закономъ утвержденную, но всеобщимъ обычаемъ, который имѣетъ силу не меньшую закона“. Крѣпостной платитъ помѣщику назначенный имъ оброкъ или исполняетъ извѣстную работу. — „Затѣмъ, что крестьянинъ выработаетъ или ремесломъ своимъ достанетъ, — продолжаетъ Болтинъ, — остается точно ему принадлежащимъ: тѣмъ владѣетъ онъ во всю жизнь свою спокойно, отдаетъ въ приданое за дочерью, оставляетъ въ наслѣдіе своимъ сыновьямъ и родственникамъ, по волѣ своей невозбранно“. Все это могло быть дѣйствительно такъ у помѣщиковъ, гуманно относившихся къ своимъ крестьянамъ, но все таки юридическаго права собственности крестьяне не имѣли, и въ каждую данную минуту они, по волѣ владѣльца, могли лишиться всего своего достоянія.

Единственный законный способъ для крѣпостнаго крестьянина или двороваго освободиться отъ власти помѣщика заключался въ томъ, чтобы откупиться на волю или получить увольненіе за какія-нибудь особенныя заслуги. Откупались преимущественно крестьяне, разбога-

тѣвнѣе съ помощью торговли и промысловъ; освобождались самими помѣщиками, главнымъ образомъ, дворовые за долгу, вѣрную службу.

Документъ, выдаваемый вольноотпущенному, назывался „отпускною“; помѣщикъ подписывалъ его и затѣмъ заявлялъ въ земскомъ судѣ того же уѣзда; тамъ его записывали въ книгу, а подлинникъ съ надписью городничаго возвращали тому, кому онъ былъ выданъ. Но до царствованія Екатерины такая отпускная не надолго освобождала бывшаго крѣпостнаго. Уволенный однимъ владѣльцемъ, онъ долженъ былъ, по истеченіи извѣстнаго срока, вновь пріискать себѣ другаго господина. Еще въ первые годы царствованія Екатерины вольноотпущенному, не желавшему вновь дѣлаться крѣпостнымъ и имѣвшему намѣреніе поступить на службу, приходилось обращаться со своимъ прошеніемъ въ сенатъ. Такъ, въ маѣ 1763 года, бывшій служитель гр. Головкиныхъ, получивъ отъ нихъ отпускную, обратился съ челобитною въ сенатъ, въ которой заявлялъ, что онъ на свой счетъ выучился читать и писать, знаетъ арифметику, часть геометріи, архитектуру, и можетъ отъ руки рисовать, въ доказательство чего приложилъ чертежи и просилъ „для произведенія въ совершенство архитектурной науки“, принять его на службу и отослать къ архитектору Никитину. Сенатъ приказалъ сначала испытать, каковы познанія просителя.

Только въ манифестѣ, изданномъ въ 1775 году, по окончаніи турецкой войны, мы въ первый разъ встрѣчаемъ прямое дозволеніе вольноотпущеннымъ „не записываться ни за кого“; а при ревизіи они должны объявить: желаютъ ли они поступить на службу или записаться въ мѣщане или купцы. Въ указѣ, изданномъ недѣли черезъ три послѣ появленія этого манифеста, для разъясненія нѣкоторыхъ его постановленій, правительство уже не только дозволяетъ вольноотпущеннымъ не записываться ни за кѣмъ въ подушный окладъ, но прямо запрещаетъ дѣлать это, хотя бы и по собственному ихъ желанію. Это запрещеніе можетъ отчасти объясняться тѣмъ, что крѣпостные крестьяне платили гораздо менѣе податей, чѣмъ государственные, и, слѣдовательно, увеличеніе ихъ числа на счетъ числа свободныхъ людей было невыгодно для государства. Но если принять во вниманіе, что дозволеніе не записываться ни за кѣмъ было дано въ манифестѣ, который представлялъ рядъ финансовыхъ льготъ, облегчалъ наказаніе преступникамъ и т. п., то мы убѣдимся, что правительство, при изданіи этого постановленія, не столько думало объ увеличеніи доходовъ казны, сколько о томъ, чтобы, съ одной стороны, хоть нѣсколько ограничить распространеніе крѣпостнаго права, а главное дать новый контингентъ для нашего третьяго сословія, „третьяго чина людей“, о созданіи котораго такъ хлопотало въ то время правительство.

Черезъ нѣсколько лѣтъ пришлось рѣшить еще одинъ вопросъ относительно вольноотпущенныхъ. Прежде случалось, что послѣ того, какъ вольноотпущенные били челомъ объ отдачѣ ихъ въ услуженіе другимъ помѣщикамъ, выразившимъ на то свое согласіе, эти помѣщики, даже не получивъ „данныхъ“ на поступающихъ подъ ихъ власть людей, женили ихъ на своихъ крѣпостныхъ: такъ было и передъ манифестомъ 1775 года. Но когда онъ былъ изданъ, многіе изъ такихъ вольноотпущенныхъ заявили, что за помѣщиками болѣе быть не хотятъ. Явился вопросъ, какъ быть ихъ женамъ: вольными или крѣпостными. Правительство рѣшило, въ 1780 году, что если помѣщики добровольно и бесплатно не отпустятъ такихъ женщинъ, то мужья должны внести за нихъ выводныя деньги по 10 р.

Какъ мы уже знаемъ, вольноотпущеннымъ было разрѣшено записываться въ купечество и мѣщанство; въ концѣ царствованія Екатерины былъ возбужденъ вопросъ: можно ли имъ приписываться къ казеннымъ водостямъ? Сенатъ, основываясь на буквальной поиманіи манифеста 1775 года, запретилъ это, но черезъ полгода это запрещеніе было уничтожено именнымъ указомъ. Однако и вступленіе въ мѣщанское общество совершалось не безъ прѣпятствій; оно не всегда охотно принимало въ свою среду вольноотпущенныхъ, особливо если они были уже людьми не молодыми. Когда, въ 1792 году, отпущенные на волю помѣщикомъ Куломзиннымъ дворовые: одинъ 37-ми, другой 52-хъ, а третій 65-ти лѣтъ, изъявили желаніе вступить въ Костромское мѣщанское общество, то городская дума не хотѣла принять ихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не могутъ представить поручителей въ исправномъ исполненіи общественныхъ повинностей и уплатѣ податей. Городской магистратъ согласился съ рѣшеніемъ думы. Но намѣстническое правленіе нашло, что дума поступила противозаконно, такъ какъ городское положеніе вовсе не требуетъ поручительства въ исправномъ отбываніи личныхъ и денежныхъ повинностей, а только требуетъ, чтобы вступающій въ общество обязался въ томъ подпискою; къ тому же только одинъ изъ просившихъ о принятіи въ мѣщанское общество былъ слишкомъ старъ. Дѣло доходило до сената и онъ приказалъ двухъ вольноотпущенныхъ принять въ общество, а 65-ти лѣтняго старика возвратить помѣщику и по новой ревизіи опять записать за нимъ.

VIII.

Что сдѣлало при Екатеринѣ II правительство для улучшенія быта крѣпостныхъ.

Изъ всего сказаннаго выше о крѣпостныхъ крестьянахъ видно, какъ необходимо было коренное измѣненіе въ ихъ бытѣ, или по крайней мѣрѣ значительное улучшеніе ихъ положенія. Правительство со многихъ сторонъ слышало указанія на это: объ этомъ ему говорили нѣкоторые болѣе просвѣщенные администраторы; по этому вопросу было не мало энергическихъ заявленій въ литературѣ; наконецъ, даже сами помѣщики мѣстами пытались установить, по соглашенію между собою, нѣкоторыя постоянныя правила о крестьянскихъ повинностяхъ, которыя не должно было нарушать по личному произволу. Изъ числа административныхъ дѣателей особенно часто возвращался къ этому вопросу Сиверсъ. Уже вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность новгородскаго губернатора, онъ указывалъ на то, какъ необходимо обуздать жадность помѣщиковъ при назначеніи оброковъ крестьянъ и барщинныхъ работъ какъ важно обезпечить собственность крѣпостныхъ. „Эти несчастные — люди!“ восклицалъ онъ въ письмѣ къ императрицѣ, — „и часто болѣе заслуживаютъ этого названія, чѣмъ ихъ недостойные господа“. Въ 1775 году онъ напоминалъ императрицѣ, что весьма значительная часть ея подданныхъ, именно крѣпостные крестьяне, „лишены ея милостей“. „Я позволю себѣ сказать, — писалъ онъ ей по усмиреніи Пугачевского бунта, — что неограниченное рабство погубитъ государство, и, мнѣ кажется, я не ошибаюсь, считая невыносимое рабское иго главною причиною волненій отъ Оренбурга до Казани и на нижнемъ теченіи Волги, опустошившихъ эти прекрасныя области. Я знаю, — продолжаетъ онъ, — что это щекотливый вопросъ: мы недавно видѣли это въ Богеміи; но пусть В. В., по крайней мѣрѣ, ограничить чрезмѣрную власть помѣщика, пусть, по крайней мѣрѣ, господинъ не будетъ имѣть права безъ судебного разбирательства наказывать людей своихъ кнутомъ (что почти равняется смертной казни)... Установите чтобы крѣпостной, семья котораго состоитъ изъ двухъ или трехъ душъ мужскаго пола, могъ выкупаться хоть за 500 р.“. По свидѣтельству Сиверса, ярославскій генераль-губернаторъ Мельгуновъ подавалъ докладную записку, въ которой, на основаніи законовъ прежняго Холопьяго приказа, старался доказать, что крѣпостные имѣли право на выкупъ. Противники же его утверждали, что это было только полицейское распоряженіе и то для одной Москвы. Правительство само не разъ могло убѣдиться, какихъ громаднхъ денегъ требовалъ помѣщикъ за выкупъ своего крѣпостнаго, если онъ

былъ увѣренъ, что самая его неумѣренная просьба будетъ удовлетворена. Когда однажды Мельгуновъ получилъ приказаніе выкупить одного художника, платившаго своему господину 50 р. оброку, ему пришлось заплатить 1000 р. По этому случаю былъ вновь поднятъ вопросъ о томъ, чтобы крѣпостной могъ выкупаться одинъ или со своею семьею. Много спорили при этомъ о цѣнѣ, предлагали назначить отъ 300 до 500 р. за взрослого человѣка и половину за женщину. Но, по словамъ Сиверса, „императрица не осмѣлилась на это рѣшиться, какъ ни была она убѣждена въ справедливости и пользѣ такого постановленія“.

Современная литература также указывала не разъ на злоупотребленія со стороны помѣщиковъ своими правами. Объ этомъ говорили и сатирическіе журналы, и такъ называемыя мистическія изданія, и авторы нѣкоторыхъ комедій, а всѣхъ энергичнѣе и отважнѣе—благородный Радищевъ. Составилось наконецъ, не мало мнѣній объ улучшеніи быта крестьянъ, не напечатанныхъ въ свое время, хотя, вѣроятно, ходившихъ по рукамъ, и частью обнародованныхъ въ послѣдніе годы, частью еще хранящихся въ архивахъ.

Какія-же мѣры въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ приняло правительство въ царствованіе Екатерины въ виду требованій, заявленныхъ со многихъ сторонъ? Регулировало-ли оно точными постановленіями право помѣщиковъ требовать отъ своихъ крѣпостныхъ денежнаго оброка и барщинной работы, опредѣлило-ли оно: какимъ наказаніямъ и въ какой мѣрѣ могутъ помѣщики подвергать крестьянъ; назначило-ли размѣры выводныхъ денегъ; дало-ли крѣпостнымъ право выкупаться на волю за опредѣленную сумму и безъ согласія помѣщика? Какъ мы уже знаемъ, ничего этого сдѣлано не было. Правительство нѣсколько ограничило распространеніе крѣпостнаго права, запретивъ считать незаконнорожденныхъ крѣпостными ихъ воспитателей, не дозволивъ вольноотпущеннымъ вновь дѣлаться крѣпостными, но за то привкрѣпило къ землѣ малороссійскихъ крестьянъ. Для улучшенія же быта крѣпостныхъ крестьянъ не было сдѣлано рѣшительно ничего. Даже относительно надзора администраціи за тѣмъ, какъ помѣщики относились къ крестьянамъ, мы находимъ только одно постановленіе въ учрежденіяхъ о губерніяхъ. Тамъ сказано, что государевъ намѣстникъ „имѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества, безнужства, мотовство, тиранство и жестокости“. Хотя это постановленіе слишкомъ неопредѣленно, но мы видѣли, что оно все-таки служило точкою опоры для тѣхъ намѣстниковъ, которые желали положить предѣлъ вопіющимъ злоупотребленіямъ. Но если намѣст-

никъ и обращалъ вниманіе на выходящія изъ ряду вонъ жестокости какого нибудь помѣщика, то даже и тогда члены низшихъ судебныхъ и административныхъ учреждений тормозили дѣло своею недѣятельностью и прямымъ пристрастіемъ къ обвиняемому дворянину.

Какъ объяснить себѣ это странное, можно сказать, преступное бездѣйствіе со стороны правительства относительно интересовъ цѣлой половины податнаго населенія и притомъ въ царствованіе такой по видимому либеральной государыни? Екатерина не разъ высказывалась противъ крѣпостнаго права. Еще въ своихъ замѣткахъ, набросанныхъ въ концѣ царствованія Елисаветы, она писала: „противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: они всѣ рождаются свободными. Одинъ соборъ освободилъ всѣхъ крестьянъ (прежнихъ крѣпостныхъ) въ Германіи, Франціи, Испаніи и пр. (?) Осуществленіемъ такой рѣшительной мѣры, конечно, нельзя будетъ заслужить любви землевладѣльцевъ, исполненныхъ упрямства и предразсудковъ, но вотъ удобный способъ: постановить, что отнынѣ, при продажѣ имѣнія, съ той минуты, когда новый владѣлецъ пріобрѣтаетъ его, всѣ крѣпостные этого имѣнія объявляются свободными. Такимъ образомъ въ сто лѣтъ всѣ или по крайней мѣрѣ бѣльшая часть имѣній переимѣнитъ господъ, и вотъ народъ освобожденъ“. Хотя и никогда не было собора, освободившаго крѣпостныхъ всей западной Европы и хотя мѣру, предложенную Екатериною, нельзя назвать удачною, но всетаки мы видимъ тутъ у великой княгини доброе намѣреніе хоть какъ нибудь раздѣлаться съ крѣпостнымъ правомъ.

И вотъ эта великая княгиня, увлекающаяся французскою философіею, вступаетъ на престолъ; для нея открывается обширное поле дѣятельности: она можетъ привести теперь въ исполненіе свои заветныя мечты. Она пишетъ Наказъ и высказываетъ слѣдующія мысли: „Мы должны избѣгать случаевъ дѣлать людей рабами, развѣ только къ этому принудить крайняя необходимость, и то не для собственной корысти, а для пользы государства. Но и то еще вопросъ: часто ли это бываетъ полезно для государства?“ Въ другомъ мѣстѣ Наказа она говоритъ: „не можетъ земледѣліе процвѣтать тамъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго“ ¹⁾. Тутъ уже императрица выражается гораздо умѣреннѣе, чѣмъ въ замѣткахъ, сдѣланныхъ до вступленія на престолъ, и хотя въ нѣсколькихъ статьяхъ Наказа и

¹⁾ Вмѣсто этого стоитъ въ нѣмецкомъ текстѣ: der Ackersman, по французски: le cultivateur ou laboureur.

нападаетъ на злоупотребленія помѣщиковъ, однако не рѣшается высказаться въ принципѣ противъ крѣпостнаго права. Въ особомъ наставленіи, данномъ Коммисіи въ 1768 году, императрица обращаетъ вниманіе частной Коммисіи о государственныхъ родахъ на статью 261 Наказа, въ которой сказано: „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества“¹⁾ и говоритъ при этомъ: „Нѣтъ ли способа найти основаніе, могущее произвести нечувствительно нѣкоторое полезное въ состояніи нижняго рода поправленіе и пресѣчь великія злоупотребленія, удручающія сихъ полезныхъ членовъ общества?“ Такимъ образомъ либеральныя желанія, хотя въ весьма умѣренной формѣ, еще сохраняются. Въ 1777 году, въ одномъ частномъ разговорѣ, императрица говорила о томъ, что крестьянскій вопросъ—дѣло весьма трудное: „гдѣ только начнутъ его трогать, онъ нигдѣ не поддается“²⁾. Какъ видно, она выражала окружающимъ лицамъ свое желаніе принять нѣкоторыя мѣры для ограниченія крѣпостнаго права, такъ какъ въ одномъ неизданномъ мѣмнѣи, составленномъ всего вѣроятно въ 1780 году, мы находимъ слѣдующія слова: „величайшее Ея И. В. соизволеніе состоитъ въ томъ: найти средство къ уравнию владѣльцевъ и крестьянъ, къ пресѣченію налагаемыхъ одними излишнихъ податей и работъ и происходящихъ черезъ то отъ другихъ непослушаній“. Не оставляя мысли объ улучшеніи быта крестьянъ, императрица слѣдила за тѣмъ, что дѣлалось за границей по крестьянскому вопросу. Это видно изъ ея частнаго разговора, на который мы только что ссылались, и изъ слѣдующаго факта. Въ концѣ 1781 года, нашъ посланникъ въ Вѣнѣ кн. Голицынъ прислалъ при своихъ депешахъ манифестъ Іосифа II объ освобожденіи крестьянъ и дешевой продажѣ имъ земель этихъ манифестовъ теперь нѣтъ при депешахъ, они не были возвращены изъ дворца. Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ въ послѣдній разъ промелькнули либеральныя желанія императрицы: тогда былъ составленъ видѣнный гр. Блудовымъ проектъ закона, по которому всѣ дѣти крѣпостныхъ, рожденныя послѣ 1785 года, должны были сдѣлаться свободными. Но проектъ этотъ остался неисполненнымъ.

Между тѣмъ, на ряду со всѣми этими планами, идетъ рядъ весьма нелиберальныхъ мѣръ относительно крѣпостныхъ, какъ, напримеръ, предоставленіе помѣщикамъ права отдавать людей въ каторж-

¹⁾ Die Gesetze können dadurch etwas Gutes stiften, wenn sie den Leibeigenen ein Eigenthum bestimmen.

²⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 года, томъ XVII, «Бесѣды императрицы Екатерины II съ Далеми», стр. 14.

ную работу и даже брать ихъ назадъ. Какъ объяснить себѣ это протворѣчїе? Не была ли Екатерина вынуждена обстоятельствами и по инстинкту самосохраненія отказаться отъ своихъ либеральныхъ желаній, встрѣтя имъ чрезъ-чуръ сильный отпоръ въ современномъ обществѣ? Такъ думаютъ нѣкоторые, напримѣръ, г. Романовичъ-Славатинскій, который указываетъ при этомъ, что Екатерина была возведена на престоль дворянствомъ и потому должна была сообразоваться съ его желаніями. Въ этомъ мнѣніи есть много справедливаго. Екатерина была дѣйствительно обязана престоломъ дворянству и положеніе ея въ началѣ царствованія было довольно шатко, особливо если принять во вниманіе, какъ часты были въ Россіи дворцовыя революціи въ теченіи сорока лѣтъ, предшествовавшихъ ея вступленію на престоль; она сама возвысилась съ помощію такой революціи. Но въ послѣдствіи положеніе ея совершенно упрочилось,—и однако она ничего не сдѣлала для того, чтобы мысли, высказанныя въ ея замѣткахъ и Наказѣ, не оставались однѣми фразами. Очевидно, нельзя объяснить ея бездѣятельности по этому вопросу только неблагоприятными обстоятельствами. Необходимо искать объясненія въ ней самой, складѣ ея убѣжденій. Въ этомъ отношеніи для насъ весьма интересна слѣдующая замѣтка, занесенная Екатериною на страницы своей записной тетради, когда она была еще великою княгиней: „признаюсь, что хотя я свободна отъ предрасудковъ, и у меня умъ отъ природы философскій, однако чувствую великую склонность чтить древніе роды; мнѣ тяжело, когда я вижу ихъ обреченными почти на нищенство; мнѣ пріятно возстановлять ихъ. Можно возстановлять ихъ блескъ пожалованіемъ орденовъ и назначеніями въ должности старшаго въ родѣ, а также раздачею пенсій и даже помѣстій“... Эта черта Екатерины—благоговѣніе къ древнимъ родамъ и желаніе поддерживать ихъ падающее величіе—можетъ объяснить намъ многое. Событія сложились въ послѣдствіи такъ, что древніе роды замѣнились въ симпатіяхъ императрицы новыми людьми, сдѣлавшими свою карьеру во время переворота 1762 года или позже, но благоговѣніе къ величію дворянства осталось, и вотъ на этихъ новыхъ людей посыпались милости, а прежнія либеральныя фразы были постепенно забыты.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что прежній либерализмъ Екатерины былъ лицемеріемъ. Она, несомнѣнно, съ полною искренностью выражала свои мысли въ замѣткахъ, не предназначенныхъ для печати. Наказъ былъ уже отчасти написанъ для того, чтобы удивить свободомысліемъ Европу, но мы всетаки охотно вѣримъ, что въ то

время Екатерина искренно сочувствовала всему, высказанному ею въ этомъ произведеніи. Но, во всякомъ случаѣ, это были не глубокія убѣжденія, а либерализмъ довольно поверхностнаго свойства. Первоначальные планы Екатерины по крестьянскому вопросу дѣйствительно встрѣтили отпоръ со стороны нѣкоторыхъ лицъ, но были же люди, которые имъ вполне сочувствовали: сама Екатерина, на примѣръ, говорить, съ какою горячею симпатіею относился гр. Орловъ къ мыслямъ, выраженнымъ въ Наказѣ; затѣмъ мы видѣли энергическія и постоянныя требованія Сиверса. Она не только встрѣтила бы поддержку въ этихъ людяхъ, но приобрѣла бы любовь народа и, по всей вѣроятности, избавила бы Россію отъ Пугачевщины. Она дѣйствовала гораздо рѣшительнѣе въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ ея собственные взгляды были прочны и непоколебимы: такъ она, восторженная поклонница Вольтера, была человѣкомъ свободно мыслящимъ въ вопросахъ религіозныхъ, и потому не только дала льготы раскольникамъ, но даже въ самомъ началѣ царствованія секуляризировала духовныя имѣнія, несмотря на протестъ нѣкоторыхъ высшихъ представителей церковной іерархіи; въ вопросахъ социальныхъ она не пошла далеко—и вотъ почему положеніе крѣпостныхъ не только не было улучшено, но сдѣлалось въ ея царствованіе еще тяжелѣе.

Съ теченіемъ времени, даже и па словахъ, Екатерина перестала высказывать либеральныя мысли по крестьянскому вопросу, не говоря уже о томъ, чтобы осуществлять ихъ на дѣлѣ. Въмѣсто признаній, которыя мы встрѣчаемъ въ Наказѣ, что жизнь крѣпостныхъ крестьянъ весьма незавидна, являются самодовольныя заявленія, что у насъ „въ повинностяхъ нѣтъ ничего произвольнаго“ и что, разъ уплативъ ихъ, крестьянинъ „почти совершенно воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ“. Въ замѣчаніяхъ на книгу „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ она выражается еще рѣшительнѣе: „ѣдетъ (пишетъ она объ ея авторѣ) оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной“. Всѣ замѣчанія ея на эту книгу производятъ крайне тяжелое впечатлѣніе и мѣстами отзываются самымъ грубымъ крѣпостническимъ цинизмомъ. По поводу одного мѣста она говоритъ: „уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ!“ Такъ выражается Екатерина послѣ того, какъ выдохся ея либерализмъ, такъ говоритъ самодержавная императрица, которая имѣла возможность заставить помѣщиковъ повиноваться голосу справедливости. Въ настоящее время мы можемъ не сожалѣть, что крестьянскій вопросъ не былъ рѣшенъ тогда оконча-

тельно, такъ какъ въ то время, если бы и освободили крестьянъ, то освободили бы ихъ даже не съ недостаточнымъ количествомъ земли, а совершенно безъ нея: объ освобожденіи съ землею въ то время никто и не думалъ. Но, и не уничтожая совершенно крѣпостнаго права, можно было бы многое и весьма многое сдѣлать для улучшенія ужаснаго положенія крѣпостныхъ.

Василій Семеновскій.

КНЯЗЬ ПЛАТОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ.

VI ¹⁾.

Проектъ Зубова рѣшено было привести въ исполненіе: началомъ таковаго былъ походъ въ Персію, завоеваніе которой предложено было Суворову... „Онъ пользуется великими отличіями“, — писалъ о немъ графъ Ростопчинъ графу С. Р. Воронцову ²⁾), — „живетъ въ Таврическомъ дворцѣ, чудеситъ, подсмѣивается надъ Салтыковыми, говоритъ императрицѣ правду о дурномъ состояніи войскъ и въ каждомъ словѣ обнаруживаетъ непомѣрное самолюбіе. Онъ представилъ списокъ тѣхъ генераловъ, которыхъ желаетъ взять съ собою въ походъ. Весьма удивлены, не вида въ этомъ списокѣ ни графа Валеріана Зубова, ни брата его Николая, зятя Суворова. Онъ хочетъ имѣть сослуживцами генераловъ Исленева, Буксгевдена, Шевича и Исаева, казачкаго атамана. Въ этотъ походъ назначено 15,000 (?)“.

Недѣль чрезъ пять послѣ того (въ февралѣ 1796 г.), Суворовъ отказался принять начальство надъ войсками, назначенными въ персидскій походъ; главнокомандующимъ былъ назначенъ Валеріанъ Зубовъ. Хотя у него, по свидѣтельству современниковъ, было много „охоты отличиться“, но не было ни опытности, ни ума, потребныхъ для веденія войны, которая, вслѣдствіе событій, могла принять угрожающіе размѣры.

Готовясь къ принятію главнаго начальства надъ войсками, Валеріанъ Зубовъ собиралъ свѣдѣнія о тѣхъ странахъ, которыя готовился покорять. Еще въ исходѣ 1795 года, греческій митрополитъ Хрисанъ подалъ ему записку объ отношеніяхъ восточныхъ странъ къ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 591—606; томъ XVII, стр. 39—52; 437—462.

²⁾ Письмо отъ 8-го декабря 1795 г., арх. Воронцова, т. IX, стр. 117.

Россіи и о тѣхъ выгодахъ, которыя можетъ она извлечь изъ тамошнихъ естественныхъ богатствъ. Сущность этой записки—во многихъ отношеніяхъ любопытной¹⁾, заключалась въ слѣдующемъ:

Россіи весьма полезно заключить союзъ съ Персією, которая угнетена варварскими племенами, обладающими Гератомъ, Кандагаромъ и почти всѣмъ Систаномъ. Покореніе Бухаріи не представляетъ особенныхъ затрудненій; Астрабадъ—«весьма выгодное для Россіи пристанище». Отсюда, въ зимнее время. дней въ восемь, много въ десять, русскія войска могутъ достигнуть Хивы. Эта страна плодородна, имѣетъ серебряныя и золотыя рудники (?). Изъ Хивы, по рѣкѣ Аму-Дарьѣ—удобный путь въ Бухарію. Племена, заселяющія Хиву, враждуютъ между собою, войска ихъ малочисленны, ничтожны; покоривъ одно племя, Россія найдетъ во многихъ другихъ, съ нимъ враждующихъ—самыхъ покорныхъ союзниковъ. При ихъ содѣйствіи завоеваніе Бухаріи не представить никакихъ затрудненій... «чѣмъ далѣе»,—говоритъ митрополитъ Хрисанъ.—«распространяема будетъ тамо власть, тѣмъ безсильнѣе и въ грубѣйшемъ невѣжествѣ погруженные встрѣчаться будутъ народы, владѣющіе, по истиннѣй землей обѣтованною, нѣдра коей преполнены золота, серебра и другихъ драгоценностей, и притомъ, такіе, кои не носятъ на головахъ европейскихъ шляпъ (?). слѣдственно (sic) и огнестрѣльныхъ орудій, сими послѣдними употребляемыхъ, то есть артиллеріи, совсѣмъ не имѣютъ». Покорить Бухарію (занивъ предварительно Хиву) не въ состоявіи ни одно изъ сопредѣльныхъ ей государствъ, кромѣ Россіи. Богатствомъ и обиліемъ жизненныхъ припасовъ Бухарія почти превосходитъ Индію. Области Карса, Балкъ, весь Туркестанъ—«такая земля, какою описываетъ священное писаніе обѣтованную». Кабуломъ обладаетъ государь авганскій; крѣпостью этого имени «простая жепщина овладѣть можетъ, бросивъ туда вѣсколько яницъ (?). Сокровища государя и его министровъ—неисчислимы; войска можетъ быть выставлено до 50,000, но 5,000 русскихъ въ два часа времени могутъ его истребить и овладѣть всею областью. Богатый Камгаръ, со всѣми своими сокровищами, можетъ быть покоренъ—пятью тысячами европейскаго войска. Самаркандъ почти пустъ».

Повергая свои соображенія на благоусмотрѣніе братьевъ Зубовыхъ, митрополитъ Хрисанъ предлагалъ имъ убѣдиться въ истинѣ его показаній чрезъ «соглядатаевъ», которыхъ можно было-бы отправить въ «землю обѣтованную», т. е. въ Среднюю Азію, въ видѣ странствующихъ врачей... При этомъ Хрисанъ напомнилъ, что Англія обладаетъ Индією, удерживая ее въ строгомъ повиновеніи съ 25,000 войскъ европейскыхъ и 50.000—туземныхъ. «Какое-же сравненіе силъ англійскихъ съ русскійскими—вашей свѣтлости болѣе можетъ быть извѣстно».

Графъ Валеріанъ Зубовъ отправился въ походъ 23-го февраля 1796 г.: генераламъ, его спутникамъ, дано было повелѣніе къ 20-му числу марта прибыть въ Кизляръ. Эти генералы были: Корсаковъ, кн. Циціановъ, ганноверецъ Бенигсенъ и Платовъ, казацкій атаманъ. Въ должности дежурнаго генерала находился бригадиръ графъ Апраксинъ. Вскорѣ получено было донесеніе отъ генерала Булгакова.

¹⁾ Списокъ ея, сообщенный Н. Ѳ. Самаринымъ, былъ напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 г., № 5. стр. 863—876.

овладѣвшаго дефицеми въ горахъ, что онъ не находитъ средствъ къ продовольствію двухъ ему подначальныхъ баталіоновъ и что между солдатами обнаруживаются болѣзни. При всемъ томъ, Зубовъ намѣревался въ сентябрѣ мѣсяцѣ быть въ Испагани. Причинами войны были: во 1-хъ, чтобы уклониться отъ исполненія статьи договора съ императоромъ, которому русскіе обязаны были дать 30,000 войска, или деньги, въ случаѣ если бы онъ потребовалъ таковыя (отъ соблюденія этой статьи Россія избавлялась въ случаѣ собственной войны); во 2-хъ, желаніе графа Platона Зубова быть фельдмаршаломъ, а такъ какъ онъ, въ непродолжительномъ времени, готовился предсѣдательствовать въ военной коллегіи, то, при первомъ же благоприятномъ извѣстіи съ театра войны, могъ быть пожалованъ въ президенты.

Валеріанъ Зубовъ наканунѣ своего отъѣзда былъ произведенъ въ генераль-адъютанты. Подъ командою Корсакова находилось 10,000 войска; главнокомандующій съ 20,000 остальныхъ долженъ былъ идти въ Тифлисъ побережьемъ Каспійскаго моря. Обоимъ корпусамъ предстояло до ихъ соединенія переходъ въ 600 верстъ, сражаясь, или подкупая деньгами горцевъ, которыхъ насчитывали до 600,000. Генераль Гудовичъ долженъ былъ прикрывать движеніе Корсакова и Зубова. Судя по плану, знатоки ратнаго дѣла походу этому не предвидѣли и конца, ибо, по прибытіи въ Баку, войска, получивъ подкрѣпленіе въ 20,000 человекъ, должны были идти въ Испаню. У Мегмета-паши подъ начальствомъ было 120,000 человекъ. Онъ опустошалъ Грузію, для затрудненія похода нашихъ войскъ, вслѣдствіе недостатка продовольствія. Походъ располагали покончить движеніемъ на Константинополь—такова была цѣль желаній императрицы. Валеріанъ Зубовъ говорилъ, что если намѣренія его осуществятся, то ранѣе пяти лѣтъ онъ не возвратится.

Платонъ Зубовъ, въ это время свѣтлѣйшій князь Римской имперіи, достигъ полнаго апогея могущества: въ его рукахъ находились главныя части государственнаго управленія, и вообще вліяніе его на ходъ управленія было весьма значительно.

15-го февраля 1796 г. происходило бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича съ принцессою Саксенъ-Кобургскою, во святомъ муропомазаніи Анною Федоровною. Въ это-же время Екатерина II была занята мыслью, внушенною ей Платономъ Зубовымъ, именно: о родственномъ союзѣ съ Швеціей—чрезъ замужство старшей внуки государыни, великой княжны Александры Павловны, съ королемъ Густавомъ IV Адольфомъ. Еще не задолго передъ тѣмъ, этотъ предполагаемый союзъ возбуждалъ негодованіе Екатерины; но доводы Зубова, его увѣренія, что тѣмъ упрочено будетъ величіе Рос-

сін и обезпеченъ успѣхъ предпріятія завоеванія Турціи и Средней Азіи — побудили императрицу отнестись къ этому вопросу съ иной точки зрѣнія. Переговоры съ шведскимъ дворомъ, веденіе которыхъ поручено было Будбергу, были почти беззуспѣшны—до самаго августа 1796 г. Еще въ маѣ, гр. Ростопчинъ писалъ графу Воронцову:

— «Были крайне удивлены (въ Петербургѣ) когда сюда прибылъ, будто съ неба свалился, генералъ Будбергъ, которому дано важное порученіе вести переговоры о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ королемъ шведскимъ. Онъ возвратился изъ Стокгольма и хотя распустили слухъ, что его ожидали, на дѣлѣ же оказалось, что онъ выѣхалъ изъ Швеціи въ силу своихъ послѣднихъ инструкцій, гласившихъ, что, въ случаѣ отказа въ отвѣтѣ положительномъ и удовлетворительномъ, онъ долженъ тотчасъ же выѣхать. Правда, что его отбытіе произвело въ Стокгольмѣ сильное впечатлѣніе и надѣяло тревоги, ибо, по положенію вещей и по приготовленіямъ войны, всего менѣе ожидали. Послѣ своего прибытія сюда, г. Марковъ имѣлъ многія тайныя совѣщанія съ шведскимъ посланникомъ и полагаютъ, что г. Будбергъ въ Стокгольмѣ не возвратится. Онъ самъ это говоритъ. Не можете себя представить до какой степени этотъ новый чухонскій дипломатъ напыщенъ гордостью и какъ мало нужно, чтобы возбудить гордость этихъ гг. нѣмцевъ: они неразлучны съ мыслью быть школьными учителями насъ, русскихъ. Полагаютъ, что всѣ эти переговоры худымъ кончатся и мы будемъ возиться со шведами до конца года: еще три мѣсяца — и уже нельзя будетъ начать войны. Гвардія выступаетъ въ лагери въ исходѣ этого мѣсяца. Шесть баталіоновъ, сформированные въ Москвѣ подъ именемъ «запасныхъ», на пути—сюда; одинъ изъ нихъ проходилъ черезъ городъ третьяго дня и расположился лагеремъ въ Осиновоѣ рошѣ, по Выборгской дорогѣ».

Между тѣмъ положеніе нашихъ финансовъ было самое плачевное; помимо прочихъ государственныхъ расходовъ, персидская война требовала милліоновъ, а государственная казна была почти истощена. Для изысканія мѣропріятій къ ея пополненію наряжена была коммисія, подъ предсѣдательствомъ князя Зубова, рѣшившая вопросъ очень просто и, съ тѣмъ вмѣстѣ, отнюдь не удовлетворительно. До того времени нарицательная цѣнность мѣдной монеты была на 22⁰/₁₀₀ ниже ея металлической стоимости: изъ пуда мѣди, стоимшаго въ продажѣ 22 р., чеканили монеты только на 16 р. Коммисія удвоила нарицательную цѣнность—и курсъ на ассигнаціи упалъ до 46, даже до 50⁰/₁₀₀. Кромѣ того, въ той-же коммисіи былъ поднятъ и едва не утвержденъ вопросъ о чеканкѣ золотой и серебряной монеты изъ металловъ, выписываемыхъ изъ-за границы¹⁾.

¹⁾ Сохранилась длинная и не особенно толковая записка — финансовый проектъ князя Платона Зубова. Въ ней юный финансистъ противорѣчитъ себѣ почти на каждой страницѣ. По его соображеніямъ, удвоеніе стоимости ходячей мѣдной монеты, посредствомъ ея перечеканки, должно было обогатить казну

Въ концѣ мая въ Петербургѣ получено было извѣстіе о взятіи Дербента, которымъ овладѣлъ Валеріанъ Зубовъ 10-го мая. Струны лиры Державина вострепетали подъ послушными перстами и пѣвецъ Фелицы, Потемкина, Суворова, воспѣлъ взятіе Дербента:

Герой, который мной воспѣтъ,
 Что счастья надѣленъ рукою
 И храбростью и красотою
 Въ любви и въ брани для побѣды!
 Уже ты днесь не по фортунѣ,—
 По подвигамъ твоимъ почтенъ и т. д.

Во всѣхъ нашихъ біографическихъ словаряхъ и прежнихъ учебникахъ отечественной исторіи подвиги Валеріана Зубова на Кавказѣ описаны почти такъ же цвѣтисто, какъ и въ одѣ Державина. По свидѣтельству современника (графа Ростопчина), можетъ быть и слишкомъ строгаго цѣнителя воинскихъ дарованій Валеріана Зубова, эта персидская кампанія была далеко не такъ знаменита:

— «Наша война съ персіянами, или, вѣрнѣе, съ ихъ городами, идетъ очень хорошо: взяли Дербентъ, Баку и Шумаки (Шемаху?); всѣ эти города сдались безъ боя. Но такъ какъ надобно-же было придать воинственный видъ этому походу, то и перерѣзали человекъ пятьдесятъ въ одной башнѣ не подалеку отъ Дербента. Г. Корсаковъ, которому было дано приказаніе овладѣть этимъ городашкой, величаемомъ именемъ крѣпости, вида, что эти люди приближаются къ нему, послалъ сказать графу Зубову, что они не хотятъ защищаться; ему это не понравилось, онъ послѣшилъ самъ и, дѣлая подобіе приступа, велѣлъ ихъ перерѣзать».

Тѣмъ не менѣе, мѣсяца черезъ два (незадолго до кончины императрицы) положеніе военныхъ дѣлъ въ Закавказьи было далеко неутѣшительно. Армія расположена была въ окрестностяхъ Баку. Къ Зубову былъ отправленъ де-Воланъ, инженерный офицеръ, съ планами и инструкціями для перехода въ 600 верстъ, по минованіи которыхъ нашимъ войскамъ предстояло сраженіе съ 40,000 персіанъ, намѣревавшихся отрѣзать имъ отступленіе. Носились слухи, будто наши войска будутъ придерживаться плановъ Петра Великаго, дабы, по укрѣпленіи Баку и Дербента, привлечь всю торговлю шелками, производимую армянами, изъ Индіи и Турціи. Для начала было ассигновано графу Валеріану Зубову 3.000,000 руб., которые онъ могъ расходовать безотчетно, по собственному усмотрѣнію. Чтобы добыть хоть сколько денегъ и покрыть громадныя расходы, предложенъ былъ по-

безъ всякаго обремененія народа. Эту перчеканку онъ предполагалъ произвести изъ мѣдныхъ денегъ, доставленныхъ частными владѣльцами монеты на монетные дворы. Онъ при этомъ упустилъ изъ виду даже возвышеніе стоимости мѣди въ торговлѣ.

вый тарифъ, тотчасъ-же одобренный. Съ перваго взгляда онъ показался очень выгоднымъ, ибо однимъ взмахомъ пера государственный доходъ былъ увеличенъ на 8.000,000 рублей въ годъ; но не обратили вниманія на то, что это былъ тяжелый налогъ для страны, такъ какъ торговецъ долженъ былъ соразмѣрять цѣны и свои барыши съ пошлинами, которыя уплачивалъ за ввозъ своего товара, а именно предметы первой необходимости были обложены наибольшею пошлиною. Пудъ сахара продавался по 40 р., тогда какъ прежде стоилъ 23 р.

Всѣ эти мѣропріятія были измышлены Zubovымъ — никто не дерзалъ ему противорѣчить; раболѣпство, по свидѣтельству Ростопчина, достигло крайняго предѣла.

...«Старый генералъ Меллссино, получая на дняхъ Владимірскую ленту отъ кн. Зубова, подѣловалъ у него руку... хотя этотъ генералъ-фельдцейхмейстеръ въ одной рѣчи, произнесенной въ инженерномъ корпусѣ, доказывалъ, что философъ Платонъ въ сравненіи съ шалуномъ Платономъ былъ просто скотина, но сей князь Платонъ очень недоволенъ, что братъ его Валеріанъ произведенъ въ генералъ-аншефы¹⁾. Онъ принималъ поздравленія съ видомъ сухости и никакъ не можетъ примириться съ мыслью, что его креатуры въ одномъ чинѣ съ нимъ. Это повышеніе покорителя Дербента возбудило много неудовольствій и князь Сергѣй Голицынъ и графъ Ферзенъ—генералъ-лейтенанты, послали прошенія объ отставкѣ».

Опрометчивость, которою былъ запечатлѣнъ весь планъ персидскаго похода Валеріана Зубова, не замедлила принести горькіе плоды и самъ покоритель Дербента не могъ не сознаться, что его положеніе на Кавказѣ было почти критическое. Дальній востокъ съ его золотыми горами и «землями обѣтованными» (по словамъ митрополита Хрисанова) былъ рѣшительно недоступенъ нашимъ войскамъ, необезпеченнымъ продовольствіемъ, не защищеннымъ съ тыла, которому угрожали племена горцевъ и войска персіянъ. Исполненіе проекта Платона Зубова оказывалось невозможнымъ, такъ какъ оно требовало громаднхъ затратъ — миллионовъ рублей и сотенъ тысячъ войска.

Валеріанъ Зубовъ, обуйнннй ужасомъ при видѣ естественныхъ твердынь Кавказа и тысячи препятствій, подробно писалъ о нихъ брату своему²⁾ и умолялъ: «обезпечя мое пропитаніе, снабдите меня предполагаемою прибавкою войскъ къ осеннему времени и примите къ сему вѣрныя мѣры; ибо долженъ вамъ признаться,—писалъ Валеріанъ Зубовъ,—что все идетъ крайне медленно и далеко мы здѣсь отстали отъ вашего предположенія, какъ и сами знать изволите» и проч.

¹⁾ Кроме чина генералъ-аншефа, Валеріану Зубову, за взятіе Дербента, былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 2-го класса.

²⁾ Подлинникъ письма за № 34,416 хранится въ военно-учебномъ архивѣ. Списокъ его, сообщенный П. К. Щебальскимъ, былъ напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1873, № 5.

Лѣто 1796 года началось подъ самыми благопріятнѣйшими предзнаменованіями для царствующаго дома и для всей столицы: вѣсть о взятіи Дербента, рожденіе великаго князя Николая Павловича (25-го іюня), успѣшныя переговоры о сватовствѣ шведскаго короля на старшей дочери цесаревича Павла Петровича и ожиданіе прибытія жениха въ столицу—были предметами всеобщихъ разговоровъ и предложениями къ празднествамъ при дворѣ и въ домахъ знатныхъ вельможъ. Въ преданіяхъ петербургскихъ старожиловъ долгое время сохранялись рассказы о праздникахъ на дачахъ Нарышкина, графовъ Самойлова, Строганова и мн. др. Жителямъ Петербурга долгое время были памятны шутивыя маневры на Большой Невкѣ, когда, подъ начальствомъ князя Зубова, большой катеръ, вооруженный пушками, атаковалъ дачу графа Александра Сергѣевича Строганова; матросы послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ сдѣлали высадку, и престарѣлый вельможа, отвѣтивъ имъ громомъ орудій, разставленныхъ у своей дачи, сдался Зубову и въ качествѣ плѣнника былъ отвезенъ во дворецъ къ императрицѣ, гдѣ былъ, разумѣется, принятъ какъ любимый и почетный гость. Другими забавами петербургской знати были иллюминаціи, фейерверки, карусели, турниры... 14-го августа дворецъ былъ обрадованъ прибытіемъ короля шведскаго, нареченнаго жениха великой княжны Александры Павловны.

Драгоцѣнные документы, касающіеся до сватовства Густава IV, этого прискорбнаго событія, которое много способствовало смертельному недугу Екатерины II, уже извѣстны читателямъ „Русской Старины“¹⁾, но здѣсь приведемъ два современные разсказа о несостоявшемся бракосочетаніи, дающіе полную возможность судить о мѣрѣ участія князя Зубова въ этомъ дѣлѣ и о степени его виновности въ неудачѣ, тяжело оскорбившей Екатерину, какъ главу семейства и какъ государыню.

„Прибывъ въ Петербургъ, король остановился въ домѣ посланника своего Штедингга²⁾. Весь городъ взволновался, желая видѣть юнаго монарха. Императрица, имѣвшая пребываніе въ Таврическомъ дворцѣ, переѣхала въ эрмитажъ, чтобы принять короля и давать въ его честь праздники. При первомъ же съ нимъ свиданіи, она была, повидимому, въ восхищеніи отъ него, и (по ея словамъ) „сама въ него влюбилась“. Онъ хотѣлъ поцѣловать у нея руку; она воспротивилась. „Нѣтъ“, — сказала государыня, — „я никогда не позабуду, что графъ Гага — король“. „Если ваше величество“, — отвѣчалъ онъ, — „не желаете дозво-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, «Историческіе матеріалы изъ бібліотеки дворца города Павловска», стр. 473—512 и друг.

²⁾ Разсказъ Массона изъ Memoires secrets. Tome I, p. 13—30.

лить мнѣ этого, какъ императрица, то, по крайней мѣрѣ, дозвольте, какъ дама, которой я обязанъ почтеніемъ и удивленіемъ“. Свиданіе съ юною великою княжною было еще интереснѣе: оба были крайне смущены, а глаза всего двора, на нихъ устремленные, еще усиливали ихъ замѣшательство. Послѣ справедливыхъ похвалъ очаровательной наружности, уму и высокимъ душевнымъ качествамъ, рассказчикъ переходитъ къ характеристикѣ жепиха. „Трудно было найти, не говорю короля, но молодого человѣка, который былъ бы такъ привлекателенъ, благовоспитанъ (?) и подавалъ такія блестящія надежды, какъ король шведскій. Онъ былъ семнадцати лѣтъ: высокій, статный, благородной осанки, проникнутый умомъ, кротостью и съ тѣмъ вмѣстѣ какимъ-то величіемъ и гордостью, внушавшими уваженіе, не смотря на его молодость, преисполненную граціею юности, безъ ея обычной неловкости. Вѣжливость его была проста, обходительна; каждое его слово было обдуманно (!), на вещи серьезныя онъ обращалъ вниманіе, юности его свойственное, выказывалъ познанія, свидѣтельствовавшія о прекрасномъ воспитаніи; при всемъ томъ его ни на минуту не покидала нѣкоторая степенность, напоминавшая о его санѣ. Вся пышность императорскаго двора, которую старались выставить на показъ, его, повидимому, не ослѣпляла. При этомъ блестящемъ и многочисленномъ дворѣ онъ вскорѣ оказался менѣе стѣсненнымъ, чѣмъ сами великіе князья, неумѣвшіе никого занять разговоромъ; вслѣдствіе этого дворъ и весь городъ дѣлали сравненія очень лестныя и выгодныя для иноземнаго государя. Сама императрица обнаруживала, что съ грустью видитъ разницу между нимъ и ея вторымъ внукомъ, коего грубыя выходки и шалости до того ей надоели, что она разъ или два приказывала сажать его подъ арестъ, во время пребыванія короля шведскаго.

„Вельможи наперерывъ старались раздѣлять радость Екатерины, которая сама указывала на тѣхъ, которые въ особенности должны были давать праздники юному гостю, и назначала дни. Графы Строгановъ, Остерманъ, Безбородко, Самойловъ—отличились расходами на приданіе великолѣпія этимъ празднествамъ. Придворныя особы старались превзойти другъ друга богатствомъ одеждъ, а генералы—парадами, даваемыми въ честь короля: старый генералъ Мелиссино особенно отличился маневрами и фейерверками, имъ изготовляемыми. Густавъ находился въ непрерывномъ очарованіи; однако-же утренними своими часами весьма разумно распорядился, гуляя пѣшкомъ по городу и, вмѣстѣ съ регентомъ, осматривая все достопримѣчательное и назидательное; повсюду дѣлалъ вопросы и давалъ отвѣты, обличавшіе его умъ и образованіе. Регентъ, повидимому, любовавшійся своимъ пи-

томцемъ, слушая расточаемыя ему похвалы, — человекъ очень малаго роста; манеры у него непринужденныя и вѣжливыя; съ виду онъ наблюдателенъ и хитеръ, въ глазахъ свѣтитса много огня; все, что онъ говоритъ, показываетъ въ немъ человека умнаго; рѣчи его заставляютъ призадумываться.

„Весьма понятно, что, на частыхъ празднествахъ, молодые люди имѣли неоднократно случаи видѣться, танцовать, разговаривать другъ съ другомъ; они привыкли одинъ къ другому и обоюдно были очарованы. Престарѣлая Екатерина какъ-бы помолодѣла: давно уже она не бывала такъ оживлена и довольна. Близкое бракосочетаніе перестало быть тайною; оно было предметомъ обиденныхъ разговоровъ. Императрица говорила уже съ королемъ и со своею внучкою, какъ съ женихомъ и невѣстою, и поощрала ихъ нѣжныя чувстваванія. Однажды она приказала имъ даже, въ своемъ присутствіи, развѣяться первымъ поцѣлуемъ.

„Приступили наконецъ къ заключенію столь желаннаго брачнаго союза. Единственная статья, представлявшая нѣкоторыя затрудненія, была вопросъ религиозный. Екатерина, предусматривая образъ мыслей своего двора, совѣщалась съ митрополитомъ о томъ, можетъ ли ея внучка перейти изъ православія въ иное исповѣданіе (?!); вмѣсто отвѣта, котораго она ожидала, онъ сказалъ ей только: „ваше величество всемогущи!“ Государыня — глава російской церкви, не видя поддержки въ мнѣніи духовенства, которое считала уступчивѣе, пожелала быть болѣе русскою, чѣмъ сами русскіе, и болѣе въ угоду народной гордости, нежели по чувству уваженія къ греческому исповѣданію (?), рѣшила, чтобы къ нему принадлежала королева шведская. На сколько это было ново, и унижительно (?) для народа и для правительства шведскихъ, на столько же льстило тщеславію императрицы и ея министровъ (!); впрочемъ, попы, духовники и прочія особы, назначенныя въ свиту юной королевы, были люди благонадежныя и способныя поддерживать ее въ соблюденіи интересовъ Россіи. Король былъ влюбленъ, очарованъ; регентъ, какъ казалось, сдался окончательно; не было ни малѣйшаго повода къ мысли о невозможности уладить этотъ вопросъ. При частныхъ разговорахъ, этого щекотливаго предмета касались какъ-то вскользь; противная сторона не почитала императрицу столь неуступчивою, король-же выразилъ, что, въ уваженіе къ предрасудкамъ (!) и къ народу русскому, княжна не будетъ принуждена формально отречься отъ своего вѣроисповѣданія. Императрица, вполне увѣренная, что дѣло не можетъ разстроиться, поручила любимымъ своимъ министрамъ Зубову и Маркову уладить брачный договоръ соотвѣтственно ея видамъ. Съ другой стороны, шведскій посланникъ (отъ

имени короля) просилъ руки великой княжны, на особой аудіенціи, данной ему для этого формальнаго предложенія; день и часъ обрученія были назначены на 11-е (22-е) сентября вечеромъ.

„Этотъ день былъ днемъ величайшей скорби, даже величайшаго униженія, когда-либо испытаннаго счастливою, самовластною Екатериною. Всему двору дано было повелѣніе въ полномъ парадѣ собраться въ тронномъ залѣ; юная великая княжна, въ одѣяніи невѣсты, сопровождаемая младшими сестрами, великими князьями и ихъ супругами, всѣ придворныя дамы, кавалеры и великій князь съ супругою, прибывшіе изъ Гатчины на обрученіе ихъ дочери, собрались съ семи часовъ вечера. Вышла и сама императрица въ полномъ парадѣ; недоставало только жениха, мѣшкотность котораго тотчасъ же бросилась въ глаза. Частые входы и выходы князя Зубова, нетерпѣніе, въ которомъ была императрица, вскорѣ возбудили любопытство и перешептыванье дамъ. Что же случилось?

„Вотъ причина промедленія. Король долженъ былъ прибыть ко двору въ семь часовъ вечера; въ шесть, дипломатъ Марковъ принесъ ему контрактъ и статьи брачнаго договора, составленнаго имъ вмѣстѣ съ Зубовымъ. Густавъ, слушая его чтеніе, былъ крайне удивленъ, найдя въ немъ вещи, о которыхъ не было договорено съ императрицею, и спросилъ, отъ нея ли самой докладываютъ ему бумаги для подписи? ¹⁾).

„На утвердительный отвѣтъ Маркова онъ возразилъ, что дѣло невозможно. Замятилъ при этомъ, что не намѣренъ стѣснять свободу совѣсти великой княжны, что она лично можетъ исповѣдывать свою религію, но что онъ не можетъ дозволить ей имѣть въ королевскомъ дворцѣ свою часовню и причтъ; въ публикѣ-же и во всѣхъ внѣшнихъ церемоніяхъ она, напротивъ, должна слѣдовать вѣроисповѣданію страны. Можно себѣ представить удивленіе и замѣшательство вялаго Маркова: онъ былъ принужденъ взять обратно свои бумаги и доложить Зубову, что король отказался подписать ихъ. Вскорѣ онъ опять пришелъ къ королю въ величайшемъ волненіи и сказалъ, что императрица уже въ тронномъ залѣ, окруженная всѣмъ дворомъ; что съ нею невозможно говорить, ждетъ короля; надѣются, что онъ не за-

¹⁾ Эти статьи состояли въ томъ, чтобы у великой княжны были въ королевскомъ дворцѣ особая часовня и особый причтъ; чтобы Швеція выполнила нѣкоторыя обязательства противъ Франціи, которые держалась въ строжайшей тайнѣ. Но еще того секретнѣйшія обязательства связывали регента съ директоріею. Можно заподозрѣть, что четыре милліона, обѣщанные и частью уже полученные, много повлияли на его отказъ дѣйствовать во вредъ Франціи. У регента была привычка, держа шляпу въ рукахъ, протягивать ее впередъ, что давало поводъ придворнымъ дѣлать самыя злыя замѣчанія.

Прим. Массона.

хочетъ сдѣлать разрыва, который былъ-бы неслыханнымъ оскорбленіемъ для государыни, для великой княжны и для всей имперіи. Безбородко и многіе другіе приходили поочередно, убѣждая, уговаривая, умоляя короля сдаться на ихъ предложеніе; всѣ шведы, къ посредничеству которыхъ обращались, клонились на уступку. Регентъ говорилъ только, что это зависитъ отъ короля; онъ отвелъ его въ стору, обошелъ съ нимъ вокругъ комнаты, по видимому, самъ, шепотомъ, его уговаривалъ. Король громко отвѣчалъ: „нѣтъ, нѣтъ! не хочу! не могу! не подпишу!“ упорствовалъ противъ всѣхъ убѣжденій и всѣхъ докучливыхъ просьбъ русскихъ министровъ; наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, удалился въ свою комнату, заперъ за собою дверь, повторивъ прямой и рѣзкій отказъ подписать что-либо противное законамъ своей страны. Русскіе министры были ошеломлены дерзостью короля-мальчика, дерзнувшаго противиться волѣ ихъ государыни и стали совѣщаться о способахъ, которыми можно было-бы доложить ей объ этомъ несчастномъ приключеніи....

„Пренія министровъ императрицы съ королемъ длились почти до десяти часовъ. Екатерина и весь дворъ еще ждали: пришлось, наконецъ, объявить имъ, что все разстроилось. Князь Зубовъ подошелъ къ ней таинственно и сказалъ что-то на ухо; императрица встала, произнесла нѣсколько словъ заикаясь; ей сдѣлалось дурно и она почувствовала даже легкій ударъ—предвѣстникъ той апоплексіи, которая черезъ нѣсколько недѣль свела ее въ могилу. Государыня удалилась и весь дворъ былъ распущенъ, подъ предлогомъ внезапной болѣзни короля. Однако-же молва о настоящей причинѣ разнеслась вскорѣ. Одни негодовали на дерзость шведскаго „королька“, другіе на опрометчивость мудрой Екатерины, которая такъ легкомысленно подвергла себя подобному позору; особенно же негодовали на самонадѣянность Зубова и Маркова, вообразившихъ себѣ, что они своимъ лукавствомъ осѣтятъ шведовъ и заставятъ ихъ подписать свадебный контрактъ экспромтомъ.

„Достоинѣйшею участіа жертвою этого глупаго ухищренія и жестокой гордости была великая княжна. Она едва имѣла силы дойти до своихъ покоевъ и здѣсь, не въ состояніи будучи удержаться отъ слезъ, въ присутствіи своихъ наставницъ и фрейлинъ, предалась грусти, возбуждавшей состраданіе во всѣхъ окружавшихъ, отъ которой она дѣйствительно захворала. На другой день этой непредвидѣнной развязки былъ день рожденія великой княгини Анны Федоровны (супруги великаго князя Константина Павловича) и, по придворному этикету, слѣдовало дать балъ; на немъ никто не хотѣлъ танцовать. Король однако-же явился; императрица также показала на одну

минуту и не сказала ему ни слова. Даже Зубовъ видимо косился на шведскаго короля; на всѣхъ лицахъ было явное замѣшательство; великая княжна Александра Павловна, по болѣзни, отсутствовала. Король танцевалъ съ другими великими княжнами, одну минуту поговорилъ съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и вскорѣ уѣхалъ, раскланившись со всѣми вѣжливе обыкновеннаго: то было его послѣднее появленіе при дворѣ. Дни придворныхъ торжествъ и блестящихъ праздниковъ внезапно смѣнились затишьемъ и скукою и никогда ни одинъ король, при иностранномъ дворѣ, не проводилъ такихъ скучныхъ и неприятныхъ дней. Всѣ были нездоровы, или сказывались больными. Участіе, заслуженное Густавомъ (?), внушенное великою княжною, располагало всѣ сердца въ ихъ пользу. О ней сожалѣли какъ о жертвѣ гордости и глупости, жалѣли о немъ, что онъ былъ принужденъ привести жертву, столь драгоценную его сердцу. Громко проклинали Зубова и Маркова; не могли понять дѣйствій императрицы (!!); она сама была въ крайнемъ неудовольствіи. Говорятъ, будто уничтоженныя ея любимцы осмѣлились внушать государынѣ прибѣгнуть къ насилію противъ молодаго короля, бывшаго въ ея власти. Она удалилась на цѣлый день и почти въ совершенное уединеніи въ Таврической дворецъ, подъ предлогомъ освященія тамошней церкви, на самомъ-же дѣлѣ, чтобы скрыть отъ глазъ двора сѣдавшае ея скорбь и еще совѣщаться со своимъ духовенствомъ и любимцами о затруднительномъ положеніи, въ которое была поставлена.

„Постарались по возможности уладить дѣло. Король видѣлся съ императрицею частнымъ образомъ и у министровъ было нѣсколько конференцій. Наконецъ, Густавъ выпутался изъ затрудненія, объявивъ, что хотя по силѣ шведскихъ законовъ онъ и не можетъ уступить желаніямъ императрицы, но посоветуется о томъ съ государственными штатами, которые соберутся въ день его совершеннолѣтія и если они изъявятъ согласіе, чтобы у нихъ была королева, исповѣдующая греческій законъ, тогда онъ отправитъ пословъ за великою княжною. Русская самодержавная власть, негодуя на то, что король говоритъ такимъ языкомъ, тщетно пыталась возстановить его (?) противъ штатовъ, предлагая, въ случаѣ надобности, дать ему необходимыя силы для усмиренія „мятежа“; но на инья соглашенія склонить короля было невозможно.

„Такова была развязка его путешествія, о которомъ органы гласности едва дерзали говорить. Король уѣхалъ въ самый день празднованія рожденія великаго князя Павла Петровича (20-го сентября). Онъ оставилъ императрицу въ крайней досадѣ и огорченіи; причинилъ много грусти сердцу великой княжны. Не смотря на несчастное со-

бытіе, чтобы по возможности утишить молву общественнаго мнѣнія, женихъ и невѣста размѣнялись подарками и русскіе тѣмъ болѣе были удивлены богатствомъ и изящнымъ вкусомъ подарковъ короля шведскаго, что его почитали „бѣднымъ мальчикомъ“.

„Если во всемъ этомъ дѣлѣ мы такъ мало говорили о великомъ князѣ Павлѣ, причиною тому то обстоятельство, что на него въ его семейныхъ дѣлахъ такъ-же мало обращали вниманія, какъ и въ дѣлахъ государственныхъ. Онъ жилъ въ своемъ Гатчинскомъ дворцѣ и все время пребыванія короля шведскаго, въ теченіе почти шести недѣль, его видѣли только разъ, или два, въ Петербургѣ. Супруга его, великая княгиня, напротивъ, раза по три и по четыре въ недѣлю, совершала скучный и утомительный путь, чтобы присутствовать на придворныхъ празднествахъ и удерживать за собою, хотя наружно, свои права и обязанности матери. Эта достойнѣйшая великая княгиня говорила: „Если мнѣ такъ же затруднительно будетъ выдавать замужъ всѣхъ моихъ дочерей, какъ эту дочь, я умру въ дорогѣ“. Король, приличія ради, былъ однажды въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ. Павелъ и регентъ, какъ два разнородные характера, никакъ не могли сойтись, и въ данномъ случаѣ великій князь впервые въ жизни былъ одного мнѣнія со своею матерью и превзошелъ ее даже, отстаивая православіе. Несостоявшійся бракъ подвергъ осмѣянію русскихъ дипломатовъ; онъ былъ крайне оскорбителенъ для достоинства императрицы тѣмъ, что она допустила ихъ употребить столь позорныя (?) средства“.

Разсказъ Массона во многихъ подробностяхъ дополняется письмами графа Ростопчина, которыя напечатаны въ IX-й кн. Архива Воронцова.

Наканунѣ кончины императрицы, графъ Ростопчинъ сообщилъ гр. С. Р. Воронцову слѣдующія подробности:

— «До сихъ поръ еще ничего неизвѣстно положительнаго о бракѣ, и, при всемъ желаніи, чтобы онъ состоялся, еще боялся предаться надеждѣ, что все уладится. Никогда еще не было видано столько интригъ, сколько появилось ихъ по этому случаю. Лица, облеченныя довѣріемъ короля, старались отдалить заключеніе договора, чтобы потомъ воспользоваться наградами отъ нашего двора, которыя достались-бы креатурамъ регента. Послѣдній, путемъ интригъ, слезъ и клятвенныхъ увѣреній, достигъ того, что убѣдилъ императрицу, будто онъ ей предая. Онъ сваливалъ всю вину на короля, и будучи увѣренъ, что, послѣ разрыва, война неминуемо послѣдуетъ за ихъ отъѣздомъ, подготовилъ себѣ судьбу заблаговременно: рѣшился бѣжать сюда, спасаясь отъ вѣрной смерти. Онъ имѣлъ виды на великое герцогство Финляндское. Затрогивалъ даже вопросъ о незаконности происхожденія короля и т. д. Король—молодой человекъ, упрямый, надутый религиозными принципами, вѣрующій въ предопредѣленіе; права холоднаго и не преданный никакой страсти, сколько могли это замѣтить во время

его здѣсь пребыванія; никогда не смѣлся, не выказывалъ неудовольствія и всегда былъ—королемъ. Образецъ его—Карлъ XII; его собственное самолюбіе и льстецы вбили ему въ голову, что онъ предназначенъ быть великимъ завоевателемъ. Послѣ несостоявшаго обрученія, дядя и племянникъ въ теченіе двухъ дней не видѣлись, ужинали и обѣдали порознь. Регентъ, слишкомъ наставная на томъ, чтобы король подписалъ статьи брачнаго договора, замѣтилъ ему въ отвѣтъ на его отказъ: «не забываетъ-ли онъ съ кѣмъ говорить?» на это король возразилъ: «Знаю, что вы мой дядя и регентъ королевства, но должны же знать и вы, что черезъ три недѣли я самъ буду королемъ». Вообще шведы въ этомъ дѣлѣ выказали много заносчивости и высокомерія и во все время ихъ здѣсь пребыванія, по обхожденію съ ними, они очень хорошо видѣли на сколько этотъ бракъ необходимъ императрицѣ. Съ нашей стороны ихъ слишкомъ чествовали при дворѣ и въ городѣ, а кабинетъ нашъ черезъ чуръ полагался на средства къ подкупамъ, которыя соразмѣрялись съ ихъ бѣдностью. Г. Зубовъ слишкомъ небогатъ способностями и опытностью, чтобы вести столь важное дѣло; впрочемъ, онъ былъ слишкомъ занятъ, чтобы дать высокое понятіе о своемъ геніи, вычитывая въ книгахъ сегодня то, что собирався говорить завтра. Г. Марковъ обходился со шведами слишкомъ легко, будучи предубѣжденъ противъ парода, осмыная его насмѣшками: маленькая месть, всегда вызывающая ненависть; это и случилось.

Марковъ упустилъ счастливый случай для честолюбиваго человѣка, ибо на другой день обрученія долженъ былъ получить Андреевскую ленту, а г. Зубовъ—чинъ фельдмаршала. Великая княгиня-мать, хотя нѣжностъ къ дочерн и служилъ ей оправданіемъ, должна во многомъ упрекнуть себя: полагая, что этотъ бракъ дѣло рѣшенное, она дозволила этому невозмутимому графу Гагѣ свободу обращенія, допускаемую по обычаю у насъ на Руси только женихамъ. Великая княжна была неоднократно лобызема, но цѣлыми часамъ сиживала у окна, разговаривая съ этимъ коварнымъ Энеемъ и дѣлала все, чѣмъ только, по ея мнѣнію, могла доказать свое расположеніе къ будущему супругу...

Здоровье (императрицы) худо, она перестала ходить; мысли ея заняты грозою, бывшею въ послѣднихъ числахъ сентября—странное событіе въ здѣшнемъ краю, случившееся только въ годъ смерти императрицы Елисаветы. Изъ дворца не выѣзжаютъ».

Несправедливо было бы обвинять одного Зубова въ семейной неудачѣ, постигшей высочайшую фамилію; въ этомъ дѣлѣ на всѣхъ нашло какое-то поголовное затмѣніе. Самые прозорливѣйшіе наши дипломаты того времени, обсуждая со всѣхъ сторонъ вопросъ о бракосочетаніи великой княжны Александры Павловны съ королемъ шведскимъ, не задавались другимъ вопросомъ: какъ отнесется къ этому союзу Англія, для которой сближеніе Россіи со Швеціею было слишкомъ невыгодно, чтобы она оставалась ея безучастною зрительницею. Англійскимъ посланникомъ въ Петербургъ былъ тогда знаменитый дипломатъ, лордъ Чарльзъ Витвортъ. Благородный лордъ не гнушался никакими средствами для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Другъ и пріятель Платона Зубова, обязательный угодникъ всего нашего двора, любимый нашею знатью—лордъ Витвортъ могъ

слѣдить за ходомъ всѣхъ дѣлъ внѣшнихъ и внутреннихъ, давая имъ, по мѣрѣ надобности, именно то направленіе, которое согласовалось съ интересами Англій. Если регентъ шведскаго королевства, по словамъ Массона, не пренебрегъ четырьмя милліонами французской директоріи, онъ и того скорѣе могъ плѣниться гинееми Англій, чрезъ руки лорда Витворта. Со временемъ, конечно, будетъ извѣстна и сумма, за которую герцогъ Зюдерманландскій продалъ честь короля шведскаго и спокойствіе императорской семьи Россіи. Разрывъ имперіи со Швеціею тѣмъ болѣе льстилъ интересамъ Сентъ-Джемскаго кабинета, что отвлекалъ вниманіе императрицы отъ ея видовъ на завоеванія въ Азіи.

VII.

Подробности утра 5-го ноября 1796 года, въ разсказахъ графа Ө. В. Росточина и другихъ современниковъ, свидѣтелей послѣднихъ минутъ Екатерины II, — общезвѣстны и считаемъ излишнимъ приводить ихъ. Однако же, вниманія читателей заслуживаетъ разсказъ А. С. Шишкова, который утромъ 5-го ноября находился у князя Платона Зубова. Когда Шишковъ пришелъ въ приемную князя, то нашелъ въ ней трехъ посѣтителей, ожидавшихъ его выхода.

— „Скоро изъ кабинета Зубова выпелъ Ламбро-Качіони, извѣстный грекъ, участвовавшій въ войнѣ противъ турокъ, доступный до князя, и по совѣту котораго, какъ сказываютъ, императрица, почувствовавшая нѣкоторую издавна беспокоившую ее боль въ ногахъ, ставила ихъ въ морскую соленую воду. Появленіе Ламбро-Качіони, — разсказываетъ Шишковъ, — крайне меня удивило; онъ показался мнѣ смутенъ, блѣденъ, словно какъ-бы на смерть осужденный. Въ семь видѣ, сталъ онъ синюю къ окошку и стоялъ неподвижно. Я взглянулъ на него еще разъ и увидѣлъ, что онъ больше похожъ на восковую куклу, нежели на живаго челоуѣка. Я подошелъ къ нему и спросилъ: „Ламбро, что съ тобою сдѣлалось?“ Онъ не отвѣчаетъ. „Ты вѣрно болѣвъ“, продолжалъ я; „посмотрись въ зеркало: на тебѣ лица нѣтъ; поди скорѣе и посоветуйся съ какимъ нибудь лекаремъ“. Онъ ни слова; стоитъ, вытараща глаза, какъ истуканъ. Не могши отъ него добиться никакого отвѣта, я хотѣлъ было идти посмотрѣть, не найду-ли кого изъ врачей, но вдругъ вижу пробѣжавшаго мимо насъ въ кабинетъ къ князю брата его Николая Зубова. Онъ тоже былъ блѣденъ, отчаянъ, какъ изступленный. Тутъ не зналъ я, что подуматы! Императрица въ то-жъ самое утро была здорова; никому не приходило въ голову о ней безпокоиться; но, между тѣмъ, изъ крайняго сихъ двухъ чело-

вѣкъ смятенія заключалъ я, что надлежало случиться чему-нибудь чрезвычайному. Страшась услышать и какъ бы желая удалить отъ себя минуту какой-либо ужасной вѣсти, я поспѣшилъ, не дождавшись того, уѣхать домой. На лѣстницѣ встрѣтился со мною Грибовскій: онъ тоже бѣжалъ запыхавшись, съ блѣднымъ, помертвѣлымъ лицомъ. Любопытство побуждало меня спросить у него: чтѣ сдѣлалось? но страхъ остановилъ голосъ мой. И онъ также хотѣлъ нѣчто мнѣ сказать, но не могъ ни слова промолвить. Я пріѣхалъ домой и легъ въ постель, ибо, чувствуя себя нездоровымъ, съ трудомъ выѣзжалъ, и, растревоженный мыслями, еще болѣе ослабѣлъ. Печальная вѣсть о внезапномъ ударѣ, случившемся съ императрицею, вскорѣ разнеслась: въ ней были еще признаки жизни, но ежеминутно ожидали ея кончины“.

Покой императрицы въ Зимнемъ дворцѣ, въ послѣдніе часы жизни Екатерины, были наполнены рыдающими придворными дамами, дѣвками и мужчинами, оказавшимися малодушнѣе женщинъ. Платонъ Зубовъ плакалъ, метался; онъ растерялся до такой степени, что не позаботился о подаіи безотлагательной помощи и противился общему голосу придворныхъ, чтобы страдальницѣ была пущена кровь. По таинственной случайности, у смертнаго одра Екатерины находился въ числѣ прочихъ тотъ, старанія котораго такъ много содѣйствовали ея восшествію на престолъ—графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій. По его совѣту, князь Зубовъ послалъ въ Гатчину, къ цесаревичу Павлу Петровичу, брата своего Николая съ извѣстіемъ объ апоплексическомъ ударѣ, сразившемъ императрицу.

Величіе Зубова угасало вмѣстѣ съ ея жизнію; съ каждой минутой, приближавшей Екатерину къ гробу, приближался и временщикъ къ прежнему своему ничтожеству. Значеніе Зубова кончилось одновременно съ послѣднимъ вздохомъ императрицы. Въ теченіе шести послѣднихъ лѣтъ ея царствованія, Зубовъ находился безотлучно при кормилѣ правленія; большая часть государственныхъ дѣлъ была предпринята по почину Зубова, или рѣшена по его совѣтамъ: на сколько онъ принесъ пользы отечеству—это явствуетъ изъ обзора его дѣятельности почти во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія. Отчетъ о ней находимъ въ запискахъ А. М. Грибовскаго.

Присоединеніе къ Россіи нѣкоторыхъ польскихъ областей—дѣло политическихъ соображеній Екатерины II; осуществленію ея намѣреній содѣйствовали Каховскій, Кречетниковъ, планъ которымъ былъ начертанъ еще покойнымъ Потемкинымъ. Суворовъ довершилъ уничтоженіе самостоятельности королевства польскаго, въ чемъ помогъ ему и Ферзенъ взятіемъ въ плѣнъ Костюшки. Изъ воз-

вращенныхъ Россіи областей устроены были губерніи: Минская, Изяславская и Брацлавская (указъ 13-го апрѣля 1793 г.), Виленская и Смоленская (въ 1796 г.). Курляндія была обращена въ губернію Россійской имперіи... Здѣсь исполнителями воли императрицы были Тутотминъ, князь Репнинъ и баронъ Паленъ. Имя Зубовыхъ является во всѣхъ этихъ событіяхъ на второмъ планѣ, въ тѣни; безчинства и грабежи Валеріана въ Польшѣ и ненасытная алчность Платона—самовластнаго деспота, безчеловѣчнаго крѣпостника въ пожалованныхъ ему деревняхъ и помѣстьяхъ,—оставили по себѣ въ западномъ краѣ долгую и позорную память.

Персидскій походъ Валеріана Зубова и взятіе Дербента не принесли Россіи никакихъ существенныхъ выгодъ и только чувствительно отозвались на государственной казнѣ.

О переключеніи мѣдной монеты было упомянуто выше. Въ 1795 году, по почину князя Зубова, были составлены и напечатаны новые штаты для одного запаснаго баталіона гренадерскаго, мушкетерскаго, егерскаго, и одного эскадрона карабинернаго и легко-коннаго гусарскаго съ прибавкою аммуничныхъ вещей и на оныя цѣнѣ. Дальнѣйшее формированіе запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ было отмѣнено въ царствованіе Павла I. Военный историкъ, безъ сомнѣнія, не обойдетъ своимъ вниманіемъ того обстоятельства, что именно со времени начала завѣдыванія Зубовымъ разныхъ частей военной администраціи, т. е. въ послѣдніе пять лѣтъ царствованія Екатерины II, наши войска, арміи и гвардіи, отличались совершенною распущенностью и упадкомъ субординаціи. Офицеры и даже нижніе чины гвардейскихъ полковъ, занятые болѣе щегольствомъ, нежели отправленіемъ служебныхъ обязанностей, напоминали французскихъ мушкетеровъ и гренадеровъ временъ Людовика XV. Въ службы гвардейскіе офицеры щеголяли въ гражданскихъ нарядахъ, т. е. въ бархатныхъ кафтанахъ, атласныхъ камзолахъ, кружевныхъ жабо и манжетахъ, а зимою—въ дорогихъ собольихъ шубахъ и съ муфтами. Обмундировки армейскихъ полковъ была, какъ извѣстно, облегчена Потемкинскимъ: Суворовъ еще того болѣе упростилъ ее, разсуждая — и весьма основательно,—что въ походахъ солдату не до щегольства... Но это ослабленіе въ формѣ вело къ неряшливости и въ иныхъ полкахъ доходило до того, что солдаты носили разноцвѣтные мундиры. Съ перваго же года своего воцаренія, императоръ Павелъ Петровичъ обратилъ вниманіе на это безобразіе. Если нужно назвать виновника этого ослабленія дисциплины въ нашихъ войскахъ, то имъ былъ никто другой, какъ тотъ-же Зубовъ, изящный сибаритъ. И правъ былъ императоръ Павелъ, упоминая имя Зубова въ строгихъ своихъ приказахъ

по гвардейскому корпусу, какъ синонимъ незнанія правилъ службы и совершеннаго къ ней нерадѣнія ¹⁾).

Сформированіе первыхъ ротъ конной артиллеріи, по волѣ Екатерины II, возложено было на генераль-поручика Мелиссино. Участіе Зубова ограничилось ихъ смотромъ, которымъ онъ остался совершенно доволенъ, приписывая одному себѣ починъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ. Въ бытность его генераль-фельдцейхмейстеромъ положено основаніе Луганскаго литейнаго завода (нынѣ Екатеринославской губерніи, Бахмутскаго уѣзда, заштатный городъ Старославиано-сербскъ); основателемъ завода былъ Гайсконъ, самый проектъ его съ французскаго языка былъ переведенъ А. М. Грибовскимъ.

По указу 27-го января 1795 года, Зубову повелѣно было составить новую Вознесенскую губернію, которой онъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ. Губернія эта состояла изъ 12-ти уѣздныхъ и 7-ми приписныхъ городовъ. Строеніе Одессы де Рибасомъ, подъ покровительствомъ Зубова, принесло, по крайней мѣрѣ въ первое время, болѣе пользы строителю, нежели государству. Наконецъ, А. М. Грибовскій въ своихъ запискахъ упоминаетъ о заселеніи губерній Таврической и Вознесенской крестьянскими семействами изъ внутреннихъ, малоземельныхъ губерній и о водвореніи Черноморскаго войска на островѣ Тамани.

Донынѣ ни въ официальныхъ документахъ, ни въ воспоминаніяхъ разныхъ лицъ не найдено—и едва-ли когда будетъ найдено—ни одного свидѣтельства о томъ, чтобы князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, пользуясь важнымъ своимъ значеніемъ, когда нибудь ходатайствовалъ предъ императрицею за кого-либо имѣвшаго несчастіе навлечь на себя гнѣвъ государни, или ея неблаговоленіе: напротивъ, въ большинствѣ случаевъ Зубовъ возбуждалъ старческую подозрительность Екатерины противъ людей почти невиноватыхъ, или по крайней мѣрѣ достойныхъ снисхожденія. Напомнимъ, наконецъ, читателямъ, что при кончинѣ императрицы государственная казна была пуста, но тюрьмы, остроги и казематы были довольно полны арестантами.

¹⁾ См. приказы императора Павла въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. т. VIII, стр. 972 и друг.

VIII.

Знаменія новаго времени не замедлили проявиться съ первыхъ же дней воцаренія Павла: щегольскіе наряды придворныхъ и военныхъ смѣнились мундирами „гатчинцевъ“, и первый примѣръ соблюденія ихъ формы подали великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи; вельможи, еще за нѣсколько дней тому назадъ кичившіеся передъ наследникомъ престола, теперь принесли къ его стопамъ; лица, до сихъ поръ остававшіяся въ тѣни, гордо подняли головы: первые стали послѣдними, послѣдніе—первыми. Трауръ, въ который облекся дворъ, былъ вѣстникомъ наступленія черныхъ дней для людей, пригрѣтыхъ послѣдними лучами царствованія Екатерины. На нихъ рухнула лавина немилости новаго государя; многимъ предложено было удалиться изъ столицы, оставить занимаемыя ими должности; представленія о наградахъ орденами, чинами, помѣстьями — были отклонены; наконецъ, нѣкоторые лица подверглись домашнимъ арестамъ, а государственныя бумаги, въ ихъ рукахъ находившіяся, были опечатаны. Это случилось, разумѣется, и съ канцелярією Зубова; пересмотръ бумагъ былъ порученъ наследнику великому князю Александру Павловичу. Къ счастью для Платона Александровича, въ его бумагахъ не было найдено ничего такого, что могло его компрометировать въ мнѣніи Павла I...

О первой встрѣчѣ Павла I съ Зубовымъ, рассказы современниковъ не совсѣмъ согласны одни съ другими. Говорятъ, будто Платонъ Александровичъ, при входѣ наследника престола въ покои умирающей Екатерины, упалъ къ его ногамъ, заливаясь слезами. Милостиво поднялъ его Павелъ I и ласково сказалъ: „другъ матери моей будетъ всегда и моимъ другомъ“. Массонъ рассказываетъ это нѣсколько иначе: „обхожденіе Павла съ Зубовымъ было запечатлѣно великодушіемъ. Онъ, повидимому, былъ тронутъ его отчаяніемъ и признателенъ за привязанность, оказываемую Зубовымъ его матери; лестными выраженіями подтвердилъ Зубову, что оставляетъ его при всѣхъ прежнихъ должностяхъ и сказалъ, возвращая ему трость—отличительный знакъ дежурнаго генераль-адъютанта: „продолжайте исполнять ваши служебныя обязанности при тѣлѣ моей матери; надѣюсь, что и мнѣ будете такъ же вѣрно служить, какъ и ей служили“. А. С. Шишковъ говоритъ, что императоръ Павелъ пожаловалъ князю Зубову орденъ св. Анны 1-й степени. Извѣстно, что орденъ этотъ, въ царствованіе Павла I, былъ весьма почетною наградой и, вопреки статутамъ, въ глазахъ государя имѣлъ едва ли ни болѣе значеніе, нежели ордена св. Александра Невскаго и св. Андрея Первозваннаго.

Но щадя Платона Зубова, императоръ не пощадилъ его приспѣшниковъ: Альтести 10-го ноября 1796 года былъ высланъ изъ Петербурга въ Кіевъ и заключенъ въ крѣпость; А. М. Грибовскій — 14-го января 1797 года, по высочайшему повелѣнію, выѣхалъ въ свою Подольскую деревню. Наканунѣ кончины императрицы ему былъ пожалованъ домъ, бывший банкира Сутерланда, на Англійской набережной, о чемъ былъ заготовленъ указъ: Павелъ I оставилъ его безъ подписи. Въ маѣ 1798 года въ Подольскую деревню Грибовскаго былъ присланъ сенатскій курьеръ, препроводившій его на перекладныхъ въ Петербургъ; здѣсь Грибовскій былъ заключенъ въ рavelинѣ Петропавловской крѣпости, гдѣ и оставался до 1801 года¹⁾. Оставленіе Грибовскаго его недавнимъ милостивцемъ Зубовымъ на произволь судьбы, независимо отъ малодушія князя, было слѣдствіемъ его болезни за свою собственную участь. На сколько Зубовъ былъ низокъ, малодушенъ и трусливъ — на столько императоръ Павелъ, въ отношеніи его, былъ рыцарски-благороденъ, великодушенъ и милостивъ. Именно такими видимъ павшаго любимца счастья и восшедшаго на престолъ государя въ слѣдующихъ разсказахъ Ѳ. П. Лубяновскаго и Н. О. Кутлубицеаго.

— „Князь П. А. Зубовъ,—разсказываетъ Лубяновскій,—жилъ уже не въ Зимнемъ дворцѣ, мало кто потому и знать любопытствовалъ, въ живыхъ-ли еще его свѣтлость обрѣтался; все-же онъ былъ еще генераль-фельдцейхмейстеромъ. Князь Николай Васильевичъ (Репнинъ) послалъ меня доложить ему о военномъ совѣтѣ, по случаю перенесенія тѣла Петра III, и спросить, угодно ли будетъ его свѣтлости пожаловать въ собраніе? Жилъ онъ въ домѣ сестры своей Жеребцовой, на набережной. Ни души не нашелъ я ни на лѣстницѣ, ни въ передней; далѣе встрѣтилъ въ сумрачномъ углу частнаго пристава, который, удивленный, показалось мнѣ, нечаяннымъ явленіемъ, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, и допросивъ, кто я, откуда, отъ кого и зачѣмъ, сперва позамялся, потомъ бросился въ переднюю; минуту черезъ пять дверь траурной гостиной отворилась. Князь читалъ книгу на диванѣ и всталъ, когда я вошелъ. На блѣдномъ и уныломъ лицѣ его пробѣжало неожиданное, повидимому, удовольствіе, когда онъ услышалъ, зачѣмъ я присланъ; благодарилъ за вниманіе и сожалѣлъ, что по болѣзни не могъ быть ни въ совѣтѣ, ни въ cere-

¹⁾ Въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Грибовскомъ, сообщенныхъ намъ Н. В. Губерти, значится, что А. М. Грибовскій оставался въ крѣпости до 1799 г., изъ которой былъ освобожденъ стараніями любящей супруги и благодаря ходатайству нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ. Не преувеличилъ-ли самъ Грибовскій, въ своихъ запискахъ, срокъ ареста?

моніи. Принявъ приказаніе, хотѣлъ я откланяться;—остановилъ меня, посадилъ возлѣ себя и спрашивалъ, откуда я, кто отецъ мой, гдѣ я учился, давно ли въ службѣ, давно ли при князѣ Николаѣ Васильевичѣ? Разговоръ этотъ онъ заключилъ, и не безъ чувства, слѣдующими словами: „Какъ вы счастливы! Я завидую вамъ: начинаете службу при великомъ всѣми доблестями государственнымъ мужѣ; не всѣ такъ счастливы“.

Въ разказахъ своихъ о временахъ императора Павла I, Н. О. Кутлубицкій говоритъ, что Зубовъ, послѣ смерти императрицы Екатерины, оставался во дворцѣ по прежнему; но рассказчику, можетъ быть, измѣнила память: что Платонъ Зубовъ первые дни воцаренія Павла Петровича жилъ въ домѣ Жеребцовыхъ—это несомнѣнно и подтверждено многими, заслуживающими довѣрія, свидѣтельствами. Вотъ дальнѣйшій разказъ Кутлубицаго:

— „Между тѣмъ Павелъ приказалъ купить на Морской улицѣ домъ, и отдѣлалъ его какъ дворецъ, только не велѣлъ ставить императорскаго герба. Когда домъ былъ готовъ, убранъ и снабженъ всѣмъ столовымъ серебромъ, столовымъ золотымъ приборомъ на нѣсколько персонъ, экипажами, лошадьми,—тогда, наканунѣ (дня) рожденія Зубова¹⁾, государь послалъ къ нему Кутлубицаго сказать, что онъ даритъ ему этотъ домъ ко дню его рожденія и завтра съ императрицею будетъ у него пить чай. Зубовъ поблагодарилъ и переѣхалъ со дворца (sic) въ подаренный ему домъ.

„На слѣдующій день императоръ Павелъ съ императрицею Марією Ѳеодоровною, въ сопровожденіи Капцевича и Кутлубицаго (на запяткахъ), послѣ обѣда отправился къ Зубову, который встрѣтилъ гостей на лѣстницѣ и упалъ къ ногамъ ихъ. Государь и государыня подняли его и пошли съ нимъ подъ-руки по лѣстницѣ, при чемъ Павелъ сказалъ ему: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Въ гостиной подали шампанскаго; государь сказалъ графу (князю?): „сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ всего добраго“ и, обращаясь къ государынѣ, сказалъ: „выпей все, до капли“. И выпивши самъ, разбилъ бокаль,—при чемъ опять Зубовъ палъ къ ногамъ его и былъ поднятъ, съ повтореніемъ: „я тебѣ сказалъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Потомъ подали самоваръ. Государь сказалъ Маріи Ѳеодоровнѣ: „разлей чай; у него, вѣдь, нѣтъ хозяйки“. По чашкѣ чаю подано было также Капцевичу и Кутлубицкому, стоявшимъ въ другой комнатѣ, но видѣвшимъ и слышавшимъ все въ открытую дверь. Они выпили, и, по обыкно-

¹⁾ Слѣдовательно, 14-го ноября; пребываніе Зубова въ домѣ зятя и сестры его продолжалось не болѣе восьми дней.

венію тогдашняго времени, опрокинули на блюда чашки, выражая этимъ, что они пить болѣе не желаютъ. Государь, замѣтивъ это, сказалъ: „вѣдь вы дома, вѣроятно, пьете по двѣ чашки и не хотите беспокоить государыню,—она нальетъ вамъ и по другой“. Послѣ чаю государь и государыня уѣхали, сопровождаемые Zubовымъ по лѣстницѣ;—считаясь больнымъ, онъ былъ въ сюртукѣ“.

Изъ лицъ, приближенныхъ къ Zubову, но не утратившихъ своего значенія и въ царствованіе Павла Петровича, нельзя не назвать: де Рибаса, Шинкова и Державина. Первый обязанъ былъ сохраненіемъ себя отъ опалы своему лукавству; второй — умѣнію говорить языкомъ истаго царедворца; третій—искусству настраивать свою звонкую лиру на тонъ, сообразный обстоятельствамъ. Привѣтствуя восшествіе на престолъ императора Павла I торжественною одою (на новый 1797 годъ), Державинъ накинулъ покровъ забвенія и мрачную тѣнь на великія дѣянія Екатерины и громогласно воспѣлъ, что истинно золотыя дни для Россіи наступили только съ воцареніемъ Павла. Особенно характеристична была слѣдующая строфа:

Онъ подиалъ скиптръ—и пробѣжала
Струя съ небесъ во мракъ темницъ;
Цѣпь звучно съ узниковъ упала
И процвѣла ихъ блѣдность лицъ;
Въ объятыхъ семьи восхищенныхъ
Облобызали возвращенныхъ
Сыновъ, и братьевъ, и мужей;
Плоды трудовъ, свой хлѣбъ насущный
Узрѣлъ всякъ въ житницѣ своей... и т. п.

Благосклонность Павла къ Платону Zubову была, однако-же, не продолжительна. Въ январѣ 1797 года князь Платонъ Александровичъ, уволенный отъ занимаемыхъ имъ должностей, получилъ дозволеніе—вѣрнѣе сказать, приказъ—ѣхать за границу. Валеріанъ, по высочайшему повелѣнію возвратившійся изъ Персіи, подавъ въ отставку, получилъ приказаніе жить подъ присмотромъ въ своихъ деревняхъ и поселился въ Курляндіи, гдѣ ему принадлежали почти всѣ имѣнія прежнихъ герцоговъ. Князь С. Ѡ. Голицынъ, вскорѣ послѣ того встрѣтивъ Державина и упрекнувъ его одою „на взятіе Дербента“, замѣтилъ, что уже теперь герой его не „Александръ Македонскій“ и что льстиги не было-бы никакой выгоды. Державинъ отвѣчалъ, что въ разсужденіи достоинства онъ никогда не переменяетъ мыслей и никому не льститъ¹⁾, а пишетъ по внушенію своего сердца. „Это неправда,—возразилъ Го-

¹⁾ Такъ говоритъ самъ Державинъ въ примѣчанія къ одѣ на возвращеніе Zubова изъ Персіи (изд. Акад. Наукъ, томъ II, стр. 29).

лицы, — нынче ему не напишешь*. — „Вы увидите“, сказалъ Державинъ и, прѣхавъ домой, сочинилъ эту оду. Хотя стихи его и не были тогда напечатаны, но они въ спискахъ находились у многихъ, не смотря на то, что Зубовъ былъ въ совершенной опалѣ.

Эту оду, — по картинамъ Кавказа, изображеннымъ въ ней смѣлою кистью, — одно изъ лучшихъ произведеній Державина, можно однако-же назвать „последнею лестью горше первая“. Прославляя Валеріана Зубова за взятіе Дербента, Державинъ сравнилъ его съ Александромъ Македонскимъ; въ этой-же новой одѣ поставилъ его наравнѣ съ Суворовымъ — тогда также находившимся подъ опалою и жившимъ въ своемъ селѣ Кончанскомъ. Но не одинъ Державинъ былъ панегиристомъ Валеріана Зубова. Авторъ „Записокъ студента“ С. П. Жихаревъ, припоминая бывшее, говоритъ о покорителѣ Дербента: „Валеріанъ) Зубовъ зналъ во всемъ мѣру, былъ человѣкъ отличныхъ свойствъ, необыкновенно уменъ (?) и такой сердечной доброты (?), что невольно привлекалъ къ себѣ любовь всѣхъ, его знавшихъ. И не даромъ Державинъ въ то время, когда Зубовъ впалъ въ опалу и возвращенъ изъ Персіи, написалъ къ нему одну изъ прелестнѣйшихъ своихъ одъ“¹⁾...

Объ утратѣ Платономъ Зубовымъ его значенія въ первый годъ царствованія Павла любопытенъ разсказъ Массона.

— „Смерть императрицы погрузила его мгновенно въ прежнее ничтожество, изъ котораго онъ былъ извлеченъ ея благосклонностью: такъ недоговорѣнный мотылекъ родится и блещетъ подъ лучемъ солнца — умираетъ и дѣлается безцвѣтнымъ при первомъ дуновеніи вѣтра. Онъ оплакивалъ Екатерину, такъ же какъ сынъ оплакиваетъ мать, и это была единственная минута, въ которую онъ казался достойнымъ участія. Должно также сознаться, что скорѣе онъ занялъ въ толпѣ приличное ему мѣсто, прежде нежели льстецы отъ него откликнули. Не столько онъ казался униженнымъ, на сколько они оказались оподленными и хотя въ первые дни его антикамеры были пусты, однако-же, черезъ нѣсколько времени, когда онъ опять появился при дворѣ, толпа ротозѣевъ разступилась и преклонилась предъ нимъ, какъ предъ владѣтельною особою: такъ трудно рабамъ распрямляться! Надобно отдать ему еще справедливость и въ томъ, что онъ не заселялъ сибирскихъ пустынь подобно какому нибудь Меншикову или Бирону: но за то совершалъ дѣла вопіющей несправедливости“.....

..... „Зубовъ самъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ тридцати разныхъ мѣстъ, когда болѣе уже не занималъ ихъ. Императоръ пожаловалъ Николая Ивановича Салтыкова фельдмаршаломъ и возвра-

¹⁾ Записки Жихарева, стр. 302.

тилъ въ его канцелярію всѣ военныя дѣла, которыя оттянулъ у него Зубовъ. Тогда-то обнаружены были злоупотребленія, царившія во всѣхъ экспедиціяхъ. Фаворитъ, ради собственныхъ выгодъ затѣявшій войну съ Персією, которую велъ братъ его ¹⁾, не изволилъ сообщать въ военную коллегію обыкновенныхъ рапортовъ; то же было и въ отношеніи войскъ, отправленныхъ походомъ въ Галицію; такимъ образомъ въ ту минуту, когда приступлено было къ новому распредѣленію войскъ, то не могли знать гдѣ находилась большая часть полковъ, и еще того менѣе, въ какомъ состояніи они находились. Офицеры, которые должны были присоединиться къ своимъ корпусамъ, не знали въ какую сторону имъ ѣхать, чтобы ихъ встрѣтить, и тщетно осаждали департаменты, навоя о томъ справки.

„Спустя нѣсколько недѣль, Зубовъ получилъ приказъ — выѣхать изъ Россіи. По примѣру своихъ предшественниковъ, онъ отправился въ Германію, чтобы выставять на показъ брилліанты, ленты и портреты Екатерины; изъ всѣхъ же прочихъ милостей государыни онъ не особенно щедрился на рубли. Въ Германіи, гдѣ еще не привыкли къ расточительности русскихъ вельможъ и чванству любимцевъ счастія, удивлялись тароватости и пышности Зубова. Оставивъ напыщенность и важность, которыя онъ усвоилъ въ Россіи, Зубовъ какъ будто измѣнилъ характеръ и старался любезностью воротить то, что утратилъ съ минувшимъ значеніемъ. Однимъ словомъ, дѣлалъ честь воспитанію, полученному имъ при дворѣ Екатерины; тѣмъ съ большею горячностью предался онъ удовольствіямъ, что въ нихъ никто его не стѣснялъ. Сначала возивъ за собою дѣвицу, переодѣтую камердинеромъ, онъ въ Теплицѣ влюбился въ прелестную эмигрантку, по фамиліи Рошъ-Эмонъ (la Roche-Aimon); но вскорѣ познакомился съ молодыми принцессами курляндскими, которыя, благодаря граціи и красотѣ, наследованнымъ ими отъ матери и сокровищамъ, которыя должны были достаться имъ послѣ отца, могли назваться самими блестящими невѣстами въ Европѣ. Тогда Зубовъ сталъ увиваться кругъ стараго герцога, у котораго отнялъ его владѣнія и съ которымъ такъ высококомѣрно обходился въ Петербургѣ. Герцогъ выказалъ ему злопамятливость и презрѣніе, но Зубовъ, по привычкѣ ни въ чемъ не встрѣчать препятствій, вадумалъ похитить старшую дочь насильно. Жаловался-ли герцогъ императору, или Павелъ имѣлъ на то какія-либо инныя причины, но онъ послалъ къ Зубову

¹⁾ На обѣдѣ у императрицы, въ бытность шведскаго короля въ Петербургѣ, говорили о новостяхъ, привезенныхъ курьеромъ. «Это пустяки», — сказалъ Зубовъ одному шведу, — «мой братъ пишетъ намъ, что выигралъ сраженіе и завоевалъ область; ничего новаго нѣтъ».

Примѣч. Массона.

повелѣніе возвратиться въ Россію и, вѣроятно, послѣдній любимецъ Екатерины отыгралъ свою роль“¹⁾).

Поворствуй монаршей волѣ, князь Зубовъ возвратился въ предѣлы имперіи, но до времени жилъ въ своемъ литовскомъ помѣстьи. Изъ всего семейства Зубовыхъ въ Петербургѣ проживала только Ольга Александровна Жеребцова, пользовавшаяся особеннымъ расположеніемъ лорда Витворта.

Платонъ Александровичъ, въ бытность свою въ чужихъ краяхъ, сблизился съ графомъ Никитою Петровичемъ Панинымъ²⁾, тогда только что начинавшимъ свое кратковременное дипломатическое поприще. По личнымъ своимъ убѣжденіямъ, ярымъ противникъ республики французской и революціонной пропаганды, графъ Н. П. Панинъ, при несомнѣнныхъ дарованіяхъ, имѣлъ одинъ недостатокъ, который, въ дипломатѣ, Талейранъ называлъ порокомъ: избытокъ усердія. Этотъ порокъ, вмѣстѣ съ запальчивостью и нетерпѣніемъ молодости, во многихъ случаяхъ вредилъ политическимъ интересамъ Россіи; при всемъ томъ графъ Панинъ пользовался благосклонностью императора Павла до тѣхъ поръ, покуда государь круто не измѣнилъ своихъ отношеній къ европейскимъ кабинетамъ, что случилось въ послѣдніе два года его жизни. При натянутости отношеній Петербургскаго кабинета къ Австріи и Англии, при возраставшемъ сочувствіи Павла Петровича къ первому консулу французской республики — служба графа Н. П. Панина оказалась бесполезною и молодой дипломатъ, уволенный отъ должности, поселился въ Москвѣ подъ гнетомъ царской опалы. Это обстоятельство много способствовало сближенію графа Панина съ братьями Зубовыми, которые не отказывались отъ мысли возвратиться въ Петербургъ, дабы пользоваться при дворѣ какимъ-либо значеніемъ. Надежды ихъ основывались на благосклонности Павла I къ Суворову, тестю графа Николая Александровича Зубова — и они не обманулись въ своихъ надеждахъ. Графъ Николай Зубовъ, снова призванный во дворъ, получилъ должность оберъ-шталмейстера; Валеріанъ — переименованный въ генералы-отъ-инфантеріи, былъ пожалованъ директоромъ Второго кадетскаго корпуса. Князь Платонъ Александровичъ, для снисканія и себѣ монаршей милости, изыскалъ иной путь: онъ обратился къ любимцу императора Павла, графу Кутайсову, съ предложеніемъ своей руки его дочери. Это сватовство на столько польстило графу, что тотъ сталъ ходатайствовать предъ го-

¹⁾ Массонъ писалъ свои записки въ 1799—1800 годахъ.

²⁾ Род. въ 1771, † 1837 г. См. о немъ «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 338—374.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ XVII, 1876 Г., ДЕКАБРЬ.

сударемъ за Платона Зубова и Павель I уважилъ это ходатайство. „Платонъ Александровичъ, забудемъ прошедшее!“—такъ привѣтствовалъ императоръ князя Зубова при первомъ его появленіи во дворцѣ, и знакомъ царской милости было назначеніе Зубова шефомъ Перваго кадетскаго корпуса. Въ дальнѣйшемъ своемъ обхожденіи съ Платономъ Зубовымъ, Государь былъ неизмѣнно благосклоненъ и ласковъ. Царская милость возвратила Зубовымъ и значеніе ихъ при дворѣ и способствовала пріобрѣтенію ими новыхъ, многочисленныхъ знакомствъ. Дома Жеребцовой и братьевъ Зубовыхъ были мѣстами собраній не только блестящей гвардейской молодежи, но и многихъ сановниковъ. Въ кругу ихъ посѣтителей являлись: военный генералъ-губернаторъ Петербурга графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-дербъ-Паленъ ¹⁾, генералъ (въ послѣдствіи графъ) Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ ²⁾, командиръ кавалергардскаго полка генералъ Фѣдоръ Петровичъ Уваровъ ³⁾, командиръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка генералъ Талызинъ ⁴⁾, Иванъ Савичъ Горголи ⁵⁾, начальникъ конной артиллеріи князь Владиміръ Яшвилъ, штабъ-офицеръ Татариновъ; оберъ-офицеры: Николай Бибииковъ, Евсей Гордоновъ, Сергій Маринъ Аргаматовъ. Въ дружескомъ кругу этихъ единомыслящихъ людей не доставало только графа Н. П. Панина; но онъ, проживая въ Москвѣ, велъ переписку съ братьями Зубовыми чрезъ посредство О. М. Рибаса. Пиры Зубовыхъ и Жеребцовой не совсѣмъ согласовались съ строгимъ образомъ жизни петербургской аристократіи, примѣромъ для котораго служилъ скромный до суровости бытъ императорской фамиліи; но близкое знакомство Зубовыхъ съ генералъ-губернаторомъ служило имъ защитой, какъ отъ нареканій частныхъ лицъ, такъ и отъ неудовольствія государя. На пиршествахъ въ домѣ Жеребцовой амфитріономъ былъ лордъ Витвортъ; онъ могъ сказать, подражая словамъ Мольеровскаго „Мѣщанина въ дворянствѣ“: „праздники даютъ Зубовы, а я только плачу деньги“. Благодаря гинеймъ англійскаго дипломата, на зубовскихъ пиршествахъ шампанское лилось рѣкой и гости наслаждались всѣми затѣями французской гастрономіи.

¹⁾ Родился 17-го іюня 1745, † 13-го февраля 1826 года, находясь въ отставкѣ съ 1-го апрѣля 1801 года.

²⁾ Родился въ Ганноверѣ въ 1740-хъ гг., перешелъ въ русскую службу декабря 31-го 1773 года; † въ Ганноверѣ 2-го октября 1826 года.

³⁾ Родился 11-го апрѣля 1773 года, † 20-го ноября 1824 года.

⁴⁾ Умеръ въ маѣ 1801 года отъ несваренія желудка. По рассказамъ Н. И. Греча, въ эпитафій на памятникѣ Талызина въ Невской лаврѣ вмѣсто «съ христіанскою твердостью животъ свой скончавшаго» — изсѣчено было: «трезвостію», что ни мало не согласовалось съ образомъ жизни и смертію Талызина.

⁵⁾ Умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ въ первые годы нынѣшняго царствованія.

Возвращеніе Платона и Валеріана Зубовыхъ въ столицу послѣдовало въ исходѣ 1800 года; имѣнія ихъ, взятія въ казну, были имъ всемилостивѣйше возвращены именнымъ указомъ сенату, 4-го декабря 1800 года ¹⁾. Въ началѣ новаго 1801 года, императоръ Павелъ I, негодую на двусмысленную политику Сентъ-Джемскаго кабинета, рѣшился заключить дружественный союзъ съ Франціею, чтобы нанести Англии чувствительный ударъ—походомъ союзныхъ русско-французскихъ войскъ въ Индію ²⁾. Присутствіе англійскаго посла въ Петербургѣ, при близкомъ разрывѣ Россіи съ Англіею, было болѣе нежели щекотливо и неумѣстно; однако же лордъ Витвортъ, слѣпое орудіе Питта, и не думалъ о выѣздѣ изъ столицы, даже и тогда, когда ему отъ имени императора предложено было выѣхать... Лордъ Витвортъ медлилъ; по прежнему посѣщалъ г-жу Жеребцову и Зубовыхъ, продолжая быть душою собиравшагося у нихъ общества.

IX.

Изъ разсказовъ современниковъ и очевидцевъ извѣстно, что восшествіе на престолъ Александра I возбудило въ столицѣ всеобщее ликованіе, выразившееся иллюминаціею Петербурга и пиршествами во многихъ знатныхъ домахъ; первыми изъ таковыхъ были, разумѣется, дома Зубовыхъ и Жеребцовой.

По волѣ судьбы, графу Николаю Александровичу Зубову было суждено одному изъ первыхъ привѣтствовать сына императора Павла съ восшествіемъ на родительскій престолъ; четыре года назадъ, тотъ же Николай Зубовъ привѣтствовалъ преемника Екатерины II. Къ голосу Зубовыхъ присоединились графъ фонъ-деръ-Паленъ и всѣ друзья ихъ, за исключеніемъ лорда Витворта: онъ спѣшилъ отправою депеши, о кончинѣ императора Павла I, къ лорду Питту.

Какъ бы въ угоду общественной радости поспѣшили и погребеніемъ покойнаго императора: оно происходило, безъ всякой подобающей пышности, въ субботу страстной недѣли, 23-го марта. Обоюдныя поздравленія жителей столицы со днемъ Свѣтлаго Христова Воскресенія сливались съ восторженными похвалами уму и благодущію новаго императора. Г. Р. Державинъ не замедлилъ привѣтствовать Александра I двустииемъ къ его портрету:

Се видъ величія и ангельской души:
О, еслибъ вокругъ Него всѣ были хороши!

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., томъ III, стр. 640.

²⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 409.

На это Платонъ Zubovъ отвѣчалъ экспромтомъ:

— Конечно, намъ Державина не надо:
Паршивая овца все перепортитъ стадо.

Но двустипіе Державина предшествовало одѣ „На восшествіе на престолъ императора Александра I“:

Вѣкъ новый! Царь младый, прекрасный
Пришелъ днесь къ намъ весны стезей!
Мои предвѣстья велегласны
Уже сбылись, сбылись судьбой.
Уможь ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ...

И такъ далѣе, отчасти въ томъ-же тонѣ, въ которомъ поэтъ воспѣвалъ восшествіе на престолъ Павла I, отчасти и съ намеками на минувшее царствованіе въ похвалу грядущему: поэтъ заставилъ тѣнь Екатерины говорить народу «сквозь дверь небесну долу зря:

Внимать вы прежде не хотѣли
И презрѣли мою любовь,
Вы сами отъ себя терпѣли:
Я нынѣ васъ спасаю (?) вновь!»

Въ заключительной строфѣ поэтъ выразился прямо, что Богъ „прекратилъ бѣдства Россіи“.—На эту оду князь Zubovъ уже не находилъ возраженій, сочувствуя Державину. Вообще, Платонъ Александровичъ при воцареніи императора Александра I высказался самымъ ревностнымъ приверженцемъ духа новаго времени, выражая свое сочувствіе ему глумленіемъ надъ временами недавно прошедшими и надъ дѣятелями двухъ минувшихъ царствованій. Въ бытность свою въ Москвѣ, на коронаціи Александра I, Платонъ Zubovъ имѣлъ столновеніе даже съ митрополитомъ Платономъ ¹⁾.

При всемъ сочувствіи братьевъ Zubovыхъ къ порядкамъ новаго царствованія и къ высокимъ достоинствамъ императора Александра I, ни одинъ изъ нихъ не выдвинулся изъ ряда царедворцевъ, чтобы занять видную страницу въ исторіи царствованія Благословеннаго. Платонъ и Валеріанъ были, правда, членами Государственнаго совѣта, но и въ этомъ высокомъ званіи не принесли никакой существенной пользы государству. Валеріанъ Zubovъ умеръ черезъ три года по восшествіи на престолъ Александра I (21-го іюня 1804 года); за нимъ черезъ годъ (9-го августа 1805 года) послѣдовалъ и графъ Николай Александровичъ. О кончинѣ перваго изъ нихъ, Бантышъ-Каменскій ²⁾ велегрѣчиво повѣствуетъ: „Онъ скончался“,—говорить этотъ

¹⁾ См. рассказы П. О. Карабанова.

²⁾ Словарь достопамятныхъ людей. Москва, 1836. Часть II, стр. 410.

біографъ,— „отъ водяной болѣзни, на тридцать четвертомъ году отъ рожденія, явивъ въ послѣднія минуты твердость духа необыкновенную: приготовясь къ смерти примиреніемъ съ Богомъ, онъ простился съ ближними и самъ отдернулъ изъ-подъ головы своей подушку“ ¹⁾. Братъ графа Валеріана надъ гробницею его въ Троицко-Сергіевской пустынь (на Петергофской дорогѣ) соорудили храмъ и при немъ инвалидный домъ на тридцать человѣкъ. О кончинѣ графа Николая Александровича покуда нѣтъ никакихъ обстоятельныхъ свѣдѣній. Вдова его, Наталія Александровна (Суворочка), скончалась 30-го марта 1844 г. Графъ Валеріанъ Александровичъ былъ женатъ на графинѣ Потоцкой, въ послѣдствіи сочетавшейся бракомъ съ Уваровымъ.

X.

До 1814 года П. А. Зубовъ имѣлъ пребываніе то въ своихъ помѣстьяхъ, то въ Москвѣ, но преимущественно за границею. Въ 1812 году былъ въ числѣ членовъ тайнаго военнаго совѣта, принявшихъ сторону М. И. Голенищева-Кутузова противъ происковъ Беннигсена ²⁾; онъ-же присоединилъ свой голосъ къ увѣщаніямъ Аракчеева, Балашова и Шишкова, чтобы отклонить императора Александра I отъ принятія личнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Затѣмъ, весь 1813 годъ, Зубовъ пребывалъ въ чужихъ краяхъ, а съ 1814 года окончательно поселился въ мѣстечкѣ Янишки (Виленской губерніи, Шавельскаго уѣзда), которое было центральною резиденціею, окруженною многими деревнями и фольварками, принадлежавшими Зубову.

Слѣдующіе рассказы о жизни князя записаны со словъ сына главноуправляющаго имѣніями Платона Зубова, Михаила Братковскаго, К. А. Богусhevскимъ и сообщены сыномъ послѣдняго Н. К. Богусhevскимъ ³⁾.

¹⁾ Если у него была грудная водянка (hydrothorax), то, выдергивая подушку изъ подъ своей головы, онъ долженъ былъ умереть отъ задушенія.

²⁾ Прочими членами были: Кноррингъ, Аракчеевъ, Балашовъ и Шишковъ.

³⁾ Сынъ Братковскаго, Михаилъ Михайловичъ Братковскій, въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, въ бытность К. А. Богусhevскаго секретаремъ севата, состоялъ по департаменту Герольдіи и занимался адвокатурою; другой его братъ дослужился до чина полковника. Отецъ Братковскихъ, Михаилъ Ивановичъ, пользовался особеннымъ довѣріемъ князя Зубова и въ вознагражденіе за долговременную службу, по духовной Платона Александровича, получилъ въ пожизненное владѣніе большой фольварокъ, близъ мѣстечка Янишки, съ 300 руб. ежегодной пенсіи, которую племянники князя, его наслѣдники, исправно выплачивали Братковскому.

— „Съ первыхъ-же дней поселенія своего въ Янишкахъ, Зубовъ прилежно занялся хозяйствомъ, но былъ крайне скупъ и вовсе не заботился о крестьянахъ¹⁾. Онъ имѣлъ до 30,000 душъ крестьянъ, заселявшихъ множество мѣстечекъ, фольварковъ и деревень, при соответствующемъ количествѣ пахатной земли, лѣсовъ и т. п. Зубовъ по всѣмъ этимъ имѣніямъ учредилъ правильное полевое хозяйство и конскіе заводы прусской породы, которую распространилъ по всей Курляндіи, Лифляндіи, Ковенской, Гродненской и Виленской губерніямъ. Не довѣряя никому, кромѣ развѣ Братковскаго, князь входилъ самъ во всѣ мельчайшія хозяйственные подробности, проживая въ имѣніи своемъ безотлучно. Въ осеннюю пору къ нему отовсюду съѣзжались евреи — покупщики пшеницы и прочихъ хозяйственнымъ продуктовъ, и лошадиные барышники изъ Пруссіи, Царства Польскаго и Прибалтійскаго края. Только тогда князь Зубовъ бывалъ веселъ, развѣзжалъ съ своими посѣтителями по усадьбамъ²⁾, поручая Братковскому роскошно угощать купцовъ, при чемъ ловко „обрабатывалъ“ угощаемыхъ, сбывая имъ съ рукъ товары по выгоднѣйшимъ для себя цѣнамъ. Остатки непроданныхъ продуктовъ и забранные лошади посылались на базары въ Митаву, Ригу и другіе торговые центры, куда иногда наѣзжалъ и самъ князь Зубовъ, при весьма скромной обстановкѣ. Закончивъ реализацію годового дохода отъ торговыхъ оборотовъ, оброка, арендныхъ уплатъ и проч., всегда звон-

¹⁾ До чего довелъ своихъ крестьянъ кн. Платонъ Зубовъ, всего лучше видно изъ высочайшаго повелѣнія 2-го іюля 1807 г., объявленнаго на имя мѣстнаго губернатора.

Документъ этотъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1870 г. (изд. третье, томъ II, стр. 553); но мы считаемъ умѣстнымъ привести изъ него выдержку:

....«Императоръ (Александръ I) въ проѣздъ свой чрезъ Шавельскій повѣтъ, бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ бѣдственнаго положенія принадлежащихъ генералу-отъ-инфантеріи князю Зубову крестьянъ, изъ которыхъ большая часть, оставивъ поля свои необработанными, свискиваетъ себѣ пропитаніе мірскимъ подаваніемъ, нѣкоторые же, по свидѣтельству жителей, умираютъ отъ болѣзней, происходящихъ единственно отъ дурной и недостаточной пищи,—высочайше отозваться сонзволнѣ, что ежели честь и самый долгъ, законами налагаемый, требуетъ, дабы и бѣднѣйшіе изъ помѣщиковъ кормили и призирали крестьянъ своихъ въ трудные и безплодные годы,—то тѣмъ болѣе предосудительно одному изъ богатѣйшихъ доводить ихъ до такой крайности».

Посему государь повелѣлъ внушить Зубову объ обезпеченіи крестьянъ хлѣбомъ, какъ для прокормленія ихъ, такъ и для посѣва полей, въ противномъ случаѣ.—писалъ Новосильцовъ губернатору: «государь императоръ, въ защиту страждущаго человѣчества, не преминетъ обратити на князя Зубова всю строгость законовъ».

²⁾ Въ 1808 году, въ числѣ имѣній князя Зубова, было мѣстечко Юрбургъ—имѣя городъ Ковенской губерніи, заселенный преимущественно евреями.

кою монетою, князь свозилъ эти деньги въ подвалы своего замка, близь Янишекъ. Эти сокровища, въ видѣ грудъ золота и серебра хранились неприкосновенно. По праздничнымъ днямъ это кладбище мертвыхъ капиталовъ Платонъ Зубовъ посѣщаль въ сопровожденіи Братковскаго, любовался ими и приводилъ въ порядокъ случайно осыпавшіяся горы звонкой монеты. Послѣ смерти князя, по свидѣтельству Братковскаго, таковой оказалось на двадцать милліоновъ (?) серебряныхъ рублей. Въ своихъ кладовыхъ Зубовъ бывалъ весель и разговорчивъ, припоминая времена своего величія, и рассказывалъ о придворной жизни безъ всякаго чванства, въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ.

„Характеръ Зубова—надменный въ молодости, измѣнился на старости лѣтъ, на сколько было возможно, къ худшему. Владычествующею его страстью была скупость, доходившая до скряжничества. Жилъ онъ несравненно ниже своихъ средствъ; одѣвался слишкомъ скромно; въ расположеніи духа, за исключеніемъ рѣдкихъ проблесковъ веселости, являлъ глубокую, мрачную задумчивость. Въ разговорѣ, кстати и не кстати, онъ произносилъ, въ видѣ поговорки, фразу: „такъ ему и надо!“ Иногда слова эти срывались у него съ языка, будто въ отвѣтъ на какую-то безотвязную мысль, не дававшую ему покоя. Но надобно было быть опытнымъ сердцевѣдцемъ, чтобы угадать, глядя на Зубова, что на совѣсти его тяготѣетъ какое-то преступленіе. За нѣсколько лѣтъ до кончины въ немъ обнаружались всѣ признаки старческаго животолубія и нелѣпой боязни смерти, доходившей до малодушія. При словѣ „смерть“, онъ мѣнялся въ лицѣ и, убѣгая изъ комнаты, запирался въ своей спальнѣ и не выходилъ изъ нея дня по два и по три; звонъ погребальнаго колокола былъ ему невыносимъ. Братковскій постоянно внушалъ посѣтителемъ князя, чтобы они въ разговорахъ не касались щекотливаго для Зубова предмета и не упоминали ни о смерти, ни о покойникахъ. Борьба съ собственной совѣстью истощила не только нравственныя, но и тѣлесныя силы Платона Зубова: въ пятьдесятъ лѣтъ, сѣдой, сторбленный, онъ казался дряхлымъ старцемъ. Жизнь для Зубова была такимъ же точно бесполезнымъ бременемъ, какъ и несмѣтныя его сокровища: онъ берегъ жизнь точно такъ же, какъ свое золото и серебро, о которомъ часто говорилъ Братковскому, что онъ „и самъ не знаетъ для чего копить и бережетъ деньги?“

„Года за полтора до своей смерти, князь Зубовъ, вслѣдъ за огромнымъ табуномъ лошадей, отправился на конную ярмарку въ Вильну и здѣсь встрѣтилъ пожилую пани съ молоденькой красавицей дочерью;

къ послѣдней Зубовъ почувствовалъ съ перваго же взгляда живѣйшую страсть, которая до того увлекла сѣдовласаго князя, что онъ послѣдовалъ за красавицею въ костѣль, куда она шла вмѣстѣ съ своею матерью къ обѣдни. Братковскому князь поручилъ узнать: кто такія старушка и дочь ея, откуда онѣ и зачѣмъ въ Вильнѣ? По справкамъ оказалось, что старушка—литовская помѣщица пани Валентиновичъ, владѣтельница усадьбы съ 30 душами крестьянъ; имя красавицы дочери—Текла Игнатьевна; пріѣхали онѣ въ Вильну хлопотать по тяжбному дѣлу. Въ полной увѣренности, что его богатства дадутъ ему право быть циникомъ, князь того же Братковскаго послалъ къ старушкѣ Валентиновичъ съ предложеніемъ ей, за любовь дочери, знатной денежной суммы... но это предложеніе съ негодованіемъ было отвергнуто, а посланный — выгнанъ. Зубовъ разсердился и уѣхалъ изъ Вильны. Отвергнувъ предложеніе магната, пани Валентиновичъ однако же, возымѣла мысль законнымъ путемъ украсить голову своей дочери княжескою короною. Съ этой цѣлію она—женщина ловкая и хитрая—отправилась, вмѣстѣ съ дочерью, будто бы на богомолье въ костель мѣстечка Янишекъ. О пріѣздѣ ея во владѣнія Зубова, Братковскій не замедлилъ доложить князю, этотъ же, въ свою очередь, пригласилъ его носѣтительницъ къ себѣ откушать. По ихъ отѣздѣ Зубовъ, очарованный еще болѣе прежняго, возобновилъ чрезъ Братковскаго свои предложенія и получилъ въ отвѣтъ, что Текла Валентиновичъ будетъ принадлежать ему только тогда, когда будетъ „княгинею Зубовою“. Послѣ нѣкотораго колебанія, князь формально посватался и, по желанію будущей тещи, отписалъ невѣстѣ, по брачной записи, миллионъ рублей серебромъ. Переговоры о бракѣ длились шесть мѣсяцевъ; ко дню свадьбы Зубовъ не дозволилъ въ домъ своемъ прибавить ни одной занавѣски на окнахъ, ни одного стула въ гостинной Тещи князя, г-жа Валентиновичъ, поселилась у новобрачныхъ.

Супружество князя продолжалось только одинъ годъ и по холодности отношеній мужа къ женѣ не могло назваться счастливымъ. Бантышъ-Каменскій въ біографіи П. А. Зубова¹⁾ говоритъ, что плодомъ этого брака былъ сынъ, умершій вскорѣ по рожденіи; но Братковскій въ своихъ разказахъ не упоминалъ о немъ ни слова.

„Князь Платонъ Зубовъ умеръ 7-го апрѣля 1822 года. Вдова его вторымъ бракомъ сочеталась съ графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ, бывшимъ женихомъ дочери Маріи Антоновны Нарышкиной — Софія Дмитріевны, скончавшейся въ іюнѣ 1824 года,

¹⁾ Словарь достопамятныхъ людей. Москва, 1836 г. часть II, стр. 413. Самый годъ смерти П. А. Зубова—1820 г.—показанъ невѣрно.

отъ скоротечной чахотки, къ крайнему прискорбію своего высокаго родителя“.

Въ заключеніе нашего очерка жизни князя Платона Зубова, считаемъ не лишнимъ посвятить нѣсколько словъ біографіи А. М. Грибовскаго, который, въ бытность Зубова на вершинѣ могущества, занималъ при немъ столь видное мѣсто. Свѣдѣнія эти весьма обязательно сообщены намъ Н. В. Губерти.

XI.

Въ царствованіе Александра I, А. М. Грибовскій, съ семействомъ ¹⁾, переселился на постоянное жительство въ Москву, продавъ польское свое имѣніе Вишневичь. Привыкнувъ къ роскошной придворной жизни, располагая большими средствами (5,500 душъ крестьянъ при значительномъ количествѣ земли), Грибовскій жилъ въ Москвѣ на широкую, барскую ногу, не жалѣлъ издержекъ на лакомый столъ, экипажи, лошадей и проч. Любилъ музыку, какъ знатокъ и виртуозъ, владѣя отлично смычкомъ,— и въ семействѣ Губерти долгое время хранилась скрипка работы Страдивариуса, принадлежавшая А. М. Грибовскому. Учителемъ на фортепіано дочери его былъ знаменитый Фильдъ; капельмейстерамъ оркестровъ, игравшихъ въ домѣ Грибовскаго, щедрый хозяинъ даривалъ золотыя табакерки, наполненныя червонцами. Поддерживая большое знакомство, Грибовскій удивлялъ всю Москву великолѣпными своими вечерами и роскошными обѣдами. У него было два каменныхъ дома: одинъ въ Каретномъ ряду, въ приходѣ церкви Спаса на Пескахъ; другой на Мясницкой, противъ зданія духовной консисторіи (нынѣ домъ фортепіаннаго мастера Фёрстера).

Вслѣдствіе роскошнаго образа жизни, и, въ особенности, значительныхъ издержекъ на воспитаніе дѣтей, состояніе А. М. Грибовскаго стало приходить въ разстройство и, нуждаясь въ деньгахъ, онъ не измѣняя образа жизни, началъ продавать одно за другимъ свои

¹⁾ Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, А. М. Грибовскій женился на дѣвпцѣ Наталіи Акимовнѣ Чихачевой, дочери майора, отъ которой имѣлъ двухъ дѣтей: сына Николая (1794, † 1864) и дочь Елену (1791, † 1866). Обоимъ было дано превосходное образованіе. Н. А. Грибовскій воспитывался въ извѣстномъ нѣкогда въ Москвѣ пансіонѣ Роллена; въ 1809 году поступилъ въ свиту Е. И. В-ва по квартирмейстерской части колоновожатымъ; въ 1812 г. по экзамену выпущенъ въ 1-й піонерный полкъ прапорщикомъ. Участвовалъ во французской кампаніи и умеръ полковникомъ въ отставкѣ, не оставивъ потомства. Елена Адриановна Грибовская въ 1814 году вышла за Василія Яковлевича Губерти (1784, † 1843), заслуженнаго взранныаго подполковника, бывшаго городничимъ въ городѣ Коломнѣ.

Прим. Н. В. Губерти.

имѣнія. Въ это время, вздумалось ему пуститься въ откупа и, снявъ съ торговъ городъ Зарайскъ (Рязанской губерніи), Грибовскій переселился въ него, продавъ свои московскіе дома. Устройство собственнаго винокуреннаго завода въ 30-ти верстахъ отъ Зарайска вовлекло его въ непроеводительныя затраты, а довѣріе къ прикащикамъ, безсовѣстно его обкрадывавшимъ, довершило разстройство состоянія Грибовскаго: откупъ „лопнулъ“ и работы на винокурнѣ прекратились.

Въ 1814 году, скорѣ по замужествѣ дочери своей Елены Адриановны, А. М. Грибовскій вмѣстѣ съ женою поселился въ городъ Коломнѣ, гдѣ зять его, В. Я. Губерти, былъ городничимъ. Часто уѣзжалъ онъ по хозяйственнымъ дѣламъ въ свое село Щурово, въ трехъ верстахъ отъ города—послѣдній обломокъ нѣкогда громаднаго состоянія. Но и этому имѣнію угрожала потеря: по иску, предъявленному г-жею Богдановичъ (рожденной Кирьяковой), на село Щурово наложено было запрещеніе; процессъ изъ московскихъ департаментовъ сената былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ присутствіе Грибовскаго, какъ отвѣтника, сдѣлалось необходимымъ. Въ столицѣ Грибовскій не бывалъ со времени освобожденія своего изъ крѣпости. Съ горькимъ чувствомъ отправился онъ въ Петербургъ, гдѣ принужденъ былъ, въ качествѣ смиреннаго просителя, возобновить, по возможности, связи съ нѣкоторыми изъ прежнихъ своихъ сослуживцевъ—даже подчиненныхъ; послѣднимъ А. М. Грибовскій принужденъ былъ кланяться, занскивать ихъ расположенія. Въ Петербургѣ онъ пробылъ съ 1828 по 1833 годъ; пятилѣтнія хлопоты, сопряженныя и съ денежными затратами, увѣнчались успѣхомъ; тяжба А. М. Грибовскаго была рѣшена въ его пользу и, вполне довольный ея окончаніемъ, онъ возвратился въ Коломну, чтобы отдохнуть отъ безновойствъ послѣднихъ лѣтъ въ нѣдрахъ семьи; но прожилъ только годъ и въ полной памяти скоропостижно скончался, 28-го января 1834 года, на другой день кончины своей супруги, страдавшей тяжкою, продолжительною болѣзью. А. М. и Н. Е. Грибовскіе погребены въ Голутвинской пустыни, построенной, по сказаніямъ лѣтописца, св. Сергіемъ, при сліяніи рѣкъ Оки и Москвы, въ виду красиваго мѣстоположенія села Щурова.

А. М. Грибовскій въ послѣдніе годы жизни былъ необщителенъ, угрюмъ и мало разговорчивъ. О существованіи его „Записокъ“ никто изъ родныхъ и не подозрѣвалъ; онѣ были найдены послѣ его смерти. Обширную свою переписку онъ самъ уничтожилъ. Одинъ изъ „послѣднихъ Могиканъ“ царствованія Екатерины, А. М. Грибовскій изрѣдка упоминалъ о временахъ минувшихъ по поводу событій, современныхъ послѣднимъ годамъ его жизни. Такъ, въ 1827 году, когда генераль

И. Θ. Паскевичъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе побѣдами въ Персіи, А. М. Грибовскій припомнилъ, что отецъ героя Эриванскаго при Екатеринѣ II былъ поставщикомъ соли изъ Крымскихъ озеръ, и, по случаю падежа воловъ, не могъ выставить въ казну извѣстнаго ея количества, хотъ и взялъ отъ казны большіе задатки. Съ Паскевича и его компаніоновъ причиталось до милліона рублей взыскаія. Они прибѣгли къ Грибовскому съ просьбою объ исходатайствованіи прощенія имъ этой важной суммы и ходатайство Адриана Моисеевича было уважено. Паскевичъ и прочіе подрядчики поднесли ему благодарственный адресъ, за то, что онъ спасъ ихъ отъ разоренія. Въ томъ-же 1827 году, по поводу посѣщенія императоромъ Николаемъ Павловичемъ городовъ Николаева и Одессы, Грибовскій замѣтилъ, что именной указъ объ учрежденіи Одессы былъ составленъ имъ и что, по его предложенію, Гаджибей былъ переименованъ въ „Одессу“¹⁾.

Примѣчаніе. Въ числѣ нѣсколькихъ намъ извѣстныхъ письменныхъ памятниковъ умственной дѣятельности князя Зубова остались его отрывчатые, черновые наброски и замѣтки о европейской политикѣ, писанные имъ послѣ 1814 года²⁾, болѣею частью на французскомъ языкѣ. Эти замѣтки, которыя правильнѣе было-бы назвать политическими мечтаніями (*méditations politiques*), не обличаютъ въ авторѣ дарованій государственнаго мужа, хотя въ нихъ есть и проблески здравого смысла и доброжелательства своему отечеству. Приводимъ для образца нѣкоторые отрывки.

Выразивъ мысль объ единствѣ Германіи и упроченіи свѣтской власти папы (!). Зубовъ говорить:

(Подлинникъ писанъ по французски). «Говоря о средствахъ къ восстановленію равновѣсія въ Европѣ, которому не въ силахъ была-бы противодѣйствовать второстепенная держава владычествомъ своимъ на океанѣ, необходимо, съ одной стороны, ослабить и унизить средства этого громаднаго колосса созданіемъ новыхъ морскихъ державъ. Дабы Средиземное море было замкнуто, подобно Балтійскому, нужно восстановить Восточную имперію: Константинополь первый и прекраснѣйшій портъ въ мірѣ, такъ какъ Архипелагъ лучшій рассад-

¹⁾ Въ X томѣ «Русской Старины» изд. 1874 г., въ числѣ историческихъ разсказовъ и анекдотовъ, помѣщенъ недописанный анекдотъ о Грибовскомъ (№ 214, стр. 780—781), въ которомъ адъютантами его названы М. И. Голенищевъ-Кутузовъ и Рибасъ. Составителю разсказовъ и анекдотовъ, очевидно, измѣнила память: оба поименованныя лица были старѣе Грибовскаго по службѣ и, находясь въ генеральскихъ чинахъ, не могли быть адъютантами полковника.

²⁾ Рукопись въ листъ, за № 34,359, хранящаяся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба. Тетрадь эта—видимо отрывокъ,—помѣчена «№ V» рукою самого Зубова.

никъ матросовъ и мореходовъ. Въ былыя времена вся Европа возстала-бы при попыткѣ изгнать турокъ изъ Европы. Нынѣ-же весь европейскій континентъ содѣйствовалъ бы тому, дабы освободиться отъ тирании островитянъ, лишь-бы вопросъ поставленъ былъ въ истинномъ своемъ свѣтѣ и сочетался съ обезпеченіемъ торговыхъ интересовъ народовъ европейскаго материка—основаніемъ новой, независимой имперіи, которая возвратила бы цивилизаціи народъ, въ древности обиловавшій гениями по всѣмъ отраслямъ умственнаго развитія.

«Не смотря на всю тяжесть російскихъ силъ и на явный перевѣсъ ихъ на сѣверѣ, необходимо было-бы основать и сохранить на югѣ европейскаго материка преимущество наше посредствомъ зависти и соперничества Австріи и Франціи: яблокомъ раздора между ними могла-бы служить Италия. Испанія и Англія—естественныя союзницы Россіи (!), и потому слѣдуетъ поддерживать дружбу съ ними въ виду самыхъ торговыхъ интересовъ, съ тѣмъ однако-же, чтобы послѣдніе были руководимы чувствами умѣренности и свободомыслія, безъ которыхъ въ Европѣ не могло-бы быть ни торговли, ни благосостоянія, ни преуспѣянія, ни безопасности. Впрочемъ, права, даруемыя славнѣйшимъ титуломъ—покровителя угнетенныхъ народовъ Европы, всего надежнѣе и прочнѣе могутъ обезпечить величіе и главенство Россіи и непоколебимый миръ въ Европѣ, ибо, по приведеніи въ исполненіе всѣхъ возможныхъ мѣропріятій, можно отвѣтствовать, что никто не осмѣлился-бы въ Европѣ сдѣлать ни единого пушечнаго выстрѣла безъ дозволенія его величества императора Всероссийскаго.

«Было бы, повидному, благоразумно поддерживать шведскій народъ на степени ослабленія, которое тѣмъ болѣе было бы ему полезно, что онъ, отрѣшавшійся отъ воинственнаго духа, занялся бы торговлею и мореплаваніемъ, которыя болѣе сродны съ географическимъ положеніемъ страны и даже болѣе полезны ея выгодамъ. Шведская корона принадлежитъ дому Гольштинскому: вѣтъ-ли возможности, льстя ихъ народной гордости и, еще того лучше, примиряя ее съ нашею и упрочивая болѣе и болѣе наши выгоды, дать имъ въ короли или сына Густава (IV) Адольфа, или принца изъ дома Ольденбургскаго, которому русскій императоръ—ближайшій наслѣдникъ».

Остальныя замѣтки, посвященныя разсужденіямъ о причинахъ первой французской революціи, наполнены яростными нападками на философовъ XVIII столѣтія. По отсутствію въ нихъ всякаго интереса для читателей, считаемъ излишнимъ дѣлать дальнѣйшія извлеченія изъ рукописи Платона Зубова, которой онъ посвящалъ часы досуга отъ своихъ «хозяйственныхъ» занятій.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

Дѣятельность его какъ дипломата

1827—1829¹⁾.

Въ двухъ послѣднихъ книгахъ XI-го тома «Русской Старины» напечатана первая часть довольно обширной переписки, характеризующей дипломатическую дѣятельность Александра Сергѣевича Гр и б о ѣ д о в а. Съ тѣхъ поръ прошло почти два года. Нынѣ, возобновляя печатаніе этихъ любопытныхъ документовъ и представляя послѣднюю ихъ серію, мы считаемъ необходимымъ напомнить читателямъ, что они относятся къ 1827—1829 г. и, имѣя главною цѣлью восполнить одинъ изъ самыхъ видныхъ пробѣловъ въ биографіи знаменитаго писателя, въ тоже время даютъ вѣрное понятіе о политическомъ состояніи Персіи послѣ заключенія Туркменчайскаго трактата, а также объ отношеніяхъ, въ какія наше правительство было поставлено къ тегеранскому кабинету вслѣдствіе событія, котораго жертвою сдѣлался Александръ Сергѣевичъ со всею почти нашею миссією.

Ред.

А. С. Грибоѣдовъ—гр. Паскевичу.

11-го ноября 1828 г.—Тавризь.

Я имѣлъ честь извѣстить в. с. объ отправленіи персидскимъ правительствомъ 30 т. тумановъ въ счетъ 8-го курура. Между тѣмъ, ген.-м. Панкратьевъ увѣдомилъ меня, что, по случаю выступленія его изъ Хоя, в. с. угодно учредить, для приема слѣдующихъ намъ отъ персидскаго правительства денегъ, комитетъ въ Аббас-абадѣ, подъ предсѣдательствомъ ген.-м. Мерлини. Вслѣдствіе чего я уже вступилъ въ надлежащее сношеніе съ здѣшнимъ правительствомъ, дабы оно отправляло слѣдующія намъ деңьги не въ Хой, а въ Аббас-абадѣ,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 516—534 и 746—765.

и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнесся къ ген.-м. Мерлини, дабы онъ, до учрежденія комитета, отправляемыя персіянами суммы принималъ къ себѣ подь сохраненіе въ Аббас-абадѣ, гдѣ находились бы онѣ на отвѣтственности коменданта и персидскаго слатчика до окончательнаго принятія оныхъ новоучрежденнымъ комитетомъ. Но дабы замедленіе съ нашей стороны въ приемъ отправляемыхъ персіянами суммъ не могло послужить имъ предлогомъ къ просрочкѣ слѣдующей намъ уплаты, я почелъ нужнымъ обратиться къ в. с. съ убѣдительноѣйшею просьбою, дабы вы изволили предписать, чтобы упомянутый комитетъ въ Аббас-абадѣ былъ учрежденъ въ наискорѣйшемъ времени и немедленно приступилъ къ отправленію ввѣреннаго ему порученія.

12-го ноября 1828 г.—Тавризь.

По выступленіи нашихъ войскъ изъ Тавриза, надв. сов. Амбургеръ, по лестному выбору в. с., былъ здѣсь оставленъ въ качествѣ комиссара, впредь до учрежденія здѣсь постоянной миссіи, и въ исправленіи ввѣренныхъ ему дѣлъ неоднократно удостоился одобренія вашего. По болѣзненному своему состоянію, онъ лично просилъ в. с., чтобы ему дозволено было, по прибытіи сюда повѣреннаго въ дѣлахъ или министра, отправиться обратно въ Россію для излеченія, и удостоенъ былъ вашимъ на это согласіемъ; но вскорѣ потомъ министерство иностранныхъ дѣлъ нашло полезнымъ учредить вмѣстѣ съ постоянною миссіею и генеральнаго консула, въ которомъ качествѣ былъ назначенъ надв. сов. Амбургеръ. По прибытіи моемъ сюда, онъ вновь повторилъ просьбу свою объ отпускѣ его въ Россію; хотя причины его были весьма уважительны, ибо, кромѣ видимой слабости здоровья, онъ въ теченіи 10-ти лѣтъ почти непрерывно находился на службѣ въ Персіи, исключая кратчайшій промежутокъ, когда онъ отбылъ въ С.-Петербургъ вслѣдъ за кн. Меншиковымъ, и вскорѣ опять воротился на службу съ д. с. с. Обрѣсковымъ. Я однако не могъ согласиться на его просьбу, находя его пребываніе здѣсь необходимымъ, особенно въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, и онъ рѣшился дожидаться болѣе благоприятнаго времени. Вмѣстѣ съ симъ я, однако, долженъ замѣтить, что его жалованье весьма недостаточно по здѣшнимъ издержкамъ и притомъ ему ничего не дано на обзаведеніе. В. с. извѣстно, какъ всякое сношеніе съ персіянами увлекаетъ въ непредвидимые и неизбѣжные расходы, и потому я почелъ долгомъ обратиться съ ходатайствомъ къ вашему благосклонному посредству, чтобы Амбургеру испросить прибавку къ нынѣшнему его жалованью, по крайней мѣрѣ, 600 черв., что составитъ 1,800 р. Также одновременную сумму, хотя въ видѣ награды, чтобы онъ могъ

на первый случай устроить свое хозяйство и нѣсколько уравнить приходы свои съ расходами, которые бѣльшею частью опредѣляются не частными прихотями, а надобностями, тѣсно сопряженными съ его званіемъ.

Я увѣренъ, что предстательство ваше, какъ государственнаго челоуѣка, облеченнаго особеннымъ довѣріемъ Е. И. В., и какъ разборчиваго начальника, имѣвшаго случай оцѣнить по достоинству способности и усердіе Амбургера, непременно будетъ уважено министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, что и побудило меня утрудить в. с. моимъ представленіемъ въ его пользу, преимущественно предъ вице-канцлеромъ, въ глазахъ котораго, конечно, мое мнѣніе не можетъ имѣть равнаго вѣса съ отношеніемъ къ нему в. с.—тва.

Гр. Паскевичъ—гр. Нессельроде.

23-го ноября 1828 г.

„В. с-ву, конечно, уже извѣстно, что полномочный нашъ министръ при персидскомъ дворѣ, ст. сов. Грибоѣдовъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Персію, женился на дочери ген.-м. кн. Чавчавадзе, одного изъ значительнѣйшихъ помѣпчиковъ грузинскихъ, не испросивъ на сіе разрѣшенія.

„Вслѣдствіе чего обязанностью поставляю увѣдомить в. с., что женитьба Грибоѣдова совершилась нѣкоторымъ образомъ неожиданно и по соединившимся разнымъ обстоятельствамъ, въ особенности-же по поспѣшности, съ которою ему должно было выполнять высочайшую Е. И. В. волю, дабы скорѣе прибыть въ Персію, не могла быть отложена на дальнѣйшее время; почему, по убѣдительно о семъ ст. сов. Грибоѣдова просьбѣ, я принялъ на себя дать ему разрѣшеніе совершить сей бракъ.

„Почему, прося покорнѣйше васъ, м. г.,буде вы изволите признать нужнымъ, довести о семъ до высочайшаго свѣдѣнія Е. И. В., съ отличнымъ почтеніемъ и пр.“

На это отношеніе послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ:

„Государь Императоръ, во вниманіе къ причинамъ, описаннымъ въ отношеніи в. с. отъ 23-го ноября, соизволилъ признать совершенно правильнымъ данное вами разрѣшеніе ст. сов. Грибоѣдову вступить въ бракъ съ княжкою Чавчавадзе. О семъ увѣдомляя и пр.

Грибовдовъ—гр. Паскевичу.

26-го ноября 1828 г.—Тавризь.

Изъ бумагъ в. с., полученныхъ мною съ послѣднимъ изъ Тифлиса прибывшимъ курьеромъ, я замѣтилъ, что многія мои депеши, давно уже мною отправленныя, до сихъ поръ не получены в. с. Сіе замедленіе я могу только приписать останковкамъ въ карантинахъ, и потому прошу в. с. приказать, чтобы, задерживая моихъ курьеровъ положенное число дней, бумаги отъ нихъ тотчасъ были отбираемы и окурены, для немедленнаго препровожденія къ в. с-тву.

Грибовдовъ—гр. Паскевичу.

29-го ноября 1828 г.—Тавризь.

На почтеннѣйшее отношеніе в. с. отъ 16-го октября, № 420, объ истребованіи отъ персидскаго правительства русскихъ бѣглецовъ, составляющихъ такъ называемый здѣсь русскій баталіонъ, имѣю честь отвѣтствовать, что я, на основаніи словъ трактата, неоднократно повторялъ о томъ требованіе персидскому правительству, но до сихъ поръ оно отъ сего уклонялось по извѣстной своей медлительности въ подобныхъ дѣлахъ и всегдашнему желанію отклониться отъ всякаго справедливаго нашего требованія, ссылаясь при томъ на статью XIV, въ которой сказано, что ни одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ не будетъ требовать выдачи переметчиковъ и дезертировъ, перешедшихъ въ подданство другой до начатія послѣдней войны или во время оной, а о выдачѣ перебѣжавшихъ послѣ войны умолчено.

Что же касается до такъ называемаго маіора Самсона¹⁾, то я имѣю уже извѣстіе, что онъ будетъ наконецъ немедленно высланъ за Кизыл-Озень, по неоднократному и настоятельному моему о томъ требованію.

Грибовдовъ—гр. Нессельроде.

30-го ноября 1828 г.—Тавризь.

(Переводъ съ французскаго). Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь сообщить вамъ мое послѣднее донесеніе, здѣсь не произошло ничего новаго, кромѣ того, что папа Сулейманіэ и Керкука Махмудъ пріѣзжалъ просить помощи у Аббас-мирзы противъ берандузскаго и другихъ племенъ, отказавшихся ему повиноваться. Такъ какъ эти пле-

¹⁾ Маіоръ Самсонъ Макпищовъ, вахмистръ русской службы, перешелъ въ Персію, гдѣ и умеръ въ чинѣ генерала. См. «Русскую Старину», т. XV, стр. 770—804.

мена населяють горы, лежащія на границѣ Персїи и Турціи, то легко можетъ случиться, что будутъ затронуты интересы обоихъ государствъ. Въ подтвержденіе своей просьбы, Махмуд-паша внесъ принцу 10 т. тумановъ. Эти деньги были немедленно отправлены въ Аббас-абадъ для доставленія нашимъ чиновникамъ. Аббас-мирза доставилъ Махмуд-пашѣ все, что онъ въ поспѣшности могъ собрать: два баталіона пѣхоты, нѣсколько конницы и двѣ пушки; для послѣднихъ я далъ тѣхъ лошадей, на которыхъ я прїѣхалъ сюда. Войско это выступаетъ завтра, и ему приказано отнюдь не переступать турецкой границы. Между тѣмъ, весьма понравилось предложеніе паши завоевать для принца Багдадъ. Паша предлагалъ даже два курура, только бы ему дали достаточно войска для осуществленія завоевательнаго плана. Дѣло стало за недостаткомъ такого числа войска. Кто знаетъ персїанъ, тотъ не удивится такому задору, не смотря на миръ Турціи съ Персїею. Отъ заманчиваго предложенія принцъ отказался только по неимѣнію средствъ; иначе не послушался-бы онъ и англичанъ, сколько-бы они ни отговаривали его.

Сколько я замѣтилъ, вліяніе англичанъ здѣсь уже не такъ исключительно, какъ бывало прежде. На умы персїанъ сильно подѣйствовала энергія, выказанная нашимъ правительствомъ въ двухъ послѣдовательныхъ войнахъ, равно какъ и побѣды русскихъ армій. Какаянибудь угроза, или изъявленіе расположенія отъ имени Государя Императора уже не ставятся постоянно на вѣсы съ мнѣніемъ англичанъ и ихъ тремя милліонами фунтовъ стерлинговъ, которые они до сихъ поръ потратили въ Персїю, со времени посольства Малькольма. Трудно объяснить такого рода щедрость, и я не повѣрилъ бы ей, если бы самъ Макдональдъ не показалъ мнѣ секретно роспись ихъ расходамъ.

Англичане-же внушили принцу не бросаться безъ оглядки въ объятія Россіи, какъ онъ громко о томъ объявляетъ, но стараться образовать собственныя народныя силы, съ которыми онъ могъ-бы со временемъ идти противъ братьевъ, которые будутъ оспаривать у него право на престолъ. Это, положимъ, и умный совѣтъ, но онъ несообразенъ съ характеромъ Аббас-мирзы. Это человѣкъ умный, тонкій, проницательный и съ вѣрнымъ взглядомъ на людей и на вещи въ обыкновенномъ быту; но въ случаяхъ важныхъ, сильнаго нравственнаго потрясенія, онъ предпочитаетъ отдаться чужому вліянію и ждать вѣншей помощи, чѣмъ въ глубинѣ собственной души почерпать мужество. Я знаю его такимъ уже десять лѣтъ. Теперь онъ мечтаетъ только о поддержкѣ и покровительствѣ Императора. Не знаю, долго ли это продлится; можетъ быть, на столько, на сколько и наши успѣ-

хи въ Турціи. Во всемъ этомъ я крайне недовѣрчивъ, потому что слишкомъ хорошо знакомъ съ персидскою совѣстью.

Недавно, въ присутствіи всѣхъ близкихъ своихъ, онъ прочелъ мнѣ вслухъ письмо брата своего Али-мирзы, изъ Тегерана. Братъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ его въ отступничествѣ отъ Персіи; говорилъ, что народное нерасположеніе къ нему растетъ, что при дворѣ шаха всѣ увѣрены, что онъ продалъ себя Россіи, и т. д., и, читая это, онъ видимо былъ чрезвычайно доволенъ, точно все это дѣлало ему величайшую честь, но такую честь, которую нельзя не признать довольно странною.

Англичане-же всѣми силами стараются отклонить его отъ путешествія въ Россію, на которое онъ сильно настаиваетъ; пожалуй, что еще окажутъ намъ этимъ невольню услугу. Но я покорнѣйше прошу в. с. сообщить мнѣ ваши приказанія на этотъ счетъ. Принцу уже не терпится съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ о возвращеніи Е. В. въ Петербургъ. Онъ уже укладывается и назначилъ кому быть въ его свитѣ; я только удерживаю его покуда, представляя ему неприличіе этой поѣздки, если онъ еще не приглашенъ императорскимъ дворомъ.

Если входить въ разсужденіе о томъ, хорошо-ли, дурно-ли отзовется на насъ это путешествіе, то мнѣ кажется, что оно можетъ оказаться полезнымъ для нашихъ восточныхъ дѣлъ. Какъ наслѣдникъ персидскаго престола, Аббас-мирза въ продолженіе всего слѣдованія черезъ большую часть Россіи имѣлъ-бы случай вѣрнѣе оцѣнить размѣры ея могущества, ея величія, такъ какъ и власти Императора, одинаковой во всѣхъ концахъ имперіи, словомъ, все то, о чемъ онъ не имѣетъ вѣрнаго понятія. Персіане, бывавшіе въ Россіи, въ разказахъ о ней всегда умалили ея истинное превосходство, какъ, напримѣръ, царствующій въ ней порядокъ, бдительную полицію на пространствахъ почти неизмѣримомъ, количество ея силъ и проч.; а въ нашихъ разказахъ о Россіи принцъ всегда видитъ пристрастіе и самохвальство. Если-бы онъ вздумалъ хлопотать о скидкѣ двухъ остающихся куруровъ, то нѣтъ повода допустить ее; но можно распредѣлить уплату ихъ на другіе болѣе удобные сроки. Что же касается до долга его по очищенію Хоя, то я объявилъ ему, что онъ не выѣдетъ, покуда не заплатитъ до копѣйки 8-го курура, и теперь дѣятельно занимаются пополненіемъ всей суммы. Если-бы Аббас-мирза попросилъ Государя Императора вооруженною рукою посадить его на отцовскій престолъ, по кончинѣ его родителя, то и тогда не слѣдуетъ давать на это формальнаго обязательства. Условное обѣщаніе точно также удовлетворитъ его, какъ тотъ отвѣтъ, который в. с. помѣстили въ вашей

русской инструкціи отъ 1-го мая, которою я уже нѣсколько разъ съ успѣхомъ воспользовался: „Указывая Аббас-мирзѣ на пособіе Россіи, при будущемъ его вступленіи на престолъ, какъ на цѣль, которой онъ долженъ домогаться праводушнымъ своимъ поведеніемъ въ сношеніяхъ съ нами“. — Вотъ въ чемъ состоялъ бы для него результатъ его поѣздки въ Петербургъ.

Взятіе Варны произвело здѣсь сильное впечатлѣніе. Я придалъ этому важному извѣстію приличный обстоятельствамъ блескъ. Наши подданные, болѣею частію Тифлисскіе армяне, собрались въ армянской церкви, гдѣ и я присутствовалъ съ своими чиновниками при богослуженіи. Звонили въ колокола,—обычай немислимый въ мусульманской землѣ; стрѣляли изъ пушекъ, и, кромѣ того, Аббас-мирва задалъ мнѣ великолѣпный праздникъ: обѣдъ, фейерверкъ, и т. п. Англичане отказались присутствовать, подъ предлогомъ добраго согласія ихъ правительства съ Портою, на что Фетх-Али-ханъ, передававшій приглашеніе, отвѣчалъ имъ, что принцу не приходило въ голову, что они такъ дружны съ султаномъ послѣ пораженія турецкаго флота, въ которомъ они принимали такое дѣятельное участіе.

Я, однако, прошу в. с. не заключать изъ всѣхъ сообщенныхъ здѣсь дѣйствій англичанъ, что я съ ними не лажу. Напротивъ, эту послѣднюю черту о нихъ сообщилъ мнѣ Макдональдъ, съ которымъ я очень друженъ, потому что, въ частной жизни, это такой честный и почтенный человекъ, какихъ я давно не встрѣчалъ. Я радуюсь, что могъ оказать ему существенную услугу, съ тѣхъ поръ, что я здѣсь, и онъ благодаритъ меня за нее при каждой встрѣчѣ. Дѣло въ томъ, что если-бъ мы очистили Хой по уплатѣ 300 т. тумановъ, какъ было условлено, то Макдональдъ никогда не добылъ бы у персіянъ тѣхъ 100 т., въ которыхъ онъ поручился за нихъ; въ такомъ случаѣ ему пришлось бы обратиться къ своему правительству, а оно дурно приняло бы его заявленіе, такъ какъ на это новое ручательство ему не было дано разрѣшеніе. Я же поступилъ только согласно съ желаніемъ г. главнокомандующаго гр. Паскевича Эриванскаго, который въ то время хотѣлъ, чтобы наши войска оставались въ Хой. Теперь обстоятельства измѣнились: въ Баязетскомъ пашалыкѣ понадобилось подкрѣпленіе, и хойскій отрядъ направился туда, что не причинило большой разницы въ уплатѣ 400 т. тумановъ, выданныхъ почти сполна.

Вотъ въ какомъ порядкѣ получены отдѣльныя части всей суммы:

- 1) Изъ хойскаго комитета, подъ предсѣдательствомъ
ген. Панкратьева, 4-го ноября, получено 344,189 тум.
48*

2) Сдано на храненіе въ Аббас-абадѣ, 21-го ноября, впредь до учрежденія комитета для оцѣнки и полученія монеты	33,811	„
3) Цѣна золотого трона Ага-Мамед-шаха, не включая эмаль и работу, хранящагося въ Аббас-абадѣ и предоставленнаго къ выкупу 20-го декабря	7,000	„
4) Вексель Макдональда, по которому уже выплачены 11 т. тумановъ персіянами, а остальные сполна будутъ выплачены 12-го декабря	15,000	„
Итого		400,000 тум.

В. с. не можете себѣ представить чего стоитъ исторгнуть у персіянъ должныя намъ деньги. Шахъ положительно отказалъ въ выдачѣ Аббас-мирзѣ остальныхъ 100 т. тумановъ, для выкупа алмазовъ, какъ онъ уже однажды не сдержалъ даннаго Макдональдѣ слова. О послѣднемъ займѣ такъ сильно хлопоталъ Макниль, но неудачно. Онъ нагналъ шаха на пути его въ Фераханъ, но тотъ грубо приказалъ ему снова сѣсть на лошадь и запретилъ показываться на глаза. Аббас-мирза, въ свою очередь, старается всѣми силами собрать эту сумму наличными деньгами: всѣмъ мужескіямъ (сборщикамъ доходовъ) приказано сдавать впредь всѣ податныя деньги въ цитадель, и, пока долгъ его не будетъ заплаченъ, не трогать общественныхъ доходовъ, ни для гарема, ни для раздачи жалованья чиновникамъ, ни для какого бы то ни было употребленія. Можетъ быть, въ теченіе зимы онъ будетъ въ возможности удовлетворить насъ; между тѣмъ, его алмазы уже принадлежатъ намъ по праву, но я думаю, что онъ готовъ и отказаться отъ нихъ, тѣмъ болѣе, что онъ изъ кожи лѣзетъ, чтобъ доказать намъ свое желаніе быть исправнымъ. Я подожду на этотъ счетъ приказаній в. с.

Я полагаю, что мнѣ уже не придется писать къ вамъ изъ Табриза. Шахъ въ скоромъ времени возвратится въ свою столицу, и я желалъ бы прибыть туда нѣсколькими днями ранѣе. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы онъ склонился на мои представленія заплатить за сына. До тѣхъ поръ предоставляю нашему генеральному консулу хлопотать у Аббас-мирзы о полученіи остальной суммы.

Прочитавъ эту депешу, я замѣчаю, что пропустилъ одно интересное обстоятельство. Въ день празднованія взятія Варны и возвращенія Императора въ Петербургъ, Аббас-мирза сказалъ мнѣ вслухъ, при всѣхъ, что онъ желаетъ представиться нашему государю не съ цѣлью выпросить кое-какія уступки (это такъ только говорится), но чтобъ удостовѣриться, что Е. В. пріятно будетъ, если онъ

пойдетъ противъ турокъ, и чтобы затѣмъ получить его приказанія. Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и проч. .

Грибоѣдовъ—гр. Паскевичу.

3-го декабря 1828 г.—Тавризь.

Англійскій посланникъ, Макдональдъ, свидѣтельствуя в. с. усерднѣйшее почтеніе, проситъ васъ еще разъ быть ходатаемъ для полученія ему ордена св. Анны 1-й степени, всемилостивѣйше уже ему назначеннаго. По статутамъ англійскимъ, никто не можетъ получить чужестраннаго ордена, не участвуя въ военныхъ дѣлахъ той державы, отъ которой получаетъ сей орденъ, но Макдональдъ въ кампаніи 1812 года находился при нашей главной квартирѣ, и въ 1813 году при гр. Милорадовичѣ, въ сраженіи при Люценѣ, также при осадахъ Данцига, Глогау и проч. Сіе даетъ ему вѣщнее право на полученіе россійскаго ордена, кромѣ чистосердечныхъ стараній его въ пользу нашу, при заключеніи славнѣйшаго Турьменчайскаго мира. Онъ столько увѣренъ въ вашей къ нему благосклонной дружбѣ, притомъ въ дѣйствительности сильнаго вашего представительства, что полагаетъ ваше мнѣніе достаточнымъ для успѣха сего дѣла въ великобританскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, коль скоро оно ему будетъ передано императорскимъ посольствомъ въ Лондонѣ.

Грибоѣдовъ къ Ренненкампфу.

5-го декабря.—Тавризь.

...Завтра я ѣду въ Тегеранъ; Амбургеръ остается моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Когда кончите разграниченіе, пошлите ему краткое описаніе вашихъ работъ, съ означеніемъ сомнительныхъ и спорныхъ пунктовъ, а я постараюсь поддержать ваши справедливыя требованія передъ шахомъ, какъ скоро графъ Эриванскій дастъ мнѣ на то приказаніе. Здѣсь придираются къ каждой пяди земли, тогда какъ шахъ всячески избѣгаетъ споровъ и несогласія съ такою державою, какъ Россія. Я пишу вамъ въ качествѣ частнаго лица и совѣтую какъ другъ. Отступитесь отъ всякаго притязанія на увеличеніе нашихъ владѣній противъ условій договора; въ Петербургѣ этого не хотятъ, и графъ Эриванскій не желаетъ, чтобы дѣло такого рода тянулось, и пр. и пр.

7-го декабря.—Тавризь.

....Мнѣ кажется, все, что я могу здѣсь сдѣлать, это подготовить умы къ принятію рѣшенія главнокомандующаго, какого бы то ни было, хотя бы одобренія вашего мнѣнія. Но трудно увѣрить персіанъ въ

справедливости вашихъ требованій. Мы ошиблись, указавъ на Одина-базаръ, и хотимъ промѣнять его на другое. Но развѣ персидское правительство не можетъ также представить мнѣ, какъ ошибку, данное имъ обязательство заплатить намъ 10-й куруръ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ намѣренъ выплатить намъ только 8-мъ.

9-го декабря.—Тавризь.

....Вотъ конецъ моихъ переговоровъ съ здѣшнимъ правительствомъ: Принцъ согласенъ отступить отъ Исти-су. Онъ объявилъ мнѣ это формально, также какъ и относительно Лекин-чая; но карта Монтиса заставила его убѣдиться, что Одина-базаръ—рѣка, которая будетъ служить границею. Но немъ, сказать, что она не существуетъ, значить спорить противъ очевидности, такъ какъ объ этой самой рѣкѣ упомянуто въ Гюлистанскомъ мирномъ трактатѣ. Сегодня будетъ отправленъ ракамъ въ Мирзѣ-Масуду, чтобы онъ отступился отъ Лекин-чая, въ Уджарлинскомъ округѣ, и оставилъ въ сторонѣ Исти-су, въ замѣнъ другаго отрога Астары, болѣе значительнаго, и судя потому, что говоритъ Монтисъ, это, вѣроятно, тотъ самый отрогъ, который вы называете сѣвренною Астарою. Мое дѣло здѣсь только составлять записку и соглашать мнѣнія. Я не имѣю ничего болѣе прибавить; прошу васъ только потерпѣть до рѣшенія графа Эриванскаго. У меня все готово, и я выѣзжаю изъ Тавриза сегодня, тотчасъ по отсылкѣ курьера къ вамъ.

11-го декабря.—Тикмедашъ.

....Я отвѣчалъ вамъ съ вашимъ курьеромъ, сказавъ вамъ все, что было нужно по дѣлу. Принцъ говоритъ, что ему нечего болѣе ни измѣнять, ни уступать, развѣ его заставятъ не разумными доводами, а силою. Вотъ мы теперь при чемъ. Но вы не воображайте, что сила здѣсь означаетъ войну; нѣтъ, это значить только, что мы, какъ болѣе сильные, всегда можемъ указать на какую угодно границу; но за то это было бы нарушеніемъ справедливости.

Гр. Паскевичъ—Грибовдову.

5-го декабря 1828 г.

Изъ сообщенной мнѣ в. п. въ копіи депеши вашей къ вице-канцлеру отъ 23-го октября, № 65, вижу я, что наследникъ персидскаго престола при нѣкоторомъ съ нашей стороны поощреніи и при завѣреніи его, что сіе можетъ быть принято Государемъ Императоромъ, съ удовольствіемъ готовъ открыть противу турокъ непріязненныя дѣйствія, успѣхи коихъ приготовлены уже сношеніями его съ шейхами Кербадайскимъ, Му-

тефикскимъ и другими начальниками арабскихъ поколѣній, также съ значительнѣйшими жителями Багдада, готовыми отдать во власть Аббас-мирзы сей городъ и принадлежащія къ оному владѣнія.

По важности сихъ обстоятельствъ и по связи, которую исполненіе предположенія Аббас-мирзы должно имѣть съ военными нашими дѣйствіями въ Азіатской Турціи, я считаю нужнымъ сообщить вамъ слѣдующія соображенія:

В. п. весьма осторожно поступить изволили, замѣтивъ наслѣдному принцу, что тѣ пашалыки, на кои онъ могъ имѣть свои виды при началіи войны, теперь нужны собственно для операцій нашихъ, и упомянувъ въ особенности о Баязетѣ, уже занятомъ нами, и о Мушѣ, которые, вѣроятно, покорятся при первомъ появленіи войскъ нашихъ, и изъ коихъ мы можемъ извлекать нужныя для продовольствія средства. Вамъ же отстоитъ далеко отъ операціонной линіи нашей, — слѣдовательно, Аббас-мирзѣ должно будетъ дѣйствовать противъ Багдада, гдѣ, какъ в. п. упоминаете, успѣхъ пріуготовленъ уже тайными его сношеніями какъ съ городскими жителями, такъ и съ шейхами сосѣдственныхъ племенъ арабскихъ.

Если бы вторженіе съ сей стороны Аббас-мирзы въ турецкіе предѣлы было соглашено съ движеніемъ нашимъ противу Эрзерума или учинено нѣсколько ранѣе и если бы можно было ручаться, что наслѣдникъ Персіи будетъ имѣть въ семъ предпріятіи совершенную удачу, то дѣйствія его противу турокъ, конечно, принесли бы собственно для насъ большую пользу; ибо утвердившись въ Багдадѣ и собравъ многочисленныя толпы конницы какъ своей собственной, такъ и ближайшихъ арабовъ и куртинцевъ, онъ могъ бы производить опустошенія и наводить ужасъ по всему Діарбекиру и угрожать съ одной стороны Сиріи, а съ другой, соединясь съ враждующими всегда противу турокъ вехабитами, дѣйствовать даже къ Мединѣ и Меккѣ. Таковыя успѣхи естественнымъ образомъ обратили бы противу него значительную часть турецкихъ войскъ, въ Азіи находящихся, облегчили бы исполненіе предположеній нашихъ противу Эрзерума и, можетъ быть, дали бы намъ возможность, проникнувъ далѣе во внутрь Анатолиі, возбудить противу турецкаго правительства часть населенія страны сей и такимъ образомъ распространить смятеніе по всей Азіатской Турціи и рѣшительно обезсилить турокъ въ сей части ихъ владѣній.

Таковы могли бы быть послѣдствія нападенія Аббас-мирзы на Багдадъ, если бы оное исполнено было совершенно успѣшно, но предугадывая выгоды, которыя отъ успѣховъ въ семъ предпріятіи произойти могутъ, не должно выпускать изъ виду и тѣхъ непріятностей,

кои могутъ случиться, если надежды наслѣдника персидскаго престола на тайныя его связи и сношенія въ турецкихъ владѣнiяхъ не будутъ оправданы самымъ событiемъ.

Изъ сообщенныхъ мнѣ в. п. въ разныхъ депешахъ свѣдѣнiй, ясно видно, до какой степени простирается теперь безсалие персидскаго государства: совершенное истощенiе денегъ, всеобщая бѣдность, недостатокъ пушекъ и снарядовъ, неимѣнiе войскъ,—ибо собственно для караула вашего мужики были одѣваемы въ сарбазскую одежду,—наконецъ, пламя бунта, распространяющееся почти во всѣхъ южныхъ провинцiяхъ Персiи, не только не общають ей успѣховъ въ войнѣ внѣшней, но при всякой неудачѣ угрожаютъ потрясенiемъ всеобщимъ и даже паденiемъ династiи Каджаровъ. Обнадеживанiе старшинъ багдадскихъ и разныхъ родоначальниковъ, что Аббас-мирзѣ все покорится и все приметъ его сторону, коль скоро онъ покажется съ самымъ малочисленнымъ войскомъ, весьма невѣрны и на оня столько же мало положиться можно, сколько вообще не должно надѣяться на увѣренiя азиатцевъ, въ особенности кочевыхъ племенъ, всѣ виды свои къ однимъ хищничествамъ простирающихъ.

Если предпрiятiе Аббас-мирзы не сопровождаемо будетъ желаемымъ успѣхомъ и онъ, заявивъ себя непрiателемъ турокъ, долженъ будетъ возвращаться въ свои предѣлы, то тѣ же самые люди, которые нынѣ его призываютъ, соединятся съ турками, которые, конечно, употребятъ всѣ усилiя, дабы отмстить нападателю за нападенiя; къ нимъ пристанутъ подвластныя Аббас-мирзѣ народы, вообще мало довольныя его управленiемъ. Въ крайнемъ безсилiи, въ коемъ Аббас-мирза нынѣ находится, онъ не въ состоянiи будетъ противиться соединеннымъ непрiателямъ и внутреннимъ, и внѣшнимъ, которые, прорвавшись въ сердце Персiи, могутъ подкрѣпить и провинцiи, бунтующiя противу шаха, и сдѣлать возмущенiе всеобщимъ.

Въ таковомъ случаѣ достоинство Россiи и самая польза наша, состоящая въ томъ, дабы удерживать нынѣшнюю династiю на персидскомъ престолѣ, заставитъ Россiю по необходимости вмѣшаться въ сiе дѣло и оказать шаху и Аббас-мирзѣ, какъ союзникамъ нашимъ, помощь дѣятельную. На сей предметъ должно будетъ отправить войска въ Персiю обезсиливая тѣмъ отрядъ, назначаемый противу турокъ, и, можетъ быть, даже остановить дальнѣйшее наше дѣйствiе въ Малой Азiи.

Изложивъ в. п. въ обоихъ видахъ тѣ происшествiя, которыя могутъ случиться отъ начатiя Аббас-мирзою непрiязненныхъ дѣйствiй противу Порты, и изобразивъ двѣ крайнiя противоположности въ случаѣ успѣха и неудачи, я не сомнѣваюсь, что вы, имѣя всѣ мѣстныя

свѣдѣнія, такъ сказать, подъ руками, зная средства Аббас-мирзы, вѣрность вѣшнихъ его сношеній и настоящее внутреннее положеніе Персіи, конечно, не упустите ничего, что только можетъ послужить къ пользѣ и славѣ Россіи; впрочемъ, не дурно было бы, если бы Аббас-мирза могъ сдѣлать хотя демонстрацію на Багдадъ и могъ удержать войска тамошнія нѣсколько отъ посылки сикурсовъ противу нашихъ отрядовъ.

Гр. Паскевичъ — гр. Нессельроде.

15-го декабря 1828 г.

Полномочный министръ нашъ при персидскомъ дворѣ, ст. с. Грибоѣдовъ, доставивъ ко мнѣ подъ открытою печатью депешу на имя в. с., просилъ по прочтеніи сей депеши переслать ее по адресу въ С.-Петербургъ.

Означенную депешу при семъ препровождая, почитаю себя обязаннымъ изъяснить мнѣніе мое по двумъ предметамъ, въ оной между прочаго заключающимся, именно: касательно предполагаемой поѣздки Аббас-мирзы въ С.-Петербургъ и на счетъ неоднократно уже изъясненнаго имъ желанія дѣйствовать противу Порты Оттоманской вооруженною рукою.

По первому изъ сихъ предметовъ, т. е. въ разсужденіи поѣздки Аббас-мирзы въ С.-Петербургъ, я не раздѣляю мнѣнія ст. с. Грибоѣдова и не нахожу неудобства въ исполненіи ниже предполагаемой отъ сей поѣздки министромъ пользы.

Должно начать съ того, что путешествіе наслѣдника персидскаго престола въ продолженіе зимы не возможно, ибо, не говоря уже о томъ, что онъ со свитою своею долженъ будетъ подвергаться въ сіе время года суровостямъ климата, къ коему онъ непривыченъ, и что на всемъ пути до внутреннихъ губерній Россіи трудно будетъ на каждой станціи приискать для него со всею свитою удобна помѣщенія для предохраненія отъ холоду, проѣздъ чрезъ Кавказскія горы въ экипажѣ по такъ называемой Военно-грузинской дорогѣ до мая мѣсяца рѣшительно не возможенъ, направить же его по дорогѣ чрезъ Карабагъ, Дагестанъ и Ширванъ препятствуютъ прежнія сношенія его съ тамошними жителями.

По симъ обстоятельствамъ если бы Е. И. В. благоугодно было на проѣздъ Аббас-мирзы въ нашу столицу изъяснить соизволеніе, то онъ не можетъ выѣхать изъ Тавриза прежде какъ въ началѣ мая и къ сему только времени могутъ быть сдѣланы нужныя приготовленія для путешествія его въ нашихъ владѣніяхъ, по полученіи на то разрѣ-

шенія изъ С.-Петербурга; но въ маѣ мѣсяцѣ я долженъ выступить съ дѣйствующимъ отрядомъ противу турокъ и Аббас-мирза не заста-нетъ уже меня въ Тифлисѣ; по пути же отъ самаго Аракса най-детъ онъ весьма мало войскъ нашихъ, ибо всѣ они, кромѣ немно-гихъ баталіоновъ, будутъ уже находиться въ турецкихъ предѣлахъ; слѣдую далѣе во внутрь Россіи, до самой Москвы, онъ также мало встрѣтитъ полковъ нашихъ на всемъ пространствѣ и ему попадаться будутъ однѣ партіи рекрутъ, невученныхъ и худо обмундирован-ныхъ. Все сіе можетъ въ немъ возродить мысли на счетъ могущества Россіи совершенно противоположныя тѣмъ, которыхъ ст. сов. Гри-боѣдовъ ожидаетъ, ибо Аббас-мирза, и вообще всѣ азіатцы, привыкли силы государства исчислять по количеству войскъ, которыя оно вы-ставить можетъ. Впрочемъ, опытъ прошедшей войны научилъ Аббас-мирзу, что 15 т. русскихъ солдатъ были достаточны, дабы понудить Персію къ самому невыгодному для нея миру и потрясти персидскую державу въ самомъ ея основаніи,—слѣдовательно, впечатлѣніе, кото-рое произведетъ въ наслѣдникѣ персидскаго престола путешествіе по Россіи и сужденія, кои отъ оныхъ возродиться могутъ, не должно почитать заслуживающими особеннаго уваженія.

Но по прїѣздѣ въ С.-Петербургъ, что можетъ случиться не прежде какъ въ іюль мѣсяцѣ, неизвѣстно еще найдетъ-ли онъ тамъ Госу-даря Императора, и, если Е. И. В. будетъ въ отсутствіи, то пребываніе Аббас-мирзы въ нашей столицѣ можетъ сдѣлаться продолжительнымъ къ отягощенію казны значительными издержками, которыя и безъ того—на путевые издержки, туда и обратно, на содержаніе наслѣдника пер-сидскаго престола со всею свитою, и на приличные всѣмъ подарки—не ограничутся однимъ милліономъ р. асс.

Наконецъ, я совершенно убѣжденъ въ томъ, что самая главная цѣль поѣздки Аббас-мирзы въ С.-Петербургъ есть намѣреніе его испро-сить лично у Государя Императора уступки двухъ куруровъ (4 мил. р. с.), слѣдующихъ къ полученію отъ Персіи по Туркменчайскому трактату, и что другія причины сей поѣздки, Аббас-мирзою предъяв-ляемая, какъ-то: просьба о пособіи противу братьевъ въ случаѣ смерти шаха и дабы Государь Императоръ позволилъ участвовать ему въ войнѣ противъ турокъ, суть только предлоги побочные.

Зная свойства Аббас-мирзы, я весьма предвижу, что онъ не оста-новится публично со всѣми свойственными ему убѣжденіями и даже съ униженіемъ своего сана утруждать Государя Императора объ уступкѣ выше-изъясненныхъ 4-хъ мил. р. с. В. с. совершенно постиг-нуть изволите въ какое непріятное положеніе могутъ поставить Госу-даря Императора таковыя, часто повторяемая просьбы и настоянія,

въ войнѣ отказать лично наслѣднику Персіи будетъ трудно, ибо можетъ случиться, что политическія отношенія наши къ другимъ европейскимъ державамъ убѣждать будутъ къ оказанію Аббас-мирзѣ сношенія и не лучше ли гораздо предупредить всѣ сіи случаи, отклонивъ поѣздку Аббас-мирзы въ С.-Петербургъ, сначала по причинѣ зямы и непроходимости дорогъ, въ особенности черезъ Кавказскія горы, а потомъ по случаю отсутствія Государя Императора изъ С.-Петербурга, если Е. И. В. оставитъ сію столицу, или же подъ другимъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ.

По второму предмету, касательно изъявляемаго Аббас-мирзою желанія начать войну противъ Порты, имѣлъ я уже честь сообщить в. с. мнѣніе мое въ приложеніи при депешѣ за № 302, въ коемъ изъяснены оба крайніе случаи, могущіе послѣдовать отъ начатія сей войны Аббас-мирзою, какъ при успѣхахъ его, такъ и неудачѣ въ оной.

Вникая болѣе въ сіе важное дѣло, я убѣждаюсь, что разрѣшеніе вопроса: выгодно-ли для насъ или вредно-ли дѣятельное участіе Персіи въ нынѣшней войнѣ противу турецкаго султана,—зависитъ отъ политическихъ нашихъ сношеній съ европейскими державами и въ особенности съ Англіею.

Если мы можемъ твердо быть увѣрены, что успѣхи наши противу турокъ не возбуждаютъ зависти лондонскаго кабинета, и что Англія не приступитъ къ явному съ нами разрыву во все продолженіе войны съ турками, то нѣтъ никакой нужды завлекать намъ въ войну сію Аббас-мирзу, не имѣющаго нынѣ никакихъ или весьма мало средствъ для успѣшнаго продолженія оной, и которому въ таковомъ случаѣ съ нашей стороны необходимы будутъ по крайней мѣрѣ матеріальныя пособія. Достаточно если найдется возможнымъ склонить его, чтобы онъ сдѣлалъ противу турокъ демонстрацію и отвлекъ бы ихъ отъ усиленія тѣхъ войскъ, которыя намъ могутъ быть противопоставлены.

Но если на пріязнь великобританскаго двора намъ полагаться не можно и, въ особенности, если должно предвидѣть, что дворъ сей видамъ нашимъ на счетъ Турціи захочетъ противопоставить вооруженныя препоны, то вовлечь Аббас-мирзу въ войну съ турками не только полезно, но даже необходимо, ибо тогда поневолѣ онъ долженъ уже быть нашимъ союзникомъ и вліяніе англичанъ останется безъ дѣйствія. Въ противномъ же случаѣ министерство англійское, которое, какъ в. с. изволите усмотрѣть изъ депешъ ст. сов. Грибоѣдова, со времени посольства Малькольма употребило для поддержанія своего вліянія при персидскомъ дворѣ 75 мил. на наши деньги, не пожалѣетъ еще нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ, дабы вооружить противу насъ Персію и дать ей средства дѣйствовать съ успѣхомъ.

Безъ сомнѣнія, въ послѣдствіи времени держава сія будетъ наказана вновь за нарушеніе мира, но на первый случай, если персіане рѣшатся начать войну внезапно въ то время, когда войска наши отдалятся во внутрь турецкихъ владѣній, край сей подвергнется опасности величайшей. На всемъ протяженіи персидской границы не могу я оставить болѣе 3-хъ или 4-хъ баталіоновъ, которые могутъ защищать однѣ крѣпости, и то на то только время, пока достанетъ у нихъ провіанту.

Ежели персіане, собравъ значительныя силы и въ особенности многочисленную конницу, ворвутся въ наши предѣлы, то они легко проникнуть могутъ во внутрь Грузіи и, возбудивъ къ бунту легковѣрные и легкомысленныя здѣшніе народы, распространить духъ мятежа даже въ Дагестанѣ и между прочими горцами; съ другой же стороны, отрѣзавъ войска, которыя будутъ находиться противу турокъ, дѣйствовать на сообщенія наши съ тылу и съ фланга, тогда положеніе наше будетъ самое трудное и нельзя исчислить тѣхъ опустошеній, которымъ край сей подвергнуться можетъ.

Предавая разсужденія сіи благоусмотрѣнію в. с. и прося покорнѣйше довести оныя до высочайшаго Е. И. В. свѣдѣнія, я буду ожидать послѣднѣйшаго увѣдомленія вашего по сему предмету и если сношенія наши съ Англією ненадежны, то прошу покорнѣйше испросить немедленно высочайшее Е. И. В. разрѣшеніе по слѣдующимъ предположеніямъ:

1) Убѣдить Аббас-мирзу къ началію непріязненныхъ дѣйствій противу турокъ, но въ семъ случаѣ должно будетъ обѣщать ему: а) при заключеніи мира съ Турцією предоставленіе въ пользу Персіи пашалыка Багдадскаго или же Вана и Муша, которые должны мы будемъ гарантировать въ ея пользу; б) пособіе — оружіемъ и снарядами, коихъ въ Закавказскихъ областяхъ вовсе недостаточно, а можетъ быть, даже и деньгами, и с) отсрочку на два или на три года, сверхъ назначеннаго срока, уплаты двухъ куруровъ, по Туркменчайскому трактату намъ причитающихся.

2) Буде поощренія Аббас-мирзы къ войнѣ съ турками и пособія, для того ему необходимыя, признаны будутъ неудобными, то не только не должно препятствовать, но даже склонять его къ поѣздѣ въ С.-Петербургъ, ибо во все то время, пока онъ пробудетъ въ нашихъ владѣніяхъ, нельзя ожидать отъ персіанъ началія противъ насъ непріязненныхъ дѣйствій.

3) Если, наконецъ, англичане будутъ съ нами въ войнѣ, а на одно изъ вышеизясненныхъ предположеній Государю Императору неугодно будетъ согласиться, въ такомъ случаѣ непремѣнно должно имѣть въ

ближайшихъ отъ Астрахани мѣстахъ до 10 т. чел. готоваго войска, которое, по первому извѣстію о непріязненныхъ замыслахъ Персіи, тотчасъ могло бы быть перевезено моремъ на лѣвый флангъ нашъ для защиты границы. Можетъ быть, англичане не успѣютъ возбудить въ предстоящемъ году персіянь къ непріязненнымъ противу насъ дѣйствіямъ, ибо они не могутъ въ скоромъ времени доставить туда денегъ и другихъ способовъ, для начатія войны необходимыхъ, и потому, говоря о приготовленіяхъ войскъ въ Астрахани, я отношу сіе не столько къ 1829 году, сколько къ 1830 году, къ каковому времени, въ случаѣ разрыва съ Англіею въ продолженіе войны съ турками, они будутъ намъ тамъ совершенно необходимы.

Повторяя в. с. убѣдительноѣйшую просьбу о скорѣйшемъ доставленіи отзыва вашего по сему важнѣйшему предмету, имѣю честь присовокупить, что, въ подобныхъ случаяхъ, я полагаю лучшимъ заслужить упрекъ въ излишней осторожности, нежели въ недостаткѣ оной.

Гр. Нессельроде — Грибоѣдову.

18-го декабря 1828 г.

Депеши ваши изъ Тавриза отъ 20-го и 23-го октября, а равно отъ 9-го ноября сего года, получены мною исправно, и были поднесены Государю Императору.

Е. В. съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлъ въ оныхъ описываемое вами расположеніе персіянь къ русскимъ, которое вами замѣчено на пути вашемъ по Азербейджанской области. Сіиъ доказывается человѣколюбивое и благосклонное поведеніе нашихъ войскъ, во время послѣдней войны, и строгая бдительность командира Кавказскаго корпуса; ласковый же пріемъ, вамъ сдѣланный принцемъ Аббас-мирзою, и постоянное его вниманіе къ вамъ открываютъ предъ вами случай утвердить въ наслѣдникѣ персидскаго престола благопріязнь его къ Россіи, и тѣмъ самымъ приуготовить себѣ и генеральному нашему консулу возможность достигать всегда удовлетворительнаго конца по дѣламъ политическимъ и тѣмъ, кои будутъ касаться до Россійскихъ подданныхъ по торговымъ ихъ промысламъ.

Сужденія ваши объ образѣ скорѣйшаго расчета по суммамъ, остающимся въ недоимкѣ изъ 8-го курура, слѣдующаго намъ за выводъ войскъ нашихъ изъ Хойской провинціи, найдены основательными, и сообразно съ тѣмъ, по волѣ Е. И. В., даны нужныя разрѣшенія ген.-адъют. гр. Паскевичу Эриванскому.

Затѣмъ, въ депешахъ вашихъ содержатся два важные предмета. На оныя, по высочайшему повелѣнію, долгомъ поставляю отвѣтствовать

вамъ и, во-первыхъ, по главнѣйшему, именно: по желанію принца Аббас-мирзы принять участіе въ войнѣ нашей противу Порты Оттоманской, начавъ сіе намѣреніе вторженіемъ въ Багдадскій пашалыкъ и овладѣніемъ самымъ Багдадомъ, въ чемъ надѣется онъ успѣть, имѣя въ томъ городѣ тѣсныя связи.

Вы весьма хорошо отвѣчали Аббас-мирзѣ по сему его предположенію. Дѣйствительно, со стороны Россіи ни малѣйшаго въ томъ не предстоить затрудненія, и мы съ удовольствіемъ взирать будемъ на его побѣды и приобрѣтенія, кои успѣтъ учинить и кои, можетъ быть, будутъ удобнѣе въ сіе время, когда Порта Оттоманская находится въ необходимости обратить всѣ силы свои противу насъ; но на сему ограничится все то, что можетъ ожидать Аббас-мирза отъ насъ. Война наша съ Турціею не имѣетъ цѣлю расширеніе предѣловъ Россіи; она должна обезпечить торговлю нашихъ южныхъ областей, заставить Порту свято выполнить заключенные ею съ нами договоры и, наконецъ, заплатить намъ всѣ убытки, причиненныя намъ какъ до объявленія войны, такъ и войною порожденныя. И такъ, коль скоро Диванъ турецкій согласится удовлетворить справедливыя наши требованія, немедленно будетъ положенъ конецъ нашей войнѣ. Тогда Персія не найдетъ ли въ затруднительномъ положеніи, оставаясь одна на попримѣ брани, безъ всякой надежды получить откуда-либо пособіе? Если Аббас-мирза, взвѣсивъ всѣ сіи могущія послѣдовать событія, найдетъ для себя неопаснымъ войти вооруженною рукою въ области турецкія, мы, конечно, не можемъ на сіе взирать иначе какъ съ удовольствіемъ, ибо я повторяю вамъ, что успѣхи Аббас-мирзы, при нынѣшнемъ откровенномъ и дружескомъ его расположеніи къ Россіи, будутъ всегда пріятны Государю Императору. Въ такомъ смыслѣ вы не оставите объяснить съ его высочествомъ, при чемъ выразите сему принцу, что послѣ такового, самаго искреннаго вашего съ нимъ объясненія, и зная предварительно, что Россія, по достиженіи вышеозначенной своей цѣли, немедленно приступитъ къ заключенію мира съ Оттоманскою Портою—Аббас-мирза не будетъ въ правѣ жаловаться или негодовать на насъ за то, что, начавъ войну противъ общаго врага, оставленъ одинъ для продолженія съ нимъ борьбы.

Теперь обращаюсь къ желанію сего принца пріѣхать сюда. Вы согласитесь съ нами, что не любовь къ Россіи, не одна приверженность къ Государю Императору, побуждаютъ наслѣдника персидскаго престола домогаться позволенія прибыть въ С.-Петербургъ. Цѣлью сего вѣроподобно есть надежда испросить уступку 9-го и 10-го курура, намъ еще слѣдующихъ по Туркменчайскому трактату. Весьма возможно также, что подобно отцу своему, по заключеніи Гюлистанскаго трак-

тата непрестававшему домогаться возвращенія присоединенныхъ къ Россіи областей, и онъ будетъ просить подобнаго. Само собою разумѣется, что домогательства его будутъ безуспѣшны; не менѣе того, неприятно вводить намъ себя въ положеніе отказывать во всемъ на каждомъ шагу гостю, котораго, съ другой стороны, и приличіе и правила Государя Императора будутъ побуждать принять со всѣми знаками пріязни. Если даже Е. В. благоугодно было рѣшиться подарить 9-й и 10-й куруръ персіанамъ, то и въ такомъ случаѣ выгоднѣе сіе сдѣлать безъ пріѣзда сюда Аббас-мирзы, ибо пріѣздъ сей, сверхъ курура, который могъ бы быть ему подаренъ, введетъ насъ въ весьма отяготительныя издержки, кои неизбѣжны по самому достоинству Россіи. Сверхъ того, при нынѣшнихъ занятіяхъ Государя Императора, всякое отвлеченіе дѣлается обременительнымъ. По симъ уваженіямъ, возлагается въ непремѣнную вамъ обязанность, самымъ пріятнѣйшимъ образомъ отклонить удовлетвореніе сего домогательства. Достаточно уважительныхъ причинъ можете вы къ сему имѣть, поставляя главною— неизвѣстность, гдѣ въ какое время будетъ находиться Государь Императоръ при настоящей войнѣ.

Гр. Паскевичъ—Махдональду.

10-го марта 1829 г.

(Переводъ съ французскаго). Я обязанъ выразить вамъ мою живѣйшую признательность за распоряженія ваши по поводу случившейся съ нашею миссіею въ Тегеранѣ катастрофы. Это неслыханное нарушеніе общенароднаго права, уничтожающее безопасность чужестранца въ Персіи, безъ сомнѣнія, возбудитъ негодованіе всѣхъ образованныхъ націй. Я готовъ вѣрить, къ чести персидскаго правительства, что ни одно изъ лицъ, имѣющихъ малѣйшее вліяніе на дѣла, не виновно въ этомъ гнусномъ преступленіи, и что оно есть только слѣдствіе народнаго неистовства. Сдѣланныя вами распоряженія для выѣзда г. Мальце ва изъ Тегерана и попеченія ваши о вдовѣ нашего покойнаго посланника, г. Грибоѣдова, довершаютъ всѣ тѣ услуги, которыя вы оказали въ настоящемъ случаѣ, и мнѣ пріятно выразить вамъ, какъ еще болѣе увеличилось мое уваженіе къ вамъ.

Заключу повтореніемъ моей благодарности за усердіе ваше въ дѣлѣ, хотя въ основаніи и близкомъ для всѣхъ націй, однако, въ частности, касающемся только нашего правительства.

Императоръ Николай Павловичъ — Аббас-мирзѣ.

3-го апрѣля 1829 г.—С.-Петербургъ.

Намъ любезному принцу Аббас-мирзѣ, наслѣднику персидскаго престола.

При всемъ благомъ расположеніи моемъ къ в. выс. и постоянной дружбѣ, которую всегда питалъ я къ Е. В. шаху, родителю вашему, не могу сокрыть отъ васъ, что несчастное событіе, котораго жертвою сдѣлался полномочный министръ Россіи въ Тегеранѣ со всею почти миссією, оскорбивъ меня до высочайшей степени, привело къ рѣшимости употребить средства, отъ Бога мнѣ ввѣренныя, дабы отмстить кровь, невинно и вопреки правамъ всѣхъ народовъ проліянную; но отъѣзды главнокомандующаго въ Грузіи, ген. гр. Паскевича Эриванскаго, который полагаетъ персидское правительство непричастнымъ оному неистовому злодѣянію, пріостановили исполненіе моей рѣшимости. Въ неліцемерной горести, изъявленной вами по сему ужасному случаю, мнѣ пріятно видѣть доказательство постоянной приверженности вашей къ Россійской Имперіи, мнѣ остается токмо, изъ любви къ вамъ и всему вашему дому, душевно сожалѣть, что персіяне погружены еще въ слѣпое невѣжество, содѣлывающее возможными подобныя преступленія. Опасность положенія вашего лично и самого шаха не менѣе возбуждаетъ во мнѣ соболѣзнованіе.

Для отклоненія отъ васъ всего вреднаго, и для содѣйствія вамъ во всѣхъ случаяхъ, я призналъ за благо послать къ вамъ ген.-м. нашихъ императорскихъ войскъ кн. Долгорукаго, который будетъ имѣть честь вручить вамъ сіе письмо. Ему повелѣно оставаться въ Тавризѣ при вашей особѣ, доколѣ вамъ сіе будетъ нужно и пріятно. Выборъ мой палъ на сего генерала преимущественно по тому уваженію, что онъ, во время минувшихъ переговоровъ о мирѣ между Россією и Персією, сдѣлался уже лично извѣстнымъ вамъ, и успѣлъ пріобрѣсти ваше къ себѣ расположеніе. Сіе укрѣпляетъ меня въ пріятной надеждѣ, что онъ дѣйствіями своими будетъ способствовать къ утверженію искренняго согласія между двумя сосѣдними державами.

Посланнаго вами Мирза-Масуда въ Тифлисъ повелѣлъ я допустить къ моему двору.

Донесенія главнокомандующаго въ Грузіи удостовѣряютъ меня въ готовности вашей, пріѣхать лично сюда. Но постигая пагубное вліяніе коварныхъ замысловъ, кои нынѣ колеблуть спокойствіе Персіи, и не преставая радѣть о благѣ какъ сей союзной державы, такъ и о вашемъ собственномъ, я признаю ваше присутствіе въ Тавризѣ не-

обходимымъ для укрощенія буйства и предупрежденія происковъ, а потому приглашаю васъ не удаляться изъ вашихъ предѣловъ въ столь сомнительное время. Я почту достаточнымъ возмездіемъ оскорбленному достоинству Россійской Имперіи, когда шахъ, наказавъ преступниковъ, пришлетъ ко мнѣ торжественное извиненіе чрезъ одного изъ сыновей своихъ или вашихъ, въ сопровожденіи кого либо изъ довѣренныхъ вельможъ.

Сообщивъ вамъ такое мое разрѣшеніе, въ удовольствіе вмѣняю себѣ изъявить вамъ Монаршую признательность за скорыя мѣры, принятія вами противу мятежнаго хана Талышинскаго. Таковыя мѣры требовала польза обѣихъ державъ. Не менѣе пріятно было мнѣ узнать о стараніяхъ, вами употребленныхъ касательно разграниченія по Туркменчайскому трактату, которое благополучно приведено къ концу.

Въ заключеніе остается мнѣ повторить вышеназванное желаніе, чтобы вы дружелюбно довѣряли назначенному для пребыванія при васъ нашему ген.-м. Долгорукову, и притомъ не оставляли чрезъ его посредство сообщать о вашихъ нуждахъ главнокомандующему въ Грузіи, въ которомъ вы найдете всегда искренняго совѣтника.

Затѣмъ, поручая в. выс. милости Всевышняго, пребываю къ вамъ благосклонный.

Гр. Нессельроде—Мирзѣ Абул-Хасан-хану.

27-го апрѣля 1829 г.

Имѣвъ честь получить чрезъ секретаря Императорской миссіи въ Тегеранѣ, Мальцева, письмо вашего высочайшаго вѣнчанства, я спѣшу имъ отвѣтомъ разрѣшить ваши сомнѣнія. Вы основательно рассуждаете, что неслыханное злодѣйство, котораго жертвою содѣялся полномочный нашъ министръ, должно было возбудить справедливый гнѣвъ моего августѣйшаго повелителя. Государь Императоръ находился въ необходимости передъ своею имперіею и предъ цѣлымъ свѣтомъ употребить всѣ средства, отъ Бога ввѣренныя Е. В., для отмщенія за невинно пролитую кровь представителя Россійской имперіи, коего особа для всей Персіи долженствовала быть священною. Но отзывъ главнокомандующаго въ Грузіи ген. гр. Паскевича Эриванскаго, представляя персидское правительство не имѣвшимъ ни малѣйшаго злонамѣренія противъ особы министра нашего, смягчили Государя Императора и побудили Е. В. разрѣшить пріѣздъ къ своему двору присланнаго Аббас-Мирзою Мирзы Масуда; тогда же повелѣно ѣхать въ Тавризъ ген.-м. Долгорукову. Со всѣмъ тѣмъ Е. В. ожидаетъ, что

персидскій дворъ не преминетъ прислать одного изъ сыновей или шахскихъ или Аббас-Мирзы для подтвержденія невинности и принесенія торжественныхъ извиненій въ злодѣйскомъ оскорбленіи Россійской имперіи въ лицѣ ея посланника. Симъ Государь Императоръ по своему постоянному и великодушному доброжелательству къ Персидской державѣ, соизволяетъ удовольствоваться, ни мало при томъ не сомнѣваясь, что шахъ подвергнетъ всей строгости заслуженнаго наказанія тѣхъ гнусныхъ злодѣевъ, кои дерзнули возложить руки на Россійскую миссію.

Въ полномъ увѣреніи, что просвѣщенный опытами разумъ вашего высочествоства постигнетъ, сколь важно доставить безъ отлагательства желаемое Россією удовлетвореніе, пребываю и пр.

Гр. Паскевичъ—Аббас-мирзѣ.

Письма в. выс., отправленные ко мнѣ съ нарочнымъ курьеромъ, я получилъ исправно. Поздравляю васъ истинно съ присылкою сына вашего въ Тифлисъ. Вы доказали симъ искреннюю приверженность къ Государю Императору и желаніе загладить часть проступка, до сихъ поръ неслыханнаго.

Соображаясь съ тѣмъ, что вы мнѣ говорите въ письмѣ вашемъ, если бы вы были увѣрены въ согласіи моемъ отправить кого въ Петербургъ, то прислали бы сына или брата, я беру сіи выраженія знакомъ желанія, дабы кто либо изъ семейства в. выс. ѣхалъ къ Е. И. В. Посему, не ожидая прибытія объявленнаго вами посольства, которое можетъ еще продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, единственно изъ дружественнаго расположенія къ вамъ, совѣтую отправить возлюбленнаго сына вашего Хозров-мирзу къ августѣйшему двору. Я болѣе былъ къ сему убѣжденъ, получивъ отъ Государя Императора повелѣніе, что Е. И. В. угодно, дабы выслано было важное посольство, т. е. одинъ изъ членовъ вашей фамиліи.

Вслѣдствіе чего имѣю честь объявить в. выс., что намѣреніе Е. И. В. есть, дабы присланный вами сынъ изустно Его увѣрилъ о сожалѣніи персидскаго правительства въ случившемся и, буде не имѣетъ шахскаго письма съ изъясненіемъ причинъ, побудившихъ прислать его внука къ намъ, то покорнѣйше прошу васъ доставить ко мнѣ оное какъ можно скорѣе.

Я дружески совѣтую в. выс. дать сему дѣлу видъ наиторжественнѣйшій. Поручаю особенному вниманію вашему содержаніе писемъ моихъ, кои вручены вамъ кн. Кудашевымъ.

Аббас-ширза—Императору Николаю Павловичу.

(Переводъ съ персидскаго). Хвала и благодареніе Богу, отвратившему неизреченною мудростію своею неприятные случаи, угрожавшіе двумъ великимъ державамъ и устроившему связи дружбы такъ, что два государства составляютъ нынѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, одно нераздѣльное политическое тѣло. Благими плодами сего дружественнаго союза наслаждаются всѣ народы. Хвала и благодареніе святымъ пророкамъ и всѣмъ ихъ послѣдователямъ.

В. И. В., всемилостивѣйшему Государю Императору, который страхъ врагамъ, союзникамъ опора и честь, по волѣ коего царствуютъ цари, монарху сильному, великодушному, кроткому, обладателю обширной Россійской державы, имѣю счастье донести, что я съ удовольствіемъ получилъ радостное извѣстіе о милостивомъ вниманіи В. И. В. къ любезному сыну моему Хозров-мирзѣ.

Великодушное прощеніе происшествія, случившагося съ прежнимъ посланникомъ, согласно съ августѣйшимъ вашимъ словомъ, совершенно убѣждаетъ меня въ милосердіи вашемъ къ подданнымъ и въ милостивомъ расположеніи еще болѣе упрочить связи дружбы съ персидскою державою.

Предъ цѣлю Персіею почитаю себя счастливейшимъ, что В. И. В. благоволили уступить одинъ куруръ, остававшійся по мирному трактату, и отсрочили другой куруръ на пять лѣтъ; ибо сіе служитъ полнымъ доказательствомъ милостиваго ко мнѣ вашего расположенія.

Вмѣняю равнымъ образомъ себѣ въ особенную славу, которая выше всѣхъ выраженій, что вы удостоили меня отзывомъ съ наилучшей стороны въ дружескомъ письмѣ вашемъ къ его шахскому величеству.

Я совершенно недоумѣваю при мысли: какую могу я оказать услугу за такую во мнѣ вашу милость! Прошу Бога да ниспошлетъ мнѣ силы для исполненія достождолжныхъ услугъ и да напечатлѣетъ въ моемъ сердцѣ то, что согласно съ священною вашею волею.

В. И. В. было угодно, чтобы Россійскій посланникъ ген. Долго-руковъ самъ лично вручилъ означенное письмо его шахскому величеству; посему, не смотря на то, что его шахское величество находился въ походѣ и не дожидая его возвращенія, я употребилъ всѣ мѣры представить упомянутаго посланника въ Тегеранъ. По прибытіи посланника ко двору, высокія доблести В. И. В. и ваша дружба, безъ сомнѣнія, произведутъ сильнѣйшее впечатлѣніе радости въ августѣйшемъ сердцѣ его шахскаго величества.

Прошу В. И. В. удостоить меня всегдашняго вашего вниманія и,

при милостивомъ расположеніи, осчастливить вашимъ увѣдомленіемъ и порученностями.

Мирза-Абуль-Хасан-ханъ — Магдональду.

(Переводъ съ персидскаго). Дружественное письмо, которымъ вы меня почтили съ чапаромъ, прибыло въ благополучное время, и принесло мнѣ пріятную вѣсть о вашемъ здоровьи и благополучіи.

Просьба ваша, писанная къ шаху, была доставлена его величеству въ благополучный часъ.

Такъ какъ вы увѣрены, что министры сего государства не имѣли участія въ послѣднемъ печальномъ случаѣ, касательно смерти покойнаго Россійскаго министра, я въ такомъ же смыслѣ писалъ къ вашему правительству. Вы симъ даете новый залогъ вашей дружбы и доброжелательства къ Персіи, и въ самомъ дѣлѣ безпокойства, которыя вы переносили, и большія услуги, которыя вы оказали сему государству, дѣлаются ежедневно болѣе очевидны, такъ что его величество шахъ самъ объявилъ, что, со времени прибытія этого англійскаго министра (т. е. Магдональда) въ наше государство, онъ никогда не былъ изъять отъ трудовъ, которыми обременяло его сіе государство, и можно сказать, тѣмъ оказалъ большія услуги своему государству.

Его величество приказалъ написать ракамъ на ваше имя, цѣль котораго есть увеличить ваше вліяніе.

Если окажутъ намъ справедливость, то обнаружится, что министры сего государства были въ совершенномъ невѣдѣніи о бывшемъ происшествіи. А какъ вы полагаете нужнымъ немедленно отправить посла въ Россію, то здѣшніе министры сдѣлали дѣятельныя приготовленія для отправленія онаго тотчасъ по возвращеніи Мирзы-Масуда изъ присутствія главнокомандующаго въ Грузіи, дабы мы могли судить, какъ судить Россійское правительство о послѣднихъ происшествіяхъ въ Тегеранѣ и каковы могутъ быть желанія онаго.

Тогда мы, конечно, отправимъ одного изъ принцевъ или министровъ въ столицу Россіи и съ благословеніемъ Господа Бога все будетъ дружески окончено.

(Приложена печать Мирзы-Абуль-Хасан-хана).

Фетх-Али-шахъ — Императору Николаю Павловичу.

(Переводъ съ персидскаго). Единому Богу, источнику мира и тишины, ниспославшему пророковъ и святой законъ свой, для успокоенія трепетныхъ сердець и устроенія къ благой цѣли дѣлъ земныхъ подобаешь воздавать хвалу и поклоненіе.

Восхвалимъ также и святыхъ пророковъ, которые по велѣнію Творца вливаютъ спокойствіе въ сердца земнородныхъ и вѣщаютъ имъ о волѣ Всевышняго.

Монархъ великій, славящійся побѣдоноснымъ воинствомъ, охранитель своихъ владѣній, доброжелательный, великодушный, знаменитый, великій нашъ братъ, избранный всемогущимъ Богомъ, нить, смыкающая драгоцѣнное ожерелье изъ перловъ искренней дружбы, самодержецъ Всероссійскій, отъ воли коего зависитъ творить добро и зло, повелитель надъ морями и сушею, владѣнія коего ограждены со всѣхъ сторонъ безопасностію, коего престоль подобенъ тверди небесной, предъ зеркаломъ, блескомъ своимъ уподобляющагося солнцу, сердца вашего величества, изображаемъ радость, которую преисполнились мы при полученіи дружескаго монаршаго письма вашего, врученнаго намъ въ счастливый часъ полномочнымъ министромъ В. В. Извѣстіе о томъ, что единственный благопріятель нашъ находится въ возжелѣнномъ здравіи и питаетъ къ намъ живое чувство братской дружбы—довершило наше благополучіе.

Долгое время, по велѣнію судьбы сего міра, разныя приключенія пресѣкали намъ всѣ пути къ дружескимъ сношеніямъ, и мы не имѣли случая къ изъявленію сердечныхъ чувствъ нашихъ.

И такъ, означенное письмо В. В., съ новыми увѣреніями дружбы, исполнило сердце наше неизъяснимою радостью; окомъ зависти взиралъ міръ на наше счастіе и предъ ядовитымъ его взоромъ затмился свѣтъ нашей звѣзды. Радость наша обратилась въ печаль, горькимъ сдѣлалось то, что прежде было такъ сладостно.

Грибовдовъ присланъ былъ полномочнымъ министромъ отъ Россійской державы и былъ по сей причинѣ дорогимъ гостемъ нашего государства. Мы оказали ему такія почести и благорасположеніе, какихъ еще никого изъ посланниковъ не удостоивали; но враждебный рокъ судилъ ужасное происшествіе, коего описаніе стѣсняетъ сердце наше и исполняетъ насъ живѣйшею горестью. Всевѣдущему Богу извѣстно, сколь для насъ сіе происшествіе горестно и сколь оно насъ тронуло.

Одинъ проникательный и блестящій умъ великаго Императора можетъ открыть намъ путь къ утѣшенію, успокоить сердце и свѣять пылъ сомнѣнія, покрывшую лицо наше. Конечно, В. В. извѣстно, что никакой благоразумный человѣкъ никогда не могъ покуситься на подобное дѣло. Милосердый Боже! возможно ли подозрѣвать, чтобы наши визири и вельможи взяли участіе въ семъ ужасномъ происшествіи, въ то самое время, когда новый, счастливый міръ, источникъ радости и благополучія, вѣнчалъ желанія обѣихъ державъ! Хотя драка между

людьми посланника и чернью, столь внезапно возникшая, что невозможно было оказать никакой помощи, была причиною сего ужаснаго происшествія, однако же правительство наше предъ вашимъ покрыто пылью стыда, и лишь струя извиненія можетъ обмыть лицо оваго.

Для приведенія къ благому концу сего ужаснаго дѣла и испрошенія милостиваго прощенія, мы признали лучшимъ средствомъ отправить къ В. В., съ симъ извинительнымъ письмомъ, возлюбленнаго внука нашего, эмир-заде Хозров-мирзу, вмѣстѣ съ высокостепеннымъ Мамед-ханомъ, однимъ изъ приближенѣйшихъ и почетнѣйшихъ вельможъ нашего двора, начальникомъ всего регулярнаго нашего войска.

Отъ обширнаго ума, украшающаго вселенную, великаго нашего благопріятеля зависѣтъ будетъ принять милостиво или отринуть наше извиненіе.

Пришла пора опять скрѣпить
Союзъ пріязни снисхожденьемъ—
И все минувшее затмить!
Благотворительнымъ забвеньемъ.

(Изъ Саади).

Аббас-мирза—Императору Николаю Павловичу.

(Переводъ съ персидскаго). Воздадимъ хвалу и поклоненіе единому Богу, дарующему прощеніе грѣховъ и милостиво пріемлющему раскаяніе наше; Богу, коего благость превозмогаетъ гнѣвъ, а милостыня — правосудіе.

Восхвалимъ также святыхъ пророковъ, предстоящихъ предъ ликомъ Всевышняго, коихъ житіе, украшенное добродѣтелью, посвящено на благо земнородныхъ, коихъ радѣніе устраиваетъ дѣла челоувѣческія къ высокой и благой цѣли.

Монархъ великій, знаменитый, счастливый, могущественный, всемилостивѣйшій, самодержецъ Всероссійскій, коего государство съ древнихъ временъ славится величіемъ, милосердый и добродѣтельный нашъ дядя, коего священный ликъ уподобляется блескомъ своимъ лучезарному солнцу! Мы имѣемъ счастье докладывать В. В., что возлюбленный нашъ сынъ Хозров-мирза, по повелѣнію великаго шахиншаха ¹⁾, покровителя нашего государства, коему да буду я жертвою, отправленъ къ высокому двору В. В. для испрошенія милостиваго прощенія.

Милостивое и благосклонное расположеніе В. В., коимъ мы имѣемъ счастье пользоваться, побудило насъ къ избранію сего нашего сына для исполненія сей порученности, возложенной на него.

¹⁾ Царя царей.

Хотя мы сами долгое время питали себя надеждою представиться В. В. и не достигли до желаемого, но мы и это считаемъ за счастье, что счастливый сынъ нашъ достигнетъ нынѣ своего благополучія и удостоится милостиваго вашего приѣма.

Мы неоднократно испытали благорасположеніе В. В. и видѣли какъ вы всегда обращали милостивое вниманіе на исполненіе нашихъ желаній, коихъ мы даже и не изъясняли; мы потому и не находимъ нужнымъ обратиться съ просьбою къ В. В., чтобы вы благосклонно приняли нашего возлюбленнаго сына и обратили бы свое милостивое вниманіе на предметы, о коихъ онъ будетъ имѣть счастье донести лично В. В.

Мы надѣемся, что благосклонный приѣмъ и милостивое вниманіе, коихъ В. В. удостоите возлюбленнаго нашего сына, усугубятъ величіе наше при дворѣ нашемъ и обратятъ на насъ милостивые взоры великаго шахин-шаха.

Надѣясь на благость Божию, мы предоставляемъ дѣла на произволъ мудрымъ вельможамъ великаго двора вашего, въ полной увѣренности, что они возымѣютъ неусыпное попеченіе о благѣ обѣихъ державъ.

Чистосердечная и искренняя преданность наша столь извѣстна В. В., что мы полагаемъ излишнимъ утруждать министровъ вашихъ повтореніемъ чувствованій живѣйшей горести и печали, исполнившей сердце наше, которыя уже изъяснены нами въ письмѣ, отправленномъ чрезъ Мирза-Масуда, по случаю бѣдственнаго приключенія, случившагося съ полномочнымъ министромъ В. В.

Единственное желаніе наше состоитъ въ томъ, чтобы существовали между благосклоннымъ дядею и отцомъ нашимъ тѣснѣйшій союзъ и вѣчное согласіе.—Умоляемъ всемогущаго Творца да сохранитъ онъ насъ отъ всякой вражды и отвратитъ сей источникъ горести и печали.

Такъ какъ высокостепенному Мамед-хану, начальнику всего нашего регулярнаго войска и одному изъ приближенныхъ и почетныхъ вельможъ нашего двора, поручено донести В. В. о нѣкоторыхъ предметахъ, то мы прибѣгаемъ съ просьбою къ В. В. даровать ему на то милостивое позволеніе и буде случатся какія нибудь дѣла или порученности, касающіяся нашего государства, удостоить его своихъ монаршихъ повелѣній.

Да продлитъ Всевышній благополучное царствованіе В. В.

Гр. Нессельроде — гр. Пашкевичу.

12-го августа 1829 г.

Наконецъ совершилось торжественное событіе, къ которому, согласно великодушнымъ желаніямъ Государя Императора, стремились дѣятельныя усилія в. с. Персидское чрезвычайное посольство, допущенное 10-го текущаго мѣсяца къ высочайшему присутствію, предъ лицомъ міра засвидѣтельствовало невинность персидскаго правительства въ пагубномъ убіеніи нашего министра. Публичная аудіенція, данная ихъ императорскими величествами принцу Хозров-мирзѣ, происходила со всѣмъ должнымъ великолѣпіемъ въ присутствіи двора, знаменитѣйшихъ особъ обоого пола и всего дипломатическаго корпуса. Послѣ того какъ принцъ, подавъ грамоту, за три дня полученную отъ шаха на высочайшее имя, произнесъ извинительную рѣчь и выслушалъ чрезъ меня отвѣтъ на оную Государя Императора, Е. В., взявъ Хозров-мирзу за руку, самъ изволилъ произнести слѣдующія слова: „я предаю вѣчному забвенію злополучное тегеранское происшествіе“. Засимъ, принцъ удостоился кратковременнаго разговора съ Государемъ Императоромъ, въ особенной комнатѣ, гдѣ всѣ сановники посольства тогда же имѣли счастье быть чрезъ него представленными. На сей, уже приватной аудіенціи, Е. В. призналъ за благо замѣтить откровенно Хозров-мирзѣ негодованіе свое противу двуличной политики Персіянъ, позволившей имъ въ самое время отправления къ намъ его, Хозров-мирзы, производить въ Константинополь переговоры съ врагами нашими.

Впрочемъ, нельзя было не замѣтить, сколь живую признательность внушилъ принцу и его свитѣ пріемъ, высочайше оказанный посольству. Теперь мы имѣемъ полное право надѣяться, что персидское правительство, свѣдавъ всѣ сіи подробности, убѣдится въ искреннемъ, великодушномъ расположеніи къ оному нашего двора.

Присовокупляя при семъ печатный церемоніаль аудіенціи и копіи съ рѣчей, произнесенныхъ на оной, какъ равно съ шахской и Аббас-мирзы грамотъ, долгомъ поставляю извѣстить васъ, что всѣ сіи бумаги нынѣ же препровождаются отъ меня къ ген.-м. кн. Долгорукову.

Рѣчь, произнесенная на публичной аудіенціи у шаха персидскаго ген.-ж. кн. Долгоруковымъ.

Могущественный падишахъ Ирана! Посольство любезнѣйшаго внука вашего величества Хозров-мирзы разсѣяло всю тѣнь, которая могла бы помрачить сношенія Россіи съ Персією. Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, обладатель неисчислимыхъ царствъ, великій и могуще-

ственный мой Государь удостоилъ меня повелѣніемъ доставить къ вашему величеству сію дружественную грамоту, въ коей Государь Императоръ самъ изъясняетъ всѣ чувства, кои питаетъ къ вашему величеству.

Да узнаетъ вселенная, что великіе и мудрые вѣнценосцы Россіи и Ирана объяснились между собою и что всѣ недоумѣнія исчезли.

Остается мнѣ присовокупить, что, исполняя высочайшую волю моего великаго повелителя, я считаю себя сугубо счастливѣйшимъ предстать предъ вашимъ величествомъ, и вмѣстѣ съ симъ видѣть еще непоколебимѣе утвержденными сношенія двухъ большихъ государствъ, коихъ само Провидѣніе, по всѣмъ соображеніямъ, предназначило быть въ неразрывной связи и въ неизблемой дружбѣ.

Грамота Императора Николая Павловича—шаху Персидскому.

(По большомъ титулѣ).

Могущественнѣйшему, великолѣпнѣйшему, превозвышенному изъ всѣхъ великихъ государей на востокѣ, Богомъ и пророками охраняемому, повелителю и падишаху Персіи Фетх-Али-шаху, нашему брату и сосѣду, наше императорское привѣтствіе. Грамота вашего величества и объясненія, данныя намъ любезнѣйшимъ вашимъ внукомъ Хозров-мирзою, разсѣяли всѣ подозрѣнія, порожденныя злополучнымъ тегеранскимъ происшествіемъ. Выборъ посла по настоящему случаю былъ самый счастливый: скромное благомысліе Хозров-мирзы положило конецъ такому дѣлу, которое угрожало важными послѣдствіями.

Мы предали оное вѣчному забвенію и питаемъ пріятную надежду, что миръ и дружба нами равномѣрно будутъ сохранены ненарушимо, а наипаче при бдительныхъ и благонамѣренныхъ распоряженіяхъ управляющаго сопредѣльныхъ Россіи Азербейджаномъ, возлюбленнаго нашего сына Аббас-мирзы, вами утвержденнаго наслѣдникомъ престола и нами таковымъ торжественно навсегда признаннаго предъ цѣлымъ свѣтомъ.

Не можемъ, однако, скрыть отъ вашего величества, сколь прискорбны были сердцу нашему всѣ колебанія нашего министерства и всѣ его мѣры, казавшіяся направленными къ рѣшительному разрыву союза съ Россією. Не опасеніе вторженія персидскихъ войскъ въ Закавказскія наши области занимало насъ, но мы единственно соболѣзновали, видя, что царство намъ сосѣднее, — царство, коего благосостояніе основано на неизмѣнной политикѣ нашего кабинета, добровольно подвергается неизбѣжному потрясенію. Движенія, возникшія въ Персіи, вынудили насъ дать повелѣніе о переходѣ необходимаго числа войскъ изъ внутри Россіи за Кавказъ. Внукъ вашъ видѣлъ

оныя самъ на пути; походъ ихъ причинилъ издержки весьма значительныя; со всѣмъ тѣмъ, какъ мы выше уже произнесли, повторяемъ и еще: предаемъ все вѣчному забвенію. Всѣ пожертвованія Россіи, кои не могли быть для насъ нечувствительными, при существующей, противу желанія нашего, войнѣ съ Турціею,—замѣняются живою радостью, каковую мы ощущаемъ отъ сохраненія прочнаго бытія и благосостоянія Персіи. Мы увѣрены, что къ сей священной цѣли обращены всѣ мысли вашего величества, и что дѣйствія министерства вашего направлены будутъ постоянно къ неразлучному съ тѣмъ соблюденію добраго между нами согласія, которое да утвердить Богъ навсегда и да продлитъ жизнь вашу, и, наконецъ, да благословитъ успѣхомъ всѣ тѣ предначинанія ваши, кои будутъ влониться къ устроенію счастья народовъ, великимъ Его промысломъ правленію вашему вѣренныхъ. Хотя принцъ Хозров-мирза возвратится вскорости въ Персію и подтвердитъ вамъ все вышеизложенное въ подробности, мы не менѣе сочли нужнымъ послѣшить отправленіемъ къ вашему величеству сей дружественной грамоты, которую повелѣли доставить къ вамъ императорской нашей свиты ген.-м. кн. Долгорукову, желая немедленно доказать предъ лицомъ Персіи, что мы взаимно объяснились и всѣ наши недоразумѣнія прекращены благополучно. С.-Петербургъ..... сентября, въ лѣто отъ Р. Х. 1829, государствованія же нашего въ четвертое.

Грамота Императора Николая Павловича—шаху Персидскому.

(По большомъ титулѣ).

Въ отвѣтъ на грамоту в. в., принесенную мнѣ вашимъ внукомъ, я уже имѣлъ удовольствіе на письмѣ изъяснить вамъ искреннія чувства души моей. Нынѣ пользуюсь обратнымъ отвѣдомъ Хозров-мирзы, дабы изъяснить вамъ, сколь мнѣ пріятно, что онъ былъ избранъ в. в. для укрѣпленія союза Персіи съ Россіею. Похвальныя его качества, въ непродолжительное время пребыванія въ Россіи, приобрѣли ему не токмо мое благоволеніе, но и любовь всеобщую. Я поздравляю васъ, державный государь, со внукомъ, подающимъ блестящія надежды: онъ явился здѣсь достойнымъ сыномъ любимаго вами наследника вашего.

Въ заключеніе, я долгомъ почитаю поручить Хозров-мирзу особенному вниманію и милости вашего величества, и прошу васъ вѣрить непоколебимой моей дружбѣ. Въ С.-Петербургѣ, октября 6-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1829, государствованія же нашего въ четвертое.

Публичная высочайшая грамота—Аббас-мирзѣ.

Намъ любезному принцу Аббас-мирзѣ, наслѣднику персидской державы.

Оправданіе, принесенное отъ персидскаго правительства въ неприкосновенности его къ бѣдственному тегеранскому событію, для меня тѣмъ болѣе пріятно, что я принялъ оное отъ сына в. выс. Благоразуміемъ и похвальными качествами своими, онъ снискалъ полную мою благосклонность, и я прошу васъ, въ пріемѣ, оказанномъ Хозров-мирзѣ среди россиянь, и въ почестяхъ, какими онъ пользовался во время своего здѣсь пребыванія, видѣть вмѣстѣ залогъ моего личнаго расположенія къ вамъ и доказательство того благоволенія, какого сынъ вашъ показался мнѣ совершенно достойнымъ.

Я уже извѣстилъ в. выс. особымъ моимъ письмомъ о сложеніи одного изъ куруровъ, кои оставались неоплаченными Персіею по Туркменчайскому договору, и объ отсрочкѣ другаго на пять лѣтъ. Теперь имѣю сказать вамъ, что къ сему подвигло меня единственно желаніе доставить вамъ болѣе способовъ утвердить ваше положеніе на основаніяхъ незыблемыхъ. Въ семъ уваженіи вы можете быть увѣрены, что если бы вамъ встрѣтилась нужда въ содѣйствіи моемъ, то найдете меня всегда готоваго быть для васъ полезнымъ.

Поручая в. выс. покровительству всемогущаго Бога, пребываю вамъ навсегда благосклоннымъ. С.-Петербургъ, 12-го октября 1829 г.

(Внизу укрѣплена государственною печатью).

Особая высочайшая грамота — Аббас-мирзѣ

Намъ любезному принцу Аббас-мирзѣ, наслѣднику персидской державы.

Я получилъ письмо в. выс., присланное ко мнѣ чрезъ Хозров-мирзу. Вамъ уже извѣстно, безъ сомнѣнія, отъ сына вашего, что я предъ лицомъ вселенной предалъ вѣчному забвенію прискорбное тегеранское происшествіе, побужденный къ сему чистосердечнымъ оправданіемъ, принесеннымъ торжественно отъ персидскаго двора.

Порученія, возложенныя вами на чрезвычайное посольство, были исполнены имъ въ объясненіяхъ съ моимъ министерствомъ. Но вы сами, одарены будучи отъ Бога прозорливымъ умомъ, сознаетесь, что послѣ убіенія моего министра въ Тегеранѣ, я показалъ довольно умѣренности, и теперь, когда объясненія по сему предмету едва приведены къ концу, не время Россіи обнаруживать чрезвычайное снисхожденіе и жертвовать правами, за нею утвержденными; особенно присовокупляю я, когда доходили до меня вѣрныя извѣстія, что, въ минувшую войну Россіи съ Турціею, сосѣдніе начальники персидскіе,

вопреки существующей между мною и вашимъ родителемъ дружбѣ, не разъ подавали руку помощи Оттоманамъ. И такъ, правительству Персіи подлежитъ спасительный подвигъ утвердить мое къ оному довѣренность, постоянно, неуклонно соотвѣтствуя миролюбивымъ моимъ видамъ и свято наблюдая всѣ статьи трактата. При всемъ томъ, стремясь показать оному мое доброжелательство, я нынѣ повелѣлъ, дабы изъ должныхъ Персію по договору Туркменчайскому остальныхъ двухъ куруровъ—одинъ вовсе сложить, а платежъ другаго отсрочить на пять лѣтъ.

Впрочемъ, довольно мнѣ извѣстно положеніе государства Персидскаго; извѣстно, что не суммы, должныя и уплаченныя Россіи, разоряютъ его богатство, колеблютъ его силу и спокойствіе, но внутреннія смуты и неуройства народныя. Для отвращенія таковыхъ препонъ къ общему благоденствію, ваше правительство, напрягая всѣ усилія къ обузданію подданныхъ своихъ, покровительствуя торговлѣ и промышленникамъ, отъ всѣхъ народовъ стекающимся для оной въ Персію, приобрѣтеть сугубыя права на признательность персіянъ и на мое уваженіе. С.-Петербургъ, 12-го октября 1829 года.

(Приложена государственная печать).

Сообщ. Ад. П. Верзе.

АЛЕКСАНДРЪ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ ВИТБЕРГЪ.

Академикъ, строитель храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Род. 1787. † 1855 г.

IV ¹⁾.

1-го октября 1839 г.

„... Я утвержденъ министромъ—чиновникомъ особыхъ порученій— писалъ Витбергу его „другъ“. Въ январѣ поѣду въ Петербургъ. Папенька желаетъ, чтобы я тамъ служилъ. Москву увижу только проѣвдомъ; я часто скучалъ въ Москвѣ, а жаль расставаться было съ нею. Таковъ человекъ!

„Эрнъ, кажется, рѣшительно нанимается у О...ва Въ Москвѣ видѣлся съ Владиміромъ Машковцевымъ, вятскимъ ренегатомъ. У меня все еще бьется сердце горячѣе, когда вижу вятскихъ, когда могу говорить о васъ, о Скворцовѣ. Черные годы провелъ я тамъ, но полные многого, полные поэзіи, мощной поэзіи жизни. Видѣлся я съ Жуковскимъ, но какъ-то въ шумѣ, въ вихрѣ, когда все въ Москвѣ торопилось, суетилось, и Василій Андреевичъ торопился, суетился. Душой вашъ Александръ“.

15-го октября 1839 года Витбергъ, среди непрестанныхъ и по прежнему безмездныхъ трудовъ по наблюденію за постройкой вятскаго храма, получилъ высочайшее разрѣшеніе вернуться изъ ссылки. Другъ его, вѣроятно, слышавшій это отъ самого Витберга,—какъ видно изъ дошедшихъ документовъ,—говорить, что проектъ вятскаго собора былъ, такъ сказать, представителемъ у царскаго престола за художника. Высочайшимъ повелѣніемъ Витбергу было разрѣшено жить въ Россіи гдѣ пожелаетъ—это объявлено было 19-го сентября 1839 года Бенкендорфомъ. 28-го сентября министръ юстиціи Блудовъ объявилъ это повелѣніе сенату, который послалъ о томъ, 4-го октября, указъ вятскому губернскому правленію. Вѣсть объ освобожденіи произвела

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 109—126; 267—296.

живѣйшій восторгъ въ семьѣ Витберга, и съ такимъ же восторгомъ принята его друзьями.

1-го ноября 1839 г.—Владимиръ.

„Душевно и искренно порадовались мы, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ, Александръ Лаврентьевичъ, получивши ваше письмо, въ которомъ извѣщаете о повелѣніи, полученномъ 15-го октября. Конечно, это еще только начало, но, стало, вы прошли Culminationpunkt гоненій, и день, послѣ тяжелой полярной ночи, возвращается. Пусть вы и не скоро оставите Вятку, но великое дѣло—сознаніе права. Не думаете-ли вы теперь занять мѣсто въ академіи художествъ? я думаю, на это есть прямыя права у васъ и тогда мы увидимся въ Петербургѣ.

„А какъ же безъ васъ пойдетъ храмъ вятскій, памятникъ вашихъ страданій, лѣтъ изгнанія? Онъ будетъ ваша Divina Comedia, какъ же его оставить неисполненнымъ? Затѣмъ вы покупились сообщить о духѣ и содержаніи полученной бумаги?

„И такъ, мы увидимся! Я сожму опять руку вашу, вы обнимите Наташу и слезою радости смою прошедшее. Не могу безъ восторга вздумать о нашей встрѣчѣ. Вы найдете во мнѣ переменны: я больше развился, скажу съ гордостью, я выросъ духомъ съ 1837 года. Я много занимался, много думалъ съ тѣхъ поръ и все это оставило слѣды, развило новыя стороны духа, характера. О, пріѣзжайте, пріѣзжайте!

„Наташа бредитъ скорымъ свиданьемъ съ вами—она теперь едва оправляется послѣ горячки. Вѣсть о счастливой переменѣ вашего положенія была радостною вѣстью, выкупившей горькія недѣли болѣзни.

„Вотъ вамъ программа гдѣ (буде ничего особеннаго не случится) меня искать: до половины января (1840 г.) я рѣшительно во Владимирѣ, на Дворянской улицѣ, въ домѣ Рагозиной. Въ половинѣ января думаю ѣхать одинъ въ Петербургъ; на случай, ежели васъ туда прямо призовутъ дѣла, то вотъ адресъ: на Невскомъ проспектѣ, домъ Петиліа (съ Адмиралтейской площади 2-й домъ), спросить Сергѣя Львовича Львицкаго (sic); его же можно найти въ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, — это мой двоюродный братъ. Ну, въ Москвѣ вы знаете, какъ меня отыть.

„Теперь къ вамъ, Авдотья Викторовна, обращаю мое поздравленіе; дайте руку поцѣловать, вы знаете, что я безъ важныхъ оказій не цѣлую дамскихъ рукъ; и вашу руку, Вѣра Александровна. Не вините меня на счетъ Медвѣдовой, вина ее,—она рѣшительно не имѣетъ таланта пользоваться настоящимъ. Такъ, въ Москвѣ она пропустила

ужь одно мѣсто. Готовъ все дѣлать для нея, но je m'en lave les mains pour les suites et résultats. „Самъ возрастъ имашъ“, какъ вы говорите. Прощайте“.

(Рукою Натальи Гер..нѣ). „Не стану описывать вамъ, почтеннѣйшій другъ Александръ Лаврентьевичъ, радости, которую принесло послѣднее ваше письмо, И такъ, есть надежда, что я васъ увижу!!!!.... Да пошлетъ вамъ всѣмъ Господь неистощимыя блага! А у меня въ глазахъ потемнѣло отъ этихъ немногихъ строкъ.“

„Прощайте, ваша всею душою — Н. Г.“

23-го ноября, друзья Витберга письмомъ поздравили его съ похвалкой его дочери Вѣры Александровны съ Яковомъ Ивановичемъ Голубевымъ, другомъ Николая Михайловича Сатина, служившимъ чиновникомъ въ канцеляріи вятскаго губернатора Хомутова.

3-го января 1840 года.—Владимірь.

„Только что пріѣхалъ и спѣшу увѣдомить васъ, что я въ Петербургѣ видѣлся съ В. А. Жуковскимъ, который принимаетъ въ васъ участіе художника и поэта. Я говорилъ ему на счетъ вашихъ финансовъ, и онъ поручилъ написать вамъ слѣдующее: напишите къ нему письмо, извѣстите, что получили право выѣзда, и что не ѣдете оттого, что нѣтъ средствъ. Онъ въ большой силѣ. Адресуйте просто В. А. Жуковскому, въ Шепелевскомъ отдѣленіи Императорскаго Зимняго дворца.“

„Меня, кажется, скоро переведутъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.“

„Поздравляю васъ и съ новымъ годомъ, и съ будущимъ днемъ рожденія; три года какъ я представлялъ Данта — богатые и полные жизни три года для меня; чего, чего не было прожито въ нихъ.“

.....„Въ Петербургѣ я слышалъ отъ бывшего вашего слуги Лукьяна, который теперь у двоюроднаго брата моего, что вы тотчасъ послѣ свадьбы будете въ Петербургѣ. Правда ли это? Въ такомъ случаѣ, мы ждемъ васъ во Владимірь, гдѣ пробудемъ навѣрное до половины марта. Въ Петербургъ я поѣду не прежде конца апрѣля“.....

7-го марта 1840 года.

„Истинно уважаемый нашъ другъ, Александръ Лаврентьевичъ! Наконецъ-то я получилъ отъ васъ письмо, успокоившее меня; не могли понять мы, отчего вы вдругъ замолкли. Поздравляю васъ со свадьбой, поздравляю съ рожденіемъ Софіи; кажется, въ искреннѣйшемъ участіи вамъ сомнѣваться нельзя.“

„Порученіе Жуковскаго вовсе не было сдѣлано какъ тайна—даже по тому можете заключить, что онъ просилъ меня написать по почтѣ изъ

Питера. Я полагаю, что нѣтъ сомнѣнія въ необходимости поѣздки вашей въ Петербургъ. Ежели бы вы были къ концу апрѣля въ Москвѣ, я предложилъ бы вамъ мѣсто въ своемъ дилижансѣ.

„На Владиміръ больше не адресуйте ко мнѣ писемъ, я жду окончательной бумаги отъ министра внутреннихъ дѣлъ (формуляръ и прочее уже потребовали) и тотчасъ по полученіи поѣду въ Москву; тамъ предполагаю пробить до Фоминой и, слѣд., къ 1-му мая—въ Петербургъ. Письма туда адресуйте, просто на канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ ¹⁾).

„Я знаю, что вы уже говорили о моемъ „легкомысліи, вѣтренности“. Призму, сквозь которую вы смотрите на людей, Александръ Лаврентьевичъ, я имѣлъ случай узнать; знаю особенность вашего взгляда, и потому не требую исключенія для себя; я въ самомъ этомъ умѣю цѣнить высокую чистоту вашей души. Душой преданный Александръ“.

„Вотъ и мы оставляемъ нашъ мирный уголокъ, въ которомъ два года жизнь наша текла такъ свѣтло, такъ счастливо, такъ свято. Благословите насъ на путь..... Всею душой преданная вамъ Наташа“.

Когда другъ Витберга оставлялъ свой мирный уголокъ, художникъ оставлялъ Вятку и не воспользовался предложеніемъ писать о денежномъ пособіи къ Жуковскому. Онъ, продолжая трудиться для вятскаго общества,—составивши для города, кромѣ проекта собора, еще проектъ рѣшетки общественнаго сада и публичной бібліотеки,—не имѣлъ, какъ говорится, гроша въ карманѣ. Только въ концѣ 1840 года ему сдѣлана ссуда комитетомъ по сооруженію храма въ 285 руб (скинутая въ 1843 году за дальнѣйшіе труды Витберга со счетов), и съ этими деньгами художникъ отправился въ Петербургъ ²⁾).

Въ 1840 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Витбергъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Прежде всего онъ принялся хлопотать о пересмотрѣ дѣла по сооруженію храма Спасителя въ Москвѣ. По старой памяти онъ обратился за ходатайствомъ къ князю А. Н. Голицыну, но князь прямо объявилъ ему, что уже ничего нельзя сдѣлать, дѣло проиграно и во-

¹⁾ Опускаемъ подробности о неудачѣ «Вятскаго друга» Витберга, по устройству дѣлъ Прасковьи Петровны Медвѣдовой.

²⁾ Подробности о жизни и трудахъ Витберга въ Вяткѣ и о дальнѣйшихъ его заботахъ о вятскомъ соборѣ читатели могутъ найти въ любопытной и обстоятельно составленной брошюрѣ г. Алабина; тамъ же помѣщены выдержки изъ переписки Витберга съ комитетомъ по сооруженію Александро-Невскаго собора и подробное описаніе этого храма, вполнѣ оконченнаго и освященнаго послѣ смерти Витберга, именно 8-го октября 1864 г. Рисунокъ храма напечатанъ во «Всемирной Иллюстраціи» 1871 года, № 116, стр. 196.

зобновить его невозможно. Видя бѣдственное положеніе художника, князь посовѣтовалъ ему написать пожалобитѣе письмо, и просить вспоможенія, увѣряя, что черезъ В. А. Жуовскаго можно будетъ выхлопотать рублей 1,000. Витбергъ отказался отъ этого предложенія: онъ находилъ, что, не доказавши своей невинности, не слѣдуетъ принимать помощь отъ правительства, что это будетъ милостыня, а не вознагражденіе невинно-обвиненнаго, и остался почти безъ всякихъ средствъ къ существованію съ многочисленнымъ семействомъ.

Въ это время открылось мѣсто архитектора въ вѣдомствѣ путей сообщенія, которымъ управлялъ Клейнмихель. Витбергъ пожелалъ занять его, и отправился къ Клейнмихелю. Клейнмихель принялъ его чрезвычайно сухо, и не предложилъ даже стула. Витбергъ подождалъ приглашенія сѣсть, но не получая его, самъ взялъ стулъ и сѣлъ, сказавши: „извините, ваше пр-ство, что я сажусь, я старъ и болѣнъ, да и не привыкъ стоять“. Клейнмихель растерялся и поспѣшилъ извиниться. Такое начало не предвѣщало успѣха и, дѣйствительно, Витбергъ не получилъ мѣста. Принужденный крайностью, онъ прибѣгъ къ помощи сестры своей Христины Лаврентьевны Гельнъ, со всей семьей своей поселился въ ея скромной квартирѣ на Пескахъ, и сталъ жить чрезвычайно тихо. Изрѣдка посѣщали его кой-кто изъ московскихъ знакомыхъ, а самъ онъ почти не выходилъ изъ дома, и бывалъ только въ семействѣ президента медико-хирургической академіи Дубовицкаго. Изъ числа немногихъ друзей, посѣщавшихъ Витберга, были: А. И. Г., Николай Степановичъ Кожуховъ, Дмитрій Павловичъ Руничъ, Капитонъ Павловичъ Ренненкампфъ. Самымъ же частнымъ собесѣдникомъ Витберга былъ его ученикъ, вывезенный имъ изъ Вятки, Дмитрій Яковлевичъ Чарушинъ.

Между тѣмъ „Вятскій другъ“ Витберга внезапно переведенъ былъ изъ Петербурга на службу въ Новгородъ; это до того огорчило Александра Лаврентьевича, что съ нимъ сдѣлался сильнѣйшій припадокъ надучей болѣзни; съ этого времени припадки стали все сильнѣе и сильнѣе, и здоровье видимо разрушалось.

Вскрѣ онъ получилъ отъ друга своего слѣдующее письмо:

2-го августа 1841 г.—Новгородъ.

„Нужно-ли говорить, съ какимъ чувствомъ глубокой горести читали мы ваше письмо; несчастный случай, бывшій съ вами и поводомъ которому, хотя косвенно, былъ нашъ отъѣздъ—сильно огорчилъ насъ.

„Кажется, тяжесть креста иногда бываетъ несоразмѣрна съ силою плечъ человѣческихъ.

„Позвольте мнѣ вамъ дать совѣтъ побывать у доктора Пирогова (онъ живетъ на Гагаринской пристани, въ домѣ Косиковскаго); это человѣкъ, стяжавшій европейскую славу, глубоко ученый врачъ; полагаю, что онъ вамъ дастъ хорошій совѣтъ.

„Что касается до нашей жизни, то она идетъ здѣсь уединенно и тихо. Не могу равно сказать ничего хорошаго и ничего худаго объ ней Александръ“.

„Любезнѣйшая Авдотья Викторовна! Сколько грустнаго, сколько грустнаго принесло ваше письмо. Истинно васъ должно ожидать въ будущемъ счастье и наслажденіе, въ награду за претерпѣнное. И вы со мною согласитесь, что въ самомъ сознаніи въ себѣ силы нести такой тяжкій крестъ есть уже наслажденіе. Какъ бы хотѣлось о васъ знать часто и подробно.

...„Вы, вѣрно, хотите знать о насъ — не много интереснаго и хорошаго теперь найдется сказать. Александръ каждый день въ 11 часовъ отправляется въ губернское правленіе и остается тамъ до 4-хъ. Должность трудная, отвѣтственность большая, — здѣсь же все партіи, не мудрено попасть въ бѣду. Я цѣлый мѣсяцъ сидѣла дома. Квартиру мы наняли далеко, въ глуши, съ огромнымъ садомъ, мимо и проѣзда почти нѣтъ, и не ходитъ никто, точно деревня; передъ глазами Волховъ — грязный, желтый; но, наконецъ, была у здѣшней вице-губернаторши, и познакомились съ семействомъ Рейхеля, который былъ нѣкогда товарищемъ Александра Лаврентьевича и сохранилъ къ нему донинѣ большое уваженіе. Это человѣкъ необыкновенно образованный, проведшій 25 лѣтъ въ чужихъ краяхъ. Остальные визиты думаю отложить до пріѣзда изъ Москвы, а туда мы думаемъ ѣхать въ концѣ этого мѣсяца. Графъ Строгановъ прислалъ уже отпускъ. Не забывайте истинно васъ любящую Наташу“.

Витбергъ не послушался совѣта друга, и обратился за совѣтомъ не къ Пирогову, а къ доктору Маркетти; леченіе успѣха не имѣло. Живя въ большой крайности, Александръ Лаврентьевичъ вынужденъ былъ содержать семью помощью друзей. Больше всѣхъ помогалъ ему Федоръ Ивановичъ Прянишниковъ, бывшій въ послѣдствіи петербургскимъ почтъ-директоромъ; по щекотливости Витберга, пособіе дѣлалось чрезвычайно осторожно; преимущественно же старались доставить ему работу.

12-го ноября 1841 года Наташа писала Витбергу изъ Новгорода:

„Милые и дорогіе друзья наши! Здоровы-ли вы? что подѣлываете въ вашей пышной, шумной столицѣ? вспоминаете-ли о погрязнувшихъ въ болотѣ? Мы провели въ Москвѣ цѣлый мѣсяцъ и, разумѣется, пріятно

и весело; время мчалось незамѣтно, и вотъ мы опять въ нашемъ тихомъ, уединенномъ угольѣ, все идетъ прежнимъ порядкомъ. Александръ отъ 11-ти до 4-хъ часовъ въ правленіи, а съ Сашей дома, ни кругъ знакомства, ни кругъ разсѣянности не увеличился, и такъ время идетъ, идетъ... скоро и новый годъ. Лѣтомъ, Богъ дастъ, поѣдемъ въ деревню, а тамъ—куда? Богъ знаетъ. Ваша Наташа“.

9-го февраля 1842 г.—Новгородъ.

„Встрѣчая въ прошедшемъ 1841 году новый годъ, я думалъ въ 1842 году быть уже не въ Новгородѣ, почтеннѣйшій Александръ Лаврентьевичъ, но Богу угодно было иначе. Я не ропщу, впрочемъ, хочется перемѣнить родъ службы и избрать климатъ, получше, для Наташи, которой здоровье плохо. Вѣроятно, вы уже слышали о томъ, что мы имѣли несчастіе лишиться новорожденной. Пора отдохнуть отъ всѣхъ ударовъ, хочется спокойствія.....

„Дай-то Богъ вамъ силы нести вашъ крестъ.

„Дайте намъ вѣсточку о себѣ, не мстите за наше молчаніе тѣмъ же...

„Передайте усердный поклонъ Авдотѣ Викторовнѣ и поцѣлуйте дѣтокъ. Душевно преданный вамъ. Александръ“.

„Милые и любезные друзья наши! Вѣрно вы на насъ сердитесь за долгое, долгое молчаніе, и приписываете его Богъ знаетъ чему,—что мы васъ и забыли, и разлюбили. Сердиться имѣете право, а догадки несправедливы. Я думаю, отъ Якова Ивановича вы знаете все, что съ нами было; ужъ много времени прошло съ тѣхъ поръ, а все грустно, и физическія силы плохо возвращаются.....

„Мы все еще сидимъ въ нашемъ болотѣ и не знаемъ когда выйдемъ на свѣтъ Божій. Александръ не очень здоровъ и не бываетъ въ присутствіи съ начала моей болѣзни. По прежнему жизнь наша течетъ тихо, уединенно. Я до сихъ поръ никуда не выѣзжала, бываетъ у насъ только почти одинъ Рейхель, знакомый Александра Лаврентьевича. Какъ ни ясенъ, какъ ни богатъ внутренній міръ души, наружное все же имѣетъ вліяніе, и подчасъ такъ кажется темно.

„Хотѣлось бы знать о вашихъ; обстоятельства, время и пространство не кладутъ преградъ искреннему участію; да хранить васъ Всевышній. Ваша Наташа“.

10-го іюля 1842 г.—Новгородъ.

„Почтеннѣйшій Александръ Лаврентьевичъ! Тѣмъ пріятнѣе мнѣ отвѣчать на ваше письмо, что я начну съ доброй вѣсти: доля нашихъ молитвъ сбылась, и я ѣду на-дняхъ въ Москву. Это было всего необходимо для разстроеннаго здоровья жены, необходимо также въ

финансовомъ отношеніи. Это счастливое улучшение моей судьбы случилось очень недавно, и я усердно молю Бога ниспослать все благое виновникамъ благополучнаго оборота дѣла. Признаюсь, я въ послѣднее время ужъ начиналъ грустить не на шутку. Я ѣду въ воскресенье или въ понедѣльникъ, и изъ Москвы буду писать къ вамъ обстоятельнѣе. Теперь у насъ разгромъ, укладка и проч. Душевно преданный вамъ. Александръ“.

9-го апрѣля 1843 г.—Москва.

„Увѣрена, любезнѣйшая Авдотья Викторовна, что вы и Александръ Лаврентьевичъ будете раздѣлять нашу радость отъ всей души. Великій и счастливый переворотъ въ нашей жизни: у насъ все было уложено, мы собирались ѣхать, не зная сами куда, а хотѣла провести дней пять въ Москвѣ, чтобъ посоветоваться съ докторами, потомъ въ деревню и потомъ Богъ вѣсть куда. Грустно и тяжело было, тѣмъ болѣе, что бѣдный папенька очень слабъ и также не имѣлъ уже надежды видѣть Александра, но вдругъ такая переменна! Мнѣ не вѣрится до сихъ поръ... теперь мы поселимся въ Москвѣ, вообразите счастье всего семейства. . . . Наташа“.

„Почтеннѣйшій Александръ Лаврентьевичъ! Письмо ваше отъ 24-го марта мы получили, какъ всегда, съ искреннимъ удовольствіемъ. Мы рѣдко переписываемся и я первый слагаю вину на себя, но что дѣлать—я отвязъ писать, или, лучше, отучилъ себя намѣренно. Тѣмъ полнѣе бываютъ минуты наслажденія, читая письма.“

„Благодарю за память дня моего рожденія и жму вашу руку. Да, и въ Вяткѣ мы проводили хорошіе дни; не внѣшняя обстановка, а внутреннія событія души опредѣляютъ свѣтъ и темноту въ жизни.“

„Послѣдняя вѣсть, которую я имѣлъ о васъ отъ очевидца, была отъ Зонненберга; онъ сообщилъ мнѣ подробности о вашей болѣзни. Дай Богъ, чтобы магнетизмъ помогъ. Что касается до насъ, мы проводимъ здѣсь время и хорошо и нѣтъ. Почему хорошо—предоставляю вамъ рѣшить, а почему нѣтъ,—самъ скажу. Здоровье жены худо управляется. Надобно ѣхать непременно въ Италію, хлопочу, и не знаю какъ сдѣлать. Это вплетаетъ темную нить въ нашу жизнь, остальное хорошо. Саша растетъ, уменьъ, живъ, быстръ—въ меня. Занятія идутъ своимъ чередомъ. Лѣтомъ я непременно уѣду, самъ не знаю еще куда, но уѣду. Приближаются праздники, желаю отъ всей души, чтобы вы ихъ провели покойно и безболѣзненно. Мое желаніе очень ограничено, но я знаю, остальное—въ васъ. Душевно любящій васъ Александръ“.

P. S. „Апрѣля 9-го 1835 г. я уѣхалъ изъ Москвы!“

Москва.—7-го января 1844 г.

„Письмо ваше, въ ноябрѣ, я черезъ Григорія Ивановича получилъ съ искренней радостью. Благодарю васъ за память, хотъ впрочемъ я увѣренъ, что люди, такъ душевно встрѣтившіеся на несчастной полостѣ жизни для обонхъ, не могутъ охладѣть.

„Сообщу вамъ важную новость для меня. Вы помните несчастныя разрѣшенія моей жены, разстраивавшія ее и физически и морально, а потому можете себѣ представить всю радость нашу, когда, 30-го декабря, родился сынъ совершенно здоровый, котораго вчера и крестили Николаемъ. Болѣе о себѣ ничего не могу сказать. Лѣто я жилъ въ деревнѣ и опять собираюсь съ мая мѣсяца.

„О вашихъ дѣлахъ справляюсь иногда у Григорія Ивановича. Въ досужую минуту налишите строчку. Душевно любящій васъ Александръ“.

Въ 1844 г. Витбергу удалось выхлопотать себѣ пенсію въ 400 р. въ годъ. Онъ переѣхалъ отъ своей сестры на отдѣльную квартиру на Пескахъ. Усилившаяся болѣзнь заставила его серьезно подумать о своемъ лѣченіи. Врачи послали его за границу, для этого у него не было средствъ; но чтобы не остаться совсѣмъ безъ помощи, лѣтомъ 1844 г., онъ поѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Гельсингфорсъ, пробылъ тамъ три мѣсяца и возвратился въ Петербургъ съ такимъ же разстроеннымъ здоровьемъ. Жизнь Витберга проходила чрезвычайно однообразно. Въ домѣ все дѣлалось по заведенному порядку, и всякое нарушеніе его выводило Витберга изъ себя; онъ горячился, кричалъ, и вслѣдъ за этимъ съ нимъ дѣлался припадокъ палучей болѣзни, послѣ котораго онъ становился мраченъ, сердитъ; — раздраженіе его доходило до такой степени, что съ нимъ нельзя было слова сказать. Съ дѣтьми онъ обращался чрезвычайно строго; они его боялись, старались не показываться ему на глаза, и сидѣли большею частію въ заднихъ комнатахъ. Вставалъ Витбергъ обыкновенно рано и тотчасъ запирался въ своемъ кабинетѣ. Тамъ онъ читалъ, преимущественно книги духовнаго содержанія, или рисовалъ, чертилъ. Изъ дома онъ выходилъ разъ или два въ мѣсяцъ. У него бывали посѣтители весьма рѣдко, да и то онъ никогда не выходилъ къ гостямъ, или выходилъ хмурый, сердитый.

Переписка съ „Вятскимъ другомъ“ сдѣлалась вяла. Витбергъ — угасалъ.

Въ 1846 году онъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ тотъ подаетъ надежду на скорое свиданіе.

„Ваше письмо, почтеннѣйшій Александръ Лаврентьевичъ, обрадо-

вало меня безмѣрно. Отчего я молчалъ такъ давно, отчего вы—начала такъ, а потомъ потому, что молчали. Vous avez brisé la glace и вамъ честь за то, что вы напомнили мнѣ и долгъ, и собственное желаніе. Послѣдній разъ я писалъ къ вамъ съ Юріемъ Ѳеодоровичемъ Самаринымъ. Вы не пишете, получили-ли это письмо?....

„О себѣ не много могу вамъ сообщить. Живу въ Москвѣ, почти исключительно занимаюсь естествовѣдѣніемъ, не совершенно безлодно. Это вы можете видѣть по нѣкоторымъ статьямъ въ журналахъ. Въ семейномъ кругу я также счастливъ, какъ былъ въ первый день послѣ свадьбы; дѣтей у насъ теперь трое; здоровье жены хотя далеко отъ крѣпости, но по крайней мѣрѣ не хуже. Теперь важное дѣло предстоитъ въ воспитаніи Саши (ему около 6-ти лѣтъ), жизнью, опытомъ. Я думаю, воззрѣніе мое на этотъ предметъ не будетъ совершенно совпадать съ вашимъ. Можетъ быть, я самъ побываю въ Петербургѣ до осени.... До свиданія, весь вашъ Александръ“.

V.

Скучная жизнь Витберга оживилась было въ 1846 году съ пріѣздомъ въ Петербургъ его „Вятскаго друга“. Встрѣча была самая радужная, но оба нашли другъ въ другѣ много перемѣнъ. Витбергъ постарѣлъ, опустился; другъ его возмужалъ. Они видались часто. Ивѣстный уже писатель посѣщалъ художника и опять начались у нихъ долгіе, задушевные разговоры, но это были не прежнія вятскія бесѣды. Передъ другомъ Витберга былъ уже не мощный умъ, который нѣкогда былъ ему опорой, а обремененный нуждой и болѣзнями старикъ, схоронившій всѣ свои надежды, всѣми забытый, ничего впереди отъ жизни не ожидавшій. „Еслибы не семья, не дѣти,—говорилъ Витбергъ другу въ минуты горести,—я вырвался бы изъ Россіи и пошелъ-бы по міру съ моимъ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ, спокойно протягивалъ бы я прохожимъ руку, которую жаль императоръ Александръ Павловичъ, и рассказывалъ бы мой проектъ и судьбу художника“. Онъ гибнулъ; самый гнѣвъ его противъ враговъ своихъ, который такъ любилъ его другъ-юноша, сталъ потухать; надеждъ у него больше не было, онъ ничего не дѣлалъ, чтобы выйти изъ своего положенія; ровное отчаяніе доканчивало его, существованіе сломилось — онъ ждалъ смерти.

„Вятскій другъ“ Витберга вскорѣ уѣхалъ съ семействомъ за границу — и онъ объ Александрѣ Лаврентьевичѣ уже ничего не зналъ, а между тѣмъ художникъ прожилъ еще восемь лѣтъ, и, кромѣ рисунковъ иконостасовъ вятскаго собора, составилъ еще одинъ проектъ.

Въ 1847 году прїѣхалъ въ Петербургъ съ Кавказа какой-то казацкій полковникъ. Неизвѣстно какъ, онъ познакомился съ Витбергомъ, часто бывалъ у него, и, наконецъ, предложилъ ему составить проектъ храма, который тогда предполагали построить на Кавказѣ. Витбергъ согласился, проектъ скоро былъ готовъ и по этому проекту въ Тифлисѣ построенъ Георгіевскій соборъ.

Между тѣмъ, болѣзнь Витберга усиливалась, припадки стали повторяться чаще и чаще.

Въ 1848 году Прянишниковъ сталъ доставлять Витбергу работу—составлять рисунки для корзинъ, въ которыхъ Ѳедоръ Ивановичъ подносилъ высоко-поставленнымъ лицамъ въ новый годъ заграничные журналы и кипсеки¹⁾.

Въ то же время Витбергъ брался составлять по заказу памятники и монументы. Въ его положеніи это была единственная доступная для него работа. Заняться чѣмъ-нибудь болѣе важнымъ ему не приходилось, да онъ едва-ли бы и могъ: болѣзнь окончательно его одолевала.

Въ это же время кому-то вздумалось устроить въ Петербургѣ общенія въ общественныхъ каретахъ, понадобился для этого рода экипажей рисунокъ. Заказъ былъ сдѣланъ Витбергу и онъ его исполнилъ.

Любопытно, что нѣкогда зодчій храма Христа Спасителя въ Москвѣ бѣдностію вынужденъ былъ приняться почти за то, чѣмъ добывалъ себѣ хлѣбъ его дѣдъ: тотъ, какъ извѣстно, расписывалъ гербы на экипажахъ.

Въ 1851 году, 19-го ноября, скончалась вторая супруга Витберга, Авдотья Викторовна. Утрата ея была новымъ и послѣднимъ ударомъ для Витберга, за которымъ послѣдовалъ параличъ.

Въ 1854 году на него обрушилось новое несчастье — пожаръ, въ которомъ онъ едва не погибъ; его спасъ бывший его ученикъ Чарушинъ, жившій въ его семействѣ. Въ этомъ пожарѣ погибли почти всѣ рисунки и чертежи многолѣтнихъ трудовъ Витберга; затѣмъ, что было спасено, погибло въ семействѣ, послѣ его кончины, также въ пожарѣ 1868 года. У одного изъ сыновей Александра Лаврентьевича, Ѳедора Александровича (воспитателя въ Гатчинскомъ институтѣ), случайно сохранились: 1) три предварительные эскиза фасада

¹⁾ Прянишниковъ былъ въ то время директоромъ экспедиціи для принятія подписки на иностранные газеты и журналы. Громадные доходы этой экспедиціи были предоставлены правительствомъ въ его пользу и, какъ бы въ благодарность, онъ, 1-го января, подносилъ высшимъ властямъ богатую, разрисованную ворзину, наполненную дорогами заграничными изданіями. У дѣтей Витберга сохранилось нѣсколько рисунковъ этихъ великолѣпныхъ корзинъ.

храма Христа Спасителя и его планъ; 2) проектъ Александро-Невскаго собора въ Вяткѣ; 3) проектъ храма для Александровскаго сиротскаго института въ Москвѣ; 4) проектъ рѣшетки для Александровскаго сада въ Вяткѣ; 5) нѣсколько рисунковъ карандашомъ цѣпныхъ мостовъ ¹⁾.

12-го января 1855 г. Витберга не стало. Онъ кончилъ жизнь 68-ми лѣтъ отъ роду и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. При послѣднихъ минутахъ художника присутствовалъ его любимый ученикъ изъ Вятки Д. Я. Чарушинъ; похоронилъ же его на свой счетъ П. И. Гепинъ, членъ комитета по сооруженію Александро-Невскаго собора въ Вяткѣ.

Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ вполне заслуживаетъ, чтобы, наконецъ, была отдана справедливость его дарованію, его возвышенному міросозерцацію, и его честному, благородному, неподкупному характеру.

Если одолѣваемый бѣдностію, многочисленнымъ семействомъ, всякаго рода лишеніями и недостатками, оскорбленный въ своемъ чувствѣ правды, лишенный честнаго имени, онъ, при всемъ этомъ, не соглашался ни на какую, даже самую мелочную уступку, могущую набросить на него хотя бы легкую тѣнь сомнѣнія, и, не смотря ни на что, съ идеальнымъ простосердечіемъ хранилъ вѣру въ торжество истины и невинности, то, конечно, имѣетъ полное право на то, чтобы его знали и помнили.

Витбергъ извѣдалъ всѣ муки, которыя могутъ быть знакомы только людямъ, обладающимъ даромъ творчества: чувствовать, что могъ бы привести въ восторгъ всѣхъ красотою своихъ созданій, величіемъ и блескомъ идей, воплощенныхъ въ прекрасныя формы, и, въ тоже время, ограничиваться только изображеніемъ ихъ на бумагѣ, зная, что никогда онѣ не воплотятся въ тѣ формы, которыя увѣковѣчили бы ихъ для потомства. Тѣмъ не менѣе, имя Александра Лаврентьевича Витберга навсегда принадлежитъ исторіи искусствъ. Справедливость этой мысли провидѣлъ вятскій другъ художника и, вспоминая о его гениальномъ проектѣ храма Христа Спасителя въ Москвѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ писалъ ему: „подвигъ вашъ не останется втунѣ, нѣтъ, человѣчество имѣетъ свою мѣрку великому, и ваше мѣсто въ исторіи искусства занято“.

¹⁾ Желательно, чтобы архитектурное общество озаботилось приобрѣтеніемъ какъ этихъ, такъ и другихъ могущихъ оказаться рисунковъ А. Л. Витберга, находящихся въ частныхъ рукахъ, и издало бы ихъ въ свѣтъ. Ред.

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА

1789 — 1848.

XXI ¹⁾.

Переводъ въ Тульскій оружейный заводъ.—Порядки и управленіе заводомъ.—
Исторія съ негоднымъ желѣзомъ.— Безурядица въ расходѣ матеріаловъ.—
Ревизія.— Заводское хозяйство.

1829—1833.

Въ концѣ апрѣля 1829 г. я получилъ мѣсто помощника начальника Тульского оружейнаго завода ²⁾).

Безъ всякихъ способовъ, съ семействомъ, дотащился я кое-какъ до Москвы на долгихъ, а оттуда, въ Тулу пріѣхалъ уже на почтовыхъ. Первой обязанностью счелъ явиться къ командиру завода генераль-маіору Философову и къ инспектору всѣхъ заводовъ генераль-лейтенанту Ш*. Принять былъ ими—первымъ довольно сухо, а послѣднимъ со словами: «что вамъ вздумалось къ намъ на заводъ? Кажется, у васъ мѣсто было и значительнѣе и виднѣе нежели у насъ!»

Хороша была перспектива будущей моей службы.

Послѣдствія ознайомили меня съ обоими моими начальниками. Философовъ—благороднѣйшей души, хлѣбосоль, не глухой чело-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648; т. XV II, стр. 127—144; 251—266.

²⁾ Эта глава написана, какъ видно изъ погѣты составителя записокъ, 18-го марта 1843 г.

вѣтъ, но по дѣламъ не хлопотунъ, а болѣе беззаботный — назначеніе свое получилъ на заводѣ единственно по видамъ самого Ш*, т. е. принялъ отъ него заводъ, не заглянувъ даже что тамъ есть и что тамъ дѣлается. До самаго моего прибытія, всѣ подробности заводскаго управленія, до самыхъ мелочей, завѣдывались самимъ Ш*, а Ф* только подписывалъ свое имя на журналахъ и на исходящихъ бумагахъ. Ш* же, принявшій заводъ въ 1816 году отъ предмѣстника своего генерал-маіора Воронова, нашелъ положеніе завода въ самомъ неблагоприятномъ образѣ (какъ и точно было) и Вороновъ лѣтъ чрезъ 5 или 6 умеръ подъ слѣдствіемъ за беспорядки. Но нельзя сказать, чтобы и Ш*, въ 11 или 12 лѣтъ своего управленія заводомъ, устроилъ бы въ немъ надлежащій порядокъ. Наружность и быстрота работъ были имъ, точно, доведены до необыкновеннаго вида, но за то внутреннее хозяйство, не столько еще отъ злоупотребленій, сколько отъ нетерпѣливости и измѣнчивости въ предположеніяхъ самого Ш*, до такой степени было расстроено, что меня обдало жаромъ, когда я взглянулъ на вѣдомости съ заводскимъ имуществомъ и захотѣлъ узнать гдѣ что находится, ибо хозяйственная часть прямо уже падала на личную мою отвѣтственность.

Ш*, хитраго ума человѣкъ, закоренѣлый черпатель въ казенномъ собственнаго блага, съ перваго шага своего вступленія на заводъ, необыкновенной своей дѣятельностью успѣлъ обворозить всѣхъ такъ, что долго, очень долго никто не обращалъ вниманія, что дѣлается за наружною декорациею завода. До меня Ш* купилъ 200 душъ въ 40-ка верстахъ отъ Тулы, устроилъ тамъ винокуренный паровой заводъ, домъ, садъ и разныя къ тому принадлежащія затѣи..... а передъ выходомъ моимъ въ отставку купилъ еще другую деревню верстахъ въ 20-ти отъ завода. Всегда слылъ отличнымъ хлѣбосоломъ и угостителемъ, имѣлъ большое семейство и проживалъ въ годъ навѣрно отъ 50 до 60 т..... Въ карты онъ вовсе не игралъ.

Прежде всего онъ представилъ о необходимости положительныхъ штатовъ и законовъ для заводскаго управленія. Въ послѣднемъ отношеніи, онъ внесъ въ положеніе завода такія статьи, которыя устраняли отъ него навсегда тотъ несчастный примѣръ его предмѣстника, лично отвѣтственнаго за недостатки по заводу.

Вся отвѣтственность за цѣлость имущества отнесена на все оружейное общество, избравшее изъ среды своихъ ко всему смотрителей и вахтеровъ, но на такіе сроки, что никогда не имѣли времени окончить совершенно пріемъ главныхъ предметовъ для заводскаго издѣлія, если тогда имѣлось, и такимъ образомъ неоконченный пріемъ передавался къ началу для послѣдующаго за тѣмъ пріемщика и все, чего не доставало, изъ опасенія хлопотъ и утѣсненія личнаго, ходило отъ одного начальника до другаго, единственно на словахъ, безъ всякаго документа. Большое количество матеріаловъ числилось въ запискахъ, выданныхъ отъ лицъ давно умершихъ или выбывшихъ изъ службы, безъ означенія даже для чего и когда выданы изъ магазиновъ. А такихъ записокъ, приблизительно, по моему соображенію, было по крайней мѣрѣ на 60 т. р.

При вступленіи въ командованіе заводомъ, Ш*, вѣроятно по расчету, выхлопоталъ себѣ въ помощники зятя своего полковника Эмме, котораго лично я не зналъ, но слышалъ какъ о человѣкѣ съ честными и благородными правилами. Вглядѣвшись въ бездну, на краю которой поставилъ его Ш*, вздумалъ въ оправданію своему принять мѣры; изъ этого первоначально пошли у нихъ личныя неудовольствія, а потомъ, въ служебномъ порядкѣ, Эмме сдѣлалъ доносъ. Наряжена была комиссія разобратъ его съ Ш*. Кончилось тѣмъ, что Эмме посаженъ на 1 годъ въ крѣпость и исключенъ изъ службы какъ «безпокойный чиновникъ». Оволо миллиона пудовъ желѣза и нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ мѣди одинъ не считаешь, а повѣрку двухгодовую или трехлѣтнюю сытный обѣдъ съ шампанскимъ и денежная закуска всегда повернетъ въ пользу «имущаго».

Другое постановленіе заводское ставило оружейниковъ подъ защиту и надзоръ собственной ихъ полиціи; воспрещался входъ въ ихъ дома и заведенія общей гражданской полиціи, безъ соучастія первой. Привезутъ корчемное вино въ домъ оружейника, городская полиція получаетъ извѣтъ. Относятся въ заводскую—для обыска. Заводскій полиціймейстеръ, по обязанности службы, занятъ другимъ заводскимъ дѣломъ, проходитъ часъ, два, три, идутъ на обыскъ и корчемства вовсе не было.

Винокуренный заводъ принадлежалъ Ш*, а постѣ уже военному еще губернатору. Также и по другимъ предметамъ, смотря

по обстоятельствамъ. Касательно же личнаго обращенія съ оружейниками, Ш* умѣлъ пріобрѣсть къ себѣ ихъ привязанность. Защита бѣдныхъ, усиленіе задѣльной платы и количества отпускаемыхъ для выдѣлки оружія матеріаловъ, съ строгою внимательностью, чтобы все это до нихъ доходило — присвоили ему полное право на ихъ благодарность. Даже наказаніе виновныхъ производимо было всегда съ умѣренностью, не взирая на личную строгость самого Ш*. Но за то несчастные подрядчики и поставщики изъ оружейниковъ были уже сущіе его данины, не взирая ни на средства, ни на прибыль, ими пріобрѣтаемую, и увы, были примѣры, что богачи, пользовавшіеся милостью и довѣренностью Ш*, при личномъ гнѣвѣ его, не только нищали, но ввергались въ несчастія, выходящія изъ границъ человѣчества.

Всякій разъ когда я бывалъ у магазиновъ или у работъ, мнѣ тамъ непремѣнно встрѣчались два лица, которыя этимъ самымъ обратили на себя мое вниманіе. Это были заводскій полиціймейстеръ Брезгунъ и заводскій механикъ Зеховъ, женатый на сестрѣ Брезгуна. Послѣдній пользовался особенною довѣренностью Ш*, устроилъ у него заводъ, и все, что относится до строительной и механической части въ деревнѣ, возводилось подъ его наблюдениемъ. Не трудно было догадаться, что за мной присматриваютъ. Нисколько этимъ не стѣсняясь, я продолжалъ повѣрку отпусковъ и назначеніе рабочихъ внимательно, избѣгая однакожъ излишней строгости, и если гдѣ находилъ излишекъ или недостатокъ, исправлялъ все съ кротостью. Командиръ завода, послѣ отъѣзда Ш*, дней чрезъ пять, ознакомясь со мной ближе, сталъ обходиться дружески, отдался совершенно на мои правила и заботливость и эти отношенія между нами продолжались до конца моей службы на заводѣ, около 4½ лѣтъ.....

Нѣсколько времени спустя по вступленіи моемъ въ должность, Ш* встрѣтилъ меня словами: «Прости ты меня, Жиркевичъ, что я, не зная тебя совершенно, огорчилъ при встрѣчѣ на заводѣ! Сознаюсь! Богъ далъ мнѣ кладъ и настоящаго помощника. До этого времени я одинъ завѣдывалъ заводомъ, но за всѣмъ услѣдить не могу, — да и не на моей обязанности прямо все лежитъ. Александръ (Философовъ) не большой хлопотунъ! А потому все передаю тебѣ: и власть и хлопоты, — выручай насъ обоихъ!»

Съ этой минуты всё заботы и распоряженія по заводу пошли чрезъ меня и въ 4½ года заводское начальство не получило ни одного выговора, ни одного замѣчанія, кромѣ благодарности за скорое и успѣшное выполненіе всёхъ дѣлаемыхъ нарядовъ и отправокъ оружія, по назначеніямъ. Но увы! и здѣсь я долженъ повторить, что многіе не видятъ того, что дѣлается за кулисами.

Прожилъ я уже около 2-хъ мѣсяцевъ на заводѣ, какъ въ одно утро входитъ ко мнѣ главный смотритель магазиновъ 5-го класса Посниковъ, старикъ лѣтъ 80-ти, но не по лѣтамъ еще крѣпкій, бодрый и самой строгой нравственности, съ которымъ я познакомился еще года за 4 до моего назначенія сюда. Поздоровавшись, по обыкновенію, онъ мнѣ объявилъ, что изъ магазина назначено въ отпускъ проданное, съ публичнаго торгу, оружейнику Маликову (оружейному головѣ) 10,000 пуд. негоднаго, ломанаго, въ кускахъ желѣза и что на первый разъ, въ общее число, Ш* приказалъ отпустить ему цѣльнаго въ полосахъ 2,500 пуд.,— то какъ я прикажу сдѣлать?..

Мнѣ показалось, что я хорошо не вслушался въ слова Посникова и просилъ его вновь повторить то, что онъ мнѣ передавалъ, и затѣмъ, давъ ему окончить, замѣтилъ: «желѣзо, въ лому негодное, продано по 1 р. 50 к. пудъ, а полосовое казвѣ стоитъ 3 р. 50 к. и оно съ торговъ не продавалось, то по этому отпустите только то, какое вамъ предписано т. е. въ кускахъ, негодное.» Посниковъ вышелъ отъ меня съ неудовольствіемъ.

Дня черезъ четыре, Философовъ, жившій все лѣто въ деревнѣ. въ 25-ти верстахъ отъ Тулы, пріѣхалъ на заводъ и, вызвавъ меня изъ правленія, пригласилъ прогуляться съ нимъ по набережной, говоря, что, давно меня не видалъ, хотѣлъ бы немного со мной побесѣдовать. Поговоривъ очень много о городскихъ новостяхъ, но весьма мало о заводѣ, онъ, прощаясь уже со мной, чтобы ѣхать, пріостановился, какъ будто что-то вспомнилъ, и сказалъ: «Да, вотъ что, любезный Иванъ Степановичъ! Скажи пожалуйста, что это мы хотимъ ссориться съ Ш*? Мнѣ Посниковъ говорилъ, что ты Маликову не даешь желѣза?»

— Желѣзо я даю, но въ кускахъ, а не полосовое,—отвѣчалъ я. Я не понимаю, что значить этотъ подсылъ Посникова ко мнѣ?

Думаю, что это испытаніе! Пусть испытываютъ—я всегда готовъ къ этому.

— «Э, братецъ! замѣтилъ Философовъ,—какое испытаніе. Этотъ порядокъ ведется здѣсь съ искони, для того и желѣзо обращается въ бравъ! А то всякое желѣзо какъ желѣзо. Если худо, то худо все, а не кусокъ отъ полосы, а если хорошо съ одного конца полосы—то вѣрно и другой конецъ такой же! Мой совѣтъ тебѣ, Иванъ Степановичъ, не ссорься съ Ш*, впрочемъ, дѣлай какъ знаешь. Я себѣ не беру ничего и мнѣ съ тобой ссориться не зачто».

Черезъ нѣсколько дней послѣ свиданія моего съ Философовымъ, Ш*, по случаю своего рожденія, прислалъ изъ деревни карету и письмо, въ которомъ просилъ меня пріѣхать къ нему со всѣмъ моимъ семействомъ, на недѣлю. По пріѣздѣ къ нему, оказалъ мнѣ и всему семейству истинное радушіе и хлѣбосольство хозяина. Въ этомъ отношеніи онъ могъ служить образцомъ для каждаго! Отпуская же обратно въ городъ, онъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и тамъ прямо, безъ всякаго предисловія, началъ: «Ты, братъ, умная голова и съ тобой нечего церемониться! Что ты не берешь ничего, мы это всѣ знаемъ! Но позволь сказать тебѣ откровенно, въ этомъ отношеніи ты поступаешь не разсудительно! Что ты нажилъ и что ты думаешь нажить этимъ? Враговъ! Ихъ у тебя уже довольно. Болѣе ничего не наживешь. Вотъ я о себѣ скажу: я живу мѣстомъ; менѣе тысячи мнѣ никто не дастъ, а кто даетъ тысячу—я всегда принимаю съ благодарностію, и это не называется руки марать! Но теперь дѣло не въ томъ. Мнѣ Философовъ говорилъ, что ты затрудняешься отпустить Маливову, вмѣсто кусковъ, полосовое желѣзо? Я разскажу тебѣ въ чемъ заключается обстоятельство и почему я приказалъ отпустить послѣдняго: лѣтъ 8 тому назадъ, одинъ вахтеръ, избранный изъ оружейниковъ, бѣдный, но честный человекъ, сталъ сдавать другому желѣзо, котораго оказалось въ недостаткѣ до 16 тысячъ пудовъ. Отъ чего это случилось—отъ растраты или безопасности, этого не открылось! Правда, что вахтеръ, прежде бѣдный человекъ, началъ поживать роскошно; а потому, когда открылся (въ желѣзѣ) недостатокъ,—это ему даромъ не прошло. Но ты знаешь заводское положеніе: «за всѣ недостатки отвѣчаетъ общество!» Заплатить около 70-ти тысячъ

рублей не легко, а если-бы это обнаружилось, то командиру и мнѣ было тоже не очень хорошо. Вотъ мы, посовѣтовавшись между собою, какъ пособить этому горю, рѣшили слѣдующимъ: показывать побольше желѣза въ ломъ, негоднаго, и при продажѣ онаго, дѣлая отпущекъ цѣльнымъ, послѣднее продавать по иной цѣнѣ и прибылью противу публичной продажи замѣнять недостатокъ. Желѣзо въ лому куплено Маликовымъ не для себя, а собственно съ этою цѣлью. Помогите нашему горю! Я велѣлъ Маликову явиться къ тебѣ и лично все объяснить».

— Маликова не присылайте ко мнѣ,—отвѣчалъ я,—а не то я буду обязанъ арестовать его; мнѣ достаточно того, что вы объяснили здѣсь. Я двѣ недѣли буду болѣнъ и не буду присутствовать и тогда распоряжайтесь безъ меня какъ угодно...

На основаніи заводскаго положенія, желѣзо отпускалось оружейникамъ по расчисленію и ломалось самими мастерами на арсенальномъ дворѣ, у магазиновъ, на куски, въ той соразмѣрности, какъ оно назначено въ дѣло, и очень часто изъ одной полосы, имѣвшей длины $2\frac{1}{4}$ аршина, выламывали 2 или 3 куска, признанныхъ годными для стволовъ, а 5 или 6 кусковъ обращалось въ бракъ, потому что въ изломѣ оказывалась или неровность или между искрами пятна. Дабы положительно увѣриться въ этомъ ложномъ и обманчивомъ лишь для видовъ занятіи, не объявляя причинъ, я приказалъ, по собственному моему выбору, приносить къ себѣ признанное годнымъ и негоднымъ въ кускахъ желѣзо и по прошествіи нѣкотораго времени, впрочемъ, довольно продолжительнаго, такъ мѣсяца 4 или 5 спустя операціи, все «негодное» желѣзо отдавалъ въ плющильную машину для сплюсненія на стволы, а потомъ, смѣшавъ съ прочими, приказывалъ отпускать мастерамъ для дѣла. Никто этого не зналъ, не замѣчалъ и дѣло шло своимъ порядкомъ. Боже мой, сколько средствъ и благовидныхъ предлоговъ обирадывать государство, но Боже упаси открыть зло... Кромѣ «враговъ» не наживешь ничего!

Въ томъ же году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, по какому-то доносу, в. в. Михаилъ Павловичъ прислалъ на заводъ ген.-м. Сумарокова обозрѣть заводъ во всѣхъ его частяхъ и удостовѣриться до какой степени справедливъ доносъ. На разслѣдованіи этого доноса, какъ

полагаю, болѣе всего настояль директоръ артиллерійскаго департамента, не долюбливавшій III*, но понимавшій его.....

Сумароковъ служилъ вмѣстѣ со мной въ гвардіи. Я былъ тогда штабсъ-капитаномъ, а онъ подпоручикомъ, а теперь онъ былъ уже генераль-маіоръ, а я все полковникъ и еще изъ «молодыхъ.» По пріѣздѣ его въ Тулу, передъ самымъ обѣденнымъ временемъ, когда я только что, усталый, вернулся со службы и облекся въ халатъ, растворяется дверь и вижу, что идетъ ко мнѣ какой-то генераль въ полной парадной формѣ и прямо кидается мнѣ на шею. Я всматриваюсь—узнаю Сумарокова. «Честъ имѣю явиться, Иванъ Степановичъ; прибылъ на заводъ, по дѣламъ службы», сказалъ Сумароковъ, какъ бы представляясь старшему.

— Не слыхалъ, а то-бы я долженъ былъ явиться,—отвѣчалъ я,—прошу прощенія, а также и за мой костюмъ. Куда-же ты такъ нарядился?

— «Собственно къ тебѣ—и нигуда болѣе! Съ полчаса какъ пріѣхалъ и подумалъ: завтра явится Жиркевичъ—совѣстно будетъ его принимать. Нарядился—и у вашихъ приказаній. Дашь мнѣ что-нибудь пообѣдать?»

— Хорошо, но я полагаю, что ты поѣдешь еще къ III* и къ Философову?

— «Ни мало, совсѣмъ и не думаю, цѣлый день буду у тебя. Оставлю все до завтра; а теперь распорядись послать за скюрткумъ.»

Сумароковъ разоблачился.... Подали щи, кашу и кусокъ жаренаго мяса. «Кончено, хочешь снова?» спросилъ я.

— «Неужели это всегдашній твой обѣдъ?»

— Нѣтъ, братъ! Нарочно для тебя приготовленъ. Я тебя ждалъ изъ Петербурга и хотѣлъ похвастаться!.. Слезы навернулись на глазахъ благороднаго сослуживца. Проговоривши о быломъ, Сумароковъ коснулся и настоящаго, т. е. завода, и вотъ какой отвѣтъ онъ получилъ отъ меня: «я, братъ, самъ теперь служу при заводѣ. Открой зло—я участникъ и отвѣтчикъ съ другими! Болѣе ничего тебѣ не могу связать. Ройся! Можетъ быть, что-нибудь и сыщешь».

На другой день начались обыкновенные смотры, распросы, однимъ словомъ, вся форменность. Желѣзо въ правильныхъ ку-

чахъ, мѣдь горою, дерево въ ярусахъ, оружіе, какъ у барышни кокетки на туалетѣ; оружейники въ красныхъ рубахахъ, съ подвязанными, глянцевыми ремнями, волосами, претензій никакихъ! Денежная сумма, если не въ наличности, то въ неопровержимыхъ документахъ; дѣла подобраны, подшиты и перевязаны форменнымъ шнуромъ; въ правленіи красные блестящіе шкapy, повсюду видъ устроенной англійской машины! Заводъ отъ ветхости теряетъ, не взраченъ—для этого всѣ полы усыпаны чистымъ пескомъ и стѣны выкрашены. Чего желать болѣе? Все прошло благополучно!... По выѣздѣ ревизора обратно въ Петербургъ, не болѣе какъ чрезъ 5 минутъ, явился ко мнѣ Ш* и съ горячностью началъ жать мнѣ руки: «благороднѣйшій человѣкъ! вскричалъ онъ. Вотъ когда я узналъ тебѣ цѣну! Если-бы хотѣлъ—могъ погубить!»

— Обидно для меня слушать отвѣчалъ я улыбаясь,—что вы теперь только находите меня благороднымъ. Я о себѣ такъ давно уже думаю!..

Могу смѣло увѣрить, что дѣятельность движенія заводскихъ работъ никто не могъ такъ скоро возбудить изъ ихъ апатіи какъ Ш*. Имѣя отъ природы большія наклонности и страсть къ механическимъ занятіямъ, хотя безъ всякихъ техническихъ свѣдѣній, онъ, при живости своего характера и смысленности, въ самое короткое время ознакомился, до тонкости, со всѣми подробностями оружейныхъ работъ. Съ точностью и почти безошибочно опредѣлялъ какого качества и какое количество матеріаловъ требуется для извѣстнаго издѣлія и время, нужное для работъ, кои исполняются, такъ что сами мастера не могли никогда съ такой ясностью и точностью выполнить, что дѣлалъ Ш*. Находясь съ самаго ранняго утра на заводскихъ работахъ, единственно изъ страсти къ нимъ, и бесѣдуя съ каждымъ настоящимъ мастеромъ по-долгу, распрашивая все обстоятельно, что относится до его мастерства, онъ довелъ работы до такой отчетливости и чистоты выдѣлки, что оружейныя части, выдѣлываемыя штампами и машинами въ тысячахъ, перемѣшанныя между собою, каждая отдѣльно, по своему назначенію, приходились не только къ назначеннымъ своимъ частямъ ружья, но и ко всякому другому ружью. Оружейники изъ нищихъ сдѣлались привольными, обстроились и, съ улучшеніемъ ихъ внутренняго быта, уменьшался развратъ и

пьянство. Самъ-же Ш* всегда былъ ревностнымъ и знающимъ двигателемъ ввѣренной ему части, не упуская случаевъ, гдѣ можно было поживиться на счетъ казны. Но если мало мальски получалъ какое-либо неудовольствіе со стороны начальства за свои дѣйствія или отказъ въ новомъ для него поощреніи, тогда тотчасъ становился эгоистомъ. Старался мѣшать и препятствовать дѣламъ и перечить своимъ подчиненнымъ, безпрестанно на все ропталъ и уже изыскивалъ всѣ средства вытягивать то для себя, чего прежде и въ голову ему не приходило. (Примѣръ тому будетъ ниже). Впрочемъ, съ нимъ можно было ладить и, при надлежащемъ къ нему вниманіи, онъ могъ-бы принести гораздо болѣе пользы, нежели сколько, по своему корыстолюбію, наносилъ казнѣ вреда и ущербу.

За годъ до назначенія моего на заводъ, размыло перемышку, удерживающую резервуаръ воды, и чрезъ то послѣдовало общее разрушеніе плотины; сдѣлано было распоряженіе къ исправленію оной—и заводъ цѣлое лѣто оставался безъ дѣйствія. По окончаніи поправокъ, произведено было освидѣтельствованіе и, какъ должно полагать, довольно поверхностно. Весной заперло резервуаръ накопленіемъ воды. Оказалась течь и потребовалась новая поправка, оцѣненная приблизительно въ 10 тысячъ рублей. Заводъ-же опять остался безъ дѣйствія. По настоянію директора артиллерійскаго департамента, новая передержка обращена была на счетъ виновныхъ, которыми признаны были Философовъ и Ш*. Не помню, кто былъ производителемъ работъ и кто производилъ освидѣтельствованіе, но только болѣшая часть взысканія пала на долю Ш* и вычетъ язъ его содержанія производился во все время моего служенія при заводѣ, слѣдовательно, все это время Ш* находился въ большомъ огорченіи.

Когда заводъ былъ пущевъ въ ходъ, при самыхъ усиленныхъ нарядахъ на выдѣлку оружія, Ш* сталъ насылать заводу самые строжайшія предписанія; лично, подъ рукою, чрезъ своихъ приближенныхъ, старался безпрестанно и во всемъ перечить прямымъ распоряженіямъ заводскаго начальства. Главной пружиной къ тому болѣе употреблялъ заводскаго механика Зехова. По собственному указанію Ш*, Зеховъ долженъ былъ приготовить 12 станковъ для обточки штыковыхъ трубокъ. Въ продолженіи 4-хъ лѣтъ, такихъ станковъ вполнѣ было отдѣлано

только 2, и 8 заготовлены только вчернѣ; два же совсѣмъ не начаты. Философова вызвали въ Петербургъ, а я, оставшись управлять заводомъ, видя изъ переписки уклончивость Зехова отъ окончанія станковъ, за разными совершенно нелѣпными предложениями, велѣлъ установить неоконченные станки, чтобы по крайней мѣрѣ видѣть, что остается въ нихъ додѣлать. Зеховъ сталъ упираться на III*, что тотъ знаетъ совершенную невозможность окончить эту работу не прежде какъ чрезъ 2 года, и то когда его не будутъ отвлекать въ другимъ занятіямъ. Я всетаки настоялъ на своемъ и, осмотрѣвъ ихъ самъ, лично, установленными, я объявилъ Зехову, чтобы онъ 8 станковъ окончилъ бы въ недѣлю, а неначатые еще—на тѣ даю 2 мѣсяца сроку (!), обѣщавъ ему въ противномъ случаѣ посадить подъ арестъ, до окончанія станковъ. (Онъ былъ въ чинѣ 5-го класса, а я полковникъ, слѣдовательно, моложе). Зная, что я шутить не стану—онъ первые 8 станковъ кончилъ въ 3 дня, а остальные два—чрезъ 2 недѣли. Потомъ признался мнѣ, что III* не хотѣлъ, чтобы станки были скоро готовы.

Обращая все вниманіе мое на счетъ хозяйственныхъ работъ, я счелъ обязанностью прочесть все дѣло объ исправленіи и освидѣтельствованіи плотины и ознакомиться за что именно болѣе пало взысканіе на признанныхъ виновниками упущенія. Оказалось, что, при вторичномъ освидѣтельствованіи порчи плотины, была найдена бѣольшая часть свай, вбитыхъ въ землю для утвержденія основы, въ половину подрубленныхъ. Посѣщая ежедневно всѣ работы, между прочимъ и тѣ, которыя производились на плотинѣ, я замѣтилъ, что это зло не совсѣмъ исправлено. Я настаивалъ на совершенномъ исправленіи, т. е. замѣненіемъ новыми сваями, но подрядчикъ плотниковъ для заводскихъ работъ, отдѣлявшій лучшихъ своихъ работниковъ къ III* для разныхъ его домашнихъ подѣлокъ и посему находясь подъ особымъ его покровительствомъ, жаловался ему не столько на меня, сколько на производителя гидравлическихъ работъ, полковника фонъ-Кершена, человека честнаго, строгаго и дѣятельнаго,—что его заставляютъ производить такія работы, которыя не упомянуты въ контрактѣ. III* нѣсколько разъ рѣзко выражалъ свое неудовольствіе фонъ-Кершену и мнѣ, подъ разными благовидными предложениями затягивалъ дѣло и своими ухищреніями довелъ до

того, что, когда онъ и Философовъ жили спокойно у себя въ деревняхъ, въ одно прекрасное утро прибѣгаютъ мнѣ сказать, что плотину вновь прорвало! Я бѣгу на мѣсто и дѣйствительно вижу, что вырвало два щита и въ отверстіе хлынулъ резервуаръ. Отъ сильнаго напора такой массы воды плотина вся потряслась до основанія. Заводская полиція, механики, оружейники и прочій людъ въ поныхахъ метались какъ угорѣлые и, наконецъ, положено было, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ запереть отверстіе досками, поднять всѣ щиты и спустить резервуаръ со всѣмъ, а затѣмъ, сдѣлавъ новые щиты, накоплять опять воду. что продлилось бы до конца осени. Но чтобы получить затѣмъ въ достаточности воды для производства заводскихъ работъ безъ остановки, нужно было ждать поздней осени, а между тѣмъ нарядъ на выдѣлку ружей былъ необыкновенный: болѣе 30,000 ружей и всѣ къ сроку. На мое счастье, при этомъ происшествіи находились два молодыхъ офицера корпуса инженеровъ путей сообщенія, поручики Адамовъ и Залѣсскій, и первый изъ нихъ, обратясь къ механику Зехову, спросилъ его: «Есть ли порогъ и какъ высокъ въ нижнемъ упорѣ щитовъ?» Зеховъ ничего не могъ отвѣтить, отозвался совершеннымъ невѣдѣніемъ; тогда Адамовъ, пожавъ плечами, потребовалъ бревно длиною сажени въ три, привязалъ къ одному концу веревку, а другимъ сталъ опускать въ быстрину, пробивающуюся въ отверстіе. Бревно приперло къ порогу стоймя. Въ это время, саженьхъ въ 100 отъ плотины, производилась постройка большого зданія подъ штампы, для выковки замковъ; я тотчасъ сообразилъ, увидя дѣйствія Адамова, что надо предпринять, и приказалъ всѣмъ оружейникамъ, сколько ихъ тутъ находилось, бѣжать къ постройкѣ и принести, сколько захватятъ, бревенъ! Притащили до 200 штукъ и тѣмъ же образомъ спустили къ порогу, по одному каждое, и чрезъ часъ отверстіе плотно закрылось. Резервуаръ уцѣлѣлъ, плотина безъ поврежденія удержана до весны и выдѣлка оружія пошла безъостановочно. При первомъ взрывѣ щита, полиціймейстеръ послалъ нарочныхъ къ Философову и Ш*, съ извѣстіемъ, что рветъ плотину, но потомъ, когда погруженіе бревенъ начало оказывать свое дѣйствіе и ясно было видно, что вода задержится безъ порчи плотины, я тутъ же написалъ на лоскутѣ карандашомъ обо всемъ; чтобы ихъ успокоить, и послалъ

вторично нарочнаго, обадеживая ихъ благополучнымъ окончаніемъ дѣла. Они оба прибыли на другой день встревоженные и не находили словъ благодарить меня, въ особенности Ш*.

Но надолго ли этотъ случай исправилъ его?

Причисленный къ заводу для наблюденія за гидравлическими работами полковникъ фонъ-Кершенъ, послѣ обыкновеннаго весенняго спуска воды осмотрѣвъ плотину, нашель, что она получила потрясеніе отъ бывшаго лѣтомъ прорыва щитовъ,—предложилъ еще поправки, незначительныя, но всетаки простирающіяся до 8,000 руб. Зная какъ замедляются вообще у насъ дѣла, требующія разрѣшенія или утвержденія, не смотря на самыя настоятельныя надобности, я предложилъ немедленно приступить къ исправленіямъ, не ожидая окончательнаго разрѣшенія. Со мной немного поспорили, но убѣжденные моими доводами, а главное, необходимостью—согласились и работы пошли въ ходъ заблаговременно. Фонъ-Кершенъ и я находились безотлучно при работахъ; дурныхъ плотниковъ отсылали тотчасъ прочь, не допуская до работъ, матеріаль доставлялся отличный и въ началѣ мая поправка кончена, оставалось запереть резервуаръ. Ш* далъ мнѣ самое строжайшее предписаніе пустить въ ходъ заводъ немедленно, а самъ и Философовъ собрались ѣхать въ деревню. Я съ Кершеномъ стали настаивать объ освидѣтельствованіи работъ. Вдругъ, за полчаса до отъѣзда Ш*, мнѣ доносятъ, что онъ ходилъ съ механикомъ на плотину и тотъ указалъ ему небольшую течь изъ-подъ щитовой настилки и что они тамъ буравили и этимъ еще болѣе усилили течь. Затѣмъ, Ш*, пригласивъ Философова туда, сказалъ ему: «Гг. новые строители, кажется, много берутъ на себя, еще ничего изъ работъ не сдали, а уже показалась течь, пусть же за все они отвѣчаютъ, а заводъ сей же часъ пустить!» Философовъ, мимо меня приказавъ полиціймейстеру задѣлать щиты, тоже уѣхалъ и плотина осталась безъ освидѣтельствованія... Видя, что дѣло плохо и идутъ такіе подвопы, ввваливая все на меня, я рѣшился распорядиться самъ и заставить освидѣтельствовать работы, какъ вдругъ узнаю, что механикъ Зеховъ, при коемъ и при совѣтникѣ должно было происходить освидѣтельствованіе, безъ спросу ускакалъ къ Ш*, въ деревню, за 40 верстъ. Взбѣшенный такими недобросовѣстными поступками всѣхъ поименованныхъ лицъ, я самовольную отлучку Зехова велѣлъ за-

писать въ журналъ правленія и вмѣстѣ съ этимъ, отмѣнивъ распоряженіе Философова, приказалъ спустить опять резервуаръ, донося обо всемъ обоимъ начальникамъ и прибавивъ притомъ, что работы по заводу до тѣхъ поръ не пойдутъ, пока не будетъ освидѣтельствованіе!.. Философовъ сейчасъ пріѣхалъ, а Ш* выслалъ только Зехова, и, вмѣсто благодарности, командиръ мой напустился на меня—что больше ничего какъ завожу интриги и неудовольствія. Я съ нимъ объ этомъ не распространялся, а настойчиво только требовалъ одного освидѣтельствованія. Тутъ опять нашли возможность и способъ насъ помучить. Видя, что нѣтъ возможности отдѣлаться отъ ненавистнаго освидѣтельствованія, приближенные Ш* подговорили совѣтника сказать больнымъ, что онъ и сдѣлалъ. Но тутъ я рѣшительно вышелъ изъ себя и началъ требовать, чтобы его больнаго привезли на плотину. Пошелъ шумъ и споръ, грозившій перейти въ личности, но наконецъ наши настоянія одержали верхъ, на плотину явились Зеховъ и совѣтникъ и первый, при всѣхъ, униженно сознался въ своемъ «поклепѣ» и свидѣтельство кончилось въ порядѣ и совершенно къ чести Кершена и съ полною увѣренностью въ безопасности плотины.

Тогда и Философовъ сознался въ своей горячности, просилъ у меня прощенія и съ того времени до конца совмѣстной службы моей съ нимъ жили друзьями и безъ ссоры. Черезъ два дня вернулся Ш* и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, сталъ благодарить меня за аккуратность и настойчивость мою, чѣмъ я лично будто бы сберегъ его и Философова.

Роясь въ дѣлахъ, я нашелъ множество росписокъ въ магазинахъ вмѣсто матеріаловъ, а потому я строжайше запретилъ всѣ отпуска безъ требованій, подписанныхъ моей рукою. Это нововведеніе не понравилось распорядителямъ работъ, а въ особенности самому Ш*, который со всею строптивостью, отдавая приказанія, не хотѣлъ и слышать о форменностяхъ, требуя лишь безусловнаго и немедленнаго исполненія. На поступавшія отъ него строжайшія предписанія, что онъ меня признаетъ одного виновникомъ въ промедленіи работъ, ибо я задерживаю отпуска, я отвѣчалъ ему, что нисколько не думаю затруднять ни его, ни тѣхъ, кому онъ лично что-либо поручаетъ, но я всетаки не соглашусь производить отпуска какъ нибудь, а что для меня достаточно будетъ, если во всякой

предварительной требовательной запискѣ была бы указана цѣль требованія и обозначено его приказаніе, и, не смотря на крики и угрозы Ш*, всетаки настоялъ, чтобы требованіе мое исполнялось въ точности. Кромѣ того, чтобы доказать мою готовность не привлекать къ отвѣту виновныхъ въ происшедшихъ упущеніяхъ, болѣе изъ боязни крика Ш*, нежели по умыслу, я сдѣлалъ предложеніе ему и Философому, чтобы давно заглохшія росписки очищать, допуская нѣкоторый излишекъ при экстренныхъ требованіяхъ, чего никакая повѣрка въ мірѣ, по быстротѣ заводскихъ работъ, учесть и усмотрѣть не въ состояніи.

Винюсь въ этомъ грѣхѣ.

Но совѣсть моя совершенно чиста и ни мало въ томъ меня не упрекаетъ.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе, какъ самовластно распорядился Ш*, приведу примѣръ. Строилась кузница для штамповъ, длиною слишкомъ чѣмъ въ 30 саж., цѣнностью болѣе нежели въ 150,000 р. Въ одинъ день я пришелъ взглянуть на работы и вижу у дверей двѣ огромныя чугунныя пушки, съ красивою отдѣлкою и во фризахъ, и два пьедестала. Спрашиваю: что это и для чего? Мнѣ объявляютъ, что это привезены чугунныя колонны въ штамповую и всѣхъ ихъ будетъ 32. Взглянувъ въ смѣту—колонны положены деревянные — спросилъ о цѣнѣ чугунныхъ, каждая стоитъ болѣе 200 р. съ установкой—никто изъ работавшихъ не могъ мнѣ дать удовлетворительнаго отвѣта. Не понимая въ чемъ дѣло, иду за разъясненіемъ къ Философому, а тотъ мнѣ говоритъ: «у насъ все такъ дѣлается! Ладъ, братецъ, какъ знаешь!» Не желая слышать крики, споры, которые мнѣ уже надоѣли до чрезвычайности, я началъ соображаться со смѣтой и нашелъ, что въ сдѣланныхъ уже постройкахъ оказалось значительное сбереженіе, а потому, сдѣлавъ по журналу новое предположеніе—изъ остаточныхъ суммъ устроить, вмѣсто деревянныхъ колоннъ, чугунныя,—я таковое предположеніе представилъ на утвержденіе Ш*. Отъ него послѣдовало согласіе; всѣ 32 колонны привезены, 16[•] установлены. Вдругъ, въ одно утро, вижу: тащутъ колонны вонъ изъ кузницы. Что это значитъ? спрашиваю я. Говорятъ: «темно! по смѣтѣ назначены деревянные, тѣ гораздо легче, больше будетъ простора и красивѣе видъ!» Прошу послѣ этого соображаться!

Колонны отливались на заводѣ князя Б*, сосѣда Ш*, постав-

лявшего для его винокуреннаго завода всѣ чугуныя необходимыя вещи, подъ наблюдениемъ Зехова.

На замѣчаніе мое III*, что, сдѣлавъ значительную издержку на приобрѣтеніе колоннъ, мы въ послѣдствіи всѣ можемъ подвергнуться отвѣту, онъ согласился съ этимъ, но возразилъ: «посуди самъ, Иванъ Степановичъ, пріѣдетъ Государь на заводъ — темно и мрачно! А съ деревянными колоннами свѣтло и красиво! Объ издержкахъ спрашивать не будутъ! Впрочемъ, я согласенъ, чтобы чугуныя колонны остались бы въ штамповой, но, вмѣсто парной установки въ ширину, поставить только по одной по срединѣ, т. е., вмѣсто 32-хъ—16, а остальные размѣстить снаружи, подъ фронтоны». Позвали архитектора и механика, потолковали и устроили какъ захотѣлъ опять III*. Строеіе въ ширину было около 7-ми саж. Потолочныя балки были сращены изъ 3-хъ кусковъ. Назначеніе колоннъ было именно поставить ихъ подъ сращеніе оныхъ для прочности. Для чугуныхъ колоннъ положенъ былъ гдѣ слѣдуетъ фундаментъ и за установку 16-ти колоннъ рабочимъ уплачены деньги. За вытаскиваніе — еще. Стали класть новый фундаментъ по срединѣ—новая издержка. Наконецъ, колонны поставили — а тутъ балка въ двухъ мѣстахъ сращенія осѣла и потолокъ сталъ угрожать паденіемъ. Новые толки, новыя хлопоты, новыя издержки. Въ сращеніе пропустили желѣзныя связи и стянули оныя сверху потолка еще желѣзными полосами. Исправленіе временное и непрочное. Къ счастью для заводскаго начальства, чрезъ годъ пожаръ, истребившій почти весь заводъ, исправилъ и дѣло, и счеты, и самое зданіе. . .

И. С. Жиркевичъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СЪРОВЪ.

Матеріалы для его біографіи.

1842 — 1843 ¹⁾.

Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову.

2-го іюни 1842 г.

....Работы бездна, но трудъ меня нисколько не устрашаетъ. Я чувствую въ себѣ довольно силы, и если мнѣ не суждено быть чѣмъ-нибудь на пути творчества, то на пути эстетическаго анализа, высшей критики, я непремѣнно буду чѣмъ-нибудь. А вѣдь и Винкельманомъ быть хорошо! Не правда-ли? Жизнь рѣдко человѣка обманываетъ, а я какъ себя запомню, то всегда плавалъ въ эстетическихъ мечтаніяхъ; реальность для меня никогда не существовала, я всегда гонялся за чѣмъ-то неяснымъ, неопредѣленнымъ впереди, и, пристрастившись къ своей мечтѣ, по закону алхиміи пріобрѣталъ кое-что на пути. Не даромъ же, по удивительной игрѣ судьбы, спутниками моего дѣтства были „Annales du Musée“, гдѣ въ очеркахъ собрано все, что есть въ мірѣ лучшаго въ пластической области; не даромъ же я, неразумный мальчикъ, могъ влюбиться въ эти многозначительныя линіи, которыя для всѣхъ другихъ въ этомъ возрастѣ показались бы сухими и скучными чертежами; не даромъ же я, Богъ знаетъ съ какихъ поръ, полюбилъ природу всѣмъ своимъ существомъ и отъ постоянныхъ думъ и мечтаній казался до ненатуральности серьезнымъ,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 129—143; 348—363; 853—870; томъ XVI, стр. 132—146.

молчаливымъ, даже сонливымъ мальчикомъ. Не даромъ же я, умѣя въ достаточной степени владѣть карандашомъ и любя рисованіе до чрезвычайности, вдругъ обратился къ музыкѣ и предался ей совершенно. Такіе перевероты не дѣлаются безъ истиннаго влеченія, а влеченіе не бываетъ безъ чего-нибудь внутри. Но что это внутри — that is the question, the great question! Я не могу быть исполнителемъ, потому что не хочу. Техническое, мертвящее духъ изученіе инструмента слишкомъ не по моей натурѣ. Притомъ, самая моя физика не показываетъ предрасположенія къ виртуозности, руки у меня слишкомъ малы, пальцы слишкомъ коротки, значить, не о нихъ мнѣ надо думать. О композиторствѣ не смѣю говорить рѣшительно, потому что несовершенно себя знаю съ этой стороны, и сомнѣніе не разрѣшено еще: ибо если, съ одной стороны, иногда никому невѣдомыя попытки за моимъ органомъ, въ совершенномъ уединеніи, кажутся мнѣ довольно удовлетворительными (хотя именно то, что хорошо, никогда у меня не переходитъ на бумагу—но это другое дѣло), и разсматривая совершенно незнакомыя для меня великія созданія, въ особенности оперы и симфоніи, я часто нахожу, что многія изъ прекрасно осуществленныхъ мыслей точно такъ проходили чрезъ меня прежде, но *comme de raison* ¹⁾ не видали свѣта Божія, или обращались въ искаженные трудными родами выкидыши. За то, съ другой стороны, мнѣ скоро 23 года, а великіе дѣятели начинали творить иногда 10-ти лѣтъ, и, въ самомъ дѣлѣ, иначе — можетъ быть недостаточно жизни человѣческой! Для Винкельманнова же поприща въ области музыки я не вижу препятствій, и такъ: за работу, а тамъ что Богъ дастъ!..

1843 г.

10-го января 1843 г.

Мое нездоровье лишило меня многихъ наслажденій. Такъ, напримѣръ, я еще долго не могу опять видѣть „Русалки“ ²⁾, не могу „по желанію“ вслушиваться въ „Руслана и Людмилу“, оперу, которую, несмотря на ея важныя недостатки относительно 1-го и 3-го пунктовъ, я не могу не любить за 2-й и 4-й, которые дѣйствительно прекрасны

¹⁾ Само-собою разумѣется.

²⁾ Картина Моллера «Русалка», которая появилась на выставкѣ въ концѣ 1842 года, и которую мы очень восхитались, какъ явленіемъ дѣйствительно изъ ряду вонъ выходящимъ, по граціи и какъ бы «тиціановскому» (тогда на наши глаза) колориту среди тогдашней русской художественной безцвѣтности и суши.

и завлекательны¹⁾. Но за то я болѣе нежели когда-либо погруженъ въ чтеніе и въ мои—какъ ты называешь—рисунки. Я нѣсколько разъ, послѣ свиданія съ тобою, перечелъ Гётево „Mahadöh der Gott der Erde“²⁾. „Der Gott und die Bayadere“ дѣйствительно превосходный сюжетъ для ораторіи.

По твоему же совѣту я отнюдь не пренебрегаю своими попытками, какъ бы незначищи онѣ ни были. У меня составляетя теперь совершенно особенный взглядъ на композиторство, а можетъ быть, и на мое настоящее призваніе, о которомъ я не могу не подумывать, особенно, хоть сегодня—въ послѣдній день моего 23-го года. О, сколько уже жизни утекло, а что сдѣлано? еще я все собираюсь—нѣтъ, работать, работать во чтобы то ни стало! До Моцарта и Бетховена посягать—смѣшная мысль! Но всякому кораблю свое плаваніе; почему же и я, въ своей плюбѣ, не могу отважиться по тѣмъ же водамъ, особенно подъ яснымъ, свѣтлымъ небомъ, которое мнѣ улыбается!... Ты, вѣрно, смѣешься: что за лиризмъ въ родѣ давно-минувшихъ временъ? И къ чему? Но, право, не могу удержаться, я такъ ргёоссирé³⁾ мыслями о своей дѣятельности, что не могу не говорить о желаніяхъ. А гдѣ желанія, будущее, тамъ и лиризмъ! Необходимое зло.... Напримѣръ, теперь у меня нѣсколько таковыхъ: во 1-хъ, подарить тебѣ мою этюду для фортепiano „Carpiccioso quasi burlesco“: въ головѣ она почти кончена, а на бумагѣ, чтобъ не забыть, начата. Во 2-хъ, я горю нетерпѣніемъ смысать молодчика, достаточнаго въ литературномъ отношеніи, чтобы скропать мнѣ либретто для оперы въ 3-хъ актахъ. сюжетъ которой я недавно встрѣтилъ въ одномъ журналѣ. Сюжетъ этотъ меня теперь чрезвычайно занимаетъ, въ немъ есть все: сильные и нѣжные характеры, сценическое движеніе, оперная простота (необходимое условіе), все, все, и мнѣ кажется, что если я начну надъ этимъ работать, то должно что-нибудь выйти порядочное, какъ слѣдуетъ. А вѣдь, ей Богу, пора? Шутка-ли, завтра мнѣ 24-й годъ!

17-го января 1843 г.

Я давно горѣлъ нетерпѣніемъ высказать тебѣ мое мнѣніе о „Русланѣ и Людмилѣ“. Ты знаешь, что я хотѣлъ писать публичный раз-

¹⁾ Опера «Русланъ и Людмила» Глинки въ первый разъ была дана на театрѣ не задолго передъ тѣмъ, 26-го ноября 1842 года. По нашей тогдашней систематизаціи и терминологіи, 1-мъ пунктомъ мы признавали общую поэтическую концепцію, 2-мъ—выборъ характеровъ и лицъ, 3-мъ—планировку и сценаріумъ, 4-мъ—сочиненіе и инструментровку.

²⁾ Баллада Гёте «Der Gott und die Bayadere», которую мы только что узнали, и которую я предлагалъ какъ сюжетъ для музыкальнаго сочиненія. В. С.

³⁾ Озабоченъ.

боръ этой оперы и знаешь, почему я остановился¹⁾? Вообще, если-бы кто-нибудь со стороны тщательно наблюдалъ-бы за мною со времени перваго представленія „Руслана и Людмилы“, того бы поразили самыя странныя и рѣзкіе контрасты въ моемъ поведеніи на счетъ этой оперы. Возвратясь домой послѣ перваго представленія, я былъ до крайности не въ духѣ, и въ слѣдующіе за тѣмъ дни довольно дико бранилъ оперу (которую, между тѣмъ,—на пробѣ, гдѣ мнѣ удалось слышать 3 первые акта, восхищался); потомъ видѣлъ еще разъ и съ возрастающимъ наслажденіемъ былъ въ этой оперѣ наконецъ до шести разъ, и пойду еще и еще... Досталъ почти всѣ напечатанные нумера, игралъ ихъ и пѣлъ дома до того, что всѣмъ надоѣлъ, мотивы стали просто меня преслѣдовать, и между тѣмъ весьма часто, съ людьми, для которыхъ доступно истинное искусство, я не переставалъ откровенно и даже съ негодованіемъ отзываться о недостаткахъ произведенія Глинки. Во всемъ этомъ для тебя не должно быть ничего страннаго. Зная меня, ты легко представишь себѣ, что я не могъ не наслаждаться тѣмъ, что дѣйствительно прекрасно въ этой оперѣ, т. е. все по 4-му номеру, иногда по 2-му, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ и не подводить всего произведенія, въ цѣломъ и по частямъ, подъ математическій ножъ нашей критики. Однимъ словомъ, зная меня, ты повѣришь, если бы я даже тебѣ не говорилъ, что мое мнѣніе о „Русланѣ и Людмилѣ“ совершенно равно твоему. Иначе и быть не могло. Мы расходимся только въ частности, а здѣсь *sur le tapis* основныя истины, о которыхъ между нами теперь уже и рѣчи нѣтъ. Все давно высказано, стоятъ только данности подводить подъ опредѣленныя рубрики—и разборъ конченъ. А вѣдь на такое простое дѣйствіе вѣрно у меня достанетъ здраваго смысла. Но прошу покорно заикнуться объ этомъ кому-нибудь третьему. При первомъ словѣ надобно будетъ поднять всю рацею субъективности, объективности, лиризма, драматизма, реальности Мейерберовой, номеровъ и всѣхъ алгебраико-техническихъ формулъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже между нами двумя еще не понимаются, а чувствуются до поры до времени.

14-го февраля 1843 г.

....Письмо твое пришло сегодня весьма кстати. Кстати—потому, что оно исключительно трактуетъ о Глинкѣ, съ которымъ я провелъ вриду два вечера (пятницу и субботу), и объ оперѣ его, которую я не перестаю слушать въ театрѣ и изучать дома.

¹⁾ Это намѣненіе осуществилось лишь 26 лѣтъ спустя: Сѣровъ напечаталъ нѣсколько статей о «Русланѣ и Людмилѣ» въ своей газетѣ «Музыка и Театръ» 1868 года, но уже въ самомъ враждебномъ духѣ. В. С.

Ты, вѣроятно, читалъ въ февральской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ статью о „Русланѣ и Людмилѣ“ (письмо какаго-то Биचेва¹⁾: тамъ въ основаніе критики (это, впрочемъ, статья неполная. не отчетъ, а маленькій очеркъ, что-то въ родѣ разбора) принять взглядъ, что въ волшебной, фантастической оперѣ не должно искать элементовъ чисто драматическихъ, что передъ фантастическимъ міромъ страсти людскія, которыя составляютъ основу обыкновенной драмы (а слѣдовательно, и музыкальной), слишкомъ мелки, *sont d'un effet trop mesquin*²⁾, и поэтому волшебная опера должна состоять изъ отдѣльныхъ картинъ, связь между которыми можетъ быть совершенно произвольная. Я не стану передавать тебѣ моего мнѣнія объ этомъ взглядѣ, или о правильности его. Впрочемъ, только прочитавъ эту статью, я догадался, что она непременно писана подъ вліяніемъ самого Глинки. (Также какъ и разборъ Сенковскаго въ декабрьской книжкѣ „Библиотеки для Чтенія“). И въ самомъ дѣлѣ, Глинка сказалъ мнѣ, „что онъ чрезвычайно доволенъ этою маленькою статьею кн. Одоевскаго; что именно этотъ взглядъ лежалъ въ его цѣли, при созданіи „Руслана и Людмилы“. Не имѣя привычки открыто опровергать чье-либо мнѣніе (мы знаемъ, что знаемъ; до поры до времени, это мой—девизъ), но стараясь наводить каждаго говорящаго на такую дорогу, гдѣ-бы онъ высказалъ мнѣ интересныя для меня свои мнѣнія, я замѣтилъ только, что жаль краткости этой статьи, что основной взглядъ не довольно развитъ въ ней, и потому можетъ показаться слишкомъ произвольнымъ, какъ всякое мнѣніе, не подкрѣпленное доказательствами. Глинка сказалъ на это: „дальнѣйшее развитіе требовало бы широкаго, даже ученаго, изложенія, которое не можетъ быть помѣщено въ журналъ, читаемомъ pour passer le temps³⁾“. (Такъ ли? Въ этомъ журналѣ вѣдь помѣщаются же статьи, какъ, напримѣръ, разборъ Державина, переводъ „Художника“ Гегеля и т. п.).

Вотъ тебѣ уже два интересныя мнѣнія Глинки. А въ запасѣ еще нѣсколько таковыхъ, которыя сообщу тебѣ теперь же, безъ системы, по мѣрѣ припамятованія.

Говоря о голосѣ и объ инструментахъ, Глинка выразился: „что новѣйшія сочиненія для отдѣльныхъ инструментовъ, такъ называе-

¹⁾ Статья эта написана была кн. Владиміромъ Федоровичемъ Одоевскимъ, пріятелемъ Глинки и однимъ изъ лучшихъ, въ то время, знатоковъ музыки. В. С.

²⁾ Производить впечатлѣніе слишкомъ мелкое.

³⁾ Для препровожденія времени.

мня „pièces de concert“ или „de salon“¹⁾), для него нестерпимы; всякій инструментъ можетъ подражать голосу человѣческому только въ каррикатурѣ, и оттого отнюдь не должно заставлять инструментъ пѣть тоже самое, что поетъ голосъ (напримѣръ, романсы, мелодіи оперныя, послѣднія тѣмъ менѣе, что онѣ хороши должны быть только на своемъ мѣстѣ, въ связи цѣлаго созданія), и, вообще: продолжительная піеса для одного инструмента есть нелѣпость, говоръ безъ значенія. слова, фразы безъ мысли“ (не могу удержаться, чтобы не сказать тебѣ, что я безусловно принимаю это мнѣніе, за исключеніемъ, разумѣется, фортепіано). „Каждый инструментъ заключаетъ въ себѣ неизъяснимую прелесть, но—употребленный къ дѣлу, иногда въ одной фразѣ, въ двухъ, трехъ тактахъ, иногда въ одной бѣлой нотѣ (особенно: духовые)“. Прослушавъ дуэтъ изъ „Belisario“ Доницетти, спѣтый Артемовскимъ и моею сестрою²⁾, Глинка отозвался съ сожалѣніемъ объ охотѣ итальянскихъ композиторовъ оставаться неизмѣнно въ обычной, избитой колеѣ,—тогда какъ тѣ же самыя мелодіи получили бы совершенно новую прелесть при иной, иначе обдуманной отдѣлкѣ. Расчитывая на опошленный вкусъ своихъ слушателей, они безъ зазрѣнія совѣсти кладутъ въ 10 оперъ то, что могло быть у мѣста только въ одной, и непрерывно себя повторяютъ“. „По моимъ понятіямъ“, продолжалъ Глинка, „всякій дуэтъ долженъ состоять изъ того, что поетъ одно лицо: изъ мелодіи, или мысли А, потомъ изъ мысли В, и, наконецъ, изъ количества: $A + B$, что должно быть опять другое нежели А или В“, и все основано должно быть на контрастахъ (а въ обыкновенныхъ итальянскихъ операхъ одинъ поетъ А, другой—А, и потомъ вмѣстѣ тоже самое А, терціями или секстами). По этой теоріи, квартетъ долженъ быть: $A + B + C + D$ и т. д. Мелодія женскаго хора въ 3-мъ актѣ „Руслана и Людмилы“ („Ложится въ полѣ мракъ“), по словамъ самого Глинки, есть настоящая персидская, также какъ мотивъ „Лезгинки“—настоящій кавказскій.

Предоставляя себѣ въ болѣе свободное время сообщить еще нѣкоторые результаты изъ моихъ разговоровъ съ Глинкою, также какъ и окончательное, довольно подробное сужденіе мое о Глинкѣ и его

¹⁾ Концертныя или салонныя піесы.

²⁾ Софья Николаевна, въ послѣдствіи въ замужствѣ Дютуръ, очень даровитая пѣвица-любительница; 6 лѣтъ спустя, въ 1849 году, она училась пѣнію у самого Глинки, очень высоко цѣнившего ея даровитость, правдивую и страстную декламацию (о ней будетъ говорено въ моихъ «Воспоминаніяхъ» объ А. Н. Сѣровѣ). Артемовскій—пѣвецъ тогдашней русской оперной труппы, выступившій въ «Русланѣ и Людмилѣ» и приготовленный самимъ Глинкою.

операхъ (какъ необходимое дополненіе къ твоему), я спѣшу теперь сообщить одну весьма важную новость, которую я узналъ также черезъ Глинку. Въ недавнемъ времени вышла новая біографія Моцарта въ 3 томахъ, на французскомъ,—сочиненіе нашего соотечественника, одного богатаго новгородскаго помѣщика, Удыбышева. Явленіе для насъ до крайности замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, и намъ необходимо приобрѣсть эту книгу, о которой Глинка отзывался съ величайшею похвалою, какъ о самомъ полномъ сочиненіи касательно Моцарта и всѣхъ его твореній. Въ дѣлѣ критики я на Глинку совершенно полагаюсь.

27-го февраля 1843 г.

....Послѣдніе раза, что я слышалъ „Руслана и Людмилу“ въ театрѣ, случайныя близкія столкновенія съ пѣвцами—наконецъ, ожиданіе Рубини и вѣсть о его прибытіи, все это заставляло меня призадуматься надъ тѣмъ: чтó такое наша опера? и чѣмъ бы она должна была быть? Мысли объ этомъ, разумѣется, какъ разъ свели меня на идею нашей будущей дѣятельности. Разговоры съ Глинкою, которыхъ часть я тебѣ сообщилъ, должны тебя убѣдить, что я вообще придерживаюсь теоріи высасыванія изъ каждаго человѣка нужныхъ для меня соковъ. Чтó-же я нахожу въ письмѣ твоемъ? Изложеніе грустнаго впечатлѣнія отъ исполненія „Руслана и Людмилы“ нашимъ опернымъ оркестромъ, и вообще мысли—самыя близкія къ тѣмъ, которыя занимали меня все это время. Ты самъ не могъ и не долженъ былъ удержаться отъ приложенія полученныхъ идей о недостаточности исполненія въ театральномъ оркестрѣ къ нашимъ будущимъ подвигамъ,—позволь же мнѣ нѣсколько раздуть эту искру негодованія. Да! вся огромность (едва постижимая) нашего широкаго предпріятія заключается въ рѣшительномъ, абсолютномъ искорененіи казенности въ музыкальномъ исполненіи (*n'est-ce pas que le mot est trouvé? Adoptons le!*). Казенность эта дѣйствительно убійственна всегда, когда дѣло идетъ объ эстетическомъ наслажденіи. Но при нынѣшнемъ порядкѣ вещей ее избѣжать почти нѣтъ возможности. Требованія наши, какъ идеальныя, выше силъ человѣческихъ, *in statu quo*. Объяснимся.

Оркестръ нашъ наемный, точно такъ какъ и пѣвцы, какъ и все у насъ въ Россіи. Если поближе посмотрѣть, такъ у насъ есть дирекція, есть люди, которые получаютъ отъ нея жалованье за то, что поютъ и играютъ. Но гдѣ же театръ? театра нѣтъ!—изъ миліона чиновниковъ, ежедневно съ величайшею аккуратностію проси-

¹⁾ Не правда ли, выраженіе сыскано? Примемъ его.

живающихъ узаконенные часы въ присутствіи, въ должности, сколько ты наберешь людей, которые бы понимали, какъ они на своихъ мѣстахъ могли бы быть полезны отечеству.—или такихъ, которые, понимая, хотѣли бы быть полезными? Идея должности едва ли когда-нибудь можетъ сочетаться съ любовью къ своему занятію. Между тѣмъ, въ гражданской службѣ требуется, изъ всѣхъ душевныхъ способностей, одинъ: здравый разсудокъ! Что-жъ теперь, когда, по милости должности, музыкальное или драматическое исполненіе обращается въ поденную работу, которая ужаснѣе простой, физической, потому что всетаки сильно дѣйствуетъ на нервную систему, и дѣйствуетъ разрушительно; что-жъ, когда по милости какихъ-то глупыхъ дней, назначенныхъ для общественнаго увеселенія, эта ужасная поденная работа повторяется по нѣскольку разъ въ день (для публики, которая, право, почти ничего не понимаетъ)! Гдѣ-же тутъ искать художнической свободы поэтическихъ проблесковъ, когда горло или руки (о голосѣ ужъ нельзя говорить) изнемогаютъ отъ труда сверхъ силъ! Какой талантъ въ состояніи выдержать нашу театральную масляницу? И вѣдь все это дѣлается не по влеченію, а по должности, т. е. изъ куска хлѣба! Нѣтъ ничего на свѣтѣ страшнѣе, какъ это столкновеніе изыскаго съ необходимыми. Не дай Богъ никакому истинному художнику быть учителемъ своего искусства изъ хлѣба насущнаго, или, еще хуже, быть музыкантомъ или актеромъ при нашихъ театрахъ!

Но не прими, сдѣлай милость, что я слабостью человѣческихъ силъ и враждебностью идеи должности съ художническою свободою извиняю вполне казенность нашего оркестра. Нѣтъ, тутъ есть вина непростительная, нѣсколько другаго только рода, и всетаки опять съ ограниченіями. Оркестръ есть масса людей; масса людей не значить ничего безъ высшей правящей силы. Эта сила царственная олицетворяется въ капельмейстерѣ. Ты совершенно справедливо упрекаешь нашъ оркестръ въ какой-то лягушечьей холодности, при всей нѣмецкой аккуратности. Оба качества должны прямо относиться къ дирижеру: и, въ самомъ дѣлѣ, кто же онъ? Альбрехтъ, аккуратнѣнвѣй нѣмчикъ, знающій или навывкшій читать партитуры и кое-какъ помахивать смычкомъ или палочкой, притомъ холодный, совершенно какъ лягушка. Капельмейстеръ — душа оркестра и оперной сцены. Оставь весь нашъ оперный персоналъ, но во главу всѣхъ этихъ людей поставь человѣка—не говорю ни съ талантомъ, ни съ гениемъ, а просто съ истинно-поэтическимъ чувствомъ, съ душою, которой бы доступны были всѣ красоты исполняемаго, и, повѣрь мнѣ, всѣ бы преобразились. Поэтическое увлеченіе главы оркестра непостижимо, электрически, сообщилось бы пѣвцамъ и музыкантамъ, всѣ

они даже забыли бы, хотя на нѣсколько мгновеній, что они наемщики, и исполнили бы свое дѣло—не по заказу, а отъ души! А болѣе на первый разъ—вѣдь ничего не надобно! Слово, звукъ, произнесенные отъ души, всегда найдутъ отголосокъ въ слушателяхъ, всегда западутъ въ ихъ душу. Это истина уже старинная — какъ и всѣ истины.

Я говорю по искреннему, крайнему убѣжденію, что такое превращеніе непремѣнно произошло бы при нынѣшнемъ даже персоналѣ, только съ настоящимъ капельмейстеромъ. Но что-жъ бы было, если бы такой человѣкъ (теперь я скажу уже: одаренный истиннымъ музыкальнымъ гениемъ, хотя бы только въ отношеніи капельмейстерства) силою своей высоко-поэтической натуры, послѣ долгаго постепеннаго приготовленія всѣхъ участвующихъ въ исполненіи, довелъ ихъ до крайнихъ ступеней той лѣстницы, на которой самъ онъ стоитъ (т. е. каждаго участвующаго—по мѣрѣ ихъ участія: какого-нибудь валторниста или литавриста нѣсколько менѣе, нежели перваго тенора или примадонну),—что-бы тогда было? Но вѣдь это мы знаемъ, мы объ этомъ уже подумывали!

Глинка, какъ и ты совершенно вѣрно находишь, отличный капельмейстеръ; но я, однако же, не думаю, чтобы онъ, если бы его судьба поставила въ самомъ дѣлѣ на мѣсто Кавоса,—отвѣчалъ бы близко нашему идеалу. Ему бы въ этомъ многое помѣшало: *en premier lieu* ¹⁾ несчастное его себялюбіе — онъ слишкомъ не уважаетъ все современное, а мой идеальный капельмейстеръ и „Донъ-Жуана“, и „Роберта“, и „Лючію“ равно отлично бы дирижировалъ, и въ добродушномъ электизмѣ не переставалъ бы умно и искусно разнообразить репертуаръ. Притомъ, я почти знаю, что у Глинки взглядъ на искусство неполный, и, слѣдовательно, онъ бы не могъ достигнуть до превосходнаго исполненія оперъ безъ помощи еще одного лица, которое бы наблюдало свѣше его за всѣмъ,—до постановки оперъ на сцену включительно. А первое условіе идеальнаго капельмейстера опять должна быть—полная свобода, безъ всякой примѣси прозаическихъ отношеній къ такому или такому лицу. Полный хозяинъ—и никто ни слова!

Я увѣренъ, что идеалъ такого капельмейстера можетъ осуществиться даже при нынѣшнемъ состояніи нашей оперы, но только этотъ бѣдный капельмейстеръ будетъ еще далеко не свободенъ! Много, много ему предстояло бы борьбы, не меньше, можетъ быть, сколько намъ усилій для осуществленія нашей идеальной оперной и концертной зады. Ты простишь мнѣ нѣкоторое ребячество: у меня всякій

разъ, когда я подумаю объ осуществленіи дѣйствительномъ нашихъ плановъ, буквально духъ замираетъ отъ избытка блаженства. И въ эти минуты я не боюсь никакихъ препятствій. Не знаю, *prenez vous cela au sérieux* ¹⁾, но я себѣ не иначе представляю нашу труппу, какъ труппою исключительно любителей, во избѣжаніе столкновеній изящнаго съ должностью, — первымъ правиломъ нашимъ навѣрно будетъ *Sparsamkeit in Mitteln und in Geprüssen* ²⁾. Пресыщеніе такъ же неприятно въ эстетическихъ наслажденіяхъ, какъ и во всѣхъ прочихъ.

28-го февраля 1843 г.

Недавно перелистывая свой „*diarium animi*“ ³⁾, который я веду довольно исправно, вотъ что я нашелъ (выписка слово въ слово): „8-го февраля былъ въ „Русланъ и Людмилъ“ (въ 5-й разъ) и убѣдился, что произведенія, прилежно изучаемыя дома, при казенномъ театральномъ исполненіи не могутъ оставить утѣшительнаго впечатлѣнія. Все мертво, холодно, не полно, общее впечатлѣніе какъ-то болѣзненно. Даже въ оркестрѣ, который всегда исполняетъ свое дѣло весьма хорошо, постоянно сильно проглядываетъ казенность. Но такъ и должно быть съ тѣми пьесами, которыя, по расчетливому распоряженію Дирекціи, даются чуть не черезъ день“.

Произведенія Глинки — явленіе слишкомъ замѣчательное, именно потому, что на красотахъ его индивидуума можно учиться недостаткамъ рода; онъ именно, своимъ „Русланомъ и Людмилою“, показалъ, чего не надо дѣлать, т. е. направленіемъ своимъ показалъ ошибочность западныхъ современныхъ оперистовъ, а тѣмъ, что онъ намъ даетъ — *mit seinen Leistungen* ⁴⁾, — показалъ, что не должно дѣлать, такъ какъ онъ. Во всякомъ случаѣ, произведенія его стоятъ глубокаго изученія, что я и дѣлаю. Имѣя грунтомъ наши понятія объ искусствѣ, самое твердое познаніе произведеній Глинки не только не собьетъ съ настоящаго пути, а просто укажетъ самымъ яснымъ образомъ всѣ заблужденія людей не съ полнымъ взглядомъ на искусство. А эта отрицательная опытность столько-же важна, какъ и положительная. Притомъ надо замѣтить, что доискиваться заблужденій, которыя лежатъ въ основѣ Глинкиныхъ произведеній — упражненіе, достойное самаго проницательнаго критическаго духа. Въ произведеніяхъ Глинки блестя-

¹⁾ Примешь-ли ты это серьезно.

²⁾ Бережливость въ средствахъ и наслажденіяхъ.

³⁾ Душевный дневникъ.

⁴⁾ Своими созданіями.

щій, иногда ослѣпительно красивый четвертый №¹⁾ часто не допускаетъ строгую критику проникнуть до глубины задумыванія; оттого многія, истинно любящія музыку, натуры поэтическія, рѣшительно не поняли бы насъ, если бы мы стали имъ проповѣдывать по нашимъ понятіямъ о недостаткахъ въ сочиненіи „Руслана и Людмилы“. Но то, что для другихъ составляетъ непреодолимую преграду, то для насъ должно служить только необходимымъ сопротивленіемъ, чтобы окончательная побѣда критики была тѣмъ блистательнѣе. Глинка имѣетъ почти ту же обольстительность, какъ Мейерберъ.

Касательно прилежнаго изученія Глинки со стороны его капельмейстерства, т. е. со стороны его необычнаго знакомства со всѣми отгѣнками инструментовъ, и нашего оркестра въ особенности, я не могу тебѣ не замѣтить, что изученіе это, кромѣ той трудности, которую ты самъ высказалъ, т. е. изученія его самого, *d'après nature*²⁾, есть и другая весьма важная трудность, именно въ изученіи его оперы. Намъ необходимо было бы сличить точнѣйшимъ образомъ написанное имъ съ исполненіемъ въ оркестрѣ. Но написанное мы можемъ узнать только изъ фортепіанной партитуры, которая есть уже арранжировка, и иногда, къ несчастью, весьма далекая (доказательства: арія Руслана „О, поле“, гдѣ въ адажіо фраза: „И струны громкія“ написана для оркестра почти совершенно иначе, нежели на фортепіано. Арпеджіи въ оркестрѣ даны віолончелю (на нижней октавѣ), а фэготы и еще другіе духовые инструменты ведутъ свое; потомъ, въ аріи Ратмира, во второй половинѣ фразы: „Чудный сонъ“ при повтореніи словъ: „нѣгою горять уста“, англійскому рожку даны отдѣльныя нотки, какъ бы догоняющія мелодію, что вовсе выпущено на фортепіано; въ аріи Людмилы (въ IV актѣ) выпущены куранты, инструментовка не вездѣ означена гдѣ-бы слѣдовало, а аккомпаниментъ, противъ оригинала, вообще чрезвычайно упрощенъ, для компаннаго, легкаго употребленія. Изволь тутъ слѣдить за каждымъ звукомъ! Иногда, въ самомъ дѣлѣ, узнать трудно. Такова судьба всѣхъ оперныхъ партитуръ при ихъ фортепіанномъ упрощеніи, но для „Руслана и Людмилы“ это тѣмъ болѣе важно, что расчеты Глинки на оркестръ и всѣ отгѣнки его исполненія составляютъ, по весьма справедливой твоей мысли, предметъ особаго изученія.

Я съ нѣкотораго времени сдѣлался самымъ отчаяннымъ врагомъ всѣхъ переложеній и арранжировокъ. Какъ рѣдко дѣлаются онѣ художественно, а вѣдь, иначе,—это просто искаженія! Можно ли узнать,

¹⁾ Т. е. техника сочиненій и инструментовка.

²⁾ Съ натуры.

напримѣръ, Моцартовы оперы въ тѣхъ маленькихъ глупыхъ изданіяхъ, по которымъ я въ дѣтствѣ учился, и которыя ты у меня видѣлъ. Напримѣръ, „Zauberflöte“: тамъ отлично положена особенно увертюра, гдѣ половина мелодическихъ ходовъ флейты вовсе выброшена! А „Донъ-Жуанъ“! Напримѣръ, во 2-мъ актѣ, серенада его съ мандолиной: на фортепіано положенъ одинъ аккомпаниментъ (скрипки *pizzicato*), а мелодія гуляетъ! Да что и говорить объ этой дряни! Еще оперы въ арранжировкѣ съ сохраненіемъ голосовъ (фортепіанныя партитуры) имѣють свое достоинство (особенно за чрезвычайною дороговизной полныхъ партитуръ), но и этихъ надобно опасаться: весьма часто въ классическихъ вещахъ выпускаются речитативы! А оперъ Глюка вовсе достать нельзя! „Донъ-Жуана“ я скоро буду имѣть въ полнѣйшей партитурѣ оркестровой, чудеснаго новаго изданія.

Чтобъ не забыть, мнѣ хочется спросить тебя, обратилъ ли ты вниманіе въ „Русланъ и Людмилъ“ на антрактъ (еще не напечатанный) передъ 2-мъ дѣйствіемъ (предъ балладой)? Это рѣшительный типъ тѣхъ театральныхъ симфоній (въ драмахъ и трагедіяхъ), о чемъ мы писали. Ты слышишь въ оркестрѣ, до поднятія занавѣса, звуки Головы, звуки колдуньи и все это чудеснымъ образомъ слито, совершенно какъ слѣдуетъ. Мнѣніе твое о Глинкѣ и этимъ подтверждается.

5-го марта 1843.

Вчера былъ концертъ Рубини. Я шелъ въ концертъ, вчера, въ ожиданіи полнѣйшаго наслажденія отъ лучшаго современнаго тенора въ подлунной. Все великое, по моимъ понятіямъ, должно быть универсально, абсолютно, слѣдовательно, не допускаетъ никакой односторонности. Я этого ждалъ отъ Листа—и нашель; не ждалъ отъ Пасты (не зная ея) и, узнавъ, нашель. По первому впечатлѣнію трудно судить безошибочно, почти невозможно. *Mais les torts de Rubini* ¹⁾ такого рода, что послѣдующія впечатлѣнія ихъ не загладятъ. *Il pêche par son genre, et non par son individualité qui est au-dessus de toutes louanges* ²⁾. Голосъ, искусство, погруженіе въ искусство, все это превосходно—въ чемъ же вина? въ недостаткѣ абсолютности, въ односторонности направленія.

Рубини—пѣвецъ чистой итальянской методы, которая въ немъ олицетворяется со всѣми своими достоинствами и со всѣми жестокими недостатками. Въ чемъ же недостатки? Въ излишнемъ употребленіи искусства, въ щегольствѣ украшеніями *aux dépens de la*

¹⁾ Но вина Рубини.

²⁾ Онъ грѣшитъ своимъ родомъ, а не индивидуальностью, которая выше всѣхъ похвалъ.

grave musique ¹⁾). Вотъ вкратцѣ мое сужденіе о первомъ тенорѣ нашего времени. Вспомни Росси и тѣ блаженныя минуты, которыя намъ дарило ея пѣніе. Ея пѣніе не принадлежитъ ни къ какой школѣ, потому что оно универсально, у ней даже нѣтъ методы, потому что она сама себѣ метода. Одно, чтó, конечно, не должно упускать изъ виду: голось и пѣніе Росси какъ будто самую природою назначены для ораторій и для концертовъ—не думаю, чтобы Генриетта Зонтагъ могла быть великою музыкальною актрисою, une grande tragédienne sur la scène lyrique. Это даже противно ея виѣшнимъ средствамъ, при томъ она всетаки нѣмка. Но въ концертѣ, въ Гайдновской ораторіи, въ Моцартовской панихидѣ, въ нѣмецкой оперѣ, выше этой пѣвицы нельзя ничего вообразить. То, что осталось виѣ области Зонтагъ, то досталось въ удѣлъ Пастѣ, которая на лирической сценѣ безпримѣрно велика, но только тамъ, уже никакъ не въ концертѣ и не въ ораторіи—потому что она итальянка. Область ея велика, изящна,—sublime, но рѣзко обведена стѣною итальянской односторонности, итальянской трагической оперы. Росси доступно, сравнительно, гораздо болѣе областей въ музыкальномъ исполненіи; Rossi, c'est la musique pure tout entière, Pasta, c'est la musique dramatique sérieuse, c'est la tragédie musicale exclusivement ²⁾). Какъ же можно вмѣстѣ мѣрять такія области!

3-го іюня 1843 г.

Мысль твоя о томъ, что средство къ сближенію насъ съ Брюловымъ у меня въ рукахъ, т. е. чрезъ Глинку, мнѣ кажется не совсемъ избыточною. Главное и единственное препятствіе къ такому первоначальному сближенію—различіе образа жизни, который веду я и который ведутъ они. Это различіе не допускаетъ меня даже съ Глинкой (съ которымъ я довольно коротокъ) сблизиться на столько, сколько нужно, тѣмъ менѣе съ Карломъ Павловичемъ, котораго разгулъ слишкомъ мнѣ не по плечу.

Кто знаетъ, какъ все это перевернется въ послѣдствіи, но теперь я не могу ничего иного дѣлать, какъ работать—въ тиши своихъ комнатокъ. Въ этомъ для меня нѣтъ и не можетъ быть препятствій,—а потому я и работаю. Что же касается до того, что, при случаѣ, можно бы сильно и ловко подѣйствовать на себялюбіе нашего маленькаго композитора, то я отъ этого не прочь: это не трудно, и будетъ

¹⁾ Въ ущербъ истинной музыкѣ.

²⁾ Росси—это чистая музыка, во всемъ объемѣ; Паста—это серьезная драматическая музыка, это исключительно музыкальная трагедія.

во всякомъ случаѣ хорошо. Къ несчастію, я теперь весьма давно не видалъ Михаила Ивановича въ томъ знакомомъ домѣ, гдѣ мы узнали другъ друга, а къ нему я не захожу оттого, что это было бы напрасный трудъ. Онъ теперь рѣшительно не живетъ дома.

Нижній Новгородъ.—30-го іюля 1843 г.

Не знаю какъ мнѣ тебя отблагодарить за предложеніе на счетъ „Басурмана“ ¹⁾. Я жажду серьезнаго, творческаго занятія и какъ-то уже признавался тебѣ, что не въ силахъ самъ выдумать себѣ тему—надо меня непремѣнно натолкнуть на предметъ. Я давно уже вздыхаю по своей праздности, потому что ищу писать именно на текстъ. Я было хотѣлъ просить твоего совѣта на счетъ одной вещи, отъ которой теперь, можетъ быть, отступлюсь, когда узнаю „Басурмана“, котораго, по какому-то случаю, изъ всѣхъ порядочныхъ русскихъ романовъ я одного только еще вовсе не читалъ.

Я познакомился съ „помѣщикомъ“ (Улыбышевымъ), и дѣйствительно нашелъ въ немъ на первомъ планѣ—помѣщика!! По нашему, уже этого довольно, чтобъ отрицать въ немъ художника. Замѣть, я сказалъ: на первомъ планѣ, потому что именно Улыбышевъ щеголяетъ своею многосторонностью, какъ ты могъ замѣтить въ его предисловіи. Онъ считаетъ себя артистомъ *entre'autres choses*, потому что онъ и агрономъ. и заслуженный дипломатъ!! Ты знаешь, что я явился къ нему съ партитурою „Жизни за Царя“ (которую, скажу мимоходомъ, я еще въ Москвѣ, на досугъ, порядочно просмотрѣлъ) и по дорогѣ къ нему обдумалъ многое, чтó ему сказать на счетъ этой оперы, желая, по моей (или, пожалуй, по нашей) методѣ, навести его на тѣ пункты, съ которыхъ онъ мнѣ интересенъ. Не тутъ-то было! Я думалъ найти въ немъ человѣка почтенныхъ лѣтъ, солиднаго, даже нѣсколько строгаго во всѣхъ приемахъ, т. е. такого, который дастъ выговорить все, что хочешь, а потомъ заведетъ свою рѣчь. Нашелъ человѣка лѣтъ 50-ти, съ полною загорѣлою фізіономією, и приемами, конечно, радушными и добродушными, но человѣка *grand paroleur* ²⁾, слишкомъ живаго, хлопотуна, и съ нимъ не было никакой возможности сказать чтó хотѣлось. Онъ никогда не даетъ кончить фразы и разбрасываетъ разговоръ совсѣмъ въ разныя стороны. Весь нашъ разговоръ, конечно, вертѣлся на музыкѣ, т. е. сначала о „Жизни за Царя“, о Глинкѣ вообще, потомъ о его книгѣ; онъ распространялся съ чувствомъ собственнаго достоинства, какъ европейскій писатель, о томъ, что не

¹⁾ Романъ Лажечникова, который я предлагалъ сюжетомъ для оперы. В. С.

²⁾ Говоруна.

падали никаких издержек (!) на ее издание, и прочее, что ты знаешь из предисловія; потомъ говорили о теперешней петербургской труппѣ, о Россіи, о Рубини (котораго онъ не слыжалъ), о Листѣ (котораго онъ, увы! также не слыжалъ), и проч. и проч. и пр. Когда я сказалъ ему, что очень хорошо знаю его книгу, то онъ тотчасъ вслѣдъ за этимъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ, извинясь предварительно, что неужели я все въ его книгѣ понялъ (?!), а когда я отвѣчалъ, что—разумѣется, то онъ пожалъ мнѣ руку съ видомъ особеннаго уваженія, и произнесъ: о, такъ вы серьезно занимались музыкой. Какъ будто Богъ знаетъ что нужно знать, чтобы понять эту книгу, т. е. не утратить (по его мнѣнію) сухихъ генераль-басныхъ подробностей. Признаюсь тебѣ, судя по отзыву Глинки объ немъ и по какому-то предчувствію (которое не оправдалось, потому что я вообще не мастеръ на предчувствія: у меня ихъ никогда нѣтъ), я думалъ, что бесѣда съ Улыбишевымъ дополнитъ нѣкоторыя стороны въ немъ, т. е. мнѣ казалось, что, быть можетъ, онъ не всего себя внесъ въ книгу, или что отступится отъ нѣкоторыхъ мыслей, быть можетъ, слегка набросанныхъ. Ничуть: онъ въ книгѣ своей есть, что называется, и съ потрохомъ. Больше изъ него ничего нельзя выжать. Такъ, на примѣръ, онъ теперь собирается разбирать „Жизнь за Царя“ (для чего Глинка ему и прислалъ ее). Ты помнишь, что онъ сказалъ объ этой оперѣ, говоря объ національности? Не зная ее, онъ ставитъ ее на ряду съ отечественными драматическими представленіями въ 1812 и 1813 годахъ. Будто это—то! Тѣ представленія были *pièces d'occasion*, все ихъ значеніе рассчитано было на случай. Здѣсь же Глинка рассчитывалъ на постоянное впечатлѣніе; и, разбирая его оперу, нисколько не нужно принимать во вниманіе патріотическое расположеніе духа народнаго, потому что тамъ это расположеніе извнѣ, а здѣсь должно быть изнутри, и прежде всего надо было бы разобрать, какова идея этой музыкальной драмы, т. е. любовь за царя къ отечеству можетъ ли быть единственнымъ двигателемъ лирической поэмы, взятой отдѣльно отъ народа. — Все это я хотѣлъ ему пояснить, но гдѣ! онъ такъ и вертится около своихъ идей, *une fois qu'elles sont entrées dans son cerveau* ¹⁾ Такимъ образомъ нельзя ждать ничего порядочнаго и отъ разбора Улыбишевымъ „Жизни за Царя“. Притомъ же онъ хвалитъ Глинку слишкомъ безотчетно и никогда не будетъ въ состояніи разложить его композиторство на составные элементы, безъ чего никогда не будетъ настоящей критики. Говоря о Россіи, онъ тоже вертѣлся на общихъ мѣстахъ,

1) Разъ, что онъ вошелъ въ его голову.

и хотя ставить ее выше всѣхъ извѣстныхъ ему пѣвицъ, но не доказалъ почему. И вотъ въ чемъ я досажую на свое безсиліе. Мнѣ надобно было громко и горячо съ нимъ спорить, а я слушалъ, смалчивалъ, придакивалъ!! Такая уже натура подлая!

Не касаясь фортепіанъ ровно мѣсяцъ, я чувствую особенное желаніе скорѣе музицировать—отвести душу. Но это не значитъ, что я все это время не занимался музыкою. У меня была „Жизнь за Царя“, да, кромѣ того, тетрадь Моцартовскихъ сонатъ и „Свадьба Фигаро“ въ фортепіанномъ изданіи. Чтеніе музыки безмолвное скоро будетъ мнѣ доставлять почти столько же наслажденія, какъ и чтеніе книгъ. Въ партитурѣ „Жизни за Царя“ польская сцена такъ чудесно обработана, что я непременно достану отъ Глинки его оригинальную рукопись и спишу, или велю списать для себя, какъ образецъ мастерской инструментовки. Да и драматичность тутъ едва ли не лучшая изъ всего, что Глинка написалъ. Ты не повѣришь, какъ меня радуетъ мысль, что и ты не отказываешься отъ идеи видѣть меня оперистомъ. Постараюсь оправдать твои ожиданія хотя нѣсколько, но боюсь за свое обдумываніе музыкальныхъ идей. Я замѣчалъ, что чѣмъ больше думаю, тѣмъ хуже, а что приходитъ *prima intenzione*¹⁾, то всегда свое возьметъ. Притомъ не слишкомъ-ли рано задумывать объ оперѣ? Не учиться-ли просто тихомолкомъ?

18-го августа 1843 г.

Какъ мнѣ тебя благодарить за „Басурмана?“ Мысль объ этой оперѣ уже совершенно слилась со всѣмъ моимъ существомъ—вошла въ жизнь мою и какъ будто для нея я себя готовилъ. Я писалъ тебѣ, что этотъ романъ Лажечникова,—одинъ изъ всѣхъ его,—былъ мнѣ рѣшительно неизвѣстенъ до сихъ поръ. Не знаю, рѣшился ли бы я самъ избрать эту вещь въ оперу, но знаю, что мысль объ этомъ не преминула бы посѣтить меня. Да, именно потому, что этотъ романъ имѣетъ большіе недостатки, какъ романъ, онъ чрезвычайно годится въ оперу. Изъ хорошихъ элементовъ всегда можно создать хорошее органическое цѣлое, но изъ полнаго организма нельзя выкроить другой полный же организмъ. Попробуй сдѣлать хорошее либретто изъ Вальтеръ-Скоттова романа, изъ Шекспировой драмы? Какъ это будетъ немновѣрно трудно, даже едва-ли возможно! Между тѣмъ, самыя лучшія либретто создавались изъ сказокъ, сказаній и преданій („Don-Juan“, „Zauberflöte“, „Freyschütz“) (котораго превосходство ты хотя и отвергаешь, а я принимаю, разумѣется, съ ограниченіями), также какъ и драмы

¹⁾ Первымъ намѣреніемъ.

самого Шекспира („Отелло“, „Лиръ“, „Гамлетъ“). А вѣдь въ преданіи не можетъ же быть ничего инаго кромѣ элементовъ, болѣе или менѣе счастливыхъ. Такъ и здѣсь: созданіе, какъ романъ, не ловко спито, расплывается, нѣкоторые характеры натянуты, но жизни внутренней много (и, быть можетъ, именно тамъ, гдѣ самъ авторъ не столько ее подозрѣвалъ), элементы въ высшей степени богатые. Я такъ привыкъ уже думать объ этомъ сюжетѣ, какъ объ оперѣ, т. е. въ измѣненномъ его видѣ, что хотѣлъ было перечислять его красоты просто по порядку, — согласно составленному или почти составленному плану, забывъ, что нигдѣ нельзя обойтись безъ предварительностей. И такъ, только этимъ предварительностямъ посвящу я это письмо. Плана теперь не скажу. Пусть его позрѣетъ еще немножко. А къ тому времени или ты приплешь мнѣ свои соображенія, или мы увидимся и потолкуемъ, какъ слѣдуетъ.

Подъ предварительностями я здѣсь разумѣю мысли мои объ томъ, что должно быть внесено въ оперу, т. е. въ чемъ будетъ ея жизнь, и согласно съ этимъ какія будутъ важныя перемены противъ романа. Какъ видишь, эти предварительности очень близки къ плану, но еще не планъ. Какъ я уже сказала, элементы самые богатые, такіе богатые, что мнѣ надобно перо Гофмана или Жанъ-Поля, чтобъ успѣшно выразить тебѣ, что должно быть внесено туда. Надо переищать всѣ искусства, все изящное, чтобъ почерпать слова и сравненія изъ всѣхъ царствъ красоты или поэзіи — вмѣстѣ; тогда бы я могъ нѣсколько вѣрно передать тебѣ, что я чувствую, когда думаю объ этой будущей оперѣ. Пламя въ душѣ, значить, перо и бумага будутъ всегда виноваты. Даже страшно профанировать мои задушевные думы прикосновеніемъ ихъ къ бумагѣ, — но, какъ бы ни было!

Когда-то уже было говорено между нами, что основой, алою нитью жизни въ оперѣ не можетъ быть ничто иное какъ любовь. Все дѣло въ томъ, какъ понимать любовь, и именно теперь, когда эта единственно истинно поэтическая страсть сдѣлалась *le pivot banal* ¹⁾ нелѣпѣйшихъ драматическихъ произведеній, музыкальныхъ и не музыкальныхъ. При нынѣшней моей задачѣ, и здѣсь думать мнѣ нечего, т. е. надъ проявленіемъ любви. Оно готово въ романѣ. Любовь Анастасіи къ Антону — загорающаяся при насъ отъ перваго на него взгляда, и растущая, растущая до того, что она эту ангельски непорочную дѣву гонитъ къ стопамъ любимаго юноши — этого чародѣя, который отнял у нея покой души, гонитъ къ его стопамъ и превращаетъ минуты врачеванія въ райски-блаженныя минуты перваго сви-

¹⁾ Банальная основа.

данія!! Такая любовь есть любовь — жизнь, и не побоятся никакого соперничества на оперной сценѣ. Въ Анастасіи эта любовь — исключительное чувство; въ Антонѣ, какъ въ мужчинѣ, сильное, но не исключительное, какъ увидимъ. Во всякомъ случаѣ, эта любовь главная пружина, какъ и быть должно. Она же, въ измѣненномъ видѣ отъ индивидуальнаго характера, — это любовь Селиновой, которая, по моему, какъ поэтической характеръ, нисколько не уступаетъ Доннѣ Эльвири (изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, чтобы Селинова занимала точно такую же важную роль въ оперѣ, какъ Эльвира въ своей). Селинова уже потому весьма необходима, что ей мотивируется приходъ Анастасіи къ Антону (вершинный пунктъ оперы), а развитіе ея характера представить нѣчто совершенно новое, небывалое (какъ и ты уже замѣтилъ). Любовь-интрига, пошлая, истертая — вовсе не войдетъ въ мою оперу. Кромѣ любви, есть чувство весьма къ ней близкое, и до сихъ поръ, кажется, не освященное истиннымъ лиризмомъ — это дружба, но дружба въ идеальномъ, античномъ проявленіи. И это чувство будетъ имѣть важное мѣсто въ „Басурманѣ“; Андрюша, какъ нарочно созданный типъ этого ангельскаго чувства, котораго даже нельзя, грѣшно, называть страстью. Да и въ самомъ дѣлѣ, страсть предполагаетъ мученіе, страданіе, а въ этомъ чистомъ сліянніи душъ только наслажденіе, а если страданія и бываютъ, это не изъ самой страсти, а притягается извнѣ. Притомъ, замѣть, я здѣсь понимаю исключительно влеченіе тайное, ничѣмъ неизъяснимое, ни на чемъ видимомъ неоснованное, совершенно безкорыстное — юноши къ юношѣ, или отрока къ юношѣ, и юноши къ отроку. Самъ Лажечниковъ непрерывно намекаетъ на это таинственное влеченіе Андрюши къ Антону, и не объясняетъ его ничѣмъ осизаемымъ. Мнѣ кажется, что именно такую дружбу олицетворяли греки въ своихъ безсмертныхъ миеологическихъ группахъ: Аполлона и Гіацинта, напримѣръ, и другихъ, которыя мнѣ теперь на память не приходятъ. Тутъ есть большой отгѣнокъ отъ дружбы Ореста и Пилада: здѣсь уже мысль, а тамъ просто чувство, и потому самому оно какъ нельзя лучше входитъ въ сферу музыки. Притомъ Андрюша, этотъ милый посредникъ между Анастасією и Антономъ — типъ именно музыкальный. Едва ли не столько же музыкальнымъ типомъ можетъ сдѣлаться и Аѳанасій Никитинъ. если сдѣлать въ этомъ индивидуумѣ нѣкоторыя измѣненія, согласно требованіямъ моей оперы. Мнѣ очень хотѣлось бы осуществить въ Аѳонѣ одно изъ тѣхъ таинственныхъ лицъ, которыми такъ богато наше древнее отечество — одно изъ тѣхъ избранныхъ Божьихъ, которые въ рубищѣ, въ самомъ низменномъ состояніи, безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ силы и почести, имѣли открытый входъ всюду,

даже въ палаты великихъ князей, и хотя часто призывались для увеселенія въ качествѣ пѣсенниковъ или сказочниковъ, но это не мѣшало видѣть въ нихъ людей Божьихъ по преимуществу, и святость ихъ была истинная. Здѣсь опять важное мѣсто занимаетъ таинственное, невѣдомое, безотчетное чувство, которымъ такое лицо было само проникнуто и по которому направлялись всѣ его дѣйствія. Теплая вѣра, презрѣніе житейскихъ заботъ, жизнь чисто духовная, хотя не только созерцательная, но и дѣятельная, доводила такое эксцентрическое лицо до нѣкоторой степени ясновидѣнія, и это ясновидѣніе внушало ему поступки и слова, продиктованные мудростію нечеловѣческой. Не знаю, найдешь ли ты изображеніе такого лица согласнымъ съ Аеоной Лажечникова, но мнѣ кажется, что Лажечниковъ самъ имѣлъ въ виду такой типъ (припомни сцену у жилища Аеоны, его пророческое пѣніе), и если не всѣ черты уже находятся въ Аеононѣ, то вѣдь я имѣю же право и самъ развивать характеры. А такое лицо получить чудесную роль въ моей оперѣ. Мой Аеоны будетъ ангеломъ-примирителемъ враждующихъ стихій, и между тѣмъ онъ будетъ человѣкомъ, гусяромъ, расквашикомъ. И главная моя задача деть (въ отношеніи Аеоны) представлять въ немъ всегда человѣка, а не сверхъ-естественное лицо, человѣка, мудрость котораго приходитъ къ нему не отъ него самого, а вытекаетъ прямо изъ святости его простой, чистой души, и онъ становится исполнителемъ велѣній свыше. Такое лицо—также новое на лирической сценѣ. Но я до сихъ поръ не говорилъ ничего объ Антонѣ, тогда какъ онъ, конечно, будетъ главнымъ лицомъ, наравнѣ съ Анастасіей, и даже нѣсколько главнѣе, потому что около него сгруппируется болѣе разнородныхъ интересовъ драмы (для меня важность лиія въ оперѣ измѣняется все не счетомъ номеровъ музыкальныхъ, въ которыхъ оно участвовать будетъ, хотъ и нѣтъ его на сценѣ,—но дѣло объ немъ или для него значить—оно всетаки главное, а партія его можетъ быть и не болѣе другихъ. Это не значить, впрочемъ, что я дамъ Антону партію менѣе другихъ. Какъ сказалъ Гоголь въ „Развѣздѣ“, все должно вѣзаться общимъ узломъ: я умолчалъ объ Антонѣ до сихъ поръ съ умысломъ, потому что для него мнѣ надобно развить нѣкоторыя теоретическія идеи, въ поясненіе которыхъ войдутъ упомянутые уже мною характеры, особенно Аеоны, въ томъ видѣ, какъ я его понимаю).

Нынѣшнее лѣто, большую часть времени своего провелъ я съ карандашомъ въ рукѣ предъ самыми превосходными мѣстностями, какія только существуютъ въ средней полосѣ Европейской Россіи. Ты можешь заключить, что подумать, поучиться было надъ чѣмъ, особенно здѣсь, въ Нижнемъ, гдѣ мѣстоположеніе истинно восхитительное и едва ли

имѣть достойныхъ соперниковъ на Западѣ! Ты это все увидишь и узнаешь. Одинъ изъ результатовъ моихъ наглядныхъ наблюдений—вотъ какой: во всякомъ ландшафтѣ небо играетъ чрезвычайно важную роль, и чѣмъ шире ландшафтъ, т. е. чѣмъ открытѣе мѣстность, тѣмъ вліяніе неба на эстетическую сторону видимой природы ощутительнѣе. Одно облако можетъ измѣнить все впечатлѣніе, весь эффектъ (въ настоящемъ смыслѣ) ландшафта, и натурально: свѣтъ и тѣнь, тѣнь и свѣтъ, тутъ вся живопись, вся поэзія, диссонансъ и гармонія. Тутъ вся музыка! Не знаю почему, я былъ всегда особенно воспримчивъ къ этимъ перемежающимся аккордамъ облаковъ и чистой лазури, ночнаго мрака и свѣта солнечнаго. Еще когда я впервые читалъ Шиллерова „Вильгельма Телля“ (это было уже очень давно, лѣтъ 10 назадъ), самая первая сцена изумила меня высокою поэзією, и именно оттого, что тамъ чудесно выраженъ альпійскій ландшафтъ, по которому перебѣгаютъ тѣни отъ облаковъ и, наконецъ, изъ яснаго дня дѣлается страшная гроза. А во „Фрейшюцѣ“ я никогда не могъ безъ слезъ порадоваться началу 3-го дѣйствія: мы всѣ еще полны страшныхъ, черныхъ впечатлѣній отъ мрачной Волчьей долины, и вдругъ поднимается занавѣсъ: тихая, спокойная комната, въ которую, сквозь зеленныя занавѣски окна, ярко пробивается солнечный лучъ, и объ солнцѣ, въ которомъ такъ видно присутствіе Бога, и объ облакахъ поютъ и Агата, и виолончель! Вотъ поэзія, и живопись, и музыка—все вмѣстѣ. Такова, по моимъ понятіямъ, должна быть всегда опера и не въ одной, не въ двухъ сценахъ, а во всѣхъ, какъ и въ цѣломъ своемъ составѣ.

Для осуществленія моей идеи на счетъ тѣни и свѣта, т. е. добра и зла, счастья и несчастія, гармоніи и диссонансовъ физическихъ и нравственныхъ, давно искалъ я достойнаго сюжета; ты самъ знаешь, что здѣсь выдумать сюжетъ только для осуществленія этой теоріи, какъ и всякой другой, было бы нелѣпо, точно такъ, какъ, по моему разумѣнію, нельзя задумать написать національную оперу. Она уже будетъ національна, если будетъ хороша, при сюжетѣ немецкомъ; нельзя задумать, какъ, къ сожалѣнію, выразился Глинка, написать одну оперу, гдѣ красоты были бы всѣ въ подробностяхъ, другую—гдѣ только въ массахъ, и тому подобныя вздоры. Нельзя, какъ между нами уже было говорено, захотѣть сдѣлать переворотъ въ искусствѣ и произведеніями своими непрерывно стараться доказывать: вотъ я иду на переکورъ другимъ, вотъ я совершаю переворотъ,— а надо творить по своему крайнему разумѣнію, и если дано столько свыше, что произведенія будутъ превосходны, то этимъ самымъ они уже совершатъ переворотъ, т. е. покажутъ всѣ недостатки и нелѣпости совре-

моихъ произведеній того же рода, однимъ словомъ, не извнѣ, а изнутри. Но я отклонился. И вотъ въ „Басурманѣ“ я нашель сюжетъ, въ которомъ все желаемое мною уже существуетъ, такъ что, превративъ этотъ романъ въ оперу, т. е. сдѣлавъ много перемѣнъ довольно значительныхъ противъ хода романа, я имѣю совершенно готовое либретто, согласное съ моими идеями. Главная, пожалуй, единственная, внутренняя мысль оперы будетъ: жизнь человѣка со всѣми ея превратностями, но въ строгомъ поэтическомъ смыслѣ, т. е. не въ мелочахъ, а въ томъ, что трогаетъ самыя потаенныя струны души, что наполняетъ душу блаженствомъ, или лишаетъ ее спокойствія и мучить неопредѣлительностью, или повергаетъ въ безнадежность и отчаянiе, въ эту темницу, гдѣ горе человѣку, если ни теплится предъ нимъ свѣтильникъ религiи! Лицо, которое я проведу чрезъ такiя превратности (и проведу не такъ пошло-театрально, какъ Мейерберъ своего Роберта, потому что мои превратности будутъ не произвольны, а корень ихъ будетъ въ душѣ другихъ дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ каждое должно жить для себя, а не для тенора и не для зрителя)—лицо это будетъ Антонъ, германецъ по рожденiю, итальянецъ по воспитанiю, одаренный всѣми совершенствами душевными и тѣлесными; онъ оставляетъ родину, мать, наставника, чтобъ посвятить себя служенiю пользѣ человѣчества въ отдаленной варварской Московiи. Идея долга, обязанности, *simple pensée rationnelle* ¹⁾ не принадлежитъ музыкѣ, но меня вознаграждаютъ задушевные воспоминанiя, которыхъ въ Антонѣ такъ много, его прошедшiе интересы, которые въ немъ такъ живы, что постоянно волнуютъ душу (напримѣръ, при каждомъ столкновенiи съ Андрюшей, итальянцемъ, сыномъ брата Антонова наставника), до тѣхъ поръ пока не заглушатся болѣе живыми интересами, настоящими, т. е. любовью къ Анастасiи, которая должна пополнить всю его остальную жизнь. Въ Московiи появленiе его возбуждаетъ цѣпь диссонансовъ. Диссонансы накаплиются болѣе и болѣе, потому что вмѣшиваются личныя страсти другихъ лицъ (сцена съ Холмскимъ, Мамонъ, Поппель). Между тѣмъ, случай отрываетъ Антону любовь къ нему Анастасiи и показываетъ, что это за дивное существо. Съ этой минуты неопредѣлительность жизни Антона исчезаетъ, онъ получаетъ полное сознанiе своего бытiя, всѣ его мысли устремлены къ Анастасiи. Онъ влюбленъ какъ Ромео. Андрюша, какъ посредникъ, становится ему несравненно драгоцѣннѣе прежняго. Вездѣ свѣтъ, вездѣ гармонiя, вездѣ блаженство, хотя еще въ мечтѣ! Но Антонъ долженъ бороться съ собой:

¹⁾ Какъ идея разсудочная.

онъ видитъ непреодолимья препятствія въ соединеніи съ Анастасіею и рѣшается навсегда оставить Московію и въ ней—всю жизнь своей души навсегда!! Опять тучи, мракъ, горькіе диссонансы. Неожиданное, изумительное посѣщеніе его Анастасіею (устроенное Селиновою, — общая драма идетъ своимъ чередомъ) перемѣняетъ намѣреніе Антона и даетъ рѣшимости его другое направленіе. Съ этой минуты онъ ищетъ, во что бы то ни стало, руки Анастасиной, и въ этомъ трудномъ дѣлѣ находитъ совѣтника, друга, примирителя и свата въ Аѳонѣ. Узнавъ отъ Аѳони о неожиданно благополучномъ успѣхѣ сватовства, Антонъ опять на верку блаженства и, какъ Ромео, въ чаду счастливой любви, забываетъ обыкновенную свою осторожность, забываетъ на какой онъ почвѣ стоитъ, и, выведенный изъ терпѣнія дерзостями Поппеля, публично, на пиру, наноситъ ему оскорбленіе (легкую рану стилетомъ). Опять тучи—и грозныя. Друзья Антона (Хабаръ, Холмскій) успѣваютъ нѣсколько разсѣять эти тучи; происшествіе доведено до свѣдѣнія царя въ другомъ видѣ, но Антонъ получаетъ роковое повелѣніе ищлѣить Поппеля въ самый короткій срокъ, подъ опасеніемъ потери собственной головы. Злоба Мамона къ Образцу находитъ въ этомъ чудесную себѣ пищу и Поппель умираетъ, отравленный Мамономъ. Антона, только что получившаго вмѣстѣ съ Анастасіею благословеніе Образца, изъ среды блаженства въ патриархальномъ семействѣ, увлекаютъ въ тюрьму!! Здѣсь утѣшителемъ его является религія въ простыхъ, но умильныхъ рѣчахъ Аѳони. Страшный, отчаянный диссонансъ горькаго бѣдствія разрѣшается при помощи святаго вліянія Аѳони и ходатайства Холмскаго, Хабарова и Андрюши предъ царемъ,—прощеніемъ. Андрюша прилетаетъ въ тюрьму съ этою благословенною вѣстью и опера кончается умильной группой Антона и Анастасіи предъ патриархомъ Образцомъ, умирающимъ съ молитвою за счастье дѣтей на устахъ.

Изъ этого краткаго обзора хода оперы (въ отношеніи Антона) ты видишь, что я остаюсь вѣрнымъ своей мысли. И мнѣ кажется, что въ этомъ непрерывномъ волненіи—счастія и несчастія, добра и зла, именно и заключается настоящій драматизмъ. Присоедини къ тому, что я сказалъ—постепенное развитіе любви Анастасиной, Хабарова и Селиновой, Мамона и Образца, и ты увидишь, что въ моей оперѣ драматической жизни будетъ много, такъ много, что для обыкновеннаго дѣленія на аріи, дуэты и терцеты едва ли будетъ много, или будетъ, но весьма мало въ сравненіи съ сплошными сценами, гдѣ будутъ дѣйствовать то одно лицо, то нѣсколько, то чуть не всѣ, то всѣ, и даже хоры. И это, какъ видишь, не раг ргіпсіре, а только потому, что нужно. Я не пишу тебѣ теперь планъ оперы, потому и не

могу сказать, на сколько будутъ участвовать въ драмѣ Хабаръ и Мамонъ. Но я совершенно сохраню ланные имъ въ романѣ характеры. Хабаръ—прекрасный типъ русскаго молодца: онъ первый оцѣнитъ благородство Антона и полюбитъ его по достоинству; сцены его съ Селиновой, по необходимости, будутъ только на второмъ планѣ оперы, за то на первомъ—безпрерывныя враждебныя столкновения съ Мамонемъ. Этотъ желчный злодѣй будетъ всегда неминуемо тамъ, гдѣ выступитъ злобный элементъ, гдѣ кого-нибудь надо будетъ уязвить жестокимъ огорченіемъ (согласно этому, не дьякъ Бородатый, а Мамонъ объявитъ Образцу велѣніе царя принять у себя въ домѣ Антона. Мамонъ же возьметъ Антона въ тюрьму, не говоря уже объ обыскѣ въ домѣ Образца, это—какъ въ романѣ почти). Поле, т. е. поединокъ между Мамонемъ и Хабаромъ, развязка ихъ вражды, подъ вліяніемъ Авони неожиданнымъ образомъ послужитъ и къ развязкѣ всей драмы. Мамонъ, умирая отъ удара Хабара, признается въ отравленіи Поппеля и тѣмъ доставитъ прощеніе Антону. (Всетаки не иначе, какъ чрезъ ходатайство Андрюши и Холмскаго съ Хабаромъ). Такимъ образомъ и сведу вмѣстѣ всѣ концы.

Ты видишь, что я довольно переименовалъ ходъ романа. Несчастная, жестокая его развязка, по моему мнѣнію, для оперы непремѣнно должна превратиться въ счастливую, въ свѣтлую. А то къ чему же все? При такой несчастной развязкѣ, идея Лажечникова, т. е. идея этого романа отъ меня вовсе ускользаетъ и въ оперѣ такое адски-жестокое чувство въ концѣ всего, Богъ знаетъ для какой причины, было бы нелѣпостъ¹⁾. Я принужденъ былъ также измѣнить катастрофу, un simple accident, какъ паденіе съ коня (Каракаги или, пожалуй, Поппеля), это для сцены слишкомъ блѣдно. Сколько лицъ я выбросилъ (царя Іоанна, Аристотеля, Русалку, Каракагу и отца его, богемцевъ, Антоніо Фіораванти, жида Захарія, Курицына и проч., и проч.); сколько эпизодовъ принужденъ отсѣчь, а все боюсь, что сюжетъ слишкомъ широкъ! Какое ужасающее разнообразіе для сцены, какое трудное сплетеніе характеровъ! При такомъ богатствѣ, надо будетъ сдѣлать планъ самый ясный, иначе опера будетъ непонятнѣ всѣхъ существующихъ. За то уже можно поручиться, что тутъ много вещей будетъ истинно небывалыхъ на сценѣ, а между тѣмъ, самыхъ оперныхъ, т. е. самыхъ музыкальныхъ, драматическихъ и пластическихъ! Я не стану теперь указывать примѣровъ. Ты самъ отгадаешь. А въ планѣ, который тебѣ будетъ сообщенъ, каждая сцена будетъ описана подробно,

¹⁾ 25 лѣтъ спустя, Сѣровъ, прямо наоборотъ, закончилъ самымъ безжалостнымъ, трагическимъ образомъ свою оперу «Вражья сила». В. С.

съ полнымъ, задуманнымъ мною ея впечатлѣніемъ. Теперь скажу только, что въ моей оперѣ, матеріалы которой по своему богатству годились бы на три оперы, жизнь сценическая будетъ кипѣть, одна сцена истинно драматическая будетъ смѣняться другою, еще болѣе жаркой, и отдыхъ зрителю (необходимый въ каждомъ драматическомъ созданіи, тѣмъ болѣе въ усиленномъ, т. е. музыкальномъ) будетъ данъ только тѣми сценами, гдѣ тихая, мирная, полная души прелесть войдетъ въ соперничество съ пылкимъ драматизмомъ остальныхъ частей оперы.

Еще, въ заключеніе, нѣсколько замѣчаній о распредѣленіи голосовъ. Писать не для исполненія, а для портфеля, по моему, нелѣпость, потому что тогда нельзя сдѣлать ничего порядочнаго, просто ничего. Но и писать для нашей—теперешней—труппы, почти такая же нелѣпость. И такъ, я буду всегда думать, что моя опера будетъ исполнена, но когда, на какой сценѣ и кѣмъ—это Богъ вѣсть, и для меня все равно. Я буду воображать идеальную труппу, какую мнѣ нужно,—оставаясь въ отношеніи средствъ пѣвцовъ (т. е. объема и діапазона ихъ голосовъ) въ самыхъ натуральныхъ предѣлахъ. Но условіе, что въ этой идеальной труппѣ всѣ члены отличные пѣвцы и отличные актеры, т. е. люди, понимающіе искусство свое,—само собой подразумевается. Вотъ какъ я распредѣляю партіи (я надъ этимъ долго думалъ и даю себѣ строгій отчетъ): Soprani: Анастасія и Селинова; Alto: Андруша (ему 14 лѣтъ); Bassi: Образецъ, Мамонъ, Холмскій и Хабаръ; Tenori: Антонъ (по настоящему haute-contre, какъ Робертъ, напримѣръ), рыцарь Поппель (тенориска въ діапазонѣ Режбо, напримѣръ) и Аеоня (теноръ нѣсколько пониже тѣхъ двухъ, но отнюдь не баритонъ). Такое распредѣленіе, по моему мнѣнію, самое натуральное и ты, вѣроятно, безъ моихъ объясненій, оправдаешь мое назначеніе Хабару—баса (нѣсколько повыше другихъ), а Аеонѣ (старикъ, но сказочнику, пѣсеннику и гуслиру)—тенора. Поймешь также, что тутъ нѣтъ ничего похожаго на оригинальничаніе Глинки (Русланомъ, который, по моему, очень бы могъ быть теноромъ, и Финномъ).

СѢРОВЪ.

ВОЙНА РОССИИ СЪ ТУРЦЕЙ

1854 г.

Разсмотрѣвъ всё подготовительныя дѣйствія къ открытію кампаніи на Дунаѣ, представляемъ матеріалы, относящіяся до этого замѣчательнаго подвига русскаго оружія. Къ сожалѣнію, собранные нами матеріалы для исторіи Дунайской кампаніи 1854 г. не полны: военныя дѣйствія, послѣдовавшія за вступленіемъ русскихъ войскъ въ Болгарію, находились въ зависимости отъ двуличной, лживой и коварной политики Австріи; пропуски (впрочемъ, небольшіе) въ напечатанныхъ ниже документахъ имѣнно относятся къ характеристикѣ дѣйствій Австріи, для полнаго разоблаченія которыхъ, казалось бы, уже настало время. Между тѣмъ, всёмъ пзвѣстно, что давленіе вызванныхъ дѣйствіями Австріи политическихъ соображеній заставило нашу армію перейти обратно Дунай, даже Прутъ, и открыло Европейской коалиціи доступъ къ Севастополю.

Ред.

Кн. М. Д. Горчаковъ—военному министру.

Изъ Бухареста.—3-го февраля 1854 г.

Какъ в. с-ству извѣстно, мостъ, строящійся въ Галацѣ, будетъ готовъ къ 1-му марта. Будучи убѣжденъ, что чѣмъ ранѣе мы предпримемъ переправу черезъ Дунай, тѣмъ успѣхъ сего предпріятія будетъ вѣрнѣе обезпеченъ, я намѣренъ приступить къ оному въ началѣ марта, если только не встрѣчу къ тому какихъ-либо непреодолимыхъ препятствій или состояніе погоды будетъ не слишкомъ неблагопріятно.

Дѣйствительную переправу я полагаю совершить противу Галаца или Браилова, или у Гирсова. Хотя по свѣдѣніямъ, донныѣ имѣющимъ, выгоднѣйшею представляется переправа отъ Браилова на правый берегъ Мачинскаго рукава, но не менѣе того я окончательнo рѣшу, гдѣ именно быть переправѣ, по соображеніи всѣхъ данныхъ на мѣстѣ и по совѣщаніи съ генераломъ Лидерсомъ въ Галацѣ, куда я намѣренъ отправиться черезъ нѣсколько дней.

Для переправы сей я назначилъ слѣдующія войска:

„РУССКАЯ СТАРНИЦА“, ТОМЪ XVII, 1876 Г., ДЕКАБРЬ.

1-ю бригаду 7-й пѣхотной дивизіи ¹⁾;
 2-ю бригаду 14-й и всю 15-ю дивизію съ ихъ артиллерією;
 3-й и 5-й стрѣлковые баталіоны;
 двѣ роты 3-го сапернаго и весь 5-й саперный баталіонъ;
 1-ю бригаду 3-й легкой кавалерійской дивизіи съ конною батареею,
 и Донскіе казацы № 9-го и № 22-го полки.

Одновременно съ переправою на означенномъ пространствѣ, или нѣсколькими днями прежде, я предполагаю слѣвать демонстрацію перехода у Измаила, 2-ю бригадою 7-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллерією и Донскимъ казачьимъ № 1-го полкомъ.

Для первой изъ сихъ операцій, я предполагаю сосредоточить предназначенныя къ исполненію оной войска въ Визирі-де-Сусъ, между Браиловымъ и Гирсовымъ, за исключеніемъ 1-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи, которая предварительно стянется къ Рени, для развлеченія вниманія непріятели.

Движеніе частей къ Дунаю я полагаю начать около 18-го февраля, но такъ какъ Смоленскій пѣхотный полкъ расположенъ далѣе всѣхъ, то я послалъ генераль-адъютанту барону Остенъ-Сакену теперь же приказаніе двинуть его 12-го февраля изъ настоящаго расположенія его близъ Калараша (въ Бессарабіи) и направить къ Рени, куда онъ прибудетъ 28-го февраля Въ минуту отправленія сей записки, я получилъ увѣдомленіе генераль-адъютанта барона Остенъ-Сакена, что, въ видахъ усиленія Одессаго гарнизона, если въ томъ предстанетъ надобность, по Высочайшей волѣ Смоленскій полкъ перемищается въ Бендеры ²⁾. Посему я пишу барону Сакену не проводить этого полка въ Рени, но вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше прошу в. с. испросить повелѣніе государя императора, не благоугодно-ли будетъ дозволить мнѣ употребить одну бригаду 7-й пѣхотной дивизіи для охраненія нижняго Дуная и демонстраціи переправы со стороны Измаила, а другую для первыхъ дѣйствій за Дунаемъ, такъ какъ безъ сего будетъ недостаточно войскъ нашихъ въ Бабадагской области: ибо до того времени, когда мы достигнемъ Черноводъ, кажется необходимымъ имѣть въ Малой Валахіи 12-ю пѣхотную ди-

¹⁾ За исключеніемъ одного баталіона Могилевскаго пѣхотнаго полка, оставляемаго въ Кагулѣ, для приготовленія сухарей.

Прим. кн. Горчакова.

²⁾ 12-го февраля военный министръ подтвердилъ князю Горчакову, что онъ по своему усмотрѣнію можетъ употребить для предстоявшей переправы и 1-ю бригаду 7-й пѣхотной дивизіи, и 2-ю бригаду 3-й кавалерійской дивизіи.

Ред.

визію и 1-ю бригаду 10-й; въ Большой Валахіи — двѣ бригады 9-й и 10-й дивизій; 8-ю и 11-ю дивизіи — согласно изъясненному въ запискѣ моей отъ 27-го января. Конечно, при необходимости, можно съ самаго начала перевести за Дунай всю 9-ю пѣхотную дивизію; но для большей вѣрности сохраненія Валахіи, лучше-бы, кажется, оставить временно одну бригаду сей дивизіи въ этой области.

Государь императоръ въ собственноручномъ письмѣ ко мнѣ изволилъ выразить, что въ случаѣ, еслибы нынѣшнюю зимою Дунай замерзъ, то было-бы желательно симъ воспользоваться, дабы схватить прибрежныя крѣпости Дуная, нижней части теченія сей рѣки.

Послѣ теплой, почти весенней погоды, наступили вдругъ морозы и хотя невѣроятно, чтобы Дунай сталъ въ настоящее время, но были примѣры, что онъ замерзалъ въ февралѣ и ледъ стоялъ около 20-ти дней.

На подобный случай, я сдѣлалъ проектъ овладѣть Гирсовымъ, употребивъ для сего слѣдующія войска:

- 2-ю бригаду 14-й пѣхотной дивизіи;
- 15-ю пѣхотную дивизію — съ ихъ артиллерією;
- 5-й стрѣлковый баталіонъ;
- одинъ уланскій полкъ 3-й легкой кавалерійской дивизіи;
- конно-легкую № 5-го батарею;
- Донскіе казаки № 9-го и № 22-го полки.

Во время движенія этихъ войскъ къ Гирсову, — 1-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи займетъ Галаць, Бранловъ и Рени, и сдѣлаеть демонстраціи противу Мачина, а 2-я бригада 7-й пѣхотной дивизіи произведеть демонстраціи отъ Измаила противъ Тульчи или Исакичи.

Для исполненія этого предпріятія нужно, чтобы Дунай простоялъ замерзшимъ даже и менѣе 20-ти дней, ибо, для сосредоточенія поманутыхъ войскъ, потребно менѣе 8-ми дней; держать же ихъ заблаговременно сосредоточенными у Гирсова было-бы, при теперешнихъ холодахъ, невозможно. Притомъ, заблаговременное сосредоточеніе большаго числа войскъ въ какой либо точкѣ Дуная побудило бы непріятеля стануть свои силы противъ оной и усилить тамъ свои укрѣпленія.

Ежели, что, впрочемъ, едва-ли можно ожидать, — Дунай замерзнетъ и мы овладѣемъ Гирсовымъ, то обстоятельства укажутъ, что предпріять противъ Мачина, Исакичи и Тульчи. Начинать же разомъ наступленіе на нѣсколькихъ пунктахъ, кажется, было бы опасно.

Объ этомъ проектѣ, — который, можетъ быть, отчасти измѣню, по прибытіи въ Браиловъ, — имѣю честь сообщить в. с. для всеподданнѣйшаго доклада государю императору. Г.-ад. кн. Горчаковъ.

Кн. М. Д. Горчаковъ—военному министру ¹⁾).

Букарестъ.—3-го февраля 1854 г.

Любезный князь! Я ожидаю съ часу на часъ прїѣзда Фонтана, который долженъ сообщить мнѣ, какъ окончились переговоры графа Орлова и представить его величеству нѣсколько мыслей о Сербіи, которыя я желалъ-бы предварительно обсудить съ нимъ. Какъ только онъ прибудетъ, я отправлю фельдъегера и поѣду на нижній Дунай.

Журналъ военныхъ дѣйствій содержитъ одно хорошее извѣстіе и одно довольно непріятное. Хорошее—это то, что, благодаря ловкости генерала Шильдера, намъ удалось съ очень незначительной потерей привести въ полный безпорядокъ турецкую флотилію у Русука. Сдѣланы были попытки сжечь ее, но это не удалось. Атаковать турецкую флотилію подъ огнемъ болѣе ста орудій крѣпости, казалось мнѣ очень рискованнымъ и я предпочелъ отложить эту атаку, какъ послѣднее средство, если Шильдеръ по прїѣздѣ найдетъ его возможнымъ. Онъ призналъ предпріятіе это выполнимымъ и привелъ въ исполненіе его съ успѣхомъ и съ незначительной потерей, благодаря одному изъ новыхъ его изобрѣтеній, которыми наполнена его голова. Онъ прикрылъ воздвигнутыя имъ батареи двойными эполементами на флангахъ и земляными валами впереди амбразуръ, оставивъ въ нихъ только небольшія отверстія. Съ слѣдующимъ фельдъегеремъ я пошлю вамъ подробное описаніе этихъ работъ. Онъ болѣнъ отъ чрезмѣрнаго возбужденія (*Il est malade pour s'être trop démené*); но завтра онъ уѣдетъ въ Каларашъ, чтобы посмотрѣть, нельзя-ли что-либо предпринять съ этой стороны. Въ Малой Валахіи все идетъ хорошо: страна входитъ въ свое нормальное положеніе, съ тѣхъ поръ, какъ мы находимся близъ Калафата. Липранди формировалъ летучій отрядъ подъ начальствомъ Семьякина, который совершенно на мѣстѣ.

Нехорошее извѣстіе заключается въ томъ, что Энгельгардтъ позволилъ непріятелю построить батарею противъ Браилова. Я пишу Лидерсу, что кромѣ контръ-батареи, которую онъ приказалъ возвести напротивъ, онъ приготовилъ-бы десантную экспедицію, чтобы прогнать непріятеля съ этого пункта. У насъ есть тамъ перевозочныя средства, часть нашей флотиліи и достаточно людей.

Я прилагаю извлеченіе изъ греческой газеты „Вѣкъ“, органа партіи движенія ²⁾). Повидимому, дѣйствительно этерія начинаетъ возбуждать край къ возстанію.

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

²⁾ Въ газетѣ сказано было, между прочимъ, что возставшіе греки сражаются подъ синимъ знаменемъ съ бѣлымъ крестомъ, на которомъ значится

Императоръ Николай — кн. М. Д. Горчакову.

С.-Петербургъ.—5-го февраля 1854 г.

Благодарю за письмо 27-го января, любезный Горчаковъ. Дѣло подь Журжей точно хорошее дѣло, хотя не дешево обошлось. Кажется, теперь система турокъ—вездѣ насъ тревожить; и, вѣроятно, такъ будетъ до перехода чрезъ Дунай; но самый сей переходъ подчинять прибытію 1-й бригады 14-й дивизіи есть все равно, что отказаться отъ самой переправы, по той причинѣ, что ни въ какомъ случаѣ возвращеніе и присоединеніе сей бригады не возможно, и то, въ самомъ счастливомъ случаѣ, ранѣе половины мая, ибо 16-й дивизіи голова прибываетъ въ Севастополь не ранѣе 3-го (15-го) мая. Но князь Меншиковъ полагаетъ, что и за прибытіемъ сей дивизіи, бригаду 14-й наврядъ ли отослать можно, ежели подтвердится, что французы и англичане готовятъ высадку у Феодосіи, дабы въ тылу взять Севастополь. Тогда едва достанетъ этихъ 24-хъ баталіоновъ для защиты края и обороны самой гавани. Какъ бы ни желалъ удовлетворить твоему желанію, ты видишь, что требуешь несбыточнаго. Отсутствіе сихъ 8-ми баталіоновъ, по моему убѣжденію, не столь важно, какъ ты, кажется, мнѣ представляешь. Положимъ, что осторожность требуетъ, чтобъ ты удерживалъ подь Букарестомъ 9-ю, 11-ю и бригаду 10-й дивизіи; всетаки Лидерсу остается 8-я, 15-я и по бригадѣ 7-й и 14-й дивизій, всего 48 баталіоновъ, кромѣ саперъ и стрѣлковъ.

Этого за глаза должно быть достаточно, чтобъ перейти Дунай и, овладѣвъ Тульчей, Исакчей, Мачинымъ и Гирсовымъ, подойти правымъ берегомъ до Силистріи. Когда же сіе удастся, то думаю, что въ Каларашъ можно уже переправить и присоединить и 9-ю дивизію; тогда тамъ будетъ 64 баталіона; неужели этого мало? Могутъ ли и турки быть вездѣ равно сильны? Не повѣрю. Главное, скорость, рѣшимость и приводъ на рѣшительный пунктъ достаточныхъ силъ.

Съ рѣшеніемъ на осаду Силистріи, здѣсь и рѣшительный пунктъ, ибо вѣроятно, что близъ оной и будетъ главный бой. Хотѣть же вездѣ быть съ силой—лучшій способъ быть вездѣ слабу и отказаться даромъ отъ рѣшительнаго успѣха. Самое вѣроятіе появленія французовъ заставляеть желать ускорить дѣломъ, чтобъ главное уже рѣшить, буде можно, до ихъ прибытія, на что, по меньшей мѣрѣ, считаю два мѣсяца.

И такъ, ежели будешь подь Силистріей къ началу апрѣля, успѣхъ, кажется, будетъ несомнѣненъ. Надѣюсь, что Липранди будетъ осто-

надпись: «in hoc signo vinces» императора Константина. Подь крестомъ надпись: «Свобода или смерть».

Ред.

роженъ, избѣгать надо частныхъ неудачъ. Про турецкіе пароходы въ Дунайъ ничего не знаю; нашей флотиліи ихъ пропускать не должно, вотъ ея цѣль, а не пустыня и убыточные канонады съ батареями, кончающіяся ничѣмъ.

Записку твою про княжества читалъ внимательно; не утѣшительно, ибо трудно рѣшить какая краю сему будущность. Между тѣмъ, возстаніе въ Греціи началось, но съ какимъ успѣхомъ—еще не знаю; любопытно, будетъ ли имѣть отголосокъ на сербовъ; надѣюсь, что и они зрителями не останутся.

Новаго ничего не знаю; злость Англіи по прежнему дошла до бѣшеннаго неистовства, флотъ въ Балтику снаряжается, да и мы будемъ готовы. Надѣмся на Бога и не унываемъ.

Богъ съ тобой; нашимъ поклонъ. „Николай“.

Всеподданнѣйшія письма кн. М. Д. Горчакова.

Бухарестъ.—6-го февраля 1854 г.

Всемиловнѣйшій Государь! Въ ожиданіи г. Фонтонъ, я задержалъ курьера до сего дня; но отправлю его теперь, опасаясь, чтобы Фонтонъ не замедлилъ еще нѣсколько дней пріѣздомъ. В. И. В. изволите усмотрѣть изъ моихъ отчетовъ успѣхъ дѣйствій нашихъ противъ Руссукской флотиліи. Изобрѣтенные генераломъ Шильдеромъ¹⁾ новаго рода эполементы заслуживаютъ особеннаго вниманія и вообще все это дѣло было поведено истинно молодецки. Военный министръ доложить вамъ, Всемиловнѣйшій Государь, проектъ, составленный мною для овладѣнія Гирсовымъ, въ случаѣ если Дунай замерзнетъ; но, по несчастію, кажется, этому не бывать: морозы довольно большіе вдругъ настали, но днемъ все таетъ отъ солнца. Теперь главное все приготовить для переправы черезъ Дунай на судахъ въ началѣ марта и для довольствія войскъ за рѣкою до времени, пока покажется хорошая трава. Задача трудная, но надѣюсь, что будетъ разрѣшена успѣшно. Имѣя посему крайнюю необходимость быть на низовьяхъ Дуная, я отправлюсь туда 8-го въ ночь, хотя бы Фонтонъ до того времени и не пріѣхалъ.

Сейчасъ получилъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ греческой этеріи, которыя будутъ доложены В. И. В. графомъ Нессельроде. Кажется, что возстаніе дѣйствительно скоро разгорится. Вы его не возбудили, но, кажется, угодно Всевышнему вручить вамъ, Всемиловнѣйшій Государь, это новое оружіе противъ неистовыхъ враговъ вашихъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIV, статья: «Карлъ Андреевичъ Шильдеръ. 1785—1854». Ред.

Буваресть.—8-го февраля 1854 г.

Письмо В. И. В., отъ 1-го (13-го) февраля имѣлъ счастье получить. Благодарю Бога отъ глубины сердца за восстановление здравія вашего. Повелѣнія ваши, Всемилостивѣйшій Государь, приняты мною къ точному исполненію. Важность ранняго открытія кампаніи на низовьяхъ Дуная я вполне понимаю и потому именно сею же ночью отправлюсь туда для провѣрки приготовленій.

Начатіе тамъ дѣйствій; до просушки дорогъ и появленія травы, есть дѣло въ высшей степени трудное и безъ примѣра въ нашей исторіи. Я надѣюсь, однакоже, преодолѣть всѣ трудности. Но полагаю что, не смотря на теперешнюю поѣздку мою, будетъ мнѣ необходимо быть лично на Дунай въ первую минуту форсирования; къ центру же возвратиться—коль скоро данъ будетъ дѣлу первый толчокъ.

Графъ Нессельроде доложитъ В. И. В. докладъ мой относительно единоплеменныхъ племенъ. Я опасаюсь, что всѣ добрыя намѣренія сербовъ будутъ парализованы его правительствомъ и Австрією... Что же касается до греческой этеріи, которая, кажется, уже начала возстаніе, то можетъ быть полезно и изъ этого оружія извлечь пользу косвенными мѣрами ¹⁾.

Императоръ Николай—кн. М. Д. Горчакову.

С.-Петербургъ.—18-го февраля 1854 г.

Два письма твои отъ 6-го (18-го) и 8-го (20-го) февраля я получилъ, любезный Горчаковъ. Дѣло подъ Журжей было точно прекрасное, и, надѣюсь, на время отняло способности къ переправѣ турокъ и

¹⁾ Въ письмѣ отъ того-же числа, 8-го февраля, военному министру, князь Горчаковъ говорилъ слѣдующее: «L'indigne conduite de l'Europe me fait bouillir le sang; mais j'y étais tout préparé. Me voilà donc contre trois. J'espère pourtant m'en tirer, en tout cas ils ne m'auront pas à bon marché».

«Le point important est de franchir le Danube le plutôt possible, mais de le franchir avec succès et sans risquer de mourir de faim dans la boue sur l'autre rive. Ce sera un tour de force, mais j'espère l'exécuter. Je reviendrai à Bucarest pour le 16 et je me rendrai de nouveau au point de passage pour le moment de l'ouverture de la campagne vers les premiers jours de Mars. La chose est trop délicate pour ne pas y avoir l'oeil soi-même au premier moment. D'ailleurs il y a quelques heures de course de Brailow à Bucarest».... «Je suis bien aise que les Anglais envoient cette vieille ganache de Raglan».

Изъ послѣдней замѣтки видно, какъ строго князь Горчаковъ относился къ бездарному англійскому полководцу. Въ послѣдствіи, князь Михаилъ Дмитріевичъ выразился о немъ, будучи уже въ Севастополѣ, еще болѣе рѣзкимъ образомъ: «Nous jouons véritablement de malheur en toute chose. Ne voilà-t-il pas que cet imbécile de Raglan s'avise de mourir du choléra. Il est positif qu'on ne pourra pas trouver dans les trois royaumes unis un second bonnet de nuit de sa force».

дасть тамъ болѣе покоя въ центрѣ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ, что ты рѣшилъ у Браилова и гдѣ окончательно будетъ переправа; ежели Богъ насъ благословитъ успѣхомъ, оно будетъ очень важно, давъ намъ стать твердой ногой на правомъ берегу Дуная, до прихода англичанъ и французовъ. Оно дѣлается тѣмъ важнѣе еще, что я не ожидаю покуда разрыва съ Австріей, но положеніе дальнѣйшихъ нашихъ добрыхъ сношеній не безъ опасеній; потому, что бы съ сей стороны ни произошло, имѣя переправу въ нашихъ рукахъ и владея твердо нижнимъ Дунаемъ, мы смѣлѣе ожидать можемъ, что враги наши затѣять. Сообщаю тебѣ всѣ свѣдѣнія, по мѣрѣ полученія, объ замыслахъ англичанъ и французовъ. Положеніе наше не легкое, но, возложивъ всю надежду на милость Божию, на общій славный духъ Россіи и на храбрость и вѣрность нашихъ героевъ, я спокойно ожидаю, что Богъ намъ даруетъ, и не унываю.

Для усиленія войскъ пограничныхъ, посылаю теперь же гренадерскій корпусъ въ Варшаву. Поручая главное начальство всѣхъ войскъ, дѣйствующихъ на западной границѣ, князю Варшавскому, оставляю тебя при твоёмъ начальствѣ и посылаю Ридигера въ Варшаву; здѣсь же остаюсь покуда самъ, съ частью гвардіи, ждать англійскаго посѣщенія въ Кронштадтѣ; надѣюсь, что угостимъ по-русски.

Любопытно знать, что привезъ Фонтонъ.... Возстаніе въ Греціи серьезно, будетъ-ли успѣхъ дѣйствія, не угадаю; боюсь, что рано начали и особенно ежели нѣтъ готоваго сочувствія въ сербахъ....

Каково здоровье войскъ? Береги сколько можешь. Есть ли, и сколько побѣговъ, и гдѣ?

Комплектованіе къ тебѣ пошлю; вели ихъ беречь дорогой и, елико можно, хорошо кормить.

Всѣмъ нашимъ поклонись. Обнимаю. Богъ съ тобой.

Твой искренно доброжелательный „Николай“.

Всеподданнѣйшія письма кн. Д. М. Горчакова.

Браиловъ.—16-го февраля 1854 г.

Всемиловнѣйшій Государь! Письмо вашего императорскаго величества, отъ 5-го сего мѣсяца, я имѣлъ счастье получить третьяго дня, въ Измаилѣ.

Имѣя въ виду высочайшую волю вашу, дабы переправа черезъ Дунай послѣдовала въ мартѣ, я ни въ какомъ случаѣ не считалъ, чтобы исполненіе оной могло быть подчинено прибытію 1-й бригады 14-й дивизіи. Если, излагая пользу присоединенія этой бригады къ дивизіи, я гдѣ-либо не ясно выразился, то осмѣливаюсь умолять милостиво меня въ этомъ простить.

Теперь, по собраніи свѣдѣній на мѣстѣ, я опредѣлилъ, по соглашенію съ генераломъ Лидерсомъ, пунктъ переправы главныхъ силъ у Браилова, для первоначальныхъ дѣйствій на Мачинъ, потомъ на Исакчу, на Гирсовъ и Тульчу. Для переправы 7-й дивизіи, избралъ я пунктъ у острова Чатала, выше Тульчи. Первоначальныя дѣйствія сего отряда будутъ имѣть цѣлью диверсію для облегченія переправы главныхъ силъ, а если возможно, и овладѣніе Тульчею. Самую переправу полагаю начать около 7-го марта.

В. И. В. изволили выразить, что если буду къ началу апрѣля подъ Силистрію, то успѣхъ будетъ несомнѣнный. Осмѣливаюсь доложить, что пребываніе нашихъ войскъ за Дунаемъ, до времени просушки дорогъ и появленія хорошей травы, въ высшей степени трудно, даже если они будутъ оставаться около нашихъ мостовъ, ибо необходимо будетъ имъ подвозить не только провіантъ и зерновой фуражъ, но и самое сѣно. Поэтому я полагалъ, до появленія хорошей травы, ограничиться взятіемъ крѣпостцевъ Дуная и устройствомъ хорошихъ мостовыхъ укрѣпленій противъ Сатунова и у Гирсова; идти же къ Черноводамъ и Силистріи—или въ концѣ апрѣля, или въ началѣ мая. Я понимаю всю важность скорѣйшаго прибытія нашего къ Силистріи, но есть-ли какая возможность, во время распутицы и безъ травы, дойти туда, не разстроивъ войска безъ боя, отъ изнуренія и голода,—того сказать не могу и не смѣю. Всѣ возможныя мѣры — въ томъ числѣ подвозка сѣна Дунаемъ и выгрузка на правомъ берегу при движеніи впередъ отъ Гирсова,—будутъ мною употреблены; но дозвольте, Всемилостивѣйшій Государь, соразмѣрять движеніе наше сообразно съ погодою, состояніемъ дорогъ и возможностью подвозовъ. Намъ, можетъ быть, и, вѣроятно, придется не просто идти по берегу Дуная, а отдѣляться отъ онаго на нѣкоторое разстояніе, чтобы драться съ непріателемъ. Но, генералъ Лидерсъ и я, мы не потеряемъ ни однихъ сутокъ. Воля ваша для насъ слишкомъ священна.

По всѣмъ пунктамъ, отъ времени послѣднихъ донесеній моихъ, все благополучно. Но мы имѣли болѣе недѣли ужасной погоды и мятежей, которыя остановили движеніе всѣхъ заготовленій и транспортовъ, такъ что всякіе подвоы прекратились. Теперь погода начинается поправляться. Я отправлюсь сейчасъ въ Букарестъ, куда пріѣхалъ и г. Фонтонъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр. Князь М. Горчаковъ.

Сейчасъ получилъ свѣдѣнія отъ этеріи о возстаніи; кажется, дѣло разгорается. Военный министръ представитъ В. И. В. упомянутое свѣдѣніе.

Букарестъ.—20-го февраля 1854 г.

Всемилюбовѣйшій Государь! Изъ военнаго журнала В. И. В. усмотрѣть изволите, что у насъ вездѣ благополучно. У Браилова была сдѣлана малая экспедиція на правый берегъ; поводомъ оной было слѣдующее. Часть нашей флотиліи, которая зимовала въ Прутѣ, я, по прибытіи въ Браиловъ, нашель у Галаца, на открытомъ рейдѣ. Тамъ ее держать я счелъ небезопаснымъ, тѣмъ болѣе, что неприятель, нѣсколько верстъ ниже Браилова, построилъ уже одну батарею, держа орудія оной нѣсколько верстъ внутри края съ тѣмъ, чтобы ввозить ихъ въ эполементъ, какъ скоро появится флотилія. Оставляя сію послѣднюю долѣе въ Галацѣ, мы рисковали, что неприятель, построивъ еще нѣсколько подобныхъ батарей, вовсе не пропустить нашихъ судовъ къ Браиллову, гдѣ они нужны для форсирования переправы, и гдѣ, стоя въ нашемъ рукавѣ Дуная, за островомъ Бындой, они совершенно безопасны. Посему-то я приказалъ флотиліи перейти къ Браиллову, и, для бѣльшаго обезпеченія движенія, сдѣлать кратковременный поискъ на правый берегъ. Все это было исполнено, и флотилія прошла и благополучно, и безвредно. Десантъ былъ успешенъ, но жаль, что обошелся съ довольно большимъ урономъ: 16 убитыхъ, 23 раненыхъ.

Не взирая на весьма дурную погоду, подвозъ большихъ запасовъ фуража въ Браиловъ и Измаилъ продолжается. Это главная моя забота: ибо въ Бабадагской области мы ничего не найдемъ, а травы еще нѣтъ.

Самое форсированіе Дуная я полагаю исполнить, какъ уже имѣлъ счастье доложить, около 7-го марта.

Кн. М. Д. Горчаковъ — военному министру.

Букарестъ.—20-го февраля 1854 г.

Въ запискѣ моей къ в. с., отъ 3-го февраля 1854 г., я сказалъ, что о томъ гдѣ именно должна быть совершена нами переправа черезъ Дунай, мною рѣшено будетъ окончательно по соображеніи всѣхъ дѣянь на мѣстѣ и по совѣщаніи о томъ съ генераломъ Лидерсомъ въ Галацѣ.

Нынѣ, по личномъ обозрѣніи мѣстъ во время поѣздки моей въ Измаилъ, я рѣшился произвести переправу въ двухъ пунктахъ, а именно: дѣйствительный или главный переходъ сдѣлать противу Мачина; вспомогательный же, или диверсію отъ Измаила, около Тульчи.

Первое предпріятіе поручается генералъ-адъютанту Лидерсу, съ нижеслѣдующими войсками:

2-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллерією;
 15-я пѣхотная дивизія съ ея артиллерією;
 три полка 9-й пѣхотной дивизіи съ тремя батареями;
 3-й и 5-й стрѣлковые баталіоны;
 три роты 5-го сапернаго баталіона ¹⁾;
 1-я бригада 3-й легкой кавалерійской дивизіи съ конною батареєю;

Донскіе казацы № 9-го Оомина и № 22-го Валуева полки;
 понтонный паркъ № 5-го;
 подвижной артиллерійскій паркъ № 15-го.

Вторая операція возлагается на начальника 7-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта Ушакова, съ тѣмъ, чтобы отрядъ сей, по переходѣ за Дунай, поступилъ также подъ главное начальство генераль-адъютанта Лидерса.

Въ распоряженіе генераль-лейтенанта Ушакова я предполагалъ предоставить для сего, изъ пѣхоты, одну 2-ю бригаду 7-й пѣхотной дивизіи, но, получивъ отзывъ в. с. отъ 10-го февраля, о томъ, что государю императору угодно было разрѣшить мнѣ употребить для перехода чрезъ Дунай 1-ю бригаду 7-й пѣхотной дивизіи и совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что едва-ли Бессарабіи можетъ угрожать опасность, когда войска наши будутъ находиться въ Бабадагской области, я прибавилъ къ войскамъ, предназначеннымъ для переправы отъ стороны Измаила еще Смоленскій пѣхотный полкъ, убавивъ, вмѣсто того, отрядъ, предназначенный для перехода подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Лидерса, однимъ полкомъ 9-й дивизіи ²⁾, который оставляю у Калараша противъ Силистріи, гдѣ, въ особенности на первое время, онъ мнѣ будетъ весьма полезенъ.

Такимъ образомъ отрядъ генераль-лейтенанта Ушакова будетъ состоять изъ слѣдующихъ войскъ:

2-я бригада 7-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллерією;
 Смоленскій пѣхотный полкъ;
 одна рота 5-го сапернаго баталіона;
 одинъ полкъ 2-й бригады 3-й легкой кавалерійской дивизіи съ батареєю;
 шесть сотень донскихъ казаковъ.

Что же касается до Могилевскаго пѣхотнаго полка, то я прика-

¹⁾ Предполагается также двинуть къ Браилову часть 3-го сапернаго баталіона.

²⁾ До полученія отзыва в. с., за № 89 (отъ 10-го февраля), я полагалъ предоставить генералу Лидерсу всю 9-ю дивизію.

заль занять имъ лѣвнй флангъ линіи по низовьямъ Дуная отъ Сулина до Измаила, распредѣливъ его такъ:

Два баталіона въ Измаилѣ, по необходимости отдѣлить тамъ много людей для прислуги въ крѣпостной артиллеріи, а также для приготовления сухарей;

пять ротъ въ Килиіи, также по причинѣ приготовления сухарей, для коего не должны быть употребляемы резервныя войска;

двѣ роты въ Вильковѣ,

и одна рота въ Сулинѣ, гдѣ также, по причинѣ возводимого тамъ укрѣпленія, необходимо присутствіе дѣйствующихъ войскъ.

Кавалеріи для переправы я назначилъ въ обоихъ пунктахъ три регулярныхъ полка, по уваженію крайняго затрудненія въ фуражномъ довольствіи за Дунаемъ. Полки эти будутъ переходить за рѣку постепенно, по мѣрѣ надобности.

Затѣмъ, подробное размѣщеніе всѣхъ войскъ, остающихся по линіи Дуная въ Бессарабіи, будетъ слѣдующее:

	бат.	рот.
Въ Рени резервныхъ войскъ	—	2
„ Карталѣ „ „	—	1
„ Сатуново „ „	—	2
На батареѣ у церкви		
Св. Терапонта „ „	—	1
и дивизионъ батарейной № 1-го батареи 7-й артиллерійской бригады.		
Въ Измаилѣ „ „	5	—
„ „ „ Могилевского полка. 2	—	—
и два дивизиона батарейной № 2-й батареи 7-й артиллерійской бригады.		
Въ Килиіи резервныхъ войскъ	1	2
„ „ „ Могилевского полка. 1	1	1
„ Вильково „ „	—	2
„ Сулинѣ; „ „	—	1
„ Болградѣ гусарскій фельдмаршала графа Радецкого полкъ.		
На кордонахъ 1-й линіи, отъ Рени до Сулина, Дунайскій казачій № 1-го полкъ.		

Императоръ Николай—кн. М. Д. Горчакову.

С.-Петербургъ.—24-го февраля 1854 г.

Вчера вечеромъ получилъ я письмо твое изъ Браилова, любезный Горчаковъ; вполне полагаюсь на тебя, что все будетъ сдѣлано тобой, чтобъ переправу исполнить наилучшимъ образомъ. При теперешнихъ весьма неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, ежели Богъ благословитъ успѣхомъ наше предпріятіе, это будетъ уже весьма важный шагъ; и

князь Иванъ Ѳедоровичъ ¹⁾ и я, мы совершенно согласны, что тебѣ покуда къ Силистріи не должно идти. Напередъ надо, чтобы двуличность Австріи проявилась, равномерно—чтобы открылось, куда будутъ направлены дѣйствія англичанъ и французовъ. Слухи разны, но наиболѣе упоминается объ намѣреніи сдѣлать высадку у Сухумъ-Кале, близъ Анапы, и въ Крыму, въ тылъ Севастополя,—все это возможно; но ежели все это дѣлать будутъ разомъ, то они нигдѣ сильны не будутъ. Говорятъ, что будто и на устьѣ Днѣстра и въ Одессу есть намѣреніе; противъ того князь Варшавскій далъ Сакену свое наставленіе и 16-я дивизія прибудетъ къ сей сторонѣ для большаго обезпеченія тыла. Что-то Фонтонъ тебѣ привезъ про Сербію? Возстаніе грековъ, боюсь, что рано началось; покуда еще успѣхъ не великъ, что дальше будетъ? Быть можетъ, что оттянетъ часть англичанъ и французовъ туда.

Какъ здоровье войскъ? Поклонись всѣмъ нашимъ. Обнимаю душевно. Николай.

Восподаннѣйшее письмо кн. М. Д. Горчакова.

Бухарестъ.—27-го февраля 1854 г.

Всемилоствѣннѣйшій Государь! Письмо вашего императорскаго величества, отъ 18-го сего мѣсяца, я имѣлъ счастье получить вчера. Изъ военнаго журнала вы изволите усмотрѣть, что мы тревожимъ съ успѣхомъ непріятеля въ центрѣ. Это хорошее развлеченіе.

2-го марта въ ночь, я отправляюсь въ Браиловъ; открытъ же кампанію я полагалъ 7-го или 9-го. Если, какъ надѣюсь, турки не будутъ серьезно тревожить насъ на центрѣ и правомъ флангѣ, до взятія Мачина, я останусь на лѣвомъ флангѣ до овладѣнія этимъ пунктомъ; въ противномъ случаѣ, возвращусь немедленно, предоставивъ дѣйствія генералу Лидерсу.

О сбереженіи людей комплектованія, во время ихъ слѣдованія къ войскамъ, приложено должное попеченіе.

Если и Австрія ополчится противъ В. И. В., то тѣмъ хуже для нее. Конечно, положеніе наше сдѣлается гораздо труднѣе, и, можетъ быть, временно измѣнится характеръ нашихъ дѣйствій. Но Богъ за васъ и Россія въ мощной рукѣ вашей. Рано или поздно враги ваши будутъ сокрушены.

О сербскихъ дѣлахъ графъ Нессельроде представитъ вамъ, Всемилоствѣннѣйшій Государь, новое предположеніе мое, составленное по совѣщаніи съ г. Фонтонемъ. Я не думаю, чтобы сербское правительство много подалось на нашу сторону отъ новыхъ предложеній, которыя будутъ сдѣланы черезъ Фонтоня.

¹⁾ Паскевичъ.

О сборѣ войскъ въ Буковинѣ свѣдѣній я не имѣю.... Австрійскій комиссаръ при нашихъ войскахъ, маіоръ Томъ, получилъ повелѣніе возвратиться къ своему прежнему мѣсту. Онъ выѣзжаетъ сегодня изъ Букареста.

Изъ всеподданнѣйше представляемой у сего записки, В. И. В. изволите усмотрѣть, что, благодаря щедротамъ вашимъ, здоровье войскъ въ весьма хорошемъ состояніи, можно даже сказать, въ безпримѣрномъ для здѣшняго края. Побѣги вообще тѣ же, какъ стоя въ Россіи; вообще они обыкновенныя, а не къ неприятелю.

Букарестъ.—27-го февраля 1854 г.

Имѣю счастье всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству:

1) Что больныхъ въ настоящее время, во вѣренныяхъ мнѣ войскахъ, весьма немного, именно: въ трехъ корпусахъ, съ приписанными къ нимъ частями, всего:

	офиц.	ниж. чин.
Въ госпиталяхъ . . .	171	4,048
Въ лазаретахъ . . .	—	1,280
	<hr/> 171	<hr/> 5,320

т. е., какъ одинъ къ $31\frac{1}{2}$, противу наличнаго состоянія войскъ.

2) Число умершихъ при войскахъ и въ госпиталяхъ, послѣ перехода границы по 1-е февраля, было 1,338; но въ томъ числѣ умерло отъ ранъ 173; слѣдовательно, можно считать умершихъ, какъ одинъ къ 573-мъ въ мѣсяцъ.

и 3) Число бѣжавшихъ, также съ переходомъ границы, было — 244; но изъ нихъ большая часть пойманы и преданы суду.

Вообще относительное число бѣжавшихъ къ наличному числу составляетъ въ мѣсяцъ, круглымъ счетомъ, какъ 1 къ 2,685.

Въ Россіи же самое меньшее число бѣжавшихъ въ мѣсяцъ полагается въ пѣхотномъ и кавалерійскомъ полку по 2 человекъ.

Побѣги, бывшіе въ войскахъ, большею частію обыкновенныя, а не съ намѣреніемъ перейти къ неприятелю.

Генераль-адъютантъ князь Горчаковъ 2-й.

Бранловъ.—7-го марта 1854 г.

Всеимпостовѣннѣйшій Государь. На дняхъ были здѣсь столь большія вьюги, что я нашелъ необходимымъ отложить форсированіе переправы до равноденствія и начать ее не ранѣе 9-го марта. Въ этотъ день будетъ демонстрація сперва у Гирсова, потомъ у Бранлова, а ночью начнется переправа и постройка мостовъ противъ Галаца,

гдѣ непріятель насъ, кажется, не ожидаетъ. На другой день генераль Лидерсъ съ главною колонию двинется отъ Галаца черезъ селеніе Горванъ въ обходъ, чтобы взять Мачинъ съ тылу; остальные войска форсируютъ переправу у Браилова и пойдутъ къ Мачину съ фронта; 10-го же числа генераль Ушаковъ форсируетъ переправу выше Тульчи, а на другой день будетъ дѣйствовать, по обстоятельствамъ, или на Тульчу или на Исакчу.

Я надѣюсь возвратиться въ Букарестъ около 15-го марта.

Здоровье войскъ хорошо, какъ я имѣлъ честь доложить въ послѣднемъ письмѣ моемъ.

..... Что предпримутъ европейскія сухопутныя войска, трудно угадать. Но если, какъ В. В. извоили замѣтить, они бросятся на четыре или пять мѣстъ, то нигдѣ не будутъ имѣть удачи. Вѣроятно, силы свои они направятъ не болѣе какъ на два пункта: на западный берегъ Кавказа и противъ меня; да, сверхъ того, сожгутъ Одессу бомбардировкою и, можетъ быть, сдѣлаютъ тамъ высадку. Генераль-адъютантъ кн. Горчаковъ 2-й.

Императоръ Николай—кн. М. Д. Горчакову.

С.-Петербургъ.—8-го марта 1854 г.

Вчера ночью я получилъ твое письмо, любезный Горчаковъ, отъ 27-го февраля.

Съ нетерпѣніемъ ожидать буду было ли благословеніе Божіе нашему предпріятію черезъ Дунай. Почти съ каждымъ днемъ положеніе дѣлъ дѣлается для насъ грознѣе, чрезъ неслышанную благодарность императора австрійскаго; оно дошло до того, что вынудило меня начертать новый обзоръ или планъ дѣйствій, соответственный теперешнему положенію ¹⁾. Князь Иванъ Ѳедоровичъ его одобрилъ и тебѣ сообщить; это, повторяю, не предписаніе Гофкригсрата, но обзоръ необходимый положенія нашего и того, что мы въ такихъ обстоятельствахъ предпринимать можемъ и какъ полагаемъ къ оному приступить, не стѣсня тебя въ нужныхъ детальныхъ отступленіяхъ, лишь бы общее направленіе дѣйствій было согласно съ онымъ и въ связи, потому, со всѣми другими мѣрами, которыя на всѣхъ другихъ угрожаемыхъ пунктахъ предпринимаются.

Ежели, однако, вѣроломство Австріи дойдетъ до рѣшительнаго наступленія на насъ, или въ Малую Валахію или въ Молдавію,—тогда

¹⁾ «Новый планъ кампаніи на 1854 г.» напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1876 г., томъ XVII, стр. 358—361.

разумѣется, что ты долженъ самъ рѣшить общее отступленіе на избранное поле сраженія, гдѣ, собравъ сколько наиболѣе нужно, дать рѣшительное сраженіе и тогда съ помощью Божіею: *Cela aura été resuler pour mieux sauter.*

Душевно тебя благодарю, что ты бережешь войско, и нельзя не радоваться малому числу больныхъ и умершихъ. Благодарю еще душевно, что ты самъ не теряешь духа, да и умѣешь столь славно его поддерживать во всѣхъ войскахъ.

Надежду не теряемъ; напротивъ, наше довѣріе въ Божій милосердный промыслъ должно быть неограниченно; такъ оно и здѣсь во всѣхъ сословіяхъ. Нашимъ поклонъ; обнимаю душевно. Господь съ тобою и съ нами. Навсегда твой искренно доброжелательный Николай ¹⁾.

Приказъ генерала Лидерса при переходѣ чрезъ Дунай при Галацѣ.

11-го марта 1854 г.

Воины! Вамъ первымъ выпала завидная доля показать врагамъ, что Дунай не укроетъ ихъ отъ нашихъ штыковъ! Лвите себя достойными этого счастья! Да храбрость, презрѣніе опасностей, безропотное перенесеніе трудовъ и строгая подчиненность будутъ неразлучными вашими спутниками! Страшные врагамъ, вы всегда были милосерды къ безоружнымъ жителямъ. Щадите ихъ безъ различія вѣроисповѣданій: вы встрѣтите въ особенности между нами своихъ единовѣрцевъ,—обращайтесь съ ними какъ съ братьями; вамъ предстоитъ святая обязанность возратить имъ права, цѣною русской крови давно ими пріобрѣтенныя, но потоптанныя невѣрными!

Съ упованіемъ на Бога, впередъ, ребята! За Царя, за святую Русь, за вѣру православную, за братьевъ угнетенныхъ, впередъ!... Ура!... Ген.-адъютантъ Лидерсъ.

Примѣчаніе. Копія съ этого приказа весьма обязательно сообщена г. В. Векселемъ.

Императоръ Николай—князю М. Д. Горчакову.

С.-Петербургъ.—20 марта (1 апрѣля) 1854 г.

Сейчасъ прибылъ Мирбахъ съ радостнымъ твоимъ донесеніемъ изъ Мачина ²⁾. Слава Богу за Его щедрую милость, слава тебѣ за

¹⁾ Замѣчательное письмо это проливаетъ яркій свѣтъ на политическія событія, среди которыхъ пришлось бороться въ 1854 году русскимъ войскамъ. Изъ печатаемыхъ нами матеріалахъ о Дунайской кампаніи, только это письмо вошло также цѣликомъ въ появившемся на дняхъ въ печати сочиненіи М. И. Богдановича: «Восточная война 1853—1856 годовъ». (Спб. 1876—4 части).

²⁾ Всеподданнѣйшее письмо, отправленное кн. Горчаковымъ 13-го марта 1854 г. изъ Мачина съ флигель-адъютантомъ Мирбахомъ, было напечатано въ «Русской Старинѣ» 1875 года (т. XIV, стр. 387—388), въ статьѣ: «Замѣтки о событіяхъ 1853—1855 гг.»; тамъ же приведена выдержка изъ напечатаннаго нынѣ вполнѣ рескрипта императора Николая Павловича. Ред.

отлично обдуманная и столь же славно исполненная соображения, слава сподвижникам твоимъ и неоцѣненнымъ храбрымъ войскамъ за отличный, безпримѣрный подвигъ! Надѣюсь, что сей первый важный шагъ будетъ началомъ столь же славныхъ въ теченіе похода 1854 года. Отголосокъ его раздастся вдаль, друзьямъ нашимъ, но и разозлитъ еще болѣе враговъ нашихъ. Кажется, что они не такъ-то скоро готовы будутъ и ранѣе мѣсяца не ожидаю ихъ появленія ни у Одессы, ни въ Крыму, ни въ Поті. Этотъ мѣсяцъ надо употребить въ пользу. Но какъ? Мысли сообщу князю Варпавамскому и ежели оны не будутъ противны, то сообщить тебѣ къ исполненію. Все еще зависитъ отъ расположенія Австріи. Ежели пойдетъ къ лучшему, то наше дѣло будетъ не въ примѣръ легче и проще. Покуда надо готовить продовольствіе и фуражъ, подвезти осадную артиллерію и погрузить на суда и стараться поднять нашу флотилію выше по Дунаю, въ особенности ежели турки бросать Гирсово.

Кажется мнѣ, что Силистрія должна быть предметомъ всѣхъ нашихъ усилій, лишь только успокоены будемъ на счетъ Австріи. Чѣмъ скорѣе приступимъ къ осадѣ ея, чрезъ что удастся предупредить подходъ къ ней союзниковъ, тѣмъ вѣрнѣе считать можемъ на успѣхъ. Ежели сомнительное положеніе Австріи не дозволитъ намъ воспользоваться теперешнимъ впечатлѣніемъ на турокъ смѣлой нашей переправой и потому лишитъ насъ выгодной минутой приступить къ Силистріи,—тогда останется выжидать, что сами турки предпримутъ и какъ осуществятся всѣ намѣренія, приписываемыя англичанамъ и французамъ. Но думаю, что съ этимъ и выгодное время года будетъ утеряно въ ущербъ здоровью войскъ; впрочемъ, осторожность можетъ насъ по неволѣ къ сему принудить. И такъ, все зависѣть будетъ отъ того, что ожидать можно отъ Австріи, что ты скорѣе нашего узнаешь. Послѣднія извѣстія изъ Вѣны подають нѣкоторую надежду на болѣе благоразумный образъ дѣйствій и на полный нейтралитетъ по примѣру Пруссіи,—но увѣренности въ томъ еще не имѣю, и потому неизвѣстность эта крайне меня связываетъ въ разрѣшеніи дальнѣйшихъ дѣйствій. Это же положеніе Австріи лишитъ меня всякой надежды на содѣйствіе сербовъ, развѣ успѣхи греческаго возстанія не воспламенятъ славянъ до того, что они пренебрегутъ угрозами Австріи и подымутся безъ насъ. Все это быть можетъ, но нельзя на это рассчитывать и еще менѣе основывать наши дѣйствія.

Въ знакъ моей особой благодарности за твою вѣрную и отличную службу и того искренняго уваженія и дружбы, которая къ тебѣ имѣю, желаю, чтобы изображеніе того, которому ты оказываешь столько услугъ, было съ тобой неразлучно, какъ знакъ его признательности.

Жена тебя поздравляетъ съ славнымъ успѣхомъ. Поспѣши представить объ наградѣ отличившихся. До прїѣзда князя Варшавскаго пиши мнѣ по прежнему. Нашимъ всѣмъ поклонъ.

Душевно обнимаю. Богъ съ тобою. Твой искренно доброжелательный Николай.

Императоръ Николай—кн. Варшавскому.

С.-Петербургъ.—22-го марта (3-го апрѣля) 1854 г.

Благодарю, любезный отецъ командиръ, за письмо отъ 14-го (26-го) марта. Третьяго дня вечеромъ прибылъ отъ Горчакова изъ Мачина флигель-адъютантъ Мирбахъ съ радостнымъ извѣстіемъ о благополучно совершенной переправѣ и овладѣніи Тульчей и Мачиннымъ. Слава Богу, слава Горчакову и молодецкимъ войскамъ! Шагъ важный, ежели съумѣемъ или удастся воспользоваться его впечатлѣніемъ. Все зависить несомнѣнно отъ расположенія австрійцевъ; кажется, что есть надежда, что они насъ не атакуютъ. Ежели будемъ въ томъ увѣренны, то не надо, кажется, терять время, и немедленно готовиться приступить къ осадѣ Силистріи, главной цѣли всей кампаніи 1854 года. Она особенно важна уже и тѣмъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, оттянетъ часть силъ союзниковъ, вмѣсто атаки нашихъ береговъ, къ Варнѣ и къ вспомоществованію Силистріи. Прошу, отецъ командиръ, вникнуть въ эту мысль и дать твои приказанія Горчакову въ этомъ смыслѣ, ежели ты не противенъ сему. Упустимъ мы воспользоваться теперешнимъ успѣхомъ и его впечатлѣніемъ на турокъ, подобнаго удобства не встрѣтимъ впередъ на-долго, и сомнѣнія нѣтъ, что союзники симъ воспользуются, чтобъ начать свои покушенія, къ которымъ они, какъ кажется, еще не готовы. Меншиковымъ благоразумными мѣрами всѣ гарнизоны нашихъ прибрежныхъ фортовъ, 6 т. человекъ съ женами и дѣтьми, спасены и перевезены въ Геленджикъ и Новороссійскъ. Слава Богу! теперь тамъ гарнизоны сильны и отрядъ достаточно отбить десантъ. Но Меншиковъ жалуется, что онъ слабъ и проситъ усиленія. Быть можетъ, велю 1-й бригадѣ 17-й дивизіи перейти черезъ Керчь въ Крымъ, лишь спокойнѣе буду за Анапу. Съ Кавказа ничего новаго нѣтъ. Важно, что изъ Вѣны получимъ въ подтвержденіе добраго начала и въ послѣдствіе перехода черезъ Дунай. Здѣсь войска подходятъ, приготовленія встрѣчи непріятели кончаются и все въ добромъ духѣ. Вотъ копія моего письма Горчакову ¹⁾. Твои предписанія ему и Сакену читалъ: очень хороши и согласны моимъ

¹⁾ Письмо Императора Николая Павловича отъ 20-го марта 1854 г., см. выше.

видамъ. Теперь только, ради Бога, не будемъ терять время, надо воспользоваться теперешнимъ впечатлѣніемъ и время дорого.

Жена тебѣ кланяется, душевно обнимаю. Цѣлую руку княгини; каково ея здоровье? Богъ съ тобою. Отъ души твоей искренно доброжелательный „Николай“.

Письмо кн. М. Д. Горчакова—генералу Лидеру.

26-го марта 1854 г.

Въ отвѣтъ на письма в. высокопр-ва отъ 25-го числа сего мѣсяца, поспѣшаю увѣдомить васъ, что хотя я уже представилъ въ С.-Петербургъ проектъ манифеста, относительно болгаръ, но не получилъ еще на сей предметъ рѣшенія, а потому и не могу покуда дѣлать никакихъ объявленій болгарамъ, касательно настоящаго и будущаго ихъ положенія.

Между тѣмъ, имѣя въ виду, что необходимо, однако же; воспользоваться нынѣшнимъ пребываніемъ войскъ нашихъ на правомъ берегу Дуная, я прошу в. высокопр-во о слѣдующемъ:

1) Не дѣлая никакихъ обѣщаній, особенно письменныхъ, стараться поддерживать расположеніе къ намъ болгаръ ожиданіемъ важныхъ для нихъ переменъ, внушая имъ притомъ, что они, поволику могутъ, должны для собственной своей пользы содѣйствовать намъ въ пораженіи турокъ и изгнаніи ихъ изъ предѣловъ Болгаріи; не давать не-пріятелю никакихъ средствъ къ продовольствію, вооруженію и спокойному пребыванію въ ихъ селеніяхъ и городахъ; сообщать намъ самыя вѣрныя свѣдѣнія о предпріятіяхъ и движеніяхъ турокъ; не допускать имъ грабить собственные болгарскіе дома, но нападать на малыя не-пріятельскія партіи, захватывать ихъ и приводить къ намъ въ плѣнъ и вообще наносить имъ всякій вредъ.

2) Впредь до разъясненія обстоятельствъ, не присоединять къ волонтерамъ, сформированнымъ въ Придунайскихъ княжествахъ, охотниковъ болгарскихъ; но если бы кто изъ нихъ пожелалъ служить на собственномъ иждивеніи и съ своимъ оружіемъ, то таковыхъ присоединять временно къ нашимъ партіямъ и давать имъ для продовольствія солдатскій паекъ, во время сей службы. Что касается до жалованія, то если бы охотники просили онаго,—объяснять имъ, что какъ они вооружаются для собственной пользы, то мы не обязаны производить за это денежную плату.

3) Оружія еще нельзя покуда раздавать имъ въ большомъ числѣ, но отъ вашего усмотрѣнія зависитъ употребить съезенныя въ Браиловъ 344 ружья, патроны и аммуницію, для вооруженія въ каждомъ

селеніи нѣсколькихъ благонадежныхъ охотниковъ, для защиты жителей сихъ селеній и для патрулей; волонтеровъ же, сформированныхъ въ Придунайскихъ княжествахъ, употреблять на томъ основаніи, какъ я уже писалъ вамъ ¹⁾).

Я думаю, что на первое время этого достаточно для одушевленія болгаръ въ нашу пользу. Послѣдующій ходъ войны и ожидаемыя высочайшія указанія опредѣлятъ дальнѣйшія наши дѣйствія въ этой странѣ; но между тѣмъ продолжайте поддерживать въ болгарахъ вражду къ туркамъ и расположеніе къ намъ, отъ котораго могутъ произойти благоприятныя для нихъ перемѣны. Кн. Горчаковъ.

Кн. М. Д. Горчаковъ — военному министру.

Букарестъ.—28-го марта 1854 г.

Не имѣя разрѣшенія—какія въ настоящее время можно обращать прокламаціи къ жителямъ праваго берега Дуная, я доннѣ не посылалъ и къ тамошнимъ болгарамъ никакого объявленія касательно настоящаго и будущаго ихъ положенія; но между тѣмъ генераль-адъютантъ Лидерсъ вошелъ ко мнѣ на дняхъ съ разными вопросами по сему предмету, и въ особенности о томъ, въ какомъ смыслѣ онъ можетъ дѣйствовать, для поддержанія въ болгарахъ расположенія къ Россіи?

Изложивъ секретно генераль-адъютанту Лидерсу нѣкоторое на сей счетъ руководство, я имѣю честь препроводить къ в. с. копію съ моего къ нему отзыва, для всеподданнѣйшаго доклада государю императору.

Генераль-адъютантъ кн. Горчаковъ.

Примѣчаніе. Собственноручная Государя Императора отмѣтка: «Теперь время настало выдать прокламаціи, чѣмъ я займусь».

¹⁾ Генераль-адъютанту Лидерсу писано, что было бы полезно посылать охотниковъ изъ наиболѣе удалыхъ волонтеровъ на правый берегъ Дуная, для поисковъ кратковременныхъ и дабы этимъ появленіемъ производить вліяніе на умы единоплеменниковъ и единовѣрцевъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Прокофій Петровичъ Вороновъ

1722 г.

1722 года іюня въ 11-й день. По указу Его Величества Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссийскаго и прочая, и прочая, и прочая, данъ сей Его Императорскаго Величества указъ изъ Государственной военной коллегіи Казанскаго драгунскаго полка каптенармусу Прокофію Воронову для того: прошедшаго мая 23-го дня, по Его Императорскаго Величества указу и по смотру Государственной военной коллегіи, чрезъ свидѣтельство дохтурское, за ранами: въ животъ на вылетъ, да въ лѣвую руку, да на правой ногѣ три раны, а на лѣвой двѣ раны и отъ оныхъ ранъ животомъ нездоровъ и ногами худъ, отъ службы отставляется вовсе; а за службу данъ ему рангъ прапорщика и для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ отосланъ въ Правительствующій Сенатъ.

Подписали: Ле-фортъ. — И. Карауловъ. Секретарь Кузьма Макаровъ. У сего указа Е. И. В. печать. (М. П.). Справилъ Титъ Кудряцовъ.

Писано на гербовомъ листѣ съ приложеніемъ восковой черной государственной печати.

Примѣчаніе. Документъ этотъ доставленъ Динабургскимъ комендантомъ ген.-лейт. Павломъ Алексѣевичемъ Вороновымъ, праправнукомъ Прокофья Воронова. Фамилія эта принадлежитъ къ числу старинныхъ дворянскихъ родовъ; предкамъ П. А. Воронова жалованы царями Михаиломъ Ѳеодоровичемъ (въ 1616 и 1637 гг.) и Алексѣемъ Михайловичемъ (въ 1650 г.), въ Костромскомъ уѣздѣ, въ Кусской волости, имѣнія за службу.

Фельдмаршалъ Суворовъ въ Прагѣ

1800 г.

Сообщаемыя здѣсь черты, преимущественно изъ частной жизни нашего знаменитаго полководца, заимствованы изъ путевого дневника шведскаго посланника при вѣнскомъ дворѣ, графа Якова Густава Делягарди. Дневникъ этотъ, носящій заглавіе: «Путевыя записки графа Якова Густава Делягарди, веденныя во время поѣздки въ Вѣну, пребыванія тамъ и возвращенія въ Швецію въ 1799, 1800 и 1801 гг.»—хранятся въ семейномъ архивѣ графовъ Делягарди въ Лёберёдѣ, близъ г. Мальмё (южная Швеція). Собраніе рукописей въ этомъ архивѣ, преимущественно историческаго характера, считается первымъ въ Швеціи, и одно описаніе его потребовало 20 томовъ. Здѣсь есть много интереснаго для русской исторіи — вспомнимъ, что двое изъ Делягардіевъ начальствовали въ войнахъ Швеціи съ Россіей XVI и XVII ст.—но мнѣ неизвѣстно, чтобы кто-либо изъ нашихъ историковъ, вообще почему-то пренебрегающихъ шведскими источниками ¹⁾, когда либо заглядывалъ въ Лёберёдскій архивъ. Исключеніемъ, правда, служить гельсингфорскій профессоръ русскаго языка Соловьевъ, посѣщеніе котораго отмѣчено бібліотекаремъ архива, какъ необыкновенное событіе; но результаты поисковъ его тамъ остались неизвѣстны. подобно многимъ другимъ историческимъ матеріаламъ, собраннымъ почтеннымъ отрывателемъ Котошихина, въ его двукратную поѣздку въ Швецію на счетъ щедротъ археографической комиссіи.

Обращаемся къ автору упомянутыхъ путевыхъ записокъ. Графъ Я. Г. Делягарди, род. въ 1768 г.; въ чинѣ капитана участвовалъ въ финляндской войнѣ 1788 г. Въ 1799 г. былъ онъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ при вѣнскомъ дворѣ, а въ 1813—въ такомъ же качествѣ—въ Испанію. Онъ былъ изъ числа 13-ти дворянъ, удостоенныхъ чести быть воспріемниками принца Оскара, будущаго короля. Посѣщеніе имъ Суворова относится къ тому времени, когда онъ проѣзжалъ Прагу, отправляясь къ своему посту въ Вѣну. А. Ч.

Мое посѣщеніе русскаго фельдмаршала князя Суворова Римскаго (Рымниоскаго).

(Переводъ съ шведскаго). Главная квартира находилась въ Прагѣ. Это было въ январѣ 1800 г., слѣдовательно, за $\frac{1}{4}$ года ²⁾ до смерти маститаго полководца, увѣнчаннаго лаврами 50-ти-лѣтнихъ побѣдъ (при одной изъ нихъ было не менѣе какъ 30 т. убитыхъ и 60 т. плѣнныхъ), но, передъ своимъ триумфомъ, въ Петербургѣ старикъ впалъ въ немилость, за которой послѣдовала его смерть. Меня ввелъ въ домовую церковь (Карелл) его племянникъ, князь Горчаковъ. 71-лѣт-

¹⁾ Когда я, будучи молодымъ человѣкомъ, объявилъ моему профессору русской исторіи, извѣстному писателю, —уже давно умершему,—о своемъ намѣреніи посѣтить шведскіе архивы, то услышалъ отъ него такой неободрительный отвѣтъ: «не совѣтую; тамъ рѣшительно ничего нѣтъ по Русской исторіи».

²⁾ Какъ извѣстно, Суворовъ ум. 6-го мая 1800 г.

А. Ч.

нѣй герой въ продолженіи часа сдѣлалъ до 20-ти земныхъ поклоновъ (падалъ ницъ) для цѣлованія креста (?) и обыкновенно лежалъ въ такомъ положеніи отъ двухъ до трехъ минутъ. По окончаніи обѣдни, продолжавшейся около часу, подошелъ онъ ко мнѣ и сказалъ:

— „Vous descendez de ce fameux Jacques De la Gardie, qui battit tant de fois les Russes? (Вы потомокъ того знаменитаго Якова Делягарди, который такъ часто побѣждалъ русскихъ?), и обратясь къ англійскому посланнику лорду Минто и австрійскому генералу Бельгарду и около 30-ти русскимъ офицерамъ, окружавшимъ его, присовокупилъ: Savez vous que Mr. le comte De la Gardie descend de ce fameux Jacques De la Gardie que les Russes craignaient comme le diable? (Извѣстно-ли вамъ, что графъ потомокъ того знаменитаго Якова Делягарди, котораго русскіе боялись какъ чорта?) Il n'y a aussi personne qui les a mieux et plus souvent battu que lui“. (Чаще и лучше никто ихъ не разбивалъ).

Все это было для меня чрезвычайно лестно.

„Les Suedois,—продолжалъ онъ,—sont les seuls qui ont battu les Russes (въ жливість, дошедшая до крайнихъ предѣловъ), mais aussi nous nous vengions bien sur les autres nations“. (Шведы — единственный народъ, побѣждавшій русскихъ, но мы съумѣли отмстить побѣдами надъ другими народами).

Во время обѣда говорили о Густавѣ II Адольфѣ и Карлѣ XII и совершенно въ шведскомъ духѣ. Въ половинѣ стола надѣлъ себѣ на голову мою капитанъ-лейтенантскую круглую шляпу. По окончаніи обѣда, далъ онъ мнѣ весьма искренній, хотя и не очень пріятный поцѣлуй и, перекрестивъ и благословивъ меня 2, 3 раза, отправился въ опочивальню; но скоро возвратился, безъ кафтана и весты, чтобы пригласить меня на вечерній балъ, на которомъ онъ общалъ самъ танцевать, хотя, какъ самъ сознался, и не хорошо танцуетъ.

Вотъ образъ жизни Суворова: Онъ вставалъ очень часто въ 2, 3 часа ночью и тотчасъ выпивалъ стаканъ портеру, закусивъ ветчиною или какимъ другимъ копченнымъ мясомъ. Въ 6 часовъ былъ завтракъ, а въ 7^{1/2} отправлялся онъ къ обѣднѣ; въ 8^{1/2} ч. обѣдалъ, а отъ 12-ти до 2-хъ отдыхалъ; въ 5 ч. ужиналъ и въ 7 или 8 ч. ложился спать. На войнѣ онъ проводилъ ночи безъ сна и былъ неутомимъ. Я не вѣрю слухамъ о его любви къ крѣпкимъ напиткамъ: будучи веселаго нрава, онъ любилъ пошутиться и видѣть вокругъ себя веселыя лица. Онъ сердился, если его вопросъ не получалъ немедленно отвѣта, хотя бы и неосновательнаго. Его очень обрадовало, когда на вопросъ: сколько въ Дунаѣ рыбъ, получилъ въ отвѣтъ: 42^{1/2} милліона. Кажется, онъ былъ приверженцемъ ученія Сведенборга. У Суворова 9 различныхъ орденовъ.

Большая часть присутствовавших за обѣдомъ были увѣшаны орденами, даже у лакеевъ были надѣты на шеѣ медали на цѣпочкѣ. Только на мнѣ и лордѣ Минто ничего не было.

Здѣсь (въ Прагѣ) проживаетъ баронъ Армфельдъ ¹⁾, для переговоровъ съ герцогомъ курляндскимъ, или, какъ говорятъ злые языки, ради его дочери. Дочь герцога была сговорена за сына Суворова, но бракъ не состоялся, ибо его не желали Екатерина II и король прусскій; въ послѣдствіи вышла она замужъ за эмигранта князя Рогана. Этотъ бракъ былъ несчастливъ, такъ какъ Армфельдъ, повидимому, продолжалъ свою связь.

Сообщ. А. А. Чумиковъ.

Разказы стараго лейбъ-казака.

I.

Въ „придворныя казачьи команды“, изъ которыхъ въ послѣдствіи составилъ лейбъ-гвардіи казачій полкъ, избирались начальствомъ войска Донскаго люди, отличавшіеся мужествомъ противъ непріятеля, а также извѣстные нравственностію своею, здоровьемъ и силою. Такимъ образомъ, въ „придворныхъ командахъ“ были иногда замѣчательные силачи и о нихъ ходила въ народѣ громкая молва. Одинъ изъ тогдашнихъ офицеровъ этихъ командъ, Тапилинъ, рассказывалъ по поводу этому слѣдующій случай: въ послѣдніе годы своей жизни, императрица Екатерина II, во время пребыванія своего въ Царскомъ Селѣ, часто гуляла по парку, съ придворною дамою, въ коляскѣ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, испугавшіяся чего-то лошади понесли; вучерь, истощивши всѣ усилія остановить ихъ, растерялся, и лошади бѣшено мчались. Въ эту роковую минуту случайно появился казакъ „придворной команды“ Маминъ; увидѣвши опасность, какой подвергалась императрица, этотъ богатырь бросился къ экипажу, схватился за одно изъ заднихъ колесъ его и остановилъ экипажъ. Императрица вышла изъ коляски и возвратилась во дворецъ пѣшкомъ. Богатырь Маминъ получилъ щедрую награду изъ рукъ царицы.

¹⁾ Извѣстный шведскій выходецъ и интриганъ. Онъ былъ въ Швеціи объявленъ государственнѣмъ преступникомъ и приговоренъ къ смертной казни.

II.

Донцы, вообще, являютъ изъ себя типы истинныхъ воиновъ. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ 1799 году, въ Голландіи, среди жестокой битвы у Бергепа, начальствовавшій генералъ нашъ, Германъ, взятъ въ плѣнъ; подъ генераломъ Эссеномъ, въ первую же минуту заступленія имъ мѣста Германа, непріятельское ядро убило лошадь. Поручикъ л.-гв. казачьяго полка, Давыдовъ, поспѣшилъ подать генералу Эссену своего коня, а самъ, увидѣвши, что одна изъ частей нашихъ войскъ истощается въ бою съ окружившими ее французами, защищая свое знамя, что всѣ защитники изранены или убиты и знамя наше уже въ рукахъ враговъ—бросается въ бой пѣшимъ; за своимъ офицеромъ ринулись въ сѣчу всѣ прочіе лейбъ-казаки; Давыдовъ собственноручно выхватываетъ у непріятеля русское знамя, и, осыпаемая пулями, горсть удалыхъ донцовъ возвращается въ свои ряды съ отбитымъ знаменемъ.

III.

Среди Аустерлицкаго боя, въ рѣшительную минуту для нашей гвардіи, упорно тѣснимой, на топкомъ болотѣ, далеко превосходящими силами французовъ, — въ ту страшную минуту, когда вся наша гвардія уже была обойдена и путь къ переправѣ черезъ Гауеницкій ручей отрѣзанъ—явились лейбъ-казачьи эскадроны, проскакавшіе не менѣе десятиверстнаго пространства. Увидя, что въ наши гвардейскіе баталіоны врѣзалась уже непріятельская конница, лейбъ-казаки стремительно бросаются ей во флангъ, и ряды ея мгновенно смѣшиваются, разстраиваются; тогда лейбъ-казаки устремляются на вновь подошедшія колонны и завязывается ожесточеннѣйшій рукопашный бой. Одинъ за другимъ падаютъ наши бойцы ранеными или убитыми; убитъ во главѣ эскадрона любимый всѣми однополчанами штабъ-ротмистръ Филипповъ, упалъ съ убитой лошади и другой храбрый офицеръ, поручикъ Чеботаревъ. — Лейбъ-казаки выхватываютъ изъ пыла сѣчи трупъ Филиппова, черезъ массы непріятеля летятъ на помощь Чеботареву, окруженному французами и отбивающемуся отъ нихъ саблею у трупа своей лошади. Всѣ раненые и убитые лейбъ-казаки не брошены товарищами ихъ, а заботливо вынесены съ поля битвы.

IV.

Въ 1807 году, во время отступленія арміи Бенигсена къ Гейльсбергу, когда войска арріергарда этой арміи, подъ начальствомъ князя Багратіона и Раевского, геройски отстаивали каждый шагъ свой, лейбъ-казаки, у Вольсдорфа, въ погонѣ за разбитымъ непріятелемъ, наско-

чили на его пѣхотную колонну, прикрытую артиллеріею. Безстрашно врѣзались они въ эту колонну, смѣшали ее и начали сильное опустошеніе; но къ непріятелю подоспѣли подкрѣпленія. Въ сѣчѣ этой лейбъ-казаки не могли не разстроить своихъ рядовъ и должны были сражаться въ одиночку. Корнетъ князь Меликъ-Осиповъ, увлеченный отвагою, проскакалъ такъ далеко, что очутился среди непріятеля. Онъ напрягалъ всѣ усилія свои отбиться отъ французовъ, густою массою окружавшихъ его. Замѣтивъ гибель своего офицера, шесть лейбъ-казаконъ, не смотря на начавшееся уже отступленіе своихъ эскадронновъ, бросились къ князю Меликъ-Осипову съ такою рѣшимостію, что смяли всѣхъ окружавшихъ его французовъ и успѣли выручить своего офицера, потерявъ трехъ товарищей въ этой схваткѣ.

V.

Въ 1812 году, во время отступленія изъ Вильны 1-й арміи, лейбъ-гвардіи казачій полкъ, — прикрывавшій колонны арріергарда нашей арміи, — вездѣ, гдѣ только позволяла мѣстность, употреблялъ всевозможныя усилія задерживать напирющаго на наши колонны непріятеля, непрерывно предпринималъ атаки на его конницу и одерживалъ надъ нею успѣхи. Такъ, по выходѣ изъ Вильны, лейбъ-казаки должны были предпринять еще одну атаку, чтобы облегчить войскамъ нашего арріергарда переходъ черезъ мостъ. И эта атака была весьма удачна, но въ ней сильно контуженъ поручикъ Грековъ и тяжело раненъ унтеръ-офицеръ Поповъ; а между тѣмъ къ непріятелю подоспѣли новыя подкрѣпленія и массы французской конницы стремительно ринулись на лейбъ-казаконъ. Мужественные донцы стойко выдержали этотъ натискъ и защищали мостъ до тѣхъ поръ, пока всѣ наши войска перешли чрезъ него; тогда только и лейбъ-казаки перешли чрезъ мостъ и испортили его, при чемъ не оставили въ рукахъ непріятеля и раненныхъ своихъ однополчанъ, изъ которыхъ унтеръ-офицеръ Поповъ умеръ уже среди самой битвы.

VI.

Въ 1808 году, лейбъ-гвардіи казачій полкъ участвовалъ въ войнѣ со шведами. Въ маѣ мѣсяцѣ на этотъ полкъ возложена была чрезвычайно трудная обязанность — охранять огромное пространство Приботническаго берега, между Вазою и Христиненштадтомъ, для удержанія связи главныхъ силъ графа Буксегвена съ слабымъ корпусомъ Раевскаго, изнемогавшимъ уже въ борьбѣ съ превосходными силами непріятеля. Къ шведамъ непрерывно подходили флотиліи съ новыми подкрѣпленіями, а подстрекаемые шведскими эмиссарами

мѣстные жители начали поголовное возстаніе. Малочисленный въ ту пору лейбъ-гвардіи казачій полкъ размѣстился на стоверстномъ пространствѣ въ болѣе важныхъ пунктахъ и одинъ эскадронъ его сталъ въ деревнѣ Плелаксѣ. Деревня эта будетъ всегда памятною для лейбъ-казаковъ: 13-го іюня, ночью, всѣ жители Плелакса, тайно сговорившись, напали врасплохъ на квартировавшихъ у нихъ казаковъ и семьдесятъ человѣкъ сдѣлались жертвою этого предательскаго нападенія — одни изрублены, другіе захвачены въ плѣнъ и увезены на судахъ въ Торнео. Командиръ полка, графъ Орловъ-Денисовъ, получивъ извѣстіе объ этомъ несчастіи, тотчасъ же распорядился наказаніемъ Плелакскихъ жителей, виновныхъ въ предательствѣ. Среди понятной мести за убитыхъ и захваченныхъ въ плѣнъ товарищей, казаки зажгли нѣсколько домовъ тѣхъ обывателей деревни, которые, общимъ голосомъ спасшихся отъ убійства казаковъ, обвинялись, какъ главные виновники и участники предательства. Въ слуховомъ окнѣ, на кровлѣ одного изъ объятыхъ пламенемъ домовъ, мстители наши увидѣли женщину, отчаянно взывавшую о спасеніи и выставившую изъ окна грудное дитя. Въ это мгновеніе, лейбъ-казаки Жуковъ и Камбуловъ забываютъ нанесенное жителями зло, съ величайшими усиліями добираются до мѣста нахождения взывающей матери, и изъ дыма и огня спасаютъ и мать и дитя.

VII.

Кстати вспоминаю здѣсь разсказъ одного изъ ветерановъ лейбъ-казаковъ, какъ весь полкъ ихъ удивился, когда, въ концѣ ноября 1812 года, преслѣдующіе разбитый корпусъ Вреде, лейбъ-казаки увидѣли подъѣзжающаго къ рядамъ ихъ одного изъ своихъ товарищей съ какою-то ношею на рукахъ.

— Что это у тебя, односумъ?

— „А вотъ, Господь далъ мнѣ спасти отъ напрасной смерти неповиннаго младенца! Ъду это я во фланкерахъ и зорко посматриваю въ лѣсокъ, не засѣли-ли гдѣ эвти нехристи-французы; анъ смотрю: что-то лежитъ подъ деревьями—одежа что-ли какая. Толкнулъ я лошадь, подѣхалъ и хотѣлъ уже потормошить пиквою, какъ глядь—лежитъ здѣсь замерзшая женщина. Хотѣлъ ужъ я и отправиться дальше, какъ вдругъ слышу какой-то стонъ. Заразъ я сошелъ съ коня, сталъ присматриваться, не жива-ли еще бѣдняжка, смотрю,—а у ней на груди дитеночъ, и еще живой; покойница крѣпко обхватила его руками, да такъ и замерла. Вотъ я высвободилъ скорѣе бѣдняжку, младенца-то, изъ оковенѣлыхъ рукъ матери, да стащилъ съ покойницы

вотъ эту сермягу, укутадь ею дитенка, да и ну скакать къ полку. Чтò дѣлать теперь, братцы?"

На всѣхъ лицахъ слушателей,—этихъ варваровъ, въ которыхъ, по выраженію Наполеона, „сидитъ самъ чортъ“ (*Les cosaques ont le diable au corps*), изобразилось живое, теплое участіе къ младенцу и всѣ они закричали: „скорѣй скачи вотъ туда, на лѣво, тамъ тотчасъ же увидишь жилье, отдай дитенка какой нибудь хозяйкѣ, чтобъ отогрѣла мальчугашку, а присмотрить за нимъ, да выхолить—ей же будетъ въ хозяйствѣ подмога!“

Такъ и сдѣлано.

VIII.

Въ экспедиціи противъ французовъ, въ Голландіи (1799 г.), единственною кавалеріею нашихъ войскъ были 108 человекъ лейбъ-казакъ и лейбъ-гусаровъ. Два мѣсяца плившія туда русскія войска, утомленные уже тѣснымъ размѣщеніемъ на корабляхъ и сильною качкою, въ сентябрѣ высадились на берегъ, но и тамъ встрѣтили рѣзкіе вѣтры, проливные дожди и заслѣпавшія глаза свѣжныя мятели. Трудно имъ было идти по топкимъ мѣстностямъ, перерѣзаннымъ каналами съ соленою морскою водою; у нихъ не было никакого прикрытія отъ непогоды, всюду кругомъ болота и вода; промокшіе до костей, они принуждены были ложиться, гдѣ и какъ могли, на мокромъ пескѣ, на грязныхъ плотинахъ, иногда и въ самомъ болотѣ; а тутъ еще и продовольствіе для нихъ оказалось весьма скуднымъ. Все, что не доставало нашимъ войскамъ, обѣщались доставить отъ себя тогдашніе наши союзники англичане, но обѣщанія не исполнили. Истощенныя всѣми этими лишеніями, войска наши не имѣли ни одного дня отдохновенія: вечеромъ, 7-го сентябрю, они пришли къ Бергену, на позицію, занятую союзниками нашими, а на утро назначена уже и общая атака французской арміи. Среди ночной темноты двинулись противъ непріятеля русскія колонны и въ первой линіи этихъ колоннъ шли лейбъ-казаки. Подошедъ ко рвамъ, опоясывавшимъ укрѣпленія непріятеля, наши колонны бросились во рвы, а потомъ и въ самыя укрѣпленія. Внезапность нападенія ошеломила французовъ, они уже не защищались и начали отступать по дорогѣ на Шхорльдамъ; но и у насъ вышла тогда большая неурядица: въ темнотѣ свои не узнавали другъ друга, начальники потеряли изъ виду свои части, проводниковъ не было и поэтому никто не зналъ куда идти дальше.

Тутъ нашимъ войскамъ оказала незабвенную услугу находящаяся при нихъ горсть лейбъ-казакъ: эти удалцы безстрашно устремились по всѣмъ науравленіямъ, тотчасъ же разузнали положеніе всей мѣст-

ности, а также гдѣ какія части нашихъ войскъ по ней двигались, постѣшили передать собранныя ими свѣдѣнія начальникамъ,—тогда войска наши быстро двинулись впередъ, прогнали французовъ изъ Шхорльдама и безостановочно продолжали движеніе свое къ назначенной цѣли, къ Бергену.

IX.

Во время войны съ французами въ Пруссіи (1807 г.), командовавшій арріергардомъ нашей арміи, князь Багратіонъ, нанесъ поражение корпусу Нея, получилъ (28-го мая) увѣдомленіе главнокомандующаго Бенигсена, что намѣреніе принять генеральное сраженіе у Гутштадта имъ оставлено, что армія наша будетъ продолжать отступленіе къ Гейльсбергу и чтобы князь Багратіонъ употребилъ всѣ усилія задерживать натискъ французовъ, дабы выиграть время, необходимое на переходъ нашей арміи чрезъ крайне неудобную для переправы рѣку Алле, у Гутштадта. Блистательно исполнилъ Багратіонъ это важное порученіе: французы нѣсколько разъ предпринимали стремительные удары, чтобы сломать нашъ арріергардъ и скорѣе достигнуть до мѣста переправы нашей арміи, но князь Багратіонъ не уступилъ имъ ни шагу до тѣхъ поръ, пока и передовыя части нашего арріергарда не перешли рѣку. Тогда французская конница ринулась на лѣвый флангъ остальныхъ войскъ нашего арріергарда и, подавляя ихъ огромною численностію своею, успѣла отрѣзать часть нашихъ войскъ отъ пути отступленія. На выручку отрѣзаннымъ прискакали лейбъ-казаки: тотчасъ же налетѣли они на флангъ французской кавалеріи и повергли ее въ такое сильное замѣшательство, что она постѣшила отступить и укрыться за своею пѣхотою. Однако же, оставшимся, уже весьма малочисленнымъ, войскамъ арріергарда Багратіона предстояло еще самое трудное дѣло: перейти рѣку Алле и, въ то же время, отражать напирajúщія массы непріятеля. Вполнѣ сознавая это опасное положеніе нашихъ войскъ, графъ Орловъ-Денисовъ прибѣгъ къ рѣшительной мѣрѣ—къ вызову изъ лейбъ-казакѡвъ лучшихъ людей, удалыхъ охотниковъ, и съ ними геройски держался на той сторонѣ Алле пока всѣ войска нашего арріергарда перешли черезъ рѣку; тогда, быстро ударивъ на ближайшій французскій отрядъ, гр. Орловъ-Денисовъ смѣшалъ его и, пользуясь этимъ мгновеніемъ, успѣлъ присоединиться къ своимъ войскамъ.

Въ то время, когда гр. Орловъ-Денисовъ стойко удерживался съ своими охотниками на томъ берегу Алле, два изъ его удалцовъ, рядовые Валуйсковъ и Бендеберинъ, увидѣвъ, что подъ скакавшимъ предъ непріятельскою пѣхотною линією офицеромъ споткнулась

и упала лошадь, полетѣли туда. Изумившіеся французы не успѣли и выстрѣлить въ смѣльчаковъ нашихъ, когда они схватили упавшаго непріятельскаго офицера и помчались съ нимъ обратно къ своей командѣ.

X.

Въ ночь послѣ упорной битвы нашей арміи съ арміею Наполеона, у Гейльсберга, цесаревичу Константину Павловичу необходимо было имѣть свѣдѣнія о значеніи и направленіи передвиженной французскихъ войскъ, совершаемыхъ ими на противоположномъ берегу Алле. Великій князь обратился къ лейбъ-казакамъ съ вызовомъ охотниковъ совершить для этого дѣла опасный поискъ на ту сторону рѣки. На такой вызовъ откликнулись всѣ. Корнету Жмурину, успѣвшему вызваться первымъ, удалось принять избранную для поиска команду. Въ полночь, когда въ обѣихъ арміяхъ наступила тишина, наши удалцы незамѣтно пробрались внизъ по правому берегу Алле, и противъ центра французской арміи пустились вплавь. Нелышнѣно переплыли привычные кони ихъ черезъ рѣку и выбрались на крутой, противоположный берегъ. Условившись заранѣе о мѣстѣ сбора, храбрецы наши пустились на поиски: все, что требовалось, развѣдано ими, и Жмуриныхъ, захвативъ зазѣвавшагося французскаго часоваго, донесли цесаревичу о всѣхъ добытыхъ поискомъ результатахъ.

XI.

Главкомандующій Беннигсенъ, получивши извѣстіе, что французская армія стала брать направленіе на Кенигсбергъ, созналъ необходимость употребить всѣ усилія на прикрытіе этого города, такъ какъ въ немъ находились запасы русской арміи. Для достиженія этой важной цѣли, надобно было нашей арміи послѣшить къ Фридланду, чтобы не допустить непріятеля овладѣть находящеюся тамъ переправою чрезъ Алле, и потому Беннигсенъ немедленно отправилъ къ Фридланду генерала Кологривова съ гвардейскою кавалеріею, а въ авангардѣ ея и лейбъ-казаковъ. Въ это время находился въ Фридландѣ поручикъ л.-гв. казачьяго полка Каменновъ, съ 25-ю казаками и 25-ю уланами и гусарами, для приѣма продовольствія полкамъ 1-й кавалерійской дивизіи. Узнавши о приближеніи французовъ, офицеръ этотъ послѣшилъ приготовить свои обозы и двинулся въ путь; но на дорогѣ извѣстился, что два эскадрона французской кавалеріи уже вступили въ Фридландъ и готовятся сжечь мостъ, чтобы воспрепятствовать нашей арміи переправиться на лѣвый берегъ Алле. Каменновъ, оцѣнивъ всю важность для нашей арміи отъ сохраненія этого

моста, рѣшился на геройское дѣло: онъ понесся съ 25-ю лейбъ-казаками снова къ Фридланду и стремительно ударилъ на французовъ; завязалась живая перестрѣлка, и горсть лейбъ-казаковъ стойко не допускала до моста вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля. Среди этой геройской борьбы, показался на правомъ берегу рѣки л.-гв. казачій полкъ и, вслѣдъ за нимъ, уланы Цесаревича. Тогда французы напрягли всѣ свои усилія пробиться къ мосту, часть ихъ успѣла въ этомъ и бросилась разбирать его, но тотчасъ же должна была спастись бѣгствомъ отъ удара прибывшей кавалеріи нашей.

XII.

Въ 1812 г., лейбъ-гвардіи казачій полкъ замыкалъ отступательный маршъ арміи Барклая-де-Толли и, гдѣ только представлялась какая-либо возможность, удерживалъ напиравшія на нашу армію французскія войска. Послѣ оставленія нами укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ, главныя силы Наполеона направились къ Витебску, по лѣвому берегу Двины, а наша армія отступала къ тому же городу по правому берегу этой рѣки. У сел. Будилова, французы, ночью, нѣсколько разъ предпринимали попытки переправиться на нашу сторону, но лейбъ-казаки зорко слѣдили за всѣми этими попытками и уничтожали ихъ съ урономъ для непріятеля. Въ полдень слѣдующаго дня, когда двигавшіяся на томъ берегу Двины колонны французскихъ армій остановились лагеремъ для отдыха, графъ Орловъ-Денисовъ замѣтилъ, что одинъ изъ непріятельскихъ пикетовъ выдвинулся слишкомъ впередъ и стоитъ значительно отдаленно отъ своихъ войскъ. Тотчасъ же въ головѣ графа Орлова-Денисова блеснула мысль о возможности схватить этотъ пикетъ, и онъ обратился къ лейбъ-казакамъ съ предложеніемъ совершить этотъ подвигъ. Охотниковъ вызвалось много; начальство надъ избранными изъ нихъ 25-ю удалцами выпало на долю поручика Венедикта Конькова, и онъ распорядился, чтобы вся команда его раздѣлась до-нагѣ, взяла съ собою однѣ пики и сѣла на разсѣдланыхъ лошадей. Въ глубокой тишинѣ и скрываясь за возвышеніями берега, эти храбрецы подошли къ рѣкѣ и пустили лошадей вплавъ; чрезъ нѣсколько минутъ они были уже на противоположномъ берегу и съ такою быстротою бросились на французскій пикетъ, что онъ не успѣлъ сдѣлать и выстрѣла. Поручикъ Коньковъ послѣднимъ отправилъ захваченный пикетъ къ графу Орлову-Денисову, а самъ выстроилъ свою команду къ атакѣ, вихремъ полетѣлъ къ французскому лагерю, произвелъ въ немъ страшную панику и началъ колотъ ошеломленныхъ французовъ. Весь лагерь вскакиваетъ на ноги

и спѣшить взяться за оружіе, а наши удалыцы, схвативъ нѣсколько непріятельскихъ лошадей, мчатся уже обратно къ Двинѣ; привычные кони ихъ не попятлись отъ кручи обрывистаго берега рѣки, сдѣлали съ него мощный прыжокъ, и наѣздники возвратились къ своему полку, не потерявъ ни одного человѣка.

Ив. Ив. Шамшевъ.

Баронъ Р. М. Таубе.

1808 — 1812 г.

Шуринъ брата моей бабки, гвардейской артиллеріи полковникъ Романъ Максимовичъ баронъ Таубе, въ началѣ царствованія императора Александра I, принадлежалъ къ числу тѣхъ героевъ, которые съ честью сражались за своего государя и отечество. Въ 1808 году Романъ Максимовичъ участвовалъ въ финляндской кампаніи и находился въ авангардѣ Кульнева, наступавшаго впереди арміи Тучкова, на берегу Ботническаго залива, изъ Гамле-Карлеби въ Бергешетъ. Въ этомъ авангардѣ было 4,600 человѣкъ, изъ коихъ: три баталіона пѣхоты, 6 орудій подъ командою штабсъ-капитана Романа Максимовича барона Таубе, два эскадрона гусаръ и двѣ сотни казаковъ. 4-го апрѣля 1808 года, авангардъ выступилъ изъ деревни Пихаюки. Кавалеріи было приказано двинуться по льду, влѣво, а пѣхотѣ съ артиллеріею—слѣдовать по береговой дорогѣ. Мѣстность, по которой шла пѣхота, была покрыта перелѣсками, такъ что артиллерія могла дѣйствовать только по дорогѣ. Въ то время, какъ наша кавалерія, двигаясь по льду, одержала верхъ надъ шведскими Ньюландскими драгунами, изрубивъ до 70-ти человѣкъ и плѣнивъ столько же, между прочимъ начальника штаба шведской арміи, графа Левенгольма, на берегу, по перелѣскамъ и холмамъ, завязалось стрѣлковое дѣло. Въ это время, Романъ Максимовичъ, выѣзжая впередъ, съ своими орудіями, на дальнія передовыя позиціи, былъ раненъ пулею въ руку.... По вынутіи пули, она была переслана семейству бароновъ Таубе и вдѣлана въ печать, съ надписью „Souvenir de Riouky, 4 Avril, 1808 г.“. Эта печать хранится донынѣ, какъ семейная драгоценность, у племянника Романа Максимовича, начальника 3-й кавалерійской дивизіи генералъ-лейтенанта Максима Антоновича барона Таубе.

Между оставшимися бумагами моей бабки, которая въ 1810 году вышла замужъ за Романа Максимовича, я нашелъ письмо знаменитаго партизана Сеславина, который, по случаю Паюкскаго дѣла, привѣтствовалъ Романа Максимовича слѣдующими стихами:

Героя юнаго я съ чиномъ поздравляю
 И степени большой достоинства желаю;
 Желаю, чтобы ты отчизнѣ былъ полезенъ,
 Чтобъ всѣмъ былъ столько милъ, колько мнѣ любезенъ,
 Чтобъ обществу былъ другъ, на бранномъ полѣ славенъ
 И чтобы не забыть тобою былъ Сеславинъ.

Патентъ на чинъ капитана, въ воздаяніе храбрости въ Паюкскомъ дѣлѣ, подписанный собственноручно императоромъ Александромъ I и скрѣпленный военнымъ министромъ Барклаемъ-де-Толли, хранится у меня и подтверждаетъ сказанное.

Въ 1812 году, 26-го августа, во время Бородинскаго сраженія, Романъ Максимовичъ находился, съ своею батареею, на редутѣ Раевского, гдѣ ему оторвало ядромъ кисть ноги. По сдѣланіи ампутации, выше колѣна, его увезли въ Москву, откуда не мало раненыхъ попали затѣмъ въ Ярославль. Не смотря на весьма крѣпкое тѣлосложеніе и крайне счастливый исходъ ампутации, перевязка раны, во время слѣдованія въ Ярославль, не могла быть сдѣлана какъ должно и была причиною появленія гангрены, отъ которой Романъ Максимовичъ скончался 22-го сентября 1812 года. На поясѣ той же печати, о которой было говорено, вырѣзано также, вѣроятно, уже въ послѣдствіи, съ одной стороны: двѣ шпаги накрестъ, съ надписью „26 Aout 1812 г.“ и возлѣ нога со шпорою; а съ другой стороны пояса вырѣзано: „22 Septembre“, потомъ „крестъ“ и „1812“.

Въ 1845 году я лежалъ, еще мальчикомъ, въ лазаретѣ 1-й С.-Петербургской гимназіи; за мною ходилъ, весь въ сѣдинѣ, фельдшеръ Михайло, котораго рассказы, изъ его военной жизни, мы, больные, слушали всегда съ дѣтскимъ увлеченіемъ. Однажды, удовлетворяя нашимъ просьбамъ, онъ началъ рассказывать про Бородинское сраженіе, упомянувъ, что находился при батарееѣ на редутѣ Раевского. Хотя въ то время бабушки моей уже не было въ живыхъ, — она умерла въ 1839 году, — но преданіе о доблести Романа Максимовича повторялось въ нашемъ семействѣ и поддерживалось присутствіемъ его двухъ братьевъ, Антона Максимовича и Максима Максимовича бароновъ Таубе, изъ которыхъ первый постоянно носилъ на шеѣ орденъ *Pour le merite*, за Фридландъ, а другой былъ извѣстный кавказскій воинъ, временъ Ермолова и Воронцова, и потому неудивительно, что мнѣ, какъ мальчику, были знакомы нѣкоторые эпизоды Бородинскаго сраженія, причинившіе столько горя моей бабушкѣ и отразившіеся въ послѣдствіи на мою мать. Услыхавъ отъ фельдшера Михайлы, что онъ былъ на редутѣ Раевского, я невольно спросилъ его, не зналъ-ли онъ полковника Романа Максимовича барона Таубе? Фельдшеръ Михайло какъ будто вдругъ ожилъ и когда я ему сказалъ причину

моего вопроса, то онъ поднялъ руки, что-то прошепталъ, вѣроятно, молитву, и со слезами на глазахъ началъ цѣловать мои руки. Изъ его объясненія оказалось, что именно онъ находился при дѣдушкѣ во время ампутации. Мои чувства въ это мгновеніе были таковы, будто я вижу возлѣ меня моего роднаго Романа Максимовича. Все это, разумѣется, было передано моей матери, которая говорила съ фельдшеромъ Михайлой и одарила его.

Прошло много лѣтъ, и вновь два случая заставили меня вспомнить героя нашего семейства. Въ первый разъ, по случаю кончины моей матушки, въ 1872 году, по которой была отслужена панихида, по ея желанію, въ Сергіевскомъ всей артиллеріи соборѣ. Тутъ, на черной доскѣ, я прочелъ вырѣзанную для вѣчной памяти фамилію убитаго подъ Бородинымъ лейбъ-гвардіи пѣшей артиллеріи полковника барона Романа Максимовича Таубе. Второй разъ въ 1875 г., пришлось мнѣ просматривать списки павшихъ воиновъ, 1812, 1813 и 1814 годовъ, составленные по Высочайшему повелѣнію, для надписей въ строящемся храмѣ Спасителя, въ Москвѣ. И тутъ вновь я нашелъ ту же фамилію, которая теперь уже не умретъ, до тѣхъ поръ, пока простоятъ храмъ Спасителя въ Москвѣ и будетъ жить слава русскаго оружія.

Сообщ. А. Ф. Риттихъ.

Сношенія Россіи съ Европейскими державами предъ отечественною войною 1812 г.

Соч. А. Н. Попова.

Въ февралѣ 1876 г. окончено изложеніе: «Сношеній Россіи съ Европейскими державами предъ отечественною войною 1812 года», составленное Александромъ Николаевичемъ Поповымъ¹⁾. Почтенный авторъ знаменательный трудъ свой извлекъ изъ подлинныхъ дипломатическихъ сношеній того времени, хранящихся въ разныхъ архивахъ. Хотя драгоцѣнные документы эти не могли быть неизвѣстными нашимъ военнымъ историографамъ, описывавшимъ эту войну и съ высочайшаго разрѣшенія допущеннымъ къ пользованію всѣми документами, но, по видимому, они едва ли и прикоснулись къ этому драгоцѣнному хранилищу, разъясняющему величайшее мировое событіе, а довольствовались со-

¹⁾ Независимо отъ сего труда, Александръ Николаевичъ въ то же самое время украсилъ «Русскій Архивъ» чрезвычайно любопытными и пространными статьями изъ той же великой эпохи, каковы: «Москва до вступленія непріятеля», «Москва во время занятія оной непріятелемъ». Съ января мѣсяца 1877 г. въ «Русской Старинѣ» начнется печатаніемъ историческое изслѣдованіе А. Н. Попова: Отечественная война 1812 г., «Отъ Малоярославца до Березины».

ставленіемъ только отдѣльныхъ первыхъ главъ, далеко не изъясняющихъ замысла гиганта, подготовлявшаго Западъ къ кровавой борьбѣ съ Россіей. Нынѣ же Александръ Николаевичъ Поповъ, безспорно своимъ огромнымъ и драгоценнымъ для русскихъ трудовъ, воздвигаетъ къ наступающему столѣтнему юбилею (1877 г. 12-го декабря) рожденія Александра I-го наилучшія памятники.

Трудъ раздѣленъ на шесть отдѣловъ или главъ: первая — «Сношенія съ Франціею въ 1811 г.», вторая — «съ нею же, въ началѣ 1812 г. до открытія войны», третья — «съ Швеціею», четвертая — «съ Турціею и Буварестскій миръ», пятая — «съ Пруссіею» и шестая — «съ Австріею». Все изложенное подтверждено ссылками на подлинныя депеши и т. п. документы. Въ первой главѣ, относящейся до сношеній съ Франціею, мы встрѣчаемъ въ письмѣ императора Александра I-го, переданномъ Наполеону полковникомъ Чернышевымъ въ маѣ 1811 г., между прочимъ слѣдующія замѣчательныя мѣста: «Повторяю, — писалъ Александръ I-й, — если начнется война, то лишь потому, что вы ее желали, и употребивъ всѣ мои усилія чтобъ предотвратить ее, я съумѣю сражаться и дорого продамъ мое существованіе».

Предъ отъѣздомъ изъ Петербурга Коленкура, замѣщеннаго Лористонемъ, Государь, разговаривая съ нимъ о взаимныхъ вооруженіяхъ, и изъяснивъ, что онъ началъ вооружаться узнавъ о вооруженіяхъ Наполеона, и исчисливъ оныя, взявъ за руки Коленкура и ввелъ его въ другой кабинетъ, гдѣ были разложены военныя карты Россіи. Онъ показалъ ему расположеніе всѣхъ войскъ, мѣста, гдѣ строились укрѣпленія, и объяснялъ при этомъ, какъ онъ увеличилъ и устроилъ войско. «У меня нѣтъ такихъ генераловъ какъ ваши, — продолжалъ Государь, — я самъ не такой генералъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ обходиться съ нами какъ съ голландцами или гамбургцами. Но увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ и самъ его не перейду; будьте увѣрены, что я не объявлю вамъ войны, я не хочу войны, мой народъ хотя и оскорбленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора, хотя возмущенъ вашими попытками и предположеніями о Польшѣ, но, также какъ и я, не хочетъ войны, потому что онъ знаетъ ея опасности. Но если на него нападутъ, то овъ съумѣетъ защищаться всѣми силами». Здѣсь можно сказать: «Вѣдайте языцы, что свершалось всегда, то свершится и оиятъ».

Лористонъ, по прибытіи въ Петербургъ, между прочимъ, пишетъ своему правительству: «Я могу видѣть то, что дѣйствительно вижу; положеніе дѣлъ таково, какъ я его описалъ, и если не хотять удовольствоваться единственно возможными уступками, то будетъ война и будетъ потому, что вы сами ее хотите. Но эта война будетъ ужасная, судя по всему тому, что я вижу здѣсь и что замѣчалъ на моемъ пути».

Изъ дальнѣйшаго изложенія событій видимъ, что «графъ Лористонъ постоянно упрашивалъ императора Александра, для пользы человѣчества, для сохранения мира, сдѣлать первый шагъ къ примиренію» и проч. Императоръ Александръ отвѣчалъ постояннымъ отказомъ. «Не подавъ повода къ неудовольствіямъ и считая требованія Наполеона простыми придирками для того, чтобы выиграть время и приготовиться къ рѣшительной войнѣ, онъ считалъ униженіемъ для себя и для Россіи явиться какъ бы просителемъ мира».

Далѣе находимъ, что Наполеонъ въ разговорѣ съ княземъ Куракинымъ 13-го (25-го) апрѣля о движеніяхъ его войскъ къ границамъ Россіи, между про-

чимъ, сказать: «Если вы перейдете Нѣманъ, если вы займете Кенигсбергъ, гдѣ встрѣтите 20,000 пруссаковъ подъ начальствомъ Граверта»¹⁾ и проч.

«Въ инструкціи, данной Нессельроде, предназначенному ѣхать въ Парижъ, онъ долженъ былъ высказать, что императоръ Александръ постоянно заявлялъ, что онъ жаждетъ поддержать миръ Европы, но не цѣною униженія Россіи и самого себя», что «онъ не будетъ зачинщикомъ войны, но готовъ къ отпору до послѣдней крайности»... «Когда французы съ ихъ союзниками захватили все теченіе Вислы отъ Балтійскаго моря до Галиціи, я хотѣлъ въ послѣдній разъ сказать своему противнику, что: ни русскій Императоръ не можетъ сдѣлаться его подручникомъ, ни Россія изъ самостоятельной державы превратится въ подвластную ему страну».

Вообще, какъ въ сношеніяхъ съ Франціею, такъ и съ другими государствами, императоръ Александръ высказывалъ одинаково свой стойкій характеръ, отрицающій и самую тѣнь оскорбленія, которое могло бы пасть какъ на него, такъ и на народъ.

Въ одной изъ главъ труда г. Попова изложены: «сношенія съ Швеціею». Здѣсь встрѣчаемъ чрезвычайно любопытныя данныя, до сихъ поръ бывшія неизвѣстными,—такъ: Бернадотъ, наслѣдннй принцъ шведскій, рассуждая съ посланнымъ къ нему Чернышевымъ (съ которымъ сблизился еще въ Парижѣ) о приближающемся столкновеніи Россіи съ Франціею, между прочимъ, сказалъ:

«Лучше постепенно отступайте, но не рѣшайтесь на сраженіе, и если французы подойдутъ даже къ воротамъ Петербурга, тогда я съ большою увѣренностію скажу, что они пропали, нежели даже когда ваши войска достигли бы береговъ Рейна»²⁾... Перехода къ составу арміи, принцъ присовокупилъ: «я особенно совѣтую вамъ дѣйствовать казаками, довести ихъ число до 12,000, если это возможно»³⁾. Это войско составляетъ большое преимущество вашей арміи предъ французскою, у которой нѣтъ ничего подобнаго. Пусть главной цѣлью казаковъ будетъ проникнуть въ непріятельскую главную квартиру и даже захватить самого Наполеона. Вообще, пусть они стараются разрушать все въ тылу непріятельской арміи. Французскій солдатъ дерется хорошо, но если онъ узнаетъ, что отъ него отнимаютъ солому и лѣкарство, онъ падаетъ духомъ; не берите плѣнныхъ, кромѣ офицеровъ»⁴⁾ и заключилъ: «но вы должны дѣйстви-

¹⁾ Гравертъ этотъ извѣстенъ письмомъ своимъ къ маршалу Бертъе, наполненнымъ самыми унижительными выраженіями, оскорбительными для храброй прусской арміи. Въ письмѣ этомъ онъ испрашиваетъ дозволеніе скорѣй придвинуться къ границамъ Россіи и проч. Въ другомъ мѣствѣ я приведу его вполнѣ.

²⁾ Здѣсь почтенный авторъ замѣтилъ: «Такимъ образомъ, планъ дѣйствій, который совѣтовалъ принцъ Бернадотъ, совпадалъ въ общихъ чертахъ съ тѣмъ, на которомъ останавливалось и наше правительство: не вступать въ рѣшительныя сраженія, заманивать непріятели въ глубь страны, истощать его силы переходами, и дѣйствовать отдѣльными отрядами, и между тѣмъ дѣйствовать въ его фланги и тылъ, стараясь отрѣзать его сообщенія».

³⁾ Конечно, принцъ тогда не былъ еще достаточно ознакомленъ съ странною казаковъ, которые въ 1812 г. выставили втрое болѣе имъ опредѣленнаго числа.

⁴⁾ Что принцъ этимъ выраженіемъ хотѣлъ сказать? Неужели онъ обрекалъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ истребленію? Тутъ, вѣроятно, чего нибудь недосказано, ибо, находясь въ 1813 г. въ его арміи, оберъ-квартирмейстеромъ корпуса барона Винценгероде, я убѣдился, что принцъ далеко не былъ похожъ на того, какимъ бы его можно принять по приведеннымъ словамъ.

вать политикою еще болѣе нежели войсками, и когда войска сдѣлаютъ одинъ шагъ, политика должна сдѣлать три».

Въ разговорѣ съ барономъ Николаи, въ началѣ 1812 г., дѣлая отзывъ о Государѣ, принцъ прибавилъ: «но необходима настойчивость. Эта война только тогда можетъ быть успѣшна, когда долго продлится, по крайней мѣрѣ два года».

Въ разговорѣ съ графомъ Сухтеленемъ, въ мартѣ 1812 г., о предстоящей войнѣ, Бернадотъ считалъ болѣе важнымъ условіемъ имѣть какъ можно болѣе казаковъ и «притомъ повсюду, но не сосредоточивать ихъ при главной арміи, гдѣ они были бы менѣе полезны, нежели при отдѣльныхъ отрядахъ, а давать имъ дѣйствовать въ разныхъ направленіяхъ въ тылу у непріятеля, отымая у него все, что возможно: транспорты, продовольствіе».

Продолжая разсуждать о взаимномъ дѣйствіи шведовъ съ русскими въ 1812 г. десантомъ подъ начальствомъ его, Бернадота, принцъ находилъ, что къ назначеннымъ для сего войскамъ необходимо отдѣлнить одинъ полкъ казаковъ, которыхъ онъ во время войны такъ высоко цѣнилъ; но узнавъ, что казачій полкъ состоитъ не болѣе какъ изъ 500 человекъ, онъ поручилъ Сухтелену просить назначить еще одинъ полкъ.

Въ 1812 г. десантъ не состоялся, и въ 1813 г. въ сѣверной арміи подъ его начальствомъ находилось уже болѣе десяти казачьихъ полковъ; такииъ образомъ, предъ симъ онъ цѣнилъ казаковъ только какъ непріятелей, теперь же онъ могъ ихъ употреблять, какъ ихъ начальникъ, противъ тѣхъ войскъ, надъ которыми онъ былъ однимъ изъ главныхъ предводителей, а потому лучшаго судьи надъ этимъ безплоднымъ войскомъ имѣть нельзя ¹⁾. Вотъ что гоноритъ онъ о казакахъ въ 20-мъ бюллетенѣ 4-го октября 1813 г. изъ главной квартиры въ Дессау (по случаю блистательнаго дѣла ихъ, подъ начальствомъ полковника барона Левенштерна, дравагося въ улицахъ Бернбурга съ 2,000 пѣхоты):

«Ces hommes intrepides sont non seulement les yeux de l'armée, mais encore ils combattent en ligne, dispersent des escadrons, attaquent des carrés, passent les fleuves à la nage, et se trouvent sur les derrières de l'armée ennemie, où ils portent l'épouvante et le desordre, etc» ²⁾.

Графъ Сухтеленъ пишетъ къ Государю 29-го марта (10-го апрѣля) 1812 г., что, предъ отъѣздомъ его изъ Стокгольма, Бернадотъ, между прочимъ, сказалъ: «болѣе всего заботы о безопасности и сохраненіи особы Императора». Слова эти относились къ тому извѣстію, которое онъ получилъ изъ Парижа и сообщилъ нашему уполномоченному, что императоръ Наполеонъ намѣренъ чрезъ масоновъ покуситься на его жизнь и наследный принцъ предохранялъ отъ подобнаго же покушенія и нашего Императора и т. д.

Четвертая глава книги А. Н. Попова заключаетъ въ себѣ «сношенія съ Турціею и Букарестскій миръ». Глава эта также не лишена интереса—изложениемъ происковъ Наполеона и обычныхъ увертокъ турецко-фанариотской политики

Глава V—«сношенія съ Пруссіею», отличается отъ всѣхъ другихъ своимъ особеннымъ отпечаткомъ двуличности, униженій, увертокъ, скрытностию

¹⁾ Наполеонъ на островѣ св. Елены хотя одинаково оцѣнивалъ казаковъ, но онъ ими не предводительствовалъ, а потому и не можетъ сравниться съ Бернадотомъ.

²⁾ Эти неустрашимые люди служатъ не только что глазами арміи, но еще сражаются въ линіи, разсѣиваютъ эскадроны, атакуютъ каре, переплываютъ рѣки, являются въ тылу непріятельской арміи и вносятъ ужасъ и смутеніе.

и т. п. двигателями. Чтобы получить ясное понятіе о дѣятельности кабинета иностранныхъ дѣлъ Пруссіи, надо прочесть все изложенное въ этой весьма интересной главѣ. Здѣсь же приведу нѣсколько отрывковъ: «Еще въ маѣ 1811 года воспользовавшись нѣсколькими благосклонными словами, сказанными герцогомъ Бассано прусскому посланнику, король предписалъ генералу Круземарку предложить императору Наполеону заключить оборонительный и наступательный союзъ, въ силу котораго во всѣхъ войнахъ, какія бы ни предприняла Франція въ Германіи или на границахъ Пруссіи, и которыя не будутъ чужды выгодъ этого государства, она предоставитъ въ распоряженіе императора Наполеона вспомогательный корпусъ войскъ, сообразный съ своими средствами» и проч. Далѣе, въ предписаніи прусскаго короля говорится: «Но принимаемая мною обязательства тогда только сдѣлаются прочными, когда будутъ основаны на полномъ и взаимномъ довѣрїи, на которое считаю себя въ правѣ рассчитывать, доказывая мою постоянную преданность (!!) его императорскому величеству тѣмъ, что до сихъ поръ неуклонно слѣдовалъ его политической системѣ, и еще болѣе тѣмъ, что предлагаю ему союзъ». Засимъ, слѣдуютъ четыре пункта, съ такимъ же униженіемъ начертанные.

Въ приведенномъ письмѣ прусскаго короля къ своему посланнику при французскомъ дворѣ заключается уже полное содержаніе предлагаемаго Наполеону договора о союзѣ. «Такимъ образомъ, въ то самое время какъ король медлил отвѣтомъ русскому императору, своему другу ¹⁾, на предложеніе союза, не отклоняя его, однакоже, онъ воплѣ обдумалъ и предложилъ союзъ его прогнвнику — императору французовъ». — Далѣе. «Король, опасаясь принять русскаго посланника (!), постоянно сносился съ нимъ чрезъ третьихъ лицъ, къ которымъ имѣлъ особую довѣренность. Связавъ себѣ руки предложеніемъ, сдѣланнымъ имъ Франціи, онъ скрывалъ его отъ графа Ливена, и хотя выражалъ желаніе въ то же время заключить союзъ съ Россіей, но отклонялъ исполненіе этого намѣренія и придумывалъ различныя къ тому затрудненія!»

Интересенъ разговоръ короля съ Чернышевымъ, — далѣе же: «...Когда въ Берлинѣ разнесся уже слухъ о союзѣ короля съ Наполеономъ: «Если баронъ Гарденбергъ, по невѣднїю, не сообщилъ нашему посланнику о попыткахъ Пруссіи вступить въ союзъ съ Франціею, то король имѣлъ слабость уже умысленно скрывать о семъ передъ нашимъ правительствомъ».

Баронъ Штейнъ, узнавъ о союзѣ Пруссіи съ Наполеономъ, писалъ изъ Праги въ Лондонъ отъ 7-го (19-го) апрѣля 1812 года къ графу Мюнстеру: «Пруссія во второй разъ обманула ожиданія всѣхъ честныхъ и благомыслищихъ людей; она безусловно предалась во власть злѣйшему врагу, собственными руками приготовила себѣ могилу» ²⁾.

¹⁾ Въ разговорѣ нашего посла, князя Куракина, съ герцогомъ Бассано, этотъ послѣдній, между прочимъ, сказала: «Прусскому королю не слѣдовало-бы забывать, что только дружбѣ къ нему императора Александра онъ обязанъ, что по Тизильтскому договору возвращены ему и тѣ изъ его владѣній, которыя теперь находятся въ его власти». Наполеонъ, по собственному его сознанию, хотѣлъ своевременно уничтожить Пруссію, «питая къ ней полное презрѣніе».

²⁾ Расчетъ барона Штейна былъ-бы вѣренъ, если бы Пруссія не встрѣтила въ императорѣ Александрѣ врага, не мстящаго за поруганіе храмовъ и т. п. неистовства, которымъ предавались нѣмцы (исключая саксонцевъ) въ нашествїи

Императоръ Александръ посланному прусскимъ королемъ генералу Кнезебеку, чтобы склонять на уступку Наполеону, для отклоненія войны, представляя его силу и проч.—отвѣчалъ: «Все это справедливо, я не скрываю отъ себя своего положенія. Вы забыли еще прибавить, что я лично не могу равняться съ такимъ военнымъ гениемъ, какъ Наполеонъ, что у меня нѣтъ такого полководца, котораго я могъ бы противопоставить ему. Я сообразилъ всѣ эти обстоятельства и они всѣмъ извѣстны и могутъ убѣдить Европу, что я не желаю войны и никогда не буду зачинщикомъ, но на случай нападенія я все приготовилъ, чтобы защищаться долго и упорно. Я не хочу показать слабость характера передъ моимъ народомъ, а это именно была бы слабость, еслибъ я теперь отправилъ уполномоченныхъ въ Парижъ искать мира». На прощальномъ свиданіи съ Кнезебекомъ (14-го марта) императоръ повторилъ ему все, что говорилъ прежде, прибавивъ: «Самымъ лучшимъ доказательствомъ моихъ миролюбивыхъ желаній можетъ служить то обстоятельство, что я не началъ войны весною прошлаго года. Тогда я былъ готовъ къ войнѣ на столько же, на сколько и теперь. Подвинувшись къ Эльбѣ, я вынудилъ бы Пруссію соединиться со мной и не встрѣтилъ бы достаточныхъ силъ, которыя бы могли остановить движеніе моихъ войскъ... и вы можете сказать вапему государю, что я буду ожидать пушечнаго выстрѣла на моихъ границахъ».

Если взглянуть прусскаго дипломата Кнезебека на политическое положеніе дѣлъ и отличается особенною близорукостію, то его мнѣніе о характерѣ предстоящей войны было совершенно вѣрно и согласно съ предвѣщаніями какъ французскихъ посланниковъ при нашемъ дворѣ, такъ и всѣхъ иностранцевъ, видѣвшихъ Россію въ то время. «Если начнется война,—доносилъ Кнезебекъ прусскому королю,—то она будетъ ужасна. Русскіе будутъ драться съ ожесточеніемъ. Русскій вообще храбръ, государство встрѣтитъ врага въ своихъ границахъ, и народъ, возбужденный священниками, что непременно случится, придастъ этой войнѣ значеніе народной и религіозной и сдѣлаетъ ее продолжительнѣе, нежели она могла бы быть, если бы императоръ рѣшился вестцъ ее внѣ границъ».

Кнезебекъ выѣхалъ изъ Петербурга въ тотъ же день, 24-го февраля (7-го марта), и въ то же самое число прусское министерство подписало союзный договоръ съ Наполеономъ.

При этомъ Прусскій король продолжалъ скрывать отъ нашего посланника значеніе своего союза съ Наполеономъ въ отношеніи Россіи, даже въ то время, когда оно сдѣлалось извѣстнымъ всей Европѣ и когда онъ самъ поручилъ Врангелю объявить графу Ливену, что «уже нѣтъ никакой надежды на поддержаніе мира, потому что Наполеонъ окончательно рѣшился воевать съ Россіею». «Выслушавъ Врангеля, графъ Ливень просилъ его передать его признательность королю за эти заявленія, но въ то же время сказать, что онъ считалъ себя достойнымъ болышей довѣренности и откровенности съ его стороны, потому что не только ему, но и всему дипломатическому корпусу извѣстно, что договоромъ, заключеннымъ Пруссіею съ Наполеономъ, опредѣлено число прусскихъ войскъ, которыя будутъ воевать вмѣстѣ съ его войсками противу Россіи»¹⁾.

своеимъ. Пруссія, третій разъ спасенная Россіею, послѣ нашествія на сію послѣднюю не только сохранила что имѣла до того, но еще и увеличилась.

¹⁾ Наполеонъ называлъ уже и имя этого командира корпуса—Граверта, но онъ скоро замѣненъ былъ Горкомъ. Извѣстно, что когда дѣла Наполеона приняты

Здѣсь повторяю, что, для полученія полнаго понятія о прусской дипломатикѣ въ ту эпоху, необходимо прочесть всю главу прекраснаго труда А. Н. Попова.

Наконецъ, глава VI изслѣдованія г. Попова излагаетъ «сношенія Россіи съ Австріею». Политическій принципъ этой державы, въ этнографическомъ отношеніи уподобляющейся мозаикѣ-попури, въ эту эпоху былъ тотъ же, что и всегда: обманъ, проволочка и т. п. двигатели. Предлогомъ къ уклоненію отъ заключенія союза съ Россіею, главнымъ образомъ, служило то, что Россія еще не заключила мира съ Турціею, которая тогда будетъ увлечена Наполеономъ, и съ юга нападетъ на ея области. Впрочемъ, Австріи едва-ли можно было иначе и поступить послѣ того, какъ Габсбургскій домъ породнился съ Корсикванскою фамиліею Бонапарте, съ дѣлію спасти по крайней мѣрѣ свой Шенбрюнъ. Такъ поступали и греческіе императоры, которые спасали имперію, часто заключавшуюся только въ стѣнахъ Византіи, отдавая своихъ дочерей и другихъ родственницъ въ супружество за царей болгарскихъ и принимая къ себѣ ихъ царевнѣ, въ то даже время, когда болгары не были еще христіанами и т. п.

Въ заключеніе бѣлаго указанія на высокзамѣчательный трудъ Александра Николаевича Попова, изложившаго съ такою ясностію дипломатическія сношенія, предшествовавшія мировому событію, когда гигантъ своего времени со всѣми силами материка Европы бросился на Россію и, подобно кораблю, брошенному бурей на скалу, разбился о твердость характера Александра I-го и мужество его народа, нельзя не замѣтить, что въ достославную для насъ эпоху отечественной войны, независимо отъ собственныхъ побужденій народа русскаго не терпѣтъ иноземнаго господства, вражда и духъ ненависти къ вторгнувшемуся непріятелю усилились до крайнихъ предѣловъ, когда непріятельская армія приблизилась уже къ Нѣману, и содѣлалось извѣстнымъ заявленіе императора Александра посланному Наполеономъ графу Нарбону: «не заключаю мира, если непріятель переступитъ предѣлы наши», указавъ на карту глубь Россіи. Потомъ чрезъ нѣсколько дней послѣдовавшій актъ о вторженіи враговъ говоритъ: «Царь Русскій не заключитъ мира съ врагомъ, пока онъ въ предѣлахъ русскихъ» и проч.; далѣе Государь заявляетъ, «что скорѣе удалится къ берегамъ Волги, отпуститъ себѣ бороду и будетъ питаться чернымъ хлѣбомъ, чѣмъ подишетъ стыдъ своихъ подданныхъ».

Эта твердая рѣшимость русскаго царя не оставляла его во время всей кампаніи. Во всенародномъ высочайшемъ объявленіи о занятіи врагами Москвы, между прочимъ, сказано: «Да не унижаетъ народъ русскій, напротивъ, да поклонится всякъ и каждый—воскипѣтъ новымъ духомъ мужества, твердости и неотмѣнной надежды, что всякое нанесенное намъ врагами зло и вредъ обратится напоследокъ на главу ихъ»... «Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ ужасомъ» и т. д. Государь заявляетъ неудовольствіе Кутузову, что онъ принималъ въ Тарутинѣ графа Лористона, посланнаго Наполеономъ для переговоровъ, ибо самъ императоръ оставлялъ всѣ письма фран-

неблагопріятный для него оборотъ и онъ бѣжалъ изъ Россіи, то Юрикъ, находившійся въ арміи Мадональда, около Риги, передался намъ: былъ нами одѣтъ, накормленъ, удовлетворенъ жалованьемъ и проч. не взирая на то, что пруссаки находились у самыхъ границъ своихъ и проч.

И. Л.

цузскаго императора безъ отвѣта. По случаю же опасеній, которыя замѣнены были въ средѣ нѣкоторыхъ сословій жителей Петербурга, въ высочайшемъ объявленіи для успокоенія говорится: «положено единожды и твердо (въ чемъ несомнѣнно каждый россиянинъ согласенъ), что какой бы ни былъ уснѣхъ непріятельскаго оружія, но прежде испить всю чашу бѣдствій, нежели поносимъ миромъ предать Россію порабощенію».

Эта рѣшимость императора Александра проявилась не внезапно, не тогда только, когда Наполеонъ началъ уже набрасывать мосты чрезъ Нѣманъ, но, какъ теперь въ первый разъ узнаемъ изъ труда А. Н. Попова, рѣшимость эта была принята за два года уже предъ тѣмъ и въ послѣдствіи она только постоянно усиливала твердость характера и любовь къ своему народу. Изгнавъ же, послѣ гигантской борьбы, врага изъ своего отечества, русскій императоръ вслѣдъ за тѣмъ, съ христіанскимъ смиреніемъ ¹⁾, не мстилъ, а снялъ постыдныя цѣпи со всего материка Европы, участвовавшаго въ нашествіи, грабежахъ, насиліяхъ, пожарахъ и раззореніи первопрестольной столицы нашей.

Затѣмъ, нельзя не замѣтить еще, что приводимыя данныя, основанныя на подлинныхъ документахъ, раскрываютъ предъ нами дипломатическую дѣятельность Чернышева и его участіе въ описываемыхъ событіяхъ. Сообщение этихъ подробностей тѣмъ болѣе важно, что дѣятельность Чернышева является въ первый разъ въ настоящемъ свѣтѣ, такъ какъ до сихъ поръ его участіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ предъ войной 1802 г. не было извѣстно даже и близкимъ его; всѣ знали, что онъ не разъ былъ посылаемъ въ Парижъ, Стокгольмъ, Берлинъ и проч., но никто не подозрѣвалъ того значенія его поѣздокъ, которое въ дѣйствительности онѣ имѣли.

Въ заключеніе должно сказать, что великій предметъ нашей народной славы, такъ неутомимо и достойно обработанный, какъ онъ явился изъ-подъ пера почтеннаго автора, дополняетъ исторію величія русскаго народа въ году тяжкаго испытанія и послужитъ назиданіемъ въ будущемъ.

И. Д.

Письма ген.-адъют. Паскевича къ вел. кн. Михаилу Павловичу.

I.

Іюль 1827 г.

Позвольте мнѣ имѣть счастье поздравить васъ съ побѣдою и съ овладѣніемъ крѣпости Аббас-абадъ ²⁾. Наконецъ разлился нѣкоторый блескъ на нынѣшнюю кампанію нашу. Признаюсъ вашему императорскому высочеству, что я былъ въ отчаяніи: ходитъ въ эти несносные жары, 47° по Р., въ краѣ опустошенномъ, не встрѣчая ни жителей

¹⁾ Извѣстно, что императоръ Александръ, часто сопровождаемый братомъ своимъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, посѣщалъ заваленныя непріятелемъ виленскіе госпитали, гдѣ царялъ тифъ и подобныя заразительныя болѣзни, и повелѣвалъ страдальцамъ этимъ оказывать помощь одинаговую съ своими подданными. Сами французы въ сочиненіяхъ своихъ распространяются объ этомъ великодушнѣ.

И. Д.

²⁾ Взята 7-го іюля 1827 года.

на мѣстѣ, ни непріятеля въ полѣ, — это придавало войнѣ такой пасмурный видъ въ противоположность персидскому небу, вѣчно ясному, что я уже опасался какъ бы войско совершенно не приуныло. Но вдругъ два успѣха, одинъ слѣдствіемъ другаго, подняли духъ солдата, готовога хотъ завтра лѣзть на штурмъ и гнать непріятеля до самаго сердца Персіи. Исчезли скука и усталость. Побѣдители мои веселы и счастливы. Одна невыгода и неизбѣжность въ здѣшнемъ климатѣ: больные въ страшномъ количествѣ умножаются съ каждымъ днемъ.

Всѣхъ болѣе достоинъ удивленія гвардейскій баталіонъ: порядокомъ и ревностъ неимовѣрныя. Я счастливъ, что могу его ставить образцомъ для прочихъ войскъ здѣшняго корпуса. Всегда первый въ походѣ, на работѣ, въ сраженіи, и менѣе другихъ изнуренъ усталостью. Въ траншеи подѣ сильнѣйшимъ огнемъ порываются одинъ передъ другимъ, каждый къ своему дѣлу. И подѣ звоиннымъ поясомъ почти незамѣтно, что они пришельцы изъ климата полярнаго. Тогда какъ отъ прочихъ обозовъ я стѣма сходилъ, гвардейцы черезъ горы переходили скоро и безъ замѣшательства и становились лагеремъ, какъ будто готовые къ маневрамъ въ Красномъ Селѣ. Я душевно радъ, что обо всемъ этомъ могу свидѣтельствовать по самой истинѣ вашему императорскому высочеству, прося покорнѣйше представить сіе на милостивое воззрѣніе Государя Императора.

Надѣюсь, что побѣда при Джевад-булакѣ произвела сильное впечатлѣніе на непріятеля. Послѣдствія будутъ, какія Богъ дастъ. Ничего не смѣю угадывать: говорятъ, что все передъ нами хотятъ предать огню и опустошенію и изъ самаго Тавриза выселяютъ жителей. Положеніе наше въ такомъ случаѣ незавидно.

II.

Эривань. — 3-го октября 1827 г.

Примите мое усерднѣйшее поздравленіе со взятіемъ Эривани¹⁾, которое имѣю счастье послать вашему высочеству еще съ теплыхъ развалинъ города, полуразрушеннаго нашими бомбами; но утрата домовъ не важна: при отеческомъ правленіи Государя Императора, жители скоро разбогатѣютъ и обстроятся. Самое приобрѣтеніе Эривани, по знаменитости ея, по сосредоточенію въ ней торговли персидской и турецкой, по мѣстоположенію на границѣ трехъ государствъ — доставляетъ намъ выгоды неизъяснимыя. Вчера противъ самой бреши совершенно молебствіе, потомъ былъ парадъ, на которомъ артиллерія, по важнымъ ея услугамъ при покореніи крѣпости, обращала на себя

¹⁾ Взята 1-го октября 1827 года.

всеобщее вниманіе. Стѣны городскія были унижены любопытными. Почетное мѣсто въ ихъ мнѣніи, конечно, занимали тѣ огромныя орудія, передъ которыми непріятельскія твердыни такъ быстро сокрушаются и которыя теперь медленно, съ ихъ длинноупряжью, мимо меня церемоніально проходили. Зрѣлище довольно необыкновенное! Вашему императорскому высочеству, какъ генералъ-фельдцейхмейстеру, пріятно услышать о подвигахъ артиллерійскихъ офицеровъ, которые покрыли себя славою въ нынѣшней кампаніи уже при трехъ осадахъ.

Всеподданнѣйшее письмо ген.-адъют. Паскевича.

Эривань. — 3-го октября 1827 г.

Сейчасъ, при отправленіи моего донесенія, получено здѣсь радостное извѣстіе о рожденіи новой надежды вѣрноподаннымъ россійскимъ въ лицѣ Богомъ дарованнаго Вашему Императорскому Величеству царственнаго сына, Великаго Князя Константина Николаевича. Счастлирое сіе событіе застало всѣхъ насъ еще въ шумѣ побѣды и лица храбрыхъ воиновъ разгорѣлись двойнымъ веселіемъ. Приношу по сему случаю всеподданнѣйшее мое поздравленіе. Какъ отецъ, умѣю чувствовать нынѣшнюю радость В. И. В., какъ усерднѣйшій слуга В. В., горжусь мыслью, что возрастетъ державный отрокъ, сынъ моего Государа, которому нѣкогда между важными событіями, современными его рожденію, расскажутъ также и о покореніи Эривани.

Сообщ. Ад. П. Верже.

Замѣтка по поводу Восточнаго вопроса.

Рѣшеніе Восточнаго вопроса, въ такомъ смыслѣ какъ онъ поставленъ самою силою обстоятельствъ въ настоящее время, было условлено почти за семьдесятъ лѣтъ предъ симъ, именно:

На основаніи 8-й статьи союзнаго трактата между Россіею и Франціей, заключеннаго въ одинъ и тотъ же день съ Тильзитскимъ мирнымъ трактатомъ, 7-го іюля н. ст. 1807 года, постановлено:

„Въ случаѣ, ежели Порты, вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ Константинополѣ ¹⁾, не приметъ посредничества Франціи, либо, принявъ его, не приведетъ переговоровъ къ удовлетворительнымъ послѣдствіямъ, Франція будетъ дѣйствовать сообща съ Россіею противъ Оттоманской Порты, и обѣ союзныя державы примутъ мѣры для освобожденія всѣхъ областей Европейской Турціи, за исключеніемъ Румиліи съ Константинополемъ, отъ ига и притѣсненій турокъ“.

Сообщ. М. И. В.—чь.

¹⁾ Низверженіе султана Селіма.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ.

I.

Въ статью А. С. Сгибнева «Бунтъ Бенъевскаго въ Камчаткѣ», «Русская Старина» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 526—547, 757—769, ввѣрались слѣдующія опечатки:

Начальникомъ Охотскаго края, во время бунта, былъ полковникъ Шленисеръ, а не Шленсенеръ.

На стр. 527 напечатано: «До восшествія на престолъ Екатерины II было доставлено въ Камчатку еще трое колодниковъ».

Слѣдуетъ читать: «Съ восшествіемъ на престолъ» и т. д.

На страницѣ 531, въ 12 строкѣ сверху, долженъ быть напечатанъ 1772 г. вмѣсто 1773 г.

II.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ X, стр. 679 и 681, ген.-лейт. Михаилъ Леонтьевичъ Булатовъ названъ генераль-губернаторомъ Сибири, преемникомъ Капцевича. Это ошибка, какъ сообщилъ намъ изъ Омска П. А. Золотовъ: М. Л. Булатовъ былъ не болѣе какъ губернаторомъ бывшей Омской (нынѣ Акмолинская и Семипалатинская) области, съ соединеніемъ при этомъ званія командира мѣстной дивизіи войскъ. Биографъ М. Л. Булатова, быть можетъ, введенъ былъ въ ошибку тѣмъ фактомъ, что П. М. Капцевичъ, отъѣзжая въ 1824 г. въ С.-Петербургъ, дѣйствительно поручалъ Булатову, какъ старшему по себѣ генералу, произвести въ томъ году инспекторскій смотръ войскамъ отдѣльнаго сибирскаго корпуса. Самое время кончины М. Л. Булатова указано его биографомъ ошибочно: Михаилъ Леонтьевичъ скончался не 2-го мая 1825 г., какъ связано въ биографіи, а, по свидѣтельству П. А. Золотова: «почти двумя мѣсяцами ранѣе, въ чемъ удостовѣряетъ приказъ по отдѣльному сибирскому корпусу, отданный возвратившимся къ своему посту изъ Петербурга генераломъ Капцевичемъ, 9-го марта 1825 г., за № 5-мъ».

ОПЕЧАТКИ.

Въ томѣ XVII-мъ «Русской Старины» изд. 1876 г.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
Стр. 437,	1767—1722	1767—1822.
> — строка	2-я сверху: Бектѣвъ	Бектѣвъ.
> — >	4-я снизу: Ярославъ	Ярослава.
> 453 >	17-я сверху: Ѳ. Ю. Ростовчинъ	В. Ѳ. Ростовчинъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ 1876 Г.

Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ; жизнеописанія достопамятныхъ людей земли Русской: людей государственныхъ, ученыхъ, духовныхъ, военныхъ, писателей и артистовъ; очерки изъ исторіи отечественной литературы и искусствъ; наконецъ, историческіе, историко-литературные и біографическіе матеріалы — въ 1876 году, подобно предыдущимъ шести годамъ (1870—1875), составляли содержание «Русской Старины». Представляемъ обзоръ главнѣйшихъ статей, напечатанныхъ въ этомъ изданіи въ 1876 году.

I.

Въ 1862 году исполнилось столѣтіе воцаренія Екатерины II, и въ пятнадцать лѣтъ, протекшихъ съ этой столѣтней годовщины, въ отечественную историческую литературу нахлынула широкая волна свѣдѣній о царствованіи этой государыни.

«Русская Старина», съ своей стороны, съ самаго начала ея изданія (т. е. съ 1870 г.), успѣла представить много изслѣдованій, мемуаровъ, историческихъ и біографическихъ очерковъ и документовъ, относящихся къ знаменательной эпохѣ въ русской исторіи, къ 1762 — 1796 гг.; но ни одинъ годъ этого изданія не былъ ими такъ богатъ, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, какъ 1876-й. «Вѣкъ Екатерины» въ изданіи «Русской Старины» 1876 года занялъ видное мѣсто. Самыми обширными статьями, напечатанными въ полномъ составѣ, безъ переноса продолженія на будущій годъ, были:

Записки Михаила Гарновскаго. Облеченный довѣріемъ Потемкина, вѣдая всѣми дѣлами свѣтлѣйшаго, авторъ записокъ былъ оставленъ имъ въ столицѣ въ качествѣ зоркаго соглядатая всего происходившаго въ высшихъ сферахъ Петербурга. Этотъ повѣренный Потемкина огнесся къ своей должности съ крайней добросовѣстностью—непріятной для современниковъ, но драгоценной для потомковъ: Гарновскій писалъ съ откровенностью и съ замѣчательною смѣлостью, объясняемою только могуществомъ его патрона, кн. Потемкина. Не обинуясь рассказывая о дворскихъ интригахъ, Гарновскій вводитъ читателя въ парадные апартаменты и во внутренніе покои дворца императрицы, и, подъ его перомъ, Екатерина является то мощною монархиней, проявляющею силу духа необыкновеннаго, то женщиною не чуждою слабостей присущихъ ея вѣку. Эта смѣсь величія и мелочности, могущества и малодушія—отражается на самомъ составѣ двора: въ запискахъ Гарновскаго, на однихъ и тѣхъ же страницахъ, мелькаютъ имена государственныхъ мужей: Безбородко, Румянцева, Вяземскаго и друг. въ перемежку съ Мамоновымъ, Зубовыми и прочими ничтожностями, баловнями слѣпаго случая. Указывая читателю на тѣ высокія подмостки, на которыя взбираются нѣкоторые царедворцы, авторъ Записокъ заставляетъ иногда сомнѣваться въ истинномъ величіи и нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей вѣка Екатерины, признанныхъ чуть ни великими, потому только, что потомки смотрѣли на нихъ, такъ сказать, съ официальной лишь точки зрѣнія. Явленіе крупное въ исторической литературѣ Екатерининскаго вѣка, «Записки Гарновскаго» даютъ всестороннее понятіе о дворѣ и высшихъ правительственныхъ сферахъ, точно такъ-же, какъ «Записки Болотова» о бытѣ помещиковъ и «Записки Добрынина» — о духовенствѣ и чиновничествѣ XVIII столѣтія.

Переписка Екатерины II съ княземъ Потемкинымъ, составляя рѣзкую противоположность Записокъ Гарновскаго—можетъ быть названа автобіографіею этой монархини. Слогъ ея писемъ — вѣрное отраженіе не только думъ, предназначтаній и политическихъ воззрѣній Екатерины, но съ тѣмъ вмѣстѣ и расположенія духа, въ которомъ императрица писала къ своему сподвижнику—Потемкину. Мѣстами, въ шутовомъ слогѣ, какъ бы просвѣчиваетъ привѣтливая, радушная улыбка; царица заим-

ствуется ласковыя выраженія изъ народнаго языка, пересыпая ихъ своеобразными французскими фразами; въ похвалахъ князю Таврическому слышатся похвалы доброй наставницы любимому «питомцу» — какъ Екатерина называетъ Потемкина; но заходитъ рѣчь о зложелательствѣ и проискахъ европейскихъ кабинетовъ — и недавнее ворьванье смѣняется грознымъ воплемъ орлицы, готовой вступить въ бой со стаею хищныхъ птицъ (Пруссія, Швеція, Англія, Турція), покушающихся на ея родное орлиное гнѣздо. Въ упомянутой перепискѣ, повторяемъ, предъ умственнымъ взоромъ читателя ярко возникаетъ живой образъ Екатерины.

Бесѣды Екатерины II съ Далемъ (1772—1777) немногими, но яркими чертами дополняютъ характеристику Екатерины, въ первыя пятнадцать лѣтъ ея царствованія. Прилежно изучала она всѣ отрасли государственнаго управленія. Въ бесѣдахъ съ Далемъ императрица обсуждала вопросы политической экономіи, торговли, а также исключительныхъ правъ Остзейскаго края и даже коснулась, въ сожалѣнію только вскользь, жгучаго вопроса о совершенной безправности крестьянскаго населенія. Но за то государыню вполне возмущаетъ положеніе русскаго чело-вѣка среди инородцевъ Прибалтійской окраины:

— «Русская нація въ Лифляндіи исключается! Я не могу доволь-но надивиться этому!» — восклицаетъ, между прочимъ, императрица — и даже руки поднимаетъ при этомъ. Связь эти слова просвѣчиваетъ мысль о необходимости объединенія Россіи и ея окраинъ. Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, Екатерина опережаетъ свой вѣкъ на цѣлое столѣтіе.

Изъ воспоминаній и записокъ, относящихся къ эпохамъ царствованій преемниковъ Екатерины, въ «Русской Старинѣ» 1876 г. напечатаны:

Домашній памятникъ Н. Г. Левшина, окончаніе воспоминаній о походѣ 1807 г. Правдивый рассказъ автора знакомитъ съ дѣятелями эпохи первой борьбы Россіи съ Наполеономъ.

Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русскою въ царствованіе императора Александра I — представляютъ рассказъ о религіозномъ движеніи въ Россіи и о распространеніи во всѣхъ административныхъ сферахъ мистицизма, оказавшаго столь сильное вліяніе на нашъ общественный бытъ въ послѣдніе годы Александра I.

Автобіографія академика-художника А. Л. Витберга—составляя самостоятельное цѣлое, имѣетъ однако-же нѣкоторую связь съ предъидущими воспоминаніями. Въ автобіографіи строителя храма Спасителя видимъ, во первыхъ — талантливаго художника-мистика, во вторыхъ—человѣка рѣдкой души и—вслѣдствіе этого — жертву происковъ сильныхъ вельможъ и каверзъ мелкаго чиновничества. Автобіографія А. Л. Витберга—скорбная исповѣдь художника, разочаровавшагося въ самыхъ дорогихъ ему мечтахъ, и признанія человѣка честнаго, изнемогшаго подъ бременемъ незаслуженныхъ гоненій. Но и въ эпоху этихъ страданій, въ глуши, Витбергъ пріобрѣтаетъ сильное вліяніе на одного изъ своихъ друзей, товарища по ссылке въ Вяткѣ, съ которымъ, по разлукѣ съ нимъ, художникъ вступаетъ въ переписку; слова Витберга, обращаемаыя имъ къ другу—въ послѣдствіи талантливому писателю — обладаютъ какъ-бы апостольскою силою: въ отвѣтахъ друга звучитъ голосъ истинной религіозности. Но и здѣсь неудача преслѣдуетъ художника: въ сердцѣ друга-писателя художникъ-мистикъ закладываетъ основаніе духовнаго храма, но созиданіе его не совершается. Другъ Витберга избираетъ себѣ иной путь; силы его, вся мощь его гибкаго, сильнаго дарованія и остраго ума принимаютъ иное направленіе.....

Воспоминанія Т. П. Пассекъ—знакомятъ съ сферою, въ которой обращались даровитые представители поколѣнія людей сороковыхъ годовъ, и отчасти съ тѣми идеалами, въ которыхъ они стремились. Борьба молодаго поколѣнія со старымъ, юношеская энергія и поэзія юности, встрѣчавшія отпоръ въ поборникахъ отжившаго стараго порядка, столкновеніе людей мысли съ сторонниками застоя — таковы картины, живописуемыя перомъ Т. П. Пассекъ.

Записки И. С. Жиркевича—посвящены рассказамъ о военной нашей администраціи въ послѣдніе годы царствованія Александра I и въ первые—императора Николая. Преданія о порядкахъ или, вѣрнѣе сказать, беспорядкахъ и злоупотребленіяхъ военнаго хозяйства былыхъ временъ передаются авторомъ Записокъ съ рѣдкимъ прямодушіемъ; сдача военныхъ частей отъ одного командира другому сопровождалась торгами и переторжками; настоящіе-же торги по подрядамъ предметовъ артиллерійскаго вѣдомства производились кабинетно, нитменно, въ обуюдную вы-

годъ подрядчиковъ, нанимателей и—въ явной невыгодѣ казны. Смѣлыя попытки Жиркевича отстаивать ея интересы навлекли на него неудовольствіе ближайшаго къ нему начальства, тайное недоброежелательство и явныя притѣсненія. Достоиню вниманія, что, одновременно съ хищеніями по артиллерійскому вѣдомству, на которыя сквозь пальцы смотрѣлъ Аравчевъ,—строгому слѣдствію, по его почину, подвергся А. Л. Витбергъ, въ которомъ временщикъ видѣлъ и хищника и чуть не казнокрада.

Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, рассказъ профессора Ѳ. Г. Солнцева (1801—1876). Поднесеніе большой золотой медали Императорскимъ Археологическимъ обществомъ маститому художнику-археологу въ память его пятидесятилѣтней дѣятельности (20-го мая 1876 г.) доставило «Русской Старинѣ» случай посвятить статью обзору трудовъ и заслугъ почтеннаго Ѳедора Григорьевича — нашего скромнаго и неутомимаго труженика на поприщѣ отечественной археологіи. Но еще за полгода до этого празднества мы выразили Ѳ. Г. Солнцеву желаніе наше сообщить читателямъ «Русской Старины» рассказъ о началѣ и продолженіи его художественнаго поприща. Маститый художникъ, въ нѣсколькихъ разсказахъ, припомнилъ свое былое и предоставилъ намъ возможность, посредствомъ стенографіи, такъ сказать, воспроизвести вполнѣ точныя снимки съ этихъ разсказовъ. При этомъ мы сохранили въ неприкосновенности личныя воззрѣнія и убѣжденія рассказчика, иногда расходящіяся съ современными воззрѣніями на нѣкоторые вопросы. Такъ, на примѣръ, рассказывая о посѣщеніи Кіево-Печерской лавры, Ѳ. Г. Солнцевъ съ полнымъ довѣріемъ отнесся въ мѣстнымъ преданіямъ святой обители и, въ данномъ случаѣ, всякія опущенія изъ его разсказовъ мы сочли бы, съ нашей стороны, неумѣстными. Свобода мнѣній и убѣжденій каждаго лица, сообщающаго свои воспоминанія «Русской Старинѣ», составляетъ одно изъ нашихъ непреложныхъ правилъ. Помимо личнаго интереса самого рассказчика, воспоминанія Ѳ. Г. Солнцева обилуютъ подробностями о воспитаніи въ академіи художествъ въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія, также о нѣкоторыхъ изъ нашихъ іерарховъ, ихъ отношеніяхъ къ наукѣ археологіи, о вельможахъ двухъ минувшихъ царствованій, наконецъ, о державномъ покровителѣ русскихъ художниковъ, воспоминаніе о во-

торомъ въ устахъ Ѳ. Г. Солнцева неразлучно съ чувствомъ глубокой признательности.

Воспоминанія П. А. Каратыгина—дополнили нѣсколькими страницами рядъ разсказовъ заслуженнаго артиста. Вводя читателя въ завуалированный міръ, авторъ съ тѣмъ вмѣстѣ очерчиваетъ и столичный бытъ въ 1820—1830 гг.

Воспоминаніе Людмилы Ивановны Рякордъ о пребываніи въ Константинополь въ 1830 году—разсказъ русской дамы, первой, по времени, принятой при дворѣ падишаха, въ слѣдующій же годъ по заключеніи Адрианопольскаго мира. Громъ недавнихъ побѣдъ русскаго оружія еще гудѣлъ въ ухахъ султана и его подданныхъ; они чествовали недавнихъ побѣдителей, которымъ черезъ три года было суждено спасти престолъ Махмуда II отъ покушеній хедифа египетскаго.

II.

Отдѣлъ монографій и историческихъ изслѣдованій въ 1876-мъ году изд. «Русской Старины» состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, относящихся преимущественно къ царствованію Екатерины II. Изъ монографій-же, посвященныхъ первой половинѣ XVIII вѣка, отмѣтимъ статью Н. И. Костомарова: «Павель Полуботокъ» и нѣсколько отдѣльныхъ документовъ: Универсалъ Мазепы (1704 г.), Казакъ Шишкевичъ (1708 г.), Подметное воззваніе Левенгаупта (1708 г.) и пр.

Располагая монографіи царствованія Екатерины II въ хронологическомъ порядкѣ, не можемъ не замѣтить, что онѣ относятся ко всѣмъ главнымъ фазисамъ ея государственной дѣятельности:

Митрополитъ Ростовскій Арсеній Маціевичъ и дѣло объ отобраніи церковныхъ имѣній въ 1762—1763 гг.—историческій очеркъ профессора Н. И. Барсова, кромѣ новыхъ матеріаловъ къ біографіи этого замѣчательнаго іерарха, представляетъ и совершенно новую характеристику его нравственной личности и его борьбы за убѣжденія.

Обращаясь къ монографіи о «Крестьянахъ при Екатеринѣ II», напомнимъ тотъ извѣстный фактъ, что разработка вопроса освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи застала историческую литературу въ нашемъ отечествѣ—именно крестьянскаго во-

проса—совершенно врасплохъ. Кромѣ весьма дѣльной монографіи покойнаго И. Д. Бѣляева: «Крестьяне на Руси», вышедшей въ 1860 г., почти наканунѣ 19-го февраля 1861 г.—у насъ не было исторіи крещеной собственности въ Россіи. Въ изслѣдованіи Бѣляева, три четверти книги посвящено разсказу о положеніи русскихъ крестьянъ въ допетровское время. Въ XVIII стол. авторъ исключительно пользуется официальнымъ источникомъ — Полнымъ Собраніемъ Законовъ — и притомъ подробнѣе слѣдитъ за развитіемъ крѣпостнаго права лишь до Екатерины II-й. И. Д. Бѣляевъ сдѣлалъ все, что было возможно сдѣлать въ его время, и, въ цѣломъ его трудѣ, до сихъ поръ никѣмъ не превзойденъ; но въ настоящее время наука выдвинула болѣе строгія требованія для подобнаго рода трудовъ. Не говоря уже про то, что въ XVIII в. авторъ совершенно забываетъ о крестьянахъ казенныхъ, въ самой исторіи крѣпостнаго права не затронуты или весьма мало затронуты важные вопросы. Обоюдныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, щедрая раздача крестьянскихъ душъ сотнями, тысячами—дворянамъ; затѣмъ, мнѣнія и проекты отдѣльныхъ лицъ, предлагавшихъ нѣкоторыя улучшенія въ бытѣ крестьянъ еще въ прошломъ столѣтіи, противодѣйствіе имъ со стороны людей, нерѣдко высоко стоявшихъ въ обществѣ не только по своему положенію, но и по уму и образованію—все это составляетъ обширное поле для разработки и изслѣдованія по архивнымъ документамъ и вообще по основнымъ источникамъ.

Одною изъ главъ исторіи русскаго крѣпостнаго ига можетъ послужить монографія:

Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II (1762 — 1796 гг.)—очеркъ историческаго изслѣдованія В. И. Семева. Крѣпостная язва нашего государственнаго организма обнажена въ этой статьѣ во многихъ ея подробностяхъ. Здѣсь магнаты и среднее дворянство вѣка Екатерины являются въ ихъ обыденномъ «помѣщичьемъ» быту истыми феодальными рыцарями, властными чуть ни въ животѣ и въ смерти несчастныхъ вассаловъ. Правительство Екатерины не считало своевременнымъ облегчить участь крѣпостныхъ, и пять съ половиною милліоновъ людей оставались въ 1762—1796 гг. подъ гнетомъ рабства и разнузданнаго произвола. Читая изслѣдованіе крѣпостнаго ига эпохи Великой

Екатерины, можно легко уяснить себѣ причины какъ явленія Пугачевщины, такъ и развитія этой кровавой смуты.

Бунтъ Бенъевскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г., очеркъ А. С. Сгибнева, по документамъ сибирскихъ архивовъ.

Москва въ 1770—1771 гг. — статья профессора-академика С. М. Соловьева.

Михельсонъ, побѣдитель Пугачева, біографическій очеркъ И. И. Ореуса.

Главные пособники Емельяна Пугачева, 1773—1774 гг., очерки и рассказы по подлинному о нихъ дѣлу—обилуютъ многими, совершенно новыми подробностями какъ о самозванцѣ, такъ и о его главнѣйшихъ сторонникахъ.

Екатерина II и Густавъ III, король шведскій, 1789—1792 гг.—статья заключаетъ въ себѣ новыя черты къ характеристикѣ этой монархини при нравственной и вѣрной оцѣнкѣ ея «горе-богатыря», т. е. Густава III-го.

Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.). Положеніе Зубова и его вліяніе какъ на внутреннее управленіе, такъ и въ особенности на внѣшнюю политику Россіи въ послѣднія пять лѣтъ царствованія Екатерины II—даетъ ему право, при всей ничтожности его нравственной личности, на вниманіе къ нему потомства. Съ этою дѣлю представлень очеркъ его жизни, дѣятельности и обрисовка его нравственной личности, на основаніи свидѣтельствъ современниковъ. Очеркъ этотъ не исключаетъ однако необходимости составленія біографіи князя Платона Зубова по матеріаламъ архивнымъ, такъ какъ немногія еще его письма, замѣтки, доклады и измышленія извѣстны въ печати.

Самсон-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персію, 1806—1853 гг., статья Ад. П. Берже. Авторъ рассказываетъ о совершенно новомъ, донинѣ малоизвѣстномъ мірѣ и о бытѣ нашихъ бѣглецовъ у персіянъ. Самсон-ханъ — бывший вахмистръ Нижегородскаго драгунскаго полка, уроженецъ Малороссіи, является организаторомъ войскъ шаха персидскаго: удалой воинъ, защитникъ интересовъ своихъ покровителей, кромѣ случаевъ ихъ столбовоеній съ Россією, и преступникъ въ смыслѣ военной дисциплины, тотъ-же Самсон-ханъ—герой, полный благородства и великодушія. Сопоставляя этого ренегата съ толпою жалкихъ искателей

фортуны, нанимающихся на службу Турціи—видимъ разницу неизмѣримую и нашъ Самсонъ, при всѣхъ своихъ проступкахъ, оказывается гораздо выше и честиѣ султанскаго генералитета, составленнаго изъ бродягъ европейскихъ.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ (1777—1861) предсталъ въ настоящемъ году читателямъ «Русской Старины» въ собраніи его писемъ къ своему другу—Р. И. Ховену. Письма эти, главнымъ образомъ, служатъ дополненіемъ характеристики Ермолова, какъ человѣка.

Г. А. Глинка, архимандритъ Юрьева монастыря Фотій и Тимофеей Ѳеодоровичъ Осиповскій—все это очерки жизни и дѣятельности представителей Александровской эпохи, различныхъ сферъ, направленій и убѣжденій. Изъ нихъ Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета, профессоръ-руководитель знаменитаго математика Остроградскаго—жертва происковъ клеветовъ Рунича и Магницкаго—Корниѣва, и друг. послѣдователей мистицизма, обучающаго высшіе классы нашего общества въ послѣдніе годы царствованія Александра I.

Илья Васильевичъ Буяльскій (1789—1866), статья профес. Я. А. Чистовича. Біографія заслуженнаго анатома и хирурга, помимо спеціальнаго, научнаго интереса, любопытна какъ жизнеописаніе даровитой, гениальной русской природы, связанной, такъ сказать, въ своемъ богатырскомъ, быстромъ развитіи авторитетами иностранными. Таково положеніе русской науки: открытіе, сдѣланное отечественнымъ дѣятелемъ, подлежитъ сомнѣнію; оно же, подъ иностраннымъ штемпелемъ, принимается безусловно. Рядъ операций Буяльскаго, изложенныя въ его біографіи, доставили-бы громкую всемірную извѣстность нѣмцу, англичанину, французу; но—сдѣланная русскимъ—онѣ сохраняются только на страницахъ біографіи нашего знаменитаго оператора.

Холерный бунтъ въ 1831 году, разсказъ А. К. Гриббе—служить дополненіемъ дѣтописи военныхъ поселеній и, можно сказать, послѣднее слово объ этомъ злосчастномъ учрежденіи колоній, обитатели которыхъ поставлены были въ положеніе ваторжнорабочихъ, но съ идиллическою обстановкою.

III.

Третій отдѣль «Русской Старины», состоящей изъ указовъ, переписки, разсказовъ, анекдотовъ,—заключалъ въ себѣ въ 1876 г. слѣдующіе матеріалы:

Письма: А. П. Волинскаго (1738), канцлера Бестужева-Рюмина (1764), Румянцева (1771), Кирилла Флоринскаго, епископа Сѣвскаго (1768 — 1771). Увѣщаніе Вятскаго епископа Вареоламея во время Пугачевщины (1774). Расправа съ пугачевцами. Княгиня Салтыкова и ея парикмахеръ. Русскій помѣщикъ въ XVIII столѣтіи — и проч. Разсказы о фельдмаршалѣ Суворовѣ. Разсказы князя П. М. Волконскаго о временахъ императора Павла I.—Высылка изъ Россіи братьевъ Массоновъ въ 1796 году, и проч.

Изъ матеріаловъ, относящихся къ царствованію Александра I, достойны вниманія: Голосъ въ защиту Сербовъ 1808 года, письмо протоіерея А. А. Самборскаго къ императору Александру I о живѣйшемъ участіи, принятомъ въ судьбѣ несчастныхъ рабовъ Турціи покойною палатиною венгерскою, великою княгинею Александрою Павловною. Напоминаніе отъ имени страдальцы, принесенной въ жертву безжалостной политикѣ—о другихъ жертвахъ—равнодушія Европы къ племени славянскому—нашло нѣкоторый отголосокъ въ чувствахъ императора Александра I; тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно, Александръ I не принялъ въ судьбѣ славянъ того участія, которое могъ-бы принять при своемъ могуществѣ, когда вся Европа готова была на уступки при ея размежеваніи на конгрессѣ 1815 г.

Командиры Кавказской арміи въ ихъ приказахъ (1802—1812)—рядъ документовъ, характеризующихъ взгляды на обязанности войскъ вождей, предшественниковъ Ермолова.—сообщены Ад. П. Берже. Столѣтіе годовщины рожденія М. М. Сперанскаго подало поводъ къ напечатанію въ нашемъ изданіи статьи Ссылка Сперанскаго въ 1812 году и сообщенныхъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ нѣсколькихъ новыхъ данныхъ изъ законодательной дѣятельности Сперанскаго.

Большая часть напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1876 г. плановъ, предначертаній, писемъ и документовъ, составленныхъ и собственноручно написанныхъ императоромъ Николаемъ Па-

пловичемъ, способствуетъ выясненію великодушной политики покойнаго императора по отношенію къ восточному вопросу, государя, скорбѣвшаго объ участи славянъ, изнемогавшихъ подъ игомъ турокъ.—Статьями и матеріалами, касающимися царствованія Николая I, были въ 1876 году:

Война Россіи съ Турціей въ 1828 году: Императоръ Николай Павловичъ, князь Меншиковъ и ген. ад. Киселевъ — ихъ переписка.

Подъ Варною 10-го сентября 1828 года, изъ воспоминаній П. А. Степанова.

А. С. Грибоѣдовъ — послѣднее слово о дипломатической дѣятельности безвременно погибшаго автора „Горя отъ ума“. Убіеніе Грибоѣдова—явленіе чудовищное въ лѣтописяхъ международныхъ сношеній,—не возбудило въ нашемъ правительствѣ того справедливаго негодованія, которымъ, даже и въ менѣе важныхъ случаяхъ, проникаются кабинеты Англій, Франціи, Германіи, сторицею требующіе и получающіе удовлетвореніе при малѣйшемъ посягательствѣ на ихъ національное достоинство. Оправданіемъ Россіи въ упомянутомъ прискорбномъ случаѣ служить, во первыхъ, усложненіе тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ; во вторыхъ, и то, что душою петербургскаго кабинета былъ тогда графъ Нессельроде—блѣдная копія Меттерниха, усвоившая отъ своего подлинника его сердечную черствость и черезъ чуръ нѣмецкую расчетливость.

Очеркъ событій на Кавказѣ, 1835—1850 гг.

Восточная война 1853—1854 гг.: кн. Паскевичъ и кн. Горчаковъ—подлинная переписка; планы и предназначанія о войнѣ императора Николая I; донесенія и записки военачальниковъ; проекты организациі возстанія южныхъ славянъ; донесенія и записки князей Паскевича и Горчакова, и проч.

Бой на рѣкѣ Черной 4-го августа 1855 г. (замѣтка).

Николай Петровичъ Колюбакинъ—Закавказье въ 1855 г.

Вѣнскія совѣщанія и Парижскій трактатъ 1856 г. — статья М. И. Богдановича.

1875 и 1876 гг. похитили изъ круга государственныхъ, общественныхъ и ученыхъ русскихъ дѣятелей, между многими другими, П. Я. Петрова, К. В. Чевкина, М. П. Погодина, А. П. Щапова, гр. М. А. Корфа, П. М. Строева, Ю. Θ. Самарина..... О четырехъ поименованныхъ лицахъ, именно о (П. Я. Петровѣ, гр. М. А. Корфѣ, П. М. Строевѣ и Ю. Θ. Самаринѣ — «Русская Старина» 1876 г. представила біографическія замѣтки или статьи; къ прочимъ изъ помянутыхъ лицъ «Русская Старина» возвратится и почтитъ ихъ память представленіемъ на своихъ страницахъ матеріаловъ къ ихъ біографіямъ; между прочимъ, въ нашемъ изданіи мы помѣстимъ нѣкоторые изъ матеріаловъ къ біографіи К. В. Чевкина, завѣщавшаго редакціи «Русской Старины» свой интересный, въ историческомъ отношеніи, архивъ.

Въ отдѣлѣ листковъ изъ записной книжки было напечатано въ текущемъ году до ста мелкихъ историческихъ рассказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтовъ, писемъ и проч.

IV.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи отечественной словесности, въ теченіе 1876 года были напечатаны:

Письма Д. И. фонъ-Визина; шутовое стихотвореніе: «Свадьба Н. М. Карамзина» (1801); посланіе К. Н. Батюшкова къ А. И. Тургеневу (1816 г.); встрѣча съ Пушкинымъ (1824 г.); замѣтка о Лермонтовѣ (1832 г.). Но самыми значительными по содержанію и значенію статьями литературнаго отдѣла были: Н. В. Гоголь въ его неизданныхъ письмахъ (1827—1828 г.).

В. Г. Бѣлинскій въ 1829—1832 гг., вновь открытыя его письма, значительно восполняющія пробѣлы въ біографіи знаменитаго русскаго писателя или разъясняющія нѣкоторыя событія его жизни—почти ваганунѣ его литературной дѣятельности. Къ этимъ же матеріаламъ относится замѣтка: «Увольненіе Бѣлинскаго изъ университета».

Къ литературному отдѣлу относится статья профессора

К. Н. Бестужева-Рюмина: «Двадцатипятилѣтіе Исторіи Россіи С. М. Соловьева 1851—1876 гг.» Эта статья заключаетъ въ себѣ оцѣнку монументальнаго труда историка нашего отечества.

Въ библиографическомъ листѣ былъ напечатанъ разборъ болѣе полусотни изданій, преимущественно историческаго содержанія. Бѣльшая часть рецензій составлена профессоромъ русской исторіи В. С. Иконниковымъ.

V.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи изящныхъ художествъ въ Россіи, въ текущемъ году напечатаны, кромѣ воспоминаній профессора-художника Ѳ. Г. Солнцева и артиста П. А. Каратыгина, —

Живописецъ Орловскій и художникъ-масонъ Олешкевичъ—два разсказа О. А. Пржецлавскаго, посвященные памяти двухъ даровитыхъ художниковъ, уроженцевъ Польши. Первый изъ нихъ — Орловскій—въ свое время пользовался громкою и вполне заслуженною извѣстностью; Олешкевичъ пользовался прекрасною репутаціею не столько за талантъ, сколько за высокія душевныя качества и благотворительную дѣятельность.

Михаилъ Ивановичъ Глинка, разсказъ изъ воспоминаній доктора Л. А. Гейденрейха, при всей краткости, заключаетъ въ себѣ нѣсколько чертъ въ уясненію характера нашего великаго композитора и нѣкоторыхъ оригинальныхъ его сторонъ.

Памяти А. Н. Сѣрова посвященъ рядъ писемъ, очерковъ и замѣтокъ этого даровитаго композитора, имѣющей исключительный интересъ для группы знатоковъ и любителей музыки; художественная исповѣдь извѣстнаго подвижника отечественной оперной музыки, во всякомъ случаѣ, — немаловажный матеріалъ для его біографіи и редація не въ правѣ обходить этотъ матеріалъ, хотя бы онъ имѣлъ интересъ только для меньшинства читателей «Русской Старины».

VI.

Изъ художественныхъ приложений — въ «Русской Старинѣ» 1876 года помѣщены:

Портретъ Лжедмитрія Перваго, гравюра Килиана 1606 г. — точный снимокъ, исполненный академикомъ И. П. Пожалостиннымъ.

Точный снимокъ съ указа сената о кончинѣ Петра Великаго (указъ напечатанъ 30-го января 1725 г.).

Портретъ императрицы Екатерины II — воспроизведенный съ гравюры Чемесова 1762 г., гелиографическимъ способомъ художникомъ г. Скамони.

Портретъ Емельяна Пугачева — гравюра академика Л. А. Сѣрякова.

Портретъ Михельсона, побѣдителя Пугачева, гравированъ на мѣди академикомъ И. П. Пожалостиннымъ.

Портретъ князя Платона Александровича Зубова, гравированъ акад. И. П. Пожалостиннымъ.

Портретъ графа Аракчеева — гелиографическій снимокъ г. Скамони съ гравюры Н. И. Уткина 1818 г. — приложенъ въ замѣну неудачнаго, по нашему мнѣнію, ксилографическаго портрета, помѣщеннаго въ XII-мъ томѣ «Русской Старины», изданія 1875 г. Прилагая постоянныя заботы о томъ, чтобы художественныя приложения были, по возможности, безукоризненно изящны, мы въ подтвержденіе нашихъ словъ можемъ указать на этотъ второй портретъ Аракчеева.

Портретъ Алексѣя Петровича Ермолова — гравированъ на мѣди акад. И. П. Пожалостиннымъ.

Портретъ Ф. К. Клюки-фонъ-Клугенау — гравюра Акад. Л. А. Сѣрякова

Портретъ В. Г. Бѣлинскаго — съ акварельнаго портрета — гравюра акад. Л. А. Сѣрякова.

Чертежи профессора Ѳ. Г. Солнцева: крестьянинъ Телушкинъ на шпигѣ Петропавловскаго собора въ С.-Петербургѣ.

Заглавныя виньетки, рис. профессоръ Шарлеманъ, гравир. акад. Сѣряковъ.

Всѣ помянутыя гравюры — академика Пожалостина — отпечатаны для «Русской Старины» въ Парижѣ, прочія — въ Петербургѣ, въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ 1876 ГОДУ.

Въ 1876 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Анжолинская обл. (381,900 жит.)			Валковская губ. (513,530 жит.)	
Акмолы	2	Бабу	11	
Боккетовъ	1	Аму-Аде ост.	1	
Омскъ	14	Геоктопинская	2	
	17	Карамарьянская	1	
Амурская обл. (44,400 жит.)		Кусары	1	
Благовѣщенскъ	7	Ленкорань	2	
Албазинъ	1	Сальяны	2	
Михайло-Семеновская	1	Шемаха	2	
	9		22	
Аму-Дарьинскій Отдѣлъ. (220,000 жит.)		Бессарабская обл. (1,078,932 жит.)		
Укр. Петро-Александровское	6	Кишиневъ	33	
Архангельская губ. (281,112 жит.)		Аккерманъ	4	
Архангельскъ	9	Байрамчевская	1	
Онега	1	Бендеры	4	
Сороцкая	1	Бѣльцы	1	
	11	Камратъ-Колонія	1	
Астраханская губ. (601,514 жит.)		Купчинская	1	
Астрахань	25	Новоселица	1	
Красный Яръ	2	Секурянская	1	
Поповицкая	1	Скуляны	1	
Черный-Яръ	1	Сороки	2	
	29	Тарутно	1	
		Хотинь	1	
			52	
		Варшавская губ. (925,639 жит.)		
		Варшава	81	
		Александровъ пограничный	1	

Влоцлавскъ	2
Гора Кальварія	1
Ловичъ	7
Новый Дворъ	5
Скверневицы	2

99

Вилненская губ.
(1,001,909 жит.)

Вильно	38
Дисна	2
Лида	2
Ошмяны	1
Свенцянны	3
Солы	1
Троки	3
Щучинъ	1

51

Витебская губ.
(888,727 жит.)

Витебскъ	6
Велижъ	2
Динабургъ	12
Клясницкая	1
Невель	1
Полоцкъ	3
Сеньковская	1

26

Владимирская губ.
(1,259,923 жит.)

Владимиръ	23
Александровъ	2
Аньово	1
Болдинская	2
Борисоглебская	1
Второвская	1
Вязники	3
Гавриловъ	1
Гороховецъ	3
Егорьевская	1
Иваново-Вознесенскъ	5
Киржачъ	4
Ковровъ	2
Меленки	3
Муромъ	7
Новскъ	1
Орѣховская	1
Переяславль-Залѣскій	1
Пестяковская	1
Покровъ	1
Судогда	2
Суздаль	1
Тейковская	3
Ундольская	1
Фоминская	1
Шуя	9
Юрьевъ-Польскій	1

82

Волынская губ.
(1,704,018 жит.)

Житомиръ	13
Владимиръ	2
Волочискъ	1
Дубно	3
Заславъ	3
Ковель	1
Кременецъ	6
Купель	1
Луцкъ	2
Новградъ-Волынскъ	1
Овручъ	2
Олыка	1
Острогъ	3
Радзивиловъ	4
Ровно	3
Рожище	1
Староконстантиновъ	2
Устилугъ	1

50

Вологодская губ.
(1,003,039 жит.)

Вологда	12
Вогвадинская	1
Великій Устюгъ	1
Кадниковъ	1
Леоновская	1
Тотьма	1
Устьсысольскъ	1

18

Воронежская губ.
(2,152,696 жит.)

Воронежъ	39
Бирючь	3
Бобровъ	5
Богучаръ	3
Бычковская	1
Валуйки	3
Задонскъ	4
Землянскъ	6
Калачъ	2
Коротоякъ	2
Ливенская	2
Лосевская	1
Мандровка	1
Острогожскъ	6
Павловскъ	6
Подгорная	1
Ровенки	2

87

Выборгская губ.
(276,884 жит.)

Выборгъ	2
Вильмастрандъ	1
Сердоболь	1
Фридрихсгамъ	2

6

Вятская губ.
(2,406,024 жит.)

Вятка	16
Воткинскій за	2
Глазовъ	1
Дебессы	1
Елабуга	10
Ижевскій зав.	6
Кикнурская	1
Малмыжъ	3
Мордвинская	1
Нолинскъ	1
Орловъ	3
Пишурская	1
Сарапулъ	3
Слободской	3
Уржумъ	1
Яранскъ	1

54

Гродненская губ.
(1,008,521 жит.)

Гродно	13
Брестъ-Литовскъ	5
Вѣлостокъ	8
Городецкая	1
Дрогичинъ	1
Жабинка	1
Залозье	1
Иваново	1
Картузъ-Береза	1
Кобринъ	1
Пружаны	1
Слонимъ	2

36

Дагестанская обл.
(448,299 жит.)

Дербентъ	3
Гунибъ	2
Дашлагаръ	1
Ишкарты	1
Кумухъ	1
Петровское	5
Темиръ-Ханъ-Шура	8
Хунзахъ	1
Чирь-Юртъ	2

23

Донская обл.
(1 086,264 жит.)

Новочеркасскъ	55
Алексиково	1
Боковская	1
Глубокая	1
Есауловская	1
Иловля	1
Каменская	4
Качалино	1
Константиновская	1
Маринская	1
Матвѣевъ-Курганъ	1

Меркуловская	1
Миллерово	1
Нижнечирская	6
Новогригорьевская	1
Ольховыйъ рогъ	2
Сулинь	2
Урюпинская	2
Усть-Медвѣднцкая	4
Филоново	1
Харцызская	1
Цымлянская	5
Шалаевская	1

95

Екатеринославская губ.
(1,352,300 жит.)

Екатеринославъ	30
Азовъ	1
Александровскъ	6
Бахмутъ	4
Благодатное	2
Верхнедѣпровскъ	5
Гавриловка	1
Еленовская	2
Кущеваловская	2
Лозовая	2
Луганскій зав.	3
Маріуполь	3
Марченская	1
Новомосковскъ	1
Орѣховская	3
Павлоградъ	6
Перешелна	4
Петропавловка	2
Ростовъ на Дону	22
Славяносербскъ	3
Таганрогъ	11
Чумбуржская	1
Ясиновитова	1

117

Елисаветпольская губ.
(529,412 жит.)

Елисаветполь	8
Новоактафянская	2
Нуха	1
Шуша	2

13

Енисейская губ.
(372,862 жит.)

Красноярскъ	14
Енисейскъ	7
Казачинскъ	1
Корелино	1
Минусинскъ	2
Рыбинская	1

26

Забайкальская обл.		Жиздра	4
(430,780 жит.)		Козельскъ	1
Чита	5	Лихвинъ	2
Верхнеуфимскъ	3	Малоярославецъ	2
Горбатовская	3	Медвѣ	2
Кяхта	6	Мещовскъ	3
Нерчинскъ	2	Мосальскъ	1
Нерчинскій ла	4	Подборская	1
Селенгинскъ	2	Роговичи	1
Средняя Кара	1	Серпейскъ	1
Сурейская	1	Суборовская	1
Троицковская	3	Таруса	1
Шелонгинская	3	Троицкая	1
Шидловская	1		48
	34	При Каспійскомъ морѣ.	
Иркутская губ.		(275,000 жит.)	
(378,244 жит.)		Красноводскъ	2
Иркутскъ	36		2
Балаганскъ	1	Кіевская губ.	
Верхотенскъ	1	(2,175,132 жит.)	
Витимскъ	1	Кіевъ	95
Жигаловская	1	Вердичевъ	1
Нижнеудинскъ	1	Богуславъ	4
Тулуновское	2	Бѣлая Церковь	4
Черемховская	1	Васильковъ	2
	44	Звенигородка	2
Казанская губ.		Липовецъ	1
(1,704,624 жит.)		Лысянка	1
Казань	69	Махновка	1
Алексѣевская	1	Мокроколторская	1
Воробьевская	1	Радзивиловка	1
Козмодемьянскъ	1	Радомысль	5
Ланцевъ	3	Ружинъ	1
Мамадышъ	1	Скира	3
Метескинская	1	Смѣда	9
Свияжскъ	3	Тараща	1
Спасскъ	6	Умань	3
Царевококшайскъ	1	Фасовская	1
Цивильскъ	1	Черкасы	3
Чистополъ	5	Шнола	3
Ядринъ	1		142
	94	Ковенская губ.	
Калининская губ.		(1,156,041 жит.)	
(669,261 жит.)		Ковно	8
Калинъ	9	Вилькомиръ	3
Здунская Воля	1	Ново-Александровскъ	1
Клодава	1	Поневъжъ	2
Коло	1	Субочъ	1
Конинъ	1	Таурогень	2
Ленчица	1	Тельши	2
Серадзь	1	Шавли	4
	15	Юрбургъ	1
Калужская губ.			24
(996,252 жит.)		Костромская губ.	
Калуга	21	(1,176,097 жит.)	
Александровскій хуторъ	3	Кострома	19
Боровскъ	1	Буй	1
Брянъ	2	Ветлуга	3

Вичуга	1
Вичуга, ст.	3
Галичъ	1
Горкино	1
Евдокимова	1
Кинешма	4
Клеванцовская	1
Кологривъ	1
Лухъ	3
Малоугорская	1
Нерехта	1
Парфентьевъ	1
Плесъ	2
Пучежъ	2
Солнгалачъ	1
Трехсвятское	1
Чухлома	2
Юрьево-Повольскій	3

Кубанская обл.
(672,224 жит.)

Екатеринодаръ	10
Баталпашинская	1
Брюховецкая	1
Горный Ключъ	1
Кавказская	2
Камышки	1
Коневское	2
Крымское	1
Майкопъ	3
Невиномыская	1
Садовое	1
Темрюкъ	2
Тихорецкая	1
Уманская	1
Устьлабинская	2
Холмская	1
Царская	1

Бурская губ.
(1,054,817 жит.)

Курскъ	23
Бѣлгородъ	6
Грайворонъ	2
Дмитриевъ на Свапѣ	6
Иванно	2
Короча	2
Коренево	2
Бочетки	1
Курскъ, ст.	1
Льговъ	5
Марьинъ	1
Мирнополье	3
Никольская	1
Новый Осколъ	3
Обоянъ	3
Прохоровка	1
Путиваль	5
Рыльскъ	10
Старый Осколъ	6

Суджа	5
Тимъ	1
Томаровская	2
Фатежъ	1
Щигры	9

101

Бурляндская губ.
(619,154 жит.)

Митава	6
Иллуkste	1
Либавъ	3

10

Куопиоская губ.
(226,130 жит.)

Куопио	1
------------------	---

1

Кутансская губ.
(605,691 жит.)

Кутансъ	8
Зугдиды	1
Цоти	1

10

Кѣлецкая губ.
(518,730 жит.)

Кѣльцы	4
Андреевъ	2
Мѣховъ	2
Пиллида	1
Пинчовъ	1
Стопница	1

11

Лифляндская губ.
(1,000,876 жит.)

Рига	19
Валкъ	1
Дерптъ	4

24

Ломжинская губ.
(489,699 жит.)

Ломжа	9
Граево	1
Малкинь	1
Остроленка	2
Островъ	1
Пултускъ	2
Тыкоцкы	1
Щучинъ	2

19

Люблинская губ.
(707,098 жит.)

Люблинъ	7
Бѣлгорай	2
Замостье	5
Ивангородъ	1
Красноставъ	1

Ленчна	1
Новая Александрія	1
Ополе	1
Томашевъ Замостскій	1
Холмъ	4
Яновъ Замостскій	1

25

Минская губ.

(1.183,230 жит.)

Минскъ	11
Бобруйскъ	2
Борисовъ	2
Любешевская	1
Мозырь	2
Несвижъ	3
Новогрудокъ	2
Пинскъ	1
Слуцкъ	1
Якимовская	1

26

Могилевская губ.

(947,625 жит.)

Могилевъ	14
Быховъ	1
Гомель	5
Горы-Горки	1
Климовичи	1
Краснополье	1
Локutti	1
Мстиславль	1
Орша	2
Рогачевъ	2

29

Московская губ.

(1.772,824 жит.)

Москва: а) чрезъ газетную эк- спеднцію	138
б) чрезъ московскіе книж- ные магазины	470
Богородскъ	2
Бронницы	3
Верея	1
Полоцкаяскъ	2
Воскресенскъ	3
Дмитровъ	1
Завидовская	1
Звенигородъ	1
Каменка	1
Клинь	2
Коломна	3
Лопасня	1
Можайскъ	3
Пески	1
Подольскъ	2
Раменское	1
Серпуховъ	7
Сергіевъ посадъ	10

Талпцкая	1
Фаустово	1

655

Нижегородская губ.

(1.271,564 жит.)

Нижній-Новгородъ	33
Ардатовъ	1
Арзамасъ	4
Богородская	1
Василь-Сурскъ	2
Воскресенское	1
Горбатовъ	1
Городецъ	1
Княгининъ	2
Лукояновъ	1
Лысково	3
Мангушево	3
Починки	3
Семеновъ	1
Сергачъ	7

64

Новгородская губ.

(1.011,445 жит.)

Новгородъ	15
Боровичи	3
Бронницы	1
Бѣлозерскъ	2
Валдайская	1
Веребъинская	1
Демянскъ	2
Еремьно	1
Ивановъ боръ	1
Кирилловъ	2
Кукуйская	1
Любажино	1
Меглицы	1
Медвѣдъ	1
Подберезье	1
Сомина пристань	2
Спасская Полисть	1
Старая Русса	1
Тихвинъ	3
Торбино	1
Трегубово	1
Устюжна	5
Череповецъ	4
Чудовская	1

53

Новгородская губ.

(173,141 жит.)

Гельсингфорскъ	4
Екенесь	1
Свеаборгъ	2

7

Олонская губ.

(296,392 жит.)

Петрозаводскъ	9
Вознесенская пристань	1

Витегра	4
Пудожь	1
	15
Оренбургская губ. (926,165 жит.)	
Оренбургъ	20
Верхнеуральскъ	1
Мясской заводъ	1
Орскъ	1
Троицкъ	1
Челябинскъ	6
	30
Орловская губ. (1.633,794 жит.)	
Орель	35
Александровка	1
Батыево	1
Бобровка	1
Болховъ	3
Брянскъ	3
Брянская ст.	2
Васьковка	1
Выгонская	1
Дмитровскъ	1
Дросково	2
Елецъ	19
Измайково	1
Карачевъ	9
Кромы	2
Котомля	1
Ливны	12
Малоархангельскъ	5
Мценскъ	2
Нарышкино	1
Ограда	1
Русскій Бродъ	2
Сѣвскъ	2
Хотынецъ	2

	110
Пензенская губ. (1.202,211 жит.)	
Пенза	23
Башмаково	1
Больше-Ижморская	1
Воейково	1
Иисаръ	4
Исса	2
Каменка	2
Керенскъ	1
Краснослободскъ	1
Мокшаны	1
Наровчатъ	5
Нижній Ломовъ	2
Раизай	1
Садовка	1
Саранскъ	6
Царевщина	1
Чембаръ	6
	59

Пермская губ. (2.240,960 жит.)	
Пермь	15
Билимбаевскій зав.	3
Богословскій зав.	1
Верхотурье	2
Веретя	2
Далматовъ	2
Екатеринбургъ	27
Ирбитъ	2
Каменскій зав.	5
Камышловъ	1
Красноуфимскъ	1
Кунгуръ	3
Кушвинскій зав.	8
Куяшская	2
Невьянскій зав.	3
Нижегтагильскій зав.	5
Оса	1
Оханскъ	1
Сугатская	1
Сысертская	1
Чердынъ	2
Шадринскъ	1
	89

Петровская губ. (708,008 жит.)	
Петроковъ	3
Брезинны	1
Граница	2
Згержь	1
Ласкъ	1
Лодзь	3
Рава	1
Ченстоховъ	6
	18

Плоцкая губ. (490,945 жит.)	
Плоцкъ	4
Липно	1
Млава	1
Серпецъ	1
	7

Подольская губ. (1.996,046 жит.)	
Каменецъ Подольскъ	18
Балта	3
Баръ	2
Брацлавъ	2
Верховецкая	2
Винница	5
Гайсиль	3
Голованевко	2
Дережня	2
Джуринская	1
Дунаевцы	1
Жмеринка	1
Калиновка	1
Кривое Озеро	3

Круты	1
Летвчевъ	1
Литва	2
Могилевъ	1
Немировъ	3
Новая Ушица	3
Ольгополь	3
Ольшанка	1
Попелюхи	2
Проскуровъ	2
Тинно	1
Тульчипъ	1
Хмільникъ	2
Шаргородъ	1
Юрковка	1
Ярмолинцы	1

72

Полтавская губ.
(2.154,847 жит.)

Полтава	28
Борисполь	1
Бѣлоцерковка	1
Бѣлиги	1
Гадачь	2
Гановка	1
Градискъ	1
Жуки	2
Зеньковъ	4
Золотоноша	8
Карловская	1
Кобеляки	7
Константиноградъ	3
Креп. еничугъ	9
Лохвица	5
Лубны	7
Миргородъ	3
Опошня	2
Переяславъ	2
Пирятинъ	2
Прилуки	12
Ромны	8
Рѣшетилровка	1
Семеновская	1
Талагаевская	1
Хороль	8
Яготино	3

124

Приморская обл.
(45.000 жит.)

Николаевскъ	5
Владивостокъ	2
Камень Рыболовъ	1
Новгородскій постъ	1
Хабаровская	4

13

Псковская губ.
(792,678 жит.)

Псковъ	12
Ашево	1

Великіе Луки	4
Новоржевъ	6
Опочка	1
Островъ	1
Порховъ	5
Торопецъ	3
Тяполовская	1
Холмъ	5

39

Радомская губ.
(562,191 жит.)

Радомъ	6
Козеницы	1
Опочна	1
Пржедборжь	1
Сандомиръ	2
Сташовъ	1

12

Рязанская губ.
(1.524,442 жит.)

Рязань	14
Борки	1
Гавриловское	2
Данковъ	2
Дивово	1
Егорьевскъ	2
Зарайскъ	5
Ижевское	1
Караблинская	1
Касимовъ	4
Михайловъ	4
Пронскъ	2
Равенбургъ	4
Рязскъ	3
Рязская	1
Сапожокъ	3
Скопинъ	1
Спаскъ	3
Хрущево	1

55

Самарская губ.
(1.896,074 жит.)

Самара	21
Балаково	1
Бугульма	2
Бугурусланъ	5
Бузулукъ	2
Зимникова	1
Кичуй	2
Марьевка	1
Мезекесъ	1
Николаевскъ	2
Павловская	2
Чердаклинская	1

41

С.-Петербургская губ.
(1,354,710 жит.)

С.-Петербургъ, по почтѣ	1067
безъ доставки	252
Гатчинно	6
Гдовъ	2

Колпинская	1
Красное село	1
Кронштадтъ	24
Луга	3
Нарва	5
Новая Ладога	3
Ораниенбаумъ	2
Павловскъ	6
Петергофъ	6
Плюса	2
Сестрорѣцкь	2
Сиверская	2
Сясская рядки	1
Тосна	1
Тупичино	1
Парское село	23
Шлиссельбургъ	2
Шувалово	1
Ямбургъ	2

1415

Саратовская губ.
(1.768,138 жит.)

Саратовъ	37
Алексѣевская	1
Аткарскъ	8
Балашовъ	5
Бековъ	1
Березовка	1
Вольскъ	5
Дубовскій посадь	1
Екатериновка	1
Камышинъ	3
Камишкеръ	2
Ключи	1
Кондаль	2
Кузнецкъ	2
Никулино	1
Петровскъ	2
Ртищевъ	2
Сарепта	1
Сердобскъ	9
Сосновка	2
Турки	1
Хвалыинскъ	2
Царицынъ	5
Царицынъ ст.	1
Чунаки	2

98

Семирѣчинская обл.
(539,530 жит.)

Вѣрный	7
Караколъ	2
Копаль	2
Токмакъ	1

12

Семипалатинская обл.
(501,163 жит.)

Семипалатинскъ	5
Кокбекты	1

Зайсанскій постъ	1
Зырянскій рудникъ	2
Устькаменогорскъ	2
	11

Сибирская губ.
(1.218,888 жит.)

Сибирскъ	23
Алатырь	1
Ардатовъ	6
Бунскъ	4
Корсунъ	7
Краснососенка	5
Курмышъ	5
Шиховальные заводы	2
Прозино Городаще	1
Рокотово	1
Сейгилей	2
Сызрань	10
Тагаевская	1
Уренско-Карлинская	1
Ясашно-Ташлинская	1
	70

Смоленская губ.
(1.168,746 жит.)

Смоленскъ	13
Бѣлой	3
Вязьма	5
Гжатскъ	3
Дорогобужъ	3
Духовщина	1
Ельня	3
Знаменское	1
Ивановская	2
Коски	1
Поръчье	1
Разрытое	1
Рославль	4
Рябово	1
Серги-Ивановская	1
Соловьевская	1
Софійская	1
Стадолице	1
Сичевка	2
Трубчевскъ	2
	50

Ставропольская губ.
(437,118 жит.)

Ставрополь	22
Александровская	2
Медвѣжинская	3
Новогригорьевская	1
Песчановопольская	2
Прасковья	1
Пятигорскъ	9
Средне-Егорлыцкая	2
	42

Сувалская губ.
(537,807 жит.)

Сувалки	5
Августовъ	1
Верхоболовская	1

Мариамполь	1
Сейны	1
	<hr/>
	9
Сухумский округъ. (70,701 жит.)	
Сухумъ-Кале	4
	<hr/>
	4
Сѣдлецкая губ. (535,861 жит.)	
Сѣдецъ	7
Бѣла	3
Лосницъ	1
Минскъ	1
Раднѣ	3
Соголовъ	1
Тересполь	1
	<hr/>
	17
Сырѣ-Дарьинской обл. (1,239,649 жит.)	
Ташкентъ	24
Джудекъ	1
Казалинскъ	2
Каты-Курганъ	2
Самаркандъ	7
Туркестанъ	1
Ура-Тюба	1
Ходжентъ	2
Чимкентъ	2
Чиназъ	1
	<hr/>
	43
Тавастгустская губ. (193,477 жит.)	
Тавастгустъ	1
	<hr/>
	1
Таврическая губ. (747,009 жит.)	
Симферополь	17
Алушта	2
Бакчисарай	1
Бердянскъ	7
Большой Токмакъ	1
Геническъ	1
Евпаторія	3
Карасубазаръ	4
Каховка	2
Керчь-Евпиколь	12
Мелитополь	5
Ногайскъ	1
Орѣховъ	2
Церекопъ	1
Севастополь	13
Судакъ	1
Черная Долина	1
Чонгаръ	1
Ялта	11
Ѳеодосія	4

90

Тамбовская губ. (2,230,636 жит.)	
Тамбовъ	32
Борисоглебскъ	14
Грязи	2
Кадома	2
Каргалино	1
Кирсановъ	6
Козловъ	19
Козловская	1
Кулики	1
Куликовская	1
Окры	1
Лебедянь	2
Липецкъ	3
Моршанскъ	5
Муравьевская	1
Просыно-Полянская	2
Сенцовка	1
Спаскъ	1
Темниковъ	1
Толстиковская	1
Усмань	6
Уметъ	1
Щацкъ	7
	<hr/>
	111

Тверская губ. (1,545,637 жит.)	
Тверь	18
Брусовская	1
Бѣжецкъ	6
Весьегонскъ	2
Высокое	1
Вышний Волочокъ	9
Кашино	5
Корчева	1
Осташковская	1
Осташковъ	2
Максатиха	1
Ржевъ	11
Селижаровъ	1
Старица	5
Торжокъ	8
Троицкая	2

Терская обл. (485,237 жит.)	
Владикавказъ	12
Ассирская	1
Воздвиженская	1
Грозный	8
Моздокъ	1
Нальчикъ	1
Подгорная	1
Прохладная	1
Хасафъ Юртъ	2
Шелкозаводская	1

29

Тифлисская губ.
(606,584 жит.)

Тифлисъ	67
Ахалцихъ	1
Ахалкалаки	1
Боржомская	1
Бѣлый Ключъ	1
Гори	4
Душетъ	1
Лагодехская	1
Сягнахъ	1
Уроч. Храбъ	1
Царскіе Колодцы	2

81

Тобольская губ.
(1,086,848 жит.)

Тобольскъ	10
Курганъ	3
Ишимъ	1
Тюмень	5
Ялуторовскъ	2

21

Томская губ.
(838,756 жит.)

Томскъ	9
Барнаулъ	8
Бійскъ	1
Бѣлоглазово	1
Змѣиногорскъ	2
Канскъ	1
Козыбань	1
Ишатская	1
Маринскъ	1
Почитанская	1

26

Тульская губ.
(1,188,670 жит.)

Тула	34
Алексинъ	4
Бабарыкино	1
Богородицъ	2
Бѣлевъ	5
Веневъ	4
Епифанъ	2
Ефремовъ	7
Иваново	1
Кашира	3
Крапивна	2
Лалотково	1
Лукьяновка	1
Новосиль	5
Оболенское	1
Одоевъ	5
Сергѣевское	1
Толстухъ	1
Червь	3
Ясенки	1

84

Тургайская обл.
(338,802 жит.)

Тургай	1
Илецкая защита	1

2

Уральская обл.
(346,715 жит.)

Нижнеуральскъ	4
Гурьевъ	2
Мергеневскій форпостъ	1
Мухравовскій форпостъ	1

8

Уфимская губ.
(1,415,140 жит.)

Уфа	10
Байсарово	1
Белебей	1
Бяскъ	1
Лаяштинская	1
Мензелинскъ	7
Саткинскій зав.	3
Стерлитамакъ	2

26

Ферганская обл.
(800,000)

Кованъ	2
Андижанъ	1
Намаганъ	1
Ошь	1
Чустъ	1

6

Харьковская губ.
(1,739,220 жит.)

Харьковъ	52
Ахтырка	3
Барвенково	1
Богодуховъ	4
Боромля	3
Бѣлополье	3
Бѣловодскъ	1
Валки	1
Водолагская	1
Волчанскъ	3
Волоховоярская	3
Голая Долина	1
Дергачи	4
Дружковка	1
Змиевъ	2
Изюмъ	7
Купянскъ	2
Краснопавловка	1
Лебединъ	5
Новоселки	1
Новокатеринославская	2
Сеньковская	1
Славянскъ	2
Старобѣльскъ	5
Ставроково	1

Сумы 17
Чугуевъ 4

130

Херсонская губ.
(1.739, 280 жит.)

Херсонъ 11
Александри 3
Анаевъ 1
Березовка 1
Бобринецъ 2
Вознесенскъ 6
Врадиевка 1
Елисаветградъ 15
Константиновская 1
Липецкая 1
Любашевка 1
Марьяновская 1
Николаевъ 17
Новая Прага 1
Новогеоргиевскъ 3
Новомиргородъ 4
Новоукраинка 1
Ново Воронцовка 5
Одесса 78
Ольвиополь 2
Очаковъ 1
Павлышская 1
Петровъровская 1
Тирасполь 4

162

Черниговская губ.
(1.704, 990 жит.)

Черниговъ 14
Авдѣевка 2
Батуринъ 1
Бахмачъ 1
Березна 1
Бобровицы 1
Бобринь 1
Ворзна 2
Глуховъ 8
Грузское 2
Елѣонка 2
Клинцы 1
Козелецъ 2
Конотопъ 6
Коропъ 1
Кролевецъ 4
Круты 1
Мглинъ 1
Мена 2
Новгородъ Сѣверскій 6
Новозыбковъ 2
Новый Ропсъ 1
Нѣжинъ 7

Остерь 1
Погарь 2
Почепъ 2
Рѣпки 1
Сосница 1
Стародубъ 5
Суражъ 2
Эсманская 1

84

Черноморскій округъ.
(15,703 жит.)

Новороссійскъ 2
Туапсе 2

4

Эриванская губ.
(452,001 жит.)

Эриванъ 2
Александрополь 3
Вагаршападская 2
Каракинская 1
Новый Баязетъ 1

9

Эстляндская губ.
(325,715 жит.)

Ревель 9
Балтійскій Портъ 1

10

Якутская губ.
(231,977 жит.)

Якутскъ 6
Нохтуйскъ 2
Олекминскъ 1

9

Ярославская губ.
(1.008,315 жит.)

Ярославль 33
Великое село 1
Горьлово 1
Даниловъ 1
Макарово 1
Маслово 1
Молога 1
Мышкинъ 2
Петровскъ 1
Пищалино 1
Пошехонье 3
Романово-Борисоглѣбскъ 2
Ростовъ 4
Рыбинскъ 10
Угличъ 2

64

ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Австрія	3	Италія	6
Америка	2	Китай	3
Англія	4	Персія	1
Бельгія	3	Турція	3
Богемія	1	Франція	16
Германія	12	Швейцарія	3
Голландія	1	Японія	1
Греція	1		
Египетъ	2		69

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ.

1. Асмолинской обл.	17	32. Кубанской обл.	32
2. Амурской обл.	9	33. Курской	101
3. Аму-Дарьянскомъ отд.	6	34. Курляндской	10
4. Архангельской	11	35. Купюнской	1
5. Астраханской	29	36. Кутапской	10
6. Бакинской	22	37. Кълецкой	11
7. Бессарабской	52	38. Лифляндской	24
8. Варшавской	99	39. Ломжинской	19
9. Виленской	51	40. Люблинской	25
10. Витебской	26	41. Минской	26
11. Владимірской	82	42. Могилевской	29
12. Волынской	50	43. Московской	47
13. Вологодской	18	44. Нижегородской	64
14. Воронежской	87	45. Новгородской	53
15. Выборгской	6	46. Нюландской	7
16. Вятской	54	47. Олонецкой	15
17. Гродненской	36	48. Оренбургской	30
18. Дагестанской обл.	23	49. Орловской	110
19. Донской обл.	95	50. Пензенской	59
20. Екатеринославской	117	51. Пермской	89
21. Елисаветпольской	13	52. Петровской	18
22. Енисейской	26	53. Плоцкой	7
23. Забайкальской обл.	34	54. Подольской	72
24. Иркутской	44	55. Полтавской	124
25. Казанской	94	56. Приморской обл.	13
26. Калининской	15	57. Псковской	30
27. Калужской	48	58. Радомской	13
28. При Каспійскомъ морѣ	2	59. Рязанской	55
29. Кіевской	142	60. Самарской	41
30. Ковенской	24	61. С.-Петербургской	96
31. Костромской	53	62. Саратовской	98
		63. Семпрѣченской обл.	12
		64. Семипалатинской обл.	11

65. Симбирской	70	83. Уфимской	26
66. Смоленской	50	84. Ферганской обл.	6
67. Ставропольской	42	85. Харьковской	130
68. Сувалкской	9	86. Херсонской	162
69. Сухумскомъ окр.	4	87. Черниговской	84
70. Съдлецкой	17	88. Черноморскаго окр	4
71. Сыръ-Дарьинской обл.	43	89. Эриванской	9
72. Тавастгустской	1	90. Эстляндской	10
73. Таврической	90	91. Якутской	9
74. Тамбовской	111	92. Ярославской	64
75. Тверской	74		
76. Терской обл.	29	Итого	4,011
77. Тифлиской	81	II. Въ Москвѣ	608
78. Тобольской	21	III. Въ С.-Петербургѣ (съ до- ставкою и безъ доставки).	1,319
79. Томской	26	IV. За границей	62
80. Тульской	84		
81. Тургайской обл.	2	Всего экземпляровъ	6,000
82. Уральской обл.	8		

Завѣдывающая экспедиціей К. О. Кармалина.

**Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ историческіе
или историко - литературныя статьи и матеріалы.**

Поименовываемъ въ настоящемъ спискѣ тѣхъ лицъ, сообщенія которыхъ находятся въ распоряженіи редакціи и, по возможности, будутъ напечатаны въ книгахъ „Русской Старинѣ“ 1877-го и послѣдующихъ годовъ.

В. П. Авенаріусъ, Аврамовъ, Н. Агафоновъ, А. К. Адинцовъ, М. П. Азанчевскій, И. И. Акутинъ, П. В. Алабинъ, И. Амслндкій, И. Андозкій, И. Я. Андреевскій, И. А. Анненковъ, графъ С. А. Апраксинъ, А. П. Арбузовъ, И. А. Аренсъ, проф. Н. Я. Аристовъ, Арнольдъ, Ф. А. Арсеньевъ, П. Я. Аршеневскій, Асташевъ, А. Я. Ашебергъ.

Баландовичъ, О. С. Балкъ, А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе, С. И. Барановскій, П. И. Барановъ, А. А. Баранцевъ, А. И. Барзеповскій, проф. Н. И. Барсовъ, Н. П. Барсуковъ, В. С. Барыковъ, Н. П. Барышниковъ, Л. П. Батюшковъ, А. В. Балкатовъ, Б. Башловскій, Башуцкій, кн. В. Баюшевъ, А. Безукладиновъ, г. Бергъ, П. В. Березинъ, Я. Ф. Березинъ-Ширяевъ, Ад. П. Берже, Беръ, В. Н. Бестужевъ-Рюминъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Р. И. Бжостовская, Н. Блибинъ, баронъ Вистромъ, Бобровскій, М. И. Богдановичъ, Н. К. Богусевскій, И. Н. Божеряновъ, М. П. Болотовъ, А. А. Бородулинъ, М. Ф. Бороздинъ, проф. А. Г. Брикнеръ, Б. Ф. и В. Ф. Булгарины, Бутаковъ, Бутковъ, баронъ Бутлеръ, гр. М. Д. Бутурлинъ, Н. Д. Быковъ, акад. А. Ф. Бычковъ, А. Бѣлаго, А. И. Бѣлаева, баронъ Ф. А. Бюлеръ.

В. Н. Ваксель, И. И. Василевъ, А. П. Васильевъ, П. П. Васильевъ, Н. Васьковъ, г. Вахтинъ, П. И. Великопольскій. А. Величковъ, Вельяминовъ, М. А. Веневитиновъ, А. А. Венеціанова, М. И. Венюковъ, акад. К. С. Веселовскій, Н. И. Вининскій, Н. Виноградовъ, К. А. Впсковатовъ, Ф. А. Витбергъ, Н. П. Вишняковъ, М. Владыкинъ, П. П. Возницынъ, А. Ф. Волковъ, кн. Волковскій, И. И. Вологдинъ, И. В. Вологдинъ, Вороновъ, Воскобойниковъ, Н. М. Востоковъ, Н. Н. Вохинъ, баронъ Вревскій, А. Н. Вульфъ.

С. Н. Гавриловъ, кн. Ин. Гагаринъ, К. И. Гамаринъ, А. Гакъ, Г. Н. Геннадъ, Н. В. Гербель, П. П. фонъ-Гецъ, Гилжосъ, В. С. Глинка, М. С. Глипка, Ф. С. Глинка, Глуховъ, И. Е. Голдинскій, гр. П. А. Голищевъ-Кутузовъ,

В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Н. Н. Голицынъ, кн. Н. П. Голицынъ, кн. Н. С. Голицынъ, кн. С. П. Голицынъ, И. Головинъ, П. С. Головинъ, Голубевъ, И. О. Горбуновъ, проф. А. Д. Градовскій, Е. И. Гречь, Н. И. Григоровичъ, А. Н. Григорьевъ, А. Громачевскій, акад. Я. К. Гротъ, Н. В. Губерти, П. Гулакъ-Артемовскій, С. И. Гуляевъ.

В. Д. Давыдовъ, Данильченко, П. Я. Дашковъ, П. П. Деви, Н. Д. де-ла-Флизь, А. П. Демидовъ, фонъ-Дерфельденъ, Дятроповъ, Дмитріевъ, Н. Г. Дмоховскій, Я. И. Довголевскій, В. Док-ій, кн. В. Долгоруковъ, А. Долгоруковъ, кн. С. В. Друцкой-Соколинскій, И. И. Дубасовъ, Н. О. Дубровинъ, Н. П. Дуровъ.

К. Евдентьевъ, от. П. П. Еланскій, кн. Енгальчевъ, Н. А. Ермаковъ. А. Ерошкинъ, А. П. Есиповъ, Г. В. Есиповъ, И. Ефимовъ, П. А. Ефремовъ. А. Н. Ждановъ, Н. Л. Жемчужниковъ, В. И. Жиркевичъ, В. Жуковъ, Д. Жуковъ, Журавскій.

А. П. Заблоцкій-Десятковскій, Л. А. Загоскинъ, И. Захарьинъ, К. Зенденгорстъ, А. Зиѣвъ, В. Р. Зотовъ, Е. Б. Зубова, В. А. Зыбинъ.

И. А. Ибердусовъ, Н. С. Иванина, А. В. Ивановъ, Н. И. Иванова, Ивановскій, от. И. Иващенко, Иверсенъ, Игнатъевъ, П. А. Измайлловъ, проф. В. С. Иконниковъ, М. А. Имбергъ, В. А. Инсарскій, Н. О. Истинской, С. О. Исѣвъ.

Казадаевъ, П. С. Казанскій, Казачокъ, М. К. Казина, Казинъ, П. С. Калачевскій, Д. И. Калугинъ, граф. Л. М. Каменская, кн. М. А. Кантакузина, П. И. Капнистъ, Ф. В. Каразинъ, А. А. Карасевъ, А. М. Каратыгина. П. А. Каратыгинъ, С. А. Каратыгинъ, П. П. Каратыгинъ, П. Карнаузовъ. Е. П. Карновичъ, С. Д. Карповъ, А. Карташевъ, Н. А. Карцевъ, П. Карцевъ. Н. Т. Кедровъ, Н. П. Кельшь, Т. Кибальчичъ, Кирилловъ, Киселевъ, П. А. Кнатицынъ, О. Н. Кнтенскій, И. Кларкъ, П. Клепиковъ, Князевичъ, А. С. Князевъ, Д. О. Кобеко, Г. А. Ковалевскій, Н. И. Коведаевъ, М. М. Ковязинъ, Козодавлевъ, С. Козловскій, Н. И. Кобленскій, Козачевскій, К. П. Козаковъ, Н. М. Козмаковъ, гр. М. Н. Коновницына, Д. А. Кольева, И. П. Корнелловъ, Ю. В. Косова, Я. И. Костенецкій, проф. Н. И. Костомаровъ, М. Костилевъ, Н. П. Косыровскій, А. Красильниковъ, В. А. Краснокутскій, М. Круповичъ, В. Ф. Кудрявцевъ, М. П. Кудрявцевъ, Г. И. Кузминскій, Н. К. Куриляновъ, кн. Курякинъ, М. Куроптевъ, М. Н. Кучаевъ, М. В. Кюхельбекеръ.

Проф. Н. Лавровскій, А. М. Лазаревскій, И. К. Ланотниковъ, С. Лашкаревъ, С. И. Лашкевичъ, А. С. Лебедевъ, Н. П. Лебедевъ, П. П. Лебке, О. Я. Левенсонъ, А. А. Левшинъ, архиманд. Леонидъ, А. Ф. Леонольдовъ, В. В. Лермонтовъ, В. Н. Лермонтовъ, К. Ф. де-Ливровъ, В. И. Лихачевъ, А. В. Лининъ, кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Г. Г. Ломоносовъ, Е. А. Лопушескій, В. Б. Луцкій, В. И. Лѣтвининъ, Любарскій, И. М. Лядовъ.

Н. С. Маевскій, В. Н. Майновъ, И. В. Майновъ, Л. Н. Майковъ, С. М. Макарова, Н. Я. Максимовъ, И. П. Малаховскій, Мансуровъ, К. А. Маньковскій, Маринъ, М. А. Марковъ, П. И. Мартосъ, А. А. Мартыновъ, П. Мартыновъ, кн. Н. Масальскій, Е. П. Масловъ, А. П. Матвѣевъ, У. П. Матвѣевъ, П. И. Л. С. Мацѣвичъ, И. А. Мачинскій, бар. Мейендорфъ, Н. К. Меллеръ, Мельниковъ, П. Н. Меншиковъ, А. Е. Мерцаловъ, Мешетичъ, проф. О. О. Миллеръ, О. Б. Миллеръ, гр. Г. А. Милорадовичъ, Милуковъ, М. А. Милутина, Г. Минъ, П. М. Митковъ, В. Михайловъ, Г. Михельсонъ, гр. А. А. Мордвинъ.

новъ, П. Морозовъ, Д. К. Морозъ, Е. Т. Морозкина, А. П. Муликовскій, Н. Н. Мурзакевичъ, Г. И. Мѣшковъ.

М. Нагорновъ, Надеждинъ, А. Нарохииницкій, А. С. Наставинъ, П. И. Небольсинъ, Н. К. Невзоровъ, Е. С. Некрасова, Нелидовъ, Несвѣтаевъ, А. Н. Неустроевъ, О. Ф. Нечаевъ, С. А. Никитенко, бар. А. Н. Николай, А. А. Никольскій, В. В. Никольскій, Никулинъ, М. Д. Ниловъ, Л. Л. Ничпаевскій, Н. Новицкій, А. Г. Новоселовъ, С. Д. Носъ.

Кн. Д. А. Оболенскій, С. Оболенскій, кн. Ю. Оболенскій, Огаревъ, П. Огивскій, Озеровъ, Ю. А. Озюбининъ, П. О. Омеляненко, Ф. К. Спичининъ, И. И. Ореусъ, В. Б. Орловъ, Н. М. Орловъ, П. А. Орловъ, гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ, баронесса Л. Остенъ-Сакенъ.

Л. Н. Павлищевъ, И. Д. Павловскій, А. А. Павловъ, А. С. Павловъ, А. В. Пальчиковъ, А. А. Панаевъ, Н. И. Пановъ, П. Д. Паренцовъ, И. В. Паскачинъ, В. Пассекъ, Т. П. Пассекъ, Пафнутаевъ, В. Пащенко, И. Пенъковскій, Перетцъ, Петровскій, Ал. Н. Петровъ, Андр. Н. Петровъ, А. А. Плансонъ, М. И. Платонова, А. А. Повало-Швейковскій, А. Ф. Подвысоцкій, И. П. Поддубный, И. Е. Подтягинъ, акад. И. П. Пожалостинъ, В. Ф. Покровскій, Н. А. Поливановъ, В. Н. Поливановъ, А. С. Полонскій, Я. П. Полонскій, А. Понмаревъ, Анд. Н. Поповъ, Алекснд. Н. Поповъ, И. С. Поповъ, М. И. Поповъ, Н. Поповъ М. Н. Похвисневъ, А. Преображенскій, О. А. Пржедлавскій, П. Г. Пржедлавскій, Д. И. Прозоровскій, М. С. Провудинъ-Горскій, И. А. Пузыревскій, А. П. Пуцло, А. Г. Пупаревъ, А. П. Пятковскій.

А. Раменскій, М. М. Рангъ, А. Распоповъ, П. С. Ревякинъ, Н. В. Реутскій, графъ А. А. Ржевускій, Л. И. Рикордъ, А. Ф. Риттихъ, Н. П. Розановъ, Н. И. Розановъ, О. фонъ-Розенбергъ, бар. А. Е. Розенъ, Д. А. Рокотовъ, А. Романовскій, Ю. А. Романовъ, П. Рословъ, С. А. Рудакова, Рудаковъ, Н. Рудыковскій, В. Р. Руммель, Рунчъ, Г. К. Рѣпинскій, Д. Д. Рябининъ.

П. И. Савваитовъ, А. А. Савурскій, Садовскій, Н. Ф. Сазоновъ, В. Сантовъ, Н. Ф. Самаринъ, И. Самсоновъ, А. Сапожниковъ, В. С. Сахаровъ, Свямочянъ, Свинтуновъ, Т. Н. Седлецкій, Н. Н. Селифонтовъ, Сергѣевъ, бар. М. Н. Сердобинъ, Сеславина, Симоновъ, А. Скальковскій, Д. И. Скобелевъ, В. Скоробогатый, В. Смирновъ, Д. Смышляевъ, акад. Ф. Г. Солнцевъ, акад. С. М. Соловьевъ, Р. Сорокинъ, Т. А. Сосновскій, П. Т. Софіенко-Сухомлиновъ, В. Д. Спасовичъ, Н. И. Стародубскій, А. Старчевскій, В. В. Стасовъ, С. В. Стебницкая, Б. А. Степановъ, В. А. Степановъ, Н. И. Степановъ, П. А. Степановъ, А. Д. Столыпинъ, Стороженко, В. Я. Стоюнинъ, Н. И. Стояновскій, А. И. Стригоцкій, Н. С. Стромиловъ, Стрѣлковъ, Г. И. Студенинъ, А. А. Суворовъ князь Италійскій графъ Рымникскій, С. Судаковъ, С. Н. Сулима, В. Сульменевъ, Сущковъ, С. П. Сусоевъ, акад. Л. А. Сѣряковъ.

В. Таницкій, Темниковъ, Н. М. Тереховъ, И. Тихомировъ, Е. Н. Тихонравовъ, проф. Н. С. Тихонравовъ, Ю. В. Толстой, Томашевъ, Н. Е. Топчиевъ, Л. Н. Трефелевъ, П. Трофимовскій, А. Труворовъ, Туганъ-Мирза Барановскій, С. И. Турбинъ, кн. Н. Н. Туркестановъ, Тучковъ.

О. Н. Устряловъ, А. П. Ушаковъ.

Н. Федоровъ, А. И. Фельднеръ, Т. И. Филипповъ, К. Н. Флигѣ, И. Р. Фонъ-дѣръ-Ховенъ, О. Е. Франкъ, А. В. Фрейгангъ.

П. Ф. Хомутовъ, А. Н. Хребтовъ.

Цвилевъ. Графъ Ф. К.

Чапскій, В. И. Чаславскій, А. П. Чеботаревъ, Г. С. Чириковъ, И. А. Чистовичъ, Я. А. Чистовичъ. А. П. Чумиковъ, К. Н. Чупинъ.

И. И. Шамшевъ, Н. И. Шигаповъ, вв. Ив. Шаховской. Е. Г. Шварцъ, К. Н. Шварцъ, Б. С. Шевыревъ. П. В. Шейнъ, А. В. Шереметевъ, Н. К. Шильдеръ, Г. И. Шираевъ, А. Д. Шипшовъ, А. О. Шлейснеръ, Шляпкииъ, А. С. Шляхтинъ, И. А. Шмаковъ, М. О. Шугуровъ, Б. К. Шульцъ.

П. К. Щебальскій, Н. Н. Щукинъ.

П. И. Юркевичъ.

Языковъ, С. М., Якимакъ, В. А. Яковлевъ, С. А. Яковлевъ, Якубовичъ, Якушевичъ, Г. Д. Яновичъ, С. Х. Явковскій, Ястржембскій, А. Н. Яхонтовъ, княгиня Е. М. Яшвилъ, и др.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ съ признательностію упомянуть о покойныхъ: А. И. Артемьевъ, А. Н. Аванасевъ, Я. П. Баклановъ, Е. А. Бестужевой, М. А. Бестужевъ, И. Д. Бѣляевъ, И. П. Варпаховскомъ, Н. В. Веригинъ, А. С. Вороновъ, А. О. Гильфердингъ, А. К. Гриббе, Б. И. Далъ, П. М. Дараганъ, Н. Н. Де-Прерадовичъ, И. И. Европеусъ, от. Кустодиевъ, А. М. Княжевничъ, П. П. Ламбинъ, П. С. Лебедевъ, Е. Ф. Лермонтовой, А. В. Лосевскомъ, кн. С. А. Мадатовой, П. К. Менковъ, от. М. Я. Моршкинъ, О.; Н. Муратовъ, П. А. Мухаловъ, акад. П. П. Пекарскомъ, В. О. Ратчъ, А. И. Рыжовъ, И. И. Свѣзевъ, В. Н. Фелькнеръ, М. Д. Хмыровъ и К. В. Чевкинъ, — сообщенные ими материалы находятся въ распоряженіи «Русской Старины» и также постепенно будутъ печататься.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ XVII ТОМѢ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
1876 г.

(ОКТАВРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯВРЬ, ДЕКАВРЬ).

А.

Аарифъ - эфенди, турецк. уполномоч., 1855 г., 368.

Абазумовъ, сенат., 1828 г., 493, 495.

Аббасъ - мзраа, персидскій наслѣдн. принцъ, р. 1782 † 1833 г., 631, 730—758.

Абдель-Бадеръ, 243.

Абердинъ, 386.

Абутэмамъ, арабъ, поэтъ, 396.

Августинъ, архіеписк., 110.

Ага-Мамедъ-шахъ, 1828 г., 734, 735.

Адамовъ, поруч. инженеръ, 1829 г., 770.

Алдербергъ, гр. Владим. Ѳеодор., ген.-адъют., 240.

Алабинъ, 778.

Аледжиоскій, наставникъ вел. кн. Николая и Михаила Павловичей, 79—102; 220.

Александра Павловна, вел. кн., палатина венгерская, р. 1783 † 1801 г., 627; 693—697; 702; 704.

Александра Ѳеодоровна, имп., 85—92; 314; 351.

Александръ I, имп. Построеніе храма Спасителя въ Москвѣ, 110—125; открытіе Харьковск. унверсит., 464, 465; утвержденіе Джунковскаго ректоромъ Харьковск. унверсит., 481; Эрфуртскій

конгрессъ, 432, 433; письмо протоіерея Самборскаго 1808 г., 627, 628; упомин. 78—88; 101—104; 130—133; 220—223; 266; 285; 286; 313—315; 478; 484; 486; 533; 605; 627; 631—633; 702; 709; 716; 718—723; 784, 842—851.

Александръ II, имп. Вѣнскія совѣщанія и Парижскій трактатъ, 1856 г., 367—388; упом. 247.

Александръ, король польскій, 1502 г. 76.

Алексѣевъ, Ѳома, старшина казначейскій, 1773 г., 65.

Алексѣй Михайловичъ, царь, р. 1629 † 1676 г., 76, 831.

Али-мурза, 1828 г., 732.

Али-паша, великій визирь, 1856 г., 368, 380—383.

Альбрехтъ, 794.

Альтести, грекъ, секретарь Пл. Алсд. Зубова, 51, 455—457, 710.

Алябинъ, авт. брошюры: «Александро-Невскій соборъ въ Вяткѣ». 286—295.

Амбургеръ, генеральн. консулъ въ Персію, 1828 г., 728—743.

Амвросій-Вертисъ-Каменскій, архіеп. московск., 1771 г., 192—202.

Амвросій (Подобѣдовъ), митроп. новгородск. и с.-петерб., 305, 308.

Амело-де-ла-Гуссе (Amelot de la Hous-
saue), р. 1634 † 1706 г., писатель, 441.
Амраганъ, татарскій баскакъ, родона-
чальникъ **Зубовыхъ**, 173.
Амфилохій, о. диаконъ, † 1824 г., 305 —
308.
Ангальтъ, гр., 1790 г., 421.
Ангальтъ-Вернбургскій, владѣтельный
принцъ, 1790 г., 213, 417.
Анна Иоанновна, императр., 42; 673.
Анна Фёдоровна (Юліана - Генриетта -
Ульрика, принцесса Саксенъ - Кобург-
ская), супруга цесарев. **Константина**
Павловича, р. 1781 † 1860 г., 693, 701.
Анрепъ, гр., 1853 г., 156, 168, 169, 318;
349—351, 358.
Антоній, митропол., 633.
Аплавки, посолъ въ Константинополь,
1830 г., 503, 504.
Аполлосъ, іеромон., 309.
Апраксинъ, гр., 1796 г., 692.
Апраксинъ, гр., Ст. Степ., ген.-губерн.,
род. 1756 † 1827 г., 430—436, 455, 662.
Апраксинъ, Стен. Фёд., фельдмарш.,
р. 1702 † 1758 г., 430.
Апрѣлевъ; Фёд. Ив., ген.-лейт., 1826 г.,
138—142.
Арапчевъ, гр., Алексій Андр., р. 1769
† 1834 г., 109—125, 226; 265; 302; 314;
314; 513—536; 634; 719.
Араповъ, пособникъ **Пугачева**, 67.
Аргамановъ, об.-офид., 1796 г., 716.
Аристанъ, 450.
д'Аржуръ, герцогъ, 1796 г., 444.
Армфельдъ, 1789—1790 гг., 416—435; 639;
834.
д'Арно, писатель, 456.
Арнольди, ген.-майоръ, 1829 г., 263.
Арсеній, от., 1825 г., въ послѣд. митроп.,
киевскій, 302.
Арсеній, архимандр., 1852 г., 312—315.
Артемовскій-Гулажъ, адъютант. Харьк.
унив., 478.
Артемовскій, пѣвецъ русск. оперной
труппы, 1843 г., 792.
д'Артуа, гр., внукъ кор. **Людовика XV**,
441—444.
Архангельскій, проф. Харьковск. универ.
483.

Архаровъ, Никл. Петр., ген., р. 1742
† 1814 г., 584.
Аршаумовъ, вятскій городск. голова,
1838 г., 286.
Астрахова, Т. А., 559—565, 574, 576.
Астраховъ, Никл. Ив., магистръ, кан-
дидатъ математич. отдѣленія, 559—572.
Ахвердовъ, ген.-лейтен., воспитатель в. к.
Николая и Муханла Павловичей, 81, 82.
фонъ-Апль, медикъ, 1770 г., 190.
Апль, смолен. губернаторъ, 1818 г., 102.
Афанасій, Новочерк. архіеписк., 474.

Б.

Ваграціонъ, кн. Петръ Ив., ген. инф.,
р. 1756 † 1812 г., 835; 839.
Важеновъ, архитект., 1771 г., 204.
Важеновъ, Степанъ, казакъ, 1773 г., 62.
Важеновъ, Фёдоръ, бургомистръ, 1773 г.,
62.
Вайковъ, адъютантъ Харьковского унив.,
1820 г., 478, 479.
Вайковъ, 1828 г., 495.
Вайронъ, поэтъ, 396.
Важонъ, 469.
Вакунинъ, М. А., 546, 549, 578.
Валашовъ, 1813 г., 719.
Валашкинъ, Никаноръ Никл., подряд-
чикъ, 119—124; 267, 270.
Валаскскій, Я., 466.
Валтышъ-Евдокскій, Дм. Никл., смы-
ки на его «Словарь достоин. людей рус-
ской земли», 198, 199, 417, 447, 718, 722.
Варанцевъ, А. А., 226.
Варилей-де-Толли, кн. Мих. Богданов.,
р. 1761 † 1818 г., 86, 518—523; 841; 843.
Вароцій, 1790 г., 409, 412.
Варсовъ, Никл. Ив., профес. Сообщ.: За-
писки Алекс. Ск. Стурдзы. «О судьбѣ
православной церкви русской, въ царств.
Александра I», 633.
Варятинская, кнг. Екатерина Петр.,
рожд. принцесса Гольштейнъ-Бекская,
456.
Васкаковы, 173.
Вассаго, герц., 1811 г., 848.
Ватонъ, 1827 г., 230.
Ваумгартенъ, генер., 1854 г., 349.

- Вауръ**, полковн. 1788 г., 23, 24, 211, 646.
Вахметовы, братья, 539.
Вахметовъ, бригад., московск. об.-полицеймейстеръ, 1770 г., 189—204.
Вебутовъ, кн. Вас. Осип., генералъ инф. † 1858 г., 226, 321—335.
Везбородко, гр. Алд. Андрв., р. 1747 † 1799 г., 40—52; 437, 445, 649, 698, 701.
Векшарій, 50.
Веллерофонъ, 621.
Вельгардъ, австр. ген.; 1800 г., 833.
Вельгардъ, генер., 1854 г., 349, 364.
Вемеръ, Геннингъ, 7.
Вемеръ, вице-президентъ юстицъ-коллегии, 1772 г., 6, 7.
Вендеберинъ, казакъ, 1807 г., 839.
Венигсенъ, гр. Леонт. Леонт. (von Venpingsen) генер.-отъ-кавалерин, р. 1745 † 1826 г., 692, 716, 719; 835; 839; 840.
Венкендорфъ, ген.-маюръ, 1789 г., 642.
Венкендорфъ, гр. Алексд. Христ., ген.-адъют., шефъ корпуса жандармовъ, р. 1783 † 1844 г., 260, 291, 775.
Венкендорфъ, гр. Конст. Алд. ген.-адъют., 1845 г., 320.
Вергъ, 1828 г., 495.
Вергъ, Н. В. Сообщ. очеркъ: «Павелъ Яковл. Петровъ, проф.-ориенталистъ», 394—399.
Верезовскій, 1791 г., 42.
Верже, Адольфъ Петр., предсѣдат. кавказск. археографич. коммисіи. Сообщ.: «Никл. Петровичъ Колюбакинъ», 317—342; Приказы командировъ Кавказск. арміи 1802—1812 гг., 630—633; Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, какъ дипломатъ 1827—1829 г., 727—758; Письма ген.-адъют. Паскевича 1827 г. имп. Николаю и в. к. Михаилу Павловичу, 851—853; упом. 226; 228.
Вернадотъ, наслѣдн. принцъ шведс., въ послѣд. кор. Карлъ XIV, 846; 847.
Верзени, абхазецъ, 322.
Верингъ, капит., 1789 г., 34.
Вернбургскій, кн., ген.-поруч., 1789 г., 211.
Верхмалъ, ген., 1789 г., 211.
Вергье, франц. марш. 1812 г., 432, 846.
Вестужевъ, 1763 г., 407.
Ветховенъ, композит., 550, 789.
Вехтѣвъ, 1791 г., 40—49; 437.
Вибиковъ, генер., 1773 г., 63.
Вибиковъ, ген.-поруч., 1790 г., 414.
Вибиковъ, Николай, об.-офиц., 1796 г., 716.
Вибиковъ, адъютантъ, 1826 г., 252.
Виронъ, Густавъ, ген.-аншефъ, † 1742 г., 449.
Виронъ, Иоганнъ-Эрнстъ, герцогъ Курляндскій, р. 1690 † 1772 г., 713.
Виронъ, Петръ, герцогъ Курляндскій, р. 1724 † 1800 г., 448.
Вирюковъ, капит., 1831 г., 518.
Вичевъ, 791.
Влиновъ, прикащ., 1788 г., 662, 663.
Влудовъ, гр. Дмит. Никл., р. 1785 † 1864 г., 687, 775.
Вобриновскій, гр. 1796 г., 458.
Вобровскій, Дм., священ. Сообщ.: «Увѣщаніе вятскаго епископа во время пугачевщины, 1774 г.», 392—393.
Вогаевскій, В. Г., ген.-м., 1847 г., 428.
Вогомоловъ, Иванъ, см. *Мамаевъ*.
Вогуславскій, ген.-м., 1826 г., 253.
Вогушевскій, К. А., 43, 719.
Вогушевскій, Н. К. Сообщ.: «Воспоминанія Братковскаго о кн. Платонѣ Зубовѣ», 43—45, 719.
Вогдановичъ, г-жа, рожд. Кирьякова, 724.
Вогдановичъ, М. И. Сообщ.: «Вѣнскія совѣщанія и Парижскій трактатъ 1854—1856 г.», 365—388; «Замѣтку по поводу восточнаго вопроса», 853; упом. 826.
Воде, г-жа, 100.
Волеславъ Храбрый, король польскій, 75.
Вологовъ, Андр. Тимоев., авторъ «Записокъ», р. 1737 † 1833 г., 605.
Волтинъ, 681.
Волугьянскій, рект. С.-Петербур. университета, 1821 г., 463.
Волховской, Дм. Никл., 539.
фонъ-Воль, подполков., 255.
Вонаротти, скульпт., 291.
Воссюеть, франц. писат., 439.
Воталь-паша, 1789 г., 639.
Вошнякъ, комендантъ саратовск., 1774 г., 53.
Враммъ, ген.-м., 258.
Вратковскій, Мих. Ив., управитель имѣніемъ кн. П. А. Зубова, 43, 44, 720—722.
Вратковскій, Мих. Мих., 719.
Врезгунъ, тульск. заводскій полицмст., 1829 г. 762, 770, 771.

- Врейтхопфъ**, начальница Екатерининскаго института, 1818 г., 102, 103.
Вронгауэ, гравёръ въ Лейпцигѣ, 634.
Вудбергъ, Анд. Яковл., посолъ въ Швецію, р. 1750 † 1812 г., 694.
Фонъ-Вроунъ (Vroune), гр. Юрій Юрьев., риж. ген.-губ., 1777 г., 16—20.
Бруниновъ, бар., 1856 г., 356—358, 380—385.
Брюлловъ, Карлъ Павл., проф. акад. художествъ, † 1852 г., 799.
Вудбергъ, генер., 1840 г., 318.
Вувогевденъ, гр. Фёд. Фёд., ген. инф., главнокоманд. русск. арміею въ Финляндіи 1808 г., р. 1750 † 1811 г., 416, 691, 836.
Вулгазовъ, генер., 1796 г., 692.
Вулгазовъ, Як. Ив., дс. тн. сов., послан. въ Константинополь, р. 1743 † 1809 г., 36; 51, 213; 404—425, 455, 456, 636, 639.
Вулгазовъ, В. П., 109.
Вуль-Шауэнштейнъ, гр., австр. мин-ръ иностр. дѣлъ, 1855 г., 368—385.
Бургейнъ, англ. генер., 1854 г., 358.
де-Вурвенежъ, бар., франц. послан. въ Вѣнѣ, 1855 г., 368—383.
Бурнашевъ, Степ. Данилов., бригадиръ, въ послѣдствіи курскій губернаторъ и сенаторъ, р. 1743 † 1824 г., 208.
Вуторовъ, Алексид. Яковл., 112.
Вѣлавинъ, дворянинъ, 1785 г., 592, 663.
Вѣлецкій, Павелъ, протоіерей. «Замѣтка о митрополитѣ Антоніи», 633.
Вѣлижскій, Виссаріонъ Григор., писат., р. 1810 † 1848 г., 549, 550.
Вѣллевъ, Косьма Васил., 277, 282.

В.

- Вадбольскій**. 233.
Ваксэль, В. Сообщ. приказъ ген. Лидерса при переходѣ чрезъ Дунай 1854 г., 826.
Валевскій, гр., франц. мин-ръ иностр. дѣлъ, 1855 г., 372—388.
Валентиновичъ, литовская помѣщница, 722.
Валентиновичъ, Фекла Игнатьева, см. княгиня **Зубова**.

- Валушковъ**, казакъ 1807 г., 839.
Вальтеръ-Сюттъ, писатель, 802.
Вареоломей, еписк. вятскій и великопермскій, 1774 г., 392, 393.
Вареоломей, св. мощи его въ Кіевѣ, 264.
Васильчиковъ, 1790 г., 416.
Вейсманъ, генер., † 1773 г., 10—12.
Вейсманъ, полковн. 1777 г., 10, 19.
Величю, 284.
Веллингтонъ, см. **Уеллингтъ**.
Вельманъ, Алсд. Фомичъ, писатель, р. 1800 † 1870 г., 399, 550, 551.
Вельяминова, 230.
Вельяминовъ, Алексѣй Алсд., ген., † 1838 г., 236, 318.
Вельяминовъ, Ив. Алсд., ген.-лт. въ послѣд. ген.-губернат. Западн. Сибири, 228—230.
Венедиктовъ, Алсд. Савичъ, проф.-медикъ, 478.
Веніаминовъ, медикъ, 1770 г., 190.
Веселитскій, генер., 1847 г., 428.
Вестморлендъ, гр., англ. уполномочен. 1855 г., 368.
Вестфаленъ, бригад., 1789 г., 208.
Вибенингъ, монашенскій инженеръ, 112.
де-Вилламарина, маркизъ, сардинскій послан. въ Паряжѣ, 1856 г., 180.
Вильгельмъ I, король Нидерландскій, 259.
Вильгельмъ-Фридрихъ-Лудв., принцъ Оранскій р. 1792 г., 83, 85, 111, 259, 260.
Вильсонъ, курьеръ, 1817 г., 96.
Виндельманъ, 787.
Винценгероде, бар. Фердинандъ Фёд. (Фердинандъ-Фридрихъ), ген.-адъют., р. 1770 † 1818 г., 846.
Виргилій, писатель, 275.
Виртембергскій, принцъ, † 1791 г., 415, 642, 651.
Витбергъ, Алсд. Лаврент, академикъ, строитель храма Христа Спасителя въ Москвѣ, р. 1787 † 1855 г. Автобіографія его и переписка съ А. И. Гереномъ 103—126; 267—296; 775—786; упом. 551, 567.
Витбергъ, Лаврентій Самойлов.; † 1834 г., 272.
Витбергъ, Фёд. Алсдр, воспитатель въ Гатчинск. институтѣ, 109; 785.
Витбергъ, Авдогья Викторъ, рожд. Пу-

зыревская, вторая супруга анад-ка, † 1851 г., 272—296, 776, 780—782.

Витбергъ, Вѣра Алд., 275—294, 776, 777.

Витбергъ, Елизавет. Васил. † 1831 г., 272.

Витбергъ, Любовь Алексдр., 109, 289.

Витбергъ, Софья Алексдр. см. Кавна-
чева,

Витбергъ, Христина Лаврентьевна, см. Гельнъ.

Витвортъ, лордъ, Чарльзъ, англ. посланн. въ Петербургъ, 1796 г., 445, 704—717.

Витгенштейнъ, гр. Петръ Христианов., ген.-фельдм. р. 1768 † 1843 г., 491, 496.

Фонъ-Витгенъ, генер., 1763 г., 673.

Виттъ, гр., ген.-лейт., 1828 г., 495.

Владиславъ IV, король польскій въ 1641 г., 76.

Власова, помѣщ-ца, 268.

Войновичъ, гр. 1789 г., 25; 210.

де-Волянъ, инженерн. оф., 1796 г., 695.

Волковъ, адъют., 1855 г., 364.

Волковъ, сообщ.: Реестръ вещамъ и мебели импер. Петра I въ Екатеринентальскомъ дворцѣ, въ Ревелѣ, 390—392.

Волковъ, пособникъ Пугачева, 61.

Волконскій, кн., ген.-м., † 1788 г., 23.

Волконскій, кн., П. Д., 226.

Волконскій, кн., Мих. Никит., ген.-аншефъ, московск. главнокоманд., р. 1718 † 1789 г., 194, 677.

Волконскій, кн., Петръ Мих., фельдмарш., мин-ръ двора, р. 1776 † 1852 г., 226.

Володковъ, Семень, гвард. капет. 1773 г., 68.

Вольтеръ, François-Marie-Arouet писат., р. 1694 † 1778 г., 440, 441.

Вороникъ, чиновн. артил. деп., 1824 г., 130, 132; 254, 256.

Вороновъ, ген.-м., 1816 г., 760.

Вороновъ, Пав. Алексв., ген.-лейт. Сообщ.: Указъ Петра I 1722 г., 831.

Вороновъ, Прокофій Петр., каптенармусъ 1722 г., 831.

Воронцовъ, гр., Алд. Романв. государств. канцл., р. 1741 † 1805 г., 40, 203.

Воронцовъ, гр., въ послѣдствіи кн. Мих. Семен., ген.-адъют., кавказ. намѣстн., р. 1781 † 1856 г., 112, 145, 174, 241, 262, 318, 330, 498; 843.

Воронцовъ, гр., Романъ Иллар., генер.-анш., р. 1707 † 1783 г., 659, 677.

Воронцовъ, гр., Семень Роман., посолъ при лондон. дворѣ, р. 1744 † 1832 г., 51, 94, 443—445, 455, 655, 691, 694, 703.

Врангель, 1812 г., 849.

Вревскій, бар., Пав. Алд., ген.-адъют., † 1855 г., 364.

Вреде, кн., баварск. ген., 1812 г., 837.

Воевоходъ, вел. кн., 287.

Вульфъ, наставникъ вел. кн. Николая и Михаила Павловичей, 81.

Высоцкій, 1831 г., 516.

Вѣра Ашимова, тетка Каткова, 567.

Вяземскій, кн., Алд. Алексв., ген.-прокуроръ, р. 1727 † 1793 г., 40; 70, 74, 212, 585, 615, 641, 678, 677.

Г.

Гавриилъ, монахъ, 302, 303.

Гага, гр. см. Густавъ IV.

Гагаринъ, кн. 1774 г., 72.

Галманъ, генер., 1855 г., 363.

Гайднъ, композит., 799.

Гайсмонъ, основатель Луганскаго литейнаго завода, 708.

Галяховъ, А. Д. Сообщ.: Примѣчаніе къ шуткѣ-пародіи: «Описаніе бракосочетанія Н. М. Карамзина», 180—181.

Гарденбергъ, бар., прусс. мин-ръ, 1811 г. 848.

Гарновскій, Михаилъ, артил. полковн. 1790 г., 41, 42.

Гасанъ-паша, 1789 г., 205, 213, 216; 409, 412.

Гегель, нѣмец. писат., 287, 549, 551, 791.

Гедройцъ, 1794 г., 447.

Гейдекрейхъ, Л. А., докторъ. «Разсказъ изъ воспом. его о М. И. Глинкѣ», 618—622.

Гельбингъ, ссылен на его кн. Die Russische Günstlinge. 51, 448, 458.

Гельмштедтъ, г.-жа, 84.

Гельнъ, Христина Лаврентьевна, рожд. Витбергъ, 779, 783.

Георгъ, 1774 г. 583.

Генкиъ, П. Н., чл. комитета по сооруженію Александро-Невскаго собора въ Вяткѣ, 786.

Германъ, русс. ген., 1799 г., 885.
 Германъ, Ив. Ѳеодоров., канцеляристъ 1828 г., 270.
 Гердбергъ, прусскій мин-ръ, 1790 г., 407, 423, 636.
 Герцена, Натал. Алсд., рожд. Захарына, 275—295; 548—578; 776—784.
 Герценъ, Алсд. Алсд., 571—576; 781—784.
 Ге. .екъ, Алсд. Ив., писат., письма его къ академ. А. Л. Витбергу, 274—296; 538—578; 776—784.
 Герценъ, Егоръ Ив., 539—569.
 Герценъ, Луиза Ив., 541—548; 574; 577.
 Герценъ, Никол. Алсд., 547, 783
 Гердингъ, Пав. Семенов., 390.
 Гессъ, генер. австр., 1855 г., 373.
 Гёте, нѣмец. писат., 789.
 фонъ-Гецъ, П. П. Сообщ. «Бесѣды имп. Екатерины II съ Далеми 1772—1777 г.», 1—20.
 Гильемино, франц. посолъ въ Константинополь, 1830 г., 503.
 Гильемино, супруга француз. посла въ Константинополь, 1830 г., 503—512.
 Гладстонъ, англ. мин-ръ, 1856 г., 386.
 Глинка, Андрей Ильичъ, поруч. лб.-гв. преобразен. полка, 75, 76.
 Глинка, Викторивъ-Владиславъ 1641 г., 76.
 Глинка, Владим. Андр., подполковн. артил. 1817 г., 99.
 Глинка, Григорій Андреев., наставникъ при вел. кн. Николаѣ Павловичѣ и Михайлѣ Павловичѣ, р. 1776 † 1818 г., биограф. очеркъ 75—80; письма къ женѣ 1811—1818 г., 80—108; 217—224.
 Глинка, Дм. Григор., 83.
 Глинка, Иоаннъ, 75.
 Глинка, Матвѣй, бургграфъ Островскій въ XV стол., 75.
 Глинка, Мпх. Ив., композит., род. 1804 † 1857 г., 618—622; 789—810.
 Глинка, Николай, вассалъ земли Визской въ XV стол., 75.
 Глинка, Никол. Григор., капит. генер. штаба, † 1839 г., 107.
 Глинка, Стефанъ, 75.
 Глинка, Яковъ, староста Гостыньскій въ XV стол., 75, 76.
 Глинка, Оед. Никл., писат., р. 1787 г., 550.

Глинка, Александра Григор., † 1874 г., 107
 Глинка, Людмила Ивановна, см. Шестакова.
 Глинка, Наталья Григор., бывшая въ замуж. за артил. генер.-лейт. Ф. В. Одынецъ, † 1864 г., 107.
 Глинка, Шарлота Антоновна, рожд. баронесса Платенъ, 76.
 Глинка, Юстина Григор., † 1874 г., 107.
 Глинка, Юстина Карл., рожд. Кюхельбекеръ, † 1871 г. Письма ея мужа 1811—1818 гг., 80—101; письма императ. Маріи Ѳеодоровны; 103—108; упом. 77, 217—224.
 Глинка-Мавринъ, Борисъ Григор., ген.-адъют. Сообщ. биограф. очеркъ «Григорій Андреевичъ Глинка, наставникъ вел. кн. Николая и Михаила Павловичей, въ 1816—1818 гг., 75—108; 217—224.
 Глововъ, чиновн. 1824 г., 120.
 Глѣбовъ, московск. ген.-кримъ-коммисаръ 1771 г., 192.
 Глювъ, композит., 798.
 Гогартъ, 284.
 Гогель, Ив. Григ., ген.-м. вице-директ. артил. деп. 1824 г., 127—144; 252, 254, 266.
 Гоголь, Никл. Васил., писат., р. 1809 † 1852 г., 549, 805.
 Годлевскій, Ив. Осипов., штаб.-капит. 1811 г., 174.
 Годлевскій, Кирилъ Осипов., генер.-м., 174, 175.
 Годлевскій, Осипъ Осипов., подполковн. 1811 г., 174.
 Годлевскій, Осипъ, исправн., 174, 175.
 Годлевскій, Петръ Осипов., подполковн., 1811 г., 174.
 Годлевскіе, 174.
 Говиупъ, 242.
 Голенищевъ - Еутузовъ - Смоленскій, Мпх. Илар., фельдмарш., род. 1745 † 1813 г., 460, 719, 725.
 Голенищевъ-Еутузовъ, Пав. Пав. ген-р. 1767 † 1828 г., 79—93.
 Голицынъ, кн. 1773 г., 67, 69.
 Голицынъ, кн. Алсд. Никл., мин-ръ народнаго просвѣщенія, 1773 † 1814 г., 109, 111—119, 175, 463—489, 778.

- Голицынъ, кн. Дм. Влад., моск. военн. ген.-губернат., р. 1771 † 1844 г., 115, 124, 126; 267, 269.
- Голицынъ, кн. Дмит. Мих., посолъ въ Вѣнѣ, р. 1721 † 1793 г., 409, 411, 687.
- Голицынъ, кн. С. Ѳ., ген.-лейт., 1797 г., 696, 712, 713.
- Голицынъ, кн. Ѳедоръ Никл., тайн. сов., р. 1751 † 1827 г., 430.
- Головина, Марія, адмиральша, 1774 г., 69.
- Головинъ, секретарь, 1784 г., 654.
- Головинъ, гр. Никл. Никл., дѣйстви. тайн. сов., об.-шенкъ, † 1820 г., 455.
- Головинъ, гр. Юрій Алсдр., камергеръ, чл. государств. сов., р. 1749 † 1846 г., 592.
- Головины, гр., помѣщики, 1763 г., 682.
- Голохвастовъ, А., 282.
- Голохвастовъ, Дм. Павл., 539.
- Голохвастовъ, Никл. Павл., 539.
- Голубевъ, Яковъ Ив., 567, 569, 777, 781.
- Голцъ, 1789 г., 29, 423.
- Голыноскій, кам.-юнкеръ 1791 г. 44, 45.
- Горголи. Ив. Савичъ, генер., 716.
- Гордоновъ, Евсей, об.-офиц., 1796 г., 716.
- Горевъ, чиновникъ артил. денарт., 1824 г., 127—137; 254.
- Горина, помѣщица, 1781 г., 610, 612.
- Горичъ, бригадиръ, † 1788 г., 23.
- Горчаковъ, помѣщ., 1763 г., 674.
- Горчаковъ, кн. Алсд. Мих., посолъ въ Вѣнѣ, нынѣ государств. канцл. Вѣнскаго соѣзманія и Парижскій трактатъ, 1854—1856 гг., 365—388.
- Горчаковъ, кн. Мих. Дмитр., ген.-адъют., Война Россіи съ Турціей 1853—1854 гг., 145—170; 343—362; 811—830; упом. 363; 364; 367; 628.
- Горчаковъ, Николай, поруч. 1773 г., 68.
- Горчаковъ, кн., 1800 г., 832.
- Горшковъ, секретарь коллегіи 1773 г., 66.
- Горшиновъ, 268.
- Грассе, гр. Пав. Христоф., ген.-адъют., 1848 г., 244.
- Гравертъ, корпусн. команд., 1811 г., 846, 849.
- Грейгъ, Алексѣй Самулов., адмир., 1828 г., 259, 493, 496, 498.
- Греновъ, поруч. л.-гв. казач. полка, 1812 г., 836.
- Гренвилъ, Вилліамъ, лордъ, англ. мин-ръ иностр. дѣлъ, р. 1759 † 1834 г., 51, 444.
- Гречъ, Никл. Иванов., писат., род. 1787 † 1867 г., 716.
- Гриббе, Алсд. Карл., р. 1806 † 1876 г., изъ его воспоминаній «Холерный бунтъ» 1831 г., 513—536.
- Грибовская, игуменья Бѣгородскаго монастыря, 456.
- Грибовская, Елена Адриановна, см. Губерти.
- Грибовская, Наталья Акимовна, рожд. Чихачева, 723.
- Грибовскіе, 724.
- Грибовскій, Адрианъ Моисеевичъ, подполков. 1792 г., впослед. статсъ-секрет., состав. «Записокъ о императр. Екатеринѣ II», р. 1796 г., † 1834 г. 51, 455—459; 705—725.
- Грибовскій, Николай Адрианов., полков., р. 1794 † 1864 г., 723.
- Грибоѣдова, Нина Александровна, рожд. княз. Чавчавадзе, † 1857 г., 729, 745.
- Грибоѣдовъ, Алсд. Серг., ст. сов., полномочный мин-ръ при персидск. дворѣ, † 1829 г. Дѣятельность его какъ дипломата 1827—1829 г., 727—758; упом. 232, 233.
- Григорій, о., въ послед. митрополитъ с.-петерб., 300.
- Григорьевъ, Иванъ, яницкій куп. 1773 г., 64.
- Григорьевъ, Максимъ, начальн. шайки Пугачева 1773 г., 67.
- Гриневичъ, начальн. одесской артил., 1829 г., 262.
- Гротъ, Як. Карл., академикъ, 478.
- Грязновъ, полковн., начальн. артиллеріи, 1831 г., 519.
- Губерти, Васил. Яковл., 723, 724.
- Губерти, Елена Адриановна, рожд. Грибовская, р. 1791 † 1866 г., 723, 724.
- Губерти, Н. В. Сообщ. замѣтки о портретѣ Пугачева, 171, 172; биограф. свѣд. объ А. М. Грибовскомъ, 456; Универсалъ гетмана Мазепы, 1704 г., 623; упом. 710, 719, 723.

Гудовичъ, графъ Ив. Вас., ген.-аншефъ, въ послѣд. фельдмарш., команд. Кавказской арміи, р. 1741 † 1821 г., 630, 642, 693.

Гуляевъ, С. И. Сообщ. списокъ съ прошеній мичмана Кропотова 1808 г., 182.

Гуріель, кн. Дато, 1855 г., 324, 335.

Гуріель, кн. М., 1855 г., 335.

Гурій, старообрядецъ, 56, 57.

Гуровскій, гр., полковн. 1789 г., 207.

Гурьевъ, Дм. Алд. мин-ръ финансовъ 1824 г., р. 1751 † 1825 г., 114—119.

Гусейнъ-паша, 1788 г., 23.

Густавъ II Адольфъ, король шведскій, 833.

Густавъ III, король шведскій, род. 1746 † 1792 г., 21—35; 215; 404—426; 427—436; 636—649.

Густавъ IV Адольфъ, король шведскій, р. 1778 † 1837 г., 434; 693—705, 726.

Гуфеландъ, докт. 1818 г., 101.

Гюбнеръ, бар., австр. послан. въ Парижъ, 1856 г., 380.

Гюйонъ, Жанна, рожд. Бувье де-ла-Моттъ, р. 1648 † 1717 г., писательница, 476.

Гюттель, прусскій повѣренный въ дѣлахъ, 1789 г., 636.

Д.

Давыдовъ, поруч., 1753 г., 659.

Давыдовъ, Данила, Бугурусланскій депутатъ, пособн. Пугачева, 1773 г., 65—69

Давыдовъ, Денисъ Васил., ген.-лейт., партизанъ и поэтъ, р. 1784 † 1839 г., 232, 240.

Давыдовъ, поруч. 1.-гв. казач. полка, 1799 г., 835.

Давыдовъ, Левъ Васил., 1848 г., 244.

Дадіани, кн. Георгій, ген.-м., 324—341.

Дадіани, кн. Давидъ Леванов., ген.-м., владѣтель Мингрелии, † 1853 г., 324, 331, Дадіани, кнг. Екатерина Александров. рожд. княз. Чавчавадзе, правительница Мингрелии, 1855 г., 324—340.

Дадіани, кн. Константинъ, 1855 г., 340.

Дадіани, кн. Элизбаръ, 330.

Даллеръ, полковн., 1850 г., 246, 248.

фонъ-Даль, Германъ Юрьев., дс. ст. сов., совѣтн. для таможен. дѣлъ, † 1789 г. Бесѣды съ нимъ Екатерины II, 1772—1777 гг., 1—20; 687.

Даненбергъ, генер., 166.

Данкловъ, Пав. Фед., ген.-л. начальн. округовъ военн. поселеній, † 1883 г., 533—535.

Данкль, епископъ Волынской и Житомирской, 633.

Данте, писатель, 110, 275, 777.

Дашкова, кнг. Екатерина Романов., рожд. гр. Воронцова, р. 1743 † 1810 г., 605, Девель, 1824 г.; 123.

Декартъ, 469.

Делавинъ, проф. Харьковск. университ. 1820 г., 477.

Де-ла-Гарди, гр. Яковъ Густавъ, шведск. послан. при вѣнс. дворѣ, 1799 г., р. 1763 г., 832—834.

Деллингогаузенъ, 1828 г., 493.

Демидовъ, Евдокимъ, помѣщ. Тульской губерніи, 657.

Демидовъ, Никита, 1760 г., 606, 662, 663.

Демидовъ, Прокофій, заводовладѣлецъ, 1763 г., 656.

Денисовъ, ген.-отъ-кавал., 1789 г., 29, 207, 416, 636.

Деревякинъ, Петръ, солдатъ, пособн. Пугачева, 1773 г., 54, 55.

Державинъ, Гавр. Роман., писатель, р. 1743 † 1816 г., 39—51; 437—462; 53—64, 695, 712—718, 791.

Десницкій, Михаилъ, митроп., 305.

Джемсъ (James), англ. консулъ въ Одессѣ, 1816 г., 87, 99.

Джемсъ Грегамъ, англ. мин-ръ, 1856 г., 386.

Джексонъ, капит., 1831 г., 523, 527.

Джонъ-Росселъ, лордъ, англ. уполномоч., 1855 г., 368, 372.

Джушловскій, В. Н., проф. Харьковск. университета, 1820 г., 479—486.

Дибичъ-Забалканскій, гр. Ив. Ив., р. 1785 † 1831 г., 130, 141, 226, 258, 353, 496.

Дивовъ, камерг., 1795 г., 449;

Дивовъ, наставникъ вел. кн. Николая и Михаила Павловичей, въ послѣдствіи штабмейстеръ, 78, 135, 136.

Дидрихсъ, ген.-м., 258.

Дмитріева-Мамонова, гр., рожд. княз. Щербатова, 32.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Алд. Матв.,

- ген.-адъют. Екатерины II, р. 1758 † 1803 г., 29—37; 45, 207.
- Дмитріевъ**, Ив. Ив., писатель, р. 1760 † 1837, 111, 181, 477, 478.
- Дмитріевъ**, Мхл. Александр., 446.
- Долгорукие**, князья, 454.
- Долгорукий**, вв. Вас. Андр., ген.-адъют., воен. мин-ръ, потомъ шефъ жандармовъ, р. 1804 г., 529, 533.
- Долгорукий**, кн. Никл. Андр., ген.-адъют., полномочный мин-ръ при персидскомъ дворѣ, въ послѣд. Виленскій ген.-губерн., р. 1794 † 1847 г., 138, 232, 746—756.
- Долгорукий**, кн. Юрій Владим., ген.-поруч., 1789 г., 38; 207; 417, 638.
- Долгорукий**, кн. Петръ Владим., издатель «Родословной Книги», 173.
- Долгорукой-Крымскій**, 1770 г., 390.
- Донцетти**, композиторъ, 792.
- Донъ-Карлосъ**, испанскій король, 458.
- Дренинскій**, И. Т., 233.
- Дроздовъ**, см. Филаретъ, митропол. московск.
- Дружининъ**, Яковъ Александр., директ. канцел. мин-ра финансовъ, 1824 г., 114, 121.
- Дружининъ**, пособникъ Пугачева, 54, 59.
- Друзъ-де-Люж**, франц. мин-ръ иностр. дѣлъ, 1855 г., 368—372.
- Дудровичъ**, Андрей Ив., проф. философіи, въ послѣд. ректоръ Харьковского университета., 470—488.
- Дютуа** (Dutoit-Membrini, Jean Philippe), р. 1721 † 1793 г., авторъ «Божественной философіи», 476—478, 484.
- Дютуръ**, Софья Никол., рожд. Сѣрова, 792.

Е.

- Екатерина I**, импер., 673.
- Екатерина II**, императ. Чума 1770 — 1771 гг., 189—204; Бесѣды съ Далемиъ 1772—1777 гг., 1—20; переписка съ кн. Потемкиннмъ-Тавричскимъ, 1788 — 1791 гг., 21—38; 205—216; 403—426; 635—652; кн. Пл. Алсд. Зубовъ, 39—52; 437—462; 691—726; письма принца де-Линя 1792—1793 г., 438—442; шведская

- война 1788—1790 г., 427—436; крѣпостные крестьяне 579—618; 653—690; упом. 39—52; 57—76; 173, 305, 392—393; 437; 626; 723; 834.
- Екатерина Павловна**, вел. княгиня, р. 1788 † 1818 г., 85; 94.
- Елагинъ**, Ив. Перфил., ст. секретарь Екатерины II, р. 1725 † 1796 г., 676.
- Елизавета Алексѣевна** (Лунза-Марія-Августа), импр-ца, р. 1779 † 1826 г., 82—87; 101.
- Елизавета Петровна**, императр. Челобитная архіерея, 625; упом. 173; 426; 458; 585; 672, 673; 686.
- Емельяновъ**, Петръ, крестьян., 69, 70.
- Ермоловъ**, Алексѣй Петр., главнокоманд. на Кавказѣ, р. 1777 † 1861 г. Письма къ Р. И. Ховену, 227—250; 843.
- Ермоловъ**, Никл. Петр., издатель: «Записки А. П. Ермолова», 237.
- Ермоловъ**, Петръ Никл., ген.-м.; 237.
- Еропкинъ**, Петръ Дмитр., ген.-поруч., р. 1724 † 1805 г., 193—204.
- Ефремова**, вдова, тн. сов., 1766 г., 610—614.
- Ефремовъ**, Данила, тн. сов., 1766 г., 610.

Ж.

- Жадовскій**, 1840 г., 779.
- Жагъ-Поль**, писат., 294, 803.
- Жарновъ**, Аввакумъ, крестьян., 74.
- Жарновъ**, Захаръ, крестьян., 73, 74.
- Желтухинъ**, кievскій воен. губернат., 1829 г., 263, 264.
- Жеребцова**, Ольга Александр., рожд. Зубова, р. 1766 † 1849 г., 710—717.
- Живетинъ**, Петръ, писарь, 56.
- Жирновичъ**, Ив. Степ., отставн. ген.-м., р. 1789 † 1848 г. Записки его 1824 — 1830 гг., 127—144; 251—266; 759—774.
- Жихаревъ**, С. П., ссылк. на его «Записки студента», 713.
- Жмуринъ**, корнетъ, 1807 г., 840.
- Жуковский**, Вас. Андр., писатель, р. 1788 † 1852 г., 79, 276—296, 775—779.
- Жуковский**, артил. полковн., 1824 г., 127—129; 254.
- Жуновъ**, лб.-казакъ, 1808 г., 837.

З.

- Заборовскій**, 1789 г., 616.
Завадовскій, гр. Петръ Вас., ст. секрет. Екатерины II, р. 1738 + 1812 г., 466, 471.
Завидовъ, сотскій, 72.
Завьяловъ, московск. купецъ, 123.
Зажревскій, гр. Арсеній Анд., генер.-адъют., р. 1783 г., 244.
Залѣсковій, поруч. инженеръ, 1829 г., 770.
Засядовъ, офицеръ, 1827 г., 254, 264.
Захаржевскій, ген.-отъ-арг., 1831 г., 533.
Захарьяна, Екатерина, 548, 576, 577.
Захлыстовъ, Иванъ, пособн. Пугачева, 1773 г., 66, 68.
Зацѣпникъ, капит., 1831 г., 529—532.
Званбай, подполк. † 1855 г., 330.
Зволинскій, полковн., 1831 г., 522, 523.
Зеебахъ, бар., саксовск. послан. въ Парижъ, 1855 г., 376.
Зеховъ, тульскій заводскій механикъ, 1829 г., 762—774.
Золотухинъ, полковн., 1789 г., 208, 210.
Зонненбергъ, Карлъ Ив., 539—550; 782.
Зонтагъ, Генріэта, пѣвица, 1830 г., 799, 801.
Зоричъ, ген.-м., 1783 г., 458.
Зубова, Агафія Ивановна, камеръ-юнгфера имп. Елисаветы Петровны, вторая жена Николая Зубова, 173.
Зубова, гр. Наталья Алсдр., рожд. Суворова-Рымникская, р. 1775 + 1844 г. 449, 719.
Зубова, Ольга Алсдр., см. Жеребцова.
Зубова, князя, Оекла Игнатъевна, рожд. Валентиновичъ, † 1873 г., 722, 723.
Зубова, рожд. гр. Потоцкая, супруга Валер. Алсдр. Зубова, 719.
Зубовъ, Алсдр. Никл., об.-прокур., р. 1727 + 1795 г., 35; 40—49; 173, 437—451.
Зубовъ, гр. Валеріанъ Алсдр., подполковн., флиг.-адъют., потомъ ген.-аншефъ, р. 1771 + 1804 г., 38, 173, 205—207; 408—412; 443—450; 462, 645, 648, 691—719.
Зубовъ, Васи. Никл., 173.
Зубовъ, гр. Дмит. Алсдр., ген.-м., р. 1764 + 1836 г., 173, 212.
Зубовъ, гр. Никл. Алсдр., об.-шталмейст., р. 1763 + 1805 г., 35—37; 173; 208, 449, 691—719.
Зубовъ, Николай, 173.

- Зубовъ**, вн. Платовъ Алсдр., любимецъ Екатерины II, р. 1767 + 1822 г., биографич. очеркъ его, 39—52; 437—462; 691—726; упом. 32—38; 173; 205—214; 405—423; 636—652.
Зубовы, 40—49; 173, 438, 443, 692, 707—718.
Зыбелинъ, медикъ, 1770 г., 190.
Зыковъ, сержантъ, 1773 г., 66.
Зюдерманландскій, герцогъ Карлъ, регентъ, а потомъ король Швеціи (Карлъ XIII), р. 1758 + 1818 г., 706.

И.

- Ибрагимъ-ханъ**, 1855 г., 326, 327.
Иваненко, Михаилъ, 1793 г., 625.
Ивановъ, Ард. Сообщ. списокъ съ прошеній мучана Кропотова, 1808 г., 182.
Ивашевъ, Петръ Никифор., авт. «Записокъ о Суворовѣ», 453.
Ивинъ, майоръ егерс. полка, 1855 г., 330.
Игельстромъ, гр. Осипъ Андр., генер.-поруч., † 1817 г., 428—431, 638, 648.
Игнатій, монахъ, вполсѣд. архіеписк. в.-оронежскій, 302.
Игнатъевъ, Михайлъ, старообр., 1773 г., 63.
Игнатъевъ, Никл. Пав., ген.-адъют., послъ въ Константинополѣ, 491.
Измаиль-бей, 1789 г., 33.
Илія, Грузинскій царевичъ, 1848 г., 244.
Имайбаймай, Сейнтаугуль, татар. старшина, 1773 г., 67.
Инглискъ, литейщикъ орудій, 1796 г., 444, 445.
Инокентій (Борисовъ) о., 1825 г., 302.
Инокентій-Ростовскій, архимандритъ Яковлевскаго монастыря въ Ростовѣ, 306—308.
Инокентій, о. (Смирновъ), ректоръ Александровской семина., въ послѣдствіи епископъ пензенскій и саратовскій, 305—313.
Ирина Фёдоровна, тетка архимандр. Фотія, 1825 г., 297—311.
Исаевъ, генер., казакъ атам., 1796 г., 691.
Исаковъ, помѣщ., 1767 г., 617.
Исленевъ, генер., 1796 г., 691.

I.

- Гонлева, Евфросинья Ѳеодоровна, 71.
 Гонзель, Данна, отставн. капраль, по-
 собнъ. Пугачева, 1774 г., 71—74.
 Гоантъ Альбертъ, король польскій въ
 XV стол., 75.
 Гоантъ, кн. мазовецкій, 75.
 Говскій, проф. химіи, Москов. унвст., 529.
 Гюсфъ II, импер. австрійскій † 1790 г.,
 28; 215; 405, 407, 645, 687.
 Гюселани, командиръ батал-на, † 1855 г.,
 330.

K.

- Кавостъ, капельмейст. 795.
 Кавуръ, гр. мин-ръ, представит. Сарди-
 нии въ Вѣнѣ, 1856 г., 380.
 Казначеева, Софья Александр. рожд.
 Витбергъ, 109, 777.
 Казначеевъ, помѣщ., 1763 г., 674.
 Кайсаровъ, его: Описаніе бракосочета-
 нія Н. М. Карамзина 1801 г., шутка-па-
 родія, 176—180.
 Каленскій, гр. Мих. Ѳеодтв. ген.-фельд-
 марш., р. 1738 † 1809 г. 25, 27; 601—
 605, 649, 650,
 Камбуловъ, лб. казакъ, 1808 г., 837.
 Каменновъ, поруч., 1807 г., 840.
 Канарскій, Ипполитъ Ив., чивикъ въ
 Москвѣ. 270.
 Канатовъ, Дмитрій, студентъ, 482.
 Каннингъ, посоль въ Константинополѣ,
 1830 г., 503, 504.
 Канроберъ, франц. генер. 1855 г., 375.
 Кантъ, писатель, 468—470.
 Каподистрия, гр. Ив. Автонт. р 1776 †
 1831 г., 112.
 Каплевичъ, 1796 г., 711.
 Каравинъ, Васил. Назар., р. 1773 † 1842
 г., 464, 465.
 Карамзина, Елисавета Иванов., рожд.
 Протасова, 180.
 Карамзинъ, Никл. Мих., истеріографъ,
 р. 1766 † 1826 г., описаніе его свадьбы
 1801 г., 176—180; упом: 77, 173, 477, 478.
 Карауловъ, И. 1722 г., 831.
 Каргановъ, 236.
 Каргидъ, Никита, 55—58.
 Карлъ X, франц. король, 441.
 Карлъ XII, король шведскій 623, 704,
 833.
 Карлъ, принцъ, шведскій, адмир. 1790 г.,
 413, 419.
 Карлъ-Фридрихъ, великій герцогъ Сак-
 сенъ-Веймарскій, супругъ вел. кн. Маріи
 Павловны, 224
 Карташевъ, номѣщ. 1786 г., 609—616;
 664.
 Карчагинъ, Иванъ, писарь, 56. .
 Катковъ, Михлъ Никифоров. 567.
 Кауницъ, кн. 1790 г., 409.
 Каховскій, Алсд. Ммх. 230, 235.
 Каховскій, Мих. Вас., генер.-аншефъ
 1796 г., 443, 706.
 Кашиинъ, Евгений, ярославскій губер-
 наторъ 1792 г., 437.
 Келлеръ, баронъ, прусскій послан. при
 С.-Петербурскомъ дворѣ 1789 г., 30.
 фонъ-Ершенъ, полковн., 1829 г., 769—
 772.
 Кетчеръ, Никл. Христофр., 562—577.
 Квинтъ, Петръ Андр., р. 1777 † 1834
 г., 226.
 Кирджали, 1790 г., 409.
 Киселевъ, гр. Пав. Дм., ген.-адъют. род.
 1788 † 1872 г., 356, 493, 495.
 Киселевъ, капит. парохода, 1831 г., 533
 Кларендонъ, англ. мин-ръ иностр. дѣлъ
 1856 г., 380—388.
 Клейншмидтъ, гр. Петръ Андр. ген.-
 адъют., 779.
 Клопштобъ, писатель, 110.
 Ключаревъ, Григ. Ив., 539, 545.
 Кнезевель, прус. дипломатъ, 1812 г., 849.
 Книгинъ, проф. Харьковск. универс.
 1818 г., 472.
 Кноррингъ, генер. 1789 г.; 211.
 Кноррингъ, 1813 г., 719.
 Кобденъ, 1856 г., 386.
 Кобургскій, принцъ, 1789 г., 36; 205—
 216, 420.
 Ковалевъ, 1828 г., 232.
 Кожинъ, псковскіе помѣщики, 1780 г.,
 618, 662.
 Кожуховъ, Никл. Степ., 779.
 Коаловскій, кн. Алексій Семен, ген.-
 поруч., † 1776 г., 203.
 Ковалиновъ, вице-адмир. 1790 г., 416.

Бозьминъ, ген.-майоръ, 1767 г., 676.
Болензуръ, франц. послан., 1811 г., 845.
Боллогризовъ, ген., 1807 г., 840.
Боллоredo, гр. 1855 г., 376.
Болотинскій, капит., 1831 г., 518.
Болотовъ, П., 1811 г., авт.: «Дѣянія Ека-
 терины II», 434.
Болубаинъ, Мих., Петр., ген.-лейт.,
 † 1872 г., 317.
Болубаинъ, Никл. Петр., ген.-майоръ,
 начальникъ Балаканскаго округа, въ по-
 слѣд. Кутанскій вице-губернат. и уп-
 равляющій Мингреліей, † 1868 г. Пись-
 ма его къ кн. В. О. Бебутову. 317—382.
Бомлишинскій, харьковск. проф. фи-
 зики, 478.
Константинъ Николаевичъ, великій
 князь, 78; 853.
Константинъ Павловичъ цесаревичъ,
 266; 318; 432, 433; 454; 627; 693; 698;
 701; 709; 840, 841, 851.
Константинъ, греческ. императ. 817.
Конъковъ, Венедиктъ, поруч., 1812 г., 841.
Корниловъ, витскій губернат. 286.
Корифевъ, Ег. Вас., дс. ст. сов. въ послѣд.
 попечит. Харьковского университета;
 475—479.
Корифевъ, Зах. Яковл., массонъ. тн. сов.,
 попечит. Харьков. универ., 463—489.
Корсаковъ, генер. 1789 г., 211, 692, 693,
 695.
Коссовичъ, Казтанъ Андреевичъ, проф.
 395.
Костровъ, Ермилъ, стихотвор. 1790 г., 42.
Костюшко, Фаддей, предводит. польской
 армии. 1794 г., 447, 706.
Котошкнинъ, составит. записк. о Россіи
 при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ, 832.
Коулъ, англ. посолъ, 380.
Кохъ, директ. с.-петербургскаго Педаго-
 гическаго института, 1800 г. 465.
Коцебу, Морицъ, генер., 233—250.
Коцебу, Пав. Евстаф., ген.-адъют., 1845
 г., р. 1802 г., 317.
Кочубей, кн. Виет. Памл., р. 1768 † 1834
 г., 302, 314.
Кохелевскій, камен. дѣль мастеръ, 118.
Крамбе, генер. 1828 г., 233, 236.
Краммеръ, гофъ маляръ 1826 г., 140, 141.

Красноселожій, Андр. Степ., бака-
 лавръ духовн. акад., 1825 г., 300—304.
Красовскій, Аванасій Ив., ген.-адъют.,
 1843 г., 232, 234.
Красовскій, И. И., адъют. главнокоманд.
 1856 г. Сообщ.: «Вой при рѣкѣ Черной
 1856 г.», 363, 364.
Бречетниковъ, Мих. Никит., ген.-ан-
 шефъ, р. 1723 † 1793 г., 211—215; 414,
 613, 706.
Криштафовичъ, Лаврентій Конст., 1817
 г., 100.
Кронбергъ, проф. Харьковск. университет,
 1817 г., 479, 483.
Кропотовъ, мичманъ, 1808 г., прошеви
 его въ разнымъ министрамъ, 181—185
Кроунъ, 1790 г., 419.
Крузе, Алсд. Ив., адмиралъ, р. 1727 †
 1799 г., 415; 419.
Круземаръ, прус. ген., 1811 г., 648.
Кувшинковъ, помѣщ., 1781 г., 610, 613.
Кудашевъ, кн., 1829 г., 748.
Кудрявцевъ, Титъ, 1722 г., 831.
Кузьминъ, тн. сов. 1772 г., 3.
Куломзинъ, костром. помѣщ., 1792 г., 683.
Кульманъ, медикъ, 1770 г., 190.
Кульневъ, ген.-м., 1808 г., 842.
Кунцикій, адъютантъ Харьковск. универс.
 483, 484.
Куракинъ, кн. Алсд. Борисв., дс. тн.
 сов., вице-канцл., посолъ, р. 1752 † 1818
 г., 845; 848.
Курута, владимір. губернат., 1838 г.,
 562, 564.
Кутайсовъ, гр. Ив. Павл., обшталмс., †
 1834 г., 715.
Кутлубицкій, Н. О., 710, 711.
Кутузовъ, кн. Мих. Иллр., 1795 г., 452;
 850.
Кучинъ, Петръ Ив., кашинскій помѣщ.,
 226.
Кушелевъ, ген.-адъют., 1796 г., 459.
Кушниковъ, Серг. Серг. сенат., 115—
 125; 267, 269.
Кюхельбекеръ, Карлъ Ив., первый ди-
 ректоръ сага (потомъ города) Павлов-
 скаго, 77.
Кюхельбекеръ, Юстина Карловна, см.
 Глинна.

Л.

Лавровский, Н. А. профес. Харьковского универс., 464—476.
Лавочкинъ, Ив. Ив., писатель, 800—806.
Лавровъ, отставн. маіоръ, 1762 г., 611.
Ламартинъ, писат., 243.
Ламачевскій, А. С. Сообщ. замѣтку: «Годлевскіе», 173—176.
Ламбро-Качионн, греческій пиратъ, 456, 705.
Ламсдорфъ, гепер., воспитатель вел. кн. Николая и Михаила Павловичей, 78—102.
Ланжеронъ, гр., полковн., 1790 г., 423.
Ланжеронъ, гр., 1817 г., 98.
Лапласъ, ученый; авт. «Небесной Механики», 466, 490.
Лебедевъ, лекарь, 1831 г., 531.
Лебедевъ, П. С., ген.-лейт., † 1875 г. Сборн. писемъ импер. Екатерины II, въ кн. Потемпину-Таврическому, 1788—1791 гг. 21—38; 205—216; 403—426, 635—652.
Левашевъ, гр. Васил. Ив., ген.-маіоръ 1789 г., 211.
Левель (Lesvesque), авторъ сочин. «Россійская Исторія» на французск. язвѣ, 78, 82.
Левенгольмъ, гр. начальн. штаба швед. арміи, 1808 г., 842.
Левенштернъ, бар., ген., 1813 г., 847.
Левинскій, Сергій Львовичъ, фотографъ-художникъ, 776, 777.
Леонтьевъ, ген.-аншефъ, 1767 г., 586.
Леонтьевъ, вввалидн. офиц., 1831 г., 530, 531.
Леонтьевъ, ген.-маіоръ, 1831 г., 514, 515.
Леонтьевъ, Никл. Мих., ген.-аншефъ, † 1769 г., 666—677.
Леонтьевъ, Пав. Мих., проф. Московск. университета, 398.
Лефорть, чл. воен. коллегіи, 1722 г., 831.
Ливенъ, гр. 1816 г., 89.
Ливенъ, книга, Шарлота Карлов., рожд. Поссе, воспитательница дѣтей импер. Павла, р. 1743 † 1828 г., 83, 90; 223.
Ливенъ, кн., Христоф. Андр., ген.-адъют.,

посолъ въ Берлинъ и Лондонъ, р. 1773 † 1838 г., 848; 849.
Лидеръ, генер.-адъют., 1864 г., 165—167; 351; 812—830.
де-Линъ, принцъ, Карлъ—Юваннъ, р. 1735 † 1814 г. Письма къ импер. Екатерину II, 1792—1793 гг., 438—442.
Липранди, ген.-лейт., 1864 г., 358—364; 815; 816.
Листъ, композиторъ, 798.
Лобановъ, Ив. Дмит., московск. куп., 268—270.
Ломбардъ, морякъ, 1788 г., 21.
Лонгиновъ, М. К., ссылка на его сочин. «Новиковъ и мартинисты», 475.
Лопухина, Натал. Оеодор., рожд. Балъзъ, статсъ-дама, р. 1699 † 1763 г., 585.
Лопухинъ, Аврамъ, помѣщ., 1767 г., 585, 676.
Лопухинъ, Алексій, помѣщ., 1767 г., 591, 609, 676.
Лопухинъ, Ив. Владим., мартинистъ, 1784 г., 475.
Лопухины, помѣщики, 1767 г., 586, 591, 676, 677.
Лористонъ, гр., франц. послан. въ Петерб. 1811 г., 845; 850.
Лубяновскій, О. П., 710.
Лузинъ, отставн. крингсъ-коммисаръ, 182.
Лукашевичъ, Василій, студ., 482.
Лукевичи (Люзи), 1789 г., 638, 643, 647.
Львовъ, ген.-адъют., 1789 г., 637.
Льсковъ, отставн. поруч., 1771 г., 617.
Людоевнъ XIV, король, 439.
Людоевнъ XV, король, 707.
Людоевнъ XVI, король, 438.
Люце, ген.-маіоръ, 1831 г., 533.

М.

Мавроеній, 1789 г., 213, 410.
Магницкій, Мих. Леонт., плечит. Казанск. универс., 475, 477.
Магометь-Аминъ, 1850 г., 319.
Мадатова, внг. Софія Алд., рожд. Саблукова, † 1875 г., 226.
Мадатовъ, кн. Валеріанъ Фриг., ген.-лейт., р. 1782 † 1828 г., 226.
Мазепа, Иванъ, гетманъ малороссійскій. Универсалъ 1704 г., 623—625.

Макаровъ, Иванъ, янцкій казакъ, 55.
 Маждональдъ, англ. послан. при персид. дворѣ, 1828 г., 731—750.
 Макинцевъ, Самсонъ Яковл., вахмистръ нижегород. драгунскаго полка 1802 г., ген.-лейт. персидск. службы, † 1852 г., 730.
 Майникъ, 1828 г., 734.
 Маковский, майоръ, † 1831 г., 521, 523.
 Маковъ, офицеръ кавказскій, 233.
 Макомовичъ, сподвижн. кн. Потемкина, 1788.
 Максимовичъ, Петръ (Мемека), денщикъ А. П. Ермолова, 227—249.
 Максимовъ, гренадеръ, 525.
 Маликовъ, оружейникъ, 1829 г., 763—765.
 Малькольмъ, 1828 г., 731, 741.
 Мальцевъ, секрет. русской миссии въ Персіи, 1829 г., 745, 747.
 Мамаевъ, Ив. Васильевъ, пособникъ Пугачева, 53—65.
 Мамедъ-ханъ, начальн. персидск. войска, 1829 г., 752, 753.
 Мамикъ, 16.-казакъ, 1798 г., 834.
 Мамоновъ, помѣщ., 1763 г., 674.
 Мамоновъ, бригад., 1771 г., 202.
 Мамонтовъ, см. Мамаевъ.
 Манжосъ, полиціймейст. Старой Руссы, † 1831 г., 514.
 Мано, делегатъ отъ греческ. правительства 1853 г., 163, 164.
 Мансуровъ, ген.-майоръ 1773 г., 57.
 Мانتейфельдъ, бар., прусс. мин-ръ 1855 г., 367.
 Мануилъ, архимандр., новгород. Юрьева монастыря, 1839 г., 316.
 Манштейнъ, Христофоръ, авторъ «Записокъ о Россіи», 78.
 Марановскій, архитект. 1839 г., 296.
 Маргари, абхазецъ, 322.
 Маргари, Кацо абхазецъ, 323.
 Маргари, Хасанъ, абхазецъ, 325.
 Марикъ, Сергій, об.-офиц., 1796 г., 716.
 Марисовскій, Симеонъ Ивановъ, сваяц. 1773 г., 59.
 Марія Павловна, вел. кн., герцогиня Саксенъ-Веймарская, р. 1786 † 1859 г., письмо къ Г. А. Глинкѣ, 1816 и 181 г.,

223, 224; письмо къ г-жѣ Глинкѣ 1818 г., 105; упом. 86—101.
 Марія-Тереза, импер. австрійская, 14.
 Марія-Феодоровна, имп. Воспитаніе и путешествіе вел. кн. Николая и Михаила Павловичей, 78—101; письма: къ г-жѣ Брейткопфъ, 102; къ Ю. К. Глинкѣ, 1818 г., 102—104; къ Г. А. Глинкѣ 1816 и 1817 г., 217—223; упом. 62; 111; 182; 306; 700; 703; 711.
 Марьевичъ, 390.
 Маркетт, докторъ, 780.
 Марковъ, Аркад. Иван., въ послѣд. гр., р. 1747 † 1824 г., 694—704.
 Мартиненко, 1830 г., 237.
 Мартыновъ, Ив. Иванов., правит. дѣлъ правл. училищъ, 465.
 Маршани, Баталбей, далець, 322, 323.
 Маслова, калуж. помѣщица, 1775 г., 610, 613.
 Марковъ, секундъ-майоръ, 1790 г., 51, 52, 416.
 Масловъ, Дмит., 119—123; 267—269.
 Массонъ, авт. Записокъ о Россіи, 446—458; 697—715.
 Масыкинъ, Іовъ Марковъ, крестьян., самозванецъ, 1774 г., 70—74.
 Махмудъ-паша, 1828 г., 730, 731.
 Махмудъ III, султанъ, 1808—1839 г., 499—512.
 Машковцевъ, Владиміръ, 1839 г., 775.
 Машковцевъ, Ив. Степ., вятск. город. голова 1824 г., 285.
 Мевесъ, артил. генер., † 1831 г., 514.
 Мегеметъ-Джемилъ-бей, турец. посолъ въ Парижѣ, 1856 г., 380.
 Мегметъ-паша, 1796 г., 693.
 Медвѣдова, Прасковья Петровна, вдова, 277—296, 776, 778.
 Мейендорфъ, баронъ, 1854 г., 170.
 Мейерберъ, композит., 790, 797, 807.
 Мейерфельдъ, шведск. фельдмарш., 435.
 Межленбургскій, принцъ, Павелъ, 514.
 Мелингъ-Осиповъ, кн., корн., 1807 г., 836.
 Меллоскино, ген. поруч., 1796 г., 696, 698, 708.
 Меллеръ-Закомельскій, Н. Н., † 1789 г., 33, 38; 207; 639.
 Мельгуновъ, ярославс. ген.-губернат., 1775 г., 655, 684, 685.

Меншиковъ, вн. Алсд. Данил., р. 1673
 † 1729 г., 625, 713.
Меншиковъ, вн. Алсд. Серг., адмир.,
 главнокоманд. войсками въ Крыму, р.
 1787 † 1869 г., письма имп. Николая
 I, 1854 г., 361—362; 491—498; 728; 815;
 828.
Мерляни, ген.-м., 1828 г., 727, 728.
Мертваго, Дм. Борисов., р. 1760 † 1824
 г., 461.
Мертенъ, медикъ, 1770 г., 190.
Мещерскій, вн., помѣщ., 1775 г., 678.
Мещерскій, вн. Петръ Серг., об.-прокур.
 синода 1825 г., 119, 125, 175.
Милоновъ, ассес., 1784 г., 475.
Милорадовичъ, гр. Мих. Андр., 1813
 г., 735.
Милосинъ, (Мелисина?), 1790 г., 416.
Милуковъ, ндв. сов., 1825 г., 123.
Мишина, Настасья Федоровна, домо-
 правительница гр. А. А. Аракчеева, 533.
Минто, англ. посл. 1860 г., 833, 834.
Мирбахъ, флиг.-адъют., 1854 г., 826, 828.
Мирза-Абдуль-Хасанъ-ханъ, 1829 г.
 747, 750.
Мирза-Масудъ, 1828 г., 736, 746—758.
Михайловъ, Егоръ, унт. офиц., 531.
Михаилъ Павловичъ, вел. вл., воспи-
 таніе и путешествіе его по Россіи, 79—
 82; 97—101; письмо къ Ю. К. Глинкѣ,
 1818 г., 104; упом. 105; 129—143; 220—
 223; 250—264; 765; 774; 851—853.
Михаилъ Федоровичъ, царь, р. 1596 †
 1645 г., 831.
Михельсонъ, Ив. Ив., ген. нифан., р.
 1740 † 1807 г., 28—30.
Могилевскій, Аванасій, протоіер., проф.
 Харьковскаго универс., 1820 г., 483, 484.
Моллеръ, морской мин-ръ, 131, 141.
Моллеръ, живописецъ, 1842 г., 788.
Мольеръ, франц. писат., 42, 441, 716.
Монморанси, эмигрантъ, 1792 г., 440.
Монморинъ, гр. франц. мин-ръ, 1789 г., 36.
Монтанъ, писат., 441.
Монтескье, писат., р. 1689 † 1755 г., 439.
Монтисъ, 1828 г., 736.
Мордвиновъ, Никл. Семен., графъ, р.
 1755 † 1845 г., 459, 460.
Моренгеймъ, семейство, 100.
Морни, гр., 1855 г., 376.

Морошкинъ, Яковъ Лукичъ, свящ. Со-
 общ.: Воспом. «Архимандритъ Фотій, на-
 стоятель Новгородскаго Юрьева мона-
 стыря», 297—316.
Морха, гр. изъ Балы, 1091 г., 75.
Моцартъ, композит., 550, 789—802.
Мстигешій, гр. изъ Балы 1180 г., 75.
Мурайдъ, механикъ, 115.
Муравьева, Наталья Григор., рожд. гр.
 Чернышева, 265.
Муравьевъ, Никита Мих., декабристъ,
 265.
Муравьевъ, Никол. Назаров., ст.-секрет.
 1826 г., 117, 126.
Муравьевъ, Никл. Никл., ген.-адъют.
 намѣстникъ Кавказскій, р. 1796 † 1806
 г., 226, 232, 237.
Муромцевъ, помѣщ., 1775 г., 678, 679.
Мурузи, вн., 1853 г., 163.
Мушинъ-Пушкинъ, гр. Валентинъ Пла-
 тонов., фельдмарш., р. 1735 † 1804 г.,
 28—38; 205—211; 419.
Мустафанъ, Моисей, татарск. старш.,
 1773 г., 67, 68.
Мухранскій, вн., Ив. Конст., ген.-м.
 1855 г., 319, 330, 339.
Мухромани, 237.
Мюнстеръ, гр. 1812 г., 848.

Н.

Назаровъ, И. И., ген.-м., Эриванск. гу-
 берн., 1854 г., 319.
Наполеонъ I, Бонапарте, 82; 248, 376,
 432, 433, 838—851.
Наполеонъ III, 368—388.
Нарбокъ, гр., 1812 г., 850.
Нарышкина, Анна Никитична, статсъ-
 дама, 1789 г., 30, 34.
Нарышкина, Марія Антоновна, рожд.
 внж. Святиполкъ-Четвертинская, р. 1779
 † 1854 г., 723.
Нарышкина, Софья Алексдр., † 1824
 г., 723.
Нарышкинъ, Алсд. Львовичъ, об.-гофъ-
 маршалъ, директоръ императ. театровъ,
 р. 1760 † 1826 г., 175, 697.
Нассау-Вигенъ, принцъ, Карлъ-Генрихъ-
 Николай-Оттонъ, вице-адмир., р. 1745
 † 1805 г., 28—35; 416—431.

Наталя Алексѣевна, вед. кн. супруга десарв., Павла Петровна, † 1776 г., 67.
 Наумова, Агафья Ивановна, см. Зубова.
 Небольсинъ, ген.-м. 1808 г., 631.
 Ней, франц. марш., 1807 г., 839.
 Нейманъ, полковн., 1831 г., 523, 524.
 Неледниковій, 1784 г., 475.
 Нелидовъ, исправникъ, 627.
 Нельдеженъ, проф. Харьковск. универс., 1818 г., 471—473.
 Нельсонъ, адмиралъ, 250.
 Неплюевъ, Орловск. губернат., 1784 г., 475.
 Неронъ, римскій импер., 551, 556.
 Нерсесъ, еписк. армянскій, 1828 г., 232.
 Нессельроде, гр. Карлъ Вас. (Карлъ-Робертъ), государ. канцл. р. 1780 † 1862 г., 163; 354; 867; 381; 729—743; 754; 816; 817; 823; 846.
 Нестеровъ, поруч., 1762 г., 611.
 Нечаевъ, об.-прокуроръ св. синода, 1835 г., 629.
 Никитинъ, архитект., 1763 г., 682.
 Николая, бар. Андрей Львовичъ (Людвигъ-Геррихъ), секрет. вел. кн. Павла Петровича, р. 1737 † 1820 г., 97, 442
 Никъ см. Огаревъ.
 Николай I, имп. Воспитаніе и путешествія, 79—97; письмо Ю. К. Глинкѣ 1818 г., 104; повелѣніе о цѣнѣ за могилы 1826 г., 175; письмо кн. Паскевича 1827 г., 853; война Россіи съ Турціей 1828 г., 491—493; письмо кн. Меншикову изъ Одессы 1828 г., 496—498; рескрипты и грамоты по дѣламъ Персіи, 1829 г., 746—758; бунтъ въ Новгородѣ 1831 г., 529—534; повелѣніе объ архиманд. Фотіѣ 1835 г., 629; война Россіи съ Турціей 1853—1854 гг., 145—170; 342—362; 811—830; новый планъ кампаніи на 1854 г., 358—361; письма 1854 г.: кн. А. С. Меншикову, 361, 362; кн. М. Д. Горчакову, 814—817; 823—828; кн. Паскевичу, 828, 829; вѣнскія совѣщанія и парижскій трактатъ 1854—1855 г., 365—367. Упом. 111—126; 130—142; 217—224; 259—267; 312; 324; 500; 522; 696; 726; 729—745; 830; 852.
 Ниманъ-паша, 1773 г., 11.
 Новосильцевъ, капит.-поруч. 1774 г., 73.

Новосильцевъ, 720.
 Норденстамъ, началн. штаба, 1864 г.; 362.
 Нумоенъ, генер. 1789 г., 24.

O.

Облеуховъ, полков., 1827 г., 257, 258.
 Обольяновъ, Еремина-Курица, пособникъ Пугачева, 60.
 Обрьсовъ, дс. ст. сов., 1828 г., 728.
 Огарева, Марья Львовна, рожд. Рославлева, 571—577.
 Огаревъ, Нил. Платонов., 284; 539—578.
 Огаревъ, Платонъ Богд., 292—294; 539.
 Ограновичъ, Н. С., 1850 г., 246.
 Одоевскій, кн., Алсд. Иванов. поэтъ, декабристъ, р. 1804 † 1839 г., 569.
 Одоевскій, кн. Владим. Ѳеодор., писат., 791.
 О-Доннель, маршалъ испанскій, 1855 г. 375.
 Одынецъ, Ф. В. ген.-лейт., † 1847 г., 107.
 Озеровъ, сенат., 1834 г., 252, 253, 278.
 Ожнъ, морякъ, 1817 г., 95.
 Ожнъ, писат., 549.
 Олсуфьева, помѣщица, 1767 г., 675.
 Олсуфьевъ, ротмист., 1789 г., 27.
 Омельченковъ, Михайла, полковникъ, 1704 г., 623.
 Омеръ-паша, главнокоманд., 1854 г., 325—341, 346, 347, 354.
 Опшерманъ, К. И., директ., инженер. департ. 1826 г., 142, 143, 259.
 Оранская, принцесса, 1790 г., 408.
 Орлова-Чесменская, гр. Анна Алексѣевна, р. 1785 † 1848 г., 98, 102, 293—314.
 Орловъ-Денисовъ, гр., Вас. Вас., ген.-адъют., р. 1780 † 1843 г., 837—841.
 Орловъ-Чесменскій, гр. Алексій Григ., ген.-анш., р. 1737 † 1808 г., 47, 463, 458, 462, 689, 706.
 Орловъ, гр. Алексій Ѳеодор., ген.-адъют., † 1861 г., 303, 350—356; 380—386; 529; 533.
 Орловъ, гр. Влад. Григ., ген.-поруч., директоръ академіи наукъ, р. 1743 † 1831 г., 76.

- Орловъ, гр., Григ. Григ., ген.-фельдцейх-
мейстеръ, р. 1734 † 1783 г., 204.
Орловъ, бригадиръ, 1789 г., 205.
Осиповскій, Тимоѣей Ѳеодоров., проф. и
ректоръ Харьковск. университета. Уволь-
неніе его отъ службы 1820 г., 463—
490.
Оскаръ, король шведск., 1855 г., 375, 832.
Османъ-паша, 1788 г., 21.
Остенъ-Саленъ, бар., Дмит. Ерофеев.,
ген.-адъют., 1855 г., 166, 167, 354, 812;
828; 828.
Остерманъ, гр., 1796 г., 698.
Остроградскій, Мих. Вас., студентъ,
въ послѣд. академ., р. 1801 † 1861 г.,
464—488.

П.

- Павелъ I, имп., восшествіе на престолъ,
706, 707, 717; упом. 62; 72; 181; 427;
437; 446; 453; 454; 456; 458; 461; 475;
605; 680; 696; 700—703; 718.
Павловскій, проф. Харьковск. унверс.,
1820 г., 479.
Павловскій, И. Д., Сообщ. отрывокъ изъ
рѣчи москов. митропол. Филарета 1888 г.
283; замѣтку о запискахъ А. С. Стурд-
зы, 633.
Павловъ, секрет., 1826 г., 143.
Павловъ, проф. Москов. унверс., 549,
569, 570.
Паганнини, капельмейстеръ, 1880 г., 510.
Фонъ-деръ-Паленъ, гр., Петръ Алексв.,
р. 1745 † 1826 г., 421, 425, 636, 641,
707, 716, 717.
Палій, Пав. Семен., полкв., 390.
Палладій, архимандр., въ послѣд. намѣст-
никъ Невской лавры, 629.
Палласъ, академ., 599.
Палій, Семень, полквн., 1704 г., 390, 623.
Панинъ, гр. Никита Ив., дс. тн. сов.,
сенат. и воспитатель вел. кн. Павла
Петровича, р. 1718 † 1788 г., 195.
Панинъ, гр., Никита Петр., дс. тн. сов.,
послан. въ Берлинъ 1797 г., потомъ
вице-презид. коллегіи иностр. дѣлъ,
р. 1771 † 1837 г., 716, 716.
Панинъ, гр., Петръ Иванов., ген.-анш.,
р. 1720 † 1789 г., 70—74, 583, 590, 677.
Паширатьевъ, ген.-м., 1828 г., 727, 733.
Пажухидзевъ, тамбовск. губернат., 571.
Паскевичъ, кн. Варшавскій, Ив. Ѳед.,
фельдмарш., † 1856 г. Война Россіи съ
Турціей 1853—1854 гг., 145—170; 343—
362; 811—830; упом. 79; 220; 226; 234—
237; 725; 727—754; 818; 823—828.
Пассежъ, Богданъ Васил., 174.
Пассежъ, Вадимъ Васил., писат., 550.
Пассежъ, Діомидъ Васил., ген.-м., р. 1807
† 1845 г., 174.
Пассежъ, Татьяна Петр., рожд. Кучина,
р. 1810 г. «Воспоминанія» 1834—1840 гг.,
537—578, упом. 174, 267.
Паста, пѣвица, 799.
Пауловичъ, проф. Харьковск. унверс.,
1820 г., 484.
Паулучи, маркизъ, Филиппъ Осипов.,
ген.-л., командиръ Кавказск. арміи, 1812
г., 631—633.
Пашенко, В., 226.
Пезароѳусъ, Павл. Петр., издат. «Рус-
скаго Инвалида» съ 1813 по 1821 г.,
478.
Пенарскій, П. П., академикъ, † 1872 г.,
478.
Пемброкъ, лордъ, 94.
Перовскій, Васил. Алексв., г.-м., начал.
штаба, 1828 г., 498.
Перрежъ, правит. канцел., генер.-фельд-
цейхмейст., 1824 г., 129—143; 253, 254.
Петровъ, В., 1778 г., стихотвореніе, на-
писанное на шведск. кор. Густава III,
42, 433.
Петровъ, Максимъ, старообрядч. свящ.
67.
Петровъ, Пав. Яковл., проф.-оріента-
листъ, † 1875 г., 394—399.
Петрушевскій, А. Ѳ., авторъ соч. «Раз-
сказы про старое время на Руси», 400.
Петръ Великій, импер., грамота, дан-
ная казаку Шинкевичу 1708 г., 624,
625; указъ 1722 г. объ увольненіи отъ
службы за ранами калтенармуса Во-
ронова, 831; упом. 196; 390; 400; 401;
441; 653—680; 695.
Петръ III, импер. Перенесеніе тѣла,
710; упом. 583; 661; 672.
Пильчеръ, профес. Харьковск. унв., 471.
Пименовъ, Дмит. Ив., скульпторъ, 539.

Пироговъ, Н. И. проф. медиц. хирургъ, 464; 780.
Писаревъ, подполкв., † 1831 г. 530, 531,
Питтъ, англ. мин-ръ 1789 г., 30; 51, 408.
Платенъ, баронесса, Шарлота Антонов-
 на, см. Глинна.
Платовъ, Матв. Ивнв., казачий ата-
 манъ, 1796 г. 692.
Платокъ, митропол. московск., 1787 г.,
 441, 718.
Плещеева, Настасья Иванов., рожд. Про-
 тасова, 180.
Повалишинъ, контръ-адмир., 1790 г.,
 419.
Погодинъ, Вас. Вас., 268.
Подвысоцкій, Я., секрет. попочит. Харь-
 ковскаго универс., 478—481.
Подобѣдовъ, см. Амвросій, митропол.
 новгор. и с.-петерб.
Пожалостинъ, Ив. Петр., академ., гра-
 веръ на мѣди, 634.
Повняновъ, ген.-м. 1789 г., 206.
Покровский, майоръ, 1831 г., 531.
Полѣновъ, писатель, 669.
Поповъ, станнич. старшина на Дону,
 1774 г., 69.
Поповъ, Алсд. Никл., обзоръ его изслѣ-
 дованія «Сношеніе Россіи съ Европейск.
 державами предъ отечеств. войною
 1812 г.», 844—851.
Поповъ, Васил. Степ., ген.-майоръ, прави-
 тель канцеляріи кн. Потемкина 1788—
 1791 г. 44—51, 212, 215; 404, 405, 447,
 645—652.
Поповъ, унт.-офиц., † 1812 г., 836.
Поповъ, кавк. офиц., 1828 г., 233.
Поснижовъ, чинов., 1829 г., 763.
Поссе, Шарлота Карл., см. граф. Ли-
 венъ.
Потаповъ, ген.-м., 1829 г., 263, 264.
Потемкинъ-Тавричскій, кн., Григор.
 Алсдр., ген.-фельдмарш., р. 1738 † 1791 г.,
 Письма къ нему импер. Екаторины II,
 1788—1791 г., 21—38; 205—216; 403—
 426; 635—652; упом. 39—41; 446—462,
 655, 695, 706, 707.
Потемкинъ, гр., Павелъ Сергв., ген.-
 анш., кавказск. ген.-губернат., писа-
 тель, р. 1743 † 1796 г., 65, 69.
Потоцкая, гр. см. Зубова.

Потоцкая, графиня, 1789 г., 26.
Потоцкій, гр., артил. генералъ 1789 г.,
 26, 27, 641.
Потоцкій, гр., попечитель Харьков. уни-
 версит., 1802 г., 465, 471.
Похвисневъ, 1771 г., 204.
Похвисневъ, Мих. Никл., сенаторъ, 226.
Прибыль, Ив. Антонов., медикъ, † 1866 г.,
 238.
Прибыль, Юлія Иванов., 236.
Прозоровскій, Д. И., археологъ, 226.
Прожешъ-Остенъ, бар., австр. уполном.
 1855 г., 363, 376.
Провофьевъ, Николай, унт.-офиц., 1831 г
 531.
Протасова, граф., Анна Степ., р. 1745
 † 1826 г., 175.
Протасова, Елисавета Иванов., см. Ел-
 рамзина.
Протасовъ, президентъ московс. магя-
 страта, 1771 г., 204.
Прикиншиковъ, Фед. Ив., с.-петербур.
 почтъ-директ., 1840 г., 780, 785.
Пугачева, Устинья Петр., 56.
Пугачевъ, Емельянъ Ив., самозванецъ.
 † 1775 г., 53—74, 171, 172, 392—393.
Птицынъ, московс. купецъ, 1771 г., 202.
Пузыревская, Авдотья Викторовна, см.
Витбергъ.
Пушкинъ, поруч., 1831 г., 524.
Пушкинъ, Алсд. Серг., р. 1799 † 1837 г.,
 624.
Пышкинъ, Александръ Никол., писатель
 и ученый, 478.

Р.

Радецкий, гр., фельдмарш., 822.
Радищевъ, Алсд. Никл., писат., род.
 1749 † 1802 г., 685.
Раевскій, Никл. Никл., ген., 1812 г.,
 835, 836, 843.
Раевскій, ген., 1828 г., 233, 237.
Раевъ, Иванъ, крестьян., 74.
Размакетевъ, татарскій старшина 1773
 г., 67, 68.
Разумовскій, гр. Андрей Кирил., послан.
 въ Вѣнѣ, р. 1751 † 1823 г., 111, 411,
 415, 644.
Рароъ, полковн., † 1794 г., 447.

Раумеръ, 569.
 Рафаилъ, іеромонахъ, рязанчій Невской лавры. 1826 г., 175.
 Реадъ, Никл. Андр., ген.-адъют., командовавший Кавказя. корпус. † 1855 г., 363, 364.
 Ребиндеръ, В. Ив., директоръ гор. Павловска 1817 г., 99.
 Ребиндеръ, Васил. Мих., дс. тв. сов. италмейстеръ, 76.
 Рейгъ, профес., 1817 г., 463.
 Рейхель, проф. музыки, 646, 780, 781.
 Рейхель, Марія Каспаровна, рожд. Эрнъ.
 Режь, ген.-маіоръ 1790 г., 416.
 Реиненгампфъ, полковн. гвард. генер. штаба, 1828 г., 735.
 Реиненгампфъ, Капитонъ Павл., 779.
 Репнинъ, кн. Никл. Вас., фельдмарш., р. 1734 † 1801 г., 28; 45, 50, 205, 452, 649, 650, 707—711.
 Ржевошій, маіоръ, 1773 г., 57.
 Ржевошій, 1784 г., 475.
 де-Рибасъ, Іосифъ Мих., вице-адм., ген.-крюгъ-коммисаръ, строитель Одессы, † 1800 г., 455—460, 643, 708, 712, 725.
 Рибошьеръ, А. И., посолъ въ Константинополь. 1830 г., 502—512.
 Рибошьеръ, Ив. Степ., 1789 г., 30; 31.
 Ридигеръ, гр. Фед. Вас., ген.-адъют., † 1856 г. 818.
 Рижскій, проф. Харьковс., универс., 471.
 Ризничъ, Одесск. подрядч. 261, 261.
 Рикордъ, Людмила Ив., вдова адм. П. И. Рикордъ. Сообщ. «Воспоминанія о пребываніи въ Константинополь въ 1830 г., 499—512.
 Рикордъ, Петръ Ив., адмир., † 1855 г., 499.
 Римскій-Корсаковъ, флиг.-адъют., 1828 г., 498.
 Ридеръ, московс. физикусъ, 1771 г., 191.
 Ритмейстеръ, докторъ, 1815 г., 84.
 Риттихъ, А. Ф. Сообщилъ разсказъ: «Баронъ Р. М. Траубе, 1808—1812 г.», 842—842
 Ричмондъ, герцогъ, ген.-фельдцейхмейстеръ, 1796 г., 444.
 Ришелье, дюжъ, франц. мин-ръ, 1791 г., 652.

Робушъ, адъютентъ Харьковск., универс. 1820 г., 484.
 Ровинскій, Дмитр., Александр., его «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», 634.
 Роговъ, кн. Юлій-Арманъ-Людвигъ, австр. ген., 1805 г., 834.
 Рошерсонъ, лейбъ-медикъ, 1789 г., 644.
 Розенгеймъ, Мих. П. Сообщ. списокъ съ прошеній мичмана Кропотова 1808 г., 182.
 Розенъ, ген.-поруч., † 1791 г., 646.
 Рожосовскій, генер., 1854 г., 362.
 Ролленъ, содержат. пансіона въ Москвѣ, 723.
 Романовичъ-Славатинскій, проф. Киев. универс., 688.
 Роммель, проф. Харьковс. универс., 466—474.
 Рославскій-Петровскій. А., проф. Харьковск. универс., 464, 473, 474,
 Росси, графиня, см. Зонтагъ.
 Ростопчинъ, гр. Федоръ Вас., р. 1765 † 1826 г., 51, 437—460, 537, 538, 691—705.
 Рошъ-Эмонъ (la Roche-Aimon), двѣнца, эмигрантка. 714.
 Ртищевъ, ген.-лейтен., 1811 г., 613.
 Рубини, пѣвецъ, 1843 г., 793, 800, 801.
 Румянцевъ, гр. Никл. Петр., мин-ръ иностр. дѣлъ, предсѣдатель государ. сов. р. 1754 † 1826 г., 51,
 Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Алекс., фельдмарш., р. 1725 † 1796 г., 11—38; 45—50; 215, 413—425, 462, 587—606, 626, 662—667.
 Руничъ, Аркадій Павл., совѣтн. ком. по постр. храма Спасителя, 1825 г. 117, 122; 268—271.
 Руничъ, Дм. Павл., попечит. учеб. округа, 475, 779.
 Рыбинскій, Никита, казакъ 1773 г., 57.
 Рычковъ, агрономъ, 582, 589, 590.
 Рѣпинъ, декабристъ, 1834 г., 277.
 Рюль, лейбъ-медикъ императ. Маріи Федоровны, 102.

С.

Саврасовъ, воспитат. вел. кн. Николая и Михаила Павловичей, 78—93; 218.
 Садовниковъ, Д. Сообщ. народный раз-

- сказъ: «Расправа съ Пугачевцами». 172, 173.
- Савоновъ, Н. И. 562—568.
- Салтыгъ-ага, бригадиръ 1790 г., 409.
- Салтозъ, генер., 1854 г., 169.
- Салтышова, Дарья Никол., рожд. Иванова, помѣщица, р. 1730 † 1801 г., 616, 617, 654, 664, 672—678.
- Салтышковъ, гр., генер.-губернат. владимирскій и костромской, 1786 г., 609, 615, 616, 660.
- Салтышковъ, гр. Ив. Петр., генер.-анш. 1789 г., 29; 207—213; 405—432; 677—679.
- Салтышковъ, кн. Никол. Ив., воспитатель вел. кн. Александра и Константина Павловичей, фельдмаршалъ, р. 1736 † 1816 г., 31, 50, 452, 454, 592, 638, 713.
- Салтышковъ, гр. Петръ Семен., московскій главнокоманд., фельдмаршалъ, р. 1698 † 1782 г., 189—203.
- Салтышковы, 454, 691.
- Самаринъ, Юрій Фед., писатель, 784.
- Самборскій, Андрей Аван., протоіерей, Письмо его къ Александру I о Сербіи, 1808 г. 627—628.
- Самойловъ, гр. Никол. Александр., генер. 1789 г., 218, 697, 698.
- Самсонъ-ханъ, см. Маминцевъ.
- Самуйленко, сотникъ, 1708 г., 625.
- Саргій, композиторъ, 1788 г. 42, 215, 423. 641.
- Сатинъ, Никол. Мих., 560, 561, 571, 777.
- Свербѣевъ, Никол. Яковл., статскій сов., 1784 г., 475.
- Сверчевскій, штаб.-капит., 1831 г., 516.
- Свиазевъ, Ив. Ив., профессоръ архитектуры, 109.
- Свѣчинъ, 1828 г., 495.
- Севастьяновъ, Яковъ, крестьян., 74.
- Сегюръ, гр., франц. послан. въ Россіи 1789 г., 26.
- Селивановъ, П. И. студентъ Харьковского университета, въ послѣд. директоръ донскихъ училищъ, † 1869 г., 473, 481, 490.
- Селимъ, турецк. султанъ, 1789 г., 640, 651, 853.
- Селимъ-Гирей, бригад., 1789 г., 208, 409.
- Семевскій, Вас. Ив. Сообщ. историческій очеркъ: «Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II», 579—618; 653—890.
- Семанитъ, 814.
- Сенакъ-де-Мейльякъ (Sénac-de-Meilhan) эмигрантъ 1792 г., 438, 439.
- Сенковский (Брамбеусъ), Ос. Ив., писатель, 791.
- Серафимъ, с.-петерб. митрополитъ, 115 116, 304, 315.
- Сергель, скульпторъ, 434.
- Серебряковъ, сищикъ, 57.
- Серебряковъ, адмир., 1854 г., 319, 362.
- Сеславинъ, Алсд. Никол., 1808 г. въ послѣд. партизанъ, его стихи въ Р. М. Таубе, 842, 843.
- Сиверсъ, гр. Яковъ Алсд., новгородскій губернат., 1780 г., 594—599; 618, 654—685.
- Сиверсъ, надв. сов., агентъ казен. дѣлъ 1825 г., 123.
- Сиверсъ, генер.-лейт., начальн. южнаго округа, 259.
- Сигизмундъ, подполков., окружной на чальникъ, 258, 261.
- Сизяревъ, прапорщ. 1789 г., 37.
- Симановъ, фельдшеръ, 1831 г., 531, 532.
- Симоновъ, комендантъ Яицкаго городка 1773 г., 55—64.
- Синебрюховъ, крестьян., 68.
- Сипягинъ, Никол. Мартемьянов., генер.-адъют., тифлисск. военн. губернат., 236.
- Смамони, художникъ, 403, 634.
- Скворцовъ, 288—296, 775.
- Смлабовскій, студентъ Харьковского университета, 476.
- Смоделевъ, Ив. Никит., генер., р. 1778 † 1849 г., 535.
- Смоосыревъ, помѣщикъ, 660.
- Сливевъ, морякъ, 1790 г., 416, 418.
- Смирновъ, о. Иннокентій, см. Иннокентій, ректоръ.
- Смирновъ, 1817 г., 92.
- Смиттъ, авт. біографіи Суворова, 11.
- Смысловъ, докторъ, 1831 г., 517, 518.
- Собанинъ, Василій, поруч. 1773 г., 68.
- Соймоновъ, генер.-лейт., 1854 г., 353.
- Сололовъ, надв. сов., 1827 г., 268.
- Соловьевъ, Серг. Мих., акад., историкъ. Сообщ. «Москва въ 1770 и 1771 гг.» 189—204.
- Соловьевъ, гельсингфорс. профес. русо. языка, 832.

Солнцева, Фед. Григ., художн. профес.
629, 644.

Сомовъ, инженер-майоръ, 1825 г., 122.

Сомовъ, Г. И., академ., 467, 489.

Сорокинъ, подполков., 1831 г., 524, 525.

Сосновскій, сержантъ 1773 г., 59.

Спасскій, Лев. Матвѣев., 307.

Спаскій, Павелъ, студентъ петерб. семинаріи, 1816 г., см. Фотій, архимандр.

Сташкевичъ, писатель, 549.

Стасовъ, Владим. Васильев., писатель, сообщ. письма къ нему А. Н. Сѣрова, 1842—1843 г., 787—810.

Стеблинъ-Каменскій, С. П. Сообщ. замѣтку «Старинный колоколъ въ Полтавѣ», 389—390.

Стедлингъ, бар., въ послѣд. гр., шведскій фельдмарш., р. 1746 † 1783 г., 429, 636—649.

Стеддингъ, шведск. послан., 1796 г., 697 699.

Степановъ, Петр. Александр., ген.-дейт. писатель, 622.

Стинъ, лекарь, 1825 г., 266.

Стойловичъ, А. И., ректоръ Харьковск. универс. 1807—1813 г., 470—474, 483.

Стокмаръ (Stockmar), докторъ, 90.

Стормготъ, лордъ, 1789 г., 30.

Страдивариусъ, скрипичн. мастеръ, 723.

Стратфордъ, англ. посолъ въ Константинополь, 1830 г., 503, 504.

Стрелаловъ, ген.-адъют., 1824 г., 121, 267—269.

Строгановъ, гр. Алсд. Серг., президентъ акад. худож., р. 1734 † 1811 г., 592, 664, 697, 698.

Строгановъ, гр. Серг. Григ., ген.-адъют., попечит. московск. учебн. округа, 1846 г. 548, 550, 780.

Стротманъ, генер. 1789 г., 211

Стурдза, А. С. Записки его. «О судьбѣ православной церкви въ Россіи въ царствов. имп. Александра I», 633.

Суворова-Рымнинская, Натал. Алсд., см. Вубова.

Суворовъ-Рымнинскій, гр. Алсд. Ареад. кн. Италійскій, ген.-адъют., 233.

Суворовъ-Рымнинскій, гр. Алсд. Васил., генералиссимусъ, р. 1729 † 1800 г.,

23; 43, 45—52; 206—209; 445—462, 642—649, 691, 695, 707—715, 832—834.

Сулима, см. Грибовская.

Сумароковъ, ген.-майоръ, 1829 г., 765—767.

Суоловъ, А. И., домашній секретарь с.-петерб. митропол. Серафима, 1825 г., 304.

Сутерландъ, бар., банкиръ 1788 г., 446, 639, 710.

Сухомятиновъ, Мих. Ив., академикъ писат., 464—475, 489.

Сухтеленъ, гр., 1812 г., 847.

Сухотинъ, 1790 г., 414.

Сущинскій, священ., 1800 г., 182.

Сѣровъ, Алсд. Никл., р. 1820 † 1871 г. Очерки и замѣтки его о музыкѣ, 1842—1843 г. 787—810.

Сѣряковъ, Лаврентій Аксенов., академ. граверъ на деревѣ, 634.

Т.

Талызинъ, ген., † 1801 г., 716.

Тапилинъ, казакъ, 1798 г., 834.

Тараханова, вѣж., 458.

Тарахановъ, унт.-офиц., 1831 г., 532.

Тарасовъ, Дмит. Клемент., почетн. лейбъ-хирургъ, р. 1792 † 1866 г., 286.

Тарбевъ, помѣщ. 1766 г., 611, 614.

Татаринновъ, штабъ-офиц., 1796 г., 716.

Татищевъ, 1789 г., 27.

Татищевъ, гр. Алсд. Ив., воен. мин-ръ, ген. инфант., р. 1763 † 1833 г., 127—141.

Татовъ, 1774 г., 12.

Таубе, бар. Антонъ Максимов., 843.

Таубе, Карлъ Карл., бригадн. командиръ, 265.

Таубе, бар. Максимъ Ант., ген.-лейт., 842.

Таубе, бар. Максимъ Максим., 843.

Таубе, баронъ Романъ Максим., полков., † 1812 г., 842—844.

Тажелдій, генер. 1788 г., 21.

Тепловъ, тайн. сов. 1772 г., 2, 5.

Терсховъ, прапорщ. 1789 г., 37.

Тивенгаузенъ, гр., 76.

Тимковскій, проф. Харьков. универс. 473.

Тимошеев, москов. митроп. † 1767 г., 196.

Титовъ, подполков., 1827 г., 255.

- Титовъ**, Владим. Павлов., представитель Россіи на Вѣнскихъ конферен. 1855 г., 364, 368, 371.
- Толстая**, генеральша, помѣщица, 1767 г., 589, 591, 605, 664, 671, 676.
- Томашевскій**, ген.-маіоръ, 1831 г., 517—525.
- Томъ**, маіоръ, австрійскій комиссаръ, 1854 г., 824.
- Тонъ**, Конст. Андреев., проф. архитектуры, 286—289.
- Тормасовъ**, Алд. Петров., ген.-кавал., команд. Кавказск. арміи, 1811 г., 631.
- Тотлебенъ**, 1780 г., 414.
- Трегубовъ**, 173.
- Тредьяковскій**, Васил. Кирил., писат., † 1796 г., 42.
- Трейманъ**, Фед. Федоров., фельдшеръ, 1825 г., 300.
- Тристлей**, 50.
- Трохимовичъ**, чиновн. артил. департ., 1824 г., 143.
- Трохневъ**, штаб.-капит., 1831 г., 531.
- Трубецкой**, кн., начальн. таможен. округа 1827 г., 258.
- Турчаниновъ**, Петръ Ив., 1790 г., 424.
- Турчаниновъ**, Петръ Ив., о. протоіерей, 1825 г., 303.
- Тутевичъ**, капит., 1831 г., 530.
- Тутолминъ**, генер., 1795 г., 452, 707.
- Тучковъ**, ген.-лейт., 1808 г., 842.
- Тюфяевъ**, вятскій губернат., 1835 г., 286.

У.

- Уварова**, вдова Вал. Андр. Зубова, рожд. гр. Потоцкая. 719.
- Уваровъ**, капит. преображ., полка 1786 г., 27.
- Уваровъ**, гр. Сергій Семен., мнн-ръ народнаго просвѣщ., 468.
- Уваровъ**, Фед. Петр., ген.-адъют., командиръ гвардейск. корпуса и чл. государ. сов., 1773 † 1824 г., 265, 716.
- Уеллингтонъ**, герцогъ, маркизь де Дуро, князь Витторія, генералиссимусъ арміи союзныхъ державъ 1812 г., военный мнн-ръ, 138, 493.
- Улыбышевъ**, новгородск. помѣщ., авт.

- біографіи Моцарта на франц. языкѣ, 793, 800, 801.
- Унтилье**, 1828 г., 232.
- Успенскій**, проф. Харьков. университ., 1818 г., 472.
- Устряловъ**, Никл. Герасимов., историкъ, † 1870 г., 226.
- Уткинъ**, Н. И., граверъ-проф., 1818 г., 634.
- Ушаковъ**, контръ-адмир., 1790 г., 422, 637, 651.
- Ушаковъ**, наставникъ вел. кн. Николая и Михаила Павловичей, 81.
- Ушаковъ**, П. Н., 226.
- Ушаковъ**, ген.-л., 1854 г., 363, 364; 821, 825.
- Уэльскій**, принцъ, 1796 г., 443.

Ф.

- Фаминцынъ**, ген.-маіоръ, 1770 г., 190.
- Фатьяновъ**, чиновн. артил. департ. 1826 г., 254.
- Ферзель**, гр., ген.-лейт. 1796 г., 416, 696, 706.
- Ферстеръ**, фортепیان. мастеръ, 723.
- Ферьеръ**, 1791 г., 645.
- Фешкъ-Али-шахъ**, персидскій шахъ, 1828 г., 732, 750—756.
- Филаретъ**, о. внокъ, 1773 г., 60.
- Филаретъ**, митроп. московск. 1827 г., 267—269, 283, 285, 305.
- Филиповъ**, штб.-ротм., 1813 г., 835.
- Философовъ**, Алд., ген.-маіоръ, команд. тульск. оружейн. завода, 1829 г., 759—772.
- Фильдъ**, музыкантъ, 723.
- Фицъ-Рой-Сомерсетъ**, лордъ, 1854 г., 358.
- Флавицкій**, титул. сов., 1827 г., 268.
- Фонсъ**, 1788 г., 22.
- Фонъ-Визинъ**, Денисъ Ив., писатель, р. 1744 † 1792 г., 42.
- Фонтокъ**, 1854 г., 816—823.
- Форбекъ**, 1830 г., 237.
- Фотій**, (Павелъ Спасскій), архимандр., настоят. Новгородск. Юрьева монастыря † 1838 г., 297—316, 629.
- Франклин**, дс. ст. сов., 1830 г., 503.
- Франклин**, г.-жа, 1830 г., 503—505.

- Францъ II, импер. австрійскій, 118.
 Францъ-Иосифъ, императ. австрійскій,
 1854 г., 350—376.
 Фрейтагъ, ген., 1828 г., 396.
 Фридрихъ II, король прусскій, 13, 190.
 Фридрихъ-Вильгельмъ II, король прус-
 скій, р. 1744 + 1797 г., 21—32; 206, 214,
 404—422, 640—644.
 Фридрихъ Вильгельмъ III, король прус-
 скій, р. 1770 + 1840 г., 89, 118.
 Фридрихъ Вильгельмъ IV, король
 прусскій, 111, 367, 373.
 Фусъ, членъ главнаго правлен. училищъ,
 466.

Х.

- Хаджи-Герендузъ-Вервекъ, убыхъ, 328,
 325.
 Хамиль-паша, статсъ-секрет. султана
 Махмуда II, 1830 г., 503, 506, 511.
 Ханьвовъ, морякъ, 1790 г., 419.
 Хвостовой, полковн., 1703 г., 623.
 Хвостовъ, гр. 51.
 Хитрово, помѣщ., 1794 г. 584.
 Хлоповъ, капит., 1763 г., 673, 674.
 Хлоповъ, В. В., 226.
 Хованская, кн. Марія Алексъ., рожд.
 Яковлева, 278, 282; 543, 562—568.
 фокъ-дерь-Ховенъ, И. Р., Сообщ.: Письма
 А. П. Ермолова къ Р. И. Ховену, 1816—
 1856 гг., 227—250; упом. 226.
 фокъ-дерь-Ховенъ, Р. И., Грузинскій.
 гражд. губернат. Письма къ нему А. П.
 Ермолова, 1816—1856 гг., 227—250.
 Хоэровъ-мирава, персидск. принцъ, сынъ
 Аббасъ-Мирзы, 1829 г., 748—758.
 Хоминовскій, адъют., 1831 г., 528.
 Хомутовъ, вятскій губернат., 1838 г.,
 286—291, 777.
 Храповицкій, Алсд. Васил., статсъ-се-
 крет. Екатерины II, + 1801 г., 39, 45; 449.
 Храповицкій, С. И. 226.
 Хрисановъ, греческій митропол., 1795 г.,
 691, 692, 696.
 Хрущевъ, 1790 г., 416.

Ц.

- Церетели, кн. Симонъ, 1855 г., 335.
 Цициановъ, кн. Пав. Дмит., коменд. Кав-
 казск. арміи, 1804 г., 630, 692.

Ч.

- Чавчавадзе, кн., ген.-майоръ, 729.
 Чавчавадзе, кнж., Нина Александров-
 на, см. Грибоѣдова.
 Чкачова, Наталья Акимовна, см. Гри-
 бовская.
 Чарторижскій, кн., 1831 г., 516.
 Чарушинъ, Дмит. Яковл., 109, 779, 785,
 786.
 Чеботаревъ, Адамъ Петров., казач. ген.-
 лейт., писатель. Сообщ. рассказы И. И.
 Шамшева о подвигахъ лейбъ-казаковъ
 въ 1799—1812 гг., 834—842; упом. 226.
 Чеботаревъ, поруч. з.-гв казач. полка
 1813 г., 836.
 Черининъ, купеч. сынъ, 679, 680.
 Чернышева, графиня, 1823 г., 265.
 Чернышева, граф., Наталья Григор., см.
 Муравьева.
 Чернышевъ, кн., Алсд. Ив., ген.-адъют.
 предсѣд. государ. сов., р. 1786 + 1852
 г., 226, 263, 265, 845—851.
 Чернышевъ, гр., Зах. Григ., ген.-губер-
 нат. Бѣлоруссія, р. 1722 + 1784 г., 6.
 Чернышевы, 265.
 Чертовъ, капит. Преображен. полка;
 1789 г., 37.
 Чичаговъ, Вас. Яковл., адмир. р. 1728
 + 1809 г., 45, 46, 416, 419.
 Чижковъ, Г. С. Сообщ. биографич. очеркъ
 «Гимназій Федоровичъ Осиповскій, рек-
 торъ Харьковскаго университета», 463—
 490.
 Чичеринъ, сибирскій губернат., 1768 г.,
 600, 601.
 Чичкиничъ, Ив., титул. совѣтн., 1793 г.,
 625.
 Чумиковъ, А. А. Сообщ. рассказъ Де-
 лягарди: «Фельдмарш. Суворовъ въ Пра-
 гѣ, 1800 г., 832—834.

Ш.

- Шагинъ-Гирей, 1789 г., 208.
 Шадъ, Ив. Егор., р. 1761 г., проф. Харь-
 ковск. универ., 1816 г., 463—470.
 Шамиль, имаиъ кавказскій, 174, 243, 318.
 Шамшевъ, Ив., Сообщ.: «Рассказы ста-
 раго лейбъ-казака», 834—842.

Шарвашидзе, кн. Александръ, 323.
 Шарвашидзе, кн. Георгій Дмитр., 321, 327.
 Шарвашидзе, кн. Дмитрій, полковн., 1854 г., 324, 327, 339.
 Шарвашидзе, кн. Маджаръ, 1855 г., 327.
 Шарвашидзе, кн. Михаилъ, владѣтель Абхазіи, 1840 г., 318—331.
 Шафоновскій, докторъ, 1770, 190.
 Шаховская, княгиня, 1811 г., 82.
 Швеневонъ, полковн., 1824 г., 127—143.
 Шевичъ, генер., 1796 г., 691.
 Шепелевъ, офиц., 1828 г., 495.
 Шереметевъ, Владим., помѣщ., 1764 г., 584, 674, 675.
 Шестакова, Людмила Ивановна, рожд. Глинка. Сообщ.: Разсказъ доктора Гейденрейхао М. И. Глинкѣ, 618—622.
 Шетневъ, Никл. Лаврент., ген.-поруч., воронежскій губернат., 1774 г., 70—74.
 Шильдеръ, Карлъ Андр., ген.-адъют., р. 1785 † 1854 гг., 814—816.
 Шильдеръ, Никл. Барл., флиг.-адъют., полковн., писатель. Сообщ.: «Екатерина II и Густавъ III», 427—436.
 Шиповъ, гвардіи майоръ, 1770 г., 195.
 Шипшевичъ, А. Сообщ.: Грамоту Петра I, данную Григорію Шипшевичу, 1708 г., 624—625.
 Шипшовъ, Алсд. Семен., адмир., р. 1754 † 1841 г., 458—461, 705—719.
 Шиаданъ, медикъ, 1770 г., 190.
 Шкуркина, Марія Васил., 1789 г., 37.
 Штаденъ, ген.-лейт., инспекторъ тульск. завода, 1829 г., 759—774.
 Штапельбергъ, гр. Оттонъ - Магнусъ, рус. посолъ при европ. дворахъ, р. 1736 † 1800 г., 16; 406—411, 452.
 Штапельбергъ, гр., гвардіи подпоруч. 1789 г., 34.
 Шторхъ, Андрей, тайн. сов., писатель, 78; 101, 582, 584, 593, 594, 655.
 Шувалова, Фекла Игнатьевна, вдова кн. Пл. Алсд. Зубова, рожд. Валентиновичъ. † 1873 г., 723.
 Шуваловъ, помѣщ., 1763 г., 654.
 Шуваловъ, гр. Андрей Павл., 82.
 Шуваловъ, гр. Андрей Петр., 1824 г., 723.
 Шуваловъ, гр. Петр. Павл., 82.
 Шульцъ, генер. 1789 г., 30.
 Шульцъ, архитекторъ, 1795 г., 390.

Щ.

Щербатовъ, кн. Мих. Мих., сенаторъ, историографъ, р. 1733, † 1790 г., 583, 593, 655.

Э.

Эйлеръ, ген.-лейт. 1831 г., 513—527.
 Экъ, 1772 г., 3, 6.
 Эльмптъ, генер. 1772 г., 7.
 Эмиль, Никл. Федр., писат., † 1814 г., 42.
 Эмме, полковн., 1829 г., 761.
 Энгельгардтъ, 1789 г., 213.
 Энгельгардтъ, Левъ Н., 1794 г., 447, 448, Энгельгардтъ, 1854 г., 814.
 Эразмусъ, медикъ, 1770 г., 190.
 Эристовъ, кн., 1827 г., 231.
 Эриъ, Гавріилъ Каспаров., 276—290; 546, 547, 775.
 Эриъ, Маріа, 546, 547, 576, 577.
 Эриъ, Прасковья Андр., 546.
 Эссель, генер., 1797 г., 835.
 Эстергази, княгиня, 1789 г., 404.
 Эстергази, австрійскій мин - рь, 1854 г., 353, 377.
 Эстергази, гр. Валентинъ-Владиславъ, дипломатич. агентъ гр. д'Артуа. р. 1740 † 1815 г., 442; 444.
 Фонтъ-Эттингеръ, помѣщица, 610—614.

Ю.

Юсуповъ, кн. 1826 г., 126; 269; 270.
 Юсуфъ-паша, 1789 г., 206, 409—413.
 Юшновъ, Ив. Ив., тайн. сов., московск. губернаторъ 1771 г., 195, 201, 203.

Я

Яворовскій, кварт. надзиратель, 559, 560.
 Ягельскій, медикъ, 1770 г., 190, 192.
 Яковлевъ, Алсд. Алексв., 548.
 Яковлевъ, Алексѣй Алсдр., 562, 564.
 Яковлевъ, Алексѣй Алексв., 539.
 Яковлевъ, Ив. Алексв., отставн. гвард. капит., 267, 268, 537—578.
 Яковлевъ, Левъ Алексѣев., 283, 566.
 Яковлевъ, Никл. Алексѣев., 539.
 Ярославовъ, 1792 г., 437.
 Яцковский, майоръ, баталіон. командиръ, 1831 г., 530.
 Яшвиля, кн. Владим., начальн. кавной артіа. 1796 г., 716.
 Яшвиля, кн., 1817 г., 100, 255.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1876 года.

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	СТР.
I. Бесѣды императрицы Екатерины II съ Далемъ, 1772—1777 гг. Сообщ. П. П. фонъ-Гець	1
(Замѣтка - поправка см. стр. 402).	
II. Записки Ивана Степановича Жиркевича, 1789—1848 гг. Сообщ. В. И. Жиркевичъ и С. Д. Карповъ. Главы XVI—XXI	127, 251 и 771
III. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ, 1810—1848 гг. Главы XXVII—XXXII.	537
IV. Воспоминанія Людмилы Ивановны Рикордъ: пребываніе въ Константинополѣ 1830 г.	499
V. Воспоминанія А. К. Граббе: холерный бунтъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, 1831 г.	513
VI. Воспоминанія от. Я. Л. Морошкина: архимандритъ Фотій, настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря .	297
(Повелѣніе Николая I о высылкѣ арх. Фотія см. стр. 629).	

Историческія изслѣдованія и біографическіе очерки.

I. Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, 1762—1796 гг. Очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семейскаго	579 и 653
II. Москва въ 1770 — 1771 гг. Статья академика С. М. Соловьева.	189
III. Пособники и сторонники Емельяна Пугачева. Очерки и рассказы по подлиннымъ ихъ показаніямъ. 1773—1774 гг. Очерки и рассказы. VIII—XI	53

	стр.
IV. Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ. Историко-біографическій очеркъ, 1767—1822 гг. Главы III—XI. (Окончаніе)	39, 437 и 691
V. Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ, академикъ, строитель храма Христа Спасителя въ Москвѣ. 1787—1855 гг.: его автобіографія и переписка съ А. И. Герномъ	109, 267 и 759
VI. Тимофей Ѳедоровичъ Осиповскій, заслуженный профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета: очеркъ его дѣятельности и удаленіе изъ университета. 1820 г. Сообщ. Г. С. Чириковъ	463
VII. Вѣнскія совѣщанія и Парижскій трактатъ. 1854—1856 гг. Статья М. И. Богдановича	365
VIII. Павелъ Яковлевичъ Петровъ, профессоръ ориенталистъ. †1875 г. Біографическій очеркъ. Сообщ. Н. В. Бергъ. 394	394

Указы, переписка, замѣтки, рассказы и анекдоты.

Царствованіе Петра I.

I. Колоколь въ Полтавѣ. 1695 г. Замѣтка. Сообщ. С. П. Стеблинъ-Каменскій	359
II. Универсалъ гетмана Мазепы, 1704 г.	623
III. Казакъ Григорій Шишкевичъ, 1708 г. Сообщ. А. Г. Шишкевичъ	624
IV. Прокофій Вороновъ, 1722 г. Сообщ. П. А. Вороновъ.	831
V. Вещи Петра Великаго въ Екатеринентальскомъ дворцѣ, въ Ревелѣ, опись 1795 г. Сообщ. г. Волковъ.	390

Царствованіе Елисаветы Петровны.

I. Челобитная архіерея	625
----------------------------------	-----

Царствованіе Екатерины II.

I. Императрица Екатерина II и князь Потемкинъ-Тавричскій: подлинная ихъ переписка, 1788—1791 гг. (окончаніе)	21, 205, 403 и 635
II. Императрица Екатерина II и Густавъ III, король шведскій: переписка, замѣтки и донесенія. 1788—1792 гг. Сообщ. Н. К. Шильдеръ	427
III. Увѣщаніе Вятскаго епископа Варѳоломея во время Пугачевщины, 1774 г. Сообщ. от. Дм. Бобровскій	392
IV. Расправа съ Пугачевцами, народный рассказъ. Сообщ. Д. Садовниковъ	172
V. Одинъ изъ портретовъ Емельяна Пугачева. Сообщ. Н. В. Губерти	171

	стр.
VI. Зубовы. Замятки объ этой фамилии. Сообщ. А. Л.	173
VII. Молитва отъ истинны къ Богу, вьегда скорбѣти ей. Челобитная въ виршахъ	629

Царствованіе Павла.

I. Суворовъ въ Прагѣ въ 1800 г. Разсказъ графа Делягарди. Сообщ. А. А. Чумиковъ	832
---	-----

Царствованіе Александра I.

I. Восточный вопросъ въ 1807 г. Замятка. Сообщ. М. П. Богдановичъ	853
II. Слово за Сербовъ, письмо протоіерея А. А. Самборскаго къ императору Александру I-му, 1808 г.	627
III. Россія и Европа предъ войной 1812 г. Замятки. Сообщ. И. П. Липранди	844
IV. Лейбъ-казаки въ 1799—1812 гг. Разсказы И. И. Шамшева. Сообщ. Ад. П. Чеботаревъ	834
V. Баронъ Романъ Максимовичъ Таубе, 1812 г. Разсказъ. Сообщ. А. Ф. Риттихъ	842
VI. Командиры Кавказской арміи въ ихъ приказахъ, 1802—1812 гг. Сообщ. Ад. П. Берже	630
VII. Григорій Андреевичъ Глинка, наставникъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича, въ 1816—1818 гг. Очеркъ его дѣятельности и переписка. Сообщ. Б. Г. Глинка-Мавринъ	75 и 217
VIII. Годлевскіе. Замятка. Сообщ. А. С. Ломачевскій	174
IX. Мичманъ Кропотовъ и его прошенія, 1808 г. Сообщ. С. П. Гуляевъ, Ард. Ивановъ, М. П. Розенгеймъ.	

Царствованія Николая I и Александра II.

I. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, род. 1777, † 1861 г.: письма къ Р. И. фонъ-дербъ-Ховену, 1816—1856 г. Сообщ. И. Р. фонъ-дербъ-Ховенъ	225
(Портретъ Ермолова см. въ началѣ тома).	
II. Письма гр. И. Ѳ. Паскевича къ вел. кн. Михаилу Павловичу, 1827 г. Сообщ. Ад. П. Берже	851
III. Война Россіи съ Турціей въ 1828 г.; письма императора Николая Павловича, письма и донесенія кн. Меншикова и ген.-адъют. Киселева	491
IV. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. Дѣятельность его какъ дипломата, 1827—1829 гг. (Окончаніе). Сообщ. Ад. П. Берже	727
V. Война Россіи съ Турціей и ея союзниками, 1853—1854 гг.: Планы, предначертанія и письма императора Николая Павловича; донесенія и записки князя И. Ѳ. Паскевича и кн. М. Д. Горчакова	145, 343 и 811

	стр.
VI. Николай Петрович Колюбакинъ, 1810—1868 гг., его переписка и статьи о Кавказѣ. Сосбщ. съ предисловіемъ А. Д. Берже	317
1) Письма Н. П. Колюбакина къ кн. В. О. Бебутову, 1855 г.	321
2) Изъ дневника Н. П. Колюбакина или матеріалы для военной исторіи, 1855 г.	332
3) Memento. Матеріалы для военной исторіи: ноябрь и декабрь 1855 г.	335
VII. Приказъ по арміи кн. М. Д. Горчакова о воздержаніи отъ употребленія въ пипу дынь и арбузовъ. 30-го іюня 1853 г.	628
VIII. Высочайшее повелѣніе о цѣнѣ за могилы въ Александроневской лаврѣ, 1826 г. Сообщ. г. Громачевскій	178
IX. Повелѣніе императора Николая Павловича о высылкѣ архимандрита Фотія изъ Новгорода въ С.-Петербургъ, 1835 г.	629

Русскіе писатели XIX вѣка.

I. Николай Михайловичъ Карамзинъ. Шутливое описаніе его бракосочетанія, соч. Кайсарова. 1801 г., съ примѣчаніями А. Д. Галахова	176
II. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, 1828—1829 гг. (см. выше).	

Артисты и художники.

I. Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ: Его автобіографія и переписка (см. выше).	
II. Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ. Его автобіографія (см. выше).	
III. Михаилъ Ивановичъ Глинка. Разсказъ о немъ доктора Л. А. Гейденрейха. Сообщ. Л. И. Шестакова	619
Александръ Николаевичъ Сѣровъ. Очерки и замѣтки его о музыкѣ, о М. И. Глинкѣ и проч. 1842—1843 г. Сосбщ. В. В. Стасовъ	787
I. Замѣтки, поправки и опечатки Сообщ. о. П. Вѣлецкій; П. А. Золотовъ; П. Д. Павловскій 402, 633 и 854	
I. Указатель личныхъ именъ въ XVII томѣ «Русской Старины» изд. 1876 г.	1—48
II. Обзоръ «Русской Старины» въ изданіи 1876 г.	855
III. Списокъ лицъ, сообщившихъ изслѣдованія, очерки, статьи и матеріалы для напечатанія въ «Русской Старинѣ»	883
IV. Матеріалы журнальной статистики: «Русская Старина» въ 1876 г.	869

- V. Объ изданіи «Русской Старины» въ 1877 г. (Прилож. при кн. IX, X, XI и XII). I—VIII.

Портреты.

- I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ профессоръ А. Шарлемань, рисоваль на деревѣ К. О. Брожь, гравироваль академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. заглавный рисунокъ).
- II. Портретъ графа Алексѣя Андревича Аракчеева. Гелиографическій снимокъ съ гравюры профессора Н. И. Уткина, 1818 г., исполнилъ художникъ г. Скамони.
(См. объ этомъ портретъ стр. 634).
- III. Портретъ Алексѣя Петровича Ермолова. Гравироваль на мѣди академикъ И. П. Пожалостинъ. Гравюра отпечатана въ Парижѣ.

Заявленія и приложенія.

- I. Конкурсная программа Комитета Грамотности на составленіе книги о Петрѣ Великомъ для народнаго чтенія. 400
- II. Подробный каталогъ изданій С.-Петербургской Археологической комисіи (при XI-й кн. «Русской Старины» изд. 1876 г.). 1—32
- III. Отчетъ о дѣятельности Комисіи по сбору пожертвованій при С.-Петербургскомъ Славянскомъ комитетѣ, 1876 г. 1—20
- IV. О приемѣ пожертвованій въ пользу Балканскихъ Славянъ 186

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Соч. **И. Забѣлина**. Ч. I, XII+647. Москва, 1876 г. (На оберткѣ 9-й кн. «Русской Старины» 1876 г.).
2. Исторія Россіи. Соч. **Д. Иловайскаго**. Ч. I. Кіевскій періодъ. Москва, 1876 г. VIII+333. Тамъ же.
3. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. **С. Соловьева**. Т. 18—25. 1868—75 гг. Москва, 362+322+484+379+346+346+372+441+377. (На оберткѣ 10-й кн. «Русской Старины» 1876 г.).
4. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Подъ завѣдываніемъ **О. М. Водянскаго**. 1874 г. Кн. I—IV и 1875 г. кн. I—III. (На оберткѣ 11-й кн. «Русской Старины» 1876 г.).
5. Русская историческая бібліотека, издаваемая Археографическою коммисією. Т. III. Спб. 1876 г., 1052 стр. (столбцовъ). (Тамъ-же).
6. Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. XVII. 1876 г.+XLIV+450. (Тамъ-же).
7. Уставныя грамоты XIV—XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Изслѣд. канд. правъ **Н. Загоскина**. 2-й вып. Казань, 1875 г. VIII+144. (На оберткѣ 12-й кн. «Русской Старины» 1876 г.).
8. Архивъ юго-западной Россіи. Ч. VI. Акты объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVI—XVIII вв. Т. I. 111+614 и приложенія—626+145+21. Кіевъ, 1876 г. (Тамъ-же).
9. Архивъ князя Воронцова. Кн. IX. Съ портретомъ гр. С. Р. Воронцова. Москва, 1876 г. 528. (Тамъ-же).
10. Сборникъ газеты «Сибирь». Т. I. 1876 г. Спб., 484. (Тамъ-же).
11. Историческая записка о 2-й казанск. гимназій, состав. **Порф. Гвоздевъ**. Казань, 1876 г. (Тамъ-же).
12. Жизнь и дѣятельность **Н. Д. Иванничева**, ректора университета Св. Владимира. **А. В. Романовича-Славатинскаго**. Спб., 1876 г. 320. (Тамъ-же).

Примѣч. Замѣтки и отзывы въ библиограф. листахъ, сообщ. профессоръ **В. С. Иконниковъ**.

ПО СБОРУ ПОЖЕРТВОВАНІЙ

ВЪ ПОЛЬЗУ

БАЛКАНСКИХЪ СЛАВЯНЪ

ДОКЛАДЪ КОММИССІИ ОБЩЕМУ СОВРАНІЮ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОТДѢЛА СЛАВЯНСКАГО ВОЖИТЕЛЯ

12-го Октября 1876 г.

ПО СБОРУ ПОЖЕРТВОВАНІЙ

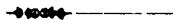
ВЪ ПОЛЬЗУ

БАЛКАНСКИХЪ СЛАВЯНЪ

ДОКЛАДЪ КОММИССІИ ОБЩЕМУ СОВРАНІЮ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОТДѢЛА СЛАВЯНСКАГО ВОЖИТЕЛЯ

12-го Октября 1876 г.

I.

Коммисія по сбору пожертвованій въ пользу балканскихъ Славянъ была учреждена постановленіемъ С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета 21-го сентября 1875 г. Причины, вызвавшія выдѣленіе изъ среды отдѣла извѣстнаго числа членовъ и образованіе изъ нихъ особой коммисіи, для завѣдыванія и распорядженія означенными пожертвованіями, состояли главнымъ образомъ въ томъ, что установившійся въ отдѣлѣ порядокъ веденія дѣлъ не соотвѣтствовалъ новымъ внезапно постигшимъ его обстоятельствамъ и возникавшимъ изъ этихъ обстоятельствъ новымъ обширнымъ и разнообразнымъ обязанностямъ. Нужно было особое учрежденіе, которое всецѣло, безъ всякаго развлеченія другими занятіями, было бы предано дѣлу сбора, изыскивая всѣ возможныя средства для его увеличенія и озабочиваясь правильнымъ и своевременнымъ распредѣленіемъ его между тѣми, въ чью пользу онъ извлекался изъ русскаго народа.

Первоначальный составъ избранной съ сею цѣлію коммисіи былъ слѣдующій:

Предсѣдателемъ былъ избранъ отсутствовавшій въ то время А. Д. Башмаковъ и товарищемъ предсѣдателя А. Н. Карамзинъ.

Членами: В. И. Аристовъ, И. Ѳ. Золотаревъ, Н. А. Кирѣевъ, А. А. Краевскій, Н. Н. Трегубовъ, М. В. Умецкій, Т. И. Филипповъ, М. Г. Черняевъ и И. К. Янкулю.

Кандидатами: Н. Д. Быковъ и А. Ѳ. Риттихъ.

Въ послѣдствіи, по разнымъ обстоятельствамъ, приглашены были къ участію въ занятіяхъ коммисіи: А. Б. Асланбековъ, Л. В. Березинъ, К. Н. и Н. Н. Бестужевы-Грюмины, А. В. Ва-

силъевъ, В. Д. Дандевиль, Г. А. Деволянъ, А. А. Кирѣевъ, В. И. Ламаевскій, И. А. Липинъ, М. О. Мигѣшинъ, О. О. Миллеръ, М. П. Розенгеймъ, В. К. Саблеръ, гр. А. В. Соллогубъ, В. Г. Чубинскій, вв. С. В. Шаховской и Н. К. Янкулю.

Послѣ А. Н. Карамзина, за которымъ должность председателя оставалась, и по возвращеніи А. Д. Башмакова. председательствовали въ комисіи преемственно: И. О. Золотаревъ, А. А. Кирѣевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и Т. И. Филипповъ.

Секретарями были: до 22-го іюля И. К. Янкулю, а съ 22-го іюля В. И. Аристовъ.

Казначеемъ за все время былъ безсмѣнно И. И. Петровъ.

Въ недавнее время одна отрасль сбора, періодическія процентныя отчисленія съ содержанія или дохода, поручена вѣденію особаго лица—Н. В. Кидошенкова.

Трудъ завѣдыванія вещевыми пожертвованіями возложенъ былъ сперва на В. И. Аристова, а съ недавняго времени на І. П. Печаткина.

За счетомъ денегъ, высыпаемыхъ изъ кружекъ, наблюдаетъ ген.-маіоръ А. Б. Иваничкій.

Раздачею и разсылкою сборныхъ кружекъ и книжекъ завѣдываютъ: А. У. Денисьевъ и Н. В. Владиміровъ.

Докладъ нашъ о личномъ составѣ комисіи мы заключаемъ на поминаніемъ о томъ, что изъ среды ея вышли: первый герой современныхъ событій, М. Г. Черняевъ, и первая живая жертва, принесенная русскою землею за искупленіе отъ рабства нашихъ братьевъ, Н. А. Кирѣевъ.

Первоначальный кругъ дѣйствій комисіи ограничивался, какъ вамъ извѣстно, распредѣленіемъ поступающихъ въ ея распоряженіе сборныхъ суммъ между бѣдствующими семействами Герцеговины и Босніи. Но съ іюля мѣсяца текущаго года, когда на сцену дѣйствія выступили Сербія и Черногорія, объявившія Турціи войну, и когда, съ другой стороны, несчастная Болгарія подверглась безчеловѣчному истребленію, область дѣйствій комисіи значительно разширилась. Ей предстала задача, не оставляя заботъ о жертвахъ войны и насилія, идти съ главнымъ запасомъ своихъ средствъ на помощь великодушнымъ братскимъ народамъ, бросившимся въ неравный бой, по вѣрѣ въ наше заступленіе. Такое распространеніе круга дѣйствій и простирающееся отсюда

умноженіе и увеличеніе нуждъ потребовали отъ комисіи всей энергіи ея разума и усердія для оживленія старыхъ и изысканія новыхъ мѣръ къ увеличенію ея средствъ.

Мѣры эти состояли въ слѣдующемъ:

I. Воззванія.

Въ самый разгаръ болгарскихъ ужасовъ, комисія обратилась къ русскому народу съ воззваніемъ, текстъ коего былъ составленъ О. Θ. Миллеромъ. Изданное въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, оно раздавалось сборщиками въ церквахъ и на улицахъ и, сверхъ того, было напечатано на всѣхъ подписныхъ листахъ, разосланныхъ къ священникамъ всѣхъ православныхъ церквей, къ церковнымъ старостамъ и къ волостнымъ старшинамъ.

Для Финляндіи оно было переведено на шведскій и финскій языки и отпечатано въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

О. Θ. Миллеромъ было составлено еще особое воззваніе къ народу Сѣверо-Американскихъ штатовъ, которое было переведено на англійскій языкъ г. Деволаномъ и, при его же посредствѣ, напечатано въ американскихъ газетахъ.

Печатаніе части воззваній производилось бесплатно въ типографіяхъ гг. Ероѣева, Голике и Котомина.

II. Подписные листы.

Подписные листы, разсылавшіеся и прежде, въ іюль и августъ 1876 г. были разосланы вновь:

а) Черезъ епархіальныхъ архіереевъ, ко всѣмъ настоятелямъ православныхъ церквей, въ количествѣ 42,000 экз.

б) Въ томъ же количествѣ, всѣмъ церковнымъ старостамъ.

в) Черезъ начальниковъ губерній, всѣмъ волостнымъ старшинамъ, въ количествѣ 13,296 экз.

г) Черезъ с.-петербургскую ремесленную управу, ко всѣмъ петербургскимъ цеховымъ и мастерамъ, въ количествѣ 5,000 экз.

III. Тарелочный сборъ.

Тарелочный сборъ производился членами отдѣла въ церквахъ Петербурга, Ц. Села, Павловска, Лѣснаго института и Парголова.

Наибольшее количество сего сбора поступило въ соборахъ Исаакіевскомъ и Казанскомъ, изъ копѣкъ въ первомъ собирали сперва Н. К. Янкуліо съ супругою, а потомъ В. И. Аристовъ; во второмъ сначала Н. А. Кирѣевъ, а въ послѣдствіи К. Д. Елисѣевъ.

Съ 19-го августа сборъ въ 20-ти петербургскихъ церквахъ, на основаніи особаго соглашенія, предоставлено было производить С.-Петербургскому Дамскому кружку.

IV. Сборныя кружки.

До начала іюля сборныя кружки были разставлены, въ небольшомъ относительно количествѣ, въ торговыхъ заведеніяхъ, ресторанахъ и т. п., а также прикрѣплены на разныхъ видныхъ мѣстахъ города.

Со времени же объявленія Сербіею войны, съ особенною быстротою стали развиваться сборъ въ такъ называемыя летучія кружки, которыя существовали, сверхъ нашей комиссіи, въ Обществѣ попеченія о раненыхъ и въ Дамскомъ кружкѣ.

При всемъ стремленіи подчинить эту отрасль сбора такому порядку, при которомъ былъ бы возможенъ точный его учетъ, комиссіи это не удалось; а между тѣмъ ей было офиціально сообщено объ открытыхъ частныхъ злоупотребленіяхъ этого рода сборомъ. Сверхъ того, между сборщиками Славянскаго комитета и сборщиками Дамскаго кружка стали возникать взаимныя неудовольствія, потребовавшія отъ комиссіи особыхъ мѣръ къ ихъ прекращенію.

При такомъ положеніи дѣла, большинствомъ голосовъ комиссіи рѣшено было отказаться вовсе отъ этого способа сбора пожертвованій и обратить усиленныя заботы на развитіе другихъ

отраслей дохода, а именно: на развитіе летучаго сбора въ провинціи, на разстановку возможно большаго числа кружекъ въ торговыхъ заведеніяхъ, ресторанахъ, магазинахъ, на заводахъ и фабрикахъ, и въ вагонахъ конно-желѣзныхъ дорогъ гг. Башмакова и Губонина.

По ходатайству баронессы фонъ-Визе, получено разрѣшеніе И. Т. Осинина на разстановку кружекъ въ с.-петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ.

Всего, до настоящаго времени, поставлено наружныхъ кружекъ 5, разставлено постоянныхъ 466 и выдано летучихъ 142: по городамъ разослано 245.

Лица, съ особеннымъ усердіемъ, неизмѣннымъ постоянствомъ и несомнѣнною пользою для дѣла потрудившіяся на этомъ поприщѣ, суть: баронесса Т. К. фонъ-Визе и А. Н. Юсифидисъ: затѣмъ, видное участіе въ этомъ трудѣ принимали К. И. Янкую, А. С. Аксакова, А. В. Васильева, А. В. Васильевъ и М. В. Поповъ.

V. Сборныя книжки.

Сборныя книжки, кромѣ членовъ С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета, выдавались, по выбору, и такимъ лицамъ, которыя заявляли о своемъ желаніи вступить въ члены отдѣла, но не могли этого достигнуть вслѣдствіе того, что отдѣлъ въ теченіе лѣта вовсе не собирался.

Семьдесятъ книжекъ послано было въ ржевскую городскую думу, по числу ея гласныхъ.

Кромѣ обыкновенныхъ сборныхъ книжекъ, розданныхъ въ числѣ 966, выдана особая шнуровая книга доктору философіи Кауфману, для сбора пожертвованій между с.-петербургскими евреями.

VI. Свидѣтельства на устройство сборовъ въ провинціи.

Таковаго рода свидѣтельства выданы:

- а) М. А. Языкову, для сбора въ Новгородѣ и въ Новгородской губерніи.
- б) И. М. Падейскому—для губерніи Таврической.
- в) Ген.-лейт. К. К. Рейнцу—для Финляндіи и въ особенности для Гельсингфорса.
- г) Князю А. В. Шахматову—для Саратова и Саратовской губерніи.
- д) Ю. Д. Косиѣрскому—для

Нижняго Новгорода и Нижегородской губерніи. е) Т. С. Борисову—для Иванова-Вознесенскаго. ж) Г. Пашкевичу—для Новгородъ-Стверскаго. з) С. Н. Лопатину—для Ярославля и Ярославской губерніи. и) П. М. Карякину—для Твери и Тверской губерніи. і) В. В. Прену—для Боровичъ и Боровицкаго уѣзда. к) П. В. Алабину—для Самары и Самарской губерніи.

Сверхъ того, для учрежденія сбора въ провинціи, комисіею были наряжены: Н. А. Кирѣевъ, І. П. Печаткинъ, К. Д. Елисѣевъ, Г. М. Окуневъ и Аѳ. В. Васильевъ.

Поѣздки этихъ лицъ, независимо отъ увеличенія денежныхъ средствъ комисіи, имѣли своимъ послѣдствіемъ привлеченіе въ С.-Петербургскій отдѣлъ Славянскаго комитета множества новыхъ членовъ, въ томъ числѣ двухъ архіереевъ, нижегородскаго епископа Іоаннискія и—украшеніе русской церкви—архіепископа казанскаго Антонія.

Въ этомъ отношеніи особыя заслуги предъ С.-Петербургскимъ отдѣломъ Славянскаго комитета имѣютъ Аѳ. В. Васильевъ и Г. М. Окуневъ.

VII. Братская помощь.

Подъ этимъ именованіемъ комисіа предполагала выдѣлить изъ себя нѣсколько (шесть) членовъ, чтобы поручить имъ завѣдываніе особаго рода сборомъ, именно: періодическимъ отчисленіемъ извѣстной доли (не менѣе 1%) содержанія или дохода. на которое готовы были довольно многія правительственныя и общественныя учрежденія и которое еще прежде предложили вносить въ кассу комисіи нѣкоторые изъ членовъ С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета.

Осуществить свое намѣреніе въ задуманномъ ею видѣ комисіа по обстоятельствамъ не успѣла и принуждена была ограничиться печатнымъ объявленіемъ о томъ, что учрежденія и лица, желающія жертвовать въ видѣ періодическихъ отчисленій, приглашаются пересылать свои жертвы особо для сего назначенному казначею комисіи, Н. В. Кидошенкову.

По недавнему устанавленію сего сбора, трудно еще опредѣлить, на сколько его поступленіе оправдываетъ ожиданія комисіи.

VIII. Увеселенія.

Гулянья были устроены: а) въ Петербургѣ: въ яхтъ-клубѣ, въ Крестовскомъ саду, въ саду Ливадія, въ саду Баварія и въ лѣтнемъ помѣщеніи русскаго купческаго общества для взаимнаго вспоможенія. Кромѣ того, въ театрѣ Ливадіи госпожами Валдайскою и Васильевою былъ устроенъ спектакль любителей.

б) въ 3-мъ Парголовѣ два музыкальные утра: въ томъ числѣ одно, — устроенное знаменитымъ кружкомъ пѣвцовъ-любителей, подъ управленіемъ М. А. Бермана.

в) въ Павловскѣ — два музыкальные вечера: одинъ при участіи того же кружка, г-жи Крассовской-Вейнбергъ, гг. Горбунова, Вейнберга и др.; а другой, — при особенномъ содѣйствіи г-жи Тимановой. Въ Павловскомъ театрѣ, подъ управленіемъ г. Федотова, устроено было представленіе съ участіемъ В. В. Самойлова.

г) Въ паркѣ и театрѣ Лѣснаго корпуса устроено было гулянье и художественный вечеръ по почину Ѳ. П. Баймакова (принявшаго на себя, вмѣстѣ съ Н. И. Мачихинимъ, всѣ издержки по устройству вечера) и при ближайшемъ содѣйствіи В. И. Аристова.

д) Въ селѣ Александровскомъ — музыкальный вечеръ, подъ управленіемъ гр. Люксембурга.

IX. Изданія.

а) «Братская Помочь». Выручкою отъ изданія этого сборника еще въ началѣ іюля былъ покрытъ долгъ комисіи кассѣ С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета—въ 3,000 руб., — который былъ сдѣланъ при началѣ герцеговинскаго возстанія, въ виду неотложной необходимости послать въ помощь бѣдствующимъ герцеговинскимъ семействамъ какую-либо сумму и въ виду крайней скудости средствъ только что возникавшаго въ ту пору сбора.

б) «Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ». Брошюра г. Гладстона, въ переводѣ на русскій языкъ гг. Побѣдоносцева и Бестужева-Рюмина.

Этотъ переводъ предпринять, какъ многимъ изъ васъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, по особенному случаю. М-ръ Александеръ, членъ одного изъ либеральныхъ клубовъ въ Англии и одинъ изъ главнѣйшихъ зачинщиковъ въ устройствѣ тѣхъ митинговъ, посредствомъ коихъ часть англійскаго народа протестуетъ противъ политики настоящаго министерства, повергнувшей Англiю въ бездну повора, обратился, съ разрѣшенiя г. Гладстона, къ нашей комисiи съ предложенiемъ перевести на русскiй языкъ его послѣднюю брошюру: «Болгарскiе ужасы и восточный вопросъ», съ предоставленiемъ выручки отъ продажи на нужды балванскихъ Славянъ.

Это предложенiе было принято комиссiею съ должнымъ вниманiемъ: брошюра г. Гладстона, благодаря усердiю переводчиковъ, переведена была, какъ говорятъ въ народѣ, обыденкой, и издана съ предисловiемъ К. П. Побѣдоносцева и письмомъ г. Александра. Пущенная по дешевой цѣнѣ, она расходуется весьма быстро; до сего времени продано и роздано на комиссiю 5,200 экз. и приготовлено къ разсылкѣ еще свыше 4-хъ тысячъ экз. Вырученныя отъ продажи этой брошюры деньги поставлено обращать на нужды Болгарiи.

На возвратномъ пути изъ Москвы г. Александеръ посѣтилъ засѣданiе комиссiи и былъ принятъ съ привѣтствiями, на которыя отвѣчалъ искреннею и сердечною рѣчью. Желаютiе найдуть болѣе подробное описанiе этого засѣданiя въ № 231 «Русскаго Мiра».

в) А. Н. Майковъ предложилъ комиссiи издать на ея средства въ пользу балванскихъ Славянъ его статьи: «Начало Москвы» и «Начало восточнаго вопроса». Предложенiе это принято съ благодарностiю и означенныя статьи поступили уже въ печать.

Печатанiе «Братской помочи» произведено безмездно разными типографiями; статьи А. Н. Майкова печатаются бесплатно въ типографiи г. Голике; переводъ брошюры г. Гладстона отпечатанъ въ типографiи II Отдѣленiя, и есть надежда, что, по соблюденiи необходимыхъ формальностей, высшее начальство типографiи освободитъ комиссiю отъ платы за печать.

Значительная часть бумаги на помянутыя изданiя пожертвована гг. Варгунинымъ, Печаткинымъ и Пожарскимъ.

Х. Книги.

Изъ пожертвованій книгами болѣе другихъ обращаетъ на себя вниманіе даръ нашего сочлена И. А. Лишина—1000 экз. его сочиненія «Изъ военной практики».

О другихъ не упоминаю ради краткости.

ХІ. Рисунки.

Въ числѣ средствъ для возбужденія къ жертвованіямъ немалое значеніе имѣла даровая раздача рисунковъ, которые печатала коммисія частію на свои средства, частію на средства жертвователей.

Такъ, въ августѣ были напечатаны во множествѣ портреты героевъ возстанія съ клише, подареннаго г. Иероглифовымъ. Въ настоящее время бесплатно печатаются г. Мигѣшинымъ (на бумагѣ коммисіи), въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, портреты князя и княгини сербскихъ, М. Г. Черняева и павшихъ въ бою героевъ, Н. А. Кирѣева и Н. Н. Раевского, а также имъ-же сочиненный рисунокъ «Балканская мученица».

ХІІ. Вещевыя пожертвованія.

а) Г. Ольхинымъ пожертвована древняя икона Божіей Матери въ драгоценномъ окладѣ.

б) Г. Лилиенфельдомъ сто ружей.

в) Г. Антокольскимъ мраморный бюстъ Петра I (оцѣненный для продажи въ 1,800 р.).

г) Неизвѣстнымъ—20 тыс. аршинъ солдатскаго сукна.

д) Г. Мейнгардтомъ—два прибора хирургическихъ инструментовъ.

Относительно правильнаго устройства сбора вещейхъ пожертвованій, въ числѣ другихъ предположеній, поданъ коммисіи особенно достойный вниманія проектъ Г. Д. Похитоновымъ, до сихъ поръ еще не рассмотрѣнный во всѣхъ его частяхъ и не приведенный въ исполненіе, но обещающій весьма обильные сборы. Немедленное рассмотрѣніе этого проекта и возможно быстрое его осуществленіе составляютъ одну изъ первыхъ заботъ коммисіи.

ХІІІ. Заемъ.

Нѣкоторые изъ членовъ комисіи принимали самое дѣятельное участіе въ реализаціи сербскаго правительственнаго займа. Въ счетъ этого займа, сербское правительство получило авансомъ 1 м. р., съ тѣмъ условіемъ, чтобы дальнѣйшая выдача авансовъ послѣдовала не прежде погашенія перваго аванса чрезъ продажу соотвѣтственнаго количества облигацій. Но такъ какъ, по современному состоянію биржи, надѣяться на быструю распродажу сербскихъ облигацій на 1 м. р. невозможно, а между тѣмъ нужды сербскаго правительства съ каждымъ днемъ возрастаютъ и дѣлаются настоятельными, — комисіа поставила себѣ въ обязанность устремить на этотъ предметъ все свое вниманіе и изыскать средства къ ускоренной выдачѣ сербскому правительству новыхъ суммъ въ счетъ его займа, не ожидая погашенія перваго милліона. Чѣмъ кончатся заботы и ходатайства объ этомъ комисіи, отдѣлъ узнаетъ въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.

Благодаря всѣмъ вышепоименованнымъ мѣрамъ, собранныхъ комисіею суммъ, отъ 21-го сентября 1875 г. по 8-е октября 1876 г. вѣлучительно, по ея казначейскимъ книгамъ значится:

810,699 р. 9³/₄ к.

Въ томъ числѣ:

а) Дополнительныхъ членскихъ взносов	365 р.	к.
б) По сборнымъ книгамъ	35,197 — 77 —	
в) Церковнаго сбора изъ петербургскихъ церквей .	42,529 — 32 ¹ / ₂ —	
г) Кружечнаго сбора изъ постоянныхъ кружекъ .	6,579 — 68 ¹ / ₄ —	
д) Личнаго (въ Петербургѣ)	74,221 — 38 ¹ / ₂ —	
е) Личнаго (иногороднаго)	12,474 — 20 —	
ж) Сборныхъ петербургскихъ	60,676 — 97 —	
з) Сборныхъ иногородныхъ	472,113 — 4 ¹ / ₂ —	
и) Отъ редакцій	50,702 — 57 ¹ / ₂ —	
і) Разныхъ поступленій	55,839 — 14 ¹ / ₂ —	

Итого . . . 810,699 р. 9³/₄ к.

Изъ полученныхъ Коммисіею пожертвованій она считаетъ своею обязанностію отмѣтить слѣдующія два:

а) 10,000 р., которые она имѣла счастье принять отъ щедротъ Ея Императорскаго Величества, для препровожденія бѣдствующимъ болгарскимъ семействамъ.

б) 40,000 р., переданные въ ея распоряженіе С.-Петербургскимъ Кредитнымъ обществомъ изъ 200,000 р., отчисленныхъ симъ обществомъ въ пользу Славянъ.

II.

Расходы комисіи.

Расходы, которые производились комисіею до сербской войны и до болгарской бойни, были однообразны: они шли исключительно на пособія семействамъ герцеговинскихъ и боснійскихъ воиновъ, искавшимъ спасенія въ бѣгствѣ и нашедшимъ прибѣжище въ сосѣднихъ странахъ, преимущественно въ Черногоріи. Въ то время единственною почти заботою комисіи по расходованію суммъ было опредѣлить, на основаніи доставленныхъ ей данныхъ, куда, сколько и черезъ кого слѣдуетъ послать денегъ. Съ конца же іюня мѣсяца въ дѣлахъ ея произошло коренное измѣненіе: чисто благотворительныя распоряженія должны были посторониться, и на главный планъ выступили заботы о Сербіи, сербской арміи и ея славномъ вождѣ, въ руки котораго Провидѣнію угодно было передать судьбу роковой въ исторіи славянства минуты. Главнѣйшіе расходы комисіи были обращены на слѣдующіе предметы:

I. Санитарная часть.

Первымъ дѣломъ комисіи, въ этомъ новомъ направленіи ея дѣятельности, было отправленіе на театръ военныхъ дѣйствій врачей, фельдшеровъ, фельдшерлицъ и сестеръ милосердія. Ею отправлено было:

Врачей	8.
Студентовъ и фельдшеровъ	13.
Фельдшерлицъ	6.
Сестеръ милосердія	2.

На путевое довольствіе было выдано: врачамъ по 175 р., а лицамъ прочихъ категорій по 125 р. На жалованье было назначено: врачамъ по 100 р., а прочимъ лицамъ по 50 р. въ мѣсяць.

Издержки на этотъ предметъ были значительно облегчены нѣкоторыми изъ членовъ отдѣла; такъ: князь А. И. Васильчиковъ внесъ 600 р. на отправленіе и содержаніе врача: гг. Струговщиковы—на тотъ же предметъ также 600 р.; Н. О.—2 т. р. на отсылку въ Сербію врачей; Г. А. Деволанъ принялъ на свой счетъ содержаніе двухъ фельдшеровъ.

На содержаніе сформированнаго въ Дерптѣ санитарнаго отряда, по ходатайству профессора Висковатова, выдано комиссіе въ пособіе 3 т. р.

Самоотверженіе лицъ нашего санитарнаго отряда, по общимъ единодушнымъ отзывамъ, выше всякой похвалы. Имена гг. Островскаго и Щербака, и въ особенности врачей-женщинъ — Р. С. Святловской и г-жи Зибольдъ, завѣдывающихъ госпиталемъ «женскаго дружелюбія» въ Бѣлградѣ, останутся на вѣки въ памяти тѣхъ лицъ, которыя пользовались ихъ уходомъ. По необыкновенной скромности, эти особы, обѣ кончившія курсъ въ бернскомъ университетѣ и получившія тамъ степень доктора, согласились ѣхать въ Сербію на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ отправлялись фельдшера; но ихъ свѣдѣнія и дарованія были такъ скоро и такъ блистательно засвидѣтельствованы опытомъ, что комиссія поспѣшила уравнивать ихъ въ содержаніи съ врачами, выдала имъ дополнительные подъемныя деньги и, сверхъ того, положила выдавать по 25 р. въ мѣсяць на содержаніе ребенка г-жи Святловской, который оставленъ былъ ею на рукахъ ея сестры и имѣлъ несчастіе, въ самый день отъѣзда матери, захворать тифомъ. Князь сербскій и раненные офицеры, за коими ходила г-жа Святловская, узнавъ объ этомъ, прислали ему, въ ознаменованіе своей признательности къ его матери, разнаго рода подарки.

Комиссія приняла мѣры къ тому, чтобы удержать посланныхъ ею лицъ и на зимнее время.

II. Посылка добровольцевъ.

Еще настоятельнѣе была нужда въ отправленіи въ сербскую армию лицъ, способныхъ оказать ей дѣйствительную помощь въ веденіи войны. Такихъ лицъ, благодаря одушевленію, внезапно охватившему всю Россію, нашлось не мало; въ помѣщеніи комисіи, на лѣстницѣ, ведущей въ ея помѣщеніе, и, наконецъ, на площади передъ ея домомъ, собирались въ дни пріема толпы народа, съ предложеніемъ своихъ услугъ. При такомъ наплывѣ, оказался настоятельно необходимымъ, сколь возможно, строгій разборъ, который порученъ былъ сперва генералу Дандевилу и полковнику Липину, а за отъѣздомъ ихъ изъ Петербурга, возложенъ на полковника Вульфферта, шурина М. Г. Черняева.

Сначала русскимъ добровольцамъ выдавалось по 125 р. пугтевыхъ, какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ. къ чему офицерамъ добавлялось по 50 р. подъемныхъ. Въ послѣдствіи, по указанію опыта, рѣшено было выдавать офицерамъ по 200 р., а нижнимъ чинамъ по 100 р. Наконецъ, съ сентября мѣсяца, когда признано было необходимымъ отправлять добровольцевъ не иначе, какъ партіями, подъ начальствомъ избраннаго на то офицера, нижнимъ чинамъ денегъ на руки не выдаютъ почти совсѣмъ, за исключеніемъ самыхъ мелкихъ суммъ для удовлетворенія ихъ неотложныхъ нуждъ. Они получаютъ отъ комисіи обмундированіе, небольшое денежное пособіе для оставляемыхъ ими семействъ; остальные затѣмъ (до ста руб.) деньги отсылаются, для своевременной выдачи по частямъ, въ Бѣлградъ, уполномоченному комисіи генералу Дандевилу, на случай болѣзни добровольца или возврата его на родину.

Сверхъ денежнаго пособія, добровольцамъ выдавались даровые билеты на проѣздъ по желѣзной дорогѣ сперва только отъ С.-Петербурга до Варшавы, а потомъ и отъ Варшавы до границы. Этою великодушною помощію совѣтъ Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и правленіе варшавско-вѣнской дороги оказали комисіи неоцѣненное благодѣяніе, за которое она считаетъ своимъ долгомъ свидѣтельствовать имъ свою глубокую и искреннѣйшую признательность. Особою благодарностію она

обязана г. предсѣдателю совѣта Главнаго общества, В. А. Половцеву, къ которому прежде всего было поручено предсѣдателю комисіи обратиться отъ ея имени и который принялъ это обращеніе съ самымъ теплымъ сердечнымъ сочувствіемъ.

Всего по 1-е октября отправлено добровольцевъ:

а) Непосредственно Комисіею:	генералъ	1.
»	шт.-офицеровъ	17.
»	оберъ-офицеровъ	343.
»	нижнихъ чиновъ	289.
»	разночинцевъ	176.

б) Изъ Варшавы Н. Г. Черняевымъ 31 офицеръ.

в) Изъ Ковна ген.-м. Зотовымъ 12 офицеровъ.

Засимъ, комисіею назначено и выдано:

а) 25,000 р., въ распоряженіе М. Г. Черняева, для снаряженія офицеровъ-добровольцевъ изъ С.-Петербурга.

б) 30,000 р., на отправленіе 150 донскихъ казаковъ, въ полномъ вооруженіи, съ лошадьми. Не возможно при этомъ пройти молчаніемъ высокія заслуги въ этомъ дѣлѣ высокопреосвященнѣйшаго Платона, архіепископа Донскаго, который своимъ возвышеннымъ словомъ весьма много способствовалъ тому необычайному одушевленію, которое объяло его воинственную паству. Имя его занесено будетъ на страницы исторіи.

О русскихъ добровольцахъ много распространено недоброй молвы, которая отчасти, конечно, ими заслужена, но, съ другой стороны, замѣтно преувеличена недоброжелателями славянскаго дѣла. Нерѣдко въ вину имъ ставятъ какіе-нибудь пустяки. А какъ часто приходилось намъ быть свидѣтелями такихъ возвышенныхъ и трогательныхъ чертъ, о которыхъ на всю нашу жизнь сохранится утѣшительное и свѣтлое воспоминаніе и которыя способны внушить художнику высокій творческій помысль, но которыя останутся въ безвѣстности. Для наблюденія за посланными отъ комисіи добровольцами, по ея просьбѣ, отправился въ Бѣлградъ генералъ-маіоръ В. Д. Дандевиль, который принялъ на себя такое же порученіе и отъ Московскаго Славянскаго комитета и который своимъ присутствіемъ въ Бѣлградѣ приносить, по отзыву митрополита сербскаго и другихъ свидѣтелей, необыкновенную пользу дѣлу вообще.

III. Одежда, обувь, бѣлье.

Эти предметы до сентября посылались въ Сербію сравнительно въ небольшомъ количествѣ. Но 4-го сентября комиссіею были получены отъ Черняева двѣ телеграммы слѣдующаго содержания:

а) «Ради Бога! пришлите, какъ можно скорѣе, шинели для войска, плащи солдатскіе, или другіе какіе, теплыя пальто для офицеровъ: становится холодно, особенно ночью. Присылайте партиями, но только, ради Бога, скорѣе».

б) «Прошу васъ выслать возможно скорѣе русскихъ сапоговъ 600 паръ для русскихъ; обувь сильно изнашивается. Опанокъ имъ носить невозможно, потому присланная обувь окажется истиннымъ благодѣяніемъ. Было бы хорошо прислать сапоги двухъ, трехъ мѣръ».

О немедленной присылкѣ сапоговъ и шинелей телеграфировалъ одновременно и прибывшій въ ту пору въ Бѣлградъ генералъ Дандевиль.

На удовлетвореніе этихъ потребностей комиссіи удалось получить, въ видѣ пожертвованія, 20,000 аршинъ сукна и 2,000 аршинъ подкладочнаго холста, изъ коихъ 16,000 аршинъ сукна отправлены для шитья шинелей въ Московскій Славянскій комитетъ, а 4,000 аршинъ шьются здѣсь, подъ наблюденіемъ члена комиссіи А. Б. Асланбекова.

Сверхъ того, разными лицами изъ Кронштадта пожертвовано болѣе 400 шинелей.

Одновременно съ симъ, комиссія озаботилась шитьемъ бѣлья для добровольцевъ изъ пожертвованнаго ей холста. Часть бѣлья изготовляется бесплатно дѣтьми Александровскаго пріюта. Для офицеровъ бѣлье, теплыя фуфайки и чулки (въ общей сложности на 2,000 р.) поручено купить въ Пештѣ иромскому православному священнику—отцу Михаилу Петровичу Мансиѣтову. Сапоговъ для сербской арміи приобрѣтено въ разное время до 7,000 паръ, отъ 2 до 5 руб. за пару. Въ послѣднее время комиссія предпочитала посылать такъ называемые осташи. Однимъ учрежденіемъ обѣщано 1,000 паръ сапоговъ, которые комиссіею еще не получены. На зимнее время покупаются для сербской

арміи дубленые полушубки, при посредствѣ купца Маркова, частью готовые въ С.-Петербургѣ, частью по заказу въ Шуѣ.

Полушубки покупались до сего времени: по 4 р. 50 к. длинные и по 3 р. 35 к. короткіе. Въ послѣднее время, вслѣдствіе обширныхъ заказовъ военнаго министерства, цѣна на нихъ значительно поднялась. Всего по настоящее время отправлено полушубковъ 2,000 штукъ.

IV. Пособія семействамъ добровольцевъ.

На этотъ предметъ поступаютъ иногда въ комисію особо назначенныя суммы, изъ коихъ болѣе другихъ значительная — 2,000 р. — пожертвована Сельско-хозяйственнымъ клубомъ въ С.-Петербургѣ.

Изъ этого источника выдано пособіе г-жѣ Перевозниковой, у которой въ рядахъ сербской арміи бьются три сына (двое отправлены на средства комисіи, а третій уѣхалъ на свой счетъ).

Въ будущемъ предстоятъ по этой статьѣ очень значительныя расходы, къ которымъ комисіи слѣдуетъ приготовляться.

V. Ссуды въ счетъ сербскаго займа.

Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, вслѣдствіе заявленія сербскаго уполномоченнаго г. Протича о крайне стѣснительномъ положеніи сербской государственной казны, комисіею постановлено было выдать, подъ его росписку, заимообразно 30,000 р., въ счетъ займа, съ возвратомъ изъ перваго аванса, который въ ту пору надѣялось получить и въ послѣдствіи получило сербское правительство. Ссуда эта до сихъ поръ остается невозвращенною. А между тѣмъ 29-го и 30-го сентября отъ генерала Черняева комисія получила, одну за другою, двѣ настоятельныя телеграммы о безотлагательной присылкѣ 100,000 червонцевъ, въ счетъ сербскаго займа. Содержаніе и тонъ телеграммъ исключали всякую возможность промедленія, и потому комисія, снесшись предварительно съ Московскимъ Славянскимъ комитетомъ, рѣшила послать въ распоряженіе князя Милана почти всю свою наличность—100,000 р.

въ видѣ ссуды, подлежащей возврату изъ первыхъ новыхъ поступлений въ сербскую казну въ счетъ займа. Такимъ образомъ всего въ долгу за сербскимъ правительствомъ у комисіи состоить 130,000 р.

VI. Уполномоченные комисіи.

а) Въ концѣ мая комисіа отправила въ Болгарію В. С. Ионина, выдавъ ему на нужды страждущихъ Болгаръ 10,000 р. Поѣздка эта имѣла своимъ послѣдствіемъ учрежденіе въ Букарестѣ болгарскаго центрального благотворительнаго общества, въ которомъ г. Ионину предложено званіе почетнаго предсѣдателя.

б) Слухи о накопленіи въ Румыніи толпы людей, устремившихся въ Сербію, но не имѣвшихъ средствъ до нея добраться, и надежда найти между ними извѣстное число вполне годныхъ для сербской арміи лицъ побудили комисію обратиться къ своимъ сочленамъ И. А. Лишину и Г. А. Деволану съ просьбою принять на себя трудъ этого разбора и снаряженія годныхъ изъ означенной толпы въ Сербію. При этомъ И. А. Лишину было поручено еще другое, болѣе важное дѣло, связанное съ отправленіемъ въ Сербію Донцовъ.

На исполненіе обоихъ порученій гг. Лишину и Деволану былъ выданъ авансъ въ 15,000 р. Въ личное же содержаніе г. Лишину назначено по 250 руб. въ мѣсяць, кромѣ 750 руб., выданныхъ единовременно на подъемъ.

в) О порученіи, данномъ генераль-маіору Дандевилю, было уже говорено выше. Здѣсь я позволю себѣ только привести отзывъ о немъ митрополита сербскаго, изъ котораго ясно видно, какое прекрасное впечатлѣніе произвелъ въ Бѣлградѣ избранный нами уполномоченный.

«Комисіа прекрасно сдѣлала, — пишетъ высокопреосвященный Михайлъ, — распорядившись послать въ Бѣлградъ своего уполномоченнаго. Дѣла добровольцевъ пошли гораздо лучше съ тѣхъ поръ, какъ ихъ принялъ въ свои руки генераль Дандевиль».

Ни истинныя достоинства, ни оказанная дѣлу очевидная польза, не охранили однако генерала Дандевилья отъ весьма чувстви-

тельныхъ неудовольствій и личныхъ потерь, причиненныхъ ему недоброжелательствомъ. За всѣмъ тѣмъ онъ извѣщаетъ комиссію, что онъ готовъ подвергнуться всѣмъ лишеніямъ и личнымъ неудобствамъ, но порученіе комиссіи исполнить до конца, свято.

Въ содержаніе и на подъемъ генералу Дандевилю назначены тѣ же суммы, какъ и полковнику Лишину.

г) Князь В. П. Мещерскій, отъѣзжая въ Сербію на нѣкоторый срокъ (онъ уже вернулся), предложилъ комиссіи свои услуги и, по ея предложенію, согласился поступать въ распоряженіе генерала Дандевила; на его отправленіе комиссія ничего не расходовала.

VII. Выдачи денегъ консуламъ и другимъ лицамъ.

а) Сербской княгинѣ Наталіи:	29 декабря .	5,000	}	20,000	
»	»	17 апрѣля .			5,000
»	»	8 іюля .			10,000
б) Князю Николаю	18 марта .	10,000	}	20,000	
»	»	13 сентября			10,000
в) А. С. Юнину	6 марта .	40,000	}	128,312. 50	
»	»	22 мая .			60,000
»	»	5 мая .			16,312. 50
»	»	23 іюня .			2,000
»	»	8 іюля .			10,000
г) А. Н. Кудрявцеву	18 марта .	10,000	}	9,003	
д) Е. П. Новикову	17 апрѣля .	10,000			
ж) Гирсу	17 апрѣля .	1,500			
з) В. С. Юнину	26 мая .	10,000			
и) Зиновьеву	10 іюня .	3,003			
»	»	8 іюля .	3,000	}	
»	»	1 сентября	3,000		
к) Одесскому Болгарскому настоя-	»	»	»	}	
тельству	8 іюля .	5,000			
л) К. И. Иванову (въ Кишиневѣ)	9 іюля .	5,000			
м) М. Г. Черняеву (черезъ Ана-	»	»			
стасіевича)	»	5,000			
н) Сербскому правительству зай-	»	»			
мообразно	31 іюля .	30,000			
— Сербскому правительству зам-	»	»			
ообразно	1 окт. .	100,000			
»	»	»			

о) Сербскому агенту въ Бухарестѣ. 31 іюля .	1,000	}	4,000
» » » » » 8 іюля .	3,000		
п) Бѣлградскому консулу Карцеву 28 іюля .	2,009. 3	}	15,009. 3
» » » » » 8 іюля .	10,000		
» » » » »	3,000		

Примѣчаніе. Не всѣ перечисленныя здѣсь суммы составляютъ самостоятельный расходъ; часть ихъ была поименована выше и здѣсь упоминается вновь только для полноты параграфа.

VIII. Расходы хозяйственные и канцелярскіе.

Расходы на наемъ помѣщенія для комисіи, на содержаніе канцеляріи, служителей, на телеграммы, канцелярскіе матеріалы и т. п. могутъ быть занимательны для васъ только своимъ размѣромъ. О томъ, соотвѣтствуетъ ли ихъ размѣръ потребности, вамъ доложить въ свое время избранная вами ревизіонная комисія.

Потребность же въ этихъ расходахъ — равно какъ и мѣра труда должностныхъ лицъ комисіи — опредѣляется до нѣкоторой степени размѣромъ дѣлопроизводства, о которомъ можно составить себѣ понятіе изъ слѣдующихъ цифръ.

Въ теченіе года поступило 8,030 денежныхъ пакетовъ.

Выдано квитавцій 11,380.

Изъ нихъ 8,000 послано по почтѣ.

Прекращеніе на лѣтнее время засѣданій С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета поставило Комисію, какъ единственную его представительницу, въ необходимость замѣнять его въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ. Многія совершившіяся въ теченіе лѣта событія потребовали особенныхъ со стороны комисіи заявленій, на которыя она получала въ свое время сообразные ея заявленіямъ отвѣты и привѣты. Такъ, на примѣръ, комисія послала:

а) 19-го іюля, поздравленіе княгинѣ черногорской Миленѣ съ побѣдою, одержанной надъ Турками ея доблестнымъ супругомъ.

б) 3-го августа, поздравленіе князю Милану съ рожденіемъ первенца.

в) 8-го августа, членами отдѣла А. В. Фрейгангомъ, Л. В. Березинымъ и Т. И. Филипповымъ было представлено А. А. Чер-

няевой заявленіе комисіи о ея глубокомъ и почтительномъ сочувствіи къ положенію ея самой, ея семьи и ея супруга.

г) 14-го августа, поздравленіе князю сербскому и М. Г. Черняеву съ побѣдою Сербовъ надъ Турками (при Алексинцѣ).

д) 28-го сентября—поздравленіе М. Г. Черняеву съ званіемъ шефа русскаго баталіона русско-сербскаго отряда и благодарное заявленіе офицерамъ, извѣстившимъ объ этомъ комисію. Кроме отвѣтовъ на эти заявленія, комисія получала въ разное время благодарственные адреса и письма, напримѣръ:

- а) Изъ Верхней Краины—отъ Словинцевъ.
- б) Отъ властей Пожарсвацкаго округа.
- в) Отъ митрополита бѣлградскаго Михаила.
- г) Отъ княгини Наталіи сербской.
- д) Отъ князя Николая черногорскаго.
- е) Множество телеграммъ.

Большая часть этихъ взаимныхъ привѣтствій между комисіею и тѣми, кому она служила своими трудами, была въ свое время обнаружена и многимъ изъ васъ, безъ сомнѣнія, извѣстна.

Этимъ заключается настоящій докладъ, который не представляетъ собою полнаго отчета въ дѣйствіяхъ комисіи за то время, которое она провела безъ ближайшаго наблюденія уполномочившаго ее отдѣла, а изображаетъ только такія черты ея дѣятельности, которыя, по ея убѣжденію, должны имѣть въ вашихъ глазахъ особенное значеніе. Къ составленію болѣе подробнаго отчета она уже приступила и въ свое время представить его на разсмотрѣніе избранной вами ревизіонной комисіи.

Являясь передъ вами въ послѣднюю минуту своего отдѣльнаго существованія, комисія приноситъ вамъ, Мм. Гг., свою глубокую признательность за то счастье, которое, благодаря вашему избранію, она испытала, послуживъ, въ мѣрѣ своего разумнія и своихъ силъ, великому и священному дѣлу, привлекающему къ себѣ взоры всего міра.

Предсѣдатель Т. Филипповъ, казначей Н. Петровъ,
секретарь В. Аристовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ

СЛАВЯНСКІЙ СБОРНИКЪ

томъ третій,

ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ ЧЛЕНА СЛАВЯНСКАГО КОМИТЕТА

П. А. ГИЛЬТЕНБРАНДА.

640 страницъ. Ц. 3 руп.

СОДЕРЖАНІЕ ЕГО СЛѢДУЮЩЕЕ:

I. Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ (по неизданнымъ Итальянскимъ памятникамъ—профессора В. В. Манушева.—II. Общественные и государственные вопросы въ Польской литературѣ XVII вѣка (Введение.—I. Шляхта: 1) паны и шляхта; 2) воспитаніе и общественныя школы; 3) домашняя жизнь шляхты)—профессора В. В. Манушева. — III. Отрывки Византийскаго эпоса въ Русскомъ. Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ (текстъ и объясненія)—профессора А. Н. Веселовскаго. — IV. Слѣды Русскаго вліянія на старо-Польскую письменность—профессора В. В. Манушева.—V. Сербскія житія и лѣтописи, какъ источникъ для исторіи южныхъ Славянъ въ XIV и XV вѣкахъ—В. В. Качановскаго.—VI. Резья и Резьяне—профессора И. А. Бодуна-де-Нуртоне. — VII. Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ. Южно-Итальянская война (1156—1157)—профессора В. Г. Васильевскаго.—VIII. Краковская академія наукъ (Историко-библиографическій очеркъ)—А. И. Никиора.—IX. Институтъ Османскихъ во Львовѣ—А. И.—X. Библиографическія замѣтки. (Отзывъ Поляка о Герцеговинскомъ возстаніи и о Герцеговинцахъ.—Элза Реклю о Босніи и Герцеговинахъ.—Еще о Турецкихъ Сербяхъ.—Воспоминанія о Бѣградѣ.—Отзывъ Поляка о Болгарахъ.—Древняя республика Дубровницкая.—Новое изданіе Болгарскихъ народныхъ пѣсень.—Новый трудъ: «Введение въ исторію Славянской литературы».—Проектъ Энциклопедіи Польскихъ древностей.—Этнографическое изслѣдованіе Оскара Кольберга о Краковякахъ.—Латинско-Польскій словарь рѣченій Магдебургскаго права.—Черты общественной жизни въ современной Чехіи.—Карлъ Либельтъ—О современномъ состояніи языковѣдѣнія у Поляковъ)—П. А. Черняковскаго—XI. Каница, Этнографическій очеркъ Болгаръ—въ переводѣ Е. П. Барсовой. — XII. Войтеха Кевтржинскаго, о Мазурахъ—въ переводѣ В. Недзвецкаго.—XIII. Крестьяне въ Польшѣ наканунѣ послѣдняго ея раздѣла—въ переводѣ П. А. Черняковскаго.—XIV. Указатель.

Требованія о высылкѣ адресуются: въ Петербургъ, въ Петербургскій отдѣлъ Славянскаго Влаготворительнаго Комитета.

Складъ изданій Петербургскаго Отдѣла находится въ помѣщеніи Отдѣла у Александринскаго театра, въ домѣ Императорскаго Русскаго музыкальнаго Общества.

ПОДПИСКА НА 1877 ГОДЪ.

(ГОДЪ 31-й)

ГАЗЕТА МУЗЫКИ, ТЕАТРА И ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ „МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ“.

Будетъ выходить въ будущемъ 1877 году еженедѣльно, въ количествѣ 50 нумеровъ въ годъ, отъ 1—2 листовъ убористой печати и будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

1) **Театральная и концертная панорама.** Еженедѣльный полный обзоръ спектаклей, концертовъ и другихъ явленій общественной, театральной и музыкальной жизни. 2) **Критика и библиографія.** Подробный разборъ и критическая оцѣнка всѣхъ выдающихся новостей отечественной и иностранной музыкальной литературы. 3) **Биографіи знаменитыхъ художниковъ, артистовъ и музыкантовъ,** съ приложеніемъ ихъ портретовъ. 4) **Историческіе обзоры музыки, театра и изящныхъ искусствъ у разныхъ народовъ и въ разные периоды ихъ существованія.** 5) **Корреспонденціи изъ всѣхъ городовъ Россіи и главнѣйшихъ городовъ Западной Европы.** 6) **Хроника текущихъ театральныхъ и музыкальныхъ явленій.** 7) **Беллетристика.** Романы, повѣсти, рассказы, комедіи, драмы и т. п. 8) **Стихотворенія.** Романы безъ музыки,—отдѣлъ, предназначенный специально для композиторовъ, затрудняющихся въ выборѣ стиховъ для романсовъ. 9) **Смѣсь.** Маленькіе рассказы и анекдоты изъ жизни артистовъ, характеризующіе ихъ; шутки, каламбуры и разныя извѣстія и курьезы музыкальнаго и театрального міра. 10) **Фельетонъ и пр.** 11) **Музыкальныя и театральныя новости,**—отдѣлъ, на который обращено особенное вниманіе редакціи и изъ котораго почти всѣ періодическія изданія дѣлаютъ заимствованія.

Въ газетѣ принимаютъ постоянное участіе: **С. В. Вуражовскій** (исторія театра), **А. П. Галлеръ** (библиографія), **И. Н. Измайловъ** (клубныя сцены), **Н. П. Карцовъ** (*C'est moi*, музыкальные и театральные обзоры), **М. В. Кариловъ** (Кари́чевъ, биографіи и драматическая литература), **И. И. Калашниковъ** (стихотворенія), **И. А. Кузминскій** (корреспонденціи изъ Одессы), **Г. А. Длинный** (Нивьянскій, стихотворенія), **Михневичъ** (очерки исторіи музыки), **А. А. Солозовъ** (театральныя выписки, беллетристика и критика), **В. Солозовъ** (профессоръ московской консерваторіи, московскіе музыкальные обзоры), **И. А. Устиновъ** (корреспонденціи изъ Харькова), **А. П. Толченовъ** (театральные обзоры и воспоминанія), **М. П. Федоровъ** (разныя извѣстія) и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

На годъ, съ 1-го января по 1-е января:	На полгода, съ 1-го іюля по 1-е января:
Безъ доставки 4 р. 50 к.	Безъ доставки 2 р. 50 к.
Съ доставкою и пересылк. 5 > 50 >	Съ доставкою и пересылк. 3 > — >

Подписчики на газету будутъ получать, въ видъ безплатной преміи, одну музыкальную пьесу.

годъ 31-й. ЖУРНАЛЪ „МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ“, годъ 31-й.

по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будетъ и въ 1877 году выходить ежемѣсячно тетрадами отъ 50—60 страницъ музыки, что составитъ въ годъ коллекцію нѣтъ болѣе чѣмъ 650 страницъ музыки, т. е. по магазиннымъ цѣнамъ, болѣе чѣмъ на сто р.

Каждая тетрадь будетъ заключать въ себѣ одну трудную пьесу, пять, шесть и болѣе пьесъ салонныхъ, два или три танца и два романа. Кромѣ того, въ теченіи года будетъ помѣщено шесть пьесъ въ четыре руки.

Имена слѣдующихъ русскихъ композиторовъ встрѣтятся на страницахъ «Музыкальнаго Свѣта»: **А. Рубинштейна, Чайковскаго, Ц. Кюи, Даргомыжскаго, Стрѣва, Дюта, Соловьева, Галлера, Лешетицкаго, Направника, Рейнболда, Рама** и другихъ, и иностранныхъ композиторовъ: **Листа, Литольфа, Вагнера, Верди, Сенъ-Санса, Гуно, Кирхнера, Цельнера, Раффа, Страуса, Лисона, Оффенбаха** и другихъ.

Подписчики на журналъ «Музыкальный Свѣтъ» получатъ въ премію двѣ полныхъ оперы для фортепiano на выборъ изъ пятидесяти нумеровъ, и газету.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ СЪ ГАЗЕТОЮ: Безъ доставки 10 руб.; съ доставкою и пересылкой 11 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи «Музыкальнаго Свѣта», на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ № 27 (Лѣвникова), надъ Милютинимъ рядомъ.

Редакторъ-Издатель **И. П. Карцовъ.**

О ПОДПИСКѢ НА 1877 ГОДЪ НА „ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

Большой иллюстрированный журналъ въ родѣ «The Illustrated London News», «The Graphic», «Leipziger Illustrirte Zeitung», «Illustration», «Monde Illustré», «Univers Illustré».

Съ 1-го января 1877 г. журналъ «Всемирная Иллюстрація» начнетъ IX годъ (т. е. томы XVII и XVIII) своего существованія и будетъ выходить также аккуратно, какъ и въ прошлые года, ежеежедневно (т. е. 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большого двойнаго листа самой лучшей бумаги, и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

«Всемирная Иллюстрація», благодаря своей аккуратности и строгому выполнению программы, приобрѣла въ теченіи восьмилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, «Всемирная Иллюстрація» стремится къ улучшенію и принимаетъ въ соображеніе желанія подписчиковъ, не останавливаясь передъ расходами и всегда давая больше, чѣмъ обещала.

Убѣжденная, что въ теченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя, Редакція считаетъ излишними всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобы оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

ПРОГРАММА „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“.

I. Политическій отдѣлъ. Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ.—II. Внутреннія извѣстія. Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Гербальника. Судебная дѣтонисъ.—III. Язычная словесность. Повѣсти, рассказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.—IV. Науки и искусства. Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и пр., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п.—V. Прикладныя науки и промышленность. Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и пр.—VI. Критика и библиографія. Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная дѣтонисъ. Обзоръ журналовъ.—VII. Театральныя и музыкальныя обзоры. Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ. Музыкальныя пьесы (вогъ).—VIII. Смѣсь и новости. Мелкія литературныя, художественныя и ученые извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п.—IX. Фельетонъ. Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр.—X. Юмористическій листокъ. Каррикатуры.—XI. Шахматныя задачи, ребусы и т. п.—XII Частныя объявленія.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ» НА 1877 Г.

ВЪ РОССІИ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 13 р. Съ доставкою 14 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ 14 р. Съ пересылкою въ другіе города 16 р.
ЗА ГРАНИЦЕЙ, съ доставкою по адресу: Въ государства, подписавшія новую почтовую конвенцію, т. е. во всѣ Европейскія государства, въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, въ Азіатскую Турцію, Египетъ, Британскую Индію (кромя острова Цейлона), Гренландію (черезъ Данію) и испанскія владѣнія въ Африкѣ 17 р., въ Южную Америку 22 р., въ Австралію, Китай и Япоцію 25 р.

Главная контора Редакціи «Всемирной Иллюстраціи» находитъ въ С.-Петербургѣ, по Бол. Садовой ул., д. Коровина, № 16.

Редакторъ-Издатель «Всемирной Иллюстраціи» Германъ Гоппе.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ М. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; А. Лага, на Кузнецкомъ Мосту.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1877 ГОДЪ

VIII ГОДЪ.

„НИВА“

VIII ГОДЪ.

иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни.

выходить еженедѣльно, т. е. 52 № въ годъ (около 900 страницъ большаго формата in Quarto), болѣе 700 художественно выполненныхъ рисунковъ, съ особымъ даровымъ ежемѣсячнымъ приложеніемъ

„ЦАРЬЖОКІЯ МОДЫ“

(около 400 модныхъ рисунковъ въ годъ и около 350 рисунковъ выкроекъ) и

РАЗНЫМИ ДРУГИМИ ПРЕМІЯМИ,

будетъ издаваться въ 1877 по той же программѣ, какъ и прошедшія семь лѣтъ. Подписка принимается въ Спб., въ Конторѣ Редакціи, по Б. Морской, № 9.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“,

съ правомъ на полученіе всѣхъ бесплатныхъ премій въ теченіе 1877 года:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р. — к.
Безъ доставки въ Москвѣ, черезъ И. Г. Соловьева, А. Ланга и А. Ф. Живарева	4 р. 50 к.
Съ доставкою въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Имперіи	5 р. 50 к.

«НИВА» въ продолженіи семи лѣтъ своего существованія поставила себѣ задачей быть не только самымъ дешевымъ журналомъ въ Россіи, но и быть наилучшимъ общественнымъ и общепользнымъ журналомъ для семейнаго чтенія въ Россіи.

ПРЕМІИ, которыя мы уже нѣсколько лѣтъ давали нашимъ гг. подписчикамъ, а въ особенности премія, выданная въ 1876 году, большая олеографическая картина, напечатанная масляными красками, подъ названіемъ «СПЯЩАЯ БРАСАВИЦА», имѣетъ достоинства, которыхъ никто не можетъ не оцѣнить и мы уже получили многочисленные благодарности за нее. Мы имѣли возможность дать такую олеографическую картину, какъ премію 1876 года, только при такомъ значительномъ количествѣ подписчиковъ (около 25,000).

Что касается до ПРЕМІИ 1877 года, то онѣ будутъ имѣть совершенно такое же и даже большее достоинство, за исполненіе же обѣщаетъ и ручается прежнее семилѣтнее веденіе нами дѣла.

С.-Петербургъ.

Издатель «Нивы» А. Ф. Марксъ.

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ГАЗЕТА МѢСТНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемая въ г. Орлѣ, подъ редакціей А. Н. Чудинова, княземъ Н. Н. Оболенскимъ, будетъ выходить въ 1877 году по прежнему два раза въ недѣлю.

Въ составъ программы входятъ всѣ обычные газетные отдѣлы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 1/2 года.	На 3 мѣсяца.
Безъ доставки	5 руб. 50 к.	3 руб. — к.	1 руб. 75 к.
Съ доставкою	6 > — >	3 > 50 >	2 > — >
Съ пересылкою	6 > 50 >	3 > 75 >	2 > 25 >

Подписка на газету и объявленія принимается:

Въ г. Орлѣ, въ конторѣ типографіи и редакціи князя Н. Н. Оболенскаго. Статьи для помѣщенія въ газетѣ, а также періодическія изданія, адресуются: въ г. Орелъ, на имя редактора И. А. Чудинова, Зяновьевская ул., собств. д.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1877 ГОДУ „НОВОРОССІЙСКАГО ТЕЛЕГРАФА“

газеты политической, экономической и литературной.

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1877 году ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, листами большого формата, по той же программѣ и съ тѣми же отдѣлами, какъ въ 1876 году.

Съ 1877 года **НИЛЬ АДМИРАРИ** (Л. К. Панютинъ) будетъ въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Новороссійскаго Телеграфа».

ОБЪЯВЛЕНІЯ, печатающіяся въ «Нов. Тел.», будутъ бесплатно вывѣшиваться на главныхъ станціяхъ одесской желѣзной дороги и будутъ такимъ образомъ ежедневно распространяться на протяженіи около тысячи верстъ въ районѣ четырехъ губерній Новороссійскаго края. Право вывѣшивать 4-ю страницу газеты на главныхъ станціяхъ одесской желѣзной дороги исключительно принадлежитъ «Новороссійскому Телеграфу».

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Соборной площади, въ домѣ Папудова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣсцъ.
Съ пересылкою или доставкою	12 р.	7 р.	4 р.	1 р. 35 к.
Безъ доставки или пересылки	10 р.	6 р.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено при годовой подпискѣ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодовые (6 руб.), или по четвертямъ года (3 руб.)—но всегда впередъ.

Для различныхъ казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій допускается выписка газеты въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ предложеніямъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1877 года.

Заявленія, предложенія, статьи, корреспонденціи и письма адресуются въ Одессу, въ редакцію «Новороссійскаго Телеграфа».

Редакторъ В. Золотовъ. Издатель М. Осинцовъ.

ПОДПИСКА

НА

„ДОНСКУЮ ГАЗЕТУ“

НА 1877 г.

(ГОДЪ ПЯТЫЙ).

Редакція „Донской Газеты“ нашла возможнымъ, съ будущаго 1877 года, понизить цѣну на это изданіе, не уменьшая количества 100 номеровъ въ годъ, при чемъ количество политическихъ извѣстій, если военныя событія продолжатся, будетъ увеличено. Телеграммы же о важнѣйшихъ внутреннихъ и вѣнскихъ событіяхъ во всякомъ случаѣ будутъ помѣщаемы въ „Донской Газетѣ“, цѣна которой назначается въ слѣдующемъ размѣрѣ, съ доставкою на домъ и пересылкою по почтѣ:

За годъ, съ 1-го января 1877 по 1-е января 1878 года	6 р.
< полгода	3 > 50 к.
> мѣсяць	— > 75 >

Отдѣльные номера по 10 копѣекъ.

Подписка принимается: въ г. Новочеркасскѣ, въ Конторѣ Редакціи, на Платовскомъ проспектѣ, въ домѣ Карасева.

Abonnements-Einladung

auf den

„St. Petersburger Herold“.

Der „St. Petersburger Herold“ ist das grösste in deutscher Sprache erscheinende politische Organ Russlands, denn der „St. Petersburger Herold“ erscheint täglich (mit Ausnahme Montags) in der Stärke von wenigstens zwei Bogen — Format der Wiener Presse; — auch ist der „St. Petersburger Herold“ das alleinige Blatt Russlands, welches regelmässige wöchentliche Gratis-Beilagen hat, und zwar

Donnerstags die Gratis-Beilage: Feuilleton-Beiblatt.

Freitags die Gratis-Beilage: Börsen-Kalender,

Sonntags die Gratis-Beilage: Land- und Hauswirthschaftliche Zeitung.

Die Montagsnummer des „St. Petersburger Herold“, von überwiegend feuilletonistischem Charakter mit interessanten Artikeln aus allen Gebieten, Plaudereien aus allen Hauptstädten, sowie aus den grösseren Provinzial-Städten, Novellen, Humoresken, Kritiken, Biographien u. s. w. nebst politischer Wochenübersicht, neuester Post und neuesten Depeschen, hat wenigstens den Umfang von einem Bogen desselben Formats.

Laut der dem verantwortlichen Herausgeber des „St. Petersburger Herold“ ertheilten Kaiserlichen Konzession erscheint der „St. Petersburger Herold“ ohne Präventiv-Censur. Das Programm des „St. Petersburger Herold“ ist das weitgreifende eines internationalen Vermittlungsorganes; und zwar ist der „St. Petersburger Herold“ ein wahrheitsgetreuer Berichterstatter über alle Vorgänge auf dem Gebiete der Politik und Gesellschaft, des Handels und der Industrie, der Kunst und der Wissenschaft, wie überhaupt aller Länder — besonders Deutschlands und Oesterreich-Ungarns, — so in erster Linie

RUSSLANDS,

in welcher letzteren Hinsicht der „St. Petersburger Herold“ namentlich auch die Ausschauungen der gesammten russischen Presse dem Auslande treu vermittelt und mit unparteiischer Kritik begleitet.

Der „St. Petersburger Herold“ enthält in leicht übersichtlicher Reihenfolge nachstehende tägliche Rubriken: I. Offizieller Theil. Allerhöchste Manifeste und Reskripte, Kaiserliche Erlasse und Verordnungen der Regierung; amtliche Bekanntmachungen der einzelnen Ministerien und Behörden: Personalnachrichten — Ernennungen, Auszeichnungen, Beurlaubungen, Entlassungen; Gesetzsammlung. — II. Nicht-Offizieller Theil. a) Politischer Theil: Leitartikel, kürzere Besprechungen der wichtigsten Vorgänge, russische Rundschau; allgemeine Wochenübersicht; tägliche Original-Korrespondenzen, abwechselnd aus allen Theilen des Inlandes, wie aus dem Auslande; reichhaltige neueste politische Nachrichten; Verhandlungen der russischen Gouvernements-Versammlungen und Landtage; Parlaments-Verhandlungen des Auslandes; vermischte Nachrich-

ten aus allen Ländern; neueste Post; Telegramme. b) **Lokaler Theil.** Besprechungen der wichtigsten Stadtereignisse; reichhaltige **Original-Nachrichten**; Gerichtszeitung; Berichte über die Stadtverordneten-Versammlungen; statistische Mittheilungen; Nachrichten und Berichte über Gesellschaften und Vereine; Polizeiberichte; Nachrichten aus der Umgegend der Hauptstadt. c) **Wirtschaftlicher Theil:** nationalökonomische Leitartikel, Besprechung der wichtigsten Vorgänge auf den Gebieten der Finanzen, des Handels und der Industrie; Börsen- und Handelsnotizen aus dem Inlande und aus dem Auslande; Schiffsliste; Ziehungslisten; Patenttheilungen; Nachrichten über die russischen Banken; Eisenbahn-Nachrichten; industrielle Nachrichten; russische Fallissements-Nachrichten; Briefkasten der Handelszeitung; Telegramme. d) **Feuilleton** — erscheint gleichfalls täglich: Plaudereien aus St. Petersburg und aus anderen Städten Russlands; Briefe aus den Hauptstädten des Auslandes; Theater-Recensionen und Kunstkritiken überhaupt; wissenschaftliche Aufsätze; Kunst- und Literaturberichte aus dem Inlande und aus dem Auslande; Biographien; **Original-Romane** und **Novellen** bewährter Autoren. Im Januar 1877 beginnen wir im täglichen Feuilleton mit dem für das Feuilleton des „St. Petersburger Herold“ geschrieben spannenden grossen Romane von **Rudolph Gottschall**: „**Weiße Blätter**“. e) **Vermischtes:** kirchliche Anzeigen; meteorologische Mittheilungen von physikalischen Central-Observatorium in St. Petersburg; Witterungsberichte; Eisenbahn Fahrplan; Dampfschiffahrt; Familien-Nachrichten, Theater- und Vergnügungs-Anzeiger; Fremdenliste; allgemeiner Briefkasten. f) **Annoncen.**

Der Abonnemenstpreis für den „St. Petersburger Herold“ mit Zustellung in St. Petersburg beträgt: 13 Rubel für das Jahr; 7 Rubel für $\frac{1}{2}$ Jahr; 3 Rubel 75 Kop. für $\frac{1}{4}$ Jahr; 1 Rubel 25 Kop. für den Monat. An allen andern Orten Russlands mit Zustellung: 14 Rubel für das Jahr; 7 Rubel 50 Kop. für $\frac{1}{2}$ Jahr; 4 Rubel für $\frac{1}{4}$ Jahr; 1 Rubel 50 Kop. für den Monat.

Abonnements, ausser direkter Aufgabe bei der unterzeichneten Administration nehmen an: in Moskau: Buchhand. I. Deubner; Buchhandl. B. Post (vorm. Suthoff); N. A. Meyer, Saoljanka, Haus Baburin; C. E. Stephany, Miljutinskij-Pereulok, Haus Karloni. In Warschau: Ed. Wende & Co. In Riga: Buchhandl. A. Deubner; Annoncen-Expeditions-Bureau Hugo Langewitz. In Reval: Buchhandl. Kluge & Ströhm; Buchhandl. F. Wassermann. In Mitau: Buchhandl. F. Besthorn; Buchhandl. Friedr. Lukas. In Dorpat: Buchhandl. E. I. Karow. In Fellin: Buchhandl. E. I. Karow; Buchhandl. G. Aerfeld. In Walk: Buchhandl. Moritz Rudolf. In Pernau: R. Jakob & Co. In Goldingen: Buchhandl. F. Besthorn. In Helsingfors: O. Gesellius. In Libau: Buchhandl. G. E. Zimmermann. In Kijew: Buchhandl. H. Larchellin. In Lodz: Buchhandl. C. Richter. In Wilna: E. T. Lambeck. In Bjalostok: Buchhandl. Kaplan. In Charkow: Karl Steiner. In Odessa: Buchhandl. E. Bernd; sowie alle Agenturen der „Russischen Gesellschaft Internationaler Angelegenheiten“.

Inserate finden durch den „St. Petersburger Herold“ nicht nur in St. Petersburg, sondern auch in allen Theilen Russlands bis in die entferntesten Provinzen Russlands die weiteste Verbreitung. Auch wird der „St. Petersburger Herold“ auf allen Stationen sämtlicher russischen Eisenbahnen einzeln verkauft, ebenfalls auch auf den Strassen von St. Petersburg und Moskau.

Zu recht zahlreichem Abonnement ladet ergebenst ein

Die Administration des „St. Petersburger Herold“.

St. Petersburg, Wosnessenskij-Prospekt (Blaue Brücke) № 3.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1877 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГИЕНЫ

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“

ДЛЯ ВРАЧЕЙ, ПУБЛИКИ И ЗЕМСТВА,

ВЫХОДЯЩЕЙ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Сообщеніе новостей въ области медицины и гигиены, разсмотрѣніе профессиональных и общественныхъ вопросовъ, ознакомленіе публики и земства съ главными положеніями общественной гигиены и медицины, и пр. — вотъ въ главныхъ чертахъ задачи «Врачебныхъ Вѣдомостей».

Еще очевиднѣе земствъ и врачей. Въ 1877 г. «Врачебныя Вѣдомости» расширяютъ справочный отдѣлъ преимущественно о свободныхъ вакансіяхъ въ земствахъ, городахъ, войскахъ и пр., чтобы земскія учрежденія могли получать свѣдѣнія о лицахъ, желающихъ поступить на медицинскую службу, и чтобы врачи получали своевременныя извѣстія о свободныхъ мѣстахъ и условіяхъ службы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ. На 6 мѣс. На 3 мѣс. На 1 мѣс.

Безъ пересылки.	6 р.	4 р.	2 р.	75 к.
Съ доставкой и пересылкой.	8 „	5 „	3 „	1 р. — „

Подписка принимается: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на углу большой Садовой и Кокушкина переулковъ, д. Вуча и, сверхъ того, въ книжныхъ магазинахъ гг. Исавова, Попова, Риккера, Чересова, въ «магазинѣ для иногороднихъ» и др. Въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ Соловьева и въ «центральному». Въ Кавказѣ—въ магазинѣ Восточная Двѣра. Гг. иногородные адресуютъ письма и требованія исключительно въ контору редакціи «Врачебныхъ Вѣдомостей». Въ конторѣ редакціи имѣется ограниченное число экземпляровъ изданій за 1876 годъ, которые высылаются желающимъ брошюрованными по цѣнѣ 8 р. за годовое изданіе.

Редакторъ-издатель *И. А. Илинскій.*

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1877 ГОДУ

„БУДИЛЬНИКА“

САТИРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА СЪ ХРОМО-ЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ
РИСУНКАМИ И КАРРИКАТУРАМИ.

НА ГОДЪ: Безъ доставки 6 р. Съ доставкою 7 р. Съ пересылкою въ города 7 р. 50 к. НА ПОЛГОДА: Безъ доставки 3 р. 50 коп. Съ доставкою 4 руб. Съ пересылкою 4 р. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ—въ редакціи (на Большой Никитской) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Кромѣ Москвы подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: С.-Петербурга, Одессы, Харькова, Полтавы, Курска, Орска, Мценска и Воронежа.

При XII кн. «Русской Старины» рассылаются (для иногородн. подп.) объявленія о подпискѣ на журналы: I. «ДѢЛО», II. «ВСЕМИРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ» и III. «СВѢТЛАЯ ЗВѢЗДА» (для городскихъ и иногород. подп.).

дымъ годомъ вышла и кон, такъ какъ указъ объ экипажѣ, болѣе уничтожилъ, нежели возвысилъ наше шляхетство: ибо однимъ дворьянамъ запретили ѣздить въ каретахъ, когда не имѣютъ оецицерскаго чина, а другимъ отняли право быть на дворянскихъ сѣздахъ и выборахъ, когда тоже не имѣютъ оецицерскаго чина. Купцы же все сіе могутъ дѣлать, ибо они, не служа, ѣздить въ каретахъ и сѣзжаются на свои выборы» (69).

Живя въ Лондонѣ, авторъ постоянно интересовался русскими и Россією. Такъ, онъ сообщаетъ свѣдѣнія о русскихъ, бывшихъ за границею, о тульскихъ оружейникахъ, находившихся въ Лондонѣ (145, 179), проситъ прислать ему продолженіе исторіи кн. Щербатова, исторію русской коммерціи Чулкова, дѣлаетъ замѣчанія о «Дѣяніяхъ Петра Великаго» Голякова (109, 160). Не можемъ не привести здѣсь отрывка его по поводу почальной участи, постигшей Радичева: «La condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extrême. Quelle sentence et quel adoucissement pour une étourderie! Que fera-t-on pour un crime et pour une révolte en forme? Dix ans de Sibérie est pire que la mort pour un homme qui a des enfans, avec lesquels ou il faut qu'il se sépare ou qu'il les prive d'éducation et de service, s'il les prend avec lui. Cela fait frémir» (181). Въ Радичеву не разъ снова обращается авторъ писемъ (212, 231). Безъ сомнѣнія, гр. С. Р. были известны близкимъ и повровительственнымъ отношеніямъ его брата къ Радичеву, который сблизился съ нимъ по служебнымъ отношеніямъ (см. Воронц. Арх. т. V. 284—400 и др.).

Вторую половину IX тома Архива занимаетъ переписка гр. Воронцова съ Екатериною II, вел. кн. Павломъ Петровичемъ, в. княземъ Остерманомъ, гр. Н. П. Руяновымъ, гр. Марковымъ, П. А. Зубовымъ, гр. А. А. Безбородко и др., преимущественно дѣловой содержанія. Въ концѣ же ихъ приложены три записки С. Р. Воронцова къ Безбородко о французской революціи, русскихъ ея влияніяхъ и польскихъ дѣлахъ.

Напомнимъ еще читателямъ, что автобіографіи обоихъ братьевъ Воронцовыхъ были уже напечатаны въ V и VIII томахъ Архива. Письма гр. С. Р. Воронцова писаны болѣею частью по-французски.

Сборникъ газеты «Сибирь». Т. I. 1876 г. Спб. 484. Ц.

Кромѣ статей, имѣющихъ мѣстный этнографическій интересъ (каковы: о байкальскихъ старообрядцахъ, очерки нижне-колымскаго края, остатки язычества у якутовъ), въ сборникѣ напечатаны также матеріалы, относящіяся къ исторіи Сибири,

какъ то: матеріалы къ біографіи Словцова, матеріалы для исторіи Киргизской степи (1823—1826 г.) и рапортъ Иркут. воен. губери. Лецапо по дѣлу о Сибиряковѣ и Мыльниновѣ 1802 г., съ весьма характеристическими отзывами, сделанными рукою Пестеля (461—481).

Историческая записка о 2-й Мазан. гимназіи, сост. препод. Поро. Г'воздевымъ. Казань. 1876. 407.

Составитель записки излагаетъ исторію гимназіи со времени 1835 г., и раздѣляетъ ее на четыре части: 1) часть учебная; 2) часть дисциплинарная; 3) часть хозяйственная; 4) часть служебная. Кромѣ того, здѣсь приложены: списокъ чиновниковъ гимназіи и свѣдѣнія объ ученикахъ послѣдней за 40 лѣтъ.

Жизнь и дѣятельность Н. Д. Ивановича, ректора университета св. Владиміра. А. В. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1876. 320. Ц. 1 р. 25 к.

Отдѣльный оттискъ изъ сборника «Древняя и Новая Россія». Слѣдя за жизнью и дѣятельностью Н. Д. Ивановича, авторъ даетъ очерки жизни и воспитанія городского духовенства въ Кіевѣ во второй половинѣ 20-хъ годовъ, изъ среды котораго происходилъ Ивановичъ; характеристику преподаванія въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ продолжалъ свое образованіе Ивановичъ; говоритъ о пребываніи молодыхъ русскихъ ученыхъ за границею въ 30-хъ годахъ; разсказываетъ первоначальную исторію Кіевского университета, которому была посвящена большая часть дѣятельности Ивановича. Подробно слѣдитъ авторъ за судьбами университета до устава 1863 года, давая при этомъ очерки преподаванія юридическихъ наукъ, жизни ученой среды, тѣхъ условій, при которыхъ развивалась тогдашняя научная дѣятельность въ Россіи. Наконецъ, онъ переходитъ къ состоянію университета послѣ реформы 1863 г. и дѣятельности Ивановича въ званіи ректора его. Не менѣе подробно останавливается онъ на дѣятельности Ивановича въ кіевской археогр. комисіи, гдѣ послѣдній былъ вице-президентомъ, и на его научной и публицистической дѣятельности. Въ заключеніе авторъ касается участія Ивановича въ званіи члена юридической комисіи въ Варшавѣ, образованной въ 1869 г. по инициативѣ Н. А. Милютина, и послѣднихъ лѣтъ жизни Ивановича въ Кіевѣ, по выходѣ въ отставку, проведенныхъ имъ почти въ совершенномъ уединеніи отъ свѣта.

Въ этомъ трудѣ собрано много интересныхъ данныхъ, какъ для исторіи юридическихъ наукъ въ Россіи вообще, такъ и для исторіи Кіевского университета.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1877 г.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАВАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные имѣютъ присылать свои требованія, адресуя такъ: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“. Надеждинская улица, д. № 42, кв. 12.

Въ „Русской Старинѣ“, помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраний.—IV. Жизнеописанія и повне матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусства и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовья и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовныя и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года, цѣна **ВОСЕМЬ** рублей безъ переплета и 11 руб. въ переплетѣ, съ перес. „Русская Старина“ 1876 г., двѣнадцать книгъ, 8 руб.